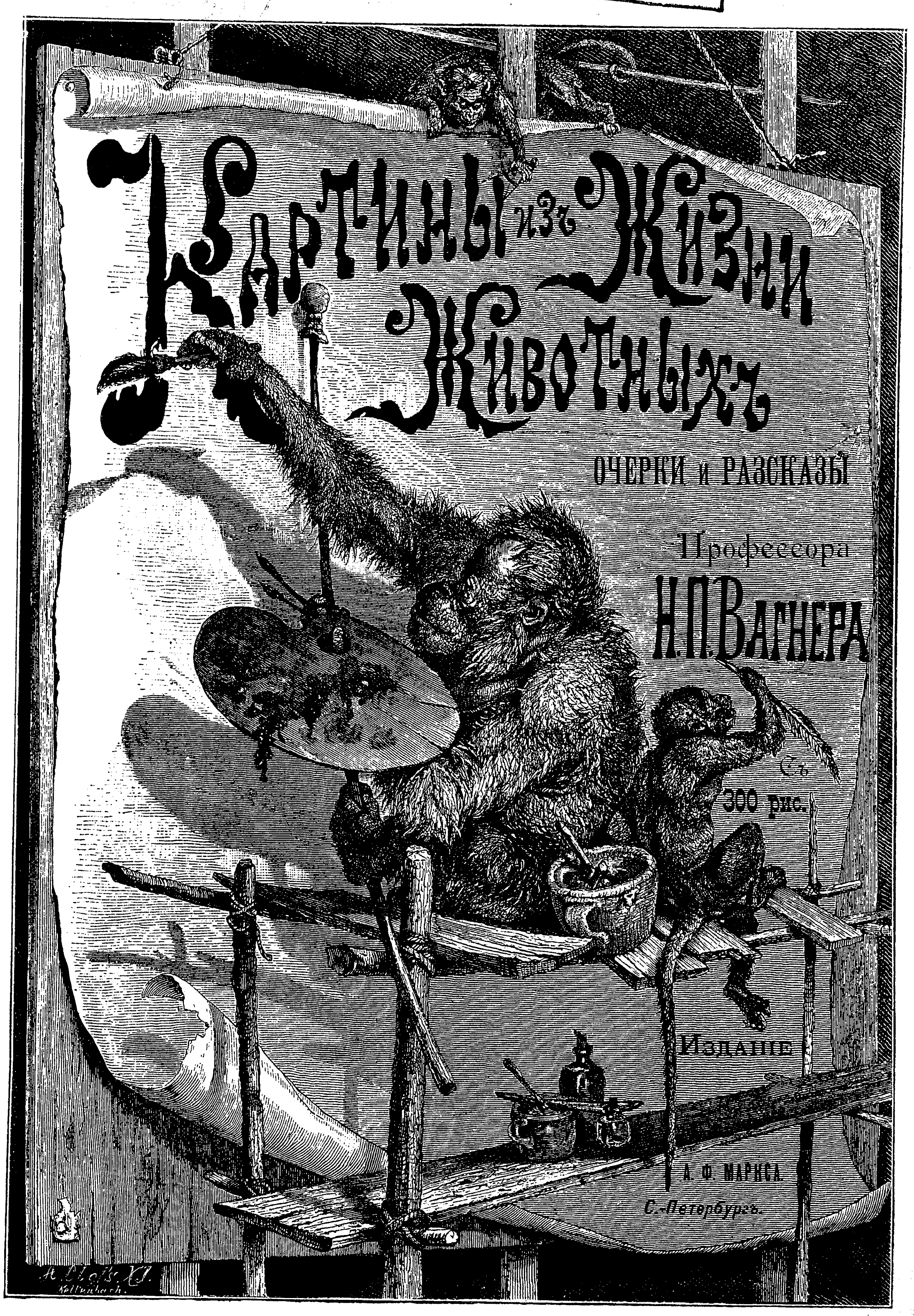

Картины изъ жизни животныхъ
ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ
Профессора
Н.П. ВАГНЕРА
Съ
300 рис.
Издание
А. Ф. МАРКСА.
С.-Петербургъ.

КАРТИНЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ЖИВОТНЫХЪ.

Съ **300** рисунками

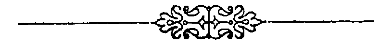
Ю. Адама, Л. Бекмана, I. Вольфа, А. Вѣрушъ-Ковальскаго, Н. Каразина, А. Кившенко, В. Кунерта, Н. Сверчкова, А. Шпехта и Ф. Шпехта.

ОЧЕРКИ

заслуженнаго профессора

Н. П. ВАГНЕРА,

почетнаго члена разныхъ ученыхъ обществъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. Маркса.

Рисунки дозволены цензурою СПБ. 24 августа 1901 года.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайловскій просп., № 29.

Предисловіе.

Въ зоологической литературѣ нѣтъ сочиненія, которое знакомило бы читателя со средой, окружающей животное,—сочиненія, которое сразу представляло бы ему животное съ его типическими особенностями. Въ настоящей книгѣ я старался пополнить этотъ недостатокъ. Каждое болѣе или менѣе замѣчательное животное я старался выставить въ его рельефномъ видѣ, среди окружающей его природы.

Книга моя, я полагаю, можетъ дать каждому богатый матеріалъ для знакомства съ жизнью животныхъ, съ ихъ привычками, особенностями, повадками, съ ихъ образомъ жизни.

Разсматривая эту жизнь, мы найдемъ двѣ стороны, къ которымъ она стремится. Но не только эта жизнь, а вся природа направляется къ этимъ двумъ полюсамъ,—къ жизни въ одиночку и къ общественной, соціальной жизни. Къ первымъ принадлежатъ: всѣ хищники, ко второй—всѣ травоядники.

Я желалъ указать, что жизнь ихъ отличается всѣми тѣми качествами, которыя доводятъ животное до совершенства, возможнаго во всѣхъ его органахъ и ихъ употребленіи. Но жизнь въ одиночку дѣлаетъ животное эгоистомъ, заботящимся только о своей индивидуальности, тогда какъ въ жизни соціальной такъ или иначе вырабатываются зачатки жизни общественной.

Жизнь цѣлымъ обществомъ даетъ животному возможность, общими силами и трудомъ всѣхъ членовъ, доводить почти каждую функцію до совершенства.

У животнаго, живущаго въ одиночку, вмѣстѣ съ эгоизмомъ развивается антипатичное злобное чувство вражды къ своимъ собратьямъ. Его чутье направлено на поиски запаха крови, и его агрессивные органы инстинктивно ищутъ себѣ работы. Кровь пролита—и онъ удовлетворенъ, пьетъ ее съ жадностью.

Во взаимной привязанности матери къ ея дѣтямъ проявляются трогательные примѣры альтруистической любви, къ которой стремится все любящее человѣчество. Къ этой же любви стремится по нормальному пути все живое—все полное нѣжной, глубокой привязанности къ брату, другу, матери, и чѣмъ сильнѣе эта привязанность, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ организмъ животнаго, тѣмъ ярче выражаются конечныя цѣли этой привязанности.

Н. Вагнеръ.

Оглавленіе.

Рисунки.

Алфавитный указатель рисунковъ.

I.

ОБЕЗЬЯНЫ.

Обезьяны.

1. Американскіе лазуны и ревуны.

Перенесемтесь на югъ, туда, гдѣ всѣ условія жизни достигаютъ необычайной силы, до крайней точки напряженія. Мы въ первобытномъ дѣвственномъ лѣсу Южной Америки. Мы на томъ длинномъ перешейкѣ, который соединяетъ Сѣверную и Южную Америку. Насъ поразитъ прежде всего невиданная картина лѣсовъ, громоздящихся другъ на другѣ. Это лѣса въ нѣсколько ярусовъ, въ нѣсколько этажей, лѣса изъ огромныхъ деревьевъ, передъ которыми наши европейскія деревья кажутся маленькими карликами.

Темно-синее небо чуть-чуть виднѣется надъ нашими головами сквозь густую чащу вѣтвей. Горизонта нѣтъ, онъ весь потонулъ въ могучей, въ страшной растительности. Она странна, необычайна своей удивительной мощью. Здѣсь все полно жизни и все стремится къ ней. Здѣсь растенія всползаютъ другъ на друга, чтобы захватить хоть маленькое пространство для ихъ корней.

Человѣкъ недоумѣваетъ, теряется передъ этой гигантской силой растеній. Онъ хочетъ проникнуть въ глубь лѣса и не можетъ. На каждомъ шагу онъ долженъ бороться съ крѣпкими и цѣпкими ліанами. Онѣ вездѣ и всюду преграждаютъ ему дорогу. Каждый шагъ онъ долженъ брать съ бою, вырубать его топоромъ и обходить непроходимыя, густо заросшія, чащи, или перерубать твердыя, крѣпкія вьющіяся растенія. Онъ осматривается кругомъ, ищетъ гдѣ-нибудь просвѣта и видитъ, что вдали, почти на самомъ горизонтѣ, возвышаются волнообразныя линіи горъ. Онъ всматривается и съ ужасомъ убѣждается, что и эти мнимыя горы—гигантскія деревья, растущія группами.

Съ вершинъ этихъ деревьевъ свѣшиваются опять ліаны, опутывающія эти вершины. Съ нихъ онѣ спускаются на землю и ползутъ, ползутъ на многія версты и всюду даютъ побѣги, побѣги, какъ бы доказывающіе ихъ необычайную силу. Громадныя, гигантскія тилландіи въ пучкахъ своихъ листьевъ у ихъ основанія всегда содержатъ воду, и въ этой водѣ привольно растетъ одно изъ водяныхъ растеній (Utricularia nelumbifolia)—съ ярко-красными цвѣтами и съ круглыми листьями, какъ у нашихъ водяныхъ лилій. Она также выпускаетъ побѣги, и каждый такой побѣгъ отправляется странствовать, отыскивать новые пучки листьевъ съ новыми водоемами, въ которыхъ онъ найдетъ новыя условія для жизни его потомства.

Вотъ что говоритъ объ этихъ гигантскихъ тропическихъ лѣсахъ путешественникъ-натуралистъ Чуди: «Всѣ отдѣльныя подробности этихъ лѣсовъ удивительны, но нигдѣ нѣтъ цѣльной картины. Это—множество организмовъ, нагроможденныхъ другъ на друга и лишенныхъ гармоническаго единства. Человѣку недостаетъ здѣсь воздуха и свѣта. Тщетно онъ ищетъ отдыха своимъ усталымъ глазамъ. Со всѣхъ сторонъ его поражаетъ отсутствіе горизонта — всюду растенія, растенія... всюду жаръ, духота, какъ въ жарко натопленной оранжереѣ. Сердце сжимается подъ вліяніемъ гнетущаго жара и гнилостныхъ, сильно пахучихъ испареній, переполняющихъ воздухъ, насыщенный парами. Глазъ ищетъ свободы, безграничности... ищетъ дали, отдыха... а ихъ нѣтъ. Вездѣ растенія, растенія — исполинскія деревья, густолиственные кусты, пальмы, пальмы, и все запутано, заплетено ползучими ліанами»...

Но есть животныя, которыя приспособились, привыкли къ этому тяжелому, оранжерейному воздуху, къ жизни въ этой могучей растительной средѣ. Они сильнѣе человѣка, потому что человѣкъ не имѣетъ приспособленій къ передвиженію въ этихъ густыхъ, такъ сказать сплошныхъ, лѣсахъ. Это приспособленіе имѣютъ американскіе лазуны — обезьяны съ длинными, тонкими ногами или, правильнѣе, руками. Тамъ, гдѣ человѣкъ не можетъ пробраться сквозь частую разросшуюся сѣтку древесныхъ вѣтвей и кустовъ, тамъ легко, свободно пролазитъ американская обезьяна. Это настоящее лазящее или «древесное» животное, какъ и всѣ обезьяны.

Тамъ, гдѣ человѣкъ задыхается отъ жары и духоты оранжерейнаго воздуха, тамъ наслаждаются этимъ воздухомъ обезьяны. Имъ легко живется въ тропическомъ лѣсу, среди деревьевъ, которые въ изобиліи даютъ имъ питательную пищу—сладкіе, ароматные плоды или вкусные орѣхи и бананы. Обезьяна легко взберется по сучьямъ или ліанамъ на вершину самаго высокаго дерева и достанетъ плодъ или орѣхъ, растущій на немъ.

По временамъ, можетъ быть періодически, при наступленіи періодическихъ дождей, обезьяны переселяются цѣлыми громадными стадами изъ одной мѣстности тропической Америки въ другую. Ихъ сильныя, цѣпкія руки — переднія и заднія, крѣпко обхватываютъ сучки дерева, по которому они лазаютъ такъ же легко и удобно, какъ мы взлѣзаемъ по лѣстницамъ. Но, кромѣ этихъ приспособленій во всѣхъ четырехъ оконечностяхъ, у американской обезьяны есть цѣпкій, длинный хвостъ, который такъ же сильно, какъ и ея руки, можетъ цѣпляться за сучья деревьевъ. Конецъ этого хвоста съ внутренней стороны—голый, непокрытый волосами, и обезьяна имъ такъ же удобно и крѣпко обхватываетъ вѣтви, какъ и пальцами рукъ.

На приложенномъ рисункѣ (стр. 11—12) вы видите часть Панамскаго перешейка, поросшаго густымъ тропическимъ лѣсомъ. Громадныя деревья, предъ которыми кажутся низкими высокія пальмы, высятся, какъ гиганты. По нимъ вьются ліаны, а по этимъ растеніямъ, какъ по канатамъ, путешествуютъ американскіе лазуны. Они перелѣзаютъ по этимъ канатамъ черезъ громадныя пространства, покрытыя водою. Они спускаются по нимъ на землю. Точно громадные черные пауки, они висятъ въ воздухѣ цѣлыми гирляндами. Тамъ, гдѣ есть высокія деревья, тамъ они цѣпляются другъ за друга, свѣшиваются съ нихъ въ видѣ длинной цѣпи и спрыгиваютъ на землю. Иногда такая длинная гирлянда или цѣпь, раскачавшись, перекидывается черезъ протоки или неудобныя мѣста.

Они идутъ, ползутъ, лѣзутъ,—эти лазуны, и проходятъ такимъ образомъ цѣлые десятки верстъ. Они лѣзутъ обыкновенно молча, но достаточно какого-нибудь слабаго, пугающаго ихъ, звука, чтобы всполошить ихъ, и тогда поднимается повсюду отчаянный, оглушительный крикъ.

Этимъ обезьяньимъ крикомъ, можно сказать, переполнены всѣ лѣса Бразиліи, Лаплаты, Гвіаны и другихъ провинцій Южной Америки. Если при этомъ вспомнить объ оглушительномъ крикѣ цѣлыхъ стай мѣстныхъ попугаевъ,

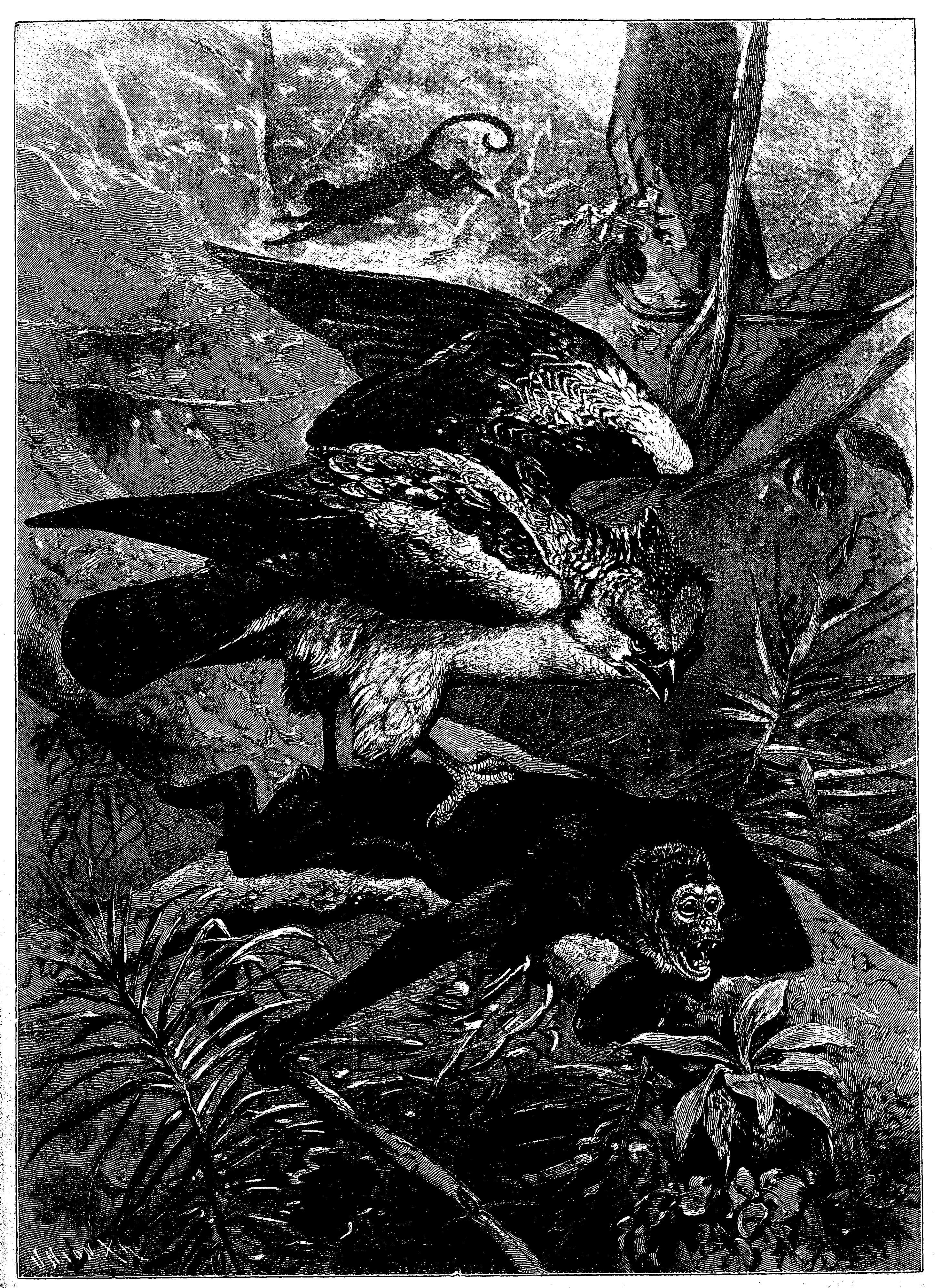
то можно представить себѣ, какъ непріютна и безпокойна жизнь въ этихъ тропическихъ лѣсахъ.

Одинъ изъ нашихъ моряковъ разсказывалъ мнѣ о бра-

Перекочевка обезьянъ въ лѣсахъ Панамы.

зильскихъ обезьянахъ, которыя находятся въ постоянной враждѣ съ попугаями. Тамъ, гдѣ стаи этихъ птицъ поселятся на деревьяхъ, обезьяны всегда стараются обойти ихъ подальше. Онѣ вѣроятно испытали остроту, прочность и силу клюва попугаевъ и держатся отъ нихъ на почтительномъ разстояніи. Впрочемъ это можетъ быть просто jalousie du methier, какъ говорятъ французы. Обезьяны и попугаи (преимущественно какаду) считаютъ, вѣроятно, всякій лѣсъ ихъ неотъемлемою собственностью.

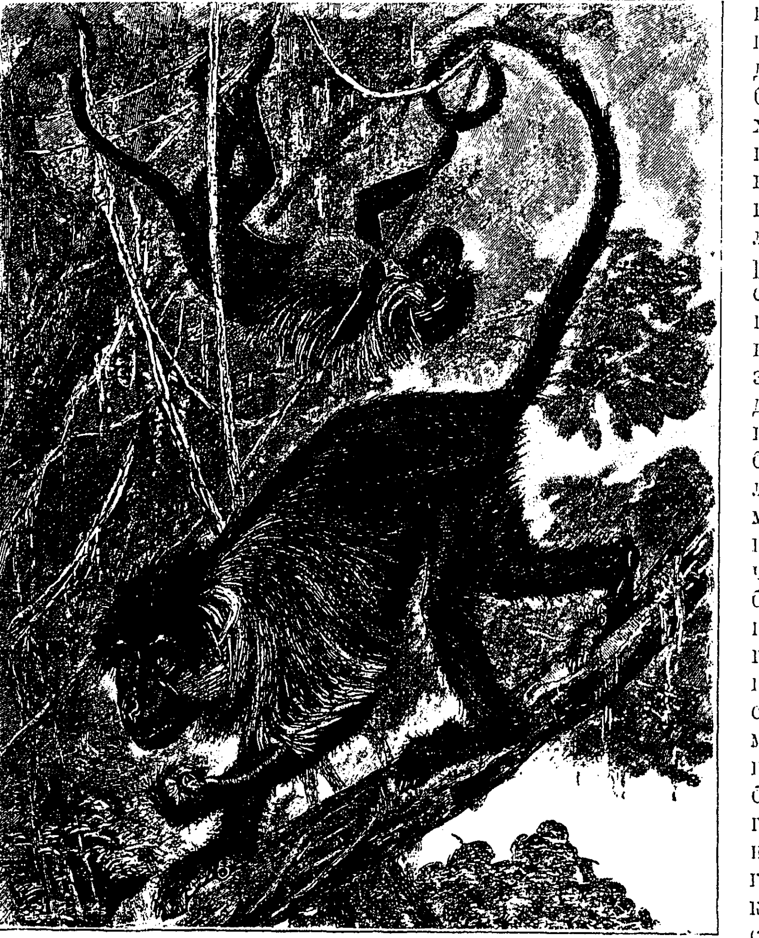

Гвіанскій орелъ-хохлачъ, напавшій на чамека.

Они между всѣми животными единственные лазуны, въ совершенствѣ приспособившіеся къ древесной жизни, къ лазанью по стволамъ, вѣтвямъ и сучкамъ деревьевъ, и не могутъ допустить въ этомъ случаѣ никакой конкуренціи.

Попугаи и обезьяны, это—первые крикуны всего животнаго міра. Тотъ же морякъ разсказывалъ мнѣ, что одинъ изъ его товарищей разъ въ лѣсу застрѣлилъ небольшую обезьянку, мирно сидѣвшую на деревѣ. До этого выстрѣла лѣсъ казался совершенно покойнымъ, какъ бы мертвымъ, но вслѣдъ за громкимъ гуломъ выстрѣла весь онъ какъ бы ожилъ. Всѣ обезьяны подняли неистовый, оглушительный крикъ, и въ этомъ крикѣ, настроенное воображеніемъ, ухо какъ бы слышало громкое приказаніе: не убій! не убій! не убій!..

Американскихъ лазуновъ есть очень много видовъ, но самые истые акробаты принадлежатъ къ такъ-называемымъ коатамъ (Ateles). Представьте себѣ обезьяну темно-бурую, почти черную, съ длинными передними и задними руками. Этими послѣдними она схватывается за сукъ дерева, имъ помогаетъ цѣпкій хвостъ, которымъ обезьяна обвиваетъ тотъ же толстый сукъ. Затѣмъ, передними руками она продѣлываетъ разныя эволюціи. Она вытягиваетъ ихъ впередъ или назадъ, вправо и влѣво. Потомъ, она отпускаетъ заднія руки и виситъ на одномъ хвостѣ.

Чортова обезьяна (Сатана).

Вотъ одна, почти совсѣмъ черная, небольшая обезьянка лѣзетъ не такъ быстро, какъ другія, и понятно, почему. Потому что у нея большіе пальцы на переднихъ рукахъ недоразвиты, они слабы, тонки и коротки. Это—такъ-называемый *чамекъ* (Ateles pentadactylus). Она на одно неуловимое мгновенье задержалась на толстомъ согнутомъ суку, и это мгновеніе ее погубило. Быстрѣе молніи, со свистомъ, налетѣлъ на нее красавецъ-хохлачъ, гвіанскій орелъ, и вкогтился въ ея крестецъ. Она громко закричала, въ смертельномъ испугѣ сдѣлала отчаянное усиліе, чтобы вырваться изъ губительныхъ когтей, но эти когти сильны, остры и крѣпки, и хохлачъ уже приноравливается, какъ бы сильнѣе клюнуть несчастную жертву въ самое темя (рис. на стр. 13—14).

Еще замѣчательнѣе изъ этихъ лазуновъ такъ-называемые *ревуны*. Это—небольшія обезьянки, нерѣдко съ большой бородой и съ сильно развитой гортанью. Благодаря помѣщенному въ ней костяному барабану, они кричатъ съ такой силой, что ихъ крикъ, или правильнѣе ревъ, походитъ на отдаленные раскаты грома.

Вотъ что разсказываетъ объ этихъ обезьянахъ одинъ изъ путешественниковъ въ Южной Америкѣ (Саффрей, «Путешествіе въ Нов. Гренаду»).

«Эти обезьяны-ревуны очень странныя особы. Онѣ принадлежатъ къ группѣ алуатовъ. Природа желала сдѣлать изъ нихъ музыкантовъ и наградила ихъ сильной глоткой, расширенной въ видѣ костяного барабана, который даетъ имъ возможность производить звуки низкаго регистра. Онѣ ростомъ не велики, не превышаютъ трехъ футовъ, покрыты рыжеватыми волосами и снабжены длиннымъ цѣпкимъ хвостомъ. Лицо ихъ черносизаго цвѣта, опушенное довольно длинной бородой. Они обыкновенно живутъ обществами, но не имѣютъ той общительности и игривости, какъ другія обезьяны, менѣе похожія на человѣка. Къ сожалѣнію, это совершенно вѣрно, и чѣмъ болѣе обезьяна похожа на человѣка, тѣмъ она печальнѣе (угрюмѣе). И если когда-нибудь случится, что обезьяна приметъ совершенно образъ человѣка, то она навѣрное превратится въ самаго мрачнаго ипохондрика».

Въ тропическихъ лѣсахъ Америки, въ особенности ближе къ Андамъ, въ концѣ дождливаго періода бываютъ холода, такъ что земля покрывается замѣтнымъ инеемъ. Южный вѣтеръ, дующій при этомъ, еще болѣе увеличиваетъ силу холода. Въ это время ревуны нерѣдко собираются въ маленькія стайки и усаживаются цѣлымъ кружкомъ на деревьяхъ. Они съ такимъ серьезнымъ видомъ неподвижно смотрятъ другъ на друга, что ихъ мина заставитъ улыбнуться даже самаго несмѣшливаго зрителя. Одинъ изъ болѣе крупныхъ экземпляровъ, вѣроятно самецъ, начинаетъ концертъ. Онъ кричитъ почти только одну ноту, безпрестанно повторяющуюся съ какимъ-то горловымъ клокотаньемъ, и при этомъ пристально смотритъ на сосѣда, прямо въ лицо его, опушенное густыми бакенбардами или длинной густой бородой. Костяной барабанъ въ его горлѣ дрожитъ, выпуская громкіе звуки, и быстро передвигается взадъ и впередъ.

Вскорѣ къ этому запѣвалѣ присоединяются другіе ревуны, съ болѣе низкими нотами, и концертъ готовъ. Онъ несется далеко въ чистомъ утреннемъ воздухѣ. Онъ напоминаетъ трели какой-то гигантской цикады. Онъ походитъ на крикъ ягуара—этого страшнаго губителя жизни тропическихъ лѣсовъ.

Какая цѣль этихъ концертовъ? Это остается до сихъ поръ непонятнымъ, несмотря на усилія путешественниковъ и такихъ геніальныхъ натуралистовъ, какимъ былъ Александръ Гумбольдтъ.

Усиленный ростъ волосъ на щекахъ или на подбородкѣ, вѣроятно, вызывается этими горловыми криками или пѣніемъ. Дрожаніе горлового барабана передается къ сосѣднимъ частямъ кожи и вызываетъ упражненіе горловыхъ мышцъ и притокъ крови, изъ которой и развиваются густые или длинные волосы. Должно замѣтить, что такая же густая энергичная растительность волосъ бываетъ и у другихъ американскихъ обезьянъ, имѣющихъ не цѣпкій, а длинный пушистый хвостъ, по

поводу котораго и дано имъ названіе *лисьехвостыхъ обезьянъ*. Но должно замѣтить, что и у этихъ обезьянъ голосъ весьма силенъ, хотя и нѣтъ у нихъ горлового барабана.

Одинъ видъ этихъ обезьянъ въ особенности замѣчателенъ многими особенностями. Это—небольшія обезьянки темнаго, почти чернаго цвѣта, съ темно-сизымъ, очень добродушнымъ лицомъ. На головѣ ихъ густая шапка волосъ, расположенныхъ очень правильно, какъ бы нарочно расчесанныхъ, съ правильнымъ проборомъ спереди, посрединѣ головы, и большая, густая борода. Вотъ эта-то большая черная борода съ черно-сизымъ лицомъ вызвала, вѣроятно, для этихъ тихихъ животныхъ страшныя, мѣстныя названія: Чортова-Саки, Вельзевула и Сатаны. На самомъ дѣлѣ это кроткія, тихія обезьянки, ведущія преимущественно вечернюю или ночную жизнь и рѣдко выходящія днемъ на дневной свѣтъ изъ скрывающей ихъ древесной листвы (рис. на стр. 15—16).

Деревья и кусты съ ихъ болѣе или менѣе густой листвой, это—первое и главн оеусловіе для жизни обезьянъ. Нѣкоторые виды почти никогда не сходятъ на землю и даже пьютъ, повиснувъ на какомъ-нибудь деревѣ и забирая воду въ пригоршни.

Природа выказала и здѣсь свое могущество въ приспособленіи, и, создавъ густые, цѣльные лѣса изъ деревьевъ-гигантовъ, она выработала и органы для жизни въ нихъ. Обезьяна, такъ же, какъ и попугай, чисто лѣсное или лучше сказать *древесное* животное. Она не цѣпляется, какъ кошки, за кору дерева, а дѣйствительно лазаетъ по сучкамъ и вѣтвямъ.

Она ближе всѣхъ другихъ животныхъ къ человѣку, и натуралистъ невольно ищетъ еще большаго сближенія, сближенія генеалогическаго, между обезьяной и человѣкомъ. Онъ предчувствуетъ истину, но эта истина постоянно ускользаетъ отъ него и скрывается въ далекихъ первозданныхъ явленіяхъ, въ геологическихъ пластахъ или въ темныхъ, малоизслѣдованныхъ еще лѣсахъ мало извѣстныхъ намъ тропическихъ материковъ.

Въ обезьянѣ прежде всего бросается въ глаза, поражаетъ насъ ясно и рѣзко выраженный «законъ подражанія». Ея сильно подвижной организмъ постоянно заставляетъ ее продѣлывать всѣ движенія, которыя она видитъ у другихъ обезьянъ или у человѣка. У нея сильно выработана мимика лица, и мускулы его въ постоянной почти безостановочной игрѣ. Сдѣлайте опытъ: бросьте обезьянѣ что-нибудь завернутое въ бумажку, и вы увидите, какъ она тотчасъ же съ серьезнымъ вниманіемъ примется развертывать то, что вы ей бросили. Она сдѣлаетъ сперва угрюмую, задумчивую мину. Она быстро развернетъ одну, другую бумажку, и если ничего не найдетъ внутри этихъ бумажекъ, то сдѣлаетъ изумленную мину и удивленно, съ недоумѣніемъ посмотритъ на васъ, какъ бы спрашивая: зачѣмъ вы бросили ей пустыя бумажки?

Мимика обезьяны однообразна, элементарна, проста, но она представляетъ несомнѣнную, необходимую ступень къ мимикѣ человѣческаго лица. Лицо обезьяны есть преддверіе лица человѣка. Это переходная ступень, безъ которой не могло выработаться и наше лицо. Пусть движенія его не такъ сложны, не такъ выработаны, какъ у нашего лица, но безъ нихъ была бы невозможна дальнѣйшая ступень. На лицѣ обезьяны могутъ выражаться: ужасъ, отвращеніе, гнѣвъ, печаль, испугъ, страданіе, но вы не найдете въ немъ выраженія для болѣе внутреннихъ, духовныхъ движеній души. Они свойственны только одному человѣку.

2. Макаки и мартышки.

Группа роскошныхъ, царскихъ лѣсовъ не ограничивается Южной Америкой. Она простирается по всему экваторіально-тропическому поясу земного шара. Перенесясь за Тихій океанъ, мы снова встрѣтимся съ роскошной, колоссальной растительностью, мы найдемъ тѣ же трехъярусные сплошные лѣса и опутывающія ихъ ліаны. Условія жизни будутъ тѣ же или почти тѣ же, и точно такъ же здѣсь мы должны встрѣтить и дѣйствительно встрѣтимъ тѣхъ же лазящихъ четырерукихъ животныхъ.

При первомъ взглядѣ вы, пожалуй, не отличите азіатскихъ лазуновъ отъ американскихъ, но немного вниманія, и вы убѣдитесь, что на американскихъ обезьянахъ лежитъ типическая печать, сразу отличающая ихъ отъ лазуновъ Восточной Индіи. Эта печать лежитъ на ихъ лицѣ. Посмотрите на американскую обезьяну въ профиль: ноздри ея носа смотрятъ прямо на васъ, и между ними протягивается широкая перегородка. У обезьянъ азіатскихъ ноздри, такъ же, какъ у насъ, смотрятъ прямо или косвенно внизъ и раздѣлены тонкой перегородкой. Что опредѣлило эту разницу обезьянъ ново-свѣтскихъ отъ старо-свѣтскихъ, объ этомъ наука еще молчитъ. И неизвѣстно, какой изслѣдователь разрѣшитъ этотъ вопросъ, да, наконецъ, и можно ли будетъ его разрѣшить, но ясно, что обезьяны стараго свѣта ближе къ намъ, чѣмъ американскія обезьяны.

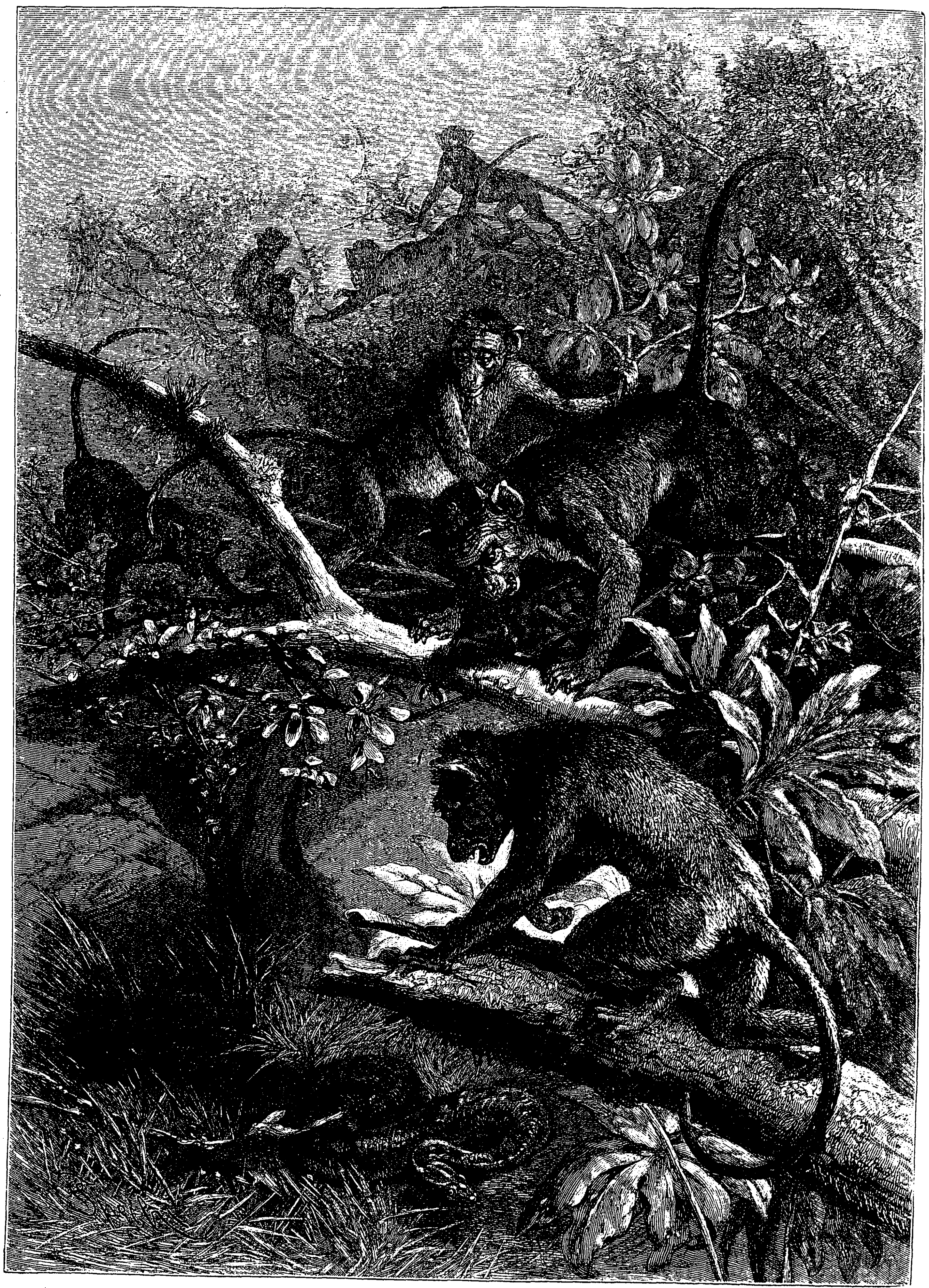
Этотъ фактъ получаетъ громадное значеніе, если мы подумаемъ, что и тѣ обезьяны, которыя безспорно весьма близки къ организаціи человѣка, живутъ также въ Азіи на Зондскихъ островахъ.

Такимъ образомъ, вся скала развитія обезьянъ однимъ концомъ поднимается къ человѣку, тогда какъ другимъ она спускается къ лемурамъ,—животнымъ, имѣющимъ также четыре руки, но которыхъ строеніе и образъ жизни нисходятъ въ область всѣхъ четыреногихъ млекопитающихъ.

Въ каждомъ типѣ животныхъ мы можемъ отличить одну центральную группу, которая выдѣляется большинствомъ принадлежащихъ къ ней формъ. Между обезьянами, къ такой центральной группѣ принадлежатъ *макаки* и *мартышки*. Въ нихъ, преимущественно передъ другими группами, выразился типъ обезьяны, и мы, представляя себѣ этотъ типъ, не можемъ представить его иначе, какъ въ видѣ какого-нибудь макака или мартышки.

На прилагаемомъ рисункѣ вы видите частицу азіатскаго лѣса съ вершинъ его деревьевъ. На этихъ вершинахъ цѣлая група макаковъ, извѣстныхъ болѣе подъ именемъ «китайскихъ обезьянъ», хотя эти обезьяны попадаются далеко южнѣе предѣловъ китайской имперіи. Онѣ всѣ возмущены, испуганы. Шерсть на нихъ поднялась вихрами, дыбомъ, онѣ неистово, оглушительно кричатъ и визжатъ, стараясь испугать своимъ крикомъ громадную азіатскую змѣю, извѣстную подъ именемъ питона или удава. Эта змѣя—одинъ изъ ихъ страшныхъ враговъ. Если бы удавъ былъ выше ихъ на вершинѣ дерева, то, навѣрное, хоть одна изъ этихъ крикливыхъ кривлякъ попалась бы въ его удушающія кольца. Онъ въ одно мгновенье, съ быстротою молніи, бросился бы на нее и сдавилъ бы ее въ своихъ смертельныхъ объятіяхъ. Но онъ подъ ними, внизу, и спѣшитъ уползти скорѣе отъ ихъ отчаяннаго крика. Четыре болѣе храбрыхъ макака, впереди другихъ, готовы броситься на своего врага. Двое другихъ стараются скорѣе убѣжать отъ бѣды, и только одна самка съ маленькимъ дѣтенкомъ сидитъ покойно, опустивъ длинный хвостъ внизъ. Она хладнокровно, благоразумно, хотя совершенно безсознательно, пріучаетъ свое дитя не поддаваться первому испугу (рис. на стр. 19).

Большинство мартышекъ имѣетъ тонкія, стройныя формы, дозволяющія имъ легко, проворно лазать по деревьямъ и дѣлать неимовѣрно быстрыя движенія. Восточная Индія представляется какъ бы очагомъ жизни и распространенія ихъ по азіатскому и африканскому материкамъ. Вездѣ онѣ гнѣздятся въ густолиственныхъ,

Макаки, дразнящіе удава.

многовѣтвистыхъ тропическихъ лѣсахъ. По берегамъ Нила, въ лѣсахъ Восточной Индіи, вездѣ онѣ являются съ тѣмъ же образомъ жизни, съ тѣми же ухватками и привычками.

Въ Индіи онѣ особенно распространены, и причина этому то покровительство, которое туземцы оказываютъ этимъ обезьянамъ. Для индійцевъ эти обезьяны священны. Онѣ представляютъ предметъ обожанія, и преданіе соединяетъ ихъ души и души ихъ предковъ съ нынѣ живущимъ народомъ. Въ особенности пользуется почетомъ обезьяна, извѣстная подъ названіемъ *хульмана* или *лангура*. Физіономія хульмана весьма характерна. Представьте себѣ черную обезьяную мордочку въ свѣтло-сѣромъ или почти бѣломъ капюшонѣ изъ длинныхъ волосъ. Передняя, налобная часть этого капюшона выдается въ видѣ козырька и бережетъ глаза хульмана отъ слишкомъ яркихъ лучей индійскаго солнца. Боковыя части переходятъ въ густыя баки, подъ которыми скрываются защечные мѣшки.

По вѣрованію индусовъ, предки этихъ обезьянъ помогали имъ въ завоеваніи Цейлона. Священная книга Рамайяна соединяетъ этихъ обезьянъ съ первобытными арійцами. По словамъ легенды, это завоеваніе происходило въ тѣ первобытныя времена, когда существовали великаны и люди вели съ ними упорную борьбу. Одинъ изъ этихъ великановъ, Раванъ, увезъ Ситу, супругу индійскаго царя, полубога Шри-Рамы и поселилъ ее у себя, на островѣ Цейлонѣ. Священная обезьяна хульманъ, узнавъ, что Сита томится въ неволѣ, украла ее и доставила законному супругу. Эта же обезьяна, въ заботахъ о бѣдномъ человѣчествѣ, похитила плодъ Манго изъ сада другого великана. За эту кражу обезьяну судили и приговорили къ сожженію. Но хульманъ погасила огонь, причемъ обожгла себѣ руки и лицо, такъ что они и до сихъ поръ остались черными. Вотъ за эти подвиги хульманъ сдѣлалась священной обезьяной индусовъ.

Въ этой восточной легендѣ есть общее сходство съ легендой западной Европы, по крайней мѣрѣ, съ ея освобождающимъ характеромъ.

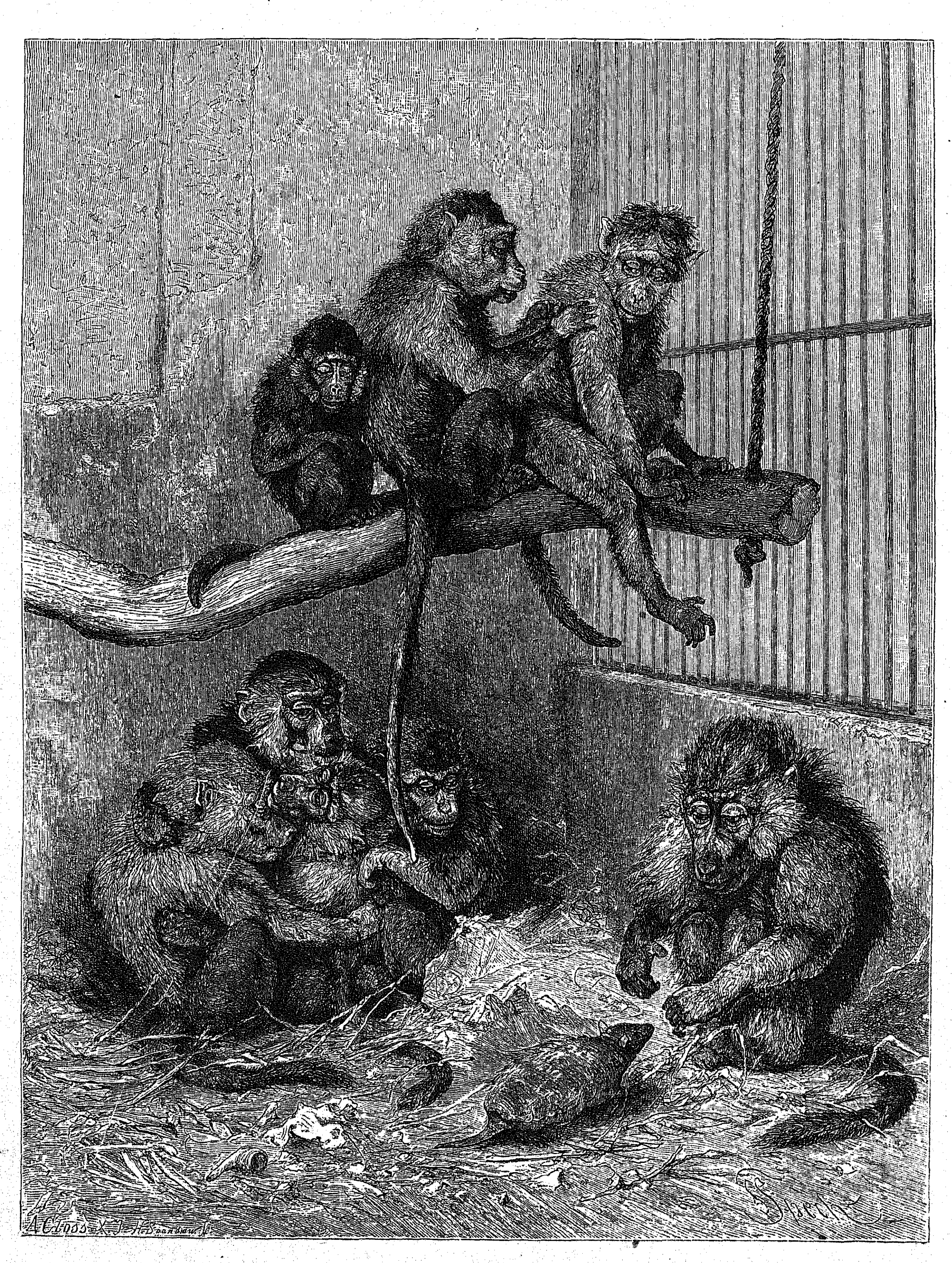
Хульмановъ кормятъ туземцы. Для нихъ устраиваютъ сады, въ которыхъ онѣ хозяйничаютъ съ полной свободой. На поляхъ, на которыхъ воспитывается маисъ, имъ всегда оставляется десятая часть, такъ же, какъ папѣ «десятичная подать». И этого мало, имъ отведены для жительства цѣлые дворцы, правда, покинутые ихъ владѣльцами, индійскими раджами.

Мартышки.

Это было давно, очень давно. Когда-то эти мраморные дворцы блестѣли царскимъ убранствомъ и роскошью. Красивая и величественная архитектура этихъ дворцовъ громко говорила о силѣ и богатствѣ ихъ владѣльцевъ въ настоящее время совсѣмъ разоренныхъ по милости «просвѣщенныхъ мореплавателей».

«Комнаты въ этихъ дворцахъ, — говоритъ Русселэ (L'Inde des Radjas), — роскошно украшены, но около полутораста лѣтъ полнаго заброса и разграбленія настоящими, современными ихъ владѣтелями. Кое-гдѣ

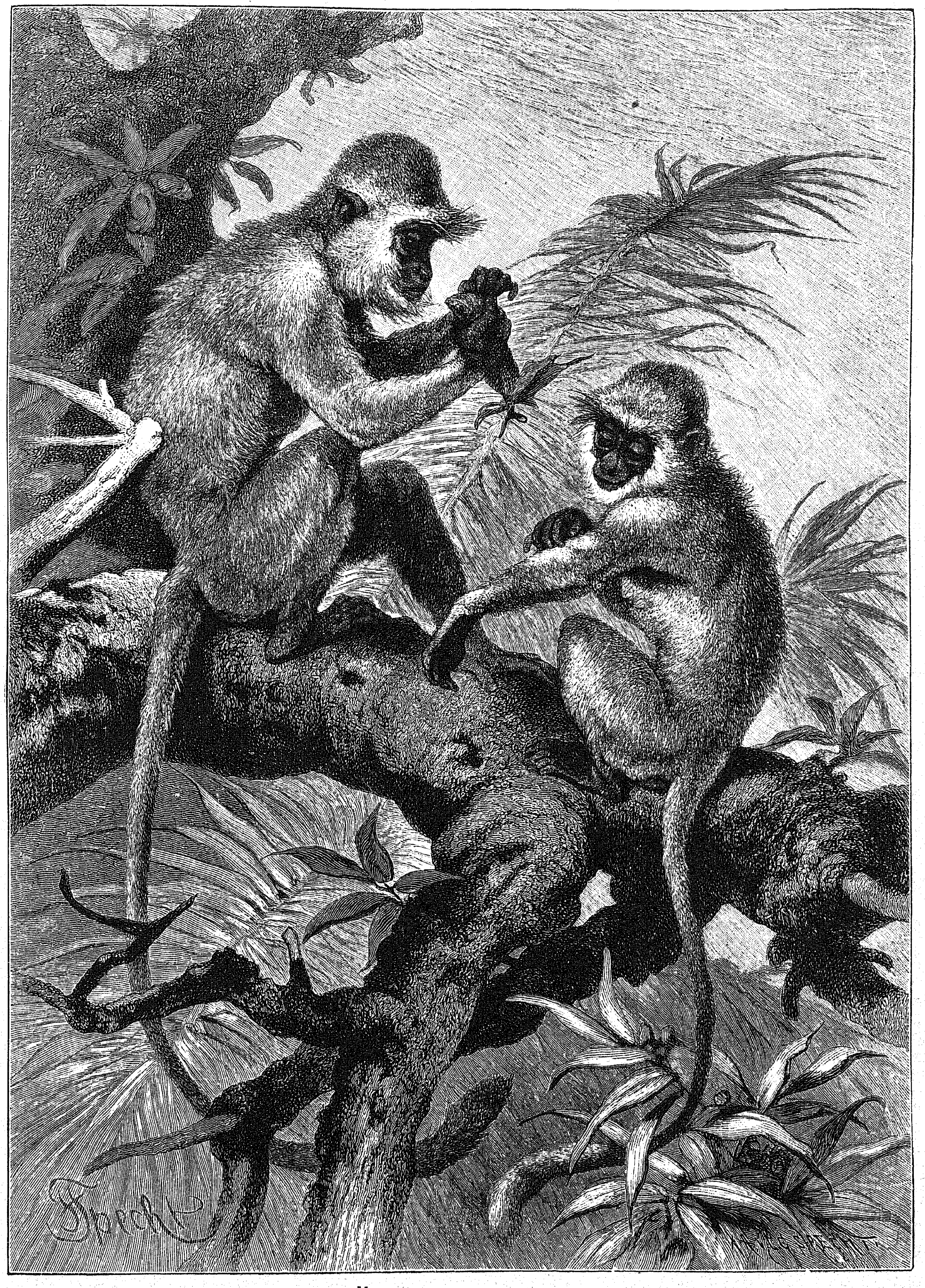
еще можно видѣть оставшимися античныя фрески и нѣсколько прекрасныхъ мозаикъ. Въ настоящее время ими владѣютъ многочисленныя обезьяны изъ породы гунумановъ. Онѣ живутъ въ пустынныхъ залахъ Зенана и владѣютъ всѣмъ покинутымъ гаремомъ. Если бы даже лей, наше посѣщеніе произвело страшный переполохъ между обезьянами. Матери хватали и уносили своихъ дѣтей, а самцы слѣдовали за нами на почтительномъ разстояніи и показывали намъ свои страшные зубы».

Мартышки въ неволѣ.

суевѣріе индусовъ не покровительствовало этимъ невиннымъ животнымъ, то было бы очень трудно выгнать ихъ изъ ихъ убѣжища, которое онѣ занимаютъ уже многіе годы. Онѣ способны очень храбро защищать его. Когда я въ первый разъ проникъ во дворецъ Зенана, въ сопровожденіи Шаумбурга и дворцовыхъ служите-

«Лангуръ—самая крупная изъ всѣхъ обезьянъ, населяющихъ индійскіе лѣса. Величина его тонкаго тѣла измѣняется отъ 2 до 4 ф. Съ длинными тонкими руками и черно-сизымъ лицомъ, обрамленнымъ густыми и длинными свѣтло-сѣрыми, слегка желтоватыми баками. Ея взглядъ осмысленъ и понятливъ. Мѣхъ ея на спинѣ

Хульманы или лангуры.

напоминаетъ мѣхъ шиншиллы, а на нижней сторонѣ тѣла бѣлый, шелковистый... (Рис. на стр. 25—26).

«Въ теченіе нѣсколькихъ дней, проведенныхъ мною около покинутаго дворца, всѣ обезьяны привыкли ко мнѣ и обручнѣли. Онѣ подходили къ намъ безъ всякой боязни. Мы приручили ихъ съ помощью хлѣба и сахара. Всѣ тѣ, которые наблюдали надъ образомъ жизни этихъ обезьянъ, говорятъ, что онѣ живутъ небольшими стадами или трибусами. У каждаго трибуса есть свой предводитель—старый, болѣе сильный и опытный самецъ. У каждаго трибуса свое поле, свой лѣсъ и свои развалины. На все это обезьяны смотрятъ, какъ на свою собственность, и готовы отстаивать ее отъ нападокъ всякихъ чужихъ мародеровъ. Почти постоянно одна изъ обезьянъ сидитъ, какъ часовой, на крышѣ и наблюдаетъ за окрестностями. Если она завидитъ чужого или непріятеля, то тотчасъ же закричитъ глухимъ, злобнымъ крикомъ, и въ одно мгновенье всѣ карнизы дворца наполнятся обезьянами.

«Однажды днемъ мимо дворца прошла пантера. Нужно было видѣть, съ какой яростью, смѣшанной съ комическимъ ужасомъ, всѣ обезьяны преслѣдовали ее съ вышины ихъ крышъ-карнизовъ. Пантера давно удалилась, а обезьяны продолжали пугать ее своимъ крикомъ и воинственными жестами...

«Въ ясную погоду въ опредѣленный часъ мы, цѣлой компаніей, обыкновенно обѣдали на террасѣ передъ дворцомъ. Къ намъ спускались почти всѣ обезьяны. Въ первомъ ряду за нашими стульями садились матки съ ихъ дѣтенышами—маленькими обезьянками съ такими добрыми, кроткими глазками. За ними располагались самцы съ болѣе угрюмыми физіономіями и взглядами, а на вершинѣ крыши сидѣлъ, какъ на тронѣ, одинъ вожакъ и наблюдалъ за спокойствіемъ своего стада. Неподвижныя позы всѣхъ этихъ обезьянъ были необыкновенно комичны. Нѣсколько разъ я пытался сфотографировать всю эту оживленную сцену, но какъ только обезьяны замѣчали, что на нихъ наводятъ объективъ, тотчасъ же съ громкимъ ворчаньемъ разбѣгались. Они, вѣроятно, принимали объективъ за дуло ружья. Лангуръ очень смирное, кроткое, трусливое и безобидное животное, но онъ тотчасъ же впадаетъ въ крайнюю ярость, какъ только замѣтитъ, что его хотятъ поймать».

Свободой дорожатъ всѣ обезьяны, и, не смотря на привязанность къ человѣку, заботящемуся о нихъ, онѣ при первой возможности оставляютъ его. Въ особенности это справедливо относительно индійскихъ обезьянъ въ ихъ природной, родной обстановкѣ. Индусъ, охраняя священныхъ для него обезьянъ, вовсе не заботится объ ихъ прирученіи. Хульманы въ настоящее время такъ же далеки отъ живущихъ вмѣстѣ съ ними индійцевъ, какъ и сто лѣтъ тому назадъ. Несмотря на все благоговѣйное поклоненіе туземцевъ, хульманы относятся весьма враждебно къ людямъ и къ ихъ собственности. Жители-индійцы привыкли къ ихъ нападеніямъ, къ тѣмъ грабежамъ и опустошеніямъ, которымъ подвергаются ихъ жилища и преимущественно ихъ сады. Не смотря на то, что въ этихъ садахъ и поляхъ туземцы оставляютъ каждый годъ десятую часть хульману, она очевидно не признаетъ и, вѣроятно, не можетъ признать этого благодѣтельнаго для нея отношенія. Привычка въ дикомъ состояніи, на свободѣ, переходить съ одного мѣста на другое, цѣпью или гуськомъ, указала ей путь къ болѣе удобному средству опустошенія садовъ и полей покровительствующаго и благоговѣющаго передъ ними индійца. При грабежѣ этихъ садовъ онѣ становятся въ видѣ цѣпи. Одинъ конецъ этой длинной цѣпи находится на мѣстѣ опустошенія, другой скрывается въ ближайшемъ лѣсу. Всякій сорванный плодъ, будетъ ли это початокъ маиса, сорванный съ поля, или какой-нибудь древесный плодъ, онъ быстро передается изъ рукъ въ руки и въ нѣсколько мгновеній очутится далеко отъ того мѣста, гдѣ онъ былъ сорванъ.

Всякая обезьяна изъ группы мартышекъ, т. е. изъ той группы, въ которой преимущественно выраженъ обезьяній характеръ, отличается особенными типическими чертами своего физическаго организма и психическаго характера. У нея сильно развиты всѣ рефлекторныя движенія, и отсюда является та легкость, непостоянство въ характерѣ, которыя отличаютъ каждую обезьяну. Она рѣдко остается спокойною надолго. Всякій новый предметъ тотчасъ же притягиваетъ ея вниманіе, возбуждаетъ ея любопытство. Она кидается на него и, удовлетворивъ свое любопытство, тотчасъ же бросаетъ его. Это крайнее непостоянство переходитъ у человѣка въ психопатію.

Маготъ.

Всѣ обезьяны—животныя общественныя. Исключенія составляютъ весьма немногія, уже теряющія характеръ группы, какъ напримѣръ *маготъ* (Inuus sylvanus). Живя большими обществами, какъ напримѣръ въ Гвинеѣ, онѣ принимаютъ и развиваютъ въ себѣ болѣе общительный, дружественный характеръ. Извѣстный зоологъ Пехуель-Леше сдѣлалъ довольно много наблюденій надъ однимъ видомъ этихъ мартышекъ, надъ такъ называемой «голуболицей мартышкой», которая встрѣчается цѣлыми обществами въ 30—40 обезьянъ. Тамъ, въ Гвинеѣ, въ Конго, ее зовутъ «муйдо». Онъ говоритъ, что «всѣ дурныя, злобныя привычки этой обезьяны зарождаются и воспитываются людьми отъ дурного, нетерпѣливаго и злобнаго ухода». Онъ долженъ былъ оставить воспитанную имъ муйдо на два мѣсяца чужихъ рукахъ. Возвратясь опять въ Европу, онъ не узналъ своей обезьяны; изъ кроткаго, веселаго, послушнаго животнаго, муйдо сдѣлалась капризной, злой, раздражительной и непонятливой. Слѣдовательно, дурной уходъ и воспитаніе производятъ одинаковые результаты и у человѣка, и у обезьяны. Ее постоянно дразнили, раздражали и озлобляли.

По описанію Пехуэль-Леше, муйдо боялась темноты; какъ только гасили свѣчу въ комнатѣ, она тотчасъ же

испускала крикъ—крикъ громкій, отчаянный. Солнечному свѣту, напротивъ, она всегда радовалась, и каждое утро, когда лучи этого свѣта проникали въ комнату и ложились яркими пятнами на подоконники, столы или стулья, она становилась на эти ярко освѣщенныя мѣста, тихо поднимала голову кверху, поднимала переднія руки и голосомъ выдѣлывала хроматическую гамму. Мы называли это странное обращеніе къ свѣту «привѣтомъ солнцу». Не выражалась ли въ этомъ странномъ привѣтѣ еще не разгаданное вліяніе солнечнаго свѣта на психику животнаго?

Другой натуралистъ-наблюдатель разсказываетъ объ удивительныхъ отношеніяхъ обезьянъ къ человѣку на островѣ Явѣ. «Около деревни,—говоритъ онъ,—которую мы проходили, находился небольшой лѣсъ. Это, очевидно, былъ остатокъ стараго, уже вырубленнаго, большого лѣса. Лѣсъ состоялъ преимущественно изъ фиговыхъ деревьевъ. Стволы ихъ въ нижней части всѣ обвиты ліанами. Наши проводники привели насъ на небольшую площадку въ этомъ лѣсу. Тамъ было разставлено нѣсколько стульевъ, на которыхъ мы расположились. Явайцы, усадивъ насъ, принялись стучать въ бамбуковыя палки, которыя издавали громкіе и какъ бы надтреснутые звуки. Намъ сказали, что это музыка, барабанъ, для обезьянъ. И дѣйствительно, какъ только раздались эти звуки, въ лѣсу все зашумѣло, завозилось, какъ бы разбуженное этими звуками; со всѣхъ сторонъ изъ лѣсу, съ высокихъ деревьевъ начали спрыгивать къ намъ сѣрыя обезьяны. Съ каждой минутой ихъ прибывало болѣе и болѣе. Онѣ сыпались, какъ дождь. Наконецъ ихъ собралась цѣлая большая стая, въ которой было не менѣе ста обезьянъ. Тутъ были большія и маленькія, старые, бородатые самцы, подростки и маленькіе сосунки, обвившіе мать своими хвостиками. Всѣ спустившіяся на нашу площадку нисколько не боялись насъ. Брали изъ нашихъ рукъ рисъ и пизангъ. Два очень большихъ, статныхъ самца были очевидно сильнѣе всѣхъ и служили вожаками. Они очень грубо обращались со всѣми другими обезьянами, били ихъ, отталкивали, заглядывали безъ церемоніи въ наши корзины и вообще распоряжались, какъ дома. Они видимо доказывали, что ихъ отношенія ко всему обществу построены на кулачномъ правѣ. Когда они, распугавъ и отогнавъ всю публику, остались вдвоемъ, то, очевидно, боясь другъ друга, держались другъ отъ друга на почтительномъ разстояніи. Всѣ прочія обезьяны, испуганныя этимъ слишкомъ безцеремоннымъ обращеніемъ вожаковъ, взобрались опять на деревья и терпѣливо дожидались, когда эти вожаки отойдутъ отъ всего, что ихъ привлекало».

Въ характерѣ мартышекъ есть одна симпатичная черта. Это необыкновенная привязанность къ тѣмъ лицамъ или животнымъ, которыхъ они полюбятъ. Разумѣется, они скорѣе и сильнѣе привязываются къ тѣмъ лицамъ, которыя за ними ухаживаютъ и обращаются съ ними съ любовью и лаской. Онѣ привязываются вообще къ животнымъ небольшимъ, за которыми онѣ могутъ ухаживать, какъ за дѣтьми.

Пехуэль-Леше разсказываетъ о дѣтствѣ той обезьянки (муйдо), которую онъ воспитывалъ. Когда у него родился сынъ, нѣкоторое время онъ боялся его оставлять съ обезьяной, но затѣмъ, удостовѣрившись, что никакой опасности для ребенка здѣсь не представляется, онъ перестаіъ опасаться. Когда выносили мальчика гулять, муйдо шла за нимъ вмѣстѣ съ другими. Она рѣдко покидала его. Цѣлые часы они проводили вмѣстѣ, играя и валяясь на разостланномъ коврѣ. Представлялось только одно неудобство. Муйдо была, какъ и всѣ обезьяны, страшно ревнива. Она не позволяла никому изъ постороннихъ подойти или прикоснуться къ нему. Когда по вечерамъ ребенокъ засыпалъ, муйдо превращалась въ обыкновенную обезьяну, она ласкалась къ женѣ Пехуэль-Леше и относилась добродушно и привѣтливо ко всѣмъ окружающимъ. Но какъ только появлялся ребенокъ, поведеніе обезьяны мгновенно измѣнялось. Она очевидно смотрѣла на ребенка, какъ на свою собственность, и защищала его отъ всѣхъ съ полнымъ безуміемъ. Это былъ «роковой рефлексъ» въ ея привязанности къ ребенку.

Привязанность обезьянъ къ дѣтямъ—общая черта, свойственная почти всѣмъ этимъ животнымъ. Разумѣется, это справедливо только относительно самокъ. Одинъ изъ французскихъ наблюдателей, Дювосель, разсказываетъ, что однажды онъ подстрѣлилъ самку хульмана, которая несла своего маленькаго. Пуля ударила ей въ грудь и произвела сквозную рану, пройдя вблизи сердца. Почувствовавъ эту смертельную рану, несчастная мать собрала послѣднія силы и, поднявъ своего маленькаго, зацѣпила его руками за вѣтку дерева и затѣмъ уже, разжавъ свои руки, упала и умерла...

3. Павіаны.

Сахара кладетъ рѣзкій отпечатокъ на климатъ всей Африки. Эта плоская возвышенность въ 1000 футовъ, совершенно голая, лишенная всякой растительности, накаливается и служитъ какъ бы центромъ притяженія для атмосферныхъ теченій. Южный пассатъ далеко разноситъ пыль и песокъ африканской пустыни.

Растительность Африки, въ особенности въ мѣстахъ, подвергающихся вліянію періодическихъ тропическихъ дождей, ничѣмъ не меньше и не бѣднѣе растительности Новаго Свѣта, но эта растительность носитъ своеобразный характеръ. Въ ней преобладаютъ равнины—саванны, покрытыя гигантскими злаками, которые могутъ скрывать даже такое высокое, длинношее животное, какъ жираффа.

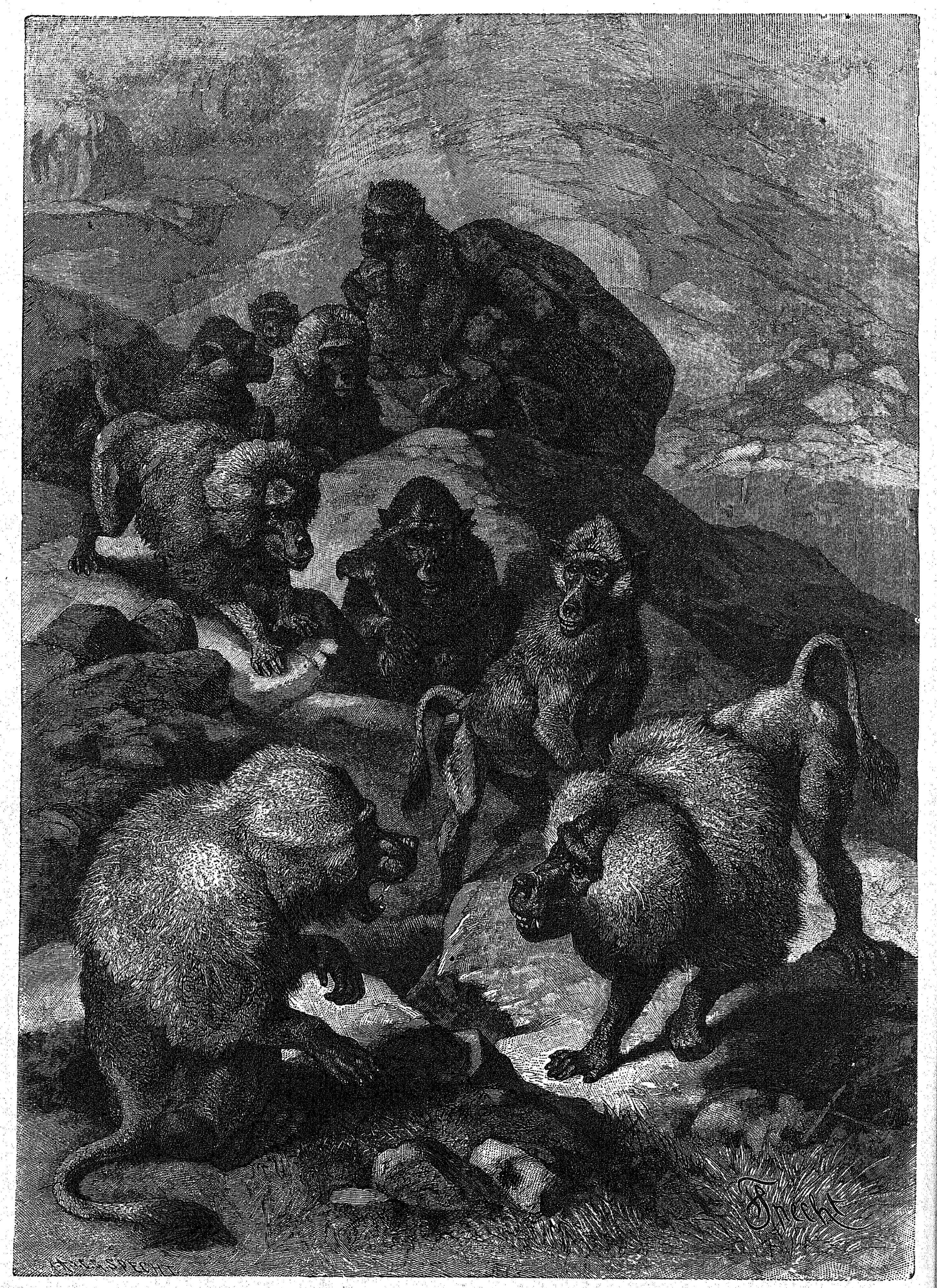
Большинство мѣстностей, непосредственно окружающихъ Сахару, представляютъ небольшія горы, перерѣзанныя глубокими долинами, горы каменистыя, почти вовсе лишенныя растительности, и вотъ по этимъ горамъ лазаютъ особенные виды обезьянъ, извѣстныя подъ именемъ *собако-головыхъ* или *павіановъ*. За пищей онѣ спускаются въ долины, гдѣ встрѣчаютъ ихъ оазисы, полные всякой растительности. Тамъ, наѣвшись всякихъ плодовъ, орѣховъ, фисташекъ, финиковъ и кокосовъ, онѣ уносятъ запасы всего этого добра съ собой на горы, въ защечныхъ мѣшкахъ.

Въ павіанахъ природа пошла въ обратную сторону отъ человѣка. Она создала обезьянъ страшныхъ своей физической силой, своими чувственными стремленіями и не имѣющими ни одной человѣческой черты.

Представьте себѣ большеголовую обезьяну съ сильно выдавшимися крѣпкими массивными челюстями, вооруженными страшными, острыми, клыками, величина которыхъ бываетъ больше клыковъ тигра, обезьяну — необыкновенной мускульной силы, достигающую въ вышину человѣческаго роста, обезьяну съ плоскимъ, короткимъ лбомъ, съ сильно выдавшимися надбровными дугами, съ маленькими сильно, сердито, блестящими глазками, глубоко ушедшими въ глазныя ямины, и вы будете имѣть приблизительно понятіе о собако-головой обезьянѣ или павіанѣ (рис. на стр. 31—32).

Захватившіи въ долинѣ запасъ плодовъ, павіаны уходятъ съ ними на вершину горъ, въ свое царство. Тамъ на этихъ вершинахъ температура ниже, чѣмъ внизу въ долинахъ, и вотъ почему природа дала многимъ изъ этихъ обезьянъ теплыя пелерины изъ длинныхъ волосъ, покрывающихъ ихъ спину и плечи. Съ этимъ теплымъ покровомъ павіаны представляютъ сильное сходство съ нашими обыкновенными пуделями, задняя половина тѣла которыхъ гладко обстрижена.

Обезьяны эти живутъ небольшими стаями или обществами, въ которыхъ царятъ постоянные ссоры и яростныя драки. Почти постоянная грызня между вожаками, самцами этихъ животныхъ.

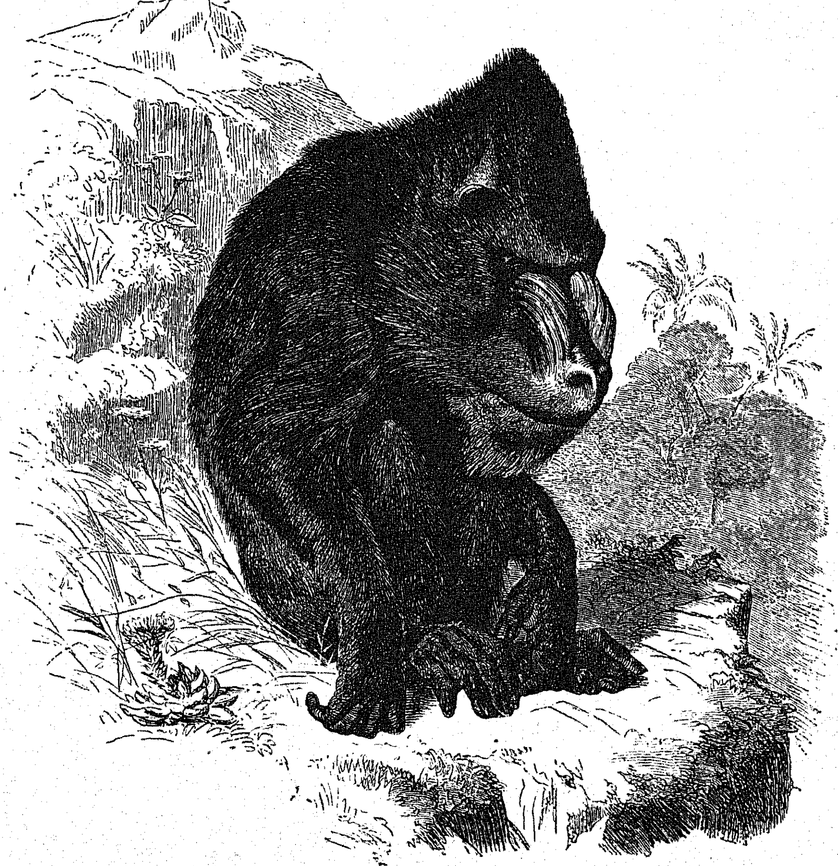

Павіаны-плащеносцы.

На прилагаемомъ рисункѣ вы видите одинъ изъ уголковъ каменистыхъ африканскихъ горъ, на которомъ расположилась небольшая стайка павіановъ, изъ рода *гамадріиловъ*. Впереди два самца, уже достигшіе той ярости, того момента, послѣ котораго слѣдуетъ непремѣнно отчаянная схватка и грызня. За самцомъ направо стоитъ самка и еще болѣе возбуждаетъ его ярость. Налѣво стоитъ еще самецъ готовый броситься въ схватку, а подлѣ него сидитъ безучастно гамадріилъ въ его обыкновенной спокойной позѣ, а за нимъ сидятъ еще четыре гамадріила, изъ которыхъ одна самка взобралась выше всѣхъ, понятно почему: она держитъ на рукахъ маленькаго и бережетъ его.

Всѣ виды павіановъ (собако-головыхъ обезьянъ) отличаются безобразными формами. Одинъ видъ безобразнѣе другого. У всѣхъ злыя, свирѣпыя лица, въ особенности у самцовъ. Страшное впечатлѣніе производятъ геллады, живущія въ одной мѣстности съ гамадріилами. Онѣ живутъ на высокихъ скалахъ и нерѣдко между обѣими обезьянами происходятъ кровавыя схватки.

Представьте себѣ совершенно черную обезьяну съ длинной гривой, какъ у льва, съ синеватымъ лицомъ, съ длинными, острыми зубами, съ грудью почти голой и съ хвостомъ, такъ же, какъ у льва, кончающимся кистью. Можетъ быть это сходство со львомъ явилось вслѣдствіе закона подражанія. Но у льва въ игрѣ физіономіи и во всѣхъ движеніяхъ чувствуется скрытая величавость; у геллады первое, что бросается въ глаза, это —физіономія свирѣпаго звѣря. Небольшіе черные глаза ея сверкаютъ изъ глубокихъ глазницъ, какъ раскаленные угли, и все невольно внушаетъ ужасъ и отвращеніе. Когда стадо этихъ обезьянъ карабкается по скаламъ, невольно является представленіе о какихъ-то демоническихъ, злыхъ существахъ, вырвавшихся изъ безднъ ада.

Мандрилъ.

Но еще болѣе отталкивающее и внушающее ужасъ впечатлѣніе производитъ *мандрилъ*. Когда вы взглянете на сидящаго мандрила, вамъ невольно представится мысль о какомъ-то сказочномъ чудовищѣ. Вообразите себѣ громадную голову съ вздутыми длинными щеками, по которымъ вдоль идутъ ярко-красныя и голубыя полосы. Небольшая борода сливается съ густыми баками. Чуть видные глаза сердито и злобно блестятъ въ глубокихъ яминахъ. На головѣ хохолъ — цѣлый длинный конусъ прямо стоящихъ волосъ. Таково впечатлѣніе отъ физіономіи мандрила, и этотъ наружный видъ совершенно соотвѣтствуетъ характеру и душевнымъ свойствамъ этой обезьяны. Она нарочно садится такъ, чтобы ея безобразная, громадная злая физіономія закрывала все ея тѣло, и вы видите передъ собой только чудовищную маску какого-то безобразнаго сказочнаго звѣря. У самокъ мандрила всѣ эти уродливыя черты сглажены и не такъ сильно выдаются, какъ у самцовъ.

Яркая окраска лица соотвѣтствуетъ такому же цвѣту на задней части тѣла вокругъ хвоста. Этотъ яркій, бросающійся въ глаза, цвѣтъ, вѣроятно, составляетъ приманку и вмѣстѣ съ тѣмъ гордость этихъ животныхъ. Они какъ бы хвастаются имъ и въ звѣринцахъ почти всегда повертываются спиной къ тѣмъ посѣтителямъ, которымъ хотятъ выразить свое презрѣніе. Яркая окраска здѣсь имѣетъ такое же значеніе, какъ голосъ (пѣніе) у самцовъ—птицъ, какъ яркая окраска шеи у индійскаго пѣтуха, какъ гребень у обыкновенныхъ пѣтуховъ и т. п.

Я привожу здѣсь одинъ изъ случаевъ, сохранившійся, какъ мѣстное преданіе. Случай произошелъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія, въ одномъ поселкѣ—Куркамидовъ, въ которомъ между другими жителями была одна старуха, и у нея всей родни была единственная внучка Нàяра. Старуха Карнана давно уже овдовѣла, потеряла сына и жила съ дальнимъ родственникомъ или свойкомъ Арбаханомъ, на маленькомъ участкѣ, прилегавшемъ къ каменистымъ скаламъ Орогая. На этомъ родственникѣ лежали всѣ работы по воздѣлыванію маленькаго поля, дававшаго очень скудный доходъ. Карнана съ внучкой жила преимущественно овцеводствомъ, которое было заведено ея покойнымъ сыномъ. Нàяра и ея бабушка Карнана жили болѣе пастушеской, чѣмъ земледѣльческой, жизнью. Онѣ продавали овечье молоко и сыръ въ ближайшемъ селеніи Кàно, которое въ настоящее время разрослось въ большой городъ въ нѣсколько сотенъ тысячъ жителей. Селеніе это расположено на равнинѣ, но, чтобы попасть въ него, необходимо было перевалить за небольшой скалистый кряжъ горъ, и вотъ этотъ кряжъ, прорѣзанный глубокими оврагами и долинами и состоявшій изъ голыхъ, скалистыхъ и обрывистыхъ холмовъ, и представлялъ самую опасную часть дороги. На голыхъ его вершинахъ жили павіаны, и пѣшеходы, преимущественно женщины, нерѣдко подвергались ихъ нападеніямъ. Но достаточно было легкаго отпора, для того, чтобы прогнать хищныхъ животныхъ на вершины горъ. Нàяра по необходимости должна была отправиться одна, чтобы продать пряженую шерсть, которой накопился порядочный запасъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Она дошла до перевала благополучно. Но на самомъ перевалѣ ее встрѣтило стадо павіановъ, которое завладѣло и дѣвочкой, и ея пряжей. Свидѣтелей тому, какъ совершился этотъ грабежъ, не было. Не было также и

человѣка, который защитилъ бы бѣдную дѣвушку отъ грубыхъ звѣрей. Бабушка напрасно ждала Наяру. День прошелъ, насталъ вечеръ, пришла ночь. Бабушка отправилась вмѣстѣ съ Арбаханомъ на поиски. Они дошли до Кана. Справились у скупщика шерсти, которому бабушка всегда продавала пряжу, но скупщикъ не видѣлъ дѣвушки. Прошло три, четыре дня въ напрасныхъ поискахъ и разспросахъ. Бабушка и Арбаханъ измучились, отыскивая Наяру. Разные непріятные слухи носились по окрестностямъ. Одинъ житель Кана разсказывалъ, что онъ видѣлъ какую-то возню на горахъ и слышалъ какъ будто бы крики человѣческіе. Другой говорилъ, что вообще послѣдніе дни обезьяны страшно шумѣли и кричали. Третій принесъ въ Куркамидосъ башмакъ Наяры. Получивъ этотъ башмакъ бабушка уже ни мало не сомнѣвалась, что Наяру утащили павіаны, и что она погибла. Въ слезахъ и въ горѣ прошло еще нѣсколько дней, и наконецъ донеслась страшная вѣсть: нашли трупъ Наяры. Онъ лежалъ у подножія скалъ. Платья на немъ почти не было. Оно все было изорвано въ клочки. Сбросилась ли дѣвочка сама со скалы, спасаясь отъ преслѣдованія павіановъ, или они въ безумной дракѣ столкнули ее, или наконецъ они сбросили ее уже мертвую, уже ненужную имъ, сбросили въ долину, съ высоты нѣсколькихъ сотъ футъ?... Никто этого не зналъ и не могъ рѣшить.

Антропоморфныя обезьяны.

1. Горилла.

На западномъ берегу Африки тянутся густыя заросли; первобытные сплошные лѣса. Въ нихъ много уголковъ, куда не проникала еще нога европейца. Тамъ, внутри этихъ почти неизвѣстныхъ намъ мѣстъ, среди густой растительности царитъ полутьма, таинственный сумракъ. Туда почти не заходитъ туземецъ. Тамъ воздухъ душенъ, тяжелъ, тамъ, въ теченіе всего долгаго лѣта, стоитъ неизмѣнный, удручающій зной, и только въ началѣ осени, въ концѣ сентября, появляется благодѣтельный сухой вѣтеръ—гарматанъ, который умѣряетъ невыносимый жаръ.

Въ этихъ лѣсахъ нога путешественника или тонетъ въ сырой, болотистой почвѣ, или путь ему заграждаютъ громадныя деревья, опутанныя, оплетенныя искривленными, вьющимися канатами крѣпкихъ, ползучихъ растеній. Почва разрѣзана множествомъ мелкихъ ручьевъ и рѣчекъ. Иногда среди этихъ деревьевъ попадаются маленькія деревца съ заостренными верхушками, плоды которыхъ, небольшіе орѣшки, имѣютъ благодѣтельное свойство быстро возстановлять силы человѣка. Это кола (Sterculia acuminata), орѣшки которой теперь, вѣроятно, можно найти повсюду въ торговлѣ. Ихъ развезли по всему свѣту, но благодѣтельная сила ихъ ядеръ, вѣроятно, осталась на ихъ родинѣ. Нельзя же предположить, что они благодѣтельно дѣйствуютъ только на африканца и вовсе не дѣйствуютъ на европейца.

Каждый путешественникъ, желающій проникнуть въ эти нетронутые человѣкомъ лѣса, первымъ дѣломъ по пріѣздѣ въ страну нанимаетъ спутниковъ—проводниковъ, которымъ знакомы эти таинственные лѣса. Разумѣется, онъ нанимаетъ ихъ изъ мѣстныхъ жителей, изъ негровъ, которыхъ кожа сожжена безпощадно африканскимъ солнцемъ. Два-три проводника на всякій случай и мальчикъ оруженосецъ, который не долженъ ни на шагъ отступать отъ «господина». Ему вручается пара заряженныхъ ружей, проводники же несутъ провизію и запасы. И вотъ маленькій караванъ изъ четырехъ или пяти человѣкъ вступаетъ въ тѣнистый, загадочный лѣсъ, полный крика длиннохвостыхъ африканскихъ ааръ и мартышекъ. Порой эти крики замолкаютъ. Необыкновенная, глубокая тишина водворяется внезапно, и тогда какъ-то жутко дѣлается въ этомъ полумрачномъ лѣсу, полномъ таинственной жизни и загадочныхъ обитателей. Молча идутъ черные проводники, почти безъ всякаго платья и въ шляпахъ съ громадными полями.

— Осторожнѣе, господинъ! тише,—говорятъ вамъ въ топкихъ, опасныхъ мѣстахъ и идутъ впередъ, прорубаютъ эти несносныя веревки и канаты, которые задерживаютъ ваши шаги почти повсемѣстно. Но вотъ вы уже прошли нѣсколько верстъ... Вы совершили этотъ подвигъ въ теченіе цѣлаго утра. Вы уже нѣсколько разъ садились отдыхать, вы измучились въ этой нестерпимой оранжерейной духотѣ. Ваши силы готовы совсѣмъ оставить васъ. Вы бредете черезъ силу, сонные, измученные этой адской дорогой. Вамъ не помогаютъ уже никакіе укрѣпляющіе орѣшки. И вдругъ вы остановились, а вмѣстѣ съ вами остановились и всѣ ваши провожатые, и всѣ вопросительно и изумленно смотрятъ на васъ. Что-то случилось, произошло!.. Тамъ, гдѣ гуще сумракъ первобытнаго лѣса, тамъ въ непроходимой чащѣ густолиственныхъ кустовъ и широколистныхъ банановъ, тамъ что-то промелькнуло, что-то издало глухой, но могучій крикъ, какое-то неопредѣленное ворчаніе. И на этотъ мощный, властительный крикъ отозвался лѣсъ множествомъ обезьяньихъ и птичьихъ криковъ.

— Это мпунгу! — шепчетъ вамъ таинственно одинъ изъ проводниковъ. Мпунгу — таинственный обитатель этихъ лѣсовъ.

И передъ вами, въ вашей памяти встаютъ образы и разсказы, которые вы слышали еще на дняхъ, разсказы объ этой страшной обезьянѣ, которую негры считаютъ за одичавшаго человѣка.

Вы чувствуете, что силы ваши вернулись, что вся усталость куда-то исчезла. Вы съ жадностью ищете въ вашей памяти остатокъ впечатлѣнія таинственнаго образа, мелькнувшаго передъ вами на одно мгновенье въ темномъ лѣсу, но впечатлѣніе не повторяется. Образъ исчезъ,—исчезъ, какъ исчезаютъ всѣ попытки человѣка проникнуть въ тайну его соединенія съ міромъ животныхъ, проникнуть въ темный лѣсъ исчезнувшихъ фактовъ, связывающихъ давнее прошлое его существованія съ существованіемъ антропоморфныхъ обезьянъ.

У насъ въ Европѣ мпунгу носитъ названіе *гориллы*. Складъ его тѣла напоминаетъ отчасти фигуру сутуловатаго человѣка, но это человѣкъ — чудовище огромнаго роста съ непомѣрно длинными руками и съ физіономіей, въ которой нѣтъ ничего человѣческаго. Никакая раса, даже готтентотское племя, не напоминаетъ вамъ этой безобразной морды съ головой приплюснутой сверху, съ сильно выдавшимися надбровными дугами, съ расплюснутымъ широкимъ носомъ, съ чернымъ злобнымъ лицомъ, съ выдвинутыми впередъ челюстями и съ громаднымъ ртомъ, въ которомъ бѣлѣютъ длинные, сильные, острые клыки. Къ довершенію всего безобразія, почти все тѣло этой обезьяны покрыто довольно длинными волосами, черными или темнобурыми.

Таковъ общій видъ гориллы, напоминающей скорѣе звѣря, чѣмъ человѣка. Весь обликъ ея, въ особенности громадная, могучая грудь и широкія, прямыя, поднятыя кверху плечи,—говорятъ объ ея необыкновенной силѣ. Это очевидно звѣрь, сильный своей мускульной силой, звѣрь, приспособившійся къ одинокой жизни въ тропическомъ лѣсу, въ которомъ ему нѣтъ соперниковъ, и онъ, какъ дикій властелинъ, распоряжается въ этомъ перво-

бытномъ лѣсу всѣмъ живущимъ въ немъ. Въ этомъ гвинейскомъ лѣсу, нѣтъ ему соперниковъ за исключеніемъ индивидовъ изъ его собственной породы. Зато здѣсь соперничество между самцами достигаетъ крайняго озлобленія.

На приложенномъ рисункѣ «Борьба гориллъ» (стр. 39—40), вы видите отчаянную схватку двухъ самцовъ-гориллъ. Передъ вами какіе-то демоническіе образы грызутъ другъ друга и барахтаются на землѣ. Они хватаются съ ожесточеніемъ за сучья деревъ, за ліаны, чтобы найти болѣе надежную точку опоры для смертельной борьбы. Ихъ шерсть поднялась дыбомъ, торчитъ вихрами. Глаза, налитые кровью, горятъ, ноздри раздулись, зубы оскалены. Въ горячкѣ боя они хватаются другъ за друга передними и нижними руками за что попало. Громкій, могучій ревъ ихъ разносится далеко по лѣсу. Двѣ мартышки, взобравшись на дерево, смотрятъ испуганными глазами на этотъ отчаянный бой. Онъ скоро долженъ кончиться. Одинъ изъ противниковъ уже подмялъ подъ себя другого и запустилъ ему въ плечо свои страшные зубы. Другой не можетъ его осилить и вырваться изъ желѣзныхъ объятій. Онъ долженъ скоро погибнуть.

Болѣе 2000 лѣтъ тому назадъ нѣсколько тысячъ карѳагенянъ на 60 большихъ корабляхъ отправились колонизировать западной берегъ Африки. Они встрѣтили тамъ гориллъ, которыхъ приняли за дикихъ людей, убили изъ нихъ трехъ самокъ и шкуры ихъ послали въ Карѳагенъ.

Это было, какъ кажется, первое знакомство людей съ гориллой. Затѣмъ прошло много лѣтъ, нѣсколько столѣтій, горилла была обслѣдована хотя довольно поверхностно, до тѣхъ поръ, пока въ 60-хъ годахъ одному французу не пришла въ голову мысль отправиться въ Гвинею для того, чтобы изслѣдовать подробнѣе и точнѣе загадочное животное, столь похожее на человѣка. Имя этого француза дю-Шаллью. Онъ привезъ въ Парижъ нѣсколько череповъ, шкуръ и цѣльныхъ полныхъ скелетовъ гориллы и издалъ двѣ книжки его путешествій по Африкѣ. (Du-Chaillu. Vayage et aventures à travers Afrique equatoriale).

Брэмъ и англійскій изслѣдователь, Ридъ, сводятъ всѣ указанные труды Шаллью къ нулю. Дѣйствительно опасно положиться на добросовѣстность изслѣдователя тамъ, гдѣ сила воображенія и фантазіи увлекаютъ его за предѣлы дѣйствительности. Но разсматривая внимательно разсказы Шаллью, можно, кажется, отдѣлить изъ нихъ ложь вымысла отъ реальной дѣйствительности.

Горилла (Мпунгу).

Вотъ какъ описываетъ онъ свою первую встрѣчу съ гориллой.

«Я шелъ совершенно спокойно,—говоритъ онъ,—шелъ вдоль загородки, обсаженной бананами, и внезапно былъ остановленъ легкимъ трескомъ, похожимъ на трескъ обломавшейся вѣтви. Я быстро спрятался позади кустарника и съ радостью увидѣлъ самку гориллы, но прежде чѣмъ я успѣлъ всмотрѣться въ ея движенія, изъ массы зелени выступила другая горилла, за ней

третья и четвертая. Онѣ всѣ были заняты уничтоженіемъ самаго большого банана. За одной изъ самокъ шелъ ея маленькій. Мнѣ представился такимъ образомъ рѣдкій случай наблюдать всѣ движенія этой дикой группы. Бархатистый блескъ волосъ этихъ животныхъ, ихъ сильно выдавшееся впередъ брюхо, отвратительныя формы этихъ странныхъ созданій, напоминали человѣческія уродливыя фигуры, которыя могутъ представиться только въ бреду. Чтобы сломить дерево, они крѣпко обхватывали его руками, и затѣмъ раскачивали его. Сломать его было не трудно, такъ какъ ткани ствола были очень рыхлы. Затѣмъ они набрасывались на стебель, сосали основанія листьевъ и съ жадностью поѣдали его съ какимъ-то легкимъ ворчаньемъ. Деревья, которыя они опрокинули, не носили слѣдовъ ихъ зубовъ. По временамъ они останавливались и оглядывались кругомъ, какъ бы готовые всполошиться, но, оглядѣвшись, они снова принимались за свою работу. Понемногу, шагъ за шагомъ, онѣ подходили ближе къ опушкѣ мрачнаго лѣса и затѣмъ исчезли въ немъ. Я былъ такъ сильно поглощенъ своимъ наблюденіемъ, что пропустилъ удобную минуту для выстрѣла, и они скрылись изъ глазъ».

Борьба гориллъ.

Вотъ какъ описываетъ дю-Шаллью вторую встрѣчу съ этими животными:

«Я шелъ впереди моего отряда, и вдругъ меня остановилъ сильный шумъ вершинъ деревьевъ, какъ бы отъ ломанья ихъ сучьевъ. Точно отъ цѣлаго стада обезьянъ, ломались и трещали ихъ вѣтви. Я взглянулъ машинально кверху и, къ крайнему удивленію, вмѣсто стада обезьянъ увидѣлъ нѣсколько гориллъ. Со мной была только моя трость, и я такъ былъ пораженъ тѣмъ, что видѣлъ, что остался, какъ прикованный на мѣстѣ. Но гориллы увидѣли меня. Онѣ бросились стремглавъ слезать съ деревьевъ, сгибая ихъ тонкіе сучья, и убѣжали на четверенькахъ. Только одинъ старый самецъ, повидимому охранявшій все стадо, остался на мѣстѣ и сердито смотрѣлъ на меня сквозь просвѣтъ листвы. Я различалъ ясно его отвратительное черное лицо, его дикіе глаза и выдающіяся сдвинутыя брови, а онъ также смотрѣлъ на меня пристально, съ угрожающимъ видомъ. Не имѣя съ собой никакого оружія, я поспѣшилъ соединиться съ моимъ отрядомъ, а онъ, услыша шумъ, спѣшилъ ко мнѣ. Косматое чудовище испустило громкій крикъ, спрыгнуло на землю сквозь цѣлую сѣтку ліанъ и убѣжало въ лѣсъ.

«Одинъ разъ мы отправились къ мрачной долинѣ, въ которой, по увѣренію моего проводника Гамбо, мы должны были встрѣтить гориллъ, такъ какъ это животное выбираетъ для жизни болѣе мрачныя, темныя, густыя заросли. Оно выходитъ на опушку, только отыскивая бананы, сахарный тростникъ или ананасы.

«Нашъ маленькій отрядъ по обычаю раздѣлился, чтобы изслѣдовать лѣсъ въ разныхъ направленіяхъ. Я и Гамбо остались вдвоемъ. Одинъ изъ нашихъ неустрашимыхъ смѣльчаковъ пошелъ одинъ въ сторону, надѣясь встрѣтить на этомъ пути гориллу. Трое другихъ пошли въ другую сторону. Не прошло и часу, какъ мы раздѣлились, когда Гамбо и я услыхали невдалекѣ выстрѣлъ и вслѣдъ за нимъ другой. Мы бросились въ ту сторону, гдѣ раздались эти выстрѣлы, надѣясь найти гориллу убитой. Гамбо, весь дрожа, схватилъ меня, и мы побѣжали, волнуясь зловѣщими предчувствіями. Раздалось страшное рычаніе, мы бросились на него и увидѣли, что нашъ храбрый товарищъ лежитъ въ лужѣ крови. Его внутренности, страшно изорванныя, были вытащены наружу, ружье валялось подлѣ, ложа его была разбита, а дуло, сплющенное и изогнутое, носило на себѣ явственные слѣды зубовъ гориллы.

«Мы подняли несчастнаго охотника. Онъ еще былъ живъ. Мы приподняли его, и я лоскуткомъ одежды перевязалъ его раны, какъ умѣлъ. Когда я влилъ ему въ ротъ немного водки, онъ пришелъ въ себя и могъ говорить хотя съ большимъ трудомъ. Онъ разсказалъ, что совершенно неожиданно очутился лицомъ къ лицу съ громадной гориллой. Это былъ самецъ свирѣпаго вида, который не побѣжалъ отъ него. Охотникъ нашъ выстрѣлилъ въ него не болѣе, какъ въ десяти шагахъ. Онъ увѣрялъ меня, что цѣлился вѣрно, но такъ какъ животное было въ темномъ мѣстѣ, то пуля попала ему вѣроятно въ бокъ. Тогда горилла начала колотить себя кулакомъ въ грудь и съ яростью бросился на противника. Бѣжать было бы безцѣльно. Человѣкъ въ этой непроходимой чащѣ былъ бы схваченъ на первыхъ же шагахъ.

«Онъ остался на мѣстѣ и, какъ можно скорѣе, зарядилъ свое ружье вторично. Но въ то время, какъ онъ поднималъ его, чтобы нацѣлиться, горилла ударила его по рукамъ, и выстрѣлъ вылетѣлъ изъ ружья, въ тоже мгновенье горилла бросилась на него, смяла и разорвала ему брюхо съ такой силой, что всѣ кишки вывалились наружу. Въ то время, когда онъ лежалъ на землѣ, чудовище схватило ружье, и несчастный думалъ, что оно ударитъ его прикладомъ и разобьетъ ему голову. Но звѣрь устремилъ свою ярость на ружье и сплюснулъ челюстями его дуло.

«Когда мы прибѣжали на мѣсто, горилла уже исчезла, и это, говорятъ, общая привычка, свойственная всѣмъ этимъ животнымъ. Когда съ ней встрѣчаются, она бьетъ разъ и два, затѣмъ оставляетъ охотника на землѣ и бѣжитъ въ лѣсъ.

. . . .

«Черезъ недѣлю я и Гамбо снова вернулись къ охотѣ на гориллу. Туземцы разсказывали, что они видѣли чудовищной величины животное въ 10 миляхъ къ востоку. Въ моей коллекціи именно недоставало такого громаднаго самца. Я рѣшился разыскать его. 10 іюля намъ посчастливилось найти его. Мы охотились уже нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ попали на свѣжіе слѣды животнаго, которое должно было быть громадной величины. Мы осторожно шли по этимъ слѣдамъ, и наконецъ въ одномъ ущельѣ нашли то, что искали. Мы встрѣтили двухъ гориллъ—самца и самку. Благодаря густой чащѣ лѣса, они замѣтили насъ скорѣе, чѣмъ мы—ихъ. Самка испустила крикъ тревоги и въ одну минуту, прежде чѣмъ мы успѣли выстрѣлить въ нее, скрылась въ лѣсу. Самецъ не изъявлялъ никакого желанія бѣжать. Онъ медленно приподнялся, посмотрѣлъ на насъ, нарушителей его спокойствія, и испустилъ злобное рычаніе. Со мной былъ только одинъ охотникъ и одинъ мальчикъ, несшій ружья. Мальчикъ спрятался за нами, а мы, плотно сомкнувшись, ожидали нападенія чудовища. Черты лица его при смутномъ, мрачномъ полусвѣтѣ были отвратительны. Лицо было покрыто множествомъ морщинъ; сѣрые глаза блестѣли зловѣщимъ огнемъ, и лицо, похожее на лицо сатира, было ужасно.

«Онъ шелъ на насъ небольшими скачками, какъ обыкновенно дѣлаютъ эти животныя. По временамъ онъ останавливался и колотилъ себя въ широкую грудь, а изъ нея вылетали глухіе, но громкіе звуки, какъ изъ пустого ящика, на которомъ натянута, какъ на барабанѣ, бычачья кожа. Затѣмъ онъ началъ рычать, предварительно испустивъ короткій, но громкій лай, такъ громко, что это рычанье походило на раскаты грома въ лѣсу. Въ теченіе трехъ долгихъ минутъ мы стояли неподвижно съ ружьями на готовѣ и ожидали, когда этотъ колоссъ подойдетъ къ намъ на ближайшее разстояніе. Въ эти минуты память живо представляла мнѣ состояніе духа несчастнаго охотника, убитаго нѣсколько дней тому назадъ. Я воображалъ себѣ его положеніе въ то время, когда онъ выстрѣлилъ и видѣлъ, какъ врагъ его идетъ на него не скачками, какъ леопардъ, но твердыми, увѣренными шагами съ полной надеждой отмстить ужаснымъ мщеніемъ, неизбѣжнымъ, какъ сама судьба.

«Чудовище остановилось передъ нами, въ восьми шагахъ; оно подняло голову, вѣроятно съ цѣлью испустить еще рычаніе, и начало бить себя въ грудь. Затѣмъ, когда оно снова ринулось впередъ, мы выстрѣлили. Горилла закачалась и упала плашмя, почти къ нашимъ ногамъ. Она была убита.

«Я видѣлъ, что это именно тотъ экземпляръ, какого недоставало для моей коллекціи. Это самый старый изъ всей моей коллекціи и такой величины, какой я еще не видывалъ. Гамбо — старый охотникъ, хотя еще молодой человѣкъ,—сказалъ, что онъ рѣдко видалъ такихъ огромныхъ и сильныхъ экземпляровъ. Вышина его была пять футъ и девять дюймовъ. Длина его вытянутыхъ рукъ была тоже 9 футъ. Объемъ груди равнялся 62 дюймамъ. Его ужасныя руки, однимъ ударомъ которыхъ онъ ломалъ кости и разрывалъ брюхо человѣку, были страшно сильны, а заканчивающіе ихъ пальцы походили на когти хищнаго звѣря. Можно было судить, какова была сила удара этой длинной руки, состоящей изъ сплошныхъ мышцъ».

Припоминая теперь характеры и нравы разныхъ обезьянъ, мы видимъ, что въ гориллѣ выражается большинство ихъ особенностей. Горилла—большая обезьяна, дикая, необузданная въ своихъ порывахъ, страшная сознаніемъ своей мощи и своего лѣсного могущества; обезьяна,

скрывающаяся отъ другихъ звѣрей и отъ человѣка въ тѣнистыхъ, мрачныхъ лѣсахъ, которые кладутъ неизмѣнный отпечатокъ на ея характеръ и на всѣ ея привычки. Мы видимъ, что дикость и необузданность ея характера проявляется преимущественно и даже, кажется, исключительно у самцовъ. Самецъ во всѣхъ случаяхъ является, такъ же, какъ у другихъ обезьянъ, вожакомъ и покровителемъ семьи. Онъ устраиваетъ для нея помѣщеніе на высокихъ деревьяхъ, гнѣздо изъ вѣтвей этихъ деревьевъ, или изъ другихъ сучьевъ и листьевъ. Еще не подмѣчено съ достаточной ясностью, служитъ ли это гнѣздо постояннымъ мѣстомъ жительства для семьи или оно служитъ ей убѣжищемъ только на одну ночь. Для такого лазающаго животнаго, какъ горилла, самое первое и простое искать себѣ убѣжища и устраивать гнѣздо на деревѣ. Съ высоты дерева она видитъ далеко кругомъ. Туда, на верхъ, въ это гнѣздо не достигаютъ испаренія тропической болотистой почвы и разные міазмы. Тамъ чистый, свѣжій воздухъ, и этотъ воздухъ окружаетъ такъ покойно и привѣтливо маленькихъ гориллъ.

Одинъ изъ старинныхъ авторовъ, жившій въ XVI столѣтіи—Андрей Беттель, служившій въ военной службѣ и ходившій по лѣсамъ Гвинеи, передаетъ очень интересный фактъ. Онъ говоритъ, что тѣло умершей гориллы другія гориллы забрасываютъ кучей вѣтокъ и хвороста. Если этотъ разсказъ справедливъ, то невольно является вопросъ: что послужило ему основаніемъ? «Такихъ кучъ,—прибавляетъ Беттель,—можно очень много встрѣтить въ лѣсахъ Африки». Ни одинъ изъ наблюдателей послѣ Беттеля ничего не говоритъ объ этомъ странномъ обстоятельствѣ.

Дю-Шаллью и другіе наблюдатели описываютъ гориллу, какъ дикое, злобное животное, не дающее никакой надежды на прирученіе. Брэмъ, а за нимъ Пехуэль-Леше, напротивъ, стараются смягчить его дикія, несимпатичныя черты и поставить его психическія свойства въ болѣе близкія отношенія къ человѣческимъ. Пехуэль-Леше, нападая такъ сильно на дю-Шаллью, приводитъ длинную выписку изъ его путешествія о молодой гориллѣ, привезенной имъ въ первый разъ въ Европу. Онъ только выбросилъ изъ его разсказа начало. Мы приводимъ его разсказъ вполнѣ.

«День 4-го мая принесъ мнѣ радость, какой я еще никогда не испытывалъ. Нѣсколько охотниковъ, которыхъ я послалъ бродить по лѣсу, привели мнѣ *живую* гориллу. У меня нѣтъ словъ описать то волненіе, которое я испытывалъ при видѣ, какъ тащили по деревнѣ это животное. Эта минута вознаградила меня за всѣ трудности и лишенія, которыя я испыталъ во время моего пребыванія въ Африкѣ.

«Это было маленькое существо. Ей было не больше двухъ или трехъ лѣтъ, хотя ростъ ея былъ шесть футъ, и нравъ настолько дикъ, какъ будто она уже достигла полнаго возраста.

«Мои охотники поймали ее въ странѣ между Бембо и мысомъ св. Екатерины. По ихъ разсказамъ, они въ пятеромъ шли къ маленькой деревушкѣ по берегу моря и тихо, безъ шума проходили по лѣсу. Они услыхали крикъ, который напомнилъ имъ крикъ молодой гориллы, зовущей свою мать. Въ лѣсу было тихо. Было около полудня. Они рѣшились свернуть въ сторону и идти на этотъ крикъ. Онъ повторился. Съ ружьями въ рукахъ они прошли тихо въ ту ложбину, откуда выходилъ слышанный ими крикъ. По нѣкоторымъ признакамъ они заключили, что невдалекѣ была мать молодой гориллы и даже отецъ, встрѣтить котораго они всего больше боялись. Храбрые малые не колеблясь рѣшились рисковать во чтобы то ни стало, только бы добыть для меня молодую гориллу.

«Они тихо раздвигали кусты и прокрадывались дальше, затая дыханіе. Вскорѣ они увидѣли зрѣлище, рѣдкое даже для туземцевъ. Они увидѣли маленькую гориллу, сидѣвшую на землѣ и поѣдавшую какія-то ягоды. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея была ея мать, которая также сидѣла и поѣдала тѣ же ягоды. Они рѣшились стрѣлять въ нее, такъ какъ самка очевидно ихъ замѣтила въ то время, когда они поднимали ружья. Они выстрѣлили и убили ее. Она упала. Маленькая горилла при залпѣ выстрѣловъ бросилась къ ней, обхватила ея тѣло и спрятала лицо на ея груди. Охотники торжественно закричали, и при этомъ крикѣ маленькая горилла бросила мать, быстро вскарабкалась на вершину высокаго дерева и закричала дико по звѣриному.

«Охотники недоумѣвали, какъ ее взять. Они хотѣли взять ее живьемъ и въ то же время боялись ея укусовъ. Наконецъ они остановились на мысли срубить дерево и накинуть на голову маленькому чудовищу корзину. Но во время этой операціи горилла укусила руку одному охотнику и повредила ногу другому.

«Охотники не знали, какъ ее вести. Хотя она была еще мала по лѣтамъ и слабаго тѣлосложенія, но сила ея была необычайна, и ничто не могло утишить ея ярости. Она не переставала отбиваться и бросаться на всѣхъ. Тогда рѣшили ущемить ее въ длинную развилку изъ дерева и такимъ образомъ вести. Въ этой развилкѣ она не могла достать ни одного изъ охотниковъ, и въ ней привели гориллу къ намъ.

«Вся деревня взволновалась. Животное посадили въ пирогу, въ которой оно должно было совершить небольшой переѣздъ по рѣкѣ. Горилла кричала и ревѣла. Ея маленькіе глазки бросали вокругъ злобные, дикіе взгляды. Если бы она могла схватить кого-нибудь изъ насъ, то вѣроятно вымѣстила бы на немъ всю свою злобу.

«Я замѣтилъ, что развилка натирала ей шею и распорядился пріискать клѣтку. Черезъ два часа мнѣ устроили маленькую хижинку изъ очень крѣпкаго бамбука, съ весьма солидными перекладинами, которыя не мѣшали видѣть въ ней животное. Его насильно загнали въ это помѣщеніе, и въ первый разъ я могъ, на свободѣ, наблюдать за моимъ пріобрѣтеніемъ.

«Это былъ молодой самецъ, которому очевидно не было еще и трехъ лѣтъ, но который былъ одаренъ необычайной мышечной силой. Его лицо и руки были совершенно черныя. Глаза его были не такъ сильно углублены въ глазныя впадины. Волоса на головѣ начинались какъ разъ около бровей и поднимались кверху, гдѣ на вершинѣ головы принимали буроватый оттѣнокъ. Оттуда они спускались по бокамъ головы до нижней челюсти, и образовывали что-то похожее на наши бакенбарды. Верхняя губа была покрыта рѣдкими и грубыми волосками. Подъ нижней губой волосы были длиннѣе. Рѣсницы были очень тонки, а волосы бровей были прямые и до $1/4$ дюйма длины.

«Когда я увидѣлъ маленькую гориллу въ клѣткѣ, я подошелъ къ ней, чтобы ободрить ее нѣсколькими ласковыми словами. Она забилась въ дальній уголъ, но, какъ только я подошелъ къ клѣткѣ, она зарычала и бросилась на меня. Хотя я тотчасъ же отшатнулся, но нѣсколькихъ мгновеній было достаточно для нея, чтобы одной изъ ея заднихъ рукъ схватить меня за панталоны и разорвать ихъ. Затѣмъ она отвернулась и снова забилась въ уголъ. Это нападеніе сдѣлало меня болѣе осторожнымъ, но я не отчаивался приручить мою дикарку.

«Она съежилась въ углу клѣтки и оттуда смотрѣла злобными глазами, и я никогда въ жизни не видалъ болѣе злобнаго взгляда. Первымъ дѣломъ мнѣ предстояло удовлетворить потребности моего плѣнника. Я послалъ въ лѣсъ отыскивать его любимые плоды. Я поставилъ ему чашку съ водой, но онъ ни до чего не дотрогивался прежде, чѣмъ я не отходилъ далеко отъ клѣтки.

«На другой день я нашелъ моего Джоя (имя, которое я далъ ему) еще болѣе дикимъ, чѣмъ наканунѣ. Онъ

бросался на каждаго, кто подходилъ къ его клѣткѣ, бѣшеными скачками и съ дикимъ крикомъ. Казалось, онъ готовъ былъ всѣхъ насъ изорвать, въ клочки. Я бросилъ ему нѣсколько ананасныхъ листьевъ, и онъ съѣдалъ только бѣлыя ихъ части. Онъ ѣлъ, казалось, съ большимъ аппетитомъ, но ѣлъ, во все время своего пребыванія, только листья и плоды изъ его родного лѣса.

«На третій день своего плѣна онъ былъ еще болѣе мраченъ и дикъ, чѣмъ прежде. Онъ рычалъ на всѣхъ, кто подходилъ къ нему, и уходилъ въ свой дальній уголъ, чтобы бросаться на того, кто хотѣлъ къ нему подойти. На четвертый день, воспользовавшись тѣмъ, что никого не было около его клѣтки, онъ выдернулъ одну изъ ея перекладинъ и убѣжалъ. Я пришелъ какъ разъ въ ту минуту, когда замѣтили его побѣгъ. Я тотчасъ же созвалъ всѣхъ своихъ негровъ и послалъ ихъ окружить лѣсъ и поймать бѣглеца. Войдя торопливо въ свою комнату, чтобы взять ружье, я услыхалъ угрожающее рычанье, которое выходило изъ подъ моей постели. Это былъ мой «господинъ Джой», который спрятался подъ постель и наблюдалъ за моими движеніями. Тогда я затворилъ окно, позвалъ всѣхъ моихъ людей и поставилъ ихъ около двери. Когда Джой увидѣлъ эту толпу съ черными лицами, онъ пришелъ въ ужасную ярость. Его глаза сверкали, всѣ мышцы лица и тѣла подергивались. Онъ выскочилъ изъ подъ кровати, а мы всѣ выскочили изъ комнаты, заперевъ двери. Мы оставили его полнымъ хозяиномъ позиціи, предпочитая лучше придумать планъ для атаки, чѣмъ подвергаться укусу его страшныхъ зубовъ.

«Какъ намъ овладѣть имъ? Это была трудная задача. Онъ выказалъ такую силу и ярость, что я ни мало не сомнѣвался въ томъ, что онъ бросится на меня и на каждаго изъ насъ и загрызетъ въ мертвой схваткѣ. Пока мы обдумывали наше взаимное положеніе, Джой сидѣлъ на полу на серединѣ комнаты и разсматривалъ съ нѣкоторымъ любопытствомъ все его окружающее. Я боялся, что бой моихъ часовъ вызоветъ его ярость и она обрушится на этотъ цѣнный предметъ. Я охотно оставилъ бы его хозяиномъ моей комнаты, но боялся, что онъ разрушитъ многіе цѣнныя вещи, которыя были развѣшаны по ея стѣнамъ.

«Когда наконецъ онъ немного успокоился, я послалъ отыскать мнѣ какую-нибудь старую рыбачью сѣть, и, когда принесли ее, я, быстро отворивъ дверь, набросилъ ее ему на голову. Къ счастью намъ удалось сразу окутать этой сѣтью нашего чертенка. Онъ страшно кричалъ и рычалъ, бился, толкался и хваталъ всѣми четырьмя руками. Я схватилъ его за волосы на затылкѣ, два человѣка держали его руки, два другихъ его ноги; такимъ образомъ намъ пятерымъ удалось удержать его. Мы быстро поднесли его къ клѣткѣ. Она была уже починена, и снова заключили бѣглеца въ его тюрьму.

«Во всю свою жизнь я не видалъ звѣря болѣе яростнаго и сердитаго. Онъ бросался на всѣхъ, кто подходилъ къ его клѣткѣ, онъ грызъ ея перекладины, онъ бросалъ на насъ зловѣщіе, злобные взгляды, и почти каждое его движеніе выказывало дикую, неукротимую силу. Прошло еще два дня, и никакой перемѣны къ лучшему не произошло. Я попробовалъ тогда обуздать его голодомъ. Было крайне неудобно посылать каждый разъ въ лѣсъ отыскивать плоды, которые онъ ѣлъ, и я поставилъ передъ нимъ наши обыкновенные плоды. Онъ до нихъ не дотронулся, и все, что я выигралъ моимъ маневромъ, было то, что онъ тихо подошелъ ко мнѣ и взялъ изъ моей руки нѣсколько зеренъ, принесенныхъ изъ лѣсу. Затѣмъ отвернулся и ушелъ въ свой уголъ.

«Внимательный уходъ въ теченіе слѣдующихъ двухъ недѣль не далъ мнѣ никакой надежды. Онъ постоянно ворчалъ при видѣ меня и только подъ вліяніемъ голода бралъ изъ моей руки пищу, которую ему приносили изъ лѣсу, и никакой другой. Послѣ этихъ двухъ недѣль, одинъ разъ, когда я подошелъ къ нему давать ему кормъ, я увидѣлъ, что его не было въ клѣткѣ, и что одна изъ бамбуковыхъ перекладинъ была изгрызена. Онъ снова вырвался на свободу. Къ счастью онъ не успѣлъ убѣжать далеко, и, оглянувшись кругомъ, я увидѣлъ, что «господинъ Джой» быстро бѣжалъ на четвереинькахъ черезъ лужайку къ высокимъ деревьямъ.

«Я созвалъ опять моихъ людей. Когда онъ насъ замѣтилъ, онъ быстро направился къ другой группѣ деревьевъ. Мы окружили его, но вмѣсто того, чтобы взлѣзть на дерево, онъ держался на землѣ, на опушкѣ лѣса. Полтораста человѣкъ собралось вокругъ него и медленно подходили, ближе и ближе сжимая кругъ. Тогда онъ зарычалъ и бросился на одного несчастнаго малаго, который былъ впереди и съ испугу упалъ на землю. Это паденіе спасло его и остановило Джоя. Пользуясь этой минутой смятенія, мы набросили на него сѣть и поймали его.

«Четыре человѣка несли его въ то время, когда онъ отчаянно отбивался отъ нихъ. На этотъ разъ я не довѣрился болѣе клѣткѣ и посадилъ его на цѣпочку, обернутую вокругъ его шеи. Онъ сопротивлялся отчаянно, и потребовалось не меньше часу, чтобы посадить его на цѣпь. Силы этого маленькаго чудовища были также чудовищны.

«Спустя десять дней онъ умеръ внезапно. Онъ казался вполнѣ здоровымъ, былъ бодръ, ѣлъ отлично свою обыкновенную пищу и только передъ самой смертью во время агоніи выказалъ болѣзненныя страданія.

«Онъ до конца своей жизни оказался неодолимымъ, и когда его посадили на цѣпь, то къ другимъ порокамъ онъ еще выказалъ коварство. Нѣсколько разъ въ то время, когда онъ бралъ пищу изъ моей руки, онъ, чтобы отвлечь мое вниманіе, смотрѣлъ пристально мнѣ прямо въ глаза и въ тоже время подвигалъ незамѣтно одну изъ заднихъ рукъ и внезапно хваталъ меня за ногу. Нѣсколько разъ, когда я не успѣвалъ во время отдернуть ногу, онъ разрывалъ въ клочки мои панталоны. Я долженъ былъ, подходя къ нему, всегда принимать множество предосторожностей. Негры, проходившіе мимо его клѣтки, каждый разъ приводили его въ большую ярость. Подъ конецъ своей жизни онъ, повидимому, узнавалъ меня и не боялся, но всегда скрывалъ сильное желаніе отмстить мнѣ.

«Когда его посадили на цѣпь, я поставилъ подлѣ него небольшую бочку, наполненную сѣномъ. Съ перваго же раза онъ понялъ, для чего это было сдѣлано, и было весело смотрѣть, какъ онъ зарывался въ этомъ сѣнѣ. Каждую ночь онъ перетряхалъ его, уминалъ и покрывалъ себя имъ, какъ одѣяломъ».

Описанія и наблюденія дю-Шаллью рисуютъ гориллу дикимъ, необузданнымъ звѣремъ, въ которомъ не проглядываетъ ни одной человѣческой черты, который не способенъ вовсе къ прирученію. Но другіе наблюдатели рисуютъ намъ гориллу совершенно въ иномъ родѣ и свѣтѣ. Изъ всѣхъ этихъ описаній я привожу наиболѣе талантливое, принадлежащее директору Берлинскаго акваріума Гермесу. Онъ наблюдалъ двухлѣтнюю гориллу, жившую въ этомъ акваріумѣ около 15 мѣсяцевъ и умершую въ 1877 году. «Плотная, коренастая фигура гориллы,—говоритъ Гермесъ,—мускулистыя руки, гладкое блестящее черное лицо съ хорошо сформированными ушами, большіе, умные, насмѣшливые глаза,—все это придаетъ ей поразительное сходство съ человѣкомъ. Она была бы похожа на негритенка, если бы носъ ея имѣлъ болѣе правильную форму. Съ негритенкомъ она сходна по своимъ неуклюжимъ, неповоротливымъ движеніямъ, которыя скорѣе напоминаютъ движенія косолапаго мальчишки, чѣмъ движенія обезьяны. Когда она сидитъ на стулѣ

неподвижно, подобно идолу изъ какой-нибудь восточной пагоды, смотритъ на любующуюся на нее публику и затѣмъ совершенно неожиданно вдругъ хлопнетъ въ ладоши и кивнетъ головой, то всѣ невольно встрепенутся отъ этой неожиданной дѣтской выходки. Она охотно бываетъ въ большомъ обществѣ, отличаетъ стараго отъ малаго, мужчину отъ женщины. Съ маленькими обходится ласково, охотно цѣлуетъ ихъ, позволяетъ дѣлать съ собой, что имъ угодно, и никогда не пользуется правами сильнаго. Со взрослыми дѣтьми она не церемонится, хватаетъ ихъ за ноги и даже кусаетъ. Если дамы берутъ ее на руки, она съ благодарностью прижимается къ нимъ и долго остается у нихъ на колѣняхъ. Въ общей клѣткѣ для обезьянъ она является хозяиномъ, и даже шимпанзе подчиняются ей. Если она въ хорошемъ расположеніи духа, то высовываетъ кончикъ своего краснаго языка, и тогда ея черное лицо удивительно напоминаетъ лицо негритенка.

«Каждое утро въ 8-мъ часу она поднимается съ постели, садится на ней, потягивается, почесывается, зѣваетъ и не можетъ никакъ проснуться вполнѣ до тѣхъ поръ, пока не дадутъ ей молока. Выпивъ молока, она оставляетъ постель, оглядываетъ комнату и ищетъ, нѣтъ ли чего-нибудь, съ чѣмъ можно бы было поиграть, что можно бы было разорвать. За неимѣніемъ лучшаго, она начинаетъ теребить сторожа, который не отходитъ отъ нея ни на шагъ. Если онъ отойдетъ, то горилла поднимаетъ рѣзкій крикъ. Въ 9 ч. ее моютъ, что ей очень нравится. Она уморительно держитъ въ обѣихъ рукахъ моторными, короткими пальцами большой стаканъ, изъ котораго пьетъ, и въ тоже время придерживаетъ этотъ стаканъ ногой. Живя постоянно вмѣстѣ съ своимъ сторожемъ, она и ѣстъ вмѣстѣ съ нимъ и притомъ съѣдаетъ не меньше его. Сперва подаютъ ей бульонъ, который она мигомъ выпиваетъ до капли. Затѣмъ слѣдуетъ рисъ, овощи, картофель, кольраби. Она ѣстъ быстро, съ большимъ апиетитомъ и всегда съ нетерпѣніемъ ждетъ урочнаго часа своего обѣда. Если обѣдъ приноситъ ей жена сторожа, то она при первомъ же ея звонкѣ тотчасъ же отпираетъ ей дверь и начинаетъ совать морду во всѣ кушанья, за что сейчасъ же получаетъ пощечину. Жена сторожа наблюдаетъ постоянно за ея поведеніемъ, но никакъ не можетъ сладить съ ея жадностью и бѣшенымъ аппетитомъ. Она учитъ ее ѣсть ложкой, но какъ только отвернется, сейчасъ же ложка въ сторону, и морда въ тарелкѣ съ супомъ. Въ 9 ч. каждый день аккуратно она ложится спать; причемъ сторожъ долженъ непремѣнно сидѣть около ея постели, что продолжается не долго, такъ какъ она скоро засыпаетъ. Всего охотнѣе она спитъ со сторожемъ, обнявъ его или положивъ голову на его плечо. Всю ночь она спитъ спокойно, крѣпко безъ пробуду и просыпается обыкновенно въ 8 часовъ.

«При такомъ правильномъ уходѣ и режимѣ горилла видимо поправилась, окрѣпла и въ ней прибавилось вѣсу 6 фунтовъ (вмѣсто 31—37 ф.), но затѣмъ она вдругъ заболѣла воспаленіемъ дыхательнаго горла. Сильная лихорадка мучила ее. Обыкновенно веселая, игривая, она лежала пластомъ въ постели, кашляла, хрипѣла, задыхалась и притомъ сдѣлалась дикой и кусалась, когда ее тревожили. Такое состояніе продолжалось около недѣли. Она не пила и не ѣла ничего кромѣ воды и чаю. Нѣсколько докторовъ по нѣсколько разъ въ день навѣщали ее. Ей давали хининъ, причемъ каждый разъ была возня съ его пріемомъ. Какъ только поднесли ей ложку съ лѣкарствомъ, она быстро накрывала голову одѣяломъ. Черезъ нѣсколько дней ея организмъ при тщательномъ уходѣ поправился, и аппетитъ вернулся.

«Въ его комнатѣ постоянно поддерживали температуру въ 19 градусовъ. Во все время ея болѣзни участіе берлинской публики къ ней было необыкновенно велико. Ей построили цѣлый хрустальный дворецъ, который сообщался съ пальмовой оранжереей. Этотъ дворецъ замѣнялъ ея уголокъ ей теплой и влажной родины». Гермесъ заканчиваетъ свое сообщеніе такими словами: «при такой обстановкѣ я могу добиться того, что наша горилла, при ея здоровой натурѣ, еще долго будетъ служить лучшимъ украшеніемъ нашего акварія, *къ чести Германіи, на радость человѣчеству, во славу наукъ.*»

Такимъ образомъ жизнь этой гориллы ставилась въ связь съ честью всей Германіи, съ радостью всего человѣчества и со славой всемірной науки. Не смотря на такой великій почетъ и тщательный уходъ, эта горилла захворала и умерла 13-го ноября 1877 г.

Сравнивая теперь эти два описанія гориллы—Дю-Шаллью и Гермеса—мы видимъ дѣйствительно разницу, и притомъ очень рѣзкую, между характеромъ и поведеніемъ африканской и берлинской гориллы. Первая представляетъ намъ дикаго, неукротимаго, неблаговоспитаннаго звѣря. Вторая подъ тщательнымъ, постояннымъ уходомъ и воспитаніемъ человѣка сдѣлалась обходительной, до извѣстной степени кроткой и общительной. Разница въ характерѣ той и другой скорѣе количественная, чѣмъ качественная.

Если взять гориллу прямо изъ природныхъ условій, такъ сказать «съ гнѣзда», то навѣрно она выказала бы, на первыхъ порахъ, такой же неукротимый и свирѣпый нравъ, какъ и африканская горилла. Притомъ при описаніи характера какого-нибудь животнаго, натуралисты и путешественники не обращаютъ никакого вниманія на индивидуальныя различія; по одному экземпляру они судятъ обо всей породѣ, о цѣломъ видѣ. Несмотря на всю симпатію, которую выказали нѣмцы къ ихъ воспитанницѣ, горилла между всѣми человѣкообразными обезьянами представляетъ наименѣе симпатичный видъ. Въ немъ всегда проглядываетъ природная дикость и самостоятельность, тѣсно связывающаяся съ ея самобытной свободолюбивой натурой.

2. Лѣсной человѣкъ.

Въ прежнее время звали его «орангъ-утангомъ». Затѣмъ узнали, что нигдѣ и никто не зоветъ его такъ, а туземцы, на мѣстѣ его родины, зовутъ его, этого «лѣсного человѣка»—*міассомъ*.

Родина его—это тропическая паровая баня. Тамъ, гдѣ материкъ Азіи превратился въ группу большихъ острововъ, гдѣ эти острова съ окружающимъ ихъ моремъ образуютъ такъ-называемый Малайскій архипелагъ, тамъ живетъ онъ, на этихъ громадныхъ островахъ, на Суматрѣ и Борнео, живетъ въ жаркихъ, темныхъ лѣсахъ, растущихъ въ морѣ. Тамъ—его темное, болотистое царство.

Онъ поневолѣ принужденъ лазить по этимъ темнымъ лѣсамъ, такъ какъ почва ихъ, это—Малайское море, и онъ лазитъ превосходно. Вся его организація приспособилась къ этому лазанью. Первое, что бросится вамъ въ глаза, при первомъ взглядѣ на него—это его длинные-длинные руки и большой, разумѣется сравнительно, совершенно покатый и почти голый лобъ. Руки міасса (я имѣю въ виду переднія руки)—это главныя орудія передвиженія въ его темной жизни. Онъ вытянетъ ихъ во всю длину, схватится ими за какой-нибудь здоровый сукъ громаднаго дерева и повиснетъ. Затѣмъ, черезъ нѣсколько секундъ, онъ схватится одной рукой за вѣтку сосѣдняго дерева, попробуетъ крѣпка ли она, не подломится ли подъ его тяжестью, и затѣмъ медленно переберется на это дерево. Съ дерева на дерево онъ перелѣзаетъ медленно, но увѣренно. Въ случаѣ надобности онъ лѣзетъ скорѣе и можетъ даже перелѣзать съ вѣтки на вѣтку такъ быстро, что человѣкъ, бѣгущій за нимъ по землѣ, никакъ не можетъ догнать его.

Вся фигура міасса напоминаетъ фигуру человѣка, но

человѣка-урода, съ несоразмѣрно длинными руками и съ короткими ногами, на мѣсто ступней оканчивающимися кистями рукъ, человѣка сутуловатаго, обросшаго длинными каштаново-бурыми или рыжеватыми волосами, человѣка съ уродливой головой, съ маленькимъ лбомъ и съ большой, раздутой и вытянутой нижней частью лица, съ уродливымъ провалившимся носомъ и съ прямо раскрытыми ноздрями (рис. на стр. 51—52).

Всего страннѣе и безобразнѣе въ этомъ лицѣ — сильно-развитая нижняя половина, отороченная толстой, пухлой складкой кожи, какъ бы сильно развитымъ зобомъ. Вы смотрите въ глаза этого «лѣсного человѣка», въ его маленькіе, ввалившіеся глаза, и васъ поражаетъ въ нихъ отсутствіе всякаго человѣческаго движенія. Онѣ какъ-то индиферентно, по-звѣриному, смотрятъ на все окружающее. По временамъ въ нихъ загорается гнѣвъ, ярость, и все лицо принимаетъ дикое, звѣриное выраженіе. Но въ этихъ глазахъ вы не найдете ничего мыслящаго, никакой думы, которая такъ свойственна глазамъ человѣка.

Знаменитый изслѣдователь Малайскаго архипелага Альфредъ Руссель Уоллесъ, долго наблюдавшій за жизнью міасса на Зондскихъ островахъ, вотъ что говоритъ о немъ:

«Въ Садонгѣ, гдѣ я его наблюдалъ, его можно встрѣтить только въ низменныхъ мѣстностяхъ, плоскихъ и болотистыхъ, покрытыхъ высокими дѣвственными лѣсами. Посреди этихъ плоскихъ равнинъ возвышаются одиночныя горы. Деаки (мѣстное населеніе) давно заселили эти плоскія равнины, развели въ нихъ фруктовые сады. Эти сады привлекаютъ «лѣсного человѣка», который таскаетъ ихъ плоды днемъ, а на ночь удаляется въ болотистый лѣсъ равнины. Въ мѣстахъ болѣе возвышенныхъ, гдѣ почва суха, тамъ нѣтъ міасса. Онъ очень обыкновененъ въ низменной долинѣ Садонга, но, какъ только выходишь на болѣе возвышенное мѣсто, эта большая обезьяна исчезаетъ.

«Мнѣ кажется страннымъ, что этому животному необходимы для его жизни пространства, густо покрытыя высокими дѣвственными лѣсами. Эти лѣса—его настоящая родина. Онъ можетъ бродить, лазать въ этихъ лѣсахъ, лазать по ихъ вершинамъ съ такимъ же удобствомъ, съ какимъ индійцы ходятъ въ своихъ лугахъ или арабы въ своихъ степяхъ. Ему не нужно спускаться съ этихъ высокихъ деревьевъ. Громадное разнообразіе всякихъ лѣсныхъ плодовъ поддерживаетъ тамъ существованіе міасса. Небольшіе холмы, которые разбросаны въ видѣ островковъ, тамъ покрыты высокими деревьями и представляются какъ бы маленькими садиками, возвышающимися надъ болотистой почвой съ ея болотными растеніями».

Любопытно слѣдить за «лѣснымъ человѣкомъ», когда онъ путешествуетъ посреди лѣса по этимъ вершинамъ. Онъ идетъ самоувѣренно, хватаясь за длинныя вѣтви деревъ, и это передвиженіе вполнѣ согласуется съ его болѣе длинными передними руками и болѣе короткими задними. Онъ никогда не перепрыгиваетъ съ дерева на дерево, а всегда захватываетъ длинными передними руками вѣтви сосѣдняго дерева и, увѣрившись, что эти вѣтви крѣпки и солидны, перелѣзаетъ на новое дерево. Онъ идетъ, какъ бы обдумывая каждый шагъ, но идетъ быстро. Переднія руки отлично служатъ ему для взлѣзанія на высокія деревья. Онъ рветъ плоды съ этихъ деревьевъ и срываетъ листья. Изъ этихъ листьевъ онъ дѣлаетъ себѣ постель. Эту постель онъ стелетъ на сравнительно невысокихъ деревьяхъ, на разстояніи отъ 6 до 15 метровъ отъ земли. На этомъ разстояніи ему теплѣе спать, и вѣтеръ не безпокоитъ его. «Разсказываютъ, что каждый міассъ каждую ночь дѣлаетъ себѣ новую постель», говоритъ Уоллесъ, но это едва ли справедливо. Если-бъ это было такъ, то въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ водится множество міассовъ, число ихъ гнѣздъ было бы неимовѣрно велико. Деаки разсказываютъ, что въ сырыя ночи міассъ покрывается, вмѣсто одѣяла, листьями банана или папоротника. Отсюда, вѣроятно, вышла басня о постройкѣ этимъ животнымъ хижинъ на вершинѣ деревьевъ.

«Міассъ не оставляетъ своего ложа раньше, чѣмъ солнце обсушитъ росу на листьяхъ. Онъ ѣстъ въ серединѣ дня и черезъ два дня возвращается снова къ тому же дереву, на которомъ ночевалъ. Онъ, кажется, не очень боится человѣка. Нерѣдко онъ смотрѣлъ на меня нѣсколько минутъ и затѣмъ тихо перелѣзалъ на сосѣднее дерево. Иногда, замѣтивъ міасса, я шелъ торопливо за моимъ ружьемъ и почти всегда, вернувшись, находилъ его на томъ же деревѣ или вблизи его. Я никогда не видалъ вмѣстѣ двухъ взрослыхъ міассовъ, но иногда мнѣ попадались группы изъ трехъ или четырехъ обезьянъ. Міассъ кормится исключительно плодами. Но по временамъ онъ ѣстъ листья, молодые побѣги и почки. Онъ, кажется, предпочитаетъ незрѣлые плоды зрѣлымъ. Нѣкоторые изъ этихъ незрѣлыхъ плодовъ очень кислы или горьки. Онъ любитъ плоды яркокрасные, сочные и мясистые. Иногда онъ ѣстъ только сѣмечки ихъ, но постоянно онъ рветъ плоды или листья, такъ что всегда можно узнать, на какомъ деревѣ онъ сидитъ. Съ этого дерева постоянно сыплются листья или побѣги и почки.

«Онъ рѣдко сходитъ на землю и только тогда, когда ему недостаетъ пищи, когда онъ ищетъ сочныхъ побѣговъ, кустовъ и деревьевъ. Въ очень сухое время онъ пьетъ воду, которая скопляется въ пучкахъ листьевъ.

«Только одинъ разъ въ жизни я видѣлъ двухъ молодыхъ міассовъ, сидящихъ въ углубленіи скалы другъ противъ друга. Они играли другъ съ другомъ, охвативъ одинъ другого руками. Рѣдко міассъ становится на землю вертикально, держась за какой-нибудь предметъ, и рисунки, на которыхъ онъ изображенъ идущимъ на двухъ ногахъ и подпирающимся палкой,—чистый вымыселъ художника. Деаки разсказываютъ, что ни разу на міасса не нападало ни одно лѣсное животное. Изъ этого должно исключить два рѣдкихъ случая. Я передаю здѣсь разсказъ одного стараго деака, проведшаго всю жизнь въ лѣсахъ, въ которыхъ такъ часто встрѣчаются орангъ-утанги. Вотъ его разсказъ.

«Ни одно животное не имѣетъ столько силы, чтобы напасть на міасса. Когда въ джонгляхъ нѣтъ больше плодовъ, міассъ ищетъ себѣ пищи по берегамъ рѣчекъ. Тамъ очень много любимыхъ имъ побѣговъ и плодовъ, растущихъ около самой воды. Иногда крокодилъ пытается схватить его, но онъ вскакиваетъ ему на спину, бьетъ его руками и ногами и убиваетъ его.

«Въ очень рѣдкихъ случаяхъ міассъ рѣшается напасть на человѣка. Одинъ разъ вечеромъ ко мнѣ пришло нѣсколько деаковъ и разсказали, что вчера вечеромъ міассъ чуть не убилъ одного изъ ихъ товарищей. Въ нѣсколькихъ миляхъ внизу стоитъ маленькая хижина, и жители ея замѣтили большого міасса, который бродилъ по берегу и обрывалъ молодые побѣги пальмъ. Его спугнули и онъ бросился бѣжать въ джонгли, но толпа людей, вооруженныхъ копьями и дубинами, загородила ему дорогу. Тогда онъ въ отчаяніи бросился на перваго деака, который былъ впереди. Деакъ вздумалъ защищаться копьемъ. Но въ одно мгновенье міассъ изломалъ это копье, какъ лучинку, и впился зубами въ предплечіе деака выше локтя. Если бы при этомъ другіе люди не вступились за товарища, то навѣрное онъ былъ бы убитъ. Но всѣ другіе напали на міасса и копьями, топорами и дубинами забили животное на смерть». Уоллесъ лично убѣдился въ справедливости этого разсказа. Деаки привели его на мѣсто схватки, и онъ отрѣзалъ голову у убитаго орангъ-утанга.

«Другой, старый деакъ, предводитель цѣлаго племени, разсказывалъ мнѣ слѣдующее:

«У міасса нѣтъ враговъ, ни одно животное не смѣетъ

нападать на него, кромѣ развѣ крокодила и питона. Онъ всегда убиваетъ крокодила. Онъ разрываетъ ему горло. Если питонъ нападаетъ на міасса, то міассъ схватываетъ его и загрызаетъ».

Я приведу здѣсь еще разсказъ Уоллеса о битвѣ одного деака съ «лѣснымъ человѣкомъ».

«Я только что вернулся домой,—говоритъ Уоллесъ:—съ энтомологической экскурсіи, какъ вбѣгаетъ мой служитель, Карлъ, вбѣгаетъ запыхавшись и кричитъ задыхающимся голосомъ.

«— Скорѣе, скорѣе! Берите ваше ружье! Громадный міассъ!..

«— Гдѣ онъ? — спрашиваю я, хватая ружье, въ которомъ одинъ стволъ къ счастью былъ заряженъ пулей.

«— Совсѣмъ близко, на дорожкѣ къ руднику. Онъ не можетъ скрыться.

«Случайно въ домѣ было еще два деака, я захватилъ ихъ съ собою и закричалъ Карлу, чтобы онъ принесъ мнѣ патроновъ. Тропинка, ведущая изъ нашей рощи къ руднику, шла по склону холма, параллельно съ новой дорогой, которая окружала холмъ. На ней работало нѣсколько китайцевъ. Міассъ не могъ ускользнуть отъ насъ, такъ какъ внизу былъ болотистый лѣсъ, а наверху онъ непремѣнно долженъ былъ пройти черезъ тропинку. Мы шли осторожно, безъ шума, чтобы не спугнуть міасса, по временамъ останавливались и прислушивались. Вскорѣ къ намъ подошелъ Карлъ. Онъ забилъ пулю въ другой стволъ моего ружья, и мы остановились. Міассъ долженъ былъ быть невдалекѣ.

«Черезъ нѣсколько минутъ я услыхалъ легкій шумъ надъ моей головой, но, тщательно оглядываясь и всматриваясь, ничего не могъ увидѣть. Я обошелъ кругомъ дерево, подъ которымъ стоялъ, и снова услыхалъ тотъ же шумъ, но болѣе явственный, и увидѣлъ, какъ листва зашевелилась, какъ будто кто-то двигалъ ее, перелѣзая по деревьямъ. Я закричалъ, другіе подошли, но увидѣть животное было не такъ легко. Міассъ необыкновенно искусно прятался въ густой листвѣ. Вскорѣ одинъ изъ деаковъ позвалъ меня и указалъ пальцемъ на одно мѣсто. Я увидѣлъ громадное животное, съ огромной головой и темнымъ лицомъ, покрытое рыжей, длинной шерстью. Оно смотрѣло внизъ на насъ, какъ бы удивляясь, что вызвало такой шумъ. Я тотчасъ же выстрѣлилъ. Міассъ скрылся. Онъ двигался довольно быстро для такого большого, тяжелаго животнаго. Я сказалъ двумъ деакамъ, чтобы они слѣдили за нимъ, а самъ сталъ заряжать ружье. Джонгли въ этомъ мѣстѣ были усыпаны осколками скалъ и покрыты ползучими, вьющимися растеніями. Мы увидѣли міасса, который лѣзъ и прыгалъ, стараясь достичь вершины одного дерева, около дороги. На дорогѣ работали китайцы. Они изумились, увидѣвъ его, и громко начали кричать.

Міассы (орангъ-утанги) на землѣ.

«— Ая, ая! Туанъ, орангъ-утангъ, туанъ!

«Орангъ-утангъ, видя, что онъ не можетъ идти дальше, такъ какъ лѣсъ кончился, возвратился къ холму. Я выстрѣлилъ въ него два раза, прежде чѣмъ онъ достигъ до тропинки; но онъ всегда прятался въ листвѣ и пользовался толстыми сучьями, по которымъ лазалъ. Одинъ разъ, въ то время, какъ я заряжалъ ружье, я его видѣлъ очень ясно. Онъ, приподнявшись, шелъ по толстому суку. Дойдя до тропинки, онъ взлѣзъ на самое высокое дерево, и въ это время мы увидѣли, что у него сломана одна передняя рука. Она висѣла у него, и онъ, очевидно, не могъ ею дѣйствовать. Онъ помѣстился въ развилкѣ между двумя вѣтвями и, казалось, не хотѣлъ болѣе двигаться. Я боялся, что онъ останется на мѣстѣ и умретъ въ этомъ положеніи. Ночь приближалась, и нельзя уже было впотьмахъ срубить дерево. Я еще разъ выстрѣлилъ. Онъ всталъ, добрался до холма и укрылся на болѣе низкомъ деревѣ, гдѣ укрѣпился на вѣткахъ и замеръ.

«Тогда я обратился къ одному деаку съ просьбою взлѣзть на дерево и срубить вѣтвь, на которой сидѣлъ міассъ. Но онъ побоялся. «Если онъ не убитъ,—говорилъ онъ,—то онъ нападетъ на меня и загрызетъ». Тогда мы встряхнули сосѣднее дерево, сорвали всѣ вьющіяся, висячія растенія и дѣлали все возможное, чтобы заставить его подняться. Тогда я послалъ, чтобы привели двухъ китайцевъ съ ихъ большими топорами. Но въ то время, когда посланный ходилъ за ними, одинъ изъ деаковъ набрался храбрости и полѣзъ на дерево. Міассъ не дождался его, перелѣзъ на другое дерево и погрузился въ чащу листвы и вьющихся растеній, такъ что совершенно скрылся изъ нашихъ глазъ. Къ счастью, дерево было не высокое. Когда принесли топоры, мы скоро срубили его, но оно было оплетено и держалось на другихъ деревьяхъ, оно только наклонилось и повисло. Міассъ не двигался, и я опасался, что, несмотря на всѣ наши усилія, онъ ускользнетъ отъ насъ.

«Ночь надвигалась быстро, и мы должны были срубить не менѣе шести деревьевъ, для того чтобы опрокинуть то дерево, на которомъ онъ засѣлъ. Какъ послѣднее средство, мы оборвали всѣ ліаны, и только тогда, когда мы теряли уже всякую надежду добыть міасса, трупъ животнаго тяжело упалъ на землю, какъ трупъ тяжелаго гиганта. Да! это былъ дѣйствительно гигантъ, вышиной въ 1 метръ и 27 сантиметровъ.

«Прошло четыре дня, и одинъ деакъ увидѣлъ на томъ же самомъ мѣстѣ другого міасса и пришелъ меня увѣдомить. Онъ былъ на одной изъ вѣтвей самаго высокаго дерева и казался очень большимъ. Со второго выстрѣла онъ слетѣлъ на землю, но тотчасъ же поднялся снова и началъ взлѣзать на дерево. Третій выстрѣлъ уложилъ его. Это была совершенно взрослая самка, и въ то время, когда мы приготовлялись нести ее домой, мы нашли ея маленькаго въ болотѣ, лицомъ къ землѣ. Онъ былъ около одного фута вышины и, очевидно, держался, уцѣпившись за мать, и упалъ вмѣстѣ съ ней. Къ счастью, онъ оказался не раненымъ, и когда мы смыли грязь съ его морды, то онъ началъ кричать и оказался очень сильнымъ и живымъ. Въ то время, когда я несъ его домой, онъ вцѣпился мнѣ въ бороду

и такъ крѣпко держался за волосы, что я едва могъ отцѣпить его, тѣмъ болѣе, что пальцы его загнуты внутрь на послѣднихъ суставахъ и представляютъ, такимъ образомъ, настоящіе крючки. У него еще не было зубовъ, но черезъ нѣсколько дней прорѣзались два зуба внизу. Къ несчастью, у меня не было молока, чтобы его кормить. Не было его также ни у китайцевъ, ни у малайцевъ, ни у деаковъ. Я напрасно искалъ женщину, которая могла бы его вскормить. Я былъ принужденъ кормить его рисовой водой изъ бутылки, въ пробку которой была вставлена трубочка изъ пера. Послѣ многихъ попытокъ онъ научился сосать безъ моей помощи. Это была очень скудная пища, и не могла питать маленькаго, какъ слѣдуетъ, почему я примѣшивалъ сахару и кокосоваго молока, чтобы сдѣлать ее болѣе питательной. Когда я вкладывалъ мой палецъ ему въ ротъ, онъ начиналъ изо всѣхъ силъ сосать его, силясь извлечь изъ него хоть немного молока и послѣ долгихъ усилій отказывался отъ своихъ попытокъ и начиналъ кричать, совершенно какъ маленькій ребенокъ.

«Когда ему давали его пищу, онъ былъ очень спокоенъ и казался весьма довольнымъ, но когда его клали, онъ кричалъ и не переставалъ возиться и шумѣть. Я положилъ его въ маленькій ящикъ, въ видѣ колыбельки, на очень мягкую подстилку, которую мѣнялъ каждый день. Надо было также мыть маленькаго міассенка. Когда я нѣсколько разъ его вымылъ, онъ вошелъ во вкусъ, и если немножко загрязнялся, то начиналъ кричать до тѣхъ поръ, пока я не бралъ его и мылъ. Тогда онъ становился спокоенъ, и только когда его окачивали съ головой, онъ сильно гримасничалъ. Ему нравилось, когда его вытирали, и въ то время, когда я разглаживалъ щеткой длинные волосы его рукъ, онъ, казалось, былъ безконечно счастливъ и лежалъ покойно съ вытянутыми руками и ногами. Первые дни онъ хватался за все, къ чему могъ прицѣпиться, и мнѣ надо было беречь бороду, такъ какъ ручонки его вцѣплялись въ эту бороду гораздо сильнѣе, чѣмъ во что бы то ни было, такъ что мнѣ трудно было отцѣпить его безъ посторонней помощи. Когда онъ былъ взволнованъ, въ ярости, онъ старался схватить руками какую-нибудь вещь. Когда ему удавалось схватить деревяшку или тряпку, онъ былъ очень доволенъ. Если ничего не было, то онъ хваталъ себя за собственную ногу. Вскорѣ онъ принялъ привычку скрещивать руки и схватывать каждой рукой длинные волосы, которые росли на его плечахъ. Наконецъ онъ пересталъ схватывать цѣпко все, до чего онъ могъ достать, и я былъ принужденъ придумать что-нибудь, чтобы упражнять его члены и развивать въ нихъ силу. Я сдѣлалъ маленькую лѣстницу въ три-четыре ступеньки, на которыя его ставили каждую четверть часа. Тогда онъ казался очень довольнымъ. Но всѣ четыре его руки не могли быть поставлены удобно, и, перемѣняя ихъ нѣсколько разъ, онъ отнималъ ихъ одну за другой и падалъ на землю.

«Иногда онъ прицѣплялся двумя руками, затѣмъ опускалъ одну, а другую клалъ на плечо, захвативъ свои собственные волосы, и такъ какъ это ему казалось гораздо пріятнѣе, чѣмъ дерево на ступенькахъ, то онъ опускалъ и другую лапу и падалъ. Онъ тогда скрещивалъ свои руки на груди и оставался такъ лежать на спинѣ. Никогда онъ не страдалъ отъ полученныхъ имъ многочисленныхъ ушибовъ. Видя его пристрастіе къ длиннымъ волосамъ, я ему сдѣлалъ такъ-сказать искусственную мать. Я набилъ изъ буйволовой шкуры чучело—родъ мѣшка, и повѣсилъ его на разстояніи фута отъ земли. Сначала онъ удивительно обрадовался этому приспособленію. Онъ могъ обхватывать этотъ мѣшокъ руками и ногами. Я думалъ, что доставилъ моему воспитаннику громадное удовольствіе и успокоилъ его, но это успокоеніе продолжалось только до перваго воспоминанія о его матери. Онъ пытался сосать буйволовую подушку, шарилъ, отыскивалъ, что ему было нужно, но вездѣ встрѣчалъ только одни волоса и шерсть. Тогда онъ разсердился и началъ громко кричать. Одинъ разъ онъ набралъ волосъ въ ротъ отъ своей искусственной матери и чуть не задохся. Тогда я выбросилъ этотъ несчастный мѣшокъ.

«Спустя недѣлю я могъ кормить его съ ложки и давать ему пищу болѣе питательную. Онъ очень любилъ размоченные сухари, смѣшанные съ яйцами и сахаромъ, а также картофель, посыпанный сахаромъ. Очень курьезно было наблюдать рѣзкія перемѣны въ его лицѣ, гримасы, которыя вызывало въ немъ то, что ему нравилось или не нравилось. Когда кусокъ, взятый имъ въ ротъ, нравился ему, тогда онъ облизывалъ губы и съ наслажденіемъ поворачивалъ свои глаза. Если же ему давали что-нибудь, что ему не нравилось, то онъ кричалъ и толкался ногами, совершенно такъ, какъ маленькій, грудной ребенокъ.

«Прошло три недѣли, и я досталъ маленькаго макака. Это была очень живая обезьянка и ѣла сама. Я ее положилъ въ ящикъ къ міассу. Они не боялись другъ друга и сейчасъ же сдружились превосходнымъ образомъ. Маленькая обезьянка садилась на брюхо къ міассу или даже ему на лицо. Когда я давалъ ѣсть міассу обезьянка была всегда возлѣ него. Она подбирала крошки, а по временамъ пыталась схватить ложку, на которой я давалъ ему кормъ. Когда я кончалъ его кормить, тогда она облизывала ему морду, раскрывала ему ротъ и заглядывала въ него, не осталось ли тамъ какой-нибудь крошки. Она сидѣла на его животѣ, какъ на мягкой подушкѣ. Міассъ переносилъ съ примѣрнымъ терпѣніемъ всѣ эти обиды и былъ очень доволенъ тѣмъ, что могъ обнять съ чувствомъ нѣжности что-нибудь теплое. Иногда онъ отплачивалъ макаку тѣмъ, что не пускалъ его, когда тотъ хотѣлъ идти. Онъ держалъ его за шиворотъ, за голову или за хвостъ, и обезьянка могла вырваться изъ этихъ задержекъ только сильными прыжками.

«Интересно было наблюдать совмѣстную жизнь этихъ двухъ обезьянъ, почти одинаковаго возраста. Міассъ былъ похожъ на грудного ребенка. Онъ лежалъ обыкновенно на спинѣ и переваливался съ боку на бокъ. Вытягивалъ всѣ четыре руки кверху, какъ будто хотѣлъ схватить что-то, но до этого «что-то» не могъ достать руками. Огорченный этимъ безсиліемъ, онъ открывалъ громадный, беззубый ротъ и разражался настоящимъ дѣтскимъ крикомъ. Маленькая обезьянка, напротивъ, была въ постоянномъ движеніи, бѣгала и прыгала, осматривала все окружающее, схватывала осторожно самые мелкіе предметы, бѣгала и балансировала по краямъ ящика, въ которомъ лежалъ міассъ, и по дорогѣ все, что она считала съѣдобнымъ, упрятывала въ ротъ. Трудно было представить себѣ болѣе полный контрастъ, и при сравненіи міассъ казался еще болѣе младенцемъ. Я держалъ его уже около мѣсяца, и онъ начиналъ уже пріучаться ходить одинъ. Когда онъ былъ на землѣ, онъ ползалъ на своихъ ногахъ или перекатывался и подвигался такимъ образомъ очень медленно. Когда онъ лежалъ въ ящикѣ, въ своей колыбели, онъ пытался вставать, приподымаясь до краевъ. Разъ или два ему удалось встать и вывалиться изъ ящика. Если ему случалось запачкаться или онъ былъ голоденъ, или если о немъ забывали, то онъ начиналъ кричать, и крикъ его былъ похожъ на кашель или на шумъ насоса и очень напоминалъ тотъ крикъ, который издаетъ взрослое животное. Если никого не было дома, или если не отвѣчали на его крики, то онъ переставалъ, но какъ только слышалъ шаги, снова начиналъ неистово кричать.

«Черезъ пять недѣль два переднихъ зуба вверху начинали прорѣзываться. Но во все это время онъ ни мало не выросъ и вѣсилъ столько же, какъ и въ день его поимки. Это, безъ сомнѣнія, было слѣдствіемъ недо-

статка молока или другой пластической пищи. Рисовая вода, рисъ и сухари плохо замѣняли материнское молоко, а кокосовое молоко, которое я давалъ ему по временамъ, не переваривалось его желудкомъ. Отъ всей этой пищи развился катаръ, отъ котораго несчастный сильно страдалъ. Пріемъ касторовaго масла вылѣчилъ его. Черезъ двѣ недѣли онъ снова заболѣлъ, и на этотъ разъ болѣе серьёзно. У него были всѣ припадки перемежающейся лихорадки, сопровождаемой опухолью ногъ и головы. Онъ потерялъ аппетитъ и умеръ отъ истощенія черезъ недѣлю. Онъ жилъ у меня три мѣсяца, и я сильно жалѣлъ о своемъ маленькомъ любимцѣ».

Послѣ всѣхъ приведенныхъ наблюденій мы можемъ сравнить гориллу съ міассомъ и сдѣлать выводъ изъ этого сравненія. Въ томъ и другомъ типѣ первое и главное вниманіе сосредоточивается на внѣшнемъ видѣ и на выраженіи лица той и другой обезьяны. У гориллы нѣтъ лба, т. е. той части лица, отъ которой преимущественно зависитъ величина лицеваго угла. Надбровныя дуги у нея сильнѣе выдаются, чѣмъ у орангъ-утанга, и прямо отъ этихъ дугъ начинается верхняя часть головы. Эта особенность дѣлаетъ лицо гориллы болѣе угрюмымъ и свирѣпымъ, чѣмъ лицо міасса. Притомъ лицо гориллы не тѣлеснаго цвѣта, а черное. Лицо орангъ-утанга, не смотря на его уродливость, болѣе приближается къ лицу человѣка, чѣмъ лицо гориллы.

Длинныя узкія руки міасса напоминаютъ тотъ типъ руки, который Карусъ называлъ «психическимъ». У гориллы руки поражаютъ своей массивностью и короткими, толстыми «моторными» пальцами. Одна уже эта особенность заставляетъ поставить орангъ-утанга выше, или правильнѣе, ближе къ человѣку.

У гориллы бѣшеный, необузданный характеръ. Она бросается по первому поводу на человѣка и на всякое животное. Міассъ выказываетъ обдуманную медленность во всѣхъ своихъ поступкахъ. Онъ тихъ и ровенъ во всѣхъ своихъ движеніяхъ. При первомъ взглядѣ на ту и другую обезьяну, наружность орангъ-утанга кажется болѣе уродливой съ его непомѣрно длинными передними руками. Притомъ длинные прямые волосы, сидящіе только мѣстами, придаютъ ему дикій видъ какого-то страннаго чудовища. Но всякій, кто пристальнѣе посмотритъ на наружность той и другой обезьяны, навѣрное согласится, что лучше имѣть дѣло съ этимъ косматымъ чудовищемъ, чѣмъ съ менѣе уродливой, но болѣе свирѣпой и злобной африканской обезьяной.

Въ особенности уродлива въ лицѣ орангъ-утанга сильно развитая нижняя часть его—длинная, выпуклая и голая. Ея сильное развитіе, какъ кажется, соотвѣтствуетъ развитію лба, болѣе выпуклаго въ его передней части, чѣмъ у гориллы.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія голландскій экипажъ одного корабля высадился на Суматрѣ, и матросы этого экипажа, вооруженные пиками и ружьями, отправились бродить въ красивомъ, дѣвственномъ лѣсу. Они вскорѣ увидали на одномъ высокомъ деревѣ орангъ-утанга. Они тотчасъ окружили это дерево и принудили животное спуститься на землю. Тогда между ними и міассомъ завязалась отчаянная схватка, но она не долго продолжалась, израненный звѣрь упалъ на землю и пересталъ защищаться. Умирая, онъ обвелъ своихъ враговъ такимъ грустнымъ взглядомъ и испустилъ такой жалобный стонъ, что у всѣхъ нападавшихъ на него людей опустились руки, и они съ недоумѣніемъ вопросительно посмотрѣли другъ на друга, какъ бы спрашивая:

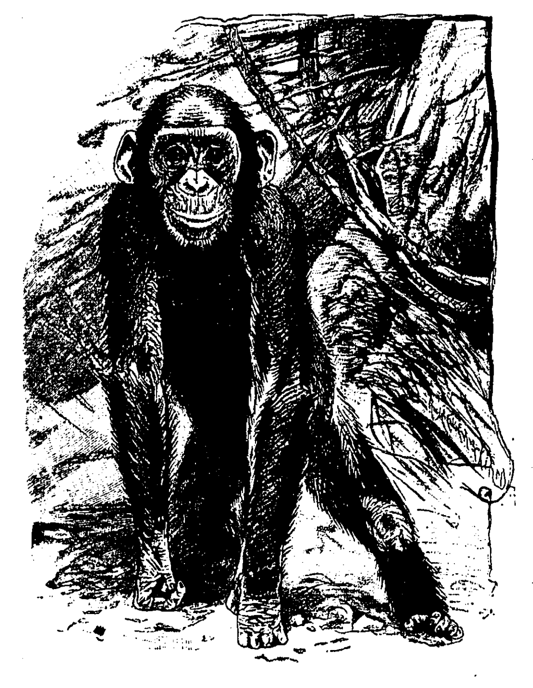
— Кого они убили? Звѣря или человѣка?

Для полноты вывода намъ не достаетъ еще познакомиться съ однимъ типомъ человѣкообразныхъ обезьянъ, съ шимпанзе.

3. Шимпанзе.

Тамъ, гдѣ водится горилла, тамъ живетъ еще одна человѣкообразная обезьяна, болѣе близкая къ человѣку, чѣмъ міассъ и горилла. Африканцы зовутъ эту обезьяну *нщiего-мбуве-бамъ* или *чимпензе*. У насъ въ Европѣ она извѣстна подъ именемъ шимпанзе.

Она живетъ небольшими обществами въ непроходимыхъ лѣсахъ центральной Африки, но изрѣдка въ одиночку попадается и въ нижней Гвинеѣ. Ростомъ она не болѣе 2 аршинъ, и такой вышины достигаютъ только старые самцы.

Шимпанзе.

Недавно (въ концѣ января 1898 г.) одну такую небольшую обезьяну привезли въ Петербургъ. Одна дама, увидѣвъ ее, вскричала:

— Смотрите! она глядитъ, какъ человѣкъ!..

И дѣйствительно въ довольно большихъ черныхъ глазахъ шимпанзе столько выразительности, столько пониманія и чувства, что, смотря на нее, невольно забываешь, что предъ нами животное, а не двухлѣтняя дѣвочка съ умными, задумчивыми и кроткими глазами. Къ довершенію иллюзіи она одѣта была, какъ дѣвочка, въ ситцевую простенькую блузу.

Взглянувъ на лицо и на круглую головку этой дѣвочки, покрытую черными, короткими волосами, какъ бы остриженную подъ гребенку, вы невольно удивитесь: почему у нея такъ сильно выдается нижняя часть лица и такія громадные уши? Почему только эта нижняя часть имѣетъ бѣлый тѣлесный цвѣтъ, а все остальное, лобъ и щеки—какія-то смуглые, черноватые? Наконецъ, почему брови, или, лучше сказать, надбровныя дуги тоже тѣлеснаго, почти бѣлаго цвѣта. Вы догадываетесь, что передъ вами не дѣвочка, а какое-то животное, обезьяна. Но мало ли, думаете вы, какихъ людей, племенъ и расъ, негровъ и папуасовъ ни живетъ на землѣ, и, взглянувъ еще разъ на выразительные, задумчивые глазки обезьяны, вы положительно рѣшаете, что передъ вами не животное, а ребенокъ.

Таково первое впечатлѣніе, которое производитъ на васъ шимпанзе. Но смотрите дольше, внимательнѣе. Вотъ ваша дѣвочка тихо, медленно потянулась на своей крохотной кроваткѣ, сбросила съ себя одѣяльце, или скорѣе какой-то ситцевый лоскутокъ, подъ которымъ она никакъ не можетъ согрѣться, и потянулась къ висящей подлѣ ея кроватки небольшой трапеціи. Она тихонько усѣлась на нее и, ухватившись руками за веревки, начала медленно качаться, посматривая на васъ и на всю глазѣющую на нее публику.

Вы принесли съ собой небольшой мандаринъ и положили его ей въ клѣтку, когда она еще лежала въ своей кроваткѣ. Она медленно поднялась, медленно протянула руку и, взявъ апельсинъ, поднесла его ко рту. Она пробовала грызть его, наконецъ сорвала съ одного бока

всю кожуру и начала сосать его. Высосавъ его, она бросила кожуру и усѣлась неподвижно, въ уголъ на свою кроватку.

Во всѣхъ ея движеніяхъ вы не видите ничего обезьяньяго, ничего похожаго на простые, отрывочные, быстрые рефлексы. Всѣ ея движенія медленны, плавны, какъ бы обдуманны. Она не дѣлаетъ гримасъ, ужимокъ. Ея лицо мало подвижно, и только одни глаза говорятъ такъ ясно, выразительно.

Я припоминаю теперь двухъ малоголовыхъ (микроцефаловъ), которыхъ мнѣ показывали въ Бернѣ, въ городскомъ госпиталѣ. Въ нихъ ничего не было похожаго на движенія обезьянъ, и точно также въ этой дѣвочкѣ—шимпанзе, въ ея движеніяхъ, не выражалось никакого сходства съ движеніями обезьянъ.

Но эти движенія мало походили и на движенія человѣка. Это были движенія и пріемы существа разумнаго, но не вполнѣ свободно владѣющаго своими поступками. Каждое движеніе онъ сначала обдумаетъ и затѣмъ уже совершитъ, но совершитъ медленно, осторожно, нерѣшительно. Можетъ быть это происходило отъ болѣзненнаго, вялаго состоянія животнаго. На волѣ, при естественныхъ, нормальныхъ условіяхъ, вѣроятно всѣ эти движенія совершаются быстрѣе, вполнѣ свободно, и тогда можетъ быть въ ихъ быстротѣ и отрывочности выражается сходство съ движеніями обезьянъ.

Вотъ что разсказываетъ дю-Шаллью объ одномъ маленькомъ шимпанзе, который вѣроятно былъ одинхъ лѣтъ съ содержащимся здѣсь, въ Петербургѣ.

Но я думаю, будетъ не безынтересно привести разсказъ о томъ, какъ этотъ маленькій шимпанзе былъ найденъ и пойманъ. Дю-Шаллью ходилъ вмѣстѣ съ своими людьми по лѣсу. «Въ полдень,—говоритъ онъ,—мы проходили маленькую площадку на горѣ и въ это время услыхали крикъ, который мнѣ показался крикомъ ншіего-мбуве. Услыхавъ этотъ крикъ, я сдѣлался снова бодрымъ, и вся усталость и болѣзненное недомоганіе улетѣли. Мы тихонько подкрались къ тому мѣсту, откуда раздавался крикъ. И когда подошли, то увидали самку шимпанзе, скачущую на четырехъ ногахъ и придерживающую маленькаго, который прицѣпился къ ея груди. Она очевидно ѣла какой-то плодъ и въ тоже время одной рукой поддерживала маленькаго».

Одинъ изъ людей, сопровождавшихъ дю-Шаллью и стоявшихъ ближе, приложился и выстрѣлилъ. Она упала убитая на поваль, а маленькій началъ неистово кричать и крѣпче прижался къ ея тѣлу, стараясь спрятать свою голову на ея груди.

«Мы съ радостью бросились къ нему, чтобы взять его, и я никогда не забуду моего удивленія при видѣ его лица, совершенно бѣлаго, тогда какъ лицо его матери было чернѣе сажи (*). Маленькій былъ не болѣе фута въ длину. Одинъ изъ людей, бывшихъ со мной, набросилъ на него какую-то ткань, и мы завязали его веревкой въ узелъ, изъ боязни, что онъ убѣжитъ отъ насъ. Я приказалъ возвратиться въ нашъ лагерь, и мы къ вечеру вернулись во свояси.

«Когда мы пришли домой и поднесли маленькаго шимпанзе къ трупу его убитой матери, то онъ бросился на этотъ трупъ, но, ощупавъ ея лицо и грудь, вѣроятно понялъ, что произошла какая-то существенная перемѣна. Нѣсколько минутъ онъ гладилъ, ласкалъ ее, какъ будто хотѣлъ возвратить ее къ жизни. Затѣмъ, потерявъ всякую надежду на успѣхъ, отдался полному отчаянью. Его глаза приняли глубоко печальное выраженіе, и онъ кричалъ и стоналъ, такъ что всѣ живущіе въ лагерѣ были глубоко тронуты. Женщины плакали.

(*) Если этотъ разсказъ справедливъ, то при сравненіи его съ разсказами другихъ путешественниковъ и наблюдателей можно вывести такое заключеніе: цвѣтъ лица у шимпанзе не имѣетъ ничего твердо опредѣленнаго: черный пигментъ можетъ отлагаться или нѣтъ.

«Мы были уже свидѣтелями,—говоритъ дю-Шаллью,—такой же сцены, когда отнимали маленькихъ горилль отъ труповъ ихъ матерей. Не странно ли, что существа столь различныя, несходныя характерами, выказываютъ, когда они молоды, одинаковую привязанность къ груди, которая ихъ кормила, и что самые свирѣпые изъ нихъ способны къ такимъ нѣжнымъ чувствамъ.

«Я,—говоритъ дю-Шаллью,—не могъ надивиться бѣлому цвѣту лица маленькаго шимпанзе. Въ то время, когда я смотрѣлъ и дивовался на него, двое изъ моихъ охотниковъ—негровъ подошли и сказали со смѣхомъ:

— Вотъ, Шелли (такъ они звали Дю-Шаллью), смотрите на вашего бѣлаго брата! Каждый разъ, какъ мы убивали гориллу, вы говорили намъ: вотъ! смотрите на вашего чернаго родственника. Теперь наша очередь смѣяться: видите, у него такіе же короткіе, прямые волосы, какъ у васъ, смотрите на бѣлое лицо вашего лѣсного брата. Онъ ближе къ вашей семьѣ, чѣмъ горилла къ нашей.

И они разразились громкимъ смѣхомъ.

— Да! — сказалъ дю-Шаллью: — но когда онъ выростетъ, то его лицо сдѣлается чернымъ, какъ у васъ, и если его волосы похожи на мои, то его носъ совершенно такой же, какъ у васъ.

И снова раздался оглушительный смѣхъ. Негръ готовъ хохотать по всякому поводу и даже безъ всякаго повода.

Черезъ три дня маленькій шимпанзе сдѣлался совершенно ручнымъ. Дю-Шаллью назвалъ его: «Томи». Онъ бралъ сухари изъ его рукъ, ѣлъ вареный рисъ и жареные бананы, и пилъ козье молоко. Прошло двѣ недѣли, и Дю-Шаллью спустилъ его съ привязи. Онъ бѣгалъ по всему лагерю.

Онъ сильно привыкъ къ Дю-Шаллью и бѣгалъ за нимъ всюду, какъ собаченка. «Когда я садился,—говоритъ Дю-Шаллью,—онъ непремѣнно взлѣзалъ ко мнѣ на колѣна и пряталъ свою голову на моей груди. Онъ очень любилъ, чтобы его ласкали. И по цѣлымъ часамъ лежалъ и нѣжился, если ему чесали голову или спину».

«Къ сожалѣнію, онъ вскорѣ сдѣлался воришкой. Когда жители покидали свои хижины, онъ забирался въ нихъ и таскалъ бананы и рыбу. Онъ караулилъ минуту, когда хозяева уйдутъ, и распоряжался безъ церемоніи. Я нѣсколько разъ наказывалъ его за это, но никакъ не могъ ему растолковать, что значитъ чужая собственность, и внушить къ ней уваженіе.

«Въ особенности онъ нападалъ на меня. Онъ замѣтилъ, что въ моей хижинѣ было больше плодовъ, что бананы въ ней были спѣлѣе. Онъ скоро подмѣтилъ, что самая удобная минута для его воровства было время моего крѣпкаго утренняго сна. Онъ проскальзывалъ на цыпочкахъ въ мою палатку и, видя, что я сплю, шелъ болѣе смѣло и похищалъ нѣсколько банановъ. Чуть только я дѣлалъ какое-нибудь движеніе, онъ исчезалъ, какъ молнія, и немного погодя опять прокрадывался въ палатку. Если я открывалъ глаза въ ту минуту, когда онъ приготовился воровать, то онъ мгновенно измѣнялъ выраженіе своего лица и подходилъ ласкаться ко мнѣ, хотя не переставалъ коситься на тотъ уголъ, въ которомъ лежали бананы.

«У моей хижины не было дверей. Она закрывалась циновкой. Уморительно было видѣть, какъ Томи приподнималъ уголъ этой циновки, чтобы посмотрѣть: сплю я или нѣтъ? Иногда я притворялся спящимъ и раскрывалъ глаза въ тотъ самый моментъ, когда онъ набиралъ бананы, чтобы ихъ стащить. Онъ тотчасъ же бросалъ ихъ и убѣгалъ въ страхѣ и смущеніи.

«Онъ зналъ часы обѣда и старался присутствовать при всѣхъ обѣдахъ, т. е. обходилъ съ полдюжины палатокъ и хижинъ и въ каждой что-нибудь выпрашивалъ. Но онъ никогда не пропускалъ моего обѣда или завтрака, потому что опытомъ узналъ, что онъ былъ лучше,

чѣмъ у другихъ. Я обѣдалъ за грубо сколоченнымъ столомъ, но этотъ столъ былъ слишкомъ высокъ для Томи. Тогда онъ взлѣзалъ на высокіе шесты, на которыхъ была утверждена крыша, и сверху осматривалъ, что было подано на столъ, затѣмъ уже слѣзалъ и садился подлѣ меня.

«Если я не обращалъ вниманія на него, онъ начиналъ кричать: «Геу! геу!» громче и громче, до тѣхъ поръ, пока я не давалъ ему то, что онъ требовалъ. Если я давалъ ему не то кушанье, которое онъ выбралъ, то онъ безъ церемоніи съ недовольнымъ крикомъ бросалъ его на полъ и повторялъ этотъ манёвръ до тѣхъ поръ, пока не давали ему то, чего онъ желалъ. Однимъ словомъ, онъ велъ себя, какъ избалованное дитя.

«Если же я ему давалъ именно то, что онъ просилъ, тогда онъ издавалъ ласковое, тихое ворчанье и, протянувъ ко мнѣ руку, крѣпко пожималъ мою руку. Большой любитель костей говяжьихъ или рыбьихъ, онъ безпрестанно собиралъ ихъ по всей деревнѣ и съ наслажденіемъ грызъ. Онъ всегда тянулся къ моему кофе и хотѣлъ его отвѣдать, и если я давалъ ему безъ сахару, то онъ отворачивался.

«Я сдѣлалъ ему небольшую подушку въ родѣ постельки, и она такъ ему понравилась, что онъ не могъ съ ней разстаться, и всюду таскалъ ее съ собой. Если кто-нибудь ради шутки пряталъ ее, то объ этомъ тотчасъ же узнавалъ весь лагерь, такъ какъ Томи кричалъ неистово и жалобно. Онъ спалъ на этой подушкѣ, свернувшись клубкомъ, и оставлялъ ее только для того, чтобы идти со мной въ лѣсъ. По мѣрѣ того, какъ онъ привыкалъ къ намъ, онъ становился болѣе нетерпѣливымъ и поминутно требовалъ, чтобы его ласкали. Когда же ему противорѣчили, онъ начиналъ ворчать самымъ непріятнымъ образомъ.

Орангъ-утангъ.

«Приближалось сухое, холодное время, и Томи никакъ не хотѣлъ спать одинъ. Ему было холодно. Негры не пускали его къ себѣ на постель, я также не давалъ ему мѣста на своей постели, такъ что бѣдный Томи чувствовалъ себя очень скверно. Но я вскорѣ подсмотрѣлъ, что онъ выжидалъ, чтобы кто-нибудь изъ негровъ заснулъ крѣпче; тогда онъ тихонько пробирался подъ одѣяло этого заснувшаго и спалъ до разсвѣта. Затѣмъ просыпался и тихонько уходилъ во свояси. Нѣсколько разъ его накрывали на этой продѣлкѣ и сильно наказывали, но онъ снова принимался за то же.

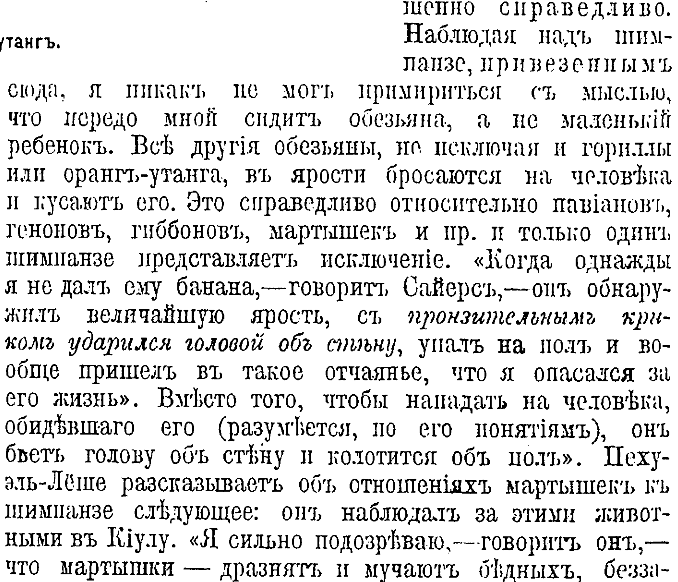
«Къ воровству онъ присоединилъ еще одинъ порокъ цивилизаціи. Онъ пристрастился къ крѣпкимъ напиткамъ. Онъ проникалъ повсюду, куда негръ припрятывалъ свое пальмовое вино. Онъ питалъ особенное пристрастіе къ шотландскому элю, котораго у Дю-Шаллью было нѣсколько бутылокъ. Онъ нападалъ также и на водку, и она его окончательно сгубила.

«Одинъ разъ,—разсказываетъ Дю-Шаллю,—я вышелъ изъ дому и забылъ бутылку водки на одномъ изъ моихъ ящиковъ. Возвратясь, я нашелъ только одни осколки отъ бутылки, а «мистеръ Томъ» сидѣлъ надъ этими осколками и былъ мертвецки пьянъ. Увидя меня, онъ поднялся, шатаясь, и хотѣлъ идти ко мнѣ, но его ноги отказались служить. Онъ вставалъ и опять падалъ. Его глаза блестѣли. Онъ протягивалъ руки и хваталъ ими воздухъ. Словомъ, изображалъ изъ себя совершенно пьянаго человѣка. Я его жестоко наказалъ, что нѣсколько отрезвило его, но разумѣется не излѣчило отъ пьянства.

«Онъ привыкъ жить съ нами, совершенно какъ нашъ товарищъ. Когда наступало холодное время и негры раскладывали костеръ, то и онъ вмѣстѣ съ ними садился около огня и, неизвѣстно о чемъ, думалъ. Какъ-то странно было видѣть его совершенно бѣлое лицо среди кружка черныхъ лицъ. Во всей его фигурѣ было что-то задумчивое и печальное».

Одинъ разъ онъ цѣлый день ничего не ѣлъ. Дю-Шаллью послалъ въ лѣсъ, чтобы набрали тѣхъ плодовъ, которые онъ любилъ, но онъ упорно оказывался отъ ѣды и черезъ два дня тихо скончался. «Онъ прожилъ у меня,—говоритъ Дю-Шаллью,—болѣе пяти мѣсяцевъ, и мнѣ было тяжело потерять его. Негры также были видимо огорчены его потерей».

Шимпанзе выказываетъ гораздо больше психическихъ свойствъ человѣка, чѣмъ всѣ другія обезьяны. «Съ нимъ,—говоритъ Пехуэль-Лёше,—нельзя обходиться, какъ съ животнымъ, но должно обращаться, какъ съ человѣкомъ». Въ его характерѣ и поступкахъ такъ много человѣческихъ чертъ, что почти забываешь въ немъ животное. И это совершенно справедливо. Наблюдая надъ шимпанзе, привезеннымъ

сюда, я никакъ не могъ примириться съ мыслью, что передо мной сидитъ обезьяна, а не маленькій ребенокъ. Всѣ другія обезьяны, не исключая и гориллы или орангъ-утанга, въ ярости бросаются на человѣка и кусаютъ его. Это справедливо относительно павіановъ, геноновъ, гиббоновъ, мартышекъ и пр. и только одинъ шимпанзе представляетъ исключеніе. «Когда однажды я не далъ ему банана,—говоритъ Сайерсъ,—онъ обнаружилъ величайшую ярость, съ *пронзительнымъ крикомъ ударился головой объ стѣну*, упалъ на полъ и вообще пришелъ въ такое отчаяніе, что я опасался за его жизнь». Вмѣсто того, чтобы нападать на человѣка, обидѣвшаго его (разумѣется, по его понятіямъ), онъ бьетъ голову объ стѣну и колотится объ полъ». Пехуэль-Лёше разсказываетъ объ отношеніяхъ мартышекъ къ шимпанзе слѣдующее: онъ наблюдалъ за этими животными въ Кіулу. «Я сильно подозрѣваю,—говоритъ онъ,—что мартышки — дразнятъ и мучаютъ бѣдныхъ, беззащитныхъ шимпанзе, до тѣхъ поръ пока первобытный лѣсъ не огласится ихъ неистовымъ, оглушительнымъ крикомъ».

Но изъ этого разсказа не должно заключить о совершенной неспособности шимпанзе къ самозащитѣ. Нѣтъ, клыки его выдаются изъ ряда зубовъ, хотя никогда не достигаютъ такого развитія, какъ у міасса и гориллы. Если онъ принужденъ бороться, то непремѣнно обхватываетъ человѣка и кусается. Онъ только отличается болѣе миролюбивыми свойствами, чѣмъ всѣ другія обезьяны. До сихъ поръ постоянно наблюдали, что шимпанзе въ неволѣ отличается кротостью, благоразуміемъ и общительностью.

Далѣе тотъ же добросовѣстный наблюдатель Пехуэль-Лёше сообщаетъ слѣдующее изъ своихъ наблюденій надъ шимпанзе:

«Шимпанзе понимаетъ, что ему говорятъ: и мы его понимаемъ, потому что онъ умѣетъ выражать свои чувства. Мимика лица, въ особенности глаза его умѣютъ выражать самомалѣйшіе оттѣнки его чувствъ и мыслей. Онъ понимаетъ свое собственное состояніе и сознаетъ свое положеніе. Въ своихъ отношеніяхъ къ человѣку, онъ понимаетъ, что это есть высшее существо, а себя онъ также считаетъ высшимъ существомъ въ отношеніи къ другимъ животнымъ. Онъ поступаетъ не одинаково со взрослыми людьми и съ дѣтьми. Онъ понимаетъ разницу между ними. Съ первыми онъ серьезенъ, со вторыми шаловливъ. Онъ невольно и безсознательно любитъ ихъ такъ же и въ силу тѣхъ же причинъ, почему мы, взрослые, любимъ дѣтей. Они безпокоятъ его, надоѣдаютъ ему, дразнятъ его, а онъ все-таки любитъ и ласкаетъ ихъ.

Орангъ-утангъ.

Онъ не только любопытенъ (какъ всѣ обезьяны и дѣти), онъ и любознателенъ. Если какой-нибудь предметъ займетъ его и ему сумѣютъ растолковать, для чего служитъ этотъ предметъ, то онъ всегда относится къ нему съ особеннымъ вниманіемъ. Онъ умѣетъ сопоставлять свойства предметовъ и дѣлать изъ этого сопоставленія логическіе выводы.

Лицо его, или, лучше сказать, мускулы этого лица сильно подвижны. Они отлично выражаютъ разныя душевныя движенія: гнѣвъ и радость, страхъ и покойное, довольное состояніе. Онъ никогда не улыбается, но по его лицу или глазамъ тотчасъ можно узнать, въ грустномъ или радостномъ настроеніи онъ находится. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ можетъ даже хохотать. Талантливый иллюстраторъ «Жизни животныхъ» Брэма—Шпехтъ — разсказываетъ слѣдующее объ одномъ шимпанзе, котораго онъ видѣлъ въ звѣринцѣ, въ Штутгардтѣ: «Нашъ шимпанзе,—говоритъ онъ,—можетъ смѣяться, какъ человѣкъ. Когда я бралъ на руки это милое животное, бросалъ его, какъ мячъ, и снова ловилъ, то радости его не было границъ. Онъ хохоталъ громкимъ смѣхомъ».

Это напоминаетъ мнѣ хохотъ моего пятимѣсячнаго сына. Онъ также радовался и громко хохоталъ, когда его мать играла съ нимъ, подбрасывала его на воздухъ и снова ловила.

Не представляетъ ли организмъ шимпанзе съ психической стороны недоразвившійся организмъ человѣка? До сихъ поръ еще никто не задавалъ себѣ такой задачи и не ставилъ вопросъ на эту почву. Можетъ быть дальнѣйшее изученіе опытнымъ путемъ докажетъ, что здѣсь, въ организмѣ животнаго, существуетъ небольшая черточка, которую перешагнуть онъ никакъ не можетъ. И эта-то черточка отдѣляетъ безсмертную душу человѣка отъ міра животныхъ.

Шпехтъ передаетъ еще нѣсколько странныхъ, человѣческихъ чертъ характера, которыя онъ наблюдалъ у шимпанзе въ Штутгардтскомъ зоологическомъ саду. Если шимпанзе щекотать пятки или подъ мышками, то онъ такъ же смѣется, какъ и человѣкъ. «Въ настоящее время,—говоритъ онъ,—садъ владѣетъ двумя шимпанзе: самкой и самцомъ. Когда самку въ небольшой клѣткѣ привезли и поставили въ большую клѣтку самца, устланную ватой, то самецъ видимо изумился. Сперва оба они минуту дичились, затѣмъ кинулись другъ другу въ объятія и начали цѣловаться. И это они продѣлывали нѣсколько разъ. Когда самкѣ дали ея одѣяло, она разостлала его по полу клѣтки, сѣла и приглашала самца сѣсть подлѣ нея. Трогательно было смотрѣть на нихъ, когда они сидѣли за обѣдомъ другъ противъ друга и мирно ѣли ложками, не ссорясь и не обижая другъ друга. Когда самцу ставили стаканъ съ питьемъ, самка тихонько возьметъ его и отопьетъ нѣсколько глотковъ, а затѣмъ снова поставитъ стаканъ на мѣсто, какъ будто говоря: «тебѣ не надо пить много».

Шимпанзе вообще терпѣливъ и выносливъ. Онъ покорно исполняетъ приказанія пользующаго его доктора. Я приведу здѣсь разсказъ д-ра Мартини, приглашеннаго къ больному шимпанзе. Это было зимой, во время самаго тяжелаго, холоднаго, вѣтрянаго времени. Мартини тотчасъ же явился на зовъ, разсуждая вполнѣ справедливо, что ему, какъ врачу, приличнѣе лѣчить обезьяну, такъ близко стоящую къ человѣку, чѣмъ простому ветеринару. «Я видѣлъ,—говоритъ Мартини,—эту самую обезьяну во время ея игриваго, веселаго настроенія и весьма удивился происшедшей съ ней перемѣной. Она лежала, какъ мертвая, закутанная по горло одѣяломъ. И когда она выходила изъ своего апатичнаго состоянія, кашель сильно мучилъ ее. Она тяжело и скоро дышала. Изслѣдовавъ больную, докторъ нашелъ у нея измѣненіе въ ткани верхней части легкихъ, воспаленіе ихъ и гнойное скопленіе около щитовидной железы, которое очевидно давило на близлежащія части, сильно сдавливало горло и мѣшало дыханію. Необходимо было вскрыть нарывъ. Но какъ это

сдѣлать? Состояніе легкихъ не допускало употребленія хлороформа, а операція была такого рода, что малѣйшая ошибка въ направленіи ножа—угрожала смертью. Я посовѣтовался съ приглашеннымъ товарищемъ, и мы рѣшили сдѣлать операцію насильно. Четыре человѣка должны были держать больного шимпанзе, но, несмотря на все ихъ старанія, шимпанзе отбросилъ ихъ и пришелъ въ такую ярость, что мы должны были удалить ихъ. Долгими уговорами и ласками намъ удалось наконецъ успокоить его. Онъ затихъ и далъ намъ возможность еще разъ изслѣдовать опухоль. Видя его полное спокойствіе, мы рѣшились рисковать и сдѣлать операцію, не прибѣгая къ насилію. Шимпанзе сидѣлъ неподвижно на колѣняхъ своего сторожа, къ которому онъ былъ сильно привязанъ. Голова его была наклонена на сторону. Я рѣшилъ воспользоваться этой минутой и быстро сдѣлалъ разрѣзъ. Животное не дрогнуло, не шевельнулось. Гной изъ нарыва вытекъ. Дыханіе сдѣлалось свободнѣе, и больной тотчасъ же почувствовалъ облегченіе. Онъ видимо такъ былъ радъ этому облегченію, что не зналъ, какъ и чѣмъ выразить свою радость. Онъ ко всѣмъ протягивалъ руки и крѣпко обнималъ своего сторожа. Такимъ образомъ нарывъ былъ удаленъ, но воспаленіе легкихъ осталось, и отъ него умеръ несчастный шимпанзе. Сколько мужества и благоразумія,—говоритъ Мартини,—выказалъ шимпанзе въ послѣдніе часы передъ смертью. Онъ былъ такъ кротокъ, послушенъ, терпѣливъ, такъ покорно исполнялъ всѣ приказанія, что съ полной справедливостью можно сказать, что онъ умеръ, *какъ человѣкъ, а не какъ животное*».

Въ нашихъ рукахъ теперь всѣ данныя для сужденія о человѣкообразныхъ обезьянахъ. Мы знаемъ, куда могъ подниматься, всходить этотъ типъ, и гдѣ крайній предѣлъ его; знаемъ потому, что крайняя конечная точка его населяетъ всѣ страны міра и громко и ясно говоритъ намъ, куда были направлены и до сихъ поръ направляются всѣ стремленія человѣка.

Но у типа обезьянъ двѣ исходныхъ точки—начало и конецъ развитія цѣлаго типа. Мы видимъ кульминаціонную точку его, но намъ необходимо, для правильнаго всесторонняго вывода, познакомиться хотя бы въ очеркѣ и съ его началомъ.

4. Обезьяны-бѣлки или игрунки.

Въ тропическихъ лѣсахъ южной Америки, въ Бразиліи и Парагваѣ все наполнено жизнью. Тамъ, въ непроходимыхъ чащахъ, гдѣ тѣсно жить большимъ обезьянамъ, тамъ живуъ въ одиночку, или небольшими стайками, маленькія обезьянки.

Въ нихъ нѣтъ почти ничего обезьяньяго. Въ нихъ вы видите переходъ отъ обезьянъ къ другимъ звѣрямъ, и первое впечатлѣніе при видѣ такой крохотной обезьянки, при видѣ, какъ она бойко, игриво бѣгаетъ по стволамъ большихъ и по вѣтвямъ маленькихъ деревьевъ, у васъ тотчасъ является представленіе о бѣлкѣ. Издали она дѣйствительно похожа на бѣлку,—она также быстра, суетлива, какъ бѣлка. Такія же ушки съ кисточками изъ длинныхъ волосъ. Только эти кисточки, эти пучки волосъ сидятъ не на концахъ ушей, а у ихъ основаній. Такой же пушистый хвостъ, болѣе длинный, чѣмъ у бѣлки, и весь кольчатый, т. е. покрытый темными кольцами. Это хвостъ кошки, а не обезьяны. Правда, мордочка такой обезьянки не похожа на мордочку бѣлки. Эта мордочка тупая съ широко открытыми съ боковъ ноздрями. Когда вы смотрите на нее прямо, en face, вы видите, что это чисто обезьянья мордочка. Вы думаете, что лапки этой странной маленькой обезьянки могутъ вамъ ясно указать, что это дѣйствительно обезьяна, что ея лапы устроены такъ же, какъ и у всѣхъ американскихъ лазуновъ, но и лапки въ этомъ случаѣ не помогутъ вамъ. Правда, вы видите, что это рука, маленькая костлявая рука съ длинными пальцами, что эти пальцы могутъ обхватывать всякій предметъ. Но только на одномъ изъ нихъ—большомъ пальцѣ—плоскій ноготь, какъ у всѣхъ обезьянъ, а на всѣхъ другихъ пальцахъ—большіе, дугообразно изогнутые, кривые, длинные когти. Съ помощью этихъ когтей маленькая обезьянка можетъ легко, быстро бѣгать по деревьямъ, цѣпляясь за неровности ихъ коры.

И цѣлый день, съ ранняго утра до поздняго вечера, эти обезьянки скачутъ, бѣгаютъ по деревьямъ. Онѣ ни на одну минуту не остаются покойными, постоянно живы и веселы, и можетъ быть потому ихъ называютъ *игрунками* и *уистити*. Послѣднее названіе нѣсколько напоминаетъ ихъ крикъ или пискъ, который они издаютъ, бѣгая по деревьямъ.

На толстомъ суку, изогнутомъ дугой (см. рис.), усѣлся или, правильнѣе, присѣлъ одинъ изъ игрунковъ, свѣсивъ свой длинный, пушистый, кольчатый хвостъ. Онъ махнулъ одной изъ своихъ переднихъ лапокъ, махнулъ такъ быстро, что вы даже не замѣтили этого движенія, а въ лапкѣ у него уже очутилась нарядная, красивая бабочка, изъ семейства Геликоновыхъ, бабочка, которыхъ много видовъ летаютъ по лѣсамъ южной Америки. Другой игрунокъ, вѣроятно самка, только успѣла взглянуть на эту бабочку, и въ тотъ же мигъ — бабочка исчезла во рту ея невѣжливаго супруга. Онъ съѣлъ бабочку, не подѣлившись съ своей супругой, и тотчасъ же отправился далѣе, выше, въ припрыжку, по дереву. Онъ, вѣроятно, только пошутилъ. Онъ сейчасъ же поймаетъ другую бабочку, ихъ такъ много летаетъ въ сыромъ лѣсу, и навѣрно отдастъ ее своей подругѣ.

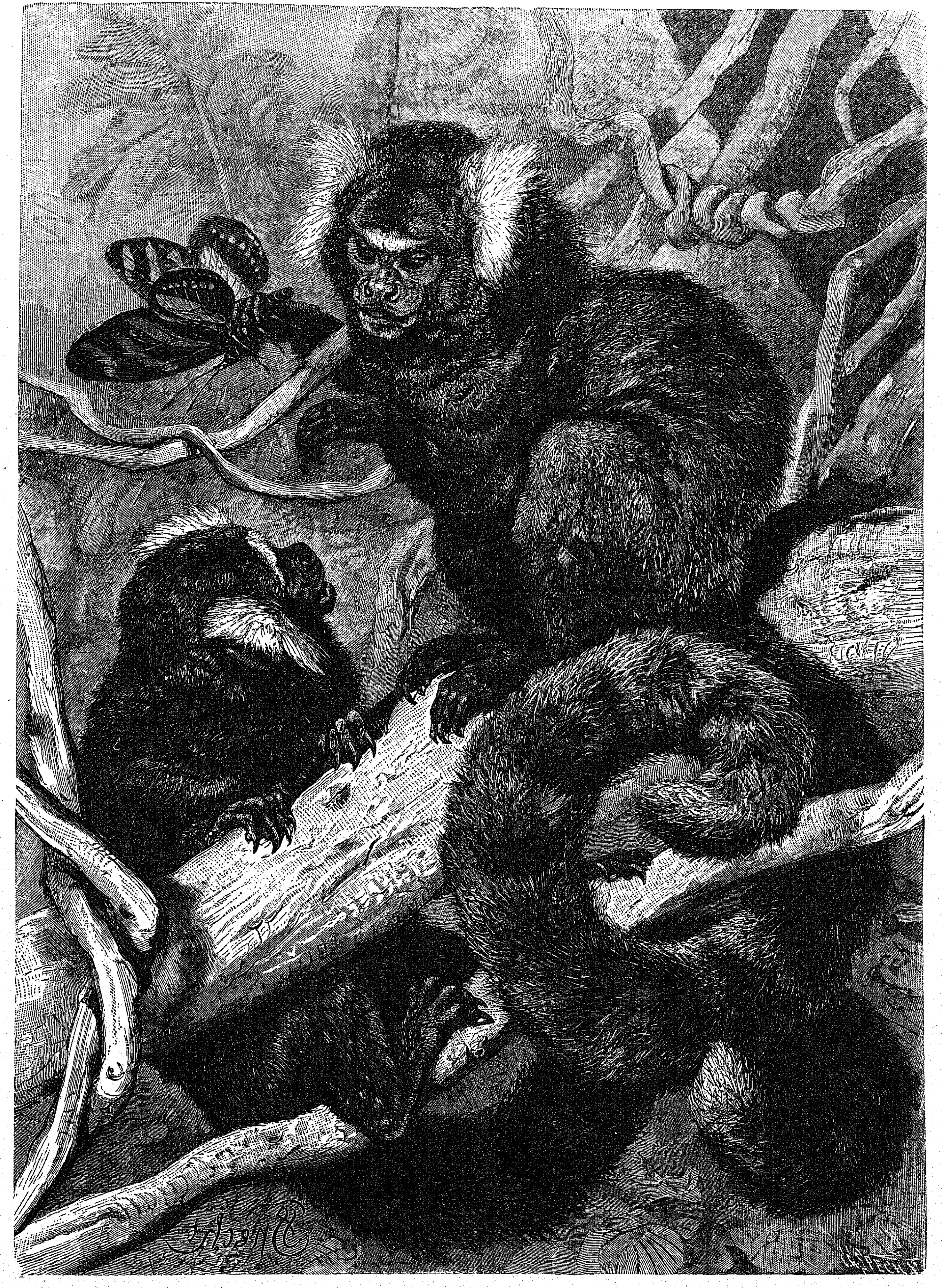
Насѣкомыя для игрунковъ составляютъ «баловство»—родъ лакомства, но главную пищу ихъ составляютъ плоды, которыхъ такъ много въ цвѣтущихъ и плодоносныхъ лѣсахъ Бразиліи. Въ случаѣ ихъ недостатка, онѣ жуютъ и съѣдаютъ листья, почки и даже цвѣты. Впрочемъ цвѣты составляютъ для нихъ тоже родъ лакомства. Онѣ, очевидно, любятъ все ароматное, сладкое и питаютъ отвращеніе ко всему непріятно пахнущему.

Это—дамскія обезьянки, по преимуществу. По крайней мѣрѣ, въ Бразиліи и въ индійскихъ земляхъ всѣ дамы, начиная отъ простыхъ индіанокъ до гордыхъ и богатыхъ аристократокъ, питаютъ маленькое пристрастіе къ этимъ весьма веселымъ игрункамъ, созданнымъ какъ будто для игръ и солнечнаго свѣта. Индіанки носятъ ихъ на головѣ, и обезьянки крѣпко держатся за ихъ жесткіе и прямые волосы.

Съ солнечнымъ свѣтомъ связывается ихъ бодрость и веселое настроеніе. Въ пасмурные, дождливые дни обезьянка не бѣгаетъ, не скачетъ, не играетъ. Она сидитъ хмурая, забившись въ чащу листвы, или просто въ дупло. Въ холодное время онѣ собираются вмѣстѣ, залегаютъ въ какое-нибудь дупло и грѣются общимъ своимъ тепломъ и своими пушистыми шкурками, наконецъ своимъ теплымъ, толстымъ хвостомъ.

Своихъ маленькихъ игрунокъ—матка носитъ на шеѣ и спинѣ. Можетъ быть поэтому онѣ и покрыты длинными волосами. Въ особенности нѣкоторыя изъ парагвайскихъ игрунковъ, такъ называемыя розаліи, также какъ и гамадріилы, имѣютъ густую пелеринку и гриву изъ длинныхъ волосъ. Да, наконецъ, эти пучки волосъ у основанія ихъ ушей также даны заботливой природой для сохраненія и удобства игрункамъ-матерямъ. Ихъ маленькія сидятъ преимущественно на ихъ плечахъ подъ покровомъ густыхъ, длинныхъ волосъ въ пучкахъ ихъ ушей. Онѣ сидятъ тамъ маленькіе, почти голенькія, какъ мышата. Ихъ совсѣмъ не видно въ этихъ пучкахъ волосъ, и только глазки ихъ свѣтятся, какъ свѣтлыя искорки.

Можетъ быть, бразильскія дамы питаютъ симпатію къ игрункамъ потому, что онѣ сами напоминаютъ по характеру игрунковъ (я говорю только о бразильскихъ и южно-американскихъ дамахъ). Онѣ также любятъ тепло

Обезьяны игрунки (уистити).

и свѣтъ. Онѣ любятъ все мягкое, теплое, пушистое; имъ нравятся ароматные, яркіе и нѣжные цвѣты. Неудивительно, что имъ нравятся также и игрунки. Онѣ носятъ ихъ подъ теплыми зимними шарфами и пледами, носятъ просто на голой груди, въ пазухѣ.

Но мужчины вообще не любятъ игрунковъ, во-первыхъ, потому, что они напоминаютъ игрушки, а во-вторыхъ, въ этихъ обезьянкахъ нѣтъ ничего запятнаго. Онѣ поражаютъ слабымъ развитіемъ своихъ умственныхъ способностей, поражаютъ своимъ дѣтскимъ характеромъ и непостоянствомъ. Игрунокъ, какъ маленькій, живой, бойкій ребенокъ, не остается ни на минуту покойнымъ. Онъ бросается туда, сюда, во всѣ стороны. Всякая вещь занимаетъ его на одну минуту, въ слѣдующую онъ уже забылъ о ней и тянется или гоняется за какой-нибудь пестрой бабочкой. Очевидно, центры, задерживающіе рефлексы, у него очень слабы. Онъ стоитъ на уровнѣ дѣтей. И воспитаніе ихъ, и все поведеніе подходитъ всего ближе къ занятіямъ женщинъ, чѣмъ мужчинъ.

Игрунки любятъ, чтобы ихъ нѣжили, гладили, чтобы перебирали длинные, шелковистые волосы ихъ шкурки.

Послѣ всего сказаннаго, понятно, что игрунки не могутъ привязываться къ человѣку долгой и прочной привязанностью, они большіе себялюбцы и въ этомъ случаѣ напоминаютъ кошекъ, а не собакъ.

Почти всѣ игрунки сильно лѣнивы. Если игрунокъ доберется до теплаго мѣста, гдѣ можно лежать спокойно и удобно на солнышкѣ, то его не скоро сгонишь съ этого теплаго мѣста. Въ этомъ случаѣ игрунокъ сходенъ съ кошкой, она можетъ быть очень доброй и быстрой, ловкой и изворотливой во всѣхъ своихъ движеніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ намъ удивительную нѣженку и сибаритку.

Понятно также, сколько хищныхъ, сильныхъ враговъ окружаютъ игрунковъ въ первобытныхъ, густыхъ лѣсахъ южной Америки. Между всѣми этими врагами первое мѣсто занимаютъ хищныя птицы. Отъ всякихъ хищныхъ звѣрей эта обезьянка можетъ спастись своимъ бѣгомъ. Но отъ бразильскаго орла-хохлача можно спастись только полётомъ.

Знаменитый натуралистъ прошлаго столѣтія Палласъ держалъ нѣсколько игрунковъ у себя въ комнатахъ.

Вотъ что онъ разсказываетъ объ этихъ обезьянкахъ: «Очень часто,—говоритъ онъ,—на солнечномъ свѣтѣ, наѣвшись до-сыта, въ плотную, игрунки цѣлые часы проводятъ, сбившись въ общій клубокъ, съ своими товарищами или, крѣпко прицѣпившись къ прутьямъ клѣтки. Игрунокъ лазитъ по всѣмъ направленіямъ головою внизъ, иногда держась одними задними ногами. Иногда онъ тянется, какъ человѣкъ со сна, захватившись только передними ногами. И всѣ эти движенія онъ продѣлываетъ ужасно медленно, какъ человѣкъ съ просонья. Если солнце заглянетъ въ ихъ клѣтки, то игрунки потягиваются и валяются на днѣ клѣтки и при этомъ очень часто перебираютъ, чистятъ, ищутъ въ волосахъ другъ у друга. Субъектъ, котораго такимъ образомъ обыскиваютъ, лежитъ обыкновенно растянувшись во всю длину, нѣжится и тихо щебечетъ, или воркуетъ какъ голубокъ. Съ тѣмъ же воркованьемъ игрунки укладываются спать.

Кромѣ этого щебетанья и воркованья игрунки нерѣдко издаютъ громкій, тонкій и пронзительный крикъ или свистъ, который нѣсколько напоминаетъ ихъ названіе, данное имъ французами: уистити. Увидѣвъ какое-нибудь незнакомое имъ животное, игрунки пугаются и начинаютъ гоготать, т. е. повторять горломъ одинъ и тотъ же звукъ, и усиленно оглядываться, вертѣть головой во всѣ стороны. Когда дразнили старыхъ самцовъ, они хрюкали, вытягивали лапки и старались оцарапать того, кто ихъ дразнилъ. Маленькіе уистити мяукали жалобно, какъ котята, если у нихъ отнимали какую-нибудь игрушку. Они хватаютъ пищу ртомъ, или ѣдятъ сидя на заднихъ лапкахъ, какъ бѣлка.

Въ зимнее, холодное время игрунки сильно зябли и цѣлые часы просиживали на солнцѣ или около желѣзной печки. Въ жаркіе, лѣтніе дни у нихъ дѣлаются судороги, которые рѣдко мучатъ ихъ въ другое время. При этомъ очень трогательно видѣть, какъ всѣ обезьянки ухаживаютъ и хлопочутъ около одной, заболѣвшей обезьянки.

Теперь намъ извѣстны начало и конецъ, первая и послѣдняя буква цѣлаго типа обезьянъ. Мы знаемъ, что первыми слѣдами этого типа, между всѣми звѣрями, являются крохотныя обезьянки игрунки, бѣгающія, какъ бѣлки, по деревьямъ тропическихъ лѣсовъ южной Америки. Въ этихъ обезьянахъ больше простыхъ роковыхъ рефлексовъ, чѣмъ разумныхъ, обдуманныхъ стремленій и движеній. За ними идутъ мартышки и макаки, точно также съ быстрыми рефлекторными движеніями. За ними открывается путь въ сторону, и въ павіанахъ мы находимъ все, что выработалось въ животныхъ и въ человѣкѣ въ отрицательную, злую сторону. Злоба и самолюбіе достигаютъ здѣсь вершины своего развитія. Поднимаясь выше по лѣстницѣ развитія обезьяньяго типа, мы встрѣчаемся наконецъ съ такими обезьянами, которыя въ своемъ умственномъ развитіи стоятъ не ниже какихъ-нибудь дикарей-бушмэновъ или готтентотовъ. Но и здѣсь между этими немногими типами, скрывающимися въ тропическихъ приморскихъ лѣсахъ Африки или Азіи, мы встрѣчаемъ градаціи, ступени развитія.

Дикая звѣрообразная горилла отталкиваетъ наши симпатіи. Эти симпатіи склоняются скорѣе на сторону «лѣсного человѣка»—міасса и еще болѣе на сторону человѣкообразнаго шимпанзе.

Здѣсь на этомъ типѣ природа какъ бы остановилась и не пошла дальше. Но безпристрастному изслѣдователю какъ-то странно и не логично остановиться на этомъ берегу и не постараться перейти тотъ ручей или тотъ ровъ, который отдѣляетъ человѣка отъ всѣхъ другихъ животныхъ.

Молодые натуралисты съ энтузіазмомъ юности, съ энтузіазмомъ молодыхъ бодрыхъ силъ перепрыгиваютъ это ничтожное препятствіе на пути логической мысли. Но люди болѣе осмотрительные видятъ ту бездну, которая раздѣляетъ эти два берега, и берегутъ ихъ завѣтныя, родовыя преданія, съ которыми они сроднились и сжились со дней ихъ юности.

Разсуждая объ этомъ крайне темномъ (по крайней мѣрѣ при нынѣшнемъ состояніи науки) вопросѣ, мнѣ часто представлялась такая картина. Человѣкъ какъ бы заключенъ въ этой жизни въ темный ящикъ, въ которомъ оставлена одна только узкая щель, освѣщающая внутренность ящика. При этомъ сомнительномъ свѣтѣ онъ пробуетъ разобраться въ томъ мракѣ, который его окружаетъ. Бываютъ минуты въ его темной жизни, когда у него исчезаетъ вѣра даже въ тотъ слабый свѣтъ, который его окружаетъ. Онъ считаетъ его за иллюзію, за обманъ глазъ и твердо вѣритъ во все то, что его окружаетъ въ его темной жизни, во все, что онъ можетъ ощупать, взвѣсить и измѣрить. Ему говорятъ, что есть другой міръ внѣ этого ящика. Онъ не вѣритъ. Ему указываютъ двери, черезъ которыя онъ можетъ войти въ этотъ міръ. «Повѣрь,—говорятъ ему,—что за этими дверями существуетъ нѣчто великое и истинное, и двери сами распахнутся передъ тобою».

Но онъ не желаетъ вѣрить и рѣшается лучше жить въ потьмахъ въ своемъ темномъ ящикѣ, чѣмъ впасть въ тѣ обманы, въ которыхъ человѣчество жило въ средніе вѣка.

Два свѣта освѣщаютъ путь человѣка въ этой жизни: «Свѣтъ знанія и свѣтъ откровенія». Придетъ ли время, когда оба эти свѣта сольются во-едино, и все человѣчество съ радостнымъ духомъ устремится на этотъ единый, желанный, великій свѣтъ?!...

II.

ЛЕТУЧІЯ МЫШИ.

Летучія мыши.

1. Летучая мышь.

У природы двѣ жизни: дневная и ночна́я. Днемъ она дѣйствуетъ рѣзко, осязательно для глаза и слуха. Съ восточной зарей пробуждается ея неугомонная дѣятельность и цѣлый день слышится она, выраженная множествомъ звуковъ, пѣсенъ и криковъ животнаго міра. Но низится къ западу солнце, и глохнутъ звуки, замирая постепенно съ послѣднимъ мерцаньемъ сгорѣвшей зари. Замолкло пѣвучее племя, разсѣлось по вѣткамъ, попряталось въ чащу, листву кустарную и спитъ, завернувъ подъ крыло утомленную голову. Только немногіе крики и пѣсни, потерянные днемъ въ общемъ нестройномъ хорѣ, выступаютъ теперь ярко среди общаго затишья. Громче слышится теперь бой перепеловъ, жадно бѣгущихъ, летящихъ на отклики самокъ. Громче кричитъ дергачъ на раздольѣ, и далеко несется по поемной луговинѣ его рѣзкій, трескучій крикъ. Въ темныхъ рощахъ, въ частыхъ кустахъ, раздались трели соловьевъ, и въ перебой, въ переливъ, льются ихъ пѣсни, несутся на встрѣчу проснувшейся ночи; а съ ночью проснулась и новая жизнь. Не дремлетъ природа, но не криками сказывается теперь ея дѣятельность — безмолвно, тайно творитъ она свое дѣло.

Въ глухомъ оврагѣ проснулась сова, встряхнула перо и зорко глядитъ въ сумракъ, легшій на долы. Проснулись и сычъ и филинъ, ненавистники свѣта, и широко распустили райки своихъ глазъ, сбираясь летѣть за заснувшей добычей. Вывела изъ логовища дѣтей волчица, и фосфорическимъ огнемъ зажглись ея глаза. Вылѣзъ изъ норы и хорекъ и фыркаетъ носомъ, жадно нюхая ночной вѣтеръ, не принесетъ ли онъ запахъ живой добычи, не пахнетъ ли онъ теплой, горячей кровью. А тамъ, на широкій, цвѣтистый лугъ слетѣлись стаи ночныхъ мотыльковъ и съ легкимъ шумомъ, какъ журчанье далекаго ручья, вьются надъ цвѣтами, высасывая изъ нихъ сахаристые соки. На прибрежьѣ широкаго пруда, въ сумракѣ нависшихъ кустовъ, разсыпались зеленыя искры, засвѣтились ивановы червячки. Въ duплѣ старой липы слышится пискъ, проснулась въ немъ семья летучихъ мышей, и вотъ показалась одна, выпорхнула, летитъ неслышнымъ полетомъ, за ней другая, третья... всѣ понеслись, стелются, вьются надъ водой, рѣжутъ воздухъ, какъ рѣзвыя ласточки.

Странные, летающіе звѣри! Что вызвало ихъ появленіе въ группѣ наземныхъ, бѣгающихъ, скачущихъ и лазящихъ млекопитающихъ животныхъ?.. Тоже самое, что вызвало появленіе цѣлой большой группы—цѣлыхъ большихъ двухъ классовъ летающихъ птицъ и летающихъ насѣкомыхъ. Вызвалъ воздухъ, вызвало стремленіе къ свободѣ.

Въ воздухѣ летучей мыши также легко живется, какъ рыбѣ въ водѣ. Она плаваетъ въ этомъ легкомъ, прозрачномъ воздухѣ, ныряетъ, кружится, и кто изъ насъ, смотря на ея быстрые, смѣлые повороты, не пожелалъ бы также порхать легко и свободно въ этомъ безбрежномъ, воздушномъ океанѣ?!..

Но односторонность, гдѣ бы то ни было, всегда останется односторонностью и вызоветъ поневолѣ одностороннее приспособленіе.

Въ летучей мыши все сложилось для жизни въ воздухѣ и отдалило ее отъ приспособленій къ земной жизни.

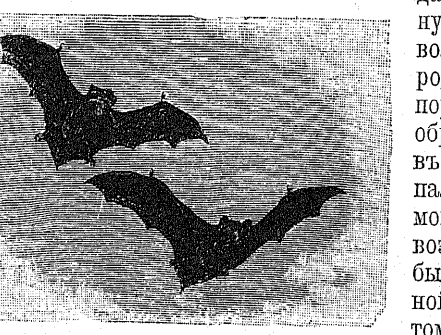
Общій обликъ ея *) имѣетъ въ себѣ что-то отталкивающее для непривычнаго взгляда. Нѣтъ ничего привлекательнаго, граціознаго въ ея маленькой, тупорылой головкѣ съ прямо торчащими большими ушами, посаженной на короткую шею. Какъ-то странно, отвратительно топорщатся съ боковъ ея кожистыя крылья. Что-то непріятное, уродливое видится въ ея неуклюжей посадкѣ, во всѣхъ движеніяхъ, и только въ воздухѣ, на лету эти движенія дѣлаются плавными и рѣзвыми. Но и въ полетѣ ея, въ самой плавности движеній чуется что-то пугающее. Непріязненно дѣйствуетъ на робкое воображеніе появленіе въ вечернемъ сумракѣ этого страннаго, загадочнаго существа съ его неслышнымъ полетомъ.

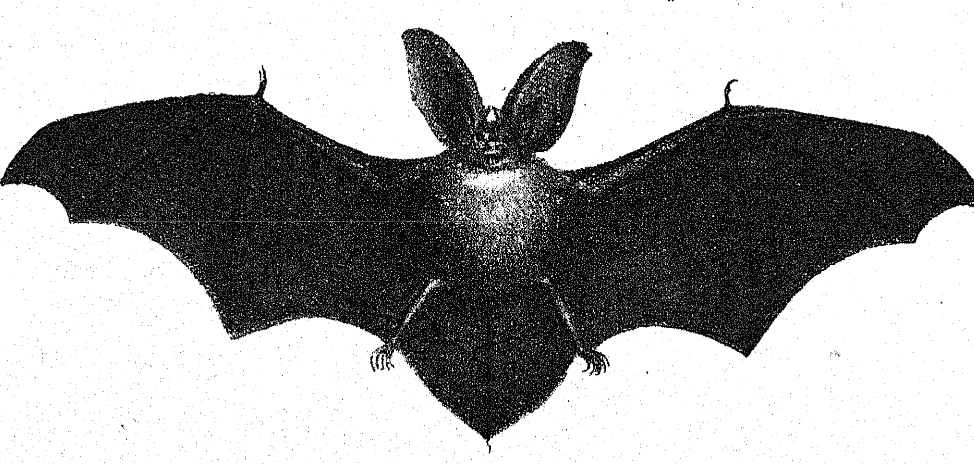
Насъ пугаютъ ея кожистыя крылья, ихъ безобразная форма съ вырѣзками на нижнемъ краю и торчащимъ, когтистымъ придаткомъ на вершинномъ углѣ; мы привыкли встрѣчать эти крылья на изображеніяхъ духа тьмы, драконовъ и всякихъ чудовищъ.

Но всмотритесь въ летучую мышь пристальнѣе, приглядитесь подробнѣе къ ея организаціи, и многое уродливое исчезнетъ, и вы придете къ заключенію, что эта общая организація вовсе не далека отъ организаціи нашей. Она отдѣлена не больше, какъ рядомъ всѣхъ формъ обезьянъ, проходя которыя, организмъ нашъ, постепенно понижаясь въ совершенствѣ, снизошелъ до формъ шерстокрыловъ и летучихъ мышей. Всѣ прочія формы животнаго міра стоятъ ниже этихъ звѣрей. Послѣ этой оговорки не покажется удивительнымъ, если мы поставимъ рядомъ уродливое, безобразное крыло летучей мыши и изящную руку человѣка. Стоитъ только взглянуть на скелетъ того и другого органа, и сходство между ними станетъ очевиднымъ, поразительнымъ, такъ что мы невольно придемъ къ заключенію, что крыло летучей мыши есть ничто иное, какъ наша собственная рука, приспособленная къ летанью. Это приспособленіе выразилось болѣе или менѣе во всѣхъ частяхъ крыловаго костяка. Сильныя ключицы здѣсь вытянулись и изогнулись на подобіе ключицъ птичьихъ. Лопатки также удлинились, хотя не въ такой степени, какую мы видимъ у птицъ. Обѣ пары этихъ костей, крѣпко связанныя, составляютъ надежную опору для прикрѣпленія плечевыхъ костей. Въ сочленовныя ямки лопатокъ вставляются головки ихъ такимъ образомъ, что кругъ ихъ движеній почти ничѣмъ не отличается отъ поворотовъ нашихъ рукъ. Локтевыя кости—локоть и лучъ—имѣютъ здѣсь небольшое отличіе отъ нашихъ. Движенія ихъ ограничены, обороты очень слабо связаны присутствіемъ крыловой перепонки. Природа обусловила эти движенія, ограничившись развитіемъ здѣсь только одной лучевой кости, и сростила съ ней плотно небольшую кость локтя, тогда какъ у человѣка обѣ эти кости

(*) Не произошелъ ли *нетопырь*, синонимъ летучей мыши, отъ глагола «не топыриться», не хотѣлъ ли простолюдинъ выразить этимъ словомъ: «не распускай свои крылья, не топырь ихъ!» Отсюда, вѣроятно названіе кожана, употребляемое, также какъ синонимъ летучей мыши.

достигаютъ одинаковаго, полнаго развитія и, свободно обращаясь другъ около друга, свободно двигаясь въ сочлененіи съ плечевой костью, дозволяютъ намъ совершать почти полный круговой оборотъ. Летучая мышь не можетъ перевернуть крыловую кожу такъ, какъ мы повертываемъ наши ладони, она лишена этого движенія, совершенно для нея безполезнаго и даже вреднаго при ея полетѣ. Будь другое устройство локтевыхъ костей, будь устройство, подобное нашему,—крыловая перепонка могла бы невольно перевертываться при летаніи, мѣшать ему и даже разорваться. Этого оборотнаго движенія, этого перевертыванья крыловой поверхности съ одной стороны на другую лишены также, вслѣдствіе той же причины, крылья всего летающаго животнаго міра. Въ локтѣ и плечевой кости летучей мыши мы встрѣчаемъ еще другую особенность, также обусловленную летаньемъ: это особенное удлиненіе локтевой головки и особенный выростокъ на головкѣ кости плечевой. Это устройство мѣшаетъ полному разгибанію сочлененія, мѣшаетъ костямъ локтевымъ и плечевымъ вытягиваться въ одну прямую линію, какъ въ нашихъ рукахъ, и, наоборотъ, заставляетъ эти кости образовывать постоянно уголъ въ своемъ сочлененіи. Такое строеніе вызвано необходимостью дать большую крѣпость сочлененію при движеніяхъ крыла назадъ, когда мышь, ударяя имъ въ воздухъ, даетъ тѣлу поступательное движеніе впередъ. Это самое сильное движеніе при полетѣ и, чтобы еще болѣе обезопасить сочлененіе, которое могло бы пострадать отъ него, природа укрѣпила его и спереди—она связала кости луча и плеча, хотя растяжимою, но крѣпко стягнистою кожею. Такимъ образомъ, съ одной стороны, разгибу сочлененія мѣшаютъ сталкивающіеся выростки локтя и плеча, съ другой — стягнистая связка. Тоже самое устройство мы видимъ въ крыльяхъ птицъ—тѣ же выростки, ту же кожу. Къ лучу примыкаютъ, также какъ и въ нашей рукѣ, мелкія косточки кисти, но онѣ сочленены съ вытянутыми, длинными костями пясти такимъ образомъ, что эти послѣднія могутъ свободно пригибаться къ лучу,—способность, которою обладаютъ немногіе люди, одаренные вообще гибкостью сочлененій. У летучей мыши эта способность обусловливается необходимостью складывать крыловую перепонку въ спокойномъ состояніи въ болѣе уютное положеніе. Непомѣрно вытянутые, длинные, какъ у сказочнаго безсмертнаго кащея, и суставчатые, пальцы доканчиваютъ руку—крыло летучей мыши. Изъ пяти пальцевъ только большой свободенъ, не обтянутъ крыловой перепонкой, и онъ-то составляетъ тотъ костистый выростокъ, который такъ эффектно изображаютъ живописцы на крыльяхъ всѣхъ породъ нечистой силы.

Летучія мыши.

Ушанъ.

Этотъ палецъ — невинное и вмѣстѣ съ тѣмъ очень важное орудіе летучей мыши. Короткій, вооруженный крючковатымъ, острымъ когтемъ, онъ живо напоминаетъ крючекъ извѣстнаго Диккенсова капитана Кутля. Безъ него она была бы, какъ говорится, безъ рукъ: онъ составляетъ самое главное орудіе ея перемѣщенія внѣ воздушной ея жизни. Цѣпляясь только имъ за неровности, она можетъ карабкаться и ползать по стволамъ и въ дуплахъ деревьевъ, причемъ работаютъ также не мало заднія ноги. Остальные пальцы не имѣютъ вовсе когтей. Назначеніе ихъ—поддерживать крыловую кожу, служить скелетомъ, основой крыла, растягивать эту кожу при летаніи и снова собирать ее, складывая на подобіе вѣера, когда животное находится въ покоѣ. Это-то длинные, тонкіе, костистые пальцы, слегка искривленные, обтянутые голой морщинистой кожей, и придаютъ крылу летучей мыши ту странную, безобразную форму, которая невольно внушаетъ отвращеніе. Но природа не могла въ этомъ случаѣ распорядиться иначе: какъ бы другимъ образомъ она преобразила нашу руку въ органъ летанья, не уничтоживъ ея пальцевъ? А оставивъ ихъ, она не могла ихъ не вытянуть, не сдѣлать возможно болѣе тонкими: иначе она бы не имѣла основы легкой и прочной для крыловой перепонки. На томъ же основаніи построены крылья почти всѣхъ насѣкомыхъ; тамъ также мы видимъ основу въ видѣ роговыхъ жилокъ и натянутую между ними летательную перепонку; нерѣдко, какъ, напр., въ нижнихъ крыльяхъ нашихъ кузнечиковъ, эти жилки могутъ складываться вѣерообразно, т. е. дѣлать то же, что дѣлаютъ пальцы летучей мыши, когда она находится въ покоѣ. На томъ же основаніи природа устроила органы движенія въ другой средѣ — плавники рыбы; тамъ точно также основою служатъ костистыя прутья—лучи, нерѣдко суставчатые, между которыми натянута плавательная перепонка; эти лучи также складываются вѣерообразно, когда органъ въ бездѣйствіи. Стоитъ только сильнѣе вытянуть эти лучи, на манеръ пальцевъ летучей мыши, сильнѣе раздвинуть ихъ, дать, однимъ словомъ, больше простора для прикрѣпленія перепонки, и изъ плавника мы получимъ органъ летательный, получимъ опять крылья, крылья летучихъ рыбъ, морскихъ ласточекъ и долгоперовъ. Во всемъ этомъ невольно видится разумъ и сила, — разумъ единства и простоты основныхъ законовъ, сила разнообразія ихъ примѣненій! Вездѣ одни и тѣ же средства, одинъ механизмъ, какъ для движенія въ водѣ, такъ и для движенія въ воздухѣ, увеличивается и уменьшается только плоскость опоры въ органѣ, сообразно плотности среды, въ которой онъ движется... Лодку двигаютъ узкія весла, вѣтряную же мельницу приводятъ въ движеніе широкія крылья.

Теперь, для полнаго очерка формы крыла летучей мыши, намъ остается посмотрѣть, къ чему служатъ вырѣзки ея нижняго края. Эти ненавистныя вырѣзки первыя кидаются въ глаза при взглядѣ на изображеніе

крыльевъ какого-нибудь миѳическаго дракона. Представимъ себѣ, что природа для большей красоты сдѣлала этотъ край цѣльнымъ, допустимъ, что для удовлетворенія изящнаго вкуса она даже, на мѣсто вырѣзокъ, устроила его городками, фестончиками. Что бы изъ этого вышло? Фестончики, образованные изъ тонкой, нѣжной кожи, не имѣя твердой основы, загибались бы отъ тока воздуха при летаніи на верхнюю сторону крыла, увеличивали бы его тяжесть и мѣшали бы полету. То же самое, или почти то же, было бы и съ цѣльнымъ краемъ. Природа здѣсь, какъ и вездѣ, оказалась истинной экономкой, она вырѣзала изъ крыла лишнее и оставила только необходимое, не заботясь о красотѣ и изяществѣ; да притомъ и вырѣзки эти болѣе мнимыя, чѣмъ существующія на самомъ дѣлѣ. Припомнимъ, что эти вырѣзки существуютъ и въ нашихъ дождевыхъ зонтикахъ, къ которымъ, мимоходомъ сказать, мы не чувствуемъ никакой антипатіи; тамъ эти выемки образовались вслѣдствіе того, что матерія сильнѣе натягивается около прутьевъ, къ которымъ пришита, и слабѣе въ серединѣ полотнища; то же самое дѣлается и съ крыловой перепонкой летучей мыши: она сильнѣе натягивается около пальцевъ и слабѣе на средней линіи разстоянія между ними. Но эти вырѣзки придаютъ также болѣе легкости и быстроты полету, онѣ дѣлаютъ острѣе углы, образуемые пальцами и натянутой на нихъ перепонкой, и тѣмъ дозволяютъ имъ крѣпче, сильнѣе разсѣкать воздухъ. На томъ же основаніи мы находимъ подобныя же вырѣзки въ крыльяхъ многихъ видовъ бабочекъ. Вообще, чѣмъ острѣе крыло, тѣмъ быстрѣе, рѣзвѣе полетъ животнаго. Разсматривая такимъ образомъ крыло летучей мыши, мы, вѣроятно, дойдемъ до убѣжденія, что форма его вызвана строгою необходимостью, что всѣ его части выкроены и сработаны по мѣрѣ опредѣленной особенною, разумною цѣлью. Но, кромѣ формы, намъ также не нравится матерія, изъ которой сдѣлано это крыло, намъ внушаетъ отвращеніе эта голая, морщинистая кожа, натянутая на костлявые пальцы. Разсмотримъ же и эту кожу, постараемся придти къ заключенію, что и она не есть слѣдствіе прихоти, а опредѣлена также глубоко сознательною и разумною многостороннею цѣлью...

Извѣстный ученому міру физіологъ прошедшаго вѣка, болонскій профессоръ Спалланцани дѣлалъ жестокіе, безчеловѣчные опыты надъ летучими мышами. Онъ выкалывалъ имъ глаза, заливалъ ихъ сургучомъ и, разрушивъ съ такимъ методическимъ варварствомъ органъ зрѣнія этихъ бѣдныхъ животныхъ, пускалъ ихъ въ комнату, въ которой было только одно отверстіе, едва достаточное для ихъ вылета. Мыши обыкновенно дѣлали нѣсколько круговъ по комнатѣ и, не задѣвъ крыльями ни за стѣны, ни за потолокъ, вылетали чрезъ отверстіе. Опыты привели Спалланцани къ заключенію, что у летучихъ мышей должно быть особенное шестое чувство, дозволяющее имъ, помимо органовъ зрѣнія, даже въ темнотѣ различать предметы. Это чувство дѣйствительно существуетъ, но только оно не особенное и не шестое, а то же самое пятое чувство осязанія, которое находится и въ пальцахъ нашей руки. Крыловая перепонка летучей мыши состоитъ изъ двухъ кожъ чрезвычайно тонкихъ, между которыми распредѣлено множество кровеносныхъ сосудовъ, питающихъ ихъ, разсыпано множество нервныхъ нитей, доведенныхъ до самыхъ мельчайшихъ развѣтвленій. Съ помощью этихъ-то нервовъ, съ помощью нервной сѣтки, образованной изъ нихъ, и благодаря тонизнѣ кожи, летучая мышь можетъ осязать предметы, не касаясь ихъ, можетъ судить объ ихъ относительной плотности, не дотрогиваясь до нихъ своимъ крыломъ-рукою. Пустите въ комнату птицу, разумѣется не ручную, первымъ дѣломъ ея будетъ летѣть сломя голову и удариться съ разлету въ оконное стекло, потомъ, опомнившись отъ удара, она будетъ биться на окнѣ и стукаться лбомъ въ то же стекло. Пустите бабочку, шмеля, жука... будетъ то же самое; но не то будетъ съ летучей мышью,—стекло ее не обманетъ: подлетитъ она къ нему да и повернетъ тотчасъ же прочь, и то если опытъ будетъ сдѣланъ вечеромъ, а днемъ она и не обратитъ на окно вниманія, ей нуженъ не свѣтъ, а воздухъ; воздухъ—ея среда, ея родная стихія; днемъ, напротивъ, она будетъ искать темнаго уголка, гдѣ бы можно было ей спрятаться поскорѣй отъ ненавистнаго свѣта, раздражительно дѣйствующаго на ея слабые глазки. Взамѣнъ этого, неспособнаго для дневной жизни, органа зрѣнія, природа и усилила здѣсь, развила чувство осязанія, распредѣливъ его въ широкой плоскости летательной перепонки. Этого мало: крыловая перепонка летучей мыши есть въ то же время и органъ гигроскоскопическій; она замѣняетъ ей воздушные резервуары и пневматичность костей птицы. Летучая мышь, такъ же, какъ птица, такъ же, какъ насѣкомое, такъ же, какъ всякое воздушное, летающее животное, должна имѣть въ своемъ организмѣ указателя состоянія атмосферы: иначе воздухъ, для котораго созданы ея крылья и кости, вся ея жизнь сдѣлается для нея непріязненной, враждебной стихіей. Этотъ указатель у летучей мыши и состоитъ изъ сѣтки кровеносныхъ сосудовъ, покрытыхъ тонкой крыловой кожей; пары, сгущающіеся въ атмосферѣ, давятъ на эту кожу, и это давленіе передается крови мелкихъ сосудцевъ. Летательная перепонка, какъ вѣрный барометръ, даетъ знать своей хозяйкѣ о всѣхъ перемѣнахъ, совершающихся въ атмосферѣ. Теперь понятно,—я думаю,—почему крыло летучей мыши образовано изъ голой, тонкой кожи; понятно, что эта кожа лишилась бы способности осязанія и барометричности, если бы ее покрывали тѣ красивыя чешуйки-перышки, которыми мы привыкли любоваться на крыльяхъ бабочекъ, или перья птицъ, или даже шерсть, которой обросла летательная кожа летягъ и шерстокрыловъ. Морщины же на летательной перепонкѣ образуются вслѣдствіе складыванія крыла, а это складываніе обусловливается не одной только цѣлью: привести его въ болѣе уютное положеніе; нѣтъ, природа защитила этимъ складываніемъ нѣжную, богатую кровеносными сосудами и нервами, крыловую перепонку отъ дѣйствія холода. Въ этихъ морщинкахъ развивается обильно теплота, и, закутавшись въ свои крылья, летучая мышь не боится подъ этимъ надежнымъ плащемъ ни мороза лѣтнихъ утренниковъ, ни холода длинныхъ осеннихъ ночей. Этого мало: летучая мышь, самка, кутаетъ въ свои крылья мышатъ-дѣтенышей, когда они присосутся къ ея груднымъ сосцамъ,—и тепло имъ въ этомъ одѣялѣ, тепло и покойно, какъ въ теплой и мягкой колыбелькѣ...

Измѣненіе руки летучей мыши въ органъ летанія вызываетъ и въ другихъ частяхъ ея организма приспособленіе къ той же цѣли. Главная основа перемѣщеній есть положеніе центра тяжести тѣла, а это положеніе обусловливается средой, въ которой движется животное, и позой тѣла, въ которой совершается это движеніе. У летучей мыши, такъ же, какъ у всѣхъ птицъ (исключая плавающихъ), центръ тяжести лежитъ въ груди, нѣсколько ниже той линіи, на которой прикрѣпляются предплечія. Для достиженія этой цѣли, природа укоротила здѣсь шею, посадила голову почти на плечи, сжала тазъ и полость брюшную, наконецъ, увеличила тяжесть въ груди сильнымъ развитіемъ грудныхъ мышцъ, этихъ необходимыхъ двигателей летанья. Увеличивъ объемъ ихъ, она вмѣстѣ позаботилась и о точкѣ ихъ опоры; для этого она вытянула рукоятку грудной кости, снабдила ее, также какъ и всю кость, гребнемъ, напоминающимъ грудинный гребень—кобылку птицъ. Наружная ушная раковина летучей мыши также имѣетъ приспособленіе къ полету, плоскость ея сильно увеличена и служитъ парашютомъ, поддержкой головѣ животнаго на лету.

Такимъ образомъ, весь организмъ летучей мыши, съ головы до пятокъ, приспособленъ къ летанью. Пятки ея также имѣютъ длинные выростки, шпоры, поддерживаю-

щія летательную перепонку, натянутую между задними ногами. Эти ноги, главныя орудія перемѣщенія на сушѣ, также помогаютъ полету; онѣ вмѣстѣ съ хвостомъ даютъ направленіе ему и отправляютъ здѣсь должность рулевыхъ перьевъ птицъ.

Вслѣдствіе этого приспособленія къ летанію, летучая мышь дѣлается въ воздухѣ полной хозяйкой своихъ движеній, тогда какъ, наоборотъ, движенія ея на сушѣ теряютъ развязность. Это приспособленіе отняло свободу у перемѣщенія внѣ ея воздушной жизни; природа не могла связать здѣсь, какъ у птицъ, одинаковаго развитія движеній какъ на землѣ, такъ и въ воздухѣ, не нарушивъ общаго плана творенія, не разрушивъ связи, которая существуетъ между организаціей летучей мыши и организаціей обезьяны.

Къ перемѣщенію на землѣ летучая мышь прибѣгаетъ только въ крайнемъ случаѣ, какъ къ движеніямъ для нея затруднительнымъ, несвойственнымъ ея организму. Странны и неуклюжи эти движенія, для нихъ въ переднихъ конечностяхъ летучая мышь имѣетъ только одинъ палецъ, тогда какъ прочіе, обтянутые летательной перепонкой, мѣшаютъ имъ. При этихъ движеніяхъ она первоначально вытягиваетъ которую-нибудь руку и зацѣпляетъ крючкомъ-когтемъ большого пальца за неровности почвы; затѣмъ, сгибая сочлененіе, притягиваетъ все тѣло впередъ, подталкиваясь сзади ногой, діагонально противоположной рукѣ, употребляемой для движенія. Перемѣняя по очереди и попарно оконечности, она движется такимъ образомъ медленно, уродливо, по двумъ ломаннымъ линіямъ, образующимъ рядъ перекрестныхъ діагоналей. Пальцы ея ноги (въ числѣ пяти) почти ровной длины, сочленены въ одной плоскости и представляютъ довольно надежную опору при этихъ движеніяхъ. Но они служатъ для другихъ болѣе важныхъ цѣлей. Зацѣпляясь крючковатыми когтями этихъ пальцевъ за неровности въ дуплахъ, за трещины камня и стѣны, летучая мышь свѣшивается головою внизъ и спитъ въ этомъ положеніи. Это ея любимая поза въ состояніи покоя; пользуясь только ею, она можетъ быстро, свободно развернуть свои крылья, можетъ быть всегда готова къ полету. Что мѣшаетъ при этомъ положеніи приливу крови къ головѣ, наука до сихъ поръ не рѣшила—можетъ-быть, для этого служатъ клапаны въ жилахъ летательной перепонки. Напротивъ, сидячая поза для мыши утомительна, въ ней она должна или лежать на брюхѣ, или упираться всей тяжестью тѣла на ручныя кисти и ступни. Въ этой позѣ она такъ же жалка, какъ рыба, вытащенная изъ воды.

Хищность и ночной образъ жизни часто сливаются въ своихъ выраженіяхъ, такъ что въ нѣкоторыхъ органахъ мы не можемъ точно рѣшить, которая изъ этихъ двухъ цѣлей вызвала для себя его приспособленіе. Какъ ночная хищница, какъ существо, исключительно питающееся насѣкомыми, и только въ крайнемъ случаѣ поѣдающая другіе виды собственныхъ собратій, летучая мышь имѣетъ всѣ органы, необходимые для этой жизни. Всѣ ея органы чувствъ доведены до высшей степени чуткости; но это усиленное развитіе вызвано здѣсь не однимъ ночнымъ хищничествомъ, оно есть также слѣдствіе организаціи, приспособленной къ летанью. Мы видѣли, какъ въ наружномъ складѣ выразилось это приспособленіе; но для летанія мало крыловой перепонки и извѣстнаго положенія центра тяжести, для него нужно также, чтобы тѣло было возможно легче, чтобы оно свободно поддерживалось воздухомъ. У птицы для этой цѣли существуютъ пустоты въ костяхъ и особенные мѣшки, легко наполняющіеся воздухомъ изъ легкихъ; у насѣкомыхъ тѣло внутри заключаетъ сѣтку воздушныхъ трубокъ; у летучей мыши грудная клѣтка, болѣе или менѣе сильно расширенная, даетъ много простору для помѣщенія легкихъ, и вслѣдствіе этого легкія ихъ получаютъ объемъ значительный; кромѣ того, есть основаніе предположить, что эти легкія сообщаются съ подкожными пустотами, съ подкожной клѣтчаткой и наполняютъ ее также воздухомъ *).

Воздушность прямо, непосредственно вліяетъ на кровь:—быстрѣе окисляется она и болѣе усиленнымъ, ускореннымъ тактомъ совершается весь ея кругооборотъ. Въ параллель съ этими идутъ и всѣ внутреннія отправленія летающаго животнаго; все въ организмѣ его совершается быстрѣе: быстрѣе переваривается пища, быстрѣе поступаетъ питательное вещество въ кровь, и только низкая температура ея или внѣшній холодъ могутъ замедлить, пріостановить этотъ бойкій ходъ.

Быстрое горѣніе скоро уничтожаетъ горящій матеріалъ, скоро требуетъ его возобновленія, и летучая мышь, въ теплое время, не можетъ пробыть безъ пищи и однѣ сутки. На другія сутки всѣ движенія ея дѣлаются вялыми, жизнь ея видимо сгораетъ, и обыкновенно она не переживаетъ вечерней зари. Близкіе къ ней звѣри насѣкомоядники (ежъ, кротъ, землеройка) не имѣютъ въ организмѣ приспособленія къ летанью, ихъ жизненные процессы идутъ обыкновеннымъ ходомъ, и голодъ, довольно продолжительный, можетъ быть ими легко перенесенъ. Вслѣдствіе этихъ-то причинъ природа дала летучей мыши какъ можно болѣе средствъ для отыскиванія пищи: ея маленькіе глазки зорко видятъ въ темнотѣ и далеко могутъ услѣдить летящее насѣкомое, сильно развиты ея обонятельные нервы—ими легко она можетъ слышать тонкій запахъ, испускаемый многими насѣкомыми. Наружная ушная раковина, достигая огромнаго развитія, даетъ сильную чуткость ея слуху, съ помощью ея, благодаря также усиленному развитію слуховаго нерва, она можетъ различить самый легкій шумъ, можетъ различать далекій крикъ кузнечика, пискъ комара, жужжаніе мухи, журчанье крыльевъ ночной бабочки. Но съ другой стороны, чтобы уничтожить всю тонкость отправленія этихъ органовъ въ то время, когда животное предается отдыху и сну, природа дала ихъ отверстіямъ заслонки и клапаны, совершенно уничтожающіе ихъ чуткость. Такимъ образомъ отверстіе ушной раковины летучей мыши запирается во время ея сна кожистымъ выросткомъ, измѣненіемъ козелка нашего уха, и кромѣ того самая раковина съеживается дѣйствіемъ особенныхъ мышцъ. Отверстія носовыя также замыкаются особенными клапанами, кожистыми лопастями, которыя достигаютъ у нѣкоторыхъ породъ сильнаго развитія, принимая странную форму листьевъ и лошадиной подковы.

Полетъ доставляетъ летучей мыши возможность гоняться за насѣкомымъ и ловить его на лету, подобно ласточкѣ или козодою; такъ же, какъ у нихъ, пасть ея можетъ широко разѣваться, разрѣзъ ея рта сравнительно больше, чѣмъ у всѣхъ прочихъ хищныхъ звѣрей. Острыми, коническими зубами, которыми вооруженъ этотъ ротъ, она схватываетъ добычу и цѣликомъ, не разжевывая, проглатываетъ. Въ особенности рѣзко выдаются въ ряду этихъ зубовъ длинные, искривленные клыки; они-то преимущественно служатъ орудіями хватанія, тогда какъ остро-бугорчатые коренные зубы служатъ болѣе для удерживанія добычи.

Думаемъ, что этотъ поверхностный очеркъ организаціи летучей мыши уже достаточно разогналъ сумракъ таинственности, ее окружающій; уже видится изъ него

*) По крайней мѣрѣ намъ извѣстно нѣсколько видовъ (G. Nycteris, Geoffr.) между летучими мышами, кожа которыхъ прирастаетъ къ тѣлу только въ немногихъ мѣстахъ, и все пространство между нею и тѣломъ можетъ по волѣ животнаго надуваться воздухомъ, проходящимъ изъ защечныхъ мѣшковъ, имѣющихъ для этой цѣли на днѣ отверстія. Правда, эти породы принадлежатъ жаркому поясу, гдѣ нагрѣтый, сильно разрѣженный воздухъ, требуетъ большей легкости въ тѣлѣ для летанья; но и нашъ сжатый, холодный воздухъ не можетъ свободно поддерживать полетъ организма, далеко превышающаго его своей плотностью и вѣсомъ. Вода вызываетъ же развитіе плавательнаго пузыря у рыбы, а плотность ея далеко выше плотности воздуха.

какъ стройно возникла и связалась эта своеобразная организація, какъ всѣ члены ея строго и взаимно обусловились, какъ одинъ вызвалъ къ себѣ на помощь другой, чтобы вмѣстѣ дружно идти къ достиженію глубокоразумной цѣли. Изъ этого очерка намъ становится ясно, почему летучая мышь появляется только въ сумерки или ночью, для чего служитъ ей рука, преобразованная въ крыло; видно, какъ эта рука составляетъ не только органъ летанья, но органъ осязанья, органъ гидрометрическій и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ покровомъ. При другой организаціи крыловой перепонки, летучая мышь не могла бы чувствовать состоянія атмосферы, а, вылетѣвъ въ сырую погоду, она бы не встрѣтила насѣкомыхъ, не терпящихъ сырости, и безполезно бы подвергла ея вліянію свой хлипкій, теплокровный организмъ, также чувствительный къ простудѣ, какъ и нашъ собственный. Изъ этого очерка видно, какъ летанье вмѣстѣ съ хищничествомъ вызвало здѣсь развитіе органовъ чувствъ и преобразовало зубы въ органъ лова, хватанія, добычи. Наконецъ, изъ этого очерка можно, кажется, заключить, что летучая мышь есть вообще животное слабое, нѣжное, подверженное многимъ внѣшнимъ случайностямъ, животное, средства защиты котораго вовсе не обширны и состоятъ въ быстромъ полетѣ и острыхъ зубахъ. Теперь, когда мы нѣсколько познакомились съ формой и организаціей этого существа, непріязненно дѣйствующаго только на робкое невѣжество, пугающееся всего загадочнаго, непостижимаго для его ограниченнаго пониманія, пойдемъ дальше — посмотримъ на эту организацію въ ея примѣненіяхъ, на образъ жизни летучей мыши, хотя и этотъ образъ жизни мы можемъ представить только въ очеркѣ, за недостаткомъ многихъ фактовъ, сколько любопытныхъ, столько же и необходимыхъ для наблюдателя.

Летучая мышь, подобно сурку, проводитъ зиму въ летаргическомъ снѣ, что есть слѣдствіе ея теплокровности, быстраго кровооборота, отчасти и рода пищи. Но всего болѣе это есть слѣдствіе особеннаго свойства ея крови, способной измѣняться по времени года. Теплые майскіе или іюньскіе дни пробуждаютъ мышь отъ этого оцѣпенѣлаго состоянія, дѣятельность ея снова возвращается, и въ первый теплый, ясный вечеръ она вылетаетъ за добычей. Для нашей средней полосы Россіи этотъ вылетъ бываетъ между 7 числомъ мая и 4 іюня. Неловокъ и вялъ этотъ первый вылетъ, мышь не отлетаетъ далеко отъ своего зимняго убѣжища, какъ будто расправляетъ свои члены, отерпшіе отъ долгой, зимней спячки. Но въ тотъ же или на другой вечеръ она сдѣлается уже дѣйствующимъ членомъ вновь ожившей природы и полетитъ на знакомыя мѣста, какъ бы привѣтствуя ихъ своимъ пискливымъ крикомъ. Впрочемъ, крикъ этотъ можно скорѣе назвать скрипомъ, чѣмъ пискомъ; изрѣдка слышатся въ немъ какія-то полуметаллическія ноты. Вообще мнѣ удалось замѣтить только два отличія въ ея голосѣ. Оба состоятъ изъ однотоннаго повторяющагося скрипа; вся разница въ силѣ тона и быстротѣ повтореній. Одно — когда она носится надъ водой, выглядывая летающихъ насѣкомыхъ. Другое — крикъ угрожающій, который она издаетъ при нападеніи, широко раскрывъ свою пасть. Этотъ крикъ состоитъ изъ ряда чрезвычайно быстро повторяющихся, какъ бы дрожащихъ звуковъ, и происходитъ, вѣроятно, отъ быстраго выдуванія воздуха изъ легкихъ чрезъ гортанную щель; отъ этого крика сильно дрожитъ не только надгортанный хрящъ, но вся видимая полость глотки и зѣва. Этотъ крикъ есть лай собаки, хорька, но состоящій изъ пропорціонально слабѣйшихъ звуковъ, повторенныхъ чрезъ несравненно болѣе короткіе промежутки времени.

Первые вылеты бываютъ непродолжительны; въ первое время летучая мышь не требуетъ много пищи; но длиннѣе и длиннѣе становятся теплые лѣтніе вечера и, наконецъ, сливаются съ теплыми утрами, вся ночь превращается въ теплый, ясный вечеръ. Едва смеркнется въ короткомъ промежуткѣ между восходомъ и закатомъ, и снова заря, и снова свѣтаетъ. Въ эти-то длинныя, дивно-прекрасныя зори летучая мышь вылетаетъ на ловитву дважды. Сперва она показывается около 10 часовъ вечера и летаетъ вплоть до полуночи, затѣмъ предается двухчасовому отдыху, для чего не летитъ въ дупло, составлявшее ея зимнее гнѣздо, въ которомъ она и теперь проводитъ день съ другими собратьями, но ищетъ поблизости отъ добычливаго мѣста какого-нибудь убѣжища; нерѣдко залетаетъ она по этому случаю подъ своды колокольни, подъ фронтоны карнизовъ, въ срубы колодцевъ, въ печныя трубы нашихъ домовъ, подъ стропила крышъ, въ слуховое окно и даже въ окна нашихъ комнатъ, раскрытыя по поводу чуднаго вечера. Послѣ отдыха, мышь снова вылетаетъ въ два часа ночи и летаетъ около часу, затѣмъ уже возвращается въ свой прежній пріютъ на дневную спячку, если только не сдѣлается, во время этихъ вечернихъ прогулокъ, жертвой какого-нибудь ночного хищника. Главная цѣль летаній въ это время—пріискиваніе пищи, которая состоитъ исключительно изъ насѣкомыхъ, по крайней мѣрѣ мнѣ не приводилось находить другой какой-нибудь пищи въ желудкѣ летучихъ мышей. Ночные кузнечики, дающіе знать о своемъ присутствіи громкимъ крикомъ, которымъ самецъ сзываетъ самку; навозные жуки, роющіеся въ своей пищѣ, майскіе жуки, съ жужжаньемъ летающіе около деревьевъ, ночныя бабочки и въ особенности веснянки, постоянно летающія вечеромъ около прудовъ и озеръ,—все это составляетъ пищу летучей мыши, предметъ ея поисковъ и охоты. Прудъ и озеро, вообще гладкая поверхность стоячихъ водъ приманиваетъ кромѣ веснянокъ многихъ летающихъ насѣкомыхъ, нерѣдко дѣлающихся жертвой своей неосторожности; нерѣдко падаетъ въ эти воды пчела, обремененная тяжелой ношей и слишкомъ понадѣявшаяся на силу своихъ крыльевъ. На этой поверхности можно зачастую встрѣтить плавающій трупъ или полуживыхъ, борющихся съ водою бабочку, муравья или жука, котораго заманила въ лѣтній дневной припекъ ея прохлада. И ударился онъ съ разлету въ эту блестящую поверхность, смочилъ крылья и не въ силахъ уже выкарабкаться на сушу или взлетѣть на воздухъ. Все это дѣлается легкой добычей летучей мыши, если прежде ея не будетъ склевано рыбой или рѣзвой ласточкой. Кромѣ того самыя воды населены множествомъ видовъ породъ насѣкомыхъ, ихъ личинокъ и гусеницъ, которыя нерѣдко всплываютъ и держатся на поверхности въ особенности въ ночное время. Въ этомъ кроются причины, побуждающія мышь кружиться и летать надъ водою, но и жажда также призывать ее къ водѣ, и, быстро лакая языкомъ, тихо тянетъ она надъ водной поверхностью. Въ насѣкомыхъ также должно искать объясненія любимой привычки летучей мыши садиться на разостланныя бѣлыя ткани. Извѣстно, что свѣтъ и освѣщенные предметы приманиваютъ ночныхъ насѣкомыхъ, бабочки жадно летятъ на пламя свѣчи, жуки и двухвостки любятъ садиться на бѣлыя стѣны зданій и столбы заборовъ, еще съ большей охотой онѣ насядутъ на разостланную или развѣшенную простыню; немудрено, что, гоняясь за ними, мышь также садится на эти предметы. Вообще полетъ летучей мыши имѣетъ въ себѣ нѣсколько оттѣнковъ, мягкая крыловая кожа дѣлаетъ его совершенно беззвучнымъ, даже при самыхъ быстрыхъ взмахахъ крыльевъ нельзя услыхать никакого шума.

Весело смотрѣть на этотъ полетъ, когда мышь послѣ освѣжительнаго сна, какъ бы находясь подъ благотворнымъ вліяніемъ полной нормальности всѣхъ отправленій, вылетитъ на ночную ловитву: какая-то особенная бойкость и юркость видится во всѣхъ ея движеніяхъ и поворотахъ, какъ-то радостно пищитъ она, кружась надъ водой или около деревьевъ.

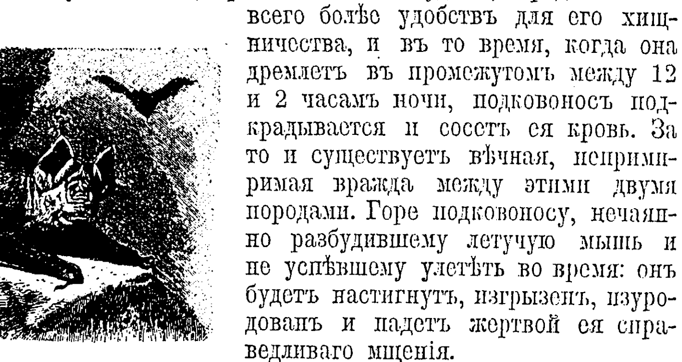
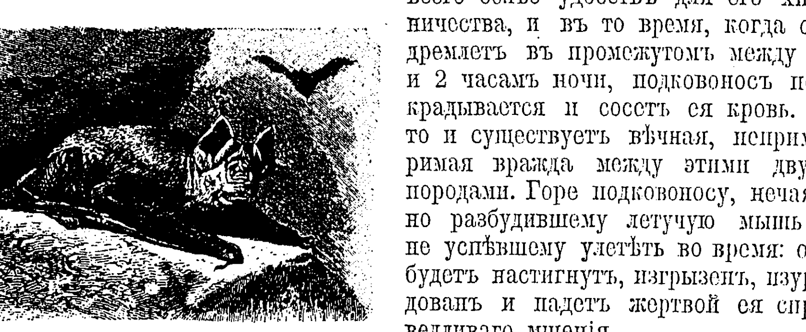
Другимъ полетомъ летитъ она, когда желудокъ ея уже получитъ для себя работу: тихо, плавно стелется она надъ водой, тянетъ почти по прямой линіи, не дѣлаетъ частыхъ и крутыхъ поворотовъ и наконецъ вовсе скрывается во-свояси, для отдыха и пищеваренія.

Мышь, напуганная какимъ-нибудь стукомъ, крикомъ или движеніемъ незнакомаго ей предмета, мечется въ своемъ полетѣ, дѣлаетъ порывистые круги и обороты, сопровождая ихъ усиленнымъ частымъ пискомъ, но чаще всего она обращается въ бѣгство, улетаетъ, какъ робкое, трусливое животное.

Лишенная возможности устроить теплое гнѣздо для своего нѣжнаго, незащищеннаго теплымъ покровомъ дѣтеныша, летучая мышь поневолѣ должна не разставаться съ нимъ. Днемъ спитъ она вмѣстѣ съ нимъ въ дуплѣ, ночью вмѣстѣ съ нимъ вылетаетъ на добычу. Не боится она потерять его при полетѣ: природа дала ему средство держаться, днемъ и ночью не покидаетъ онъ груди матери, плотно ущемивъ ея сосокъ зубами и зацѣпившись когтемъ большого пальца за ея крыловую перепонку. Въ концѣ іюля или началѣ августа оканчивается вскормленіе дѣтенышей, и въ это время летучія мыши, свободныя отъ обязанностей, которыя приковывали ихъ къ мѣстамъ зимней ихъ спячки, къ мѣстамъ ихъ родины, начинаютъ совершать перелеты.

Въ теплыя августовскія ночи тянутъ онѣ отъ своихъ гнѣздъ по всѣмъ расходящимся направленіямъ и появляются на сѣверѣ, гдѣ лѣтомъ ихъ нѣтъ. Летучая мышь, подверженная летаргическому сну, можетъ и не летѣть въ теплыя страны, гдѣ бы встрѣтила ее новая дѣятельность, къ которой она теперь уже не способна, вслѣдствіе особеннаго измѣненія, совершающагося въ ея крови и обусловливающаго для нея зимнюю спячку. Вотъ почему, отлетѣвъ на незначительное пространство отъ родныхъ мѣстностей, летучая мышь снова повертываетъ къ нимъ: кровь зоветъ ее на зимній отдыхъ въ прежнее гнѣздо. Съ наступленіемъ холодныхъ ночей, морозныхъ утренниковъ, постепенно ограничивается, сокращается число и продолжительность ея вылетовъ; отъ температуры воздуха замедляется быстрота ея отправленій; медленнѣе обращается измѣненная кровь ея, меньше требуется питательнаго матеріала, всѣ движенія ея становятся сонными и вялыми, и она закупоривается въ концѣ августа на зимнюю спячку. Цѣлыя семьи, общества летучихъ мышей дружно, мирно соединяются для этого сна въ одномъ убѣжищѣ. Для этого служатъ чаще всего дупла старыхъ деревьевъ, столѣтней липы или вяза, а въ гористыхъ мѣстахъ—пещеры и гроты. Зацѣпившись задними ногами за какую-нибудь неровность, летучія мыши принимаютъ свою любимую позу, т. е. свѣшиваются головой внизъ, тѣсно прижимаются другъ къ другу, какъ пчелы въ ульѣ, чтобы усилить температуру общей теплотой ихъ тѣлъ, и въ этомъ положеніи, оцѣпенѣвъ, висятъ всѣ зимніе мѣсяцы, пока все-согрѣвающая весна снова не вызоветъ ихъ дѣятельности для принятія участія въ общемъ кругѣ лѣтнихъ явленій природы. Понятно, что не всегда суровая зима обходится для нихъ легко. Нерѣдко трескучій морозъ пробирается и въ ихъ убѣжище и, проникнувъ сквозь теплую шелковисто-пушистую шкурку и морщинки крыльевъ мыши, замораживаетъ ея кровь. Этой жалкой участи всего чаще подвергаются мыши, занимавшія крайнее мѣсто въ группѣ, ихъ окоченѣвшіе трупы уже не проснутся къ новой жизни, не отогрѣетъ ихъ чудноживительная теплота весенняго солнца.

Летучая мышь, какъ и всякое животное, имѣетъ своихъ непріятелей, изъ которыхъ одни сосутъ только ея кровь, оставляя ей жизнь, другіе же съѣдаютъ летучую мышь цѣликомъ. Къ послѣднимъ принадлежатъ сова, филинъ, ловящіе летучихъ мышей на лету, и всякій хищный звѣрь, которому удастся забраться въ дневное ихъ убѣжище. Къ первымъ же принадлежатъ породы особенныхъ летучихъ мышей *подковоносовъ* (Rhynolophus), которые замѣняютъ въ нашихъ умѣренныхъ странахъ вампировъ, этихъ крупныхъ кровососовъ тропическихъ странъ. Но въ нашей средней полосѣ летучая мышь избавлена отъ этого непріятеля: подковоносы составляютъ принадлежность болѣе теплой, южной полосы (Кавказъ, Крымъ, средняя Германія). Мыши эти ростомъ нѣсколько болѣе обыкновенной, на носу ихъ находятся странные, листообразные придатки въ видѣ лошадиной подковы, отъ формы которыхъ онѣ и получили свое названіе. Онѣ летаютъ ночью, начиная съ полночи до 2 часовъ, и въ это время сосутъ кровь заснувшихъ животныхъ, въ особенности птицъ, и всего чаще нападаютъ онѣ на голубей. Подлетѣвъ безъ шума къ спящему животному, онѣ прокусываютъ ему кожу, обыкновенно на шеѣ, и сосутъ, держась на лету, вытекающую изъ ранки кровь, причемъ листообразные выростки на ихъ носу исполняютъ вѣроятно должность кровососныхъ банокъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ наша летучая мышь попадается вмѣстѣ съ подковоносомъ, она чаще другихъ животныхъ подвергается его нападенію, голая кожа ея крыльевъ, обильная, какъ мы уже знаемъ, кровеносными сосудами, представляетъ всего болѣе удобствъ для его хищничества, и въ то время, когда она дремлетъ въ промежутокъ между 12 и 2 часамъ ночи, подковоносъ подкрадывается и сосетъ ея кровь. За то и существуетъ вѣчная, непримиримая вражда между этими двумя породами. Горе подковоносу, нечаянно разбудившему летучую мышь и не успѣвшему улетѣть во время: онъ будетъ настигнутъ, изгрызенъ, изуродованъ и падетъ жертвой ея справедливаго мщенія.

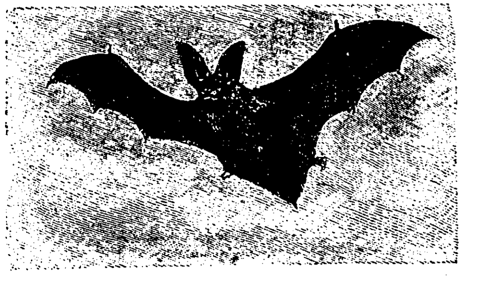
Подковоносъ.

Извѣстный зоологъ Коленати разсказываетъ слѣдующее о враждѣ ушана къ подковоносу: Какъ-то разъ зимой ему удалось въ одной пещерѣ, въ Моравіи, найти сорокъ пять штукъ спящихъ летучихъ мышей. Большинство изъ нихъ были ушаны и подковоносы. Коленати взялъ этихъ мышей и перевезъ къ себѣ въ Броннъ. Онъ пустилъ ихъ въ большую комнату и провелъ всю ночь въ наблюденіи за ними. Ушаны не обращали на него никакого вниманія, тогда какъ подковоносы подлетали близко къ нему и въ особенности держались на лету близко около его ногъ. Черезъ нѣсколько дней Коленати привелъ въ эту комнату своихъ знакомыхъ, чтобы показать имъ летучихъ мышей и къ крайнему удивленію не нашелъ ни одного подковоноса. Всѣ они были убиты, загрызены, и на полу валялись только объѣдки ихъ. Вскрывъ желудокъ нѣкоторыхъ ушановъ, онъ нашелъ въ немъ остатки отъ подковоносовъ. Крылья ушановъ во многихъ мѣстахъ были искусаны. Очевидно здѣсь произошло ночное сраженіе. Подковоносы нападали на ушановъ и кусали ихъ, съ цѣлью напиться ихъ кровью. Наконецъ, эти нападки сдѣлались нестерпимыми для ушановъ, и они въ свою очередь напали на подковоносовъ и уничтожили ихъ.

У летучей мыши есть другіе враги, не столь опасные, какъ подковоносъ, но гораздо сильнѣе ее безпокоющіе. Это особенныя породы безкрылыхъ мухъ, чужеядцевъ и клещей, живущихъ цѣлыми поколѣніями въ складкахъ ея крыловой перепонки. Въ особенности замѣчательна изъ нихъ по своему безобразію, безкрылая и вмѣстѣ съ тѣмъ безголовая муха (Nycterybia vespertilionis); плотно вцѣпляется она въ крыловую кожу мыши своими дугообразно-искривленными острыми когтиками и присасывается надгруднымъ хоботкомъ. На крылѣ проходитъ

всю жизнь ея, на немъ можно встрѣтить ее во всѣхъ возрастахъ. Но сильнѣе ихъ, несравненно въ большемъ количествѣ развивается клещъ; встрѣчаются жалкія особи мышей, въ особенности въ серединѣ лѣта, у которыхъ летательная перепонка кишитъ этими мелкими отвратительными паучками, быстро бѣгающими по всѣмъ направленіямъ и всасывающимися во всѣ ея морщинки. Сильнѣе скучиваются они обыкновенно подъ мышками, гдѣ усиленная теплота способствуетъ ихъ жизни, а волоски и пухъ спасаютъ отъ когтей несчастной хозяйки крыла. Напрасно скребется она, чешется своими крючковатыми коготками заднихъ ногъ, встряхиваетъ отчаянно крыломъ,—все безполезно противъ этихъ мелкихъ враговъ, сильныхъ своимъ безсиліемъ. Такимъ образомъ, мышь, питающаяся насѣкомыми на пользу луговъ, лѣсовъ, хлѣбовъ и всей воздѣлываемой растительности, сама доставляетъ имъ пищу своей кровью. Въ природѣ всюду рука руку моетъ!

Летучія мыши трудно переносятъ неволю. У меня онѣ никогда не жили болѣе полутора сутокъ, несмотря на обильно доставляемыхъ имъ мухъ и насѣкомыхъ всякаго сорта, и это обстоятельство вѣроятно зависѣло отъ тѣсноты помѣщенія, которое я принужденъ былъ отводить имъ въ какой-нибудь экскурсивной коробкѣ. Я убѣжденъ, что для жизни летучей мыши нуженъ извѣстный просторъ, что ея крыло не можетъ оставаться постоянно въ покоѣ, подобно крылу птицы, посаженной въ клѣтку, убѣжденъ также въ томъ, что жаръ, духота для нея вреднѣе холода, она можетъ скорѣе перенести рѣзкое пониженіе температуры, чѣмъ оставаться долго въ нагрѣтомъ воздухѣ, который, усиливая и безъ того скорое кровообращеніе ея, приводитъ всѣ ея органы въ какое-то воспаленное состояніе. Разъ мнѣ привелось держать двухъ живыхъ ушановъ, которые оказались ручнѣе обыкновенныхъ летучихъ мышей; одинъ изъ нихъ былъ принесенъ мнѣ съ поврежденнымъ крыломъ, онъ залетѣлъ въ 11 часу въ окно комнаты, гдѣ и былъ пойманъ. Ему была отведена квартира въ большой стеклянной банкѣ, въ которой онъ и провелъ ночь, на другой день ушанъ принялся съ жадностью ѣсть брошенныхъ ему таракановъ, подбирая со дна банки и глотая ихъ цѣликомъ, подобно собакѣ, которая давится проглатываемымъ кускомъ. Съѣвъ до 10 таракановъ, онъ началъ карабкаться по стѣнкамъ банки и поставленнымъ въ нее прутикамъ, но, не доползши до верху, снова спустился на дно и заснулъ. Всѣ его движенія были вялы, болѣзненны; во время сна онъ завертывалъ свои длинные уши на спину и съеживалъ ихъ во множество поперечныхъ мелкихъ складокъ, отчего они принимали форму бараньихъ роговъ или, вѣрнѣе, странно изогнутыхъ морщинистыхъ стручковъ мышинаго горошка. Вообще въ его физіономіи было много смѣшного; его глазки, сравнительно большей величины, чѣмъ у летучей мыши, не такъ глубоко ушли въ глазныя впадины и придавали ей болѣе открытое выраженіе.

Ушанъ.

Во взглядѣ летучей мыши, въ нависшихъ надбровныхъ дугахъ ея видится что-то болѣзненно-грустное и вмѣстѣ угрюмое, чего нѣтъ у ушана—его физіономія добродушна и въ тоже время смѣшна. Ушанъ мой жилъ двое сутокъ; въ первый день онъ не могъ летать вслѣдствіе ушиба крыла, но на другой свободно порхалъ и кружилъ по комнатѣ около потолка, видимо стараясь найти отверстія для вылета. На другія сутки вечеромъ мнѣ достался другой экземпляръ, также залетѣвшій въ комнату, но совершенно цѣлый, пойманный осторожно рампеткой. Посаженный тотчасъ же въ банку къ первому, онъ началъ обнаруживать сильно безпокойныя движенія, бойко карабкался по вѣткамъ, толкался рыльцемъ въ стѣнки банки и наконецъ спустился на дно. Тамъ онъ, встрѣтившись со старымъ ушаномъ,—пріостановился, притихъ, какъ будто изумился нежданной встрѣчѣ, потомъ вдругъ бросился на него, вскарабкался бойко къ нему на спину, уткнулъ морду къ нему въ затылокъ и, успокоившись, заснулъ. При этомъ движеніи старый ушанъ не обнаружилъ никакого особеннаго сопротивленія, видимо онъ былъ въ болѣзненномъ состояніи и, дѣйствительно, на другое утро былъ найденъ мертвымъ. Опасаясь, чтобы подобная участь не постигла и другого ушана, я рѣшился выпустить его, мнѣ жаль было томить въ неволѣ этотъ крупный, полный жизни экземпляръ, и весело было видѣть, какъ онъ, вырвавшись въ растворенную дверь балкона на просторъ вечерняго воздуха, бойко рѣзалъ его рѣзвыми кругами и, улетая, оглашалъ радостнымъ пискомъ.

Живыхъ летучихъ мышей легко достать,—стоитъ только открыть ихъ убѣжище, гдѣ можно ихъ перебрать всѣхъ до одной просто руками, разумѣется, стараясь не подставить пальца подъ укусъ ихъ тонкихъ и острыхъ, какъ иголки, зубовъ. Ихъ ловятъ также на удочку, нацѣпивъ на нее бѣлую бабочку или просто лоскутокъ бумажки, которымъ и ударяютъ по водѣ; но мнѣ этотъ способъ никогда не удавался, мыши быстро подлетали, вились надъ бумажкой, но скоро и отлетали прочь. Можно также летучую мышь бить въ летъ изъ ружья, что вовсе не трудно, и, зная уловку, даже посредственный стрѣлокъ никогда не дастъ промаху. Стоитъ только выбрать на прудѣ или озерѣ чистое мѣсто, въ которомъ ясно отражался бы сводъ еще не совсѣмъ стемнѣвшаго неба, и быть съ ружьемъ на готовѣ. Полетъ летучей мыши, когда она тянетъ надъ поверхностью воды, никогда почти не сбивается съ прямой линіи, на эту-то линію должно навести цѣль ружья, и въ то время, когда летучая мышь налетитъ на нее, спустить курокъ. Но эта стрѣльба,—не болѣе, какъ безполезная и кровожадная забава; экземпляры, убитые изъ ружья, не годятся для чучелъ, дробь продырявитъ, изрѣшетитъ ихъ крылья, и только въ рѣдкомъ случаѣ выстрѣлъ доставитъ увѣчный экземпляръ съ неповрежденными внутренностями, годный для анатомическаго препарата. Для такого выстрѣла нужно, чтобы дробь задѣла летучую мышь только краемъ летящаго круга, а это весьма трудно; стрѣлять всегда приходится только на очень близкомъ разстояніи, на которомъ не разнесетъ широко дробь, и она ударитъ кучно, прямо въ налетѣвшую мышь. Несмотря однако на всю безполезность этой охоты, она мнѣ доставляла много пріятныхъ волненій. Ярки, свѣжи еще въ памяти эти давнишнія впечатлѣнія! Я помню, съ какимъ живымъ нетерпѣніемъ бывало дожидаешься наступленія вечера и, не дождавшись, задолго еще до урочнаго часа вылета мышей, отправляешься съ ружьемъ и набитыми патронами на берегъ пруда или широкаго озера, кругомъ обросшаго частыми кустами и чернымъ лѣсомъ. Приходишь на завѣтное мѣсто, умятое отъ частыхъ стоянокъ и лежаній, и засядешь подъ нависшими вѣтками таловаго куста, мучась нетерпѣливымъ ожиданіемъ. Потухаетъ на западѣ яркая зорька, и ясно отражается ея оранжевый отблескъ въ гладкой, свѣтлой поверхности недвижной воды. Тихо, незамѣтно спускается сумракъ на кусты и деревья и покрываетъ ихъ однообразнымъ, мрачнымъ цвѣтомъ; рѣзко рисуются очерки ихъ черныхъ листьевъ и сучьевъ на чистомъ безоблачномъ небѣ. Свѣжестью и прохладой вѣетъ отъ воды. Торчатъ изъ нея безобразно искривленные каржи, кочки узколистной осоки, острые, тонкіе листья касатика и разныхъ водяныхъ растеній. Въ потемнѣвшей глубинѣ ея чуть видятся перистыя вѣтки водяной сосенки, чернѣетъ посреди нихъ потонувшее

*6

бревно, окутанное скользкой тиной. Не шелохнется листъ, покойно, неподвижно стоитъ осина, столѣтній вязъ и раскидистая липа; распустились ея бѣловатые цвѣтки, и чудный ароматъ несется отъ нихъ по всему лѣсу. Тишь и безмолвіе кругомъ. Только въ одномъ мѣстѣ всплываютъ изъ воды пузыри и булькаютъ на поверхности, да около густыхъ камышей порой всплеснетъ рыба, и побѣгутъ оттуда круги все шире и шире далеко по всей водѣ. Изрѣдка долетитъ, Богъ знаетъ изъ какого неблизкаго поля, людской говоръ и конское ржанье. И снова тишь,—невозмутимая, глубокая тишь... Гуще ложится сумракъ, сильнѣе томитъ нетерпѣнье. Но вотъ въ самомъ темномъ мѣстѣ, гдѣ сдвинулись дружно чернѣющія группы деревьевъ и густо разросся тѣнистый ихъ листъ, замелькала черная точка—это долго жданная летучая мышь. Ближе и ближе несется она, и вотъ ужъ порхаетъ подлѣ меня; веселъ, рѣзвъ ея полетъ, сопровождаемый легкимъ пискомъ; какъ будто ныряетъ она въ вечернемъ сумракѣ, какъ будто купается въ немъ; то медленно потянетъ надъ самой водой, то вдругъ взмоетъ кверху, перевернется и снова запорхаетъ около деревьевъ, а вотъ явилась и другая, за ней третья летитъ въ угонъ, еще одна несется имъ навстрѣчу, вьется надъ водой—вотъ онѣ, давно желанныя!...

Но не время еще стрѣлять ихъ, слишкомъ боекъ и вертлявъ ихъ полетъ, теперь убить въ полетъ летучую мышь почти невозможно, по крайней мѣрѣ не впримѣръ труднѣе, чѣмъ ласточку. Черезъ нѣсколько времени, наѣвшись насѣкомыхъ, онѣ летятъ тихо и плавно надъ водой, и тогда, не горячась, можно почти навѣрняка безъ промаха срѣзать каждую, вылетѣвшую на свѣтлое мѣсто. Медленно тянетъ она тогда надъ водой, и вмѣстѣ съ ней летитъ ея обликъ, отраженный въ зеркальной поверхности. Наводишь тогда ружье на линію полета, и рѣзко очерчивается цѣль на свѣтломъ полѣ воды; ближе летитъ мышь, сильнѣе и тверже упираешь прикладъ въ плечо, и въ то время, когда ея тѣло закроетъ цѣль, спускаешь курокъ. Вылетитъ огонь изъ дула, громко ударитъ въ безмолвіи ночи оглушительный выстрѣлъ, разсыплется дробь по водѣ, и все поле застелется дымомъ... Загудитъ перекатное эхо въ лѣсу и замретъ въ отдаленьи; гдѣ-то закаркаетъ проснувшійся воронъ, бойко замечутся и запищатъ испуганныя мыши... Жадно глядишь сквозь медленно-осѣдающій дымъ на всколыхнувшуюся поверхность воды, широко бѣгутъ по ней волнистые круги; вотъ что-то черное движется около камыша... не убитая ли мышь? Нѣтъ, это пыжъ колышится набѣгающей волной, а вонъ дальше видится и она, добыча мѣткаго выстрѣла, борющаяся съ водой и замирающая въ послѣднихъ конвульсіяхъ...

Средства мои для доставанія убитыхъ мышей изъ воды были очень ограничены, нерѣдко трупы ихъ пропадали совершенно даромъ. Вообще мнѣ не удавалось убить въ одинъ вечеръ больше четырехъ штукъ, потому что время стрѣльбы ихъ очень коротко: онѣ вылетаютъ въ 11 часу, послѣ каждаго выстрѣла должно дать время успокоиться имъ отъ испуга, а въ 12-мъ становится такъ темно, что на водѣ не различишь не только цѣли ружья, но и дула его.

Никогда не забуду я впечатлѣнія агоніи одной изъ убитыхъ мною мышей, послѣ котораго я невольно охладѣлъ къ охотѣ за ними,—къ этой безплодно пустой и жестокой забавѣ. Это былъ довольно крупный экземпляръ самки; срѣзанная выстрѣломъ на лету, но не убитая, она упала въ воду и, опомнившись, поплыла довольно бойко къ берегу, на которомъ я стоялъ. Я далъ ей вскарабкаться на траву и, взявъ еще полную жизни, понесъ домой, какъ кровавый трофей своего подвига. Дробь пробила, изрѣшетила ей крыловую кожу, нѣсколько дробинъ попало во внутренности, кровь тихо сочилась изъ ранокъ и пачкала шелковистую шкурку. Въ правый глазъ также попала дробинка, но не пробила черепа и только вырвала несчастный глазокъ, оставивъ на мѣстѣ его кровавую ямку. Когда я принесъ домой мою жертву, она была еще жива, но жизнь ея видимо быстро гасла и боролась со смертью. Пластомъ лежала несчастная мышь на столѣ, судорожно двигая распростертыми, изорванными крыльями, широко разѣвала ротъ, какъ бы силясь издать какой-то звукъ, который бы облегчилъ ея муки. Страдательно смотрѣлъ ея уцѣлѣвшій черный глазокъ. Съ каждымъ мгновеніемъ медленнѣе становились ея движенія и замерли наконецъ съ какой-то судорожной дрожью. Угасла жизнь, закоченѣли, съежившись, крылья, и тихо потухъ навсегда, посинѣлъ свѣтлый глазокъ, за полчаса еще зорко глядѣвшій и слѣдившій за летавшей добычей.

2. Вампиры.

Темносиняя, колоритная ночь царитъ надъ тропическимъ лѣсомъ. Но эта ночь вся проникнута яркимъ сіяніемъ луны—громадной луны, уже готовой опуститься къ горизонту и скрыться за верхушками гигантскихъ деревьевъ.

Уже начался тихій, предразсвѣтный вѣтерокъ, который тянетъ холодкомъ надъ спящими долинами, надъ холодными, подымающимися съ нихъ, туманами.

Въ этомъ холодкѣ крѣпко спится всему живому міру, всей природѣ, утомленной дневной возней и хлопотами. Еще недавно, съ часъ тому назадъ, эта ночь сіяла во всемъ ея блескѣ. Миріады свѣтлыхъ искръ, яркихъ огоньковъ летали въ воздухѣ. Проносились огненныя полосы и крестили воздухъ по всѣмъ направленіямъ — это были свѣтящіяся насѣкомыя. Была полная великолѣпная иллюминація.

Теперь она потухла. Насталъ таинственный часъ, и все погружено въ тяжелый, глубокій, утренній сонъ. Это часъ, въ который борется утренній свѣтъ съ тьмою ночи. Все тихо, безмолвно. Умолкли ночные крики лѣсныхъ звѣрей и птицъ. Полная, глубокая тишина... и среди этой тишины неслышно снуютъ, порхаютъ летучія мыши—страшныя, громадныя летучія мыши. Это — вампиры, ужасные бразильскіе кровососы, которые летаютъ надъ спящими. Они жаждутъ ихъ теплой крови. Имъ холодно въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ. Они голодны и жадно ищутъ спящихъ животныхъ.

Вотъ направо около небольшого лѣса—простая ограда, въ которой стоятъ и дремлютъ волы, лошади и овцы. Къ нимъ подлетаютъ на нѣсколько неуловимыхъ мгновеній кровожадныя, крылатыя мыши и почти тотчасъ же улетаютъ прочь. Онѣ уже сдѣлали свое дѣло. Одной минуты достаточно для нихъ, чтобы прокусить кожу, впустить въ свой желудокъ глотокъ теплой, горячей крови, и улетѣть прочь. Онѣ рыщутъ по лѣсу, бросаются на птицъ и небольшихъ звѣрей, онѣ схватываютъ ихъ своими когтями и жадно сосутъ ихъ кровь.

Онѣ летаютъ и вечеромъ, и въ началѣ ночи, но вечеромъ всѣ животныя чутко спятъ или дремлютъ и не допускаютъ ихъ близко. Настоящій пиръ наступаетъ для нихъ только теперь, при слабомъ мерцаньи утренней зари.

Онѣ не прокусываютъ глубоко кожи. Онѣ только снимаютъ острыми передними зубами небольшой кусочекъ ея, и кровь быстро приливаетъ къ ранкѣ, и вампиръ жадно пьетъ и сосетъ ее.

На носу у него особенные, странные, безобразные выростки, въ родѣ листьевъ. У «подковоноса» эти выростки располагаются подковообразно. У египетскаго вампира ихъ замѣняетъ одинъ непарный, ланцетовидный выростокъ кожи, торчащій прямо на носу животнаго. Такими выростками вампиры плотно прижимаются къ ранѣ и легче, удобнѣе высасываютъ кровь.

Вотъ что разсказываетъ объ этихъ животныхъ знаменитый натуралистъ Александръ фонъ-Гумбольдтъ въ своемъ «Путешествіи по южной Америкѣ».

«Жгучая дневная жара подъ тропиками смѣняется прохладой довольно длинной ночи, но домашнія животныя: лошади, ослы и коровы не могутъ воспользоваться этой прохладой и отдохнуть отъ удушливаго дневного зноя. Имъ не даютъ отдыха вампиры, эти чудовищныя летучія мыши. Онѣ крѣпко вцѣпляются въ ихъ спину во время ихъ сна и сосутъ изъ нихъ кровь. Послѣ ихъ прокусовъ на спинѣ образуются гнойныя раны, которыя постоянно растравляются комарами, москитами, оводами, слѣпнями и разными другими насѣкомыми.

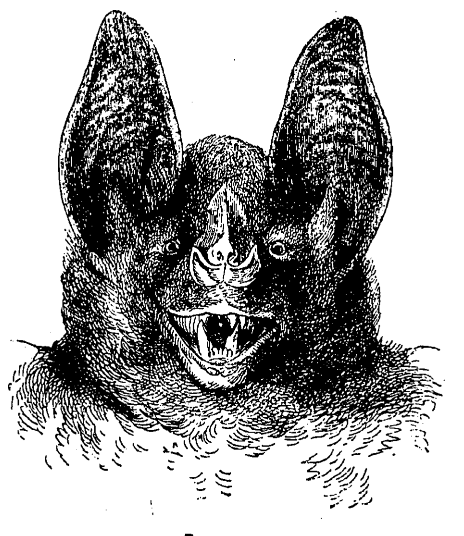
«Огромныя летучія мыши,—разсказываетъ онъ далѣе,—летали надъ нами и не давали намъ заснуть, летали прямо передъ нашими лицами. Намъ казалось, что они вотъ-вотъ вцѣпятся намъ въ лицо. Одинъ разъ эти страшные вампиры укусили или, какъ выражаются туземцы, «ужалили» нашего большого дога прямо въ морду. Языкъ ихъ усаженъ небольшими сосочками и вѣроятно служитъ имъ для сосанія. Онъ очень подвиженъ, и вампиръ можетъ его съуживать или расширять. Ранка отъ укуса была небольшая, совершенно круглая. Собака жалобно выла, но не отъ боли, а скорѣе отъ испуга, такъ какъ стаи этихъ мышей постоянно пролетали мимо и вились надъ ней. Подобные случаи встрѣчаются не часто. Мы были въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ очень много вампировъ, и много ночей провели подъ открытымъ небомъ, но никогда никто изъ насъ не былъ укушенъ вампиромъ. Притомъ ранка отъ его укуса нисколько не опасна, а боль отъ нея весьма незначительна. Ее замѣчаешь только тогда, когда вампиръ уже сдѣлалъ свое дѣло и улетѣлъ».

Первые наблюдатели этихъ паразитныхъ животныхъ были испанцы. У Азара, который называетъ вампира «morderor» (кусатель), мы находимъ разсказъ о томъ, какъ его соотчичи жестоко страдали отъ этихъ укусовъ, истекали кровью и умирали. «Иногда,—говоритъ Азара,—они (вампиры) кусаютъ куръ во время ихъ сна, кусаютъ ихъ гребень или бородки. Раны обыкновенно воспаляются, и куры умираютъ. Эти летучія мыши кусаютъ также коровъ, лошадей, ословъ и муловъ. Онѣ кусаютъ ихъ въ шею, въ бока и въ плечи, такъ какъ на этихъ мѣстахъ вампиръ можетъ легче держаться. Кусаютъ онѣ также и людей, и я самъ собственнымъ опытомъ убѣдился въ томъ, когда спалъ подъ открытымъ небомъ. Онѣ кусали меня четыре раза, но я вовсе не чувствовалъ никакой боли отъ ихъ укусовъ. Ранки отъ нихъ были круглыя или овальныя, не болѣе одной линіи въ поперечникѣ и очень неглубокія. Онѣ отличались обыкновенно вздутыми краями. Мнѣ казалось, что изъ такой ранки крови могло вытечь не болѣе двухъ унцій. У лошадей это количество должно быть болѣе значительно, и вѣроятно доходитъ до трехъ унцій. Эта кровь выходитъ изъ волосныхъ сосудовъ кожи, и вампиры вѣроятно высасываютъ эту кровь своимъ языкомъ. Ранки мои скоро зажили. Я думаю, что этихъ животныхъ нечего опасаться, такъ какъ онѣ нападаютъ на людей только въ тѣ ночи, когда не могутъ достать другой пищи, кромѣ человѣческой крови. Разсказываютъ, что вампиръ обмахиваетъ предварительно, какъ вѣеромъ, то мѣсто, которое хочетъ укусить».

Къ этимъ наблюденіямъ другой путешественникъ прибавляетъ слѣдующее. «Я изслѣдовалъ,—говоритъ онъ,—болѣе сотни ранъ у муловъ, лошадей и быковъ и не могъ составить себѣ яснаго понятія, какимъ образомъ вампиры могутъ ихъ дѣлать. Воронкообразная рана имѣетъ четверть дюйма въ поперечникѣ и около двухъ линій глубины. Она никогда не проникаетъ до мускуловъ, и на ней никогда не замѣчается слѣдовъ отъ зубовъ. Края ея вздуты и рыхлы. Вотъ почему я не вѣрю, чтобы вампиры могли производить эти раны во время сна животнаго, которое непремѣнно должно проснуться отъ ихъ укусовъ и прогнать вампира. Вѣрнѣе предположить, что вампиръ посредствомъ сосанія дѣлаетъ первоначально кожу нечувствительною и потомъ прокусываетъ ее и запускаетъ въ рану свой языкъ».

Вслѣдствіе этого и образуется воронкообразное углубленіе. Вампиръ не можетъ сосать на лету. Онъ садится на спину лошади и складываетъ крылья. Вообще онъ выбираетъ наиболѣе удобныя мѣста для сосанія: крупъ, шею, лошади, лопатку и загривокъ. Раны одного вампира не опасны, но если нѣсколько вампировъ, одинъ за другимъ, сосутъ изъ одной и той же раны нѣсколько ночей сряду, то животное ослабѣваетъ отъ потери крови, тѣмъ болѣе, что и послѣ укуса, когда вампиръ насосался, кровь продолжаетъ вытекать. Въ жаркое время случается, что мясныя мухи кладутъ ихъ яйца въ рану и вызываютъ появленіе нарывовъ.

Раны отъ укушенія вампировъ не походятъ на раны отъ другихъ хищниковъ. Если ласка укуситъ лошадь или осла, то эта рана скоро заживаетъ. Ранка отъ вампира всегда находится на вспухшемъ возвышеніи кожи, на вздутіи, которое вѣроятно происходитъ отъ сосанія. Зубная система большинства хищниковъ крупныхъ и мелкихъ носитъ обыкновенно одинъ и тотъ же характеръ. Слѣдовательно и укусы этихъ зубовъ должны оставлять сходный отпечатокъ, т. е. должны быть два болѣе крупныхъ углубленій отъ сильно выдающихся клыковъ. Но на укушеніяхъ вампировъ такихъ слѣдовъ мы не находимъ, мы видимъ просто чечевицеобразный вздутый бугоръ, на вершинѣ котораго снята кожа, какъ будто она срѣзана параллельно ея поверхности. Такія раны весьма кровоточивы, и вѣроятно поэтому кровь изъ нихъ льется довольно долго. У лошадей свѣтлой, въ особенности бѣлой, масти мы видимъ полоску крови, идущую отъ плеча по всей ногѣ до самаго копыта. Такая струйка крови иногда течетъ даже утромъ, когда всѣ вампиры давно уже спятъ сномъ безмятежнымъ, забывъ о своихъ ночныхъ странствіяхъ и подвигахъ.

Вампиръ.

Вампиры водятся въ Бразиліи почти повсемѣстно, и почти каждый день та или другая лошадь несетъ на себѣ слѣды ихъ укусовъ. «Эти укусы,—говоритъ Бурмейстеръ,—случаются въ болѣе холодное время, когда насѣкомыя прячутся подъ листья или въ трещины скалъ. Укусы встрѣчаются на болѣе удобныхъ для вампировъ мѣстахъ». Большею частью Бурмейстеръ находилъ эти укусы на загривкѣ и въ особенности на мѣстахъ, стертыхъ отъ хомута, или на впадинѣ бедра, около костей таза, тамъ, гдѣ волоса расходятся во всѣ стороны, и остается на кожѣ голое мѣсто. Точно также встрѣчаются эти укусы, хотя рѣдко, на ногахъ. Вампиры нападаютъ обыкновенно на спящихъ лошадей. Если лошадь не спитъ, то она отмахивается хвостомъ, движетъ кожей, киваетъ головой и прогоняетъ летучаго кровососа. Присосавшись къ спящей лошади, какой-нибудь лѣнивый вампиръ можетъ довольно долго сидѣть на ней, пока его не схватятъ.

Въ Ріо-Жанейро, въ жаркіе лѣтніе дни, всѣ конюшни оставляются открытыми, и въ ихъ дверяхъ подвѣшиваются на сквознякѣ длинныя полосы изъ полотна или флаги. Сквозной вѣтеръ раздуваетъ эти полосы и отгоняетъ вампировъ.

KAC11

Англійскій натуралистъ Бэтсъ, прожившій въ Бразиліи одиннадцать лѣтъ, разсказываетъ слѣдующее о тамошнихъ кровососахъ. Въ то время онъ принужденъ былъ занять пустую комнату, много ночей не занятую никѣмъ. «Въ первую ночь я спалъ крѣпкимъ сномъ и не замѣчалъ ничего необыкновеннаго. Но въ серединѣ ночи я былъ разбуженъ необыкновеннымъ шумомъ. Шумъ этотъ производила цѣлая громадная стая большихъ летучихъ мышей, летавшихъ по комнатѣ по всѣмъ направленіямъ. Онѣ затушили лампу, и когда я снова зажегъ ее, то увидалъ, что вся комната была наполнена ими. Стѣны казались черными отъ ихъ постоянно мелькавшихъ крыльевъ. Я взялъ длинную палку и началъ выгонять ихъ. Онѣ улетали сквозь отверстія черепичной крыши, и не прошло десяти минутъ, какъ онѣ всѣ исчезли. Но только что я улегся и все успокоилось, какъ мыши снова вернулись. На слѣдующую ночь нѣсколько изъ этихъ отвратительныхъ животныхъ залѣзли въ мой гамакъ и вцѣпились въ мою одежду. Въ сердцахъ я схватывалъ ихъ руками и со всего маху ударялъ ими въ стѣну. Когда забрезжилъ день, я увидѣлъ на моихъ ногахъ ранки, причиненныя, безъ всякаго сомнѣнія, этими непрошенными гостями. Это послѣднее обстоятельство такъ меня разсердило, что я поднялъ на ноги всѣхъ моихъ негровъ, вооружилъ ихъ длинными палками, и мы принялись бить и выгонять мышей. При этомъ я убилъ массу ихъ, висѣвшихъ на стропилахъ, а негры снаружи взлѣзли на крышу и притащили цѣлыя сотни молодыхъ и старыхъ летучихъ мышей вмѣстѣ съ ихъ маленькими».

«Всѣ эти мыши принадлежали къ четыремъ видамъ. Два изъ нихъ были мѣстные, бразильскіе нетопыри, третій принадлежалъ къ бразильскимъ вампирамъ (Phyllostoma), а четвертый—къ языко-сосамъ (Glossophaga). Бразильскіе нетопыри — небольшія животныя, свѣтлосѣраго цвѣта, съ двумя сѣрыми, почти бѣлыми полосами на спинѣ и съ сильно развитыми листообразными придатками на носу. Негры считаютъ этого кровососа за единственную летучую мышь, которая нападаетъ на спящихъ людей, но тѣ мыши, которыя взлѣзли на меня во время моего сна, были нетопыри, и вотъ почему я думаю, что и эти животныя при случаѣ могутъ сосать кровь спящаго человѣка».

Ринопома.

По наблюденіямъ другого путешественника, Киплера, летучіе кровососы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Суринама, составляютъ дѣйствительный бичъ людей и въ особенности вьючнаго и рабочаго скота. Солдаты около Армина должны были всю ночь поддерживать огонь и тѣмъ спасаться отъ укусовъ летучихъ мышей. Если огонь гасили, то на слѣдующій день находили кровавые подтеки и даже цѣлыя лужи крови подъ койками, на которыхъ они спали. Эта кровь вытекла изъ маленькихъ, едва замѣтныхъ ранокъ на пальцахъ ихъ ногъ. Это излюбленное мѣсто для ихъ укусовъ. Одинъ разъ,—разсказываетъ Киплеръ,—я проснулся ночью и почувствовалъ, что грудь и шея у меня мокрыя. Я зажегъ свѣчу и увидѣлъ, что это была кровь, и что гамакъ, на которомъ я спалъ, грудь, шея и руки мои были также въ крови. Я не почувствовалъ ни малѣйшей боли. Кончикъ моего носа былъ также укушенъ, и кожа на немъ на два миллиметра въ длину была скушена. Это было единственный разъ въ жизни, что мой носъ укусили кровососы. Обыкновенно они кусаютъ пальцы ногъ. Послѣ этого, когда мнѣ приводилось, во время моего путешествія спать подъ открытымъ небомъ, я не снималъ съ ногъ носковъ и ни разу не былъ укушенъ. Въ іюнѣ 1853 г. я, вмѣстѣ съ моими соотчичами, остановился въ Альбинѣ, въ которомъ раньше того не было случая укусовъ отъ летучихъ мышей, и вдругъ началось это мученье и продолжалось болѣе двухъ мѣсяцевъ. Затѣмъ мыши исчезли, но не надолго и появились снова, когда я завелъ скотъ, который сильно страдалъ отъ укусовъ этихъ летучихъ мышей. Онѣ кусаютъ ословъ и свиней, преимущественно въ спину и уши. Ранки эти гораздо больше, чѣмъ обыкновенно бываютъ у людей. Въ эти ранки нерѣдко мухи кладутъ яйца, изъ которыхъ выходятъ черви и образуются нарывы. Свиньи и ослы сильно страдаютъ отъ такихъ загноившихся ранъ, разъѣдаемыхъ червями. Они худѣютъ, слабѣютъ и умираютъ. Но болѣе всего страдали отъ нихъ мѣстныя, прирученныя животныя: тапиры, пекари, олени, обезьяны, которыя жили у меня на дворѣ вмѣстѣ съ лѣсными птицами: гокко и агами. Въ конюшняхъ для отвращенія кровососовъ держатъ козла или одинъ видъ ліаны, которая сильно пахнетъ чеснокомъ, а этого запаха не могутъ выносить летучіе кровососы».

Послѣ всего приведеннаго нами кажется трудно и даже невозможно сомнѣваться въ существованіи вампировъ—этихъ страшныхъ, ночныхъ, летучихъ кровопійцъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ созданіяхъ народныхъ суевѣрій и разсказовъ эти летучіе, ночные паразиты превратились въ страшныя, демоническія силы, превратились въ образы, ведущіе жизнь между реальнымъ и фантастическимъ міромъ. Вампиръ, по понятіямъ народной демонологіи, есть мертвецъ, живущій въ гробу, земной жизнью, насчетъ крови, которую онъ высасываетъ изъ спящихъ людей.

Сопоставляя страшный образъ тропической летучей мыши съ суевѣрными преданіями о жизни вампировъ, спектровъ, о сверхъестественной жизни мертвецовъ, мы можемъ до извѣстной степени догадываться, изъ какихъ темныхъ сторонъ жизни тропическихъ кровососовъ развились эти суевѣрные разсказы, какъ они преобразовались и вылились наконецъ въ разсказы объ упыряхъ, вампирахъ и вурдалакахъ.

Но на юго-западѣ Европы сохранились суевѣрныя преданія о тѣхъ же фантастическихъ образахъ, которые не имѣютъ ничего общаго съ этими разсказами.

Такіе разсказы зародились, если не ошибаюсь, въ Египтѣ. Тамъ существуетъ небольшая летучая мышь—кровососъ, такъ называемая ринопома или ланцетоносъ (Rhinopoma microphyllum) рыжаго цвѣта съ длиннымъ, тонкимъ хвостомъ. Этотъ вампиръ съ листообразными придатками на носу попадается въ Египтѣ, въ огромномъ количествѣ, преимущественно въ старыхъ пирамидахъ и въ пещерахъ.

«Я находилъ ихъ, — говоритъ Брэмъ,—въ огромномъ количествѣ въ Монеалутѣ, въ большой «крокодиловой» пещерѣ, которая съ древнихъ временъ служила мѣстомъ погребенія священныхъ животныхъ. Подъ однимъ изъ громадныхъ сводовъ этой пещеры мыши висѣли въ такомъ огромномъ количествѣ, что черный сводъ казался сѣрымъ. Когда мы вошли съ огнемъ въ эту пещеру, цѣлая туча ихъ спорхнула со стѣнъ и съ оглушитель-

нымъ пискомъ и крикомъ начала кружиться вокругъ насъ. Шумъ отъ ихъ крыльевъ напоминалъ отчасти отдаленные глухіе раскаты грома, а крикомъ ихъ была полна вся пещера. Мы вооружились палками и начали махать ими. Каждый взмахъ сшибалъ одну или двѣ мыши на землю. Съ перебитыми крыльями онѣ бойко ползали по землѣ, стараясь куда-нибудь спрятаться. Пойманныя, онѣ кусались съ ожесточеніемъ и тонкими, какъ острыя иголки, зубами прокусывали довольно чувствительно и глубоко кожу».

Неизвѣстно, какіе случаи подали поводъ народнымъ вымысламъ связать эти укусы и вообще кровопійство летучихъ мышей съ суевѣрными сказаніями о сверхъестественной жизни нѣкоторыхъ умершихъ людей, на которыхъ было перенесено названіе *вампира* или *упыря*, но эти сказанія были сильно распространены въ средніе вѣка даже въ началѣ XVI и XVII столѣтій и держатся до сихъ поръ въ народныхъ преданіяхъ. Они, какъ кажется, одновременны съ жизнью древняго Египта, и слѣды ихъ сохранились въ религіозныхъ сказаніяхъ египтянъ, а въ Европѣ они были въ особенности распространены въ Венгріи, Силезіи и Моравіи, какъ это доказываетъ извѣстное сочиненіе аббата Кальмета.

Но всѣ эти разсказы скорѣе принадлежатъ къ ошибкамъ людей, нежели животныхъ. Ихъ породила ночная мгла. Путешественникъ, чужеземецъ, попавшій въ первый разъ въ чуждый ему климатъ, въ непривычныя для него условія тропической ночи, напуганный этими странными летучими, кусающимися звѣрями, не могъ удержаться въ суевѣрномъ полетѣ своей фантазіи, а эта фантазія изобрѣла мертвецовъ и соединила ихъ страшную жизнь съ кровопійствомъ вампировъ.

Для натуралиста эти приспособленія къ кровопійству важны, какъ одинъ изъ путей, по которымъ шло развитіе цѣлой большой группы млекопитающихъ животныхъ,—группы, весьма своеобразной и единственной въ цѣломъ классѣ, приспособившейся къ воздушной жизни, къ летанію въ воздухѣ.

Мы видимъ, что питаніе кровью спящихъ животныхъ представляетъ исключеніе изъ цѣлаго класса. Огромное большинство летучихъ мышей поѣдаетъ сумеречныхъ и ночныхъ насѣкомыхъ и въ этомъ случаѣ приноситъ гораздо болѣе пользы, чѣмъ приносятъ вреда летучіе кровопійцы.

Кровопійство легко развилось изъ условій, заложенныхъ въ огранизаціи и въ привычкахъ вампировъ. Летучая мышь, томимая голодомъ въ то холодное время, когда всѣ насѣкомыя ищутъ тепла и скрываются въ трещинахъ деревьевъ, камней или подъ землей и опавшими листьями, поневолѣ бросается на другихъ болѣе мелкихъ животныхъ, убиваетъ ихъ и съ наслажденіемъ пьетъ, высасываетъ ихъ теплую кровь. Такіе случаи положили первую, но прочную основу къ развитію кровопійства, остальное сдѣлалось какъ бы само собой...

Всякое животное ищетъ болѣе легкихъ путей, гдѣ бы можно было жить, затрачивая какъ можно меньше жизненныхъ силъ. Это дѣлается по тому же принципу, по которому каждое дѣйствіе стремится по пути, на которомъ оно встрѣчаетъ меньше препятствій. Для летучей мыши, выработавшей въ своей организаціи острые зубы, быстрый, легкій воздушный полетъ, выработавшей сильную чувствительность въ ея органахъ чувствъ, не было ничего легче, какъ сдѣлаться паразитомъ, кровососомъ, питающимся кровью живыхъ животныхъ во время ихъ сна.

Кровопійство есть явленіе отрицательное. Оно пугаетъ и отталкиваетъ насъ въ противоположную сторону. Мы въ нашихъ этическихъ стремленіяхъ съ ужасомъ и отвращеніемъ отступаемъ отъ него и ищемъ болѣе свѣтлыхъ, мирныхъ образовъ и сторонъ жизни и мы дѣйствительно ихъ находимъ въ цѣлыхъ группахъ летучихъ мышей.

Мы видимъ, что пути ихъ развитія рѣзко раздѣляются на двѣ дороги. По одной пошли искатели легкой жизни—жизни безъ усиленнаго труда, и пришли къ кровопійству. По другой дорогѣ пошли мирные обитатели тропическихъ лѣсовъ, крыланы и калонги, неимѣющіе почти ничего общаго съ ночными кровопійцами.

3) Крыланы и калонги, или летучія собаки и лисицы.

Изъ тьмы къ свѣту. Солнце только что выходитъ изъза далекой рощи. Оно ярко сіяетъ въ просвѣтахъ зеленаго, тропическаго лѣса. Представьте себѣ, что мы смотримъ со второго яруса этого сильнаго, могучаго лѣса, цвѣтущаго, благоухающаго, наполненнаго зеленой жизнью. Кругомъ насъ деревья, деревья съ длинными, гибкими сучьями.

Но что же виситъ на этихъ сучьяхъ? Какіе-то громадные и вѣроятно тяжелые плоды. Какія-то гигантскія, темныя, почернѣлыя, всѣ сморщенныя груши. Ими увѣшены всѣ окружающіе васъ деревья.

Но вотъ—одна изъ этихъ грушъ пошевелилась, тронулась, за ней другая, третья, и вы убѣдились, что это не груши, а животныя. Это громадныя летучія мыши или «летучія собаки», какъ ихъ называютъ на островѣ Суринамѣ. Каждая мышь спитъ, крѣпко зацѣпившись когтями одной изъ заднихъ лапъ за сучекъ дерева. Ихъ крылья—это теплая, надежная эпанча, въ которую они крѣпко, плотно кутаются, спасаясь отъ утренняго холода, обхватывающаго ихъ послѣ знойной тропической ночи.

Онѣ спятъ, какъ всѣ летучія мыши, свѣсившись головой внизъ и по временамъ перемѣняя ногу, когтями которой они зацѣпились за сучекъ дерева. Онѣ спятъ, закутавшись вмѣстѣ съ головой въ свои широкія, длинныя и теплыя крылья. Запахнувшись, онѣ плотно придерживаютъ эти крылья другой свободной задней ногой.

Но вотъ солнце взглянуло на нихъ, пригрѣло ихъ. И все-таки имъ не хочется разстаться съ ихъ удобнымъ, теплымъ, уютнымъ гнѣздомъ. Вотъ одна лѣниво раскрыла одинъ глазъ и хмуро смотритъ имъ въ чащу лѣса, ярко освѣщеннаго красноватымъ свѣтомъ восходящаго солнца. Вонъ другая жадно нюхаетъ воздухъ, то раскрывая, то закрывая свои глаза. Она нюхаетъ, не пахнётъ ли этотъ воздухъ душистымъ запахомъ плодовъ геликоній, которые онѣ такъ любятъ. А вонъ одна болѣе предусмотрительная держитъ уже два такихъ плода въ одной изъ переднихъ лапъ, прижимая ихъ къ своей мордѣ. Она запаслась ими съ вечера, заснула съ ними, проспала всю ночь, и теперь у нея есть чѣмъ закусить въ голодный часъ ранняго, холоднаго утра. Направо одна изъ мышей совсѣмъ уже проснулась, но ей не хочется разстаться съ ея теплой койкой, и она глядитъ на васъ во всѣ глаза, кутая морду въ складки своего крыла. А налѣво на верху одинъ крыланъ уже совсѣмъ проснулся и отправляется на поиски. Онъ раскрылъ и грудь, и голову. Онъ вытягиваетъ и поворачиваетъ во всѣ стороны свою гибкую шею и совсѣмъ готовъ зацѣпиться сильнымъ длиннымъ крючкомъ передней лапы за близлежащіе сучки. Смотрите! вотъ онъ уже путешествуетъ на трехъ ногахъ и собирается развернуть свои большія крылья, чтобы вспорхнуть и полетѣть въ далекій пальмовый лѣсъ.

Общій обликъ ихъ и ихъ продолговатая морда ничѣмъ не напоминаютъ вамъ страшныхъ отвратительныхъ бразильскихъ или нильскихъ курносыхъ кровососовъ. Морда ихъ похожа на морду собаки или лисицы, почему и зовутъ ихъ *летающими собаками* или *лисицами*. Всмотритесь въ эту продолговатую, добрую морду, въ этотъ свѣтлый, открытый взглядъ, сравните его съ сумрачнымъ, угрюмымъ взглядомъ всѣхъ другихъ формъ летучихъ мышей, не исключая и нашихъ насѣкомоядни-

ковъ. Калонгъ смотритъ весело, добродушно, открыто на Божій міръ, и вотъ почему онъ любитъ свѣтъ и солнце и ярко освѣщенную зелень и вкусные ароматные, рдѣющіе на солнцѣ плоды. Онъ не прочь полетать и ночью или вечеромъ, промять свои крылья. Но вечеромъ, впотьмахъ, что же онъ можетъ найти себѣ въ пищу? Насѣкомыхъ онъ не ѣстъ, а плодовъ въ ночномъ сумракѣ не увидишь.

Посмотрите, какъ комично онъ лазаетъ по сучкамъ деревьевъ, лазаетъ очень бойко и ловко. Онъ выставляетъ свои длинныя, переднія ноги-крылья и захватываетъ за сучки также длинными, надежными крючками, сидящими на костяныхъ костылькахъ. Онъ выдвигаетъ эти ноги, поперемѣнно правую и лѣвую, а концы крыльевъ несетъ сложенными подъ мышками. Онѣ какъ то странно торчатъ у него съ боковъ, въ видѣ кожистыхъ или перепончатыхъ зубьевъ. И въ особенности комична его фигура сзади. Она напоминаетъ отчасти фигуру медвѣдя. Хвоста у калонга нѣтъ. Куцый и кургузый, онъ бойко перебираетъ задними ногами, вѣроятно, вполнѣ довольный, что на этихъ ногахъ, на ихъ пальцахъ по пяти острыхъ сильно загнутыхъ крючковъ когтей. Этими когтями онъ крѣпко захватывается за сучки и вѣтви, за морщины и трещины старыхъ деревьевъ. Въ одну минуту онъ влѣзаетъ на высокое дерево. Самая любимая его поза—это висѣть головой внизъ, крѣпко зацѣпившись за какой-нибудь горизонтальный сукъ. При этомъ онъ бойко вертитъ головой во всѣ стороны, и какъ только завидитъ какой-нибудь плодъ, тотчасъ развертываетъ крылья и бросается въ воздухъ.

Калонгъ.

Калонгъ — животное общественное. Онъ живетъ цѣлыми громадными стаями. Вся жизнь его проходитъ на виду у всего зрячаго міра. Онъ пробуждается шумно. Цѣлыя стаи кричатъ и каркаютъ, какъ стая воронъ, своимъ рѣзкимъ, скрипучимъ крикомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Зондскихъ острововъ они летаютъ такими стаями, что даже закрываютъ солнечный свѣтъ. Если калонгъ найдетъ гдѣ-нибудь въ лѣсу дерево, увѣшенное спѣлыми плодами, то онъ жадно набрасывается на нихъ, и вскорѣ къ этому дереву собираются одна стая за другой. Ихъ зоркими глазами калонги далеко видятъ, но еще сильнѣе они слышатъ запахъ плодовъ и летятъ, летятъ цѣлыми стаями, накидываются на зрѣлые сочные плоды и поѣдаютъ ихъ до чиста. Съ большей жадностью они налетаютъ на виноградники и опустошаютъ ихъ. Они выбираютъ самые сочные, зрѣлые плоды и не столько ѣдятъ, сколько сосутъ ихъ, высасывая и сладкій ароматный сокъ, и нѣжную сочную мякоть плода.

Поѣдая плоды, калонги понятно являются самыми вредными животными для плодовыхъ садовъ и насажденій, но они живутъ въ тѣхъ благодатныхъ краяхъ, гдѣ солнце грѣетъ безъ устали и вызываетъ роскошную растительность всякихъ кустовъ и деревьевъ, вызываетъ обиліе всякихъ плодовъ, крупныхъ и мелкихъ. Тамъ, подъ тропическимъ солнцемъ выростаетъ такое изобиліе всякихъ плодовъ и ягодъ, что каждый хозяинъ плодовъ смотритъ сквозь пальцы на хищничество калонговъ и равнодушно переноситъ убыль плодовъ, которымъ онъ самъ не можетъ найти употребленія.

Область распространенія калонга довольно обширна, но она нигдѣ не выходитъ изъ предѣловъ тропическаго климата. Они живутъ въ Индіи, въ Бирмѣ, на Цейлонѣ вплоть до Мадагаскара. Вездѣ они живутъ въ рощахъ, лѣсахъ и даже садахъ. На Цейлонѣ любимымъ мѣстомъ ихъ жизни служитъ ботаническій садъ, такъ называемый «Парадеиій». На громадныхъ деревьяхъ этого сада они висятъ такими стаями, что вѣтви подламываются подъ ихъ тяжестью. По утрамъ между 9 и 11 часами они летаютъ, расправляя и упражняя свои крылья, грѣются на солнцѣ и пьютъ утреннюю росу. Они перелетаютъ съ мѣста на мѣсто въ такомъ громадномъ количествѣ, что издали кажутся роями комаровъ или пчелъ. Совершивъ этотъ утренній моціонъ, они возвращаются на свои излюбленныя деревья съ крикомъ, гамомъ и шумомъ. Они толкаются, сбиваютъ другъ друга, торопятся, спѣшатъ усѣсться или правильнѣе захватить задними ногами болѣе надежную вѣтку и свѣситься головою внизъ. Въ этой общей толкотнѣ и суматохѣ, въ этомъ постоянномъ скрипучемъ крикѣ есть что-то обезьянье. Такъ же, какъ обезьяны, калонги суетятся, хлопочутъ и прежде всего, главнѣе всего, кричатъ, кричатъ, какъ стая галокъ или неуклюжихъ воронъ.

Но въ этой суетнѣ и крикѣ выражается жизнь, движенье, выражается жизнерадость, жизненная бодрость. Калонгъ кричитъ, потому что вся жизнь его совершается торопливо съ неугомонной возней. Это не жизнь быстраго, ловкаго звѣря, это жизнь птицы, которой все тѣло, всякая ткань и кости переполнены воздухомъ. Когда онъ проснется и вздумаетъ летѣть, окунуться съ наслажденіемъ и выкупаться въ чистомъ, еще не нагрѣтомъ сильно утреннемъ воздухѣ, то его первая забота возстановить работу своихъ легкихъ и гортани. Онъ кричитъ, потому что крикъ доставляетъ ему наслажденіе, онъ кричитъ, потому что ему необходимо кричать, необходимо движеніемъ гортани и легкихъ выгнать воздухъ изъ его груди, изъ его костей,—воздухъ, съ которымъ онъ спалъ цѣлую ночь и который требуетъ, необходимо требуетъ возобновленія. И калонгъ кричитъ бодро и радостно.

Шумный, веселый крикъ — это одно изъ выраженій калонга, да и всякаго жизнерадостнаго животнаго. Сравните это громкое, открытое выраженіе съ неслышной, крадущейся, осторожной жизнью ночного хищника, нетопыря или кровососа, и разница вамъ бросится въ глаза. Въ жизни калонга вы находите больше симпатичныхъ, добрыхъ, привлекательныхъ сторонъ, чѣмъ въ отвратительной скрытной жизни вампира.

Удовлетворивъ первую, болѣе настойчивую потребность своего организма, калонгъ начинаетъ думать о потребности своего желудка. Онъ уже слышитъ въ тихомъ утреннемъ воздухѣ сладкій ароматъ плодовъ. Онъ видитъ ихъ издали и жадно набрасывается на манго, на бананы, на финики и др. Онъ смѣло подлетаетъ къ апе-

Крыланы или летучія собаки.

титной, ароматной аппонѣ, но мѣсто уже занято, на вѣткахъ сидятъ другіе калонги, тогда онъ кричитъ какъ можно сильнѣе, и другой калонгъ, испуганный этимъ постояннымъ безпокойнымъ крикомъ, оставляетъ свой плодъ и летитъ дальше искать другихъ плодовъ, вѣроятно думая: вѣдь земля не клиномъ сошлась, плодовъ много...

Изъ нихъ въ особенности любитъ калонгъ плоды разныхъ смоквъ и манго, бананы и фиги. Но пища его не состоитъ исключительно изъ плодовъ. Въ случаѣ нужды или безкормицы, или по прихоти вкуса, онъ нападаетъ иногда на насѣкомыхъ и даже мелкихъ позвоночныхъ животныхъ. Иногда стайки ихъ носятся надъ прудомъ, образовавшимся отъ тропическихъ ливней, и соблазняются плещущимися въ немъ рыбками. Одинъ изъ наблюдателей, Джонъ Шортъ, разсказываетъ, что его вниманіе привлекли не рыбки, а большія летучія мыши, которыя ловили этихъ рыбокъ. Мыши быстро схватывали ихъ задними ногами и отправлялись съ ними на тамариндовыя деревья, гдѣ и съѣдали ихъ. При болѣе внимательномъ наблюденіи Шортъ убѣдился, что эти летучія мыши были калонги. Онъ даже просилъ одного изъ своихъ спутниковъ, Уатсона, застрѣлить хоть одну такую мышь. Уатсонъ застрѣлилъ двухъ настоящихъ калонговъ. Но, придя на прудъ еще разъ, Шортъ не нашелъ ни одного калонга. Очевидно, что ихъ вкусъ къ рыбѣ былъ капризъ, прихоть или просто развлеченіе, забава охота за рыбой.

Полетъ калонга довольно продолжителенъ и силенъ. Онъ можетъ перелетать на далекія разстоянія, и было замѣчено, что ихъ стаи совершаютъ путешествія, повинуясь врожденному чувству, привязанности къ странствію, переселенію, къ новымъ мѣстамъ. На Зондскихъ островахъ калонги перелетаютъ съ острова на островъ.

Несмотря на привязанность къ солнцу, къ дневному свѣту, калонга нельзя назвать дневнымъ животнымъ. Днемъ онъ становится болѣе осмотрительнымъ, пугливымъ, чѣмъ ночью. Иногда достаточно бываетъ легкаго, подозрительнаго для него, шума или шороха, чтобы онъ бросился сломя голову и улетѣлъ далеко. Онъ не только пугливъ, но и боязливъ. Если онъ увидитъ сову или какую-нибудь хищную птицу, то онъ улетаетъ отъ нея изо всѣхъ силъ своихъ широкихъ и длинныхъ крыльевъ. Испуганный выстрѣломъ, онъ обыкновенно падаетъ камнемъ на землю и бойко бѣжитъ, какъ крыса, стараясь запрятаться, куда Богъ пошлетъ. Въ этомъ испугѣ онъ, ничего не видя, бросается на людей, на лошадей, на всѣ вертикально стоящіе предметы, не разбирая, мертвые они или живые. Въ особенности онъ ищетъ защиты въ большихъ деревьяхъ и съ быстротой молніи взбѣгаетъ кверху по ихъ толстымъ стволамъ. Иногда, остановившись, прицѣпившись къ такому дереву и помахавъ своими большими крыльями, передохнувъ отъ испугу, онъ летитъ дальше, но летитъ не по прямой линіи, а безконечными зигзагами.

Добравшись до какого-нибудь фруктоваго сада, калонги съ жадностью набрасываются на сочные, спѣлые плоды и въ это время они становятся храбрыми, и ихъ нельзя ничѣмъ отогнать, даже выстрѣлами изъ ружья. Эти выстрѣлы только спугиваютъ ихъ съ одного мѣста, и они преспокойно перелетаютъ, какъ вороны, небольшими стайками на другое мѣсто и продолжаютъ свою опустошительную работу, такъ что далеко слышенъ шумъ отъ ихъ быстрой и жадной ѣды.

Полетъ ихъ вообще быстръ и силенъ, но не высокъ, только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ они поднимаются метровъ на сто отъ земли. Какъ всѣ летучія мыши, или быстролетающія птицы, они любятъ сбрасываться внизъ съ высокихъ предметовъ, на которыхъ сидѣли.

Рано утромъ огромный ботаническій цейлонскій садъ еще дремлетъ въ первыхъ лучахъ восходящаго солнца, а у калонговъ идетъ уже шумъ и возня, идетъ «мѣстничество», — они дерутся за мѣста или, скорѣе, дѣлаютъ видъ, что дерутся. Имъ даже не дорого то мѣсто, которое они оспариваютъ у своихъ собратій, а дороги шумъ, крикъ и подобіе драки. При этой вознѣ, крича и толкая другъ друга, они цѣпляются за сучья и листья деревьевъ, и вотъ почему можно сразу узнать, гдѣ была драка. Тамъ навѣрно всѣ сучья и вѣтви дерева стоятъ голыми, безлистными, ободранными. Ихъ сцарапали калонги во время драки своими длинными и острыми когтями.

Летучія собаки.

При всемъ ихъ пристрастіи къ шуму, вознѣ, дракѣ, калонги умѣютъ при случаѣ быть молчаливыми и тихими тамъ, гдѣ это имъ необходимо. Они умѣютъ притворяться и подкрадываться—эти крылатыя собаки и лисицы, какъ настоящія собаки и лисицы. Но они также умѣютъ жить тихо и мирно, какъ и слѣдуетъ настоящимъ общественнымъ животнымъ.

Шумныя проявленія гнѣва, злобы или радости свойственны всѣмъ общественнымъ животнымъ и въ особенности обезьянамъ. Въ этихъ шумныхъ порывахъ выражается съ одной стороны сознаніе общественной силы, а съ другой ими прикрывается сильное любопытство. Всѣ калонги любопытны, какъ многія животныя. Если на пути ихъ утреннихъ перелетовъ и осмотровъ бросить на аллейку какой-нибудь незнакомый предметъ, то почти тотчасъ же надъ этимъ предметомъ со всѣхъ сторонъ соберется цѣлая стайка калонговъ. Они молча будутъ летать надъ этимъ предметомъ до тѣхъ поръ, пока не удовлетворятъ своего любопытства.

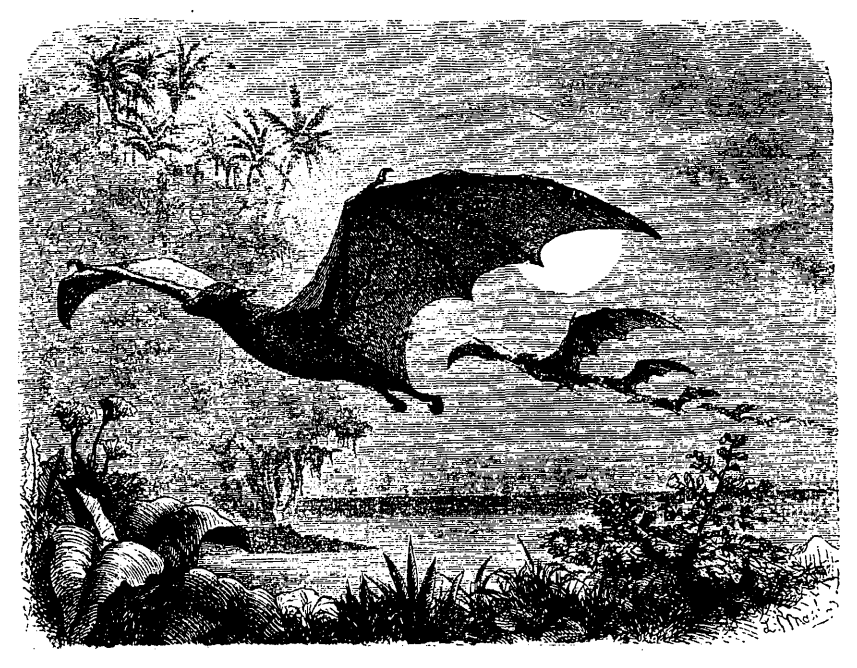
Если въ большой ящикъ посадить калонга и оставить его на ночь подъ открытымъ небомъ, то къ этому ящику

прилетятъ и будутъ постоянно прилетать калонги и съ жадностью осматривать и обнюхивать его.

Впрочемъ, такіе поступки вызываются, можетъ-быть, не однимъ любопытствомъ, но и состраданіемъ. Когда хотятъ привлечь летучихъ лисицъ, то привязываютъ къ дереву одну изъ раненыхъ лисицъ, и на ея отчаянные крики сбирается цѣлая стая. Это опять общественная черта, т. е. черта, свойственная общественнымъ животнымъ. Летучія лисицы какъ бы собираются на ея зовъ, вторятъ ея крику, ея жалобнымъ воплямъ, садятся вокругъ нея, стараются перегрызть веревку, на которой она привязана.

Калонги вообще довольно сильно привязаны къ людямъ. Посмотрите на морду калонга. Это морда добродушной и умной собаки. Пристрастіе къ шуму, крику, дракѣ и всякой вознѣ свойственно болѣе или менѣе всѣмъ общественнымъ животнымъ. Дракой и возней начинается и кончается день летучей собаки. Онѣ начинаютъ свои крики съ пробужденіемъ и кончаютъ его также возней, съ шумомъ зацѣпляясь на ночевку за вѣтви деревъ.

Они дерутся изъ-за всего. Изъ-за объѣдка гнилого яблока, изъ-за тряпки, брошенной на дорогу. Шумъ и крикъ ихъ напоминаетъ крикъ стаи общественныхъ птицъ: чаекъ, гагаръ, пиголицъ, мартыновъ, морскихъ сорокъ. Онѣ дерутся изъ-за пищи. Та, которая схватила плодъ, старается улетѣть и спрятаться. Онѣ нападаютъ на каждую, которая держитъ плодъ и ѣстъ его, нападаютъ до тѣхъ поръ, пока она не улетитъ куда-нибудь дальше.

Перелетъ летучихъ собакъ.

Въ неволѣ голодный калонгъ неразборчивъ къ корму. Одинъ изъ натуралистовъ, г. Рокъ, привезъ калонга-самца въ Марсель. Во время переѣзда, его кормили сначала сахаромъ, плодами, бананами, вареньемъ, консервами плодовъ, и, наконецъ, когда весь запасъ сладкаго истощился, кормили свѣжимъ, сырымъ мясомъ, и калонгъ не брезговалъ этой пищей. Онъ съѣлъ даже мертваго попугая и съ удовольствіемъ съѣлъ цѣлое гнѣздо маленькихъ крысятъ. Но когда пріѣхали въ Гибралтаръ, и онъ съ жадностью набросился на плоды, бананы и финики, то послѣ этой пищи, такъ-сказать, назначенной ему самой природой, онъ уже не возвращался къ мясу.

Калонгъ этотъ довольно скоро привыкъ къ людямъ и въ особенности къ своему хозяину. Онъ позволялъ себя гладить, чесать и никогда не дѣлалъ никакихъ попытокъ кусаться. Другой калонгъ, котораго везли на томъ же кораблѣ, относился добродушно къ каждому, кто гладилъ и ласкалъ его. Онъ выказывалъ полное довѣріе и лизалъ руки тѣхъ, которые его ласкали.

Калонги весьма привязаны къ мѣстамъ своего первоначальнаго поселенія. Геккель замѣтилъ въ цейлонскомъ ботаническомъ саду одно старое дерево баньяна. Оно представляло очень странный видъ. Голое, безлистное, оно протягивало во всѣ стороны свои кривые сучья, и на этихъ сучьяхъ, какъ громадные черные мѣшки, висѣли крыланы. Прошло много лѣтъ, и Геккеля снова привелъ случай посѣтить этотъ цейлонскій садъ, и онъ снова увидѣлъ это дерево. Оно было такое же голое, безлистное, и на немъ висѣли крыланы, какъ огромные черные мѣшки.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ водятся калонги, изъ плодовъ пальмы приготовляютъ сладкое вино. Сокъ пальмъ собираютъ въ особенные сосуды, которые подвѣшиваютъ довольно высоко на ихъ вершинахъ, и сокъ мало-по-малу стекаетъ въ нихъ. Вотъ это сладкое вино и притягиваетъ лакомокъ, сластёнъ летучихъ лисицъ. Онѣ съ жадностью накидываются на него, и около деревьевъ, къ которымъ были подвѣшены такіе сосуды, онѣ валяются на утро мертвецки пьяныя.

Калонгъ живетъ на Зондскихъ островахъ въ большихъ лѣсахъ и въ рощахъ плодовыхъ деревьевъ, которыя окружаютъ деревни. Отдѣльныя деревья увѣшаны буквально сотнями, тысячами этихъ животныхъ. Они выбираютъ вѣтви капока (Eriodendron) и дурьона (Durio Zibethinus). Съ наступленіемъ вечера вся эта масса приходитъ въ движеніе. Окслей разсказываетъ, что они пролетали въ Малакскомъ заливѣ мимо корабля въ теченіе многихъ часовъ. Логанъ видѣлъ въ болотахъ, на сѣверномъ берегу Сингапура, милліоны этихъ животныхъ.

Калонговъ ѣдятъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, на Мадагаскарѣ, за ними охотятся, ихъ ловятъ. На двухъ болѣе или менѣе высокихъ деревьяхъ укрѣпляютъ шесты, къ которымъ привязываютъ блоки. На этихъ блокахъ спускаютъ или поднимаютъ большую сѣть и ею накрываютъ лисицъ въ то время, когда онѣ усядутся на ночевку.

Мясо летучихъ лисицъ очень вкусно, по увѣренію нѣкоторыхъ путешественниковъ. (Ихъ жарятъ au naturelle, въ шкурѣ).

Во время охоты на калонговъ малайцы стрѣляютъ въ ихъ крылья, какъ въ самое удобное и чувствительное мѣсто. Какъ только хоть одна дробинка попала въ пальцы или костякъ распущеннаго крыла, калонгъ уже не можетъ летѣть и тотчасъ падаетъ на землю. Когда онъ подстрѣленъ, то уже не можетъ распустить своихъ крыльевъ и, зацѣпившись, остается на деревѣ. Вотъ почему при выстрѣлѣ въ цѣлую стаю калонговъ, зацѣпившихся за сучья дерева, падаетъ ихъ очень немного на землю, а остальные продолжаютъ висѣть или взлетаютъ и кружатся вокругъ него.

Въ неволѣ калонги скоро ручнѣютъ, хотя никогда не теряютъ извѣстнаго рода дикости, какъ большая часть крылатыхъ, летающихъ животныхъ. Они относятся ко всѣмъ добродушно и дозволяютъ гладить и ласкать себя. Они смотрятъ на васъ такимъ умнымъ и добрымъ взглядомъ, какъ умныя, добродушныя собаки. Они лижутъ вамъ руки и берутъ изъ нихъ кормъ съ такимъ ласковымъ взглядомъ, какъ будто благодарятъ васъ.

Сопоставляя эту положительную черту ихъ характера съ другими такими же симпатичными чертами, можемъ заключить, что въ сущности это—добрыя животныя, и

все ихъ пристрастіе къ шуму, дракѣ и забіячеству не болѣе, какъ слѣдствіе ихъ привязанности къ жизни общественной, шумной, въ которой злобное, драчливое настроеніе отдѣлено отъ добраго, радостнаго только однимъ шагомъ.

Самки калонга сильно привязаны къ своимъ дѣтямъ, и трогательно видѣть, какъ эти матери прижимаютъ своихъ маленькихъ дѣтокъ-летунчиковъ къ своей груди и кутаютъ ихъ въ свои широкія, теплыя и мягкія крылья.

Одинъ изъ наблюдателей ихъ жизни, Іоганнъ Розенбергъ, описывая калонговъ, водящихся на Суматрѣ, разсказываетъ слѣдующее: «одинъ разъ, на закатѣ солнца, я бродилъ по берегу маленькаго острова Мозаллара, въ томъ мѣстѣ, которое служитъ любимымъ убѣжищемъ калонговъ. Одна самка соблазнительно низко и тихо летѣла, я выстрѣлилъ въ нее, и бѣдная мать выронила маленькаго, висѣвшаго у нея на груди, но, не давъ ему упасть, быстро кинулась къ нему, схватила его и улетѣла... Все это совершилось въ одно мгновеніе...»

Оглядывая теперь общимъ взглядомъ всю довольно длинную исторію жизни и развитія рукокрылыхъ, мы невольно приходимъ къ убѣжденію, что въ этой исторіи есть двойственность. Двѣ цѣли были намѣчены природой. Къ одной стремились всѣ типы съ положительными добрыми наклонностями и въ семействахъ летучихъ лисицъ или собакъ достигли высшей точки развитія. Онѣ умны, дѣятельны, быстры въ своихъ движеніяхъ, всѣ органы чувствъ ихъ сильно развиты, и въ добавокъ ко всему этому онѣ добры, общительны и дружелюбны. Нельзя утверждать, чтобы всѣ эти черты выработала въ нихъ растительная пища.

Параллельно съ этимъ шло развитіе въ другую сторону, и мы видимъ, до какихъ страшныхъ, отвратительныхъ размѣровъ дошли эти отрицательныя черты въ кровососахъ и вампирахъ, какъ хищничество конкурировало съ кровожадностью, съ кровопійствомъ.

Эти два пути различны, какъ ночь и день. Всѣ добрыя черты характера, все радостное, свѣтлое соединено съ плотоядниками. Всѣ атрибуты кровожадной ночной жизни связаны съ образованіемъ и развитіемъ паразитныхъ и хищныхъ вампировъ. Всѣ остальные типы, и въ томъ числѣ всѣ типы летучихъ мышей нашихъ умѣренныхъ странъ, не болѣе, какъ вступленіе въ эти двѣ области.

Но не должно забывать, что обѣ эти линіи не представляютъ ничего рѣзко обособленнаго. Когда калонги просыпаются утромъ и кричатъ такъ игриво и радостно, то это радостное довольство внутреннимъ состояніемъ каждое мгновеніе можетъ перейти въ злобно-ворчливое настроеніе.

Когда собака утромъ выбѣгаетъ на улицу вслѣдъ за своимъ хозяиномъ, ѣдущимъ въ шарабанѣ, она точно въ такомъ же настроеніи. Она лаетъ на все и на всѣхъ, но лаетъ особеннымъ образомъ—веселымъ, радостнымъ, игривымъ. Она бросается на всѣхъ прохожихъ, но никого не укуситъ. Она играетъ. Точно такой же строй является и у калонговъ, когда они кричатъ, шумятъ, толкаются, дерутся, какъ шаловливые мальчишки.

Но это веселое, радостное настроеніе можетъ тотчасъ же превратиться въ злобно-сердитое при малѣйшемъ поводѣ. Эта борьба обоихъ настроеній совершается въ теченіе всей жизни калонговъ, да и всѣхъ животныхъ. Даже самые злые и злобные изъ нихъ отдаются порывамъ радости, любви и вообще доброму настроенію, только эти порывы находятъ на нихъ очень рѣдко, на очень короткое время и носятъ характеръ того же злобнаго настроенія. Посмотрите на кошку, окруженную своими котятами. Она весела, она играетъ съ ними. Но достаточно, чтобы одинъ изъ нихъ царапнулъ ее больнѣе, и она тотчасъ же злобно фыркнетъ и сердито ударитъ его. Дайте молока голодной, сердитой кошкѣ, и она тотчасъ же примется ѣсть и ворчать. Въ этомъ ворчаніи выражается ея злоба на васъ и вмѣстѣ съ ней благодарность и довольство за то, что вы ей дали молока.

Энергія, въ которой выражается и добрая, и злая воля каждаго животнаго, одна и таже сила. Различно только настроеніе или направленіе, въ которомъ дѣйствуетъ эта сила, и вотъ это-то «настроеніе» и составляетъ психическую загадку.

Линней, приводя въ систему все царство животныхъ, поставилъ во главѣ его группу Primates (высшихъ, первичныхъ животныхъ), въ которой онъ соединилъ человѣка, обезьянъ и рукокрылыхъ. Онъ своей геніальной натурой угадалъ, что между этими тремя типами есть общая родственная связь, что, несмотря на присутствіе крыльевъ, летучая мышь должна стоять ближе къ человѣку, чѣмъ ко всякому другому организму. Между человѣкомъ и всѣми животными лежитъ громадная пропасть, которая, вѣроятно, никогда не наполнится, но, чтобы утвердить такое опредѣленіе на прочномъ основаніи, необходимо фактическое доказательство, которое можетъ намъ дать только одинъ опытъ.

Въ обезьянѣ мы имѣемъ понятливость, сообразительность, память, наконецъ разсудительность, мы имѣемъ зачатки всего того, что можетъ развиваться и довести ея мозгъ до строенія мозга человѣка, но, пока мы не будемъ имѣть здѣсь доказательства фактическаго—мы не въ правѣ сдѣлать окончательный выводъ.

Разсматривая вопросъ съ психологической точки зрѣнія, мы видимъ здѣсь сходныя области въ области патетическихъ ощущеній и отправленій въ той области, положительной сторонѣ которой мы всегда симпатизировали, и дай Богъ, чтобы никогда не исчезла въ человѣкѣ эта симпатія. Намъ нравятся въ обезьянѣ, точно также какъ и въ летучей мыши, черты общественной привязанности, любви матери къ своимъ дѣтямъ; намъ пріятно видѣть, какъ состраданіе переходитъ въ эти сердечныя привязанности. И дѣйствительно они составляютъ психическое сокровище человѣка и всего міра животныхъ. Онѣ, какъ всѣмъ извѣстно, мало зависятъ или вовсе не зависятъ отъ аналитической, умственной стороны. Чѣмъ менѣе эта сторона вмѣшивается въ наши патетическія отправленія, тѣмъ они сильнѣе, свободнѣе дѣйствуютъ.

Летучія мыши быстрѣе человѣка обсуждаютъ всякое данное положеніе. У нихъ, какъ у птицъ, быстрѣе совершается кровообращеніе и быстрѣе проходитъ кровь сквозь каждый участокъ мозга. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что онѣ умнѣе насъ.

Въ Линнеевскихъ приматахъ мы видимъ полное выраженіе того совершенства, до котораго можетъ дойти вещественная организація животнаго въ ея приспособленіяхъ къ земной жизни. Дальнѣйшая выработка организаціи человѣка, приспособленной къ воздушной жизни къ летанію, должна совершаться чрезъ его умственныя способности. Мы видимъ, что развитіе крыла летучей мыши, такъ сказать, испортило, изуродовало руку человѣка. Это ложный путь, по которому развитіе летательнаго органа не должно идти. Можетъ быть гдѣ-нибудь въ области сочлененія лопатки съ предплечіями и появятся новые зачатки крыльевъ. Но такое предположеніе не имѣетъ за себя никакихъ фактическихъ данныхъ.

Вещественная организація животныхъ дошла до своихъ крайнихъ предѣловъ, и воздушная жизнь рукокрылыхъ есть крайняя точка приспособленія млекопитающаго къ жизни въ воздухѣ.

Человѣку теперь предстоитъ: или замкнуться въ ограниченномъ, одностороннемъ кругѣ чисто матеріальныхъ явленій, или распахнуть дверь въ ту таинственную область, которая начинается въ сверхчувственномъ мірѣ и которая не доступна для пониманія многихъ изслѣдователей, считающихъ ее не существующей и даже немыслимой.

III.

ГРУППА КОШЕКЪ.

Группа кошекъ.

1. Домашняя и дикая кошка.

Кошка и собака — два исконныхъ врага. Въ незапамятную старину сложилась у нашего народа поговорка: живутъ, какъ кошка съ собакой! Эта поговорка осталась во всей своей силѣ и до сихъ поръ. Кошка, какъ только увидитъ собаку, сейчасъ же вся распыжится, подниметъ кверху торчмя пушистый хвостъ, выгнетъ спину дугой, начнетъ фыркать, фукать и бросится бѣжать безъ оглядки.

Собака, какъ только увидитъ кошку, тотчасъ же кидается за ней въ погоню.

Такова картина взаимныхъ, естественныхъ отношеній между этими двумя хищниками,— отношеній, освященныхъ вѣками и не тронутыхъ волей человѣка. Но каждому, полагаю, извѣстно, что въ нѣкоторыхъ, такъ сказать, аномальныхъ случаяхъ эти отношенія могутъ сильно мѣняться. Извѣстны случаи, гдѣ кошка вскармливала щенятъ или собака вскармливала котятъ.

Весьма любопытную и трогательную исторію разсказываетъ нашъ извѣстный талантливый, уже покойный, скульпторъ М. О. Микѣшинъ. Лѣтомъ, во время пребыванія его въ Ташкентѣ, въ полдень одного, очень жаркаго, дня, онъ сидѣлъ въ полномъ изнеможеніи отъ подавляющей жары на террасѣ. Вдругъ онъ видитъ, что къ оградѣ тихо, оглядываясь по сторонамъ, подходитъ какой-то солдатикъ и бросаетъ за заборъ къ нимъ въ садъ какія-то двѣ штуки! Разумѣется это заинтересовало Микѣшина, но подняться и осмотрѣть, что это было такое, онъ былъ положительно не въ состояніи, до того удручающа была жара въ этотъ день. Спустя немного времени домашняя небольшая собачка, дворняшка, по имени Филька, является въ садъ. Она подошла, обнюхала то, что перебросилъ солдатикъ, затѣмъ схватила и потащила къ дому. Но на ея пути былъ небольшой арыкъ (канавка). Она довольно долго металась на берегу ея. Наконецъ спрыгнула въ воду, держа свою ношу въ зубахъ, переплыла арыкъ и положила ее на берегъ; затѣмъ снова переплыла канавку и точно такимъ же образомъ перетащила на сухой берегъ и другой предметъ. При этомъ Микѣшинъ подумалъ, что солдатъ вѣроятно перебросилъ двухъ щенковъ, и собака подобрала ихъ. Черезъ нѣсколько времени Микѣшинъ услыхалъ сильный пискъ и вполнѣ увѣрился, что Филька спасла двухъ подброшенныхъ солдатомъ щенковъ. Между тѣмъ собаченка начала торкаться, визжать и лаять около дверей въ кухню. На этотъ шумъ съ бранью вышла кухарка. Микѣшинъ закричалъ ей, чтобы она посмотрѣла, что такое притащила Филька. Кухарка посмотрѣла:

— Ахъ, ты Господи! — вскричала она. Да вѣдь это котята!!.

Микѣшинъ велѣлъ дать имъ молока, и кухарка, хотя съ неудовольствіемъ, послушалась его и принесла тарелку молока. Микѣшинъ поборолъ свою лѣнь и подошелъ посмотрѣть, что будетъ дальше. Котята ползали и пищали. Филька подталкивала ихъ къ тарелкѣ то одного, то другого. Наконецъ, видя, что это не дѣйствуетъ, она схватила одного котенка за шиворотъ и сунула его мордой въ молоко. Котенокъ обрадовался и началъ съ жадностью лакать. Тогда она повторила тотъ же маневръ съ другимъ котенкомъ. Накормивъ такимъ образомъ котятъ, Филька разлеглась около тарелки, подобрала котятъ, прижала ихъ къ своему брюху, и когда они заснули, задремала сама и лежала съ ними, какъ настоящая ихъ мать.

Черезъ часъ вернулся домой полковникъ, хозяинъ квартиры, которую занималъ Микѣшинъ. Вмѣстѣ съ нимъ вбѣжали два еще молодыхъ дога — его неизмѣнные спутники. Они тотчасъ начали рыскать, бѣгать по всему саду, учуяли котятъ и съ яростью набросились на нихъ. Но Филька, не смотря на ея малый ростъ, дала имъ такой отпоръ, что они должны были ретироваться.

Съ этого дня она начала буквально воспитывать котятъ. Она строго смотрѣла за тѣмъ, чтобы у нихъ всегда было молоко, и требовала его отъ кухарки. Когда они открыли глаза и начали ходить, она слѣдила за тѣмъ, чтобы ни одинъ не отходилъ далеко и тотчасъ же хватала за шиворотъ отбѣжавшаго и приносила назадъ. Спала она всегда съ котятами, прижавъ ихъ къ своему брюху. Когда котята выросли и превратились въ большихъ кошекъ, эти кошки постоянно ходили за Филькой. Одна изъ нихъ выказала сильное отвращеніе къ музыкѣ или, правильнѣе говоря, къ віолончели, на которой игралъ полковникъ. Каждый разъ, какъ онъ начиналъ играть, она начинала мяукать, визжать, бросаться съ одного мѣста на другое, такъ что ее принуждены были выгонять. Филька скоро это замѣтила, и какъ только полковникъ садился за віолончель, она сама загоняла антимузыкальную кошку въ дальнюю комнату, ложилась на порогѣ и не выпускала кошку во все время, пока игралъ полковникъ.

Кошку гораздо труднѣе сдѣлать ручной и одомашнить, чѣмъ собаку. Природа лучше, основательнѣе вооружила ее, и можетъ быть это обстоятельство послужило къ тому, что кошка сохраняетъ болѣе дикости и независимости, болѣе привязанности къ свободѣ, чѣмъ собака.

Кошка заброшенная, въ лѣсу или въ пустынномъ мѣстѣ, сумѣетъ приспособиться и найти себѣ кормъ въ маленькихъ птичкахъ или звѣрькахъ. Собака въ тѣхъ же условіяхъ остается почти совершенно безпомощною и умираетъ съ голоду.

Каждый мало-мальски наблюдательный человѣкъ сразу замѣтитъ разницу между походкой кошки и собаки. Тогда какъ собака ступаетъ твердо и крѣпко, самоувѣренно, кошка всегда какъ бы колеблется въ ея поступательномъ движеніи. Ея тѣло качается, наклоняется, то на одну, то на другую сторону, она вся движется волнообразно, мягко, неслышно.

Такая походка — прямое слѣдствіе строенія ея костяка и связи ея костей. Прямая цѣль этой походки — тихое, неслышное движеніе. Собака можетъ подползать къ своей добычѣ, кошка подкрадывается къ ней незамѣтно, какъ тѣнь.

Позвоночникъ кошки представляетъ сильную подвижность въ связкахъ его позвонковъ. Это необходимо для большей изворотливости ея движеній, но вслѣдствіе этого она не можетъ ходить твердо, не колеблясь. Вслѣдствіе той же причины она не можетъ бѣгать продолжительно. Ея бѣгъ очень скоро переходитъ въ скачки, и въ этомъ

движеніи она является на высотѣ своихъ способностей. Она подкрадывается неслышно, незамѣтно къ своей добычѣ и быстро кидается на нее, дѣлая громадный, изумительный прыжокъ.

«Мнѣ никогда не удавалось,—говоритъ Брэмъ,—заставить кошку упасть на спину. Даже тогда, когда я держалъ ее брюхомъ кверху, на самой незначительной высотѣ отъ стола или отъ стула, и опускалъ ее, она всегда мгновенно перевертывалась и падала на ноги».

Шетлинъ, много изучавшій домашнюю кошку, говоритъ:

«Если мы обратимъ наше вниманіе на главныя преимущественныя способности кошки, то прежде всего насъ поразитъ ея необыкновенная подвижность. Достаточно слабаго сопротивленія воздуха, чтобы онъ послужилъ ей точками опоры въ то время, когда она перевертывается въ воздухѣ».

Лапы кошки представляютъ орудія, вполнѣ приспособленныя къ лову добычи. Острые, дугообразно искривленные когти ея спрятаны, какъ во влагалищѣ, между пальцами и могутъ быть мгновенно, съ значительной силой, выдвинуты изъ этихъ влагалищъ и вонзиться въ тѣло ея жертвы. Каждый палецъ снизу и съ боковъ покрытъ болѣе или менѣе длинными, пушистыми волосами, отъ которыхъ лапка кошки получила свое характерное названіе *бархатной лапки*. Но горе тому, кого зацѣпитъ и потянетъ эта бархатная лапка!

Тѣ же самые волосы дѣлаютъ походку кошки мягкою, неслышною. Наконецъ, тѣ же упругіе волосы дозволяютъ ей падать на землю съ высокихъ предметовъ, съ крышъ или деревьевъ и не ушибаться. Притомъ кошка всегда падаетъ на лапы. Въ какомъ бы положеніи ее ни взбросили кверху—она мгновенно въ воздухѣ перевертывается и падаетъ на лапы. Это опять слѣдствіе гибкости и подвижности ея сочлененій. Вообще все ея тѣло представляетъ удивительную подвижность и изворотливость. Посмотрите на умывающуюся кошку. Какъ гибки, можно сказать, неестественны всѣ ея движенія. Она достаетъ языкомъ свою спину, лопатки и только не можетъ облизать свой собственный затылокъ.

На помощь сильнымъ хватающимъ орудіямъ — лапкамъ-цапалкамъ кошки—являются всегда готовыми еще болѣе сильные и острые зубы. Въ строеніи и положеніи этихъ зубовъ хищническая жизнь дошла до своей вершины. Разумѣется главная роль принадлежитъ здѣсь клыкамъ, которые всегда торчатъ наготовѣ, едва прикрытые губами. Длинные, острые, они могутъ наносить глубокія раны и крѣпко удерживать пойманную добычу. Но и всѣ другіе зубы представляются болѣе или менѣе острыми или несутъ на своихъ вѣнчикахъ острые коническіе бугорки.

Это сильное вооруженіе не было бы такъ страшно, еслибы челюсти кошки и весь скелетъ ея короткой морды не представлялъ крѣпкой, надежной опоры для мышцъ и вообще для движенія. Въ особенности широко выгнуты ея скуловыя дуги, которыя огибаютъ и прикрываютъ громадно развитыя толщи мышцъ, сжимающихъ челюсти. Вотъ это развитіе скуловыхъ дугъ придаетъ физіономіи кошки тотъ своеобразный видъ, который сразу отличаетъ ее отъ всѣхъ другихъ хищниковъ. Широко раскрытые глаза и заостренныя, прямо торчащія уши довершаютъ своеобразность этой физіономіи.

Посмотрите на кошку въ сумеркахъ наступающаго лѣтняго вечера, когда хищные инстинкты ея, руководимые голодомъ, начинаютъ просыпаться. Она сидитъ на всѣхъ четырехъ лапахъ на перилахъ балкона и вся представляетъ одно вниманіе ко всему окружающему. Она быстро, отрывисто поворачиваетъ голову то въ ту, то въ другую сторону и подставляетъ свои уши на встрѣчу щебетанью птичекъ, засыпающихъ въ ихъ гнѣздахъ. Глаза ея расширены. Они блестятъ. Вся кожа ея тихо движется. Словно какая-то волна прокатывается по ея шерсти. Это волнообразное движеніе идетъ отъ ея ногъ, которые она силится прижать крѣпче, чтобы затѣмъ сдѣлать прыжокъ болѣе сильный и далекій.

Порой она выходитъ на аллейку и присѣдаетъ на ней, готовясь къ скачку и слѣдя за полетомъ ласточекъ или летучихъ мышей. Она улавливаетъ подходящій моментъ и сильнымъ ударомъ когтистой лапы сбиваетъ летящую ласточку или летучую мышь и прижимаетъ ее, той же лапой, къ землѣ.

Одинъ разъ я засталъ кошку, въ кухнѣ сидящую на столѣ. Я задумалъ поймать ее. Уйти ей было некуда, и она совершенно открыто сидѣла на столѣ. Я началъ тихонько подходить къ ней. Кошка сидѣла неподвижно, не спуская съ меня глазъ, и я былъ убѣжденъ, что я поймаю ее. И вдругъ она дѣлаетъ прыжокъ прямо на меня. Въ одно мгновенье она пролетѣла надъ моей головой и, только чуть-чуть коснувшись пола, исчезла въ отворенную дверь.

Кошка—ночное животное. Всѣ свои походы и обыски она обыкновенно совершаетъ во тьмѣ и въ тишинѣ ночей. Въ это время почти все враждебное ей засыпаетъ, и ей открывается полный просторъ и широкая свобода для ея ночного мародёрства. Ея чутье лучше различаетъ всѣ запахи въ ночномъ неподвижномъ воздухѣ. Уши слышатъ малѣйшій шорохъ, но главнымъ образомъ при этихъ ночныхъ экскурсіяхъ дѣйствуютъ ея глаза. Они вполнѣ приспособлены къ ночной жизни. Каждый, кто хоть сколько-нибудь наблюдалъ кошку, навѣрно замѣтилъ, какъ быстро и сильно измѣняются размѣры ея глаза при свѣтѣ дня или въ темнотѣ вечера. При свѣтѣ кошка щуритъ глаза, почти закрываетъ ихъ. Зрачекъ этихъ глазъ принимаетъ видъ узкой, вертикальной щели. Въ темнотѣ онъ быстро расширяется, стоновится круглымъ и занимаетъ почти весь глазъ.

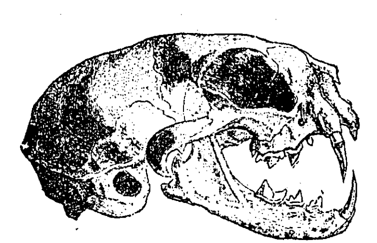
Вообще кошка обладаетъ сильно развитыми нервами, это—нервный организмъ, *неврастеникъ*, между всѣми животными, и не мудрено поэтому, что всѣ внѣшнія впечатлѣнія дѣйствуютъ на нее гораздо сильнѣе, чѣмъ на другихъ животныхъ. Каждая пылинка, приставшая къ ея волосамъ, уже не дастъ ей покоя до тѣхъ поръ, пока она не сниметъ ея. Въ этомъ заключается тайна ея чистоплотности. Она готова умываться хоть нѣсколько разъ въ день. Сравните усы, т. е. длинные волосы на мордѣ кошки и собаки. Какая сильная разница! У собаки они едва замѣтны или вовсе незамѣтны. У кошки они сразу бросаются въ глаза. Они необходимы ей, какъ очень чувствительные органы осязанія *). Были дѣланы опыты. Сажали кошку въ ящикъ, снабженный внутри настоящимъ лабиринтомъ перегородокъ и заборчиковъ. Кошка всегда находила выходъ, а когда ей обстригли усы, она не могла его найти.

Говей (Hovey) разсказываетъ объ одной слѣпой кошкѣ слѣдующее: «эта кошка сперва, послѣ того какъ она ослѣпла, натыкалась на мебель, но мало-по-малу она привыкла ходить и даже бѣгать, не задѣвая никакихъ предметовъ. Одинъ разъ ее отнесли очень далеко отъ дому. Послѣ жалобнаго мяуканья, кошка побѣжала по прямой линіи къ дому. При этомъ она не могла руководствоваться обоняніемъ, такъ какъ была зима и земля была покрыта снѣгомъ».

Стремленіе овладѣть своей добычей невольно развило въ кошкѣ изобрѣтательность на всякіе болѣе или менѣе хитрые и остроумные пріемы и способы, а вмѣстѣ съ ними, какъ прямое слѣдствіе, явилось лукавство и хитрость. Очень характерный примѣръ такой изобрѣтательности кошки мы находимъ въ книгѣ Евг. Мюллера («Les animaux célèbres»). Въ Парижѣ, въ одномъ Шартрёзскомъ монастырѣ поваръ, который готовилъ на всю братію, не досчитался одной порціи говядины. Какъ разъ

*) Къ каждому волоску ея усовъ идетъ особенная вѣточка нервовъ.

въ то время, когда онъ считалъ, позвонили у двери, и онъ побѣжалъ отворить ихъ. Думая, что онъ ошибся, онъ сосчиталъ въ другой разъ, но одного куска все-таки не доставало. Не долго думая онъ приготовилъ новый кусокъ. На другой день таже исторія. Звонятъ въ дверь, онъ бросается отпирать, и въ это время кусокъ исчезаетъ. На третій день опять тоже. На четвертый—онъ отворилъ дверь и сталъ слѣдить за приготовленными кусками. Мгновенно на столъ вскакиваетъ кошка, схватываетъ одну изъ порцій и исчезаетъ съ ней. Воръ былъ найденъ; но кто же звонилъ?.. Та же самая кошка, которая поняла, что звонокъ вызываетъ повара изъ кухни. Когда монахи узнали объ этой хитрости, то положили готовить каждый разъ одинъ кусокъ лишній для кошки. Иногда они нарочно оставляли ее безъ этого куска, и она снова принималась звонить у дверей кухни.

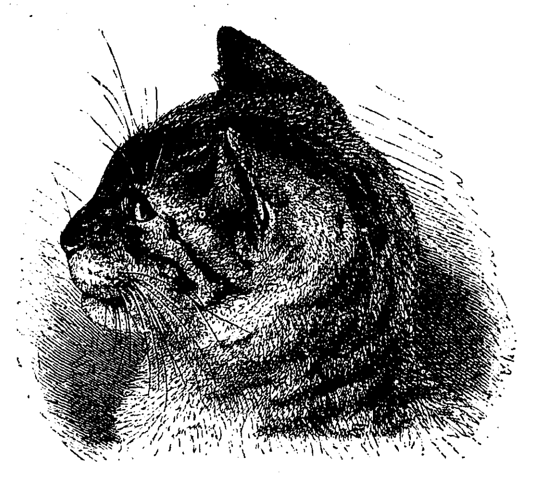
Черепъ домашней кошки.

Въ той же книгѣ разсказывается анекдотъ о котенкѣ и профессорѣ, который показывалъ своей аудиторіи, какъ этотъ котенокъ задыхается подъ колоколомъ воздушнаго насоса. Въ то время, когда онъ объяснялъ дѣйствіе насоса, котенокъ бился подъ колоколомъ, стараясь освободиться, но насосъ былъ солидно устроенъ и колоколъ плотно примазанъ къ тарелкѣ.

— «Господа!—говорилъ профессоръ,—вы увидите, что по мѣрѣ того, какъ я буду выкачивать воздухъ, животному будетъ труднѣе и труднѣе дышать, и если я буду продолжать выкачивать, то оно наконецъ задохнется. Но до этого я не допущу».

Домашняя кошка.

Домашняя кошка.

Проговоривъ это, онъ началъ выкачивать воздухъ. Бѣдный котенокъ пищалъ, бился, затѣмъ упалъ и началъ задыхаться, но профессоръ прекратилъ опытъ, впустилъ воздухъ подъ колоколъ, и котенокъ ожилъ. На другой день профессоръ пожелалъ повторить опытъ съ тѣмъ же котенкомъ. Онъ опять началъ: «Господа! вы сейчасъ увидите.., и проч.» и началъ выкачивать. Но «господа» ничего не увидали. Котенокъ услыхалъ, какъ шипитъ воздухъ, который вытягиваютъ изъ-подъ колокола, и положилъ лапу на отверстіе трубки, сквозь которую выходилъ воздухъ. Шипѣніе прекратилось, а вмѣстѣ съ нимъ и мученье котенка. Какъ ни засасывалъ насосъ кожу на его лапѣ, котенокъ твердо держалъ ее на отверстіи и не допускалъ воздухъ выходить изъ-подъ колокола. Какъ только переставалъ качать насосъ, переставало и шипѣніе, котенокъ снималъ лапу, и воздухъ могъ свободно выходить изъ-подъ колокола.

Приступая къ своему туалету, кошка сперва вычищаетъ свои лапы. Она тщательно вылизываетъ ихъ шероховатымъ языкомъ между пальцами. Если тамъ пристало что-нибудь жесткое, она разгрызаетъ это зубами. Затѣмъ она начинаетъ лизать переднія лапы, она муслитъ ихъ попеременно правую и лѣвую и потомъ обтираетъ ими морду и всю голову. Каждый волосокъ, поднявшійся вихромъ надъ другими, заставляетъ ее тотчасъ же тщательно прилизывать и приглаживать его. Она старательно заботится о томъ, чтобы шерсть на всей ея шкуркѣ лежала гладко и глянцовито. Въ этомъ заключается ея довольство своимъ тѣломъ, ея bienaisence. Одинъ изъ французскихъ зоологовъ-дилетантовъ Туснель (авторъ «Zoologie passionée») сравниваетъ кошку съ женщиной. Она такъ же чистоплотна, такъ же любитъ охорашиваться, также любитъ нѣжиться, спать на мягкомъ. Любитъ тепло и ласку, любитъ кокетничать. Она хитра, коварна, лукава и проч.

Шерсть кошки пушистая, мягкая, сразу отличается отъ шерсти собаки и очень многихъ другихъ животныхъ. Извѣстно, что шкурку кошки употребляли прежде, въ старину, какъ электрофоръ, натирая ею стеклянный кругъ электрической машины. Но и простое глаженье рукой уже показываетъ въ ней почти всегда и въ особенности въ сухое время—присутствіе электричества. По крайней мѣрѣ это безспорно вѣрно для ея кожи. Попробуйте гладить кошку въ темнотѣ, вы почти всегда услышите легкій трескъ и увидите очень мелкія голубоватыя искры, выскакивающія изъ-подъ вашихъ рукъ.

У нашего народа есть такое повѣрье: «кошку опасно гладить или держать при себѣ во время грозы, потому что она притягиваетъ молнію». Можетъ быть въ этомъ повѣрьѣ и есть какая-нибудь доля правды. Но вообще въ строеніи и жизни кошки есть еще много неизслѣдованныхъ, загадочныхъ сторонъ. Она боится воды, но гораздо сильнѣе этой боязни ея влеченіе къ рыбѣ. Чтобъ поймать ее, она быстро и смѣло погружаетъ свои лапы въ воду. Но тотчасъ же, вытащивъ ихъ съ рыбой или безъ рыбы, тщательно и долго отряхиваетъ ихъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ она рѣшается переплыть канаву или маленькую рѣчонку.

Запахъ свѣжей, живой рыбы привлекаетъ ее такъ же сильно, какъ и запахъ валеріановаго корня. Достаточно нѣсколькихъ капель валеріановой тинктуры, упавшихъ на землю, чтобы кошка принялась тотчасъ лизать это мѣсто и затѣмъ размазывать свою слюну по всей шкуркѣ. Сильнѣе, чѣмъ кошки, то же самое дѣлаютъ коты и тоже самое, хотя не съ такой силой, продѣлываютъ они съ деревяннымъ масломъ *).

*) *Martin* указываетъ, что такимъ же свойствомъ обладаетъ «кошачья дубровка» (Teucrium Marum), но я нигдѣ не встрѣчалъ подтвержденія этому.

Еще болѣе загадочной является способность кошки угадывать съ приблизительной точностью часы, назначенные для ѣды.

Вудъ, англійскій натуралистъ-наблюдатель, разсказываетъ слѣдующій случай:

Семья кошекъ.

«Кошку звали Pret (отъ слова prettina—милочка). Это была самая понятливая кошка и самая любимая изъ всѣхъ, которыя попадались мнѣ въ моей жизни. Ея хозяйка заболѣла нервной горячкой. Она тотчасъ же замѣтила ея отсутствіе и начала искать ее по всѣмъ комнатамъ; наконецъ легла у дверей ея комнаты, терпѣливо выждала моментъ и проскользнула въ дверь. Увидѣвъ свою госпожу, она принялась прыгать и забавлять ее всевозможными способами, но, замѣтивъ, что та очень больна, она улеглась неподвижно подлѣ и превратилась въ ея сидѣлку. Всего удивительнѣе было то обстоятельство, что она быстро привыкла къ времени, въ которое больной давали лекарство или ѣсть. Если сидѣлка ея засыпала, то она будила ее въ тотъ часъ, когда слѣдовало больной давать лекарство или ѣду, и не ошибалась никогда болѣе, какъ на четыре минуты».

Но если такіе случаи можно объяснить необыкновен-

ной понятливостью, особеннымъ развитіемъ памяти и т. п., то слѣдующій случай не можетъ быть объясненъ никакими извѣстными намъ данными. У одного чиновника, А. И. Мартынова, была кошка, окотившаяся за нѣсколько дней до большого, наводненія 22-го ноября 1824 года. Онъ жилъ на Васильевскомъ острову, въ 6-й линіи, между Большимъ и Среднимъ проспектами, въ нижнемъ этажѣ. Наканунѣ наводненія кошка перенесла своихъ котятъ на лѣстницу и положила ихъ какъ разъ на ту ступеньку, до которой поднялась на другой день вода.

Кошка безспорно--звѣрь «барометрическій», т. е. такой, котораго организація дозволяетъ ему какъ бы предчувствовать перемѣны въ состояніи окружающаго насъ воздуха. Задолго еще до наступленія сырой и дождливой погоды она становится вялой, сонной и постоянно валится спать, пряча свою морду между лапъ. Но отъ этого барометрическаго вліянія нѣтъ еще никакихъ подходовъ къ явленіямъ предчувствія той черты, до которой можетъ дойти наступающее возвышеніе воды.

Кошка—эгоистъ. Вполнѣ обезпеченная со стороны природы, въ своихъ орудіяхъ лова добычи, она не нуждается въ помощи себѣ подобныхъ. Она смотритъ на нихъ дружелюбно только во время своей молодости, дѣтства, въ то время, когда потребность общенія, дѣтскихъ игръ, дозволяетъ ей мирно и радостно жить въ родной семьѣ и не питать враждебнаго чувства къ своимъ близкимъ. Но это чувство, эта пора золотого дѣтства быстро проходитъ, и кошка болѣе и болѣе замыкается въ своемъ «я». У нея остается только одна материнская привязанность къ своимъ котятамъ.

Постоянно съ приподнятымъ строемъ нервовъ, постоянно прислушивающаяся и присматривающаяся ко всему ее окружающему, она ко всему относится враждебно, во всемъ видитъ добычу, и всѣ ея чувства и мысли направлены на стремленіе овладѣть этой добычей. Она по цѣлымъ часамъ готова неподвижно сидѣть надъ щелкой въ полу и ждать, съ удивительнымъ терпѣніемъ, появленія мыши изъ этой щелки.

Предоставленная самой себѣ, она съ возрастомъ болѣе и болѣе укрѣпляется въ своихъ эгоистическихъ чувствахъ и совершенно замыкается внутри себя. Она инстинктивно понимаетъ, что каждая другая кошка—ея соперникъ, съ которымъ она поневолѣ должна дѣлиться добычей. Она становится хитрой и скрытной. Она постоянно должна изощрять свой вымыселъ на пріисканіе средствъ овладѣть своей добычей. Она ходитъ неслышно, какъ тѣнь, и постоянно молчитъ или тихо, чуть слышно мурлычитъ про себя.

Не обращая никакого вниманія на людей, она по цѣлымъ часамъ бродитъ по двору, пролѣзая въ отдушины, въ подвальные этажи. Она все постоянно осматриваетъ, обнюхиваетъ. Она постоянно одна съ своими инстинктами.

Въ этомъ одиночествѣ, какъ кажется, скрыты причины ея нелюдимости и отчужденности, а можетъ быть ея хитрости, притворства и лукавства. Собака очень легко и быстро привязывается къ человѣку. Кошка «себѣ на умѣ». Ее необходимо воспитать или долго пріучать, чтобы возбудить въ ней привязанность къ лицу, а не къ дому или къ мѣсту, не къ тѣмъ условіямъ, къ которымъ она привыкла и приспособилась. Собака ворчитъ и бросается на незнакомаго человѣка. Кошка бѣжитъ отъ него или ласкается къ нему, если онъ самъ приласкаетъ ее. При всякомъ враждебномъ или подозрительномъ движеніи человѣка—она убѣгаетъ и прячется. И только тогда рѣшается нападать или защищаться, когда къ этому побуждаютъ ее привязанность къ котятамъ или другія тому подобныя условія. Собака готова всегда защищать принадлежащую ей собственность, свой домъ, жилище и, прежде и сильнѣе всего, — своего хозяина, котораго она также, вѣроятно, считаетъ за принадлежащую ей собственность.

Брэмъ говоритъ, что при оцѣнкѣ психическихъ свойствъ кошки не должно сравнивать ее съ собакой, что это—двѣ несравнимыхъ величины. Мнѣ кажется, такой взглядъ знаменитаго зоолога совершенно несправедливъ. Кошка и собака—два домашнихъ хищника съ разной постановкой характеровъ и средствъ къ нападенію, защитѣ и вообще къ жизни. Кошка хищнѣе собаки, и самая эта хищность придаетъ ея характеру и всѣмъ ея поступкамъ особенную окраску, которая чужда собакѣ. На свободѣ кошка быстро дичаетъ. Предоставленная самой себѣ, она изъ прирученнаго животнаго становится почти дикимъ. Собака, даже въ близкомъ ей сродномъ представителѣ становится быстро ручною. Волченокъ, воспитанный заботливымъ уходомъ за нимъ человѣка, привязывается къ нему такъ же сильно, какъ и собака.

Но, чтобы оцѣнить правильно и вѣрно свойства кошки—необходимо прежде взглянуть на ея индивидуальныя измѣненія, ибо съ этими измѣненіями мѣняются и эти свойства. Здѣсь мы можемъ различить разные типы кошекъ.

Во-первыхъ, выше и прежде всѣхъ другихъ долженъ быть поставленъ типъ кошки съ стройнымъ, красиво сложеннымъ, пропорціональнымъ тѣломъ. При какихъ условіяхъ выработался этотъ типъ—разгадать трудно, но кажется очевиднымъ, что эта выработка шла, повинуясь внутреннему, психическому стремленію, стремленію къ красотѣ или, лучше, къ граціозности. Спенсеръ сводитъ послѣднюю къ утилитарной причинѣ. Онъ говоритъ, что всякое граціозное движеніе стремится какъ можно болѣе сохранить дѣйствующей силы. Движенія прямолинейныя или угловатыя, въ этомъ случаѣ, не даютъ такого результата. Всѣ граціозныя движенія нравятся намъ инстинктивно. Всѣ они совершаются по кривымъ, дугообразнымъ линіямъ и всѣ достигаютъ своей цѣли, съ наименьшей тратой силы, необходимой для этой цѣли.

Такъ думаетъ Спенсеръ, и, сколько мнѣ извѣстно, никто до сихъ поръ еще не оспаривалъ его положенія. Взгляните на походку красиваго кота, принадлежащаго къ этому типу. Прежде всего его отличаетъ цвѣтъ его шерсти. Его шкура красиво испещрена темными или черными, бархатными, прихотливо и симетрично расположенными пятнами, и онъ какъ будто сознаетъ красоту этой «рубашки». Онъ идетъ медленной, гордой походкой, останавливаясь по временамъ и какъ будто любуется собою. Всѣ его позы красивы, кокетливы. Онъ тихо, граціозно поводитъ хвостомъ. И вдругъ быстро, съ легкимъ мурлыканьемъ падаетъ, ложится, разваливается сибаритомъ и отрывисто, но плавно, граціозно помахиваетъ хвостомъ. Я назвалъ бы этотъ типъ *нормальнымъ*.

Другой типъ я назвалъ бы *наслѣдственнымъ* или *кореннымъ*, такъ какъ онъ сохраняетъ цвѣтъ шерсти и цвѣторосписаніе дикаго родича кошки. Это—кошки желтовато-сѣрыя или дымчатыя, испещренныя поперечными, болѣе темными полосами, идущими отъ спины поперекъ тѣла. Полосы эти разорваны. Онѣ обыкновенно переходятъ въ ряды пятенъ, но всегда эти пятна располагаются въ видѣ полосъ, идущихъ поперекъ тѣла.

Кошки, принадлежащія къ этимъ двумъ типамъ, по ихъ понятливости, памяти, хитрости и вообще всѣмъ психическимъ свойствамъ, принадлежатъ къ болѣе совершеннымъ, характернымъ представителямъ всѣхъ кошекъ. Наиболѣе характернымъ признакомъ этихъ двухъ типовъ я считалъ бы не окраску пятнистую или полосатую, а складъ тѣла, пропорціональность его частей.

Въ дни моей молодости, когда я былъ студентомъ перваго курса, у меня былъ котъ этого кореннаго, полосатаго типа. Котъ отличался необыкновенной понятливостью и привязанностью ко мнѣ. Онъ бѣгалъ за мной всюду, какъ собака. Когда вечеромъ я садился къ своему письменному столу, онъ вскакивалъ на него, садился передо мной, щурился, хмурился, дремалъ и мурлыкалъ. Пламя свѣчи свѣтило ему прямо въ глаза. Ему было

Семья кошекъ.

крайне неудобно, но онъ сидѣлъ, терпѣливо дожидаясь, когда я лягу въ постель и онъ сможетъ лечь въ моихъ ногахъ. Когда я уходилъ изъ дому, онъ терпѣливо дожидался меня, сидя на окнѣ въ передней, и какъ только я показывался, онъ бросался стремглавъ мнѣ навстрѣчу.

Всѣ кошки, не принадлежащія къ этимъ двумъ типамъ, представляютъ большее или меньшее уклоненіе отъ нихъ. Онѣ отличаются вообще неуклюжестью формъ, большой неповоротливой головой съ большими тупыми ушами. Такія кошки менѣе понятливы, менѣе памятливы и вообще представляются менѣе развитыми въ умственномъ отношеніи. Въ особенности это справедливо относительно бѣлыхъ кошекъ. Замѣчательно, что между ними часто попадаются разноглазыя, съ однимъ глазомъ голубымъ, а другимъ зеленымъ. Такія кошки отличаются также глухотой. Всѣ движенія ихъ вялы, медленны, неуклюжи. Они долго, безъ всякаго повода, сидятъ на одномъ мѣстѣ и съ трудомъ, неохотно отзываются на всѣ возбужденія. Есть еще одна крайне несимпатичная черта у такихъ большеголовыхъ кошекъ. Это—неимовѣрное упрямство, настойчивость въ своихъ инстинктивныхъ стремленіяхъ и привычкахъ. Во времена моего студенчества одинъ изъ моихъ товарищей жилъ въ университетѣ, у помощника инспектора Ив. Ив. Иванова, который очень любилъ комнатныя растенія и съ большой заботливостью относился къ уходу за ними. Большая бѣлая кошка, съ неправильными сѣрыми пятнами, повадилась приходить въ квартиру и совершать въ одномъ изъ цвѣточныхъ горшковъ свои естественныя отправленія. Ее подкараулили, поймали на мѣстѣ преступленія и жестоко прибили. Кошка исчезла, пропадала нѣсколько дней, затѣмъ снова явилась и опять была поймана на мѣстѣ преступленія. Хозяинъ квартиры безъ милосердія избилъ ее здоровой казацкой нагайкой. Кошка убѣжала, пропадала больше недѣли и затѣмъ опять явилась. Ее поймали и повѣсили.

Догадываясь, что̀ можетъ руководить кошкой въ такихъ случаяхъ, мнѣ кажется, что единственная причина это—обоняніе, запахъ. Онъ постоянно раздражаетъ ее и влечетъ туда, гдѣ она въ первый разъ избавилась отъ него и удовлетворила своему побужденію. Вопреки мнѣнію Брэма, я могу засвидѣтельствовать, что обоняніе кошекъ такъ же, или почти такъ же сильно развито, какъ и другія чувства. Въ особенности сильно привлекаетъ кошекъ запахъ пѣвчихъ птицъ. Достаточно завести въ домѣ такую птицу, чтобы кошки изъ сосѣднихъ мѣстъ начали дѣлать нашествія и караулить около той комнаты, въ которой живетъ эта птица. Понятно, что обоняніе кошки нельзя сравнивать съ чутьемъ собаки. Тамъ развитіе обонятельныхъ полостей и нервовъ доходитъ до удивительныхъ размѣровъ. Въ поискахъ за мышами кошка также руководится запахомъ. Но въ особенности сильно привлекаетъ ее запахъ живой или свѣжей рыбы.

Замѣчательно, что у кошки развитъ инстинктъ скрывать или уничтожать тяжелый запахъ отъ ея выдѣленій. Чѣмъ она руководится въ этомъ случаѣ, это остается до сихъ поръ совершенно загадочнымъ, но желаніе уничтожить тяжелый запахъ здѣсь не подлежитъ никакому сомнѣнію. Кошка всегда вырываетъ въ землѣ ямку и пользуется, если возможно, свойствами угля уничтожать всякій запахъ. Она часто зарываетъ свои отбросы въ печную золу. Изъ этого слѣдуетъ, что кошка прежде человѣка знала это благодѣтельное свойства угля.

Кошка по своей натурѣ—анахоретъ. Она любитъ уединенную жизнь, и если встрѣчается съ собратьями, то всегда относится къ нимъ враждебно. Воспитаніе и прирученіе обыкновенно сглаживаютъ эту черту и заставляютъ кошку жить въ мирѣ съ другими совоспитанниками. Котята, какъ всѣ молодыя животныя, играютъ другъ съ другомъ, но они легко дичаютъ, если мать воспитала ихъ въ какомъ-нибудь укромномъ мѣстѣ, на чердакѣ или въ подвалѣ. Такіе котята фыркаютъ, распыживаютъ хвостъ, выпускаютъ когти, прикладываютъ уши и убѣгаютъ, прячутся отъ человѣка.

Я много разъ вглядывался въ физіономію маленькихъ котятъ, разумѣется такихъ, въ которыхъ уже начинаютъ проявляться понятливость и сообразительность, которые способны уже бѣгать, прыгать, играть и обсуждать свои движенія и поступки. Сколько наивной довѣрчивости и простоты блеститъ въ этихъ умныхъ, совершенно откровенныхъ глазахъ! Котенокъ еще не понимаетъ ни зла, ни вражды, ни себялюбивой ненависти. Но это выраженіе, по крайней мѣрѣ во всей его чистотѣ и ясности, скоро проходитъ. Подростая, котята начинаютъ хмуриться, коситься. Они не могутъ смотрѣть долго и прямо въ ваши глаза. Они уже не съ такой охотой и неудержимостью играютъ другъ съ другомъ, и, наконецъ, наступаетъ моментъ, когда они, встрѣчаясь другъ съ другомъ, расходятся, какъ чужіе, а нѣкоторые, наиболѣе дикіе, начинаютъ при этомъ фыркать или злобно ворчать. Пора золотого, наивнаго дѣтства кончилась! Наступило время разъединенія и отчужденія другъ отъ друга—пора одинокой жизни, до тѣхъ поръ, пока болѣе сильное и повелительное побужденіе не заставитъ ихъ снова сойтись для половой жизни.

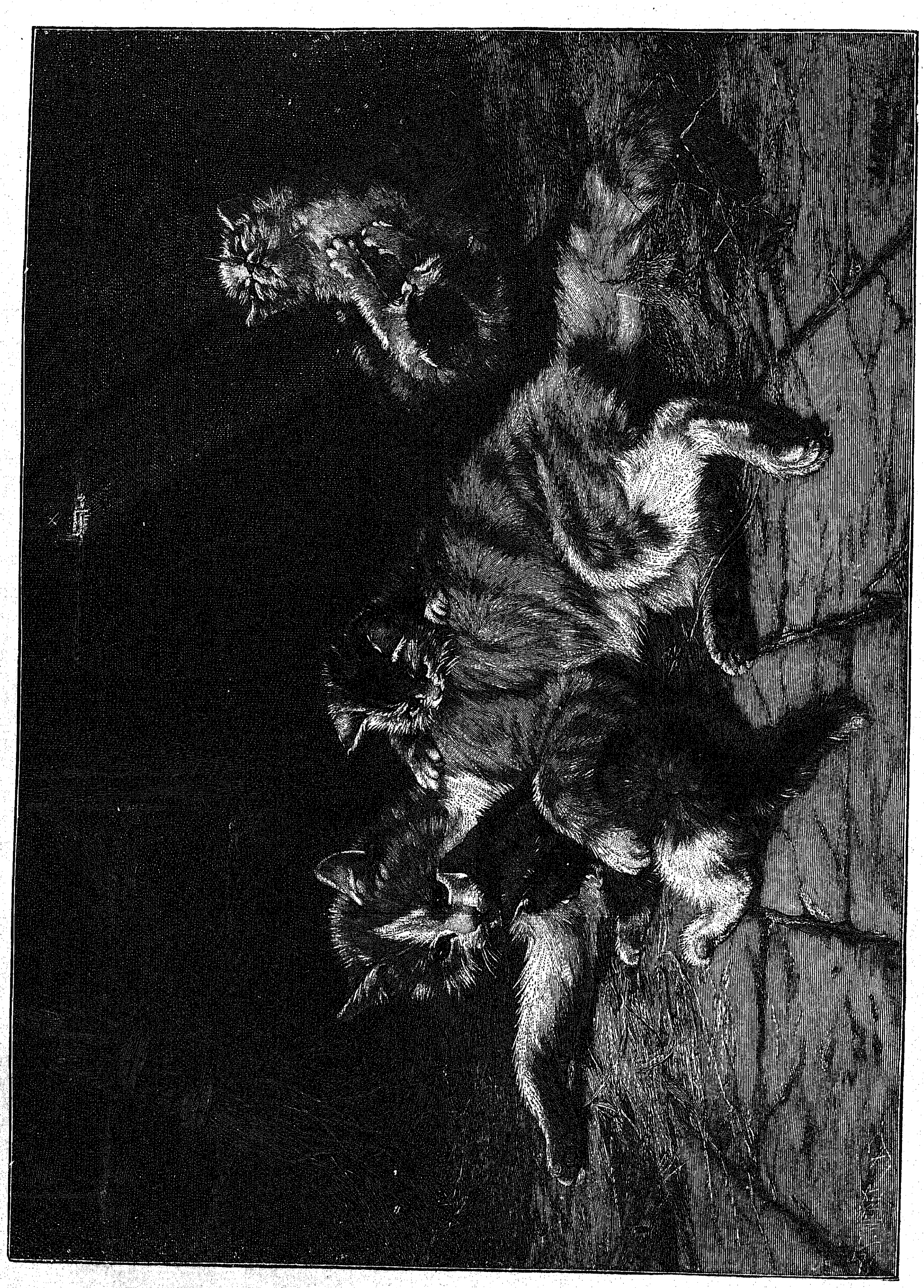
Здѣсь, такъ же, какъ и во многихъ другихъ сторонахъ жизни кошки, находятся невыясненные и неразрѣшенные вопросы. Понятно, почему являются во время этой жизни драки между самцами. Въ нихъ выражается подборъ болѣе сильныхъ и ловкихъ родичей. Всегда нѣсколько котовъ сходятся гдѣ-нибудь на крышѣ, садятся вокругъ кошки и ворчатъ, злобно мяукаютъ и дерутся за обладаніе этой кошкой. Разумѣется, изъ нихъ побѣдитъ наиболѣе сильный или ловкій, но непонятно, почему, овладѣвъ своей жертвой, счастливый соперникъ продолжаетъ даже съ ней обращаться враждебно и почему она неистово кричитъ въ это время. (Наслажденье здѣсь, очевидно, граничитъ съ мученьемъ и злобой). Страсть вызываетъ болѣзненное ощущеніе, и, какъ роковой рефлексъ, является неистовый крикъ самки.

Мнѣ кажется, что вообще истинно радостныя ощущенія и чувства являются только одинъ разъ въ жизни кошки. Это въ то время, когда она становится матерью, играетъ, нѣжно мурлычитъ и блаженствуетъ, окруженная своими маленькими, веселыми игрунками. Посмотрите, сколько нѣжности блеститъ въ ея масляныхъ, прищуренныхъ глазахъ, съ какой лаской и заботливостью она облизываетъ всю мягкую, пушистую шкурку своего котенка. Во всѣхъ ея движеніяхъ ясно выражается сильная привязанность, любовь матери къ ея дѣтямъ.

Въ кошкѣ, какъ и во всемъ мірѣ, постоянно борются двѣ стороны, двѣ привязанности: эгоистическая и альтруистическая. Въ дикой или одичавшей кошкѣ преобладаетъ первая, въ домашней кошкѣ, смотря по ея воспитанію и прирученію, перевѣшиваетъ привязанность альтруистическая. Хотя нѣтъ въ исторіи кошки ни одного примѣра привязанности вполнѣ альтруистической, безкорыстной привязанности, въ которой она жертвовала бы жизнью за любимое существо, но своихъ котятъ она защищаетъ, совершенно забывая о себѣ и всякой опасности.

Главная и, можно сказать, единственная черта въ жизни кошки, за которую человѣкъ приручилъ и одомашнилъ ее, это—истребленіе крысъ и мышей. Человѣкъ здѣсь пользуется хищностью кошки и всѣми тѣми преимуществами, которыя дала ей природа, какъ хищнику. Но это пользованіе—обоюдоострый мечъ. Въ число хищныхъ свойствъ кошки входитъ и ея лукавство и страсть къ воровству. Если ей попадется что-нибудь съѣстное, а въ особенности сдобное, жирное—молоко, масло, сметана, то она предпочтетъ его самой жирной крысѣ или мыши. Испытавъ разъ вкусъ воровского куска, она всегда будетъ искать его и оставлять безъ вниманія крысъ и мышей.

Истребленіе этихъ вредныхъ и надоѣдливыхъ «прихлебателей» въ хозяйственной жизни человѣка поставило совершенно справедливо кошку въ число благодѣтелей человѣчества. Полагаю, что всѣмъ извѣстенъ разсказъ

Семья кошекъ.

объ одномъ англійскомъ мальчикѣ, который перевезъ подаренную ему кошку въ колонію, гдѣ мыши размножились до того, что отъ нихъ не было спасенья. Жители этой колоніи платили мальчику дорого за истребленіе ихъ домашнихъ враговъ этой кошкой, такъ что онъ вскорѣ составилъ громадное состояніе и вернулся въ Европу.

Въ древнемъ Египтѣ эта способность кошки ловить и поѣдать крысъ и мышей доставила ей божескія почести. Болѣе чѣмъ за три тысячи лѣтъ до Р. Х. была приручена и одомашнена кошка въ царствѣ Фараоновъ. Она была, повидимому, выведена изъ мѣстнаго нубійскаго

вида (Felis manuculator), хотя не всѣ зоологи согласны въ этомъ происхожденіи нашей домашней кошки. Она была посвящена богинѣ Пахтѣ или Паштѣ и, неизвѣстно почему, считалась богиней музыки. Въ храмѣ этой богини содержались кошки. Жрецы слѣдили за ихъ движеніями и по этимъ движеніямъ предсказывали будущее. Кошки прыгали на колѣна статуи богини и спали на этихъ колѣняхъ. Мнѣ кажется, что къ той причинѣ, по которой египтяне обоготворяли кошку, должно прибавить еще нѣкоторыя другія ея свойства, дѣлающія изъ нея какое-то таинственное мистическое, ночное животное, со свѣтящимися глазами и необыкновеннымъ запасомъ электричества въ ея шкурѣ. Геродотъ разсказываетъ, что въ Египтѣ, въ случаѣ смерти кошки, всѣ жители дома носили трауръ и сбривали себѣ брови. Умершую кошку бальзамировали дорогими специями, клали въ красивый гробикъ и погребали съ пышностью и великолѣпіемъ. Въ Мемфисѣ похороны кошки стоили дороже, чѣмъ какого-нибудь гэфестіона. Отсюда почитаніе кошки перешло и въ Европу.

Въ средніе вѣка, въ Провансѣ, былъ праздникъ, во время котораго самаго красиваго кота спеленывали и выставляли въ изящномъ шкапикѣ на общее поклоненіе. Передъ нимъ всѣ преклоняли колѣни. Его окуривали дорогими куреньями, осыпали цвѣтами, словомъ воздавали ему божескія почести.

Но этотъ культъ быстро палъ, и вмѣстѣ съ христіанствомъ водворилось преслѣдованіе кошекъ, какъ воплощавшихъ въ себѣ вѣдьмъ и нечистую силу. Въ праздникъ св. Іоанна Крестителя со всего мѣстечка собирали кошекъ въ большую корзину и сжигали ихъ на кострѣ, причемъ устраивались цѣлыя процессіи съ пѣніемъ гимновъ и псалмовъ. Фонтенелль разсказываетъ, что наканунѣ дня Іоанна Крестителя въ городѣ не оставалось почти ни одной кошки, такъ какъ въ этотъ день, по повѣрьямъ швейцарцевъ, всѣ кошки превращались въ вѣдьмъ, которыя должны были присутствовать на шабашѣ. Это суевѣріе держалось до послѣдняго времени, и не болѣе, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, магистратъ въ Мецѣ издалъ повелѣніе собрать всѣхъ кошекъ съ тѣмъ, чтобы сжечь ихъ на кострѣ въ присутствіи всего мѣстнаго духовенства, и чѣмъ громче кричали нечастныя кошки, тѣмъ болѣе были увѣрены почти всѣ присутствующіе, что это кричатъ діаволы, которыхъ выгоняютъ изъ кошки огнемъ...

Нашъ народъ точно также вѣритъ въ связь кошекъ съ нечистой силой. Въ особенности на югѣ Россіи, въ Малороссіи, существуетъ много разсказовъ объ оборотняхъ и вѣдьмахъ, являющихся въ видѣ кошекъ. Источникомъ къ такому повѣрью послужилъ, вѣроятно, скрытный, уединяющійся нравъ кошки. Ея неслышныя движенія, таинственная походка и, въ особенности, ея свѣтящіеся въ темнотѣ глаза. Дурной славой пользуются въ этомъ случаѣ черныя кошки. Повѣрье говоритъ, что изъ такой кошки можно легко добыть косточку-невидимку.

Въ Египтѣ и прилежащихъ странахъ до сихъ поръ сохранилась заботливость о кошкахъ. Такъ, въ Каирѣ и въ Константинополѣ существуютъ при нѣкоторыхъ монастыряхъ убѣжища для содержанія и воспитанія кошекъ. Во Флоренціи, при церкви Санъ-Лоренцо, существуетъ такое убѣжище уже нѣсколько столѣтій. Во многихъ странахъ, въ большихъ городахъ, существуетъ обычай кормить кошекъ. У насъ, въ мясныхъ и милютиныхъ лавкахъ, также кормятъ кошекъ и въ особенности котовъ-кастратовъ, которые достигаютъ изумительной величины и вѣсу въ 20 и 25 фунтовъ. Въ Лондонѣ еженедѣльно на это расходуется около 200 фунт. стерлинговъ, а число кошекъ тамъ доходитъ до 300,000.

Въ Хрустальномъ дворцѣ, въ Лондонѣ, одинъ разъ была выставка кошекъ, на которой было собрано около 50 различныхъ породъ кошекъ. Тамъ были выставлены красныя ангорскія кошки въ 15 ф. вѣсомъ, кошки-львы изъ Персіи, безхвостыя кошки съ О-въ Манъ (Тихій Океанъ), слѣпыя кошки изъ Сѣверной Явы, персидскія кошки съ длинной шерстью красиваго фіолетоваго цвѣта. Очень жаль, что такія выставки не повторяются болѣе.

Въ привязанности къ человѣку кошка не можетъ выдержать никакой конкурренціи съ собакой, но между многими случаями попадаются и такіе, въ которыхъ выражалась глубокая привязанность кошки. Такой рѣзкій случай былъ приведенъ Адольфомъ Эспасъ и перепечатанъ въ Revue Scientiphique. Кошка жила въ семьѣ, состоящей изъ дѣда и нѣсколькихъ внуковъ. Когда умеръ дѣдъ, кошка нѣсколько дней ходила печальною и жалобно мяукала, хотя прежде никогда не слыхали ея голоса. Тогда ей было шесть лѣтъ. Черезъ четыре года умерла въ той же семьѣ одна изъ внучекъ дѣда, и въ день ея похоронъ кошка пропала. Когда вернулись съ кладбища и садились за столъ, то тетка умершей внучки хотѣла сѣсть на мѣсто, которое обыкновенно занимала покойная. Предъ ея стуломъ ставилась грѣлка. На этой грѣлкѣ оказалась кошка. Голова ея лежала на полу, а заднія ноги на деревянномъ ободкѣ грѣлки. Она едва дышала. Глаза ея потускли. Всѣ старанія помочь ей оказались напрасны. На другой день ее нашли мертвою, въ томъ же положеніи и на той же грѣлкѣ, которая служила для ногъ ея покойной маленькой хозяйки.

Типъ умной кошки.

Другой случай необыкновенной привязанности кошки мы беремъ у другого автора, Шервиля, извѣстнаго наблюдателя и разсказчика о нравахъ животныхъ. Въ одномъ провинціальномъ городѣ захворала бѣдная старушка и была перенесена въ больницу для бѣдныхъ. У этой женщины единственнымъ, неразлучнымъ другомъ была кошка, и старушка сильно сокрушалась, что она должна оставить ее одну. Два дня спустя послѣ того, какъ перенесли ее въ госпиталь, среди ночи, она сквозь сонъ услыхала громкое мурлыканье, вздрогнула и проснулась. Это была ея кошка, которая мурлыкала и ластилась къ ея щекамъ. Какимъ образомъ она могла отыскать госпиталь, который былъ болѣе чѣмъ на одну версту отъ того мѣста, гдѣ жила старушка, отыскать въ городѣ, въ которомъ было около 25.000 жителей? Какими указаніями она руководствовалась? Было ли то обоняніе или инстинкъ мѣстности? Спустя нѣкоторое время старушка умерла въ этомъ госпиталѣ, и сестры милосердія, тронутыя привязанностью кошки къ ея хозяйкѣ, хотѣли оставить ее въ госпиталѣ. Въ теченіе двухъ дней кошка жила въ госпиталѣ и лежала, не вставая, на постели, которую занимала ея умершая хозяйка. Когда же на эту постель положили новую больную, кошка исчезла.

Она не являлась больше ни въ госпиталь, ни въ квартиру, на которой она прежде жила.

Извѣстный швейцарскій зоологъ Перти разсказываетъ, что въ городѣ Тунѣ въ 1864 г., во время большого пожара, одна кошка получила сильные обжоги, отъ которыхъ вылѣчилась благодаря тщательному уходу за ней ея хозяина. Во время этого ухода она такъ сильно привязалась къ нему, что постоянно ходила за нимъ всюду, какъ собака. Въ 1869 г. ея хозяинъ заболѣлъ, и она ни на одну минуту не оставляла его комнату. Когда же онъ умеръ, она какъ будто сошла съ ума, и ничего не ѣла, а когда его похоронили, она исчезла, и только спустя нѣсколько дней ее нашли, исхудавшую и голодную, забившуюся въ какой-то тёмный уголъ.

Понятно, что такія привязанности вызываются аффектаціей самого человѣка. «Какъ ты ко мнѣ, такъ я къ тебѣ», говоритъ нѣмецкая поговорка. Кошка любитъ ласкаться и любитъ, когда ее ласкаютъ. Одна уже эта ласка вызываетъ и усиливаетъ въ ней привязанность къ человѣку, который за ней ходитъ и кормитъ ее.

Всякая привязанность начинается съ инстинктивнаго безсознательнаго стремленія къ предмету, вызывающему наши симпатіи. Усиливаясь, наростая, это стремленіе изъ простого, такъ сказать, элементарнаго чувства симпатіи переходитъ въ болѣе и болѣе усиливающуюся дѣйствительную привязанность и любовь къ этому предмету. Сначала является вслѣдъ за симпатіей сочувствіе, состраданіе. Мало-по-малу мы переносимъ наше «я» на любовь къ симпатичному намъ предмету, къ другому «я», которое становится для насъ такъ же дорогимъ, какъ и наше собственное «я».

Таковъ общій путь всякихъ привязанностей, и кошка, понятно, не дѣлаетъ изъ этого исключенія. Привязанность кошки къ ея котятамъ выражается между прочимъ и на выдѣленіяхъ тѣхъ железъ, которыхъ отправленіе прямо, непосредственно связывается съ любовью матери. Я говорю о выдѣленіи молока, которое прямо зависитъ отъ психическихъ аффектовъ — отъ привязанности матери къ своимъ-дѣтямъ*). Брэмъ передаетъ очень любопытный фактъ. Въ 1859 г. на сѣновалѣ окотилась его домашняя кошка и принесла четырехъ прехорошенькихъ котятъ. Черезъ три или четыре недѣли, когда эта кошка уже перестала скрывать своихъ котятъ, она неожиданно является къ матери Брэма, ласкается, жалобно мяукаетъ и зоветъ ее къ двери. Заинтересованные этимъ, отецъ и мать Брэма слѣдуютъ за своей любимицей. Она быстро взбѣгаетъ на сѣновалъ и сбрасываетъ внизъ на сѣно одного изъ котятъ, затѣмъ сама спрыгиваетъ внизъ и кладетъ къ ногамъ матери сброшеннаго котенка. Затѣмъ снова бросается на верхъ и сбрасываетъ оттуда другого котенка, за нимъ третьяго и четвертаго, наконецъ сбѣгаетъ сама и начинаетъ мяукать и ласкаться къ г-жѣ Брэмъ. Долго не могли понять, чего она хочетъ, и наконецъ догадались, поняли. У нея пропало молоко, и она просила помочь этому горю матери.

Брэмъ съ очевидной любовью останавливается на этихъ глубоко-трогательныхъ случаяхъ. Онъ помѣстилъ въ общераспространенной и, вѣроятно, извѣстной всему читающему міру семейной газетѣ Gartenlaube слѣдующій разсказъ, доказывающій любовь кошки къ котятамъ. У одной кошки отняли котятъ, и она, разумѣется, жалобно мяукала и тосковала по нимъ. Тогда хозяину ея пришла мысль воспитать ихъ съ помощью другой сосѣдней кошки, у которой были свои котята. Нисколько не заботясь о ней, онъ отнялъ у бѣдной матери всѣхъ ея котятъ и отнесъ ихъ къ своей кошкѣ. Та, разумѣется, обрадовалась этимъ чужимъ котятамъ и тотчасъ же принялась кормить и ласкать ихъ. Черезъ нѣкоторое время мать этихъ котятъ выслѣдила мѣсто, гдѣ они были, и пришла на помощь кормилицѣ. Общими силами дружелюбно обѣ кошки начали выкармливать этихъ котятъ, заботиться о нихъ общими материнскими заботами и защищать отъ ихъ враговъ. Инстинктъ вражды быстро погасъ здѣсь передъ любовью матери. Вотъ эта всесильная любовь неодолимо и инстинктивно влечетъ каждую мать къ тѣмъ живымъ существамъ, которыхъ она можетъ принять за своихъ дѣтей и которыя сосутъ ея молоко и доставляютъ ей этимъ облегченіе и наслажденіе. Брэмъ указываетъ на множество примѣровъ, гдѣ кошки выкармливали щенятъ, маленькихъ кроликовъ, зайчатъ, бѣлокъ, крысъ и даже мышей. Одинъ разъ онъ далъ кошкѣ, которая кормила своихъ котятъ, маленькую, еще слѣпую, бѣлочку. Инстинктъ матери и въ этомъ случаѣ оказался сильнѣе инстинкта хищника, и кошка съ нѣжностью принялась выкармливать бѣлочку, ласкала, лизала и грѣла ее. Когда она подросла и котятъ у кошки взяли, тогда она какъ будто перенесла и сосредоточила всю свою материнскую привязанность на бѣлочкѣ. Онѣ почти никогда не разставались, всюду ходили вмѣстѣ и отлично понимали другъ друга. Кошка мяукала, бѣлочка отвѣчала ей обычнымъ урчаньемъ. Когда въ первый разъ ихъ выпустили въ садъ, то бѣлочка быстро взбѣжала на высокое дерево. Кошка послѣдовала за ней, вѣроятно удивленная ловкостью своей воспитанницы.

Всѣ случаи такихъ привязанностей можно отнести къ привязанности матери, но между множествомъ разныхъ случаевъ, въ которыхъ проявлялась та или другая привязанность кошки, попадаются случаи болѣе сложные, которые очень трудно поддаются объясненію. Бывали случаи, при которыхъ кошка заступалась и защищала потерпѣвшаго. Густавъ Мишель разсказываетъ случай, гдѣ одинъ пьяный англійскій солдатъ началъ бить и душить свою жену, а любившій ее котъ бросился на него и началъ царапать и кусать его и только тогда отпустилъ, когда жена остановила его.

Въ Штутгартѣ у одного кондитера былъ сынъ — мальчикъ восьми лѣтъ. Къ нему привязалась кошка, которую взяли въ домъ котенкомъ, когда ей было шесть недѣль. Эта кошка постоянно отзывалась на зовъ мальчика и всюду бѣгала за нимъ. Одинъ разъ онъ провинился въ какой-то шалости. Отецъ мальчика принялся наказывать его, но при первыхъ же крикахъ его кошка вся распыжилась, съ остервенѣніемъ бросилась на отца и вцѣпилась ему въ ногу съ такой силой, что отецъ принужденъ былъ оставить мальчика, и кошка тогда только успокоилась, когда мальчикъ пересталъ плакать.

Эта кошка не только заступилась за мальчика, но и берегла принадлежащія ему вещи. Одинъ разъ служанка, ради шутки, взяла одну изъ его игрушекъ. Кошка тотчасъ же нахохлилась и вцѣпилась въ нее такъ, что служанка закричала и побѣжала жаловаться отцу, что мальчикъ «науськалъ на нее кошку».

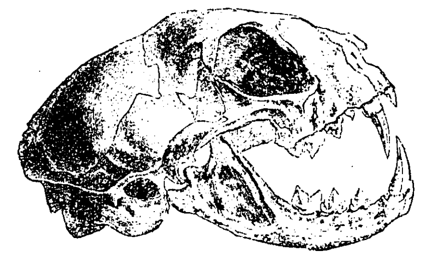
Съ такой же горячностью эта кошка защищала и комнатную собаку. Одинъ разъ, когда пришла чужая собака, она быстро встала между ними, бросилась на голову этой собаки и такъ начала царапать ее, что она съ визгомъ убѣжала.

Гибель разсказываетъ о котѣ, который нѣсколько разъ ловилъ и приносилъ домой въ зубахъ, нисколько не помявъ ея, ручную сѣрую трясогузку, вылетавшую на дворъ. О другомъ случаѣ разсказываетъ Брэмъ. Это было на его родинѣ, въ деревнѣ: у любителя птицъ была ручная красношейка. Одинъ разъ она вылетѣла изъ дому и пропала. Черезъ нѣсколько дней кошка, къ великой радости хозяина, поймала и принесла ему бѣглянку. Наконецъ, вотъ еще случай, еще болѣе сложный и необъяснимый. Въ одномъ домѣ кошка сдружилась съ канарейкой. Много разъ канарейка садилась ей на спину, теребила ея волосы и нисколько не боялась ея. Разъ хозяинъ ручной канарейки видитъ съ изумленіемъ, что кошка,

*) Всѣмъ извѣстный фактъ: корова не даетъ молока, когда ее доятъ, если подлѣ нея нѣтъ ея теленка.

повидимому съ бѣшенствомъ, бросается на нее, схватываетъ, мурлыча и ворча, и вспрыгиваетъ съ ней на бюро. Онъ съ крикомъ бросается на нее, чтобы спасти несчастную птичку, и тутъ только замѣчаетъ, что въ комнату прокралась другая, чужая кошка, отъ когтей которой и спасала канарейку ихъ домашняя кошка.

Читая подобные разсказы, невольно спрашиваешь себя: что же это за неодолимая сила, передъ которой склоняются всѣ другія психическія стремленія и проявленія? И почему эти проявленія такъ трогаютъ сердце, способное къ возвышеннымъ, альтруистическимъ чувствамъ?.. Я думаю,—потому, что такое сердце само ищетъ и питается такими явленіями. Они сродны ему. Они поднимаютъ нашу душу къ чему-то высшему, неопредѣленному, неизвѣданному, но любимому и желанному. При словахъ: «доброе сердце», «добрый человѣкъ», «добрая душа», въ насъ сразу поднимается симпатія навстрѣчу всему доброму, и тотчасъ же осѣдаетъ все, что есть несимпатичнаго, враждебнаго, злого. Это два полюса этики. Къ одному изъ нихъ стремится все доброе, все любящее, сострадательное и способное къ единенію и любви. Къ другому все злое, хищное, себялюбивое, полное ненависти, злобы и всякихъ отрицательныхъ влеченій. Они вѣчно будутъ вліять на человѣка, потому что они заключены внутри насъ, въ нашемъ сердцѣ. Оно намъ постоянно указываетъ, какъ добрый компасъ, ту дорогу, которая одна ведетъ къ свѣтлымъ, безконечнымъ цѣлямъ, освѣщающимъ и согрѣвающимъ нашу душу...

Черепъ дикой кошки.

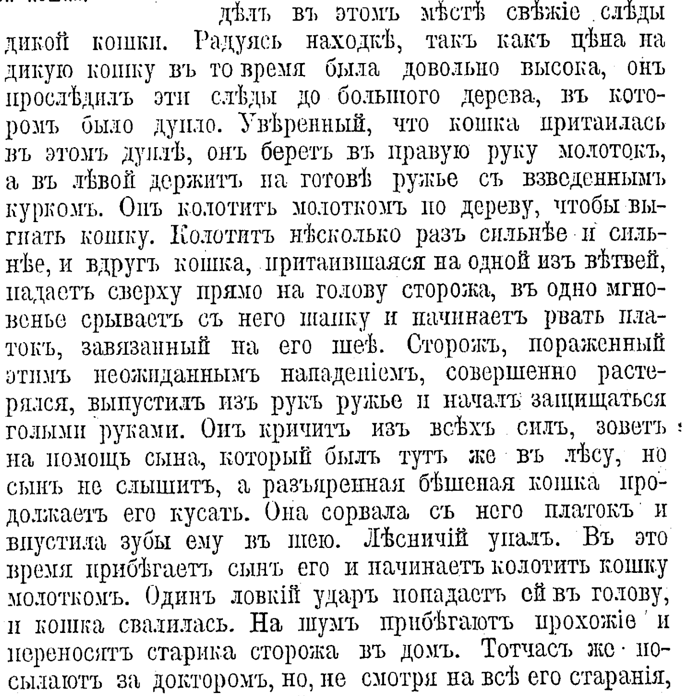
Перейдя отъ домашней кошки къ дикой, мы сразу очутимся передъ хищникомъ, въ которомъ, какъ во всякомъ дикомъ звѣрѣ, рѣзко выразились несимпатичныя, звѣриныя черты, и здѣсь эти черты выступаютъ гораздо рѣзче, чѣмъ во многихъ другихъ хищникахъ. Дикая, нелюдимая кошка дичится не только человѣка, но и всякаго животнаго, она ко всѣмъ относится съ одинаковой враждебной дикостью и кровожадностью.

Она немного меньше или, лучше сказать, короче, чѣмъ наша домашняя кошка. Шерсть ея, какъ всякаго дикаго, не одомашненнаго животнаго, почти во всѣхъ мѣстностяхъ всегда имѣетъ одинъ и тотъ же сѣровато-желтый, чалый цвѣтъ, испещренный болѣе темными буроватыми поперечными полосами и пятнами. Уши ея короче и острѣе на концахъ. Хвостъ ея почти не утончается къ концу и немного короче, чѣмъ у домашней кошки.

До сихъ поръ мнѣнія о происхожденіи нашей домашней кошки расходятся. Одни зоологи выводятъ ее отъ дикой кошки, другіе съ большей основательностью указываютъ на происхожденіе ея отъ египетской кошки (Felis maniculator), которая и до сихъ поръ живетъ въ дикомъ состояніи въ Нубіи. Наконецъ, есть авторы, которые желали бы вывести происхожденіе нашей домашней кошки отъ кошки тибетской или ангорской или «сибирской кошки», какъ зовутъ ее въ Европейской Россіи. Наружность этой кошки сильно отличается отъ наружности и дикой, и домашней кошки — своими длинными, мягкими, шелковистыми волосами. Эти кошки вообще отличаются дикостью, слабой понятливостью и глухотой. Цвѣтъ ихъ шерсти почти такъ же разнообразенъ, какъ и цвѣтъ домашней кошки, но чаще всего встрѣчаются кошки бусые или дымчатыя, синевато-сѣраго цвѣта. Въ Парижѣ нерѣдко попадаются кошки, отчасти напоминающія по длинѣ волосъ ангорскую кошку и отличающіяся своей дикостью.

Дикая кошка лучше, чѣмъ домашняя, приспособлена къ самостоятельной жизни на волѣ. Ея зубы, также какъ и когти, крѣпче, длиннѣе и острѣе. Всѣ ея мышцы развиты сильнѣе. Кости ея, въ особенности кости черепа, тоньше и легче. При сравненіи череповъ дикой и домашней кошки рѣзкая разница бросается намъ въ глаза. Черепъ первой нѣсколько больше, но въ немъ меньше пропорціональности и соотвѣтствія между частями. Въ немъ болѣе развита передняя, хватающая часть, тогда какъ у нашей домашней кошки сильнѣе развивается задняя часть, т. е. та часть, въ которой помѣщаются заднія доли мозга и мозжечекъ. Въ первомъ больше мѣста отдано хищной жизни. Во второмъ преобладаетъ ея интеллектуальная сторона.

Но всего поразительнѣе и любопытнѣе то, что кишечный каналъ дикой кошки короче, чѣмъ у домашней. Онъ только въ три раза превышаетъ длину тѣла, тогда какъ кишечникъ у домашней кошки въ пять разъ длиннѣе ея тѣла. И это очень понятно. Дикая кошка питается исключительно животной пищей, тогда какъ домашняя приспособилась къ растительной пищѣ. Вотъ это-то приспособленіе и выражается всего нагляднѣе въ кишечномъ каналѣ. Въ растительной пищѣ гораздо меньше питательныхъ, азотистыхъ веществъ, и чтобы отдать всѣ эти вещества, пища домашней кошки должна проходить болѣе длинный путь, на которомъ выбирается изъ нее все питательное. Это обстоятельство говоритъ не въ пользу вегетаріанства. Но никто еще до сихъ поръ не дѣлалъ сравненія между кишечникомъ вегетаріанца и кишечнымъ каналомъ человѣка, питающагося обыкновенной смѣшанной, растительно-животной пищей.

Понятно, что свирѣпость и злость дикой кошки не можетъ выдержать никакого сравненія съ дикостью кошки домашней. Брэмъ приводитъ очень характерный случай встрѣчи съ дикой кошкой. На его родинѣ сохранился участокъ, за которымъ осталось до сихъ поръ названіе «дикой кошки», и вотъ по какому случаю. Одинъ разъ утромъ, зимой, лѣсной сторожъ увидѣлъ въ этомъ мѣстѣ свѣжіе слѣды дикой кошки. Радуясь находкѣ, такъ какъ цѣна на дикую кошку въ то время была довольно высока, онъ прослѣдилъ эти слѣды до большого дерева, въ которомъ было дупло. Увѣренный, что кошка притаилась въ этомъ дуплѣ, онъ беретъ въ правую руку молотокъ, а въ лѣвой держитъ на готовѣ ружье съ взведеннымъ куркомъ. Онъ колотитъ молоткомъ по дереву, чтобы выгнать кошку. Колотитъ нѣсколько разъ сильнѣе и сильнѣе, и вдругъ кошка, притаившаяся на одной изъ вѣтвей, падаетъ сверху прямо на голову сторожа, въ одно мгновенье срываетъ съ него шапку и начинаетъ рвать платокъ, завязанный на его шеѣ. Сторожъ, пораженный этимъ неожиданнымъ нападеніемъ, совершенно растерялся, выпустилъ изъ рукъ ружье и началъ защищаться голыми руками. Онъ кричитъ изъ всѣхъ силъ, зоветъ на помощь сына, который былъ тутъ же въ лѣсу, но сынъ не слышитъ, а разъяренная бѣшеная кошка продолжаетъ его кусать. Она сорвала съ него платокъ и впустила зубы ему въ шею. Лѣсничій упалъ. Въ это время прибѣгаетъ сынъ его и начинаетъ колотить кошку молоткомъ. Одинъ ловкій ударъ попадаетъ ей въ голову, и кошка свалилась. На шумъ прибѣгаютъ прохожіе и переносятъ старика сторожа въ домъ. Тотчасъ же посылаютъ за докторомъ, но, не смотря на всѣ его старанія, сторожъ умеръ на другой день.

Извѣстный описатель природы швейцарскихъ Альпъ Чуди разсказываетъ, что одинъ разъ въ горахъ Юры онъ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ дикій котъ управлялся съ тремя напавшими на него собаками. Онъ опрокинулся на спину и разомъ вцѣпился во всѣхъ трехъ собакъ. Двухъ онъ зацѣпилъ когтями обѣихъ лапъ, а въ морду третьей цвѣпился зубами.

Ловкость и сила ударовъ лапъ дикой кошки удваиваются во время сильнаго возбужденія. Бѣшенство можетъ доводить до такого возбужденія даже домашнюю

Семья дикихъ кошекъ.

кошку. Она становится въ этомъ случаѣ такимъ же опаснымъ животнымъ, какъ и дикая кошка. Мнѣ разъ въ жизни привелось видѣть бѣшеную домашнюю кошку. Бѣшенство здѣсь произошло отъ укуса бѣшеной собаки, которую убили. Послѣ этого искусанная кошка исчезла изъ дому, и всѣ домашніе были въ страхѣ, что она бросится на перваго встрѣчнаго и искусаетъ или исцарапаетъ его. Черезъ два дня она явилась и пробѣжала на чердакъ, гдѣ притаилась въ темномъ углу за ящикомъ. Я выстрѣлилъ въ нее изъ револьвера въ то время, когда она сидѣла неподвижно, но вѣроятно промахнулся. Кошка бросилась внизъ на дворъ, но на пути ея былъ поставленъ капканъ, въ который она и попала. Мнѣ кажется, я никогда не забуду злого, свирѣпаго выраженія ея морды. Капканъ перехватилъ ее поперекъ тѣла. Она рвалась изъ него, царапала землю, широко разѣвала ротъ и кричала такимъ неистовымъ, громкимъ, злобнымъ крикомъ, что всѣ сосѣди сбѣжались и убили ее.

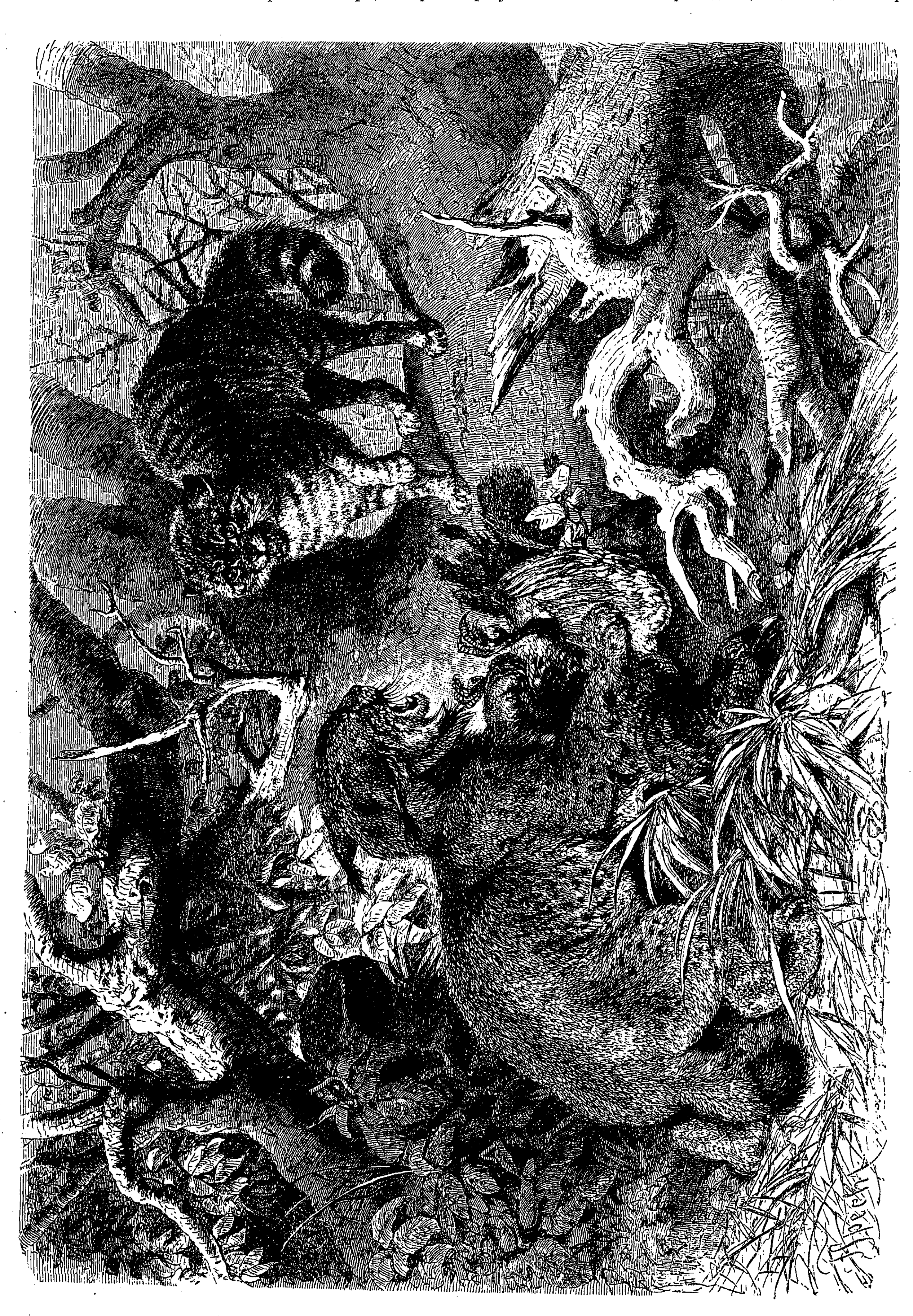
Рысь въ засадѣ.

2. Рысь.

Представьте себѣ громадную кошку, съ зелено-сѣрыми злыми глазами, съ прямо торчащими большими, заостренными ушами, на концахъ которыхъ сидитъ по пучку черныхъ волосъ. На щекахъ тоже длинные пучки свѣтло-сѣрыхъ волосъ—настоящіе баки, прямо опущенные внизъ. Представьте себѣ кошку свѣтло-желтовато-сѣрую, всю испещренную мелкими неправильно разбросанными крапинками съ короткимъ, чернымъ на концѣ хвостомъ, и вы будете имѣть вѣрное представленіе о рыси, этомъ маленькомъ царѣ нашихъ сибирскихъ, оренбургскихъ и кавказскихъ лѣсовъ. Какъ левъ въ пустыняхъ Африки, какъ тигръ въ джунгляхъ Азіи, такъ рысь царитъ и властвуетъ въ нашихъ лѣсахъ. Подобно дикой кошкѣ она, по преимуществу, лѣсной звѣрь. Ея страшные когти дозволяютъ ей легко лазить по деревьямъ, взбираться на самые высокіе изъ нихъ и съ нихъ слѣдить за пробѣгающими мимо оленями и лосями (См. рис.). Она прилегаетъ, прижимается къ толстому сучку; ее нельзя отличить отъ него. Она можетъ лежать на немъ неподвижно и терпѣливо нѣсколько часовъ и караулить свою добычу. Разумѣется, она выбираетъ для этого поста тѣ деревья, которыя лежатъ на привычныхъ путяхъ звѣрей, служащихъ ей пищей. Какъ молнія, бросается она съ дерева и вонзаетъ острые зубы и когти въ ошеломленную испуганную жертву.

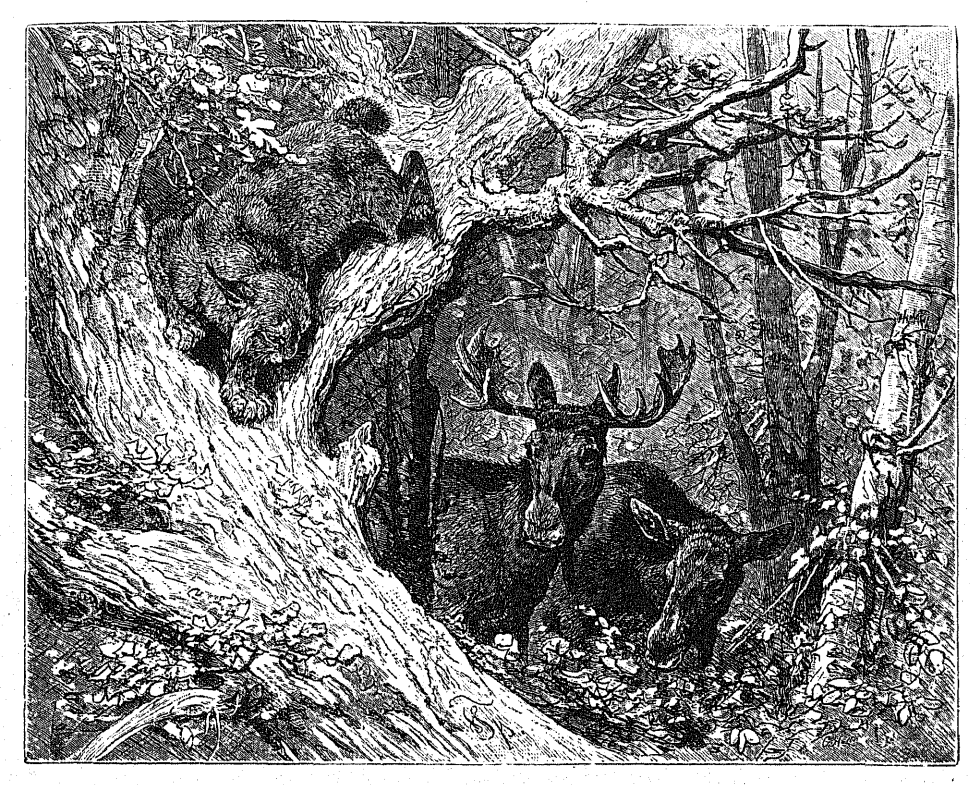
На приложенномъ рисункѣ сопоставлены рысь и дикая кошка. Онѣ встрѣтились въ глухомъ лѣсу. Рысь держитъ въ лапахъ тетерьку. Она вся окрысилась, присѣла и прижала уши. Ея рѣзкій глухой крикъ или рокотъ далеко раздается по лѣсу. Но и кошка также разсвирѣпѣла. Она также приложила уши, нахохлилась, распустила хвостъ, согнулась дугой и приподняла одну лапу. Кажется, еще одинъ мигъ, и хищники бросятся другъ на друга, и кошка погибнетъ въ этой остервенѣлой, неравной борьбѣ, погибнетъ подъ страшной силой лапъ острыхъ когтей и зубовъ рыси

Года два тому назадъ въ нашихъ среднихъ губерніяхъ бродилъ какой-то звѣрь и нагонялъ страхъ и ужасъ на всѣхъ обывателей. Говорили о тигрѣ, который должно быть убѣжалъ изъ какого-нибудь звѣринца. На звѣря устраивались облавы, за нимъ охотились, но онъ скрывался такъ искусно отъ всѣхъ глазъ и появлялся такъ неожиданно, что всякія попытки въ этомъ случаѣ оказывались тщетными. Наконецъ, дѣло разъяснилось. Звѣря убили. Онъ оказался громадной, еще невиданной рысью.

Рысь и дикая кошка.

Дикая кошка и рысь, это—два постоянныхъ соперника нашихъ лѣсовъ. Они оба лѣсные или древесные хищники, замѣняющіе въ нашихъ лѣсахъ ягуаровъ и лео-

Рысь въ засадѣ.

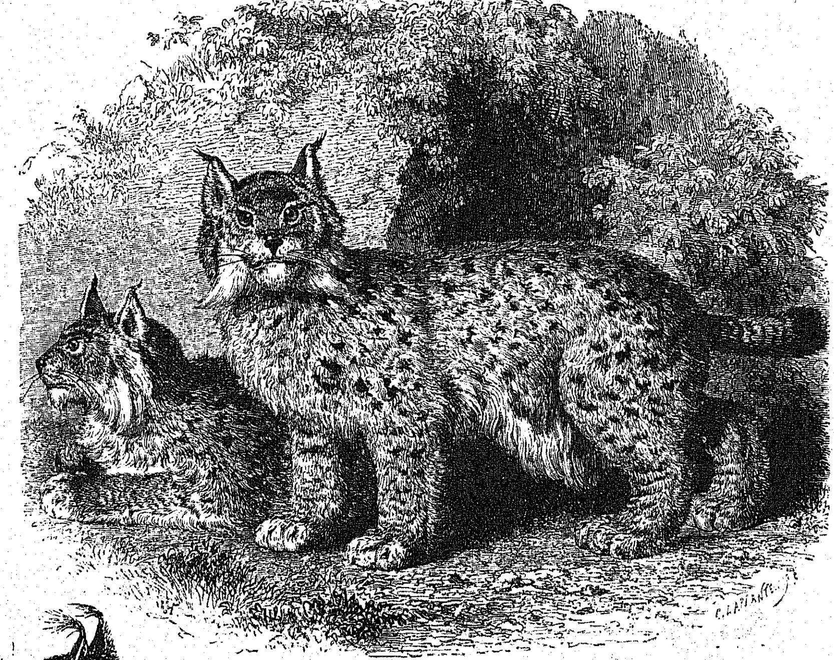
пардовъ южныхъ странъ. Рысь больше и сильнѣе кошки, но она не такъ смѣла, дерзка, какъ дикая кошка. При ея ростѣ ей необходимо болѣе крупной добычи и вотъ почему, вѣроятно, рысь встрѣчается въ нашихъ мѣстахъ и во всей средней Европѣ рѣже, чѣмъ дикая кошка.

Рысь представляетъ безспорно дальнѣйшее развитіе кошки въ направленіи хищности, хотя, съ другой стороны, дикая кошка является болѣе ловкимъ и смышленымъ хищникомъ. Ея *хищный зубъ*—послѣдній коренной въ нижней челюсти имѣетъ только два коническихъ бугорка, тогда какъ у рыси этихъ бугорковъ три *).

Кромѣ обыкновенной рыси водится въ разныхъ странахъ нѣсколько видовъ кошекъ, которые принадлежатъ къ одному роду *рыси* (Lynx). Обыкновенная рысь живетъ въ средней Европѣ въ гористыхъ мѣстностяхъ, гдѣ забивается въ глухія, непроходимыя трущобы. Но существуютъ рыси, которыя живутъ въ открытыхъ степныхъ мѣстахъ или на болотахъ. Къ степнымъ принадлежитъ *каракалъ* или *сервалъ*, а къ болотнымъ такъ называемая *болотная рысь* или *хаусъ* (Lynx chaus).

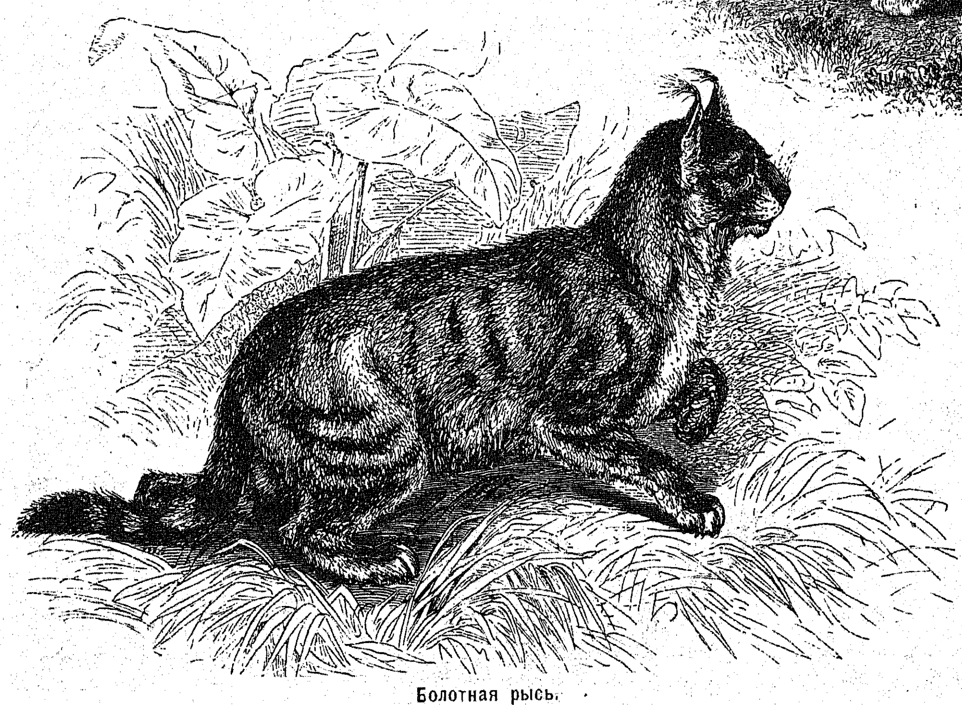
Замѣчательно, что не далеко отъ того мѣста, гдѣ связываются какъ бы общимъ узломъ три большихъ материка: Европа, Азія и Африка, тамъ живутъ и хаусъ, и многіе другіе виды кошекъ. Это было какъ бы гнѣздо, откуда вышли они и распространились по тремъ странамъ свѣта.

Хаусъ приспособился къ жизни въ болотистыхъ степныхъ равнинахъ. Тамъ, гдѣ эти равнины густо покрыты степными злаками

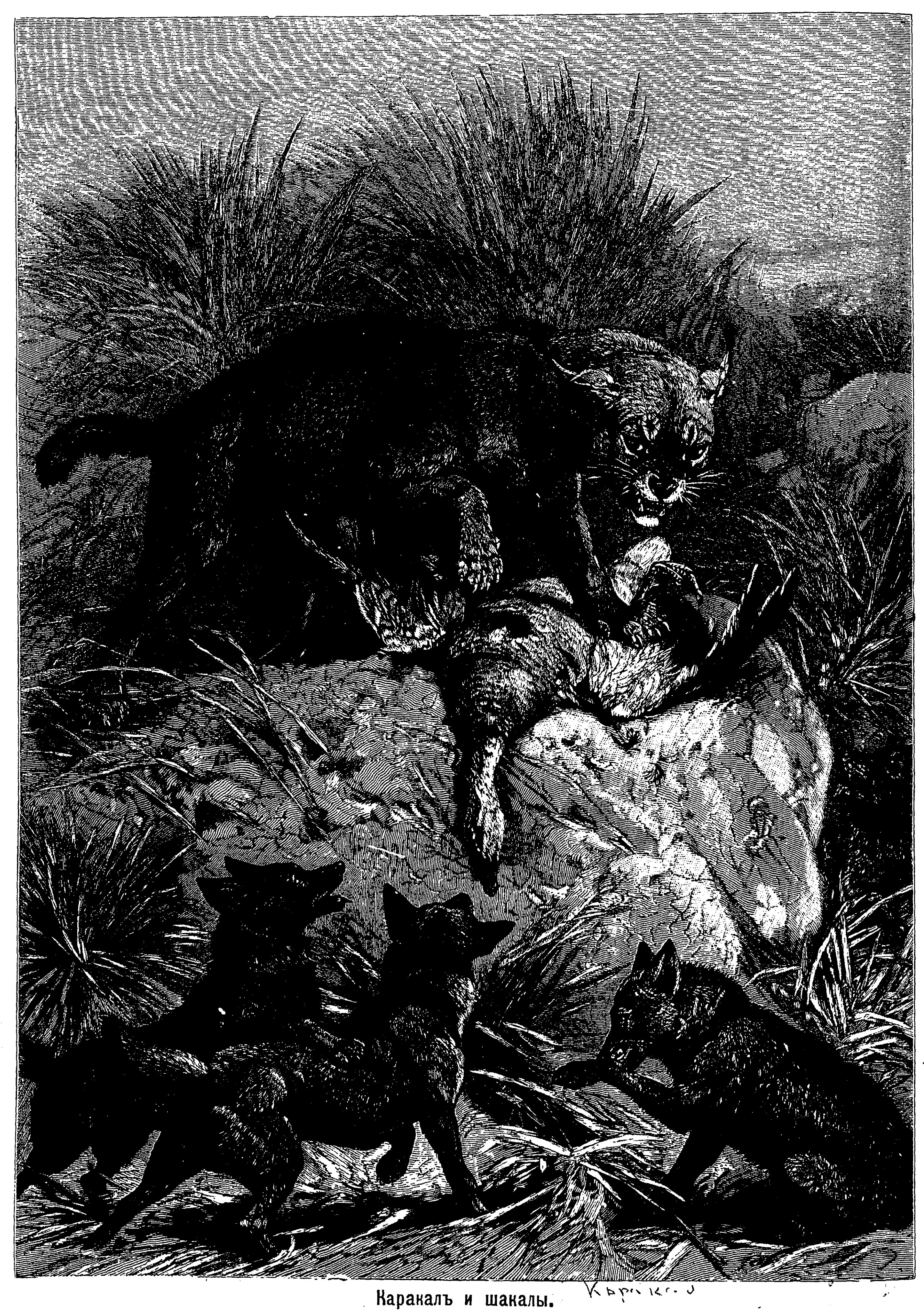
Рысь.

(Poa cynosuroides) — тамъ въ этихъ злакахъ прячется *болотная рысь*. Порой издали можно видѣть, какъ она совершаетъ гигантскій прыжокъ и высоко взлетаетъ надъ окружающей травой, бросаясь вслѣдъ за какой-нибудь птицей. Но чаще она незамѣтно, тихо, скрываясь въ этой травѣ, подкрадывается къ своей добычѣ.

Болотная рысь.

*) Здѣсь повторяется общій законъ: исчезанія гомологовъ. Вкратцѣ его можно выразить такъ: съ развитіемъ какого-нибудь типа животныхъ, въ его организаціи все болѣе и болѣе исчезаютъ органы съ одинаковымъ употребленіемъ. Въ данномъ случаѣ такое исчезаніе мы видимъ въ бугоркахъ, которыми вооруженъ нижній коренный зубъ.

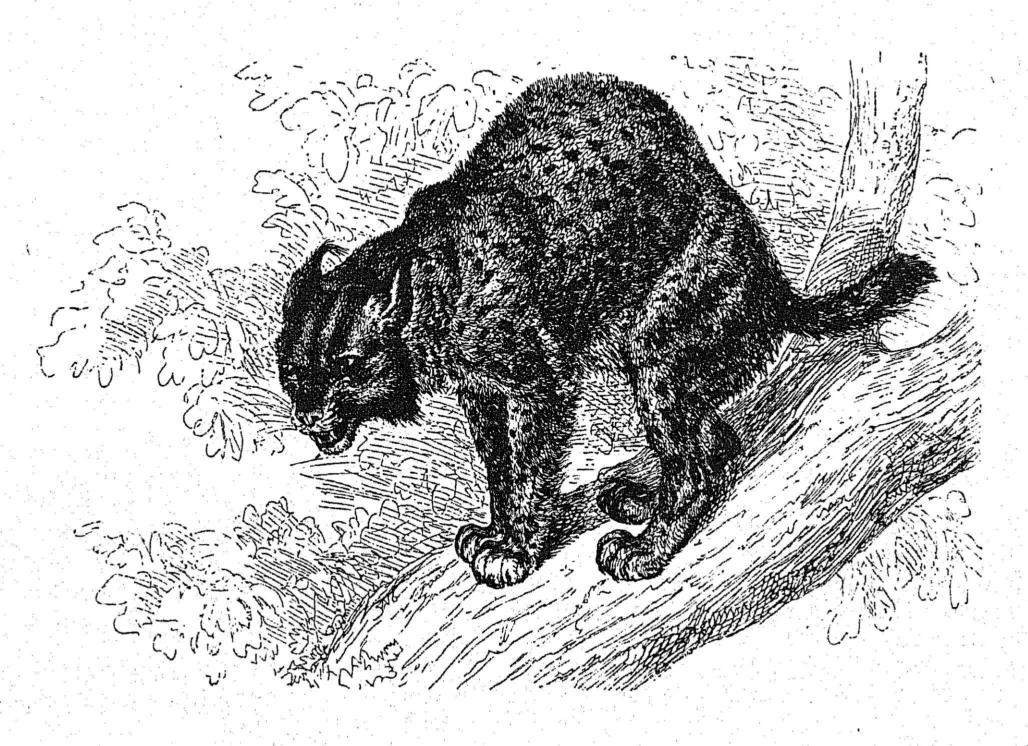
Каракалъ и шакалы.

Полярная рысь.

отъ сѣверныхъ странъ до южныхъ мѣстностей, то увидимъ, какъ климатъ и мѣстность вліяютъ на длину, пушистость волосъ и складъ всего тѣла. Сѣверная *полярная рысь* (Lynx borealis) отличается самымъ длиннымъ волосомъ и самымъ пушистымъ, дорого стоящимъ мѣхомъ. Рысь эта испещрена мелкими, рѣдкими, темными пятнами. Наша обыкновенная рысь представляетъ уже болѣе короткій волосъ. Между ея варіантами на югѣ попадаются экземпляры, которые носятъ названіе *пардаловой рыси* (Lynx pardalinus). Они испещрены болѣе замѣтными и правильными темными пятнами и представляютъ переходъ къ южнымъ, пестрымъ кошкамъ. Южныя степныя рыси, какъ каракалъ, представляются почти гладкими, одноцвѣтными съ жесткой, лоснящейся и короткой шерстью.

Она немного больше нашей комнатной кошки и представляетъ какъ бы общій средній типъ, изъ котораго вышли и рыси, и кошки. Цвѣтъ ея неопредѣленный, изжелто - сѣрый или слегка зеленоватый, подходящій подъ цвѣтъ злаковъ, въ которыхъ она прячется. Болѣе темныя, буровато - сѣрыя полосы проходятъ вдоль ея головы и поперекъ всего тѣла. Уши заострены, и на концахъ ихъ можно замѣтить тѣ маленькіе пучечки волосъ, которые такъ сильно и характерно развиваются у разныхъ видовъ рыси. Хвостъ хауса довольно длинный, отмѣченный явственными темными кольцами.

Пардаловая рысь.

Серваль или пустынная рысь представляетъ типъ рыси, приспособившійся къ жизни въ сухихъ, степныхъ мѣстностяхъ. Это большая довольно красивая кошка съ болѣе короткими волосами и длинными ушами, снабженными также длинными кисточками. Ея пища — степныя птицы, въ особенности степныя куры (изъ рода Pterocles). Сухое, поджарое тѣло ея и длинныя сильныя ноги позволяютъ ей долго и быстро бѣгать или лучше скакать въ угонъ. Но къ этому средству рѣдко прибѣгаетъ серваль. Цвѣтъ ея шерсти, изжелто-буроватый, подходитъ подъ неопредѣленный цвѣтъ окружающихъ ее степей и позволяетъ ей незамѣтно подкрадываться къ своей добычѣ.

Если мы взглянемъ на типы рысей, прослѣдивъ ихъ

3. Пестрыя кошки.

Мы переходимъ теперь къ южнымъ тропическимъ кошкамъ—кошкамъ, отличающимся гораздо большей величиной и шкурой, испещренной пятнами или полосами.

Въ Старомъ Свѣтѣ между всѣми *пестрыми*, *пардовыми* или *глазчатыми* кошками наибольшей величины достигаютъ леопардъ или барсъ (Felis pardus) и пантера. Но обѣ онѣ, занимая огромную площадь въ Азіи и Африкѣ, подвержены такимъ измѣненіямъ, что точныхъ, вѣрныхъ признаковъ до сихъ поръ не установлено, и

пантеру часто смѣшиваютъ съ леопардомъ. Пантера, по указанію Брэма, больше леопарда. Первая имѣетъ въ длину (вмѣстѣ съ хвостомъ) отъ 200—240 центим., второй только отъ 170 до 200 центим.

Леопардъ или *барсъ* представляетъ какъ бы вполнѣ выработанный законченный типъ. Цвѣтъ его шерсти менѣе измѣнчивъ, чѣмъ цвѣтъ шкуры пантеры, и гораздо красивѣе. По общему фону довольно яркаго красно-желтаго или оранжеваго цвѣта разбросаны неправильныя, черныя кольца, переходящія на нѣкоторыхъ частяхъ тѣла въ крапины или полосы (на шеѣ, мордѣ, груди, плечахъ). Общій цвѣтъ тѣла пантеры мѣняется съ климатомъ и мѣстностью. На сѣверѣ Азіи попадаются пантеры (или юлъ-барсы, какъ ихъ называютъ туземцы) бѣлесоватаго цвѣта и сѣро-желтоватаго.

Леопардъ — одна изъ самыхъ крупныхъ и безспорно самыхъ красивыхъ кошекъ. Онъ красивъ по своей одеждѣ, по своей рубашкѣ, но еще больше красивъ онъ по мягкости, граціозности и, если можно такъ выразиться, элегантности всѣхъ его движеній. При видѣ этой кошки становится понятнымъ, куда идетъ стремленіе и развитіе нашихъ красивыхъ, домашнихъ котовъ. Идеалъ этого стремленія передъ нами. Это—большая кошка, почти въ 2 метра длины, съ мягкой, короткой шерстью, ярко красно-желтой съ черными пятнами, и со всѣми злыми, отрицательными свойствами нашей домашней кошки. Съ ея хищностью, кровожадностью, злобой, лукавствомъ, хитростью, коварствомъ и мстительностью.

Леопардъ, это—кошка Стараго Свѣта, кошка Индіи и Африки. Она живетъ въ гористыхъ мѣстахъ, среди дикихъ, заросшихъ странными растеніями лѣсовъ или среди каменистыхъ скалъ, прикрытыхъ также не менѣе странными растеніями и упавшими пожелтѣлыми листьями. Надо видѣть эти мѣстности, чтобы понять, какимъ образомъ можетъ среди нихъ скрываться, быть незамѣтной такая ярко окрашенная, пестрая кошка, какъ леопардъ. Прежде всего не должно забывать, что яркое, прямо, отвѣсно бросающее свои жгучіе африканскіе лучи, солнце придаетъ ослѣпительно яркую окраску всему: и зелени, и красноватому песку, и посохшимъ желтымъ или краснымъ листьямъ. Леопардъ среди этихъ яркихъ цвѣтистыхъ пятенъ не замѣтенъ. Его не видно ни на деревѣ съ красно-желтой листвой, ни на землѣ, покрытой этой листвой.

Всѣ его движенія напоминаютъ движенія осминога, спрута, пьевры. Они незамѣтны, не слышны, но сильны. Такими движеніями дѣйствуетъ паровой молотъ въ нѣсколько десятковъ пудъ вѣсомъ. Онъ тихо опускается и съ невѣроятною силою давитъ чугунную глыбу (крицу), и точно такъ же тихо, незамѣтно, онъ раздавливаетъ грѣцкій орѣхъ, не раздавивъ его ядра.

Извѣстный германскій зоологъ Лихтенштейнъ разсказываетъ объ одномъ эпизодѣ, который наглядно иллюстрируетъ силу леопарда. Туземцы мыса Доброй Надежды составили себѣ особенный спортъ, затравливая леопарда собаками. Одинъ разъ одному богатому и знатному жителю мыса Доброй Надежды удалось поймать какимъ-то образомъ молодого леопарда. Онъ тотчасъ же извѣстилъ объ этомъ радостномъ событіи своихъ сосѣдей, и ближнихъ, и дальнихъ. Компанія собралась послѣ сытнаго обѣда наслаждаться зрѣлищемъ, въ которомъ человѣкъ въ своихъ звѣриныхъ наклонностяхъ превосходитъ всякаго звѣря.

Леопардъ попался въ ловушку, которая была устроена изъ громадныхъ каменныхъ глыбъ. И входъ, послѣ того какъ онъ зашелъ въ нее, былъ заваленъ также камнями. Теперь прежде всего предстояло связать эту дикую, пеструю, сильную кошку. Верхъ каменной мышеловки былъ покрытъ толстыми бревнами, и сквозь щели ихъ можно было ясно видѣть пойманнаго звѣря.

Пропуская сквозь эти щели глухія петли, удалось захватить ими и связать лапы звѣря. Затѣмъ, на помощь этимъ веревкамъ были спущены ремни, которые еще крѣпче опутали его ноги. Достигнувъ этихъ результатовъ, связывавшіе барса захватили также его голову и надѣли ему на ротъ крѣпкій намордникъ. Когда онъ былъ такимъ образомъ совершенно обезвреженъ, его вытащили изъ ловушки и пригвоздили къ землѣ, воткнувъ въ одну изъ его ногъ копье. Въ сдѣланную рану вложили кольцо отъ крѣпкой цѣпи, которая была придѣлана къ толстому столбу. Затѣмъ начали потихоньку, урывками развязывать веревки и ремни. Эта операція, при извѣстной ловкости и терпѣніи нападавшихъ, была также окончена благополучно. Теперь страшный звѣрь былъ на цѣпи, придѣланной къ здоровому столбу, и всѣ посадившіе его на эту цѣпь радовались и торжествовали. Они смѣялись надъ нимъ, дразнили его, бросали въ него камни и потѣшались, видя, какъ онъ съ яростью кидался на нихъ и не могъ порвать своей крѣпкой цѣпи. Но это торжество продолжалось не долго. Кольцо, которое было продѣто въ ногу барса, не выдержало его сильныхъ бѣшеныхъ скачковъ и лопнуло. Барсъ очутился на свободѣ, и тѣ, которые были ближе къ нему, тотчасъ же сдѣлались жертвами его страшной ярости. Всѣ остальные бросились бѣжать сломя голову. Въ это самое время на мѣсто общей свалки явились собаки. Ихъ держали пока взаперти, въ конюшнѣ и выпустили, какъ разъ во время. Стая кинулась, какъ молнія, и облѣпила звѣря. Одну, болѣе опытную, старую собаку онъ тотчасъ же уничтожилъ, прокусивъ ей черепъ, другіе вцѣпились въ его уши, въ морду, въ горло, и не прошло и четверти часа, какъ барсъ былъ задушенъ. Замѣчательно, что зубы собакъ вонзались въ мускулы шеи и затылка, но не прокусывали кожи. Это существенно важное средство для защиты животнаго. Кожа его настолько растяжима, она такъ сильно скользитъ вездѣ по мускуламъ, что даже ударъ копья очень часто не причиняетъ ему никакого вреда. Копье пробиваетъ мышцы и не идетъ вглубь.

Зоологи называютъ леопарда или пардала «древнимъ» (Leopardus antiquorum). И дѣйствительно онъ былъ въ уваженіи у древнихъ грековъ и римлянъ. Въ то время у грековъ на него смотрѣли съ уваженіемъ потому, что онъ былъ посвященъ веселому Бахусу или Вакху. Согласно повѣрью грековъ, леопардъ былъ воспитанъ Бахусомъ. Празднества въ его честь—вакханаліи—не могли обойтись безъ леопардовъ, вотъ почему вакханки носили вмѣсто плаща шкуру леопарда. По свидѣтельству древнихъ римскихъ писателей, леопарды очень любятъ вино, любятъ напиваться пьяными и въ этомъ состояніи легко попадаютъ въ сѣти ловцовъ. Римъ, любившій жить на широкую ногу, потреблялъ и громадное количество леопардовъ, которые составляли непремѣнную принадлежность его публичныхъ зрѣлищъ и его вакханалій. Когда Цицеронъ былъ назначенъ правителемъ Сициліи, то Целій писалъ къ нему: «Ты будешь обвиненъ, если я не покажу на моихъ празднествахъ цѣлаго стада леопардовъ». И дѣйствительно леопарды появлялись на римскихъ аренахъ цѣлыми стадами. Скаурусъ послалъ въ Римъ 150 леопардовъ, Помпей—410, а Августъ 420 штукъ.

Изъ всѣхъ пестрыхъ кошекъ леопардъ болѣе способенъ сдѣлаться ручнымъ, но никогда онъ не достигаетъ такого прирученія, какъ наша домашняя кошка. Въ клѣткахъ звѣринцевъ леопардъ находится почти въ постоянномъ движеніи. Тогда какъ другія пестрыя кошки, львы и тигры, уныло лежатъ на одномъ мѣстѣ, онъ постоянно ходитъ взадъ и впередъ по клѣткѣ или прыгаетъ на ея рѣшетку.

Въ «Londons Magazine of Natural History» мы находимъ слѣдующій разсказъ Боудина. Леопардъ, котораго онъ описываетъ, былъ пойманъ еще молодымъ въ лѣсу. Онъ сперва воспитывался у короля ашантіевъ, но, когда онъ задавилъ другого, также ручного леопарда, найденнаго также въ лѣсу и воспитывавшагося вмѣстѣ съ нимъ,

Леопарды, напавшіе на антилопу.

король подарилъ его англійскому губернатору Гутчинсону, который увезъ его въ Капштадтъ. Изъ предосторожности, ему были подпилены зубы и когти. Его содержали на небольшомъ дворѣ, не на цѣпи, а на привязи. Онъ ласкался ко всѣмъ, кто подходилъ къ нему, клалъ лапы всѣмъ на плечи. Одинъ разъ онъ сорвался съ привязи и началъ бѣгать вокругъ забора. Мальчишки бросали въ него камни, за что получали отъ него добрые затрещины. Онъ былъ очень привязанъ къ губернатору и бѣгалъ за нимъ, какъ собака, никогда не упуская его изъ виду. Если губернаторъ уходилъ изъ дому, то онъ бѣгалъ и метался повсюду, отыскивая его. Когда перевезли его въ Англію, онъ получилъ воспаленіе легкихъ и вскорѣ умеръ.

Въ Новомъ Свѣтѣ леопарда замѣняетъ *ягуаръ*.

Ягуаръ меньше, пестрѣе и злѣе леопарда. Его грязновато-желтая шкура вся испещрена черными кольцами, не столь правильными, какъ у леопарда, и внутри нѣкоторыхъ изъ нихъ находятся черныя пятна. Къ этой окраскѣ примѣшивается бѣлый цвѣтъ. Очень часто брюхо ягуара бываетъ сплошного бѣлаго цвѣта. Если теорія профессора Рулье справедлива относительно образованія бѣлыхъ пятенъ и пестринъ у домашнихъ животныхъ, то тѣ же причины должны вызывать ихъ появленіе и у ягуара. Здѣсь всякое механическое вытираніе волосъ опредѣляетъ на мѣсто первоначальныхъ цвѣтныхъ волосъ выростаніе бѣлой шерсти, т. е. волосъ, лишенныхъ красящаго пигмента. Ягуаръ нерѣдко принужденъ красться и подползать къ своей добычѣ на брюхѣ. Онъ старается прижиматься, какъ можно крѣпче, къ землѣ или сучку дерева. Онъ ползетъ и извивается, какъ змѣя. Вслѣдствіе этого исчезаютъ, вытираются окрашенные въ красновато-желтый цвѣтъ волоса, и на мѣсто ихъ появляются бѣлые, но черные волоса не пропадаютъ, а, напротивъ, рѣзче выступаютъ на бѣломъ фонѣ.

Ягуаръ.

Представленіе объ ягуарѣ какъ-то невольно связывается съ представленіемъ о тропическихъ лѣсахъ Южной Америки. Воздухъ въ нихъ какой-то густой, насыщенный парами, имъ тяжело, трудно дышать. Небо темно-синее. Солнце, едва видное въ просвѣтахъ густой листвы, гдѣ-то высоко надъ головой. Кругомъ тѣнь и величіе дѣвственнаго лѣса. Въ немъ два-три нашихъ обыкновенныхъ лѣса растутъ одинъ надъ другимъ. Въ немъ душно, какъ въ жарко натопленной банѣ. Въ особенности въ полдень, когда солнце невыносимо раскаливаетъ все, что попадаетъ подъ его прямые, немилосердные, всесожигающіе лучи. Паръ струится въ воздухѣ, поднимается отъ тѣнистыхъ мѣстъ, отъ скалъ, отъ гніющихъ, упавшихъ деревьевъ. Все насыщено, пропитано этими испареніями земли и деревьевъ, все оплетено ліанами и вьющимися растеніями. Мы, европейцы, съ трудомъ можемъ себѣ представить эти гигантскіе, величественные лѣса, эту колоссальную растительность, доведенную до невозможности. Въ полдневные часы все замираетъ или засыпаетъ въ такихъ лѣсахъ. Въ нихъ какъ бы все опустѣло, заглохло. Изрѣдка только вдали

гдѣ-то раздастся какой-то неопредѣленный крикъ и замретъ, или какой-нибудь шальной попугай, какая-нибудь большеносая, длиннохвостая, пестрая ара неистово закричитъ и тотчасъ сконфузится общей тишиной и молчаніемъ и сама замолкнетъ.

Но въ этой тишинѣ, въ этомъ гробовомъ молчаніи все полно жизни. Почти подъ каждымъ листомъ скрыта эта жизнь, могучая и сильная, воспитанная тепломъ и всѣми раздольными окружающими условіями и богатствами природы.

Притаясь въ темномъ углу, на развилинѣ крѣпкихъ сучковъ, надъ самой водой, спитъ сильный, большой ягуаръ. Онъ переваривает какой-нибудь сытный обѣдъ, состоящій изъ цѣлой семьи бѣдныхъ водяныхъ свинокъ, которыхъ онъ упряталъ въ свой объемистый желудокъ. Это случилось недалеко отъ того мѣста, гдѣ теперь онъ наслаждается полнымъ покоемъ и жизнерадостью. Его лукавые глаза почти совсѣмъ закрываются, нижняя челюсть выдвинута впередъ. Онъ весь покой и олицетворенная лѣнь. Онъ чуть слышно, нѣжно, мурлычитъ и чуть-чуть движетъ хвостомъ, который свѣсился надъ водой. Назадъ тому не болѣе полчаса онъ такъ же лежалъ на искривленныхъ стволахъ толстыхъ деревьевъ, лежалъ на берегу небольшой, каменистой рѣчки. Онъ былъ голоденъ и золъ. Вдругъ его чуткіе уши услыхали чуть слышный топотъ маленькихъ копытъ. Онъ весь встрепенулся. По всему пестрому тѣлу его пробѣжала волна вожделѣнія. Онъ сильнѣе, крѣпче прижался къ суку, на которомъ лежалъ. Онъ весь готовъ былъ превратиться въ вѣтку, въ сухой листъ, только бы остаться незамѣченнымъ. Къ нему по бережку тихо подходила, топоча своими маленькими быстрыми ножками, семья водосвинокъ: мать, отецъ и трое маленькихъ. Всѣ они были беззаботны и довѣрчивы. Мать жевала по пути какую-то травку, и двое дѣтокъ подражали ей, а третій пошелъ въ отца! Онъ жадно нюхалъ воздухъ, можетъ-быть испаренія отъ ягуара доносились до него и заставляли жадно, со вниманіемъ и терпѣніемъ нюхать воздухъ и безпокойно оглядываться. Отецъ также насторожился. Онъ услыхалъ какой-то подозрительный шумъ. Онъ также нюхаетъ воздухъ и уже держитъ одну переднюю лапу на готовѣ, чтобы сейчасъ броситься въ быстрый бѣгъ. Вся семья на сторожѣ. Она слѣдитъ за всякимъ запахомъ, за малѣйшимъ шумомъ. Она задержалась здѣсь ненадолго. Мѣсто ужъ было очень соблазнительно, и трава такая вкусная. Они задержались всего на нѣсколько секундъ, и этихъ секундъ было достаточно для ихъ гибели.

Какъ молнія, кинулся на нихъ съ дерева ягуаръ и въ одно мгновеніе обработалъ всю семью несчастныхъ, растерявшихся водосвинокъ. Переднія лапы онъ наложилъ на отца и на мать, и бѣдные звѣрьки завизжали, запищали подъ этими страшными, сильными лапами, когти которыхъ глубоко впились въ ихъ тѣло. Покончивъ съ взрослыми, онъ кинулся на двухъ маленькихъ поросятокъ и въ одну минуту растерзалъ и съѣлъ ихъ. Отъ всей семьи теперь остался только одинъ маленькій самчикъ, который, фыркая и топоча ножками, убѣжалъ и запрятался въ густыя, колючія поросли, подъ корни большихъ деревьевъ и неслышно, не дыша, притаился тамъ.

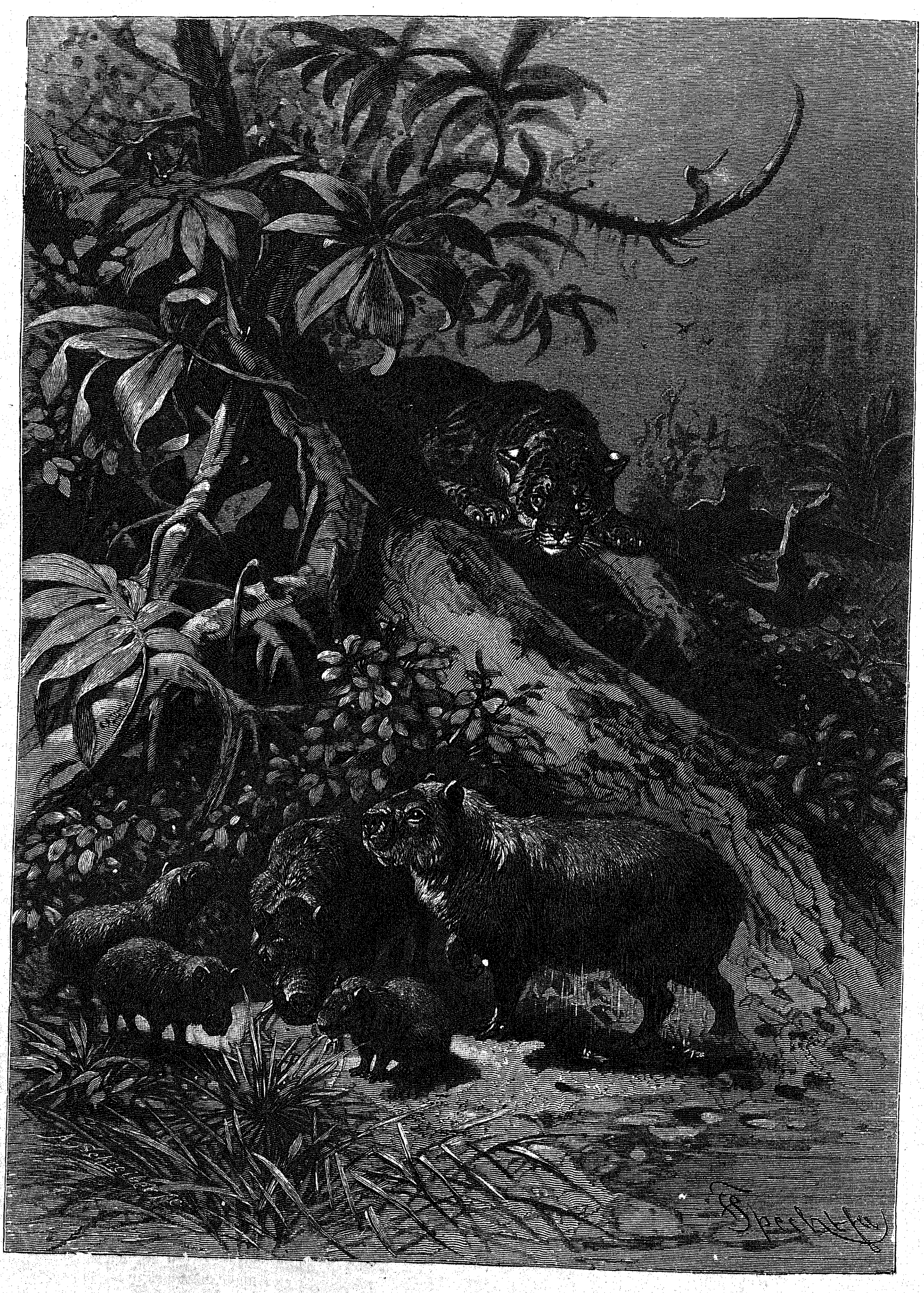
Не далѣе, какъ третьяго дня, тотъ же ягуаръ пировалъ въ томъ же лѣсу. Тамъ, гдѣ гуще разрослись деревья и кусты, надъ той же рѣчкой, гдѣ ліаны прихотливо переплелись и перевѣсились съ одного берега на другой, тамъ нашъ ягуаръ неожиданно встрѣтилъ цѣлое стадо молоденькихъ обезьянокъ-ревуновъ или *карайя* темнобураго, почти чернаго цвѣта, обезьянокъ съ баками, большой бородой и длиннымъ, цѣпкимъ хвостомъ. Онъ бросился за тремя изъ нихъ, быстро прыгавшими и бѣжавшими по листьямъ банановъ. Обезьянки бѣжали и скакали сломя голову и при этомъ кричали и ревѣли на весь лѣсъ. Но нашъ ягуаръ все-таки добылъ ихъ и полакомился вволю. И хотя въ этомъ лѣсу, на берегу Гвіаны можно часто встрѣтить стада игрунковъ, но эти стада такъ же быстро исчезаютъ, какъ и появляются.

Всѣ обитатели этихъ дѣвственныхъ, тропическихъ лѣсовъ Ла-Платы, Парагвая и Гвіаны наполнены всякими животными, и среди нихъ такія большія, ловкія кошки, какъ ягуаръ, вполнѣ благоденствуютъ, объѣдаются и жирѣютъ. Несмотря на обиліе пищи въ этихъ лѣсахъ, они по инстинкту, свойственному всѣмъ кошкамъ, перебираются въ сосѣдніе лѣса, не столь богатые добычей, въ мѣста, уже издавно населенныя, и здѣсь нерѣдко нападаютъ даже на человѣка.

Одинъ разъ, въ 1825 году, въ Южной Америкѣ, въ Санта-фе, въ монастырѣ Санъ-Франциско, случилось необыкновенное и кровавое происшествіе. Ягуаръ забрался въ монастырскую церковь. Должно сказать, что этотъ монастырь стоитъ на берегу Ріобраво. Послѣ проливныхъ дождей, случайно, этотъ монастырь оказался окруженнымъ со всѣхъ сторонъ водою, и вокругъ него всѣ жители лѣса очутились въ осадномъ положеніи. Небольшая дверь вела въ церковный алтарь и выходила прямо на берегъ. Сквозь эту дверь, которая вела также въ ризницу, ягуаръ и проникъ въ церковь и забрался въ исповѣдальню. Ягуаръ очень хорошо понималъ, что путь къ отступленію ему отрѣзанъ, и вслѣдствіе этого готовъ былъ броситься на каждаго человѣка, который потревожилъ бы его въ этомъ случайномъ убѣжищѣ. Одинъ изъ монастырскихъ послушниковъ вошелъ въ нее и въ одну минуту былъ схваченъ и убитъ звѣремъ. На крикъ его прибѣжалъ монастырскій сторожъ и также былъ растерзанъ звѣремъ. Затѣмъ еще одинъ человѣкъ вошелъ въ алтарь и подвергся той же участи. Наконецъ, сенаторъ Айрондъ думалъ проникнуть въ алтарь черезъ маленькую дверь, которая вела въ исповѣдальню, но въ то же время услыхалъ рычанье ягуара и отчаянные крики: «онъ здѣсь, спасите!» Это былъ крикъ послѣдней, четвертой жертвы кровожаднаго звѣря. Мистеръ Айрондъ заперъ дверь засовомъ и затѣмъ велѣлъ продѣлать въ ней отверстіе, черезъ которое выставили дуло ружья и убили ягуара.

Гумбольдтъ въ своемъ путешествіи по Южной Америкѣ разсказываетъ, что одинъ разъ, плывя по Амазонкѣ, недалеко отъ Санъ-Фернандо, они увидѣли громаднаго ягуара, который ѣлъ водосвинку. Множество коршуновъ слетѣлось, чтобъ поживиться остатками отъ обѣда хищника, но онъ не подпускалъ ихъ близко къ своей добычѣ. «Плескъ нашихъ веселъ,—говоритъ Гумбольдтъ,—заставилъ его подняться и удалиться въ лѣсъ, но, какъ только коршуны налетѣли на трупъ водосвинки, ягуаръ тотчасъ же бросился на нихъ, съ рычаніемъ схватилъ трупъ водосвинки и утащилъ его въ лѣсъ».

Одинъ изъ путешественниковъ, плававшихъ по рѣкѣ Атакоари, Павелъ Маркой, разсказываетъ, что, во время ихъ плаванія по этой рѣкѣ, онъ и его товарищи были почти очевидцами одного несчастнаго столкновенія туземцевъ съ ягуаромъ. Индѣецъ Тикуна и его жена отправились по рѣкѣ Атакоари, чтобы собрать корни отъ мѣстнаго корнеплоднаго растенія, которое они культивировали на лѣвомъ берегу рѣки. Тикунъ сидѣлъ на носу лодки или, вѣрнѣе, челночка, а жена его на кормѣ. Когда они подплыли къ камышамъ, изъ нихъ выскочилъ ягуаръ и, прыгнувъ, задѣлъ лапой за голову индѣйца. Хотя прыжокъ былъ неудаченъ и звѣрь оборвался въ воду, но при этомъ быстромъ движеніи успѣлъ снести всю кожу съ задней части черепа Тикуна. Затѣмъ онъ схватился лапами за бортъ челнока и хотѣлъ въ него вспрыгнуть, но жена Тикуна не потерялась. Она схватила копье мужа и вонзила его въ пасть ягуара съ такой силой, что оно прошло насквозь и, закрывъ дыхательное горло, задушило животное. Черезъ два часа жена Тикуна привезла своего раненаго мужа домой и прехладнокровно разсказывала путешественникамъ объ

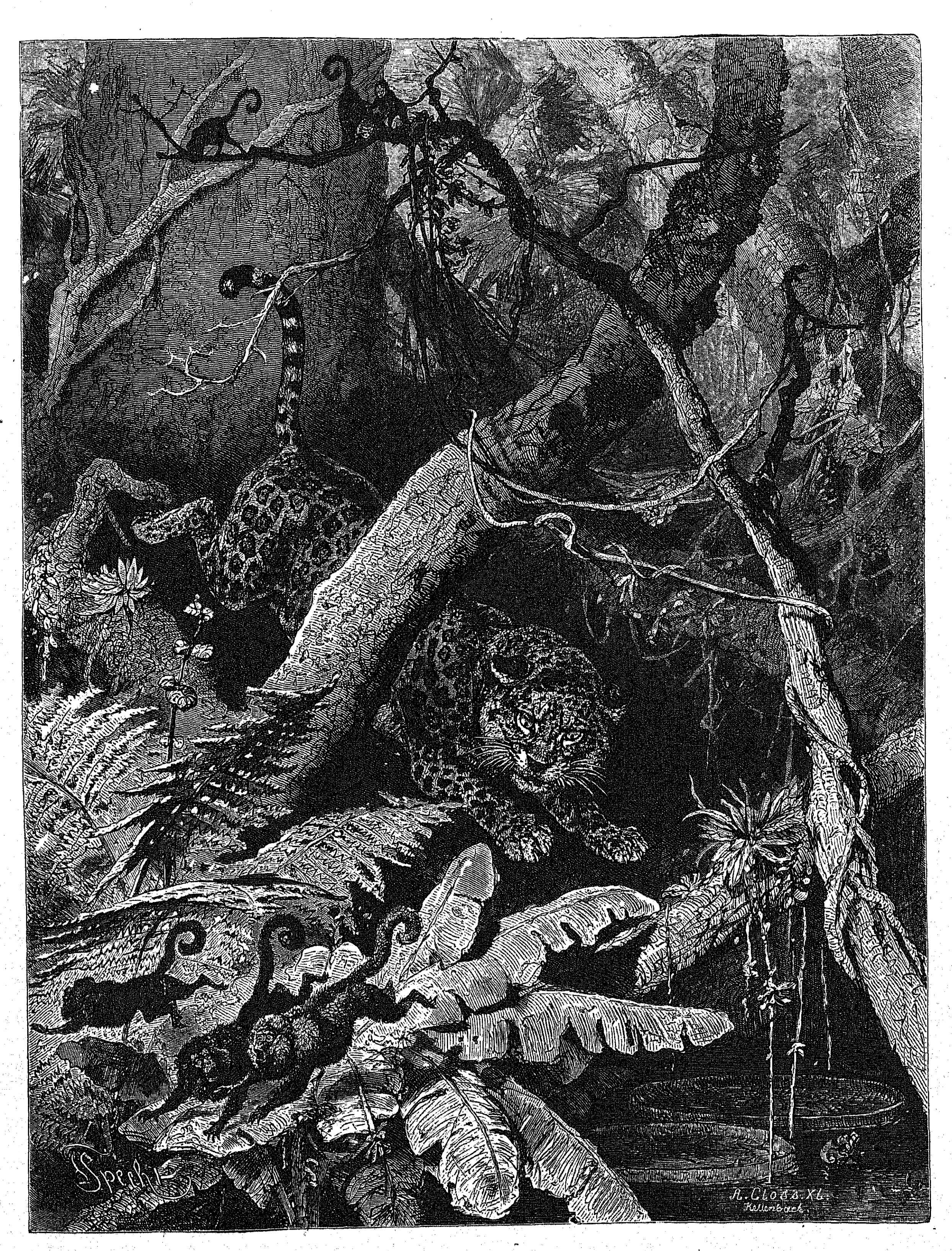

Ягуаръ и водосвинки.

этомъ кровавомъ происшествіи, какъ о самомъ обыкновенномъ, заурядномъ случаѣ.

Всѣ попытки приручить ягуара остаются почти безуспѣшными. Рентгеръ разсказываетъ объ одномъ ягуарѣ, котораго удалось приручить до того, что на него садились дѣти, но одинъ разъ, разсердившись, онъ бросился на дѣвочку-негритянку, которая за нимъ ходила, и однимъ ударомъ сшибъ ее съ ногъ. Къ счастью, когти его и зубы были подпилены, и, несмотря на это, онъ успѣлъ раздавить руку дѣвочки своими беззубыми челюстями.

Всѣ животныя издали слышатъ запахъ ягуара и страшно пугаются. Запахъ его жира такъ силенъ, что достаточно намазать этимъ жиромъ деревья, чтобы отпугнуть отъ нихъ и прогнать лисицъ, водосвинокъ и другихъ животныхъ.

Ягуаръ на охотѣ за обезьянами.

4. Тигръ.

Говоря о тигрѣ, невольно вспоминаешь тѣ необозримыя пространства, покрытыя тростникомъ и мелкимъ кустарникомъ, которыя тянутся по берегамъ озеръ и мо-

рей въ Средней Азіи и которыя извѣстны въ Индіи подъ именемъ «джонглей». Тигръ и джонгли такъ же неразлучны, какъ сѣверный олень и полярныя тундры, какъ рыба и вода, какъ птица и воздухъ. Въ этихъ низменныхъ мѣстностяхъ проходитъ вся жизнь и произошли всѣ приспособленія этой громадной и страшной азіатской кошки; даже полосатая шкура тигра обязана своимъ происхожденіемъ джонглямъ. Издали ея полосы сливаются со стеблями камышей и скрываютъ звѣря.

Тигръ стоитъ особнякомъ отъ всѣхъ другихъ кошекъ по цвѣту и, въ особенности, по цвѣторасписанію его шкуры. Красно-желтая или сѣровато-оранжевая, она представляетъ рѣзко выраженныя, почти черныя, поперечныя полосы, широко разставленныя одна отъ другой. Такія полосы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какъ бы сливаются другъ съ другомъ, оставляя широкіе промежутки. Соединяясь вмѣстѣ, они усиливаютъ черноту—рѣзкость ихъ краски.

Между другими кошками мы нерѣдко встрѣчаемъ полосатыхъ. Даже обыкновенный дикій котъ испещренъ правильными темными полосами, но ни у одной кошки эти полосы не разграничены такъ рѣзко, опредѣленно, и не бросаются такъ въ глаза, какъ полосы на кожѣ тигра. Въ особенности онѣ кажутся рѣзкими отъ контраста съ бѣлымъ брюхомъ и съ бѣлыми пятнами на ушахъ и надъ глазами.

Такія полосы мы находимъ у молодыхъ домашнихъ кошекъ. Остатки ихъ мы видимъ у львицы. Изъ всего этого мы можемъ заключить, что тигръ представляетъ сравнительно со львомъ и съ пумой болѣе раннюю, молодую форму кошекъ.

Первое, что поражаетъ насъ при взглядѣ на тигра, это—массивность его тяжелаго тѣла. Первое заключеніе при этомъ бѣгломъ взглядѣ, это—представленіе о силѣ тигра и о его лѣни. И мы не ошибемся въ нашемъ заключеніи. Лѣнь есть одна изъ основныхъ чертъ, общихъ всѣмъ видамъ кошекъ. Въ нашей домашней кошкѣ онѣ соединяются со стремленіемъ къ изнѣженности, холѣ, комфорту. Да и въ каждой другой кошкѣ она тянетъ ее въ эту сторону. Въ тигрѣ эти черты выражаются рѣзче, нагляднѣе.

Онъ не обжорливъ и не кровожаденъ. Нападая на крупное животное, на какую-нибудь антилопу или лошадь, быка, онъ наѣдается до отвала и идетъ спать въ тѣнь. Онъ не душитъ свою добычу ради только крови ея.

Взгляните на приложенную здѣсь физіономію разсерженнаго, рычащаго тигра. Неправда ли, вмѣстѣ съ звѣрствомъ въ ней проглядываетъ что-то грустное и угрюмое? Можетъ быть это есть слѣдствіе расположенія пятенъ и полосъ. Надъ бровями здѣсь идутъ поперечныя темныя полосы, и надъ самыми глазами, на мѣстѣ бровей, располагаются бѣлыя пятна.

Сильно развитыя скуловыя дуги даютъ здѣсь широкій просторъ и опору прикрѣпленію толщъ жевательныхъ мышцъ, а сильная работа этихъ послѣднихъ обусловливаетъ, вѣроятно, развитіе длинныхъ волосъ на щекахъ и подъ подбородкомъ. Эти густые баки придаютъ физіономіи тигра особенную округлость и также смягчаютъ ея свирѣпое выраженіе.

Въ тигрѣ всѣ отрицательныя, несимпатичныя черты нашей домашней или дикой кошки достигли высшаго развитія. Существуетъ очень немного разсказовъ о ручныхъ тиграхъ и вообще добрыхъ чертахъ ихъ характера. Въ звѣринцахъ, хотя очень рѣдко, они привязываются къ людямъ, ухаживающимъ за ними, но постоянно остаются угрюмыми и дикими.

Исторія тигра, по крайней мѣрѣ въ прежнее время, тѣсно связывалась съ исторіей индійскихъ слоновъ и князей Индіи. Азіатскій слонъ и тигръ всегда представляются неразлучными при воспоминаніи объ охотахъ на эту, громадную, красивую кошку.

Слѣдующій разсказъ Русселé (Rousselet, «l'Inde de Rajas») можетъ дать приблизительное понятіе объ этихъ охотахъ.

«Шикари *) предупредили насъ, чтобы мы были готовы къ сегодняшнему вечеру. Въ три часа пріѣхала вся королевская охота. Самъ Райя сидѣлъ на большомъ слонѣ и курилъ трубку, которую держалъ передъ нимъ мальчикъ. Вокругъ него толпились знатные, солдаты и всякій народъ.

Весь царскій кортежъ живописно развернулся на скатѣ горы. Впереди шелъ слонъ короля, окруженный служителями, несшими зонты и мухоловки изъ хвостовъ яка, затѣмъ слѣдовала длинная процессія слоновъ, разубранныхъ и разукрашенныхъ яркими, пестрыми паланкинами. Вся эта процессія пѣла, кричала, трубила въ рога и била въ барабаны. Вся цѣль и забота этого шумнаго шарйвари состояла въ томъ, чтобы выгнать тигра изъ его убѣжища».

Выгнанный и, въ особенности, раненый тигръ съ яростью бросается на слона, добирается до паланкина, но тутъ мѣткія пули охотниковъ, сидящихъ въ паланкинѣ, убиваютъ его.

При такихъ стычкахъ слона и тигра слонъ обыкновенно бережетъ свой хоботъ и поднимаетъ его кверху. Тигръ старается вцѣпиться въ этотъ хоботъ, и если ему удается это сдѣлать, то слонъ отъ тяжелыхъ ранъ долженъ непремѣнно погибнуть. Но тотъ же хоботъ служитъ смертельнымъ оружіемъ для тигра. Слонъ размахиваетъ имъ и съ силой бьетъ по тигру. Если ему удастся нанести ударъ по спинѣ, то онъ почти навѣрняка убиваетъ тигра, повредивъ его позвоночный столбъ.

Въ другихъ случаяхъ слонъ пускаетъ въ ходъ свои страшные клыки-бивни. Онъ высоко взбрасываетъ ими тигра и въ тотъ моментъ, когда онъ упадаетъ на землю, онъ самъ падаетъ на колѣна, прободаетъ ими его тѣло и, такъ сказать, прикалываетъ тигра къ землѣ.

Къ этому должно прибавить, что тигръ, несмотря на свою величину и силу мышцъ, не выноситъ даже легкихъ ранъ. Причина этого, вѣроятно, скрывается въ жаркомъ климатѣ, въ которомъ раны легко воспаляются, а мухи, складывая въ нихъ яйца, производятъ злокачественные нарывы. Притомъ подъ жаркими лучами тропическаго солнца все мертвое быстро сохнетъ или разлагается. Если не принять предосторожностей, то тѣло убитаго тигра въ тотъ же день разлагается, и волосы шкуры начинаютъ вылѣзать.

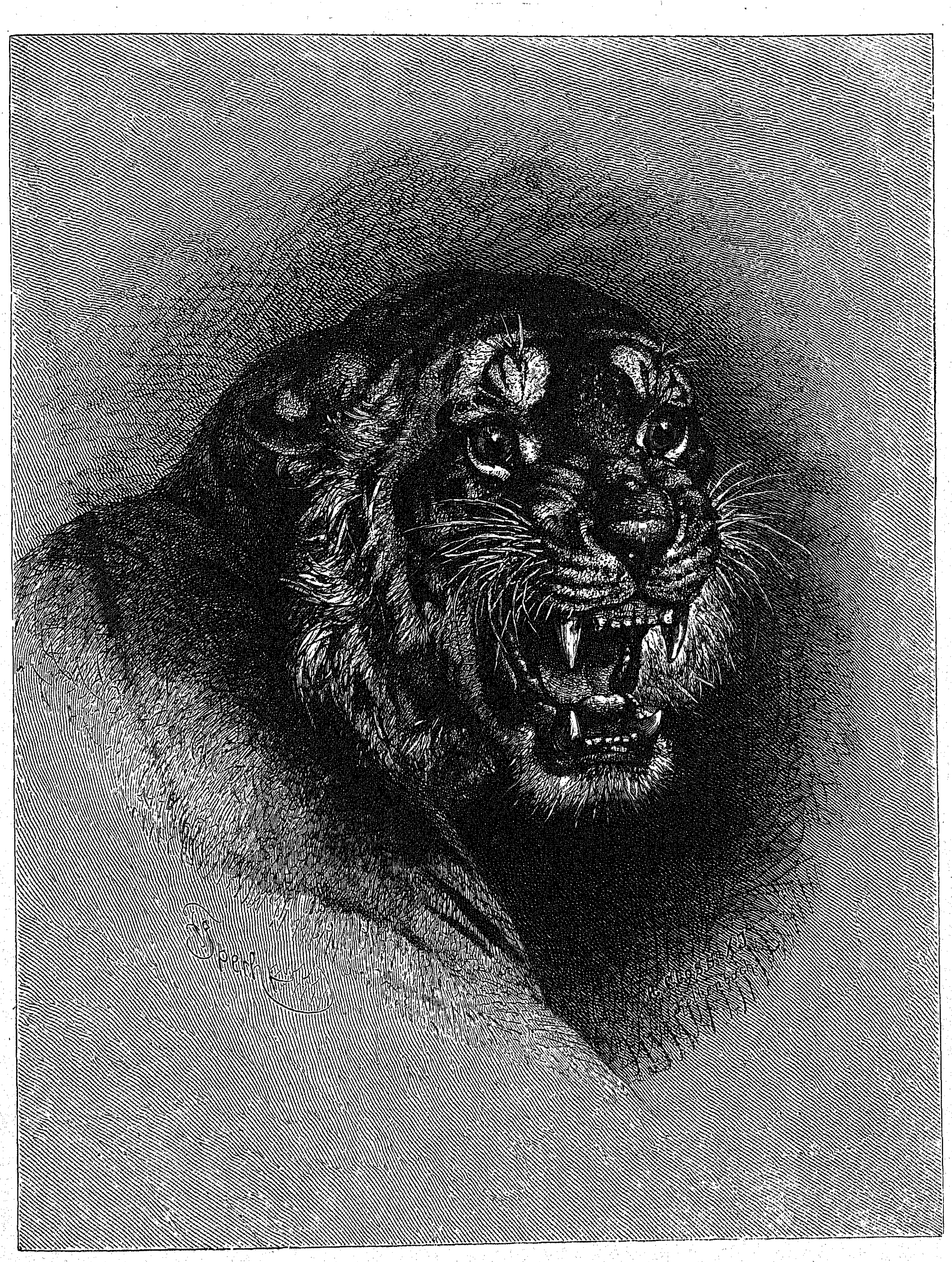
Знаменитый охотникъ на тигровъ, англійскій капитанъ Рейсъ, въ своемъ сочиненіи: *«Объ охотахъ въ Индіи»* разсказываетъ слѣдующій случай, рисующій всю опасность такихъ охотъ. Вооруженный отличной двустволкой, во главѣ цѣлой цѣпи загонщиковъ и въ сопровожденіи своего друга капитана Эллiота, Рейсъ смѣло проникалъ въ самую густую чащу джонглей. Впереди всего отряда шелъ опытный загонщикъ. За нимъ шли англичане, а за ними самые преданные индійцы съ заряженными ружьями, для замѣны ими тѣхъ, изъ которыхъ уже выстрѣлили. За ними шли люди съ оркестромъ изъ барабановъ, бубенъ, цимбаловъ. Все это стрѣляло, стучало, гремѣло, звенѣло, стараясь выпугнуть тигра *). Кромѣ всего этого какой-нибудь ловкій туземецъ постоянно взлѣзалъ на самыя высокія деревья, чтобы высмотрѣть, не скрывается ли гдѣ нибудь тигръ.

Одинъ разъ на такой охотѣ выпугнули громаднаго тигра, который тихо сталъ подходить къ цѣпи стрѣлковъ, но одинъ изъ загонщиковъ, испугавшись, чтобы тигръ не напалъ на нихъ исподтишка, громко закричалъ и спугнулъ звѣря, который кинулся бѣжать. Рейсъ въ одно мгновенье выстрѣлилъ и ранилъ тигра. Но все-

*) Загонщики, составляющіе непремѣнныхъ членовъ охоты въ Индіи.

*) Теперь для той же цѣли стали употреблять сигнальныя ракеты, которыя, пролетая между камышей, бамбуковъ и кустовъ, производятъ страшный переполохъ во всемъ населеніи джонглей.

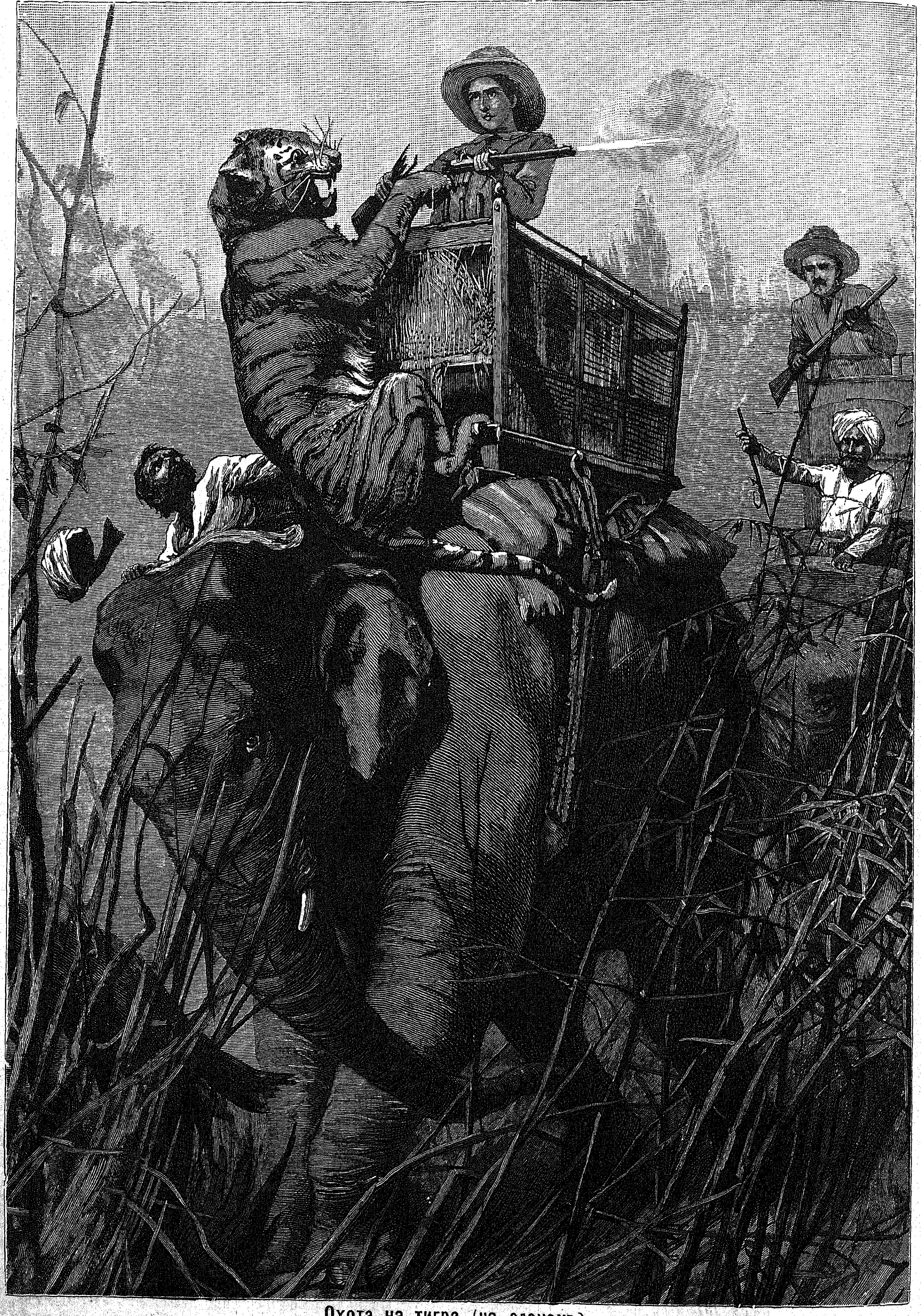
таки онъ пустился бѣжать, преслѣдуемый разгорячившимися охотниками. Они шли по его кровавымъ слѣдамъ, и вдругъ эти слѣды исчезли. Охотники бросались туда и сюда, взлѣзали на деревья, но тигра нигдѣ не было видно. Рейсъ и Эліотъ пошли впередъ, и только что обоихъ стволовъ, но также безуспѣшно. Тигръ ударилъ Эліота своей страшной лапой, свалилъ его, схватилъ за предплечіе и потащилъ въ свое логово. Ударъ попалъ по ложѣ ружья, разбилъ ее и согнулъ курокъ. Рейсъ довольно долго гнался за нимъ, задыхаясь отъ быстраго

Тигръ.

успѣли отойти отъ другихъ охотниковъ шаговъ на 20, какъ вдругъ раздался страшный ревъ, и прямо передъ ихъ носомъ тигръ выскочилъ изъ своего логовища. Рейсъ мгновенно выстрѣлилъ изъ обоихъ стволовъ, но промахнулся, а тигръ прямо бросился на Эліота. Главный загонщикъ подбѣжалъ и выстрѣлилъ почти въ упоръ изъ бѣга и жары и улавливая моментъ, когда онъ можетъ выстрѣлить, не поранивъ своего друга. Наконецъ, улучивъ эту минуту, онъ ударилъ прямо въ голову тигра и положилъ его на мѣстѣ.

Въ Индіи тигра обыкновенно называютъ «людоѣдомъ», но это не совсѣмъ справедливо. Названіе это можетъ

Охота на тигра (на слонахъ).

быть приложено только къ тѣмъ тиграмъ, которые уже отвѣдали человѣческаго мяса и знаютъ его вкусъ. Правда, бывало довольно много такихъ случаевъ, гдѣ тигръ поселялся въ камышахъ, на дорогѣ между двумя селеніями, и уничтожалъ почти каждаго, идущаго по этой дорогѣ, такъ что туземцы, во избѣжаніе встрѣчи съ нимъ, обходили далеко опасную дорогу.

Приведу еще разсказъ изъ книги капитана Мунди («Esquisses de l'Inde»). «Насъ было 12 человѣкъ,—говоритъ онъ,—мы отправились на охоту въ четыре часа пополудни. Съ нами было тридцать слоновъ. Мы не сдѣлали и четырехсотъ шаговъ, какъ уже въѣхали въ болото и, къ нашей крайней радости, услыхали обычный крикъ тигра *). Полковникъ Р. выстрѣлилъ. Въ отвѣтъ на этотъ выстрѣлъ раздалось страшное рычанье, и тигръ бросился на нашъ кортежъ. Тогда произошла странная и крайне досадная вещь. На двадцать девять слоновъ вдругъ напала паника, и они всѣ бросились бѣжать отъ тигра. Только одинъ слонъ, на которомъ сидѣлъ лордъ Комбернеръ, остался неподвиженъ, какъ скала. Тигръ, разорвавъ заднюю ногу одного изъ слоновъ, вернулся назадъ и напалъ на слона лорда. Въ это время лордъ выстрѣлилъ, пуля попала въ поясницу тигра и заставила его остановиться. Подоспѣли другіе охотники и, сдѣлавъ въ него до 20 выстрѣловъ, убили его. Черезъ полчаса капитанъ Мунди увидѣлъ, что высокая трава и камышъ впереди его тихо движутся. Онъ закричалъ «талли-го», и отъ этого крика два тигра выставили свои головы изъ травы и тихо, медленно, спокойно побѣжали. Въ нихъ тотчасъ же полетѣли пули. Самый большой и сильный изъ нихъ, вѣроятно, былъ раненъ. Онъ судорожно замахалъ хвостомъ, заревѣлъ и сдѣлалъ отчаянный прыжокъ. Затѣмъ вдругъ остановился, оглянулся и, какъ бы испуганный такимъ множествомъ людей и слоновъ, нападавшихъ на него, кинулся вмѣстѣ съ другимъ тигромъ на утекъ, дѣлая громадные прыжки. Тогда всѣ мы бросились за нимъ въ погоню, и эта погоня представляла странный и красивый видъ. Тридцать слоновъ скачутъ, бѣгутъ за двумя тиграми. Тигры иногда останавливаются и затѣмъ снова бѣгутъ, выстрѣлы сыплются въ нихъ. Самый большой изъ нихъ бѣжитъ медленнѣе, отстаетъ и вдругъ неожиданно кидается на слона капитана Z; пуля разбиваетъ ему челюсть. Онъ останавливается, отступаетъ, чтобы съ новой силой кинуться на этого слона, но силы измѣняютъ ему. Онъ шатается, падаетъ, и нѣсколько охотниковъ поспѣшно сходятъ съ своихъ слоновъ, чтобы докончить его.

Между тѣмъ другой тигръ убѣжалъ далеко впередъ, но одинъ изъ охотниковъ постоянно слѣдилъ за нимъ глазами и указалъ мѣсто, гдѣ онъ скрылся. Мы всѣ бросились искать его, но проискали напрасно долгое время. Солнце уже садилось. Мы вязли въ болотѣ, и уже многіе говорили, что надо кончить охоту и вернуться домой, и вдругъ мы видимъ, что слонъ лорда Д. жалобно вскрикнулъ и бросился назадъ. Тигръ висѣлъ на его хвостѣ и рвалъ его когтями, вожакъ, сидѣвшій на головѣ слона старался куда-нибудь спрятать свои голыя ноги. Стрѣлять было нельзя, не рискуя поранить вожака, а между тѣмъ надо было что-нибудь сдѣлать, потому что слонъ страшно кричалъ и вертѣлся. Мы всѣ бросились на помощь лорду. Многіе начали стрѣлять. Восемь пуль попали въ тѣло тигра, и тогда онъ отпустилъ слона и, полумертвый, повалился на землю. Такимъ образомъ менѣе, чѣмъ въ три часа, намъ удалось убить трехъ тигровъ.

Такія «гомерическія» охоты на тигра становятся годъ отъ году все рѣже и рѣже и мало-по-малу отходятъ въ область преданій. Истребленіе тигра, этого бича человѣческихъ поселеній, должно совершиться, но въ настоящее время еще слишкомъ далеко до этого истребленія. Оффиціальныя англійскія статистическія свѣдѣнія показываютъ, что число убитыхъ тигромъ людей приблизительно вдвое меньше числа убитыхъ тигровъ, но въ этихъ отношеніяхъ являются сильныя колебанія, какъ показываютъ слѣдующія цифры:

Въ	1877 г.	было	убито	тигромъ	людей	819,	тигровъ	1579
»	1878 »	»	»	»	»	816,	»	1493
»	1879 »	»	»	»	»	698,	»	1412
»	1880 »	»	»	»	»	872,	»	1689
»	1881 »	»	»	»	»	889,	»	1557
»	1882 »	»	»	»	»	895,	»	1726
»	1883 »	»	»	»	»	985,	»	1825
»	1884 »	»	»	»	»	831,	»	2196
»	1885 »	»	»	»	»	838,	»	1855
»	1886 »	»	»	»	»	928,	»	1464

Относительно рода пищи всѣхъ тигровъ можно раздѣлить на нѣсколько категорій. Во-первыхъ—настоящіе «человѣкоубійцы» или «людоѣды», которые преимущественно бродятъ около деревень Индіи, убивая и поѣдая жителей этихъ поселеній, или поджидаютъ ихъ на проѣзжихъ дорогахъ. Другіе тигры, нападая на человѣка, не брезгуютъ и его домашними животными, третьи поѣдаютъ безразлично, что пошлетъ имъ случай, начиная отъ буйвола или степной антилопы до маленькихъ птичекъ, звѣрьковъ, мышей и даже насѣкомыхъ. По крайней мѣрѣ одинъ англійскій натуралистъ, вскрывъ убитаго тигра, нашелъ желудокъ его наполненнымъ стрекозами. Можетъ быть это—гастрономическая прихоть вкуса, перешедшая къ тигру филогенетически отъ нашей домашней кошки.

Въ степяхъ среднеазіатскихъ, тамъ, гдѣ въ суровыя зимы выпадаетъ довольно много снѣга, тигру приходится очень часто голодать. Тамъ нерѣдко можно встрѣтить пару молодыхъ, голодныхъ тигровъ, лежащихъ въ снѣжномъ сугробѣ и взаимно грѣющихъ другъ друга. Оба тощіе, исхудалые. Шерсть на нихъ топорщится, встаетъ вихрами или виситъ, какъ бахрома. Вотъ одинъ изъ нихъ встрепенулся, насторожилъ уши и приподнялъ голову. Онъ услыхалъ гдѣ-то вдали чуть слышный топотъ бѣгущихъ «сасси» — этихъ индійскихъ антилопъ или козо-оленей. Онъ привсталъ, раскрылъ пасть и издалъ глухое, чуть слышное рычанье, а прямо передъ нимъ, въ 100 саженяхъ не больше, бѣжитъ, между двумя плоскими снѣжными буграми, цѣлое большое стадо этихъ животныхъ. Другой тигръ также приподнялся, также насторожилъ уши и отъ нетерпѣнія машетъ кончикомъ хвоста. Но пустыннымъ, холоднымъ и голоднымъ разбойникамъ не легко завладѣть хоть одной козой изъ этого большого стада. Они исчезаютъ изъ глазъ, какъ сверкнувшая молнія. Они чутки и осторожны до невозможности, ловки и быстры, какъ вѣтеръ. Тигры могутъ скакать за ними въ угонъ хоть двадцать верстъ. Они навѣрно ихъ не догонятъ.

Ни въ одномъ сочиненіи мнѣ не приводилось читать случая нападенія тигра на слона. Тигръ слишкомъ уменъ, чтобы вступить въ бой съ толстокожимъ гигантомъ, вооруженнымъ страшными костяными бивнями. Но бывали случаи, когда тигръ нападалъ на маленькаго носорога, которому было всего два мѣсяца. Вмѣстѣ съ своей матерью онъ рылся въ густыхъ камышахъ джонглей. Они вырывали изъ сырой, рыхлой почвы корни камышей, и мать, тихо хрюкая, жевала эти корни. Они тихо подошли къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ, притаившись, молодой тигръ. Однимъ сильнымъ прыжкомъ онъ вскочилъ прямо на маленькаго носорога. Онъ придавилъ его обѣими передними лапами къ землѣ и разорвалъ толстую, но довольно мягкую кожу сосунка. Мать, ошеломленная этой неожиданностью, медленно повернула голову къ тигру. Затѣмъ въ слѣдующее мгновенье она бросилась на него, погрузила въ него свой страшный острый рогъ и однимъ

*) Крикъ тигра похожъ на гортанные звуки, въ которыхъ можно уловить слово: *талли—го*.

взмахомъ головы вскинула его высоко къ небу. Тигръ упалъ, и только что хотѣлъ встать, какъ матка была уже

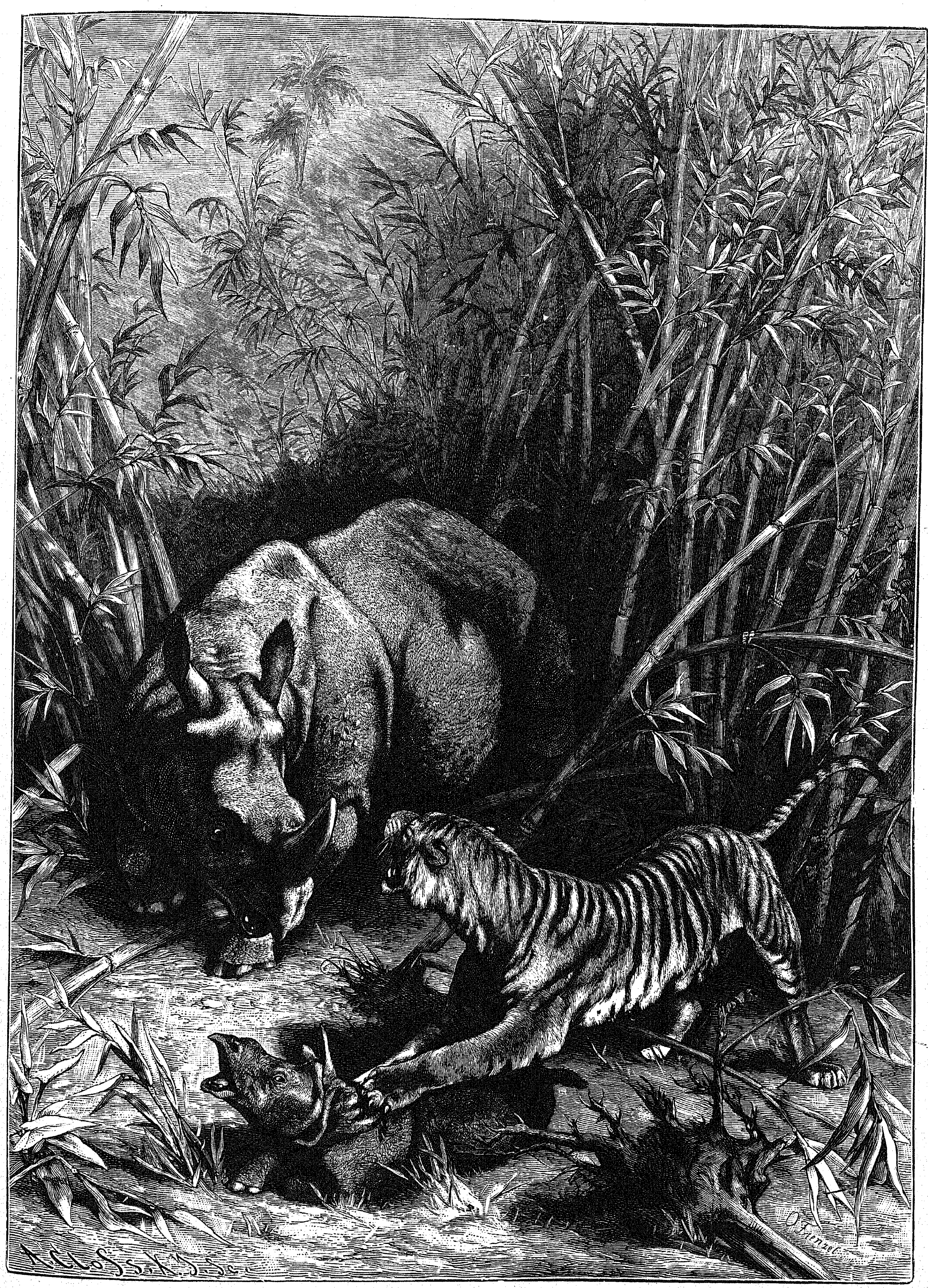
его когти безсильно соскальзывали съ толстой кожи, которую не можетъ пробить даже пуля. Черезъ нѣсколько

Тигры въ степныхъ снѣгахъ.

тутъ и своими толстыми, какъ обрубки бревенъ, и тяжелыми ногами начала придавливать тигра къ землѣ. Онъ страшно рычалъ, визжалъ, билъ ее своими лапами, но

минутъ отъ тигра осталась только безобразная кровавая масса, въ которой грязь смѣшивалась съ его полосатой шкурой и кровью.

Носорогъ, освобождающій дѣтеныша изъ когтей тигра.

Битва крокодила съ тигромъ.

Тигръ безспорно наиболѣе сильный, наиболѣе вооруженный звѣрь изъ всѣхъ обитателей Индіи. Все покоряется и трепещетъ передъ его ловкостью и силой его когтей и зубовъ. Но есть одинъ врагъ, съ которымъ онъ не можетъ сладить, и который поджидаетъ его на водопоѣ. Это крокодилъ, защищенный отъ его страшныхъ, сильныхъ и острыхъ когтей крѣпкой, твердой броней окостенѣвшихъ щитовъ. Множество этихъ отвратительныхъ гадовъ лежатъ, какъ громадныя черныя бревна, на берегу. Еще больше лежитъ ихъ подъ водою. Вода наплываетъ, проносится мимо, и сквозь нее чуть-чуть темнѣютъ ихъ темныя тѣла. Раннимъ утромъ, на восходѣ солнца, два тигра — самецъ и самка, сытые и довольные, подошли къ берегу, чтобы напиться послѣ своего сытнаго, ночного пиршества. Самецъ осторожно вступилъ въ воду и началъ пить, а въ это самое мгновенье голова громаднаго крокодила высунулась изъ воды и схватила тигра за морду. Онъ взревѣлъ отъ испуга и боли и оглянулся назадъ. Его самка стояла за нимъ и, испуганная, смотрѣла, что творится съ ея супругомъ. Затѣмъ началась борьба. Тигръ тянетъ крокодила на берегъ, крокодилъ тянетъ его въ воду. Тигръ бьетъ его лапой, но когти его скользятъ, они не могутъ вонзиться въ щитки и чешуи, твердыя, какъ камень. Черезъ нѣсколько секундъ голова и тигра, и крокодила скрываются подъ водой. Чѣмъ глубже крокодилъ погружается въ воду, тѣмъ легче дѣлается для него борьба. Онъ очутился въ родной стихіи, и вѣсъ тѣла тигра, погруженнаго въ воду, сталъ легче. Вскорѣ оба совершенно скрываются подъ водою, и только широкіе круги, идущіе къ противоположному берегу, говорятъ объ отчаянной борьбѣ, которая была здѣсь. И снова безмятежно течетъ рѣка, и только какое-то зловѣщее красное пятно всплываетъ на ея поверхность, а съ нимъ поднимаются пузырьки воздуха, въ которыхъ солнце играетъ радужными огнями.

5. Гэпардъ.

Мало-по-малу, шагъ за шагомъ, мы взбираемся на самую вершину группы кошекъ. Намъ остается теперь только взглянуть на львовъ, какъ на одно изъ крайнихъ выраженій всей группы. Но и съ той высоты, на которую мы теперь поднялись, можно видѣть ясно расположеніе всѣхъ типовъ кошекъ. Съ этой высоты мы можемъ легко видѣть, что эта группа—*центральная* группа всѣхъ хищныхъ звѣрей. Отъ нея, какъ отъ горы, идутъ во всѣ стороны дороги, и каждая приводитъ къ особенной группѣ, къ особенному типу хищника.

Возьмемъ, напримѣръ, группу куницъ и ласокъ, группу животныхъ съ длиннымъ червеобразнымъ тѣломъ, которыхъ потому и называютъ *червеобразными* (Vermiformia), группу, въ которой кровожадность животнаго дошла до невозможныхъ размѣровъ. И къ этой группѣ лежитъ до-

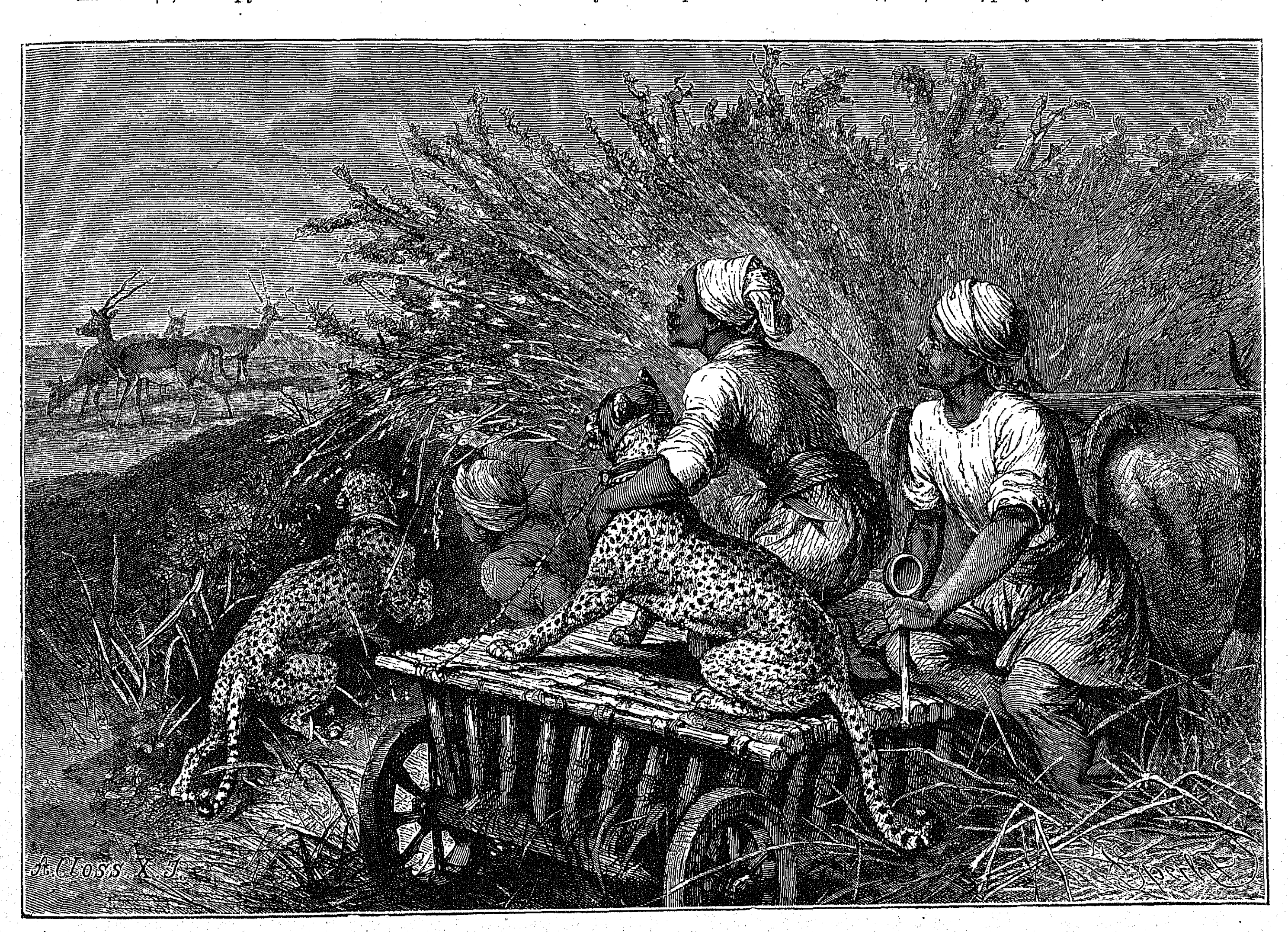
рога отъ кошекъ, Среди нихъ мы видимъ небольшихъ длинноногихъ кошекъ съ круглой, короткой мордой и головкой, съ низкими, короткими ногами, съ короткими ушами и съ длиннымъ хвостомъ, на которомъ шерсть лежитъ такъ же гладко, какъ и на всемъ тѣлѣ.

Къ группѣ медвѣдей мы также находимъ дорожку среди кошекъ. Тамъ есть группа виверъ и гинетовъ, отъ которыхъ, такъ сказать, рукой подать до енота—этого маленькаго, чистоплотнаго, брезгливаго медвѣдя, который каждый кусокъ, прежде чѣмъ съѣсть, ополощетъ въ водѣ,—медвѣдя съ пушистымъ хвостомъ, означеннымъ темными кольцами, какъ у кошекъ.

Наконецъ, къ группѣ собакъ мы также имѣемъ путь

затѣмъ, когда она видитъ, что разстояніе между ней и какимъ-нибудь степнымъ зайцемъ, тушканчикомъ, невелико, она однимъ прыжкомъ бросается на него. Схватываетъ его за затылокъ. прижимаетъ къ землѣ, прокусываетъ кожу и мышцы и сперва жадно пьетъ кровь, а затѣмъ съѣдаетъ и самую тушку.

Понятно, что гэпардъ не можетъ влѣзать на деревья. Для этого у него нѣтъ острыхъ когтей. Но онъ охотно прячется подъ деревьями и караулитъ свою добычу. Однимъ словомъ, и въ строеніи, и въ нравахъ гэпардъ представляетъ наполовину собаку и наполовину кошку. Онъ такъ же мурлычитъ, какъ кошка, и такъ же ласкается и привязывается къ людямъ, хотя, разумѣется, болѣе дикъ,

Охота на антилопъ съ гэпардами.

черезъ *гэпардовъ*—этихъ индійскихъ кошекъ-собакъ съ тощимъ, худымъ тѣломъ на высокихъ ногахъ и съ длиннымъ, пушистымъ хвостомъ, покрытымъ небольшими пятнами. Эти странныя собаки-кошки или *тшиты*, какъ ихъ называютъ въ Индіи, представляютъ удивительную амальгаму и тѣхъ, и другихъ. Если посмотрѣть въ профиль на морду тшиты, то ее можно принять за морду кошки, только сильно укороченную. Лапы ея имѣютъ когти, но эти тупые когти болѣе подходятъ къ когтямъ собаки, чѣмъ кошки. Они постоянно торчатъ наружу и не могутъ быть спрятаны внутрь, ибо нѣтъ для нихъ влагалищъ и нѣтъ мышцъ, которыя могли бы ихъ утягивать. Лапа тшиты приспособлена для бѣга. Почти всю добычу свою тшита достаетъ въ угонъ, какъ борзая собака. Худая, поджарая, она легко, быстро бѣгаетъ, но бѣгаетъ больше скачками. Она хитра и осторожна. Она долго, терпѣливо подкрадывается къ добычѣ. Она ползетъ и прячется за каждый камень, за каждый бугорокъ и

чѣмъ наша домашняя кошка. Брэмъ много разъ водилъ ручного гэпарда, какъ собаку, просто на веревкѣ по улицамъ. «Якъ» (такъ звали гэпарда) шелъ спокойно и тихо мурлыкалъ. Одинъ разъ онъ вдругъ замолкъ. На дорогѣ сидѣли двѣ большія сонныя дворняшки. Брэмъ отпустилъ немного веревку, и «Якъ» тотчасъ же присѣлъ на землю и поползъ къ собакамъ, какъ кошка, которая крадется за мышью. Собаки подняли уши, насторожились. «Якъ» нѣсколькими прыжками догналъ одну изъ нихъ, началъ жестоко бить ее лапами и свалилъ на землю. Бѣдная дворняга растерялась и перепугалась до смерти, увидѣвъ надъ собою страшную кошачью морду, и начала выть и визжать, тогда какъ подруга ея пустилась улепетывать безъ оглядки. Попавшаяся дворняга выла и визжала; на ея вой кинулись всѣ сосѣднія собаки и подняли такой скандалъ на улицѣ, что Брэмъ долженъ былъ прекратить эту драку. Зато въ тотъ же день онъ устроилъ драку у себя на дворѣ и стравилъ своего «Яка»

съ дикимъ леопардомъ, который сидѣлъ у него на цѣпи. Какъ только увидѣлъ его «Якъ», онъ весь нахохлился, распыжился, перестаблъ мурлыкать. Глаза его расширились и засверкали. Затѣмъ онъ кинулся на леопарда, свалилъ его и тотъ, лежа на спинѣ, отбивался всѣми своими четырьмя лапами, вооруженными страшными когтями. Но «Якъ», не смотря на раны и царапины, храбро кусалъ его и, вѣроятно, кончилъ бы тѣмъ, что загрызъ или задавилъ бы его. Но Брэмъ, разумѣется, не довелъ эту драку до трагическаго конца. Онъ велѣлъ вылить на дерущихся два ведра воды, и леопардъ стремглавъ бросился спасаться въ свою клѣтку. Черезъ полчаса послѣ этой холодной ванны гэпардъ совершенно успокоился, мурлыкалъ и облизывалъ шерсть, облитую водой.

Одинъ разъ Брэмъ взялъ его въ гости и повелъ къ его знакомымъ дамамъ, нѣмкамъ. Это было въ Египтѣ, въ Александріи.—Можно представить себѣ переполохъ и ужасъ дамъ, когда Брэмъ вошелъ къ нимъ съ громадной кошкой, которую велъ на веревкѣ. Всѣ закричали, завизжали и тотчасъ же забрались на большой круглый столъ. Но и «Якъ» точно также вспрыгнулъ на этотъ столъ и началъ мурлыкать и ласкаться. Мало по малу страхъ прошелъ, и всѣ съ удовольствіемъ ласкали и гладили большую, странную пеструю кошку.

Гэпардъ водится во всей юго-западной Азіи, и мѣстное населеніе приручило его къ охотѣ. Такимъ образомъ, изъ всей группы кошекъ только два вида человѣкъ приручилъ, чтобы воспользоваться ихъ хищными способностями для огражденія себя и своихъ запасовъ отъ другихъ болѣе мелкихъ воровъ-хищниковъ или для ловли дичи...

На охоту гэпарда возятъ обыкновенно въ открытыхъ телѣжкахъ, запряженныхъ парой воловъ. На каждую телѣжку или одноколку сажаютъ по одному гэпарду, завязывая ему глаза или надѣвая кожаный колпакъ ему на голову. Это дѣлается затѣмъ, чтобы звѣрь не увидѣлъ раньше времени своей добычи и не спрыгнулъ съ телѣжки не во время. Но кромѣ того его привязываютъ за ноги или за ошейникъ ремнемъ къ рѣшетинамъ телѣжки. Вотъ разсказъ одного изъ очевидцевъ такой охоты.

«Мы встрѣтили,—говоритъ разсказчикъ,—цѣлое стадо газелей и рѣшились его преслѣдовать. Животныя вообще привыкли здѣсь къ длиннымъ крестьянскимъ телѣгамъ и, не пугаясь, подпускаютъ ихъ на 70 и даже на 50 саженей. У насъ было три гэпарда, и мы подъѣзжали къ стаду такъ, что разстояніе между телѣгами было по крайней мѣрѣ по 100 саженъ. Какъ только мы замѣтили газелей, то тотчасъ же остановились, проворно сняли съ глазъ гэпарда колпакъ и распутали ему ноги. Какъ только онъ увидѣлъ дичь, тотчасъ же соскочилъ съ телѣжки, припалъ къ землѣ и началъ ползти на брюхѣ, извиваясь, какъ змѣя. Онъ ползъ медленно, прятался за каждый камень, за каждый бугорокъ. Но вдругъ, какъ бы испугавшись, что его замѣтили, сдѣлалъ нѣсколько отчаянныхъ прыжковъ и напалъ на самую крупную, жирную газель. Нѣсколькими ударами сильной лапы, онъ сбилъ ее на землю, вскочилъ на нее и, прокусивъ ей горло, началъ пить ея кровь. Вслѣдъ за этимъ гэпардомъ былъ выпущенъ другой. Онъ сдѣлалъ отъ четырехъ до пяти отчаянныхъ прыжковъ, бросился на газель, но промахнулся. Затѣмъ тотчасъ же повернулъ назадъ и, громко мурлыча, самъ усѣлся на телѣжку. Это—черта свойственная всѣмъ кошкамъ, не исключая и нашей домашней. Если прыжокъ за добычей ей не удастся или мышь убѣжитъ, когда она крадется за ней, то она, махая хвостомъ, поднимается и уходитъ. То же дѣлаютъ всѣ пятнистыя кошки. То же дѣлаетъ и гэпардъ.

Надо еще указать на одну черту въ организаціи этой индійской кошки. Шерсть на ней довольно длинная, по крайней мѣрѣ, гораздо длиннѣе, чѣмъ у тигра, и не такая мягкая и пушистая, какъ у нашей домашней кошки. Она никогда не бываетъ гладкая, лоснящаяся. На затылкѣ и шеѣ наверху она переходитъ въ небольшую гриву, настолько замѣтную, что натуралисты назвали азіатскаго или индійскаго гэпарда *гривистой кошко-собакой* (Cynailurus jubatus). Въ Африкѣ эту кошку-собаку замѣняетъ другой *пятнистый гэпардъ* или *фахгадъ* (Cynailurus guttatus). Грива у перваго ясно указываетъ на сродство его со львомъ.

6. Африканскій левъ.

«Левъ—царь звѣрей», это—рѣшеніе всѣхъ вѣковъ и народовъ. Почти у всѣхъ націй левъ сдѣлался символомъ царственности: онъ изображается, если не на всѣхъ, то на очень многихъ гербахъ и знаменахъ. И дѣйствительно, достаточно одного взгляда на его задумчивую физіономію, обрамленную густой, величественной, волнистой гривой, на его спокойныя и гордыя движенія, чтобы при этомъ взглядѣ тотчасъ же явилось представленіе о чемъ-то необыкновенномъ,—о царскомъ величіи.

Въ этомъ взглядѣ есть извѣстная доля правды. Но люди обыкновенно стремятся преувеличить все: и дурное, и хорошее.

Въ кошкѣ, или правильнѣе говоря, въ котѣ, какъ мы видѣли, есть также наклонность, если не къ величественному, то къ величавому, къ гордому и красивому. Разумѣется, у льва — этого высшаго, болѣе совершеннаго, развитого представителя всѣхъ кошекъ — эти черты должны были увеличиться и достигнуть своего максимума.

Другія причины царственнаго величія льва заключаются въ его болѣе развитомъ умѣ, въ его серьезности и какъ бы солидности его движеній и поступковъ. Вотъ эти-то психическія черты, вмѣстѣ съ величавой наружностью, и заставили признать льва царемъ всѣхъ звѣрей.

Но рядомъ съ этими симпатичными, хорошими сторонами кроются и дурныя, которыя не такъ замѣтны, не такъ сильно бросаются въ глаза, какъ въ кошкѣ. Если мы допустимъ, что и эти дурныя стороны должны были увеличиться во львѣ, точно также какъ и хорошія, то этого увеличенія въ злую сторону мы у льва почти не находимъ.

Онъ храбръ, отваженъ тамъ, гдѣ случай ставитъ его въ крайнее положеніе. Онъ смѣло бросается на нападающаго и не боится смерти. Но онъ бѣжитъ отъ опасности точно также, какъ и всякая кошка. Онъ становится дерзокъ и опасенъ, когда его томитъ голодъ. Сытый, онъ не трогаетъ человѣка и бѣжитъ и прячется отъ всякаго звѣря.

Его нельзя назвать дѣятельнымъ. Напротивъ, онъ лѣнивъ, какъ всѣ кошки. По его сухощавому, тощему, сложенію можно заключить, что онъ не долженъ наѣдаться до отвалу. И вотъ, вѣроятно, почему онъ не съѣдаетъ всего убитаго имъ звѣря, а оставляетъ половину его до другого дня. На другой день онъ приходитъ на то мѣсто, гдѣ онъ оставилъ свою добычу, и доѣдаетъ остальное, если не съѣли его мелкіе хищники—шакалы и гіены.

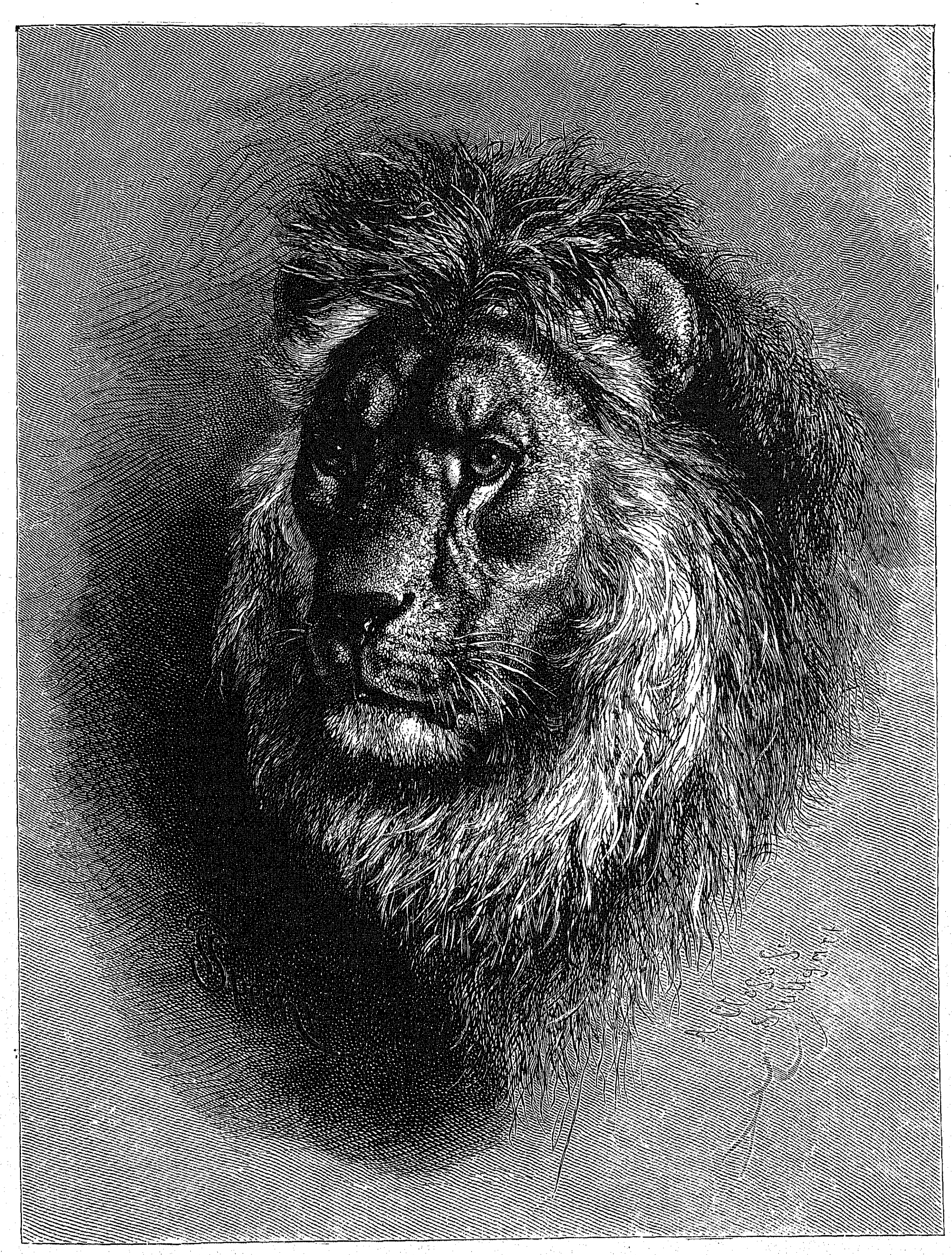
Мертвечины онъ не ѣстъ. И это отвращеніе къ падали ставили точно также въ заслугу и достоинство льва. Но въ этомъ случаѣ это достоинство есть, вѣроятно, слѣдствіе той кровожадности, которая болѣе или менѣе свойственна всѣмъ кошкамъ, и вслѣдствіе которой они всегда предпочтутъ свѣжую добычу мертвой или лежалой.

Онъ не нападаетъ на мелкихъ животныхъ, потому что ему гораздо пріятнѣе и выгоднѣе имѣть дѣло съ какой-нибудь газелью или антилопой, но въ случаѣ безкормицы онъ не брезгуетъ зайцами и тушканчиками и даже мышами.

Главное оружіе льва—тѣ же сильныя, короткія челюсти,

которыя мы видимъ у всѣхъ кошекъ. И здѣсь точно также сильно выдаются скуловыя дуги и даютъ большій просторъ помѣщенію сильныхъ, толстыхъ, жевательныхъ мышцъ. Вслѣдствіе этого морда льва становится болѣе расширенною, округленною. А волнистая, откинутая назадъ, грива придаетъ ей выраженіе чего-то открытаго и отважнаго.

Сильно развитая передняя часть тѣла очевидно вызвана сильно развитой грудной клѣткой и также сильно развитыми мышцами, которыя служатъ для хватанья передними лапами. У львицы всѣ эти части представляются менѣе развитыми, и это есть, вѣроятно, слѣдствіе ея меньшей дѣятельности, сравнительно со львомъ. Лишенная гривы ея морда выглядитъ неуклюжей и безобразной сравнительно съ мордами другихъ кошекъ. Она трусливѣе льва, и всѣ описанія охотъ и разсказы путешественниковъ объ охотахъ на львовъ касаются исключительно самцовъ. Львица скрывается за мощной, хорошо развитой и приспособленной къ борьбѣ, фигурой льва.

Левъ.

Самое страшное орудіе льва—это его переднія лапы и, въ особенности, страшные когти, которыми вооружены

эти лапы. Ударъ такой лапы сразу сбиваетъ съ ногъ даже крупное животное. Тотъ, кто видалъ, какъ разгрызаетъ кости большой догъ или сенъ-бернардъ, тотъ можетъ составить понятіе, какъ дробятся кости на зубахъ льва. Никакая добыча, никакое животное не могутъ вырваться изъ этихъ зубовъ и сильныхъ когтей.

Также велика сила и крѣпость его шейныхъ мышцъ. Онъ легко уноситъ въ своихъ зубахъ двухъ-годовалаго быка, и этого мало: онъ перепрыгиваетъ съ этой тяжестью заборы и изгороди въ два и въ три аршина вышиной. Его прыжокъ равняется нѣсколькимъ саженямъ. Какъ кошка, онъ присѣдаетъ къ землѣ, почти ложится на нее и затѣмъ въ одно мгновенье переносится на нѣсколько саженъ и всей своей тяжестью падаетъ на добычу. Такіе прыжки левъ совершаетъ почти безъ промаха. Если же случается ему ошибиться, то онъ, какъ всякая кошка, не повторяетъ прыжка и уходитъ отъ убѣгающей добычи, махая хвостомъ, какъ будто сконфуженный этой неудачей.

Хвостъ льва не похожъ на хвосты другихъ кошекъ, онъ скорѣе напоминаетъ хвостъ быка или осла. Онъ весь покрытъ короткими, гладкими волосами, и только на самомъ концѣ является расширеніе, и здѣсь онъ несетъ пучокъ длинныхъ, волнистыхъ волосъ. Раздвинувъ этотъ пучокъ, мы увидимъ, что на самомъ концѣ хвоста сидитъ небольшая роговая бородавка, не много вытянутая и заостренная на одномъ концѣ. Внутри эта бородавка покрыта маленькими микроскопическими сосочками, въ которыхъ развѣтвляются въ обиліи нервы и кровеносные сосуды. По всѣмъ вѣроятіямъ, эта бородавка представляетъ очень чувствительный органъ, но, для чего она служитъ, остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Прежніе старые изслѣдователи и наблюдатели думали, что эта бородавка представляетъ твердый роговой крючокъ, которымъ левъ колотитъ по своей спинѣ и ребрамъ и тѣмъ приводитъ себя въ ярость. Болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ извѣстный гиссенскій гистологъ Лейдигъ показалъ микроскопическое строеніе этой бородавки и всю неосновательность такого мнѣнія объ ея отправленіи.

Такова сила и строеніе той кошки, которая при бѣгломъ взглядѣ на нее, почти ничѣмъ не напоминаетъ другихъ кошекъ, и которую зовутъ «царемъ звѣрей». Льва скорѣе можно назвать «царемъ пустынь», жаркихъ, сухихъ, безплодныхъ, которыхъ такъ много повсюду въ Африкѣ. Въ этихъ пустыняхъ онъ дѣйствительно царитъ и владѣетъ надъ всѣмъ живымъ. Почва здѣсь какъ будто изломана, въ ней небольшія, песчаныя равнины неожиданно перемежаются съ каменными глыбами и скалами. Сухія, колючія травы покрываютъ всѣ ложбинки и углубленія въ такихъ скалахъ. Толстые, остроконечные и зазубренные, колючіе листья агавъ пучками растутъ на этихъ каменистыхъ крутизнахъ, и изъ середины такихъ пучковъ высоко къ небу поднимаются толстые, прямые, голые стебли—стрѣлы съ невзрачными цвѣтами. Колючіе кактусы, точно зеленые коралы, разбросаны на этихъ каменистыхъ горахъ.

Солнце только что восходитъ, и все живое просыпается или нѣжится въ раннемъ, утреннемъ снѣ. Съ одной изъ такихъ скалистыхъ вершинъ спускается пара:—левъ и его самка. Они задаютъ обычный утренній концертъ, отъ котораго дрожитъ и трепещетъ вся пустыня. Все живое, заслышавъ его, бѣжитъ или прячется. Не даромъ арабы (въ сѣверной Африкѣ) зовутъ льва «громомъ». Его страшное рыканье громомъ раздается по всей пустынѣ, самка начинаетъ концертъ, самецъ подхватываетъ и вторитъ ей.

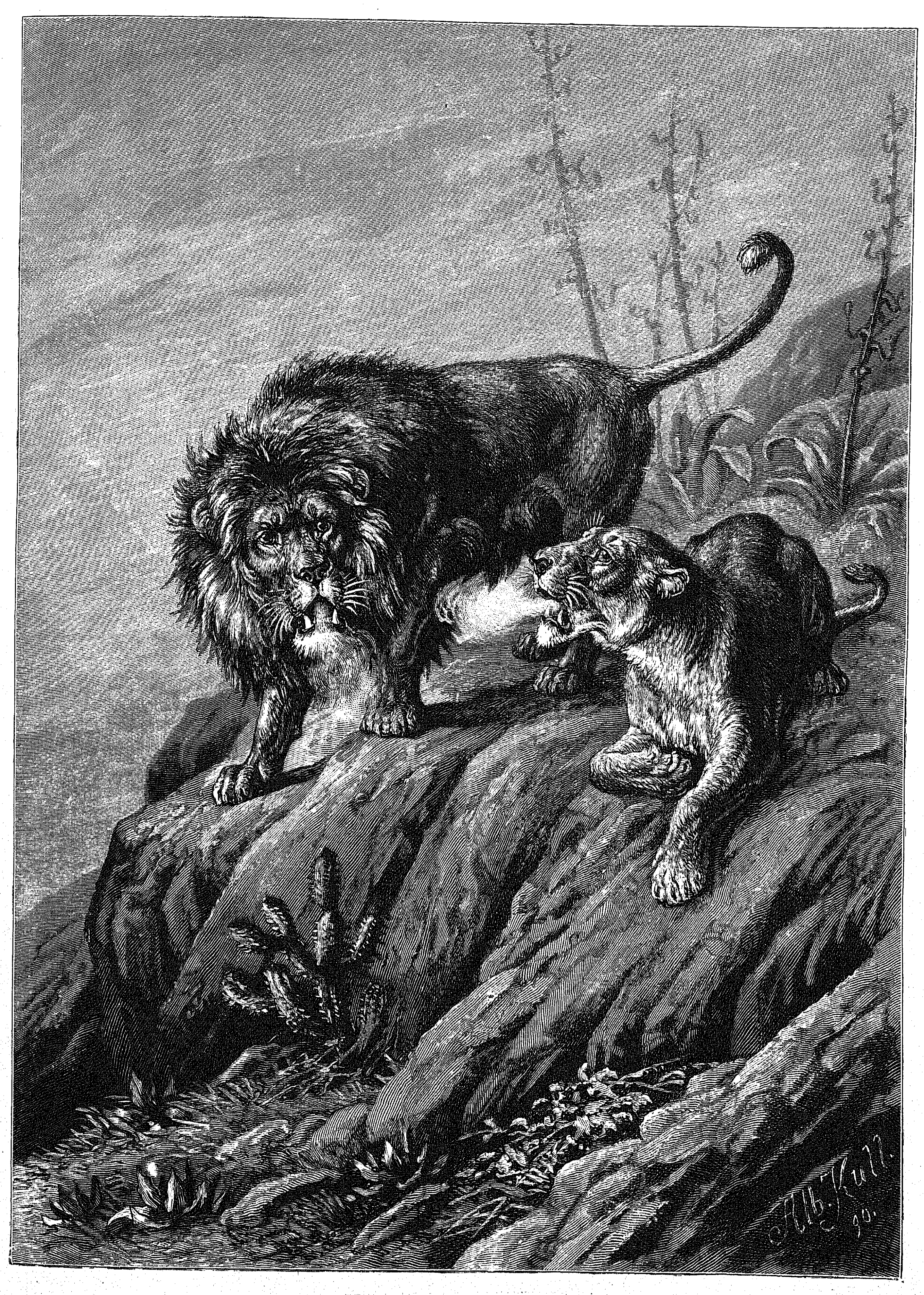
Всю ночь эта пара бродила по лѣсамъ и пустынямъ. Она съѣла нѣсколькихъ крупныхъ животныхъ, двухъ антилопъ и молодого быка. Она возвращается теперь восвояси, чтобы успокоиться и заснуть послѣ ночныхъ похожденій.

Панегиристы льва обыкновенно ставятъ ему въ заслугу, что онъ бываетъ вѣренъ только одной, своей избранной самкѣ. Но эта вѣрность продолжается не долго. Левъ не связанъ со своей самкой семейными узами и привязанностями. Онъ бросаетъ ее, какъ только она начнетъ отыскивать удобное мѣсто-логово для своего будущаго семейства.

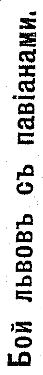
Взрослый, семигодовалый левъ, съ вполнѣ выросшей громадной волнистой гривой, бродитъ обыкновенно одинъ, тогда какъ молодые львы нерѣдко соединяются попарно, чтобы общими силами нападать на домашнихъ животныхъ или на стада дикихъ обезьянъ. Въ Абиссиніи очень часто можно встрѣтить цѣлыя полчища собакоголовыхъ обезьянъ или павіановъ. Львы очень любятъ ихъ мясо. Обезьяны громадными стадами идутъ по какой-нибудь песчаной, каменистой равнинѣ. Они взлѣзаютъ на камни, на скалы, они идутъ съ шумомъ и крикомъ. И вдругъ изъ-за большого камня выскакиваетъ одинъ левъ, за нимъ другой, и оба кидаются на обезьянъ. Но въ то же мгновеніе получаютъ жестокій отпоръ. Въ нихъ летитъ цѣлая туча камней. Одному изъ львовъ удалось схватить молодого павіана, и вмѣстѣ съ нимъ въ нѣсколько прыжковъ онъ взбѣжалъ на гору и придавилъ свою добычу. Несчастный павіанъ уже мертвъ, но левъ продолжаетъ давить его и съ наслажденіемъ впускать въ его тѣло и снова вытягивать свои страшные, острые когти. Онъ гордо, съ торжествомъ поглядываетъ съ высоты горы на все стадо павіановъ. Теперь ему не страшны ни ихъ острые зубы, ни ихъ сильныя руки, ни ихъ отчаянная ярость, съ которой они кидаются на своихъ враговъ.

Въ Алжирѣ, около Константины, арабы нападаютъ на льва только въ крайнемъ случаѣ, когда этотъ звѣрь поселится около ихъ деревушки и начнетъ таскать изъ ихъ стадъ овецъ, козловъ и быковъ. Деревянную, колючую изгородь онъ легко ломаетъ. По вычисленію Жюля Жерара, каждый левъ обходится въ годъ деревенскому алжирцу въ 6,000 франковъ. Понятно, какой убытокъ наноситъ такой нахлѣбникъ, и какъ сильно желаніе арабовъ какъ можно скорѣе освободиться отъ него. Обыкновенно они собираются вмѣстѣ, человѣкъ 20—30, и идутъ на него цѣлой облавой. Но въ охотѣ на льва важно не число охотниковъ, а сильное, непоколебимое мужество, необходимо полное самообладаніе и хладнокровіе. Это вполнѣ доказалъ Жераръ, убившій нѣсколько десятковъ львовъ въ теченіе своей жизни. Одинъ ревъ или громоподобное рыканье льва приводитъ въ ужасъ и трепетъ все живое. Брэмъ прекрасно рисуетъ картину ночного переполоха всей природы при этомъ рычаніи. «Все приходитъ,—говоритъ онъ,—въ трепетное смущеніе, овцы скачутъ на колючія загороди, коровы громко мычатъ, дрожатъ и въ страхѣ жмутся другъ къ другу, верблюдъ срывается съ привязи, собаки, безстрашно бросающіяся на гіенъ и леопардовъ, въ ужасѣ воютъ и ищутъ спасенія у хозяевъ, а хозяинъ самъ прячется и дрожитъ въ своей палаткѣ, не смѣя высунуть голову». Такова картина переполоха въ деревнѣ или селеніи, но страхъ идетъ дальше и охватываетъ всю окрестность, леопардъ перестаетъ ворчать и замолкаетъ, обезьяны съ крикомъ взбираются на самыя высокія деревья или скалы, антилопы бѣгутъ, мчатся, сломя голову. Словомъ, все трепещетъ и дрожитъ при этомъ страшномъ голосѣ, выходящемъ изъ могучей груди и широкой пасти льва.

При охотѣ на него арабовъ, самые храбрые смѣльчаки обыкновенно идутъ впереди цѣлой партіи, вооруженной ружьями, карабинами, пистолетами и ятаганами. Они спугиваютъ льва въ его убѣжищѣ или поднимаютъ его съ логова, и, разумѣется, первые при всякомъ несчастномъ случаѣ попадаютъ въ его когти и зубы. Но иногда случается, что онъ пренебрегаетъ этими смѣльчаками или, боясь ихъ, бросается прямо въ толпу, и здѣсь происходитъ страшная картина общаго переполоха и бойни.

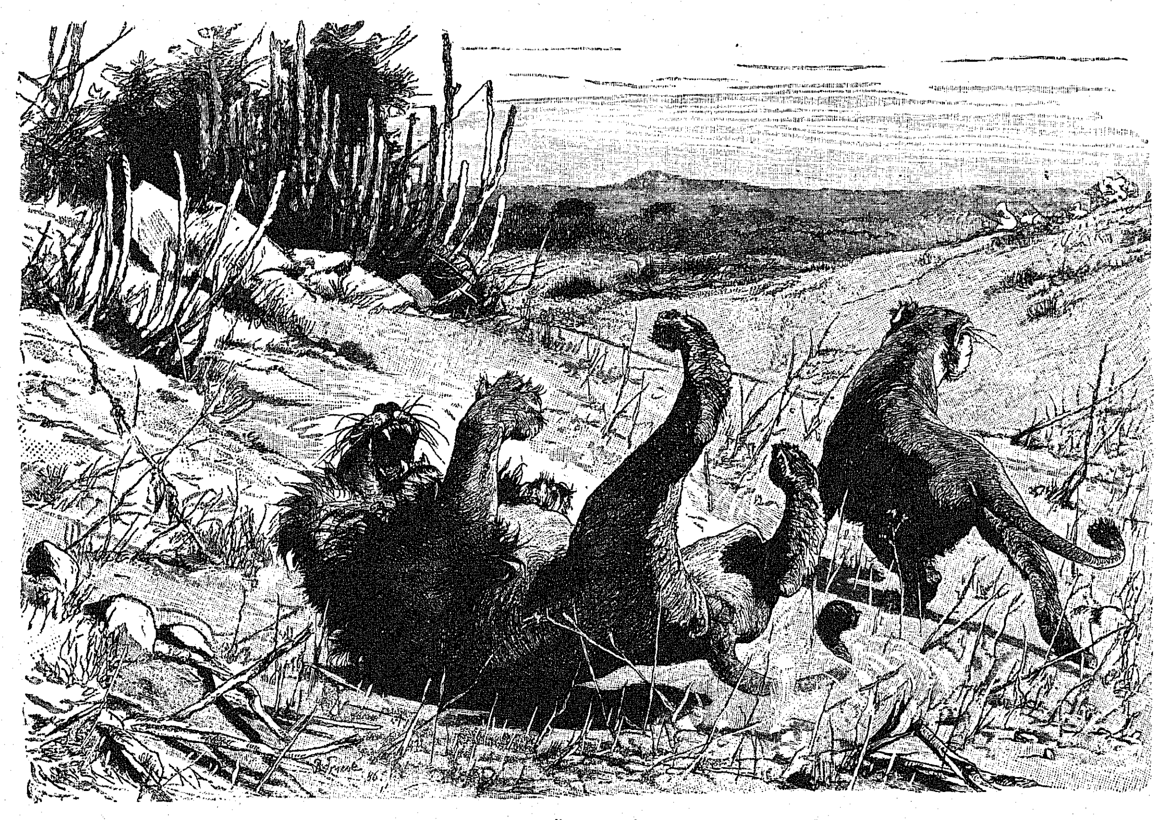
Концертъ въ пустынѣ.

Бой львовъ съ павіанами.

Разъяренный, разсерженный, страшный звѣрь бьетъ его ужасными лапами, сбиваетъ каждымъ ударомъ съ ногъ человѣка, разрываетъ его мясо, раздавливаетъ и дробитъ его кости.

Жюль Жераръ разсказываетъ объ одномъ ужасномъ трагическомъ случаѣ, который былъ въ Константинѣ. За нѣсколько лѣтъ до взятія этой страны французами, два брата, разбойники, грабившіе по большимъ дорогамъ, были закованы въ цѣпи такъ, что ноги ихъ были заклепаны въ одно общее кольцо. Неизвѣстно, какимъ образомъ, но оба брата убѣжали изъ тюрьмы незадолго до дня, назначеннаго для ихъ казни. Они скрывались цѣлый день въ скалахъ и съ наступленіемъ ночи отправились въ путь. Въ полночь они столкнулись со львомъ. Они принялись кричать, думая его испугать, но звѣрь, не обращая вниманія на эти крики, преспокойно улегся около нихъ. Видя, что ихъ крики, брань и проклятія не

Мѣткій выстрѣлъ.

дѣйствуютъ, братья-разбойники встали на колѣни и принялись кланяться и упрашивать льва, чтобы онъ не трогалъ ихъ. Левъ молча слушалъ ихъ, потомъ всталъ, встряхнулся, съ глухимъ рычаньемъ напалъ на одного изъ нихъ и началъ его ѣсть. Другой братъ лежалъ и не двигался, прикидываясь мертвымъ. Когда левъ дошелъ до кольца, которымъ были скованы ноги братьевъ, то онъ отгрызъ ногу выше колѣна и затѣмъ отправился къ ручью, который былъ подлѣ. Тогда несчастный притворщикъ, полумертвый отъ страха, бросился бѣжать, волоча за собою полусъѣденную ногу брата. На пути ему встрѣтилась глубокая канава, въ которой онъ залегъ, ожидая возвращенія льва. Онъ слышалъ его рычанье, слышалъ, какъ нѣсколько разъ онъ прошелъ около канавы. Наконецъ, уже на разсвѣтѣ несчастный вылѣзъ изъ своего убѣжища и тутъ же встрѣтился съ нѣсколькими всадниками, посланными для его поимки. Въ то время Константиной владѣлъ очень жестокій Ахметъ-бей, но, несмотря на свою жестокость, онъ тронулся положеніемъ несчастнаго, полупомѣшаннаго отъ страха, разбойника и отпустилъ его на свободу.

Я приведу еще одинъ разсказъ того же знаменитаго охотника на львовъ,—разсказъ, изъ котораго ясно видны отношенія арабовъ ко льву, а также ихъ семейныя отношенія.

Одинъ разъ, когда Жераръ былъ на шумномъ собраніи, обсуждавшемъ, идти ли имъ на львиную охоту, онъ услыхалъ слѣдующій разговоръ отца съ его пятнадцатилѣтнимъ сыномъ.

— Сынъ мой,—говорилъ отецъ:—ты знаешь хорошо, что ты у меня остался одинъ, а я уже старѣюсь, и если случится съ тобой несчастіе, то я умру съ горя...

— Развѣ я не мужчина?—спрашиваетъ сынъ.

— Да, ты мужчина, и я горжусь тобою, моей кровью! Но твой братъ былъ также мужчина и въ прошедшемъ году онъ былъ убитъ, здѣсь, въ этихъ горахъ, и я, его отецъ, былъ тутъ и ничего не могъ сдѣлать, чтобы спасти его! Левъ ужасенъ, дитя мое, ужасенъ, когда онъ бросается на кого-нибудь. Глазъ человѣка смущается при его взглядѣ. Рука его дрожитъ невольно, ибо сердце усиленно бьется, и выстрѣлъ, какъ бы онъ ни былъ вѣренъ, только ранитъ звѣря, который можетъ переносить много ранъ. Много пуль въ его тѣлѣ, и все-таки онъ можетъ убивать людей.

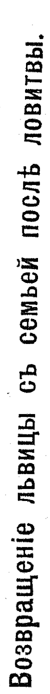
— Отецъ мой! Зачѣмъ же ты привелъ меня сюда, если я долженъ вернуться отсюда домой со стыдомъ, не видавъ ни одного льва.

— Видишь ли, я думалъ, что мы будемъ имѣть дѣло только съ однимъ львомъ, а теперь оказывается, что ихъ два... Притомъ, ты хотѣлъ видѣть человѣка (Ж. Жерара), который убиваетъ львовъ. Теперь ты его видѣлъ и можешь судить о немъ и разсказывать. Мы теперь можемъ вернуться домой.

— Ворочайся, если ты хочешь,—сказалъ сынъ:—а я остаюсь, чтобы люди не подумали, что я струсилъ.

Тогда старикъ началъ дѣйствовать приманками. Онъ обѣщалъ непослушному сыну добрую лошадь, затѣмъ жену, дѣвушку, которая ему нравилась. Но и на эти соблазны сынъ не поддался.

— Отецъ!—говорилъ онъ:—ты знаешь, что женщины презираютъ того, кто мужчина только по названію, да потому, что на немъ мужское платье. Если я принадлежу къ потомкамъ Улэдъ-Чесси и считаюсь твоимъ сыномъ,

Возвращеніе львицы съ семьей послѣ ловитвы.

то женщина, которая будетъ моей женой, должна уважать меня и гордиться мной... Отецъ! Вотъ мое послѣднее слово: если ты не позволяешь мнѣ участвовать въ сегодняшней охотѣ и принуждаешь быть подлымъ трусомъ, то я оставлю твою палатку, чтобы не имѣть стыда передъ цѣлымъ племенемъ.

Только что кончился этотъ разговоръ и совѣщаніе арабовъ, какъ изъ ближайшаго лѣса вышло два льва. Одинъ шелъ впереди, другой слѣдовалъ за нимъ шагахъ въ пятнадцати. «Я,—разсказываетъ Жюль Жераръ,—сидѣлъ на скалѣ, подлѣ разговаривавшихъ арабовъ, и уговаривалъ отца оставить сына присутствовать на охотѣ. Я далъ ему мой карабинъ и остался съ моей двустволкой. Левъ, который шелъ впереди, вскочилъ на ступеньки, ведшія на скалу, на которой мы сидѣли. Я прицѣлился, и когда онъ обернулся къ сопровождавшему его другому льву—я выстрѣлилъ. Левъ съ страшнымъ ревомъ упалъ и не могъ подняться. У него оказались разбитыми оба плеча. Въ это время къ упавшему подошелъ другой, сопровождавшій его второй левъ. Онъ былъ уже у подножья скалы и уже началъ всходить на ступеньки. При выстрѣлѣ, поразившемъ его компаньона, онъ зарычалъ и, поднявъ морду кверху и вытянувъ хвостъ, бросился на меня. Я снова выстрѣлилъ, пуля попала ему немного ниже лопатки. Левъ упалъ, затѣмъ снова поднялся и, сдѣлавъ отчаянный прыжокъ, очутился на скалѣ, въ четырехъ шагахъ отъ меня. Въ одно мгновеніе я выхватилъ карабинъ изъ дрожащихъ рукъ араба и выстрѣлилъ прямо въ високъ льва. Онъ былъ убитъ на поваль.

Почти во всей Сѣверной Африкѣ, Египтѣ и въ Алжирѣ можно встрѣтить небольшіе перелѣски изъ старыхъ оливъ, финиковъ, вѣковыхъ лентисковъ и другихъ деревьевъ. Гдѣ эти деревья растутъ гуще, иногда группами по три, по четыре вмѣстѣ, тамъ, около ихъ корней, можно найти логово льва, вырытое въ пескѣ и скрытое подъ этими старыми корнями. Иногда это логово состоитъ изъ нѣсколькихъ ямъ, вокругъ которыхъ можно встрѣтить черепа и кости другихъ животныхъ, съѣденныхъ львомъ. Эти кости одинъ изъ вѣрныхъ признаковъ, что логово принадлежитъ львицѣ съ маленькими львятами. Подобно всѣмъ кошкамъ, они рождаются слѣпыми, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мать уже водитъ ихъ съ собою на ловитву. Интересно видѣть, какъ цѣлая семья возвращается домой съ этой ловитвы (см. рис. на стр. 183—184). На пути ихъ лежатъ сырыя, топкія мѣста, и при проходѣ черезъ нихъ всѣ движенія и жесты и львицы, и львятъ рѣзко измѣняются. При взглядѣ на эти движенія можно сразу замѣтить, что львица боится воды. Она высоко поднимаетъ лапы. Хвостъ ея вытянутъ, и только самый кончикъ его—черная кисточка—движется. Мать съ торжествомъ несетъ въ пасти несчастную, уже убитую, газель. Около ея морды, впереди всѣхъ, широко шагаетъ, торопится молодой, сильный, энергичный львенокъ—гордость матери. Онъ также вытянулъ судорожно хвостъ, распустивъ его по вѣтру. На немъ очень ясно замѣтна пестрина, поперечныя пятна, идущія вдоль хребта и по ногамъ. Такія же пятна и полосы можно замѣтить и на самой львицѣ. Два львенка идутъ по лѣвую сторону ея. Одинъ угрюмъ, задумчиво выступаетъ, спокойно помышляя о вкусномъ обѣдѣ, который несетъ мать въ своихъ сильныхъ зубахъ. Другой, нетерпѣливый, заглядываетъ ей въ глаза и тихо, жалобно рычитъ. Вдали, вслѣдъ за этой группой спѣшитъ во всѣ лопатки еще одинъ львенокъ. Это послѣдышъ, болѣе слабый изъ всей семьи. Онъ, очевидно, довѣряетъ больше своему чутью, а не глазамъ. Онъ жадно нюхаетъ, ищетъ запахъ крови и бѣжитъ за этимъ запахомъ, поминутно проваливаясь въ высокую траву и въ болото.

Всѣ кошки любятъ своихъ дѣтей; точно такъ же, какъ и наша домашняя кошка, львица не дѣлаетъ исключенія изъ этого общаго правила. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ она ручнѣетъ и привязывается къ человѣку, но и къ этой привязанности всегда примѣшивается дикость звѣря. Брэмъ, съ такой симпатіей всегда описывающій своихъ ручныхъ животныхъ, восхваляетъ точно также и ручную львицу, которая досталась ему отъ одного египетскаго паши. Несмотря на то, что эта львица, которую звали Бахидой, ходила всюду за Брэмомъ, какъ собака, она тѣмъ не менѣе задавила и съѣла въ одной деревнѣ ягненка, въ другой барана, въ третьей обезьяну, наконецъ, около Каира она напала на негритенка, и если бы его не отбили у нея, то и онъ, вѣроятно, подвергся бы той же участи.

Левъ въ этомъ случаѣ проявляетъ болѣе симпатичныя черты. Достаточно вспомнить общераспространенный древній разсказъ о нѣкоемъ Андроклѣ, рабѣ одного проконсула въ Африкѣ, который былъ осужденъ за побѣгъ отъ своего господина на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, и когда въ циркѣ былъ выпущенъ на него левъ, то онъ началъ ласкаться къ нему. Всѣ были удивлены этимъ, и Андроклъ разсказалъ, что, во время его бѣгства, онъ скрылся въ одной пещерѣ. Тамъ онъ встрѣтилъ льва съ протянутой лапой, въ которой была заноза. Андроклъ осмотрѣлъ лапу, вытащилъ занозу, и теперь этотъ самый левъ встрѣтилъ его ласками на аренѣ цирка. Послѣ этого разсказа Андрокла отпустили на волю и подарили ему льва, съ которымъ онъ ходилъ по селамъ и городамъ, собирая подаяніе.

Также распространенъ общеизвѣстный разсказъ объ одномъ львѣ, который содержался въ звѣринцѣ. Одинъ разъ ему бросили собачку на съѣденіе, но онъ обнюхалъ ее и не тронулъ. И этого мало,—онъ каждый день дѣлился съ ней своей порціей мяса. Собачка ласкалась къ нему, играла съ нимъ, спала съ нимъ (см. рис. на стр. 187—188). И эта очевидная дружба или пріязнь продолжалась до самой смерти собачки. Левъ долго не давалъ убрать ея трупъ. Наконецъ, убѣдившись въ ея смерти, онъ сдѣлался угрюмъ, грустенъ, и когда задумали замѣнить ему эту умершую подругу его другой собачкой, то онъ тотчасъ же разорвалъ ее.

Вотъ эта-то симпатичная черта—привязанность льва къ другому, слабому животному и ставитъ его высоко въ психическомъ отношеніи. Но мы встрѣтимъ эту черту еще болѣе развитою и осложненною у другого льва, живущаго въ Новомъ Свѣтѣ.

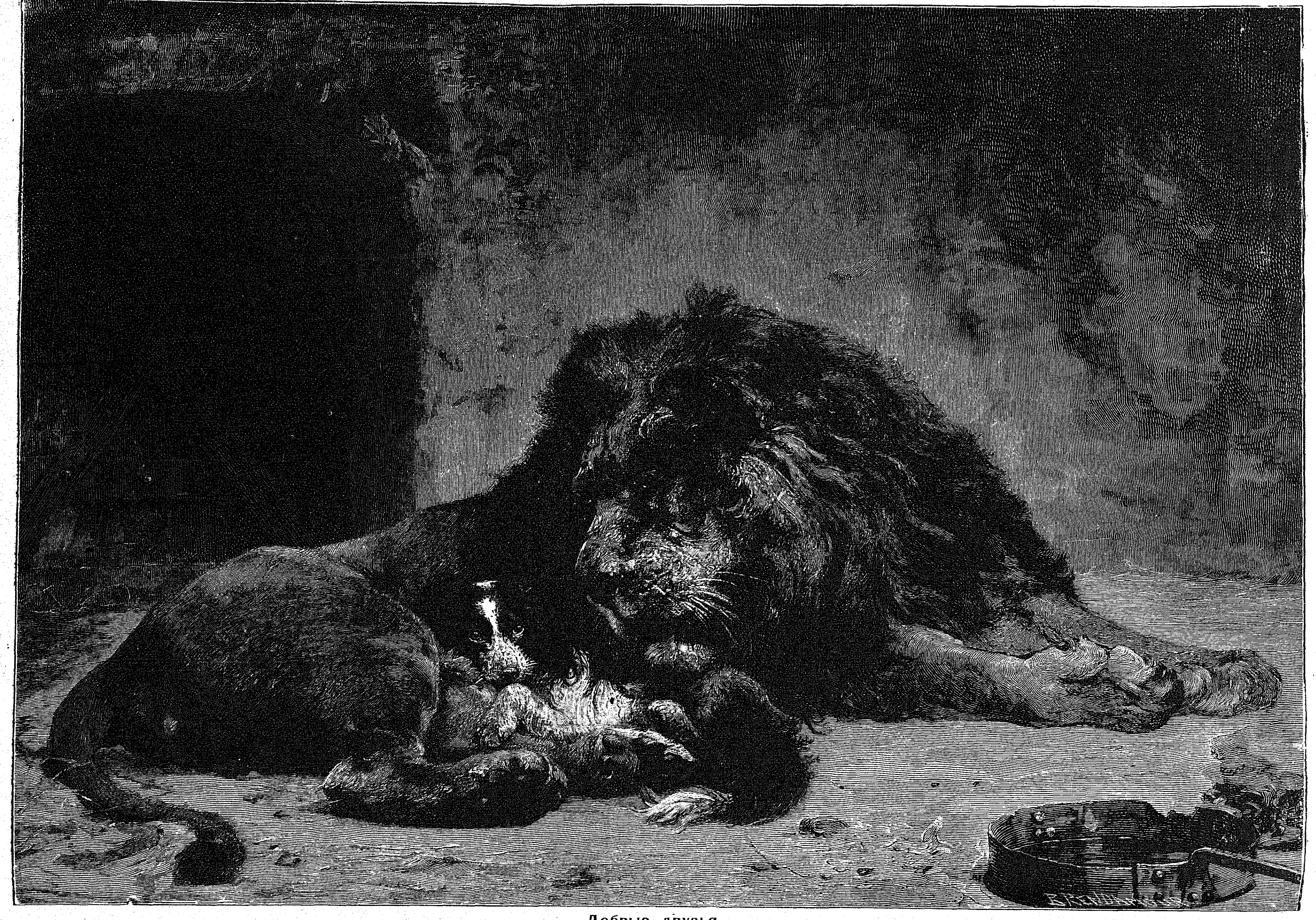
7. Американскій левъ или пума.

Пума или кугуаръ (Puma concolor) меньше африканскаго льва. Въ длину онъ не достигаетъ и трехъ футовъ, но цвѣтъ его почти такой же. Немного темнѣе и красноватѣе *).

Это—левъ безъ гривы. Болѣе похожій на большую кошку, чѣмъ на льва. Съ львицей пума также не имѣетъ ничего сходнаго. Громадная, неуклюжая голова львицы вовсе не походитъ на небольшую, округленную и граціозную голову кугуара.

Вглядѣвшись въ строеніе тѣла пумы, мы поймемъ многое въ его жизни. Это—кошка съ громадными, сильными лапами, въ особенности задними. Лапы эти даютъ ему возможность дѣлать громадные прыжки въ 15—20 футовъ. Прямо съ земли онъ можетъ вспрыгивать на очень высокія деревья и снова прыгаетъ съ нихъ на землю. Острые и крѣпкіе когти даютъ ему возможность скоро и ловко лазать по деревьямъ. Съ быстротою молніи перепрыгиваетъ онъ съ дерева на дерево. Словомъ, въ этомъ американскомъ львѣ мы имѣемъ отличнаго древеснаго лазуна, это—настоящій лѣсной хищникъ, лазающій

*) Впрочемъ, этотъ цвѣтъ можетъ также мѣняться, какъ и у африканскаго льва. У послѣдняго онъ иногда впадаетъ въ черный. Въ песчаныхъ же пустыняхъ Африки дѣлается свѣтлымъ, песочнымъ, подъ цвѣтъ этихъ пустынь.

Добрые друзья.

не съ помощью рукъ, какъ обезьяна, а съ помощью сильныхъ лапъ и когтей. Нельзя не дивиться акробатическому искусству пумы, видя, какъ онъ извивается змѣей, лазая между сучками и вѣтвями, заросшими ползучими, вьющимися ліанами. Это древесный хищникъ, охотящійся за всякимъ лѣснымъ звѣремъ и птицей и въ тоже время этотъ лѣсной хищникъ можетъ жить и даже охотно живетъ въ необозримыхъ пампасахъ, въ американскихъ степяхъ, въ которыхъ нѣтъ вовсе деревьевъ и въ которыхъ онъ прячется, какъ кошка, въ высокую траву. Онъ ползаетъ неслышно и почти незамѣтно по землѣ и однимъ сильнымъ прыжкомъ бросается на добычу. Разница въ томъ, что всѣ кошки при неудачномъ прыжкѣ бросаютъ свое преслѣдованіе, а пума доводитъ его до конца и такъ или иначе овладѣваетъ добычей, за которой погнался.

Хвостъ пумы—длинный и пушистый—помогаетъ ему при лазаньи по деревьямъ. Онъ обхватываетъ сучки деревьевъ и какъ будто дѣлаетъ переходъ къ цѣпкому хвосту другихъ лазуновъ.

Пума представляетъ загадку для зоологовъ и зоопсихологовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ вышелъ изъ группы кошекъ и зоологически принадлежитъ къ ней, но нѣтъ также сомнѣнія, что онъ представляетъ первую переходную ступень къ группѣ червеобразныхъ хищниковъ, къ хорькамъ, куницамъ, ласкамъ, соболямъ и пр. и пр. Слѣдующій за нимъ типъ ягуарунди и въ особенности эйра (Puma Eyra) еще болѣе приближаются къ этимъ кровожаднымъ хищникамъ и удаляются въ ихъ строеніи отъ кошекъ. Вотъ почему мы видимъ въ кугуарѣ стройное, красивое тѣло, вотъ почему онъ необыкновенно ловокъ во всѣхъ движеніяхъ и изворотливъ.

Пума—постоянный скиталецъ. Онъ не дѣлаетъ и не выбираетъ постояннаго логова или ночлега. Онъ бродитъ или лазитъ по деревьямъ всю ночь на пролетъ, а днемъ спитъ гдѣ-нибудь на деревѣ, или забившись въ чащу и тѣнь кустовъ.

Пума и ягуаръ — вѣчные, непримиримые враги, и встрѣча ихъ почти всегда кончается смертью ягуара. Передъ пумой онъ представляется неуклюжимъ и неповоротливымъ животнымъ.

Одинъ наблюдатель Хёдсонъ, довольно долго жившій въ пампасахъ, передаетъ то, что онъ слышалъ въ этихъ южно-американскихъ степяхъ, въ маленькомъ мѣстечкѣ Саладилло. Тамъ было очень много пумъ и ягуаровъ, такъ что стада туземцевъ сильно страдали отъ ихъ нападеній. Въ особенности доставалось несчастнымъ овцамъ, которыхъ пума всегда предпочитаетъ всѣмъ другимъ, болѣе крупнымъ домашнимъ животнымъ. Онъ убиваетъ въ одну ночь отъ 10 до 15 овецъ. Онъ имъ свертываетъ голову или прокусываетъ шею и пьетъ ихъ кровь, вовсе не трогая мяса. Онъ можетъ выпить отъ 5 до 8 фунтовъ крови. Туземцы, не зная, чѣмъ и какъ уберечь свои стада отъ страшнаго хищника, рѣшились не держать болѣе овецъ и начали заводить свиней, такъ какъ онѣ умѣютъ защищаться отъ пумы. Они становятся въ кружокъ и выставляютъ впередъ свои морды, вооруженныя сильными и острыми клыками.

Одинъ разъ въ Солодиллѣ была охота облавой. Собралось около тридцати человѣкъ гуахосовъ на лошадяхъ. Они обхватили громадный кругъ и начали гнать всѣхъ животныхъ, которые были захвачены въ этотъ кругъ, къ его центру. Они не замѣтили, что въ самомъ началѣ охоты одинъ изъ охотниковъ пропалъ. Онъ упалъ съ лошади, сломалъ себѣ ногу и пролежалъ всю ночь, прежде чѣмъ его хватились и отыскали. Этотъ охотникъ разсказывалъ, что когда наступила ночь, то явился пума и тихо лежалъ подлѣ него, какъ бы не замѣчая вовсе присутствія человѣка. Затѣмъ онъ началъ возиться, безпокоиться. Нѣсколько разъ уходилъ и снова возвращался и наконецъ совсѣмъ скрылся. Около полуночи вдругъ раздался страшный ревъ ягуара, и охотникъ считалъ уже себя погибшимъ. Но тутъ онъ увидѣлъ морду пумы, который сторожилъ его и нѣсколько разъ уже схватывался съ ягуаромъ. Оба удалились въ лѣсъ, и издали было слышно отчаянное рычаніе ягуара и острый вой пумы. Эта борьба продолжалась цѣлую ночь, и только на разсвѣтѣ оба хищника удалились.

Хёдсонъ говоритъ, что этотъ разсказъ объ охранѣ человѣка пумой нисколько не удивляетъ его, такъ какъ и прежде онъ слышалъ много подобныхъ же разсказовъ. И вотъ эти то разсказы и составляютъ самое загадочное и необъяснимое въ нравахъ и привычкахъ пумы. Сильный, хорошо вооруженный, быстрый, ловкій, свирѣпый и кровожадный звѣрь, по увѣренію Хёдсона, никогда не трогаетъ человѣка и всегда во всѣхъ случаяхъ избѣгаетъ столкновенія съ нимъ.

Чтобы объяснить эту таинственную черту характера пумы, мы прежде взглянемъ на два момента изъ его жизни на моментъ самой сильной ярости звѣря и моментъ, когда пума-самка мирно наслаждается своей материнской любовью. Первый моментъ поднимаетъ и возбуждаетъ въ животномъ всѣ его злыя, отрицательныя свойства и склонности. Второй, напротивъ, пробуждаетъ и влечетъ его къ жизнерадости, ко всему, что есть добраго и хорошаго въ каждомъ животномъ и въ человѣкѣ.

Пума, бродя по лѣсу, встрѣтился съ тихимъ и глупымъ — большимъ гвіанскимъ мурашеѣдомъ. Онъ услыхалъ его запахъ и этотъ запахъ уже потянулъ его къ злымъ, чисто звѣринымъ инстинктамъ. Онъ насторожился, понюхалъ воздухъ и землю и уставилъ свои глаза на мурашеѣда. Онъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Пума ясно увидѣлъ его уродливую, неуклюжую, косматую фигуру съ длиннымъ волосистымъ хвостомъ. Медленно, лѣниво двигалась эта фигура, точно страусово перо на дамской шляпкѣ. Въ одно мгновенье прыгнулъ пума на несчастнаго мурашеѣда, и мурашеѣдъ перевернулся и упалъ на спину. Только въ этомъ положеніи онъ могъ защищаться своими громадными, но тупыми когтями. Эти когти такъ сильно развиты, что даже мѣшаютъ ему ходить; онъ долженъ подгибать ихъ подъ подошву и ступать прямо на нихъ. Притомъ, эти когти—тупые. Мурашеѣдъ можетъ ими только разрывать землю и муравейники, а когти пумы прямо вонзились въ его шею. Онъ уже кусаетъ его страшными зубами. Онъ добирается до его главныхъ шейныхъ артерій, чтобы прокусить ихъ и пить его кровь. Несчастный мурашеѣдъ ничѣмъ не можетъ защититься отъ этого страшнаго хищника. Посмотрите, какъ измѣнилась, освирѣпѣла вся морда пумы, какъ прилегли его уши, какія складки собрались на его лбу и на его щекахъ, какъ выдвинулись и оскалились его зубы. Выраженіе злобы, свирѣпости такъ ясно выразилось во всей этой мордѣ (рис. на стр. 191—192).

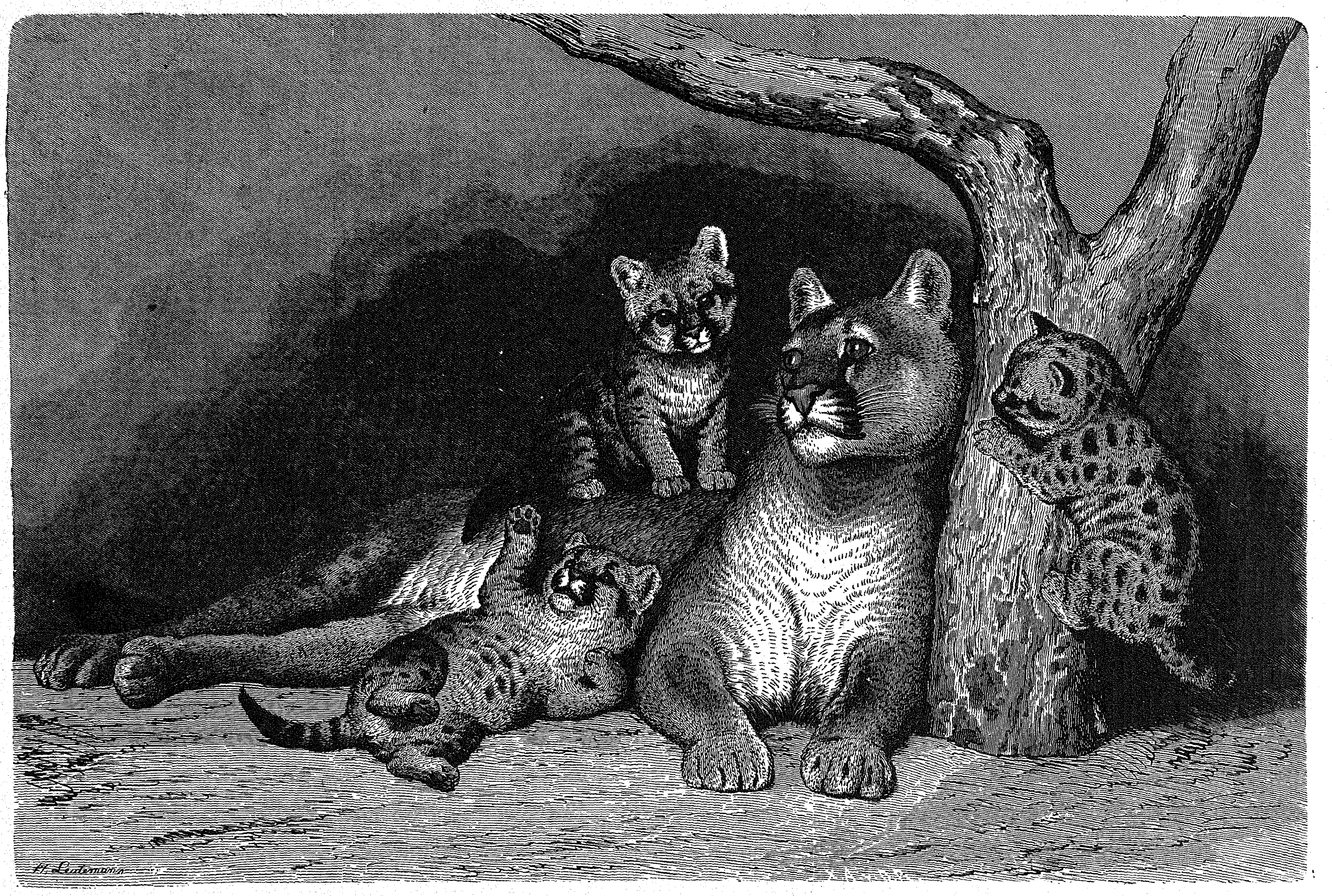
Совсѣмъ другимъ животнымъ смотритъ самка, когда она лежитъ довольная, радостная среди своихъ котятъ. И что можетъ быть лучше и привлекательнѣе этихъ пестрыхъ котятъ? Одинъ взобрался на ея спину и вполнѣ доволенъ своимъ положеніемъ. Другой—лѣниво валяется, прислонясь къ брюху матери, и, помахивая хвостомъ и лапами, хочетъ достать своего брата; а третій разбѣжался и вскочилъ на дерево, почти къ самой мордѣ своей матери. А сама мать смотритъ на нихъ съ такой любовью. Такое довольство и радость глядятъ изъ ея свѣтло-карихъ, умныхъ и задумчивыхъ глазъ (рис. на стр. 193—194).

Вотъ два момента, въ которыхъ выражается самое высшее напряженіе психической жизни пумы, и оба эти напряженія діаметрально противоположны другъ другу. Одно—положительное доброе, другое отрицательное—злое. Одно ищетъ мира, покоя, тишины и тихой привязанности, другое—хищное, злое, кровожадное, которое жаждетъ разрушенія, жертвы и крови... Одно ищетъ волненія и дѣятельности, другое—тишины и любви.

Если бы голодъ и запахъ крови не тянулъ пуму къ отрицательному полюсу, то онъ также равнодушно

Пума въ борьбѣ съ мурашеѣдомъ.

Пума или кугуаръ со своими котятами.

относился бы къ своей жизни, какъ и муравьедъ. Онъ могъ бы также наслаждаться жизнерадостью, не зная ея бурныхъ и злыхъ волненій. Также безобидно, лѣниво бродилъ бы онъ по лѣсу, отыскивая муравьиныя кучи и обжираясь муравьями. Навѣрное онъ предпочелъ бы эту мирную, лѣнивую жизнь злымъ волненіямъ какого-нибудь ягуара.

Запахъ дѣйствуетъ невольно, безсознательно на каждаго звѣря и человѣка. Запахъ можетъ привлекать или отталкивать. Но самый актъ этого привлеченія совершается уже въ силу воли человѣка или животнаго.

Гёдсонъ объясняетъ запахомъ, который, по его мнѣнію, исходитъ изъ человѣка и, дѣйствуя на пуму, вызываетъ въ немъ добрую привязанность къ нему. Въ этомъ объясненіи можетъ-быть и есть извѣстная доля правды. Запахъ дѣйствительно можетъ привлечь животное. Мы видимъ, какъ сильно привлекаются коты запахомъ валеріаны или деревяннаго масла. Но едва ли запахъ въ состояніи вызывать въ хищномъ, свирѣпомъ звѣрѣ добрыя отношенія къ человѣку.

Есть другое объясненіе болѣе вѣроятное.

Вездѣ, гдѣ водится пума, у него является очевидная болѣе или менѣе тѣсная связь съ человѣкомъ. Въ нѣкоторыхъ американскихъ племенахъ эта связь теряется въ незапамятной древности, въ тѣхъ временахъ, когда пумѣ воздавалось чуть не божеское почитаніе. Въ особенности это справедливо для Нижней Калифорніи, гдѣ пуму называютъ *чимбикъ* и до сихъ поръ смотрятъ на него съ невольнымъ уваженіемъ. Когда въ концѣ 17-го столѣтія въ эту страну пріѣхали первые миссіонеры, то они нашли тамъ очень странныя отношенія. Пума тамъ властвовалъ почти безраздѣльно. Онъ вытѣснилъ и истребилъ всѣхъ ягуаровъ и медвѣдей. На просторѣ луговъ и лѣсовъ расплодились и жили только одни пумы, которыхъ жители считали за священныхъ животныхъ. Это уваженіе къ пумѣ должно было быстро распространиться чуть не по всему Новому Свѣту, и подъ покровительствомъ человѣка распространялся также и родъ пумы. Человѣкъ охранялъ и покровительствовалъ чимбика, и чимбикъ какъ-бы въ благодарность за то сталъ охранять человѣка.

Съ самаго дѣтства въ молодыхъ котятахъ пумы мы видимъ игривость и веселое настроеніе, и это настроеніе остается здѣсь и въ зрѣломъ возрастѣ. Взрослыя пумы такъ же веселы и безпечны и такъ же готовы играть, какъ и молодыя котята. «Пума,—говоритъ Гёдсонъ,—въ душѣ своей всегда остается котенкомъ и находитъ невыразимое наслажденіе въ своихъ шалостяхъ. Если бросить яблоко или деревянный шаръ, то пума будетъ бѣгать и играть съ нимъ по цѣлымъ часамъ». Гёдсонъ приводитъ разсказъ одного американца, жившаго долго въ пампасахъ. Одинъ разъ онъ долженъ былъ провести ночь подъ открытымъ небомъ и улегся на небольшомъ каменномъ утесѣ. Ночь была свѣтлая, лунная. Было около девяти часовъ, и вдругъ невдалекѣ отъ него являются четыре пумы, два уже взрослыхъ и два подростка. Они начали прыгать, играть и прятаться около него, точно маленькіе котята. Нерѣдко они перепрыгивали черезъ него.

Въ жизни пумы, точно также какъ и въ жизни каждаго звѣря и человѣка, все опредѣляется добрымъ, хорошимъ или дурнымъ, злымъ расположеніемъ духа и все зависитъ отъ этого расположенія или настроенія. Если доброе расположеніе преобладаетъ, то всякій звѣрь и человѣкъ кажется намъ добрымъ. Это доброе расположеніе можетъ быть прирожденнымъ или воспитаннымъ. У пумы это доброе расположеніе было отчасти прирожденнымъ, отчасти же воспитаннымъ добрыми отношеніями къ нему человѣка, или, точнѣе говоря, калифорнскихъ жителей. Отсюда сами собою уже вытекли и добрыя отношенія звѣря къ человѣку.

Предлагая это объясненіе, я долженъ признаться, что мнѣ больше нравится объясненіе Гёдсона—таинственное, загадочное и почти мистическое. Но должно сознаться, что не всегда разсказы и цитаты, приводимые Гёдсономъ, строго справедливы. Обсуживая эти факты съ естественно-исторической точки зрѣнія, мы видимъ въ пумѣ хищную кошку, съ добрымъ, игривымъ настроеніемъ духа,—кошку, кровожадную и при случаѣ питающуюся одной только кровью,—кошку, въ которой общій психическій фонъ добрый, любящій, а порывы хищничества и свирѣпости являются только немногими, пришлыми или налетѣвшими моментами и аффектами.

При всѣхъ своихъ добрыхъ качествахъ пума не можетъ преодолѣть инстинктивнаго, враждебнаго отношенія къ собакамъ. Гдѣ бы, при какихъ условіяхъ онъ ни увидалъ ее, онъ тотчасъ же съ остервенѣніемъ бросается въ драку.

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разсказываетъ Гёдсонъ, въ англійскихъ газетахъ появилась замѣтка о характерномъ приключеніи, случившемся при показываніи одного дикаго пумы. Животное было выпущено изъ клѣтки, и хозяинъ гулялъ съ нимъ по полю въ сопровожденіи цѣлой толпы любопытныхъ. Вдругъ пума остановился, какъ бы пораженный тѣмъ, что увидѣлъ. Онъ внимательно всматривается въ этотъ предметъ, ощетинивается, глаза его загораются зеленоватымъ блескомъ, онъ прыгаетъ, ворчитъ, какъ кошка, наконецъ, сильно метнувшись въ сторону, вырываетъ цѣпь изъ рукъ хозяина и бросается, какъ бѣшеный, въ толпу. Разумѣется, толпа разступилась, всѣ люди бросились бѣжать въ разсыпную; а вмѣстѣ съ ними убѣжала и собака, которая привела звѣря въ такое неистовое бѣшенство». Слѣдовательно, начиная отъ нашей домашней кошки и до вершины всей группы, сохраняется эта рѣзкая черта инстинктивной ненависти двухъ группъ хищниковъ: кошекъ и собакъ.

Американскій левъ, точно также какъ и африканскій, имѣетъ свою легенду, свое романическое преданіе. Въ 1536 году индѣйцы осадили Буэносъ-Айресъ, и всѣ жители должны были отсиживаться въ городѣ и голодать. Губернаторъ Мендоза отправился вверхъ по рѣкѣ искать помощи и содѣйствія въ другихъ колоніяхъ, а управленіе поручилъ капитану Рунцу, человѣку крайне жестокому и безсердечному. Жителямъ выдавали муку вѣсомъ, по 6 унцій въ день на человѣка, и притомъ эта мука была лежалая, затхлая, отъ которой люди заражались разными болѣзнями и наконецъ должны были сами искать пищи и кормиться разными мелкими животными, которыхъ сами ловили. Въ томъ числѣ были мыши, лягушки и даже змѣи и жабы. Многіе умирали съ голоду, и ихъ трупы зарывали неглубоко за стѣнами города. Запахъ разлагавшихся труповъ привлекалъ разныхъ хищныхъ звѣрей, которые вмѣстѣ съ индѣйцами осаждали Буэносъ-Айресъ, вырывали и съѣдали трупы. Многіе желали бы убѣжать изъ него, но строгое правительство запретило такіе побѣги подъ страхомъ казни. Но, не смотря на этотъ жестокій указъ, нѣкоторымъ удалось-таки убѣжать, и въ числѣ ихъ была одна молодая женщина, которую звали Мальдонадой. При этомъ побѣгѣ она сбилась въ сторону, заблудилась и попала въ руки индѣйцевъ. Рунцъ узналъ, гдѣ она находится, и уговорилъ индѣйцевъ возвратить ее въ колонію. Тогда ее осудили на растерзаніе дикимъ звѣрямъ. Отрядъ солдатъ отвелъ ее въ лѣсъ, за цѣлую милю отъ города. Тамъ ее привязали къ дереву и оставили одну. Черезъ два дня былъ посланъ къ этому дереву опять отрядъ солдатъ, который шелъ въ твердой увѣренности, что найдетъ вмѣсто Мальдонады только однѣ ея обглоданныя кости. Но къ крайнему изумленію и ужасу, онъ нашелъ ее совершенно невредимою. Ее постоянно оберегалъ пума, и отгонялъ другихъ хищныхъ звѣрей. Весь народъ смотрѣлъ на это, какъ на чудо Провидѣнія, спасшаго несчастную женщину.

IV.

МЕЛКІЕ ХИЩНИКИ.

Мелкіе хищники.

1. Соболь *).

Вы, конечно, слышали или читали что-нибудь о сибирскомъ соболѣ, о томъ цѣнномъ звѣрькѣ, о которомъ не разъ упоминается въ лѣтописяхъ нашей исторіи. Если вамъ не приводилось ни разу видѣть самого соболя, то вообразите себѣ обыкновенную лѣсную куницу съ такимъ же длиннымъ, «червеобразнымъ», приземистымъ тѣломъ на короткихъ ногахъ, куницу съ пушистымъ болѣе или менѣе темно-бурымъ мѣхомъ, обыкновенно еще съ подпалиной на горлѣ, только съ болѣе толстыми лапками, съ болѣе острыми, торчащими ушами и болѣе острой мордочкой. Это дастъ вамъ нѣкоторое представленіе о наружности соболя.

Видѣть его въ настоящее время живымъ рѣдко кому случается, кромѣ сибирскихъ охотниковъ. Даже на долю тѣхъ, кто постоянно бываетъ въ сибирскихъ лѣсахъ, не всегда выпадаетъ такое счастье. Нельзя однако сказать, чтобы соболь былъ очень рѣдокъ въ Сибири, наоборотъ, онъ широко распространенъ тамъ, но постоянное преслѣдованіе человѣка сдѣлало это, уже отъ природы осторожное, животное, еще болѣе осторожнымъ и хитрымъ. Къ тому же ловкость, быстрота, тонкій слухъ и острое зрѣніе, свойственное вообще куницамъ, достигаютъ у соболя наибольшаго развитія, и онъ, конечно, не упускаетъ случая воспользоваться своими преимуществами.

Вообще, природа не поскупилась относительно соболя и богато одарила его всѣми качествами, необходимыми для лѣсного животнаго на житейскомъ пиру. Въ немъ соединились—подвижность бѣлки, ловкость кошки и хитрость лисы. Никто такъ быстро не вскарабкается въ случаѣ нужды на дерево, никто, кромѣ соболя, не подкрадется такъ осторожно къ птицѣ, сидящей на вѣткѣ, никто такъ искусно не спрячется въ листвѣ или между корнями.

Въ одномъ только природа сдѣлала непоправимую ошибку: она снабдила его слишкомъ красивымъ на нашъ вкусъ, прочнымъ, мягкимъ и теплымъ мѣхомъ и такимъ образомъ обрекла его на вѣрное истребленіе. Какъ только человѣкъ познакомился съ соболемъ, онъ объявилъ ему безпощадную войну, которая ведется и до нашихъ дней и, вѣроятно, прекратится только съ полнымъ истребленіемъ его въ доступныхъ для человѣка мѣстахъ. И вотъ, благодаря преслѣдованію, соболь постепенно достигъ замѣчательнаго искусства избѣгать и прятаться отъ человѣка. Его нельзя, однако, упрекнуть въ излишней трусливости: онъ смѣло бросается на каждое животное, которое по силамъ ему, но противъ человѣка онъ безсиленъ.

Тамъ, гдѣ больше преслѣдуютъ соболя, онъ не рѣшается показываться днемъ. Все время съ восхода и до захода солнца онъ прячется въ дуплахъ между корнями и вѣтвями деревьевъ, въ лѣсномъ сору, въ расщелинахъ скалъ и выходитъ оттуда только тогда, когда сумракъ окутаетъ землю. Если ночь спокойна, а соболь всегда выбираетъ такія ночи, то какъ только стемнѣетъ, онъ покидаетъ свое теплое логово и выходитъ на ночную ловитву. Безшумно, какъ тѣнь, скользитъ тогда красивый звѣрь между вѣтвями дерева. Длинные волосы, растущіе по сторонамъ его лапъ, скрадываютъ шорохъ шаговъ. Узкое, гибкое туловище свободно пролѣзаетъ въ хворостѣ, едва задѣвая за вѣтви. Свѣтитъ луна или нѣтъ—для него безразлично. Въ лѣсной чащѣ, гдѣ нерѣдко и въ лунныя ночи совершенно темно, тонко развитые органы чувствъ—лучшіе путеводители. Гдѣ не видитъ глазъ, тамъ слышитъ ухо и чуетъ носъ.

Въ тайгѣ для соболя масса добычи. Здѣсь множество разной птицы, къ которой легко подкрасться во время ея сна, масса мелкихъ грызуновъ, а всего болѣе бурундуковъ и бѣлокъ. Бѣлка и бурундукъ, это—обычное блюдо соболя. Не мудрено поэтому, что, какъ для европейской бѣлки—лѣсная куница, такъ для сибирской—соболь самый страшный врагъ. Правда, сибирская бѣлка больше и сильнѣе обыкновенной, но и соболь ловче и выносливѣе нашей куницы. Не только ночью, когда всѣ шансы на сторонѣ соболя, и днемъ — бѣлкѣ, за которой онъ гонится, не миновать его лапъ. Онъ менѣе проворенъ на деревѣ, чѣмъ лѣсная куница, а тѣмъ болѣе бѣлка, но упрямство, съ которымъ онъ преслѣдуетъ бѣлку, не давая ей передышки, наконецъ побѣждаетъ ее. Соболя считаютъ самымъ выносливымъ звѣремъ тайги. Онъ гонится за бѣлкой по пятамъ. Съ невѣроятной быстротою взбирается она по совершенно гладкимъ стволамъ сосенъ, думая тамъ, въ вышинѣ, въ густой коронѣ изъ хвои укрыться наконецъ отъ ужаснаго звѣря. Напрасная надежда! Соболь быстро лѣзетъ за ней, и не успѣла она перевести духъ, не успѣлъ пройти первый испугъ, какъ врагъ ея тутъ какъ тутъ—и снова надо бѣжать. Снова начинается бѣшеная скачка съ вѣтки на вѣтку, съ дерева на дерево, пока наконецъ, выбившись изъ силъ, бѣлка не оборвется во время одного изъ быстрыхъ прыжковъ и, какъ камень, не полетитъ на землю. Этого только и надо хищнику; по землѣ бѣлка и безъ того бѣгаетъ плохо, теперь же, когда отъ усталости ее еле держатъ ноги, а тонкіе пальцы ея путаются въ лѣсномъ сору, или проваливаются въ снѣгу, не успѣетъ она сдѣлать и нѣсколько мелкихъ, неловкихъ прыжковъ, какъ соболь стремглавъ бросается къ ней и въ два, три мгновенія догоняетъ ее. Если соболь замедлитъ, и ей удастся все-таки добѣжать до другого дерева, то едва ли хватитъ силъ снова взобраться до первыхъ вѣтвей, а если и это удастся, то все равно черезъ двѣ-три минуты она опять оборвется и полетитъ внизъ.

Во время преслѣдованія соболь намѣренно загоняетъ бѣлку на самую верхушку деревьевъ, а самъ или бѣжитъ по землѣ, или перебѣгаетъ съ дерева на дерево по нижнимъ толстымъ вѣтвямъ. Едва бѣлка остановилась, онъ карабкается кверху, гонитъ ее, а самъ снова спускается внизъ. Здѣсь у него вѣрный расчетъ. Ему не надо балансировать во время бѣга по толстымъ сучкамъ, не приходится дѣлать и такихъ большихъ прыжковъ, чтобы перебраться на сосѣднее дерево. Сумѣй бѣлка отнестись разумно къ преслѣдованію соболя, не поддайся она паническому ужасу, она ушла бы отъ опасности. Но страхъ за свою шкуру лишаетъ ее всякой способности соображать; какъ отъ всякой опасности

*) Эта статья спеціально написана для изданія моимъ сыномъ Ю. Н. Вагнеромъ.

такъ и отъ соболя она въ ужасѣ старается забраться какъ можно выше на дерево и, можно сказать, сама себя губитъ. Прыжки ея растерянны, торопливы; въ нихъ нѣтъ уже той увѣренности, какъ прежде. Тонкія, гибкія вѣтки во время бѣга отъ рѣзкихъ движеній быстро качаются. Лапки соскальзываютъ съ нихъ поминутно... вотъ, вотъ оборвутся!..

Говорятъ, что бѣлка часто сама отдается въ лапы куницъ, но, вѣроятно, не раньше, чѣмъ выбьется совершенно изъ силъ. Тогда, правда, она и не думаетъ, да и не можетъ защищаться. Въ изнеможеніи валится она на бокъ, сложивъ и прижавъ къ груди переднія лапки, пушистый хвостъ ея, теперь безполезный для нея, опускается къ землѣ, и вѣки закрываютъ большіе черные глаза, которые она только что таращила съ такимъ ужасомъ, стараясь изъ послѣднихъ силъ уйти отъ преслѣдованія, если видитъ, что нельзя уйти на дерево. Соболь же не хуже его мастеръ путешествовать въ кучахъ хвороста, и бурундуку не спастись отъ него тамъ, какъ отъ кошки или хищной птицы. Самъ соболь очень хорошо знаетъ здѣсь всѣ лазейки, входы и выходы и не хуже бурундука уйдетъ въ такомъ лѣсномъ сору отъ любой собаки. Поэтому-то соболя гораздо труднѣе преслѣдовать лѣтомъ, чѣмъ зимою. Лѣтомъ онъ не спасается отъ собаки на дерево, а идетъ «низомъ», да притомъ идетъ такъ, что ни одна собака не догонитъ его въ лѣсной чащѣ. Для него нѣтъ тутъ помѣхъ! Тамъ, гдѣ собакѣ надо сдѣлать прыжокъ или обходъ, для соболя гладкая дорога. Лапы его неутомимо работаютъ, быстро раздвигая слабо связанныя мохомъ, податливыя, гибкія, сырыя вѣточки, слой которыхъ въ аршинъ, въ полтора толщиною окуталъ землю. Вотъ показался онъ наружу,

Соболь на охотѣ.

слѣдователя. Соболю ничего не стоитъ теперь придушить загнаннаго, полумертваго грызуна...

Какъ ни ловокъ и ни выносливъ соболь, а все же поймать быструю бѣлку—не шутка. Поэтому все-таки онъ предпочитаетъ нападать на нее ночью, подкравшись къ ней незамѣтно по дереву. Впрочемъ, для соболя все равно, что добыть себѣ на ѣду, и если бѣлка не дается, то вѣдь подъ рукой много и другихъ грызуновъ или птицъ. Есть мнѣніе и, можетъ быть, даже справедливое, что не бѣлка составляетъ его главную пищу, а бурундукъ. Бурундукъ, это—мелкій, но очень шустрый звѣрекъ. Этотъ красивый, полосатый грызунъ меньше бѣлки. Хвостъ его короче и не такъ пушистъ. Если бы не хвостъ и не уши, на которыхъ совсѣмъ нѣтъ характерныхъ, длинныхъ бѣличьихъ волосъ, да не рѣзкія черныя полосы по бурому фону, то онъ бы очень походилъ на бѣлку, къ которой впрочемъ и по другимъ признакамъ онъ стоитъ ближе, чѣмъ къ остальнымъ грызунамъ.

Для соболя бурундукъ тѣмъ доступнѣе, что по деревьямъ онъ лазаетъ далеко хуже, чѣмъ бѣлка. Это характерный житель корья и лѣсного валежника. Здѣсь онъ устраиваетъ свои норы, сюда спасается отъ прe-

вотъ снова ушелъ въ груды валежника. Тамъ, гдѣ собака провалится всѣми лапами, для соболя твердая почва. Собака поминутно теряетъ его слѣдъ и должна напрасно кружить и бѣгать по сторонамъ, а соболь тѣмъ временемъ, не останавливаясь, «идетъ» все впередъ, да впередъ, идетъ до тѣхъ поръ пока груды лѣсного сора и наваленныхъ одно на другое мертвыхъ деревьевъ не преградятъ окончательно путь измученному псу, да и не только ему, а и всякому крупному хищнику, не умѣющему лазить по деревьямъ. Казалось бы, что было бы проще уйти отъ собаки, взобравшись прямо на дерево. Но соболь лучше и быстрѣе бѣгаетъ по землѣ, а затѣмъ онъ старается прежде всего не уйти, а *спрятаться* отъ опасности. Только зимою и тамъ, гдѣ нѣтъ валежника, онъ понимаетъ, что не можетъ уйти обычнымъ путемъ: собака не теряетъ свѣжаго слѣда, и вотъ онъ пытаетъ счастья на деревѣ. Быстро бросается онъ до первыхъ сучковъ и на мгновеніе останавливается, чтобы обернуться и посмотрѣть на собаку... Тутъ онъ замѣчаетъ, что она не можетъ подняться за нимъ. И вотъ онъ, не спѣша, какъ бы отдыхая послѣ гонки по землѣ, начинаетъ переходить по вѣтвямъ съ дерева на дерево... А

собака заливается, прыгаетъ на него... Но видитъ око, да зубъ нейметъ!.. Этотъ неугомонный лай раздражаетъ соболя, но не пугаетъ его. У него даже является непреодолимое желаніе поддразнить назойливаго пса, и онъ останавливается, ерошитъ свою шерсть на спинѣ, раздуваетъ трубою хвостъ, фыркаетъ, ворчитъ на собаку и дѣлаетъ видъ, что вотъ, вотъ бросится съ дерева прямо ей въ морду!.. Вдругъ—бацъ! и мѣткій выстрѣлъ промышленника валитъ храбреца съ дерева... При всей осторожности и хитрости соболя, собака такъ занимаетъ его вниманіе, такъ оглушаетъ своимъ громкимъ лаемъ его чуткое ухо, что онъ не замѣчаетъ, какъ человѣкъ подошелъ къ нему на выстрѣлъ, не замѣчаетъ, какъ человѣкъ поставилъ сошку своей винтовки, какъ подсыпалъ на полку пороха, какъ цѣлился... Да! Если бы не собака, то никогда бы не позволилъ себѣ осторожный звѣрь такого промаха...

Не всегда, однако, и зимою соболь спасается отъ собаки на дерево, самая опытная лайка часто не можетъ «посадить» его, какъ говорятъ охотники. Въ глубокій снѣгъ у него есть еще вѣрное средство защиты: онъ время отъ времени быстро закапывается и бѣжитъ подъ снѣгомъ. Говорятъ, что соболь можетъ такимъ образомъ чрезвычайно скоро пройти двадцать, тридцать сажень, не выходя на поверхность. Собака сразу теряетъ слѣдъ, копаетъ снѣгъ и часто вмѣсто того, чтобы искать, поворачиваетъ назадъ и бѣжитъ по старому слѣду. Бываетъ и такъ, что опытный соболь, взобравшись на дерево и давъ собакѣ подбѣжать и поднять лай, незамѣтно спускается внизъ по другой сторонѣ ствола, прыгаетъ въ снѣгъ и улепетываетъ по старому слѣду, прежде чѣмъ собака увидитъ свой промахъ. Это хитрый звѣрь. Съ нимъ не зѣвай. Вотъ почему въ тайгѣ, гдѣ на каждомъ шагу онъ можетъ показать свою ловкость и хитрость, для него раздолье.

Въ сущности ни собака, ни человѣкъ въ одиночку для соболя не страшны, но когда онъ уходитъ отъ первой, онъ не можетъ понять, что собственно не она, а человѣкъ преслѣдуетъ его,—это и губитъ его. Ловушки и самострѣлы, которыми и по-сейчасъ, кое-гдѣ, хотя теперь рѣдко, промышляютъ соболя, мало истребляютъ его; ихъ вытѣсняетъ винтовка. Хорошая собака съ верхнимъ, тонкимъ чутьемъ и малоколиберная, дальнобойная винтовка, какія употребляютъ сибиряки на бѣлку, — для соболя — сущая смерть. Не будь этого проклятаго сочетанія: ружья, собаки и человѣка, этого ужаснаго тріо, отъ котораго нѣтъ спасенья, жизнь для соболя и теперь, тамъ, гдѣ сохранилась дикая тайга, текла бы такъ же покойно, какъ прежде. Ему не много надо: онъ не прожорливъ. Если соболю посчастливится добыть пищи больше, чѣмъ можетъ онъ съѣсть, то, какъ всякій хищникъ, онъ прячетъ часть ѣды впрокъ. Своимъ запасомъ, однако, онъ почти никогда не пользуется, такъ какъ не ѣстъ не свѣжаго мяса. Только среди зимы въ жестокіе морозы, когда онъ дней десять-пятнадцать не выходитъ изъ гнѣзда, онъ питается мороженымъ мясомъ запасенныхъ заблаговременно бурундуковъ, саекъ, ронжъ, кедровокъ, бѣлокъ и другой дичи.

Впрочемъ, соболь никогда не терпитъ недостатка въ пищѣ. Лѣтомъ послѣ ѣды онъ непремѣнно идетъ къ водѣ пить, а затѣмъ осторожно, не торопясь, пускается обратно въ путь къ своему гнѣзду. Какъ ни выносливъ онъ, а все же преслѣдованіе такой быстрой дичи, какъ бѣлка или бурундукъ, да при томъ можетъ быть двухъ—трехъ подрядъ, утомило и его мышцы. Усталость, полный желудокъ и занимающійся день — все манитъ его въ уютное «гайно». Въ немъ онъ заснетъ теперь крѣпкимъ безпросыпнымъ сномъ до слѣдующихъ сумерекъ.

Случается иногда, что во время преслѣдованія бѣлки, за нею бросается и другой соболь, встрѣченный на пути. Правда, тогда травля кончается скорѣе, и бѣлка раньше попадается кому-нибудь въ зубы, но соболь не таковъ, чтобы уступить незваному сотоварищу по охотѣ хоть часть общей добычи, и надъ еще теплымъ бѣличьимъ трупомъ нерѣдко начинается другое, болѣе серьезное состязаніе: въ силѣ и ловкости между двумя соболями.

Ни на охотѣ, ни въ жизни соболь не терпитъ товарищей. Хищная натура его не ищетъ дружбы, а помощи ему не надо ни лѣтомъ, ни зимою. Зимою, правда, не то, что лѣтомъ, но все же есть дичь. Въ эту глухую пору жизнь въ тайгѣ какъ бы замираетъ. «Европеецъ, очутившійся въ это время среди здѣшнихъ пустынь,—пишетъ про якутскую тайгу Сѣрошевскій,—будетъ пораженъ гнетущей ихъ мертвенностью. Въ продолженіе многихъ дней онъ рискуетъ не услышать ничего кромѣ звука собственныхъ шаговъ, да глухого, морознаго гула трескающейся земли и деревьевъ. Ни тропъ, ни слѣдовъ не видно. Зайцы перестаютъ бѣгать и большую часть времени проводятъ, зарывшись въ снѣгу. Куропатки, глухари, тетерева, рябчики, которые зимуютъ почти во всей странѣ въ предѣлахъ лѣса, взлетаютъ на деревья чрезвычайно рѣдко, обыкновенно съ восходомъ солнца, на короткое время и, наѣвшись до сыта березовыхъ и ивовыхъ почекъ, спѣшатъ опять броситься съ розмаху въ сыпучій снѣгъ, гдѣ тонутъ, точно въ водѣ. На поверхности торчатъ только головки стражей ихъ стадъ. Можно набрести на птицъ и не замѣтить, не испугать ихъ, до того онѣ въ это время апатичны и тяжелы на подъемъ. Все вокругъ неподвижно, точно въ заколдованномъ царствѣ, даже снѣгъ съ вѣтвей не осыпается, такъ какъ вѣтры отсутствуютъ, а новаго снѣга почти не падаетъ».

Не каждую ночь выходитъ въ эту пору соболь на ловъ. Погода, правда, прекрасная: тихо, безоблачно, но морозъ слишкомъ лютъ, даже для соболиной шубки, а въ уютномъ логовѣ тепло, и спитъ соболь тамъ, свернувшись, какъ пушистый шаръ, въ которомъ не замѣтно ни ногъ, ни головы... Спитъ, пока голодъ волей-неволей не выгонитъ за пищей. Выползетъ онъ, наконецъ, и поведетъ своимъ чуткимъ носомъ: не пахнетъ ли гдѣ-нибудь вблизи дичью. Но морозный воздухъ недвижимъ, ни откуда не тянетъ желаннымъ запахомъ. Нечего дѣлать, надо идти прогуляться по рыхлому снѣгу. И вотъ осторожно, прислушиваясь къ потрескиванію коры и нюхая воздухъ, побрелъ онъ внизъ,—туда, гдѣ больше ели и чернаго лѣса и гдѣ навѣрное скоро натолкнется на табунокъ сонной дичи. А за нимъ потянулся предательскій слѣдъ, слѣдъ — характерный, по которому не ошибется промышленникъ: «лапка въ лапку, ноготокъ въ ноготокъ», какъ будто звѣрь идетъ не на четырехъ, а на двухъ ногахъ. «Соболь ходитъ чисто»,—говорятъ охотники. Слѣдъ этотъ, однако, не такъ ясенъ, какъ у лѣсной куницы, потому что вся подошва соболя къ зимѣ заростаетъ короткими, упругими, изогнутыми волосами, на ней не остается голыхъ «мозолей»: приспособленіе,—чтобъ при ходьбѣ по холодному рыхлому снѣгу въ тридцать и сорокъ градусовъ мороза не отморозить ступни. Эту предусмотрительность природы невольно сравниваешь съ предусмотрительностью сѣвернаго сибирскаго инородца, который своимъ собакамъ въ морозъ надѣваетъ кожаные башмаки, чтобы онѣ не зашибли и не отморозили лапъ на обледѣнѣвшемъ насту.

Опытный охотникъ по слѣду соболя можетъ возстановить всю картину его ночного промысла. Вотъ онъ остановился: отчетливо видны на снѣгу всѣ четыре лапы... Вотъ слѣдъ свернулъ въ сторону къ старому пню: знать, почуялъ звѣрь добычу... Вотъ зачастилъ,—вѣроятно, дичь близко... крадется: ступаетъ уже не пальцами, какъ раньше, а всей ступней, видны и легкія борозды отъ пушистыхъ волосъ, покрывающихъ брюхо... Соболь ползетъ... Вдругъ слѣдъ прервался: здѣсь звѣрь присѣлъ; двѣ глубокихъ ямки—тамъ, гдѣ стояли заднія ноги,—говорятъ о прыжкѣ. Вѣроятно, не легокъ былъ

этотъ прыжокъ въ пять-шесть аршинъ, но чуткій носъ не обманулъ звѣря, прыжокъ былъ вѣрно расчитанъ. Взрытый снѣгъ, перья, капли крови, ямки отъ насиженныхъ мѣстъ разлетѣвшейся стаи, все — живо рисуетъ картину возни, нарушившей ночную тишину. Хищникъ угодилъ въ самую середину табуна. Можно представить себѣ, съ какимъ трескомъ сорвалась стая, бѣшено разлетаясь въ стороны, натыкаясь въ темнотѣ на вѣтви и усыпая снѣжными хлопьями, падавшими съ вѣтвей, все пространство вокругъ... хорошо закусилъ соболь!.. А вотъ и полоса на снѣгу, а по ней и обратный слѣдъ. Видно, какъ остатокъ обѣда тащитъ звѣрь въ укромный уголокъ про запасъ. Вотъ и запоздалое одно-другое перо, выпавшее изъ птицы по пути... Опять будетъ спать теперь соболь, коротать долгую зиму...

Какъ ни сурова якутская зима, но уже въ февралѣ чувствуется приближеніе весны. Тайга оживаетъ... Вылѣзъ бурундукъ послѣ долгаго сна, запестрѣли по снѣгу заячьи, лисьи и волчьи слѣды, застучалъ дятелъ, проснулся медвѣдь... Долго еще почва будетъ покрыта снѣгомъ, а все-таки весна идетъ. Олени начинаютъ «кочевать» изъ пади въ падь, потянули съ юга снигири, чиченки, вороны...

Ранняя весна—февраль и начало марта — это пора соболиной любви, пора жестокихъ дракъ между самцами. Отъ постояннаго бѣганья пары соболей все въ одномъ направленіи протаптываются въ снѣгу прямыя, глубокія дорожки; здѣсь настораживаетъ промышленникъ свой чиркомъ, ставитъ капканы, силокъ. Это-то время, когда соболь всего менѣе остороженъ. Просыпающійся съ первыми шагами весны инстинктъ беретъ верхъ надъ всѣми другими интинктами; соболь забываетъ теперь даже о пищѣ. Онъ въ постоянномъ движеніи. Куда дѣлась зимняя сонливость и апатія!.. Не долго, однако, длится эта пора дѣятельности, и черезъ мѣсяцъ все приходитъ въ обычную норму. Только соболиха еще занята пріискиваніемъ и устройствомъ укромного логова для будущей семьи, самъ же соболь никогда и не знаетъ своихъ дѣтей.

Къ концу весны соболь оставляетъ лога, куда онъ спустился въ началѣ зимы, и снова уходитъ въ горы, въ самую глушь тайги. Туда перекочевываетъ дичь, а за нею и соболь. У него нѣтъ гнѣзда, гдѣ бы онъ жилъ постоянно. Онъ мѣняетъ его весною и осенью, мѣняетъ его и при другихъ обстоятельствахъ: потревожитъ ли его человѣкъ, заведетъ ли преслѣдованіе дичи слишкомъ далеко отъ стараго логова, поселится ли вблизи горностай, — этотъ конкурентъ соболя по добычѣ, — старая нора покидается, и звѣрь устраивается на новосельѣ!.. Осенью его манитъ въ низины не только переходъ туда бурундуковъ и перелетъ всякой лѣсной птицы, но и обиліе тамъ къ тому времени ягодъ: земляники, брусники, голубики, рябины. Ягоды осенью—главная пища соболя. Хищникъ превращается въ это время въ вегетаріанца и объѣдается ягодой. Интересно, что въ другое время соболь ѣстъ только мясо. Этотъ временный растительный столъ имѣетъ то безспорное значеніе для соболя, какъ и для другихъ сѣверныхъ хищниковъ, поѣдающихъ осенью ягоды, что въ короткій срокъ подъ кожей ихъ скопляется толстый слой жира, запасъ своего рода топлива и пищи на зиму.

Другая пища соболя въ это время—кедровые орѣхи. Кедръ всегда подъ рукой. Соболю нравятся жирные орѣхи его, можетъ быть потому, что они такъ же пахнутъ, какъ пахнетъ мясо животныхъ, питающихся ими, особенно мясо бурундуковъ и сибирскихъ бѣлокъ. Это характерный очень знакомый ему запахъ. Да и самъ кедръ нравится соболю. Онъ любитъ это высокое, стройное дерево, густая хвоя котораго и толстыя вѣтви всегда готовы спрятать его въ случаѣ нужды отъ глазъ человѣка.

Въ рѣчной тайгѣ, кромѣ человѣка, у соболя нѣтъ враговъ, отъ которыхъ онъ не могъ бы спастись. Отъ крупныхъ хищниковъ онъ спасется на дерево, съ мелкими поспоритъ силами. Нѣтъ здѣсь хищныхъ птицъ, отъ которыхъ онъ не могъ бы укрыться. Природа слишкомъ хорошо позаботилась о немъ. Кромѣ того, тяжелый мускусный запахъ, которымъ въ случаѣ нужды можетъ воспользоваться соболь, въ состояніи отогнать отъ него всякаго хищника. Такимъ рѣзкимъ запахомъ обладаютъ выдѣленія особыхъ подхвостныхъ железъ, свойственныхъ хорькамъ и куницамъ. Можно думать, что этотъ рессурсъ, унаслѣдованный соболемъ отъ его предковъ, является уже роскошью для нашего звѣря и врядъ ли когда приходится соболю пускать его въ дѣло.

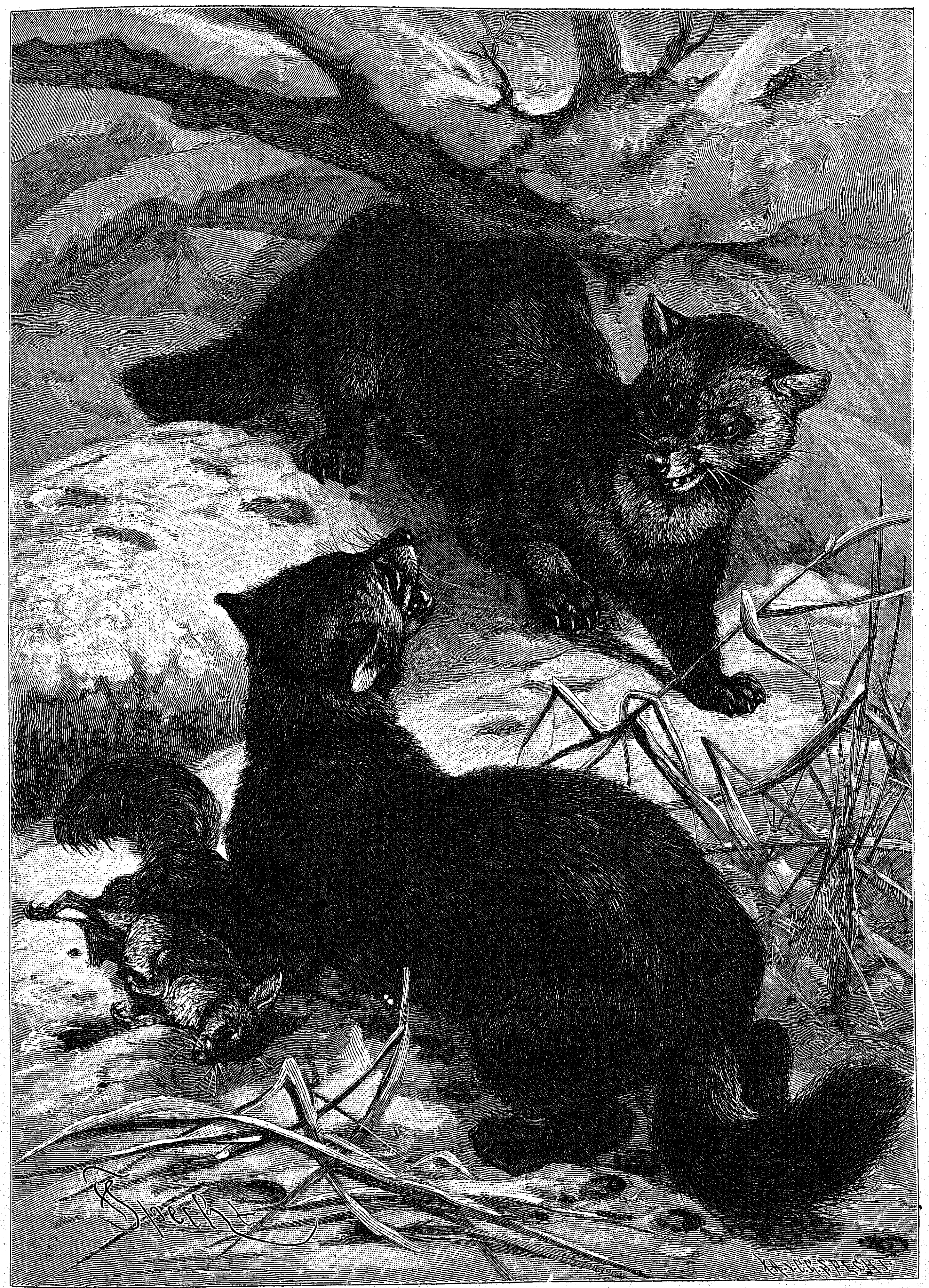
Главное преимущество соболя, сравнительно съ другими хищниками, заключается въ томъ, что всѣ органы его развиты замѣчательно равномѣрно: ни одинъ изъ нихъ не беретъ перевѣса въ ущербъ развитію другихъ, и онъ умѣетъ пользоваться то тою, то другою изъ своихъ способностей, смотря по обстоятельствамъ. Его выразительные глаза видятъ такъ же хорошо днемъ, какъ и ночью *); его уши, благодаря своей ширинѣ, слышатъ, навѣрное, лучше, чѣмъ уши многихъ хищниковъ. На это указываетъ и то, что ихъ раковина прикрыта цѣлою ширмою изъ длинныхъ упругихъ волосъ, растущихъ на щекахъ соболя. Такая волосяная ширма должна предохранять органъ слуха отъ излишняго раздраженія, но въ случаѣ нужды волосы приподнимаются и открываютъ входъ въ раковину. Эти же волосы, вѣроятно, играютъ не малую роль и во время суровой сибирской зимы, защищая уши отъ мороза. Сами уши соболя такъ же подвижны, какъ и уши собаки. Носъ соболя тоже болѣе развитъ, чѣмъ у другихъ куницъ. Лапы его характерны своей шириной, что опять-таки даетъ ему преимущество при ходьбѣ по снѣгу и мягкой лѣсной почвѣ, а густые волосы, покрывающіе пальцы, мѣшаютъ когтямъ касаться земли, и эти когти не тупятся, остаются такими же острыми, какъ у кошекъ. Благодаря короткимъ ногамъ соболь не можетъ провалиться глубоко въ снѣгъ, а длинное, гибкое туловище и сильныя мышцы позволяютъ дѣлать громадные прыжки, и собака не въ состояніи догнать его въ тайгѣ. И не только физическія особенности соболя, но и внутреннія качества его отличаются такою же равномѣрностью въ развитіи: психическія способности не дѣлаютъ исключенія, ни одна изъ нихъ не беретъ перевѣса надъ другими. Это—очень уравновѣшенный типъ: онъ никогда не входитъ въ экстазъ, онъ смѣлъ тамъ, гдѣ можетъ надѣяться на свои силы, благоразумно остороженъ въ другихъ случаяхъ, онъ не раздражителенъ, не кровожаденъ, все въ немъ гармонично закончено. Всѣ, кто наблюдалъ за нимъ, находятъ его умнымъ и сообразительнымъ. Внимательное воспитаніе легко привязываетъ его къ человѣку; онъ знаетъ своего хозяина и узнаетъ знакомыхъ ему людей, не уживается только съ другими животными, въ которыхъ онъ видитъ или своихъ враговъ, конкурентовъ, или добычу, хотя здѣсь и бываютъ исключенія **).

Благодаря всѣмъ этимъ качествамъ, соболь можетъ, смотря по надобности, приспособиться къ очень различнымъ условіямъ и такъ или иначе одерживать верхъ надъ другими хищниками въ борьбѣ за существованіе. Но почему, спросятъ быть-можетъ, соболь—это, такъ разносторонне приспособленное и такъ широко распространенное въ лѣсахъ Азіи, животное,—держится въ настоящее время только въ сибирской тайгѣ и не пере-

---

*) Интересно, однако, что соболь, который охотится днемъ, «соболь-дневникъ» по цвѣту и качеству шерсти отличается отъ «соболя-ночника». Его мѣхъ цѣнится ниже. Интересно также, что «соболь-дневникъ» встрѣчался прежде рѣдко, теперь же попадается чаще (Сабанѣевъ).

**) Напримѣръ, у одного знакомаго, Карпинскаго, жила соболиха, которая была очень дружна съ его большой собакой и постоянно спала съ ней вмѣстѣ (Симашко).

Ссора соболей изъ-за добычи.

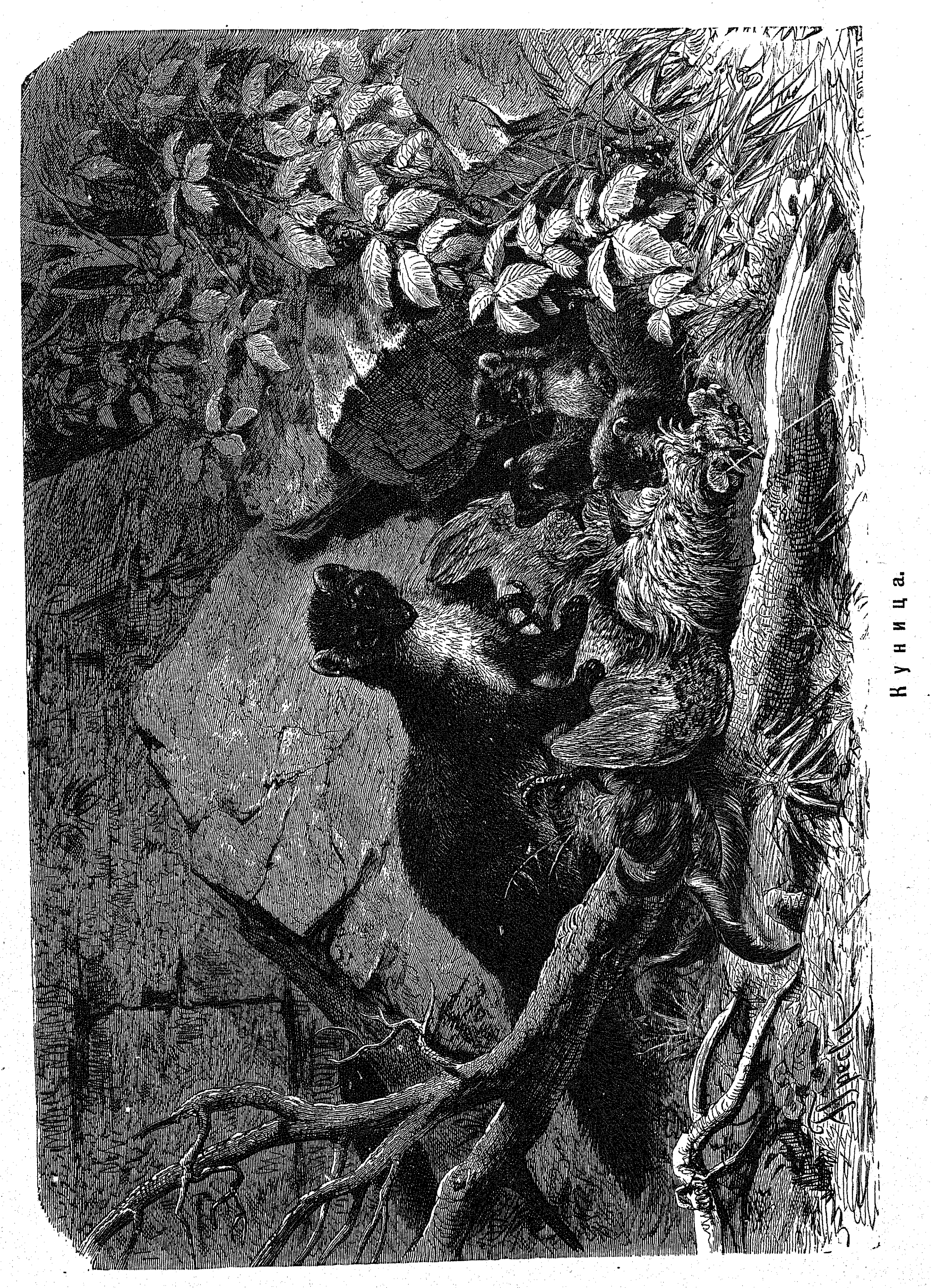
ходитъ за Уралъ, въ Европу, подобно очень близкому своему родичу, лѣсной куницѣ? Причины тому лежатъ въ самомъ характерѣ гористой тайги, которая создала этотъ всесторонне развитой типъ куницы. Прежде, когда характеръ лѣсной области сѣверо-восточной Европы напоминалъ сибирскія лѣса, соболь водился и здѣсь. Теперь онъ отступилъ за Уралъ. Тайга—его родина, и съ нею гармонируютъ всѣ особенности его организаціи и всѣ привычки его. Онъ не можетъ измѣнить ей, не измѣнившись самъ, оставаясь *соболемъ*. Только здѣсь онъ можетъ пользоваться всѣмъ тѣмъ, чѣмъ снабдила его природа.

Чтобы ясно понять, такъ сказать, почувствовать особенности дѣвственной тайги, надо самому побывать въ ней. Это безконечное море древесныхъ породъ, покрывающее всю гористую область восточной Сибири и прорѣзанное по всѣмъ направленіямъ безчисленными громадными болотами, не нашъ бѣдный европейскій лѣсъ. Здѣсь все оригинально, все особенно. Здѣсь нѣтъ давящаго однообразія сѣверной природы, и за массою новыхъ впечатлѣній не чувствуешь угрюмости тайги, забываешь о сѣверѣ и мыслью невольно переносишься за тысячи верстъ, въ дебри южныхъ горъ. Своеобразны здѣсь породы деревьевъ, своеобразны горные хребты съ каменистыми, острыми гребнями, своеобразны глубокія, болотистыя лощины, даже лѣсная, торфяная почва, или, какъ ее называютъ сибиряки—«трунда», лѣсные цвѣты, громадная трава, лишаи—все это свое, особенное, чего не встрѣтишь нигдѣ въ такомъ сочетаніи на сѣверѣ Европейской Россіи.

Посмотрите, напримѣръ, на большое таежное болото. Это не простое наше болото, а цѣлая оригинальная система проточныхъ болотъ, система мелкихъ лощинъ, затерянныхъ между безчисленными грядами высокихъ холмовъ,—лощинъ, извивающихся и соединяющихся все въ болѣе широкія торфяныя долины, изъ которыхъ, наконецъ, берутъ начало ручьи, питающіе сибирскія рѣки. Да эти болота и были когда то рѣками, только по глинистому или каменистому руслу ихъ бѣжала не вода, а медленно двигались гигантскіе ледники, не уступавшіе своими размѣрами самымъ большимъ изъ современныхъ ледниковъ. Но было это еще въ тотъ отдаленный отъ насъ ледниковый періодъ, когда вся сѣверная Европа и вся Сибирь были покрыты такими ледниками, когда наши праотцы, одѣтые въ звѣриныя шкуры и вооруженные тяжелою палицею и кремневымъ топоромъ, оспаривали у пещернаго медвѣдя свое логовище. Много тысячелѣтій прошло съ тѣхъ поръ; сами ледники давно исчезли въ долинахъ: они поднялись выше, ушли въ горы, но всеуничтожающее время до сихъ поръ еще не могло уничтожить въ восточной Сибири этихъ глубокихъ слѣдовъ мощнаго движенія ихъ, только теперь протертыя льдомъ лощины заполнены вмѣсто него торфяною трясиною. Попробуйте подняться по одному изъ крутыхъ склоновъ, образующихъ берега такой трясины, и передъ вами постепенно будетъ развертываться вся сложная и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительно правильная система таежнаго болота.

Посмотрите и на эти деревья, обступившія васъ со всѣхъ сторонъ: вотъ развѣсистый сибирскій кедръ со своею длинною, красивою хвоей; возлѣ него гигантская, стройная лиственница, мягкая зелень которой свѣтлыми пятнами проглядываетъ сквозь темныя вѣтви его, а дальше чернѣютъ еще болѣе темныя сибирскія пихты и косматыя ели, блестятъ между ними лоснящіеся сѣрые стволы сибирскихъ березъ и пестрые, какъ мраморъ, отъ покрывающихъ ихъ желтыми и бѣлыми пятнами лишаевъ—стволы громадныхъ осинъ; и все это переплелось, перемѣшалось между собой въ какомъ-то дикомъ хаосѣ. Здѣсь нѣтъ ни краснолѣсья, ни чернолѣсья: одна порода деревьевъ постоянно смѣняется другою. Да и сами породы уже не тѣ, что у насъ въ Европѣ: вотъ береза, которая своимъ общимъ видомъ такъ походитъ на нашу родную, кудрявую березку, растущую, впрочемъ, повсемѣстно и въ Сибири, но сорвите одинъ листъ ея, листъ лопастный съ глубокими вырѣзками въ двухъ-трехъ мѣстахъ съ каждаго края, и вы навѣрное не примете его за листъ березы, а за листъ какого-нибудь другого незнакомаго вамъ растенія. А вотъ другая березка, съ обыкновенными листьями, но съ сѣрымъ блестящимъ стволомъ, напоминающимъ больше стволъ рябины или тополя. Вотъ низкорослая сосна, въ которой трудно даже признать обыкновенную сосну: такъ своеобразны ея вѣтви, начинающіяся отъ самой почвы и красиво изгибающіяся кверху. Вотъ кустикъ акаціи, неуклюжія вѣтви которой покрыты, какъ войлокомъ, безчисленнымъ множествомъ длинныхъ, тонкихъ, мягкихъ иглъ, почти скрывающихъ отъ глазъ мелкіе листики растенія... Гдѣ, кромѣ южныхъ горъ и гористыхъ опушекъ сибирскихъ лѣсовъ, вы встрѣтите такія пышныя заросли шиповника, рододендроны и другіе кустарники съ красивыми, крупными цвѣтами? И гдѣ вы найдете такое странное сочетаніе самыхъ разнохарактерныхъ растеній? Здѣсь и громадныя лишаи, толстымъ ковромъ покрывающіе почву,—лишаи, въ которыхъ нога тонетъ по колѣно, здѣсь и крупныя, ярко красныя и желтыя лиліи, лиловые, лѣсные ирисы, какъ бы замѣняющіе въ тайгѣ наши ландыши, и кедры, и сосны, и ели и другія сѣверныя хвойныя; здѣсь и типичное торфяное болото, а по краямъ его заросли розовой и бѣлой таволги, кустики ивы и полярной березы рядомъ съ кустами шиповника, съ крупными пестрыми орхидеями. Трава по берегамъ таежныхъ рѣкъ—выше роста человѣка; гигантскія зонтичныя своими огромными, бѣлыми соцвѣтіями бьютъ вамъ въ грудь, когда вы ѣдете верхомъ по таежной тропѣ. Эта тропа вьется по склонамъ холмовъ, переходя съ одной гряды на другую, то переваливая черезъ нихъ, то спускаясь къ самому краю болота или къ рѣкѣ. Часто лѣсъ сразу густѣетъ, переходитъ въ настоящую чащу, и вы должны поминутно нагибаться то вправо, то влѣво, то прижиматься къ самому сѣдлу, чтобы продраться черезъ густое сплетеніе вѣтвей, не выколоть себѣ глаза, не зацѣпить за что-нибудь стременемъ. Вся почва здѣсь покрыта валежникомъ, который облѣпили кусты малины и папоротника. Какъ осторожно ступаетъ здѣсь умный привычный конь, какъ внимательно осматриваетъ онъ каждую груду хвороста, прежде чѣмъ поставить свою ногу: онъ знаетъ по опыту, какъ легко провалиться въ этихъ мягкихъ, обманчивыхъ кучахъ, слегка заросшихъ мхомъ. Здѣсь сыро и мрачно... Иногда ваше вниманіе привлекаетъ рытвина, наполненная снѣгомъ, подъ которымъ течетъ предательскій, невидимый, но глубокій лѣсной ручей. Снѣгъ въ такихъ рытвинахъ не успѣваетъ стаять за лѣто. Если канава не широка, то вы должны быть готовы къ прыжку, поддаться всѣмъ корпусомъ впередъ, чтобы не вылетѣть прочь изъ сѣдла. Не бѣда, однако, если и свалитесь: здѣсь все мягко вокругъ, даже стволы и вѣтви самихъ деревьевъ обросли со всѣхъ сторонъ длинными, мягкими космами сѣрыхъ лишаевъ. Но вотъ также быстро деревья разступаются, почва становится суше, и картина рѣзко мѣняется: передъ вами открывается поляна, покрытая ягелями и верескомъ, лѣсными, спеціально сибирскими цвѣтами и мелкимъ, тощимъ кустарникомъ,—это такъ называемые *солонцы*, которые такъ любятъ дикія козы. Благодаря волнистости почвы такіе рѣзкіе переходы отъ сырыхъ мѣстъ къ сухимъ встрѣчаются въ тайгѣ на каждомъ шагу. Иногда приходится переваливать черезъ высокій кряжъ, черезъ какой-нибудь водораздѣлъ между безчисленными сибирскими рѣками, а такіе кряжи, тянущіеся то съ сѣверо-востока на юго-западъ, то съ юго-запада на сѣверо-западъ, исполосовали большую часть восточной тайги, и вотъ вы на время совсѣмъ покидаете лѣсъ. Здѣсь уже нѣтъ «тундры», изъ-подъ почвы выступаетъ коренная порода;

только можевельникъ и стелящіяся по землѣ низкія сосны, да все тѣ же лишаи,—самыя характерныя растенія тайги, не оставляютъ васъ. Съ гребней такихъ водораздѣловъ открывается чудный видъ на оставленный внизу лѣсъ, на другіе подобные же каменистые гребни, то низкіе, то болѣе высокіе, представляющіе уже настоящіе *«гольцы»*, какъ ихъ называютъ сибиряки, съ массою остроконечныхъ сѣрыхъ каменныхъ вершинъ, между которыми бѣлѣютъ полосы снѣга, покрывающаго плотною, не тающею лѣтомъ, «накипью» берега всѣхъ горныхъ сибирскихъ ручьевъ,—полосы, сползающія внизъ и скрывающіяся за вершинами все того же безконечнаго лѣса.

Куница.

Совсѣмъ дикій кавказскій видъ! Если бы не воспоминаніе о типическомъ мѣшанномъ лѣсѣ, который не болѣе, какъ полчаса, вы покинули, если бы не эти характерные сѣверные лишаи, то иллюзія была бы полная. При этой картинѣ вы понимаете лѣсную мощь: лѣсъ всюду—до самаго горизонта! Это дѣйствительно море деревьевъ! И ярко освѣщенные солнцемъ громадные каменистые кряжи, на одномъ изъ которыхъ вы остановились, чтобы сдѣлать привалъ, кажутся ничтожными островками, затерянными въ безбрежномъ лѣсномъ океанѣ. Глядишь на этотъ океанъ, вспоминаешь массу лѣсныхъ породъ оставленныхъ внизу, и невольно чувствуешь, что дѣйствительно тутъ, въ этомъ царствѣ древесной растительности — колыбель всѣхъ сѣверныхъ европейскихъ деревьевъ. Здѣсь созидались ихъ виды, отсюда они двигались, двигаются и по настоящее время — къ западу, переваливая черезъ горные проходы Урала въ Европу. Здѣсь, въ громадной лѣсной области огромнаго азіатскаго материка, вырабатывались и спеціальные виды лѣсныхъ животныхъ, столь же разнообразные, какъ разнообразна сама тайга.

Подъ вліяніемъ этого-то разнообразія развивались и крѣпли различныя особенности сибирскаго соболя. Чѣмъ далѣе на сѣверо-востокъ, чѣмъ характернѣе гористая тайга, тѣмъ особенности, отличающія его отъ родственныхъ куницъ, выражены рѣзче. Наоборотъ, къ югу и западу онѣ сглаживаются, цвѣтъ шерсти его дѣлается свѣтлѣе, желтизна на горлѣ—рѣзче, замѣтнѣе, хвостъ—длиннѣе, тѣло—короче, волоса на мозоляхъ ступни исчезаютъ. Словомъ, соболь постепенно принимаетъ обликъ лѣсной куницы. Существуетъ мнѣніе, что на юго-западѣ, въ полустепной, полу-лѣсной области южнаго Алтая нѣтъ, собственно говоря, ни соболя, ни лѣсной куницы, что здѣсь именно до сихъ поръ сохранился средній родоначальный типъ, отъ котораго къ сѣверо-востоку пошелъ соболь, къ западу—лѣсная куница, а къ юго-западу бѣлодушка. Справедливо ли такое мнѣніе или нѣтъ, но несомнѣнно, что юго-западный соболь, алтайскій или томскій—и по шерсти, и по общему сложенію тѣла—гораздо болѣе похожъ на куницу, чѣмъ соболь изъ Забайкальской области. Интересно также, что настоящая лѣсная куница, тамъ, гдѣ она встрѣчается съ соболемъ, охотно образуетъ съ нимъ помѣсь, «*смятку*», какъ говорятъ промышленники,—«кидасъ».

Какъ бы то ни было, но нельзя сомнѣваться, что лѣсная куница и соболь очень близки другъ къ другу, что это виды, еще не рѣзко обособившіеся одинъ отъ другого, и что въ недалекомъ будущемъ, съ измѣненіемъ характера тайги, подъ вліяніемъ русскихъ, эти два вида сольются снова въ одинъ. Лѣсная куница не любитъ хвойнаго лѣса, какъ соболь чернолѣсья. Тамъ, гдѣ характеръ лѣса мѣняется, соболь уступаетъ свое мѣсто куницѣ. «Когда бѣлое дерево займетъ нашъ лѣсъ, тогда бѣлые люди займутъ наши земли», говорили въ былыя времена монголы сѣверной Азіи. И слова эти сбылись: всюду, гдѣ селятся русскіе, гдѣ охота уступаетъ мѣсто земледѣлію, гдѣ вырубаютъ и выжигаютъ вѣковую тайгу,—тамъ царство кедра и лиственницы смѣняется царствомъ березы... А за березою слѣдомъ идетъ наша европейская лѣсная куница. Вмѣстѣ съ русскими она проникаетъ все дальше и дальше на востокъ, и передъ нею, какъ кедръ передъ березою, отступаетъ нашъ соболь. Такъ каждый народъ, овладѣвая страной, переноситъ туда сознательно или безсознательно и свои растенія, и своихъ животныхъ...

Пѣсенка соболя спѣта! Никогда онъ не пріобрѣтетъ снова того значенія, которымъ пользовался въ былое время. Но врядъ ли когда какое-нибудь другое животное играло въ судьбѣ народа такую важную роль, какъ соболь, въ судьбѣ сибирскихъ инородцевъ. Правда, даже память о немъ теперь мѣстами исчезла, но не изгладились и не скоро еще изгладятся слѣды, оставленные имъ на всемъ строѣ инородческой общины,—строѣ, основаніемъ которому послужили ясачныя описи и ясачныя книги. Не изгладятся слѣды дикаго произвола сборщиковъ соболинаго ясака, слѣды олигархіи «ясачныхъ князцевъ». То, что нѣкогда составляло богатство народа, стало причиною его разоренія: то было роковымъ слѣдствіемъ безразсудной расточительности, излишняго и безжалостнаго истребленія соболя.

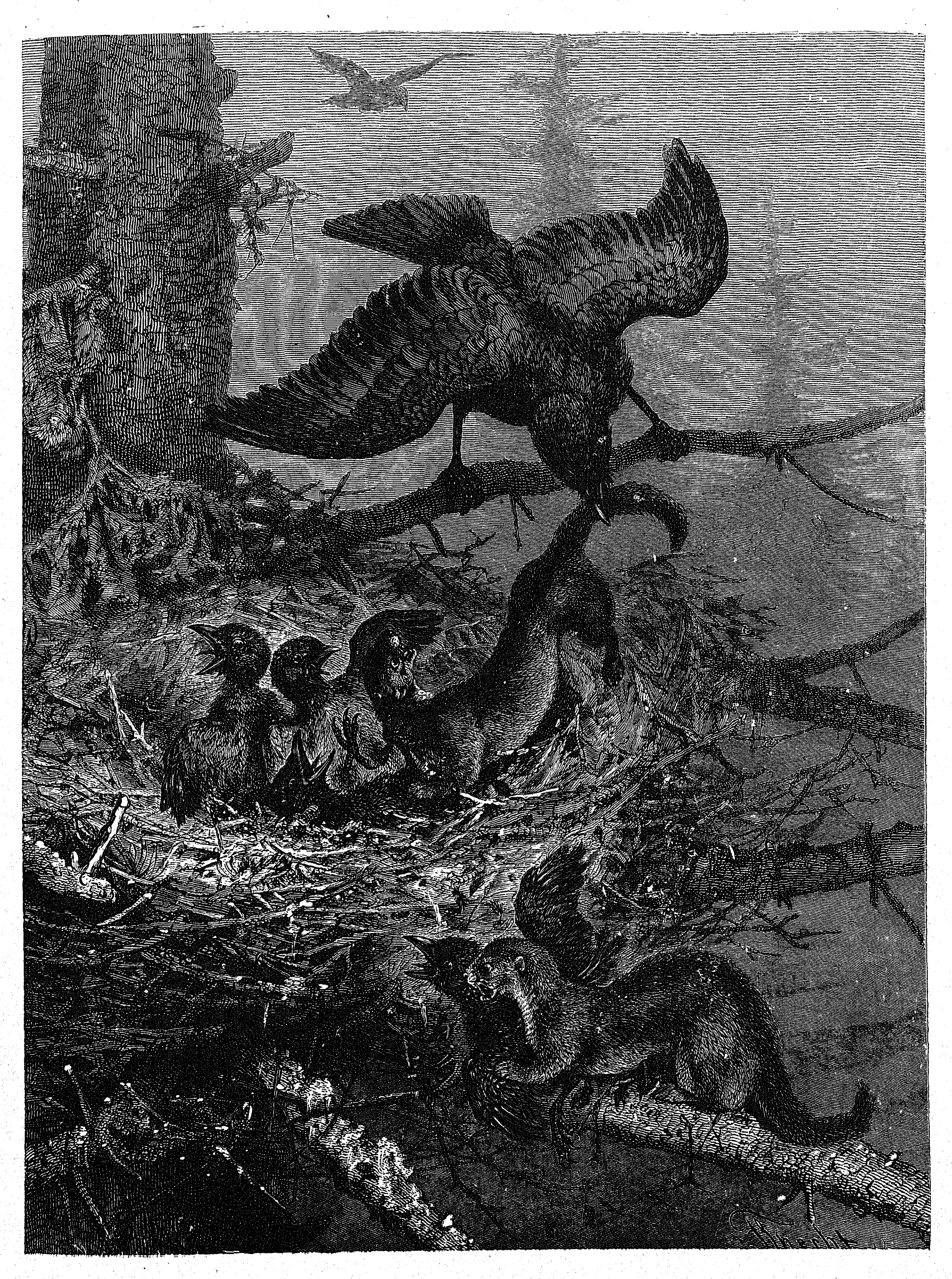
2. Ласка.

Весна... Раннее утро... Солнце еще не вышло изъ-за лѣса, и утренній туманъ, не успѣвшій подняться и растаять въ небѣ, подернулъ холодною сизою дымкою верхушки высокихъ елей. Но жизнь на землѣ и въ лѣсу давно уже проснулась. Жаворонокъ высоко въ воздухѣ пропѣлъ свое привѣтствіе первымъ солнечнымъ лучамъ и снова опустился на землю.—Зяблики въ лѣсу затянули свои звонкія трели. — Пара запоздавшихъ ласокъ послѣ ночного набѣга торопливо пробирается къ своей норѣ по опушкѣ лѣса... Проснулась и грачиха, устроившая свое гнѣздо на толстыхъ вѣтвяхъ старой косматой ели, проснулись въ гнѣздѣ и ея грачата и тянутся къ матери съ хриплымъ пискомъ, «пора, молъ, тебѣ летѣть намъ за кормомъ! Пора, пора: мы проголодались за долгую ночь!..» Каркнулъ грачъ на сосѣднемъ суку, отряхнулъ взъерошенныя отъ утренняго холода перья, расправилъ крылья и полетѣлъ въ поле за пищей, а за нимъ поднялась съ гнѣзда, потянулась грачиха. На время въ гнѣздѣ воцаряется тишина... Грачата ежатся, тихо попискиваютъ, но терпѣливо ждутъ возвращенія стариковъ. Однако, туманное утро скоро даетъ себя чувствовать, и проголодавшіеся птенцы начинаютъ дрожать. Они жмутся другъ къ другу, чтобы согрѣться; тотъ, кто посильнѣе, пробуетъ теперь залѣзть подъ другихъ. Болѣе слабые должны уступить и оттѣсняются къ краю. Мало по малу пискливое карканье и возня смѣняютъ тишину въ старомъ гнѣздѣ. Эти скрипящіе звуки, нарушая своимъ непріятнымъ диссонансомъ общую гармонію птичьихъ утреннихъ пѣсенъ, далеко разносятся по лѣсу. Чего такъ замѣшкалась мать?..

Вотъ слабый, дребезжащій пискъ донесся и до слуха разбойниковъ-ласокъ, остановившихся по пути тутъ же, подъ старою елью, коснулся ихъ чуткаго уха, и сразу подняли оба хищника мордочки кверху. Но не слышатъ родного писка старые грачи, улетѣвшіе за ѣдой,—и не чуютъ, какъ ласки уже карабкаются по ели, торопливо перебираются отъ сучка къ сучку — ближе и ближе къ родному гнѣзду. Ихъ короткіе, но острые когти глубоко вонзаются въ рыхлую кору ели, и черные глазки горятъ злымъ огонькомъ... Хищники чуютъ кровь и лѣзутъ, торопятся одинъ за другимъ на пискъ покинутыхъ на время птенцовъ.

Вотъ добрались... Посыпались подъ ихъ лапками мелкія вѣточки съ наружныхъ стѣнокъ гнѣзда... Заслышали шорохъ грачата... Встрепенулись глупые птенчики, закаркали хоромъ, и, разѣвая свои голодные рты, потянулись навстрѣчу шороху. «Наконецъ-то дождались!» — Но не мать, а усатая мордочка хищника показалась надъ краемъ гнѣзда... Замолкли птенцы при видѣ незнакомаго звѣря и глядятъ во всѣ глаза на невиданное явленіе... Не долго пришлось ожидать имъ. Еще одинъ мигъ,— мигъ, полный безотчетнаго страха, и непрошенный гость прыгнулъ прямо въ гнѣздо и подмялъ подъ себя двухъ грачатъ. Поняли птенцы, въ чемъ дѣло, да поздно. Подняли они отчаянный крикъ... Хлопаютъ крыльями... Мечутся по гнѣзду. Одинъ изъ птенцовъ, что былъ ближе къ краю гнѣзда, въ ужасѣ выпрыгнулъ вонъ, но угодилъ прямо въ лапы второму хищнику, подоспѣвшему какъ разъ въ это время къ гнѣзду...

Далеко были грачъ и грачиха, но и они услышали этотъ раздирающій пискъ. Сердце почуяло недоброе.

Ласка въ гнѣздѣ грачей.

Быстро поднялись съ земли старыя птицы и съ громкимъ карканьемъ поспѣшили обратно къ оставленному гнѣзду... Ужасная картина представилась ихъ глазамъ: двое хищниковъ — одинъ въ самомъ гнѣздѣ, другой — возлѣ, на вѣткѣ—душили ихъ дѣтей. Кричатъ и бьются грачата въ ласкиныхъ лапахъ. Не задумываясь, бросилась мать на хищника, хозяйничавшаго въ гнѣздѣ, разомъ вцѣпилась своимъ крѣпкимъ клювомъ ему въ хвостъ и, махая крыльями, вытянула дерзкаго разбойника вонъ изъ гнѣзда. — Но что для ласки — грачъ?.. Не успѣла грачиха выпустить изъ клюва хвоста хищника, какъ онъ ловко перевернулся въ воздухѣ, изогнулся дугой и вцѣпился ей самой въ грудь. Едва вырвалась изъ его лапъ старая птица, и теплая кровь оросила ея черныя перья... А грачъ тѣмъ временемъ съ громкимъ карканьемъ кружится надъ роднымъ деревомъ, созывая на помощь весь вороній родъ. И летятъ со всѣхъ сторонъ, и съ поля, и изъ лѣсу, кричатъ, каркаютъ грачи и вороны... Собралась громадная стая, носится надъ деревомъ... Шумъ и стонъ стоитъ на весь лѣсъ...

А разбойники дѣлаютъ свое дѣло: перегрызли птенцовъ, напились ихъ кровью, выѣли двумъ изъ нихъ мозгъ черезъ затылокъ — и лѣзутъ назадъ, на землю, покинувъ разоренное гнѣздо, облизывая свои окровавленныя мордочки и огрызаясь по пути на налетающихъ на нихъ птицъ. И долго еще послѣ ухода страшныхъ гостей кружились старыя птицы надъ свѣжими трупиками, какъ будто стараясь вернуть ихъ къ жизни своими криками, а ласки въ это время спокойно дремали въ своей норѣ подъ однообразное, тоскливое карканье.

Недавно эти разбойники поселились въ здѣшнемъ лѣсу. Видно, понравился имъ этотъ полный жизни уголокъ,—и съ тѣхъ поръ не проходитъ и дня безъ тревоги. Каждое утро у окрестнаго населенія какой-нибудь недочетъ. Никому нѣтъ покоя: то зайца загрызутъ, то у тетерки изъ подъ самаго носа цыпленка утащутъ, то жаворонка, или овсянку, или другую пташку на гнѣздѣ накроютъ; а ужъ про мышей, лягушекъ и ящерицъ — нечего и говорить. Этихъ душатъ десятками каждыя сутки. Даже ужамъ, и тѣмъ нѣтъ пощады. Прискачетъ, бывало, косой вечеркомъ на опушку лѣса, присядетъ подъ кустикомъ, чтобы перевести духъ, а ласка тутъ, какъ тутъ. Выпрыгнетъ неожиданно изъ куста и повиснетъ у косого на шеѣ. Побьется, побьется онъ, и духъ вонъ. Мышамъ совсѣмъ не стало житья, хоть не показывайся изъ норъ...

Да и въ норѣ отъ ласки не очень укроешься. Нѣтъ такой норы, нѣтъ такой щелки, куда бы не сумѣлъ проникнуть этотъ звѣрекъ. Ему только бы просунуть въ нее свою миніатюрную голову, а все остальное тѣло уже само пройдетъ, проскользнетъ—«какъ по маслу». И мѣхъ у него такой короткій, гладкій, да скользкій... Вся его организація, повидимому, приспособлена къ пролѣзанію въ чужія норы, въ норы кротовъ, мышей и другихъ грызуновъ. Съ этой цѣлью и туловище ласки такъ узко и длинно, съ этой цѣлью и голова ея уменьшена до того, что она уже, чѣмъ сильная мускулистая шея хищника, съ этою цѣлью и уши укорочены и отодвинуты назадъ, почти на затылокъ; всѣ кости туловища крайне податливы, туловище гибко, какъ у змѣи, а толщина его почти одинакова, какъ въ груди, такъ и у живота; съ этою цѣлью и лапки ласки сравнительно съ длиною тѣла такъ уродливо малы... Но эти лапки—лапки хищника. Онѣ вооружены очень острыми, хотя и короткими коническими когтями, запрятанными среди длинныхъ волосъ, покрывающихъ пальцы.

Искусственнымъ подборомъ люди создали особую породу охотничьихъ собакъ, вѣрнѣе собачекъ, породу таксъ—съ длиннымъ, гибкимъ туловищемъ на короткихъ кривыхъ ножкахъ. Эти маленькія собачки должны выгонять во время охоты барсуковъ и лисъ изъ ихъ норъ. Естественный подборъ создалъ подобную же породу маленькихъ хищниковъ,—ласокъ.

Безъ труда скользитъ ласка по узкому ходу мышиной норы. Гонитъ оттуда хозяйку, поѣдаетъ мышатъ и устраивается въ ея тепломъ подземномъ гнѣздѣ, какъ у себя дома. Здѣсь такъ уютно и мягко! И стѣнки, и полъ заботливо устланы толстымъ слоемъ мелко нагрызенныхъ травинокъ, а иногда и мелкими перьями... И вотъ, непрошенная гостья, распорядившись съ мышами по своему, располагается на нѣкоторое время на мягкой перинѣ, отдыхаетъ и нѣжится... Ласка не роетъ сама себѣ норъ. Къ этому не приспособлены ея нѣжныя лапки. Рытье норъ тупило бы ея когти, которыми она ловко, благодаря ихъ остротѣ, какъ кошка, схватываетъ почти на лету мелкихъ птицъ Съ точки зрѣнія хищника, такой трудъ былъ бы совершенно излишнимъ, такъ какъ, въ случаѣ нужды, она можетъ воспользоваться норою любого грызуна, выгнавъ оттуда хозяина. Ласка большая бѣлоручка и эту трудную черную работу рытья норъ предоставляетъ другимъ.

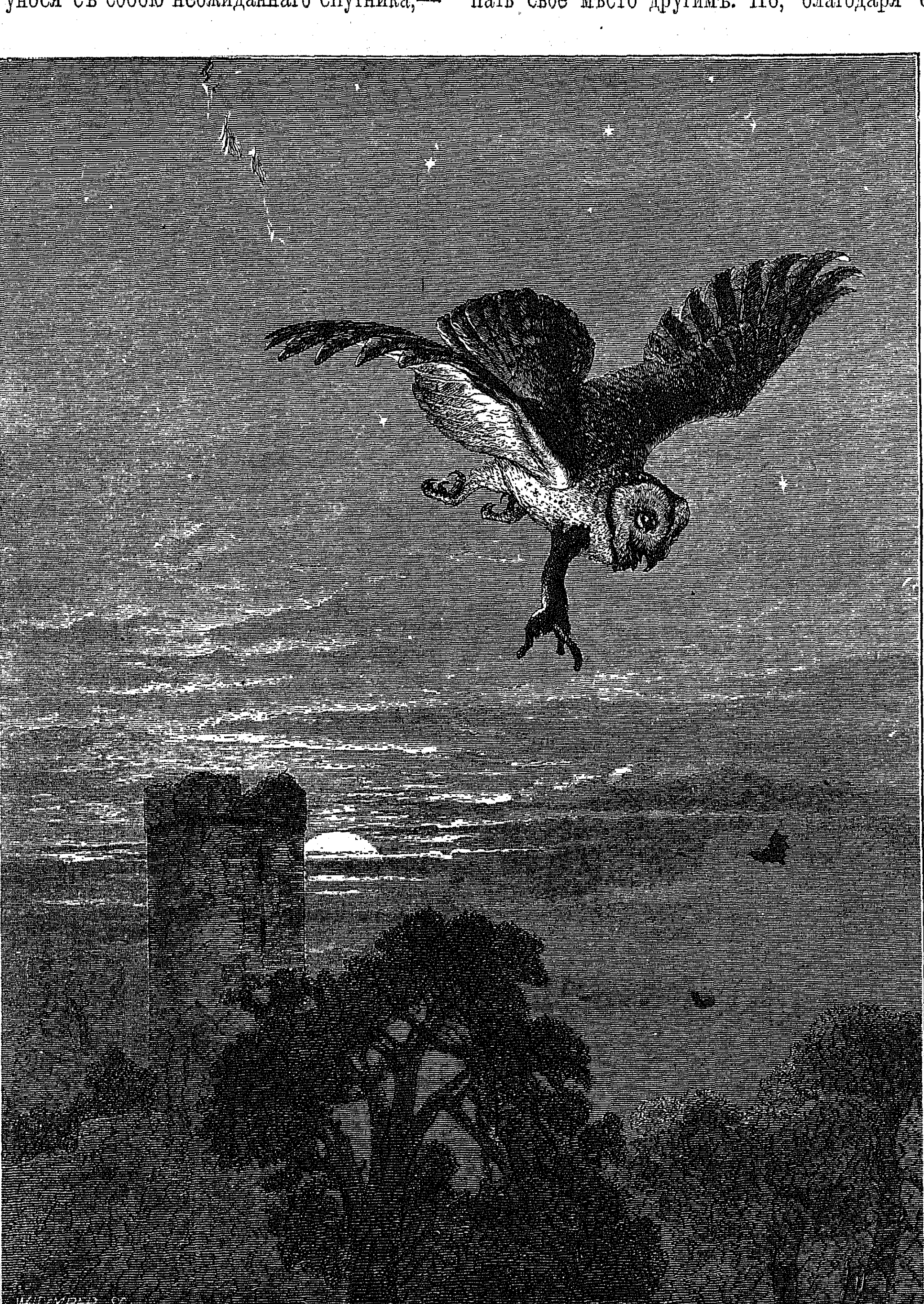
Къ такому насилію ласка привыкаетъ съ ранней юности. Вся ея жизнь состоитъ изъ ряда насилій. Прежде чѣмъ она броситъ сосать свою мать, старая ласка каждый день послѣ охоты приноситъ своимъ дѣтямъ въ гнѣздо еще живыхъ лѣсныхъ и полевыхъ мышей. Каждый день въ гнѣздѣ идетъ кровавая потѣха. Играютъ вокругъ полузамученной мыши маленькіе звѣрьки, теребятъ и кусаютъ беззащитнаго грызуна и слизываютъ капельки крови, выступающей изъ мелкихъ ранокъ. Немного позднѣе та же мать пріучаетъ молоденькихъ ласокъ самихъ ловить мелкихъ животныхъ, а еще спустя мѣсяцъ или два вся семья изъ пяти-шести молодыхъ ласокъ со старою ласкою во главѣ — отправляется на первую настоящую охоту.

Такія охоты затѣмъ повторяются изо дня въ день въ теченіи осени, пока члены семьи держатся вмѣстѣ и пока каждый изъ нихъ не обзавелся своимъ собственнымъ логовомъ. Пройдемте къ норѣ старой ласки въ тихій осенній вечеръ... Солнце только что сѣло... Повѣяло ночнымъ холодомъ. Дневные звуки мало-по-малу затихаютъ,—и вотъ изъ норы вылѣзаетъ старая ласка съ дѣтьми. Не въ первый разъ они выходятъ поиграть и побѣгать вокругъ своего гнѣзда, но теперь мать ведетъ ихъ дальше—въ поле. Снуютъ звѣрьки въ высокой травѣ, перегоняютъ другъ друга, играютъ, какъ малые котята. Вотъ одинъ забѣжалъ впередъ, присѣлъ, спрятался за широкимъ листомъ и ждетъ остальную компанію... Ждетъ—и весь дрожитъ отъ нетерпѣнія. То подастся впередъ, то снова спрячется за листъ...—Вдругъ, прыжокъ! И маленькій хищникъ уже сидитъ на спинѣ у кого-нибудь изъ своихъ братцевъ или сестрицъ. Вотъ, оба перекувырнулись, сцѣпившись вмѣстѣ, и, какъ одинъ клубокъ, покатились по травѣ. Царапаются, кусаются, пищатъ. Черезъ два-три мгновенья такъ же быстро разбѣжались въ стороны и опять неуклюже скачутъ впередъ, догоняютъ остальныхъ. Такъ прыгая и играя, подвигается за матерью молодая ватага... А старая ласка, внимательно прислушиваясь къ каждому звуку, постоянно останавливаясь, чтобы собрать разбѣгающуюся семью, уводитъ ее дальше и дальше отъ своего гнѣзда.

Встрѣтится ли по дорогѣ лягушка, полевой сверчокъ или быстрая жужжелица, и каждая такая встрѣча вызываетъ новое веселье, новую возню. Но мать ни на минуту не теряетъ дѣтей изъ виду и всегда готова поспѣшить къ нимъ на помощь. Кто бы ни былъ врагъ, осмѣлившійся напасть на ея выводокъ, она, не задумываясь, бросается на него. Случается, что шальная сова налетитъ неслышно на одного изъ молодыхъ, схватитъ его своими сильными лапами, но не успѣетъ она подняться

со своею добычею съ земли, какъ старая ласка уже возлѣ нея, вцѣпилась ей въ горло, и испуганная птица, бросивъ добычу, спѣшитъ улетѣть... Не всегда удается совѣ такъ счастливо отдѣлаться. Бываетъ, что ласка повиснетъ на шеѣ совы, какъ мертвая. Поднимается птица кверху, унося съ собою неожиданнаго спутника,— выше и выше, — но крѣпко держится ласка, не разжимаетъ зубовъ, и вотъ, взмахи крыльевъ становятся тише, полетъ тревожнѣе, и птица падаетъ на землю.

Смѣлость ласки, съ которою она бросается на каждое животное, совершенно не вяжется съ ея миніатюрною фигуркой. Но «смѣлость города беретъ», и, благодаря этой смѣлости, ея боятся болѣе сильные ея родичи, болѣе крупные хорьки и куницы. Зато за свою смѣлость ей нерѣдко приходится платиться жизнью. Въ подобныхъ случаяхъ она совсѣмъ не способна соображать. Это какое-то слѣпое чувство, которое охватываетъ все существо ея. Она чрезвычайно раздражительна, и раздраженіе у нея быстро переходитъ въ припадокъ бѣшеннаго гнѣва. Въ такомъ состояніи крошечный звѣрекъ бросается на всѣхъ, очертя голову... Достается и случайно подвернувшейся, мирно пасущейся въ полѣ лошади, достается и другимъ крупнымъ животнымъ, которымъ ласка съ визгомъ впивается въ ноги. Такая раздражительность свойственна вообще хорькамъ, но у ласки она особенно рѣзко выражена. Въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, ласка является крайнимъ типомъ всей хорьковой семьи. Смѣлость ласки при ея незначительной величинѣ имѣетъ, однако, и громадное значеніе для животнаго. Дѣйствительно, мелкому хищнику частенько приходится имѣть дѣло съ болѣе крупными своими собратами, и не будь этой смѣлости,—онъ долженъ былъ бы постоянно уступать свое мѣсто другимъ. Но, благодаря его бѣшенной дерзости и ловкости, справиться съ нимъ не легко.

Ласка, вцѣпившаяся въ сову.

Эта постоянная борьба и конкуренція съ болѣе крупными хищниками постепенно озлобляетъ животное, и свое озлобленіе оно какъ бы вымѣщаетъ на всѣхъ, кто слабѣе его. Ласка, выросшая на свободѣ, это — типъ закоренѣлаго злодѣя, убійцы. Ей доставляетъ громадное удовольствіе забраться при случаѣ въ птичникъ и передушить тамъ всѣхъ молоденькихъ птицъ. Она, какъ нѣкоторыя кошки, не можетъ спокойно глядѣть на окружающій ее животный міръ. Убійство—это своего рода страсть, убійство безъ всякаго повода, ради одного удовольствія, это—характерная черта маленькаго хищника. Оно опьяняетъ ласку... Можетъ быть, такъ дѣйствуетъ на нее запахъ свѣжей крови или даже сама кровь, которую пьетъ хищникъ, когда перегрызаетъ горло своимъ жертвамъ, а можетъ быть, это—рефлексъ, слѣдствіе сильнаго нервнаго напряженія...

Такая вражда ко всему живому переносится ласкою и на своихъ родныхъ сестеръ и братьевъ. Двѣ ласки не уживаются вмѣстѣ; только весною образуются временныя пары, да молодыя, одного выводка, до слѣдующей весны остаются въ общей норѣ.

Почему, однако, этого дерзкаго, жестокаго хищника нашъ народъ назвалъ «лаской?» — Разумѣется не за ея характеръ. Правда, эта особенность ласки, выражающаяся въ постоянной враждѣ ея со всѣми другими животными, не лежитъ въ самой натурѣ звѣрька. Жизнь въ неволѣ съ ранняго возраста, въ иныхъ условіяхъ, дѣлаетъ изъ ласки дѣйствительно «ласковое», уживчивое существо. Но, конечно, не потому его назвали такъ. Людей обманула наружность хищника, его плавныя, полныя граціи, движенія, фигурка его, напоминающая маленькую кошечку, которая, мурлыча и выгибая горбомъ свою спину, трется, ласкается у вашихъ ногъ; наконецъ, можетъ быть, и его гладкая, лоснящаяся шерсть.

Посмотрите на ласку, спокойно сидящую на землѣ. Длина ея туловища въ такомъ положеніи совсѣмъ незамѣтна. Животное сгорбилось и кажется короче и выше. Красивый изгибъ спины, красиво поднятая кверху шея, выразительные глаза и тупая мордочка съ длинными щетинками у рта и надъ глазами,—все это напоминаетъ маленькую кошечку. Но, вотъ, зашуршала въ травѣ мышь или чирикнула въ сосѣднихъ кустахъ пичужка, и вдругъ вся иллюзія исчезаетъ... Звѣрекъ сразу приникъ къ землѣ, горбикъ исчезъ, шея и туловище вытянулись во всю длину, и хорошенькій котенокъ превратился на вашихъ глазахъ въ какое-то странное «змѣинообразное» существо, которое проворно, но осторожно поползло по направленію звука. И дѣйствительно, вся фигура ласки теперь, когда она, крадучись и изгибаясь, то въ ту, то въ другую сторону, съ легкимъ шорохомъ ползетъ въ травѣ, напоминаетъ змѣю. По осторожности и ловкости, съ которою крадется животное, сразу виденъ опытный хищникъ. Небольшая величина и длина его тѣла оказываютъ здѣсь ласкѣ неоцѣнимую услугу. Ласка знаетъ это, и тамъ, гдѣ можно подкрасться или напасть врасплохъ изъ засады, она никогда не нападаетъ открыто. Если нужно, она прижмется къ землѣ и лежитъ, не шелохнется, вытянувшись во весь ростъ, ждетъ удобнаго момента, чтобы броситься, сдѣлать мастерской прыжокъ, или чтобы снова ползти впередъ. Пока она лежитъ такъ, вытянувшись, подобравъ подъ себя лапки и положивъ на землю шею, такъ что не видно ни бѣлаго брюшка, ни бѣлаго горла, она напоминаетъ старый сучекъ и формою тѣла, и цвѣтомъ сѣровато-бураго мѣха своей спины; только два нѣсколько косыхъ, блестящихъ глаза выдаютъ хищника. Впрочемъ, и по глазамъ врядъ ли кто замѣтитъ обманъ. Пока ласка ползетъ, она можетъ воспользоваться, благодаря своей величинѣ, каждымъ камнемъ, каждымъ кустомъ, чтобы спрятаться. Ее скроетъ какая угодно трава... Эта величина не только во время охоты, но еще и въ другомъ отношеніи даетъ ласкѣ громадное преимущество передъ другими, болѣе крупными хищниками. Въ самомъ дѣлѣ, ласка всюду сумѣетъ устроиться. Въ норѣ ли крота или другого мелкаго животнаго, подъ кучею ли хвороста, между корнями деревьевъ, въ плетнѣ, подъ камнями, въ скирдѣ хлѣба, даже въ самой избѣ у крестьянина, словомъ, — всюду найдется такой уголокъ, гдѣ она можетъ спрятаться отъ врага и непогоды. А больше для нея ничего и не надо... При ея величинѣ и неприхотливости въ выборѣ мѣста для своего логова, она можетъ селиться со всѣми удобствами тамъ, гдѣ не поселится ни одинъ изъ ея собратовъ. Вотъ почему мы встрѣчаемъ ласку при самыхъ различныхъ условіяхъ, и, повидимому, всюду она чувствуетъ себя хорошо. Она не связана ни мѣстностью, ни окружающимъ ее населеніемъ. Ея нѣтъ лишь на крайнемъ сѣверѣ, да въ жаркихъ странахъ, а въ нашемъ умѣренномъ поясѣ всюду, — и въ лѣсахъ, и въ степяхъ, возлѣ воды и вдали отъ всякихъ рѣкъ и озеръ,—этотъ маленькій разбойникъ находитъ мѣсто для своего логова и постоянно готовый столъ изъ мелкихъ животныхъ.

Въ нашей черноземной полосѣ ласкѣ живется особенно хорошо. Здѣсь она селится возлѣ самыхъ деревень, по полямъ и покосамъ, въ амбарахъ и въ скирдахъ хлѣба,—селится, какъ вѣрный другъ крестьянина. Она чувствуетъ себя подъ опекою человѣка, истребившаго болѣе крупныхъ и сильныхъ ея конкурентовъ. Это своего рода симбіозъ. Симбіозъ двухъ разумныхъ существъ, но симбіозъ безсознательный. Человѣкъ какъ бы заботится о маленькомъ хищникѣ, котораго онъ прогналъ бы отъ себя, если бы хищникъ былъ крупнѣе, замѣтнѣе. А хищникъ, этотъ невѣдомый другъ и сожитель, ведетъ между тѣмъ жестокую войну съ врагами земледѣльца, съ мышами и кошками, ведетъ эту борьбу не ради выгодъ своего патрона, а ради все той же своей страсти къ убійству...

Про землероекъ сказалъ какъ-то Линней, что, если бы онѣ были величиною со львовъ, то пожрали бы всѣхъ животныхъ на землѣ и другъ друга, а ласка бы, въ такомъ случаѣ, умертвила все живое и движущееся, а сама бы умерла съ голоду.

V.

ГРУППА СОБАКЪ.

Группа собакъ.

1. Домашняя собака.

«Собака вывела человѣка въ люди».

Это не парадоксъ, а глубокая научная мысль, только высказанная въ парадоксальной формѣ, на шестомъ съѣздѣ русскихъ натуралистовъ, нашимъ извѣстнымъ зоологомъ, покойнымъ профессоромъ М. Н. Богдановымъ. Вотъ какими фактами и выводами онъ доказываетъ свою мысль:

Доисторическій человѣкъ одомашнивалъ первоначально мелкихъ, а не крупныхъ животныхъ, а между этими мелкими животными самая легкая къ прирученію, болѣе доступная и полезная ему оказалась, безспорно, собака. Она и до сихъ поръ изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ стоитъ ближе къ человѣку по многостороннимъ свойствамъ своей организаціи и по умственному развитію. Притомъ она приручилась какъ бы сама собой. По всѣмъ вѣроятіямъ она явилась первымъ паразитомъ — нахлѣбникомъ доисторическаго человѣка. Въ отдаленные вѣка она, также какъ и теперь, слѣдила за нимъ. Также какъ и теперь, она рылась во всякихъ отбросахъ, она и тогда съ жадностью разрывала такъ называемыя «кухонныя кучи», которыя доисторическій человѣкъ оставлялъ отъ своего первобытнаго скуднаго обѣда *). Здѣсь, въ этомъ слишкомъ отдаленномъ отъ насъ времени, завязался первый узелъ сближенія человѣка съ собакой.

Дикарь этой отдаленной отъ насъ эпохи могъ кормиться только ягодами, плодами и орѣхами, а изъ животной пищи могъ пользоваться яйцами, молодыми птицами, гадами, рыбами, насѣкомыми, пауками, раками и моллюсками. Охоты, въ собственномъ смыслѣ этого слова, для него не существовало, вотъ почему онъ долженъ былъ жить почти исключительно въ лѣсахъ, въ рѣчныхъ долинахъ или на морскомъ берегу, словомъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ могъ добывать себѣ пищу. Но и эти мѣстности ограничивались только тропическими или подтропическими поясами. Въ лѣсахъ умѣреннаго, а тѣмъ болѣе холоднаго пояса онъ не могъ жить. Тамъ изъ растительной пищи онъ нашелъ бы очень немного. Притомъ въ зимнее время и это немногое исчезало, точно также какъ исчезали многія животныя, которыя могли питать его въ лѣтнее время. Для такого дикаря лѣсное дерево представляло надлежащее убѣжище отъ преслѣдованія дикихъ звѣрей. Вотъ почему онъ и не могъ покинуть лѣса. Но собака скоро вывела его изъ лѣса. Приручивъ ее, человѣкъ нашелъ въ ней вѣрнаго помощника и надежнаго защитника. Ея привязанность, ея смышленность, отважность, сила, ея острые и крѣпкіе зубы—все это внесло богатый вкладъ въ жизнь дикаря и мало-по-малу измѣнило эту жизнь.

Ободренный такой помощью онъ самъ сталъ храбрѣе и, вооруженный своимъ каменнымъ оружіемъ, началъ нападать на крупныхъ животныхъ. Собака гонялась за раненымъ звѣремъ, ловила его и доставляла человѣку. Такимъ образомъ дикарь—лѣсникъ превращался мало по малу въ звѣролова. Собака вывела его на опушку лѣса, въ горные луга и степи. Преслѣдованіе животныхъ сдѣлало его дѣятельнѣе, подвижнѣе, и самый кругъ его охотничьихъ набѣговъ сталъ шире и разнообразнѣе.

Съ помощью собаки первобытный человѣкъ получилъ возможность ловить молодыхъ дѣтенышей. Въ горныхъ лугахъ собака загоняла ему молодыхъ барановъ, козловъ, а онъ приручалъ, одомашнивалъ этихъ звѣрей, и собака становилась сторожемъ его домашняго стада. На зиму дикарь сводилъ это стадо подъ конвоемъ вѣрной собаки съ горъ въ долины, а затѣмъ оставался тамъ и на лѣто, проникая изъ долинъ въ открытыя степи. Собака же обратила его изъ лѣсного звѣролова въ степного кочевника.

Въ этой степной жизни открылись новыя привольныя условія для воспитанія домашнихъ животныхъ. Обиліе корма внесло довольство, а съ нимъ и первые, слабые слѣды цивилизаціи, въ жизнь степного скотовода. Въ степяхъ человѣкъ встрѣтилъ крупныхъ травоядныхъ животныхъ – предковъ лошади, быка и также приручилъ ихъ, подчинилъ себѣ и приспособилъ къ своей жизни. Лошадь открыла ему доступъ въ отдаленныя пустыни, а въ нихъ человѣкъ нашелъ кулановъ, дикихъ ословъ и верблюда, съ прирученіемъ котораго явилась возможность странствованія по песчанымъ степямъ.

Затѣмъ собака повела его на сѣверъ. Изъ лѣсовъ онъ перешелъ въ тундры, гдѣ встрѣтилъ кроткаго, тихаго, сѣвернаго оленя и поработилъ его.

Такимъ образомъ, человѣкъ при помощи собаки вышелъ изъ тропическихъ лѣсовъ, проникъ далеко въ степи, песчаныя пустыни, проникъ въ тундры, разсѣлился въ равнинахъ, степяхъ, сдѣлался кочевникомъ, приручилъ всѣхъ домашнихъ животныхъ и мало по малу овладѣлъ, на сколько могъ, природой. Вотъ почему эпоха прирученія собаки по справедливости можетъ считаться однимъ изъ величайшихъ моментовъ въ исторіи человѣка. Это была заря новой жизни, новаго порядка вещей, при которомъ человѣкъ сдѣлался хозяиномъ земли. Это была первая ступень къ цивилизаціи, а потому и можно сказать, что *«собака вывела человѣка въ люди»*.

Но теперь собака будетъ вѣроятно одной изъ послѣднихъ ступеней цивилизаціи. Съ помощью ея человѣкъ достигнетъ того, что давно уже составляетъ цѣль и стремленіе географовъ. Собака привезетъ его на сѣверный полюсъ.

Съ происхожденіемъ нашей домашней собаки повторяется та же исторія, какъ и съ происхожденіемъ человѣка. Одни авторы стремятся свести всѣ племена и расы къ одной первоначальной парѣ, другіе же упорно защищаютъ множественность паръ, изъ которыхъ произошли эти племена и расы.

Дѣйствительно, какъ-то странно повѣрить, чтобы маленькая болонка или крохотныя карликовыя собачки произошли изъ одного корня съ ньюфоундлендомъ или сенъ-бернардской собакой. Но также трудно повѣрить, чтобы першероны или нормандскія лошади произошли

*) Это въ высшей степени вѣроятное предположеніе принадлежитъ не мнѣ, а моему другу, профессору А. И. Якобій.

изъ той же породы, изъ которой вышли шотландскія пони, или чтобы всѣ разнообразнѣйшія породы голубей имѣли родоначальниками какую-нибудь одну первоначальную пару.

Гибкость, пластичность организаціи въ такихъ случаяхъ проявляетъ необыкновенную, невѣроятную силу.

Собака потому разбилась на безконечное множество всякихъ породъ, что она является прежде всего среднимъ организмомъ, способнымъ ко множеству разнообразнѣйшихъ приспособленій. Въ ней нѣтъ той хищности, какую мы видимъ у кошекъ или хорьковыхъ. Ея инстинкты не сложились въ кровожадный, исключительный организмъ. Она не имѣетъ такихъ сильныхъ лапъ, вооруженныхъ острыми, кривыми когтями, какими вооружены всѣ кошки, а потому и не можетъ лазать по деревьямъ.

Но несмотря на всю пластичность ея организаціи, собака не можетъ переступить границъ ея видоваго типа и не перестаетъ быть собакой. Ее сразу можно отличить отъ лисицы, корсака, шакала, песца и даже волка, который ближе всѣхъ другихъ видовъ собакъ приближается къ нашей домашней собакѣ.

Въ собакахъ, какъ и во всѣхъ прирученныхъ и одомашненныхъ животныхъ, мы должны отличить прежде всего чистую породу отъ помѣсей, а затѣмъ посмотрѣть на тѣ типическія черты, которыя всего рѣзче выступаютъ въ цѣломъ видѣ собаки.

Здѣсь первое мѣсто принадлежитъ бѣгу и длинѣ ногъ, приспособленныхъ къ этому бѣгу. Какъ для кошки характеренъ прыжокъ, такъ для собаки являются отличительнымъ признакомъ длинныя ноги, приспособленныя къ сильному, продолжительному бѣгу. За исключеніемъ коротконогихъ и кривоногихъ ищеекъ всѣ породы собакъ отличаются длинными ногами, но наиболѣе приспособленными въ этомъ случаѣ являются борзыя, гончія и левретки. Это—чистые типы «бѣгающихъ» собакъ.

Второй отличительной чертой собачьяго вида является болѣе или менѣе длинная, заостренная морда, вытянутая насчетъ органа обонянія—носа.

Этотъ органъ есть главный руководитель собаки изъ всѣхъ другихъ органовъ чувствъ. Она не вѣритъ ни глазамъ, ни ушамъ, она вѣритъ только своему чутью. Случается, что собака, при видѣ хозяина, не узнаетъ его и ворчитъ на него. Но стоитъ ей обнюхать его, и она съ радостнымъ чувствомъ бросается къ нему.

Случается также, что незнакомая, совершенно чужая собака бѣжитъ за вами или подходитъ къ вамъ, обнюхиваетъ и начинаетъ къ вамъ ласкаться. Разгадка въ томъ, что ваше платье пахнетъ знакомымъ ей запахомъ, или же запахомъ отъ другой собаки, женскаго пола, и этотъ запахъ невольно возбуждаетъ и притягиваетъ ее.

Внутри длиннаго собачьяго носа расположено множество извилистыхъ складокъ слизистой оболочки, въ которыхъ разсыпаются и оканчиваются тонкія вѣтви обонятельнаго нерва. Кто не знаетъ по личному опыту, или по разсказамъ охотниковъ, какъ тонко и чутко обоняніе собаки. Народъ не даромъ придумалъ для него особое названіе—*чутье*. Благодаря этому чутью она не можетъ нигдѣ заблудиться и вездѣ найдетъ прямую дорогу. Благодаря этому чутью она слышитъ запахи, неуловимые для человѣка. Она чуетъ птицу, которая сидитъ на другомъ берегу рѣки; слышитъ запахъ дичи за нѣсколько десятковъ шаговъ. Можно положительно сказать, что если бы не было этого сильно и тонко приспособленнаго органа обонянія, то собака никогда бы не «вывела человѣка въ люди». Чутье для нея — все; цѣлое міросозерцаніе въ нервахъ ея носа.

Но чутье, само по себѣ, еще не дало бы собакѣ тѣхъ преимуществъ, которые даетъ ей ея органъ мышленія. Сравнивая всѣ породы собакъ съ этой точки зрѣнія, мы можемъ довольно рѣзко раздѣлить ихъ на *плосколобыхъ*, т. е. такихъ, у которыхъ лобъ представляетъ почти одну прямую линію съ носомъ, и на *крутолобыхъ*, у которыхъ эта линія несетъ болѣе или менѣе глубокую впадину, рѣзко отдѣляющую область лба отъ области носа. Здѣсь мы видимъ почти тоже, что повторяется съ такой очевидностью и въ черепахъ человѣка съ его прогнатизмомъ и лицевымъ угломъ.

Но, предполагая это дѣленіе, необходимо оговориться.

На развитіе умственныхъ способностей собаки дѣйствуютъ, какъ и на все въ природѣ, два факта: 1) окружающій ее циклъ природныхъ явленій и 2) умъ и воля человѣка. Первый даетъ болѣе глубокіе и прочные результаты, второй приводитъ къ ближайшимъ цѣлямъ; къ измѣненіямъ, которые не захватываютъ широко приспособленіе животнаго. Здѣсь на первомъ планѣ стоятъ утилитарныя цѣли. Человѣкъ можетъ приспособить собаку къ его охотничьимъ цѣлямъ, къ отыскиванію норъ, какъ ищейку, къ угонкѣ за быстро бѣгающими животными, какъ борзыхъ и гончихъ собакъ, къ механической работѣ, къ отыскиванію дичи и пр., и пр. Не только вырабатывается въ собакѣ то, что онъ желаетъ получить, но, помимо его воли, вырабатывается и то, что лежитъ въ цѣляхъ самого организма, въ цѣляхъ для него непонятныхъ.

Не трудно замѣтить, что не только складъ ума, но и складъ характера человѣка отражается на его собакѣ. Она привыкаетъ къ его привычкамъ и къ его поведенію, и все это отражается на ея мозгу, а затѣмъ и на ея черепѣ. Вотъ почему въ черепѣ собакъ мы часто подмѣчаемъ сильныя различія, хотя бы онѣ и принадлежали къ одной расѣ.

Характеръ, предполагаемой здѣсь мною для группировки собакъ, является болѣе опредѣленнымъ и постояннымъ, чѣмъ всѣ другіе характеры. Да иначе и не можетъ быть. Если лицевой уголъ человѣка и прогнатизмъ вѣрны для «человѣка», для отличія слабо или сильно развитыхъ умственныхъ способностей его, то тоже самое мы должны прикладывать и къ черепу собаки.

Но здѣсь прежде всего должно отличать умъ и смышленность или понятливость. Собака не можетъ имѣть, по всѣмъ вѣроятіямъ, ни отвлеченныхъ понятій, ни отвлеченнаго, логическаго мышленія. Она выводитъ только ближайшія, наиболѣе простыя заключенія. Въ ея головѣ накопляется, въ теченіе болѣе или менѣе длиннаго ряда поколѣній, множество случайныхъ, добытыхъ личнымъ наблюденіемъ, фактовъ, и если память у нея сильна, то въ ея мозгу набирается громадный матеріалъ. Изъ этого матеріала она примѣняетъ въ каждомъ данномъ случаѣ тотъ или другой образъ дѣйствія, не разумѣя, въ чемъ именно и заключается необходимость и польза этого примѣненія.

Притомъ многое здѣсь является инстинктивнымъ, безсознательнымъ, многое является въ силу чувства, въ силу неодолимаго влеченія къ тому или другому дѣйствію или поступку.

Привычки обращаются въ инстинкты. Инстинкты закрѣпляются или измѣняются сознательными дѣйствіями. Эскимосскую (инуитскую) собаку тянетъ неодолимо бѣжать хоть десятки верстъ по снѣжнымъ сугробамъ. Ньюфунлендскую — тянетъ въ воду. Борзая съ наслажденіемъ бросается въ погоню за зайцемъ. Охотничья собака внѣ себя отъ восторга, когда видитъ, что хозяинъ ея собирается на охоту.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ каждой породѣ собакъ есть собаки глупыя, тупыя и собаки умныя, смышленыя и понятливыя, точно также какъ существуютъ собаки злыя, угрюмыя, нелюдимыя и собаки добрыя, общительныя, привязчивыя.

Мнѣ кажется, что въ породахъ собакъ мы должны прежде всего отдѣлить тѣхъ, которыя несутъ въ своей организаціи менѣе измѣненій, произведенныхъ въ ней человѣкомъ, и слѣдовательно менѣе измѣненныхъ прирученіемъ и одомашненіемъ. Общій типъ этихъ собакъ

приближается къ типу волка, и, мнѣ кажется, всего ближе будетъ назвать эти породы: *собаками-волками*. Типомъ ихъ могъ бы послужить австралійскій *динго*—собака съ довольно длинной, рыжеватой шерстью и пушистымъ хвостомъ. Но этотъ звѣрь представляется не только сходнымъ съ волкомъ, но онъ несетъ также признаки лисицы. По крайней мѣрѣ онъ сильно напоминаетъ ее, если не по складу, то по цвѣту шерсти и пушистому чисто лисьему хвосту.

Среди своеобразной—и въ растеніяхъ, и въ животныхъ—Австраліи эти собаки, такъ сильно напоминающія нашихъ волковъ, на первый взглядъ кажутся чѣмъ-то негармоничнымъ. Динго представляетъ мѣстную, древнюю породу, безспорно принадлежащую этой части свѣта.

Подобно нашему волку, онъ является бичемъ для стадъ и въ особенности для овецъ. Онъ былъ страшенъ въ особенности въ прежнее время, лѣтъ 70 тому назадъ, пока туземцы не принялись за правильную войну противъ него. По показаніямъ Брэма, въ это время динго утащили болѣе тысячи головъ овецъ изъ одной только овчарни.

Изъ дикихъ животныхъ Австралія представляетъ богатый выборъ для динго. Онъ преимущественно охотится за кенгуру, котораго подстерегаетъ и нападаетъ цѣлой маленькой стаей или парой.

Нерѣдко можно видѣть динго преслѣдующимъ добычу даже въ водѣ. На прилагаемомъ рисункѣ (стр. 235—236) мы видимъ частичку австралійской природы съ ея своеобразными, странными растеніями. Тутъ виднѣются деревья, болѣе похожія на исполинскую рѣдьку, у которой только конецъ запрятался въ землѣ, или растеніе въ видѣ пучка длинныхъ, тонкихъ, блѣдно-зеленыхъ волосообразныхъ листьевъ. Рисунокъ представляетъ часть маленькаго островка въ южной Австраліи:—пара динго подошла къ самой водѣ. Что-то мелькнуло въ ней, и этого мгновеннаго движенія вполнѣ достаточно, чтобы остановить вниманіе хищнаго звѣря. Въ слѣдующее мгновеніе онъ видитъ, что отъ берега отплываетъ утконосъ съ своимъ маленькимъ. Еще мгновенье, и онъ бросился въ воду и схватилъ этого водяного птицезвѣря, вынырнулъ, вскочилъ на берегъ и началъ отряхаться, держа въ зубахъ свою добычу. Несчастное животное корчится, старается вырваться... Но это не надолго. Сейчасъ оно успокоится въ желудкѣ динго.

Динго золъ, хитеръ и смѣлъ. Его чутье и зрѣніе сильно развиты. Къ нему можно приложить все, что мы знаемъ объ образѣ жизни и повадкахъ волка, собаки и лисицы. Подобно волку и собакѣ, онъ склоненъ къ жизни обществами. Маленькія стайки его въ пять, шесть головъ, ходятъ и ловятъ добычу постоянно вмѣстѣ. И эта черта, этотъ инстинктъ общественности свойственъ почти всѣмъ собакамъ, всему собачьему роду въ противоположность всегда одинокимъ, себялюбивымъ кошкамъ. Но инстинктъ собственности также сильно развитъ и какъ-то странно уживается рядомъ съ наклонностью къ общественности. Динго, хотя и живутъ цѣлой стаей и по нѣскольку штукъ вмѣстѣ, но каждый изъ нихъ бережетъ, какъ неприкосновенный уголокъ, то мѣстечко, на которомъ онъ спитъ, или который онъ считаетъ собственнымъ угломъ. Эта черта также свойственна и волкамъ, и собакамъ. И если динго почему-либо зайдетъ на чужое мѣсто, то тотчасъ же всѣ его товарищи накинутся на узурпатора и зададутъ ему добрую потасовку.

Эту черту можно ясно наблюдать на одичавшихъ турецкихъ собакахъ. Всѣ онѣ держатся стаями, и у каждой стаи свое мѣсто въ какомъ-нибудь переулкѣ, улицѣ или площади. Странно, что этотъ инстинктъ собственности начинается съ земли и, разумѣется, распространяется отсюда и на пищу, и чуть ли не на всѣ функціи.

Собаки въ Константинополѣ составляютъ своего рода status in stato. Жители терпятъ ихъ, въ виду тѣхъ гигіеническихъ или ассенизаторскихъ услугъ, которыя доставляютъ имъ эти собаки, поѣдая всѣ отбросы, выкидываемые на улицу правовѣрными мусульманами. Мнѣ разсказывалъ очевидецъ, что эти собаки пользуются строгой охраной со стороны туземнаго населенія. Съ полной свободой онѣ занимаютъ мѣста, гдѣ-нибудь въ тѣни домовъ и заборовъ, и ни одинъ прохожій или проѣзжій не подумаетъ какъ-нибудь умышленно затронуть такую собаку, можетъ быть потому, что всѣ другія тотчасъ же набросятся на него. Но онѣ точно также набросятся при всякомъ удобномъ случаѣ на собаку собственной стаи, если она хотя чѣмъ-нибудь выкажетъ слабость и болѣзненность. Въ одинъ мигъ она будетъ загрызена и растерзана.

Это—замѣчательное противорѣчіе въ инстинктѣ. За члена общества или стаи всѣ собаки готовы дружно стоять, но если этотъ членъ раненъ или ушибленъ, то вся стая относится къ нему, какъ къ отверженному отщепенцу, и со злобой загрызаетъ, а въ случаѣ голода даже съѣдаетъ его. Vae victis!.. Должно сказать впрочемъ, что такой инстинктъ свойственъ не однимъ собакамъ или собачьему роду, а многимъ другимъ животнымъ.

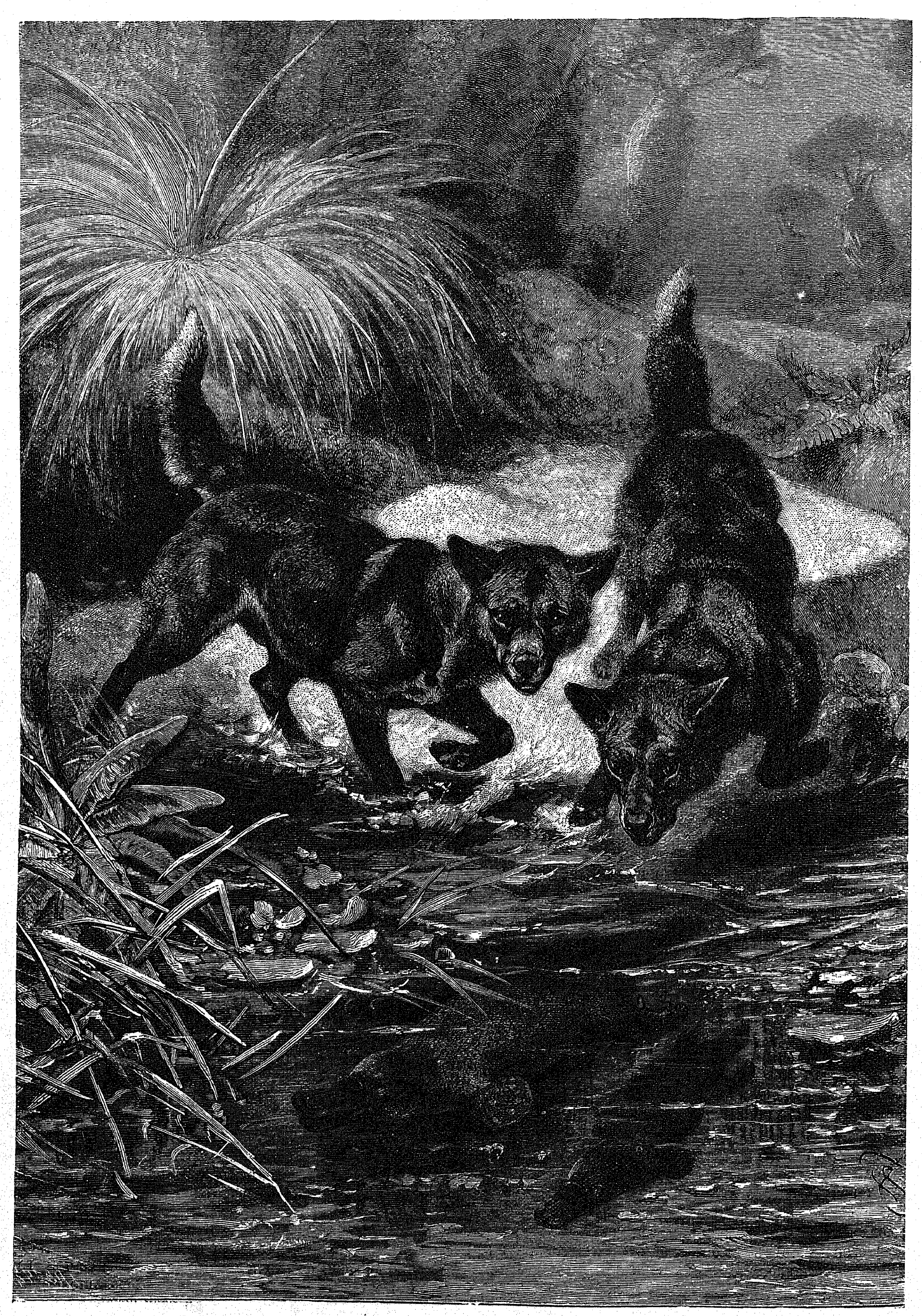
Константинопольскія собаки сильно напоминаютъ нашихъ борзыхъ собакъ, но у нихъ нѣтъ тѣхъ стройныхъ, красивыхъ статей, которыя свойственны нашимъ борзымъ. Шерсть на нихъ довольно длинная, лохматая, почти всегда стоитъ вихрами во всѣ стороны и почти всегда рыжая. Взглядъ ихъ дикій, угрюмый, да и вообще она своимъ унылымъ, грустнымъ видомъ, своей опущенной почти всегда головой и хвостомъ внизъ, производятъ невеселое впечатлѣніе. А между тѣмъ въ Константинополѣ туземные жители берегутъ и охраняютъ ихъ такъ усердно.

Вообще въ понятіяхъ мусульманъ отношенія къ собакѣ какъ-то раздвоились. «Собака» для него бранное, презрительное слово, которымъ онъ нерѣдко награждаетъ христіанина, и между тѣмъ та же собака на востокѣ пользуется высокимъ уваженіемъ. Арабы дорого цѣнятъ хорошую охотничью собаку, почти такъ же, какъ хорошую арабскую лошадь. Брэмъ, который долго жилъ на востокѣ, въ Египтѣ, разсказываетъ много интересныхъ вещей объ египетскихъ собакахъ и отношеніяхъ къ нимъ жителей. Около Каира каждая собака на горѣ вырываетъ двѣ норы. Одна обращена на сѣверную сторону, другая—на южную. Во время сильнаго дневного зноя онѣ ищутъ прохлады и спятъ въ сѣверной норѣ. Напротивъ, во время холодовъ или холоднаго, сѣвернаго, нагорнаго вѣтра онѣ прячутся на южномъ склонѣ горы, въ южной норѣ. Эти одичавшія собаки живутъ, какъ и константинопольскія, на свободѣ, въ полудикомъ состояніи и поѣдаютъ всякіе отбросы. Онѣ очень хорошо отличаютъ по платью туземца отъ европейца и никогда не бросаются на мѣстнаго жителя. Онѣ привыкли къ добрымъ отношеніямъ къ нимъ этихъ туземныхъ жителей и платятъ за ихъ доброту или снисходительность той же монетой.

«Лошадь, собака и женщина» считаются у восточнаго жителя почти равноцѣнной собственностью, но выше всего онъ ставитъ хорошаго арабскаго коня.

Брэмъ разсказываетъ, что хорошаго, породистаго щенка на востокѣ нерѣдко выкармливаютъ женщины собственнымъ молокомъ. Припомнимъ, что такое же отношеніе было и у насъ въ помѣщичьей средѣ, когда крѣпостныя кормилицы выкармливали собственнымъ молокомъ барскихъ породистыхъ собакъ.

Въ Тангерѣ, да вѣроятно и въ другихъ городахъ сѣверной Африки, собаки и нищіе живутъ за чертой города. Первыя приходятъ въ него на ночь, вторые съ наступленіемъ ночи удаляются въ свои пещеры или ямы, въ которыхъ живутъ въ такомъ же полудикомъ состояніи, какъ и собаки. Туземцы смотрятъ на этихъ не-

Динго, охотящіеся за утконосами.

счастныхъ нищихъ съ такимъ же презрѣніемъ, какъ и на собакъ.

Происхожденіе охоты съ борзыми собаками уходитъ въ сѣдую древность. Она уже была у нашихъ предковъ славянъ и, вѣроятно, возникла независимо отъ того на востокѣ. Во всякомъ случаѣ эта охота (да и всякая охота) должна быть отнесена къ младенческому состоянію человѣчества. Въ ней чувствуется что-то дикое, безчеловѣчное, какая-то кровавая жестокость, въ особенности въ охотѣ на несчастныхъ зайцевъ. Человѣкъ, скачущій верхомъ за зайцемъ, становится на одну доску съ борзой собакой. Онъ весь превращается въ одно буйное, неодолимое желаніе: настичь, поймать несчастнаго зайца.

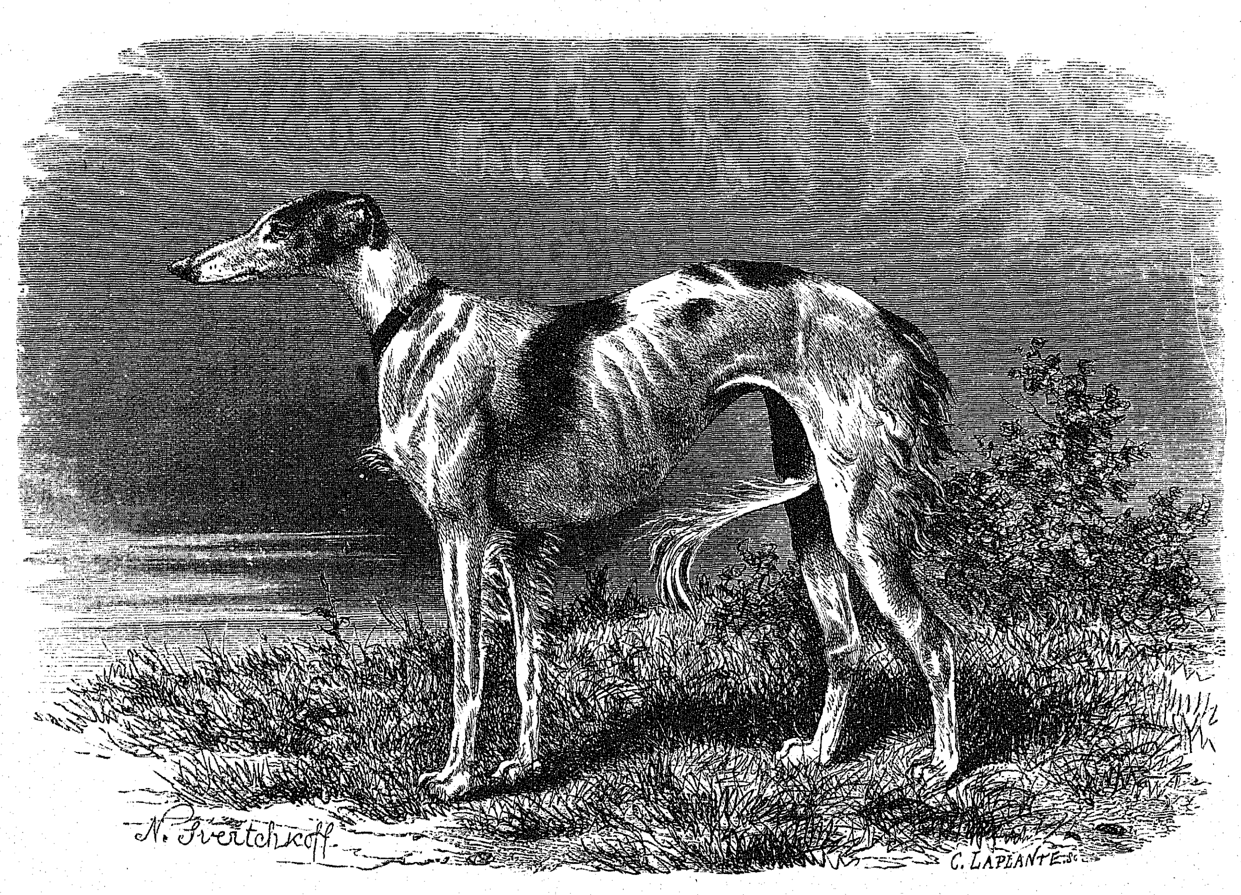
Впрочемъ въ такихъ угонкахъ за зайцемъ должно отличать два побужденія. Одно себялюбивое, но безобидное, это — стремленіе къ свободѣ, къ воздуху, къ простору, стремленіе мчаться, забывая о себѣ и наслаждаясь быстротой движенія, когда человѣкъ чувствуетъ, что его силы удвоились, удесятерились, что онъ превратился въ какого-то центавра, который можетъ летѣть какъ птица. Воздухъ свиститъ и мчится мимо, мимо. Пространство исчезаетъ! Онъ свободенъ, какъ птица, какъ вѣтеръ, у него выросли крылья... Впередъ! Впередъ! Онъ весь уваженье и свобода!.. Это необыкновенный, это высокій подъемъ духа надъ обыденнымъ, прозаическимъ строемъ.

На этотъ моментъ, вѣроятно, указываетъ нашъ народный поэтъ, говоря:

> А кто псовой охоты не любитъ,
> Тотъ свою душу заспитъ и погубитъ...

Вся наша жизнь—безостановочное движеніе. Это желанное чувство движенія впередъ разлито во всей вселенной, и человѣкъ не можетъ ему не сочувствовать. Вотъ гдѣ кроется разгадка пристрастія у насъ, русскихъ, къ быстрой ѣздѣ на тройкахъ, пристрастіе не только у насъ, но и у всѣхъ націй—къ гонкамъ и скачкамъ.

Но здѣсь уже присоединяется другой моментъ, другое отрицательное движеніе, это — эгоистическая привязанность къ конкуренціи, къ себялюбивому торжеству собственныхъ силъ или силъ подвластнаго мнѣ животнаго, перевѣсъ ловкости, сноровки и вообще всего, что помогаетъ моему *я*—опрокинуть соперника или перегнать его. Здѣсь уже замѣшивается торжество борьбы, и такое движеніе нельзя не назвать отрицательнымъ. Охотникъ, преслѣдующій зайца, не отдается безобидному движенію—онъ жаждетъ добычи, и когда несчастный заяцъ въ смертельномъ страхѣ закричитъ въ зубахъ борзой собаки, тогда онъ соскакиваетъ съ коня, хватаетъ свою добычу и, вонзая въ ея горло охотничій ножъ, съ радостью и торжествомъ гогочетъ, какъ хищный звѣрь, который достигъ своей кровожадной цѣли! Это отрицательный моментъ! И вотъ почему всякая псовая охота рано или поздно должна отойти и уже отходитъ въ давно прошедшее, въ дѣтскіе моменты развитія націи. Американцы—жадные до всякой конкуренціи—почти вовсе отказались отъ псовой охоты. Въ Германіи она также исчезаетъ, теперь очередь за нами. Но и у насъ она исчезаетъ вмѣстѣ съ патріархальнымъ крѣпостнымъ правомъ и «оскудѣніемъ» помѣщичьей среды.

Борзая.

Наши крестьянскія собаки несутъ въ большинствѣ случаевъ примѣсь крови борзыхъ собакъ. Такую собаку нельзя назвать чистокровной *дворняшкой*. Городская дворняшка меньше, ниже и вообще слабѣе ея. Притомъ чистую породу этой собаки едва ли можно найти. Обыкновенно къ ея крови примѣшивается кровь разнообразныхъ большихъ и маленькихъ господскихъ собакъ и собаченокъ. Между такими собаками нерѣдко попадаются собаки на довольно низкихъ ногахъ съ густой лохматой шерстью, съ пушистымъ хвостомъ, обыкновенно загнутымъ кольцомъ кверху и лежащимъ на спинѣ. Такія собаки дѣлаютъ очевидный переходъ къ такъ называемымъ *шпицамъ*.

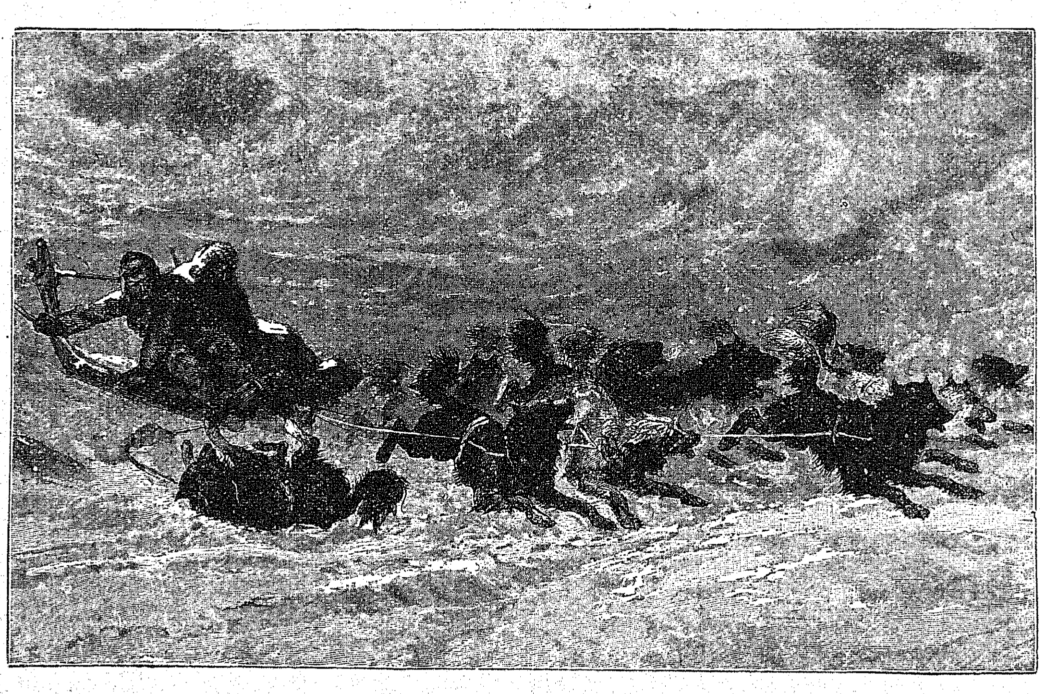
Я помню одну изъ такихъ шпицеобразныхъ дворня-

щекъ на моей далекой родинѣ, въ Сибири. Собаку звали «дамкой». Она была каштановаго цвѣта и давно уже жила у насъ на дворѣ въ Богословскомъ заводѣ (на сибирской сторонѣ сѣвернаго Урала). Она ощенилась незадолго до того времени, когда мы покидали мою родину и перебирались въ Екатеринбургъ. Когда мы готовы были ѣхать, «дамка» цѣлый день лежала на дворѣ, а когда тарантасъ тронулся, она бросила щенятъ и побѣжала за нами. Она бѣжала за тарантасомъ цѣлыхъ двѣ станціи, на третьей станціи надъ ней сжалились и посадили ее въ тарантасъ. Мы привезли ее въ Екатеринбургъ, гдѣ она прожила съ нами ровно десять лѣтъ. Когда мы переѣзжали въ Казань, то хотѣли взять и ее съ собой, для чего нарочно вымыли ее и посадили въ тарантасъ. Но когда мы тронулись, она убѣжала и запряталась такъ, что всѣ наши старанія найти ее остались безуспѣшными.

Шпицъ.

Но этотъ шпицъ не будетъ ли стоять въ генетической связи съ собакой сѣвера—собакой, широко распространенной по берегамъ Ледовитаго океана?

Кто не слыхалъ или не читалъ объ этихъ собакахъ, замѣняющихъ сѣверозападнымъ инородцамъ Россіи и лошадь, и сѣвернаго оленя? И здѣсь между этими дикими племенами собака играетъ ту же роль, какъ и въ первыя времена жизни человѣка. Она служитъ ему сторожемъ отъ нападенія дикихъ хищниковъ, но главнѣе всего она переноситъ его на далекія пространства. Безъ нея какой-нибудь эскимосъ, инуитъ не зналъ и не имѣлъ бы никакого понятія о томъ, что дѣлается за нѣсколько сотъ верстъ. Эскимосскія собаки, «эскимоски» (canis pomeranica), запряженныя въ прочныя, легкія, узкія и длинныя санки, летятъ, какъ бѣшеныя, и переносятъ чукча или эскимоса черезъ многія сотни верстъ, переносятъ во время страшныхъ пятидесяти-градусныхъ морозовъ.

Эскимосскія собаки.

Полудикія и злобныя, какъ волки, эти собаки тѣмъ не менѣе покорно даютъ запрягать себя, ворча и огрызаясь на своихъ сосѣдокъ. Каждая привязывается отдѣльно къ длинной крѣпкой веревкѣ. Всѣ вмѣстѣ онѣ могутъ стянуть тяжесть въ нѣсколько сотъ пудовъ вѣсомъ. Шесть или восемь эскимосокъ тащатъ клади, нагруженныя двадцатью или двадцатью пятью пудами, тащатъ легко и свободно. Въ особенности, если онѣ хорошо покормлены, но къ сожалѣнію этого никогда не бываетъ.

Эскимосъ кормитъ свою собаку рыбой или, правильнѣе, тѣми остатками отъ рыбъ, которые не могутъ почему либо улечься въ его собственномъ желудкѣ. Онъ бросаетъ собакѣ то, чего не можетъ съѣсть самъ. Всякая рыба считается имъ за хорошую пищу, только бы она была не свѣжая. Чѣмъ гнилѣе рыба, тѣмъ она «вкуснѣе». Пойманную рыбу нарочно зарываютъ въ ямы, въ которыхъ она лежитъ, покрываясь сперва плѣсенью, а затѣмъ разлагается, какъ и всякое мясо. Она, не смотря на 50 градусовъ мороза, издаетъ такую вонь, которую не могъ бы вынести ни одинъ здоровый, съ нормальнымъ обоняніемъ человѣкъ. Но эскимосъ привыкъ къ этому запаху. Онъ, какъ и его собаки, постоянно окруженъ имъ. Вокругъ него стоитъ эта отвратительная, зловонная атмосфера. Можетъ быть сильный морозъ уничтожаетъ всѣхъ заразительныхъ микробовъ, которые, безъ всякаго сомнѣнія, живутъ и плодятся въ этой гнилой, разлагающейся мертвечинѣ.

Удивительно странно видѣть и разгадать отношенія между эскимосомъ и его собакой. Она очевидно хорошо понимаетъ свою связь и зависимость отъ человѣка, но остается постоянно во враждебныхъ, полудикихъ отношеніяхъ къ нему. Она воръ, хищникъ, грабитель и даже, при случаѣ, разбойникъ, въ отношеніи своего хозяина.

При такихъ чисто враждебныхъ отношеніяхъ понятно, что какая либо привязанность собаки къ человѣку становится немыслимой. Себялюбивый характеръ собаки выказывается вполнѣ. Она заботится только о себѣ, о своемъ голодномъ брюхѣ или о собственной безопасности. Въ поѣздѣ она удовлетворяетъ своему инстинктивному стремленію бѣжать впередъ и впередъ. Это то же стремленіе, что и у человѣка, когда онъ несется верхомъ на лошади или летитъ въ саняхъ на ухарской тройкѣ. Быстрое, поступательное движеніе поднимаетъ духъ у путешественника, и этотъ подъемъ передается собакамъ. Онѣ заражаются имъ, какъ паникой. Увлеченныя этимъ быстрымъ бѣгомъ, онѣ какъ бы инстинктомъ чувствуютъ можно ли пробѣжать на скользкихъ, обрывистыхъ тропинкахъ, на маленькихъ тропочкахъ, между чащей изогнутыхъ деревьевъ. Эта чаща точно по волшебству разступается передъ ними. Лѣтомъ, если путь ихъ пролегаетъ по берегу рѣки и на этомъ пути встаетъ неожиданно скала, то онѣ безъ церемоніи, не задумываясь, бросаются прямо въ воду, нисколько не заботясь ни о клади, ни объ ѣздокахъ. Баронъ Врангель полагаетъ, что это дѣлается съ злобной цѣлью утопить или вообще причинить зло ѣздокамъ. Но едва ли враждебный ин-

стинктъ собаки могъ выррости до подобныхъ размѣровъ. Она смотритъ на человѣка съ очевидной враждой и злобой, и между тѣмъ эта самая *враждебная, злобная* собака идетъ на его зовъ, покорно даетъ себя запрягать и охотно тащитъ сани съ страшной тяжестью на многія версты. Что это? Заблужденіе ли инстинкта, или самый этотъ инстинктъ, ведущій звѣря къ разумнымъ поступкамъ? Но развѣ разумъ и инстинктъ не противорѣчатъ другъ другу?!

Хотя эскимоска постоянно голодна съ той скудной ѣды, которую, какъ подачку, бросаетъ ей ея хозяинъ, но наступаютъ и для нея минуты нестерпимаго голода, когда этотъ голодъ приводитъ ее въ состояніе, близкое къ бѣшенству. Тогда она съѣдаетъ упряжь, ремни или провизію хозяина, если только можетъ добраться до нея, наконецъ съѣдаетъ своего же товарища, другую собаку, если эта собака ранена или въ чемъ нибудь выкажетъ слабость.

Поѣздъ изъ чукотскихъ или эскимосскихъ саней отправляется обыкновенно послѣ того, какъ собаки накормлены. Но ихъ никогда не кормятъ до сыта изъ боязни, что онѣ побѣгутъ лѣниво и неохотно. Вотъ отправляется поѣздъ изъ двухъ саней, въ которыхъ запряжены въ каждыя восемь-десять собакъ. Моментъ, когда собачій поѣздъ отправляется въ путь,—самый непріятный для путешественника. Всѣ собаки поднимаютъ головы кверху и задаютъ чисто волчій отчаянный концертъ, отъ котораго становится жутко на душѣ.

Онѣ бѣгутъ охотно, ровно. На однѣ изъ саней засѣло три человѣка. На другія пятеро, кромѣ клади—возница вооруженъ длинной палкой. Ни возжей, ни узды нѣтъ. Если необходимо повернуть вправо, онъ постучитъ своей палкой по лѣвой сторонѣ саней, и, наоборотъ, постучитъ по правой сторонѣ, когда нужно повернуть влѣво. Сначала собаки бѣгутъ дружно, слегка полаивая и взвизгивая. Но вотъ случилось маленькое препятствіе, помѣха. Сани натолкнулись на пенекъ, и мирная картина въ мигъ мѣняется. Одну собаку ударило санями. Она съ яростью бросается на сосѣдку, сосѣдка на другую собаку, и мгновенно вся упряжь превращается въ какую-то безобразную путаницу. Сѣдоки вскакиваютъ, колотятъ собакъ чѣмъ попало и еще больше запутываютъ этотъ узелъ, который образовался изъ цѣлаго поѣзда. Все здѣсь смѣшалось и спуталось, собаки, сани, упряжь, и никакой мудрецъ не разберетъ, гдѣ конецъ и гдѣ начало этого узла.

Въ такихъ условіяхъ жизни человѣку нерѣдко приходится подчиняться инстинкту собаки и руководствоваться тѣми дарами, которые дала природа собакѣ и не дала ему. Въ бурныя мятели собака задолго до наступленія этихъ мятелей предчувствуетъ и указываетъ ихъ. Она вырываетъ въ снѣгу довольно глубокую ямку, залѣзаетъ въ нее и ложится на днѣ ея, свернувшись клубкомъ. Такимъ точно образомъ собаки распоряжались, когда жили безъ человѣка и руководствовались указаніями и приказаніями общей мачихи природы.

Но самая дорога, по которой бѣгутъ собаки, указывается также ими. Посредствомъ своего тонкаго чутья онѣ узнаютъ дорогу, хотя бы пробѣжали ее только разъ въ своей жизни. Въ этомъ отношеніи можно вполнѣ справедливо сказать, что собака для эскимоса, камчадала или алеута такъ же необходима, какъ и сѣверный олень—для вогула или лапландца.

Къ своей убогой жизни и къ ея цѣлямъ камчадалъ приручаетъ собаку съ дѣтства. Онъ даетъ ей суровое, аскетическое воспитаніе. Какъ только щенокъ перестаетъ сосать мать, камчадалъ тотчасъ же садитъ его въ глубокую, вырытую имъ, яму. Въ этой ямѣ, какъ въ одиночномъ заключеніи, несчастный щенокъ отвыкаетъ отъ всѣхъ впечатлѣній, отъ воздуха и свѣта и приручается къ жизни въ одиночествѣ. Когда же онъ выростетъ въ такомъ одиночномъ заключеніи, тогда берутъ его въ стаю и въ запряжку.

Проф. Н. П. Вагнеръ. Картины изъ жизни животныхъ.

Нашъ извѣстный сибирскій путешественникъ баронъ Врангель разсказываетъ объ эскимосскихъ собакахъ слѣдующее: «Впереди всей упряжки, состоящей изъ двѣнадцати собакъ, бѣжитъ всегда болѣе старая, умная и опытная собака. Она руководитъ остальными. Если такая собака хоть одинъ разъ бѣгала по какой-нибудь дорогѣ, то она затѣмъ въ точности помнитъ не только ея направленіе, но даже всѣ мѣста, гдѣ были остановки. Иногда жилища туземцевъ покрыты глубокимъ снѣгомъ, но она останавливается, какъ вкопанная, на пустой снѣжной равнинѣ и начинаетъ махать хвостомъ. Камчадалъ слѣзаетъ съ саней, беретъ лопату и начинаетъ разрывать снѣгъ, подъ которымъ оказываются занесенныя снѣгомъ жилища».

Этотъ странный и до сихъ поръ остающійся загадочнымъ инстинктъ направленія пути свойственъ очень многимъ животнымъ. Его можно назвать «инстинктомъ направленія», но разумѣется въ этомъ названіи не будетъ никакого объясненія. Но если наукѣ удастся когда-нибудь найти это объясненіе, хотя у одного животнаго, то тайна и для всѣхъ остальныхъ будетъ разгадана. Тогда объяснится, почему животныя, какъ напр. лемминги, совершаютъ свои таинственныя путешествія съ юго-востока на сѣверо-западъ, почему и какимъ образомъ птицы совершаютъ свои ежегодныя переселенія съ сѣвера на югъ и обратно. Почему голуби, взятые съ мѣста ихъ жительства и выпущенные на свободу высоко въ воздухѣ, сразу оріентируются и летятъ прямо по направленію въ свои родные мѣста.

Типъ сѣверной, сибирской собаки по всѣмъ вѣроятіямъ далъ начало, такъ называемой, *лайкѣ*. Это—охотничья собака, очень похожая на эскимоску и отличающаяся отъ нея преимущественно своимъ охотничьимъ инстинктомъ. Она сильно напоминаетъ южныхъ, итальянскихъ шпицовъ, отъ которыхъ отличается преимущественно нѣсколько большимъ ростомъ. Охотничьи способности этой собаки представляютъ чисто индивидуальныя свойства, такъ что настоящей породы этихъ собакъ съ этими охотничьими инстинктами, кажется, не существуетъ. За хорошую лайку платятъ на мѣстѣ отъ 150 до 300 рублей. Она покорно и послушно слѣдуетъ указаніямъ охотника, постоянно насторожива и поводя своими остроконечными ушами, и ревностно высматриваетъ или отыскиваетъ добычу, какого-нибудь звѣря или птицу. Подбѣжавъ къ дереву, на которомъ сидитъ бѣлка или тетеревъ, она вскакиваетъ на его стволъ передними лапами и начинаетъ лаять особеннымъ, пронзительно звонкимъ лаемъ. Она лаетъ до тѣхъ поръ, пока охотникъ не подойдетъ и не выстрѣлитъ въ ея находку.

Очень красивы эти собаки снѣжно-бѣлой масти, если ихъ хорошо, тщательно содержатъ. Волосы ихъ густо выростаютъ, дѣлаются мягкими, шелковистыми. Онѣ очень умны, послушны, осторожны и сильно привязываются къ хозяину.

Лобъ лайки всегда нѣсколько раздвоенъ вдоль на двѣ половины, и сильно, рѣзко выдаются ея надбровныя дуги. Въ этомъ, вѣроятно, заключается секретъ ея ума и понятливости, точно также какъ и у другихъ породъ собакъ. Я замѣчалъ, что большая часть умныхъ, понятливыхъ собакъ имѣетъ довольно глубокую ямку на переносьѣ, которая является, вѣроятно, въ силу развитыхъ надбровныхъ дугъ.

Разсматривая громадную площадь, занимаемую собакой въ старомъ свѣтѣ, мы можемъ замѣтить, что численное превосходство индивидовъ принадлежитъ *шпицеобразнымъ* собакамъ. Къ нимъ принадлежитъ эскимоска, къ нимъ должно отнести и нашу дворняшку, наконецъ къ нимъ же принадлежитъ и *овчарка* — эта спеціально выдрессированная для охраненія стадъ порода *).

*) Чистая порода, какъ кажется, водится только на горахъ—у пастуховъ. Всякая собака, имѣющая стоячіе уши, лохматую шерсть и пушистый или длинноволосистый хвостъ, приближается къ этому типу.

Овчарка.

Затѣмъ борзыя собаки открываютъ уже другую серію—*охотничьихъ* собакъ, у которыхъ заостренная морда, короткія или длинныя, висячія или только отвислыя на концахъ уши—служатъ уже для другой цѣли. Тонкій слухъ составляетъ излишекъ для борзой собаки. Ея уши сами собой загибаются назадъ, на отлетъ, во время ея быстраго бѣга. Длинная заостренная морда легко разсѣкаетъ воздухъ при этомъ бѣгѣ.

Охотничьихъ собакъ очень много породъ, и у всѣхъ у нихъ отвислыя уши. Кажется, не существуетъ наблюденій, которыя показывали бы, что у этихъ собакъ слухъ менѣе развитъ, чѣмъ у собакъ со стоячими ушами. Онъ развитъ настолько, чтобы слышатъ рѣзкій свистъ и зовъ хозяина или еще болѣе рѣзкій, громкій звукъ охотничьяго рога. На болѣе тихіе звуки охотничья собака не отзывается. Насколько она потеряла въ тонкости слуха, настолько же, вѣроятно, выиграли ея глаза, а въ особенности—чутье.

Чутье для охотничьей собаки составляетъ главнѣйшій органъ жизни. Холодный и мокрый носъ служитъ признакомъ нормальнаго состоянія охотничьей, да и всякой другой

Борзая.

собаки. Развитіе его функцій можетъ идти въ извѣстную, необходимую сторону для какого нибудь спеціальнаго дѣла. Такъ, существуютъ ищейки, прирученныя для отыскиванія трюфелей, или такъ называемыя *кровяныя собаки*, гоняющіяся за раненой дичью и отыскивающія ее по кровавымъ слѣдамъ. Плантаторы южной Америки воспитали особенную породу собакъ которая отлично чуетъ запахъ пота негра, а англичане въ Индіи приручили собакъ для отыскиванія туземцевъ.

Кровяная собака.

Уже древніе римляне и греки употребляли собакъ, какъ оружіе для военныхъ цѣлей. Они вывели породу громадныхъ, свирѣпыхъ собакъ—*молоссовъ*, съ толстыми, крѣпкими челюстями и сильнымъ, мускулистымъ тѣломъ. Этихъ собакъ они употребляли для охоты на большихъ, дикихъ звѣрей и въ войнахъ на своихъ непріятелей.

Всякая охота представляетъ намъ ту же войну, ту же борьбу между нападающимъ и защищающимся или спасающимся бѣгствомъ, ту же кровожадную забаву, отъ которой долженъ быть избавленъ рано или поздно цивилизованный, гуманный человѣкъ.

Въ настоящее время молоссы, къ крайнему сожалѣнію, еще существуютъ или онѣ замѣняются вполнѣ другими, чудовищными *меделянскими* собаками. Собаки эти дѣйствительно имѣютъ страшный, свирѣпый видъ. Ихъ громадная голова, съ небольшими, висячими ушами, сидящими на толстой, короткой шеѣ; ихъ глаза красные, воспаленные, ихъ отвислыя губы и страшныя, крѣпкія челюсти и зубы; наконецъ, ихъ массивное тѣло, все сложенное изъ сильныхъ, выдающихся мышцъ, твердыхъ, упругихъ, какъ бы желѣзныхъ—все говоритъ о силѣ и злобѣ этой свирѣпой породы. Взглядъ ихъ угрюмый и дикій, какой-то безсмысленный, не внушаетъ никакой симпатіи. Таковы эти *волкодавы*, бросающіеся въ ожесточенный, смертный бой съ волками и медвѣдями.

Не далеко отъ нихъ стоятъ англійскіе и нѣмецкіе *доги*, не столь массивные, но почти столь же дикіе и угрюмые. Въ этихъ собакахъ не замѣтна та свирѣпая одеревенѣлость во всѣхъ членахъ, какая замѣчается въ молоссахъ. Шея ихъ немного тоньше и длиннѣе, ноги также тоньше чѣмъ у меделянскихъ собакъ. Но главное отличіе ихъ отъ малоссовъ заключается въ ихъ прямо стоящихъ ушахъ.

Мастифъ (меделянъ).

Почти всѣ собаки, которыхъ человѣкъ приручилъ къ тому или другому роду охоты—имѣютъ висячія уши. Самыя длинныя уши—у охотничьихъ подружейныхъ собаки, а точно также у *таксъ* или *выжликовъ*. У этихъ послѣднихъ длина ушей, совершенно закрывающихъ отверстіе ихъ наружнаго уха, вѣроятно имѣетъ цѣлью предохраненіе его отъ засоренія землей, въ то

время, когда такса залѣзаетъ въ какую-нибудь нору или разрываетъ ее. Для той же цѣли приспособленъ весь ея организмъ, начиная съ сильно вытянутаго въ длину тѣла ея до ея короткихъ, но сильныхъ, кривыхъ, изогнутыхъ ногъ съ крѣпкими, тупыми когтями. Этими ногами она быстро и ловко разрываетъ землю.

Въ особенности въ Англіи въ большомъ употребленіи охота съ таксами на барсука. Это — чернобрюхій звѣрь очень близкій къ медвѣдямъ. Онъ вырываетъ свою берлогу по берегамъ небольшихъ извилистыхъ рѣчекъ. Два или три выжлика выслѣживаютъ и выгоняютъ его изъ норы. Онъ отчаянно защищается, но выжлики своими крѣпкими зубами храбро хватаютъ его за лапы, за уши, за что попадется. Они волокутъ его по землѣ, и при этомъ нерѣдко случается комическій эпизодъ.

Нѣмецкій догъ.

Одна собака тянетъ его, ухвативъ за складку кожи. Другая тоже вцѣпилась въ него, но онъ куснулъ ее такъ, что она бросила его и съ визгомъ присѣла на землю, а третья такса въ общей свалкѣ не могла удержаться на покатомъ пригоркѣ и полетѣла внизъ, поджавъ хвостъ, прямо въ рѣку (рис. на стр. 249—250).

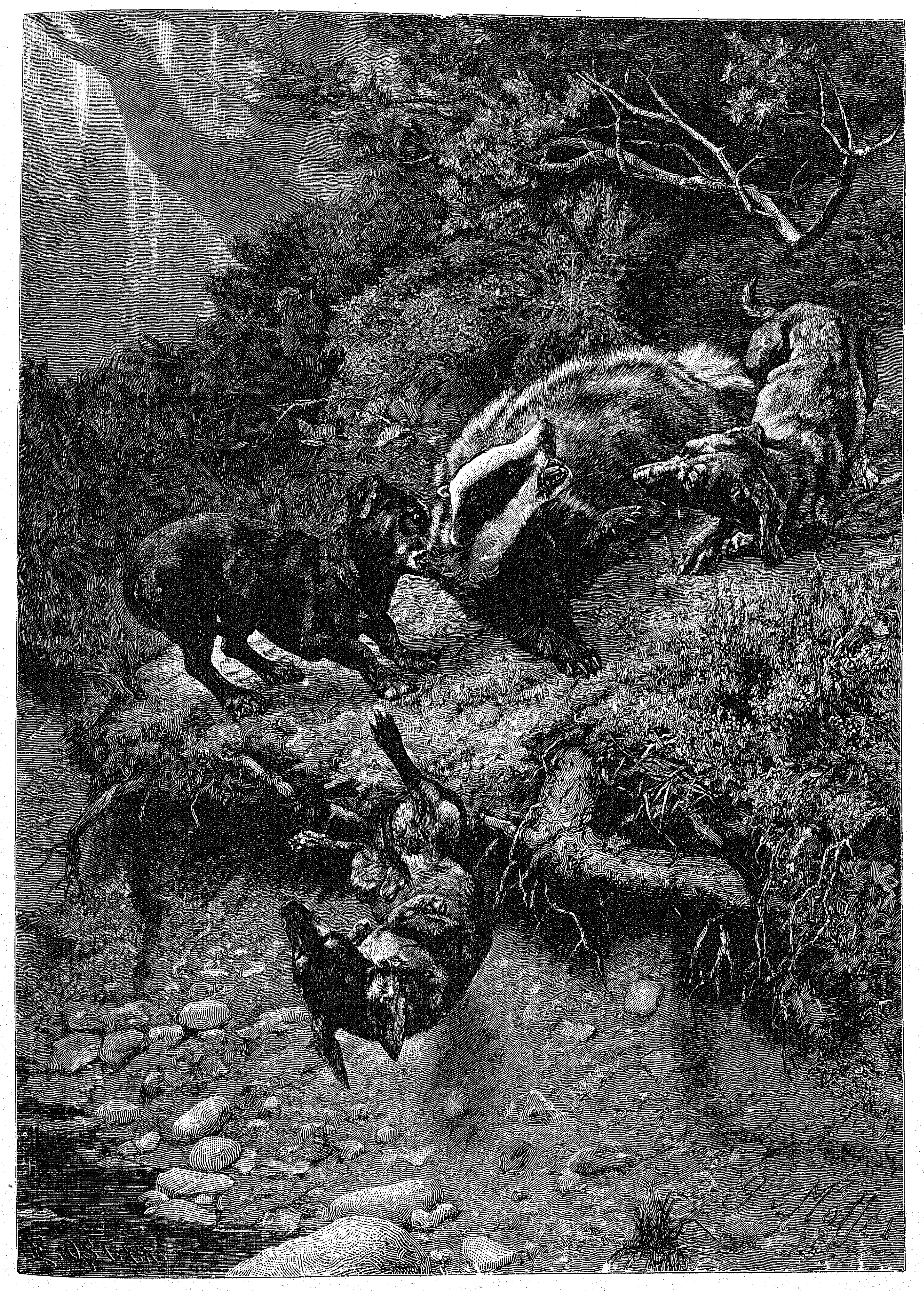
Таксы.

Между охотничьими собаками, которыя всѣ очевидно произошли отъ молоссовъ—*лягавая* по ея распространенію занимаетъ, или, правильнѣе сказать, занимала центральное мѣсто. Еще не такъ давно, лѣтъ 30 или 40 тому назадъ, существовали большія, неуклюжія, тяжелыя лягавыя собаки, которыя теперь почти повсюду вышли изъ употребленія. Ихъ замѣнили небольшія легкія, поджарыя, такъ называемыя французскія лягавыя собаки, а у насъ *маркварки*, представляющія чисто русскую, въ Россіи выведенную породу.

Но и эти болѣе цѣлесообразныя охотничьи собаки уже вытѣсняются другими, наиболѣе приспособленными. Охотникъ, не имѣющій большихъ средствъ, ищетъ всегда достать гдѣ-нибудь на сторонѣ щенка отъ *сеттера*, *гордона* или *пойнтера*. Всѣ эти собаки обязаны своимъ выводомъ англійскимъ охотникамъ. Первыя двѣ породы представляютъ довольно большихъ, длинношерстыхъ собакъ, съ длиннымъ волосистымъ хвостомъ и также длинными висячими ушами. Сеттеры покрыты желтоватой или рыжеватой шерстью. Но попадаются также пестрые или чисто бѣлые. Гордоны также длинноволосые — чернаго цвѣта—съ желтоватыми или желто-красными подпалинами на ушахъ, на мордѣ и надбровныхъ дугахъ. Это очень красивыя и на охотѣ незамѣнимыя собаки. Пойнтеры покрыты короткой черной шерстью, нерѣдко также съ подпалинами на мордѣ.

Въ западной Европѣ почти на каждаго звѣря существуетъ особая порода охотничьихъ собакъ, имѣющихъ свои особенности: тамъ существуютъ собаки *гончія*, употребляемыя на оленей, *ищейки*, *лисьи* собаки, *волчьи*, Это все несомнѣнные варіанты одной и той же породы, вѣроятно выведенныя изъ меделянской или близкой къ ней породы.

Другія свойства собаки доставили человѣку возможность изъ охотничьихъ собакъ вывести красивыя породы для себя лично, для своихъ комнатъ. Въ выводѣ этихъ собакъ по всѣмъ вѣроятіямъ замѣшался женскій вкусъ и женская ласка, и вотъ почему можно назвать всѣ эти породы общимъ именемъ *дамскихъ собачекъ*. Но въ эту общую категорію входятъ собаки очень разнообразныхъ статей, происшедшія, вѣроятно, изъ различ-

Таксы, затравившія барсука.

ныхъ породъ. Небольшія, тонкихъ и легкихъ статей, чрезвычайно красивыя, стройныя *левретки*, вѣроятно, вышли изъ гончихъ собакъ. Въ Европѣ ихъ называютъ *итальянскими* собаками. По своимъ формамъ эти собаки сильно напоминаютъ борзыхъ, а французское названіе говоритъ, что это порода охотничьихъ собакъ, приспособленная для ловли зайцевъ. И дѣйствительно, быстрый бѣгъ левретокъ указываетъ на ихъ способность преслѣдовать животныхъ, гоняться за ними и хватать на быстромъ бѣгу или, правильнѣе говоря, на скаку. Левретки такимъ образомъ стоятъ на полдорогѣ между охотничьими и дамскими собаками (рис. на стр. 269—270).

круглая голова, высокій лобъ, толстая, широкая морда, нижняя челюсть, выдвинутая впередъ, верхняя губа, не покрывающая переднихъ зубовъ, наконецъ угрюмый, свирѣпый взглядъ, вотъ извѣстныя всѣмъ отличительныя черты этихъ свирѣпыхъ и сварливыхъ собакъ. Ихъ короткія искривленныя ноги отличаются, также какъ и ноги меделянскихъ собакъ, поразительно сильнымъ развитіемъ мускуловъ. Черепъ бульдога замѣчателенъ по крѣпости и толщинѣ костей, а сильно развитой лобъ указываетъ на сильное развитіе мозга. Но это указаніе обманчиво. Внутри лобной чашки остается очень мало мѣста для мозга. Бульдоги замѣчательны по силѣ и

Лягавая.

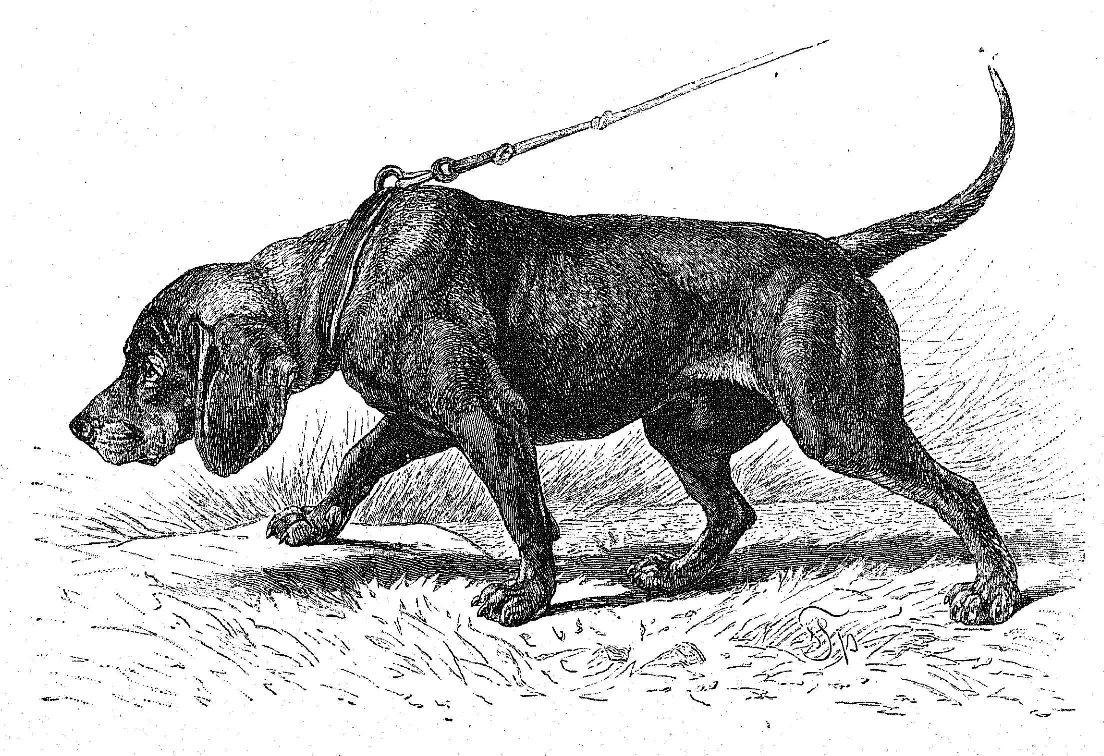
Изъ длинношерстыхъ сеттеровъ человѣкъ вывелъ *испанскихъ* или *польскихъ* собакъ, отличающихся меньшей величиной и болѣе шелковистой, тонкой шерстью. Отсюда же, вѣроятно, произошли *кингъ-чарльсы*, давшіе по всѣмъ вѣроятіямъ начало гордонамъ. Это чрезвычайно красивыя, небольшія собачки съ мягкой, длинной, шелковистой шерстью, разводимыя по всему міру, какъ комнатныя или постельныя собаки.

Доги и меделянскія собаки дали также начало одной породѣ чрезвычайно свирѣпыхъ, злыхъ и очень понятливыхъ собакъ. Ихъ вывели также англичане. Это *бульдоги* или «собаки-быки», если перевести по-русски буквально названіе этой странной, некрасивой породы. Эти собаки, когда разжирѣютъ, то становятся безобразными и очень похожими на *«Джонъ-буля»*. Прямо стоячіе уши (которыя нерѣдко на концахъ обрубливаютъ),

крѣпости своихъ челюстей и зубовъ. Они инстинктивно бросаются на добычу и съ такой силой и страстностью сжимаютъ свои страшныя челюсти, что не могутъ уже разжать ихъ. У нихъ дѣлается контрактура мышцъ. Они схватываютъ «мертвой хваткой», какъ говоритъ нашъ народъ.

Въ Россіи, въ усадьбахъ помѣщиковъ давно уже выведена порода небольшихъ бульдоговъ, извѣстныхъ подъ именемъ *мордашекъ*. Этихъ бульдоговъ употребляютъ на охоты на кабановъ и медвѣдей. Они обладаютъ особеннымъ, вѣроятно выработаннымъ воспитаніемъ, инстинктомъ: схватывать звѣря за самыя чувствительныя мягкія части, схватывать мертвой хваткой, такъ что звѣрь отъ невыносимой боли теряетъ силы и становится безоружнымъ, сравнительно легкой добычей.

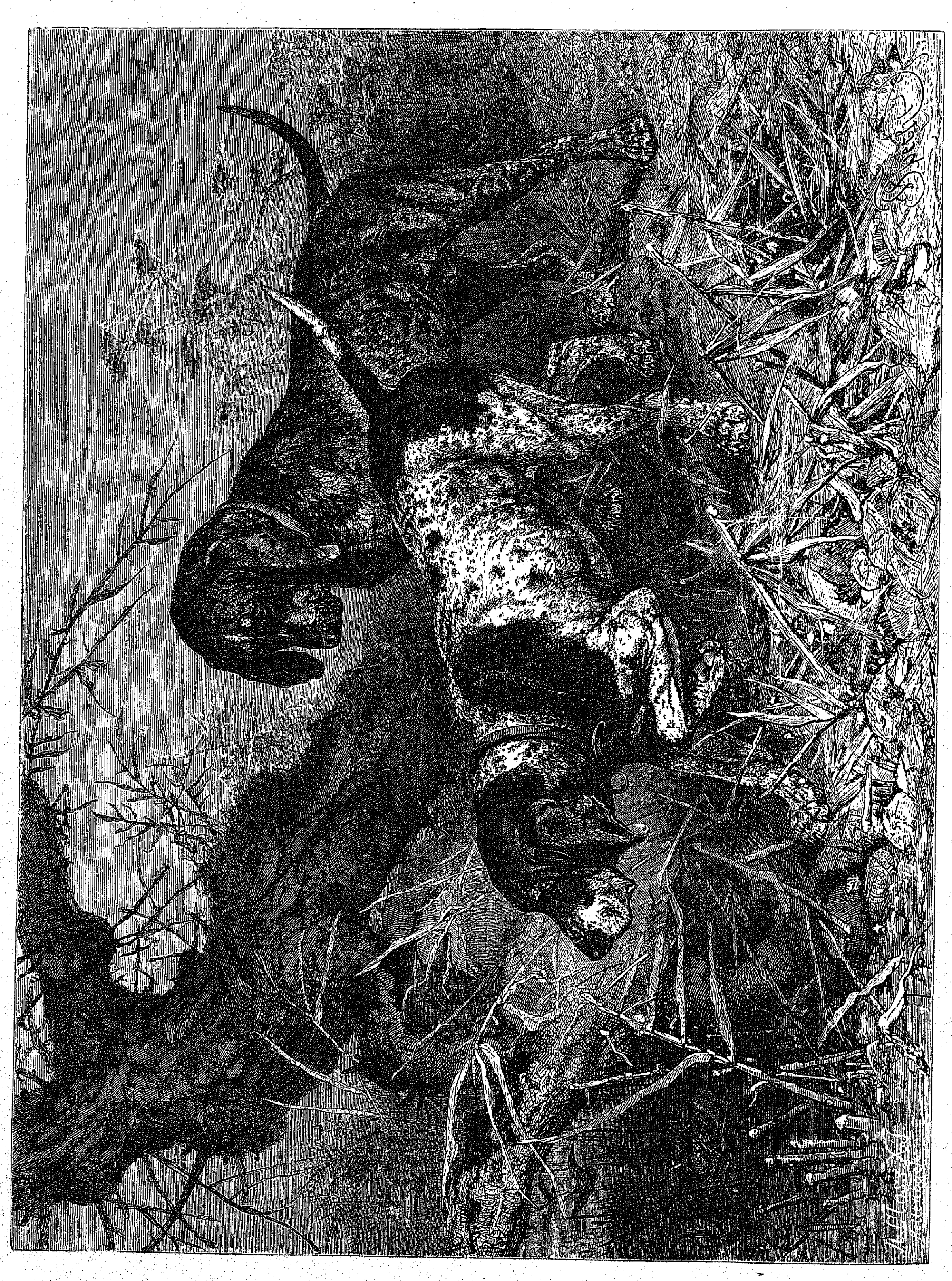
Бульдогъ, безъ всякаго сомнѣнія, далъ начало на-

Ищейка.

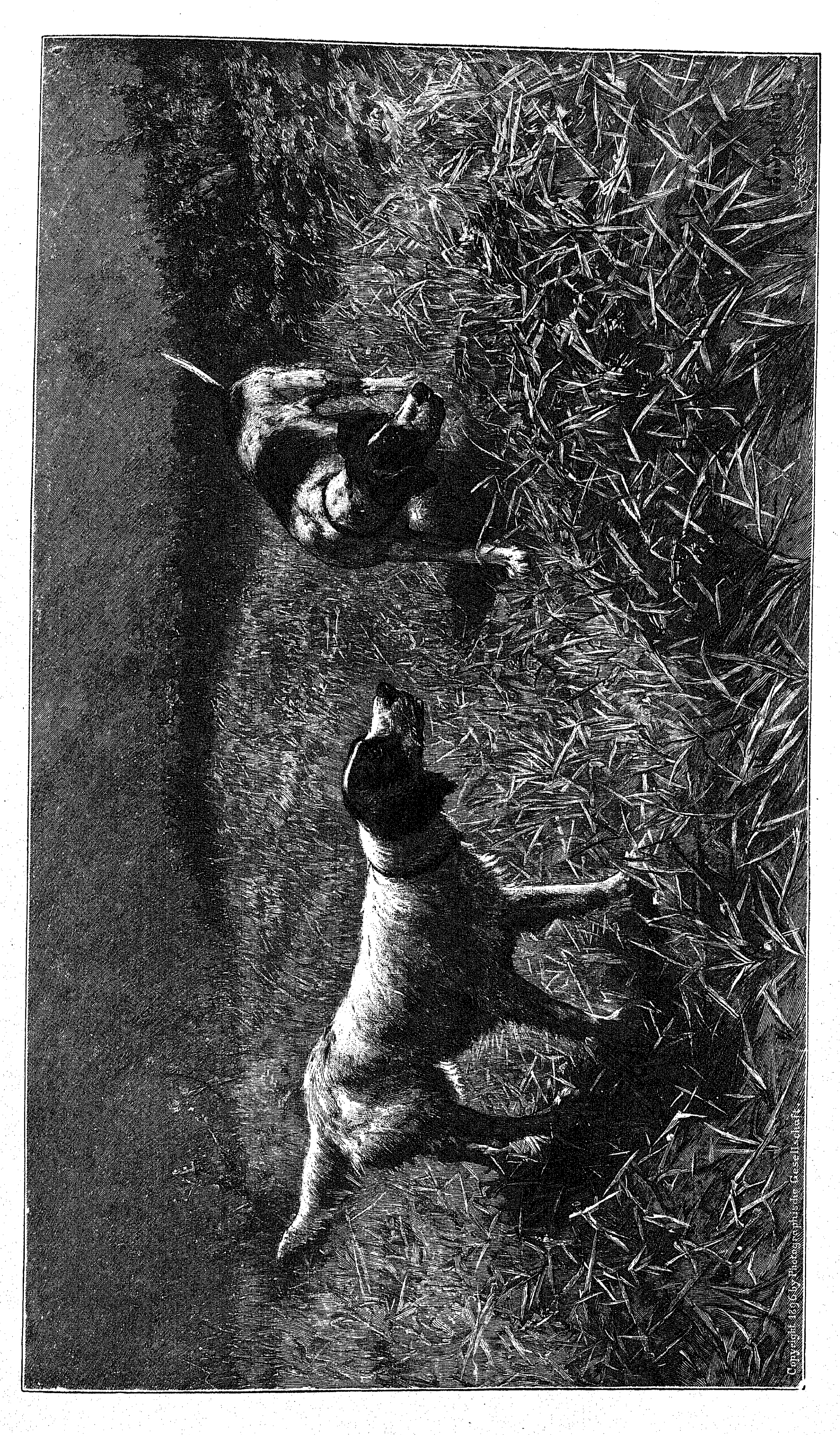
шимъ обыкновеннымъ моськамъ, этимъ курносымъ, безобразнымъ любимцамъ нашихъ бабушекъ. Изрѣдка между ними попадаются случаи атавизма—возврата къ прошлому. Лобъ моськи становится менѣе выпуклымъ, челюсти удлиняются, и верхняя губа не покрываетъ переднихъ зубовъ нижней, выдвинутой впередъ, челюсти. Моська, также какъ и бульдогъ, отличается необыкновенной ворчливостью и злостью. Это бульдогъ, такъ сказать, смягченный и прирученный женскимъ воспитаніемъ. Онъ потерялъ всю такъ сильно выдающуюся у

бульдога мускулатуру тѣла, но не потерялъ наклонности къ ожирѣнію. При первомъ взглядѣ на моську, на ея курносую морду, въ особенности въ профиль, насъ поражаетъ необыкновенное развитіе ея лобныхъ пазухъ. Можно подумать, что это самая умнѣйшая изъ всѣхъ

Лягавыя.

породъ собакъ. На самомъ дѣлѣ она оказывается чуть ли не самой глупѣйшей изъ всего собачьяго рода. И въ особенности эта слабость мозговыхъ способностей ясно выражается въ глазахъ молодыхъ мосекъ. Посмотрите, напримѣръ, на эту пару, для которой поставили цѣлую глиняную чашку, наполненную костями. Они жадно накинулись на лакомое блюдо. Но почти въ ту же минуту подлетѣлъ воронъ и такъ самовластно и самоувѣренно усѣлся на край этой чашки, что моськи растерялись. Одинъ уже совсѣмъ спасовалъ, поджавъ хвостъ и собрался на утекъ. Другой, болѣе храбрый, еще думаетъ, послѣдовать ли за братомъ, или помѣрить свои силы съ врагомъ. Онъ еще не снимаетъ лапъ съ края чашки, и уши его слегка приподняты. А воронъ сидитъ смирно и думаетъ: ущипнуть ли дерзкаго кутёнка слегка или клюнуть его во всю мочь?.. (рис. на стр. 263—264).

И мнѣ кажется, что эта неразвитость мосекъ, этотъ атавизмъ зависитъ главнымъ образомъ оттого, что воспитали мосекъ—преимущественно женщины — обращаютъ мало вниманія или вовсе не обращаютъ на тѣ условія, отъ которыхъ зависитъ развитіе ума этихъ собакъ.

Сеттера.

Охотничьи собаки на отдыхѣ.

Мозгъ моськи обыкновенно спитъ, жирѣетъ, а не развивается. У него нѣтъ стимуловъ для этого развитія, и по поводу этого невольно вспоминаешь слова Брэма: «Только хорошій человѣкъ можетъ хорошо воспитать собаку. Только мужчина можетъ развить въ ней разумныя и прочныя качества. Женщины — никуда негодныя воспитательницы, ихъ комнатныя собачки—избалованныя, изнѣженныя, своенравныя и нерѣдко даже злобныя творенія»...

Такой приговоръ, впрочемъ, едва ли вполнѣ справедливъ и не преувеличенъ. Притомъ въ каждой собакѣ, также какъ и въ каждомъ животномъ, должно отличать умъ и понятливость, отъ патетическихъ движеній, въ которыхъ выражается главнымъ образомъ характеръ или нравъ собаки.

Мопсъ и котята.

Говоря объ охотничьихъ собакахъ, нельзя забыть объ одной весьма своеобразной расѣ совершенно голыхъ, такъ называемыхъ африканскихъ собакахъ. Въ выпадываніи волосъ здѣсь ясно выразилась необыкновенная способность собаки приноравливаться къ окружающимъ условіямъ жизни. Эти собаки служатъ въ южной Африкѣ для охоты. Кожа ихъ совершенно голая, гладкая, атласистая, напоминающая кожу человѣка. Онѣ гоняются за дичью, подобно нашимъ борзымъ или гончимъ, что было бы совершенно невозможно, если бы при сильныхъ южно-африканскихъ жарахъ онѣ были покрыты хоть какою нибудь шерстью. Замѣчательно, что голова этихъ собакъ напоминаетъ по формѣ лобныхъ костей — мосекъ или бульдоговъ. Онѣ обыкновенно бываютъ сѣраго, мышинаго цвѣта или испещренныя черными пятнами по сѣро-розовому фону.

Африканская голая.

Переходъ къ такимъ голымъ собакамъ представляютъ повидимому *бультерьеры*. Это небольшія охотничьи собачки, тонкихъ статей, съ голымъ брюхомъ и почти голой, покрытой очень рѣдкими, короткими волосами, грудью. Ихъ употребляютъ на охоту за мелкими животными. Охотничьи инстинкты у нихъ сильно развиты. Въ домахъ онѣ, также какъ кошки, постоянно сторожатъ и преслѣдуютъ мышей и крысъ. Чистокровные бультерьеры цѣнятся охотниками очень дорого и весьма рѣдки.

Такія же наклонности существуютъ у *пинчеровъ*, хотя складъ и рубашка этихъ собакъ совершенно отличны. Пинчеры *болонки* и *пудель* представляютъ какъ бы естественную группу собакъ, у которыхъ волоса изъ рѣдкихъ и короткихъ или, лучше сказать, изъ смѣшанныхъ, какъ у пинчера, достигаютъ необыкновенной густоты и курчавости, какъ у пуделей. Нѣтъ ни одной собаки, которая имѣла бы такой странный, смѣшной, безобразный видъ, какъ *пинчеръ*. Небольшая собака съ довольно большой головой, покрытая рѣдкими, отчасти курчавыми, отчасти торчащими во всѣ стороны волосами. Видъ ея до того страненъ и такъ мало напоминаетъ собаку, что нѣкоторыя измѣненія ихъ извѣстны подъ именемъ *собакъ-обезьянъ*. Одинъ мой пріятель (теперь уже умершій) везъ такую собаку изъ-за границы. На одной изъ станцій кондукторъ обратился къ нему съ замѣчаніемъ, что собакъ не дозволено возить въ общихъ вагонахъ, для этого есть особый вагонъ.

— Да это не собака!..—возразилъ пріятель.

— А что же такое?

— Это обезьяна...

Кондукторъ посмотрѣлъ на собаченку, покачалъ головой и удалился. Онъ пошелъ справиться, позволительно ли въ общихъ вагонахъ провозить обезьянъ? А публика, сидѣвшая въ вагонѣ, съ любопытствомъ начала осматривать собаченку и не могла рѣшить, принадлежитъ ли она къ собакамъ или къ обезьянамъ. Очевидно, что между всѣми сидѣвшими въ вагонѣ не нашлось ни одного, кто бы обладалъ даже самыми скудными зоологическими свѣдѣніями и былъ въ состояніи отличить собаку отъ обезьяны.

Между тѣмъ эти безобразныя собаки-обезьяны—самые искусные ловцы крысъ. Изъ этого лова англичане, а за ними нѣмцы, сдѣлали спортъ своего рода, цѣль котораго можно выразить такъ: чья собака въ опредѣленное время задушитъ большее количество крысъ? Конкуренты-соперники держатъ пари, нерѣдко на большія суммы. Они приносятъ на арену своихъ собакъ и выпускаютъ ихъ по очереди. Сюда же на загороженную арену выпускаютъ заранѣе приготовленныхъ крысъ. Ихъ высыпаютъ изъ крѣпкихъ мѣшковъ цѣлыми сотнями, и крысиная потѣха начинается. Пинчеръ становится вдохновеннымъ. Всѣ нервы его приподняты, слухъ, зрѣніе и чутье удвоены. Глаза горятъ. Онъ весь цѣльный, неодолимый инстинктъ. Онъ, кажется, слышитъ разомъ во всѣхъ углахъ топотъ крысьихъ лапокъ, онъ видитъ крысу, промелькнувшую мимо него на одно мгновенье, на одну десятую долю секунды. Быстрота, съ которой онъ бросается и хватаетъ своихъ подставныхъ враговъ, невѣроятна, изумительна. Онъ мгновенно схватываетъ или, лучше сказать, толкаетъ крысу, и крыса готова. Онъ ловко и мѣтко прокусываетъ ей затылокъ или черепъ и отбрасываетъ. Она уже мертва или почти убита. Въ нѣсколько минутъ онъ можетъ придушить нѣсколько сотенъ крысъ!..

Болонка такъ же похожа на пинчера, какъ нарядная, изящная барыня на грязную, растрепанную судомойку. Зато барыня и ничего не дѣлаетъ и ни къ чему не служитъ и часто, очень часто ничего другого не умѣетъ, какъ только наряжаться и валяться съ забавной книгой на мягкомъ диванчикѣ.

Длинная, волнистая и шелковистая шерсть болонки бываетъ разнаго цвѣта, но преимущественно бѣлая. Изрѣдка попадаются пятнистыя болонки съ красно-желтыми блѣдными пятнами. Попадаются изрѣдка кофейныя или шоколадныя и очень рѣдко встрѣчаются болонки черныя. У моей покойной сестры были двѣ такихъ болонки, и наблюденіе надъ ними привело меня къ весьма общимъ заключеніямъ. Одна изъ этихъ болонокъ была сухощавѣе и не имѣла такой густой и шелковистой шерсти. Уши ея были короче, а морда нѣсколько болѣе вытянута и заострена. Въ ней, какъ кажется, была примѣсь крови отъ шпица. Но эта разница на первый взглядъ была почти незамѣтна, а между тѣмъ разница въ характерѣ двухъ собаченокъ была громадная. Первая (чистая болонка, которую звали Зиркой) была очень общительная и дружелюбная, почти къ каждому она подбѣгала ласкаться. Лаяла она рѣдко, зато, разъ ударившись въ лай, долго не могла уняться. Сестра ея на всѣхъ бросалась со злобой, на всѣхъ ворчала и ни къ кому не подходила; она знала только сестру. Если по примѣру сестры она и подходила къ незнакомому человѣку, то обнюхивала его издали. Вообще она была угрюма, задумчива и во всѣхъ играхъ подражала своей сестрѣ.

Разбирая характеръ и всѣ поступки этихъ собачекъ, я пришелъ къ заключенію, что вообще характеръ не зависитъ отъ физическаго устройства собаки. Всякому извѣстно, что собака можетъ быть злой и доброй, не смотря на ея умъ и понятливость, не смотря на ея па-

«Незванный гость хуже татарина».

Болонка. Испанская порода Ангорская болонка.
Пинчеръ мелкая разность.
Шпицъ-карликъ. Левретка. Мопсъ.
Буль-теріеръ. Чарльзъ-кингъ. Пинчеръ (крупное видоизмѣненіе).
Шпицъ. Буль-догъ.

мять и сообразительность. Характеръ собаки—это область ея патетическихъ свойствъ, на которыя почти не вліяютъ ни форма, ни размѣры ея органовъ.

Если мы будемъ отыскивать въ породахъ собакъ самую умную и понятливую, то безъ всякаго сомнѣнія должны будемъ остановиться на пуделѣ. Это безспорно самая смышленая, понятливая и умная собака изъ всего собачьяго рода.

Передо мной въ настоящее время сидятъ двѣ собаки: пудель и маленькая собачка изъ породы шпицовъ. Съ перваго взгляда въ ней есть что-то лисье. Мягкая шелковистая шерсть блѣдно-палеваго цвѣта, уже сильно полинявшая отъ старости. Пушистый, загнутый кверху хвостъ. Большія, прямо стоящія уши, которыя она поминутно прикладываетъ или повертываетъ то въ ту, то въ другую сторону. Большіе, каріе глаза придаютъ умное, открытое выраженіе ея острой мордочкѣ. Довольно большой и крутой лобъ, съ характерной ямкой на переносьѣ и ясно раздвоенный продольнымъ углубленіемъ посрединѣ. Наконецъ маленькія лапки, которыми она умѣетъ удивительно граціозно играть. Общій видъ этой собачки необыкновенно симпатиченъ. Она безспорно умна, граціозна, элегантна, ловка, подвижна. Сразу понимаешь, что это одна изъ вершинныхъ точекъ собачьяго рода, что на всемъ ея организмѣ и на всемъ мозгѣ отразилось воспитательное вліяніе цивилизованнаго человѣка. Она легко понимаетъ нѣкоторыя слова. При словѣ сахаръ—она вся встрененется и начнетъ танцовать на заднихъ лапкахъ или протягивать къ вамъ свои маленькія, хорошенькія лапки. При словѣ «кошка»—она съ лаемъ кинется изъ комнаты въ садъ и начнетъ вездѣ искать своего врага. Но при всемъ своемъ умѣ и, такъ сказать, благовоспитанности эта собака удивительно хитра, лукава, труслива и эгоистична. Она цѣнитъ прежде всего и выше всего собственныя удобства жизни и собственный покой. Она не знаетъ хозяина и ни къ кому не привязана. Она ласкается ко всѣмъ и можетъ быть съ полной справедливостью названа общественной, благовоспитанной собакой. Но та же благовоспитанная собака, если за ней не усмотрятъ, тотчасъ же прокрадется къ помойной ямѣ и съ страстнымъ наслажденіемъ наѣстся и перепачкается во всякихъ отбросахъ.

Подлѣ этой собачонки сидитъ важный и серьезный пудель. Его движенія не граціозны, но очевидно обдуманны. Онъ не играетъ ни лапами, ни ушами. Онъ серьезно, задумчиво смотритъ вамъ въ глаза. Его крутой, выпуклый лобъ спрятанъ подъ цѣлой шапкой курчавыхъ бѣлыхъ волосъ. Брови какъ-то грустно, задумчиво приподняты, усы опущены внизъ. Уши висятъ такъ солидно и неподвижно. Глядишь на него и думаешь: точно философъ какой-нибудь. При сравненіи этихъ двухъ существъ, такъ противоположныхъ другъ другу, но принадлежащихъ къ одному собачьему роду, невольно приходитъ сравненіе шпицика съ какимъ-нибудь элегантнымъ, ловкимъ, хитрымъ пройдохой, котораго всѣ инстинкты и вожделѣнія направлены на ближайшее, на окружающее, а пуделя—съ существомъ съ болѣе широкимъ, интеллигентнымъ взглядомъ. Въ первомъ видно болѣе смѣкалки и хитрости, во второмъ—болѣе обдуманности и разсудительности.

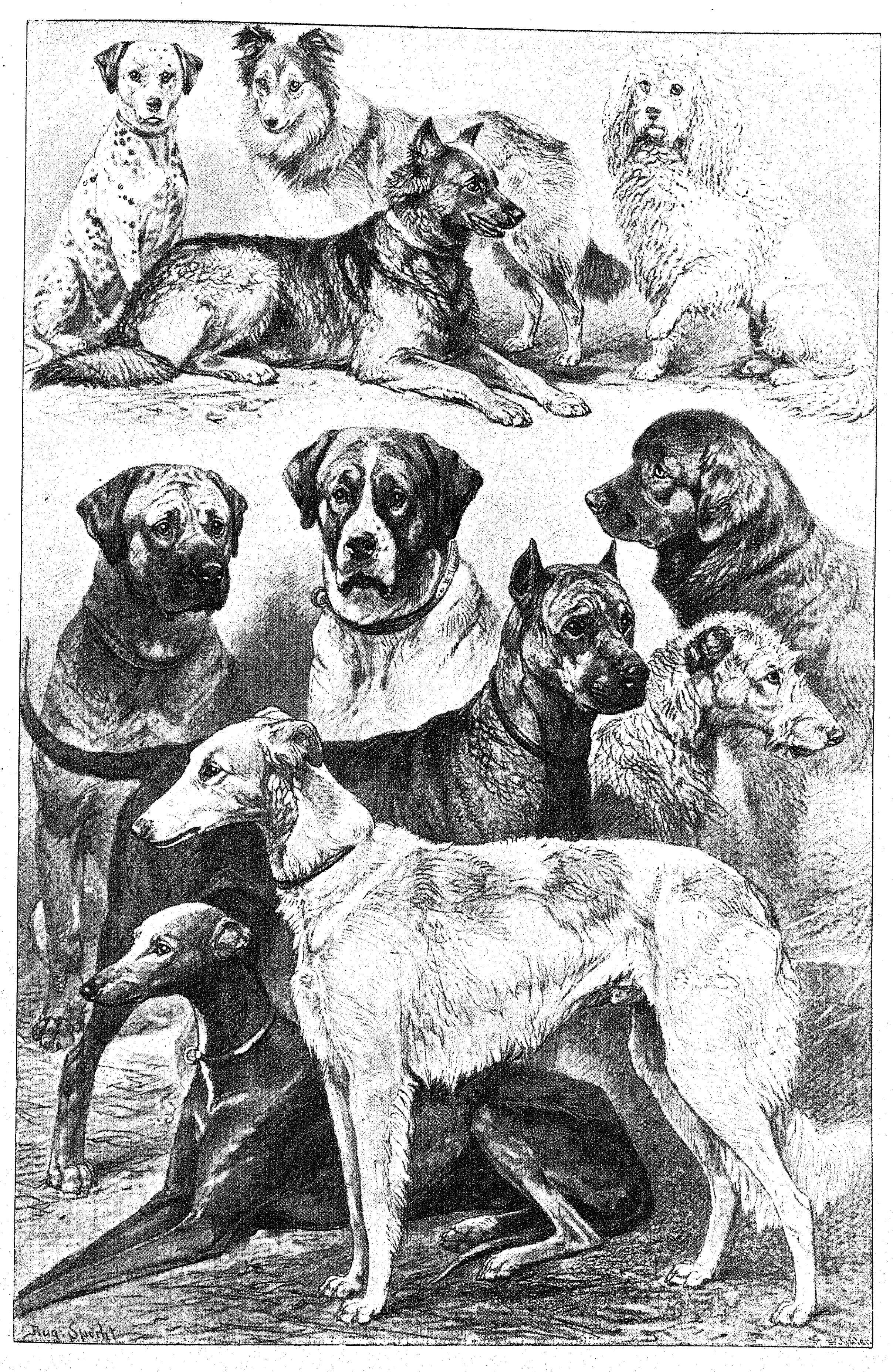
Пудель—любимый субъектъ клоуновъ и фокусниковъ. Онъ необыкновенно сообразителенъ, понятливъ. Скоро выучивается разнымъ штукамъ и продѣлкамъ. Онъ, кажется, понимаетъ не только слова хозяина, но даже взглядъ его. Посмотрите, съ какимъ неутомимымъ вниманіемъ онъ смотритъ ему въ глаза вполнѣ готовый по первому движенію этихъ глазъ броситься, сломя голову, и исполнить приказаніе или мысль своего хозяина. Безъ всякаго сомнѣнія, пудель—умнѣйшая изъ всѣхъ породъ собакъ.

Но есть еще двѣ породы собакъ замѣчательныя не по развитію ума, но по тѣмъ гуманнымъ цѣлямъ, для которыхъ человѣкъ воспиталъ и пріурочилъ ихъ. Прежде всего воспитатели позаботились объ эгоистическихъ цѣляхъ. Они вывели множество охотничьихъ собакъ, пріурочили собаку къ перевозкѣ тяжестей и къ перевозкѣ ихъ самихъ, къ защитѣ ихъ имущества и ихъ собственной жизни, и только въ сравнительно недавнее время на вершинѣ цивилизаціи мы находимъ двѣ породы истинно гуманныхъ собакъ.

Одна изъ нихъ непремѣнный и почетный членъ Лондонскаго филантропическаго общества. Оно постоянно, въ своемъ помѣщеніи, воспитываетъ и содержитъ одну изъ такихъ собакъ. Это—общеизвѣстная и всемірно распространившаяся порода *ньюфунлэндовъ*. Собака громадной величины, но не производящая своей наружностью того отвращенія, которое возбуждаютъ бульдоги или меделянскія собаки. При громадномъ ростѣ она отличается несоразмѣрно малой, понурой головой, сильнымъ мускулистымъ тѣломъ и длинными, волнистыми волосами, большею частью на половину бѣлаго и чернаго цвѣта. Эти собаки всегда угрюмы, задумчивы, но взглядъ ихъ, умный и добродушный, не внушаетъ опасенія. Онѣ флегмы, медленныя, осмотрительныя во всѣхъ своихъ движеніяхъ. Онѣ охотнѣе и свободнѣе движутся въ водѣ, чѣмъ на сушѣ. Плавательная перепонка между пальцами, свойственная многимъ породамъ собакъ, въ особенности развита у ньюфунлэндовъ. Бросаться быстро за всякой вещью, нарочно кинутой или упавшей въ воду, составляетъ, кажется, природный инстинктъ этикъ собакъ. Но воспитаніе человѣка придало этому инстинкту человѣколюбивое направленіе.

Не менѣе, если не болѣе, гуманный инстинктъ отличаетъ другую породу большихъ собакъ—породу *сенъ-бернардовъ.* Ньюфунлэнды вытаскиваютъ утопающихъ—сенъбернарды отыскиваютъ людей, провалившихся въ горныя пропасти. Однѣ спасаютъ его на водахъ, другія возвращаютъ его къ жизни на сушѣ. Гуманнѣе этой цѣли трудно себѣ представить, и прирученіе этихъ собакъ есть дѣйствительно человѣколюбивое, святое дѣло. Въ противоположность ньюфунлэдскимъ, эти собаки отличаются большой головой и широкой мордой. Но прежде всего онѣ отличаются при громадномъ ростѣ необыкновенной силой и чутьемъ, спеціально приспособленнымъ для ихъ цѣли. Подобно эскимосскимъ собакамъ, онѣ слышатъ запахъ человѣка, лежащаго подъ довольно толстымъ слоемъ снѣга, и начинаютъ быстро разрывать снѣгъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ еще живой человѣкъ. На тѣхъ высотахъ, гдѣ живутъ эти собаки, въ монастырѣ Св. Бернарда, на высотахъ въ 7880 футовъ—царитъ почти вѣчная, зима и во всякомъ случаѣ это—царство постоянныхъ снѣжныхъ бурь. Даже въ сравнительно тихую погоду маленькій легкій вѣтерокъ крутитъ тамъ снѣжную, сухую пыль, изъ мелкихъ, легкихъ кристалликовъ снѣга. Довольно самаго легкаго вѣтерка, чтобы вездѣ на окружающихъ вершинахъ задымились и закружились маленькіе вихри. Но въ холодное время года, ранней весной или поздней осенью или въ снѣжную зиму такіе вихри превращаются въ страшныя мятели, которыя заносятъ и покрываютъ снѣжнымъ саваномъ все живое и мертвое. Когда стихнетъ этотъ бурный снѣжный ураганъ, изъ монастыря выступаютъ два, три монаха, снаряженные для своихъ благодѣтельныхъ, человѣколюбивыхъ поисковъ. Они идутъ, подпираясь длинными альпійскими палками, съ веревками, съ теплой одеждой, съ маленькимъ боченкомъ вина, а впереди ихъ бѣгутъ и скачутъ два громадныхъ сенъ-бернарда. Они угрюмо, но быстро нюхаютъ воздухъ и землю, порой жалобно визжатъ, бросаются туда, сюда, жадно рыщутъ и ведутъ монаховъ по скользкимъ каменистымъ уступамъ, надъ страшными обрывами и пропастями, ведутъ прямо туда, куда ихъ самихъ тянетъ чуть слышный запахъ живого, но уже застывающаго тѣла.

Когда чутье приведетъ ихъ къ тому мѣсту, гдѣ лежитъ несчастный, заблудившійся или оборвавшійся со скользкой тропинки путникъ, они начинаютъ съ радост-

Далматская. Колли. Пудель.
Нѣмецкая овчарка.
Мастифъ. Сенъ-бернардъ короткошерстый. Нью-фоундлендъ.
Догъ. Шотландская борзая.
Англійская борзая. Русская борзая.

нымъ лаемъ разрывать рыхлый снѣгъ и освобождать изъ подъ него неподвижное тѣло.

Нерѣдко въ темныя ночи и въ сильную мятель монахи посылаютъ собакъ однѣхъ искать бѣдныхъ жертвъ легкомыслія или необходимости. На собаку навязываютъ ремнемъ теплыя, фланелевыя одѣяла или плащи, а на шею имъ надѣваютъ небольшой боченокъ съ крѣпкимъ виномъ

Сенъ-бернардъ.

или ромомъ. Съ такимъ балластомъ, для подаія первой помощи пострадавшимъ путникамъ, собаки однѣ отправляются на поиски (рис. на стр. 275—276).

Я помню, въ моемъ дѣтствѣ, отецъ мой иллюминовалъ красками довольно большой эстампъ, изображавшій двухъ сенъ-бернардовъ, нашедшихъ человѣка, занесеннаго снѣгомъ. Одна изъ собакъ сидитъ подлѣ и ласково лижетъ руку человѣка, другая, нагруженная теплой одеждой, стоитъ надъ нимъ и громкимъ лаемъ сзываетъ придти на помощь къ несчастному. Въ картинѣ неизвѣстнаго мнѣ художника было много идеализаціи и романтизма, но развѣ въ идеалахъ и романтизмѣ не собрано все лучшее въ чувствахъ и стремленіяхъ человѣка? Развѣ эти идеалы не возвышаютъ, не поднимаютъ падающую душу? Пусть же будутъ обманчивы эти идеалы, но только бы они совершали свое благое дѣло, уничтожали бы звѣря въ человѣкѣ.

Помню я еще одну маленькую картинку въ дѣтской книжкѣ. На этомъ крохотномъ политипажѣ была изображена сенъ-бернардская собака, которая принесла мальчика къ калиткѣ монастыря. Ребенокъ приложилъ головку къ ея шеѣ и мирно спитъ усталый и измученный, а собака схватила въ зубы ручку отъ колокольчика и громко звонитъ, вызывая монаховъ.

Въ монастырѣ сохранилось воспоминаніе объ одной такой собакѣ, которую звали *Барри* и которая спасла жизнь болѣе чѣмъ 40 человѣкамъ. Брэмъ приводитъ слѣдующій восторженный дифирамбъ этой собакѣ, написанный извѣстнымъ любителемъ и знатокомъ собакъ Шейтлинымъ:

«Съ корзиной хлѣба и бутылкой вина,—говоритъ онъ, обращаясь къ собакѣ,—ты каждый день выходила изъ монастыря въ мятель и оттепель, чтобы искать занесенныхъ снѣгомъ и засыпанныхъ лавинами, отрывала ихъ или, въ случаѣ невозможности, бѣжала домой звать на помощь братьевъ монастыря. Ты, подобно человѣку, съ доброй, нѣжной душой, умѣла выражать свое участіе къ страждущему, къ замерзающему. Маленькій ребенокъ не пугался твоего страшнаго, но добраго вида. Онъ покойно взлѣзалъ на тебя, ложился на твою широкую, сильную спину, и ты несла его къ гостепріимнымъ воротамъ. Подбѣжавъ къ нимъ, ты звонила, чтобы сняли съ тебя твою драгоцѣнную находку, и когда это дѣлали, ты тотчасъ, не теряя ни минуты, бѣжала на новые поиски. Лучшая награда добрыхъ дѣлъ это то, что каждое изъ нихъ влечетъ за собой другое. Но какъ же могли понимать тебя спасенные тобою? Какъ успѣла ты ободрить и утѣшить ихъ? Я хотѣлъ бы дать тебѣ языкъ, чтобы люди могли поучиться у тебя. И ты не ждала приказаній. Ты сама всегда помнила свои святыя обязанности, какъ добрый и честный человѣкъ. И только что примѣчала еще издали приближеніе тумана или мятели, ты уже спѣшила идти на поиски, за ограду монастыря. Если бы ты родилась человѣкомъ, то чѣмъ бы ты могла быть?!.. Какимъ-нибудь святымъ основателемъ сотни благотворительныхъ братствъ и монастырей. И трудилась ты неугомонно, не требуя похвалъ, ни благодарности, цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ».

Вспоминая жизнь этой собаки, невольно подумаешь, что она была человѣчнѣе самого человѣка!..

Сенъ-бернардъ.

«Барри» умерла отъ истощенія, и трупъ ея былъ отданъ Бернскому городскому музею. Тамъ можно видѣть и до сихъ поръ ея чучело (очень плохо сдѣланное) и получить фотографіи съ него.

Жизнь этой замѣчательной собаки заставляла меня не разъ задумываться надъ ней. Что это такое? Слѣпой ли инстинктъ заставлялъ ее вести такую человѣколюбивую жизнь, полную трудныхъ подвиговъ? Но тогда чѣмъ же этотъ инстинктъ отличается отъ разумной, сердечной привязанности человѣка? Вѣдь она не просто исполняла свою службу. Нѣтъ! Она искренно и глубоко радовалась, когда ей удавалось спасти отъ смерти человѣка или привести въ монастырь найденнаго ею въ снѣгу и отогрѣтаго ребенка? Допустимъ, что она дѣлала это съ тѣмъ же чувствомъ, съ которымъ охотникъ отыскиваетъ и охотится за своей добычей. Но, какъ же согласить тогда это чувство съ тѣмъ, которое, очевидно, вообще существуетъ у всѣхъ собакъ,—съ чувствомъ самой крѣпкой, постоянной и неизмѣнной привязанности къ человѣку. Сколько существуетъ разсказовъ, что собака по смерти своего хозяина тосковала или даже умирала на его могилѣ.

Привожу здѣсь разсказъ изъ книги Алексиса о собакѣ одного молочника,—разсказъ, за достовѣрность котораго авторъ ручается и, въ доказательство его вѣрности, приводитъ адресъ молочника. «Я зналъ,—говоритъ Алексисъ,—въ Гэдувилѣ одну собачку бѣлаго цвѣта, принадлежавшую г-ну Люсьену Жоли, продавцу молока. Послѣ смерти хозяина эта собака въ теченіе семи лѣтъ постоянно ходила на кладбище—на могилу его и его матери. Она лежала нѣсколько минутъ на ихъ могилахъ и затѣмъ возвращалась домой. Въ тотъ день, когда хоронили г-жу Жоли, собачку должны были насильно оттащить отъ гроба и привязать. Нѣсколько дней она не могла лаять, тогда какъ обыкновенно ея лай былъ громкій и пронзительный».

Беру еще одинъ разсказъ изъ той же книги Алексиса о маленькой собачкѣ, которая узнала своего господина черезъ годъ послѣ разлуки съ нимъ. «Всѣ, — говоритъ онъ,—знали въ Миланѣ маленькую собачку Моффино. Она вмѣстѣ съ своимъ хозяиномъ, солдатомъ въ отрядѣ принца Богарне, ушла въ 1812 г. въ Россію. Возвращаясь изъ этого похода, при переходѣ черезъ Березину, собачка потеряла своего хозяина, и онъ не столько заботился и горевалъ о своихъ ранахъ, какъ о маленькой собаченкѣ Моффино. Прошелъ годъ послѣ его возвращенія на родину, и онъ совершенно забылъ о собачкѣ. Одинъ разъ вечеромъ всѣ живущіе въ домѣ, гдѣ стоялъ солдатъ, были удивлены страннымъ существомъ, которое, шатаясь, подошло къ дому и не отходило отъ него. Это безспорно была собака, но до того обезображенная голодомъ, худая, грязная и лохматая, что никто не могъ признать ее за собаку. Когда вернулся домой солдатъ, она подползла къ его ногамъ и съ глухими и тихими стонами начала лизать ихъ. Въ первую минуту онъ гадливо оттолкнулъ ее ногой. Но нѣкоторыя примѣты мгновенно воскресили въ его памяти давно забытое воспоминаніе: «Моффино!» — воскликнулъ онъ, собака вскочила, бросилась къ нему съ радостнымъ лаемъ, но тутъ же упала, вѣроятно отъ голода и усталости, а можетъ быть и отъ радостнаго волненія. Солдатъ узналъ ее, узналъ своего давно забытаго друга, онъ поднялъ ее и окружилъ, какъ прежде, лаской и заботами».

Но собака привязывается не только къ человѣку, она привязывается почти также сильно и къ другимъ собакамъ, и, что всего замѣчательнѣе, эта привязанность возникаетъ, также какъ у человѣка, изъ чувства сострадания. Трогательный разсказъ о дружбѣ двухъ собакъ я беру изъ той же книги Алексиса. Онъ разсказываетъ,

Сенъ-бернарды—спасители путниковъ въ Альпахъ.

что во время его пребыванія въ Константинополѣ, въ качествѣ военнаго врача, къ нему въ госпиталь каждый вечеръ являлись двѣ собаки: одна хромая, а другая слѣпая. «Мы дали,—говоритъ Алексисъ,—хромой названіе «комиссара», а слѣпой «подкомиссара». Въ одномъ сраженіи, на высотахъ Санъ-Димитри, «комиссаръ» былъ раненъ въ глазъ. Онъ вернулся съ поля сраженія съ другой собакой, которая почти не разставалась съ нимъ и чуть не по цѣлымъ днямъ лизала ему раненый глазъ. Возвратить глазъ она не могла, но она залѣчила рану. Спустя нѣкоторое время въ другомъ сраженіи «подкомиссаръ» былъ раненъ въ ногу и остался на-вѣкъ хромымъ. Съ этого момента «комиссаръ» и «подкомиссаръ» стали неразлучными друзьями».

Мнѣ кажется, что главное отличіе собаки отъ всѣхъ другихъ животныхъ именно заключается въ этой нечеловѣческой привязанности къ ея хозяину. Она вся, всѣмъ существомъ своимъ привязана къ любимому ею человѣку, и не только къ нему, но и ко всѣмъ близкимъ, присныъ его, ко всему его семейству. Собака, это—эмблема простой, любящей, семейной жизни. За оградой ея родного дома, его семьи ей все чуждо и враждебно. Она бережетъ, охраняетъ эту семью, постоянно сторожитъ ея домъ, постоянно всматривается и прислушивается и громкимъ лаемъ встрѣчаетъ каждаго, подходящаго къ этому дому, незнакомаго человѣка.

Можно объяснить эту привязанность прирученіемъ. Изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ собака первая подошла къ человѣку. Она первая, въ теченіе многихъ, многихъ вѣковъ, съ незапамятныхъ временъ подвергалась его вліянію. Не можетъ же быть, чтобы это вліяніе не выразилось въ чемъ-нибудь сильномъ, очевидномъ, бросающемся въ глаза. Но если мы допустимъ такое объясненіе, то чѣмъ же мы объяснимъ то, что домашняя собака очень быстро, во второмъ или въ третьемъ поколѣніи, дичаетъ и вовсе теряетъ эту привязанность, воспитанную длиннымъ рядомъ вѣковъ? Нѣтъ! Гораздо проще и удобнѣе объяснить эту привязанность прирожденнымъ свойствомъ собаки, которое можетъ развиться и укрѣпиться соотвѣтственнымъ воспитаніемъ или заглохнуть и исчезнуть, если его не берегутъ... Но если привязанность собаки къ человѣку развивается въ ней въ силу ея безсознательныхъ стремленій, если этой привязанности совершенно чужда всякая разсудочность, то не представляетъ ли она идеалъ той общественной связи, которой тщетно добивается человѣкъ въ его соціальныхъ стремленіяхъ? Наши передовые интеллигентные люди давно уже (со временъ Тургеневской «Аси», такъ прекрасно разъясненной Чернышевскимъ) пришли къ заключенію, что всякое разсудочное движеніе, всякій рефлекторный анализъ портитъ непосредственное, цѣльное чувство. Слѣдовательно, этотъ анализъ мѣшаетъ альтрюизму, мѣшаетъ ближайшему, цѣльному, непосредственному единенію людей въ прочно установленную общественную жизнь.

Общій выводъ отсюда таковъ:

«Берегись разсудочныхъ движеній и отдавайся безъ разсужденія безсознательнымъ движеніямъ твоего сердца, и тогда эти движенія сдѣлаются болѣе сильными, примутъ характеръ привязанности собаки, и ты можетъ-быть найдешь и въ одиночной, и въ общественной жизни, то, что ты такъ долго искалъ и до сихъ поръ ищешь напрасно въ твоихъ разумныхъ поискахъ».

Отсюда прямо возникаетъ вопросъ:

«Не слѣдуетъ ли намъ «опроститься» умомъ и сердцемъ—съ цѣлью дойти до той крѣпкой, идеальной привязанности, которой природа надѣлила какую-нибудь сенъ-бернардскую собаку?»...

Жизнь и характеръ нашей домашней собаки теперь передъ нами. Мы очень хорошо понимаемъ, откуда взялась эта сила разнообразія измѣненій. Собака не отставала отъ человѣка; она неутомимо и слѣпо, съ своей нечеловѣческой привязанностью слѣдовала вездѣ за человѣкомъ: и въ полярныя моря и льды, и въ нестерпимо жаркія африканскія степи. Она «вывела его въ люди», и, какъ бы въ благодарность за то, онъ повелъ ее по всему міру.

Теперь понятно, откуда взялось это разнообразіе и пластичность, которая такъ очевидно и рельефно выразилась во множествѣ породъ и варіантовъ нашей домашней собаки. Ея постоянно укрѣплявшаяся отъ упражненія приспособленность, постоянно, въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, встрѣчала новыя и новыя точки приспособленія. Человѣкъ постоянно ставилъ собаку въ новыя условія мѣстности и образа жизни. Онъ заставлялъ ее приспособляться къ его потребностямъ, къ потребностямъ первобытной и цивилизованной жизни. Онъ вывелъ и воспиталъ лаекъ, лягавыхъ, мордашекъ, сеттеровъ, поэнтеровъ, борзыхъ, пинчеровъ и цѣлый рядъ охотничьихъ собакъ—воспиталъ, благодаря тому, что въ наклонностяхъ собаки была отъ природы заложена страсть къ охотѣ, рядомъ съ привязанностью къ нему, которая внушала ей покорность и любовь къ человѣку, какъ къ высшему существу.

Собака, большей частью своей психической жизни, уходитъ въ область безсознательнаго, въ ту область, которой мы не знаемъ, или почти не знаемъ, и которая можетъ-быть окажется болѣе существенною и, во всякомъ случаѣ, болѣе обширною, чѣмъ область сознательной жизни. Въ этой области самосознаніе человѣка становится общѣе, обширнѣе. Для него становится понятной, или по крайней мѣрѣ осязательной, связь самыхъ отдаленныхъ фактовъ, связь міровой гармоніи. Изъ многихъ случаевъ, разсказы о которыхъ мнѣ приводилось слышать отъ людей болѣе или менѣе достовѣрныхъ, я выбираю одинъ, въ вѣрности котораго я вполнѣ убѣжденъ.

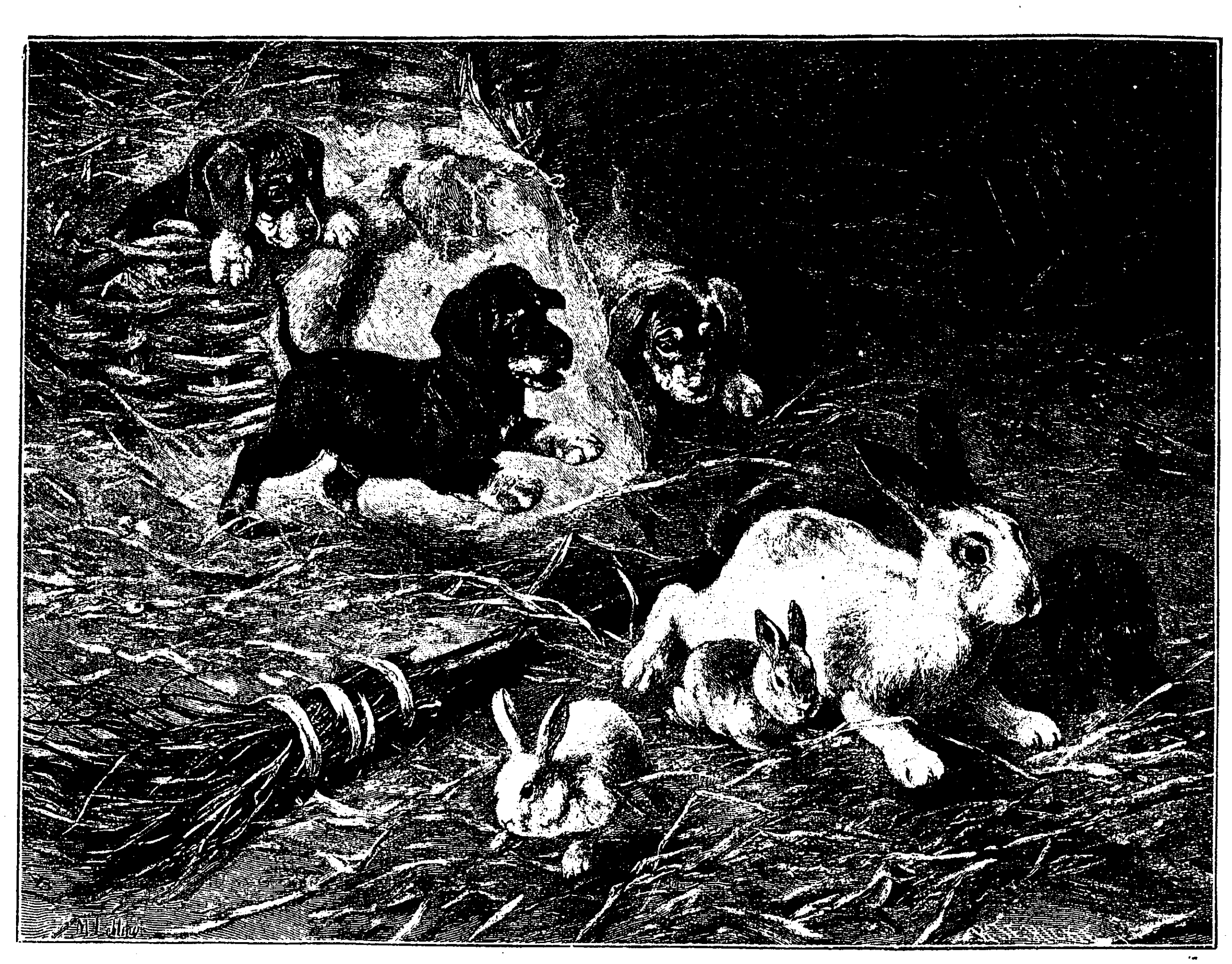
У меня былъ товарищъ, съ которымъ мы были почти неразлучны во время нашей студенческой жизни. Онъ былъ страстнымъ ружейнымъ охотникомъ, и собака, съ которой онъ постоянно охотился, была—громаднаго роста, породистый сеттеръ. Звали ее «Цампой». Одинъ разъ, во время переѣзда изъ Вятки въ Петербургъ, гдѣ по окончаніи университетскаго курса, жилъ и служилъ постоянно мой товарищъ, онъ заболѣлъ. Оказалось, что онъ былъ случайно отравленъ свинцомъ отъ полуды кастрюлей. Въ это время, зимой, собака жила въ деревнѣ, въ саратовской губерніи, въ хвалынскомъ уѣздѣ. Долго не могли открыть причину болѣзни, и наконецъ нашли и стали давать соотвѣтствующія лѣкарства. Періодъ этой неизвѣстности былъ очень мучителенъ для больного. Лѣчили его на авось, по крайнему соображенію, самыми разнообразными лѣкарствами. Кто-то изъ докторовъ предположилъ въ немъ страданіе спинного мозга, и ему начали дѣлать прижиганія каленымъ желѣзомъ. Наконецъ всѣ отчаялись въ спасеніи, и всѣ доктора приговорили его къ смерти. И дѣйствительно, мой товарищъ умиралъ. Послали за священникомъ. И вотъ въ эту самую безнадежную минуту, когда онъ лежалъ безъ движенія въ Петербургѣ, въ его деревнѣ, въ саратовской губерніи, постоянно мучилась и страдала его собака Цампа. Она ходила понурая цѣлый день изъ комнаты въ комнату, ни къ кому не ласкалась, и въ тотъ самый моментъ, когда моего товарища причащали въ Петербургѣ, Цампа страшно завыла, опрометью бросилась на верхъ въ большую комнату, которую занималъ въ деревнѣ ея хозяинъ,—комнату, всѣ стѣны которой кругомъ были уставлены турецкими диванами, прямо вскочила на одинъ изъ этихъ дивановъ и съ неистовымъ визгомъ и воемъ буквально полѣзла на стѣну, какъ будто желая убѣжать отъ гнетущаго ее чувства. Скептики скажутъ, что этотъ разсказъ только доказываетъ

привязанность собаки къ хозяину, но скептики отвергаютъ и самую область бсзсознательныхъ, таинственныхъ явленій психическаго міра.

Я знаю одну народную легенду, которая оригинальнымъ образомъ объясняетъ источникъ непримиримой и нескончаемой вражды собакъ и кошекъ. Я слышалъ эту легенду въ моей юности, въ казанской губерніи, отъ одной старой, деревенской, простой женщины, но женщины очень умной, знавшей очень много старыхъ легендъ и народныхъ пѣсенъ.

«Въ стародавнее время, вѣроятно въ дни народнаго эпоса, когда еще не было никакой вражды и всѣ животныя жили мирно и дружно между собой, существовало какое-то особое чудодѣйственное масло, дававшее жизнь и молодость всѣмъ, кто выпивалъ его хотя нѣсколько капель. Стклянку съ этимъ масломъ поручили хранить собакамъ. Вѣдь извѣстно, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ сторожа вѣрнѣе собаки. Такимъ образомъ дѣло шло довольно долго. Собаки учредили очередь и строго ее наблюдали. Каждая очередная собака берегла и хранила драгоцѣнное масло, какъ зѣницу ока. Но, вотъ одинъ разъ случилась бѣда. Какой-то шальной собакѣ, сторожившей на очереди, понадобилось, по неотложности, куда-то сбѣгать. Не долго думая, она обратилась къ кошкамъ съ покорнѣйшей просьбой замѣнить ее и поберечь масло, въ ея отсутствіе. Кошки взялись за дѣло. Но всему свѣту извѣстно, какая непостоянная и вѣроломная тварь кошка. Ей тоже понадобилось куда-то бѣжать по неотложному дѣлу, и она обратилась къ мышамъ съ просьбою замѣнить ее на одну минуту. Мыши согласились и принялись хранить масло, но цѣлому свѣту извѣстно, какой легкомысленный и пустой народъ мыши. Онѣ принялись прыгать, скакать и бѣгать, играть въ гулючки и въ пятнашки и, наконецъ, распрыгались до того, что уронили стклянку. Она разбилась, и все жизненное масло пропало.

«Вотъ,—прибавляетъ легенда,—почему между мышами и кошками существуетъ до сихъ поръ непримиримая вражда. Поэтому же самому и собаки ненавидятъ кошекъ. А если собака встрѣтитъ другую собаку, то тотчасъ же начинаетъ обнюхивать ее, съ цѣлью узнать: не та ли это шальная собака, которой когда-то поручено было стоять на своемъ посту на сторожѣ и беречь драгоцѣнное жизненное масло?!»...

Щенята и кролики.

2. Волкъ.

Это темный предокъ собаки, темный потому, что до сихъ поръ мы не можемъ ясно и несомнѣнно доказать родовую связь собаки и волка. Волкъ до того похожъ на собаку и отличается такими сравнительно ничтожными признаками, что съ перваго взгляда никто не усомнится въ происхожденіи нашей домашней собаки отъ одного общаго родича съ дикими волками. Но кажущееся и видимое не всегда бываетъ дѣйствительнымъ.

Дарвинъ указываетъ на существованіе у разныхъ породъ собакъ свѣтлыхъ бровей или, точнѣе, свѣтложелтыхъ дугообразныхъ пятенъ надъ глазами; при этомъ онъ говоритъ: «Если у какого-нибудь вида изъ дикихъ собакъ найдутся такія же явственныя желтыя пятна, то, кажется, можно быть увѣреннымъ, что именно отъ этого вида произошли всѣ наши домашнія собаки». Въ оренбургскихъ степяхъ и лѣсахъ Сибири существуетъ такой видъ или такая разновидность, но онъ попадается чрезвычайно рѣдко. Это—черный приземистый волкъ съ желтыми надбровниками, съ желтыми лапами и мордой.

Если этотъ видъ есть дѣйствительно древній видъ волка, отъ котораго могли произойти и обыкновенный волкъ, и собака, то разумѣется и замѣчаніе Дарвина будетъ совершенно вѣрно. Но, дѣло въ томъ, что доказать это едва ли возможно и во всякомъ случаѣ чрезвычайно трудно.

Обыкновенный волкъ больше этого чернаго вида или этой разновидности. Онъ сильнѣе его, болѣе приспособленъ къ хищнической и кровожадной жизни. Черный волкъ, вѣроятно, водился прежде въ глухихъ темныхъ лѣсахъ сибирской тайги. И теперь изрѣдка можно еще встрѣтить его тамъ въ глухихъ гористыхъ ущельяхъ. Темнота лѣса вліяла на цвѣтъ его шкуры, притомъ черная шерсть лучше скрывала его отъ глазъ его добычи и его преслѣдователей. Онъ былъ вѣроятно животнымъ ночнымъ, избѣгавшимъ свѣта... Впрочемъ все это однѣ только предположенія, и мы ничего не знаемъ ни объ образѣ его жизни, ни о характерѣ этого рѣдкаго исчезающаго хищника, а потому обратимся лучше къ нашему современному волку, который извѣстенъ весьма хорошо, о которомъ написано множество изслѣдованій и существуетъ масса наблюденій охотниковъ, звѣроловов и разныхъ вольныхъ и невольныхъ наблюдателей... Скажите,—кто не знаетъ волка? Это извѣстный всему свѣту страшный «сѣрый бирюкъ» — которымъ няньки пугаютъ капризныхъ и надоѣдныхъ дѣтей. О немъ, объ этомъ сѣромъ дикарѣ, сложились сказки, легенды, преданія. Онъ вошелъ въ область миѳовъ сѣверныхъ скандинавскихъ народовъ и представляетъ одинъ изъ аттрибутовъ Одина — этого Юпитера древнихъ скандинавовъ. Наконецъ, кому неизвѣстна легенда о великой исторической волчицѣ, вскормившей своимъ молокомъ вожаковъ римскаго народа—Ромула и Рема, а съ ними можетъ быть и всего романскаго племени?

Прежде всего скажемъ два, три слова о цвѣтѣ его шерсти. Русскій народъ давно подмѣтилъ этотъ цвѣтъ и назвалъ волка «сѣрымъ». Дѣйствительно, въ шерсти волка такая смѣсь волосъ бѣлыхъ, черныхъ, желтоватыхъ, соловыхъ, красноватыхъ, бурыхъ, что на первый взглядъ онъ кажется сѣрымъ. Но уже этотъ бѣглый взглядъ наблюдателя можетъ подмѣтить, что у сѣраго бирюка спина темнѣе и бурѣе, морда свѣтлѣе, концы лапъ желтѣе и т. д. Въ общемъ же остается впечатлѣніе одного сѣраго цвѣта, и вотъ этотъ-то цвѣтъ удивительно, какъ приспособленъ къ цвѣту земли или къ сѣроватому фону лѣсныхъ низовъ, стволовъ деревьевъ, пеньковъ и т. п. На югѣ попадаются красноватые волки, а на сѣверѣ цвѣтъ волка, въ особенности въ зимнее время, становится бѣлесоватымъ. Наконецъ, встрѣчаются, хотя рѣдко, совсѣмъ бѣлые волки.

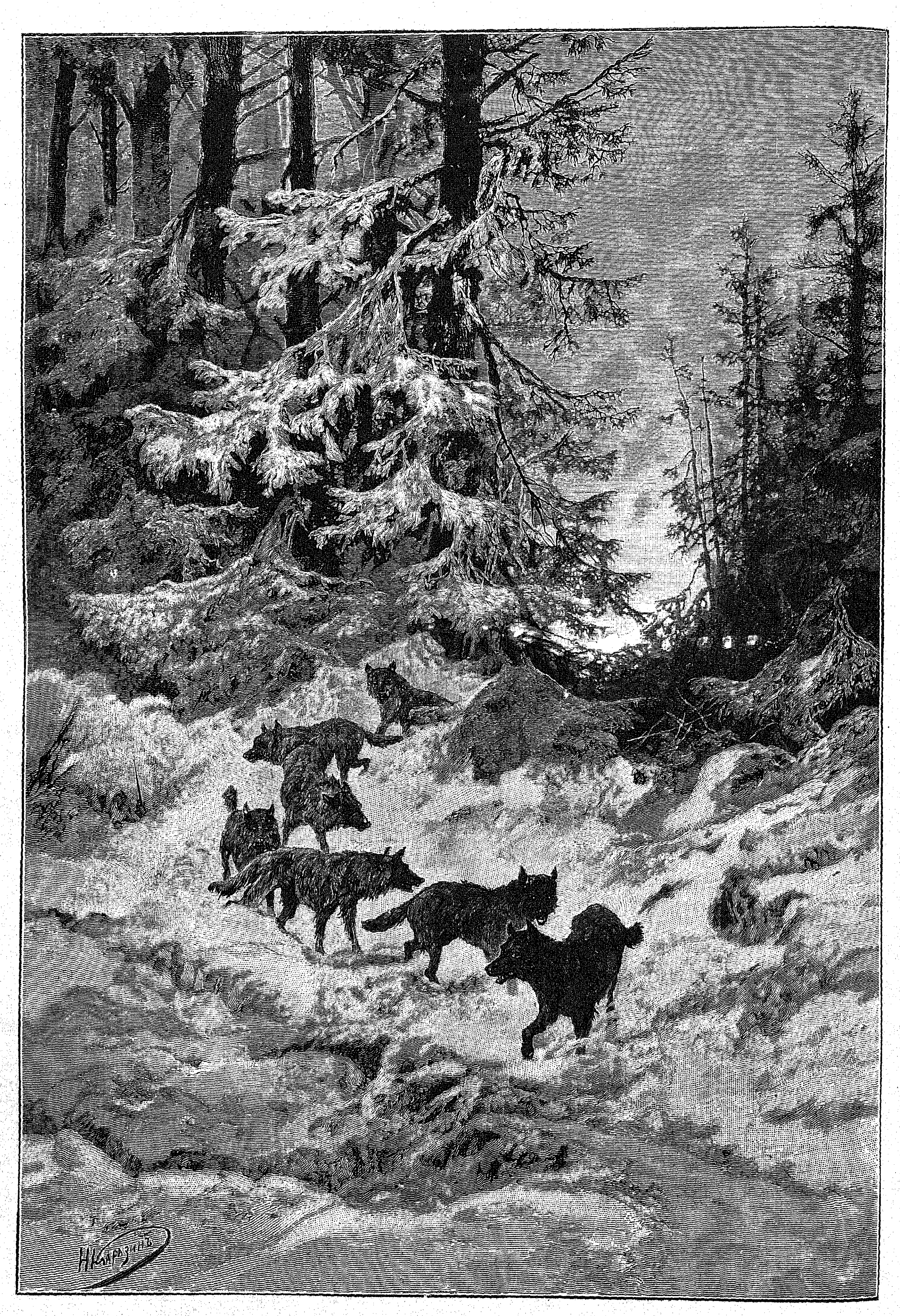
Изъ всѣхъ русскихъ и европейскихъ хищниковъ, волку надо отдать первое мѣсто послѣ медвѣдя по величинѣ и силѣ. Онъ можетъ долго и быстро бѣгать на своихъ крѣпкихъ и длинныхъ ногахъ, причемъ нѣсколько напоминаетъ медвѣдя, такъ какъ на бѣгу обыкновенно упирается не только пальцами, но отчасти и подошвой. При быстромъ бѣгѣ волкъ можетъ легко перепрыгивать черезъ заборы и широкія канавы. Сила его такова, что онъ уноситъ довольно легко въ зубахъ въ припрыжку взрослую овцу, взбросивъ себѣ её на спину. Его зубы настолько крѣпки и сильны, что ими онъ сразу переламываетъ переднія ноги нападающей на него собакѣ. Зубы его — это главное, почти исключительное орудіе защиты и нападенія. Нашъ народъ говоритъ про волка, что онъ не убилъ, а «зарѣзалъ» овцу, теленка или лошадь, подразумѣвая при этомъ, что онъ перегрызъ имъ горло. Дѣйствительно, это самый привычный для волка способъ овладѣвать своей добычей. Бросаясь на нее, онъ инстинктивно вонзаетъ острые, крѣпкіе зубы ей въ горло и стискиваетъ ихъ крѣпкими челюстями. Если при этомъ онъ не прорѣжетъ шейныхъ сонныхъ артерій, что поведетъ за собою неминуемую смерть, — то просто задушитъ свою жертву.

Волкъ рѣдко подкрадывается ползкомъ къ своей добычѣ, хотя караулитъ ее изъ засады или подходитъ къ ней неслышно, какъ тѣнь. Онъ болѣе хитеръ, чѣмъ смышленъ, и хотя любитъ жить въ одиночку и прятаться въ глухихъ лѣсахъ, оврагахъ и ущельяхъ, но не рѣдко, въ особенности зимой, прибѣгаетъ къ обществу своихъ собратій. Въ этомъ случаѣ волки собираются цѣлыми стаями въ 15-ть и 20-ть головъ. Они становятся чрезвычайно храбрыми и опасными и ходятъ обыкновенно гусемъ другъ за другомъ. Впереди идетъ опытный матерой (старый) волкъ, широко шагая, а всѣ остальные стараются попадать въ его слѣды, такъ что по этимъ слѣдамъ никогда нельзя узнать изъ сколькихъ волковъ прошла стая. Въ своей одинокой жизни волкъ прячется отъ всѣхъ, живетъ отшельникомъ и не чувствуетъ потребности въ обществѣ своихъ собратій. Въ такой жизни для него проходитъ все лѣто—время, когда все живущее на землѣ пируетъ полнымъ пиромъ. Волкъ тогда вполнѣ наслаждается своей эгоистической жизнью. Онъ гоняется за зайцами, подкарауливаетъ куропатокъ или тетерекъ на ихъ гнѣздахъ, разоряетъ гнѣзда мелкихъ пташекъ. Но всего чаще онъ поселяется вблизи какой-нибудь деревушки и глухой ночью, передъ разсвѣтомъ, тихо, какъ тѣнь, прокрадывается въ овечьи хлѣвушки и въ свинарники и здѣсь предается своей необузданной жадности. Онъ загрызаетъ разомъ нѣсколько овецъ одну за другой. Перетаскиваетъ ихъ, если можетъ, въ свое логовище, или прячетъ гдѣ-нибудь въ кустахъ подъ листьями или хворостомъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ онъ зарываетъ ихъ. Это запасъ на нѣсколько дней. Нужды нѣтъ, что трупы разложатся, сдѣлаются черезчуръ пахучими, тѣмъ лучше! Волкъ предпочитаетъ падаль всѣмъ другимъ кушаньямъ. Онъ не такъ любитъ свѣжее мясо и кровь, какъ гнилые трупы. Для него такъ же пріятенъ ихъ тяжелый отвратительный запахъ, какъ какому-нибудь гастроному—запахъ лимбургскаго сыра.

Но не думайте, чтобы онъ удовлетворился этимъ запасомъ. Нѣтъ! Жадность его можетъ поспорить съ жадностью россомахи — этой «сѣверной прожоры». Онъ можетъ съѣсть разомъ большую овцу, барана или даже молодую свинью. Насытившись, онъ становится соннымъ и идетъ домой, озираясь и облизываясь, подозрительно косясь по сторонамъ, спѣша сладко выспаться въ своемъ логовѣ. Но если въ это время судьба пошлетъ ему легкую добычу, то, повѣрьте, онъ по пути не упуститъ и ее, придушитъ и зазѣвавшагося зайца, и заигравшуюся мышь или тетерьку на яйцахъ.

Характеръ и повадки сытаго волка очень рѣзко отличаются отъ характера голоднаго волка. Сытый, онъ не теряетъ своего мрачнаго настроенія, но становится крайне трусливымъ. Онъ убѣгаетъ отъ всякой малѣйшей, кажущейся ему опасности. Голодный, онъ становится безумно отважнымъ и бросается на явную опасность. Видъ и запахъ добычи раздражаютъ его. Онъ, какъ безумный, забываетъ всякую осторожность и осмотрительность и нерѣдко попадаетъ въ самую не хитрую ловушку. Во время такихъ аффектовъ, вызванныхъ голодомъ, волки въ нашихъ степяхъ нападаютъ даже на стада коровъ или на табуны лошадей. Но такое нападеніе всегда оканчивается пораженіемъ нападающихъ. Лошади при этомъ тотчасъ же становятся въ оборонительное каре или, правильнѣе, въ оборонительный кругъ и противупоставляютъ нападающимъ волкамъ удары своихъ сильныхъ и страшныхъ копытъ. Волки ретируются, и тогда лошади переходятъ въ наступленіе. Онѣ далеко гонятъ ихъ въ степь, бьютъ копытами и отчаянно кусаютъ.

Жадность и обжорство ненасытныя, всепоглощающія—вотъ отличительная, основная черта волка. Привыкнувъ обжираться въ привольное, лѣтнее время, онъ ищетъ, чѣмъ наполнить свой ненасытный желудокъ и въ осеннее время, когда большинство звѣрьковъ забивается въ

Воровская вязка.

Волкъ.

норки, а птицы улетаютъ на годъ. Въ это, сравнительно, голодное время волкъ набрасывается на ягоды: на чернику и голубику и сильно обжирается ими. Понятно, что при такой волчьей жадности всякій соперникъ становится для него ненавистнымъ. Волкъ бросаетъ своихъ товарищей, съ которыми онъ поневолѣ бродилъ и дружилъ всю зиму, и становится опять отшельникомъ, уединеннымъ жителемъ глухихъ, пустынныхъ мѣстъ.

Сближаться въ зимнее время съ другими собратьями заставляетъ волка тотъ же постоянный ненасытный голодъ. Въ одиночку онъ не можетъ себѣ добыть пищи, въ это голодное время года, и поневолѣ присоединяется къ своимъ товарищамъ, чтобы общими силами загнать зайца, одолѣть лошадь, корову, овцу или свинью. Но каждый членъ этаго волчьяго общества чувствуетъ, что мясо его собрата такъ же или почти такъ же пріятно съѣсть, какъ мясо овцы или свиньи. Въ особенности вкусно пахнетъ это мясо на голодные зубы. Вотъ почему, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, стая волковъ съ бѣшенствомъ накидывается на какого-нибудь пораненаго или чахлаго своего собрата, загрызаетъ и съѣдаетъ его.

При описаніи всѣхъ этихъ чертъ волчьяго характера невольно является мысль; — да вѣдь всѣ эти черты мы находимъ и у нашей домашней собаки, только у волка онѣ ярче, яснѣе выражены! Жадность и обжорство почти въ такой же мѣрѣ свойственны собакѣ, какъ и волку. Откуда же и сложилась народная поговорка: «жаденъ, какъ собака», или «какъ собака на сѣнѣ—ни себѣ, ни людямъ?» Собака точно также считаетъ за самое утонченное, гастрономическое блюдо гнилое мясо и вообще всякую протухлую пищу, отбросы и помои. Она также, какъ волкъ, запрятываетъ и зарываетъ недоѣденные куски и кости и ѣстъ ихъ съ наслажденіемъ черезъ нѣсколько дней, когда они полежатъ въ землѣ и тронутся. Какъ сытно вы ни кормите молодыхъ, да и взрослыхъ собакъ—все равно, онѣ непремѣнно побѣгутъ къ помойной ямѣ, которая составляетъ, такъ сказать, идеалъ ихъ гастрономическихъ вожделѣній.

Какъ бы ни была приручена и добра собака, въ ней всегда сохраняется непреодолимая инстинктивная ненависть къ другой собакѣ, въ особенности если эта собака одного съ нею пола. Эта ненависть смягчается и маскируется воспитаніемъ, прирученностью, но она можетъ мгновенно вспыхнуть во всей своей силѣ по самому ничтожному поводу. Точно также, какъ стая волковъ, стая собакъ кидается съ яростью на раненую собаку и разрываетъ ее въ клочки.

Каждому охотнику извѣстны изумительные, невѣроятные примѣры силы собачьяго чутья, но почти такъ же сильно оно развито и у волка. Говорятъ, что онъ слышитъ запахъ падали за 5 — 6 верстъ. При постановкѣ капкановъ, самострѣловъ или самолововъ, которыми добываютъ волковъ, надо быть крайне осмотрительнымъ, чтобы не возбудить ихъ самой щепетильной осторожности. Если капканъ лежалъ гдѣ-нибудь въ жиломъ мѣстѣ, то его необходимо довольно долго держать на холодномъ воздухѣ,—не то запахъ его отпугнетъ волка.

Въ волкѣ постоянно борются два свойства характера: жадность и осторожность. Посмотрите на него, когда онъ идетъ на поиски за добычей, то опуская низко голову, то приподымая ее и жадно обнюхивая воздухъ. Онъ почти всегда, а въ особенности на окраинѣ лѣса, старается идти противъ вѣтра, который доноситъ до него запахъ добычи или человѣка. Его уши тихо двигаются, то оба устремятся впередъ, то одно тихо загнется назадъ и приляжетъ. Глаза постоянно, зорко глядятъ по сторонамъ. Волкъ идетъ осторожно, осмотрительно, готовый каждую минуту остановиться. Онъ легко неслышно ступаетъ и старается, чтобъ подъ его сильной лапой не хрустнула какая-нибудь предательская вѣтка или не зашумѣлъ бы сухой листъ. Весь его корпусъ тихо качается, изгибается и, кажется, готовъ тотчасъ же при малѣйшей опасности отпрыгнуть въ сторону. Хвостъ его постоянно опущенъ внизъ. Эта особенность до того характерна для волка, что почти всѣ зоологи ставятъ ее самымъ отличительнымъ признакомъ различія волка отъ собаки. Тогда какъ собака бодро несетъ высоко свое правило, радостно и ласково виляетъ и машетъ имъ и только отъ страха опускаетъ его внизъ и плотно прижимаетъ къ брюху,—волкъ постоянно держитъ свой хвостъ опущеннымъ къ землѣ. Другими словами,—онъ постоянно трусить и боится выразить движеніемъ хвоста то, что его волнуетъ. Онъ скрытный бирюкъ, осторожный, трусливый и замкнутый въ самомъ себѣ. Онъ даетъ волю только своему бѣшенству, злобѣ въ то время, когда кидается на добычу, на человѣка или на своихъ собратій. Онъ откровененъ только въ злыхъ чувствахъ и стремленіяхъ, — для добрыхъ у него нѣтъ выраженія. Вотъ поэтому-то у него нѣтъ и голоса; онъ никогда не лаетъ, и только, когда голодъ станетъ нестерпимо его мучить, онъ поднимаетъ или опускаетъ голову и начинаетъ отвратительно, злобно и тоскливо выть. Рѣдкій изъ крестьянъ не слыхалъ въ долгія осеннія или зимнія морозныя ночи этого тяжелаго, крайне непріятнаго, волчьяго вытья. Обыкновенно цѣлая стая волковъ задаетъ ночной, волчій концертъ. Одинъ—запѣвало — начинаетъ, другіе подхватываютъ, и страшная музыка далеко несется среди ночной тишины, по полямъ и лѣсамъ, наводя ужасъ на запоздалаго путника.

Самыя лучшія чувства каждаго звѣря, невольно проявляющіяся у матери въ выраженіи любви ея къ дѣтямъ, проходятъ у волка незамѣтно, а иногда принимаютъ даже злобный характеръ. Молчаливая, угрюмая волчица и дѣтей своихъ пріучаетъ къ молчанію и сдержанности: она почти никогда не играетъ съ ними. Да и сами волчата рѣзвятся только въ раннемъ дѣтствѣ. Мать кусаетъ и мучитъ своихъ дѣтей; и горе волченку, который при этомъ завизжитъ. Онъ тотчасъ же будетъ жестоко наказанъ; онъ долженъ, какъ спартанецъ, все терпѣть и переносить молча. Неудивительно послѣ этого, что маленькіе волчата уже проявляютъ характеръ дикости, хитрости и притворства. Одинъ охотникъ разсказываетъ, какъ онъ выкуривалъ волчатъ изъ бокового отнорка. Несмотря на то, что этихъ волчатъ трогали и палками, и жердями и затѣмъ начали душить дымомъ, они не подали голоса. Изъ нихъ четверо задохлись и только двое остались въ живыхъ. Когда ихъ положили на землю и они отдохнули, то, увидѣвъ, что ихъ окружили люди, они припали къ землѣ, притворились мертвыми и долго лежали, не шевелясь. Охотникъ отнесъ ихъ на поляну, положилъ на траву и спрятался. Волчата медленно открыли глаза, начали поводить ушами и затѣмъ вскочили и бросились бѣжать. Охотникъ тотчасъ догналъ ихъ; тогда они снова прикинулись мертвыми, а когда на нихъ выпустили собаку, то они начали съ визгомъ огрызаться и бросаться на нее.

Волчица вырываетъ не глубокое гнѣздо въ землѣ или устраиваетъ его подъ кустами и колодами; но постояннаго логова въ землѣ она не дѣлаетъ. Впрочемъ, изъ этого составляютъ исключеніе степные волки, которымъ негдѣ спрятаться въ открытой степи, и они поневолѣ должны вырывать себѣ убѣжище въ землѣ.

Разсказываютъ, будто въ сибирской тайгѣ можно зимой видѣть волковъ, играющихъ и гоняющихся другъ за другомъ. Разумѣется, это бываетъ въ ясные, солнечные дни, вскорѣ послѣ сытной ѣды. Если эти разсказы справедливы, то они прямо указываютъ на то, что условія жизни волка — обиліе пищи — вліяютъ на его характеръ, и угрюмый «сѣрый» бирюкъ можетъ порой превращаться въ игриваго щенка. Тамъ же, гдѣ, какъ напримѣръ въ лѣсахъ Европейской Россіи, недостатокъ пищи и неразлучное съ нимъ недовольство жизнью сказываются почти каждую минуту постояннымъ голодомъ,—

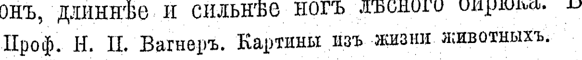
тамъ въ характерѣ волка исчезаетъ всякая возможность веселаго настроенія.

Лѣсъ и степь вообще оказываютъ замѣтное вліяніе на волка. Въ лѣсу волки болѣе склонны собираться въ общества, чѣмъ въ степи. Въ лѣсныхъ мѣстностяхъ необходимость въ общественной жизни пересиливаетъ врожденную кровожадность волка и его ненависть къ собратьямъ. Дѣло другое въ степи. Тамъ почти каждое столкновеніе двухъ волковъ кончается смертью слабѣйшаго или менѣе ловкаго. Тамъ волку негдѣ спрятаться. Его дѣятельность на виду, и онъ поневолѣ привыкаетъ быть болѣе храбрымъ или, вѣрнѣе, болѣе дерзкимъ и злымъ. Притомъ широкія, ровныя пространства дѣлаютъ изъ него бродягу, перебѣжчика съ мѣста на мѣсто, а обильная добыча — множество зайцевъ, сусликовъ, тушканчиковъ, мышей — доставляетъ ему, одинокому, достаточно пищи для того, чтобы онъ не нуждался въ подмогѣ и обществѣ своихъ собратій. Лѣсной волкъ, въ особенности въ сибирскихъ лѣсахъ, трусливѣе степного. Обиліе добычи, которой онъ овладѣваетъ безъ большого труда и усилій, заставляетъ его избѣгать всякихъ столкновеній съ опасными врагами и въ особенности съ человѣкомъ.

Волки и вейка.

Разница степной и лѣсной жизни отражается даже, хотя немного, и на организмѣ волка. Степные волки — вообще нѣсколько меньше лѣсныхъ. Ихъ ноги, привыкшія добывать звѣря въ угонъ, длиннѣе и сильнѣе ногъ лѣсного бирюка. Въ этой незначительной разницѣ организма можетъ быть уже скрывается начало раздѣленія нынѣшняго волка сперва на двѣ разновидности, а затѣмъ и на два вида.

Ни одного звѣря волкъ не ненавидитъ съ такой искрен-

ной злобой, какъ собаку. Онъ какъ будто мститъ ей за то, что она ушла отъ дикой природной жизни, отъ свободы лѣсовъ и степей въ цивилизованную жизнь человѣка. Онъ своимъ тонкимъ чутьемъ издалека слышитъ отъ собаки—запахъ человѣчьяго жилья, людской жизни. Собака, оберегающая человѣка и его стада, въ особенности ненавистна волку; вотъ почему волкъ никогда не пропуститъ случая заманить молодую собаку въ лѣсъ и тамъ на свободѣ загрызть ее. Обыкновенно это дѣлается сообща, при помощи цѣлой стаи волковъ. Одинъ мой знакомый былъ свидѣтелемъ такого лова. Онъ стоялъ поздней осенью, на балконѣ деревенскаго дома, который былъ вблизи лѣса, а передъ нимъ на полянѣ лежала собака, подростокъ изъ дворняшекъ. Былъ темный вечеръ, и въ тишинѣ его слышался каждый малѣйшій шорохъ. И вотъ вдругъ, среди мрака, вдали въ лѣсу вспыхнули два тусклые зеленоватые огонька. Вскорѣ рядомъ съ ними появилась еще пара огоньковъ, за нею зажглись еще и еще... Собака насторожила уши и зарычала. Но вотъ два огонька отдѣлились отъ другихъ и понеслись прямо на нее. Не успѣла собака вскочить на ноги, какъ передъ ней выросъ, какъ тѣнь, огромный волкъ. Она кинулась на него, но онъ быстро отскочилъ въ сторону и началъ бѣгать кругами, метаться, кидаясь подъ ноги собакѣ. Мало-по-малу онъ незамѣтно уходилъ все глубже и глубже въ лѣсъ. Собака гналась за нимъ, и вдругъ вдали замелькали опять огоньки, послышался вой, визгъ, и все смолкло и исчезло... На другой день въ ближайшемъ къ усадьбѣ оврагѣ нашли часть обглоданнаго костяка собаки. Остальныя кости ея волки вѣроятно растащили во-свояси.

Въ прирученіи волка замѣчается странная, удивительная особенность. Волченокъ, взятый изъ гнѣзда и вскормленный молокомъ, становится ласковымъ и игривымъ щенкомъ. Онъ нисколько не дичится ни собакъ, ни человѣка. Сдѣлавшись взрослымъ волкомъ, онъ становится такимъ же ласковымъ, игривымъ и привязчивымъ, какъ собака. Онъ ласкается къ человѣку, машетъ хвостомъ, лижетъ его руки и въ особенности привязывается сильно къ своему хозяину. Извѣстный ученый Джонъ Франклинъ разсказываетъ объ одномъ англичанинѣ Гроффѣ, который воспиталъ двухъ волковъ, самца и самку. Самка сдѣлалась такой ручной, что играла со своимъ хозяиномъ, лизала ему руки и очень часто зимой вмѣстѣ съ нимъ ѣздила въ саняхъ. Звали ее *Тусса.* «Разъ, во время моего отсутствія, — разсказываетъ Гроффъ, она сорвалась съ цѣпи и убѣжала. Спустя три дня я возвратился къ себѣ, вошелъ на пригорокъ и закричалъ:

— Гдѣ моя Тусса?

Волки.

Услыхавъ мой голосъ, волчица вернулась ко мнѣ и ласкалась, какъ самая привязчивая собака».

Извѣстный французскій ученый Фридрихъ Кювье, братъ геніальнаго Жоржа Кювье, разсказываетъ, что въ звѣринцѣ Парижскаго Ботаническаго сада (Jardin des plantes) былъ волкъ, воспитанный однимъ господиномъ. Уѣзжая изъ Парижа, этотъ господинъ подарилъ своего воспитанника звѣринцу. Волкъ сильно тосковалъ въ отсутствіи своего хозяина; постоянно вылъ, отказывался отъ пищи и такъ исхудалъ, что всѣ думали, что онъ не переживетъ этой разлуки. Но мало-по-малу горе забылось, онъ привыкъ и, повидимому, забылъ о своемъ воспитателѣ. Черезъ полтора года тотъ снова вернулся въ Парижъ, пошелъ въ звѣринецъ, вмѣшался въ толпу, бродившую около клѣтокъ съ волками, и началъ громко звать своего воспитанника. Волкъ вздрогнулъ, насторожилъ уши и началъ рваться вонъ изъ клѣтки. Когда отворили дверцы, онъ прямо бросился къ своему хозяину, визжалъ, лизалъ ему руки, прыгалъ и радовался безъ конца. Но черезъ нѣсколько времени хозяинъ снова долженъ былъ разлучиться со своимъ воспитанникомъ; и волкъ снова впалъ въ тоску, въ отчаяніе и только черезъ три года мало-по-малу пришелъ въ нормальное, беззаботное состояніе. Онъ сталъ по прежнему ласкаться къ

сторожамъ и крѣпко привязался къ собакѣ, которая была посажена къ нему въ клѣтку. Одинъ разъ вечеромъ старый хозяинъ волка опять вернулся въ Парижъ и подошелъ къ его клѣткѣ. Волкъ тотчасъ узналъ его, отвѣтилъ на его голосъ, завылъ, запрыгалъ и началъ рваться изъ клѣтки. Когда же ему отворили дверцы, онъ бросился къ нему, вскинулъ на его плечи переднія лапы, началъ визжать, лизать ему лицо, руки и огрызался на сторожей, которые хотѣли разлучить ихъ. Но эта разлука все-таки настала, и волкъ навсегда впалъ въ мрачное волчье настроеніе и остался угрюмымъ и печальнымъ до конца жизни.

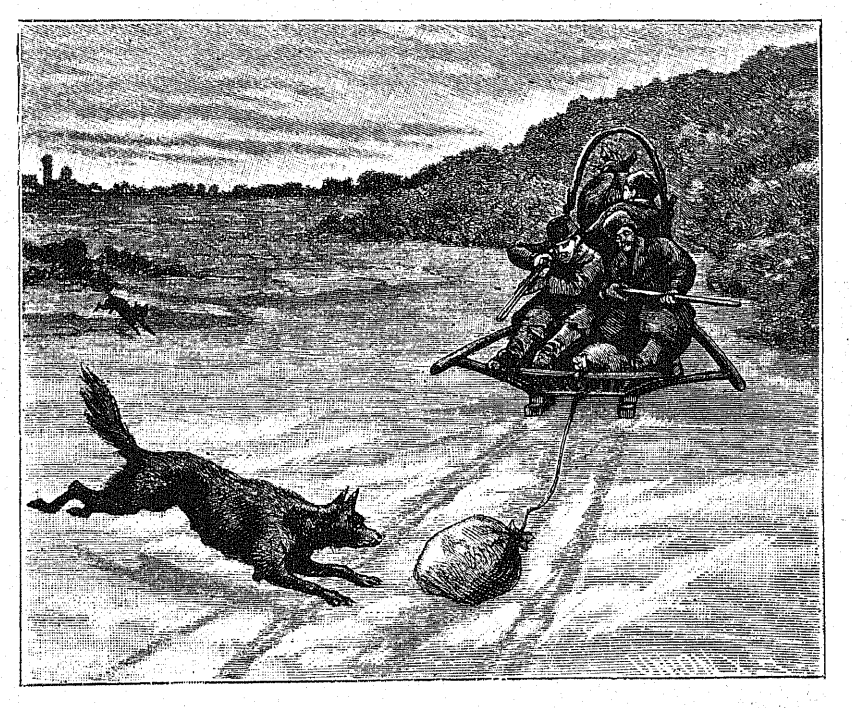
Справедливость этихъ разсказовъ можетъ подтвердить мое собственное наблюденіе надъ волкомъ, воспитаннымъ на дворѣ казанскаго университета. Этотъ волкъ былъ такъ привязанъ къ сторожу, который ходилъ за нимъ, что всегда съ визгомъ бросался ласкаться къ нему и точно также ласкался ко всѣмъ, кто подходилъ къ нему. Жизнь свою онъ окончилъ весьма печально. Онъ вырвался изъ клѣтки и забѣжалъ въ лучшую гостиницу, гдѣ одинъ изъ пріѣзжихъ закололъ его штыкомъ.

Всѣ эти разсказы ясно показываютъ, какъ сильно можетъ дѣйствовать ласковое воспитаніе даже на угрюмый эгоистичный характеръ волка. Въ то же время они невольно наводятъ на мысль:— да не есть ли волкъ просто одичавшая собака? Она одичала въ очень давнія времена, можетъ-быть вскорѣ послѣ прирученія ея первобытнымъ человѣкомъ. Для собаки тогда открылись двѣ дороги: по одной повелъ ее человѣкъ къ цивилизованной жизни, и отъ этихъ прирученныхъ собакъ расплодилось множество самыхъ разнообразнѣйшихъ породъ, начиная съ крохотнаго кингчарльза и болонки до громаднаго дога и сенъ-бернарда; а по другой, въ противоположную сторону, пошелъ волкъ въ его хищную, дикую жизнь, обособляясь все болѣе и болѣе въ своихъ хищныхъ и кровожадныхъ инстинктахъ. Но при всемъ этомъ обособленіи необыкновенно живучая, сильная черта собаки — слѣпая инстинктивная привязанность къ человѣку — остается нетронутою во всей ея силѣ и тотчасъ же пробуждается, какъ только человѣкъ приласкаетъ волченка съ заботливостью матери или воспитателя.

Съ другой стороны необыкновенная приспособленность волка къ его хищнической лѣсной или луговой жизни и сильная плодовитость дали ему возможность распространиться въ мало-населенныхъ странахъ и достичь такихъ размѣровъ, которые ставятъ его крупнѣе всѣхъ хищниковъ послѣ медвѣдя.

Въ Германіи, гдѣ населеніе гораздо гуще, чѣмъ въ Россіи, волкъ почти исчезъ или, правильнѣе говоря, истребленъ этимъ населеніемъ. Въ Англіи, представляющей острова, отдѣленные отъ материка моремъ, волкъ истребленъ еще въ прошломъ столѣтіи. У насъ, въ Россіи, его не могутъ истребить, не смотря на усиленныя старанія нѣкоторыхъ земствъ. Здѣсь сѣрый образъ лѣсного бирюка какъ бы сжился съ народомъ. Онъ сдѣлалъ его предметомъ сказокъ, легендъ и безконечной темой различныхъ разсказовъ изъ обыденной жизни или изъ охотничьихъ похожденій и отхожихъ промысловъ. Въ особенности богатый матеріалъ даетъ осенняя и зимняя жизнь волка. Посмотрите на уголокъ лѣса: стая волковъ несется по едва проложенной или заброшенной дорогѣ въ лѣсу. Они летятъ, какъ бѣшеные, жадно нюхая слѣды, которые оставила какая-нибудь добрая коняка, можетъ быть нагруженная дровами, хворостомъ или срубленной лѣсинкой. Горе ей и ея горемычному хозяину: и онъ, и лошадь будутъ загрызаны, растерзаны и съѣдены.

Въ сообществѣ собратій, въ стаѣ волкъ становится необыкновенно дерзкимъ и въ слѣпой ярости бросается на добычу, забывая объ опасности. Охотники на волковъ пользуются этой чертой и ѣдутъ въ большихъ саняхъ по лѣсу, гдѣ бродятъ волки. Они берутъ съ собою поросенка въ мѣшкѣ, а сзади саней привязываютъ на крѣпкой веревкѣ комъ сѣна или мочалы. (Рисун. смотр. на этой стран.). Поросенокъ визжитъ, комъ волочится, прыгаетъ по дорогѣ, и волки бросаются по одному и рвутъ его, а охотники, улучивъ минуту, стрѣляютъ въ нихъ. Но горе имъ, если они при этомъ убьютъ волчицу: тогда вся стая дѣлается непримиримымъ мстителемъ за убитую и, не обращая вниманія на комъ, съ слѣпой яростью бросается прямо въ сани, на охотниковъ.

Охота на волка.

Въ нашихъ южныхъ степяхъ на волка охотятся въ угонъ. Въ особенности такая охота существовала прежде, а можетъ быть существуетъ и теперь въ Малороссіи, въ Черкасскихъ степяхъ и у киргизовъ. Охотникъ гонится за волкомъ съ нагайкой и, настигая его на скаку, ударяетъ его нагайкой по лбу. Волкъ, ошеломленный ударомъ, бѣжитъ тише и послѣ двухъ, трехъ ударовъ валится на землю. Его «сострунивают», т. е. вкладываютъ ему въ пасть палку, концы которой крѣпко завязываютъ веревкой, обхватывающей шею.

Волчья шкура цѣнится весьма недорого (1½ и 2 рубля) и не представляетъ приманки, въ особенности для зажиточнаго крестьянина. Въ Сибири и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Россіи ловятъ волковъ въ «загороди», и эта ловля можетъ быть весьма добычлива, въ особенности если загородь старая и волки къ ней привыкли. Это просто двойной кругъ изъ крѣпко вбитыхъ въ землю высокихъ кольевъ или длинныхъ жердей, связанныхъ на верху, въ видѣ пучковъ. Разстояніе между стѣнками этого двойного забора дѣлается какъ разъ по ширинѣ волчьяго тѣла. Въ одномъ мѣстѣ придѣлывается небольшая дверца, которая отпирается внутрь, а въ середину, въ центральный кругъ кладутъ «приваду», бросаютъ падаль или садятъ живую овцу, поросенка или теленка. Нѣсколько дней приваживаютъ волковъ къ такой западнѣ,

бросая у ея дверецъ убитую овцу или свинью. Наконецъ, волкъ, не встрѣтивъ обычной приманки и чувствуя запахъ ея или крикъ добычи, осторожно входитъ въ круглый коридоръ и идетъ щелкая, зубами вдоль, его. Онъ чуетъ запахъ добычи, слышитъ визгъ поросенка, видитъ его сквозь щели забора и идетъ, спѣшитъ дальше и дальше, пока отворенная дверь не встанетъ поперекъ его жадныхъ или голодныхъ стремленій... И вотъ «сѣрый бирюкъ» пойманъ! Онъ хочетъ повернуться. Нельзя! Коридорчикъ слишкомъ узокъ. Широкимъ лбомъ толкаетъ дверь, значитъ. Ну, разумѣется, таку рубаху держишь особо гдѣ-нибудь въ вольномъ мѣстѣ, чтобы она на морозѣ особо лежала, чтобы то-есть отъ нея человѣчьяго духа ни зерна бы не было слышно. А на ноги надѣвамъ лыжи. Вотъ какъ запримѣтишь стаю—и шагамъ прямо къ ней—подойдешь—они ничего... глядятъ на тя и уши насторожатъ. Тогда войдешь прямо въ стаю, а они не бѣгутъ отъ тебя... вокругъ тебя встанутъ и всѣ на тя дивуются. Тутъ бережненько—Господи благослови!—нацѣлишь въ кого половчѣе и ухнешь, онъ упадетъ; а вся стая кинется

Охота на волка.

которая словно ожидала этого толчка;—она сейчасъ же захлопывается за сѣрымъ хищникомъ. Теперь ужъ ему не вырваться! Утромъ придутъ крестьяне; войдутъ въ эту западню, доберутся до сѣраго пріятеля и, накинувъ ему петлю на шею, придушатъ его. Иногда нѣсколько волковъ, одинъ за другимъ, входятъ въ такую западню. Она можетъ дѣйствовать цѣлую зиму и доставить, при удачѣ, не одинъ десятокъ волчьихъ шкуръ своему хозяину.

Отъ охотника изъ крестьянъ, въ окрестностяхъ Казани (село Борисково), я слышалъ разсказъ объ одномъ странномъ, можно сказать, невѣроятномъ способѣ охоты на волковъ. Я передаю здѣсь этотъ разсказъ почти дословно.

«Въ зимнюю ночь,—разсказывалъ крестьянинъ,—когда полная луна стоитъ «на высяхъ», идешь съ ружьемъ на опушку. А пойдешь, такъ надѣвашь особу одежу—этаку бѣлу холщеву, длинну рубаху съ рукавамъ, а на голову мѣшокъ, а въ немъ двѣ дыры прорѣзаны—для глазъ, отъ тебя въ разсыпную въ лѣсъ... и ужъ до завтра ты ее не соберешь опять... а на завтра можно опять добывать идти...»

Если этотъ разсказъ справедливъ, то какъ объяснить, почему волки не признаютъ человѣка, не пугаются и не бросаются на него, если онъ одѣтъ въ бѣлую одежду и стоитъ на яркой бѣлоснѣжной полянѣ въ лунную ночь? Во всякомъ случаѣ было бы крайне интересно провѣрить этотъ «лунный» способъ охоты на волковъ. И такой опытъ можетъ послужить даже задачей для личной храбрости охотника.

У нашего народа съ волкомъ связываются разсказы объ оборотняхъ. Во многихъ мѣстностяхъ Россіи нашъ крестьянинъ или, правильнѣе говоря, наша крестьянка вѣритъ, что колдуны и вѣдьмы при случаѣ оборачиваются въ волковъ, бродятъ по деревнѣ и загрызаютъ скотъ, людей, или утаскиваютъ ребятъ. Художественно выражено это повѣрье объ оборотняхъ въ прекрасной балладѣ гр. А. К. Толстого.

Когда въ селахъ пустѣетъ,
Смолкнутъ пѣсни селянъ
И густой забѣлѣетъ
Надъ болотомъ туманъ—
Изъ лѣсовъ тихомолкомъ,
По полямъ, волкъ за волкомъ
Осторожно идутъ на ловитву.
Семь волковъ идутъ смѣло;
Впереди ихъ ведетъ
Волкъ восьмой, шерсти бѣлой,
А таинственный ходъ
Заключаетъ девятый
Съ окровавленной пятой;
Онъ за ними идетъ и хромаетъ.
Ихъ глаза—словно свѣчи,
Зубы—бритвы острѣй.
Ты тринадцать картечей
Козьей шерстью забей
И стрѣляй по нимъ смѣло:
Первый рухнетъ волкъ бѣлый
А за нимъ упадутъ и другіе.
На селѣ жъ, когда спящихъ
Всѣхъ разбудитъ пѣтухъ,
Ты увидишь лежащихъ
Девять мертвыхъ старухъ:
Впереди всѣхъ сѣдая,
Позади всѣхъ хромая.
Всѣ въ крови! «Съ нами сила Господня!».

Въ заключеніе этого бѣглаго очерка «волчьей жизни» мнѣ хочется указать на характеры волка и собаки, какъ на примѣръ двухъ путей, по которымъ можетъ идти общество человѣка. Положительную сторону здѣсь безъ сомнѣнія представляетъ собака. Ея необыкновенная привязчивость къ человѣку, къ его семьѣ, ея готовность помогать хозяину въ охотѣ, въ перевозкѣ тяжестей, въ трудахъ по дому, въ вытаскиваніи упавшихъ въ воду, въ спасеніи занесенныхъ снѣгомъ, все это весьма симпатичныя и желательныя черты нравственной жизни. Совсѣмъ другую отрицательную, несимпатичную сторону представляетъ «волчья пасть». Давно уже сложилась пословица homo homini lupus, т. е. «человѣкъ человѣку волкъ». Эгоизмъ и неискренность отсутствіе человѣчности порождаютъ такія странныя отношенія, какими отличается волчья жизнь. Она стоитъ какъ бы предостерегательнымъ знакомъ—передъ волчьей ямой, и благо будетъ обществу, если оно послушается этого предостерегательнаго значка и не пойдетъ по слѣдамъ волка въ отношеніи къ своимъ братьямъ.

3. Лиса.

«Лисанька лиса, всему міру краса!»—говоритъ нашъ народъ. Но эта красота весьма условна. Красива ея пушистая, цвѣтная рубашка и въ особенности пушистый хвостъ, подобнаго которому нѣтъ ни у одной собаки и ни у одного нашего пушного звѣря. Красивы ея быстрыя, граціозныя, увертливыя движенія, но все остальное весьма некрасиво, и всего некрасивѣе ея ноги, довольно длинныя и тонкія, дѣлающія рѣзкій контрастъ съ ея длинноволосой, пушистой шкурой.

Когда вдругъ, мелькомъ, взглянешь на ея голову и морду, то эта голова напоминаетъ что-то кошачье. Такія же широкія скуловыя дуги, такія же прямо стоящія уши, такія же зеленоватыя глаза съ узкимъ вертикальномъ зрачкомъ. Но морда ея гораздо острѣе и сильнѣе вытянута. Хитрость, сильно развитая у кошки, достигаетъ максимума развитія у лисы.

Она хитра, смѣтлива, понятлива. Ея умъ сильно изощрился въ придумываніи разныхъ штукъ и уловокъ, которыя она употребляетъ въ разныхъ случаяхъ жизни.

Древній писатель, Олай Великій, разсказываетъ о слѣдующемъ способѣ, посредствомъ котораго лиса освобождается отъ блохъ, сильно мучащихъ ее въ лѣтнее время. Одинъ разъ онъ видитъ, что лиса взяла въ ротъ клочекъ сѣна и отправилась съ нимъ въ рѣку. Она медленно погружалась въ воду, и по мѣрѣ ея погруженія всѣ блохи перебирались и перескакивали на этотъ клочекъ. Когда совершилось ихъ переселеніе, лиса быстро выскочила изъ воды, оставивъ въ ней клокъ сѣна съ блохами. «Это такъ остроумно,—говоритъ одинъ шведскій писатель Пантопиданъ («Естественная исторія Швеціи»), что и самъ человѣкъ не можетъ ничего придумать умнѣе».

Но лисанька хитрѣе человѣка. Онъ изобрѣтаетъ разные замысловатые западни и капканы, чтобы поймать какого-нибудь звѣря, а лиса обходитъ, осматриваетъ эти капканы и уноситъ то, что было въ нихъ поймано.

Одно несомнѣнно притягиваетъ человѣка къ лисѣ — это совершенство ея ума или хитрости. Человѣкъ долженъ стремиться къ совершенству. Все равно—будетъ ли это совершенство добрыхъ или злыхъ дѣлъ и поступковъ, будетъ ли оно прогрессивно или регрессивно—все равно. Человѣкъ долженъ стремиться къ совершенству. Таковъ законъ природы, такова сила ея могучей воли, и вотъ почему человѣку нравится сложная, умно, ловко обдуманная и исполненная плутня. Вотъ почему ему нравится плутоватая, хитрая «Лиса Патрикѣевна». Вотъ почему и разсказы и сказки объ ея плутняхъ, такъ сильно интересуютъ и ребенка, и взрослаго. Вотъ почему, наконецъ, и великій германскій поэтъ избралъ для одной изъ своихъ безсмертныхъ поэмъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ—совершеннѣйшаго плута Рейнеке-Лиса.

Лиса почти такой же себялюбивый эгоистъ, какъ и кошка. Въ этомъ случаѣ она дѣлаетъ отклоненіе отъ всѣхъ другихъ собачьихъ видовъ. Она думаетъ только о себѣ, о своихъ удобствахъ и вотъ почему она живетъ въ одиночку или попарно и никогда не соединяется въ общества или стаи.

Она выбираетъ для своей норы глухое, уединенное мѣсто, въ которомъ не потревожилъ бы ни ея, ни ея дѣтей ни одинъ хищникъ. Она очень привязана къ этой норѣ, къ этому логову. И очень хитро и удобно устраиваетъ его она на какомъ-нибудь пригоркѣ, для того, чтобы дождевая вода не заливала его. Такая нора обыкновенно раздѣляется на три отдѣла. Первый представляетъ родъ сѣней или маленькой передней. Изъ него лисица оглядываетъ и обнюхиваетъ мѣстность, прежде чѣмъ выйдетъ изъ норы. Второе отдѣленіе, это — столовая лисы. Здѣсь съѣдается все, что она приноситъ, какъ добычу. Обыкновенно это отдѣленіе имѣетъ два выхода. Да и самая нора имѣетъ нѣсколько отнорковъ и выходовъ, на всякій случай. Наконецъ, въ самой глубинѣ ея помѣщается спальня и дѣтская лисаньки. Это ея самое любимое отдѣленіе изъ всѣхъ трехъ, и потому неудивительно, что о немъ она заботится больше, чѣмъ о другихъ. Это отдѣленіе шире, просторнѣе, изъ него тщательно выгребена вся земля, подметены всѣ крошки и комки ея, наконецъ, все оно выстлано листьями, травой или даже шерстью и пухомъ. Лисанька любитъ тепло и мягкую постельку. Она любитъ нѣжиться на солнцѣ и обыкновенно спитъ, свернувшись клубкомъ, какъ и всякая собака, на солнечномъ припекѣ.

Устроивъ свою семейную нору, лиса наслаждается, вмѣстѣ со своими крохотными, смѣшными и юркими лисятками, полнымъ блаженствомъ. Тепло, мягкая постель и полная безопасность—чего же больше нужно для полноты ея мѣщанскаго счастья?

Наконецъ, на всякій случай у нея есть свой хранитель, который никогда не покидаетъ ее и не можетъ покинуть. Это—выдѣляемый ею нестерпимо зловонный запахъ, который отгоняетъ отъ ея норы почти всѣхъ животныхъ.

Нерѣдко изъ за этой норы у лисы возникаетъ распря съ барсукомъ. Барсукъ и лиса, это—два существа, ничѣмъ не похожія другъ на друга. Барсукъ угрюмый, щепетильный щеголь, джентльменъ. Онъ чистоплотенъ и брезгливъ до нельзя. И вотъ его норой овладѣваетъ лисанька. Она дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ весьма остро-

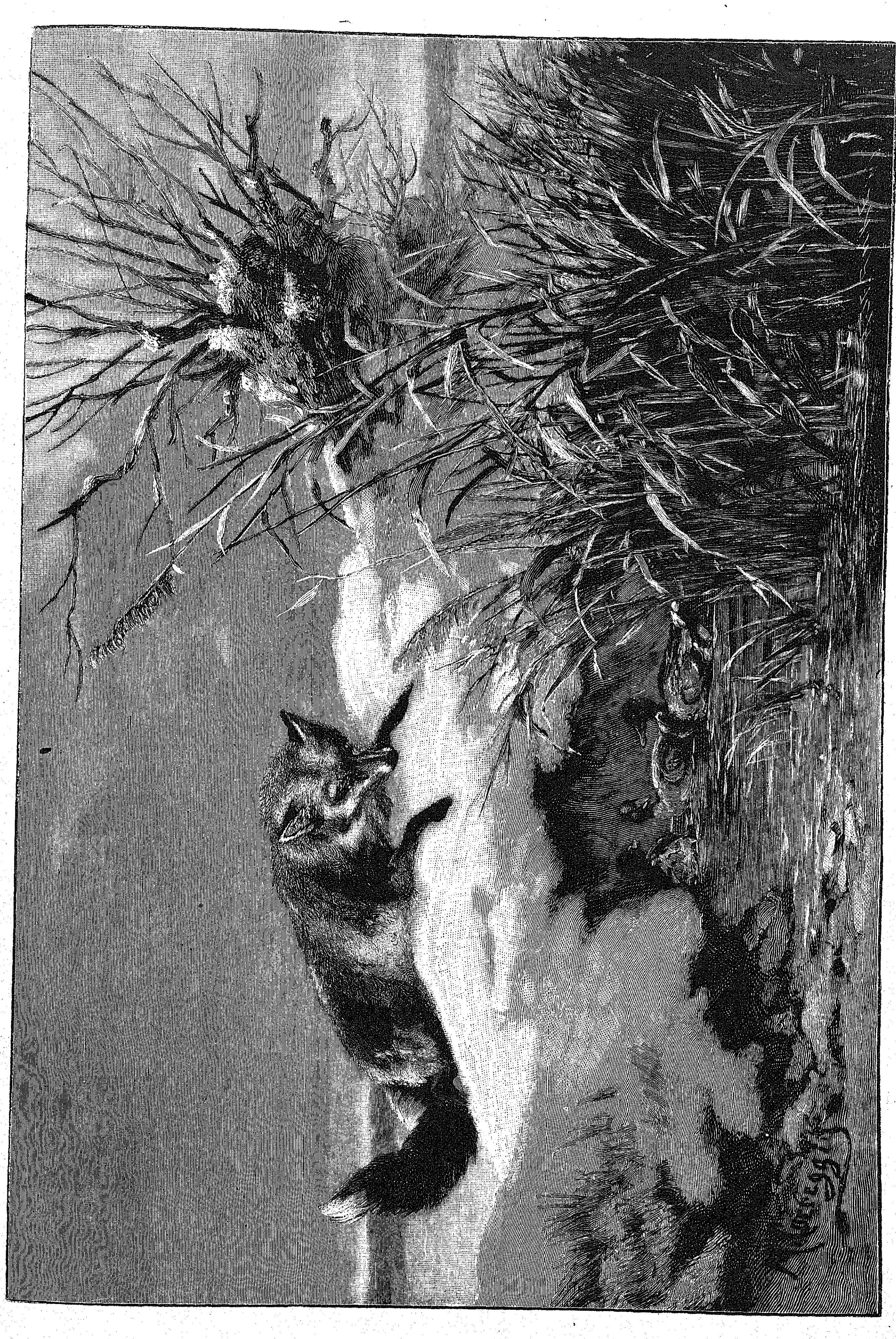
умно, хотя и не совсѣмъ чистоплотно. Прежде всего она ложится и трется около норы, въ надеждѣ, что ея тяжелый, нестерпимый запахъ выживетъ чистоплотнаго, брезгливаго джентльмена. Затѣмъ, когда это средство не дѣйствуетъ и джентльменъ сидитъ въ норѣ и упорно бережетъ ее, меланхолически похрюкивая и пофыркивая, она начинаетъ приносить къ ней разные отбросы, куски падали, мертвечины, наконецъ, дѣлаетъ ее складомъ собственныхъ отбросовъ. Вонь, идущая въ нору, становится нестерпимой. Барсукъ пробуетъ нѣсколько разъ прогнать дерзкаго нарушителя его покоя. Но гдѣ же неповоротливому, неуклюжему барсуку сладить съ ловкой, изворотливой лисой. Каждая схватка оканчивается стыдомъ и позоромъ для несчастнаго, чернобрюхаго джентльмена, и онъ снова возвращается въ свою нору, сопровождаемый тяжелымъ, непріятнымъ лисьимъ запахомъ. Наконецъ, этотъ запахъ становится для него положительно невыносимымъ. Онъ съ мужествомъ отчаянія выскакиваетъ изъ норы и бѣжитъ дальше, дальше отъ нея, думая, что врагъ его будетъ гнаться за нимъ. Но лисанька нисколько объ этомъ не думаетъ. Она тотчасъ же забирается въ нору и, завладѣвъ ею, сидитъ на сторожѣ, оскаливъ свои острые зубы, зорко поводитъ своими лисьими глазами и тихо двигаетъ своими остроконечными ушами. Она торжествуетъ побѣду. Нора—теперь ея собственное владѣніе, и она тотчасъ же принимается за осмотръ ея, за передѣлку, а несчастный джентльменъ въ безсильной досадѣ осужденъ бродить, отыскивая другую удобную нору, въ другомъ укромномъ мѣстѣ.

Лисицы.

Тяжелый запахъ лисицы — ея собственный, спеціальный запахъ, а «*своя вонь не воняетъ*», говоритъ мѣткая русская поговорка, и лисанька вполнѣ благодушествуетъ среди ея собственной пахучей атмосферы. Этотъ запахъ зависитъ отъ особенной железы, лежащей около корня хвоста. Но нѣсколько отступя отъ нея къ концу хвоста находятся другія железы, выдѣляющія жидкость съ запахомъ фіалки. Эти отдѣленія лисанька бережетъ для своихъ весеннихъ похожденій. Но нельзя сказать, чтобы она не могла жить безъ своей пахучей атмосферы. Кажется, она доставляетъ ей удовольствіе только въ то время, когда въ этой норѣ вмѣстѣ съ ней живутъ и ея лисинята. Въ другое время она рѣдко ночуетъ или прячется въ этой норѣ. Она предпочитаетъ оставаться на чистомъ воздухѣ тамъ, гдѣ ей предвидится добыча и жить безъ всякой норы. Въ случаѣ нужды она готова жить подъ кучей хвороста или просто между камнями. Наконецъ, бывали случаи, когда ее находили въ дуплѣ старой ивы и даже не одну, а съ ея малыми лисятками.

Въ характерѣ лисаньки соединяются двѣ противоположныя стороны. Она или лѣнива, любитъ нѣжиться, спать въ теплѣ, на мягкомъ, или неудержимо отдается самой неугомонной дѣятельности. Она бѣгаетъ, рыщетъ, все обнюхиваетъ, слѣдитъ за порхающими птичками. Подкрадывается къ плискѣ, беззаботно бѣгающей по песчаному бережку рѣчки и постоянно кивающей своимъ длиннымъ хвостикомъ. Лиса быстро вертитъ головой, поводитъ глазами, слѣдя за птичкой. Наконецъ улучивъ минуту, быстрѣе молніи бросается, прыгаетъ на нее, хватаетъ, жамкаетъ и тутъ же жадно съѣдаетъ несчастную птичку. Въ это время у корней куста зашуршала ящерица и высунула изъ маленькой норки свою головку, жадно облизываясь длиннымъ, тонкимъ раздвоеннымъ языкомъ. Но только что успѣла она до половины высунуть тѣло изъ норки, какъ на голову ея быстро ловко опустилась лапа лисаньки и ящерица отправилась вслѣдъ за плиской. Эти двѣ жертвы были только между прочимъ, онѣ послужили легкой закуской. Лисанька торопливо оглядывается и постоянно жадно нюхаетъ воздухъ. Чутье ея слышитъ, что гдѣ-то недалеко вѣтерокъ доноситъ запахъ жирной добычи. Онъ слышится слѣва, тамъ за кустами, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она еще съ самаго утра не была.

Она неслышно пробѣгаетъ два, три, четыре аршина... и въ нѣсколькихъ саженяхъ между кустовъ видитъ гнѣздо куропатки! Она нюхаетъ и слышитъ знакомый ей, вкусный запахъ. Она вся дрожитъ. Все ея тѣло превращается въ одно тягучее движеніе. Она ползетъ, вытягиваетъ свой пушистый хвостъ, чтобы онъ какимъ-нибудь образомъ не зацѣпилъ, не зашумѣлъ, не спугнулъ осторожную, чуткую птицу, сидящую на своихъ жирныхъ яйцахъ. И притомъ этихъ яицъ очень много. Это знаетъ лисанька по опыту. Всегда у куропатокъ бываетъ много яицъ. Сердце ея почти не бьется. Съ каждымъ шагомъ, ползучимъ, почти незамѣтнымъ — куропатка, ея гнѣздо, яйца придвигаются ближе, ближе, становятся виднѣе, яснѣе. Наконецъ, лиса чувствуетъ силу прыжка, плотнѣе прижимается къ землѣ, слегка качается, колеблется на лапахъ и вдругъ, въ одно мгновенье, сильно, ловко перелетаетъ небольшое пространство и падаетъ прямо на куропатку. Она хватаетъ ее за голову или за шею, и куропатка убита. Лисанька принимается за яйца. Ихъ больше дюжины. Она жадно хватаетъ, упрятываетъ ихъ въ широко раскрытую пасть. Скорлупа хруститъ, жирный желтокъ течетъ по ея мордѣ. Она щуритъ глаза, облизывается и искоса поглядываетъ на куропатку, которая въ предсмертныхъ судорогахъ бьется на землѣ. До нея дойдетъ очередь. Она также будетъ съѣдена, но

Лиса и утки.

на первый разъ надо ѣсть то, что вкуснѣе. Притомъ если, послѣ яицъ, первыя требованія аппетита будутъ удовлетворены и мясо куропатки покажется не такъ вкуснымъ, то лисанька, подобно другимъ собакамъ, ея родичамъ, заростъ его въ землю и возвратится къ нему вечеромъ или на другой день, а теперь можно полакомиться и закусить чѣмъ-нибудь сладкимъ. Кстати кругомъ такъ много спѣлой, ярко рдѣющей на солнцѣ, земляники. Она жадно поѣдаетъ ее. Но земляника не удовлетворяетъ ея. Вмѣстѣ съ ягодами приходится глотать много зелени: стебельковъ и даже листьевъ. Лисанька на одну минутку остановилась, какъ бы задумалась, что-то вспомнила и вдругъ осторожно, тихо, въ припрыжку отправилась изъ лѣсу, за полверсты, на южный склонъ горы. На этомъ склонѣ, третьяго дня еще она замѣтила, тянутся виноградники. Это отличное кушанье: сладкій, ароматный виноградъ послѣ жирныхъ яицъ, которыя она упрятала въ свой помѣстительный желудокъ.

Она бѣжитъ ровно, быстро, вертляво, помахивая пушистымъ хвостомъ, постоянно приподнимая и настораживая уши, бойко оглядываясь по сторонамъ; прибѣжала, перескочила проволочную изгородь и очутилась среди виноградныхъ лозъ. Виноградъ незрѣлъ, но что за дѣло!.. Можно съѣсть и не зрѣлый, когда жарко и страшно хочется пить! И она бросается на сочныя, слегка зарумянившіяся или сизыя кисти. Она ѣстъ ихъ съ такою же жадностью, какъ и яйца куропатки. Ея челюсти работаютъ, какъ добрыя давила, кисло-сладкій сокъ течетъ по ея мордѣ и смываетъ желтокъ, въ которомъ выпачкана эта морда. Наѣвшись вволю, попортивъ нѣсколько лозъ, съѣвъ съ пятокъ довольно крупныхъ кистей винограда, лисанька отправляется тихой, развалистой походкой во-свояси. Куда же?.. У ней такъ много пристанищъ, укромныхъ мѣстъ, гдѣ ее никто не увидитъ и не найдетъ. Теперь она направляется въ одно изъ нихъ, идетъ спать до вечера. Все что она съѣла теперь—одно баловство, легонькая закуска. Настоящая ѣда у лисаньки ночью. Ночью ея глаза съ узкими, щелевидными зрачками, какъ у кошки, видятъ ясно и зорко. Она уже давно намѣтила куда ей идти. Тамъ, на верху, гдѣ ютятся и лѣпятся по горамъ убогія сакли. Тамъ богатый, но беззаботный мингрелецъ развелъ большой курятникъ съ жирными курами. Курятникъ огороженъ стѣнкой изъ камней. Но это все равно. Лисанька перелѣзаетъ черезъ всякую стѣнку. Положимъ, на этой стѣнкѣ и вокругъ нея растетъ колючій терновникъ и не менѣе колючая и цѣпкая ежевика. Но развѣ она слѣпая дура, чтобы не сумѣть отогнуть всѣ вѣтви съ иглами и не наступить на нихъ или не наколоть на нихъ свои нѣжныя, пушистыя лапки? Да, наконецъ, можно вѣдь и подрыться подъ стѣнку курятника, какъ бы глубоко ни лежали камни. Она сейчасъ же бойко начнетъ рыть, рыть и выбрасывать землю, и меньше чѣмъ въ десять минутъ очутится въ курятникѣ. Осмотритъ, обнюхаетъ, встряхнется и стремглавъ кинется на перваго пѣтуха, дремлющаго на насѣстѣ. Она знаетъ, что если ей удастся сперва придушить втихомолку горластаго пѣтуха, то крика куръ ужъ ей нечего бояться. И дѣйствительно. Пѣтуха она сцапала такъ быстро и такъ деликатно, что несчастный «пѣтушокъ, золотой гребешокъ» не успѣлъ и пикнуть. Затѣмъ придушила двухъ куръ и остановилась.

Жадность у нея почти такая же, какъ у волка, но выше и сильнѣе этой жадности въ хитромъ мозгу «кумушки» царитъ осторожность и благоразуміе. Она разсуждаетъ такъ: за пѣтуха и двухъ куръ не сильно вступятся, а если я придушу цѣлый курятникъ, то пожалуй и до моей норы доберутся, и тогда не сносить мнѣ моей головушки. И вотъ тихо, безъ шума она утаскиваетъ одну за другой двухъ куръ и пѣтуха. Она тщательно скрываетъ слѣды преступленія, задѣлываетъ продѣланный ею ходъ и зарываетъ свою добычу въ землю или прячетъ ее по близости въ извѣстныхъ ей укромныхъ мѣстахъ. Впрочемъ пѣтуха она съѣдаетъ тутъ же. Положимъ, онъ не такъ вкусенъ, какъ мягкія, молоденькія, жирныя куры, но, «à la guerre, comme à la guerre!» Онѣ немного полежатъ въ землѣ и будутъ вполнѣ phasandées... еще болѣе вкусными.

Лиса не кровожадна. Притомъ у ней всегда работаютъ исправно центры, задерживающіе или, лучше сказать, перерабатывающіе рефлексы. Она всегда умѣетъ остановиться во-время.

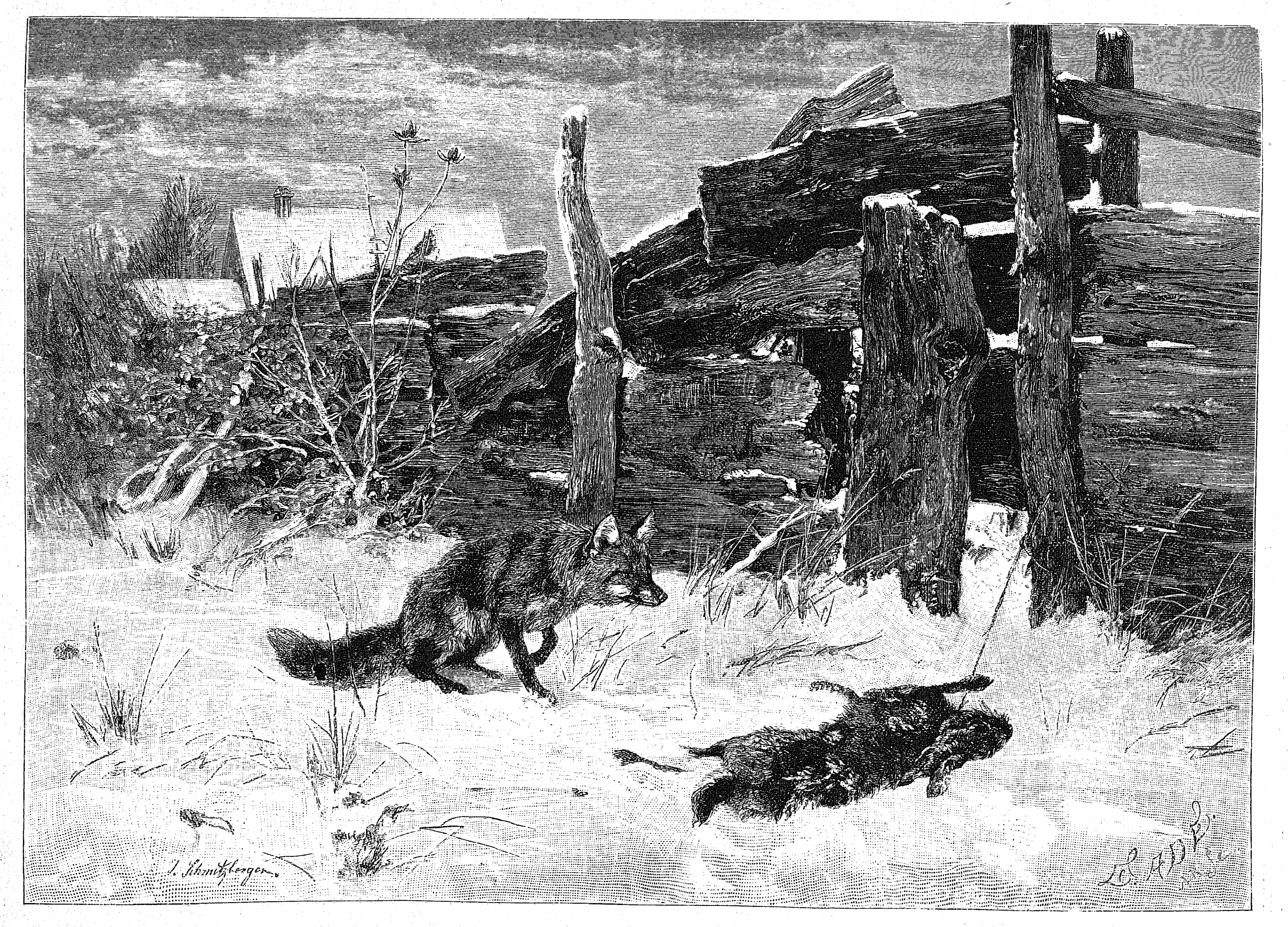
Наѣвшись до сыта, до отвала, она спитъ всю ночь и весь день. Она любитъ поспать. Впросонкахъ она потянется, вытянетъ свои лапки, облизнется, полуоткроетъ глаза и опять спитъ. Утромъ ее начинаетъ тревожить утренній свѣжій вѣтерокъ. Она хочетъ приподняться, но встать ей лѣнь. Она широко съ наслажденіемъ зѣвнула, свернулась клубкомъ и опять задремала...

Наконецъ, сонъ ее оставилъ. Въ желудкѣ послѣ сытнаго и жирнаго обѣда было весьма нехорошо, во рту еще хуже. У нея явился аппетитъ, и вспомнилась ей скорлупа вчерашнихъ яицъ. Ей опять надо чего-нибудь подобнаго, что бы скребло и очищало кишки и желудокъ. Тихо, лѣниво она выползла изъ своего укромнаго уголка и отправилась къ рѣчкѣ, къ нагорной свѣтлой рѣчкѣ, которая извивалась въ трехъ шагахъ отъ нея и въ которой были глубокіе затончики. Она напилась, вошла въ воду почти по горло. Холодная ванна такъ освѣжительно пробираетъ все ея тѣло. Вдругъ что-то ущипнуло ее, что-то вцѣпилось ей въ хвостъ. Она стремглавъ выскочила, оглянулась. На хвостѣ висѣлъ громадный черный ракъ. Она съ жадностью схватила его и ракъ захрустѣлъ въ ея зубахъ. Вотъ чего ей недоставало! Вѣдь это та же яичная скорлупа. Съ наслажденіемъ съѣвъ его, она снова подошла къ водѣ и опять опустила въ нее свой пушистый хвостъ. Черезъ минуту былъ выуженъ новый ракъ. Въ маленькомъ затончикѣ, въ тихой водѣ, былъ цѣлый заводъ ихъ. Менѣе чѣмъ въ полчаса она наловила ихъ болѣе десятка. Наконецъ, хвосту стало холодно отъ этой постоянной холодной ванны. Она выскочила на берегъ и побѣжала, поднявши кверху мокрый хвостъ, чтобы его скорѣе обдуло вѣтромъ и обсушило солнцемъ. На дорогѣ попались ей двѣ крупныя саранчи, онѣ вспорхнули и хотѣли улетѣть, но она ловко сшибла лапой одну за другой на землю и уплела ихъ, также какъ и раковъ. Вкусно, но что-то совсѣмъ въ другомъ родѣ.

И вдругъ она остановилась,- на ея пути всталъ высокій бугоръ, и на этомъ бугрѣ прыгали двѣ тѣни маленькихъ зайчиковъ. Лиса остановилась, присѣла и начала пристально вглядываться. Она инстинктивно повернула голову въ противоположную сторону, и тамъ на этой сторонѣ на маленькой нагорной полянкѣ рѣзвились, играли два зайчика.

Это было дѣло серьезное, которое требовало полной осторожности и ловкости. Она поползла, искоса, въ полглаза, посматривая на двигавшіяся тѣни. Тѣни прыгали, бѣгали—ихъ было четыре или пять. Лисанька подползла близко, близко къ нимъ. Ахъ! если бы у нея теперь было не двѣ, а по крайней мѣрѣ четыре переднихъ лапы. Вѣдь ея лапы сравнительно гораздо сильнѣе волчьихъ лапъ. Она можетъ ими такъ быстро и ловко вырывать глубокія норы. Зайчики были отъ нея не болѣе какъ въ двухъ шагахъ; увлеченные игрой, они не замѣчали ея. Лисанька подалась еще на вершокъ. Намѣтила одного изъ нихъ и прыгнула. Зайчикъ неистово закричалъ въ ея зубахъ. Остальные прыснули въ разныя стороны и мгновенно исчезли. Лисанька скушала свою добычу съ наслажденіемъ...

И, переваливаясь съ боку на бокъ, пошла она за десертомъ къ вчерашнему винограднику. Она подозри-

Лиса и удавленный заяцъ.

тельно осмотрѣла все кругомъ. Не доходя нѣсколькихъ шаговъ до проволочной изгороди, до того мѣста, гдѣ она вчера перепрыгнула, ее вдругъ остановилъ незнакомый ей запахъ... «Тутъ человѣкомъ пахнетъ», подумала она. И дѣйствительно, тамъ стоялъ капканъ, очень искусно прикрытый землей. Лисанька навострила уши. Волоса на ея шкурѣ поднялись, сердце забилось. Она обошла капканъ кругомъ, осмотрѣла. Затѣмъ быстро перебѣжала дальше, дальше отъ этого мѣста въ другой, сосѣдній виноградникъ и тамъ спокойно и вволю наѣлась и напилась. Ахъ! Какъ хорошъ кисло-сладкій сокъ винограда послѣ раковъ и маленькаго зайчика. А впереди у нея есть еще запасъ:— двѣ куры. Но онѣ еще подождутъ. Онѣ будутъ еще мягче и вкуснѣе, когда полежатъ въ землѣ.

Игра тѣней.

Уходя, она опять осмотрѣла капканъ: не попалъ ли въ него какой-нибудь звѣрь? Ей захотѣлось попробовать: какъ онъ ловитъ? Впереди на пригорочкѣ лежалъ довольно большой камень. Она сронила его прямо на середину капкана. Пружина щелкнула и захватила камень. Лисанька прыгнула и опрометью, безъ оглядки, бросилась на утёкъ. Отбѣжавъ съ полверсты, она остановилась. Что то затрещало и зафыркало въ сторонѣ, въ частыхъ кустахъ. Это былъ старый ёжъ, который пробирался по опушкѣ лѣса въ свое гнѣздо. Онъ услыхалъ запахъ лисы, тотчасъ же остановился, зафыркалъ, зашипѣлъ и свернулся клубкомъ. Лисанька увидѣла его. Она была сыта, а ежъ вовсе не вкусенъ. Но она забавлялась съ капканомъ, отчего же не позабавиться и съ ежомъ? Она толкаетъ его лапой, ежъ шипитъ и фыркаетъ. Она продолжаетъ катить его, какъ кегельный шаръ. Катанье продолжается 10—20 минутъ, наконецъ полчаса. Но терпѣніе лисаньки неутомимо. Ежъ усталъ держать свои мышцы въ постоянномъ напряженіи, держать свое тѣло свернутымъ клубкомъ. Онъ началъ развертываться, не переставая шипѣть. Но только что онъ развернулъ свою морду, какъ обѣ лапы лисаньки очутились по ея сторонамъ, а острые зубы ея впились въ его брюхо. Затѣмъ одна изъ лапъ проѣхалась по брюшку ежа и надавила его около заднихъ ногъ, а зубы лисаньки быстро чавкаютъ, ротъ ея жадно втягиваетъ и кишки, и печень, и селезенку ежа, наконецъ легкія и сердце его. Онъ пересталъ уже шипѣть и фыркать, пересталъ дышать, онъ мертвъ, и лисанька удовлетворена. Она съѣла самое вкусное, самое жирное, что было въ его тѣлѣ, а мясо его, мышцы... Фи, они такія жесткія у этого лѣсного бродяги, что ими имѣетъ полное право пренебрегать благородная лиса. Она бросила ежа и отправилась дальше...

Но тутъ остановило ее нѣчто удивительно лакомое, сладкое! На полгорѣ, около фруктоваго сада, на пнѣ старой груши, стоитъ соломенный улей. Запахъ меду... обворожительный запахъ! Онъ такъ привлекателенъ послѣ этого жесткаго ежа, у котораго такія жирныя кишки. Но пчелы! Лисанька очень хорошо знаетъ, что это за народъ. Его лучше не тронь и ступай дальше!

Лисанька присѣла невдалекѣ отъ улья. Смотритъ и

облизывается, а пчелы какъ нарочно жужжатъ, снуютъ, пролетаютъ мимо и все проходятъ въ улей. Такъ бы и полетѣлъ за ними. Тамъ, въ ульѣ все, вѣроятно, полно меду, самаго сладкаго, ароматнаго меду.

Прошло уже больше полчаса. Лисанька все колеблется между медомъ и пчелинымъ жаломъ. Наконецъ, подумала: э! да что же, развѣ въ первый разъ возиться съ этими подлецами?! Скорѣе впередъ, и вдругъ, быстро, стремглавъ кинулась къ улью и мигомъ опрокинула его. Цѣлая туча пчелъ поднялась изъ него и облѣпила ее всю. Она жамкнула разъ и два самую середину сотовъ, облизываясь, отбѣжала на нѣсколько шаговъ и начала кататься по землѣ и счищать пчелъ, впившихся въ ея морду. Не прошло и пяти минутъ, какъ всѣ пчелы, бывшія въ ея шубѣ, были передавлены. Притомъ жала ихъ не могли причинить много уколовъ въ ея длинномъ пушистомъ мѣху, а морда... Да, морда ужасно саднитъ... Но лисанька знаетъ, что если тереть ужаленное мѣсто о землю, то боль становится не такъ чувствительной. И она третъ, съ усердіемъ третъ и, вѣроятно, думаетъ: нѣтъ розы безъ шиповъ. Ну! да ладно!.. Я не мало передавила ихъ, подлецовъ!.. Будутъ меня помнить!

На другой день ея морду всю раздуло, и она могла смотрѣть только однимъ глазомъ, да и то не всѣмъ.

Но вотъ настаетъ зима—тяжелая безкормица и долгій постъ. Зимой нѣтъ ни тетеревовъ, ни куропатокъ, ни даже дрянной трясогузки. Всѣ куда-то попрятались.

Бѣжитъ лисанька зимой по лѣсу. Въ мелкомъ сосновомъ лѣску стоятъ особнячкомъ двѣ громадныя ели, но иглы на нихъ посохли, осыпались, только верхушки еще зелены... и вдругъ съ одной изъ такихъ елокъ раздается тонкій, пронзительный пискъ или свистъ бѣлки. Лиса подняла кверху морду. Она увидѣла бѣлку. Она принимаетъ кокетливый, льстивый видъ, извивается, какъ змѣя, машетъ хвостомъ. Она такъ осторожно, изящно подходитъ къ дереву, чтобы показать бѣлкѣ, что она доброе, смирное животное. Однимъ словомъ она удивительно напоминаетъ ту лису, которая выманила сыръ у глупой вороны. Но бѣлка себѣ на умѣ. Она спрыгнула съ вѣтки на другую пониже. Но только что лиса бросилась за ней, она опять перепрыгнула выше на другую, болѣе толстую вѣтку и начала ворчать и лаять по своему. Затѣмъ опять спрыгнула пониже. Потомъ вдругъ взобралась на самую вершинку и оттуда начинаетъ хрипло ворчать, какъ будто дразнитъ лисаньку, а бѣдная лиса совсѣмъ голодная!.. Ей остается одинъ рессурсъ—мыши, да зайцы, да, если есть по близости, курятникъ. Но этотъ курятникъ зимой такъ зорко оберегаютъ проклятыя собаки. Просто житья нѣтъ! И на зайцевъ устремлены всѣ виды и вожделѣнія лисаньки. Но косой становится на холоду удивительно прыткимъ и увертливымъ. Какъ его ни гоняй, ни за что не угоняешь... Поневолѣ приходится брать на помощь товарища—приглашать другую лисаньку изъ ближняго пригорка.

Вмѣстѣ онѣ выслѣживаютъ зайца, караулятъ, когда онъ выскочитъ изъ своего убѣжища. Одна пускается въ погоню за нимъ, другая сидитъ недалеко отъ того мѣста, изъ котораго онъ выскочилъ. Обѣ разсуждаютъ весьма благоразумно, что косой побѣгаетъ по полю, сдѣлаетъ нѣсколько круговъ и все-таки, въ концѣ концовъ, прибѣжитъ сюда же и попадетъ какъ разъ въ зубы другой лисы, которая его сторожитъ. Это соображеніе вполнѣ оправдалось, и косой отчаянно, смертнымъ крикомъ заоралъ, когда караулившая его лиса сцапала его своими острыми зубами.

Но вотъ чего лисаньки не сообразили. Не сообразили онѣ: какъ онѣ будутъ дѣлить свою добычу? Начали онѣ, слегка повизгивая и ворча, теребить несчастнаго зайку. У обѣихъ глаза горятъ, «глаза жаднующіе и завидующіе». Обѣимъ кажется, что сосѣдка ѣстъ скорѣе ея. Обѣ стараются скорѣе впустить свои зубы поглубже, поближе къ чужой мордѣ. Одна уже нечаянно зацѣпила за эту морду, и вдругъ пошла потѣха. Обѣ лисаньки грызутся, какъ добрыя собаки. У обѣихъ шерсть летитъ клочками кверху. Наконецъ одна осилила, а другая съ пораненной ногой и со стыдомъ убѣгаетъ, думая, вѣроятно, о лисьей неблагодарности.

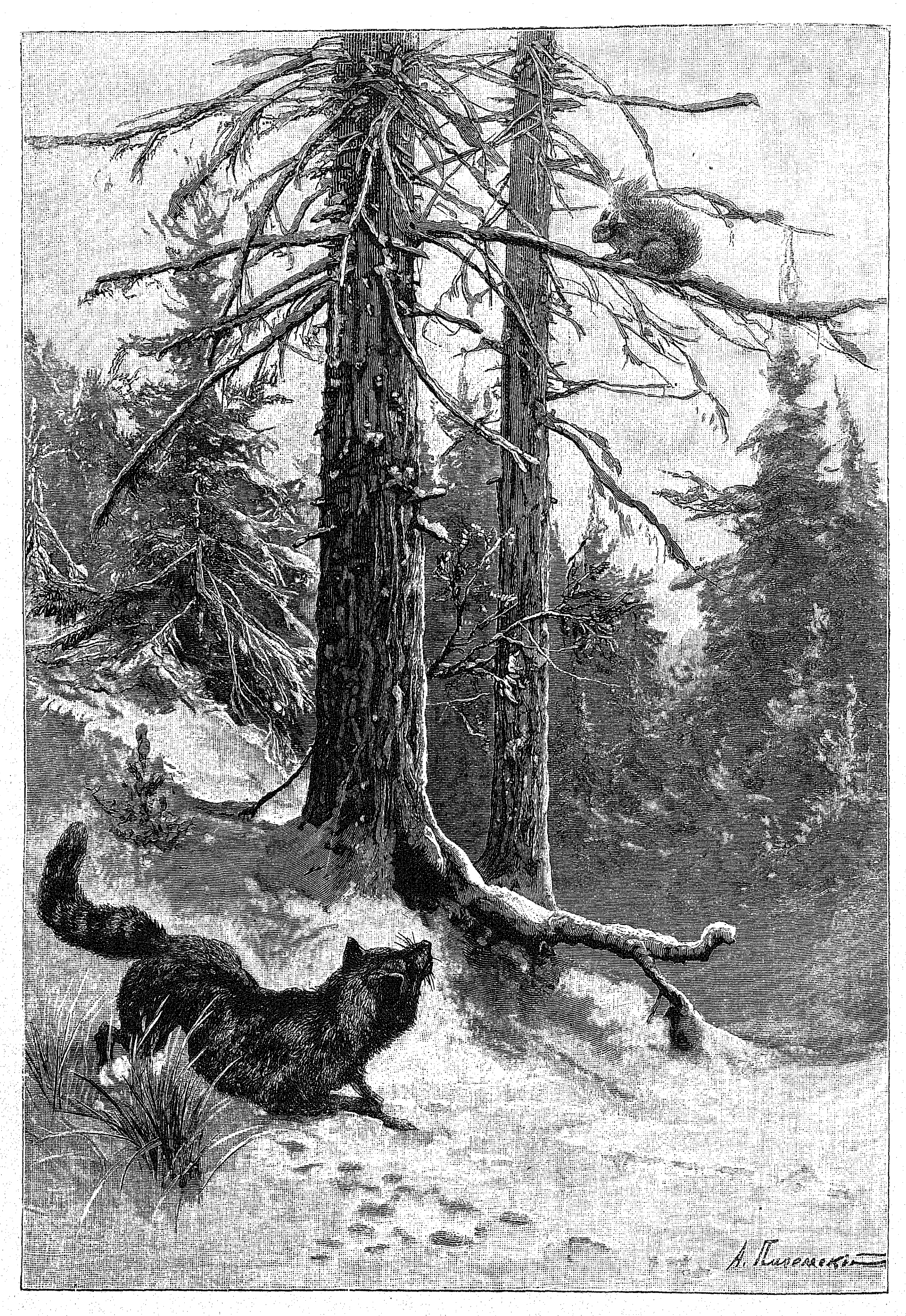
Та же сцена повторяется и въ другомъ родѣ. Нерѣдко товарка, караулившая зайца въ засадѣ—прокараулитъ его. Несчастная лиса-загонщица изъ всѣхъ силъ старается. Она гоняетъ зайца, запыхается, еле дышитъ. Несмотря на всѣ уловки и петли, которыя дѣлаетъ косой, она все-таки тявкаетъ, лаетъ и гонитъ его прямо къ тому мѣсту, гдѣ сидитъ ея подруга-караульщица. И что же? Она не находитъ ея на мѣстѣ, часовой сбѣжалъ съ своего поста. Караульщицѣ показалось, что заяцъ уже пробѣжалъ мимо и утекъ. Она со стыдомъ и позоромъ, оглядываясь, возвращается на старое мѣсто, а на старомъ мѣстѣ ждетъ уже ее озлобленная, разъяренная и уставшая отъ бѣготни подруга. Съ яростью она бросается на оплошную виновницу неудачи и задаетъ ей такую трепку, что виноватая съ крикомъ и визгомъ, поджавъ хвостъ, улепетываетъ во-свояси.

Вездѣ снѣгъ и холодъ, а тутъ еще преслѣдуютъ эти борзыя... эта охота!.. порскаютъ, скачутъ, гонятъ... Еле-еле хвостъ унесешь!

Красива лисица, когда она бѣжитъ по гладкому, снѣжному полю, красива ея красноватая шкура на этомъ бѣлоснѣжномъ широкомъ полѣ. Шумъ и гамъ, лай собакъ и звукъ роговъ гонятся за ней. Вотъ, вотъ одна породистая борзяка уже настигаетъ ее. Вотъ она схватитъ ее за хвостъ. Но въ одно мгновенье хитрая лисанька поворачиваетъ этотъ хвостъ на сторону, а сама кидается въ другую противоположную сторону, и обманутыя ею собаки проносятся мимо, а когда опять повернутъ на ея слѣдъ, то она несется уже далеко впереди ихъ. Говорятъ, что она дѣлаетъ этотъ поворотъ невольно, чтобы удержать равновѣсіе тѣла, нарушенное быстрымъ поворотомъ хвоста. Но неужели воля ея нисколько не участвуетъ въ этомъ поворотѣ?

Въ прошломъ столѣтіи въ Англіи, Франціи и Германіи была распространена очень странная и жестокая игра: «бросаніе лисы». Представьте себѣ изящныхъ джентльменовъ: милордовъ, князей, графовъ въ ихъ бархатныхъ, вышитыхъ золотомъ, камзолахъ и кафтанахъ, въ ихъ низенькихъ, треугольныхъ шляпахъ, обшитыхъ позументомъ или убранныхъ плюмажемъ, представьте себѣ изящныхъ дамъ въ платьяхъ французскихъ маркизъ, на высокихъ красныхъ каблукахъ, въ широчайшихъ фижмахъ. И вся эта компанія съ увлеченіемъ занимается, подбрасывая кверху пойманную на охотѣ, или вырытую изъ норы лису. Ее подбрасываютъ громадными сѣтками. Несчастная лиса взлетаетъ на сажень или даже на двѣ и падаетъ снова въ сѣтку, падаетъ и разумѣется ушибается. Но чаще всего падаетъ она кому-нибудь на голову, такъ какъ она не можетъ, какъ кошка, перевернуться на лапы. И всѣ хохочутъ и очень довольны. Визгъ и веселье!!...

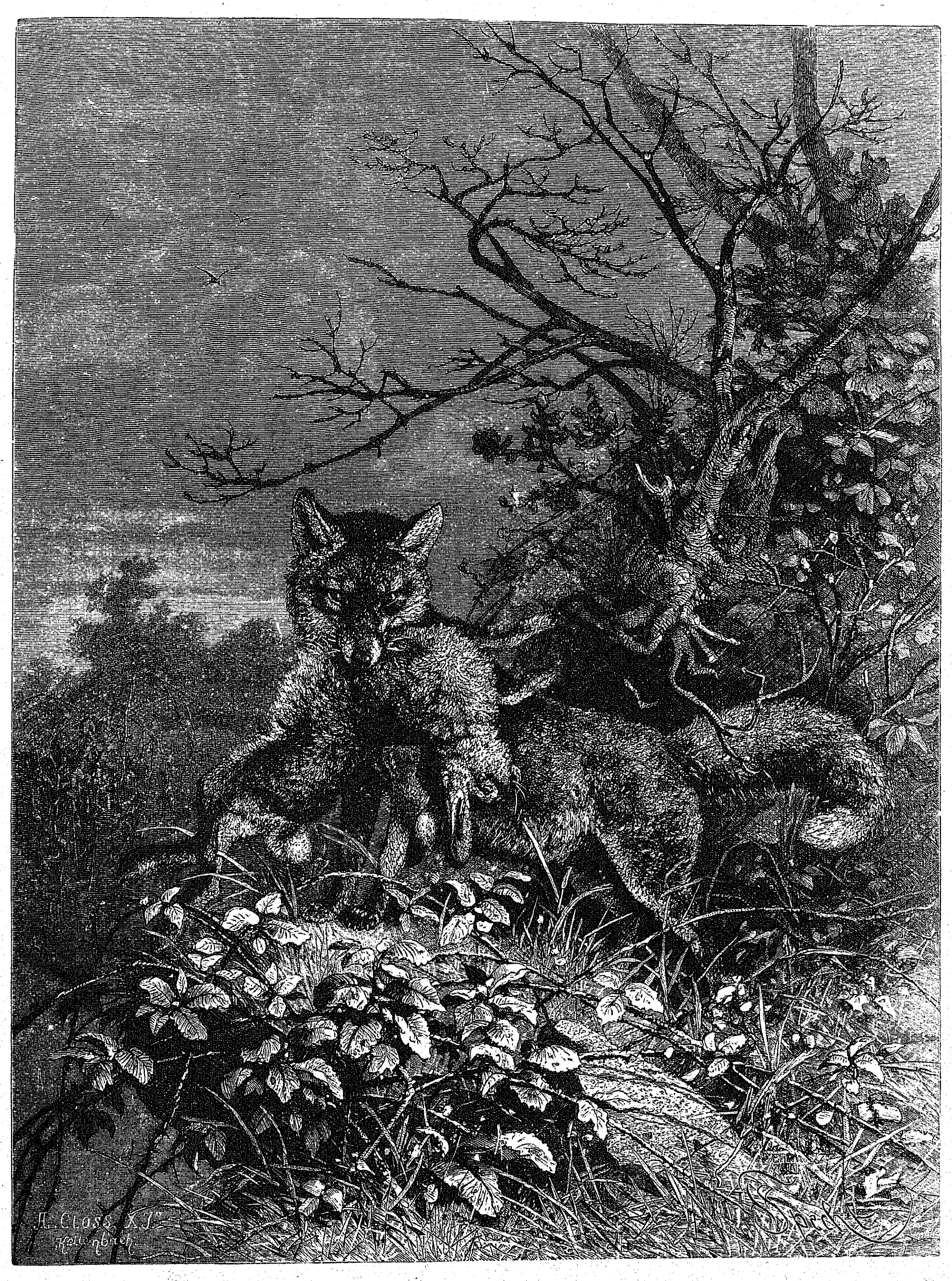
Если лѣтомъ за лисой охотятся съ собаками только охотники-спортсмены, то зимой является гораздо больше претендентовъ на ея зимнюю, теплую и мягкую, пушистую шкуру. Тутъ всякій крестьянинъ считаетъ своимъ долгомъ добыть лисаньку въ ея красивой зимней шкурѣ. Какъ бы ни была плоха эта шкура, онъ всегда продастъ ее не меньше какъ за рубль. И вотъ почему лѣтомъ лиса чувствуетъ себя болѣе въ безопасности, чѣмъ зимой. Проходитъ тяжелый зимній постъ, и лисанька чувствуетъ себя совсѣмъ хорошо съ возвратомъ теплыхъ, весеннихъ дней. Поля и нивы почти совсѣмъ оголились, на озеро прилетѣло множество куликовъ и утокъ. Лисанькѣ вездѣ готовъ пиръ. Она ловитъ куликовъ, душитъ утокъ. Она чувствуетъ приливъ весенней крови и весенняго чувства. Ея нора теперь составляетъ предметъ особыхъ заботъ, она допускаетъ въ нее нѣсколько джентльменовъ, разумѣется, лисьяго рода, но не надолго. Какъ

„Видитъ око, да зубъ нейметъ“.

скоро почувствуетъ она внутри себя присутствіе зародышей маленькихъ лисятокъ, она тотчасъ же выгоняетъ прочь всѣхъ джентльменовъ и готовится быть матерью.

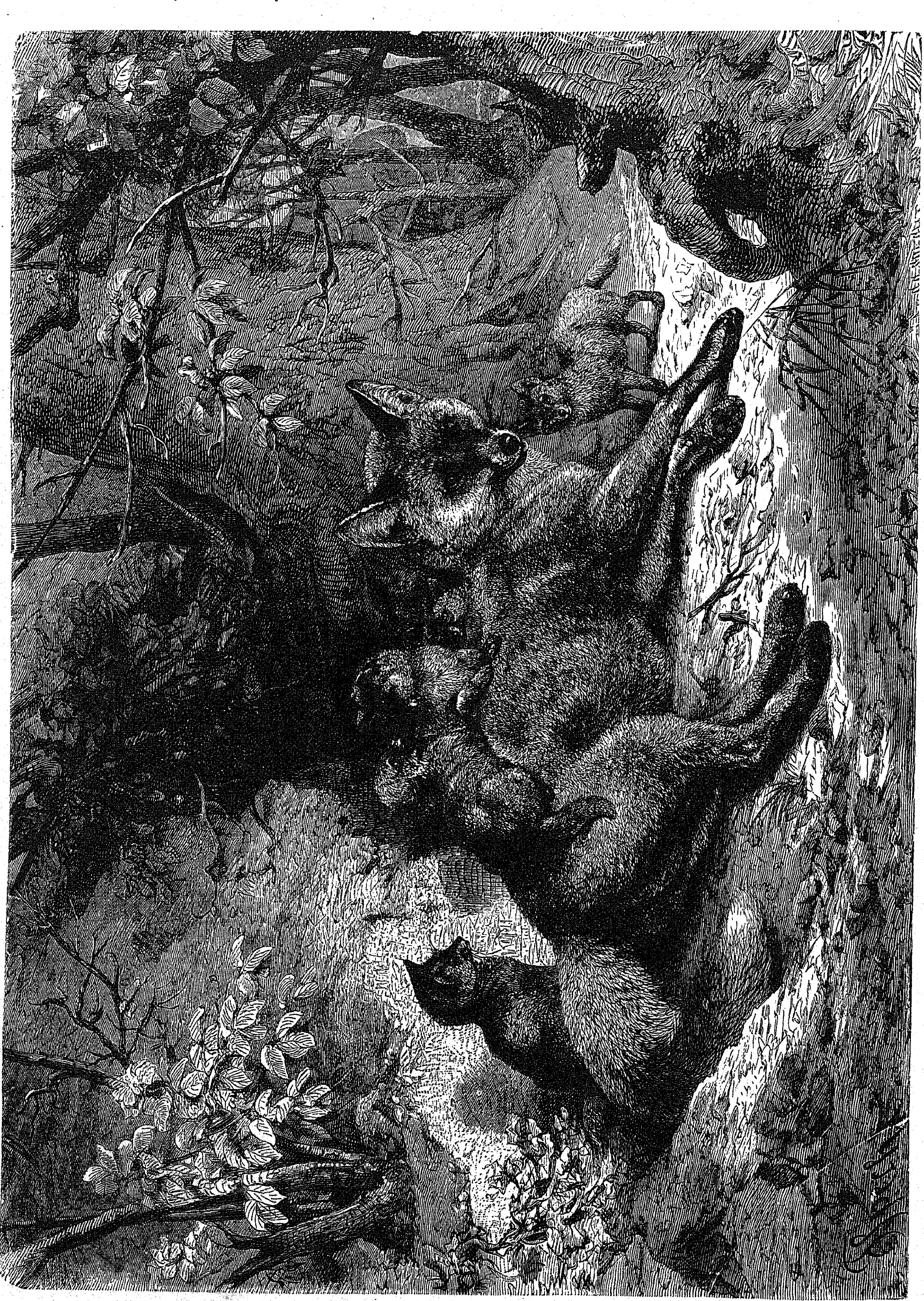
Это самый существенный, самый важный моментъ въ жизни лисы. Это ось, около которой вертится вся ея жизнь. У нея двѣ привязанности: во первыхъ нора, благодаря которой она чувствуетъ себя не бродягой, а осѣдлымъ существомъ, имѣющимъ свой домъ, свое «быдло». Во вторыхъ, и въ главныхъ, это лисятки, это ея семья— первѣйшая драгоцѣнность для нея во всемъ мірѣ. Она привязана къ нимъ такъ же сильно, какъ кошка къ своимъ котятамъ. Если она разстается съ ними, то на самое короткое время, чтобы урвать гдѣ-нибудь кусокъ для себя и въ особенности для нихъ. Имъ она отдаетъ самую лучшую, самую крупную и вкусную добычу. Сама довольствуется мышами.

Попался, косой!

Любовь къ дѣтямъ заставляетъ лисъ сближаться, и случается иногда, что двѣ матери общими силами устраиваютъ одно общее гнѣздо и вмѣстѣ воспитываютъ своихъ дѣтей.

Лиса приноситъ отъ трехъ до семи дѣтенышей. Они родятся слѣпыми въ мягкой, пушистой шкуркѣ, съ маленькими хвостиками, большими ушами.

Лисица и ея потомство.

Они растутъ около полутора лѣтъ, прежде чѣмъ достигнутъ полной зрѣлости и станутъ самостоятельными лисами, и почти до этого самаго срока пользуются постоянно норой и уходомъ матери. Въ ясный и солнечный день лисанька выводитъ ихъ гулять; разумѣется, это бываетъ въ то время, когда они уже подростутъ. Черезъ два—три мѣсяца въ нихъ уже можно узнать будущихъ лисъ. Морда приняла лисій складъ, и хвостикъ началъ принимать форму лисьяго хвоста.

Предъ вами красивый лѣсной уголокъ, и лисанька развалилась на теплой, нагрѣтой солнцемъ, землѣ. Вы можете ясно видѣть ея длинныя, сильныя ноги, дозволяющія ей неутомимо долго бѣгать и совершать громадные прыжки, видите ея широкую голову и узкую морду и ея остроконечныя уши. На спинѣ ея сидятъ двое лисятокъ, и у нихъ идетъ споръ изъ-за «мѣстничества». Одинъ уже приложилъ уши, ворчитъ и готовъ хоть сейчасъ вцѣпиться въ морду брата, а братъ смотритъ на него свысока и тоже глухо ворчитъ. Три другихъ лисенка стоятъ вокругъ и смотрятъ на нихъ, какъ бы ожидая, чѣмъ кончится для нихъ эта семейная распря. А сама лисанька полна безмятежнаго покоя и благодушія. Она даже высунула кончикъ языка отъ полноты счастья и смотритъ на все окружающее такъ спокойно и радостно. Она, кажется, сейчасъ замурлыкаетъ, какъ кошка, довольную пѣсенку отъ избытка радостнаго чувства...

Смотря на нее въ такія свѣтлыя минуты ея внутренняго (психическаго) состоянія, невольно задаешь себѣ вопросъ: неужели изъ этого умнаго созданія нельзя выработать, также какъ изъ собаки, добраго, привязчиваго существа, настолько болѣе умнаго, насколько умъ лисы превосходитъ умъ собаки. Но всѣ попытки въ этомъ родѣ оканчивались неуспѣхомъ? Лиса, вынутая изъ норы еще лисенкомъ и вскормленная человѣкомъ, привыкала къ своему воспитателю и становилась очень привязанною, но врожденная хитрость, лукавство и дикость натуры пересиливали воспитаніе. У одного мужика въ Сибири была воспитанная лиса. Она была очень привязана къ хозяину, но у этого хозяина въ ея сосѣдствѣ былъ курятникъ, и куры начали исчезать изъ него довольно быстро. Разумѣется, первое подозрѣніе пало на лису-курятницу, и ее посадили на цѣпь. Нѣсколько дней прошло покойно. Пропажи прекратились, но затѣмъ началось опять каждодневное исчезаніе куръ. Что же, наконецъ, оказалось? Лисанька ночью втихомолку снимала ошейникъ, отправлялась въ курятникъ, душила курицу, съѣдала ее, а затѣмъ снова, неслышно, возвращалась и сама надѣвала ошейникъ, къ которому была прикрѣплена цѣпочка. Если бы случай не открылъ этой ловкой продѣлки, то никакое подозрѣніе не могло бы обрушиться на звѣря, который такими невинными глазами смотрѣлъ на всѣхъ и такъ искренно ласкался къ хозяину.

Такъ ласкается къ хозяину благовоспитанная собака, когда ей удалось втихомолку, незамѣтно прокрасться къ запретной помойной ямѣ, стащить кость и обглодать ее гдѣ-нибудь на сторонѣ, незамѣтно для ея хозяина.

Увѣряютъ, что у собаки есть совѣсть, что она стыдится своихъ поступковъ, которые она считаетъ неправильными. Я ничего не возражаю противъ этого увѣренія, тѣмъ болѣе, что оно подтверждается примѣрами. Но если есть совѣсть у собаки, то она должна быть и у хитрой лисицы, да и самая хитрость должна быть мучительна для нея, если она сознаетъ разницу между честнымъ и безчестнымъ поступкомъ. Разработка подобныхъ вопросовъ есть дѣло опытовъ, есть дѣло занятій и развитія науки—опытной психологіи. Но эта наука только что зарождается, и вотъ почему мы не можемъ рѣшить: есть ли у лисицы совѣсть или нѣтъ ея?

Очевидно, что тѣ же особенности, которыя свойственны лисѣ и кошкѣ, отличаютъ и ее, и лису отъ другихъ хищниковъ. Лиса, подобно кошкѣ, имѣетъ слишкомъ много средствъ для самостоятельной хищной, дикой жизни. Она не имѣетъ только кривыхъ, цѣпкихъ когтей, которые позволяли бы ей легко взбираться на деревья и ловить птицъ, бѣлокъ или разорять ихъ гнѣзда. Зато у лисы крѣпки и сильны ея переднія лапы, которыми она можетъ легко и свободно вырывать норы и разрывать ихъ, а главное эти лапы дозволяютъ ей быстро бѣгать и догонять даже такихъ прыткихъ бѣгуновъ, какъ зайцы, или спасаться отъ гончихъ и борзыхъ собакъ. Какъ дополнительное средство къ ея длиннымъ ногамъ, служитъ ея длинный, пушистый хвостъ. Затѣмъ ея специфическій запахъ служитъ ей также средствомъ защиты и нападенія. Цвѣтъ ея шкуры также скрываетъ ее отъ враговъ. Устройство глазъ дозволяетъ ей хорошо видѣть и днемъ, и ночью. Но выше всѣхъ этихъ средствъ и на первомъ мѣстѣ должно безспорно поставить ея особенный умъ, изобрѣтающій всѣ ея хитрыя, замысловатыя продѣлки и помогающій ей выпутываться изъ всякихъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Снабженная всѣми этими средствами, лиса вполнѣ привязана къ дикимъ природнымъ условіямъ своей жизни и не хочетъ мѣнять ихъ ни на какія приманки цивилизованной жизни. Ея привязанность къ дикой свободѣ безгранична. Когда она попадаетъ, несмотря на всю свою осторожность и осмотрительность, ногой въ капканъ, то она, не задумываясь, отгрызаетъ эту ногу и убѣгаетъ на трехъ ногахъ, только бы не попасться въ руки злобнаго и хитраго исконнаго врага ея—человѣка.

И дѣйствительно онъ поступаетъ съ ней злобно и безчеловѣчно, преслѣдуя только одни свои карманныя выгоды. Вотъ что разсказываетъ одинъ изъ бывшихъ жителей Урала (И. Карпинскій).

«Жестоко обращаются охотники (въ Богословскомъ округѣ), если они найдутъ гнѣздо лисятъ, они выкалываютъ имъ глаза, думая, что слѣпыхъ вѣрно прокормитъ мать, и что послѣ охотники, дождавшись времени, когда лисята наведутъ шерсть, найдутъ всѣхъ на прежнемъ мѣстѣ и добудутъ отличныя шкурки.

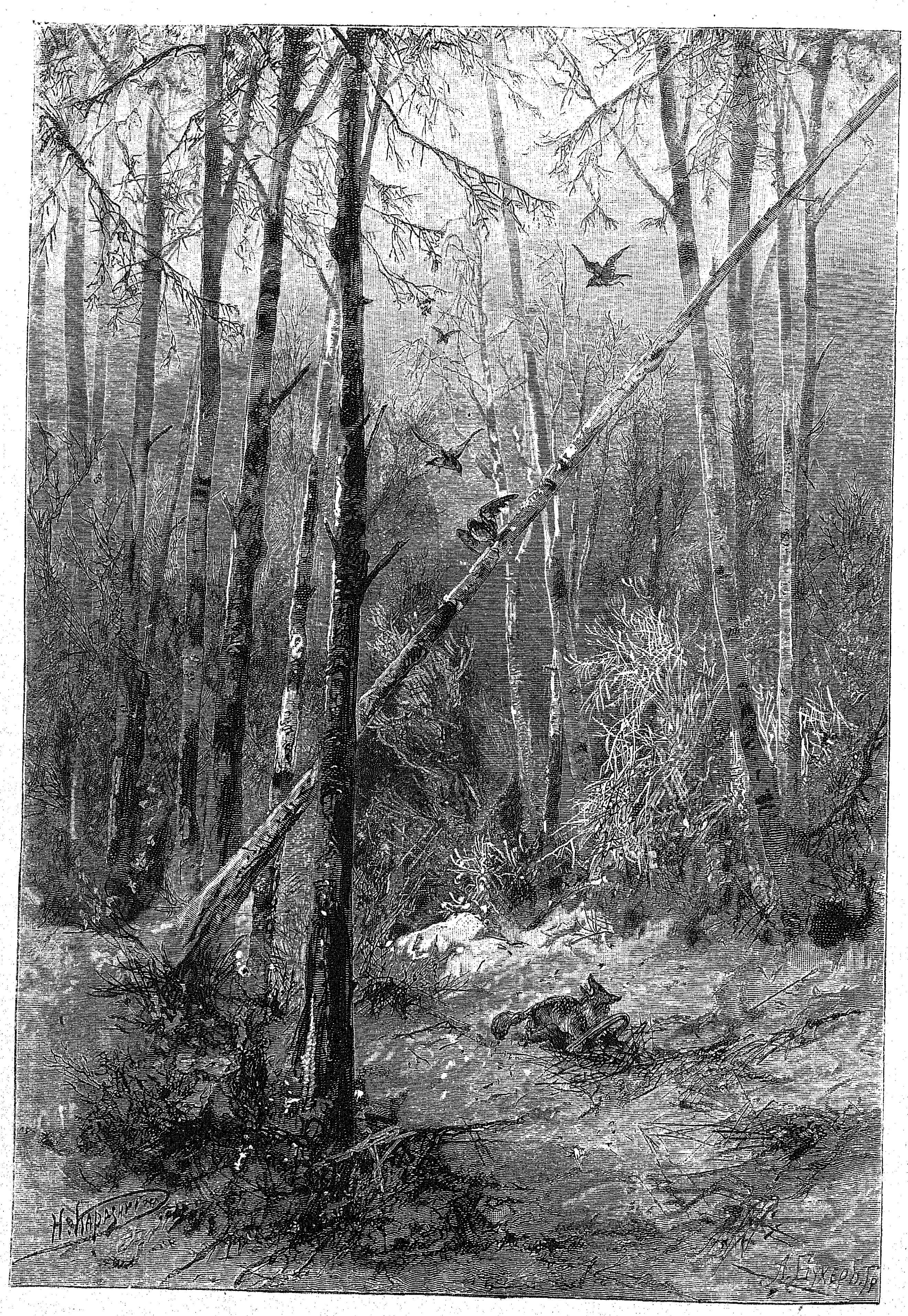
«Иногда, нашедши гнѣздо лисятъ, берутъ ихъ на домъ, кормятъ до осени чѣмъ ни попало, а послѣ, чтобы они похудѣли (на жирныхъ шерсть бываетъ не такъ остиста) переламываютъ каждому по двѣ ноги и морятъ голодомъ, до тѣхъ поръ, пока не выравняется шерсть; послѣ, разумѣется, убиваютъ.

«Послѣднюю варварскую манеру—наводить шерсть—я видѣлъ самъ. Когда я былъ еще въ Богословскомъ округѣ, *огневщикъ* (лѣсной сторожъ), нашедши гнѣздо, принесъ пять лисенковъ; сначала, когда они были малы, ихъ держали всѣхъ вмѣстѣ. Послѣ, когда подросли и начали драться, ихъ разсадили порознь на цѣпи, и такъ они прожили у меня мѣсяца четыре. Однажды въ проѣздъ мой черезъ Петропавловскій заводъ, гдѣ жили у меня лисенки, я нашелъ ихъ спущенными съ цѣпи и увидѣлъ, къ большему моему неудовольствію, что у каждаго лисенка были переломлены переднія и заднія ноги. На разспросы мои объяснили мнѣ, что это сдѣлалъ тотъ же огневщикъ, что уже была пора наводить шерсть, и что иначе шкурки никуда не были бы годны. Огневщикъ полагалъ, что я держу лисятъ не изъ удовольствія, но для шкурокъ».

Тотъ же разсказчикъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ:

«Лису добываютъ ружьемъ и капканомъ, но такъ добыча рѣдко бываетъ удачна. Лиса рѣдко пойдетъ въ капканъ или на ружье, развѣ на послѣднее загонитъ ее собака; у нея довольно развитъ инстинктъ самосохраненія. Въ Богословскомъ округѣ лису добываютъ еще отравою: сначала лису прикармливаютъ къ одному мѣсту, и когда она уже повадится ходить туда, то берутъ голубиное или малое куриное яйцо, выпускаютъ изъ него жидкость черезъ маленькое отверстіе и, высушивъ скорлупу, насыпаютъ въ нее около золотника сулемы, залѣпляютъ дырочку воскомъ, обмазываютъ яйцо какимъ-нибудь вонючимъ саломъ и кладутъ на то мѣсто, куда приманили лису. Если она вдругъ раскуситъ яйцо, то разумѣется сулема попадетъ ей въ ротъ, и она добыта. Много, что пройдетъ шаговъ тридцать, начнетъ глотать снѣгъ и издохнетъ. Но иногда животное бываетъ такъ хитро, что только пробуетъ увязить зубы и бросаетъ яйцо на то мѣсто, гдѣ лежало».

Прочтя это описаніе, невольно спрашиваешь: кто же хитрѣе въ злобныхъ замыслахъ, своекорыстнѣе и безчеловѣчнѣе: лѣсная ли дикая лиса или цивилизованный,

Лиса въ капканѣ.

интеллигентный человѣкъ, владѣющій знаніемъ природныхъ ядовъ.

Мѣхъ лисы—нашъ исконный русскій мѣхъ. Въ западной Европѣ рѣдко прибѣгаютъ къ помощи лисьяго мѣха, можетъ быть потому, что тамъ зима не такъ сурова, а лѣсное хозяйство на столько развито, что въ рѣдкомъ лѣсу или паркѣ можно еще встрѣтить лису въ такомъ количествѣ, чтобы изъ нея сдѣлать шубу. У насъ лисій мѣхъ и лисья шуба были старинной и непремѣнной принадлежностью боярскаго костюма. Затѣмъ эта шуба спускалась съ княжескаго или боярскаго плеча и покрыла плечи купеческаго сословія. Въ настоящее время она остается только на дамскихъ и женскихъ плечахъ, какъ легкая, теплая, пушистая шкурка.

Мѣховщики отличаютъ нѣсколько сортовъ лисъ, и эти сорта, вѣроятно, кандидаты въ будущіе виды рода лисы (Oulpes).

1. Самая обыкновенная и общераспространенная отъ Камчатки далеко на западъ, чуть не до береговъ Атлантики. Это—обыкновенная красная лиса. Чѣмъ сѣвернѣе мѣсто, тѣмъ пышнѣе и краснѣе становится ея шкура. Въ Камчаткѣ звѣропромышленники зовутъ такихъ ярко красныхъ лисъ—*огненками.*

2. Другая порода лисы — это такъ называемыя *крестовки*, съ темнымъ крестомъ на плечахъ и вдоль спины.

3. *Сиводушка* или *чернодушка* (*мышанка*), съ темной шерстью на груди и на брюхѣ.

4. *Бѣлодушка* или *березовка* съ бѣлой грудью и брюхомъ.

5. Черныя или *чернобурыя* лисицы, самыя дорогія и рѣдкія изъ всѣхъ сортовъ.

6. Наконецъ, какъ исключеніе, какъ болѣзненное отклоненіе отъ общаго правила, являются *бѣлыя* лисицы—лисицы-альбиносы, съ красными глазами.

Смотря на шкуру старой чернобурой лисицы, шкуру сильно покрытую сѣдиной, я думалъ: неужели нельзя устроить правильное хозяйство для такихъ рѣдкихъ пушныхъ звѣрей? Мнѣ кажется, что въ недостаткѣ питомниковъ, приспособленныхъ для такого воспитанія, виноваты не недостатокъ капиталовъ, не природныя условія, а просто наша всероссійская лѣнь, недѣятельность, не предпріимчивость и дикость. Нашъ дикарь, хладнокровно ломающій ноги и выкалывающій глаза у лисятъ, вмѣсто того, чтобы посадить ихъ въ цѣлесообразное помѣщеніе, въ которомъ они достигали бы полнаго роста, а мѣхъ ихъ - полной красы и пышности. Но если мѣху лисицы суждено существовать на Руси еще долгіе, долгіе годы, то черезъ сотни лѣтъ, вѣроятно, у насъ и заведутъ правильно устроенныя, раціональныя питомники для воспитанія лисъ. Какъ и вездѣ, здѣсь нужны время и терпѣніе.

Въ жаркій, тихій день весело смотрѣть на лису, прирученную къ охотѣ за утками. Она неслышно плыветъ въ водѣ, подбираясь къ нимъ. Малѣйшее движеніе какой-нибудь нетерпѣливой утки заставляетъ ее останавливаться, притихать и прижимать уши. Но стайка утокъ неподвижна, какъ бы ждетъ нарочно лису, и она вдругъ выскакиваетъ и вспугиваетъ всю стаю. Съ крикомъ, гамомъ поднимаются утки, тяжело хлопая крыльями, и тотчасъ же раздаются выстрѣлы. Подстрѣленныя и убитыя утки падаютъ, и лисанька бойко, суетливо плаваетъ, подбираетъ ихъ. Вотъ она захватила уже три утки, но ей мало, она захватила бы ихъ всѣ. Ей можетъ быть кажется, что если бы она владѣла ружьемъ, то она убила бы всю стаю. Но, такъ какъ ей не суждено имъ владѣть, то она плыветъ съ тремя утками къ берегу, выходитъ на берегъ и сильно встряхивается, какъ охотничья собака. Хозяинъ охоты подходитъ къ нимъ, лисанька, какъ добрая собака, кладетъ утокъ къ его ногамъ, но вдругъ ее охватываетъ неодолимое желаніе схватить одну изъ нихъ и утащить, зарыть ее въ укромное мѣстечко и снова возвратиться къ хозяину, и заюлитъ она, залебезитъ у ногъ его.

Такой поступокъ лисаньки мнѣ живо напоминаетъ басню-сказку Измайлова. Красивая, молодая дѣвушка вышла замужъ за любимаго ею человѣка, но увы, это была не женщина, а молодая, красивая кошечка, которую по просьбѣ молодого человѣка Юпитеръ превратилъ въ дѣвушку. Когда новобрачный остался наединѣ съ своей обожаемой супругой, онъ сталъ цѣловать ее.

> ...Она сама его, краснѣя, цѣловала..
> Вдругъ вырвалась и побѣжала...
> Куда же?!. Подъ кровать, увидѣла тамъ мышь...
> Природной склонности ничѣмъ не истребишь!..

Восклицаетъ баснописецъ. Но неужели же эта склонность такъ сильна, непобѣдима и неискоренима?..

Въ началѣ зимы, когда земля покроется первымъ снѣгомъ, а кусты и деревья стоятъ безъ листьевъ, голыя—лисаньку ожидаетъ въ лѣсу еще одна бѣда. Хитрый охотникъ въ это время ставитъ, настораживаетъ въ лѣсу капканы, настораживаетъ именно въ то время и въ томъ мѣстѣ, гдѣ никакъ не ожидаетъ ихъ лисанька. Кругомъ снѣгъ и слѣды человѣка, и запахъ его и запахъ капкана все скрыто подъ холоднымъ снѣгомъ. Лисанька бѣжитъ, торопится перебѣжать пустой ложекъ, и только вступила на его середину... какъ вдругъ... хлопъ! Щелкнула пружина, и лисанькину ножку сдавилъ большой капканъ, который и самому волку стащить не подъ силу. Лисанька громко взвизгнула, дернула нѣсколько разъ ногу, но она ни съ мѣста. Капканъ держитъ ее исправно. Туда-сюда... мечется, прыгаетъ лисанька и, наконецъ, отъ нестерпимой боли и отъ испуга забываетъ всю свою осторожность и начинаетъ неистово визжать и лаять. А этого только и ждутъ ея лѣсные враги — всѣ птицы и пичужки, которымъ она такъ досадила въ своей жизни. Съ крикомъ и гамомъ онѣ слетаются со всѣхъ сторонъ и поднимаютъ такой неистовый крикъ, отъ котораго просыпается весь лѣсъ, всѣ его звѣри и птицы. Всѣ радуются бѣдѣ. Всѣ торжествуютъ побѣду надъ хитрымъ, такъ сильно досаждавшимъ имъ, хищникомъ. Какъ будто сознаютъ, что хищничество должно преслѣдовать и истреблять даже въ жизни звѣрей...

4. Африканскія лисички или фенеки.

Наша лисичка умна, хитра, ловка и осторожна, но есть одинъ звѣрекъ, одна лисичка, которая еще болѣе умна, хитра, ловка и осторожна.

Природа стремится къ совершенству, къ осложненію всего существующаго. Степи представляютъ одинъ изъ десятковъ тысячъ оселковъ, на которыхъ изощряются всѣ свойства звѣриной натуры. Прежде всего онѣ—эти степи—тянутъ, зовутъ каждаго звѣря въ неопредѣленную даль. Онъ побѣжитъ направо, налѣво. Вотъ! вотъ, кажется, кончится сейчасъ это однообразіе, эта скучная, песчаная равнина, но онъ бѣжитъ часъ, бѣжитъ два, бѣжитъ три, и все то же, одно и то же...

> ...а вокругъ полный кругъ горизонта открытъ
> И цѣлуется небо съ землею.

Просторъ широкій, полный, безграничный. Куда ни побѣги, нигдѣ не добѣжишь до конца. Всюду песчаные бугры, мелкіе кустики степной травы, всюду множество всякихъ насѣкомыхъ, стрекозъ, жуковъ, бабочекъ, множество мелкихъ звѣрьковъ: ящерицъ, мышей, тушканчиковъ. Все это — обильная пища и вмѣстѣ съ тѣмъ конкуренты на всѣ жизненныя средства.

Необходимо быть очень тонкимъ и хитрымъ, необыкновенно приспособленнымъ, чтобы выдержать эту постоянную и многообразную конкуренцію. И вотъ такимъ-то животнымъ представляется намъ фенекъ или африканская лисичка.

Его организмъ весь, какъ-будто, построенъ на органѣ слуха, на ушахъ. Онѣ—его вѣрные сторожа, хранители и указатели.

Представьте себѣ маленькую лисичку (не больше 2 ф. вмѣстѣ съ хвостомъ), на тонкихъ, стройныхъ, маленькихъ ножкахъ; лисичку съ большими, умными, выразительными глазами, съ остренькой, тонкой мордочкой, снабженной, какъ у кота, длинными чувствительными усами; лисичку — съ длиннымъ пушистымъ хвостомъ и огромными, остроконечными, крайне подвижными ушами. Вотъ вамъ *фенекъ*—маленькая, африканская лисичка.

У нея все—и уши, и глаза, и ноги—доведено до тонкости, до возможнаго совершенства. Это природа, которая бросилась въ область микроскопическихъ, самыхъ утонченныхъ совершенствъ и приспособленій.

Наша лисанька со всею ловкостью и изворотливостью ея кажется грубымъ, неуклюжимъ животнымъ передъ маленькимъ, тонкимъ и стройнымъ фенекомъ *). Въ его уши вѣтеръ доноситъ самый слабый, едва замѣтный шорохъ. Онъ производитъ въ нихъ цѣлую бурю звуковъ, но въ этой бурѣ фенекъ умѣетъ удивительно разбираться. Это микрофоны, предупреждающіе или дающіе знать фенеку объ опасности, которая угрожаетъ ему за нѣсколько десятковъ саженъ, или о добычѣ, которая — сама чуткая и осторожная — чуть, чуть шевелится тутъ же въ двухъ шагахъ отъ него.

Наступаетъ ночь быстро и неотразимо. Солнце уже сѣло, и сумерки торопливо надвигаются, закрывая все вдали и вблизи темной мглой. Подлѣ кустика степного камыша (Eliemus arenarius) усѣлась на ночевку семейка красивыхъ, стройныхъ, степныхъ куръ. Однѣ начинаютъ уже дремать, другія давно закрыли глаза и спятъ. Только одинъ крупный самецъ не спитъ и зорко вглядывается въ темнѣющую даль и чутко слушаетъ всякій ночной шорохъ и шумъ. Но какъ бы онъ хорошо ни слушалъ, ему не удастся подслушать шорохъ двухъ крадущихся по песчаному бугру (бархану) фенековъ. Они ползутъ медленно, неслышно. Они беззвучно нюхаютъ ночной воздухъ. Самка присѣла на мгновенье, чтобы дать вздохнуть своему трепыхающемуся сердцу, а самецъ продолжаетъ ползти, и вдругъ оба разомъ кидаются на стайку. Ихъ маленькія, тоненькія ножки, точно стальныя пружинки, легко подбрасываютъ ихъ маленькое тѣльце, ихъ острые зубы ловко схватываютъ за шею двухъ куръ. Крикъ, шумъ, хлопанье крыльевъ и густое облако песку и пыли взвивается надъ мѣстомъ, гдѣ сидѣла несчастная стайка. Двѣ куры остались въ зубахъ лисичекъ и бьются и пищатъ, но фенеки скоро покончатъ съ ними возню, и все опять замолкнетъ въ вечернемъ сумракѣ необъятной степи (рис. на стр. 325—326).

Благодаря своимъ зоркимъ глазамъ, чуткому слуху и сильно развитому чутью, фенеки слышатъ и видятъ издали всякую опасность, всякаго врага или добычу. Имъ не нужно изощрять ихъ вниманіе, ихъ глазъ или ухо. Они достаточно развиты, они достигли полнаго совершенства, но все это совершилось насчетъ ихъ мышечной силы. И въ особенности насчетъ ея развилась ихъ нервная система. Все въ ея функціяхъ сдѣлалось быстрѣе и глубже. Малѣйшаго шороха, звука достаточно, чтобы напряженіе какой-нибудь функціи этой системы достигло максимума. Фенеки видятъ и слышатъ многое, чего не можетъ слышать человѣкъ. Ихъ движенія въ быстротѣ равняются, а можетъ быть даже превосходятъ, скорость движеній какого-нибудь престидижитатора. Случается такъ, что фенека преслѣдуютъ, за нимъ гонятся, не спуская глазъ, и вдругъ онъ исчезаетъ на самыхъ глазахъ преслѣдующихъ.

Одинъ наблюдатель, Л. Буври, однажды преслѣдовалъ фенека верхомъ. Онъ не спускалъ съ него глазъ, и вдругъ этотъ фенекъ исчезъ на его глазахъ, точно провалился сквозь землю. И дѣйствительно, онъ съ быстротой молніи зарылся въ песокъ. Но Буври не далъ себя одурачить, онъ тотчасъ же соскочилъ съ лошади и началъ разрывать песокъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ исчезъ фенекъ. Черезъ нѣсколько минутъ этотъ ловкій акробатъ со стыдомъ и скандаломъ былъ вытащенъ за хвостъ къ крайнему удивленію всѣхъ арабовъ, присутствовавшихъ при этомъ скандалѣ.

Быстрое вырыванье норъ или разрыванье песку дѣлается фенекомъ — благодаря его сильнымъ, крѣпкимъ когтямъ, въ особенности на заднихъ лапахъ.

Понятно, что, при этихъ отношеніяхъ нервной системы ко всѣмъ другимъ органамъ тѣла, она должна преобладать надъ другими, и дѣйствительно всѣ фенеки—нервные, легко, страстно возбудимыя животныя. Они находятся какъ бы въ постоянномъ напряженіи всѣхъ своихъ нервовъ. И когда это напряженіе проходитъ, является необыкновенная слабость жизненной энергіи. Вотъ почему фенеки не только самыя быстрыя, но и самыя слабыя созданія изъ всѣхъ звѣрей. Большую часть жизни они проводятъ во снѣ. Они спятъ, забившись въ свою песчаную неглубокую нору. Они свертываются въ ней клубкомъ, какъ лисицы, и закрываютъ морду своимъ пушистымъ хвостомъ. Робкіе и трусливые, они такимъ образомъ закупориваются для всѣхъ внѣшнихъ возбужденій или впечатлѣній и только выставляютъ наружу одно какое-нибудь большое ухо. Это стражъ чуткій и вѣрный, который тотчасъ же предупредитъ фенека отъ всякой, грозящей ему опасности.

Почти весь день они проводятъ во снѣ, въ своей норѣ, а съ наступленіемъ вечера выходятъ на ловитву. Я назвалъ бы ихъ «дамскими лисичками»,—такъ въ нихъ все изящно, щепетильно и красиво. Это звѣрки слабые и нервные, какъ женщины. Ихъ нора удивляетъ своей изысканной щеголеватостью и чистотой. Они вырываютъ ее быстро въ пескѣ, слегка мокромъ, тщательно выглаживаютъ ея стѣнки внутри, и выстилаютъ ее пальмовыми листьями, волосами и перьями. Такая нора имѣетъ нѣсколько выходовъ, черезъ которые всегда можно выскочить или выскользнуть на утёкъ, въ любую сторону.

Все въ нихъ красиво, изящно и вмѣстѣ съ тѣмъ нервно, болѣзненно. Если что-нибудь испугаетъ фенека во снѣ, то онъ закричитъ и застонетъ, какъ маленькій ребенокъ впросонкахъ.

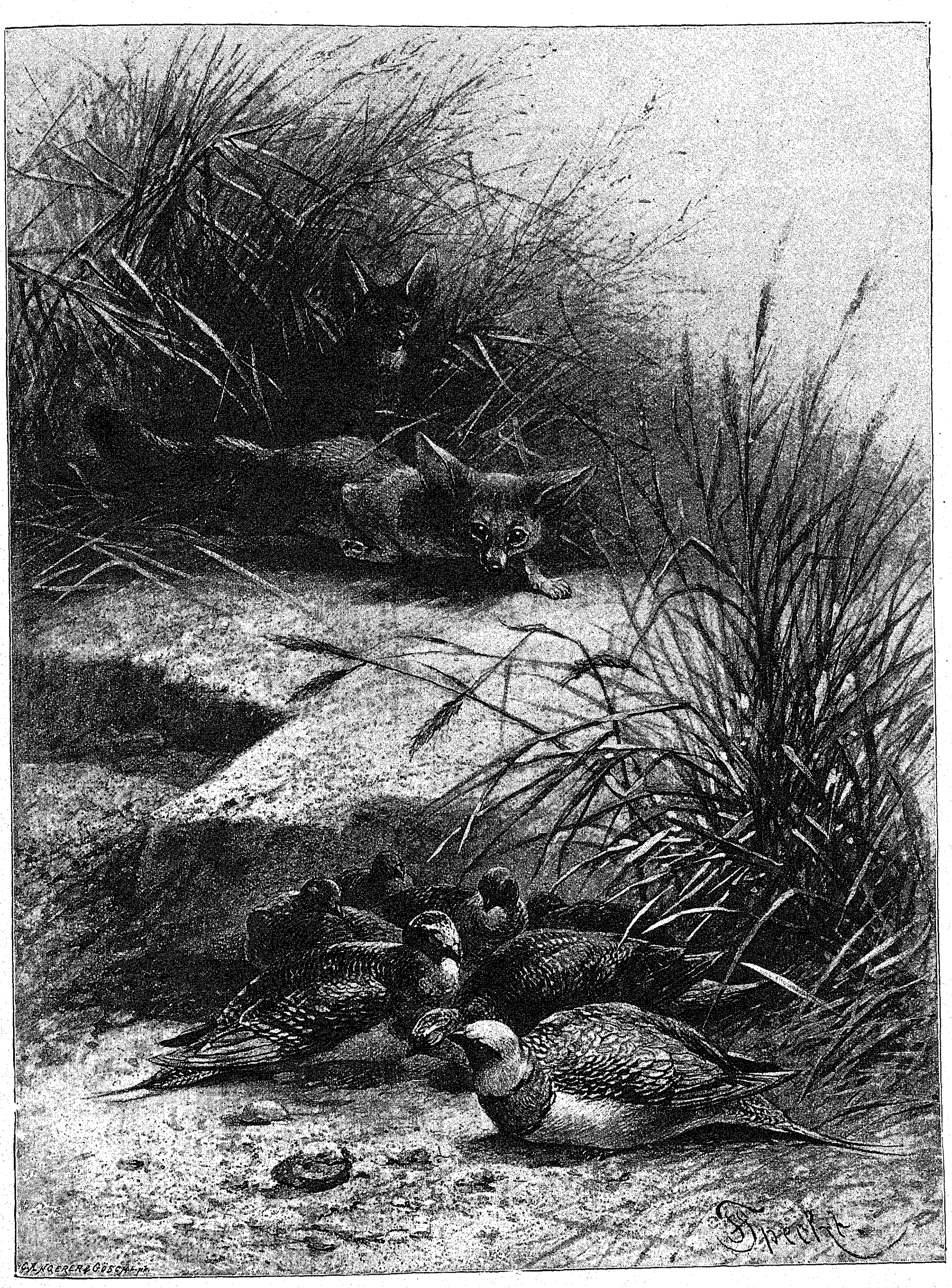
Подобно всѣмъ слабымъ существамъ фенекъ, очень любитъ тепло и очень чутокъ къ холоду. Въ холодныя ночи онъ предпочитаетъ спать въ своей норѣ, и только голодъ заставляетъ его выскочить на самый короткій срокъ, урвать на лету какую-нибудь саранчу и снова спрятаться въ свою теплую, мягкую норку.

Чистоплотный, чистенькій фенекъ необыкновенно любитъ воду и въ особенности утромъ, натощакъ, какъ только выйдетъ изъ норы, онъ тотчасъ же бѣжитъ къ рѣчкѣ и пьетъ, пьетъ съ жадностью. Жажда томитъ его. Въ южную, душную ночь все перегоритъ у него въ желудкѣ. И какое наслажденіе выпить въ это время глотокъ воды, хотя бы даже теплой и не совсѣмъ свѣжей! Затѣмъ, утоливъ жажду, онъ начинаетъ отыскивать, чѣмъ бы закусить проглоченную имъ воду. Но кругомъ его такъ много съѣдобнаго добра, и прежде всего и лучше всего это—птички, маленькія, порхающія птички, какъ напримѣръ, степной жаворонокъ. Фенекъ самъ похожъ на птичку по своей миніатюрности, быстротѣ движеній и почти постоянному напряженію жизненной энергіи. Малѣйшій шумъ тотчасъ же вызываетъ его къ

*) Гораздо правильнѣе сравнить фенека съ *широконосой лисой* (Otocyon Caffer). Она дѣйствительно представляетъ фенека въ грубомъ видѣ, и отъ нея онъ, вѣроятно, произошелъ.

дѣятельности. Онъ бѣжитъ, летитъ, какъ птица, бросается направо, налѣво, прыгаетъ въ сторону, высоко отъ земли за какой-нибудь мелькнувшей бабочкой. Онъ

въ европейскіе зоологическіе сады. Притомъ и убить его почти такъ же трудно, какъ поймать живого. Ихъ ловятъ преимущественно силками, настораживая волосяныя

Фенеки, подстерегающіе степныхъ куръ.

весь — движеніе, постоянная игра нервовъ и мускуловъ.

Поймать фенека необыкновенно трудно. Онъ постоянно на сторожѣ и убѣжитъ при малѣйшемъ подозрѣніи объ опасности. Вотъ почему фенеки такъ рѣдко привозятся

петли у входа въ нору. Попавши въ петлю, онъ, разумѣется, бьется, прыгаетъ, старается вырваться, но скоро утомляется, слабѣетъ, сильнѣе затягиваются петли около его лапокъ, онѣ сдираютъ кожу, глубоко проникаютъ въ

мясо, проникають до костей. Но фенекъ терпитъ эту боль. Онъ уже ослабѣлъ. У него нѣтъ больше силъ стянуть петлю съ своихъ нѣжныхъ маленькихъ, изящныхъ лапокъ, и онъ отдается въ неволю или умираетъ отъ руки поставившаго силокъ. Онъ нервенъ, какъ женщина или ребенокъ. У него нѣтъ достаточно силы ни въ узенькихъ челюстяхъ его острой мордочки, ни въ его лапахъ, ни во всѣхъ его мускулахъ. Въ неволѣ фенековъ держатъ въ клѣткахъ, съ деревянными рѣшетками, и хотя толщина этихъ рѣшетокъ изъ тонкихъ палочекъ весьма незначительна, но у фенека нѣтъ силы въ зубахъ настолько, чтобы перегрызть эти тонкія палочки. Онъ необыкновенно быстро утомляется и слабѣетъ.

Чѣмъ сильнѣе возбужденіе нервовъ, тѣмъ оно скорѣе истощается и проходитъ. Фенеки вполнѣ это доказываютъ.

Воспитанный съ дѣтства, фенекъ легко привязывается къ человѣку, воспитавшему его. Онъ послушно бѣгаетъ за нимъ всюду, какъ собака, ласкается къ нему, ластится, какъ лиса. Но въ этой привязанности постоянно проглядываетъ какое-то враждебное, лукавое, кошачье чувство. Фенекъ—лиса-кошка, и вся его привязанность такъ же слаба, какъ его зубы или когти. Все зависитъ отъ силы его нервнаго напряженія или возбужденія.

5. Песецъ.

На берегъ Сѣвернаго моря въ Гренландіи выбросило трупъ молодого кита — кашалота, и вѣсть объ этомъ быстро полетѣла по всему прибрежью. Ее понесли на своихъ легкихъ крыльяхъ крикливыя чайки, понесли быстроногіе и вѣчно голодные песцы, бродящіе безъ всякой цѣли по всему прибрежью. Но всего усерднѣе и сильнѣе разнесъ эту вѣсть на далекія пространства приморской пустыни — быстрый вѣтеръ, разнесъ смраднымъ, тяжелымъ запахомъ, такъ какъ китъ уже началъ разлагаться. Его трупъ уже четвертый день носили и били буруны и волны о прибрежные камни. И вотъ теперь онъ лежитъ, валяется на песчаномъ берегу, широко раскрывъ зубастую пасть его громадной головы.

Чайки и песцы первые явились на роскошный пиръ, которымъ угощаетъ ихъ теперь сердитое Сѣверное море. Одинъ песецъ уже взобрался на великана и пробуетъ прокусить на его брюхѣ толстую кожу. Два другихъ песца успѣли уже обѣжать гигантскій трупъ и стоятъ, посматривая другъ на друга и обдумывая, что лучше:— придушить ли сперва своего брата-соперника, или прямо вцѣпиться въ кожу кита, благо она тутъ, прямо передъ зубастой мордой. Другіе, болѣе осторожные, нюхаютъ и облизываютъ кита со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, многіе еще бѣгутъ, спѣшатъ на неожиданное пиршество.

«Спѣшатъ и, кровавый предчувствуя споръ,
«Смятенья, волненья полны...

Двое уже вцѣпились другъ въ друга. Одинъ — бѣлый песецъ повалилъ и схватилъ своего брата мертвой хваткой за горло.

Песца нѣмцы зовутъ «ледяной лисицей» (Eisfuchs). И дѣйствительно онъ весьма напоминаетъ лисицу, но въ грубомъ, неотдѣланномъ видѣ. Это дѣйствительно «ледяная лиса», такъ какъ она водится, нерѣдко большими стаями, по берегамъ ледяного, Сѣвернаго моря и Ледовитаго океана.

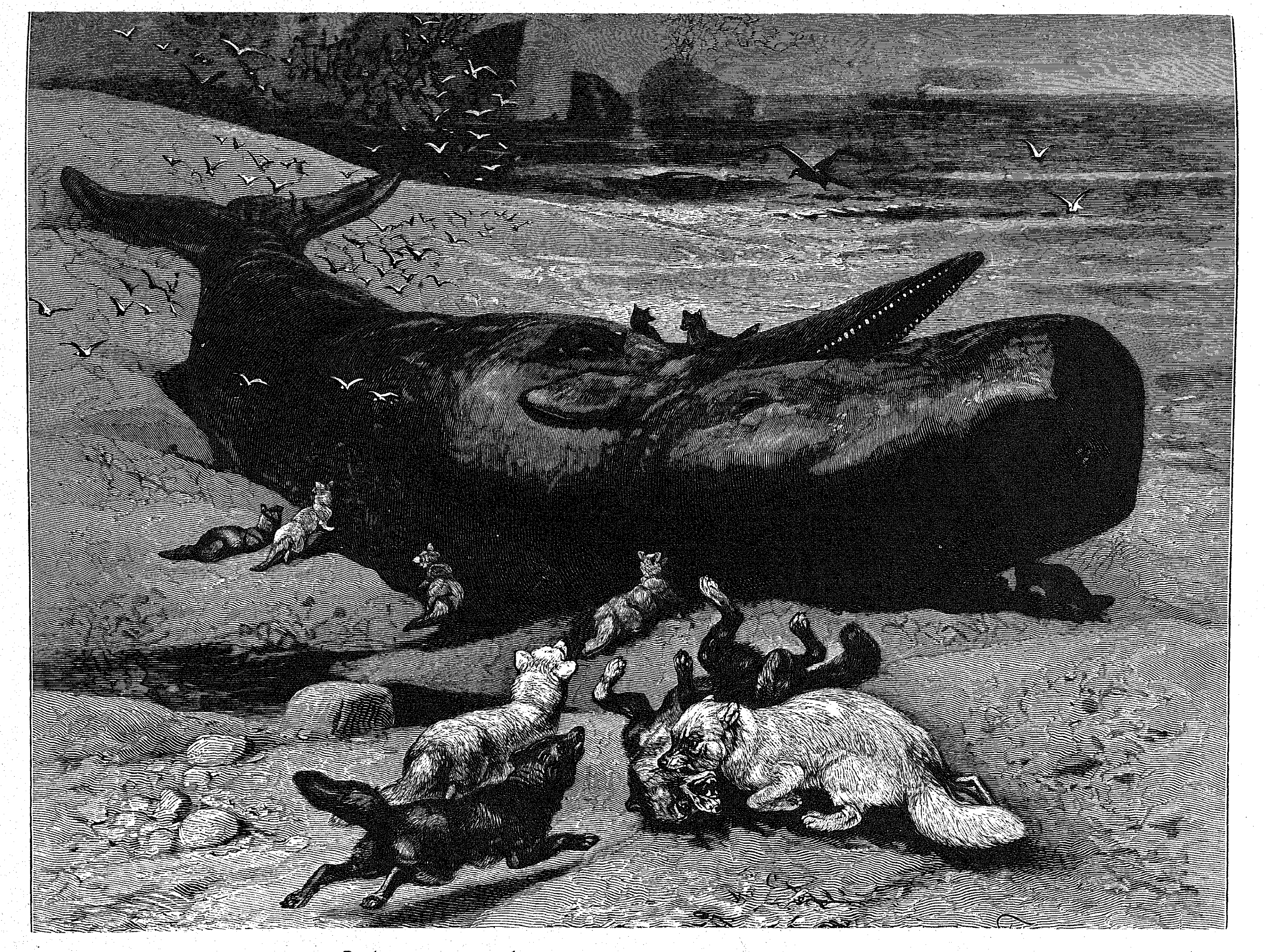
Въ песцѣ мы находимъ все, что существуетъ въ лисицѣ:—и умъ, и смышленность и понятливость, но все это въ болѣе грубомъ видѣ, въ далеко не законченной отдѣлкѣ. Это—лиса, приспособленная къ грубымъ, однообразнымъ условіямъ жизни, въ суровомъ холодномъ климатѣ, на побережьѣ холоднаго однообразнаго моря. Въ ея жизни нѣтъ стимуловъ для развитія тѣхъ законченныхъ, изощренныхъ способностей, какія мы видимъ въ нашей лисицѣ. Въ сѣверныхъ широтахъ богатство индивидовъ доставляетъ и богатый запасъ пищи. Множество мышей и птицъ всегда готовы къ услугамъ песца, и немного требуется сообразительности и ловкости для того, чтобы овладѣть этой легкой, весьма доступной, добычей.

И песецъ почти безъ всякаго труда овладѣваетъ ею. Приземистый, какъ бы присѣвшій къ землѣ, онъ готовъ въ каждую минуту ползти на брюхѣ, подкрадываться и дѣлать саженные прыжки, которые не въ состояніи сдѣлать ни волкъ, ни собака. Онъ суетливъ и вертлявъ, какъ лиса. Онъ поминутно обнюхиваетъ землю, бѣжитъ мелкой побѣжкой и вдругъ приподнимаетъ морду кверху и нюхаетъ воздухъ: не пахнетъ ли онъ чѣмъ-нибудь съѣстнымъ и интереснымъ. На своей родинѣ онъ воображаетъ себя властелиномъ безраздѣльно всего сѣвернаго побережья, и если въ его владѣнія заходитъ человѣкъ, то онъ встрѣчаетъ его съ тѣмъ же любопытствомъ и жадностью, съ которой онъ относится ко всему, его окружающему, живущему и съѣдобному.

Брэмъ приписываетъ его поступки и поведеніе упрямству. Но это едва ли справедливо. Въ ряду другихъ собакъ онъ занимаетъ именно то мѣсто, на которомъ стоятъ всѣ дикія животныя, сознающія свою силу, ловкость и не могущія никакимъ образомъ преодолѣть своихъ жадныхъ инстинктовъ. Не наученный опытомъ и отдающійся своимъ звѣринымъ инстинктамъ — песецъ свободно подходитъ ко всему, что дразнитъ его хищный аппетитъ. Нѣсколько штукъ песцовъ, иногда цѣлая стая, упорно преслѣдуютъ человѣка, бѣгутъ за нимъ и съ жаднымъ любопытствомъ, какъ стая голодныхъ собакъ, преслѣдуютъ его до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не остановится и не сядетъ на камень. Тогда песцы также садятся вокругъ него. По временамъ взвизгиваютъ, зѣваютъ и ждутъ, не упадетъ ли что-нибудь съѣдобное отъ этого страннаго, двуногаго существа. Если путешественникъ засмотрѣлся на что-нибудь или задумался, то песцы уже тутъ возлѣ него, они подкрались, какъ тѣни и караулятъ всѣ его движенія. Испуганный близостью этихъ зубастыхъ соглядатаевъ, путешественникъ вскидываетъ ружье и стрѣляетъ въ перваго ближайшаго песца. Песецъ падаетъ, но другіе нисколько не пугаются выстрѣла. Они съ жадностью бросаются на упавшаго товарища и тотчасъ же поѣдаютъ его.

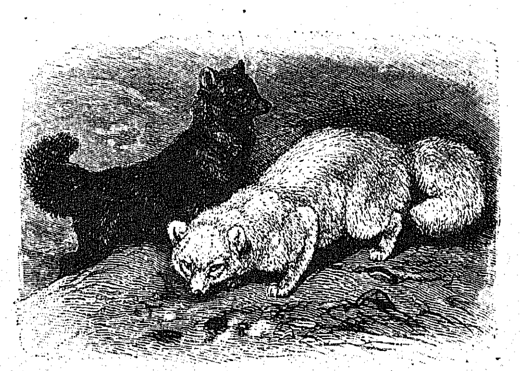
Песецъ какъ бы соединяетъ въ себѣ натуру лисицы и шакала. Онъ такъ же ловко, какъ лиса, подкрадывается къ своей добычѣ. Почти такъ же остроумно придумываетъ способы для овладѣнія ею и такъ же любитъ всякіе отбросы и всякую мертвечину, какъ и шакалъ. Всякая падаль тотчасъ же притягиваетъ его вниманіе, и онъ бѣжитъ къ ней, руководимый своимъ острымъ чутьемъ.

Его жадность и любопытство пересиливаютъ всякую осторожность. Разъ вечеромъ Брэмъ съ однимъ охотникомъ, въ Норвегіи, шелъ по берегу. Солнце уже сѣло, и въ воздухѣ было уже порядочно темно. За нимъ увязался одинъ любопытный песецъ, который очевидно хотѣлъ съ ними познакомиться поближе. Брэмъ семь разъ выстрѣлилъ въ него, но въ темнотѣ вечера ни разу не попалъ, а выстрѣлы еще сильнѣе подогрѣли любопытство песца. Онъ, какъ вѣрная собака, шелъ за нами минутъ двадцать. «Мы,—разсказываетъ Брэмъ,—усердно бросали въ него каменьями, но не могли попасть, онъ останавливался, когда мы останавливались, и опять шелъ за нами, когда мы снова пускались въ путь». Охотникъ, шедшій съ Брэмомъ, разсказывалъ ему, что нѣсколько разъ онъ могъ бы поймать песца просто руками въ то время, когда онъ подбѣгалъ къ нему и неподвижно садился передъ нимъ и внимательно разсматривалъ его. Одинъ разъ ночью онъ покрылся оленьей шкурой. Песцы во время его сна преспокойно стащили эту шкуру и съѣли.

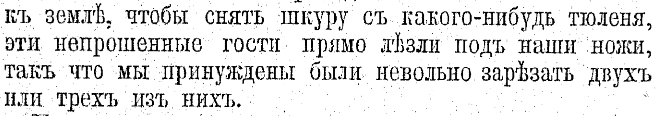

Выброшенный на берегъ кашалотъ, окруженный песцами.

Извѣстный путешественникъ прошлаго столѣтія, Стеллеръ, разсказываетъ о песцѣ, какъ о дѣйствительномъ бичѣ для всѣхъ путешественниковъ. Они такъ же надоѣдаютъ, какъ неотвязныя мухи лѣтомъ. Они приходятъ цѣлыми стаями, подкрадываются незамѣтно и уходятъ, какъ тѣни, унося съ собою все съѣдобное и несъѣдобное. Они таскаютъ вещи совершенно безполезныя для нихъ: мѣшки, сапоги, чулки, шапки и ножи. Тяжести въ нѣсколько пудовъ они ухитряются отваливать отъ бочекъ, въ которыхъ лежатъ припасы. Не зная, какъ отъ нихъ уберечься, — разсказываетъ Стеллеръ, — мы клали какую нибудь вещь на довольно высокомъ столбѣ. И что же?.. Они подрывались подъ этотъ столбъ и опрокидывали его, или же ловко, чисто по-кошачьи или по-обезьяньи, взлѣзали на него и сбрасывали все, что лежало на немъ. Какъ только мы присѣдали

Песцы.

къ землѣ, чтобы снять шкуру съ какого-нибудь тюленя, эти непрошенные гости прямо лѣзли подъ наши ножи, такъ что мы принуждены были невольно зарѣзать двухъ или трехъ изъ нихъ.

Если море выбрасывало трупъ какого-нибудь звѣря, убѣгали съ нимъ или вытаскивали внутренности животнаго. Когда мы спали въ полѣ, они стаскивали съ насъ рукавицы и шапки, такъ что мы принуждены были спать съ палками въ рукахъ.

«Если мы садились отдыхать гдѣ-нибудь на дорогѣ, то они подходили къ намъ все ближе и ближе, и если мы не шевелились, то они безъ церемоніи начинали грызть ремни отъ нашихъ неуклюжихъ самоѣдскихъ сапогъ или даже принимались за самые сапоги. Какъ только мы пріѣхали на мѣсто и положили умершихъ на пути товарищей, они тотчасъ же отгрызли имъ носы, уши и ноги, и, вѣроятно, то же самое сдѣлали бы съ больными, если бы мы не отогнали ихъ».

Такимъ упорнымъ преслѣдованіемъ своей цѣли отличаются всѣ хищники или паразиты. Даже мухи, во время жаркаго лѣта, такъ же назойливо лѣзутъ на одно и то же мѣсто, какъ бы усердно ихъ не гоняли. Жаркій воздухъ раздражаетъ ихъ и заставляетъ усиленно, слѣпо желать того, что такъ упорно имъ не дается... Я думаю, такое же чувство лежитъ въ крови песца. Его жадность не привыкла сдерживаться благоразуміемъ. Жажда пищи

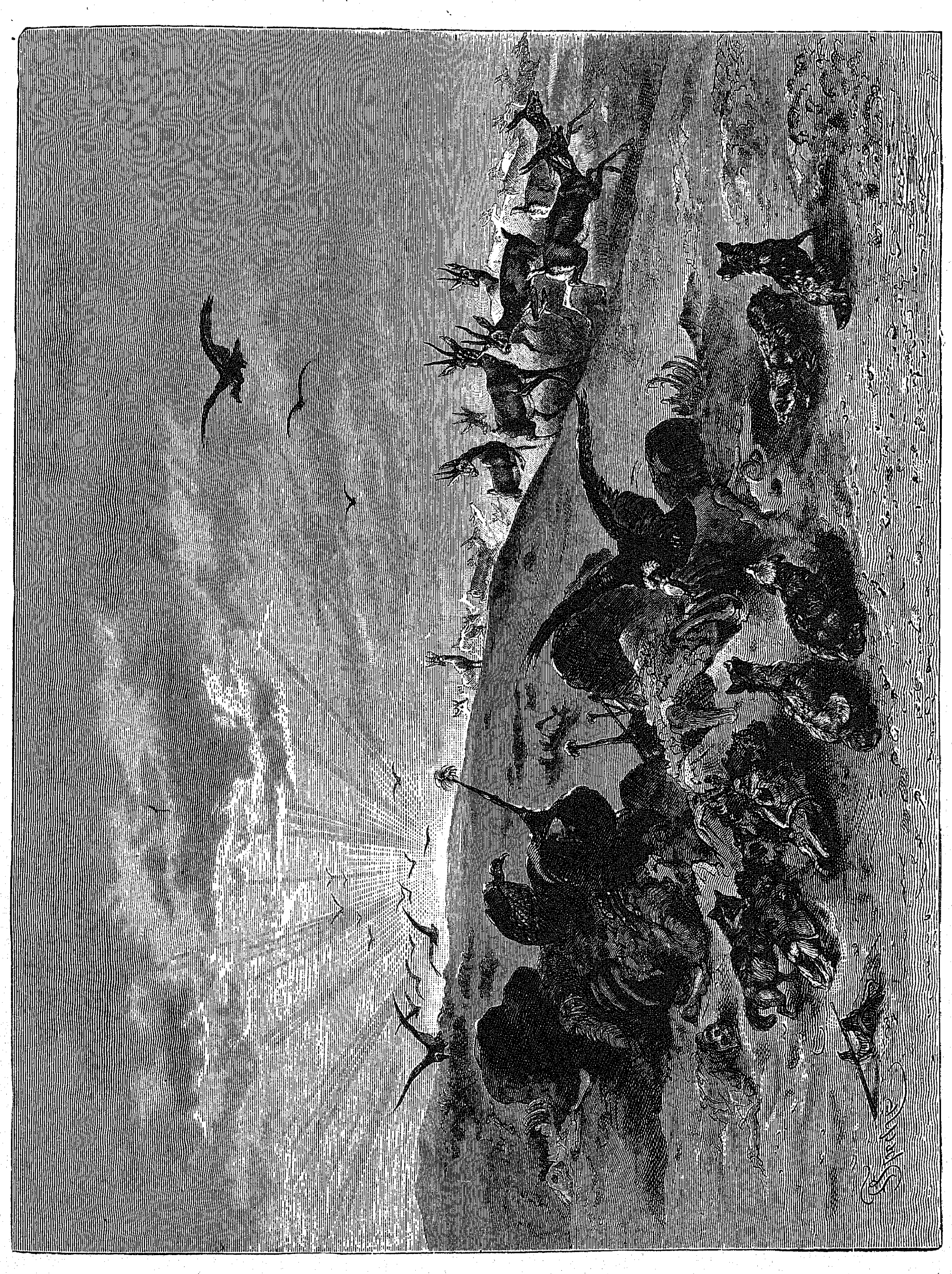
Песцы.

который мы хотѣли сохранить для коллекціи, то они быстро подбѣгали къ нему и вмигъ растаскивали по кускамъ. То, что они не могли съѣсть на мѣстѣ, они утаскивали на прибрежные холмы и зарывали въ землю. Пока одни изъ нихъ закапывали эти куски или цѣлый трупъ, другіе стояли и смотрѣли, какъ бы караулили. Если вдали они видѣли идущаго человѣка, то всѣ бросались помогать своимъ собратьямъ. Цѣлаго морского кота они закапывали очень глубоко. Мы ложились на только что убитаго животнаго, но и это не удерживало хищниковъ. Изъ-подъ насъ они вырывали куски мяса и

точно такъ же полновластно увлекаетъ его и дѣлаетъ его назойливымъ и храбрымъ до самозабвенія.

И этого мало — та же самая назойливость становится заразительной и отъ нападающаго паразита или хищника, передается и тому животному, на котораго онъ нападаетъ. Если собаку слишкомъ усердно осадятъ мухи, то она, какъ сумасшедшая или бѣшеная, бросается на нихъ. Человѣкъ нѣсколько разъ махаетъ рукой около того мѣста, на которомъ сидѣла муха. Неудивительно послѣ этого, что мухи могли прогнать прочь цѣлую экспедицію ученыхъ зоологовъ, съ Гэккелемъ во главѣ, прогнать съ

Канарскихъ острововъ, куда эта экспедиція отправилась для работъ и наблюденій. Неудивительно также, что экспедиція Стеллера, озлобленная постоянной назойливостью и преслѣдованіями песцовъ, продѣлывала съ ними такіе безчеловѣчные, дико-злобные продѣлки, которые можетъ позволить себѣ человѣкъ, не вполнѣ владѣющій разсудкомъ и здравымъ смысломъ. Каждый вечеръ они захватывали нѣсколько штукъ этихъ сѣверныхъ лисицъ и совершали надъ ними самыя варварскія продѣлки. Они отрубали имъ переднія или заднія лапы. «Въ концѣ концовъ,—разсказываетъ Стеллеръ,—множество ихъ бѣгало по острову безъ хвостовъ или о двухъ и трехъ ногахъ. Всего забавнѣе,—говоритъ онъ,—когда ихъ крѣпко держатъ за хвостъ и въ то время, когда они изъ всѣхъ силъ стараются вырваться, отрубаютъ хвостъ. Тогда они отбѣгаютъ на нѣсколько шаговъ и начинаютъ неистово вертѣться, стараясь схватить себя за хвостъ, котораго уже нѣтъ. Безъ всякаго сожалѣнія, они мучили ихъ самымъ жестокимъ образомъ и старыхъ, и молодыхъ.

Борьба за останки погибшаго каравана.

Когда мы вставали утромъ,—говоритъ Стеллеръ,—то въ ногахъ у насъ всегда валялось два или три убитыхъ песца. Одинъ я,—говоритъ Стеллеръ,—во время моего пребыванія на островѣ, убилъ ихъ больше двухсотъ штукъ. На третій же день нашего пріѣзда, я въ теченіе трехъ часовъ перебилъ топоромъ больше 70 песцовъ (!), изъ шкуръ которыхъ была затѣмъ сдѣлана крыша на нашей хижинѣ».

Но все это было давно, было 120 лѣтъ тому назадъ, а въ настоящее время все это сильно измѣнилось, и такого несмѣтнаго количества песцовъ, о какомъ разсказываетъ Стеллеръ, уже больше и помину нѣтъ. Да и самые песцы совсѣмъ измѣнились. Вотъ что разсказываетъ Пехуэль-Леше о тѣхъ же островахъ Берингова пролива, на которыхъ былъ Стеллеръ. Жители острова Ату, самаго западнаго изъ Алеутскихъ островов Берингова пролива, давно уже привезли къ себѣ съ Прибыловыхъ островов «голубыхъ лисицъ» (песцовъ) и развели ихъ на своемъ островѣ. Они развели ихъ какъ разъ въ то время, когда другія породы лисицъ вывелись и исчезли съ острова. Слѣдовательно, чистая порода голубыхъ лисицъ могла разводиться здѣсь безъ всякаго смѣшиванія съ другими породами.

Но, чтобы быть понятнымъ, прежде нужно объяснить, что цвѣтъ шерсти или мѣха песца обыкновенно вполнѣ гармонируетъ съ цвѣтомъ окружающей его природы. Зимой онъ обыкновенно сѣровато- или желтовато-бѣлый. Но къ этому цвѣту примѣшивается болѣе или менѣе пепельно-сѣрыхъ или голубовато-сѣрыхъ волосъ. Иногда эти волосы бываютъ очень темные, и такой мѣхъ въ особенности цѣнится *). Вотъ этихъ пепельно-сѣрыхъ или голубыхъ песцовъ и называютъ *голубыми лисицами.*

Что же въ нихъ измѣнилось? Развилась ли въ нихъ осторожность и осмотрительность. Прибыло ли въ нихъ благоразумія и разсудительности? Или просто исчезла въ нихъ злоба и хитрость, и подъ вліяніемъ постояннаго общенія съ людьми исчезли — дикость и отчужденность (эгоизмъ). Маленькіе лисенки-песцы теперь охотно играютъ съ дѣтьми алеутовъ и ласкаются къ нимъ. Подъ вліяніемъ человѣка, даже дикаго алеута или инуита, развивается общительность и являются добрыя чувства въ хищномъ и зломъ песцѣ.

Этотъ привозъ чистыхъ голубыхъ лисицъ на о-въ Ату и разводъ на немъ ихъ чистой, не смѣшанной породы представляется какимъ-то укоромъ цивилизованному человѣку. Притомъ алеутъ здѣсь является болѣе человѣчнымъ въ его отношеніяхъ къ голубымъ песцамъ, чѣмъ нашъ крестьянинъ-звѣроловъ, выкалывающій глаза лисятамъ или ломающій имъ ноги.

Здѣсь, на Алеутскихъ островахъ, привольное житье песцу. Море почти постоянно выбрасываетъ ему трупы молодыхъ тюленей и дельфиновъ. Онъ не роетъ норъ для своего жилища. Ему вездѣ пріютъ въ трещинахъ скалъ или между большими камнями, которые защищаютъ его отъ холоднаго вѣтра. Наконецъ, множество прибрежныхъ птицъ и мышей всегда къ его услугамъ. Здѣсь онъ сильно жирѣетъ и обнаруживаетъ даже гастрономическія наклонности. На скалахъ онъ отыскиваетъ гнѣздо и, взявъ изъ него только одно яйцо, осторожно несетъ его во рту въ укромное мѣсто, туда, гдѣ онъ не рискуетъ сорваться со скользкой тропинки и полетѣть внизъ съ высокой скалы. Только достигши такого безопаснаго, укромнаго мѣста, онъ, какъ истый сибаритъ, выпиваетъ понемногу захваченное имъ яйцо.

Здѣсь, на Алеутскихъ островахъ, въ немъ развилась лисья хитрость. Нерѣдко онъ притворяется мертвымъ и лежитъ опрокинутый на спину, не шевелясь по цѣлымъ часамъ. Кормораны, которые съ крикомъ носятся надъ берегомъ, окружаютъ его, садятся вокругъ, толкуютъ между собой: дѣйствительно ли онъ мертвый или только притворяется, и хитрый притворщикъ глядитъ въ полглаза, намѣчаетъ свою жертву и вдругъ однимъ ловкимъ прыжкомъ бросается на нее и хватаетъ своими крѣпкими, сильными лапами.

*) Одна хорошая шкурка голубого песца продается за 200 марокъ, а потому разводъ или охота за такими песцами приноситъ очень хорошую прибыль.

Другія породы песцовъ — красные, темные (почти черные) не могутъ добраться на льдинахъ до острова Ату, слѣдовательно, ничто не угрожаетъ чистотѣ голубыхъ песцовъ этого острова. Эти песцы далеко уже не такъ довѣрчивы къ человѣку, какъ песцы временъ Стеллера.

6. Шакалъ.

Передъ нами картинка изъ жизни африканскихъ степей. Шелъ караванъ по песчаной равнинѣ, но хищники напали на этотъ караванъ, что можно было, унесли или увели, чего нельзя было унести, то бросили. (Стр. 333—334).

Такъ распорядились люди съ своими братьями — людьми.

Вслѣдъ за ними явились другіе хищники. Налетѣли грифы, набѣжали шакалы. Нѣсколько часовъ продолжался этотъ неожиданный пиръ въ пустынѣ. Остались отъ каравана только сѣдла, костяки, остовы верблюдовъ и людей, и надъ ними работаютъ, неутомимо трудятся шакалы.

Солнце только что всходитъ и освѣщаетъ эту печальную картину ночного погрома. Цѣлое стадо антилопъ остановилось съ испугомъ. Они возбуждены. Нѣкоторыя изъ нихъ встали въ оборонительную позу, поднялись на дыбы, другія брыкаются, третьи въ ужасѣ убѣгаютъ, четвертыя нюхаютъ воздухъ и готовы также убѣжать.

Пройдетъ два, три часа, и отъ каравана не останется и слѣдовъ. Всѣ кости будутъ растащены. Все съѣдобное будетъ съѣдено и всѣ жалкіе остатки будутъ занесены сыпучимъ пескомъ.

Всѣ шакалы—хищники, воры и притомъ самые нахальные воры. Они почти такъ же хитры, какъ и лисицы. Они такъ же умны и смышлены, какъ волки.

Они меньше волковъ, но сильнѣе ихъ, потому что дѣйствуютъ всегда сообща — цѣлой большой стаей. Они нападаютъ и ведутъ аттаку, правильно организованной облавой. Въ стаѣ есть одинъ начальникъ, вожакъ. Сперва вся она окружаетъ мѣсто, гдѣ спрятался какой-нибудь олень или антилопа. Затѣмъ дикимъ и громкимъ заунывнымъ воемъ вожакъ подаетъ сигналъ къ нападенію, и вся стая разомъ, какъ одинъ шакалъ, бросается на намѣченную жертву.

Ей некуда убѣжать. Весь кустарникъ окруженъ, всѣ тропинки заняты. Ее спугиваетъ отчаянный громкій лай. Она вся трепещетъ, бѣжитъ, и ее прямо гонятъ къ тому мѣсту, гдѣ нѣсколько шакаловъ уже засѣло прежде, по распоряженію все того же вожака. Они сидятъ, какъ разъ на перерѣзъ убѣгающей добычѣ. И несчастная добыча попадаетъ прямо въ зубы къ этимъ шакаламъ.

При первомъ взглядѣ на шакала его можно принять за собаку. Только ноги довольно тонкія и высокія, острая морда, какъ у лисы, да пушистый хвостъ, также какъ у лисы, отличаютъ его.

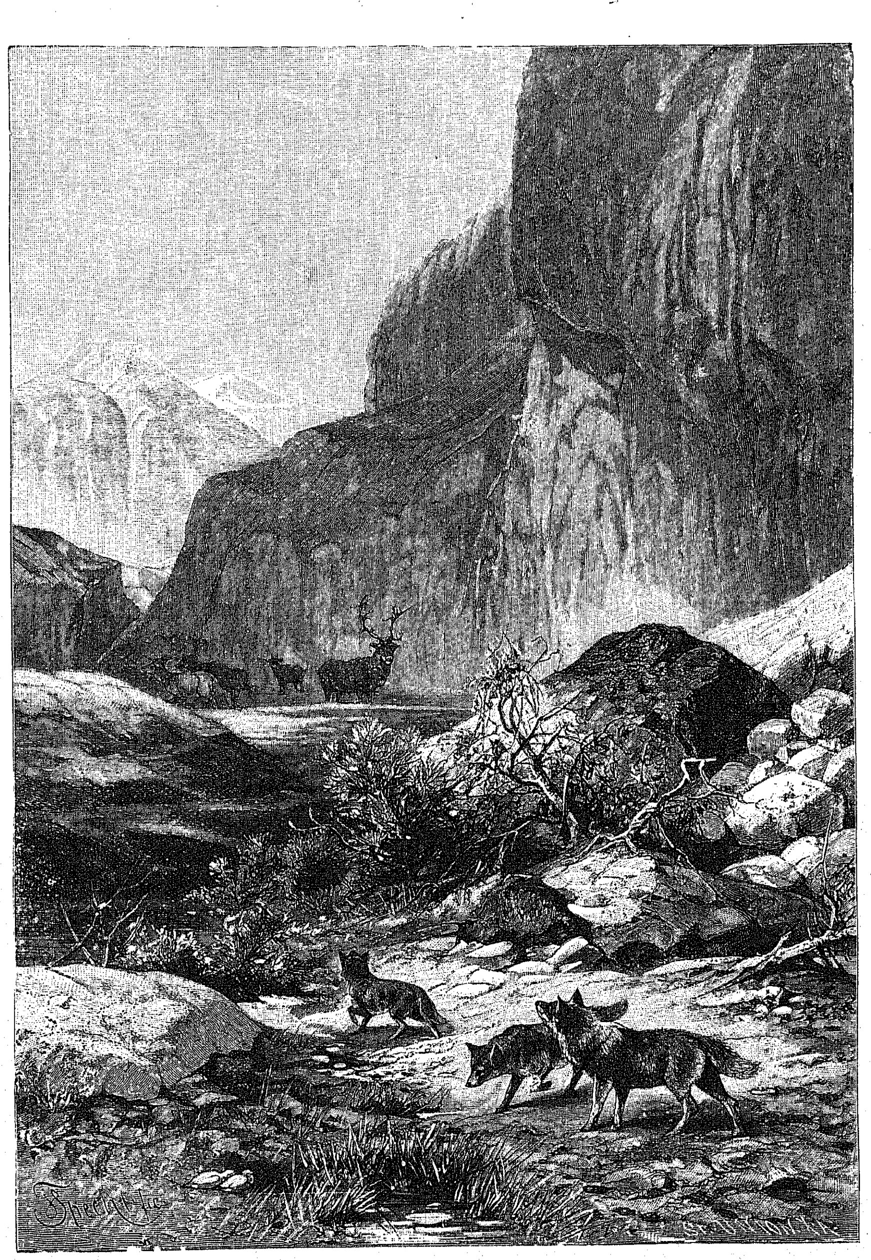
Съ собакой онъ имѣетъ одно сходство — одну черту характера. Это необыкновенное стремленіе его къ общенію съ человѣкомъ. Къ человѣку вообще онъ относится враждебно, но его скоро можно приручить. Даже взрослые и старые шакалы становятся быстро ручными и ласкаются къ человѣку, какъ собаки.

Другое свойство, рѣзко отличающее его отъ волка, это легкое сближеніе его съ собакой. Отъ шакала и собаки родится помѣсь — еще болѣе ручная, чѣмъ самъ шакалъ, и эту помѣсь очень трудно отличить отъ нашихъ обыкновенныхъ дворняжекъ.

Сходство шакала съ небольшимъ волкомъ до того велико, что древніе авторы даже называли шакала *золотымъ волкомъ*, хотя въ цвѣтѣ его шерсти нѣтъ ничего похожаго на золото. Цвѣтъ этотъ просто рыжій, болѣе темный на спинѣ и свѣтлый на брюхѣ. Замѣчательно, что этотъ красно-желтый, слегка буроватый цвѣтъ попадается у очень многихъ собакъ. Красная или красно-желтая лисица, красно-желтые фенеки и многіе, очень многіе виды собакъ имѣютъ этотъ красно-желтый цвѣтъ.

Но еще замѣчательнѣе то, что два вида собакъ: песецъ и шакалъ — представляютъ, какъ бы гигіеническихъ стражей—ассенизаторовъ, избавляющихъ туземное населеніе отъ всякихъ вредныхъ отбросовъ. То, что дѣлаетъ песецъ на сѣверѣ, дѣлаетъ шакалъ на югѣ. Стаи песцовъ съ нахальствомъ и жадностью бросаются на все съѣдобное—на всякую падаль и мертвечину, на всякіе отбросы. То же совершаютъ и стаи шакаловъ въ юго-восточныхъ странахъ, въ степяхъ и степныхъ мѣстностяхъ Азіи и Африки.

Песецъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія уже привыкъ къ человѣку. Онъ потерялъ свою дикую неосторожность. Онъ уже не слѣдитъ за человѣкомъ съ такимъ жаднымъ, дѣтскимъ любопытствомъ, съ какимъ онъ слѣдовалъ за нимъ во времена Стеллера. Онъ сдѣлался трусливъ, робокъ, остороженъ и осмотрителенъ. Шакалъ до сихъ поръ такъ же нахаленъ и надоѣдливъ. Стаи его до сихъ поръ, на востокѣ, бродятъ около домовъ или палатокъ и при всякомъ удобномъ случаѣ съ нахальствомъ врываются въ эти дома и утаскиваютъ все, что имъ попадетъ на зубы. Будетъ ли это старая подошва, брошенная кожаная сумка, старая одежда или какая-нибудь металлическая вещь, которая ни на что не нужна этому дикому звѣрю-вору. Онъ утаскиваетъ все въ свое жилище, чтобы удовлетворить свою страсть къ воровству. Утаскивать и прятать—составляетъ его органическую потребность.

Шакалы.

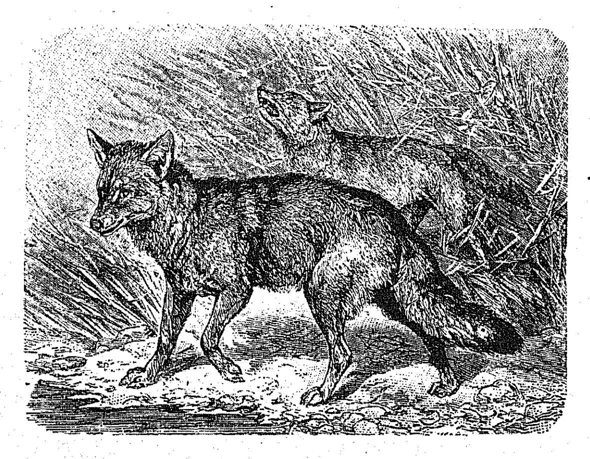
Когда стаѣ шакаловъ удастся убить какое-нибудь крупное животное, то они утаскиваютъ трупъ его въ какое-нибудь укромное мѣсто и, только убѣдившись, что никто ихъ не потревожитъ, съ жадностью принимаются ѣсть его.

«Одинъ разъ вечеромъ,—разсказываетъ одинъ путешественникъ по Персіи,—я возвращался поздно вечеромъ въ деревушку Эльхокаръ. Какъ вдругъ услыхалъ за собой тихій шорохъ и топотъ маленькихъ ножекъ. Я оглянулся, за мной слѣдовалъ большой шакалъ, а за нимъ шла цѣлая стая. Какъ только я обернулся, онъ отпрыгнулъ въ сторону, и вся стая бросилась въ разсыпную. Я снова двинулся въ путь, но не прошло и минуты, какъ я опять услыхалъ тотъ же шорохъ и опять стая шла за мной. Они проводили меня почти до самаго Эльхокара».

Другой путешественникъ по Индіи, — Сандерсонъ, — разсказываетъ слѣдующій эпизодъ изъ образа жизни шакала. «Одинъ разъ, вечеромъ, я сидѣлъ, — говоритъ онъ,—около быка, загрызеннаго тигромъ, сидѣлъ съ ружьемъ, заряженнымъ пулей. Три шакала подошли къ трупу. Двое подошли еще до заката солнца; они подошли тихо, осторожно, оглядываясь по сторонамъ, присѣдая къ землѣ, обнюхивая воздухъ, словомъ, какъ всегда, сильно трусили. Послѣ многихъ приступовъ они подошли къ добычѣ и вдругъ отскочили назадъ и остановились въ ожиданіи, что тотчасъ же явится тигръ и нападетъ на нихъ. Наконецъ, одинъ быстро подошелъ къ мертвому быку и жадно, торопливо, громко чавкая и щелкая зубами, началъ ѣсть его. Другой въ это время стоялъ и оглядывался. Это былъ часовой. Вдругъ этотъ караульщикъ съежился, ощетинился, навострилъ уши. Я думалъ, что подходитъ тигръ. Но это былъ третій шакалъ, котораго двое явившихся раньше видимо не хотѣли допустить къ добычѣ. Онъ молча подошелъ и сѣлъ, очевидно желая дожидаться своей очереди. Прошло около получаса. Первый шакалъ продолжалъ обжираться. Караульщикъ терпѣливо продолжалъ стоять на часахъ. Вдругъ оба съ испугомъ отскочили, заворчали и всѣ неподвижно уставились на одно темное мѣсто подъ тѣмъ деревомъ, подъ которымъ я сидѣлъ. Я насторожился. Шакалы заметались, запрыгали и вдругъ начали громко, жалобно визжать. Они увидѣли тигра и, какъ всегда передъ крупнымъ звѣремъ, старались своимъ визгомъ его разжалобить. Затѣмъ они убѣжали, а внизу около дерева, на которомъ я сидѣлъ, раздались тихіе, но тяжелые шаги, и тигръ вышелъ на свѣтъ мѣсяца. Я прицѣлился и выстрѣлилъ. Тигръ заворчалъ громко, яростно и побѣжалъ, но, не сдѣлавъ и 80 шаговъ, испустилъ предсмертный стонъ».

Шакалъ надоѣдаетъ, не только какъ постоянный воръ и хищникъ, нападающій даже на овецъ или на куръ, но онъ несносенъ по своему голосу, по своему отчаянному,

протяжному, жалобному вою, который раздается почти каждую ночь. Этотъ вой, похожій на стонъ ребенка, невольно пугаетъ непривыкшаго къ нему, въ особенности, если раздается въ тиши ночи. Шакалы воютъ и лаютъ всегда, по всякому поводу. Они воютъ голодные и сытые, они воютъ надъ трупомъ убитаго животнаго, поѣдая этотъ трупъ, и воютъ въ собственномъ логовѣ или собственной норѣ. Въ этомъ воѣ выражается безразлично ихъ горе и радость. Это просто роковой рефлексъ, еще не доразвившійся до сознательнаго выраженія того или другого

Шакалъ.

чувства. Это тѣмъ болѣе странно, что тоны этого воя или лая весьма разнообразны. Слѣдовательно представляютъ богатый матеріалъ для выработки выраженія различныхъ чувствъ.

Шакалъ представляетъ, въ этомъ случаѣ, совершенную противоположность нашему угрюмому, молчаливому сѣрому бирюку-волку. Въ шакалѣ нѣтъ скрытной угрюмости. Онъ экспансивенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ остороженъ. Онъ представляетъ какую-то смѣсь довѣрчивости и осторожности. Какъ всѣ дикія животныя, не видавшія человѣка, онъ нахально, съ любопытствомъ песца, нападаетъ на него или на его вещи. И въ этомъ случаѣ онъ представляетъ какъ бы элементарную низшую расу изъ всего собачьяго рода. Нѣкоторые натуралисты желали бы вывести изъ него всѣ виды этого рода. И дѣйствительно шакалъ представляетъ всѣ признаки другихъ видовъ собаки— внѣшніе и внутренніе, психическіе.

Складъ всего его тѣла подходитъ къ складу лисицы, морда и хвостъ также напоминаютъ лисицу. Но въ тоже время онъ напоминаетъ и волка. Это приземистый волкъ— тотъ черный волкъ, отъ котораго, вѣроятно, произошли и сѣрый волкъ, и наша домашняя собака. Песецъ также очень близко подходитъ къ шакалу, по величинѣ, складу, хвосту, а еще болѣе по его привычкамъ и образу жизни.

Но главная черта, сближающая шакала съ собакой, это—его быстрое прирученіе и привязчивость къ человѣку. Воспитанный человѣкомъ съ дѣтства, шакалъ ничѣмъ, или почти ничѣмъ, не отличается отъ дворовой собаки.

7. Гіена.

Гіена—это оборотная сторона медали. Это полная противоположность всѣхъ добрыхъ свойствъ и качествъ, которыя мы видимъ въ нашей домашней собакѣ и даже во всемъ собачьемъ родѣ.

Несимпатичная по ея внутреннимъ, психическимъ качествамъ, несимпатичная по ея образу жизни, несимпатичная по ея наружному виду, она служитъ предметомъ всеобщаго отвращенія у всѣхъ народовъ и во всѣхъ странахъ, гдѣ она водится.

Нельзя сказать, чтобы ея фигура, ея видъ былъ ужасенъ и безобразенъ до отвратительности, но въ этой фигурѣ есть что-то до крайности непріятное, сразу отталкивающее, и еще болѣе отталкивающее, когда вы будете вглядываться въ эту фигуру и въ ея злобную, дикую физіономію, напоминающую отчасти физіономію рыси.

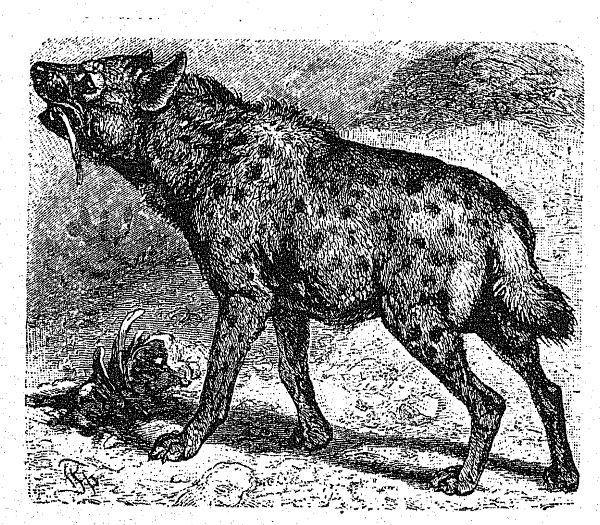
Представьте себѣ черную, коротконосую, какъ бы обрубленную морду, готовую каждую минуту ощетиниться и показать вамъ бѣлые, острые зубы, морду угрюмую, нахмуренную, небольшіе глаза которой, тусклые, зеленоватые блестятъ злобнымъ огонькомъ. Наконецъ, остроконечныя, прямо торчащія уши придаютъ этой мордѣ еще болѣе свирѣпый и злобный характеръ. Голова несоразмѣрно велика, но крѣпко держится на толстой короткой шеѣ, а нѣкоторые изъ шейныхъ позвонковъ сростаются своими сильно развитыми остистыми выростками, для того чтобы дать опору сильнымъ мышцамъ. Послѣ этого понятно, почему гіена можетъ уносить въ зубахъ тѣло очень большого животнаго и почему нельзя вырвать изъ стиснутыхъ зубовъ ея добычу.

Но самое характерное въ фигурѣ гіены, чѣмъ она отличается отъ всѣхъ другихъ звѣрей, это—сильная покатость ея спины и постоянное присѣданіе на заднія лапы.

Это также зависитъ отъ особеннаго устройства ея тазовыхъ костей. Она можетъ бѣгать не иначе, какъ въ припрыжку, какъ бы прихрамывая или припадая на обѣ заднія ноги.

Спина ея покрыта длинными жесткими волосами, которые всегда приподнимаются и стоятъ торчмя, если только гіена зарычитъ и обозлится, а это почти обыкновенное ея состояніе. Сильными крѣпкими челюстями она разгрызаетъ голенныя кости быковъ. Шерсть на ней никогда ни лежитъ гладко, а торчитъ лохмами въ разныя стороны. Сзади мотается также лохматый, короткій хвостъ.

Таковъ общій обликъ этого страннаго животнаго, стоящаго на полдорогѣ между собаками и кошками.

Гіена пятнистая.

Ноги гіенъ, въ особенности переднія, чрезвычайно сильны и оканчиваются толстыми крѣпкими пальцами и когтями. Благодаря имъ гіены легко разрываютъ землю и вырываютъ норы.

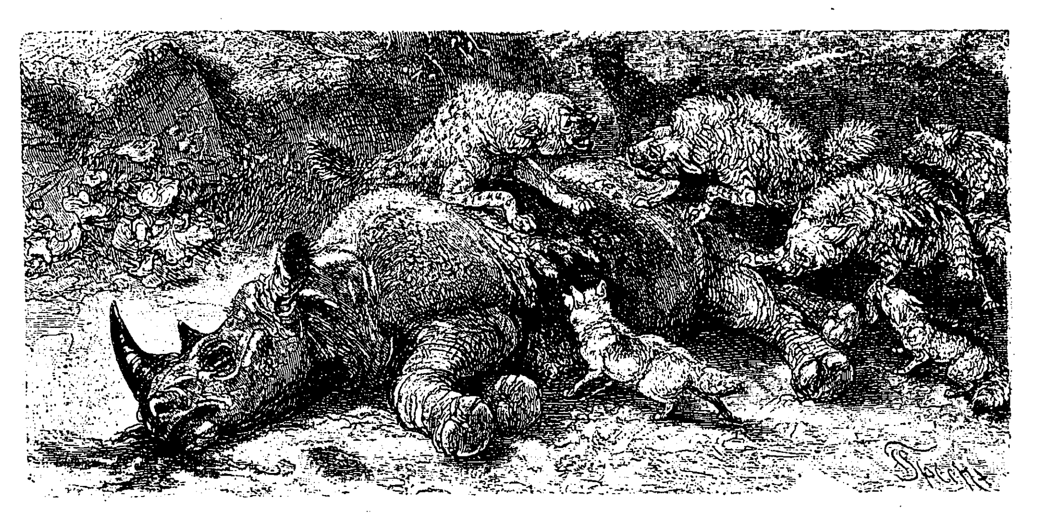
Шерсть на нихъ сѣрая, испещренная полосами (полосатая гіена) или пятнами (пятнистая гіена). Есть одна гіена, южно-африканская, покрытая довольно длинной черной шерстью, которая свѣшивается съ ея спины, съ черной мордой и пестрыми, полосатыми ногами.

Внутреннія качества этихъ отвратительныхъ животныхъ вполнѣ отвѣчаютъ ихъ внѣшнему виду. Гіена— злобное, эгоистичное и трусливое животное. Она каждую минуту передъ каждой кажущейся опасностью готова откинуться назадъ и убѣжать. Можетъ быть ея тѣло,

присѣвшее на заднія ноги, и представляетъ слѣдствіе этого постояннаго трусливаго движенія. Днемъ она спитъ въ своей неглубокой норѣ и только съ наступленіемъ вечера или даже ночью выходитъ изъ нея и долго обнюхиваетъ воздухъ, чтобы услыхать въ немъ тяжелый запахъ падали — ея любимую и привычную пищу. Она не только не хочетъ, но она и не можетъ питаться ничѣмъ другимъ, какъ полугнилымъ, размякшимъ мясомъ.

Такъ уже устроены ея зубы, которые не могутъ растеребливать свѣжее мясо, мышцы только что убитаго животнаго. Гіена, это—настоящій «гробокопатель» и пожиратель мертвецовъ. Стаи ея вмѣстѣ съ стаями шакаловъ постоянно бродятъ вокругъ кладбищъ и нюхаютъ, не зарытъ ли гдѣ-нибудь небрежно, не глубоко трупъ покойника. Тогда они откапываютъ его и поѣдаютъ. Въ прежнія времена, когда было больше столкновеній и войнъ между сосѣдними племенами, гіенамъ и неразлучнымъ ихъ спутникамъ—шакаламъ былъ почти вездѣ готовъ открытый, даровой пиръ. Теперь же... впрочемъ, и теперь эти условія очень мало измѣнились...

Въ темную африканскую ночь, только что красный, кровавый мѣсяцъ поднимется изъ-за горизонта, гіены, какъ кошки, черными тѣнями снуютъ неслышно, обнюхиваютъ и воздухъ, и землю, роются то тамъ, то здѣсь и вдругъ поднимаютъ почти общій отчаянный крикъ. Этотъ крикъ пугаетъ среди ночи даже не робкую душу арабовъ. Это собственно не крикъ, а какой-то неистовый адскій хохотъ, въ которомъ слышится стонъ и плачъ ребенка.

Полосатыя и пятнистыя гіены и шакалы нападаютъ на трупъ носорога.

У арабовъ сохранилось не мало разсказовъ о трагическихъ, семейныхъ случаяхъ, въ которыхъ гіены играли главную роль. Вотъ одинъ изъ этихъ разсказовъ.

«Около Хартума жило бѣдное семейство арабовъ, состоявшее изъ отца, матери—очень красивой женщины, старой сѣдой бабушки и двухъ смуглыхъ, хорошенькихъ дѣтей—мальчика и дѣвочки. Отецъ Аби-эль-бенъ-Абабъ былъ бѣденъ, какъ почти всѣ арабы, но бѣдность его была только относительная, между арабами онъ считался почти богачемъ. У него было поле—довольно большой кусокъ земли, на которомъ росло нѣсколько финиковыхъ пальмъ. У него былъ конь настоящей арабской породы, котораго онъ не отдалъ бы за всѣ сокровища міра; было около десятка овецъ и вѣрная, хорошая охотничья собака—отличный бѣгунъ, которому завидовали всѣ его сосѣди. Нѣкоторое время Бенъ-Абабъ жилъ покойно, пока не начались междуусобныя войны махдистовъ и дервишей, и одновременно съ этими войнами начались нашествія шакаловъ и полосатыхъ гіенъ на деревушку Эльгефиръ, въ которой стояла палатка Бенъ-Абаба. Гіены были привлечены трупомъ павшей овцы, которую на другой же день (дѣло было вечеромъ) хотѣли зарыть поглубже, такъ какъ слухъ о посѣщеніи гіенъ началъ уже распространяться въ деревушкѣ. Ночью семья Бенъ-Абаба была разбужена крикомъ и лаемъ собакъ. Бенъ-Абабъ выскочилъ изъ своей палатки съ ружьемъ, но было уже поздно: гіены унесли двухъ овецъ, и онъ успѣлъ только выстрѣлить въ догонку имъ. Прошло двѣ ночи, и гіены снова посѣтили несчастнаго араба, но на этотъ разъ ихъ, вѣроятно, пришло болѣе двухъ, такъ какъ только одна овца осталась отъ всего стада, и то благодаря тому, что она въ смертельномъ страхѣ забилась въ колючую изгородь и прилегла къ землѣ. Это нахальное посѣщеніе взбудоражило всю деревушку. Арабы бѣгали по всѣмъ окрестностямъ, отыскивая хищниковъ, но имъ удалось отыскать и убить только одну гіену. Ночью они стали караулить палатку Бенъ-Абаба и стрѣлять изъ ружей, что, вѣроятно, сильно напугало трусливыхъ гіенъ. Онѣ пропали на цѣлыхъ двѣ недѣли, и арабы маленькой деревушки Эльгефиръ, въ которой жилъ Бенъ-Абабъ, рѣшили, что они, вѣроятно, перебрались въ другое мѣсто. Сердце старухи бабушки и жены Бенъ-Абаба, красавицы Гельджамалы, отдохнуло. Но какое-то злое предчувствіе не покидало старуху. Должно замѣтить, что всѣ арабы смотрятъ на гіенъ съ суевѣрнымъ страхомъ. Они считаютъ ихъ оборотнями, душами злыхъ людей, колдуновъ, которые по ночамъ превращаются въ гіенъ, чтобы мучить правовѣрныхъ и дѣлать имъ разныя бѣды. Бенъ-Абабъ теперь сталъ чуть не бѣднякомъ въ глазахъ своихъ сосѣдей. Гіены лишили его маленькаго стада овецъ. Но все-таки у него оставался его арабскій конь и вѣрная, дорогая собака Джальберъ. Наступилъ большой праздникъ, въ родѣ Рамазана, и Бенъ-Абабъ почти каждую ночь караулилъ съ вѣрнымъ Джальберомъ свою палатку. Онъ провелъ около нея безъ сна почти три ночи. На четвертую онъ задремалъ, облокотясь на ружье, и не слыхалъ ни лая, ни визга своего вѣрнаго Джальбера. На другой день далеко въ полѣ нашли мѣдный ошейникъ французской работы, который подарилъ ему одинъ французъ, да клочки шерсти дорогого Джальбера. Бенъ-Абабъ ходилъ какъ помѣшанный, досада и горе грызли его. Онъ ѣздилъ далеко въ горы, отыскивая воровъ—убійцъ его Джальбера. Но только измученный и усталый вернулся во свояси. Бабушка увѣряла всѣхъ, что Джальбера и овецъ унесли не гіены, а злой оборотень Бенъ-Ассанъ, дядя Бенъ-Абаба. Старуха каждую ночь выходила въ поле и съ дикими завываньями проклинала злого оборотня. Послѣ этого прошло не болѣе трехъ дней, и страшное горе разразилось надъ палаткой Бенъ-Абаба. Гіены унесли у него обоихъ дѣтей—мальчика и дѣвочку, унесли не ночью, но вечеромъ, на закатѣ солнца. Дѣти отошли не далеко отъ палатки въ поле. Въ это время тихо, не слышно подкрались двѣ гіены къ камню, за которымъ сидѣли дѣти, бросились на нихъ, загрызли и утащили ихъ. Дѣти даже не успѣли вскрикнуть. Говорятъ, что бабушка и Гюльджамала сошли съ ума, а Бенъ-Абабъ продалъ и палатку, и поле и перебрался на западъ къ бедуинамъ».

Брэмъ, идеализируя тѣхъ животныхъ, которыхъ удалось ему приручить, оправдываетъ также и двухъ гіенъ, которыхъ онъ воспиталъ и приручилъ или, правильнѣе говоря, сдѣлалъ ихъ не такими дикими и злобными

Гіены, когда онъ взялъ ихъ, были не больше маленькихъ таксъ. Глаза ихъ блестѣли въ темномъ сараѣ, въ которомъ они содержались, зеленоватыми огоньками. Когда онъ входилъ къ нимъ, то начинался непремѣнный хриплый крикъ и фырканье, и если гіенятъ кто-нибудь бралъ въ руки, то они жестоко кусались. Брэмъ началъ ихъ сильно бить, бить до тѣхъ поръ, пока гіенята перестали кусаться, фыркать и ворчать. Должно быть, эти побои были очень сильны и напоминали «смертный бой» нашего черпаго народа, потому что самъ Брэмъ признается, что онъ рѣшился лучше убить ихъ, чѣмъ быть ими искусаннымъ. Одного щенка изъ трехъ онъ даже убилъ, а два оставшихся гіененка, запуганные и забитые, наконецъ совсѣмъ присмирѣли. «Печально и неподвижно,— разсказываетъ Брэмъ,—лежали гіены весь слѣдующій день въ углу и не дотрогивались до ѣды. Съ той минуты строгость стала не нужна съ ними, упрямый нравъ ихъ былъ переломленъ, и онѣ подчинились мнѣ вполнѣ». Но тутъ же прибавляетъ: «только одинъ разъ мнѣ пришлось прибѣгнуть для ихъ усмиренія къ холодной ваннѣ». Отчего же, спрашивается, суровый воспитатель не прибѣгнулъ къ этому средству раньше, а прямолинейно прибѣгнулъ къ палкѣ?

«Послѣ трехъ мѣсяцевъ со дня покупки звѣрьковъ,— продолжаетъ Брэмъ,—я могъ играть съ ними, какъ съ собаченками, нисколько не опасаясь ихъ укусовъ. Они съ каждымъ днемъ больше и больше привязывались ко мнѣ и были до нельзя рады, когда я приходилъ къ нимъ. Они вскакивали съ радостнымъ воемъ, начинали прыгать вокругъ меня, клали переднія лапы мнѣ на плечи, обнюхивали мое лицо. Когда я желалъ взять ихъ къ себѣ въ комнату, то мнѣ стоило только открыть сарай, и обѣ немедленно шли за мной. Гіены прыгали вокругъ меня, какъ навязчивыя собаки, протискивались между моихъ ногъ и обнюхивали мое лицо и руки. Я могъ ходить съ ними по двору, нисколько не опасаясь, что которая нибудь изъ нихъ убѣжитъ... Я жилъ во 2-мъ этажѣ зданія, а сарай помѣщался въ нижнемъ этажѣ; это нисколько не смущало гіенъ. Онѣ очень хорошо умѣли ходить по лѣстницѣ и часто приходили въ мою комнату и въ моемъ отсутствіи. Для постороннихъ лицъ было очень странно и даже нѣсколько страшно видѣть, какъ мы вечеромъ пили чай. Около каждаго изъ насъ на полу сидѣла гіена, какъ хорошо воспитанная собака, спокойно усѣвшись на заднія лапы и прося подачки, какъ это обыкновенно дѣлаютъ собаки. Просьба ихъ выражалась тихимъ и хриплымъ кряканьемъ».

«Онѣ очень охотно грызли сахаръ, но ѣли также хлѣбъ, въ особенности намоченный въ чаю. Обыкновенную ихъ пищу составляли собаки... Мы ихъ кормили обыкновенно черезъ два или три дня, но одинъ разъ имъ пришлось голодать 8 дней, такъ какъ невозможно было достать корма. Нужно было видѣть, съ какою жадностью онѣ бросились на мертвую собаку: онѣ визжали, хохотали и мгновенно кинулись на добычу. Нѣсколькими ударами челюстей вскрыли онѣ грудную и брюшную полости, и черныя морды ихъ стали съ наслажденіемъ рыться во внутренностяхъ. Скоро нельзя было уже различить морды гіенъ, а только видны были двѣ темныя безобразныя массы, облѣпленныя кровью и слизью, которыя все еще прятались во внутренностяхъ тѣла собаки и, напившись крови, снова высовывались. Въ это время онѣ по жадности нисколько не уступали грифамъ. Черезъ полчаса послѣ начала кормленія мы обыкновенно находили только черепъ и хвостъ собаки, а все остальное даже ноги были съѣдены съ кожей, шерстью и костями!».

«Между собой плѣнницы жили въ большой дружбѣ, онѣ часто играли, какъ собаки: ворчали, тявкали, прыгали другъ черезъ друга, валялись по землѣ и въ шутку грызлись. Послѣ временной разлуки онѣ встрѣчались съ радостью, что ясно доказываетъ, что даже и гіены способны горячо привязываться другъ къ другу».

Я нарочно привелъ эту довольно длинную выписку изъ сочиненія Брэма, чтобы съ одной стороны представить яркую картину повадокъ хищности и кровожадности гіенъ, а съ другой показать увлеченіе автора тѣми двумя гіенами, которыхъ ему удалось воспитать и приручить до извѣстной степени. Дикій и упрямый характеръ этихъ животныхъ ярко проглядываетъ сквозь увлеченія Брэма. Несмотря на привязанность ихъ къ воспитателю и другъ къ другу—описаніе этой привязанности отзывается чѣмъ-то искусственнымъ, и гіена, даже благовоспитанная, всегда смотритъ какимъ-то дикимъ, кровожаднымъ и трупоѣднымъ животнымъ. Не смотря на всѣ ихъ ласки, радостные прыжки и знаки привязанности, имъ нельзя довѣриться, какъ и всякому дикому звѣрю. Положимъ, въ гіенѣ выраженъ больше типъ собаки, чѣмъ кошки, но коварство ихъ и дикость такъ же опасны, какъ въ какомъ-нибудь дикарѣ или сумасшедшемъ. Малѣйшая бездѣлица можетъ ихъ раздражить, вывести изъ себя и сдѣлать изъ ручного животнаго кровожаднаго и свирѣпаго звѣря. Притомъ во всякомъ случаѣ гіена въ умственномъ отношеніи стоитъ гораздо ниже всѣхъ хищниковъ. Не говоря объ идеально умныхъ, дрессированныхъ собакахъ, какъ напр. пуделѣ, она по разсудку и понятію ниже всякой полудикой собаки. Она ниже волка, лисы, фенека, песца. Это самый звѣрообразный, тупой типъ изъ всего собачьяго рода, и вотъ почему онъ кажется такимъ несимпатичнымъ и отвратительнымъ каждому непредубѣжденному наблюдателю.

Притомъ этотъ типъ очевидно элементарный, низшій типъ. Онъ ближе стоитъ къ неизвѣстному общему родичу, отъ котораго произошли и собаки, и волки, и лисицы, и всѣ типы собачьяго рода.

VI.

ГРУППА МЕДВѢДЕЙ.

Группа медвѣдей.

1. Бѣлый медвѣдь.

Двѣ области на земномъ шарѣ какъ бы обдѣлены природой. Это два конца земной оси — два полюса: сѣверный и южный. Тамъ царитъ страшный холодъ, тамъ въ полугодовой день солнце грѣетъ очень скупо, тамъ вѣчные льды и вѣчная зима, тамъ очень, очень бѣдныя условія для жизни, для существованія — и среди этихъ скудныхъ, суровыхъ условій живутъ, размножаются и даже наслаждаются жизнью полярныя животныя.

Что притягиваетъ ихъ къ полюсамъ? Почему они, какъ всѣ другія животныя, не ищутъ болѣе удобныхъ, болѣе легкихъ и благопріятныхъ условій для жизни?

Ихъ притягиваетъ прежде всего просторъ и ширь пространства, свобода жизни, къ которой они приспособились и привыкли. Громадному киту нѣтъ мѣста въ теплыхъ моряхъ, точно также какъ бѣлому медвѣдю непріятно и непривольно среди лѣсовъ и пустынь южныхъ странъ. Онъ приспособился, привыкъ къ крайнему сѣверу, къ полярнымъ, холоднымъ странамъ.

Въ жаркихъ степяхъ Африки царитъ левъ, въ холодныхъ, громадныхъ пустыняхъ полярныхъ областей царитъ бѣлый медвѣдь. Тамъ его царство, его власть и сила. Если порой, случайно громадный моржъ-сивучъ, вооруженный страшными бивнями, нападаетъ на бѣлаго медвѣдя, то эта схватка должна непремѣнно кончиться не въ пользу сивуча.

Бѣлаго медвѣдя нельзя назвать граціознымъ животнымъ. Въ немъ много медвѣжьей неуклюжести, присущей всѣмъ его собратьямъ, но въ сравненіи съ нашимъ бирюкомъ, бурымъ медвѣдемъ, онъ представляется болѣе легкимъ и удобоподвижнымъ, несмотря на его большія, широкія лапы, его тѣло длиннѣе и уже, слѣдовательно, можетъ свободнѣе изгибаться. Его ноги болѣе вытянуты, точно также какъ и морда, заканчивающая небольшую голову. На этой головѣ почти не видно ушей. Они почти не нужны бѣлому медвѣдю. Сильно развитыя, они мѣшали бы его земноводной жизни. Его слухъ не отличается особенной тонкостью, которая точно также ему не нужна. Для него нѣтъ опасности, которая грозила бы ему издалека и отъ которой могъ бы предостеречь его тонкій и острый слухъ. Онъ сильнѣе почти всѣхъ полярныхъ животныхъ, а тѣ, которыя сильнѣе его, какъ киты, моржи и морскіе львы, тѣ не нападаютъ, а бѣгутъ отъ него.

Холодныя бури, снѣгъ и льды — вотъ царство бѣлаго медвѣдя. Снабженный природой густымъ и длиннымъ подшерсткомъ, толстымъ пластомъ подкожнаго жира — онъ не боится холода. Морозъ даже въ 40 градусовъ — его родная стихія. И лѣтомъ, и зимой онъ носитъ свою природную бѣлую, теплую шубу, шерсть которой остается почти безъ перемѣны и лѣто, и зиму.

Перевезенный въ нашъ умѣренный климатъ, онъ очевидно страдаетъ во время лѣта. Тотъ, кто видалъ бѣлаго медвѣдя въ нашихъ звѣринцахъ, тотъ, вѣроятно, хорошо помнитъ, какъ въ жаркій день этотъ несчастный звѣрь томится отъ 25 или 30 градусовъ тепла, которые ему кажутся, вѣроятно, нестерпимѣе африканскихъ жаровъ. Стоя на одномъ мѣстѣ, онъ постоянно, какъ маятникъ, качаетъ головой и всѣмъ тѣломъ, не зная, куда дѣваться отъ невыносимой, убійственной духоты. По временамъ жалобный, протяжный стонъ вырывается изъ его сохнущей пасти. Его почти поминутно обливаютъ холодной водой. Жалко, тяжело смотрѣть на его мученья. Невольно при этомъ думаешь: можетъ быть эти мученья въ дѣйствительности гораздо сильнѣе, чѣмъ они намъ кажутся. Если память и представленія его сильны, то какое же страшное страданье среди окружающей его духоты и тѣсноты вспоминать ему просторъ и живительный холодъ снѣговыхъ равнинъ и ледяныхъ пространствъ, и шумъ и богатую жизнь холодныхъ волнъ полярнаго моря? Невольно вспоминается стихъ Данта:

«Nessun magior dolore, que ricordarsi dei tempi felice nella miseria» *).

Тамъ на его далекой, холодной родинѣ ему было все родное и знакомое. Онъ чувствовалъ себя вполнѣ свободнымъ гражданиномъ льдовъ, снѣговъ и полярныхъ бурь. Если злой вѣтеръ, дующій съ постояннымъ упорствомъ сильно обижалъ его, онъ преспокойно взбирался на ледяную гору, выступы которой вполнѣ защищали его отъ набѣговъ и порывовъ этого злого вѣтра. Не даромъ природа дала ему широкія ступни, почти сплошь густо покрытыя упругими волосами. Не даромъ она вооружила его лапы крѣпкими острыми когтями, съ помощью которыхъ онъ легко взбирается на ледяные утесы. Если же вблизи нѣтъ подъ рукой ледяной горы, то онъ спасается въ снѣжномъ сугробѣ. Онъ зарывается въ него вмѣстѣ съ головой и мордой, и тогда пусть дуетъ самый сильный полярный вѣтеръ, ни буря, ни стужа не заберутся въ его теплую снѣжную конуру. Они проносятся мимо, мимо надъ его головой, и только гулъ ихъ тихо и мирно баюкаетъ его, и онъ покойно засыпаетъ подъ эту музыку, какъ ребенокъ подъ пѣнье колыбельной пѣсни.

Случается ему порой слишкомъ понадѣяться на крѣпость и цѣпкость его когтей и сорваться съ довольно высокой ледяной горы. Онъ падаетъ, но падаетъ такъ же мягко, какъ куль, набитый сѣномъ. Его толстая шуба служитъ надежной защитой отъ непріятныхъ или опасныхъ паденій и ушибовъ.

Онъ видитъ далеко и ясно своими небольшими зоркими глазами, а чутье даетъ ему возможность различать на разстояніи нѣсколькихъ верстъ самые слабые запахи. Достаточно, чтобы гдѣ-нибудь былъ выброшенъ на берегъ бурей китъ, чтобы запахъ этой падали привлекъ цѣлую стаю бѣлыхъ медвѣдей. Путешественники разсказываютъ, что бѣлый медвѣдь чуетъ запахъ ворвани за нѣсколько верстъ. Точно также издалека его привлекаетъ запахъ убитаго тюленя.

И вотъ вооруженный всѣми этими удобствами, всѣми приспособленіями къ суровой обстановкѣ его жизни, онъ не боится ея невзгодъ, страшныхъ намъ, не приспособленнымъ къ этимъ невзгодамъ.

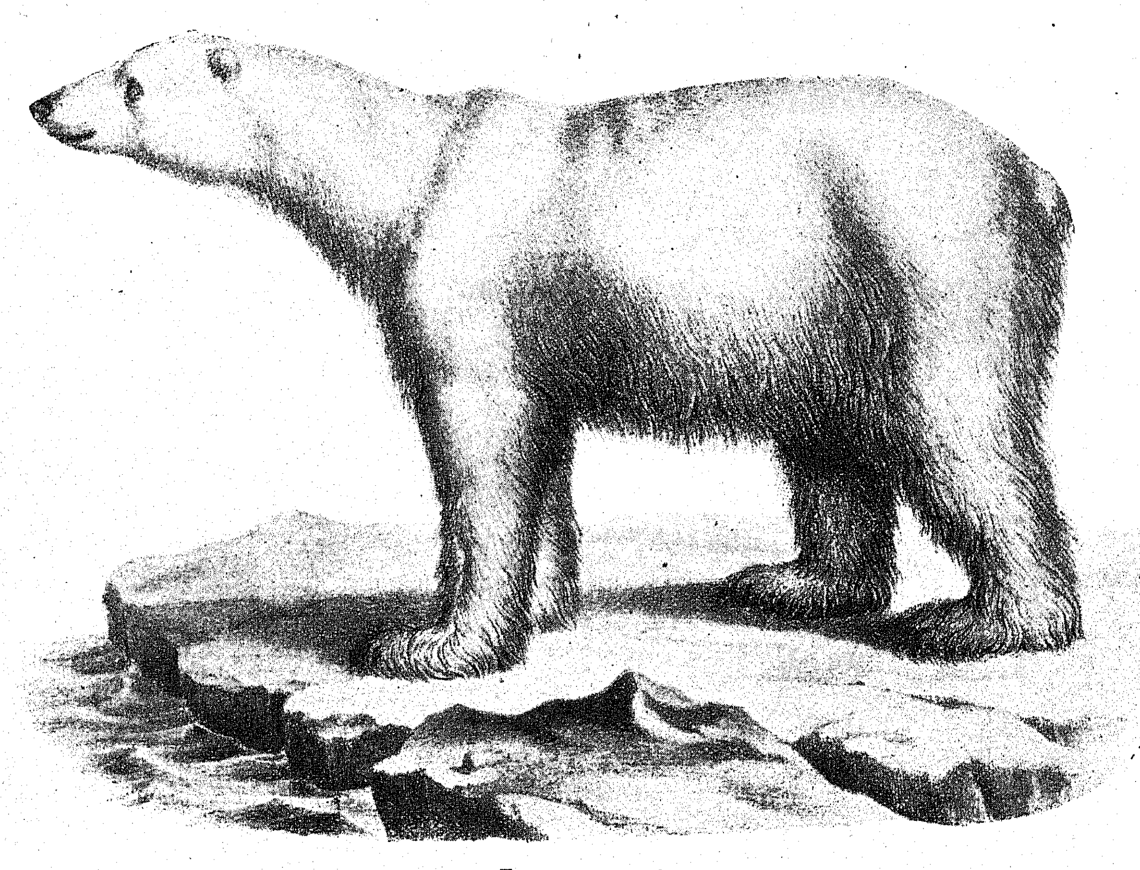
---

*) Нѣтъ сильнѣе горя, какъ воспоминаніе о временахъ счастливыхъ во время несчастія.

Выспавшись въ своей снѣжной конурѣ онъ свободно и смѣло выходитъ на холодный вѣтеръ на ловитву при 40 градусномъ морозѣ въ то время, когда его голодный желудокъ подастъ голосъ и затоскуетъ о пищѣ. Онъ сознаетъ, что онъ властелинъ этихъ ледяныхъ и снѣжныхъ пространствъ, и что ничто на нихъ ни въ водѣ, ни на сушѣ, не можетъ противиться его силѣ и средствамъ. Его скорѣе можно назвать морскимъ животнымъ, чѣмъ сухопытнымъ. Море доставляетъ ему для пищи матеріалъ еще болѣе обширный, чѣмъ ледяныя горы и поляны *). Его лапы приспособлены къ плаванію. Между его пальцами, при ихъ основаніи, скрыта плавательная перепонка, увеличивающая еще болѣе широкую площадь его ступни. Подкожный жиръ легко поддерживаетъ его и нѣсколько разъ путешественники встрѣчали его въ открытомъ морѣ. Каждый, наблюдавшій бѣлаго медвѣдя въ хорошо, удобно устроенныхъ звѣринцахъ, вѣроятно, видѣлъ съ какимъ наслажденіемъ онъ сидитъ въ водѣ, съ какой легкостью онъ плаваетъ въ водяномъ бассейнѣ, который дозволяетъ ему переносить тяжелый, убійственный для него жаръ нашего лѣта.

Отъ полярнаго моря бѣлый медвѣдь не отходитъ далеко. Если же случайно, во время зимнихъ ночныхъ вьюгъ, онъ заплутаетъ, то и здѣсь не вдается далеко на материкъ.

Лѣтомъ, во время возвращенія хода рыбы изъ рѣкъ, для бѣлаго медвѣдя настаетъ праздникъ. Онъ нападаетъ на табуны, идущіе изъ сѣверныхъ рѣкъ, и ѣстъ рыбу

Бѣлый медвѣдь.

въ водѣ. Онъ плаваетъ и ныряетъ, какъ хорошій пловецъ, и въ водѣ стремглавъ бросается на свою добычу, или тихо подкрадывается къ ней и хватаетъ ее неожиданно снизу.

Забавно видѣть, какъ иногда простодушный тюлень, выйдя изъ моря сквозь открытую продушину во льду, ложится подлѣ нея и чутко осматривается кругомъ. Онъ воображаетъ, что отсюда можетъ далеко все видѣть, а тѣмъ болѣе такого крупнаго врага, какъ бѣлый медвѣдь. Какъ только онъ покажется,—думаетъ тюлень,—я тотчасъ же нырну въ эту отдушину... И что же?! Вдругъ, прямо изъ этой отдушины, на него выскакиваетъ медвѣжья морда, какъ memento mori, и схватываетъ его за горло острыми зубами.

Терпѣнье бѣлаго медвѣдя весьма велико. По цѣлымъ часамъ онъ готовъ сидѣть у отдушины на льду и ждать, не покажется ли въ ней какая-нибудь добыча, за которой онъ мгновенно кидается вплавь и овладѣваетъ ею. Иногда онъ, вскорабкавшись на ледяную гору, долго слѣдитъ за движеніями тюленя, вѣроятно соображая: какъ можно овладѣть имъ?

Онъ можетъ свободно проплыть 5—6 верстъ въ часъ, до отвала. Въ это время онъ необыкновенно жирѣетъ, и нерѣдко вѣсъ его громаднаго тѣла достигаетъ до 15 пудовъ. При такомъ вѣсѣ длина его тѣла доходитъ до восьми и даже девяти футовъ. Въ это время бѣлые медвѣди соединяются цѣлыми ватагами.

Несмотря на обиліе животныхъ въ полярныхъ странахъ и на богатство средствъ для лова добычи, бѣлому медвѣдю нерѣдко приходится голодать въ его родномъ снѣжномъ царствѣ, когда южный или юго-восточный продолжительный вѣтеръ отгоняетъ къ сѣверу стада дельфиновъ, тюленей и рыбъ. Когда ни въ водѣ, ни на сушѣ нѣтъ пищи, тогда для него наступаетъ болѣе или менѣе продолжительный постъ. Голодный, угрюмый и озлобленный, онъ бродитъ по пустыннымъ равнинамъ, влѣзаетъ на ледяныя горы, мычитъ и рычитъ съ озлобленіемъ, раздражаемый голодомъ и надоѣднымъ холоднымъ вѣтромъ. Тогда горе всему живому, что попадется къ нему навстрѣчу. Въ такія минуты его силы и его дикость какъ бы удвоиваются, и онъ становится отваженъ и дерзокъ до самозабвенія. Онъ нападаетъ безъ всякаго разсчета, безъ всякой осмотрительности, только бы завладѣть тѣмъ живымъ, что попалось ему на глаза и что такъ сильно мучитъ и раздражаетъ его голодный аппетитъ.

*) Систематическое названіе бѣлаго медвѣдя: *Thalassarctos maritimus S. polaris,* т. е. сѣверо или полярно-*морской* медвѣдь.

Въ такое время въ концѣ февраля или началѣ марта бѣлый медвѣдь нерѣдко нападаетъ на жилье звѣроловов или путешественниковъ. Существуетъ довольно много разсказовъ о битвахъ съ бѣлымъ медвѣдемъ людей, которые принуждены были проводить зиму во льдахъ и снѣгахъ среди полугодовой полярной ночи. Они живутъ или въ деревянныхъ избахъ, какъ русскіе поселенцы и самоѣды на Новой Землѣ, или въ самоѣдскихъ палаткахъ изъ оленьихъ шкуръ, «чумахъ»—конической формы съ однимъ отверстіемъ для входа и выхода. Нерѣдко во время снѣжныхъ бурь такія жилища буквально заносятся снѣгомъ. Живущіе въ нихъ принуждены бываютъ высидѣть подъ снѣгомъ нѣсколько дней. И вотъ въ эти страшные дни или полугодовыя ночи среди воя бури и метели, они вдругъ слышатъ, какъ медвѣдь пробирается къ ихъ чуму, какъ онъ, привлеченный дымомъ, выходящимъ изъ верхняго отверстія, начинаетъ ломать верхушку чума.

Собаки, спящія всегда въ чумѣ, съ визгомъ, воемъ и лаемъ прыгаютъ на стѣнки чума, прыгаютъ по всѣмъ, лежащимъ въ немъ. Эта суматоха или, правильнѣе, пытка тянется нѣсколько минутъ, пока наконецъ одинъ изъ томимыхъ этимъ смертельнымъ страхомъ не выстрѣлитъ въ непрошеннаго гостя. Неожиданность этого выстрѣла, громъ его пугаютъ медвѣдя. Разсудокъ его беретъ верхъ надъ чувствомъ голода и злобы къ добычѣ, и онъ медленно, нехотя покидаетъ чумъ, смутно чувствуя здѣсь смертельную для себя опасность.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ одного маленькаго приморскаго городка Швеціи отправилась ранней весной партія звѣроловов на промыслы. Партія состояла изъ 12 человѣкъ, между которыми были всякіе, и храбрые:—и трусливые. Они отправились на крѣпкомъ, надежномъ, новенькомъ суднѣ, капитанъ котораго былъ Альбертъ Ольроге. Это былъ человѣкъ невысокаго роста, но очень крѣпкаго сложенія. Онъ восемь разъ уже ходилъ по Ледовитому морю. Безукоризненно храбрый, сильный и ловкій, онъ два раза былъ принужденъ схватываться въ рукопашную съ бѣлымъ медвѣдемъ. Приводимъ разсказъ его о послѣднемъ его столкновеніи съ «царемъ льда и холода».

«На шестой день плаванія мы были подъ 86° с. ш., немного сѣвернѣе Гольгена. Мы встрѣтили сплошной ледъ, дальше идти было нельзя. Мы должны были остановиться и подумать, какъ предохранить судно, чтобы его не затерло и не раздавило льдомъ, который напиралъ на насъ со всѣхъ сторонъ. Я велѣлъ выходить и разгружаться...

«Увѣрившись, что мы на твердомъ грунтѣ, мы разбили палатку. Былъ уже первый часъ ночи, когда я отправился съ молодымъ Гансомъ Гавлюке, чтобы еще разъ осмотрѣть окрестныя мѣста и увѣриться въ ихъ безопасности. Я предположилъ осмотрѣть кругомъ мѣстность на разстояніи радіуса въ ¼ мили отъ нашего становища. Гансъ Гавлюке самъ вызвался сопровождать меня. Онъ захватилъ длинную и крѣпкую жердь, на концѣ которой было насажено желѣзное остріе. Вооруженный этимъ копьемъ, онъ, опираясь на него, перепрыгивалъ черезъ трещины въ льдинахъ...

«Въ полуверстѣ отъ нашего судна мы встрѣтили большого медвѣдя-самца. Онъ лежалъ за льдиной, которая была перевернута и поставлена ребромъ. Все мѣсто, по которому мы шли, состояло изъ небольшихъ кусковъ льда, торчащихъ изъ подъ снѣгу. Они крайне затрудняли нашу ходьбу.

«Мы не дошли десятка саженъ до звѣря, какъ онъ уже учуялъ насъ и приподнялся съ глухимъ рычаньемъ изъ-за льдины. Онъ очевидно былъ изумленъ неожиданной встрѣчей и не вдругъ рѣшился напасть на насъ. Мы же не могли убѣжать отъ него, такъ какъ мелкія, набросанныя льдины сильно затруднили бы наше бѣгство.

Бѣлые медвѣди въ полярную ночь.

«Со мной было двуствольное ружье, заряженное пулями. Я взвелъ курокъ и сказалъ Гавлюке держаться позади меня. Но онъ вѣроятно не разслышалъ моего приказанія и выступилъ впередъ. Когда же я повторилъ мой приказъ и осадилъ его назадъ, то звѣрь въ это самое мгновенье напалъ на насъ. Трудно описать ту быстроту, съ которой онъ бросился въ атаку. Онъ сдѣлалъ нѣсколько гигантскихъ прыжковъ и, какъ вихрь, обрушился на насъ. Гансъ выставилъ ему свою длинную жердь-копье, и это копье было въ тоже мгновенье изломано въ щепы и отброшено. Затѣмъ медвѣдь схватилъ несчастнаго Гавлюке за шиворотъ и съ легкостью охотничьей собаки бросился бѣжать, дѣлая огромные прыжки. Я только что успѣлъ послать въ догонку ему двѣ пули одну вслѣдъ за другой, которыя вѣроятно не причинили ему опасной раны».

О подобномъ же случаѣ разсказываетъ извѣстный путешественникъ Скоресби. Когда всѣ матросы одного корабля, который въ Девисовомъ проливѣ былъ затертъ льдами, были заняты ужиномъ, къ нимъ подошелъ вплоть одинъ бѣлый медвѣдь, вѣроятно привлеченный запахомъ пищи, которую они ѣли. Одинъ храбрый молодой матросъ схватилъ жердь и спрыгнулъ на ледъ въ надеждѣ напугать его, но медвѣдь, не обращая никакого вниманія на жердь, которой онъ грозилъ ему, схватилъ его быстро за шиворотъ и бросился бѣжать, такъ что товарищи несчастнаго не успѣли подать ему никакой помощи.

Бѣлые медвѣди, какъ разсказываютъ нѣкоторые путешественники, ходятъ въ Гренландіи цѣлыми стадами во

сто и болѣе головъ. Эта скученность или общественность есть съ одной стороны слѣдствіе громадныхъ пустынныхъ пространствъ сѣвера, богатыхъ даже на ледяныхъ поляхъ, а тѣмъ болѣе въ морѣ—всякой пищей. Слѣдовательно, здѣсь нѣтъ причинъ для дракъ и неуживчивости. Съ другой стороны, это стремленіе соединяться въ стада есть слѣдствіе веселаго, общительнаго характера. Бѣлые медвѣди, въ особенности когда они молоды, любятъ бороться, играть и въ особенности кататься и валяться въ снѣгу. Путешественники разсказываютъ, что тамъ, гдѣ идетъ ихъ горячая игра, тамъ земля, покрытая снѣгомъ, укатана, какъ на ледяномъ каткѣ. Цѣлыя широкія полосы и клочья шерсти обозначаютъ мѣста, гдѣ эти сѣверные акробаты совершали свои игры.

Бѣлый медвѣдь остороженъ, но не пугливъ. Онъ осмотрителенъ и сильно любопытенъ. Каждый незнакомый ему предметъ притягиваетъ его вниманіе. Въ 1786 г.,—разсказываетъ путешественникъ Грэгемъ,—служитель въ компаніи Гудзонова пролива, проходя мимо ивовыхъ кустовъ, вдругъ встрѣтилъ бѣлаго медвѣдя, который лежалъ въ этихъ кустахъ. У служителя не было никакого оружія, и, разумѣется, онъ считалъ себя погибшимъ. Медвѣдь медленно поднялся, вытянулся и сталъ обнюхивать воздухъ, а въ это время встрѣтившій его, не зная, что дѣлать, снялъ съ плеча мѣшокъ и протянулъ медвѣдю. Медвѣдь обнюхалъ мѣшокъ, въ которомъ были каравай хлѣба и боченокъ крѣпкаго пива, затѣмъ, удовлетворивъ свое любопытство, спокойно повернулся и отошелъ въ сторону. Очевидно, онъ былъ сытъ, и дѣло вовсе его не касалось. Еще болѣе очевидно, что въ бѣломъ медвѣдѣ нѣтъ той кровожадности, какъ въ куницѣ, хорькѣ, ласкѣ и т. п., которая затемняетъ разсужденіе и повелительно тянетъ къ пролитію крови.

Одинъ матросъ, застигнутый на льду бѣлымъ медвѣдемъ, бросился отъ него бѣжать и, разумѣется, этимъ только привлекъ его вниманіе. Медвѣдь кинулся за нимъ вдогонку. Матросъ, видя, что ему не спастись бѣгствомъ, въ особенности по неровной снѣговой плоскости, и не зная, что ему дѣлать, бросилъ въ него то копье, съ которымъ онъ нападалъ на него. Медвѣдь остановился, обнюхалъ это копье, въ одно мгновенье изгрызъ его, изломалъ въ щепы и снова погнался за убѣгавшимъ матросомъ. Тогда несчастный бѣглецъ бросилъ въ него одну изъ своихъ теплыхъ перчатокъ, которую медвѣдь точно также обнюхалъ, тщательно осмотрѣлъ и растеребилъ. Вслѣдъ за этой перчаткой была брошена другая, которая подверглась той же участи. За перчаткой полетѣла шапка матроса, но когда и эта шапка была также осмотрѣна и изгрызена, тогда несчастный матросъ, задыхаясь отъ усталости, думалъ уже, что насталъ конецъ его жизни; къ счастью въ это время замѣтили его товарищи и прибѣжали на помощь. Медвѣдь остановился на минуту, какъ бы обдумывая, что ему дѣлать. Затѣмъ, медленно повернулся и тихо пошелъ прочь, оглядываясь и ворча.

Одинъ капитанъ китоловнаго судна хотѣлъ поймать медвѣдя силкомъ, съ тѣмъ чтобы сохранить цѣльною его шкуру. Онъ насторожилъ петлю изъ крѣпкой веревки и положилъ для приманки кусокъ китоваго жиру. Медвѣдь схватилъ жиръ и хотѣлъ съ нимъ удалиться, но его нога запуталась въ петлю. Тогда онъ отложилъ кусокъ жира въ сторону, тихонько снялъ лапой петлю съ своей ноги, а затѣмъ схватилъ жиръ и ушелъ съ нимъ. Разлакомившись этимъ кускомъ, медвѣдь пришелъ вторично, а во время его отсутствія снова насторожили петлю и положили новый кусокъ жиру. Но медвѣдь былъ уже наученъ. Онъ осторожно отодвинулъ петлю, снова получилъ даровой кусокъ и ушелъ съ нимъ благополучно. Тогда насторожили въ третій разъ петлю, но зарыли ее глубоко въ снѣгъ, а приманку положили въ самую середину петли. Медвѣдь опять пришелъ. Долго обнюхивалъ все мѣсто, гдѣ лежалъ силокъ, разрылъ снѣгъ, снова отодвинулъ прочь веревку и, схвативъ кусокъ, преспокойно ушелъ съ нимъ.

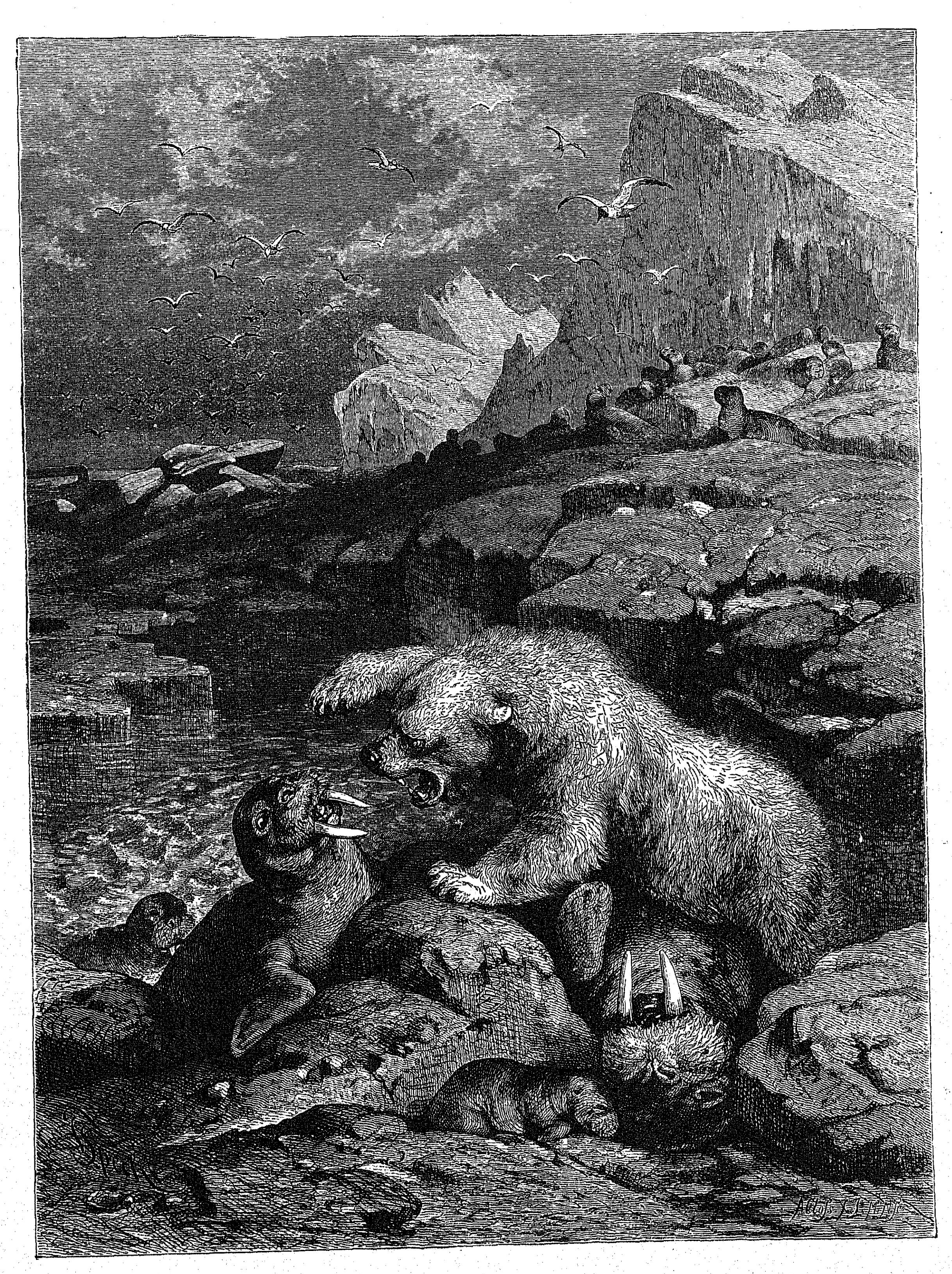
Разсматривая жизнь бѣлаго медвѣдя и тѣ суровыя условія, въ которыхъ она проходитъ, невольно задаешься вопросомъ, откуда же берутся добрыя черты его характера. Онъ долженъ бы быть постоянно угрюмымъ, озлобленнымъ, ни къ чему не привязаннымъ, ничего не любящимъ. Откуда берется игривость у медвѣжатъ? Постоянно среди опасностей, невыносимо холоднаго климата, полярныхъ бурь и льдовъ, казалось бы, всѣ поползновенія къ свѣтлымъ, добрымъ проявленіямъ нрава должны заглохнуть и исчезнуть. Но въ жизни каждаго животнаго, также какъ и человѣка, много значитъ привычка и приспособленіе. Примѣнившись, привыкши къ холодному, жестокому климату, бѣлый медвѣдь чувствуетъ себя среди него точно также привольно и удобно, какъ и всякое животное среди его родного климата. Онъ радуется холоду, какъ мы радуемся теплу. Онъ привязанъ къ льдамъ, бурямъ, морозамъ и еще болѣе онъ привязанъ къ своимъ собратьямъ. Ни у одного путешественника мы не находимъ разсказовъ о конкуренціи самцовъ бѣлыхъ медвѣдей, объ ихъ соперничествѣ, объ ихъ озлобленныхъ дракахъ. Самцы мирно уживаются и покойно встрѣчаются другъ съ другомъ. Въ нравахъ бѣлаго медвѣдя, гдѣ-то въ глубинѣ его психической организаціи, лежитъ что-то доброе, не смотря на его кажущуюся свирѣпость. При взглядѣ на физіономію бѣлаго медвѣдя невольно видишь, что въ его грустномъ взглядѣ проглядываетъ что-то доброе и печальное.

Послѣ этого не удивительно, что бѣлая медвѣдица-мать чувствуетъ живѣйшую привязанность къ своимъ маленькимъ. Всѣ, посѣщавшіе полярныя страны и наблюдавшіе жизнь бѣлаго медвѣдя, единогласно разсказываютъ объ этой привязанности.

Бѣлая медвѣдица приноситъ отъ одного до трехъ медвѣжатъ. Маленькіе они очень красивы и величиной не больше кролика. Мягкая, пушистая, длинная и шелковистая шерсть ихъ чистаго бѣлаго цвѣта придаетъ имъ особенную прелесть. Впослѣдствіи эта шерсть желтѣетъ, какъ полагаютъ, отъ рыбьяго жиру. Молодые медвѣжата всюду слѣдуютъ за матерью. Когда устанутъ, они взлѣзаютъ на ея спину, и она несетъ ихъ по льду или плыветъ съ ними по морю.

Я привожу здѣсь одинъ изъ трогательныхъ разсказовъ, который передаютъ матросы съ корабля «La Carcasse». Ихъ корабль былъ затертъ льдами. Одинъ разъ невдалекѣ отъ него появилось трое медвѣдей: мать и два медвѣженка почти такой же величины, какъ и она. Ихъ привлекъ, вѣроятно, запахъ свѣжаго мяса тюленя, туша котораго лежала тутъ же на снѣгу, Всѣ трое, подойдя близко къ огню, вокругъ котораго сидѣли матросы, вдругъ разомъ, всѣ вмѣстѣ, бросились на мясо тюленя и, оторвавъ отъ него большой кусокъ, отбѣжали и почти мгновенно сожрали его. Тогда матросы начали отрѣзывать отъ тюленя и бросать имъ одинъ кусокъ за другимъ. Мать ловила эти куски и передавала ихъ дѣтямъ. Наконецъ матросы бросили еще кусокъ, и въ то время, когда мать ловила его, они прицѣлились и положили на мѣстѣ обоихъ медвѣжатъ, причемъ ранили также и мать. Но она очевидно нисколько о себѣ не заботилась. Едва двигаясь, она поймала кинутый ей кусокъ и притащила его къ одному изъ медвѣжатъ, но медвѣженокъ не двигался. Она подошла къ другому, и тотъ лежалъ также неподвижно. Она пыталась поднять ихъ, и когда поняла, что всѣ старанія ея напрасны и что ея дѣти уже не встанутъ, тогда она громко, жалобно завыла. Затѣмъ отошла отъ нихъ какъ бы въ раздумьѣ и завыла еще громче. Она снова подошла, обнюхала ихъ и опять начала жалобно звать ихъ. Медвѣжата не трогались. Долго еще она ходила кругомъ, выла и звала своихъ дѣтей. Наконецъ еще разъ обнюхала ихъ и, здѣсь вѣроятно убѣдившись, что ихъ уже нельзя поднять, она повернулась къ кораблю

и вся, ощетинившись, зарычала съ такой яростью и отчаяньемъ, что, казалось, могла въ этотъ мигъ убить всѣхъ матросовъ. Въ отвѣтъ на ея яростный ревъ въ нее полетѣло нѣсколько дружныхъ выстрѣловъ. Она упала

Бой бѣлаго медвѣдя съ моржемъ.

подлѣ труповъ своихъ дѣтей и, хотя не могла уже встать, но, умирая и слабѣя, лизала ихъ раны.

Привязанность матери къ дѣтямъ начинается съ перваго появленія ихъ на свѣтъ,—появленія въ той берлогѣ, которая служитъ медвѣдицѣ убѣжищемъ на всю зиму. Эта берлога просто яма, которую она выкапываетъ въ снѣгу. Нерѣдко ее заноситъ совсѣмъ снѣгомъ, и она спитъ подъ нимъ вмѣстѣ со своими медвѣжатами. Нѣкоторые путешественники утверждаютъ, что каждая медвѣдица спитъ всю зиму, а медвѣдь рѣдко ложится и всю зиму проводитъ въ поискахъ за пищей. Но это едва ли вѣрно.

Въ мартѣ или апрѣлѣ мѣсяцѣ приходитъ время уходить вонъ изъ снѣжной берлоги. Медвѣжата, питавшіеся всю зиму молокомъ матери, къ этому времени достигаютъ величины козленка или пуделя и становятся сильными, крѣпкими и необыкновенно жирными. Мать ихъ, напротивъ, сильно исхудавшая за зиму, съ большимъ усиліемъ выгребается изъ подъ снѣгу, которымъ завалена ея

берлога. Жиръ ея пропалъ, онъ весь ушелъ на зимнее питанье ея тѣла. Съ радостью вылѣзаетъ вся семья изъ снѣжной, темной тюрьмы на первые лучи апрѣльскаго солнца, которое еще не показывается изъ-за горизонта, но уже чувствуется разсвѣтъ и конецъ длинной, полугодовой, полярной ночи.

Угрюмая, дикая и величественная природа сѣвера. Льды и холодные туманы окутываютъ ее. Голая земля, едва прикрытая низкорослыми травами, мхомъ и лишаями. Бѣдная чахлая растительность! Все скудно, сурово, холодно. Громадныя ледяныя пространства, постоянный шумъ и гулъ холоднаго моря, трескъ высокихъ ледяныхъ горъ, грозно плавающихъ по волѣ вѣтра въ этомъ холодномъ морѣ. Повсюду, куда ни оглянешься, голые камни, утесы и только живое населеніе—звѣри и птицы придаютъ тѣнь одушевленія этой мертвой пустынѣ. Стада моржей и тюленей залегаютъ на прибрежьѣ, на камняхъ и льдинахъ. Тучи птицъ носятся съ крикомъ по воздуху. И среди этого скуднаго движенья идетъ та же борьба за жизнь, за птицу, за кусокъ земли. Бѣлый медвѣдь царитъ безраздѣльно среди этого холоднаго царства. Но и его нужда заставляетъ вступить въ борьбу съ моржемъ или короткомордымъ сивучемъ, съ чудовищемъ, вооруженнымъ громадными бивнями. Порой случается ему вступать въ битву и со всей его семьей. Вотъ моржъ и моржиха взлѣзли на камень, маленькій моржёнокъ тоже взлѣзъ вслѣдъ за ними. Но голодный бѣлый медвѣдь подкрался ползкомъ и однимъ ударомъ страшной лапы уложилъ моржёнка на мѣстѣ. Тогда отецъ кинулся на сѣвернаго разбойника, но этотъ разбойникъ той же страшной лапой, которой ловкимъ ударомъ убилъ сына, оглушилъ и отца. Сивучъ перекувырнулся, оглушенный, почти мертвый, и легъ плашмя на спину. Но тутъ вступилась мать за отца и сына... А тамъ подплываютъ еще моржи, чтобы общими силами побѣдить этаго хищнаго царя Ледовитаго океана. Но едва ли имъ удастся эта побѣда. Если медвѣдь не сможетъ одолѣть ихъ на водѣ, то онъ выскочитъ на берегъ и спасется отъ нихъ на горы. Цѣлый короткій сѣверный день до заката солнца проходитъ онъ по горамъ и каменистымъ полянамъ. Настанетъ ночь—темная полярная ночь! На небѣ заиграютъ сполохи и привлекутъ вниманіе полярнаго царя льдовъ и снѣга. Съ свойственнымъ ему любопытствомъ онъ остановится и долго, долго будетъ смотрѣть, какъ таинственно загорится широкая свѣтлая дуга, какъ изъ нея далеко и высоко по небу взметнутся сіяющіе разноцвѣтными огнями столбы—полосы, и каждый столбъ вылетитъ изъ дуги съ какимъ-то таинственнымъ шумомъ и шуршаньемъ и заиграетъ радужными переливами.

2. Бурый медвѣдь.

Это—нашъ русскій звѣрь по преимуществу. Съ самаго дѣтства, изъ разсказовъ о немъ нашей няни или прислуги, мы знакомы съ нимъ.

Въ то время, когда Россія представляла громадный материкъ, сплошь покрытый лѣсами, медвѣдю было приволье среди этого лѣсного царства. Онъ былъ царемъ его, точно также какъ его старшій братъ — бѣлый медвѣдь владѣлъ и царилъ и до сихъ поръ царитъ въ ледяныхъ странахъ сѣвера.

Оба брата весьма похожи другъ на друга. Въ обоихъ сейчасъ бросается въ глаза что-то общее, неуклюжее, неповоротливое, медвѣжье, то, что такъ мѣтко выражено нашимъ баснописцемъ въ двухъ словахъ: «косолапый Мишка». Да, онъ, дѣйствительно, «косолапый». Природа какъ-будто задала себѣ трудную задачу создать звѣря съ ногами, которые могли бы упираться на всю подошву, которые бы дозволяли этому звѣрю стойко ходить на заднихъ лапахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣпляться и лазить на высокія сосны и ели. Она достигла своей цѣли, но зато легкость, изворотливость движеній пропали. Всякій, кто видѣлъ медвѣдя, знаетъ, что его походка медленна и неуклюжа. Его заднія ноги немного длиннѣе переднихъ, и вотъ почему онъ охотно встаетъ на заднія лапы и ловко дерется и бьетъ передними. Сильное развитіе заднихъ ногъ въ толщину и отсутствіе хвоста придаютъ всей фигурѣ медвѣдя видъ какого-то обрубка, а голова почти постоянно нагнута къ землѣ и сильная сутулина дополняютъ неуклюжую фигуру «косолапаго Мишки».

Голова его не даромъ опущена къ землѣ. Какъ охотничья собака, онъ постоянно ищетъ нижнимъ чутьемъ. Ягоды, птицъ, звѣрей—все онъ чуетъ издали и до всего добирается съ помощью этаго чутья. Оно такъ же сильно развито, какъ и у охотничьей собаки. Его внутренній органъ—лобныя пазухи, сильно выдающіяся снаружи, почти сплошь наполнены окончаніемъ нервовъ внутри (въ слизистой оболочкѣ). Носъ его, весьма подвижной, постоянно обнюхиваетъ воздухъ или землю: не принесетъ ли откуда-нибудь вѣтеръ запахъ живой или мертвой добычи?

Это самый крупный звѣрь изъ всѣхъ звѣрей нашей фауны, и потому не удивительно, что на немъ останавливалось вниманіе всѣхъ первобытныхъ народовъ, жившихъ на счетъ охоты въ лѣсахъ. Между остатками давнишней старины, въ доисторическихъ могилахъ «бѣлоголовой чуди»—попадаются пряжки съ изображеніемъ медвѣжьей головы и маленькія статуэтки медвѣдей. Очевидно, медвѣдь служилъ предметомъ поклоненія этого исчезнувшаго народа. И можетъ быть даже названіе созвѣздій «Большая и Малая Медвѣдицы» вышло изъ того же языческаго религіознаго источника. По крайней мѣрѣ такъ думалъ извѣстный нашъ натуралистъ-путешественникъ академикъ Миддендорфъ. Нѣмцы нашли даже возможность видѣть въ медвѣдѣ нравственный идеалъ. По ихъ понятіямъ, въ этомъ звѣрѣ есть какое-то «рыцарское великодушіе». Онъ никогда самъ не нападаетъ на человѣка; онъ никогда не нападаетъ ни на дѣтей, ни на женщинъ. Но такое великодушіе можно скорѣе отнести къ тому, что медвѣдь вообще остороженъ и избѣгаетъ излишнихъ опасностей. Притомъ съ женщинами и съ дѣтьми ему рѣдко представляется случай встрѣтиться.

Но если въ медвѣдѣ нѣтъ великодушія, то въ немъ найдется порядочный запасъ добродушія. Онъ готовъ играть, потѣшаться по цѣлымъ часамъ. Онъ никогда не можетъ быть окончательно прирученъ, какъ кошка или тигръ, собака или волкъ. Для этого онъ слишкомъ дикъ, слишкомъ отчужденъ отъ людей по своей угрюмой, нелюдимой лѣсной натурѣ. Но тѣмъ не менѣе въ его характерѣ проглядываютъ добродушныя, симпатичныя черты. Не даромъ онъ служилъ излюбленнымъ типомъ для баснописцевъ.

Въ Бернѣ, тамъ, гдѣ Нидекскій мостъ соединяетъ берега красивой рѣки Аары, выстроено довольно обширное помѣщеніе для медвѣдей. Бернъ, это—«медвѣжій городъ». Его исторія, какъ гласитъ преданіе, начинается съ убійства медвѣдя. Его гербъ — медвѣдь. Неудивительно послѣ этого, что бернцы уважаютъ это преданіе, уважаютъ ихъ Mütza, а одна дама давно уже завѣщала городу порядочный капиталъ, на проценты котораго городъ обязанъ содержать нѣсколько медвѣдей живыми. Эти медвѣди очень хорошо содержатся и привлекаютъ постоянно многочисленную публику, которая толпится у рѣшетки той ямы или рва, въ которомъ живутъ эти медвѣди. Взрослые, старики и маленькія дѣти — люди всѣхъ возрастовъ и положеній по цѣлымъ часамъ простаиваютъ у рѣшетки, тѣснятъ другъ друга и съ ненасытимой жадностью наблюдаютъ или любуются игрой и вообще движеніями неуклюжихъ медвѣдей. Я видѣлъ то же самое въ Парижѣ, въ зоологическомъ саду. Всегда

публика тѣснится около медвѣдей и обезьянъ. Я невольно спрашиваю себя: почему это пристрастіе только къ двумъ животнымъ, къ медвѣдю и обезьянѣ, и думаю, что на этотъ вопросъ можно отвѣтить тѣмъ, что у обоихъ много прямодушія и добродушія, которыя невольно тянутъ къ себѣ каждаго. Умъ, разсудительность, понятливость—вотъ причины нашей симпатіи къ животнымъ. Мы сочувствуемъ этимъ сторонамъ въ собакѣ, кошкѣ, крысѣ, соболѣ, слонѣ, свиньѣ — во всякомъ животномъ, гдѣ эти стороны развиты искусственно, искусной и терпѣливой дрессировкой, и еще болѣе мы сочувствуемъ имъ въ медвѣдѣ, гдѣ эти стороны вложены и культивированы самой природой.

Лапландцы думаютъ, что каждый медвѣдь умнѣе десяти человѣкъ, а сильнѣе — двѣнадцати. Они убѣждены, что медвѣдь понимаетъ ихъ языкъ. Онъ только не умѣетъ говорить. Когда лапландецъ встрѣтится неожиданно съ медвѣдемъ въ лѣсу, то онъ низко кланяется ему и проситъ : «Погоди немного! Я еще не готовъ». Когда же на одного лапландца выйдутъ вдругъ двое медвѣдей, то онъ говоритъ имъ: «Какъ же вамъ не стыдно будетъ напасть вдвоемъ на одного!».

Остякъ считаетъ медвѣдя за какое-то высшее существо. По его понятіямъ медвѣдь обладаетъ всевѣдѣніемъ и слѣдитъ за нравственностью человѣка. Остякъ называетъ его «злой» и боится, какъ мстителя за нарушеніе всякой клятвы. Самой сильной клятвой остяки считаютъ ту, которая произносится надъ шкурой медвѣдя, и, произнося эту клятву, они кусаютъ эту шкуру. Злой и мстительный нравъ звѣря заставляетъ сѣверныхъ дикарей бояться не только живого медвѣдя, но и мертваго. Остяки обыкновенно вѣшаютъ шкуру убитаго медвѣдя на высокихъ кольяхъ, и человѣкъ, убившій его, становится передъ ней и долго кланяется, прося, вѣроятно, чтобы медвѣдь не отомстилъ за его смерть. Сѣвероамериканскіе дикари, убившіе медвѣдя, всячески извиняются передъ нимъ, цѣлуютъ его голову, перевязываютъ лапы ему яркими лоскутками, кладутъ передъ носомъ его нюхательный табакъ, который считается у нихъ самымъ любимымъ лакомствомъ; наконецъ всовываютъ ему въ пасть «трубку дружбы и мира», ту трубку, которую, по очереди, выкуриваютъ вожди враждующихъ племенъ, въ знакъ ихъ обоюднаго замиренія.

Русскій народъ давно уже отбросилъ такіе суевѣрные взгляды, да, можетъ быть, никогда и не имѣлъ ихъ. Но всѣмъ обитателямъ лѣсной полосы Россіи очень хорошо знакомъ «косолапый Михаилъ Ивановичъ Топтыгинъ». Русскій мужичекъ съ незапамятной, исконной старины заклеймилъ его названіемъ «медоваго вѣдуна» или «медвѣдя»,—съ того самаго времени, когда еще чуть не вся Русь скрывалась подъ непроходимыми дремучими лѣсами, въ которыхъ въ изобиліи водились дикія пчелы, въ самодѣльныхъ бортяхъ, высокихъ столѣтнихъ соснахъ и липахъ. «Михаилъ Ивановичъ» изстари былъ большой «вѣдунъ» и любитель меду въ этихъ природныхъ ульяхъ. Изъ великой Руси названіе звѣря перешло въ Малороссію, гдѣ его перековеркали въ «медвѣдь».

Область медвѣдя, это—область лѣсовъ, въ особенности старыхъ, безлюдныхъ, куда изрѣдка проникаютъ, и то съ трудомъ, кочующіе охотники. Безъ лѣса медвѣдь немыслимъ—и тамъ, гдѣ лѣсная сторона превращается въ безлѣсную равнину или степь, тамъ и медвѣдь исчезаетъ. Его неуклюжая, неповоротливая фигура неспособна гоняться, бѣгать за добычей; но онъ легко прокладываетъ дорогу даже въ самомъ дремучемъ, непролазномъ лѣсу. Впрочемъ, тамъ, гдѣ есть возможность проложить постоянную торную тропу и гдѣ медвѣди водятся стадами, какъ напр. въ Сибири, на берегу моря, тамъ они всегда ходятъ по проложенной ими тропѣ.

Въ Сибири и въ пермской губерніи народъ рѣдко употребляетъ названіе «медвѣдя». Тамъ его зовутъ «чернымъ звѣремъ» или просто «звѣремъ». И дѣйствительно, онъ звѣрь и притомъ по преимуществу, между всѣми лѣсными обитателями, «черный звѣрь», съ его темнобурой шерстью, которая кажется черною въ темныхъ сибирскихъ лѣсахъ.

Сравнивая медвѣдя съ другими жителями нашихъ лѣсовъ, невольно дивишься его своеобразной фигурѣ, во всѣхъ мелочахъ хорошо приспособленной къ лѣсной жизни. Болѣе близкіе къ медвѣдю звѣри: барсукъ и енотъ — далеко не достигаютъ до его роста, но также, какъ и онъ, принадлежатъ къ такъ называемымъ стопоходящимъ хищникамъ, т. е. къ такимъ звѣрямъ, которые при хожденіи опираются на всю ступню, а не на одни пальцы, какъ собаки или кошки. Притомъ ноги медвѣдя сильно напоминаютъ ноги человѣка. Бедреныя кости заднихъ ногъ очень походятъ по своей формѣ на тѣ же кости у человѣка, а слѣды медвѣдя можно легко принять за слѣды голыхъ человѣчьихъ ногъ. Переднія лапы медвѣдь употребляетъ вмѣсто рукъ. Онъ хватаетъ ими добычу и наноситъ страшные удары, въ особенности благодаря его толстымъ и крѣпкимъ когтямъ. Съ помощью этихъ когтей онъ легко взлѣзаетъ на деревья, отыскивая борти дикихъ пчелъ.

Его глаза видятъ зорко днемъ и ночью; слухъ его очень тонокъ, чутье сильно развито, а вкусъ весьма прихотливъ, разборчивъ и разнообразенъ. Онъ большой гастрономъ и лакомка. Онъ любитъ лѣсныя ягоды и въ концѣ лѣта не только утоляетъ голодъ, но и съ наслажденіемъ лакомится голубикой, черникой, брусникой, толокнянкой. Онъ любитъ кедровые орѣхи, и когда они поспѣютъ, то отправляется на охоту за кедровыми шишками; разумѣется, онъ выбираетъ деревья, полныя спѣлыхъ шишекъ; онъ взлѣзаетъ на эти деревья, еще легче сбиваетъ шишки передними лапами, затѣмъ слѣзаетъ съ дерева; какъ человѣкъ, забираетъ шишки въ охапку и отправляется съ ними на заднихъ лапахъ туда, гдѣ онъ замѣтилъ плоскіе камни и плитнякъ. На этихъ камняхъ онъ катаетъ эти шишки, такъ что онѣ трещать, и орѣхи сыплются изъ нихъ. Тогда «Мишка» начинаетъ жевать ихъ, поѣдая безъ разбора, съ кожурой и причмокивая отъ удовольствія.

Но онъ также любитъ муравьевъ и поѣдаетъ ихъ съ такимъ же наслажденіемъ, какъ гастрономъ поѣдаетъ червей съ лимбургскимъ сыромъ. На своемъ пути онъ постоянно все осматриваетъ, ради любопытства, а главное, съ цѣлью поживиться какимъ-нибудь лакомымъ кусочкомъ. И вотъ, если онъ по пути встрѣтитъ муравейникъ съ крупными лѣсными муравьями, то тотчасъ же принимается за работу. Съ легкимъ, довольнымъ ворчаньемъ онъ разрываетъ кучу. Бѣдные муравьи снуютъ, копошатся, бѣгаютъ въ страшной суматохѣ, а «Михаилъ Ивановичъ» прехладнокровно лижетъ ихъ языкомъ. облизываетъ ихъ съ лапъ, мокрую лапу накладываетъ на муравейникъ и слизываетъ съ нея набѣжавшихъ и приставшихъ муравьевъ. Насытившись этимъ лакомымъ блюдомъ, онъ щурится, облизывается и отправляется полежать гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстечкѣ.

Но, разумѣется, это лакомое блюдо не можетъ сравниться съ медовыми сотами,—и если «Михаилу Ивановичу» удастся добраться до борти съ медомъ, то для него настаетъ истинный праздникъ. Онъ разламываетъ сильными лапами и острыми, крѣпкими когтями дупло, въ которомъ пчелы свили гнѣздо, и, несмотря на ихъ озлобленный протестъ, визжа и сгребая съ морды постоянно насѣдающихъ насѣкомыхъ, онъ ломаетъ и ѣстъ соты цѣликомъ, вмѣстѣ съ пчелами, съ мелкими обломками дерева, съ пчелинымъ клеемъ и со всѣмъ, что удалось ему выворотить изъ дупла. Всѣ эти примѣси его нисколько не безпокоятъ. Сладкій медъ все сдабриваетъ, а желудокъ «Михаила Ивановича» все перевариваетъ.

Медвѣдей, жадно отыскивающихъ и поѣдающихъ му-

равьевъ и медъ, нѣкоторые натуралисты пробовали отнести къ отдѣльному виду,—но это едва ли справедливо. У такихъ медвѣдей — лобъ сильнѣе выдается и морда гораздо длиннѣе, чѣмъ у медвѣдя, питающагося крупными животными. Притомъ медвѣди, кормящіеся муравьями, немного меньше ростомъ, чѣмъ медвѣди короткорылые. Первыхъ народъ нашъ зоветъ муравейниками или овсяниками, а вторыхъ—стервятниками. Но такое различіе сглаживается и запутывается въ индивидуальныхъ признакахъ и въ возрастныхъ особенностяхъ.

Овсяниками называетъ нашъ народъ такихъ медвѣдей, которые не довольствуются отыскиваніемъ въ лѣсу муравьиныхъ кучъ, а выходятъ на опушку, забираются къ концу лѣта въ поля съ овсомъ и съ жадностью поѣдаютъ его. При этомъ такой «Михаилъ Ивановичъ» очень ловко загребаетъ передней лапой овесъ и скусываетъ колосья. Но въ особенности любитъ онъ забираться въ овсы, когда уже поле убрано и овесъ собранъ и связанъ въ снопики. Тогда ему гораздо способнѣе поѣдать связанные въ пучки колосья—и онъ наѣдается ими до отвалу, и сытый начинаетъ «безобразничать». Разворачиваетъ, разбрасываетъ и разметываетъ всѣ снопы. Не столько съѣстъ, сколько напроказитъ. Такой ужъ характеръ у «Михаила Иваныча». Онъ привыкъ у себя въ лѣсу также хозяйничать, разворачивать и вывертывать пни, разбрасывать хворостъ, коряги, колоды. Со всѣмъ этимъ онъ распоряжается безъ всякой церемоніи, какъ маленькій, любознательный ребенокъ съ замысловатой игрушкой. Ему все надо узнать, осмотрѣть, потрогать, понюхать—и разломать, въ надеждѣ найти самую вкусную вещь внутри.

Медвѣди «стервятники», или, правильнѣе, «стервоядники», главнымъ образомъ питаются живой добычей, и самымъ лакомымъ блюдомъ считается лошадь—все равно какой бы то ни было породы, только бы она досталась какъ можно легче и безопаснѣе. Наши бѣдныя крестьянскія лошадки, стреноженныя на ночь, считаются ими самой легкой добычей. Подкравшись къ такой лошадкѣ, «Михаилъ Иванычъ» сшибаетъ ее съ ногъ однимъ ударомъ крѣпкой передней лапы, затѣмъ убиваетъ ее и, схвативъ зубами за шею, волочитъ прыжками въ лѣсъ. Точно такъ же онъ распоряжается съ коровой; нападаетъ на нее, подкрадываясь исподтишка. На стадо онъ почти никогда не бросается, въ особенности тамъ, гдѣ оно находится подъ охраною собакъ и быковъ. Роговъ бычачьихъ «Михаилъ Иванычъ» сильно боится.

На сѣверѣ Россіи, въ Сибири—онъ охотится на сѣвернаго оленя и лося, или сохатаго. Но достаточно этому крупному звѣрю встать въ оборонительное положеніе и показать «Михаилу Иванычу» свои огромные рога, чтобы тотъ обратился въ постыдный бѣгъ.

Онъ страшно боится также клыковъ старыхъ кабановъ, «сѣкачей», какъ называютъ ихъ въ Сибири. Если онъ замѣтитъ, что вмѣстѣ съ маленькими кабанятками и ихъ маткой ходитъ сѣкачъ, то онъ, издали еще, поворачиваетъ морду назадъ и удираетъ безъ оглядки. Если же сѣкача нѣтъ, а кабанятки съ матерью гуляютъ гдѣ-нибудь на скалистыхъ сибирскихъ горахъ, то онъ подкрадывается къ нимъ и сверху сбрасываетъ на нихъ тяжелые камни. Точно такъ же онъ убиваетъ дикихъ козъ, но чаще подкрадывается къ козлятамъ — и если козленокъ отсталъ отъ матери, то онъ въ одно мгновенье быстрымъ прыжкомъ бросается на него и схватываетъ.

Во время рыбнаго сезона, когда «красная» рыба подходитъ къ морскому берегу или входитъ табунами въ широкія рѣки Сибири, — «Михаилъ Иванычъ» становится строгимъ постникомъ. Онъ безъ труда выбрасываетъ на берегъ своей загребистой лапой какого-нибудь жирнаго осетра или стерлядь и тотчасъ же съѣдаетъ ихъ головы. Онъ считаетъ голову самымъ вкуснымъ кускомъ, а остальную часть рыбы предоставляетъ ѣсть какимъ-нибудь воронамъ, песцамъ или лисицамъ. Онъ и здѣсь остается вѣренъ своему гастрономическому вкусу.

Наконецъ, онъ не прочь, и сильно не прочь, полакомиться болотной дичью, въ особенности осенью, когда цѣлыя стада жирныхъ, отъѣвшихся за лѣто, утокъ появляются на большихъ сибирскихъ озерахъ. Но этотъ лакомый кусокъ достается ему не легко. Иногда цѣлый день бѣдный «Михаилъ Иванычъ» барахтается въ озерѣ, гоняется, подкарауливаетъ хитрую крякву. Крикъ утиный далеко разносится, брызги летятъ во всѣ стороны. Сибирскій охотникъ знаетъ, что это «Михаилъ Иванычъ» за утками изволитъ охотиться. Вылѣзетъ онъ изъ воды — чортъ-чортомъ, пугаломъ-страшилищемъ. Шерсть вся въ грязи, торчитъ вихрами, морда мокрая, самъ щелкаетъ зубами и облизывается, — доволенъ, полакомился!

Изъ всего сказаннаго можно вывести одно весьма существенное заключеніе, а именно: меню «Михаила Иваныча» весьма длинно и разнообразно. Лошади, коровы, козы и кабаны, утки, рыба, медъ и пчелы, муравьи и овесъ, ягоды и разныя травы, корни и луковицы, и въ особенности молодыя вѣтки и листья, побѣги осины,—наконецъ разная мелочь, попавшаяся случайно, мыши и водяныя крысы и въ особенности сибирскіе лемминги — эти пестрые хорошенькіе звѣрки, которые иногда цѣлыми громадными стадами появляются на взморьѣ, — вотъ длинный списокъ того, что медвѣдь считаетъ съѣдобнымъ и годнымъ себѣ въ пищу. Правда, эта пища разнообразится по сезону, по мѣстности и разнится индивидуально. Такъ, медвѣдь, отвѣдавшій лошадинаго или коровьяго мяса, уже смотритъ брезгливо, съ пренебреженіемъ, на овесъ, ягоды и всякую растительную пищу. Но тѣмъ не менѣе вся перечисленная ѣда входитъ въ привычку медвѣжьяго вкуса, а потому «Михаила Иваныча» никакъ нельзя отнести исключительно къ хищнымъ животнымъ. Онъ всеядникъ—и эта всеядность очень ясно отражается на строеніи его зубовъ, въ особенности коренныхъ, которые весьма напоминаютъ коренные зубы человѣка.

Но эта разнообразная пища, эта всеядность можетъ отчасти объяснить намъ, отчего медвѣдь дошелъ до громадныхъ размѣровъ, сравнительно съ прочими обитателями лѣса, и отчего онъ занялъ такую огромную площадь на землѣ. Онъ почти застрахованъ отъ голодной смерти. Только былъ бы лѣсъ, а пищу въ немъ онъ всегда найдетъ. Если тамъ исчезнутъ, переведутся кабаны и козы, олени и сохатые, наконецъ изчезнутъ всѣ звѣри, то «Михаилъ Иванычъ» только перемѣнитъ режимъ и сдѣлается вегетаріанцемъ или обратится въ насѣкомоядника. Если сосѣдство человѣка отгонитъ въ глубь лѣсовъ всякихъ кровожадныхъ пушныхъ хищниковъ, то «Михаилъ Иванычъ» все-таки останется на мѣстѣ. Онъ пріурочится къ осѣдлой жизни земледѣльца и будетъ жить на его хлѣбахъ, поѣдать овсы, наконецъ нападетъ на его домашній скотъ — и будетъ таскать телятъ, лошадей и овецъ. Однимъ словомъ, голодомъ трудно изморить «Михаила Ивановича». Но у него есть одинъ страшный врагъ, который постоянно исподволь сживаетъ его съ лица земли. Это—выгодчикъ и корыстникъ, лѣсной истребитель-человѣкъ, который ради собственной наживы, оголяетъ и обезпложиваетъ родную землю... Онъ истребляетъ самое царство «Михаила Иваныча», его жилище, истребляетъ — лѣса, а безъ лѣсовъ и самое существованіе «Михаила Иваныча» становится немыслимымъ.

Разнообразіе пищи можетъ многое намъ объяснить изъ жизни и самаго характера медвѣдя. Отыскиваніе бортей, муравейниковъ, ягодъ, наконецъ разныхъ цѣлебныхъ травъ, корней и луковицъ, которыми «Михаилъ Иванычъ» при случаѣ лѣчитъ свою особу, — все это невольно должно было развить въ немъ мелочную наблюдательность и осмотрительность. Идя по лѣсу, онъ все

обнюхиваетъ, зорко приглядывается и чутко прислушивается ко всему, что только обратитъ на себя его вниманіе. Онъ не сдѣлался одностороннимъ, прямолинейнымъ, кровожаднымъ хищникомъ, какъ хорекъ, соболь, лисица, волкъ, кошка, рысь и проч. Растительная пища придала его характеру нѣкоторую долю мягкости, хотя въ то же время онъ очень сердитъ, вспыльчивъ и мстителенъ. Когда онъ доволенъ собой и окружающими, то онъ становится добродушнымъ и не прочь пошалить и сдѣлать нѣкоторые увеселительные опыты. Если ему попадется стволъ сосны, расщепленный молніей, то онъ начинаетъ забавляться упругостью расщепленныхъ кусковъ. Онъ отгибаетъ кусокъ и вдругъ опускаетъ его. Кусокъ ударяется о стволъ, хлопаетъ и производитъ рѣзкій, дребежащій и отчасти звенящій звукъ, что очень забавляетъ «Михаила Иваныча». Взобравшись на обрывистую, скалистую гору, онъ начинаетъ потѣшаться и сбрасывать съ нея камни. Ему, очевидно, любопытно, какъ одинъ камень катится, прыгаетъ, сбиваетъ на пути нѣсколько другихъ камней, и какъ всѣ они летятъ съ обрыва и ложатся внизу.

Всѣмъ извѣстно, какъ игривы бываютъ медвѣжата, содержимые въ неволѣ, въ звѣринцахъ или на дворахъ нашихъ помѣщиковъ-охотниковъ. Эта игривость съ лѣтами переходитъ въ желаніе проказничать, озорничать. Молодой медвѣжонокъ бываетъ веселъ и безобиденъ до извѣстнаго возраста. Когда онъ проживетъ 8—10 мѣсяцевъ, онъ уже начинаетъ чувствовать силу своихъ мышцъ, крѣпость своихъ лапъ, вооруженныхъ страшными, массивными когтями. Онъ дерется, царапается, кусается и старается повалить человѣка. Натура взрослаго «Михаила Иваныча Топтыгина», начинаетъ выказывать свой раздражительный, самодурный характеръ. Всѣ извѣстныя попытки приручить медвѣдя и сдѣлать его добрымъ, послушнымъ животнымъ, какъ наша домашняя собака—оказывались безуспѣшны. Одинъ разъ, у насъ на дворѣ воспитали волченка, взятаго изъ лѣсу отъ матери. Когда онъ выросъ, то ласкался ко всѣмъ, какъ добрая домашняя собака. Медвѣдь, выкормленный человѣкомъ, никогда не ласкается. Онъ только позволяетъ себя ласкать. У моего учителя, профессора зоологіи Эверсмана, въ оренбургской губерніи воспитывался медвѣдь. Когда онъ выросъ, то свободно разгуливалъ по городу Бугульмѣ и любилъ проказничать. На базарѣ онъ подходилъ къ торговкамъ, у которыхъ лежали на прилавкахъ хлѣбы, калачи, баранки. Онъ опрокидывалъ прилавки, и когда торговки съ крикомъ бросались поднимать свой товаръ, то онъ подхватывалъ нѣсколько калачей и бѣгомъ, прыжками удиралъ съ ними во-свояси.

Дикая, нелюдимая природа медвѣдя, можетъ быть, зависитъ отъ его силы, отъ его вооруженія. Въ лѣсу онъ привыкъ, чтобы ему все покорялось, и онъ невольно чувствуетъ, до извѣстной степени, свою независимость даже передъ человѣкомъ. Притомъ, ни одинъ звѣрь не выказываетъ столько храбрости въ борьбѣ, какъ медвѣдь. Онъ смѣло идетъ на охотника и на его собакъ. Малѣйшая рана приводитъ его въ ярость, въ бѣшенство, и онъ, забывая о смерти, бросается прямо на ножъ или рогатину, только бы отомстить своимъ врагамъ.

Въ особенности мстительна бываетъ медвѣдица, если убьютъ у нея медвѣжонка. Бывали случаи, когда медвѣжонокъ попадалъ въ капканъ, поставленный на медвѣжьей тропѣ. Медвѣдица, желая освободить медвѣжонка, отрывала ему ноги, и онъ умиралъ, а она, набросивъ на трупъ его хворостъ, пряталась въ засаду и дожидалась, чтобы пришелъ тотъ охотникъ, который поставилъ капканъ, роковой для ея медвѣжонка.

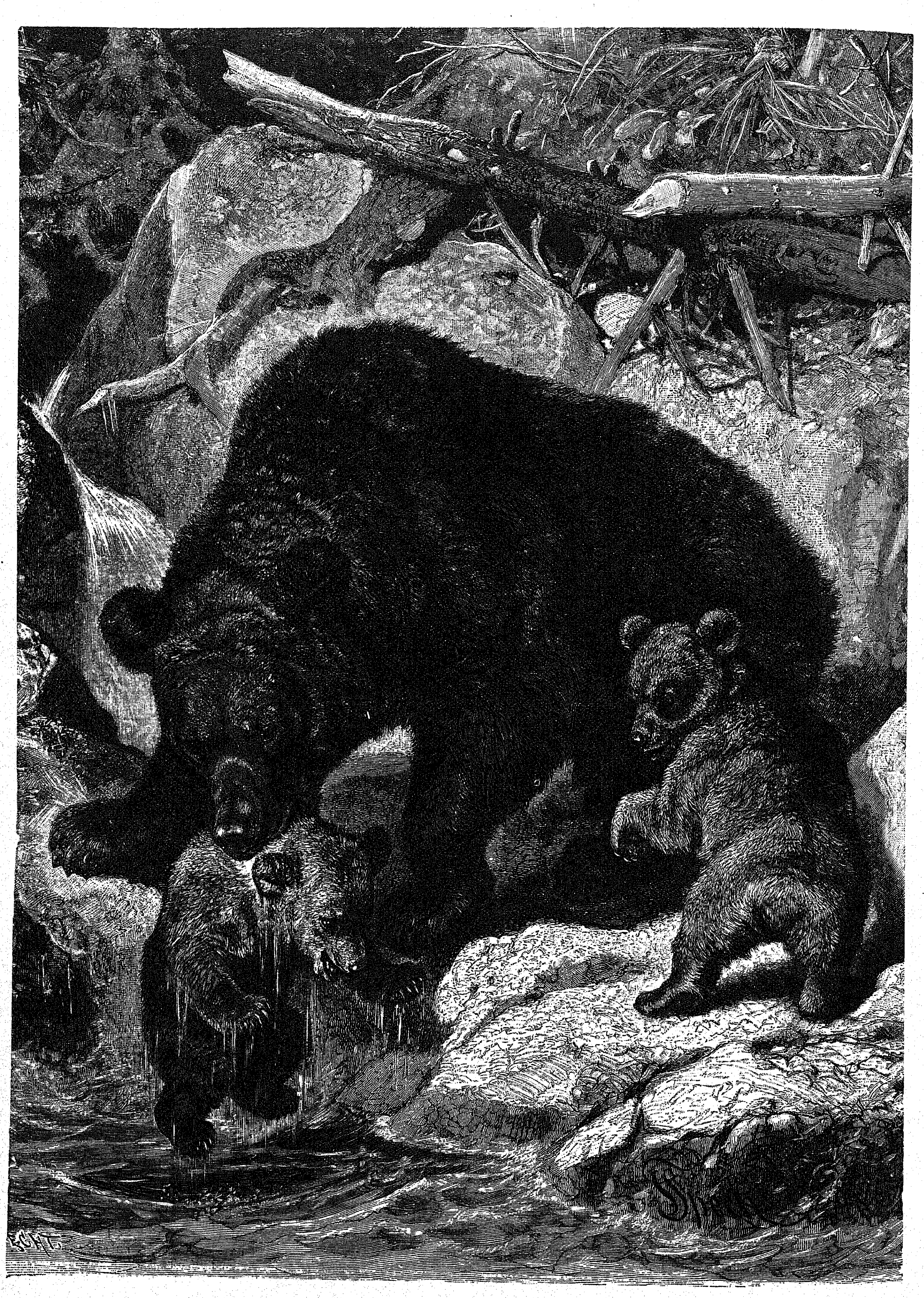
Какъ всякій звѣрь, она любитъ, разумѣется, по своему, и по своему бережетъ своихъ дѣтей. Она всюду водитъ ихъ съ собой и даже водитъ вмѣстѣ уже годовалыхъ, прошлогоднихъ подростковъ, которые называются «пѣстунами». Народъ далъ имъ это названіе въ твердой увѣренности, что такой «пѣстунъ» всегда находится при медвѣдицѣ и нянчится съ своими меньшими братьями и сестрами. Но это едва ли справедливо. Правда, пѣстунъ помогаетъ матери перетаскивать медвѣжатъ черезъ колоды, когда они отправляются на водопой или за фуражировкой, но въ этомъ, кажется, заключается его единственная услуга—какъ няньки. Трудно сказать, почему «пѣстуны» не бросаютъ своихъ матерей. Можетъ быть они чувствуютъ себя еще неспособными къ самостоятельной жизни. Но подневольную жизнь ихъ никакъ нельзя назвать легкой. За каждую вину мать безъ церемоніи бьетъ ихъ по мордѣ своими крѣпкими, когтистыми лапами.

Лѣтомъ, въ жаркіе дни, медвѣди охотно идутъ въ воду, а мать часто насильно купаетъ своихъ медвѣжатъ и, не смотря на отчаянный протестъ медвѣжонка, схватываетъ его за шиворотъ и окунаетъ или просто бросаетъ въ воду. Медвѣдь хорошо плаваетъ и переплываетъ довольно большія сибирскія рѣки. Одинъ уральскій лѣсникъ разсказывалъ слѣдующій, бывшій съ нимъ случай. Разъ, довольно поздно вечеромъ, на берегу рѣки онъ застрѣлилъ лося, содралъ съ него шкуру и унесъ ее, а мясо оставилъ до другого дня. На другой день онъ въ лодкѣ приплылъ къ тому мѣсту, гдѣ отсавилъ мясо, и къ ужасу и удивленію видитъ, что на лосиной тушѣ сидитъ громадный «Михаилъ Иванычъ» и безъ церемоніи поѣдаетъ его лося. Лѣснику очень жаль было своей добычи, но съ нимъ ничего не было, кромѣ охотничьяго ножа и небольшой винтовки-турки, изъ которой бьютъ птицъ, бѣлокъ, заряжая ее свинцовымъ жеребьемъ *). Думая, что медвѣдь испугается и убѣжитъ онъ выстрѣлилъ въ него изъ винтовки и ранилъ. На то, чтобы «Михаилъ Иванычъ» бросился за нимъ въ воду, лѣсникъ никакъ не разсчитывалъ. Но это именно и случилось. Медвѣдь прямо съ кручи спрыгнулъ въ воду и въ одно мгновенье очутился передъ лодкой, перевернулъ ее и принялся расправлятся со своимъ врагомъ. Содравъ ему кожу съ затылка, онъ принялся ломатьего. Но лѣсникъ какимъ-то чудомъ вырвался изъ медвѣжьихъ лапъ, нырнулъ и, проплывъ саженъ 15, снова вынырнулъ и спрятался въ камышахъ, выставивъ только одну голову. «Михаилъ Иванычъ» долго плавалъ кругомъ, отыскивая своего врага. Болѣе часа онъ продержалъ несчастнаго лѣсника между страхомъ и надеждой и, наконецъ, вылѣзъ на берегъ, отряхнулся и ушелъ въ лѣсъ, а лѣсникъ чуть не истекъ кровью, съ трудомъ также выбрался на берегъ и едва-едва въ двое сутокъ черезъ силу добрелъ до дому, до котораго было 12 верстъ. Вѣроятно, онъ далъ себѣ зарокъ никогда не мѣшать «Михаилу Иванычу», если тотъ вздумаетъ позавтракать чужой дичью.

Съ давнихъ временъ у дикихъ народовъ употреблялись разные способы для ловли или убиванія медвѣдей. Нѣкоторые изъ этихъ способовъ сохранились и до сихъ поръ. Въ Россіи, въ прежнее время, когда лѣсовъ, а слѣдовательно и медвѣдей въ нихъ было гораздо больше—на сѣверѣ вырывали ямы въ двѣ сажени глубины и края ихъ обкладывали досками. На дно такой ямы вбивали колъ, къ которому привязывали овцу или козленка, а самую яму тщательно закрывали хворостомъ, усыпали сухими листьями и землей. Медвѣдь проваливался въ такую яму, и въ ней его убивали.

Въ прежнее время камчадалы клали на медвѣжьихъ тропахъ доски съ торчащими зазубренными гвоздями и прикрывали ихъ землей, свѣжей травой или листьями. Медвѣдь вечеромъ, бродя по лѣсу, всей тяжелой ступней натыкался на такую доску и, желая освободить лапу отъ глубоко вонзившихся въ нее гвоздей, упирался въ доску другой лапой, въ которую также вонзались гвозди. Онъ

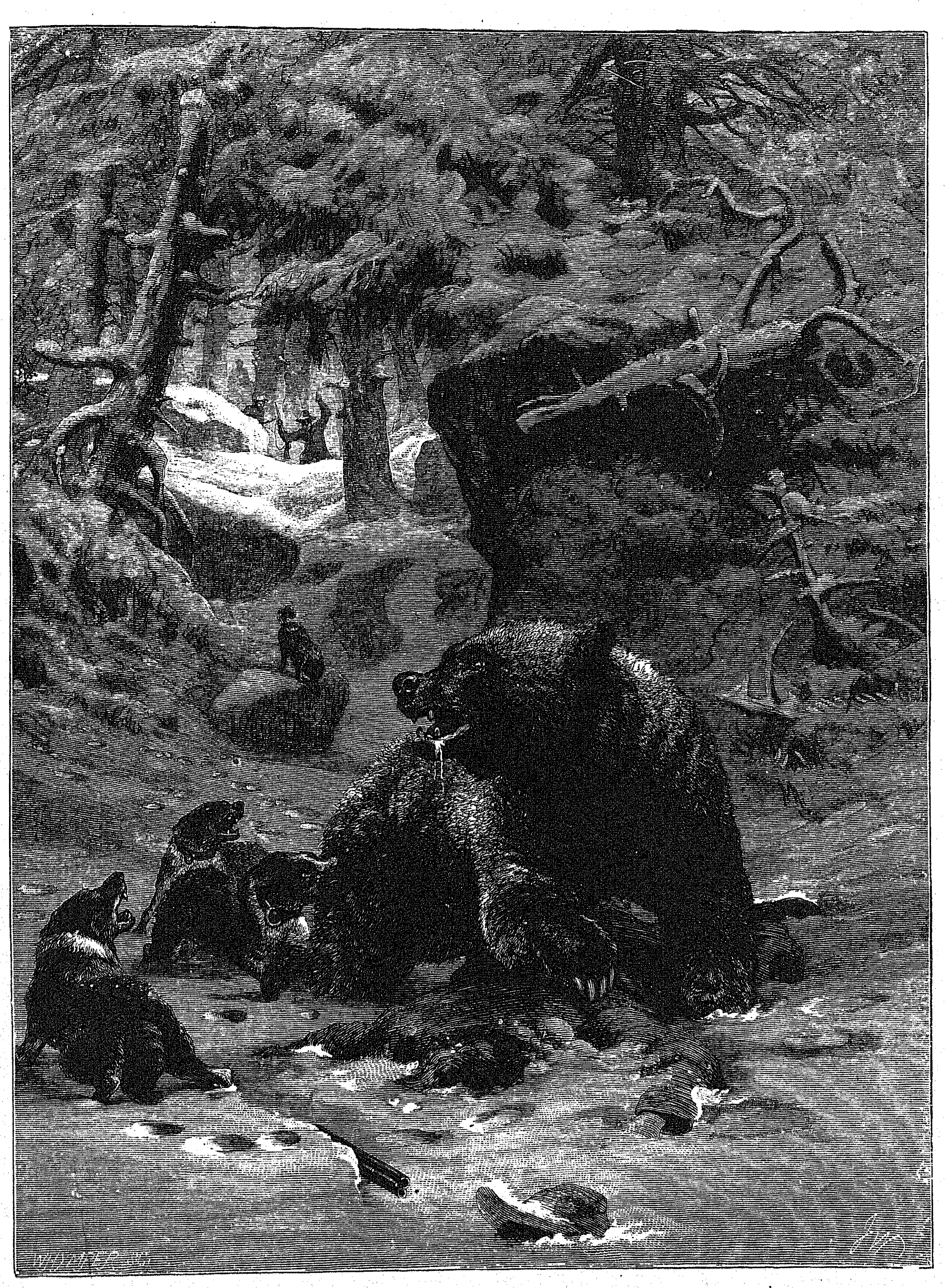
*) Каждый лѣсной охотникъ на Уралѣ носитъ вмѣстѣ съ такой винтовкой свинцовый прутъ. Когда нужно зарядить винтовку, онъ откусываетъ небольшой кусокъ этого прута и забиваетъ его въ винтовку, вмѣсто пульки или картечки.

Медвѣдица купающая своихъ дѣтей.

начиналъ барахтаться и попадалъ на гвозди всѣми четырьмя лапами. Тогда онъ начиналъ ревѣть и кататься по землѣ, до тѣхъ поръ, пока охотники, сторожившіе его, подбѣгали и доканчивали его топорами или вилами.

По берегамъ Лены охотники разставливаютъ по

Охота на медвѣдя.

медвѣжьимъ тропамъ петли, къ которымъ крѣпко привязаны тяжелые чурбаки или колоды. «Мишка» попадетъ въ петлю и начинаетъ бороться съ чурбакомъ; реветъ и барахтается до тѣхъ поръ, пока не слетитъ съ горы въ пропасть и не убьется. Нынче инородцы, живущіе по скалистому южному берегу Охотскаго моря, ставятъ на медвѣжьихъ тропахъ такія же петли изъ крѣпкихъ веревокъ, концы которыхъ привязываютъ къ деревьямъ. Медвѣдь попадетъ лапой въ петлю, очутится на привязи и сейчасъ даетъ объ этомъ знать своимъ ревомъ.

Но болѣе замысловатые и забавные способы для лова «Михаила Иваныча» существовали еще не такъ давно, въ тѣхъ лѣсахъ Оренбургской и Пермской губерній, гдѣ было введено бортяное пчеловодство. Передъ деревомъ, въ которомъ была борть, устраивали на крѣпкомъ сукѣ качалку-доску на крѣпкихъ веревкахъ и притягивали эту качалку другими, тонкими, гнилыми веревками къ самому отверстію борти. «Михаилъ Иванычъ», нисколько не подозрѣвая коварства своихъ лѣсныхъ враговъ, преспокойно взлѣзаетъ и садится на качалку, но въ это время, отъ тяжести его тѣла, гнилыя веревки лопаются,

рвутся—и онъ вдругъ оказывается чуть не на воздухѣ, далеко отъ борти, висящимъ на суку дерева. Разумѣется, ему остается сдѣлать весьма рискованный прыжокъ и броситься на землю, но бѣда въ томъ, что вся земля подъ нимъ утыкана острыми кольями, а тутъ еще со стороны вдругъ является его лѣсной врагъ и угощаетъ его мѣткой пулей.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устраивали болѣе простую, но весьма забавную ловушку для «Мишки», разсчитанную на его вспыльчивый, самодурный характеръ, который весь построенъ на принципѣ: «нраву моему не препятствуй»! Около борти, у самаго отверстія этого природнаго улья, вѣшали на крѣпкой веревкѣ тяжелый чурбанъ, на обоихъ концахъ усаженный желѣзными шипами. «Мишукъ» взлѣзаетъ на такое дерево и прямо носомъ къ борти, но дурацкій чурбанъ виситъ какъ разъ на пути его желанія. Онъ тихонько, вѣжливенько оттолкнетъ его лапой и тотчасъ мордой въ дупло; а чурбанъ тихонько стукъ его по мордѣ—и «Мишенька взволнуется». «Какъ! Какъ онъ смѣетъ, дурацкій чурбанъ, бить его прямо по мордѣ, его—лѣсного царя!» Онъ размахнется и со всей силой своего негодованія ударитъ чурбанъ своей крѣпкой лапой—и тотчасъ же всунетъ морду въ дупло. Чурбанъ, разумѣется, прилетитъ къ нему скорехонько и, по пословицѣ: «какъ аукнется, такъ и откликнется», стукнетъ «Михаила Иваныча» уже по виску и притомъ весьма убѣдительно. «Мишенька» отшатнется, голова его на мигъ затуманится,—но съ упрямствомъ, которое все превозмогаетъ, онъ опять за свое дѣло—и опять проклятый чурбанъ виситъ у него передъ носомъ. «Хорошо же!» думаетъ Мишка: «я тебя, проклятаго такъ трахну, что отъ тебя однѣ щепки останутся... Ты еще моей силы не пробовалъ!» И съ ревомъ и яростью Миша дѣйствительно хватитъ чурбанъ на славу, такъ что онъ взлетитъ даже кверху—и Мишенька успѣетъ просунуть въ дупло не только морду, но и лапу. Но только что онъ торопливо примется за свое дѣло, какъ опять чурбанъ точно съ неба налетитъ—и трахъ его по чемъ попало. Ну! Тутъ ужъ «Михаилъ Иванычъ» совсѣмъ выйдетъ изъ себя, потеряетъ всякое разсужденіе, взреветъ отчаянно, и, забывъ, что передъ нимъ простой, глупый чурбанъ, начнетъ драться съ нимъ, какъ съ разумнымъ господиномъ. Онъ непремѣнно докажетъ ему, что онъ сильнѣе его. Но чѣмъ сильнѣе и старательнѣе онъ отталкиваетъ чурбанъ, тѣмъ онъ убѣдительнѣе колотитъ его, и такой поединокъ обыкновенно кончается тѣмъ, что «Михаилъ Иванычъ» съ разбитой мордой и отуманенной головой летитъ съ дерева кувыркомъ, безъ памяти, прямо на землю,—а на землѣ приготовленъ ему новый сюрпризъ—колья, которые и доканчиваютъ то, что началъ чурбанъ.

Хотя очень рѣдко, но удается лѣснымъ охотникамъ сладить съ «Михаиломъ Иванычемъ» безъ особеннаго труда. Когда они идутъ на него съ ружьями и рогатинами, то берутъ съ собой «путо». Такъ называютъ въ Сибири большую крѣпкую сѣть, сплетенную изъ толстыхъ веревокъ большими петлями. Такимъ путомъ охотники покрываютъ верхушку берлоги, если эта верхушка не надежна и медвѣдь можетъ легко разрыть ее и выскочить черезъ нее. И вотъ этой сѣтью они, въ рѣдкихъ случаяхъ, могутъ поймать его, но для этого необходима извѣстная доля храбрости. Когда медвѣдь съ слѣпой яростью бросается на человѣка, несущаго такое путо, то человѣкъ бросаетъ его на звѣря, и тотъ самъ, собственнымъ стараніемъ, запутывается въ этихъ крѣпкихъ тенетахъ. Не даромъ и названіе дано имъ подходящее: «путо». Ну, а лѣсники не стоятъ между тѣмъ даромъ. Они времени не теряютъ и колютъ несчастнаго Мишку рогатинами, вилами, или угощаютъ пулями, стрѣляя въ упоръ, въ любое мѣсто. Такое путо было бы очень цѣлесообразной вещью, но бѣда въ томъ, что не всегда «Михаилъ Иванычъ» выскочитъ прямо на человѣка, который несетъ это путо, и не всегда этому человѣку удается ловко накрыть его этимъ путомъ. Притомъ такая сѣть и дорого стоитъ. Она не по средствамъ лѣснымъ бѣднякамъ, у которыхъ часто не достаетъ денегъ на собственную одеженку.

Охотятся на медвѣдей всегда зимой—когда у «Михаила Иваныча» выростаетъ густая, теплая шуба и онъ залегаетъ спать въ берлогѣ. Но не всякій медвѣдь можетъ всегда найти берлогу и съ комфортомъ залечь въ нее на боковую. Для этого, во-первыхъ, необходимо, чтобы онъ запасъ какъ можно больше жиру, отъѣлся на славу, чтобы въ зимніе морозы ему не было холодно. Но «нажирѣть» осенью не всякому медвѣдю и не вездѣ удается. Если пища плоха, корму нѣтъ—то поневолѣ «Михаилъ Иванычъ» шляется по лѣсу не въ духѣ, на все ворчитъ, ко всему придирается и готовъ съ голодухи и со злости глодать даже кору древесную. Злой и сердитый, бродитъ онъ по первоснѣгу. Передъ его носомъ вспархиваютъ жирныя куропатки и тетери—точно дразнятъ его и смѣются надъ его неудачей. Найдетъ онъ берлогу, уляжется въ нее. Полежитъ немного и вскочитъ. Жестко, холодно и голодно! Вылѣзетъ со злостью и пойдетъ опять бродить, печально мотая головой. Такихъ медвѣдей наши лѣсные охотники очень мѣтко прозвали «шатунами»,—и не дай Богъ встрѣтиться съ такимъ свирѣпымъ, голоднымъ шатуномъ бѣдному, одинокому лѣснику въ глухомъ лѣсу!

Для берлоги медвѣдь выбираетъ мѣсто въ глухомъ заросшемъ лѣсу, гдѣ навалено много колодъ или камней, въ какомъ-нибудь бугрѣ, около корней повалившейся сосны или ели. Въ половинѣ или въ концѣ октября онъ залегаетъ въ такую берлогу, предварительно выстлавъ ее мелкими прутьями и мхомъ. Охотники обыкновенно отыскиваютъ берлогу по слѣдамъ, которые оставляетъ медвѣдь на снѣгу. Но необходимо быть въ этомъ дѣлѣ весьма опытнымъ, а не то можно запутаться въ слѣдахъ и вовсе не найти берлоги. «Михаилъ Иванычъ» не такъ простъ, чтобы оставить прямую дорожку къ своей опочивальнѣ. Онъ очень хорошо знаетъ, что и человѣкъ, и собака могутъ легко выслѣдить его по слѣдамъ, и запутываетъ эти слѣды. Онъ дѣлаетъ большие круги, обходы или «петли», какъ называютъ ихъ лѣсники. Притомъ онъ крайне чутокъ и всякую возню и шаги около берлоги тотчасъ же услышитъ, въ особенности въ началѣ зимы, когда еще онъ не засыпаетъ крѣпкимъ сномъ. Разбуженный медвѣдь тотчасъ же выскочитъ изъ берлоги и уже не вернется въ нее, а найдетъ себѣ для спанья другое мѣсто. Иногда берлогу его обнаруживаетъ легкій паръ, который идетъ отъ его дыханія, и этотъ паръ садится и замерзаетъ на деревьяхъ, стоящихъ у отверстія берлоги. Это отверстіе медвѣдь обыкновенно закупориваетъ мохомъ.

Медвѣдица съ медвѣжатами выбираетъ для берлоги яму шире и глубже, въ болѣе глухомъ мѣстѣ—въ особенности если у нея три или четыре медвѣжонка и еще пѣстунъ. Въ такой берлогѣ для каждаго члена медвѣжьей семьи отведено особое мѣсто и постлана особая постель. Звѣропромышленникамъ случается убить и вытащить медвѣдицу, и они начинаютъ жердями и палками ощупывать берлогу, чтобы узнать, есть ли въ ней медвѣжата. Но даже самые крохотные медвѣжатки такъ притаиваются, несмотря на толчки жердинъ, что необходимо бываетъ выкурить ихъ дымомъ или добыть собаками.

Найдя берлогу, сибирскіе охотники осторожно приступаютъ къ ней и застанавливаютъ входъ крестовиной изъ крѣпкихъ заостренныхъ кольевъ. Такіе крестовины называютъ «заломами». Тогда начинается жестокая борьба съ медвѣдемъ, лежащимъ въ берлогѣ. Онъ изъ всѣхъ силъ старается утянуть колья къ себѣ въ берлогу, а охотники, въ свою очередь, стараются не выпустить ихъ. При этомъ «Мишка» дѣлаетъ такіе быстрые движенія и повороты и такъ отчаянно реветъ, что даже

опытнымъ лѣсникамъ становится страшно. Во время этой борьбы одинъ или двое охотниковъ стоятъ насторожѣ съ винтовками и, какъ только улучатъ удобную минуту, стрѣляютъ прямо въ голову звѣрю. Но нерѣдко въ этой общей суматохѣ медвѣдь вырывается, и тогда плохо бываетъ несчастнымъ охотникамъ. Хорошо еще, если съ ними есть собаки.

Въ виду такихъ несчастныхъ случаевъ, сибиряки звѣроловы готовятся на бой съ «Михаиломъ Иванычемъ»—какъ на опасное, смертное дѣло. Они никому изъ домашнихъ не говорятъ, что идутъ на медвѣдя. Наканунѣ всегда сходятъ въ баню и надѣнутъ чистыя рубахи и всѣ дадутъ другъ другу клятву—стоять другъ за друга до послѣдней капли крови и не выдавать товарища.

Но самая опасная и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе вѣрная охота, когда охотникъ идетъ одинъ на одинъ помѣрить свои силы съ «Михаиломъ Иванычемъ». Обыкновенно онъ беретъ съ собой двухъ небольшихъ собакъ, привычныхъ къ охотѣ на медвѣдя. Собаки вызываютъ звѣря изъ берлоги и стараются напасть на него сзади, а охотникъ идетъ прямо на него. Если есть съ нимъ ружье, онъ стрѣляетъ въ него, если нѣтъ, онъ идетъ на него съ рогатиной.

Рогатина—это широкій ножъ или кинжалъ, вдѣланный въ крѣпкое, длинное древко. При такомъ оружіи весь успѣхъ боя зависитъ отъ вѣрности глаза, твердости духа и силы рукъ. Когда медвѣдь поднимется на заднія лапы и съ ревомъ пойдетъ прямо на охотника, то охотникъ всаживаетъ ему въ грудь ножъ рогатины — и въ то время, когда звѣрь старается выбить изъ рукъ или сломать древко рогатины, онъ крѣпко держитъ ее въ рукахъ и вертится вмѣстѣ съ медвѣдемъ, пока тотъ не ослабѣетъ и не упадетъ.

Въ Сибири инородцы нерѣдко ходятъ на медвѣдя одинъ на одинъ безъ рогатины, просто съ охотничьимъ ножомъ и съ «распоркой». Такъ называется родъ якоря-кошки, съ почти прямыми, зазубренными лапами. Такой якорь надѣвается на короткую рукоятку и привязывается къ ней крѣпко мягкимъ и прочнымъ кукуйнымъ ремнемъ, изъ кожи дикаго козла или изюбря. Конецъ этого ремня навертываетъ охотникъ на руку, но слабо, и затѣмъ на все это надѣваетъ фальшивый рукавъ. Когда медвѣдь бросится на него, онъ первымъ дѣломъ суетъ Мишкѣ въ ротъ распорку, которую тотъ въ ярости сгоряча сожметъ зубами какъ можно сильнѣе, и всадитъ ея лапы себѣ глубоко въ челюсти и въ нёбо; а охотникъ выдернетъ руку изъ его пасти и ножомъ распоретъ ему брюхо—и взрѣжетъ сердце.

Говорятъ, что въ случаѣ смертельной опасности, при неудачѣ, охотникъ долженъ упасть на землю и не шевелиться. Говорятъ также, что будто бы медвѣдь боится и не трогаетъ мертвыхъ. Другіе утверждаютъ, что «Мишка» боится человѣчьяго взгляда, въ особенности, если смотрѣть на него пристально. Но все это еще нуждается сильно въ подтвержденіи и, вѣроятно, окажется баснями.

Охота любителей совершается обыкновенно облавами, съ помощью загонщиковъ. Лѣсникъ, хорошо знакомый съ медвѣжьими слѣдами и обычаями, такъ называемый «обысотчикъ», выслѣживаетъ медвѣдя, а загонщики шумомъ и крикомъ выгоняютъ его изъ берлоги и гонятъ на цѣпь стрѣлковъ.

Такая охота почти безопасна, въ особенности если около охотника стоятъ опытные егеря, съ ружьями и рогатинами. Но она все-таки доставляетъ волненіе и удовольствіе...

Въ тихій, ясный, морозный день пріятно стоять, тепло одѣтымъ, въ глухомъ лѣсу, около какой-нибудь лѣсины, чуть не по колѣна въ снѣгу, съ двустволкой на перевѣсъ, и ждать первыхъ далекихъ криковъ гоньбы. Вотъ! Вотъ, кажется, началось!.. Или такъ только показалось... Но вотъ теперь уже ясно въ морозномъ воздухѣ раздался далекій гулъ. Сердце усиленно забилось. Паръ отъ дыханія вылетаетъ легкимъ облачкомъ. Ближе и ближе гонятъ «Мишука», слышнѣе крики и гамъ... Но вдругъ они глохнутъ, какъ бы отдаляются... «Неужели ушелъ? Прорвался!.. Бросился на загонщиковъ?!» думаете вы въ испугѣ... Но вотъ, вотъ снова, еще громче, явственнѣе раздаются возбуждающіе крики. Они сливаются въ одинъ громкій дружный гулъ—ближе и ближе. Вы усиленно всматриваетесь въ чащу... Вотъ, вотъ покажется черный пріятель... И вдругъ слѣва, вдали, громко раздается первый выстрѣлъ и за нимъ тотчасъ же еще, еще, еще... ближе и ближе къ вамъ... Вы всѣ—слухъ, ожиданіе и трепетъ... И вотъ что-то черное, точно черная громадная собака, мелькнуло вдали, и не успѣлъ вашъ ближайшій сосѣдъ выстрѣлить, какъ эта собака очутилась уже подлѣ васъ... Вы не успѣли изумиться той быстротѣ и легкости, съ какой Мишка прыгаетъ по сугробамъ, — а онъ уже передъ вами, съ приложенными ушами, съ ощетинившейся шерстью. Впопыхахъ вы стрѣляете и раните его въ лапу... Онъ взревѣлъ, остановился, поднялся во весь ростъ и прямо двинулся на васъ... Соберите всю твердость вашего духа... Подлѣ васъ сосѣди, товарищи... Не бойтесь и ждите, не стрѣляйте!.. Вотъ уже онъ въ двухъ шагахъ отъ васъ, реветъ отчаянно, кровь каплетъ изъ раны... Тогда изъ-за лѣсины, къ которой вы прислонили ваше ружье, цѣльте спокойно въ грудь, прямо въ сердце... и спускайте курокъ. Но будьте увѣрены, что прежде, чѣмъ вы его спустите, раздадутся выстрѣлы сосѣдей, которые прибѣжали на отчаянный ревъ звѣря... Мишка вдругъ кувыркнулся... прямо мордой въ снѣгъ и замолкъ... Подходите осторожно!.. Онъ можетъ быть только обезпамятѣлъ. Вмѣстѣ съ вами подходятъ ваши товарищи... «Мишка» лежитъ, не шевелится... Кровь бѣжитъ горячей струей, и снѣгъ быстро таетъ подъ ней. Легкій кровавый паръ поднимается отъ нея... «Лѣсной царь» убитъ!.. А солнце играетъ брильянтовыми искрами въ снѣжной пыли, а крики загонщиковъ еще раздаются, и вотъ одинъ за другимъ они выходятъ изъ лѣсу и собираются вокругъ убитаго звѣря.

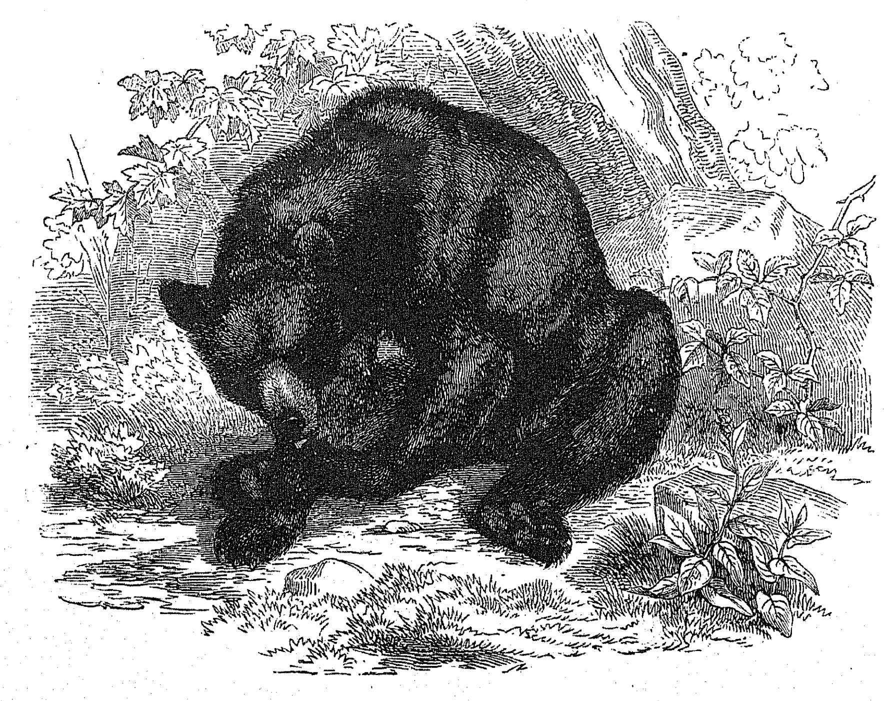
3. Черный медвѣдь — барибалъ или мусква.

Въ темныхъ, дремучихъ лѣсахъ Сибири и С. Америки изрѣдка попадаются экземпляры медвѣдей съ совсѣмъ черной шерстью, но «черными медвѣдями» (барибаломъ или мусквой) называютъ особенный видъ всей этой группы медвѣдей,—видъ, который преимущественно водится въ лѣсахъ С. Америки, а потому называется также «американскимъ медвѣдемъ».

Онъ какъ будто нѣсколько меньше нашего бураго медвѣдя. Эта разница болѣе кажущаяся, чѣмъ дѣйствительная. Онъ не такъ неуклюжъ, нѣсколько тоньше бураго медвѣдя. Голова его уже, рыло болѣе вытянуто и заострено. Вслѣдствіе его легкости, тонкихъ статей, онъ гораздо ловчѣе, подвижнѣе нашего неуклюжаго «Михаила Иваныча». Онъ можетъ дѣлать большіе и высокіе прыжки, вспрыгивать на небольшіе деревья, а главное—онъ можетъ быстро и легко лазать по этимъ деревьямъ, какъ бѣлка.

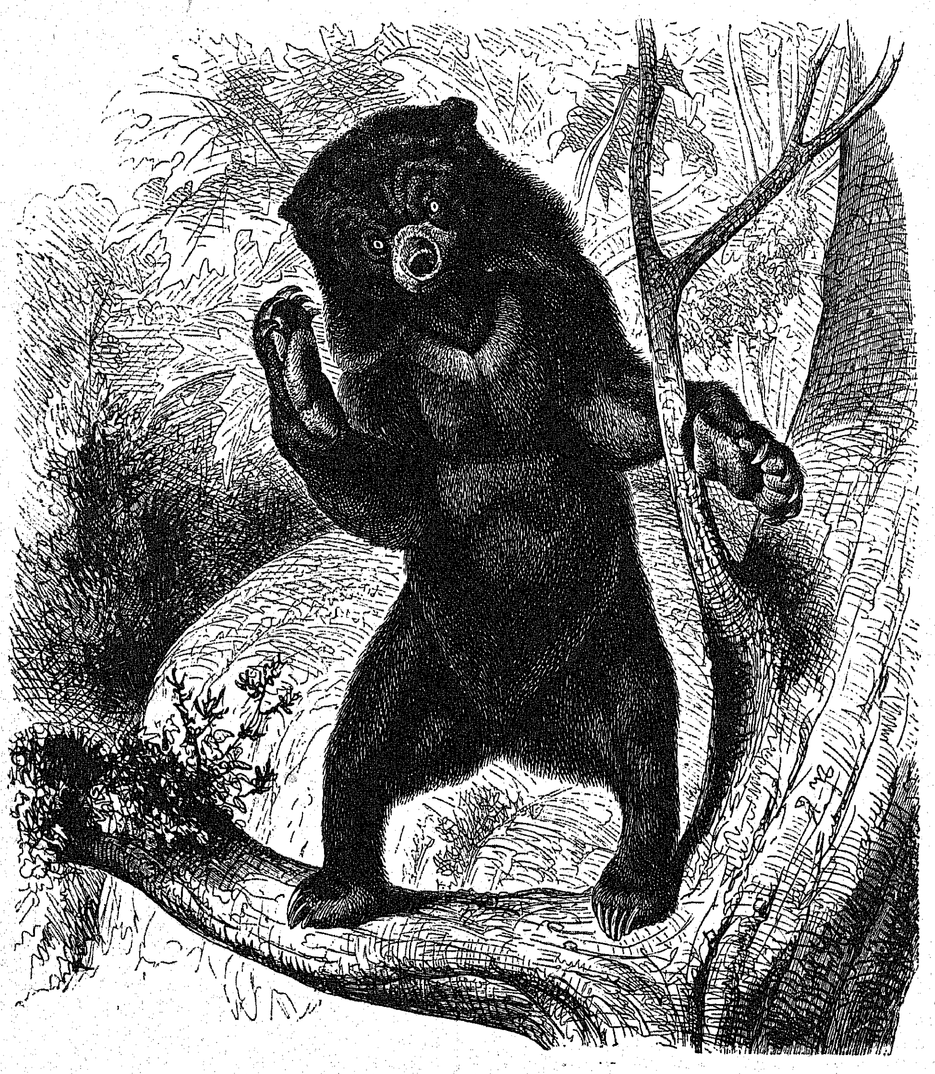
Отличіе, которое прежде всего бросается въ глаза — это цвѣтъ его шерсти, за который онъ и названъ «чернымъ медвѣдемъ». Онъ носитъ ту богатую, совершенно черную, гладкую, блестящую шубу, за которую его преимущественно преслѣдуютъ. Что въ особенности придаетъ красу его мѣху—это контрастъ блестящаго чернаго волоса съ блѣдножелтоватымъ цвѣтомъ на мордѣ, около

губъ, а иногда на лбу надъ глазами. Черный медвѣдь болѣе смирный, безобидный и добродушный звѣрь, чѣмъ нашъ угрюмый бурый медвѣдь. Онъ охотнѣе питается плодами, чѣмъ мясомъ. Хотя онъ такъ же или почти такъ же дикъ, какъ и нашъ «Михаилъ Иванычъ», но въ его повадкѣ и ухваткахъ есть что-то болѣе мягкое. Точно также, какъ и бурый медвѣдь, онъ большой лакомка, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ болѣе изнѣженъ. Для своего жилища онъ нерѣдко пользуется дупломъ толстаго, стараго дерева. Между его собратьями попадаются даже такіе сибариты, которые не могутъ неспать безъ мягкой подстилки. Они натаскиваютъ цѣлый ворохъ сухихъ листьевъ и спятъ на нихъ, какъ на перинѣ.

Черный медвѣдь или барибалъ.

Не потому ли черный медвѣдь болѣе труслив и опасливъ, чѣмъ нашъ бурый медвѣдь, что онъ привыкъ къ разнымъ удобствамъ жизни? Въ этомъ случаѣ два медвѣдя: бѣлый и черный представляютъ намъ двѣ противоположныя крайности. Бѣлый приспособился ко всѣмъ невзгодамъ суроваго полярнаго климата, для него не страшны ни холодъ, ни льды, ни снѣжныя бури. Черный, американскій медвѣдь не привыкъ къ этому полярному холоду. Болѣе изнѣженный, чѣмъ нашъ «косолапый Мишка», онъ боится холода, любитъ сочные, сладкіе плоды и мягкую подстилку.

Малайскій медвѣдь (бруанъ).

Но еще болѣе выступаютъ эти черты изнѣженности у южныхъ черныхъ медвѣдей, водящихся въ Бенгаліи или Непалѣ, на Малаккѣ и на Зондскихъ островахъ. Это красивые медвѣди съ короткой, гладкой, блестящей, черной шерстью и съ желтыми подпалинами на мордѣ. У малайскаго медвѣдя или бруана рѣзко бросается въ глаза свѣтложелтое или буроватое пятно на шеѣ, напоминающее формой полумѣсяцъ или офицерскій значекъ. Всѣ эти медвѣди не прячутся въ темные лѣса или глухія ущелья, а, напротивъ, любятъ дневной солнечный свѣтъ. Хотя они такъ же дики и нелюдимы, какъ всѣ медвѣди, но они сохраняютъ простодушный, дѣтскій характеръ, свойственный медвѣжатамъ почти на всю ихъ жизнь. Свѣтъ и растительная пища очевидно дѣйствуютъ на мягкость и общительность ихъ натуры.

Къ этимъ тремъ видамъ медвѣдей нужно еще присоединить *сѣраго* американскаго медвѣдя или гризли (U. ferox), который меньше бѣлаго, но крупнѣе нашего бураго медвѣдя. Онъ представляетъ намъ противоположность со всѣми другими медвѣдями. Онъ бываетъ добродушенъ только въ дѣтствѣ, когда онъ бываетъ еще маленькимъ медвѣжонкомъ, покрытымъ длинной шелковистой сѣрой шерстью. Тогда онъ очень забавенъ и красивъ. Но съ возрастомъ стано-

вится дикимъ и злымъ и въ зрѣломъ возрастѣ превосходитъ свирѣпостью всѣхъ другихъ медвѣдей. Американцы зовутъ его *старымъ Эфраимомъ*, и горе кому бы то ни было, кто встрѣтится съ этимъ страшнымъ звѣремъ въ лѣсу или глухомъ ущельѣ.

Эти четыре вида какъ бы раздѣлили между собою всю сѣверную половину Стараго и Новаго свѣта. Бурый медвѣдь поселился во всей Европѣ и Азіи. Черный и сѣрый медвѣдь населили сѣверную Америку, а бѣлый морской медвѣдь занялъ всѣ прибрежья холодныхъ, полярныхъ странъ.

Вотъ четыре вида, которые распространены въ настоящее время въ фаунѣ Европы, Азіи и Америки. Они выдержали борьбу со всѣми невзгодами климата, со всѣми животными. Все сѣверное полушаріе какъ бы отдѣлено отъ южнаго этой границей распространенія медвѣдей, бѣлаго, чернаго, бураго и сѣраго. Дѣйствительно, на югѣ попадаются очень немногіе виды медвѣдей и никогда не встрѣчаются такими стаями, какъ бѣлый медвѣдь въ Гренландіи, или бурый медвѣдь въ темныхъ лѣсахъ Сибири. Въ Африкѣ и южной Америкѣ медвѣдей вовсе нѣтъ.

Сѣрый американскій медвѣдь (гризли).

Сравнивая свирѣпость и нелюдимость «стараго Эфраима» съ добродушіемъ другихъ медвѣдей, невольно спрашиваешь себя: откуда явились эти несимпатичныя, отталкивающія черты его характера? Въ С. Америкѣ сѣрый медвѣдь живетъ въ тѣхъ же условіяхъ, въ той же самой обстановкѣ, какъ и черный, американскій медвѣдь. Отчего же всѣ туземцы боятся злого, свирѣпаго «Эфраима», и какой-нибудь индѣецъ, убившій его, считается самымъ храбрымъ человѣкомъ и съ гордостью носитъ ожерелье изъ зубовъ убитаго имъ медвѣдя?

Не показываетъ ли ясно это обстоятельство, что черты характера не зависятъ вполнѣ отъ условій, въ которыхъ проходитъ жизнь животнаго? Они подчиняются больше, чѣмъ мѣстнымъ, внѣшнимъ условіямъ,—внутреннимъ психическимъ вліяніямъ. Если въ этомъ вліяніи преобладаютъ свѣтлыя, открытыя черты, съ которыми животное встрѣчаетъ всѣ невзгоды жизни, то изъ него выработается свѣтлый, открытый характеръ, въ противоположномъ случаѣ, оно съ возрастомъ становится злымъ, свирѣпымъ и доходитъ до характера «стараго Эфраима».

Въ заключеніе, я хочу указать еще на одинъ видъ медвѣдя, гдѣ это вліяніе легкихъ условій для жизни—свѣта, тепла и растительной пищи—переступило границу и отразилось уродливостью на строеніи и образѣ жизни животнаго. На всемъ южно-азіатскомъ материкѣ, начиная съ подошвы Гималая, въ лѣсахъ Остъ-Индіи, въ Бенгаліи и на Цейлонѣ живетъ одинъ видъ страннаго, неуклюжаго, уродливаго медвѣдя — *губача* (Prochilus labiatus). Это—черный, приземистый медвѣдь, ростомъ въ $5^1/_2$—6 фут. въ длину. Косматый, съ густыми волосами на загорбкѣ, которые торчатъ вихрами во всѣ стороны, съ такими же волосами на лбу, которые могутъ подниматься въ видѣ хохла и падаютъ ему на глаза и на морду, какъ у болонки, съ громадными, длинными, кривыми когтями, которые позволяютъ ему легко и быстро лазать по деревьямъ тропическихъ лѣсовъ. Но всего страннѣе у него, это—его сильно подвижная бѣлая или сѣровато-бѣлая морда, съ маленькими свиными глазками. Онъ можетъ вытягивать губы въ разныя стороны, можетъ сгибать нижнюю губу въ видѣ ложки, можетъ складывать изъ обѣихъ губъ довольно длинную трубку. Ко всему этому его длинный и гибкій, плоскій языкъ можетъ высовываться далеко и схватывать разные плоды, ягоды, какъ мы схватываемъ ихъ

Встрѣча со «старымъ Эфраимомъ».

руками. Наконецъ, подвижнымъ ртомъ своимъ губачъ можетъ присасываться къ разнымъ предметамъ и, такъ сказать, засасывать эти предметы. Его организація-очевидно, вся приспособилась къ поѣданію плодовъ, насѣкомыхъ—для этого выработались и подвижныя губы, и хватающій языкъ, и длинные, крѣпкіе когти.

Разсматривая всю группу медвѣдей, сравнительно и въ связи ихъ жизни съ ея условіями, мы видимъ, что кромѣ этихъ условій жизнь и самый характеръ животнаго подчиняется извѣстному настроенію, извѣстному психическому тону, если можно такъ выразиться, и вотъ этотъ «тонъ» опредѣляетъ, главнымъ образомъ, складъ характера и нрава животнаго. Этотъ тонъ можетъ быть добродушенъ и простодушенъ, какъ у нашего «Михаила Иваныча», или у южныхъ индѣйскихъ медвѣдей, или можетъ быть злымъ и свирѣпымъ, какъ у «стараго Эфраима». Эти двѣ стороны—добрая и злая—представляютъ намъ какъ бы двѣ крайности и вмѣстѣ съ тѣмъ два пути, по которымъ можетъ идти, развиваться, характеръ и медвѣдя, и каждаго животнаго.

Медвѣдь-губачъ.

VII.

ГРУППА ТЮЛЕНЕЙ.

Группа тюленей.

1. Тюлени.

Въ лѣтній, ясный вечеръ Бѣлое море спокойно. Мирно смотрятъ въ тихія, голубыя воды бѣлыя стѣны Соловецкаго монастыря. Солнце краснымъ свѣтомъ играетъ на крестахъ его церквей. Въ воздухѣ повсюду разлита бодрящая прохлада. Онъ такъ чистъ и прозраченъ. Въ немъ слышны испаренія отъ морской воды, запахъ іода и озона, запахъ морскихъ травъ. Этотъ запахъ придаетъ ему удивительную свѣжесть.

Сядемте въ лодку, въ баркасъ и поплывемте. Мы плывемъ прямо къ двумъ большимъ крестамъ, которые сторожатъ, какъ вѣрные часовые, входъ въ Соловецкую бухту. Мы повертываемъ налѣво, мы плывемъ прямо къ «Заяцкимъ островамъ». Слѣва тянутся берега Соловецкаго залива; справа открытое море

Солнце уже совсѣмъ готово спуститься въ море. Сумракъ уже ползетъ на низы и все окутываетъ сѣроватой дымкой. Тишь, удивительная, благодатная тишь плыветъ вмѣстѣ съ нами. Гребцы дадутъ нѣсколько ударовъ веслами и поднимутъ ихъ. И снова тишь! Удивительная, благодатная тишь!..

И вдругъ, среди этой тишины, прямо передъ вами, изъ моря выныриваетъ человѣчья голова. Она смотритъ на васъ своими большими, удивленными глазами, пристально смотритъ, какъ будто спрашиваетъ:

— А что вамъ надобно здѣсь, среди моего царства?

Сходство до того поразительно и велико, что вы не вдругъ повѣрите, когда вамъ скажутъ, что это голова тюленя, а не человѣка.

Вотъ вынырнула еще голова. А тамъ дальше чуть мелькаетъ еще маленькая головка.

Вонъ ближайшая къ вамъ голова нырнула, спряталась, но черезъ нѣсколько минутъ она снова вынырнула еще ближе, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ вашей лодки, и вы невольно спрашиваете себя: что нужно этой любопытной головѣ морского звѣря? Зачѣмъ эти головы такъ выжидательно, удивленно, по-дѣтски глядятъ на васъ, провожаютъ вашу лодку, смотрятъ за вами. Понимаютъ ли они всю разницу, которая существуетъ между головой тюленя и человѣка? Думаетъ ли эта голова по-человѣчьи?

Если вы посмотрите на тюленя, лежащаго на берегу, то вы согласитесь, что единственное, что похоже въ немъ на человѣка, это—голова его. И то это сходство только въ грубыхъ чертахъ, только поверхностное, только въ сумеркахъ яснаго, лѣтняго вечера.

Но есть сходство болѣе глубокое, которое заложено въ нравахъ и въ чувствахъ тюленя.

Съ перваго взгляда трудно повѣрить, чтобы животное, такъ далеко стоящее отъ человѣка, такъ не сходное съ нимъ почти во всѣхъ органахъ и приспособленіяхъ, могло имѣть что-нибудь съ нимъ общее, въ его поступкахъ, настроеніяхъ, симпатіяхъ и во всемъ вообще патетическомъ складѣ его психики. А между тѣмъ на дѣлѣ это такъ.

Тѣло тюленя, при первомъ взглядѣ на него, напоминаетъ спеленатаго ребенка. Дѣйствительно, на сушѣ это тѣло спеленато, связано. У него недоразвиты ни переднія, ни заднія конечности. Тюленю, какъ рыбѣ, хорошо только въ водѣ. На землѣ онъ становится уродцемъ, превращается въ спеленатаго ребенка. Во всѣхъ его движеніяхъ, въ особенности быстрыхъ, торопливыхъ, вы видите почти полное отсутствіе приспособленія. Правда, тюлень можетъ, если можно такъ выразиться, «бѣжать» по землѣ и притомъ такъ быстро, что не всякій человѣкъ можетъ его догнать, но какъ же совершается этотъ бѣгъ?! Очевидно не такъ, какъ бѣгаютъ другія животныя, не съ помощью переднихъ или заднихъ оконечностей, ибо тѣ и другія не имѣютъ не только никакого приспособленія къ такому бѣгу, но онѣ съ трудомъ поддерживаютъ или перемѣщаютъ тѣло тюленя на сушѣ.

Эти оконечности даже не могутъ быть названы ни ногами, ни руками. Это—*ласты*, отлично приспособленныя для плаванія и вовсе не пригодныя для перемѣщенія на землѣ. Вотъ почему вы видите, что при быстромъ передвиженіи эти органы почти ни къ чему не служатъ. Тюлень передвигается всѣмъ тѣломъ. Онъ, какъ червякъ, какъ гусеница землемѣръ, сгибаетъ все тѣло, выгибаетъ свою спину дугой, упирается заднимъ концомъ тѣла въ землю и, такъ сказать, перебрасываетъ переднюю его половину впередъ и вслѣдъ за этимъ тотчасъ же снова сгибаетъ его дугой и опять бросается впередъ. Можно представить себѣ, какъ неуклюжи и нецѣлесообразны эти движенія, а между тѣмъ это самое быстрое передвиженіе, къ которому только способенъ тюлень на сушѣ.

Тюлени нерѣдко покидаютъ ихъ родную стихію—воду и выходятъ на берегъ. Лѣтомъ они даже проводятъ большую часть жизни на берегу. Они лежатъ на немъ цѣлыми громадными стадами, и такія мѣста называются звѣропромышленниками весьма образно: *лежбищами*. Если что-нибудь спугнетъ тюленей на такихъ лежбищахъ и пробудитъ въ нихъ панику, то все стадо въ нѣсколько сотенъ головъ бросается на-утекъ, въ море. Тогда-то они выдѣлываютъ эти неуклюжія, странныя движенія, посредствомъ которыхъ они могутъ быстро передвигаться, «бѣжать» по землѣ. При первомъ испугѣ все стадо взволнуется и въ неодолимой паникѣ покатится къ морю. Въ этомъ общемъ движеніи есть нѣкоторое сходство съ волнами моря. Въ бѣгущемъ стадѣ, то тамъ, то здѣсь быстро выгибаются и мелькаютъ спины тюленей, и всѣ они, какъ волны, скатываются съ берега и беззвучно исчезаютъ въ морѣ.

Въ головѣ тюленя много сходнаго съ головой человѣка; самое тѣло тюленя смутно напоминаетъ туловище человѣка. Въ этомъ сходствѣ можетъ-быть кроется источникъ баснословныхъ и суевѣрныхъ вымысловъ и разсказовъ. Въ сѣверныхъ моряхъ живетъ большой тюлень, достигающій въ длину одной сажени, съ тѣломъ, покрытымъ серебристо-бѣлой, короткой и гладкой шерстью. Мѣстами сквозь эту короткую шерсть просвѣчиваетъ розоватая кожа. Это *бѣлуха* (Delphinapterus leucas). При восходѣ или при закатѣ солнца такіе тюлени окрашиваются бѣло-розовымъ цвѣтомъ и могутъ быть приняты за людей, за группу морскихъ красавицъ. Если мы подумаемъ

при этомъ обо всѣхъ, съ древнихъ временъ, разсказахъ о чудесахъ моря, объ его таинственныхъ обитателяхъ, скрывающихся въ неизмѣримыхъ глубинахъ океана, то мы вполнѣ поймемъ, откуда вышли эти волшебныя сказки о морской царевнѣ, о морскомъ царѣ, родственномъ съ Нептуномъ и Посейдономъ классическаго міра. Мы увидимъ источникъ вымысла и легенды о нашихъ русалкахъ и морскихъ богатыряхъ. Фантазія человѣка всегда будетъ идти и далеко опережать то, что представляетъ ему дѣйствительный, реальный міръ.

Разсматривая, откуда произошли тюлени—эти рыбообразные и въ то же время человѣкообразные млекопитающіе, мы придемъ къ заключенію, что ихъ организація представляетъ регрессивное явленіе, представляетъ шагъ назадъ отъ прогрессивныхъ явленій.

Ближайшая станція, съ которой они отправились въ свой ретроградный путь, это земноводные хищники, сходные съ нынѣ живущими норкой, выдрой и морскимъ камчатскимъ бобромъ. Тюлени, слѣдовательно, хищныя, или правильнѣе, рыбоядныя животныя. Это не болѣе, какъ одна изъ вѣтвей обширной группы хищныхъ млекопитающихъ—вѣтвь, приспособившаяся къ жизни въ водѣ. Откуда вышло это приспособленіе, мы легко поймемъ, если сравнимъ движенія тюленя въ водѣ и на сушѣ.

На берегу моря тюлень напоминаетъ рыбу, выброшенную изъ воды на сушу. Мы уже знаемъ, какъ трудно его перемѣщеніе по сухому берегу, песку... Въ водѣ онъ тотчасъ же чувствуетъ себя, какъ дома. Онъ, какъ рыба, бросается стрѣлой наутекъ или за какой-нибудь добычей. Онъ прыгаетъ, купается, кружится и наслаждается вволю полной свободой движеній. Онъ устанетъ, проголодается, и передъ его мордой въ той же самой водѣ явится и заплещется стадо рыбокъ, которыхъ онъ схватитъ и съѣстъ съ аппетитомъ. Однимъ словомъ, вода для него вполнѣ родная и привычная стихія, и вотъ почему все тѣло его приспособилось къ жизни въ этой родной стихіи.

Для этого приспособленія прежде всего необходимо было уничтожить или уменьшить до минимума потребность дыханія, и природа сдѣлала это. Она развила въ шеѣ тюленя цѣлыя сѣтки мелкихъ кровеносныхъ сосудовъ *), которыя служатъ какъ бы резервуаромъ, или запаснымъ магазиномъ для алой, окисленной крови. Въ этихъ сѣткахъ она сохраняется и отсюда переносится въ тѣ мѣста, гдѣ наступаетъ недостатокъ въ этой алой, окисленной крови, или вѣрнѣе—она отдаетъ только содержащійся въ ней кислородъ.

Снабженный этими сѣтками тюлень можетъ пробыть довольно долго (до 125 секундъ, около 2 минутъ) въ водѣ, безъ дыханія. Но этими кровеносными «чудными сѣтками» не заканчивается приспособленіе къ водной жизни. Ноздри тюленя снабжены небольшими заслоночками или клапанами, которые тотчасъ захлопываются, какъ скоро тюлень погрузитъ свою голову въ воду. Наружныхъ ушей у него нѣтъ, а внутреннія также и для той же цѣли снабжены клапанами. Такимъ образомъ, тюлень, погружаясь въ воду, отрѣшается отъ надземныхъ впечатлѣній и становится вполнѣ водянымъ животнымъ.

Въ его организаціи отведено гораздо больше мѣста для этой жизни, чѣмъ для жизни на землѣ. Начиная съ его неуклюжаго «куклообразнаго» тѣла, съ его скелета съ оконечностями, приспособленными почти исключительно для плаванія, и кончая его наружностью, его кожей, подъ которой откладывается толстый пластъ жира (ворвани), который у нѣкоторыхъ большихъ формъ тюленей (какъ напр. у морскихъ слоновъ) достигаетъ въ толщину до одного фута. Благодаря этому жиру тюлень держится на водѣ, какъ поплавокъ, и легко, быстро перемѣщается, дѣлая стремительные прыжки въ нѣсколько саженъ. Придавая необычайную легкость этому тѣлу, жиръ въ то же время служитъ, какъ теплая шуба, надежной защитой отъ зимняго холода и морозовъ. Онъ замѣняетъ тюленю длинные, теплые волосa. Кожа тюленя обростаетъ короткими, жесткими волосами, и только у сравнительно немногихъ видовъ, какъ напр. у морскихъ котовъ, вмѣстѣ съ этими жесткими волосами мы встрѣчаемъ теплый, пушистый подшерстокъ.

Замѣчательно, что у одного тюленя — самки, которую Брэмъ содержалъ въ зоологическомъ саду въ бассейнѣ и которая родила маленькаго, этотъ маленькій тюленекъ тотчасъ же по рожденіи сбросилъ съ тѣла покровъ изъ длинныхъ, мягкихъ, шелковистыхъ волосъ. Должно замѣтить, что этотъ единственный разсказъ стоитъ въ противорѣчіи съ другими наблюденіями и очень походитъ на вымыселъ. (Въ новомъ изданіи Брема этотъ разсказъ выпущенъ).

Подобно тому, какъ жизнь и организація сѣвернаго оленя гармонично связана съ жизнью лопландца и самоѣда, какъ жизнь лошади связана съ жизнью бедуина,—жизнь тюленя связывается всецѣло съ жизнью гренландца. Гренландецъ существуетъ на счетъ тюленя, на счетъ его мяса, жиру, кожи и почти всѣхъ частей его тѣла. Мясо тюленя гренландецъ ѣстъ сырое, или вареное и копченое. Для вкуса европейца оно противно. Для гренландцевъ оно составляетъ лакомство. Въ особенности имъ кажется вкусной кровь тюленя, смѣшанная съ морской водой. Эту смѣсь варятъ и ѣдятъ или въ видѣ горячей похлебки или въ замороженномъ видѣ, какъ нашу «мороженое». Эту смѣсь послѣ долгой варки скатываютъ въ шары, сушатъ и сохраняютъ въ запасъ на голодный день.

Ребра убитаго тюленя обтачиваются на одномъ концѣ и служатъ вмѣсто гвоздей, которыми прибиваютъ его же шкуру къ землѣ для ея просушки. Лопатки тюленя употребляются, какъ заступы; изъ сухожилій приготовляются крѣпкія нитки. Наконецъ шкура его идетъ на обивку легкихъ челноковъ или байдаръ. Изъ этихъ шкуръ гренландецъ шьетъ себѣ верхнюю одежду и шапку, а высушенныя тонкія стѣнки кишекъ идутъ, въ видѣ прочной матеріи, на непромокаемые плащи. Эта же самая полупрозрачная матерія замѣняетъ стекла въ юртахъ гренландца. Словомъ, все въ тѣлѣ тюленя идетъ въ употребленіе.

Привыкшій съ дѣтства, съ малыхъ лѣтъ, къ суровому климату, къ холодному вѣтру и сѣвернымъ бурямъ, гренландецъ на своей крохотной, легонькой байдаркѣ чувствуетъ себя, какъ дома. Онъ и его байдарка составляютъ какъ бы одинъ, цѣльный организмъ. Вооруженный короткимъ, лопатообразнымъ весломъ, онъ быстро и ловко носится по волнамъ своего холоднаго, родного, привычнаго моря. Онъ какъ бы чувствуетъ движенія своей байдары и движеніями своего тѣла замедляетъ или ускоряетъ ходъ ея. При томъ онъ можетъ грести на ней, почти не шевеля весломъ; безъ всякаго шума онъ подплываетъ къ зазѣвавшемуся или заигравшемуся тюленю и ловкой, привычной рукой пускаетъ въ него гарпунъ. Оружіе вонзается глубоко въ шею, въ грудь или въ бокъ тюленя, который быстро погружается въ море. Но также быстро развертываетъ гренландецъ длинную, крѣпкую веревку, привязанную къ древку, а на свободномъ концѣ этой веревки прикрѣпленъ пузырь, который тюлень не въ силахъ утянуть въ воду.

По большей части не одинъ, а нѣсколько гренландцевъ охотятся вмѣстѣ за тюленемъ. Они безъ шума подплываютъ къ животному, которое беззаботно плещется въ морѣ, или крѣпко спитъ на его качающихся, баюкающихъ волнахъ. Всѣ его движенія и повадки изучены охотниками, и каждая обозначается особеннымъ терминомъ. Подплывъ неслышно къ тюленю, одинъ изъ охотниковъ кидаетъ въ него гарпунъ, который впивается въ его тѣло, но, не имѣя крючковъ, чтобъ зацѣпиться, тотчасъ же выпадаетъ; кровь льется изъ открытой раны.

*) Это такъ называемыя *«чудныя сѣтки»*, *retae mirabiles*.

За ней слѣдуетъ другая, отъ мѣткой руки другого охотника. Тюлень старается уплыть, спастись отъ страшныхъ гарпуновъ. Но гренландцы терпѣливо ждутъ и неутомимо преслѣдуютъ его.

Онъ погружается въ воду. но преслѣдователи неуклонно слѣдятъ и ждутъ его. Они плывутъ по его слѣдамъ и подбираютъ легкіе дротики—гарпуны, которые, выпавъ изъ его ранъ, плаваютъ по водѣ. Наконецъ несчастный звѣрь, измученный долгимъ преслѣдованіемъ и потерей крови, выплываетъ, съ трудомъ дыша, на поверхность моря и отдается смерти. Его прирѣзываютъ или прикалываютъ, трупъ его прицѣпливаютъ на буксиръ къ какой-нибудь байдарѣ и влекутъ съ торжествомъ домой.

Если охота была удачна, то охотникъ можетъ прицѣпить къ своей байдаркѣ до пяти тюленей. Онъ подрѣзываетъ кожу тюленя и надуваетъ его воздухомъ, чтобы трупъ лучше держался на водѣ и легче плылъ вмѣстѣ съ лодкой.

Раны, полученныя тюленемъ, гренландецъ тщательно затыкаетъ деревянными колышками или пробками, чтобы не терять даромъ крови, которая для него дорога, какъ особое лакомство.

Охоту на стада тюленей цѣлой облавой никакъ нельзя назвать охотой—это смертный бой несчастныхъ животныхъ. Звѣропромышленники даютъ улечься спокойно цѣлому большому стаду, и когда оно успокоится, они вдругъ кидаются на него въ самую середину, и съ крикомъ и гикомъ начинается «смертный бой». Несчастныя животныя, разбуженныя и испуганныя, кидаются бѣжать къ морю, но передъ ними повсюду встаетъ тяжелая, крѣпкая дубина—«глушакъ»—убійцы, и они падаютъ и покорно умираютъ подъ его ударами.

Понятно, что при этой бойнѣ первое и главное вниманіе звѣропромышленниковъ направлено на удержаніе стада на мѣстѣ, на лежбищѣ. Убойцы окружаютъ его сплошной стѣной и бьютъ, бьютъ изо-всѣхъ силъ тяжелыми дубинами кроткихъ, плачущихъ тюленей. Напрасно старые, сильные сѣкачи стараются защитить своихъ матокъ отъ этихъ губительныхъ ударовъ. Дубина бьетъ прямо по головѣ. Она глушитъ, разбиваетъ черепъ, разбрасываетъ мозгъ. Несчастный тюлень испуганъ ошеломленъ. Нѣсколько тяжелыхъ ударовъ, и вся голова его разбита въ дребезги. Кровь льетъ ручьями. Онъ какъ бы застылъ, замеръ подъ ударами дубины и стоитъ, ничего не видя, стоитъ, какъ кровавый призракъ,

Иногда случается, что въ этомъ видѣ несчастный тюлень простаиваетъ нѣсколько дней. Голова его представляетъ одинъ кровавый комъ. Онъ уже ничего не чувствуетъ, онъ живетъ, какъ обезглавленная лягушка—чисто рефлекторной, безсознательной жизнью, но все-таки живетъ.

Такія охоты бываютъ на мѣстныхъ тюленей, которые принадлежатъ преимущественно къ одному виду такъ называемыхъ *лысуновъ* или *сѣрокъ*, т. е. сѣрыхъ тюленей, хотя цвѣтъ ихъ тѣла не совсѣмъ подходитъ къ этому названію. Онъ серебристо-бѣлый или желтоватый съ двумя темными, почти черными пятнами съ обоихъ боковъ. Эти пятна сходятся на спинѣ тюленя и образуютъ здѣсь одно большое пятно, похожее на крылья птицы или бабочки. Въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ мѣстахъ тюлень этотъ извѣстенъ подъ именемъ *чернобокаго* тюленя.

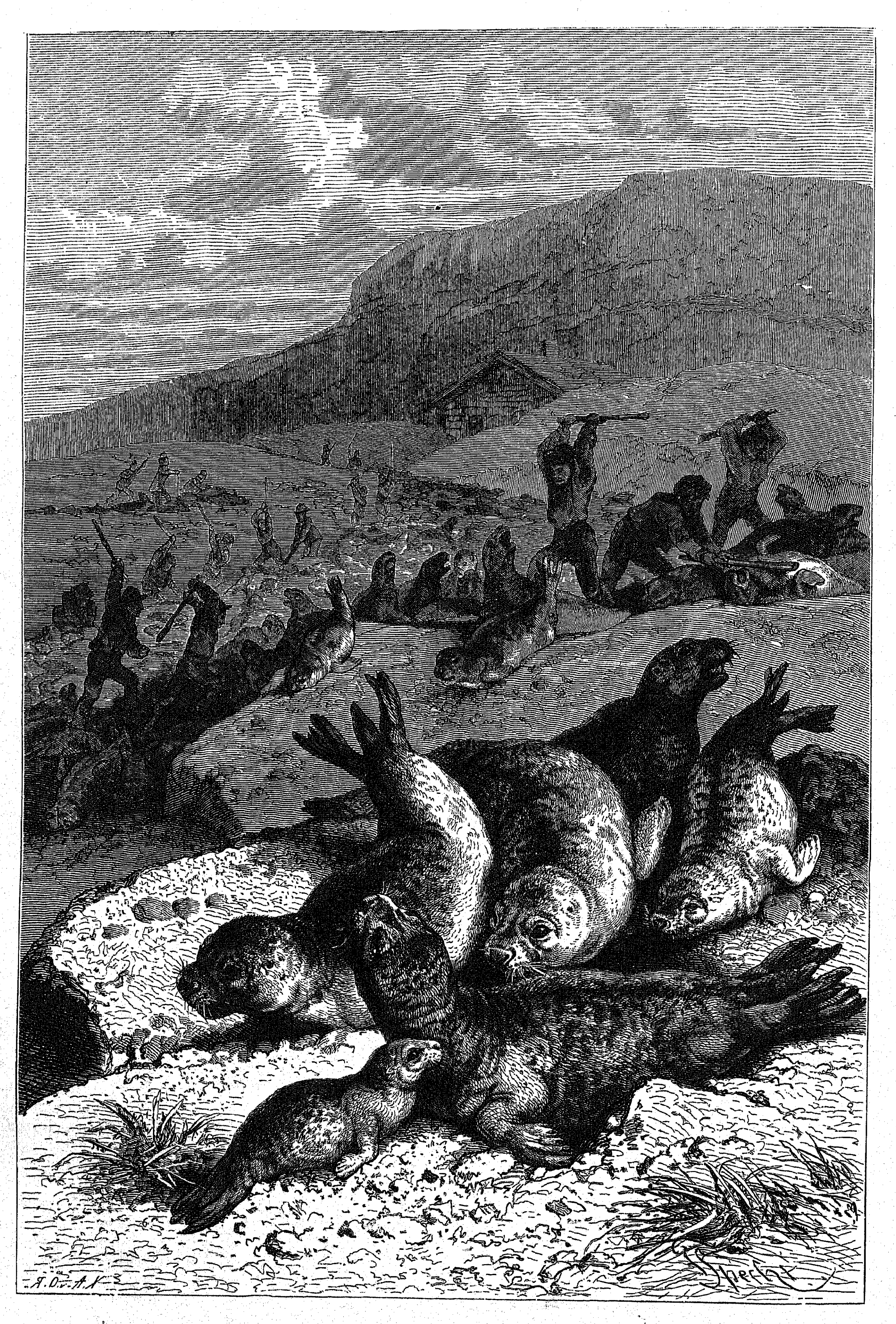
Вмѣстѣ съ обыкновеннымъ тюленемъ грязно-желтоватаго цвѣта съ мелкими темными пятнами, разбросанными по всему тѣлу, сѣрки водятся въ сѣверныхъ моряхъ по берегамъ Европы и Гренландіи. Тотъ и другой видъ попадается цѣлыми, большими стадами.

Тюлень по натурѣ своей—сибаритъ и лѣнтяй. Во всякое время дня онъ готовъ лежать на своемъ «лежбищѣ», или, вѣрнѣе говоря, сибаритствовать на пригрѣвѣ солнца, валяться и наслаждаться il dolce far niente. Все стадо заражено этимъ «ничего не дѣланьемъ». При всякомъ удобномъ случаѣ оно вылѣзаетъ изъ воды на берегъ, на знакомые ему мѣста и валяется здѣсь или грѣется на солнцѣ. Сначала, когда все стадо состоящее изъ нѣсколькихъ десятковъ, или даже сотенъ головъ, уляжется на берегу, всѣ тюлени лежатъ въ той позѣ, въ которой они вползли на берегъ, т. е. на брюшной сторонѣ. При этомъ укладываньи на спанье каждый тюлень стремится занять то мѣсто, которое онъ прежде облюбовалъ. Быстрые и храбрые, болѣе дѣятельные и энергичные взбираются выше и дальше; лѣнивые и медленные остаются позади ихъ. Прежде и выше всѣхъ другихъ взбираются старые, сильные самцы—сѣкачи. Они ворчатъ, бормочутъ, стонутъ и зорко смотрятъ по сторонамъ, чтобы не обогналъ его кто-нибудь изъ его соперниковъ и не втерся въ его стадо. Каждый сѣкачъ имѣетъ своихъ спутниковъ, или, правильнѣе говоря, спутницъ, т. е. самокъ. И вотъ, взбираясь на берегъ, онъ поневолѣ принужденъ сторожить, чтобы соперники не заняли болѣе удобныхъ мѣстъ и чтобы самки изъ его стада не перебрались къ сосѣдямъ. Понятно, какъ сильно возбужденъ каждый изъ этихъ ревнивыхъ самцовъ. Малѣйшее раздраженіе, самый слабый поводъ, и онъ бросается въ драку съ ближайшимъ и болѣе подозрительнымъ для него сосѣдомъ. Онъ жестоко кусаетъ его, царапаетъ лапами, визжитъ и ворчитъ и только тогда успокаивается, когда его соперникъ отсталъ отъ его стада и улегся на мѣсто. Мало-по-малу эти одиночныя вспышки вражды и ревности успокаиваются. На мѣсто ихъ выплываетъ доброе настроеніе и жизнерадость. Все мало-по-малу затихаетъ, и только маленькіе тюленята весело играютъ и беззаботно ластятся къ своимъ матерямъ-кормилицамъ. Солнце пригрѣваетъ сильнѣе и сильнѣе, и вмѣстѣ съ его теплыми лучами въ спящее или нѣжащееся стадо входитъ довольство и наслажденіе жизнью. Теперь лежбище вполнѣ заслуживаетъ свое названіе. Всѣ тюлени лежатъ въ повалку, выставляя то тотъ, то другой бокъ, подъ грѣющіе и нѣжащіе лучи солнечнаго тепла и свѣта. Вонъ одинъ старый, рослый сѣкачъ развалился бариномъ на спинѣ и тихо перебираетъ своими лапами-ластами въ воздухѣ. Онъ закинулъ голову назадъ, какъ котъ, которому нѣжно щекочутъ подъ горломъ. Глаза его закрыты, а изъ раскрытаго рта вылетаютъ какіе-то неясные, неопредѣленные звуки, не то онъ ворчитъ, не то нѣжно и тихо мурлычетъ.

Малѣйшій испугъ, появленіе какого-нибудь хищника мгновенно измѣняютъ характеръ картины. Все зашевелится, закопошится, заволнуется, и всѣ лежебоки покатятся кувыркомъ къ морю. Въ этой паникѣ и суматохѣ самцы нисколько не заботятся о своихъ семьяхъ. Матери толкаютъ мордой лѣнивыхъ или нетороппивыхъ тюленятъ, иногда несутъ ихъ въ зубахъ.

Вообще жизнь тюленя протекаетъ тихо и монотонно, большею частью въ лежаньѣ на берегу. На сушѣ тюлень не можетъ найти прокорма и поневолѣ долженъ идти въ воду, чтобы ловить рыбу или раковъ. Для поисковъ и овладѣнія этой добычей ему не надо быть очень смѣтливымъ и хитрымъ. Добыча достается ему почти безъ всякаго труда. Вотъ почему странно видѣть мозгъ тюленя сильно развитымъ (сравнительно съ его тѣломъ), точно также какъ и отправленія этого мозга. Вѣроятно этотъ мозгъ достался ему по наслѣдству отъ хищныхъ паземныхъ животныхъ—выдры, норки, камчатскаго бобра и т. п.

Тюлень въ неволѣ поражаетъ своей смышленостью, способностью приспособляться и выпутываться изъ затруднительныхъ положеній. Въ особенности это должно сказать о тюленяхъ, или, правильнѣе говоря, о нерпухахъ, которыя во многомъ отличаются отъ настоящихъ тюленей. Во-первыхъ, онѣ больше обыкновенныхъ тюленей. Нерпуха, называемая «морскимъ львомъ», достигаетъ въ длину до $1^1/_2$ сажени. Бóльшаго роста достигаютъ самцы.

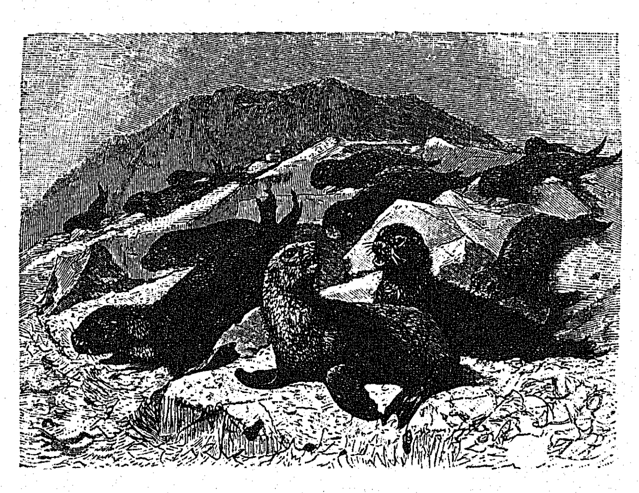

Тюленья охота на Прибыловыхъ островахъ.

Эти морскіе львы имѣютъ короткую курчавую гриву, которая замѣтна только у самцовъ, въ особенности у старыхъ. Они водятся въ холодныхъ водахъ Ю.-Америки, около Огненной Земли.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одного изъ такихъ тюленей воспиталъ и привезъ въ Европу одинъ французскій матросъ Леконтъ. Когда онъ показывалъ этого тюленя въ лондонскомъ зоологическомъ саду, то публика стекалась на эти оригинальныя представленія толпами, и дирекція сада предложила старому моряку Леконту остаться сторожемъ при садѣ, вмѣстѣ съ его тюленемъ. Леконтъ согласился.

Для тюленя устроили довольно большой и глубокій бассейнъ съ возвышеніемъ посрединѣ. Цѣлый рядъ забавныхъ или патетическихъ сценъ разыгрывались между молодымъ тюленемъ и старымъ морякомъ, его воспитателемъ. По его приказанію морской львёнокъ дѣлалъ въ водѣ разныя эволюціи, бросался стрѣлой направо или налѣво, кувыркался, вертѣлся волчкомъ, взлѣзалъ на среднее возвышеніе, на довольно узкую доску, и перекатывался поперекъ ея. Онъ смотрѣлъ въ глаза Леконту своими умными, выразительными глазами и повиновался малѣйшему его жесту. Онъ выпрыгивалъ изъ бассейна прямо ему на руки или на колѣни и какъ будто цѣловалъ своего воспитателя, т. е. тыкалъ свою мокрую, усатую морду прямо ему въ лицо. За каждый фокусъ онъ получалъ кусокъ свѣжей рыбы. Но, очевидно, эта приманка не играла большой роли въ этихъ упражненіяхъ, и сильнѣе ея заставляла тюленя повиноваться его привязанность къ Леконту. Въ особенности интересно было видѣть, какъ Леконтъ ласкалъ, гладилъ, цѣловалъ тюленя, и какъ онъ отвѣчалъ на эти ласки такими же нѣжностями. Онъ обнималъ Леконта своими ластами, прижималъ свою усатую морду къ лицу Леконта и тихо, нѣжно ворчалъ или урчалъ. Эти эволюціи обыкновенно оканчивались слезами. Тюлень, лаская своего любимаго воспитателя, плакалъ, и его слезы текли обильно изъ глазъ и мочили грудь его и Леконта.

Нерпухи.

Эта способность плакать составляетъ отличительную черту нерпухъ и тюленей. Молодые тюленята и матки плачутъ при всякой бѣдѣ и горѣ. Это сильное вліяніе патетическихъ движеній на слёзныя железы, какъ мнѣ кажется, доказываетъ сильную чувствительность тюленя. Когда звѣропромышленники убьютъ дѣтей, а маткамъ удастся спастись, то нерѣдко онѣ нѣсколько дней послѣ того выходятъ на берегъ, зовутъ своихъ дѣтей и горько плачутъ, плачутъ «въ три ручья», какъ говоритъ нашъ народъ...

Отъ настоящихъ тюленей эти нерпухи отличаются прежде всего строеніемъ своихъ ластовъ, болѣе длинныхъ и свободныхъ, т. е. болѣе приближающихся къ переднимъ оконечностямъ другихъ животныхъ. На этихъ ластахъ животное стоитъ и ходитъ, какъ на обыкновенныхъ оконечностяхъ. При ходьбѣ оно выдвигаетъ сперва одну ногу впередъ, потомъ другую, причемъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ человѣкомъ, ползущимъ на колѣняхъ.

Вотъ что разсказываетъ объ этихъ животныхъ одинъ изъ французскихъ путешественниковъ (Райналь), потерпѣвшій крушеніе около Ауклендскихъ острововъ.

«Когда мои товарищи заснули и я пытался сдѣлать то же, вдругъ странный шумъ привлекъ мое вниманіе... Это было шуршаніе травы, храпѣніе, тяжелое дыханіе, которое поднималось со всѣхъ сторонъ и по временамъ покрывалось болѣе громкимъ рычаніемъ. Мы были окружены морскими львами, которые весь день плавали въ водахъ залива, а на ночь взлѣзли на берегъ и заползли въ траву и кустарникъ. Вдругъ шумъ увеличился, такъ что мои товарищи проснулись въ испугѣ и бросились вонъ изъ палатки. Аликъ вооружился топорóмъ, а другіе дубинами. Я послѣдовалъ за ними.

«Было еще довольно свѣтло. Мы увидѣли двухъ морскихъ львовъ, которые дрались съ ожесточеніемъ.

«Они были громадны. Каждый имѣлъ, по крайней мѣрѣ, около двухъ метровъ вокругъ груди. Оба встали на дыбы. Грива поднялась. Глаза горятъ. Ноздри раздулись. Углы рта оскалились. Эти чудовища раскрыли свои пасти, надъ которыми выдавались ихъ длинные и толстые усы и ужасные клыки. Каждую минуту они бросались другъ на друга и грызлись, вырывая другъ у друга длинные лоскуты мяса, а кровь текла ручьемъ изъ этихъ ранъ.

«Чтобы положить конецъ этой битвѣ, шумъ которой мнѣ не далъ спать, Жоржу и Гарри пришла счастливая мысль: принести горящія головешки и бросить ихъ посреди сражавшихся. Испуганные звѣри перестали драться и быстро ушли въ кустарникъ.

«Ночь прошла тихо, безъ другихъ безпокойствъ, кромѣ сырости и неудобства нашихъ жесткихъ постелей, отчего мы встали поутру болѣе изломанные и усталые, чѣмъ наканунѣ. Вокругъ палатки мы увидѣли слѣды морскихъ львовъ, нѣкоторые изъ нихъ были еще теплы. Но звѣри исчезли. Они вернулись въ море.

«Только легкій шумъ въ травѣ далъ намъ знать, что въ ней скрывается какой-то запоздавшій тюлень. Въ желаніи отвѣдать мяса этихъ животныхъ, которые вскорѣ должны были сдѣлаться единственной нашей пищей, товарищи мои пустились его отыскивать. Они нѣсколько разъ теряли его слѣдъ, застревали въ кустахъ или взлѣзали на стволы деревьевъ, тогда какъ животное пролѣзало внизу и бѣжало впередъ. Это преслѣдованіе продолжалось довольно долго. Наконецъ раздались крики побѣды, и вскорѣ я увидѣлъ охотниковъ, несшихъ на спинахъ куски животнаго. Ихъ платье было все изорвано и мокро. Они принуждены были, чтобы избѣжать кустовъ, то взлѣзать на утесы, то идти въ водѣ, обремененные добычей, у подошвы остроконечныхъ скалъ.

«Несмотря на усталость, Мусгревъ, Жоржъ и Аликъ захотѣли воспользоваться отливомъ, чтобы пройти къ кораблю и взять вещи, которыя мы не могли захватить съ собой и которыя остались на палубѣ. Во время ихъ отсутствія мы, Гарри и я, занялись высушиваніемъ нашей провизіи и нашихъ досокъ, которыя служили намъ постелью, убрали все въ нашей палаткѣ, и принялись жарить кусокъ тюленя. Мы повѣсили его на веревкѣ на вѣтвь дерева надъ большимъ огнемъ, и я вертѣлъ «жаркое», толкая его по временамъ палкой...

«Къ полудню, когда вернулись наши товарищи, мясо дожарилось, и мы храбро накинулись на него. Это мясо черное, грубое, жесткое, пропитанное ворванью, показалось намъ удивительно невкуснымъ. Намъ необходимо было привыкнуть къ нему. Если мы ѣли мясо молодого тюленя съ такимъ отвращеніемъ, то какъ же мы отнесемся къ мясу стараго тюленя, когда мы будемъ принуждены имъ питаться и выбора для насъ не будетъ?..

. . . .

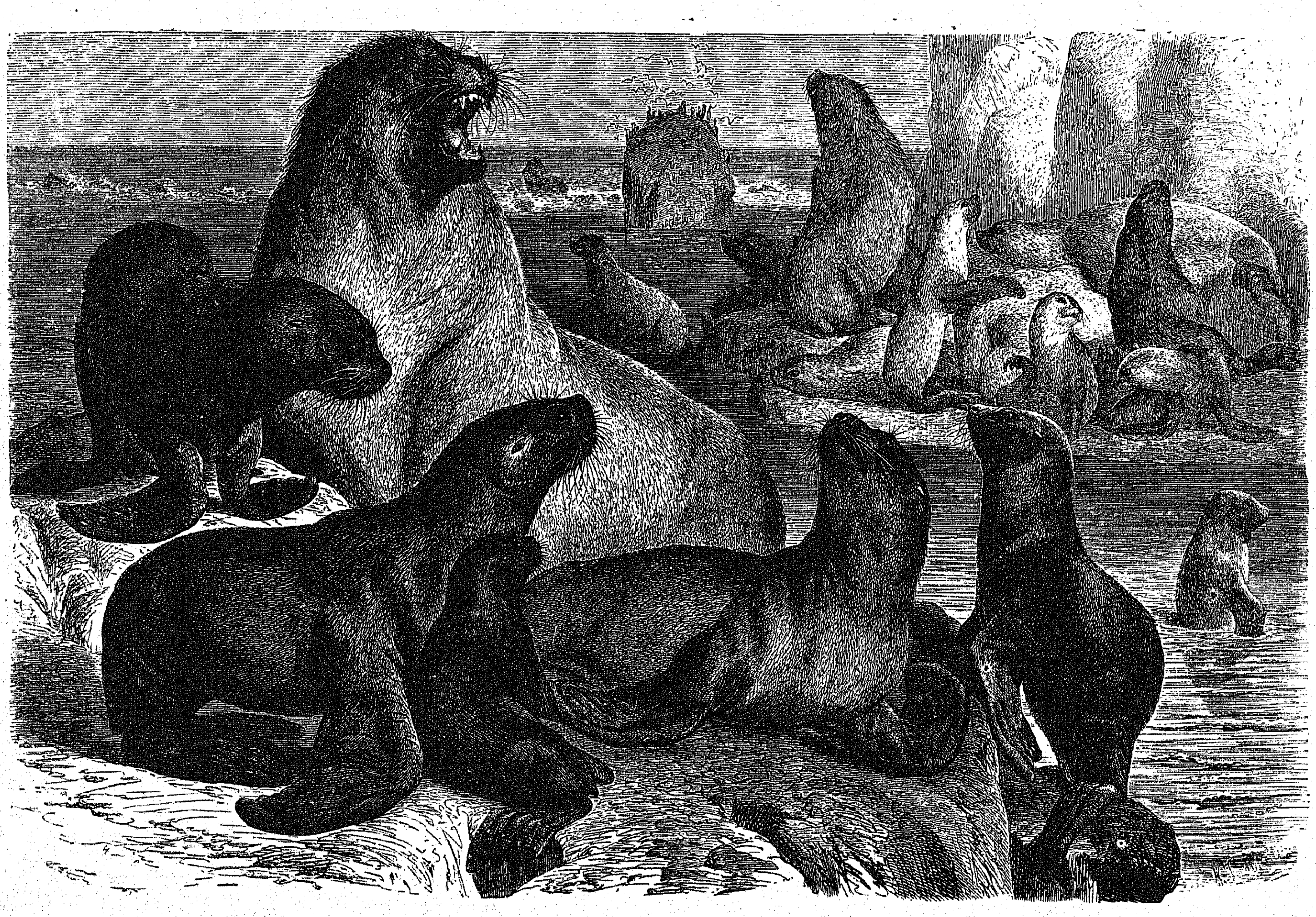
«Пріѣхавъ на оконечность острова, мы увидѣли огромное стадо тюленей. Молодые играли другъ съ другомъ, возлѣ ихъ матерей. Посреди стада стоялъ старый сѣкачъ, который съ гордостью повелителя смотрѣлъ на эти дѣтскія игры. Онъ смотрѣлъ древнимъ патріархомъ, которому доставляла видимое удовольствіе эта игра его внуковъ. Когда онъ открывалъ свою громадную пасть, то вмѣстѣ съ тѣмъ открывались его челюсти, почти вовсе беззубыя. Его взглядъ былъ удивительно кротокъ. Очевидно, онъ достигъ глубокой старости, и мы прозвали его: *Царь Ѳомка* (Royal Tom).

«Этотъ старый «царь Ѳомка» скоро открылъ наше присутствіе. Онъ испустилъ громкое и продолжительное рычаніе и распространилъ тревогу во всемъ стадѣ. Тогда, не теряя времени, мы сдѣлали внезапное вторженіе въ самую середину стада, туда, гдѣ были молодые, и начали въ упоръ. Гулъ выстрѣла испугалъ тюленей. Все стадо повернуло въ сторону, отказавшись отъ преслѣдованія.

. . . .

«На другой день мы сдѣлали второй визитъ на островъ Гюи, чтобы пополнить нашу провизію.

«Мы нашли «царя Ѳомку» окруженнаго, какъ и прежде, нѣсколькими самками и большимъ числомъ молодыхъ тюленей. Старый монархъ, оскаля свои изношенные зубы, вызывалъ насъ на битву, но мы, не желая лишать его жизни, отклонили этотъ вызовъ и набросились на молодыхъ. Мы убили одиннадцать. Весьма случай забавный оживилъ нашу охоту. Въ то время, когда мы волокли нашу добычу къ морю, преслѣдуемые по пятамъ старыми сѣкачами и ихъ самками, Жоржъ, обремененный тяжелой ношей, очутился вдругъ въ узкомъ ущельѣ, лицомъ къ лицу съ огромнымъ львомъ. Безсознательно, инстинк-

На лежбищѣ.

бить менѣе быстрыхъ. Семь тюленей уложили на мѣстѣ. Тогда мы поспѣшили уволочь ихъ трупы изъ виду ихъ сотоварищей. Мусгревъ, Аликъ и я, оставивъ наши дубины на сохраненіе Гарри, схватили каждый по два тюленя за заднія ласты и поволокли. Седьмого поволокъ Гарри своей свободной рукой. Мы благополучно добрались до воды, прыгнули въ лодку и отправились по направленію къ Эпигвайту.

«Прошло нѣсколько минутъ, и мы увидѣли, что самки, отчаянные крики которыхъ раздавались съ берега, бросились въ воду и въ сопровожденіи старыхъ львовъ поплыли прямо къ намъ. Долгое время они гнались за нами. Одна изъ нихъ даже бросилась въ лодку, выпрыгнула изъ воды и, не попавъ въ нее, грузно шлепнулась въ море, обдавъ насъ всѣхъ пѣной и брызгами. Боясь, что она прыгнетъ вторично и, попавъ въ лодку, опрокинетъ ее, я взялъ свое ружье и выстрѣлилъ въ нее почти тивно онъ выпустилъ изъ рукъ свою добычу и вспрыгнулъ на вѣтку, сѣвъ на нее верхомъ, какъ разъ въ то время, когда зубы звѣря добирались до его ногъ. Но преслѣдовавшій его мститель расположился подъ вѣткой, поднявъ голову и вытаращивъ глаза на своего непріятеля. Эта сцена продолжалась нѣсколько минутъ. Человѣкъ и тюлень оставались неподвижны, наблюдая другъ за другомъ. Я не знаю, чѣмъ бы кончилась эта сцена и когда бѣдный Жоржъ могъ бы слѣзть съ своей насѣсти, если бы я, взявъ ружье, не подоспѣлъ къ нему и не всадилъ бы пулю въ голову животнаго.

«Такимъ образомъ мы захватили еще богатую провизію тюленьяго мяса. Но эта пища наконецъ намъ надоѣла и сдѣлалась противною до тошноты! Чего бы мы не дали за кусочекъ зелени, хотя бы это была кожурка картофеля, которую мы во время переѣзда выбрасывали за бортъ.

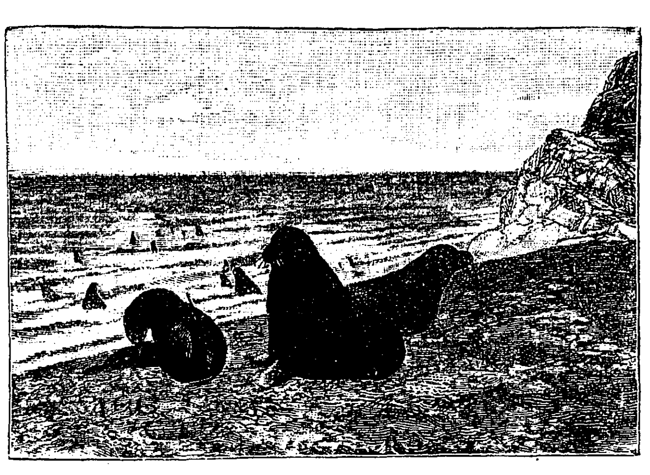
«Мы уже пробовали нѣсколько разъ питаться корнями туземныхъ растеній, но ни одно изъ нихъ намъ не казалось съѣдобнымъ...

«Видя громадное количество этихъ животныхъ, которыя съ нѣкоторыхъ поръ сдѣлались рѣдкими, мы весьма обрадовались. Эти звѣри собрались затѣмъ, чтобы покинуть губу. Мы увидѣли, какъ разныя небольшія стада соединялись въ одно большое стадо и направлялись къ главному выходу бухты. Морскіе львы эмигрировали, удалялись. Легко понять наше отчаянье. Это былъ «нашъ насущный хлѣбъ», который уплывалъ отъ насъ.

«Быстро, однимъ прыжкомъ, мы были на берегу, столкнули лодку и поплыли на островъ Гюн, въ надеждѣ застать тамъ нѣсколько запоздавшихъ тюленей, такъ какъ нашъ запасъ свѣжаго мяса былъ почти истощенъ. Но наши поиски были напрасны. Прибрежье было пусто! «Царь Ѳомка» отсутствовалъ. Онъ самъ, вѣроятно, оставилъ его излюбленное царство. Мы принуждены были вернуться на Эпигвайтъ съ пустыми руками.

«Мы были ошеломлены, уничтожены. Намъ предстоялъ долгій, можетъ быть безконечный постъ и голодная смерть.

«Намъ необходимо было сѣсть на порціи, такъ какъ мы были принуждены приняться за куски соленаго мяса, которые висѣли подъ навѣсомъ нашей лачужки. Соль и дымъ хорошо сохранили это мясо, но ворвань, которая была въ немъ, сдѣлалась горькою и приняла вкусъ и запахъ гнилой рыбы, что было нездорово. Не имѣя выбора мы продолжали ѣсть его, хотя наше здоровье очевидно страдало и внушало намъ опасенье за наше будущее.

Морскіе коты.

«Мы прибавляли къ этому испорченному мясу ракушекъ, рыбы, нѣсколько баклановъ, убитыхъ изъ ружья на скалахъ. Но время позволяло намъ только изрѣдка выходить на охоту, а птицъ мы добывали только въ крайнихъ случаяхъ, чтобы сберечь по возможности оставшійся у насъ небольшой запасъ патроновъ. Наше положеніе было весьма печально.

«Было очень холодно. Термометръ показывалъ 2⁰ ниже нуля. Уже 8 дней была почти постоянно холодная погода. Подъ дождемъ растаялъ снѣгъ. Только на вершинахъ, морозъ, закрѣпляя его, прибавлялъ новые слои къ леднику, который увѣнчивалъ пикъ.

«Небо наконецъ прояснилось. Солнце по временамъ проглядывало, но свѣтъ его былъ очень блѣденъ. И все-таки, когда оно свѣтило, всѣ ледники отражали миріады блестящихъ искръ, которыя казались алмазными діадемами.

«Всѣ эти дни мы жили на счетъ остатковъ тюленьяго мяса. Мы были слабы и больны.

«Сегодня вѣтеръ утихъ. Мы спустили лодку и отправились узнать, нѣтъ ли морскихъ львовъ въ западномъ рукавѣ. Заливъ, въ которомъ мы постоянно находили множество этихъ животныхъ, теперь представлялъ пустыню. Мы гребли медленно, такъ какъ силъ у насъ было немного. Наконецъ мы выплыли къ входу въ рукавъ. Мы остановились на минуту на островкѣ, закрытомъ отъ вѣтру, чтобы передохнуть и набраться съ силами.

«Въ то время, когда Аликъ привязывалъ лодку къ выступу скалы, Масгревъ прислушался и услыхалъ смутный шумъ. Надъ нами слышалось глухое ворчанье.

«Схвативъ наше оружіе—ружья и дубины—мы быстро спрыгнули на землю и, пройдя нѣсколько шаговъ, встрѣтились лицомъ къ лицу съ тремя тюленями. Одинъ изъ нихъ былъ нашъ старинный знакомый: «Царь Ѳомка». Два другихъ тюленя были самки, такія же безъ сомнѣнія старыя, какъ онъ самъ.

«Такимъ образомъ старый «царь Ѳомка» не рѣшился оставить эти привычныя ему мѣста. Или можетъ быть онъ не чувствовалъ въ себѣ достаточно силы, чтобы слѣдовать за бандой эмигрантовъ. Онъ отказался бы по всей вѣроятности отъ своего могущества въ пользу какого-нибудь своего молодого потомка, который увелъ бы его народъ въ болѣе привольныя мѣста—внѣ нападеній человѣка, этого вѣчнаго врага его племени и убійцы его дѣтей. Что касается до него самаго, то онъ окончитъ свои дни здѣсь, гдѣ онъ жилъ и гдѣ онъ такъ долго царствовалъ.

«Старый монархъ узналъ насъ. Онъ оставилъ своихъ двухъ спутницъ и пошелъ намъ навстрѣчу съ громкимъ ревомъ, вызывая насъ на бой. Намъ тяжело было убивать этихъ тюленей и въ особенности этого стараго льва, къ которому мы всегда относились съ уваженіемъ, но голодъ угрожалъ намъ и нельзя было отступать.

«Нѣсколько минутъ спустя три трупа лежали на днѣ нашей большой лодки».

Одинъ видъ тюленя замѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ, и прежде всего тѣмъ, что онъ ежегодно совершаетъ путешествія, переселенія съ юга на сѣверъ и обратно. Еще такъ недавно этотъ тюлень возбудилъ международный вопросъ, и этотъ вопросъ рѣшала цѣлая международная комиссія. Однимъ словомъ, это всѣмъ извѣстный, хотя бы по наслышкѣ *морской котъ* или *морской котикъ*. Замѣчу кстати, что французы, не заинтересованные въ жизни и смерти этого звѣря, далекіе отъ интересовъ крайняго сѣвера или юга, называютъ этого звѣря не морскимъ котомъ, а *морскимъ медвѣдемъ*, и дѣйствительно въ его движеніяхъ, въ его походкѣ больше сходства съ медвѣдемъ, чѣмъ съ котомъ.

Большой двухсаженный звѣрь съ гладкой темно-бурой, почти черной шерстью—*морской котъ* прежде всего поражаетъ своей фигурой. Представьте себѣ громаднаго тюленя съ небольшой головой, у которой на мордѣ торчатъ густые и толстые усы, достигающіе въ длину до 10 вершковъ. Эти усы прежде всего бросаются въ глаза, и вѣроятно потому нашъ звѣропромышленникъ далъ этому звѣрю названіе морского кота. Не малое сходство придастъ ему и его круглая голова съ большими глазами, которые смотрятъ такъ умно, удивленно и выразительно.

Другая особенность его фигуры—это длинная грудь и шея. Когда морской котъ стоитъ, опираясь на передніе ласты и согнувъ задніе, то онъ живо напоминаетъ по своей позѣ сидящую собаку. Онъ никогда не встаетъ и не можетъ встать твердо на свои задніе ласты, а между тѣмъ ему необходимо поднять голову какъ можно выше. Ему необходимо высмотрѣть всю мѣстность, все лежбище, на которое онъ взлѣзаетъ: нѣтъ ли гдѣ-нибудь спрятавшагося непріятеля, или не угрожаетъ ли ему кто-нибудь изъ его соперниковъ, готовыхъ во всякое время и при всякомъ удобномъ случаѣ похитить одну изъ его самокъ. Вотъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, причины, заставлявшія кота вытягивать постоянно голову и шею и наконецъ опредѣлившія болѣе сильное развитіе, по крайней мѣрѣ въ длину, передней части тѣла.

Морскихъ котовъ можно назвать космополитами. Они водятся на сѣверѣ и на югѣ. Ихъ можно встрѣтить и на Прибыловыхъ островахъ, и въ Беринговомъ проливѣ, и на островахъ Фалкландскихъ. Они водятся и у береговъ Патагоніи, Новой Шотландіи и Георгіи. Они попадаются на экваторѣ и на обоихъ полюсахъ.

Первыми являются на Прибыловы острова старые самцы (сѣкачи). Они приплываютъ обыкновенно въ половинѣ апрѣля. Осторожно повертывая голову во всѣ стороны, подплываютъ они къ берегу. Долго осматриваютъ, обнюхиваютъ мѣстность и проплываютъ мимо. Затѣмъ снова возвращаются и, увѣрившись, что мѣстность свободна отъ ихъ враговъ, медленно выползаютъ на сушу. Вода льется съ ихъ головы, течетъ по усамъ. Они, какъ черные черви, вытягиваются, извиваются по неровностямъ почвы, по рытвинамъ и камнямъ. Взобравшись на берегъ, они чутко прислушиваются и зорко всматриваются кругомъ. Нерѣдко они проводятъ цѣлый день на этомъ первомъ выжидательномъ пунктѣ. Затѣмъ, увѣрившись, что ничто не грозитъ имъ, они передвигаются дальше, выше на берегъ и залегаютъ въ 40 или 50 саженяхъ отъ воды. Но и здѣсь они не вдругъ принимаютъ спокойное, непринужденное положеніе. Долгое время они вытягиваютъ шеи, прислушиваются, приподымаются на переднихъ ластахъ и въ этомъ положеніи становятся удивительно похожими на сидящую собаку съ той только разницей, что на спинѣ у нихъ образуется сутуловатость или цѣлый горбъ. При этомъ задніе, ласты ихъ, болѣе слабые, чѣмъ передніе, расползаются въ разныя стороны, или они протягиваютъ ихъ на одну сторону. Въ такомъ видѣ они сидятъ терпѣливо и ждутъ другую партію болѣе молодыхъ самцовъ и самокъ.

Морской котъ (Котикъ).

Мѣстные жители соблюдаютъ крайнюю предосторожность, чтобы не спугнуть этотъ первый авангардъ цѣлаго стада. Они не выходятъ эти дни на берегъ или стараются не попасть на глаза этимъ животнымъ. Вскорѣ, почти слѣдомъ за этими первыми піонерами появляется вторая партія изъ молодыхъ самцовъ, которые точно также выползаютъ на берегъ, но уже съ меньшими предосторожностями, и съ ихъ появленіемъ наступаетъ шумъ и жизнь, которая прежде всего обнаруживается въ дракахъ за мѣста. Каждый молодой сѣкачъ занимаетъ мѣсто въ 10—12 саженъ, т. е. мѣсто для него и для его самокъ, число которыхъ бываетъ различно отъ десяти до пятидесяти, смотря по силѣ и ловкости самца.

Вслѣдъ за этой первой партіей плывутъ другія и наконецъ приплываютъ самки одинокія или съ тюленятами. Тогда наступаетъ великій шумъ и гвалтъ. Каждый новый молодой сѣкачъ ищетъ мѣста для себя и для своихъ самокъ. Старые самцы не пускаютъ его на берегъ или схватываются съ нимъ уже на самомъ берегу. Ворчанье и ревъ идетъ по всему берегу. Въ этой общей конкуренціи или борьбѣ за мѣсто выигрываютъ разумѣется болѣе сильные, или болѣе ловкіе и быстрые. Здѣсь вполнѣ примѣняется латинская пословица post venientibus—ossa («поздно приходящему—кости!»). Слабые или лѣнивые остаются за флагомъ. Они уплываютъ дальше или терпѣливо ждутъ и выглядываютъ: нѣтъ ли гдѣ-нибудь незанятаго, свободнаго мѣстечка?..

Несмотря на постоянную вражду и ожесточенныя драки сѣкачей, морскіе котики во многихъ случаяхъ высказываютъ добрый и мирный нравъ. Они съ нѣжностью относятся къ своимъ самкамъ и къ своимъ маленькимъ. Когда самка уходитъ въ море, сѣкачъ зорко бережетъ и стережетъ ея маленькаго котика. Тюленята ластятся, лижутъ его, и старый сѣкачъ платитъ имъ той же монетой. Онъ долженъ стеречь своихъ дѣтей отъ своихъ собратій, которые не могутъ равнодушно видѣть молодыхъ маленькихъ, играющихъ котиковъ. Они зорко слѣдятъ за ихъ играми и, улучивъ удобную минуту, разными хитростями стараются переманить къ себѣ, къ своему стаду маленькихъ, или просто, когда ихъ отецъ заглядится по сторонамъ, они очень ловко крадутъ маленькихъ и приносятъ ихъ къ своему стаду, къ своимъ маткамъ. Это случается обыкновенно среди лѣта, когда стоятъ душные, жаркіе дни. Сѣкачъ обыкновенно не отпускаетъ самку отъ себя, но въ эти невыносимо жаркіе дни онъ какъ бы «раскисаетъ», ослабѣваетъ отъ жары. Лежитъ, не двигаясь, и только дышитъ быстро и тяжело, какъ собака, задыхающаяся отъ жары. По временамъ онъ прибѣгаетъ къ помощи своихъ переднихъ ластовъ; онъ ложится на спину, а ласты употребляетъ вмѣсто вѣера, обмахивая ими свою морду. Въ такіе дни понятно его вниманіе ослабѣваетъ, и этимъ пользуются его собратья, болѣе крѣпкіе или болѣе любящіе маленькихъ котиковъ. Они безъ церемоніи крадутъ ихъ и уносятъ въ зубахъ къ своему стаду. Замѣчательно, что при этомъ сѣкачъ несетъ своего плѣнника такъ нѣжно и осторожно, что никогда не прокуситъ его тонкую, красивую шкурку.

Годовалые котики на лежбищахъ подползаютъ къ маткамъ, надѣясь, какъ прежде, получить отъ нихъ ласку и молоко, но они получаютъ только ворчанье, толчки и укусы ихъ острыхъ зубовъ, а ласка и молоко остаются для будущихъ новорожденныхъ котиковъ.

Нерпухи составляютъ одну изъ болѣе древнихъ, первобытныхъ группъ тюленей, у которыхъ ноги не совсѣмъ потеряли свое первоначальное приспособленіе и не превратились въ ласты. Тюлени эти легко отличаются отъ другихъ присутствіемъ маленькихъ наружныхъ ушей, въ видѣ небольшихъ, короткихъ, трубочкообразныхъ придатковъ.

Морской котъ сродни другой нерпухѣ, которая живетъ

почти въ однѣхъ мѣстахъ съ нимъ и которую мѣстные жители и звѣропромышленники зовутъ «*Сивучемъ*» (Otaria Stelleri).

Въ сравненіи съ морскимъ котомъ сивучъ прежде всего отличается бóльшимъ ростомъ. Онъ достигаетъ до $1^1/_2$ сажени въ длину. Вся организація его, привычки, повадки и умственныя способности относятся къ морскому коту, какъ грубый еще не отдѣланный матеріалъ къ отдѣланному на-чисто. Эта отдѣлка выражается ближе всего въ шкурѣ или мѣхѣ того и другого звѣря. Тогда какъ мѣхъ сивуча представляетъ довольно короткую, жесткую грубую шерсть, недалеко ушедшую отъ щетины, мѣхъ морского котика, или правильнѣе говоря, его подшерстокъ представляется мягкимъ, пушистымъ и чрезвычайно красивымъ. Онъ похожъ на бархатъ, темно-бураго, слегка красноватаго цвѣта. Мѣхъ этотъ на полную шубу стоитъ отъ 1000 до 1200 рублей. Понятно изъ этого, съ какою корыстною жадностью набрасываются промышленники на этого звѣря и какъ усердно и неистово его преслѣдуютъ. Отъ этихъ преслѣдованій онъ становится, понятно, осторожнѣе, осмотрительнѣе, тогда какъ сивучъ безъ заботъ и опасенія взбирается на берегъ, взлѣзаетъ на горы и скалы, нисколько не заботясь о преслѣдованіи. Морской котъ крайне чутокъ и остороженъ. Малѣйшій непривычный шумъ его уже пугаетъ и заставляетъ чутко прислушиваться и вытягивать свою шею во всѣ стороны.

Въ Калифорніи сивучи живутъ и водятся въ большомъ количествѣ, даже невдалекѣ отъ Санъ-Франциско; тамъ, въ виду этого города, высятся три огромныхъ, остроконечныхъ, почти голыхъ скалы, на которыхъ нерѣдко можно видѣть этихъ чудовищныхъ тюленей, разлегшихся по уступамъ скалъ. Когда подъѣзжаешь къ этому городу, то уже издалека можно слышать, вмѣстѣ съ гуломъ отъ прибойныхъ волнъ, ревъ и лай этихъ животныхъ. Здѣсь, на этихъ Фаралонскихъ скалахъ, тюлени лежатъ спокойно, прижимаясь тѣсно другъ къ другу. Прибой выкидываетъ волны и обдаетъ ихъ пѣной и брызгами. Если въѣзжать въ бухту Санъ-Франциско, то съ парохода нельзя достать пулей ни одного тюленя. Если стрѣляютъ въ нихъ, то они начинаютъ безпокоиться, одинъ за другимъ медленно сползаютъ или скатываются въ море. Но не проходитъ и четверти часа, какъ они снова мало-по-малу всползаютъ на прежнее лежбище. Около гостиницы, въ которую обыкновенно привозятъ путешественниковъ, напротивъ нея, также на скалахъ обыкновенно лежитъ много тюленей. Эти скалы находятся какъ разъ противъ Санъ-Франциско, и стрѣльба здѣсь была бы очень удобна, но она запрещена, и всѣ тюлени, расположившіеся здѣсь, находятся подъ постоянной охраной цѣлаго штата. Разница въ поведеніи или повадкахъ тюленей на островахъ Фаралонскихъ и около Санъ-Франциско бросается въ глаза. Тогда какъ послѣдніе ничего не боятся и спокойно сибаритствуютъ на своихъ лежбищахъ, вторые съ нѣсколькихъ выстрѣловъ живо скатываются въ море.

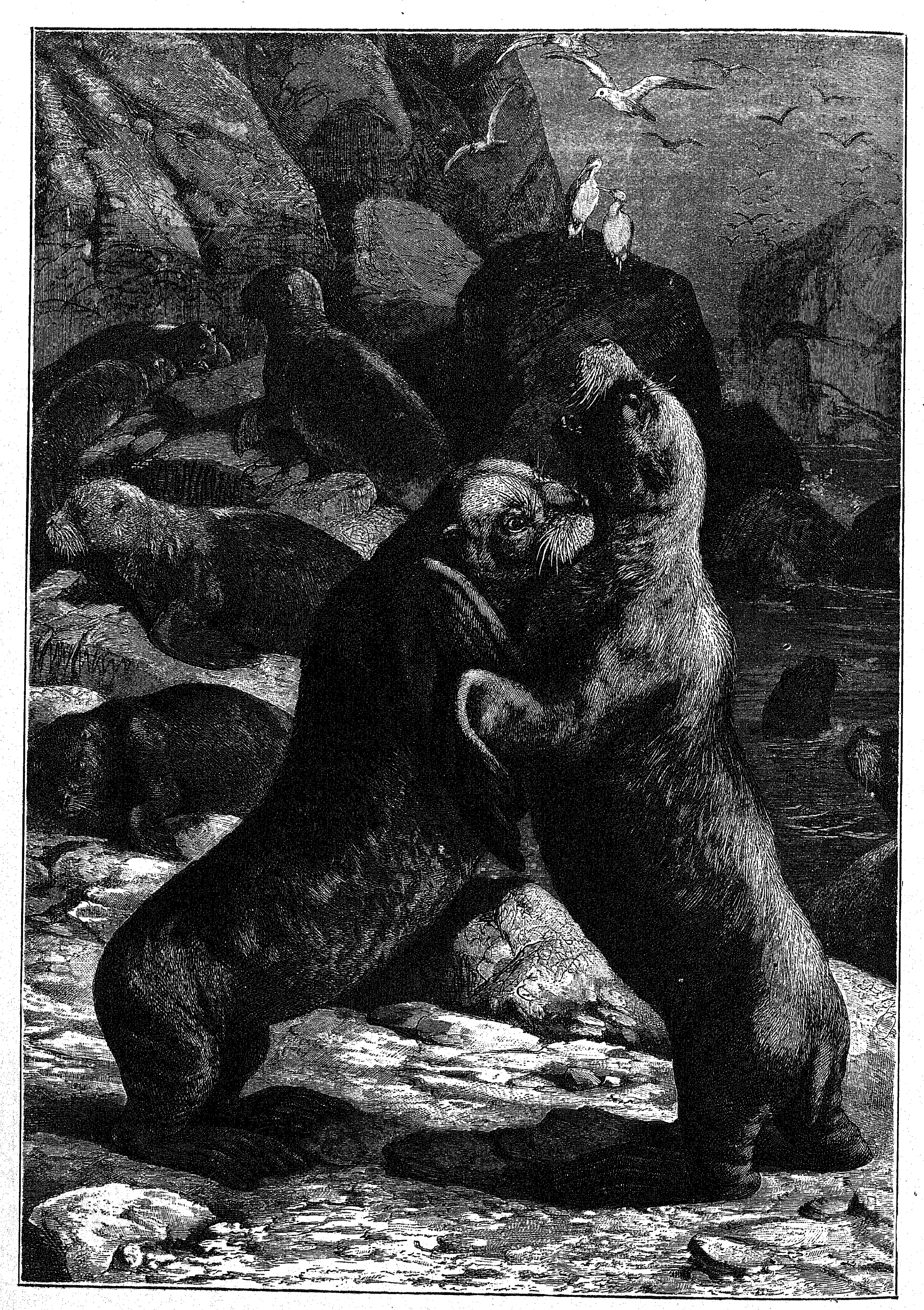
Самцы сивучей точно такъ же враждебно относятся другъ къ другу, какъ и вообще самцы всѣхъ тюленей. Здѣсь малѣйшая бездѣлица, какое-нибудь подозрительное движеніе тотчасъ же разгорается въ кровавую схватку. На приложенномъ рисункѣ вы видите такую драку, которая вѣроятно кончится смертью одного изъ дерущихся соперниковъ. Драка, по всѣмъ вѣроятіямъ, вспыхнула изъ-за самокъ, которыхъ пять или шесть штукъ лежатъ на пустынномъ, каменистомъ берегу сѣвернаго моря. Оба соперника встали на дыбы, поднялись на свои неуклюжіе ласты, и одинъ, вѣроятно болѣе сильный, или болѣе ловкій, вцѣпился другому въ горло. Если онъ схватилъ своего соперника «мертвою хваткой», то онъ не отпуститъ его, не разожметъ своихъ крѣпкихъ челюстей до тѣхъ поръ, пока этотъ противникъ не истечетъ кровью или не замретъ въ безсиліи.

Сивучи точно такъ же, какъ и всѣ тюлени, кормятся преимущественно рыбой или морскими безпозвоночными, всего болѣе ракообразными. Между краббами попадаются длинноногіе, громадные краббы, между моллюсками большія, тяжелыя крылатки. Все это легко достается сивучу. Но иногда онъ не прочь бываетъ полакомиться мясомъ чайки или какой-нибудь другой водяной птицы. Для этой цѣли онъ прибѣгаетъ къ замѣчательной хитрости. Онъ залѣзаетъ въ какую-нибудь подводную трущобу, рытвину или прячется въ чащу морскихъ водорослей и, выставивъ изъ нея свою морду, тихо и плавно, равномѣрно шевелитъ своими усами. Чайка, увидѣвъ это движеніе, бросается на него, думая схватить какого-нибудь голово-жабернаго червя или моллюска, и попадаетъ прямо въ зубы тюленя. Въ случаѣ голода сивучъ наполняетъ свой желудокъ камнями, проглатывая иногда булыжники въ 10 и 15 фунтовъ вѣсомъ. Впрочемъ, остается еще неразрѣшеннымъ вопросъ, голодъ ли заставляетъ тюленя глотать эти камни, или онъ ихъ глотаетъ для другой цѣли; напримѣръ, для перетиранія пищи?

Сивучи.

Охота на сивучей представляетъ нѣкоторыя весьма поучительныя и интересныя особенности. Звѣропромышленники поступаютъ при этихъ охотахъ съ сивучемъ совершенно такъ, какъ съ своимъ домашнимъ животнымъ. Подсмотрѣвъ гдѣ-нибудь на берегу моря лежбище, они даютъ время сивучамъ спокойно улечься, и когда стадо успокоится, они съ крикомъ и гикомъ, съ стрѣльбой изъ ружей, вооруженные крѣпкими дубинами, бросаются на него и стараются отогнать тюленей какъ можно дальше отъ воды. При этомъ нѣкоторые сивучи упрямо идутъ къ морю и спасаются въ немъ, но большинство направляется къ горамъ.

Нерѣдко туземцы подкрадываются къ тюленямъ, въ лунныя облачныя ночи, когда скользящій и перемежающійся свѣтъ показываетъ все въ ложномъ видѣ. При этомъ свѣтѣ сивучъ не можетъ отличить человѣка, ползущаго на четверенькахъ, отъ своего брата тюленя. Когда звѣроловамъ удастся подойти, или правильнѣе говоря, подползти близко къ стаду, тогда они вдругъ вскакиваютъ на ноги и крикомъ или стрѣльбой изъ ружей вспугиваютъ мирно дремавшаго звѣря. Если охотникамъ удастся оцѣпить все стадо (въ 30—40 головъ), то они обыкновенно ограждаютъ его такъ-называемой «тряпоч-

Бой сивучей.

ной оградой». Они вколачиваютъ колья на разстояніи 5—8 аршинъ, опутываютъ ихъ веревками и на этотъ импровизированный заборъ вѣшаютъ всякое тряпье, рвань, старыя сѣти и т. п. Разумѣется, этотъ заборъ отгораживаетъ стадо отъ моря. Сивучи мало-по-малу привыкаютъ къ этому плѣну, терпѣливо лежатъ, измученные гоньбой и страхомъ. А между тѣмъ къ нимъ постоянно прибываютъ новыя партіи. Охотники загоняютъ и этихъ новоприбывшихъ въ тряпочныя ограды и такимъ образомъ въ теченіе двухъ, трехъ недѣль, если погода стоитъ тихая, плѣнныхъ сивучей набирается до 200 или 300 головъ. Тогда промышленники принимаются за гоньбу. Все громадное стадо они начинаютъ гнать къ тому мѣсту, гдѣ находится ихъ становище. Они пасутъ его, какъ стадо коровъ. Они гонятъ сивучей крикомъ и стукомъ, стрѣльбой, хлопушками, и бѣдныя животныя ползутъ, торопятся, кувыркаются, издавая жалобные крики. Они не понимаютъ, что ихъ гонятъ на убой; въ нихъ стрѣляютъ изъ ружей, машутъ платками и флагами, наконецъ зонтиками, которые постоянно раскрываютъ и закрываютъ передъ ихъ мордами. Этотъ способъ оказывается самымъ дѣйствительнымъ. Какъ бы ни былъ разсерженъ сивучъ, какъ бы онъ ни утомился, но когда помахаютъ передъ нимъ развернутымъ зонтикомъ, у него снова являются силы, и онъ съ новой энергіей пускается въ путь. Проползши нѣсколько верстъ, задыхаясь отъ усталости, они останавливаются и точно также останавливаются ихъ преслѣдователи. Они знаютъ очень хорошо, что если кожа сивуча взмокнетъ, покроется потомъ, то волосы изъ нея полѣзутъ, и ни одинъ купецъ не купитъ ея.

Самки и молодые бѣгутъ легче и скорѣе старыхъ, отяжелѣвшихъ и ожирѣвшихъ сѣкачей, которые отстаютъ отъ нихъ, такъ что ихъ необходимо поминутно подгонять. Все стадо такимъ образомъ растягивается на нѣсколько верстъ. Къ вечеру всѣ тюлени и самые погонщики притомятся, устанутъ. Всѣ жаждутъ отдыха. Но вотъ вдали показывается большое озеро, и всѣ сивучи съ радостнымъ ревомъ бросаются въ воду. Они ныряютъ, кувыркаются въ водѣ. Но ихъ погонщики тотчасъ же бросаются въ заранѣе заготовленныя лодки и съ новымъ рвеніемъ гонятъ свое стадо. Въ водѣ гоньба идетъ быстрѣе и совершается легче, чѣмъ на сушѣ. Звѣробои снова начинаютъ кричать, стрѣлять изъ ружей, и тюлени плывутъ, плывутъ, торопятся... Но вотъ снова берегъ. Сивучей снова выгоняютъ на землю, и снова пошла прежняя тяга.

Случается на пути въ нѣсколько десятковъ верстъ переплывать два или три озера, и замѣчательно, что ни одинъ тюлень при этомъ не скроется и не вырвется отъ погонщиковъ. Всѣ они, словно повинуясь какому-то роковому инстинкту, покорно идутъ, плывутъ и ползутъ на вѣрную смерть.

Пригнавъ стадо, звѣропромышленники, вооружившись дубинами и ружьями, принимаются за убой и убиваютъ всѣхъ пригнанныхъ тюленей, отъ громадныхъ сѣдыхъ сѣкачей до маленькихъ тюленятъ. Никакой заботы о будущемъ промысла, о сохраненіи животныхъ для будущихъ поколѣній! Весь промыселъ находится въ первобытномъ состояніи, въ той степени, на которой стоитъ охота у дикарей за дикими животными.

Но еще первобытнѣе, еще безпорядочнѣе совершается котиковый промыселъ. Здѣсь жадность звѣропромышленниковъ, ихъ корыстное стремленіе къ легкой и быстрой наживѣ еще шире и непригляднѣе. Котикъ красивѣе и безобиднѣе сивуча. Здѣсь дѣло доходитъ до презрѣнія всякихъ законныхъ мѣръ и даже международныхъ договоровъ и условій. Хищничество здѣсь превратилось въ разбой, въ пиратство.

По поводу этой охоты вотъ что высказалъ въ своемъ отчетѣ американецъ г-нъ Джорданъ, правительственный комиссаръ на Прибыловыхъ островахъ: «Если не будетъ принято вскорѣ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ къ огражденію морскихъ котиковъ отъ хищническаго промысла и истребленія ихъ въ морѣ, то черезъ два или три года порода ихъ будетъ окончательно уничтожена».

Срокъ исполненія этого предсказанія еще не насталъ, но онъ близится, наступаетъ, и оно несомнѣнно исполнится. Бѣдному звѣрю съ красивой шкурой грозитъ отовсюду смерть и гибель—на сушѣ и на морѣ. Его истребляютъ туземцы по нуждѣ, такъ какъ этимъ несчастнымъ гренландцамъ и эскимосамъ нечѣмъ жить, кромѣ шкуръ, мяса и жира морского котика. Его истребляютъ американцы, шведы и норвежцы, его истребляютъ «просвѣщенные мореплаватели», которымъ ни до чего дѣла нѣтъ, кромѣ собственной наживы. Его истребляютъ легально звѣропромышленники разныхъ націй, наконецъ его истребляютъ нелегально и самымъ безцеремоннымъ и хищническимъ образомъ разные «воры» и хищники-пираты. Притомъ истребляютъ открыто и безцеремонно на виду у всего міра. Вотъ что разсказываетъ объ этихъ хищеніяхъ одинъ изъ мѣстныхъ очевидцевъ того, что совершается у насъ на крайнемъ востокѣ.

«Наши звѣриные промыслы у береговъ Восточной Сибири переживаютъ кризисъ (было писано въ 1896 г.). Охота на морѣ начала развиваться съ необыкновенною быстротою. Такъ, въ промысловый сезонъ въ 1891 г. въ Беринговомъ морѣ появился и безнаказанно дѣйствовалъ цѣлый флотъ изъ 85 иностранныхъ (36 англійскихъ и 49 американскихъ) флибустьерскихъ судовъ. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ отъ консульствъ (т. е. самымъ неполнымъ, невѣрнымъ и сильно уменьшеннымъ) было убито въ американскихъ водахъ 20,000 и въ русскихъ водахъ 10,000. Въ 1892 г. были получены свѣдѣнія о 76 иностранныхъ судахъ, добывшихъ болѣе 50,000 котиковъ, изъ которыхъ 17,000 было убито въ русскихъ водахъ».

Въ этомъ же году, въ началѣ марта, большой пароходъ Alexandre на виду у всѣхъ снаряжался въ водахъ Санъ-Франциско, приготовляясь къ хищническимъ набѣгамъ за котикомъ. Этотъ пароходъ ходилъ раньше подъ русскимъ флагомъ и принадлежалъ русскому арендатору котиковаго промысла, фирмѣ «Гудчинсонъ, Коль и К°». Въ 1893 г. онъ былъ проданъ американцамъ. Этотъ пароходъ, быстрый на ходу (отъ 14 до 16 узловъ въ часъ), можетъ легко убѣгать отъ русскихъ крейсеровъ. Цѣлую зиму онъ стоялъ около Санъ-Франциско, рядомъ съ мародерскими судами, и всѣмъ было извѣстно, куда и для какой цѣли снаряжается этотъ пароходъ.

Вѣроятно, всѣмъ извѣстна эта борьба пиратовъ съ нашими охранительными судами. Но точно также всѣмъ извѣстно, что этой охраны далеко недостаточно для охраненія котиковъ на нашихъ берегахъ и моряхъ. Въ 1892 году наше правительство принимало энергическія мѣры для этой охраны на Командорскихъ островахъ и командировало туда два очень хорошихъ крейсера «Алеутъ» и «Забіяку». Точно также, полагаемъ, всѣмъ извѣстны замѣчательные подвиги этихъ двухъ крейсеровъ. Но эти подвиги еще болѣе усилили вражду между владѣльцами острововъ и чужеземными хищниками.

«Котиковый» вопросъ—это больной вопросъ въ Америкѣ. Съ одной стороны здѣсь замѣшивается положеніе канадцевъ, для которыхъ морскіе котики составляютъ почти единственное средство къ существованію. Съ другой стороны является международная конкуренція въ захватѣ бо́льшей наживы и богатства; наконецъ, являются просто наши патріархальныя халатныя отношенія къ вопросу.

Американское общество, чуткое ко всѣмъ общественнымъ вопросамъ, не мало волновалось и волнуется по поводу истребленія и ловли морскихъ котиковъ. Не смотря на всѣ усилія американскаго правительства урегулировать и привести вопросъ къ правильному разрѣшенію, всѣ попытки къ этому не удаются.

Участь котика живо напоминаетъ намъ участь другого тюленя, существовавшаго, какъ и морской котикъ, въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ около береговъ Берингова моря. Это такъ называемая *морская корова* или *капустница*. Первое названіе она получила за ея тихій, безобидный нравъ, а второе за ея пищу, состоящую исключительно изъ морскихъ водорослей—*фукусовъ*, которыя у туземцевъ несутъ названіе морской капусты. Это былъ единственный извѣстный до сихъ поръ травоядный тюлень. Онъ былъ громадной величины и не имѣлъ никакихъ органовъ и никакихъ средствъ для своей защиты. Въ 1775 году нашъ сѣверный путешественникъ Стеллеръ, посѣтившій Берингово море, еще нашелъ жалкіе остатки этого звѣря: его скелетъ и часть кожи. По этимъ остаткамъ и разсказамъ очевидцевъ онъ составилъ описаніе животнаго и привезъ ихъ въ Петербургъ, въ Академію Наукъ. Тамъ они хранятся и до сихъ поръ, какъ нѣмые свидѣтели отношеній человѣка къ окружающей его природѣ. Ученые назвали этого тюленя тюленемъ Стеллера (Rhytina Stelleri), и подъ этимъ названіемъ онъ будетъ существовать если не вѣчно, то навѣрное до тѣхъ поръ, пока не будутъ окончательно истреблены морскіе котики и даже сивучи. Капустница—первая изъ этихъ избіенныхъ человѣкомъ морскихъ звѣрей. Она оказывала меньше сопротивленія его хищническимъ нападкамъ, и первая сложила свои кости подъ его безпощадной дубиной.

Звѣрь останется вѣчно звѣремъ! Неужели же и человѣкъ никогда не потеряетъ своихъ звѣриныхъ инстинктовъ, стремленій и наклонностей?!!..

2. Моржи.

Холодна, неприглядна, обстановка глубокаго сѣвера. Ледъ подъ ногами. Ледъ на вершинахъ горъ. Ледъ въ водѣ и на сушѣ. Угрюмо высятся ледяныя, высокія горы, угрюмо носятся по волнамъ громадныя ледяныя глыбы-торосы и стамухи.

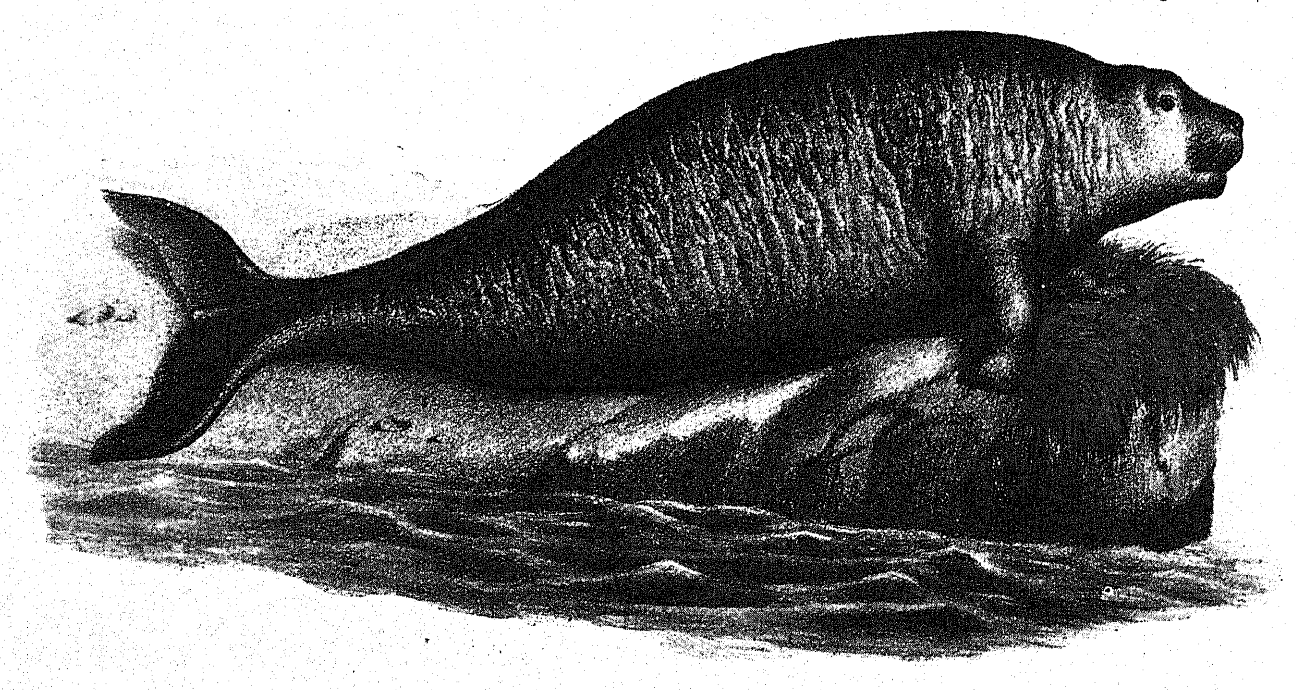
Среди леденящаго холода завываетъ крѣпкій вѣтеръ. Проносятся снѣговыя тучи. Слышенъ несмолкаемый гулъ волнъ, гулъ и ревъ необозримаго, холоднаго океана. Стамухи сталкиваются, трескаются, и раздаются ихъ удары, какъ пушечные выстрѣлы.

Моржи дополняютъ эту угрюмую, но грандіозную картину полярныхъ странъ. Они также угрюмы, какъ и вся окружающая ихъ природа. Они плаваютъ въ холодномъ сѣверномъ океанѣ, носятся на его льдинахъ, залегаютъ цѣлыми стадами на ледяныхъ поляхъ и скалахъ.

Они вполнѣ гармонируютъ съ сѣвернымъ, ледянымъ, непривѣтливымъ моремъ, съ его ледяными горами и со всей природой,—тяжелой, наводящей ужасъ даже на привычное сердце туземцевъ, осужденныхъ проводить жизнь среди этихъ тяжелыхъ условій. Это одна изъ страшныхъ картинъ Дантовскаго ада.

Моржъ такъ же громаденъ, величественъ и чудовищенъ, какъ и вся окружающая его природа. Это огромный тюлень съ большой головой и длинными клыками. Эти клыки выдаются на 1/2 арш. изъ угловъ его рта. Они опущены прямо внизъ и составляютъ главное орудіе моржа и главный предметъ его преслѣдованія со стороны звѣропромышленниковъ.

Клыки и усы представляютъ выдающуюся особенность и вызываютъ соотвѣтствующее измѣненіе во всей мордѣ моржа. Они придаютъ этой мордѣ характерный и типичный видъ. Они представляютъ толстыя щетины, въ числѣ 40—50, въ видѣ цѣлой щетки, выростающія изъ морды. Они составляютъ авангардъ, на обязанности котораго лежитъ узнавать и освидѣтельствовать температуру воды и ощупывать всякіе предметы, съ которыми голова моржа встрѣчается подъ водой.

Морская корова.

Угрюмо и какъ-то растерянно смотритъ онъ на васъ своими большими, злобными глазами. Круглая голова его вся покрыта короткими и жесткими волосами, но отъ длинныхъ, толстыхъ усовъ, она кажется совершенно лысой, а почти полное отсутствіе носа и открытыя, прямо на васъ смотрящія ноздри, придаютъ всей его мордѣ что-то крайне безобразное. Точно голова каторжника съ вырванными ноздрями.

Таковъ внѣшній обликъ моржа, такова его физіономія и таковъ онъ самъ со всей его суровой, тяжелой обстановкой. Угрюмый, злобный, не общительный, хотя и живущій обществами. Его голосъ—хриплый, глухой лай или ревъ, вторящій реву бури и завыванію сѣвернаго, полярнаго вѣтра. Даже въ минуты веселаго настроенія, онъ издаетъ глухое, отрывистое урчаніе. Ревъ моржей можетъ быть такъ силенъ, что нерѣдко заглушаетъ ревъ полярной бури. Онъ можетъ предупреждать мореплавателя о близости берега. Но такое показаніе не всегда бываетъ вѣрно. Нерѣдко моржи, цѣлымъ стадомъ залегшіе на какой-нибудь пловучей льдинѣ, отча-

янно ревутъ, когда льдина уноситъ ихъ въ открытое море. Извѣстный путешественникъ прошлаго вѣка, капитанъ Джемсъ Кукъ былъ нѣсколько разъ обманутъ такимъ указателемъ.

Какъ и всякое животное, моржъ бываетъ въ добромъ или дурномъ расположенiи духа. И вотъ, вѣроятно, почему мы встрѣчаемъ въ разсказахъ охотниковъ и путешественниковъ двойственность. Одни, болѣе старинные, рисуютъ моржа, какъ страшно сердитое и скоро приходящее въ ярость животное, а другiе говорятъ объ его добродушномъ любопытствѣ, съ которымъ онъ слѣдитъ за лодкой охотниковъ-звѣроловов.

Вотъ что разсказываетъ одинъ изъ старинныхъ путешественниковъ наблюдателей: «Мы проѣхали большiе льды и вступили въ широкое поле, все покрытое тонкой ледяной корой. Въ этой корѣ было много мелкихъ льдинокъ (такъ называемаго «сала»), которыя вмѣстѣ съ корой составляли одинъ сплошной слой. Лодка наша довольно свободно плыла въ этомъ слоѣ, разбивая кору, тамъ гдѣ она мѣшала ей плыть. Впереди виднѣлись ледяныя горы, къ которымъ мы плыли. Мы всѣ думали, что находимся въ полной безопасности отъ нападенiя и преслѣдованiя моржей. И вдругъ, къ нашему ужасу... въ разстоянiи не болѣе двухъ аршинъ, поднимается надо льдомъ голова моржа, которая громко сопитъ и пыхтитъ. Мы видимъ, какъ страшно ворочаются ея большiе глаза, налитые кровью. Но только что успѣла показаться эта голова, какъ подлѣ нея и ближе къ намъ вынырнула другая, за ней третья, четвертая и т. д. Онѣ проламывали ледъ и выставлялись со всѣхъ сторонъ. Моржи окружили нашу лодку кольцомъ. Наша команда не могла, вѣроятно, вынести близости этихъ чудовищъ и начала драку. Одинъ изъ матросовъ отрубилъ ласты, которыми моржъ схватился за бортъ лодки. Вправо отъ меня раздался выстрѣлъ. Слѣва выставились острыя копья и пики. Раздался еще выстрѣлъ, и поднялся такой неистовый ревъ окружавшихъ насъ чудовищъ, что самый храбрый почувствовалъ страхъ. Мнѣ казалось, что вотъ, вотъ сейчасъ наступитъ минута, и мы всѣ очутимся въ зубахъ этихъ морскихъ чудищъ. Но наши матросы не теряли присутствiя духа и не унывали. Они съ отчаяньемъ, удвоившимъ и утроившимъ ихъ силы, дѣйствовали острогами, гарпунами и пиками, они стрѣляли прямо въ раскрытыя пасти звѣрей, и нападенiе ихъ ослабѣло, ярость истощилась. Моржи мало-по-малу оставили нашу лодку и повернули въ сторону. Ихъ громкiе крики, напоминавшiе лай и храпѣнiе, долго еще стояли въ воздухѣ, а тамъ, гдѣ была горячая схватка, волны пѣнились и были окрашены кровью этихъ страшныхъ враговъ».

Къ этому описанiю можно еще прибавить описанiе одного стариннаго путешественника Мартенса:

«Эти звѣри,—говоритъ онъ,—лежатъ цѣлыми стадами на льдинахъ и ужасно ревутъ. Они спятъ на льдинахъ и громко храпятъ, такъ что ихъ можно принять за мертвыхъ. Они очень храбры и отчаянно защищаютъ другъ друга. Если молодого моржа поймаютъ и утянутъ въ лодку, то все стадо старается спасти его и опрокинуть лодку. Эти храбрые звѣри не отступаютъ даже отъ смертельной опасности. Если одинъ изъ нихъ бываетъ раненъ, то не смотря на то, что люди въ лодкѣ дерутся съ ними: колятъ, рубятъ и стрѣляютъ въ нихъ, они своими огромными и острыми клыками пробиваютъ лодку. Если люди въ лодкѣ вздумаютъ подражать моржамъ въ то время, когда они рычатъ, то это подражанiе еще болѣе озлобляетъ звѣрей. Они, какъ бы испуганные этимъ рычанiемъ, стараются какъ можно скорѣе нырнуть въ воду. Отъ этого является страшная суматоха. Моржи толкаютъ другъ друга, щелкаютъ зубами, дерутся, кусаютъ одинъ другого и ревутъ отчаянно. Кровь сильно льется изъ ихъ ранъ и окрашиваетъ воду. Они стараются освободить молодого моржа, попавшаго въ одну изъ нашихъ шлюпокъ. Къ прежнимъ моржамъ пристаютъ постоянно новые. Наконецъ ихъ набирается такое количество, что лодка должна спасаться отъ нихъ бѣгствомъ, и тогда они пускаются въ погоню за нами. Но въ страшной толкотнѣ они не могутъ свободно двигаться и толкутся и сталкиваются на одномъ мѣстѣ. Они очевидно мѣшаютъ другъ другу. Около Шпицбергена, въ заливѣ Вейгетансѣ, страшныя массы ихъ плыли, гнались за нами до тѣхъ поръ, пока наши быстро плавающiя шлюпы не ушли отъ нихъ и мы не потеряли ихъ изъ виду».

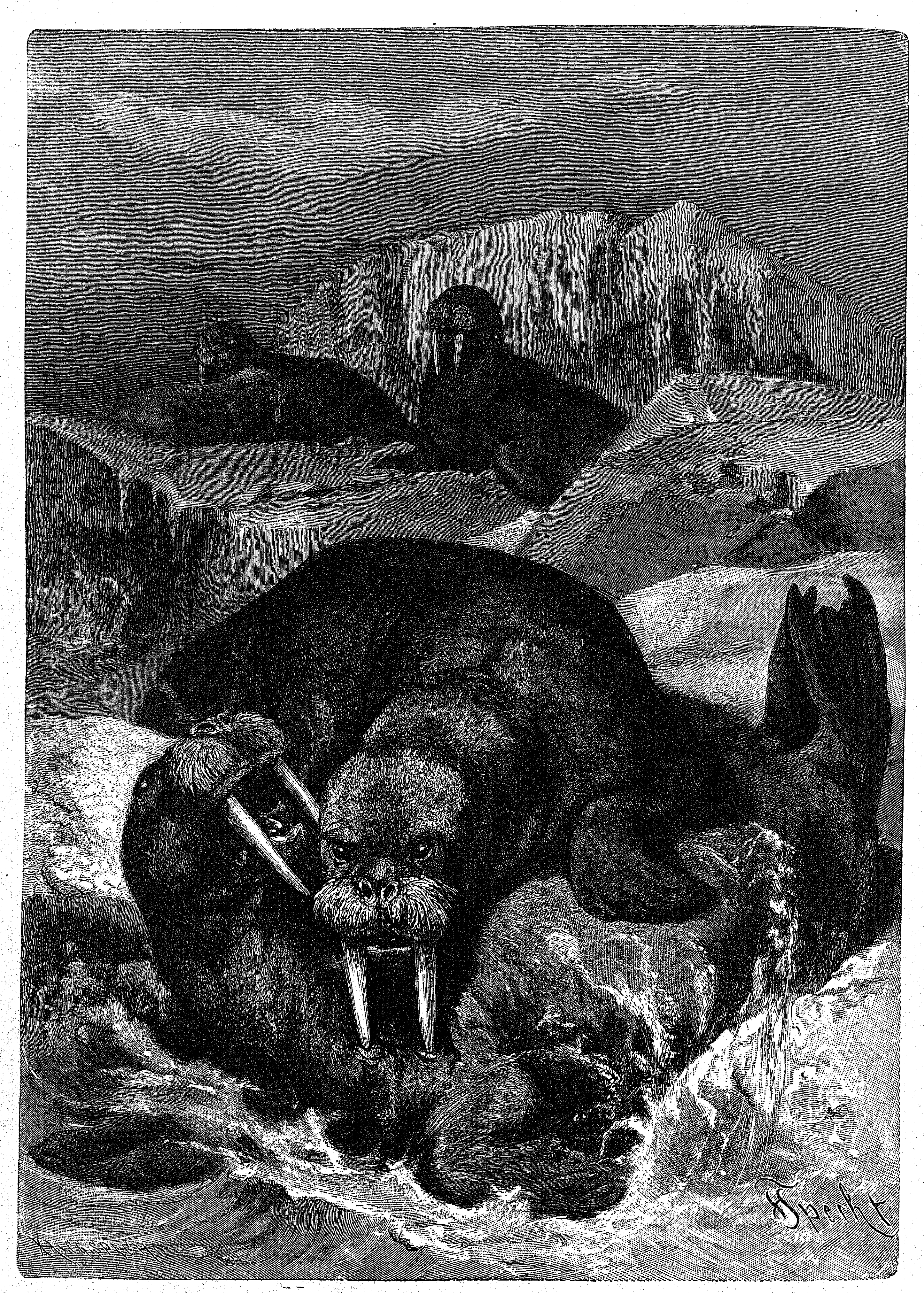
Но ярость моржа достигаетъ наибольшей силы во время драки и поединковъ самцовъ другъ съ другомъ. На приложенномъ рисункѣ представленъ одинъ изъ моментовъ этой страшной схватки. Кругомъ голыя, обмерзлыя скалы и ледяныя глыбы. Нѣсколько моржей, вѣроятно самокъ, беззаботно лежатъ и хладнокровно смотрятъ на отчаянный поединокъ, совершающiйся передъ ихъ глазами. Въ небольшомъ заливчикѣ происходитъ кровавый, смертный бой двухъ громадныхъ чудовищъ. Одинъ изъ страшныхъ звѣрей уже поборолъ другого. Онъ придавилъ его всей тяжестью своего двадцати-пудоваго тѣла и запустилъ ему въ шею свои громадные, острые клыки. Кровь льетъ изъ раны и смѣшивается съ водой и пѣной волнующагося моря. Побѣжденный моржъ реветъ изо-всѣхъ силъ и напрасно старается запустить свои клыки въ противника. Клыки скользятъ и проходятъ мимо, и только паръ изъ его ноздрей вылетаетъ въ воздухъ вмѣстѣ съ его отчаяннымъ крикомъ.

Тѣ же самые клыки, которыми моржъ можетъ наносить опасныя или смертельныя раны, нападать и защищаться, служатъ ему помощниками при взлѣзанiи на крутыя, почти отвѣсныя ледяныя скалы и горы. Когда онъ выползаетъ изъ воды на плывущую льдину, то точно также съ помощью клыковъ хватается за края этой льдины. Съ ихъ помощью онъ можетъ взлѣзать довольно высоко на стамухи и ледяныя горы, откуда при малѣйшей опасности бросается прямо въ море.

У моржей сохранилась та же повадка, какъ и у тюленей: лежать на сплошныхъ льдинахъ возлѣ прорубей, въ которыя они могутъ тотчасъ же при первой опасности нырнуть. И эти проруби они пробиваютъ также съ помощью ихъ клыковъ. На льдинахъ кругомъ этихъ прорубей почти всегда можно видѣть лучисто расходящiяся трещины, явственные слѣды этихъ клыковъ. Ползая по льду или по неровной мѣстности, моржъ почти постоянно прибѣгаетъ къ помощи своихъ клыковъ, захватываясь ими за ямки, рытвины и трещины. Этими же клыками онъ взрываетъ землю, отыскивая себѣ скудную пищу: какихъ-нибудь червей или моллюсковъ, зарывшихся въ песокъ. Однимъ словомъ, клыки, это—такое же крайне необходимое моржу орудiе, приспособленное къ разнымъ цѣлямъ и нуждамъ его жизни, какъ и хоботъ слона.

Эти клыки цѣнятся гораздо менѣе клыковъ слона, которымъ они далеко уступаютъ въ величинѣ и красотѣ въ окончательной отдѣлкѣ (полировкѣ). На нашемъ сѣверѣ, въ особенности въ Архангельскѣ, изъ этой «моржевой кости» выдѣлываютъ довольно тонкiя, изящныя вещи.

Моржа можно назвать «царемъ» или «владыкой» полярнаго моря. Бѣлый медвѣдь царитъ на сушѣ, на льдинахъ и горахъ Ледовитаго океана, а моржъ владычествуетъ въ водахъ этого океана. Громадныя стада этого величественнаго по своимъ размѣрамъ и силѣ животнаго встрѣчаются въ открытомъ полярномъ морѣ. По временамъ, можетъ быть перiодически, эти стада совершаютъ переселенiя на сѣверъ. По крайней мѣрѣ о такихъ массовыхъ переселенiяхъ разсказываетъ Макъ-Байнъ. Въ теченiе многихъ часовъ эти стада плыли передъ его глазами тысячами, одно за другимъ. Они плыли очевидно по той же дорогѣ, по которой плыли и гренландскiе киты.

Борьба моржей.

Подобно тюленямъ моржъ питается животной пищей и преимущественно рыбой, но иногда въ желудкѣ его находили куски падали или объѣдки морскихъ фукусовъ. Въ голодное время онъ нападаетъ на червей и ракушекъ.

Сходный съ тюленемъ во всѣхъ своихъ повадкахъ и привычкахъ моржъ походитъ на него и складомъ ума и характера. Онъ вообще болѣе угрюмъ и неповоротливъ, чѣмъ тюлень. Маленькіе моржи не играютъ и не веселятся, какъ маленькіе тюленята. Привязанность моржа матери къ ея дѣтямъ, точно также какъ и привязанность маленькихъ моржатъ къ ихъ матери, такъ же велика и выразительна, какъ у тюленей. Вотъ что разсказываетъ извѣстный англійскій китоловъ, капитанъ Уильямъ: «Я убилъ матку, около которой вертѣлся моржонокъ. Добычу я принужденъ былъ дотащить въ лодкѣ до берега, до котораго было добрыхъ 4 версты. Во время этого переѣзда моржонокъ ни на шагъ не отставалъ отъ насъ и все время съ жалобнымъ воемъ плылъ за своей убитой матерью. Когда же мы добрались до парохода и команда обернувъ моржонка веревочной петлей, втащила его на бортъ, то онъ подползъ къ тѣлу матери, всползъ ей на спину и въ такомъ положеніи затихъ. Но это тѣло необходимо было свѣжевать, и матросы сбросили маленькаго моржонка въ море. Тамъ онъ долго охалъ, визжалъ и наконецъ замолкъ, успокоился».

Моржа вѣроятно можно приручить, какъ и тюленя, хотя въ натурѣ его кроется много дикаго и свирѣпаго. Въ западной Европѣ были дѣланы нѣсколько разъ такія попытки. Первая изъ нихъ была сдѣлана въ 1608 году. Однимъ англійскимъ кораблемъ была поймана пара маленькихъ моржей — самецъ и самка. Самку не удалось довезти до Англіи. Она издохла при переѣздѣ. Но самца доставили благополучно въ Лондонъ, и онъ былъ довольно долго предметомъ удивленія лондонской публики. Его доставили ко двору, и самъ король и придворные дивовались на это еще невиданное въ Европѣ морское чудовище.

Съ тѣхъ поръ много разъ привозили моржатъ въ Европу. Вотъ что разсказываетъ объ одномъ изъ нихъ извѣстный англійскій путешественникъ и натуралистъ Броунъ:

«Мать этого моржонка была убита на льду; а моржонокъ былъ пойманъ безъ всякихъ усилій. Онъ, вѣроятно, былъ новорожденный и боялся идти въ воду, гдѣ бы онъ навѣрно захлебнулся, хотя величиной этотъ младенецъ былъ больше полутора аршинъ. Вообще всѣ моржи, также какъ и тюлени, не могутъ тотчасъ же послѣ рожденья плавать. Имъ необходимо пріучиться, приспособиться къ жизни въ водѣ. Когда этого моржонка капитанъ спустилъ въ воду, то онъ оказался въ ней совсѣмъ неловкимъ и тотчасъ же пошелъ подъ ледъ. Его позвали, и онъ выплылъ изъ подо льда, а когда взяли его опять на бортъ, то онъ видимо былъ очень доволенъ. Ему бросили кусокъ жиру его убитой матери, и онъ съ наслажденіемъ засосалъ его. И точно также съ видимымъ удовольствіемъ сосалъ кожу ея около сосковъ. Онъ обыкновенно лежалъ на палубѣ и тихо хрюкалъ. Изъ лицъ плывшихъ на пароходѣ онъ видимо отличалъ нѣкоторыхъ симпатичныхъ ему *). Если кто-нибудь ради забавы дразнилъ его, встряхивая передъ его мордой листомъ газеты, то онъ страшно сердился и бросался съ открытой пастью на человѣка, который его обезпокоилъ. Когда дали знать пароходу о появленіи кита, то онъ бросился сперва къ каютѣ доктора, затѣмъ капитана и, убѣдясь, что они живы и невредимы, долго въ страшномъ безпокойствѣ бѣгалъ, насколько ему позволяли его неуклюжіе ласты и кричалъ: «Аа-гукъ! Аа-гукъ!» Когда необходимо было высвободить пароходъ отъ намерзшаго или наплывшаго на него льда и вся команда и пассажиры принимались бѣгать то на носъ, то на корму парохода, то и онъ бѣгалъ вмѣстѣ съ другими, но при всемъ стараніи подвигался не болѣе, какъ на длину своего тѣла».

Голодные жители пустынныхъ Гренландскихъ береговъ — эскимосы, алеуты — бываютъ очень рады твердому, жесткому, темному мясу моржа. Они преслѣдуютъ моржей на обледѣнѣлыхъ берегахъ и на морѣ. Они собираются партіями въ нѣсколько десятковъ человѣкъ и нападаютъ на спящихъ моржей. Они гоняются за ними на небольшихъ льдинахъ, которыя служатъ имъ какъ бы плотами. Подплывая на этихъ плывущихъ льдинахъ къ большимъ ледянымъ полямъ, на которыхъ мирно спятъ чудовищные звѣри, они тихо, безъ шума, выходятъ на берегъ и подкрадываются къ стаду; подкрадываются постоянно, прячась за выступы и обломки ледяныхъ скалъ и торосовъ. Ихъ главное стараніе обойти звѣря съ моря и преградить ему отступленіе. Если имъ удастся это сдѣлать, то они съ крикомъ и шумомъ будятъ заснувшее стадо и идутъ на него стѣной, вооруженные пиками, топорами и дубинами. Здѣсь на льду закипаетъ смертельный бой. Всѣ старанія, всѣ силы охотниковъ направлены на то, чтобы ни одинъ моржъ не прорвался сквозь ихъ цѣпь. Они бьютъ, колятъ, рубятъ громадныхъ звѣрей, и вскорѣ изъ нихъ выростаетъ цѣлая стѣна или завалъ, который преграждаетъ движеніе моржей къ морю; тогда всѣ моржи, все стадо, лежавшее на берегу, становится ихъ жертвою.

Но такіе счастливые бои рѣдко выпадаютъ на долю бѣдныхъ малорослыхъ жителей, вѣчно борющихся со льдами, холодомъ и окружающими ихъ бурями и непогодой.

Бѣлый медвѣдь приноровился и привыкъ къ своей суровой обстановкѣ. Ему не страшны ни сѣверныя полярныя бури, ни глубокіе снѣга, ни льды его родины. Отчего же человѣкъ, далеко опередившій звѣря, не бѣжитъ изъ желѣзнаго кольца этихъ тяжелыхъ условій?...

Но въ этомъ бѣгствѣ онъ можетъ встрѣтить еще худшія условія, еще худшую обстановку большихъ городовъ, гдѣ люди скучены, а не соединены въ дружныя, братскія семьи и гдѣ царитъ страшный холодъ людского безсердечія, холодъ болѣе страшный и жестокій, чѣмъ льды и морозы полярнаго моря!..

3. Ламантина.

Съ глубокаго, угрюмаго, холоднаго сѣвера перенесемтесь на теплый, ласковый югъ, въ центръ южной Америки, въ страну жаркаго климата, въ страну большихъ озеръ и широкихъ рѣкъ, въ царство роскошныхъ, влажныхъ, трехъ-этажныхъ лѣсовъ, убранныхъ праздничными гирляндами, развѣшанными повсюду на высокихъ, цвѣтущихъ деревьяхъ. Въ этой сторонѣ, кажется, природа сосредоточила всю свою растительную силу и выразила ее въ тысячахъ разнообразныхъ формъ самой прихотливой и роскошной красоты.

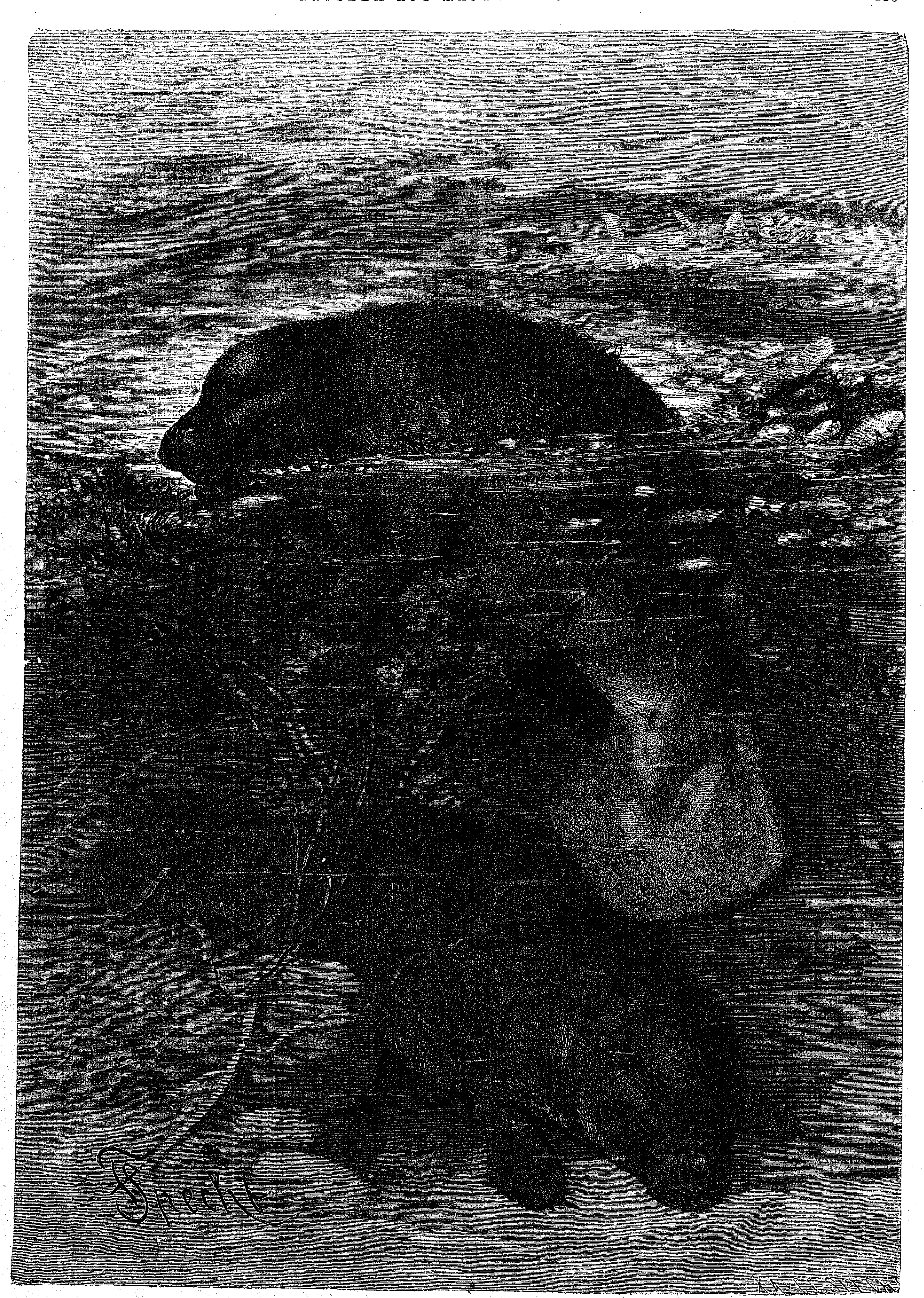
Здѣсь все движеніе и жизнь. Здѣсь всюду блескъ и яркія краски. Здѣсь воды полны растеніями и могутъ прокормить ими такія же громадныя, чудовищныя формы, какъ и нильскій бегемотъ. Только эти формы являются здѣсь въ другомъ видѣ.

На вершинѣ вѣтви, направившейся на сѣверъ, стоитъ моржъ, на другомъ концѣ ея, направленномъ на югъ —

---

*) Этотъ странный выборъ лицъ симпатичныхъ и антипатичныхъ свойственъ не однимъ моржамъ, но очень многимъ животнымъ. У меня жили бѣлыя крысы, которыя вполнѣ привыкли ко мнѣ и обыкновенно сидѣли у меня за жилетомъ. Онѣ были очень ручныя и къ каждому приходившему ко мнѣ тотчасъ же шли на руки и ласкались. Изъ этого составилъ исключеніе одинъ изъ моихъ знакомыхъ, котораго я спасъ отъ голодной смерти и который отплатилъ мнѣ за это весьма некрасивымъ поступкомъ. Когда приходилъ ко мнѣ этотъ знакомый, то съ крысами совершалась весьма рѣзкая перемѣна. Онѣ обѣ останавливались противъ него и смотрѣли на него неподвижно своими блестящими, красными глазами, какъ бы изумленныя и пораженныя его видомъ. Уши ихъ выпрямлялись и настораживались, и вообще во всей посадкѣ былъ очевидный страхъ и изумленіе.

Я передаю фактъ, а выводъ изъ него предоставляю желающимъ его сдѣлать.

Ламантина.

мы встрѣчаемъ другого тюленя, утратившаго почти совсѣмъ образъ млекопитающаго животнаго, это—*ламантина* или *манати*.

Если хотите—это тоже тюлень, но тюлень откормленный, ожирѣвшій, изнѣженный въ тепломъ, тропическомъ климатѣ.

Въ немъ все ожирѣло, или покрылось толстымъ слоемъ жира. Медленный, неповоротливый, неуклюжій, этотъ тюлень скорѣе напоминаетъ вамъ рыбу, чѣмъ млекопитающее животное. Онъ могъ возникнуть и можетъ существовать только въ этой жаркой странѣ. Въ ея озерахъ, въ истокахъ ея широкихъ рѣкъ, онъ находитъ непроходимую чащу растеній, онъ ѣстъ и спитъ на нихъ, нѣжится на этой мягкой подстилкѣ, какъ на мягкомъ пуховикѣ. Ему не нужно отыскивать пищу, она вездѣ къ его услугамъ. Зачѣмъ же и къ чему ему какіе бы то ни было орудія и органы? Въ густыхъ водяныхъ заросляхъ, какъ въ частомъ лѣсу, онъ скрывается отъ глазъ хищника. Ему не нужно избѣгать опасностей. Ихъ нѣтъ по крайней мѣрѣ въ то время, когда онъ лежитъ въ своемъ подводномъ царствѣ. И только одинъ человѣкъ, проникающій всюду и вносящій въ природу насиліе и смерть, грозитъ ему въ его привольномъ подводномъ царствѣ.

Про ламантину можно сказать: она не живетъ, она жирѣетъ. И дѣйствительно, каждая мышца ея готова превратиться въ жиръ отъ постояннаго, безпечнаго, лѣниваго спанья и отсутствія всякихъ заботъ и движеній. Только по временамъ она какъ бы для развлеченія предпринимаетъ довольно длинныя путешествія. Она медленно плыветъ въ теплыхъ водахъ большихъ рѣкъ, поднимается въ громадныя американскія озера — для того, чтобы на новомъ мѣстѣ снова заснуть на мягкомъ пуховикѣ зеленыхъ подводныхъ растеній — и снова вести такую же сонную жизнь, вся энергія которой тратится на выработку новыхъ отложеній жиру. Отъ жиру вся ея черносизая кожа принимаетъ полупрозрачность. Отъ жиру, который откладывается во всѣхъ ея обильныхъ складкахъ— эта кожа принимаетъ бѣлесоватый оттѣнокъ, въ особенности на брюшной сторонѣ, гдѣ она розовѣетъ, какъ у откормленнаго поросенка.

Взгляните на морду этого жирнаго животнаго. Все лицо его стало какимъ-то маленькимъ и самая голова тоже уменьшилась. Тупая, толстая морда съ маленькими, сонными свиными глазками — глядитъ на васъ, также какъ и на все въ окружающемъ его мірѣ, мертво, сонно и безучастно. Это голова какого то щенка, а не думающаго животнаго.

Раздутая морда повидимому указываетъ на сильное развитіе челюсти и зубовъ. Но это невѣрное указаніе. У ламантины нѣтъ зубовъ, т. е. зубовъ острыхъ, нападающихъ. У нея однѣ только коренные, плоскіе зубы, которыми она перетираетъ всякую растительную пищу, всякія подводныя растенія и водоросли. У нея нѣтъ ни переднихъ зубовъ, ни клыковъ, нѣтъ ничего колющаго и рѣжущаго. Она вполнѣ беззащитна. Ея тупая морда напоминаетъ вамъ пятачекъ свиньи.

Ея переднія ласты еще напоминаютъ лапы другихъ животныхъ, на нихъ даже сохранились четыре маленькихъ когтя, ни къ чему не служащихъ. Но заднія ноги совершенно исчезли, онѣ срослись въ сильный, жирный плёсъ. И этотъ плёсъ единственное орудіе для движенія и перемѣщенія.

Неправда ли странное, любопытное животное? Животное изъ какого-то другого, допотопнаго міра, животное, которому нельзя жить среди нынѣшней современной жизни, полной всякихъ хищниковъ, отъ которыхъ ламантина должна постоянно прятаться подъ водой въ ея зеленыя травы и водоросли.

Вотъ какъ описываетъ нападеніе на ламантину одинъ изъ путешественниковъ Маркуа (Marcoix):

«Какъ только мы обогнули эту возвышенность, мы услыхали всплески воды и трескъ вѣтвей. Наши гребцы разомъ прекратили грести своими широкими веслами и, задержавшись за вѣтви ивы, наклонившейся надъ водой, открыли намъ сразу слѣдующую картину: передъ нами въ двадцати шагахъ на горѣ огромный ягуаръ, зацѣпившись за вѣтви дерева, насторожилъ уши. Тѣло неподвижное, какъ у собаки на стойкѣ. Глаза звѣря горѣли, и онъ зорко слѣдилъ за всѣми движеніями бѣдной ламантины, которая беззаботно грызла своими плоскими зубами стебли дикаго маиса и водяного подорожника, который растетъ въ тѣхъ мѣстахъ.

«Въ то время, когда ламантина подняла надъ водой свою безобразную голову, ягуаръ бросился на нее и погрузилъ ей въ шею когти лѣвой лапы, а правою зажалъ ей морду и держалъ ея голову въ водѣ съ цѣлью, чтобы животное задохлось. Ламантина, вѣроятно чувствуя, что она задыхается, сдѣлала страшный скачокъ, но ягуаръ былъ далеко сильнѣе ея. Хищный звѣрь то опускалъ, то снова подхватывалъ тѣло ламантины, выскальзывавшее изъ его когтей. Ламантина билась и изнемогала. Такая борьба продолжалась довольно долго. Затѣмъ движенія ламантины замедлились и наконецъ совсѣмъ замерли. Она была убита. Тогда ягуаръ, зацѣпившись одной лапой за дерево, втащилъ на пригорокъ тѣло своей жертвы. Шея ламантины была вся изранена и покрыта кровью. Ягуаръ тихо зарычалъ какимъ-то особеннымъ образомъ, вѣроятно, призывая самку, чтобы раздѣлить съ ней добычу. Въ это время одинъ изъ нашихъ гребцовъ наложилъ стрѣлу на тетиву лука и, намѣтивъ, пустилъ ее въ ягуара. Но стрѣла пролетѣла мимо, не задѣвъ его и вонзилась въ дерево. Тогда звѣрь просунулъ свою морду сквозь навѣсъ изъ зеленыхъ вѣтвей и злобно посмотрѣлъ на насъ. Въ это время вторая стрѣла полетѣла въ него, но такъ же безуспѣшно, какъ и первая. Одинъ изъ гребцовъ, старикъ Джуліо, неистово закричалъ своимъ громкимъ, оглушительнымъ голосомъ: «Суа! Суа!» И звѣрь тотчасъ же бросилъ ламантину и неохотно повернулъ наутекъ. Но, уходя, онъ нѣсколько разъ обертывался въ нашу сторону, какъ бы жалѣя покинуть въ жертву какимъ-то невѣдомымъ пришельцамъ свою жирную добычу, завоеванную имъ такимъ тяжелымъ трудомъ».

Ламантины—животныя тихія, смирныя; тихія, вѣроятно, отъ сильнаго ожирѣнія. Онѣ живутъ попарно и очень рѣдко собираются въ маленькія стаи. Это бываетъ обыкновенно при наступленіи жаркаго времени, въ тотъ періодъ, который соотвѣтствуетъ, по его результатамъ, нашей веснѣ. Вотъ что разсказываетъ тотъ же путешественникъ Маркуа объ образѣ жизни ламантинъ.

«Наши пироги,—говоритъ онъ,—вмѣсто того, чтобы идти впередъ, повернули налѣво и причалили къ берегу. Гребцы тихонько убрали свои весла и наказали нашимъ женщинамъ: не шумѣть! Охотники пристально вглядывались кругомъ, стоя на носу нашихъ лодокъ.

«Прошло нѣсколько минутъ, и легкій шумъ послышался съ правой стороны. Всѣ глаза обернулись туда. Черная морда ламантины выставилась изъ травы. Животное усиленно выдувало изъ своихъ легкихъ испорченный воздухъ и затѣмъ втягивало глотокъ за глоткомъ свѣжій, богатый кислородомъ. Затѣмъ, удовлетворивъ этой первой потребности организма, ламантина довольно бойко поплыла на середину озера. Въ то время, когда она подплывала къ намъ, пять другихъ ламантинъ выставили свои тупыя морды изъ воды. Наши охотники до того обрадовались этой богатой добычѣ, что громко захлопали въ ладоши. Но эти аплодисменты ни мало не испугали ламантинъ, и онѣ всѣ пять бойко плыли, направляясь къ той ламантинѣ, которая выплыла первая. Очевидно это были самцы, а первая, выплывшая, ламантина—самка. Они всѣ устремились къ ней, какъ радіусы къ центру, но въ то время, когда они почти касались ея морды, она вдругъ нырнула, а они столкнулись мордами и въ ярости зафыркали. Это столкновеніе произвело цѣлую

бурю въ водѣ. Озеро вдругъ заволновалось, закипѣло, заплескалось, точно кто-нибудь вдругъ вскипятилъ его. Повсюду на его поверхности мелькали жирные хвосты или тупыя морды ламантинъ. Они дрались, дрались ожесточенно. Они хлопали, какъ вальками, своими толстыми плесами по водѣ, фыркали и толкали другъ друга. И ярость ихъ была тѣмъ сильнѣе, что никто изъ нихъ не могъ нанести своему сопернику ни одной раны.

«Этотъ бой продолжался нѣсколько минутъ. Затѣмъ снова водворилось спокойствіе. Одна парочка выдѣлилась изъ всего стада, тихо поплыла на середину озера и исчезла изъ глазъ.

«Если самка зайдетъ въ одинъ изъ заливчиковъ озера, то опытные и внимательные туземцы тотчасъ же это замѣтятъ и загородятъ выходъ изъ озера. Всѣ вошедшіе съ этой самкой самцы такимъ образомъ будутъ пойманы и убиты. Но самку охотники выпускаютъ, и она можетъ еще нѣсколько разъ послужить приманкой для ихъ добычи.

«Нѣтъ ничего доступнѣе и легче охоты на ламантинъ въ этихъ американскихъ озерахъ. Охотники узнаютъ присутствіе ламантинъ по ихъ дыханію, или правильнѣе говоря, выдыханію, которое съ шумомъ выходитъ изъ ихъ легкихъ. Тогда они неслышно подплываютъ къ ихъ стаду и пускаютъ въ нихъ самодѣльные гарпуны. Это длинный и толстый гвоздь, насаженный на древко съ длинной веревкой. Охотнику достаточно всадить этотъ гвоздь куда-нибудь въ тѣло ламантины для того, чтобы совершенно овладѣть животнымъ. Эта безобразная и безформенная туша, которую, казалось бы, нельзя было убить даже какимъ-нибудь тараномъ, сразу уступаетъ первому толчку и погибаетъ отъ первой раны. Изъ трехъ ламантинъ, которыхъ мы убили въ озерѣ Мабіузо, у первой гарпунъ воткнулся въ шею, у второй въ бокъ, а у третьей онъ вонзился въ хвостовые позвонки. Мы уволокли ихъ, зацѣпивъ за ихъ грудныя ласты, на чистую плоскую лужайку и тамъ сняли съ нихъ кожу. Слой жира толщиною въ три пальца окружалъ ихъ шею. Мясо ихъ было такого привлекательнаго нѣжно-розоваго цвѣта, что оно мнѣ казалось вкуснѣе всякой ветчины».

Это мясо дѣйствительно настолько вкусно, что іезуиты мѣстнаго братства Іисуса ежегодно устраиваютъ ловлю этихъ жирныхъ и вкусныхъ животныхъ, хотя туземцы не ѣдятъ его и увѣряютъ, что оно вызываетъ лихорадки.

Теперь мы можемъ сравнить результаты условій жизни на сѣверѣ и на югѣ, сравнить моржа съ ламантиной.

Моржъ, какъ и всякій житель сѣвера, принужденъ выдерживать борьбу съ тяжелой недружелюбной обстановкой. Льды, холодъ, вьюги и снѣжныя бури — все мертвящее, враждебное жизни постоянно окружаетъ его и держитъ его энергію въ постоянно бодромъ, приподнятомъ, напряженномъ строѣ. Этотъ строй не даетъ ослабѣвать ни на одну минуту ни его нервамъ, ни его мускуламъ. Нервы его грубы, точно также какъ и ихъ отправленія. Его крѣпкіе, желѣзные мускулы жестки и тверды, но они въ полной гармоніи съ его организмомъ, съ его толстыми, крѣпкими костями, съ его массивной, чудовищной фигурой. Это закаленный, сказочный богатырь сѣвера, которому не страшны ни снѣжныя вьюги, ни ледяной океанъ, никакіе враги и никакія невзгоды жизни. Мнѣ представляется теперь его колоссальная фигура, лежащая, какъ монументальная статуя, на ледяной горѣ и гордо осматривающая съ высоты и Ледовитый, неизмѣримый, безбрежный океанъ, и всю даль необозримаго холоднаго полюса.

Всякое впечатлѣніе и ощущеніе вызываетъ реакцію, рефлексъ, противодѣйствіе. Леденящій, замораживающій воду холодъ вызываетъ въ моржѣ повышеніе температуры, самостоятельную дѣятельность нервовъ. Постоянное усиленное упражненіе мышцъ развиваетъ и укрѣпляетъ ихъ. Въ зимнихъ стужахъ вѣчный источникъ крѣпости и молодости силъ, вѣчное ихъ обновленіе. Моржъ живетъ отъ 150 до 200 лѣтъ, а можетъ быть и больше. Самое громадное животное—китъ живетъ въ холодныхъ, полярныхъ моряхъ.

Таковъ моржъ и его суровое сѣверное обиталище.

Посмотрите теперь на ламантину, на эту разжирѣвшую, водяную свинью, постоянно нѣжащуюся среди привольной, тропической жизни въ теплыхъ водахъ южно-американскихъ озеръ. Взглянувъ на нее, вы сразу понимаете, что это животное не дѣятельное, квіетическое. У него нѣтъ интересовъ къ жизни, его умъ спитъ, его оконечности застыли въ ихъ развитіи, имъ нѣтъ работы. Онѣ жирѣютъ, разрушаются и исчезаютъ.

Моржъ и ламантина—два выраженія двухъ крайнихъ точекъ: крайняго сѣвера и тропическаго юга. Норма должна лежать въ серединѣ между этими крайностями. Но въ умѣренныхъ широтахъ мы не встрѣчаемъ такихъ выдающихся формъ и явленій, которыя производятъ крайній сѣверъ или тропическій югъ. Въ умѣренномъ климатѣ нѣтъ роскошной растительности, — этихъ вѣчно зеленыхъ деревьевъ, этихъ трехъэтажныхъ лѣсовъ; нѣтъ такого страшнаго богатства яркихъ красокъ, причудливыхъ формъ и сильнаго металлическаго блеску. Тамъ все умѣренно, или все въ мѣру. Тамъ пульсъ жизни бьется тихимъ, умѣреннымъ боемъ, и ничто не льется черезъ край, ни въ чемъ нѣтъ избытка роскоши и силы.

Въ природѣ все, при всякой возможности, стремится перейти предѣлы возможнаго, переступить порогъ обыденнаго и уйти въ ширь, въ высь, въ безпредѣльность. Умѣренный климатъ кладетъ узду на это стремленіе. Но не осуждаетъ ли онъ всѣ природныя явленія на жалкую, темную посредственность, на эту *aurea mediocritas* древнихъ философовъ. Вотъ тяжелый вопросъ существованія и развитія современнаго міра природы?!..

VIII.

ГРУППА ГРЫЗУНОВЪ.

Группа грызуновъ*).

1. Альпійскій сурокъ.—2. Бобръ.—3. Заяцъ.—4. Верхолазъ.—5. Слѣпышъ.—6. Мышь-малютка.

Кто не любитъ природы, тотъ врядъ-ли пойметъ и то чувство, которое охватываетъ натуралиста, въ первый разъ увидѣвшаго красивую горную мѣстность. Ужъ одинъ общій видъ ея поражаетъ своими чудными контрастами. Подъемы и спуски, обрывы и отвѣсныя стѣны, уходящія высоко въ небо, глухія ущелья рѣчныхъ долинъ, съ разбросанными по нимъ селеніями,—все разнообразно, красиво, причудливо... А тамъ вдали, на горизонтѣ встаютъ полукругомъ снѣжныя горы—великаны, то подернутыя голубою дымкою, волшебно-прозрачныя, то ослѣпительно бѣлыя, рѣзко вырѣзывающіяся на темно-синемъ фонѣ. Горы ли ушли въ небо или облака спустились на землю?!.. Все сказочно, фантастично и сразу ошеломляетъ и чаруетъ непривычный глазъ.

Условія жизни въ такихъ гористыхъ мѣстностяхъ налагаютъ рѣзкій отпечатокъ на альпійскую флору и фауну. Эти условія крайне своеобразны: жаркое, но очень короткое лѣто, рѣзкая разница въ температурѣ дня и ночи, необыкновенная прозрачность воздуха и постоянно низкое давленіе атмосферы. Характерное растеніе равнинъ, перенесенное въ альпійскую область, не успѣло бы тамъ до наступленія холодовъ распустить свои цвѣты. Насѣкомое не успѣло бы закончить свой метаморфозъ, болѣе крупное животное, не приспособившееся къ условіямъ жизни въ горахъ, если бы и выдержало лѣто, то не вынесло бы девятимѣсячной альпійской зимы.—Не успѣваетъ стаять снѣгъ на альпійскихъ лугахъ и высохнуть весенніе потоки, бороздящіе почву по всѣмъ направленіямъ, а альпійскіе цвѣты уже пробиваются по краямъ проталинъ, прямо, на снѣгу раскрывая свои чудные, то синіе, то ярко-розовые бутоны.

Вмѣстѣ съ растеніями просыпается и животный міръ, и однимъ изъ первыхъ выходитъ изъ глубокой зимней норы *альпійскій сурокъ*.

Взгляните на прилагаемый рисунокъ. Онъ передъ вами—этотъ альпійскій, крупный, бойкій грызунъ. Ему привольно и весело въ этомъ горномъ, освѣжающемъ чистомъ воздухѣ. Быстро вскарабкался онъ на выдающійся камень, присѣлъ на заднія лапки, приподнялся и вытянулся, какъ часовой. Стоитъ и не шелохнется. Онъ точно застылъ въ одной позѣ: слушаетъ и зорко всматривается. Переднія лапки его красиво свѣсились внизъ, взъерошенный хвостикъ, кончающійся пучкомъ черныхъ волосъ, вздернутъ кверху. Его выдающіеся, круглые, громадные, черные глазки видятъ человѣка на такомъ разстояніи, на которомъ едва ли бы мы могли разсмотрѣть его самого въ хорошій морской бинокль. Это единственный звѣрекъ, который рѣшается, не спускаясь въ долины, круглый годъ проводить возлѣ вѣчнаго снѣга, на высотѣ нѣсколькихъ тысячъ футъ. Только грызунъ могъ приспособиться къ такимъ условіямъ жизни. Дѣйствительно, ни одна изъ группъ млекопитающихъ не распространена такъ широко и не живетъ при столь разнообразныхъ условіяхъ, какъ грызуны, къ которымъ относится болѣе трети всѣхъ извѣстныхъ видовъ звѣрей. Кажется, единственное условіе необходимо для жизни того или другого грызуна, — это какая-нибудь наземная растительность. Существуетъ она,—существуетъ и грызунъ, живущій на счетъ ея.

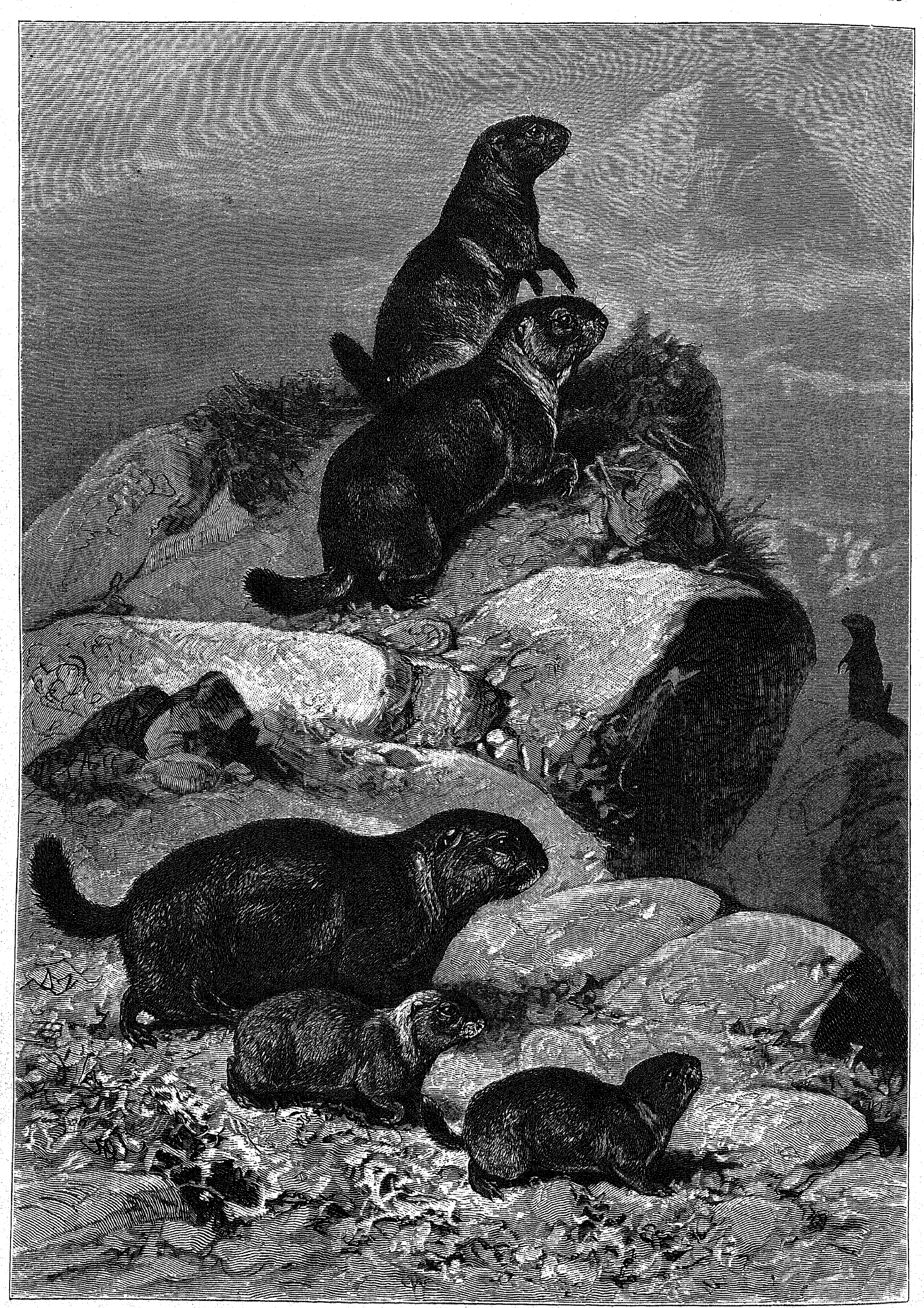
Мы найдемъ грызуновъ и среди необозримыхъ степей, покрытыхъ однообразною травою, тянущихся мѣстами на тысячи верстъ, и въ самой глуши дѣвственныхъ, непроходимыхъ лѣсовъ. Мы встрѣтимъ ихъ среди безплодныхъ равнинъ, гдѣ существуютъ лишь слѣды наземной растительности, встрѣтимъ и въ горахъ, на громадной высотѣ, встрѣтимъ какъ въ самыхъ жаркихъ странахъ, такъ и по берегамъ и островамъ Ледовитаго океана, гдѣ короткая весна не успѣваетъ смѣниться лѣтомъ, а вслѣдъ за нимъ уже наступаетъ безконечное, темное, холодное время. Мы находимъ этихъ мелкихъ звѣрьковъ среди тундръ сѣвера и громадныхъ лѣсныхъ болотъ Стараго и Новаго свѣта, находимъ всюду, во всѣхъ широтахъ и во всѣхъ частяхъ свѣта. Они—эти мелкіе звѣрьки не бросаются въ глаза, но безъ сомнѣнія составляютъ девять десятыхъ, если не больше, всего числа звѣрей, населяющихъ землю. Они мелки ростомъ, но поражаютъ числомъ видовъ и еще болѣе числомъ индивидовъ.

Взгляните на альпійскую полянку лѣтомъ, въ ясный, теплый день: она вся полна жизни, полна сурками—снующими, бѣгающими или сидящими неподвижно. Вотъ одинъ сурокъ быстро сѣменя ножками, не то сбѣжалъ. не то скатился со своего сторожевого поста и снова торопливо принялся щипать сочную альпійскую траву. А возлѣ него на другомъ камнѣ уже выросла фигурка другого такого же сурка, а тамъ, глядишь, карабкается на выдающійся камень мелкими торопливыми прыжками третій, четвертый, пятый грызунъ... И все это торопится, спѣшитъ, какъ бы стараясь въ теченіе короткаго лѣта наверстать время, потерянное за долгую зиму и весну, торопится, какъ окружающія альпійскія растенія, зацвѣтающія, едва раскрывъ свою первую почку, торопится, какъ горные потоки, выбивающіеся изъ подъ снѣга и быстро сбѣгающіе внизъ...

Но, вотъ одинъ изъ сурковъ замѣтилъ опасность.—Была ли то хищная птица, пролетѣвшая мимо, или на сосѣднемъ склонѣ, изъ-за камней выглянулъ злѣйшій врагъ его, альпійская лиса,—все равно. Онъ вѣчно насторожѣ, и ни одно подозрительное явленіе не укроется отъ него. И вдругъ—рѣзкій свистъ предупреждаетъ все общество. Сразу, какъ по командѣ, поднялось изъ травы еще нѣсколько сурковъ. Ѣда брошена. Свистъ повторяется то однимъ, то другимъ, и скоро всѣ,—и старый, и малый,—также поспѣшно скрываются въ свои норы, между камнями, въ трещинахъ скалъ. Альпійская поляна во мгновеніе ока пустѣетъ, и долгое время не покажется на ней ни одного изъ звѣрьковъ, такъ недавно ее оживлявшихъ.

Въ лѣтній день, суетливая бѣготня и возня на альпійскихъ полянахъ, затерянныхъ, какъ крошечные зеленые оазисы, среди окружающихъ ихъ вѣчныхъ ледниковъ и голыхъ скалъ, — не прекращается съ восхода и до захода солнца ни на минуту. Эта подвижность особенно характерна для грызуновъ. Всѣ раздраженія внѣш-

*) Эта статья написана нарочно для этого изданія проф. кіевскаго университета Ю. Н. Вагнеромъ.

Альпійскіе сурки.

няго міра дѣйствуютъ на ихъ маленькое тѣло сильнѣе. Всѣ процессы совершаются въ немъ быстрѣе: быстрѣе сокращаются мышцы, быстрѣе бьется ихъ сердце, скорѣе совершаетъ свой кругъ бѣгущая по жиламъ кровь. Зато тѣмъ рѣзче контрастъ между лѣтнею жизнью сурка и продолжительнымъ его сномъ зимою. Температура тѣла его съ 30-ти слишкомъ градусовъ Реомюра падаетъ до семи съ половиною, дыханье такъ медленно, что въ продолженіе шестимѣсячнаго зимняго сна онъ дѣлаетъ меньше вдыханій, чѣмъ въ теченіе двухъ лѣтнихъ дней, всѣ жизненные процессы пріостанавливаются.

Какъ только повѣетъ зимою и горныя вершины скроются въ сѣрыхъ туманахъ, а родныя поляны сурка запорошитъ первый ранній снѣжокъ,—дружная семья его наглухо запираетъ себя въ своей зимней норѣ. Впереди шесть долгихъ мѣсяцевъ безпробуднаго сна. Недаромъ говорятъ: «онъ спитъ, какъ сурокъ»... Свернувшись клубкомъ, уткнувъ свою мордочку между задними лапками и прикрывъ хвостикомъ свою голову, лежатъ и грѣютъ другъ друга, сбившись въ одну кучку, съ десятокъ сурковъ — членовъ одной семьи. Полъ въ подземной норкѣ устланъ мелкимъ, мягкимъ сѣномъ, а длинный коридоръ, ведущій въ нее, на нѣсколько футъ плотно заткнутъ сухою травою, землею и камнями, надежной защитой противъ суровыхъ морозовъ.

Зимняя спячка животныхъ, напоминающая смерть, всегда приковывала къ себѣ вниманіе натуралистовъ. Ее сравнивали то съ зимнимъ оцѣпенѣніемъ растеній, то съ продолжительнымъ обморокомъ, напоминающимъ летаргическій сонъ, при которомъ ткани нашего тѣла остаются живыми, не смотря на то, что всѣ органы перестаютъ функціонировать. Есть связь, конечно, между всѣми подобными явленіями — или между причинами, вызывающими ихъ, или, наконецъ, въ ходѣ ихъ самихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ измѣненіяхъ, вызываемыхъ ими въ организмѣ. Всѣ они, вѣроятно, относятся къ одной и той же группѣ явленій,—къ явленіямъ «скрытой жизни», какъ назвалъ ихъ нѣкогда Клодъ-Бернаръ. Но, безъ всякаго сомнѣнія, между ними есть и существенная разница. Мы знаемъ, что наши деревья, перенесенныя въ тропическій поясъ, продолжаютъ ронять свои листья зимою, а въ южномъ полушаріи европейскій дубъ сбрасываетъ свою листву въ то время, когда все вокругъ зеленѣетъ. Между тѣмъ мелкіе звѣри не спятъ зимою въ неволѣ, въ тепломъ помѣщеніи. Лягушки и змѣи не впадаютъ въ оцѣпенѣніе, личинки насѣкомыхъ въ комнатѣ зимою продолжаютъ свое развитіе. Изъ ихъ куколокъ среди зимы выходятъ бабочки. Тамъ зимній покой, хотя бы короткій, оказывается необходимымъ для организма, здѣсь онъ имѣетъ болѣе случайный характеръ. У первыхъ это явленіе хотя и было когда-то вызвано смѣною временъ года, но въ настоящее время оно почти независимо отъ наступленія холодовъ. У вторыхъ оно и теперь вызывается лишь неблагопріятными условіями жизни, будетъ ли это морозъ умѣреннаго пояса или засуха жаркаго, тропическаго климата.

Собственно говоря, весь лѣтній періодъ жизни нашихъ многолѣтнихъ растеній — есть въ тоже время приготовленіе ихъ къ зимнему сну или къ новой веснѣ, и въ концѣ его растеніе неизбѣжно приходитъ въ то состояніе, при которомъ дальнѣйшая жизнь безъ нѣкотораго періода покоя становится невозможной. Вся жизнь такого растенія слагается изъ постоянной смѣны періодовъ покоя и дѣятельности. Не то мы видимъ у животнаго. Въ организмѣ его нѣтъ такихъ измѣненій, которыя дѣлали бы зимній сонъ необходимымъ. Только внѣшнія вліянія, угнетающія его психическую дѣятельность, приводятъ постепенно весь организмъ въ состояніе оцѣпенѣнія и дѣлаютъ возможнымъ продолженіе жизни при такихъ условіяхъ, при которыхъ то же животное погибло бы, если бы попало въ нихъ сразу.

Животное инстинктивно, задолго до наступленія неблагопріятныхъ условій, начинаетъ готовиться къ нимъ. Альпійскій сурокъ еще во второй половинѣ лѣта пользуется каждымъ теплымъ и яснымъ днемъ, чтобы «накосить» и насушить себѣ сѣна на зиму. Быстро сохнетъ подрѣзанная имъ у самаго корня трава—въ горахъ, по склонамъ, подъ лучами іюльскаго и августовскаго альпійскаго, жгучаго солнца. Дружно работаютъ взрослые сурки:—съ клочками сѣна во рту, какъ муравьи передъ своимъ муравейникомъ, торопливо снуютъ они по полянѣ по всѣмъ направленіямъ. И, дѣйствительно, альпійская поляна съ усѣявшими ее обломками скалъ и камнями, между которыми движется и копошится масса звѣрьковъ, издали кажется большимъ муравейникомъ. Одни бѣгутъ кверху, другіе спускаются внизъ къ своимъ норамъ уже съ сѣномъ во рту.—Движеніе всюду, куда ни посмотришь. Только молодь, всего два мѣсяца назадъ въ первый разъ увидѣвшая свѣтъ, не успѣвшая еще подрости, не принимаетъ участія въ этой лихорадочной дѣятельности. Но если молодые сурки уже покинули родную нору, то и они принимаютъ участіе въ общей дѣятельности стариковъ и своими постоянными играми вносятъ еще большее своеобразное оживленіе.

Время отъ времени то тотъ, то другой изъ нихъ останавливается, чтобы оглядѣться вокругъ и прислушаться къ звукамъ, чтобы очистить свою пушистую бурую шубку отъ пыли и земли, набившейся между волосами во время постояннаго шмыганія взадъ и впередъ по норѣ, чтобы освободить свои лапки отъ приставшихъ къ нимъ при рытьѣ комочковъ земли и мелкихъ галекъ. Впрочемъ, какъ ни часто онъ моется, ему никогда не удается вымыться какъ слѣдуетъ. Слой земли всегда покрываетъ его тѣло. Да и некогда. Лѣто коротко, время не ждетъ, теплыхъ дней впереди уже мало, а приготовленій къ зимѣ не оберешься. Быстро, быстро вылизалъ онъ свои лапки, потеръ ими мордочку, отряхнулся и снова за дѣло... И суетливая бѣготня не затихаетъ ни на минуту...

Не только сурокъ, но и всѣ наши грызуны въ это время заняты приготовленіями къ зимѣ или къ наступающей непогодѣ, которая задержитъ ихъ въ норахъ и гнѣздахъ. Какъ на альпійскихъ лугахъ, такъ и всюду въ поляхъ и лѣсахъ идутъ теперь эти сборы. Хомякъ роетъ на зиму кладовыя и наполняетъ ихъ запасами зерна, приносимаго съ поля. Онъ и овражки работаютъ какъ бы взапуски другъ передъ другомъ: они превратились теперь въ неутомимыхъ грабителей нашихъ полей. Полевки хлопочатъ съ запасами изъ кореньевъ. Имъ еще больше заботъ, чѣмъ суркамъ: каждый корень или луковицу надо выкопать изъ земли, очистить отъ стеблей или листьевъ, а если корень великъ, то и разгрызть его на небольшіе куски. Какъ-то не вѣрится, чтобы такой мелкій звѣрекъ, какъ сибирская экономка, могъ въ теченіе второй половины лѣта скопить подъ землею до пуда различныхъ кореньевъ и луковицъ. Въ лѣсахъ и рощахъ—тоже работа: полчекъ и летяга ночью, а быстрая векша—днемъ тащатъ къ себѣ и прячутъ орѣхъ за орѣхомъ, желудь за желудемъ, шишку за шишкой, словомъ все, что составляетъ ихъ обычную пищу, что остается несъѣденнымъ.

Эта страсть дѣлать запасы на черный день или просто прятать остатки отъ своего стола весьма характерна для грызуновъ. Даже домашнія мыши и крысы и тѣ обыкновенно не бросятъ остатковъ ѣды, а, если возможно, стащатъ ихъ къ себѣ въ нору. Одна моя крыса, которая каждый день получала послѣ обѣда блюдце съ кореньями и картофелемъ изъ супа, никогда не оставляла на блюдцѣ ни одного корешка: все перетащитъ къ себѣ въ сѣно. И чѣмъ больше давалъ я ей ѣсть, тѣмъ уморительнѣе казалась та поспѣшность, съ которою она бѣгала отъ гнѣзда къ блюдцу и обратно, перетаскивая кусокъ за кускомъ. Разумѣется, своихъ запасовъ она никогда не съѣдала, такъ какъ пищи у нея было всегда вволю.

Дѣйствительно, въ постоянномъ стремленіи грызуновъ

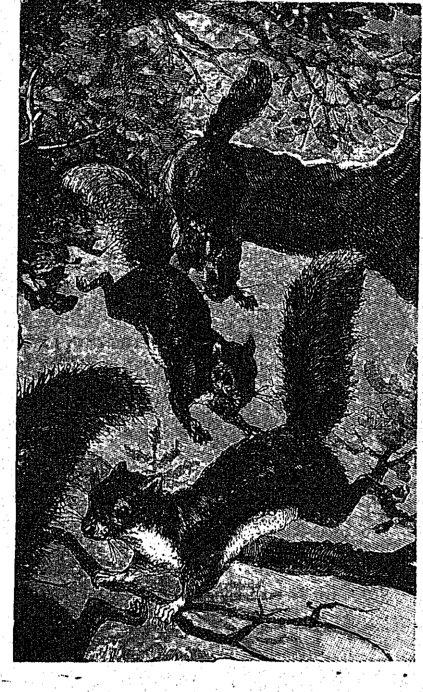

Бѣлка.

перетащить къ себѣ и припрятать недоѣденную пищу сказывается не столько ихъ жадность,—въ общемъ она не больше, чѣмъ у другихъ звѣрей, — сколько врожденный инстинктъ заготовокъ на черный день. Посмотрите, какъ рѣзко выражена эта вѣчная забота о черномъ днѣ у бѣлокъ. Оно и понятно, такъ какъ черными днями для бѣлокъ является не только зима, какъ у большинства нашихъ звѣрей, но и всякая непогода. Подуетъ холодный вѣтеръ и сердито зашумитъ по верхушкамъ сосенъ или высокихъ елей, заморосить дождикъ и закапаетъ крупными каплями съ листьевъ, а бѣлка уже сидитъ въ своемъ гнѣздѣ и пережидаетъ погоду. Свернулась комочкомъ, прикрыла себя пушистымъ хвостомъ и дремлетъ день, два, пока бушуетъ погода... Но пронесетъ время грозу, и снова выглянетъ бѣлочка голодная, ослабѣвшая изъ своего воздушнаго домика, куда загнало ее ненастье. Силъ уже нѣтъ отправиться за новою пищею — и счастье ея, что тутъ подъ рукою, въ кустахъ между корнями или въ дуплѣ стараго дуба ею же собраны запасы орѣховъ, желудей и всякихъ сѣмянъ. Скорѣй за ѣду! Какъ пріятно теперь утолить первый голодъ. Какъ замѣтно возвращаются силы!.. Наѣлась, умылась, почистилась, погрѣлась на солнцѣ, понѣжилась, поправила свою мягкую шерсть, слежавшуюся во время дремоты, а затѣмъ и въ путь съ вѣтки на вѣтку, съ дерева на дерево — за новыми сборами... И снова такъ же бодро и увѣренно прыгаетъ векша. Снова съ поражающей ловкостью, торопливо пробирается она на самый кончикъ еловой вѣтки за шишкой. Снова такъ же рѣзво гонятся бѣлка за бѣлкой и кружатся, свистя и щелкая, по деревьямъ, прыгаютъ вокругъ стволовъ сосенъ ловко и быстро: едва ихъ замѣтишь среди общаго фона опавшей хвои и сосновыхъ вѣтокъ такихъ же рыжихъ, какъ онѣ сами.

Бѣлка.

Забавно наблюдать проявленія того же инстинкта—прятать остатки отъ пищи—не только у дикихъ бѣлокъ, но и у бѣлокъ, живущихъ въ неволѣ, которымъ, разумѣется, ни разу въ жизни не пришлось испытать черныхъ дней, ни разу не пришлось подумать о добываніи пищи. Я зналъ одну бѣлочку, почему-то любившую прятать свои орѣшки или конфекты въ складкахъ платьевъ людей. Быстро вскарабкается, бывало, къ мнѣ на плечо съ орѣхомъ во рту, возьметъ его въ лапки, попробуетъ грызть, но не съѣстъ, а сейчасъ же начнетъ проворно совать его куда-нибудь въ складки моего костюма, а то и прямо въ карманъ. Спрятавъ первый орѣхъ, бѣжала она за вторымъ, за третьимъ, и прятала ихъ такъ же проворно... Не опытъ, а врожденный инстинктъ руководилъ ея дѣйствіями. Она прятала ѣду всюду, гдѣ только находила укромный уголокъ, откуда ее каждое утро аккуратно выметала прислуга; но такъ какъ «Бобочка» никогда не пользовалась своими запасами, то это не производило на звѣрька никакого впечатлѣнія, и къ вечеру въ тотъ же день въ щеляхъ пола, въ углу за комодомъ, въ складкахъ портьеръ и въ углубленіяхъ мебели бывали снова основаны ея «кладовыя и склады».

Бѣлки.

Хлопоты бѣлки, однако, отличаются отъ заботъ сурка тѣмъ, что она ограничивается сборомъ запасовъ, а онъ—приготовленіемъ зимняго помѣщенія. Первая спитъ въ своемъ гнѣздышкѣ лишь тогда, когда непогода или сильный морозъ мѣшаетъ ей выйти, второй не просыпается всю зиму. Это, впрочемъ, не измѣняетъ самаго дѣла. Суть въ томъ, что всѣ подобныя приготовленія грызуновъ имѣютъ цѣлью по возможности сгладить переходъ къ неблагопріятнымъ условіямъ жизни, чтобы эти условія не застали врасплохъ.

Зимняя нора такъ плотно закрывается суркомъ, что температура въ ней понижается лишь очень постепенно. Собираясь зимовать, онъ меньше и меньше ѣстъ; сама природа, задерживая его чаще и чаще во время осеннихъ ненастій въ норѣ, исподоволь пріучаетъ его къ голоданію. Толстый слой жиру, накопленный за лѣто, помогаетъ ему просиживать въ такіе дни въ норѣ безъ пищи, пока, наконецъ, постепенно овладѣвающее имъ оцѣпенѣніе не позволитъ ему совершенно отказаться отъ нея на долгое время и, повидимому, безъ всякаго ущерба для организма.

Организмъ ни въ чемъ не терпитъ быстрыхъ переходовъ; тотъ же грызунъ, такъ легко въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ переносящій температуру въ 6—7 градусовъ Реомюра, будучи сразу перенесенъ въ холодное помѣщеніе, скоро бы умеръ отъ истощенія. Дѣйствительно, въ организмѣ, подвергнутомъ быстрому охлажденію, замѣчается не пониженіе, а повышеніе дѣятельности: дыханіе ускоряется, пульсъ бьется сильнѣе и чаще, чувствительность обостряется, потребность въ пищѣ возрастаетъ. Животное борется съ холодомъ, въ этой борьбѣ тратитъ свои силы и, въ концѣ концовъ, погибаетъ, такъ какъ потребляемая имъ пища не успѣваетъ усваиваться и пополнять тѣ затраты, которыми сопровождается это рѣзкое повышеніе его дѣятельности.

Что же побуждаетъ сурковъ готовиться къ зимовкѣ? Чуютъ ли они задолго наступленіе холодовъ? Замѣчаютъ ли какія-нибудь измѣненія въ растеніяхъ, на счетъ которыхъ живутъ? И что научило ихъ такъ бояться зимняго холода, о продолжительности котораго они не могутъ имѣть представленія, такъ какъ не могутъ замѣтить, сколько времени они проводятъ въ оцѣпенѣніи? Передаютъ ли старики, умудренные опытомъ предшествовавшихъ лѣтъ, своимъ дѣтямъ то, что сами когда-то узнали отъ своихъ отцовъ и матерей? Или и здѣсь проявляется одинъ изъ тѣхъ сложныхъ инстинктовъ, которые развиваются тѣмъ же самымъ путемъ, благодаря тому же естественному подбору, какъ и различныя физическія особенности животнаго, безсознательно, безо всякаго вмѣшательства въ ихъ развитіе разума?

Мелкія животныя вообще чувствительны къ такимъ перемѣнамъ въ атмосферѣ, которыя для насъ незамѣтны. Если «экономки» Сибири дѣлаютъ глубокія норы,—тунгузъ ожидаетъ суровой или безснѣжной зимы; если бобры принимаются поспѣшно стаскивать въ воду нарѣзанныя ими деревья, то будетъ скоро морозъ, который покроетъ ихъ заводь или прудъ слоемъ льда. Понятно также и то, что, питаясь исключительно растеніями, грызунъ не можетъ не замѣ-

чать въ нихъ измѣненій съ ходомъ времени года, особенно сурокъ, никогда не упускающій случая ощипать цвѣты, распускающіеся возлѣ его норы, и погрызть сочную травку.

Мы не знаемъ, какъ животное предугадываетъ наступленіе холода: руководится ли оно при этомъ, дѣйствительно, наблюденіемъ и дѣлаетъ изъ него вѣрный выводъ, или извѣстныя атмосферныя явленія, неуловимыя для насъ, и измѣненія въ растеніяхъ, его окружающихъ, не вызывая въ его умѣ никакого представленія, никакой мысли, все-таки заставляютъ его такъ или иначе измѣнять свой прежній образъ жизни. Если грызуны и не лишены способности наблюдать, то все же они не настолько развиты, чтобы понять необходимость приготовленій къ зимовкѣ. Всѣ постройки звѣрей, подчасъ удивляющія своею сложностью и цѣлесообразностью, какъ и гнѣзда птицъ, не есть плодъ дѣятельности ума этихъ маленькихъ архитекторовъ. Инстинктъ, который въ данномъ случаѣ руководитъ дѣйствіями животныхъ, развивался въ теченіе многихъ сотенъ и тысячъ поколѣній, вслѣдствіе чего и сами постройки постепенно совершенствовались. Не самъ какой-нибудь бобръ додумался до постройки своей хижины или до устройства плотинъ, поддерживающихъ воду, возлѣ которой онъ живетъ, всегда на одномъ уровнѣ; не одинъ какой-нибудь сурокъ изобрѣлъ способъ затыканія своей зимней норы сѣномъ, перемѣшаннымъ съ землею и камнями, и сообщилъ о своемъ изобрѣтеніи другимъ суркамъ. Эти сложныя привычки унаслѣдованы ими отъ длиннаго ряда предшествовавшихъ поколѣній. Развиваясь постепенно, онѣ, въ отличіе отъ способностей, въ которыхъ участвуетъ разсудочная дѣятельность, передаются по наслѣдству такъ же полно, какъ физическія особенности самихъ строителей.

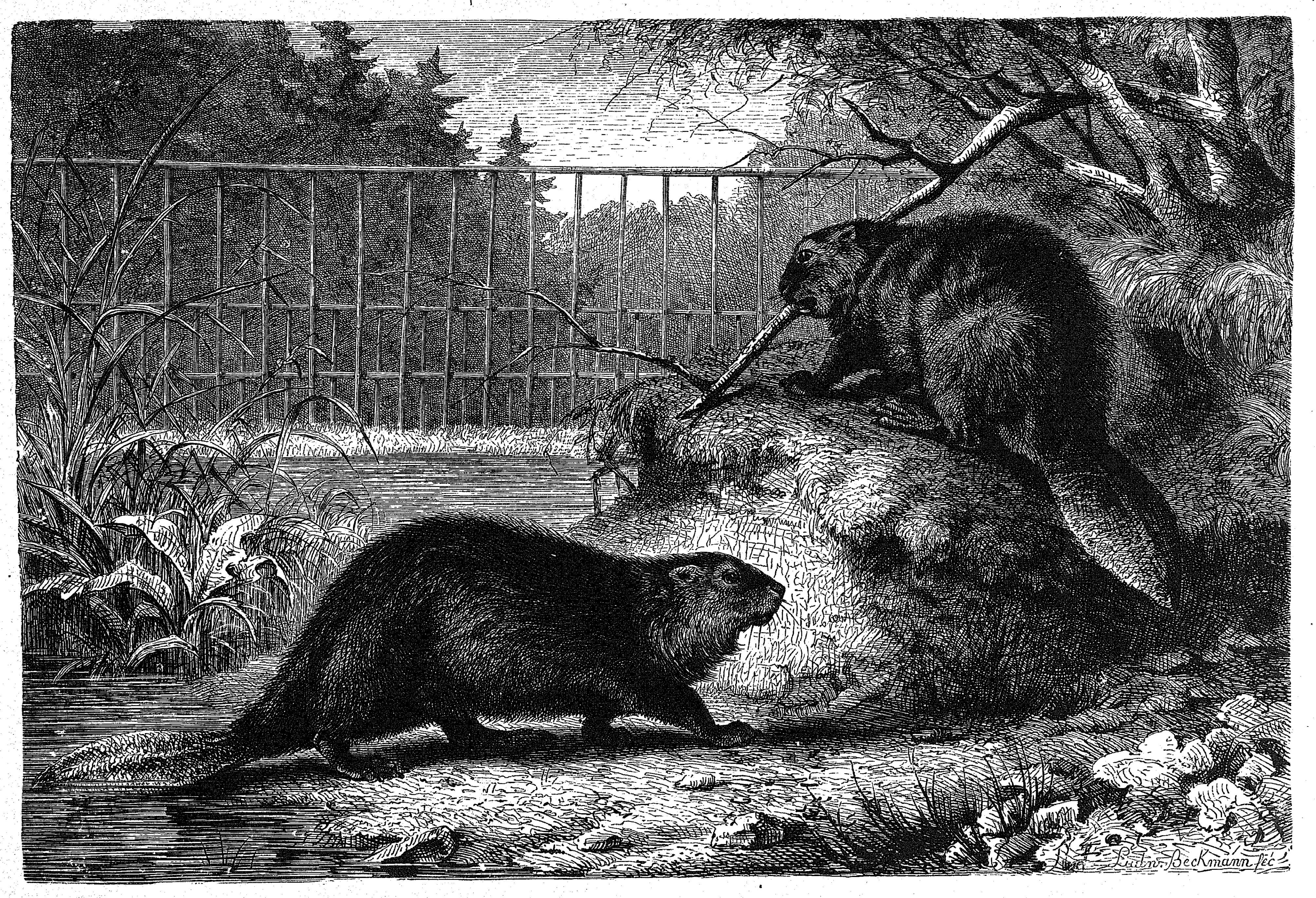
Всѣ уклоненія въ способѣ построекъ, которыя появляются въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ, обыкновенно намъ неизвѣстныхъ, полезныя для вида, подбираются природой совершенно такъ же, какъ измѣненія въ организаціи животныхъ. Само животное сознательно не можетъ ничего ни улучшить, ни измѣнить въ своихъ сооруженіяхъ. Постепенныя улучшенія въ нихъ происходятъ помимо воли его подъ вліяніемъ все того же неизбѣжнаго естественнаго подбора.

Вотъ почему не покажется страннымъ, что въ каждой группѣ родственныхъ животныхъ болѣе сложныя постройки дѣлаютъ тѣ, у которыхъ разсудокъ менѣе вмѣшивается въ дѣло строенія. Дѣйствительно, разумныя дѣйствія животнаго всегда направлены къ его личнымъ выгодамъ, при развитіи же цѣлаго вида выгоды отдѣльныхъ индивидовъ отступаютъ на задній планъ. Разумъ и борьба за существованіе—вотъ два фактора, которые постоянно оспариваютъ другъ у друга вліяніе на животное. Чѣмъ менѣе развитъ первый, тѣмъ сильнѣе вліяніе второй, но чѣмъ интенсивнѣе борьба за существованіе, тѣмъ быстрѣе идетъ видовое развитіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развитіе сложныхъ инстинктовъ животнаго. Будучи не въ состояніи предвидѣть и расчитать послѣдствія своихъ дѣйствій, не понимая цѣлесообразности и значенія для сохраненія жизни своему потомству устройства норы или гнѣзда, грызунъ не можетъ улучшить ихъ, измѣняя по собственному произволу. Такія неумѣлыя измѣненія въ большинствѣ случаевъ оказались бы ухудшеніемъ, и животныя, стремящіяся улучшить то, значеніе чего они сами не понимаютъ, выгадывая, можетъ быть, что-нибудь для себя лично, губили бы своихъ дѣтей, а поэтому должны были бы вымирать, уступая свое мѣсто болѣе глупымъ, не измѣняющимъ своихъ унаслѣдованныхъ привычекъ.

Грызуны—искуснѣйшіе строители и одни изъ самыхъ глупыхъ между звѣрями. Иногда кажется, что нѣкоторыя постройки ихъ производятся ими съ полнымъ пониманіемъ дѣла, но увы! точныя наблюденія и опытъ никогда еще не подтверждали подобнаго мнѣнія.

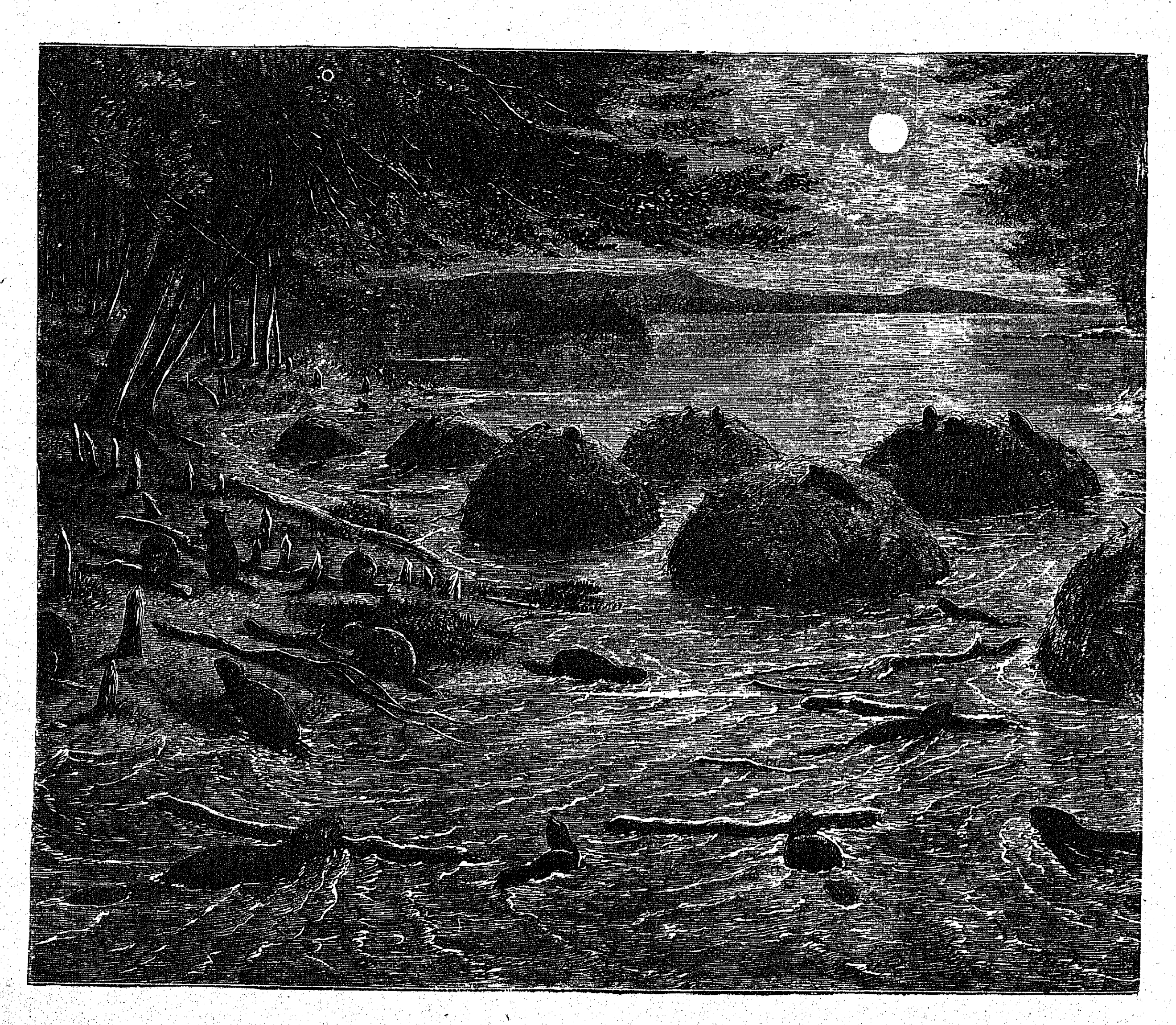
Полагаю, каждый знаетъ, что такое бобръ? Но не каждый всматривался и вдумывался въ его строеніе. Бобръ это самый крупный, тяжеловѣсный, неуклюжій грызунъ, болѣе подвижный въ водѣ, чѣмъ на землѣ. Для движенія въ водѣ служатъ ему лапы, пальцы которыхъ соединены плавательной перепонкой, такъ же, какъ у бѣлаго медвѣдя или ньюфунлэндской собаки. Для постройки плотины, для перегрызанія древесныхъ вѣтвей и сучьевъ служатъ ему его крѣпкіе, надежные, желтые зубы—его рѣзцы. Эти зубы замѣняютъ ему и долото, и топоръ, и пилу... Его переднія лапы, сильныя и крѣпкія, такъ же, какъ все тѣло,—вооружены большими, но тупыми когтями. Они могутъ отлично, быстро рыть норы. Но всего удивительнѣе во всемъ его тѣлѣ—это его хвостъ. Такого хвоста нѣтъ ни у одного грызуна, да нѣтъ и ни у одного звѣря. Представьте себѣ толстый, плоскій валекъ, покрытый чѣмъ-то въ родѣ рыбьей чешуи. Этотъ хвостъ сразу говоритъ вамъ о какомъ-то чисто инстинктивномъ, спеціальномъ приспособленіи. И дѣйствительно, хвостъ бобра это спеціальный инструментъ, служащій ему для утрамбовыванія пола въ его гнѣздѣ.—Это глинобитное орудіе, трамбовка, которымъ бобръ, какъ валькомъ, уколачиваетъ и ровняетъ землю. Сильное, мускулистое тѣло даетъ ему возможность быть хорошимъ, сильнымъ работникомъ—притомъ работникомъ дѣятельнымъ и проворнымъ. Когда такихъ работниковъ соберется цѣлое стадо, то легко можно понять, что они могутъ сдѣлать общими дружными трудами. Взгляните на эту общую ночную работу бобровъ при сіяніи полнаго мѣсяца. Передъ вами широкій просторъ большого, проточнаго озера въ лѣсистомъ, глухомъ уголкѣ сѣверной Америки. Вода течетъ довольно быстро и несетъ множество деревьевъ, гдѣ-то выше срубленныхъ, и упавшихъ въ нее сучьевъ и бревенъ. Бобры перехватываютъ ихъ и переносятъ въ одно мѣсто, гдѣ они строятъ свою плотину. Эти плотины подчасъ поражаютъ своею величиною, достигая саженъ пятьдесятъ длины и до сажени въ высоту. Прочно держатся воткнутыя однимъ концомъ въ землю двухъ-трехъ-аршинныя толстыя жерди; плотно обвиты онѣ гибкими прутьями, всѣ отверстія и щели глухо-на-глухо законопачены иломъ и стеблями тростника. Сколько энергіи потрачено бобрами на устройство такой плотины!.. Сколько поколѣній въ теченіе ряда вѣковъ одно за другимъ трудилось надъ постройкой ея! И все-таки вся эта гигантская работа ихъ, ведется такъ же безсознательно, подъ вліяніемъ того же слѣпого инстинкта, который заставляетъ бобровъ постоянно стаскивать въ воду нарѣзанныя ими деревья. Груды такихъ деревьевъ, сбитыя въ кучу силою теченія самой рѣки и ею же занесенныя всякимъ соромъ, во время весеннихъ разливовъ,—и были прообразомъ современныхъ бобровыхъ плотинъ. Само теченіе воды заботилось о томъ, чтобы занести и плотно заткнуть всѣ щели иломъ и отмирающими стеблями водяныхъ растеній. Можетъ быть, и теперь основаніемъ бобровыхъ плотинъ служатъ такіе же заторы, и вся работа бобра сводится на починку и на увеличеніе ихъ.

Но дѣло не въ сложности постройки, а въ пониманіи ея назначенія. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли думать, что бобры не понимаютъ значенія сооружаемыхъ ими плотинъ, если они наблюдаютъ за ними и чинятъ ихъ каждый разъ, какъ только образуется гдѣ-нибудь сильная течь? Справедливо ли мнѣніе управленія Виттингауэрскаго лѣсничества, что бобръ, перегородившій плотиною канаву, по которой должны были спустить воду изъ его пруда, сознательно помѣшалъ водѣ уйти изъ пруда? Не правъ ли Бремъ, говоря, что «бобръ лучше всякаго другого животнаго изъ отряда грызуновъ приноравливается къ измѣнившимся условіямъ и научается извлекать изъ нихъ всѣ возможныя выгоды, и также болѣе, чѣмъ который нибудь изъ его родичей, обдумываетъ какое-нибудь дѣло, прежде чѣмъ приступить къ нему, разсуждаетъ и выводитъ заключенія»?

Бобры, въ Гамбургскомъ, зоологическомъ саду.

Мы знаемъ, однако, что не въ одномъ только Виттингауэрскомъ лѣсничествѣ, а вездѣ, гдѣ только бобры живутъ обществами, они дѣлаютъ запруды въ мелкихъ ручьяхъ или рѣчкахъ. Здѣсь сила теченія сама опускаетъ на дно погруженный въ воду конецъ дерева, здѣсь жерди, воткнутыя въ грунтъ, скорѣе заносятся иломъ, возлѣ нихъ быстро сами собой образуются заторы. Если берега пологи, а бобры всегда для своихъ поселеній выбираютъ такія мѣста,—то благодаря затору ручей разливается,—вода затопляетъ окрестность. Новыя и новыя деревья, срѣзаемыя бобромъ,—сносятся водою къ образовавшейся уже плотинѣ, и уровень воды постепенно повышается... И вотъ,—засоренный ручей или рѣчка мало-по-малу превратились въ болото, въ болото—обширное, но мелкое, плодами работъ первыхъ основателей своей колоніи. Эти піонеры, жившіе когда-то на берегу мелкаго ручейка, никому неизвѣстнаго, разумѣется, никогда не задумывались о томъ, что привычка стаскивать въ воду деревья и перегораживать ими теченіе когда-нибудь, когда память о нихъ самихъ уже давно исчезнетъ, превратитъ ихъ родной ручей въ спокойную заводь. Такимъ-то образомъ инстинктъ засаривать русла лѣсныхъ ручьевъ является выгоднымъ не столько для первыхъ бобровъ, начавшихъ работу, сколько для ихъ потомства. Эта особенность, выгодная для вида, должна быть наслѣдственна. Не въ правѣ ли мы поэтому думать, что и Виттингауэрскій бобръ, благодаря именно такой инстинктивной привычкѣ, а не своей сообразительности, устроилъ плотину

Жилища бобровъ.

проточное озеро, воды котораго, какъ кружевомъ, обросли яркой полосою мягкой зелени. Вдоль берега и въ серединѣ самаго озера расположены группами домики бобра. Вы видите, что нѣсколько такихъ домиковъ, въ видѣ небольшихъ стоговъ сѣна, возвышаются надъ водою. На нѣкоторыхъ изъ нихъ, на ихъ верхушкахъ, сидятъ и отдыхаютъ ихъ строители. Входъ въ такое гнѣздо ниже уровня воды, но онъ быстро поднимается кверху, надъ этимъ уровнемъ, и передъ вами довольно обширное помѣщеніе. Толстыя стѣнки гнѣзда сложены изъ мелкихъ сучьевъ и сѣна—или, лучше сказать, нагрызенной и высушенной травы, и все это скрѣплено и смазано грязью, которую достаетъ бобръ тутъ же, на днѣ или на берегахъ рѣки. Обитатели гнѣзда пользуются теперь въ канавѣ, по которой быстро бѣжала вода? Понималъ ли онъ, что по той канавѣ вода вытекаетъ изъ озера, а тѣмъ болѣе, что своею плотиною онъ удержитъ уровень родного пруда на прежней высотѣ? Не въ силу ли того же инстинкта бобры снова заваливаютъ бреши, прорываемыя водою въ старыхъ плотинахъ и не только въ такихъ, образованію которыхъ они сами когда-то положили начало, но и въ плотинахъ, построенныхъ рукою человѣка, гдѣ искуственныя бреши служатъ для регулированія стока воды и не могутъ понизить уровень ся? Интересно, что тамъ, гдѣ бобръ живетъ одиночными парами, какъ напр. у насъ, на сѣверномъ Уралѣ, тамъ онъ не строитъ ни плотины, ни его сложныхъ замысловатыхъ гнѣздъ—тамъ онъ просто вырываетъ длинную

нору, которая, идя въ берегѣ, восходитъ не чувствительно кверху, и здѣсь въ нее открываются болѣе или менѣе обширныя и помѣстительныя отнорки, служащія бобру столовой, спальней или кладовой для его зимнихъ запасовъ.

Мы, привыкши обо всемъ судить по себѣ и о степени развитія человѣка заключать по сложности производимыхъ имъ дѣйствій, часто невольно и къ животнымъ прилагаемъ то же мѣрило и видимъ мысль тамъ, гдѣ наоборотъ сама сложность работы указываетъ намъ на чистый инстинктъ, къ которому не примѣшано ни капли разсудка. Правда, бобръ умнѣе другихъ грызуновъ, но и онъ, какъ и всѣ грызуны, живетъ въ такихъ условіяхъ, которыя не могутъ содѣйствовать развитію психической дѣятельности. Эти условія—обиліе пищи вокругъ и легкость, съ которою она достается животному.

Забота о своемъ пропитаніи—этотъ важнѣйшій факторъ въ развитіи ума животныхъ—почти не существуетъ для грызуновъ. Имъ не надо ни отыскивать себѣ пищу, ни оспаривать ее у другихъ животныхъ. Эти мелкіе звѣрьки берутъ для себя какъ разъ то, что оставлено имъ болѣе крупными травоядниками, но зато имъ достались и самыя питательныя части растеній,—корни, луковицы, сѣмена и плоды,—по преимуществу все, что богато крахмаломъ, бѣлкомъ и жиромъ. Благодаря своему росту, они могутъ довольствоваться тѣмъ, мимо чего проходятъ ихъ сотоварищи по растительной пищѣ—копытники, они привольно могутъ жить тамъ, гдѣ не хватило бы корму для другихъ травоядниковъ. На землѣ они какъ бы заполняютъ пробѣлы, остающіеся между послѣдними: въ горахъ они находятъ достаточно пищи среди голыхъ скалъ и розсыпей, куда рѣдко когда забредетъ даже горный козелъ, въ лѣсахъ къ ихъ услугамъ, кромѣ коры и листвы, которыхъ хватаетъ на всѣхъ лѣсныхъ травоядниковъ, масса сѣмянъ и плодовъ, корней и побѣговъ, въ степяхъ и поляхъ—они роютъ клубни, коренья и луковицы, собираютъ зерно или щипятъ ту короткую, молодую травку, которая оставляется копытниками.

Природа снабдила ихъ замѣчательнымъ орудіемъ, позволяющимъ имъ приспособляться къ очень разнообразной пищѣ. Какъ сочный плодъ или мягкій клубень, такъ и твердая кора или хрупкое сѣмя одинаково хорошо и быстро измельчается и перетирается ихъ зубами. Эти зубы, отличные не только по формѣ и расположенію, но и по строенію отъ зубовъ всѣхъ другихъ звѣрей,—самый характерный признакъ грызуна. Кто не узнаетъ его при одномъ взглядѣ на его зубы? Представьте себѣ четыре, по два въ каждой челюсти, длинныхъ, красиво выгнутыхъ, далеко находящихъ другъ на друга рѣзца, острыхъ, какъ ножъ, и крѣпкихъ, какъ стальное долото. Представьте себѣ при этомъ маленькій ротикъ, слабо развитыя губы котораго обыкновенно даже не прикрываютъ этихъ громадныхъ, выдающихся зубовъ, сразу бросающихся въ глаза своею величиною, своимъ блескомъ и цвѣтомъ. Представьте себѣ, наконецъ, въ глубинѣ рта, съ каждой стороны челюсти, плотный рядъ мелкихъ коренныхъ зубовъ, совсѣмъ незамѣтныхъ снаружи, въ формѣ плоскихъ призмъ,—рядъ, отдѣленный отъ рѣзцовъ совершенно свободнымъ отъ зубовъ промежуткомъ.— Таковъ общій видъ зубовъ грызуна. Рѣзцы его замѣчательны тѣмъ, что не имѣютъ, какъ говорится, корней, т. е. та часть ихъ, которая скрыта въ глубокой луночкѣ, не отличается по своему строенію отъ части, видимой снаружи. Она постоянно растетъ, зубъ удлинняется, и если не давать животному грызть и этимъ стирать свои зубы, то нижніе рѣзцы грызуна постепенно выростаютъ настолько, что далеко выступаютъ изо-рта. Дугою загибаются они на голову и въ концѣ концовъ, вонзаясь въ темя, убиваютъ животное, если оно не умерло еще раньше отъ голода. Насколько постоянный ростъ рѣзцовъ необходимъ для грызуна при обычныхъ условіяхъ жизни, настолько теперь онъ является гибельнымъ для него. Эти зубы, постоянно стираясь у одного конца и постоянно отростая у другого, вѣчно юны, несмотря на обманчивый цвѣтъ свой, на цвѣтъ желтой или бурой эмали, толстымъ слоемъ покрывающей ихъ переднюю поверхность.

Бобры за работой.

Грызть—физіологическая потребность грызуна. Онъ не можетъ не грызть. Если нѣтъ твердой пищи, то онъ будетъ грызть все, что ни попадетъ ему на зубъ, и чѣмъ больше грызетъ онъ, тѣмъ быстрѣе растутъ его зубы, тѣмъ быстрѣе совершается обмѣнъ въ нихъ веществъ. Потребность грызть, однако, неодинаково сильна у всѣхъ грызуновъ, что зависитъ, конечно, отъ неодинаковой скорости роста рѣзцовъ ихъ. Они должны расти сравнительно очень быстро у бобра, бѣлки, крысъ и мышей, медленно у сурковъ и полевокъ. Бѣлка и крыса постоянно ищутъ работы для своихъ зубовъ. Для нихъ недостаточно твердой пищи и онѣ грызутъ все, что возможно, часто съ единственной цѣлью стереть и «поточить» свои зубки. «Вотъ неблагодарная тварь,—говорила не разъ одна моя знакомая про свою бѣлку:—только выпустишь ее изъ клѣтки, сейчасъ же примется за починку мебели. Стóитъ ли послѣ этого покупать ей орѣховъ...»

Благодаря расположенію эмали, самаго твердаго вещества въ тѣлѣ животнаго,—рѣзцы стираются косо; ско-

рѣе сзади, медленнѣе спереди. Отъ постояннаго употребленія они такимъ образомъ не только не тупятся, но постоянно точатся—и въ этомъ вторая неоцѣнимая для грызуна способность его рѣзцовъ: чѣмъ больше грызетъ онъ, тѣмъ острѣй эти зубы.—Какъ бы ни былъ старъ грызунъ, зубы его всегда молоды, всегда крѣпки и остры. Одна воспитанная мною крыса постоянно точила свои зубы о маленькое желѣзное кольцо, подвѣшенное къ потолку ея канареечной клѣтки. Регулярно каждый вечеръ взбиралась она по проволокѣ кверху къ колечку, и начиналась грызня. Эта работа занимала ее съ небольшими перерывами часа три, четыре, и я засыпалъ подъ однообразную скребню моей «канарейки». Отъ попытокъ грызть проволоку самой клѣтки я отучалъ ее, смазывая эту проволоку горчицей, колечко же предоставлялъ въ ея полное распоряженіе—и вотъ моя плѣнница, совсѣмъ не получавшая твердой пищи, «точила» объ него свои зубки. Она грызла его не для того, чтобы выйти изъ клѣтки, такъ какъ колечко было свободно подвѣшено къ потолку и болталось изъ стороны въ сторону. Она знала очень хорошо положеніе дверцы и всегда бросалась къ ней, какъ только замѣчала, что къ клѣткѣ подносили ѣду. Ей надо было стирать свои зубы, а кольцо, постоянно качавшееся и обращавшее этимъ ея вниманіе на себя,—было въ клѣткѣ единственнымъ удобнымъ къ тому предметомъ. Бывало, когда подойдешь къ ней во время ея работы, она остановится, повернетъ ко мнѣ свою мордочку и вопросительно посмотритъ на меня... Глазки ея такъ и блестятъ, такъ и ходятъ щетинки вокругъ ея постоянно подвижного носика, а нижняя челюсть, какъ по инерціи, продолжаетъ быстро двигаться взадъ и впередъ, какъ будто крыса пробуетъ, достаточно ли сточены и остры ея рѣзцы.

Бобры-строители.

Нижняя челюсть грызуновъ, благодаря особенностямъ своего сочлененія съ черепомъ, можетъ двигаться или вверхъ и внизъ, или впередъ и назадъ; движенія въ стороны, которыя должны были бы тупить ихъ рѣзцы, для нихъ совсѣмъ невозможны. Это движеніе, такъ развитое у другихъ травоядниковъ, здѣсь вполнѣ замѣняется свободнымъ движеніемъ нижней челюсти взадъ и впередъ; и во время него пища перетирается плоскими шершавыми коренными зубами, какъ на мельничныхъ жерновахъ.

Животное грызетъ и перетираетъ своими зубами то, что остается ему отъ другихъ травоядниковъ; между звѣрями у грызуна нѣтъ конкурентовъ. Маленькій, проворный—онъ вездѣ найдетъ для себя мѣсто и пищу.—Благодаря своей необыкновенной плодовитости, онъ быстро заселяетъ каждый клочекъ земли, который какъ бы нарочно расчищается для него человѣкомъ, истребляющимъ всѣхъ другихъ травоядниковъ и всѣхъ враговъ грызуновъ. А враговъ у нихъ масса!—всѣ хищники ихъ враги: и звѣри, и птицы, и змѣи... Слабые и глупые—они давно бы исчезли съ лица земли, если бы не были такъ плодовиты. Зато не будь у нихъ такой массы враговъ, начиная съ змѣй и совъ и кончая всевозможными мелкими и крупными хищниками, они въ короткій срокъ истребили бы всю растительность на земномъ шарѣ.

Самки болѣе, чѣмъ у 35% грызуновъ, приносятъ въ годъ до сорока съ лишкомъ дѣтенышей; почти у 50% число ихъ доходитъ до десяти и пятнадцати. Молодые такъ быстро растутъ, что по большей части въ тотъ же годъ уже обзаводятся своей собственной семьей. Человѣкъ часто не въ силахъ бороться съ размноженіемъ грызуновъ и, расчистивъ самъ для нихъ мѣсто, истребивъ ихъ враговъ, долженъ отступать передъ ними, какъ передъ тучею саранчи, налетѣвшей на его поля и посѣвы. Давно ли правительство Южнаго Валлиса предлагало премію въ пятьсотъ тысячъ долларовъ тому, кто найдетъ вѣрное средство для уничтоженія кроликовъ въ Австраліи? Не самъ ли человѣкъ завезъ туда этого робкаго звѣрька, оказавшагося страшнѣе самыхъ хищныхъ животныхъ, благодаря отсутствію въ Новой Зеландіи и Австраліи его естественныхъ враговъ—лисицъ, куницъ, хорьковъ и горностаевъ?

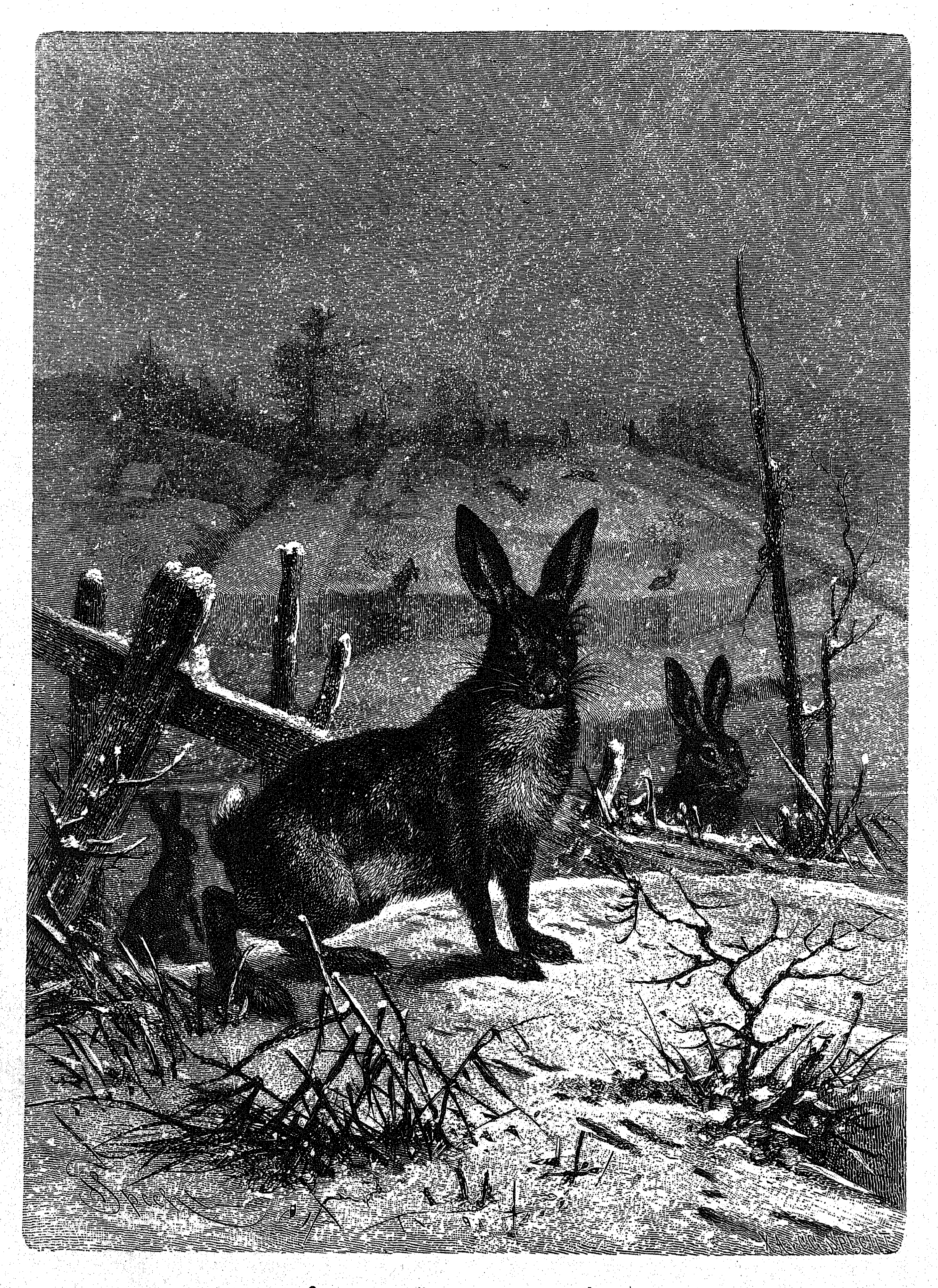
Отношеніе между грызунами и мелкими хищниками, живущими почти исключительно на счетъ первыхъ, приблизительно то же, что между насѣкомыми, живущими на растеніяхъ, и насѣкомыми-паразитами. Какъ у бѣлки—куница и соболь, у зайца и у альпійскаго сурка—лиса, у полевыхъ мышей—совы и змѣи, у овражка—хорекъ, такъ у гусеницъ бабочекъ, у саранчи, у кузнечиковъ, почти у каждаго вида—свой собственный врагъ. Эти естественные враги до тонкости знаютъ всѣ повадки и уловки своей жертвы. Не помогутъ ей ни осторожность, ни быстрота, ни нора.

Альпійская лиса знаетъ отлично, что ей не удастся подкрасться къ осторожнымъ суркамъ: она знаетъ, что всѣ сурки попрячутся въ норы, прежде чѣмъ успѣетъ она замѣтить хоть одного изъ нихъ. Но, если обманулъ ее глазъ, и каменистый склонъ, покрытый тощей травою и усѣянный обломками скалъ, показался ей пустымъ и мертвымъ, то не обманетъ ее обоняніе. Не торопясь, обходитъ она камень за камнемъ, внимательно обнюхивая каждую ямку, и вдругъ останавливается... Знакомый запахъ!.. Здѣсь есть сурокъ!.. Вотъ то отверстіе, едва замѣтное между камнями, куда юркнулъ проворный звѣрекъ... Нора глубока, вырыть его невозможно, надо ждать—онъ самъ выйдетъ изъ норы... И вотъ, притаившись за камнемъ, лежитъ лиса и терпѣливо ждетъ своей жертвы. Медленно тянется время, глаза устали отъ напряженія, но ни однимъ движеніемъ хищникъ не выдастъ себя; онъ застылъ въ одной позѣ, и только кончикъ хвоста, своимъ нервнымъ подергиваніемъ, выдаетъ его нетерпѣніе. Проходитъ часъ, другой...—и вотъ, наконецъ, во входѣ норы показывается головка звѣрька. Онъ нюхаетъ воздухъ, зорко оглядываетъ всѣ окружающіе, давно знакомые ему предметы, и долго еще не рѣшается оставить нору, какъ будто чувствуя, что врагъ еще не ушелъ. Но и здѣсь осторожность не помогаетъ ему, лиса не выдастъ себя и будетъ ждать еще столько же времени: пока всякое сомнѣніе грызуна не исчезнетъ, и онъ такъ же поспѣшно примется снова за свою давно прерванную работу. Ну, теперь разомъ! одинъ, два прыжка, и бѣдный сурокъ уже въ

зубахъ хищника, прежде чѣмъ успѣетъ даже подумать о бѣгствѣ.

Природа не дала грызунамъ ни сообразительности, ни какого-нибудь спеціальнаго средства защиты противъ враговъ. Одни дикообразы являются какимъ-то страннымъ исключеніемъ изъ общаго правила. Зато какъ отличны они отъ всѣхъ другихъ грызуновъ не только по виду, но и по своему поведенію. Сравните, напримѣръ, неугомонную бѣлку, робкаго зайца или даже бобра, постоянно готоваго при малѣйшей опасности броситься въ воду и скрыться въ своей норѣ,—съ *древеснымъ дикообразомъ* или *верхолазомъ* Южной Америки. Это животное совершенно не заботится о своей безопасности; цѣлые дни проводитъ оно на виду у всѣхъ, сидя безъ движенія на вѣтвяхъ деревьевъ, поджавъ подъ себя заднія лапы, свѣсивъ свой длинный хвостъ и понуривъ голову. Большіе, вытаращенные глаза верхолаза неподвижно уставлены въ одну точку. Во взглядѣ его нѣтъ мысли, да едва ли способенъ онъ мыслить? Онъ не то спитъ, не то чего то ждетъ, и въ этой дремотѣ и ожиданіи проходитъ часъ за часомъ, пока не стемнѣетъ и пока голодъ не заставитъ его покинуть, наконецъ, насиженное мѣсто и подумать о пищѣ. Увѣренно, но также апатично и медленно перебирается теперь онъ съ вѣтки на вѣтку, цѣпляясь лапами и «цѣпкимъ» хвостомъ, останавливаясь время отъ времени, чтобы сорвать и съѣсть какой-нибудь плодъ, почку или просто листъ того или другого растенія. Также медленно спускается онъ внизъ и, не торопясь, роется въ землѣ, гдѣ вволю мясистыхъ кореньевъ и упавшихъ спѣлыхъ плодовъ. Если окраска его шерсти и иголъ, гармонирующая съ общимъ цвѣтомъ вѣтвей, обросшихъ мохомъ и безчисленнымъ количествомъ чужеядныхъ растеній, нѣсколько скрываетъ его отъ глазъ, то специфическій запахъ всегда выдаетъ его; но онъ и не думаетъ о томъ, чтобы скрыться или уйти отъ опасности: природа одарила его такимъ надежнымъ средствомъ защиты, что рѣдко кто, кромѣ человѣка, рѣшится обезпокоить его. Острыя иглы, покрывающія тѣло его, выпадаютъ или обламываются у своего основанія при первой попыткѣ схватить верхолаза, и десятки ихъ глубоко вонзаются въ губы и челюсти неосторожнаго хищника. Его запахъ, какъ яркая краска ядови-

Верхолазъ.

Охота на зайца по первому снѣгу.

тыхъ насѣкомыхъ, служитъ къ его же пользѣ, такъ какъ еще издали предупреждаетъ хищника и помогаетъ ему отличить верхолаза отъ другого животнаго.

У всѣхъ другихъ грызуновъ—плодовитость и рѣдко когда быстрота—единственное средство, которое они могутъ противупоставить своимъ врагамъ. Ихъ размѣры, быстрота развитія, обиліе пищи—все способствуетъ ихъ плодовитости...

Зато вся жизнь ихъ представляетъ одинъ нескончаемый рядъ тревогъ и волненій. Посмотрите, напр., на зайца. Какъ рѣзко отразилась и на его организмѣ, и на всемъ складѣ его незатѣйливой жизни эта вѣчная травля!

Вотъ онъ! На скаку присѣлъ передъ нами и сидитъ, приподнявъ длинныя, дрожащія уши. Ему только бы перевести духъ и опять бѣжать, скакать, улепетывать... Позади его крики и трескъ... Идетъ цѣлая цѣпь загонщиковъ, а впереди цѣлая сѣтка крупныхъ хлопьевъ снѣгу, который слѣпитъ и застилаетъ глаза. Бѣдный зайка! Онъ весь испугъ и трепетъ! Каждый волосокъ его дрожитъ и трясется. Сердце нестерпимо колышется и замираетъ...

И вся жизнь его—этого «сѣраго, косого зайки»,—какъ зоветъ его нашъ народъ,—вся жизнь сложена изъ постояннаго трепета и боязни за эту жизнь. Онъ и коситъ

Заяцъ, преслѣдуемый воронами.

своими выпуклыми, черными глазами для того, чтобы шире, полнѣе оглядѣть кругозоръ: не грозитъ ли ему какой-нибудь врагъ или опасность? У него и уши длинные для того, чтобы разслышать издали малѣйшій подозрительный шорохъ, малѣйшій угрожающій шумъ. Сама природа опредѣлила ему быть вѣчнымъ трусомъ. Но и въ жизни этого труса выдаются моменты и храбрости, и наслажденія.

Заяцъ—самый крупный изъ всѣхъ нашихъ грызуновъ. Это одинъ изъ болѣе развитыхъ, конечныхъ типовъ. Но вся его организація развилась и приспособилась только къ тому, чтобы быстрымъ бѣгомъ бѣгать отъ своихъ враговъ и опасностей. Для этой цѣли все тѣло его вытянулось въ длину, а заднія ноги достигли даже уродливой длины, въ особенности въ сравненіи съ передними. Вслѣдствіе этого онъ не можетъ ходить — онъ прыгаетъ, постоянно подскакивая, подбрасываясь задними ногами. Скаковыя мышцы, разгибающія и вытягивающія эти ноги, достигли громаднаго развитія. Вотъ почему заяцъ можетъ дѣлать громадные прыжки. Къ этому приспособлены и самыя лапы. Ихъ пальцы почти неподвижны, и вся лапа представляетъ родъ цилиндрической, валькообразной щетки изъ жесткихъ, щетинистыхъ волосъ, покрывающихъ даже подошву.

Такія лапы, какъ упругія щетки, отталкиваютъ зайца отъ земли. Ими можно вырывать норы, но ни къ какимъ болѣе сложнымъ приспособленіямъ они неспособны. Притомъ онѣ вооружены короткими, тупыми когтями, которые представляютъ очень плохое орудіе защиты и нападенія *).

Все тѣло зайца напоминаетъ намъ тѣло англійской скаковой лошади или борзой собаки,—тѣло съ длинными упругими ногами, поджарое, сухое, сильно подтянутое въ пахахъ.

У скаковыхъ англійскихъ лошадей обрѣзываютъ хвосты, или, какъ говорятъ, англизируютъ ихъ. У зайца сама природа обрѣзала хвостъ, доведя его до небольшого комочка шерсти... Длинный хвостъ здѣсь скорѣе мѣшалъ бы, чѣмъ способствовалъ бѣгу. Притомъ за такой хвостъ можно бы было схватить и поймать зайца. И вотъ почему нашъ «косой» остается на всю жизнь «куцымъ».

Нашъ народъ любитъ зайца, несмотря на тотъ вредъ, который онъ приноситъ его полямъ, садамъ и огородамъ.

Въ садахъ зимою въ безкормицу — онъ обгладываетъ кору съ плодовыхъ деревьевъ, въ поляхъ, преимущественно тамъ, гдѣ они засѣяны просомъ, гречей или овсомъ, онъ съѣдаетъ ихъ верхушки и уминаетъ цѣлыя дорожки своими прихотливыми скачками. Въ огородахъ онъ накидывается на всякую овощь, но преимущественно воруетъ морковь, до которой страшный охотникъ, или обгладываетъ капусту, или опустошаетъ поля и гряды съ горохомъ.

Заяцъ и горностай.

*) Извѣстный швейцарскій натуралистъ Чуди, а за нимъ Брэмъ описываютъ зайца-бѣляка съ выпускными когтями,—но такихъ зайцевъ до сихъ поръ не видалъ еще никто изъ натуралистовъ.

Несмотря на это, нашъ добросердечный народъ относится къ «косому» съ искреннимъ сочувствіемъ,—что доказываетъ шутливая поэма Некрасова, нашего народнаго поэта, «Мазай и Зайцы». Въ народныхъ пѣсняхъ мы встрѣчаемъ также одну шутливую, комическую плясовую пѣсню, прославляющую зайца. Пѣсня спрашиваетъ:

Заинька, гдѣ ты былъ?
Сѣренькій, гдѣ ты былъ?

И заинька отвѣчаетъ—allegro:

Былъ я, былъ я, сударь мой,
Былъ я, былъ я, пане мой,
У Катюши, у Варюши, да у Дуни удалой.

Пѣсня продолжаетъ допросъ:

Заинька, да поили ли тебя?
Сѣренькій, да поили ли тебя?
—А поили, пане мой,
А поили, сударь мой,
А Катюша молокомъ,
А Варюша-то пивкомъ,
Ай Дуня удала—
Рюмку водки поднесла...

Сохранилась ли до сихъ поръ въ нашихъ деревняхъ эта комическая пѣсня или исчезла, какъ исчезаютъ теперь многія народныя пѣсни, въ которыхъ выразился духъ и характеръ народа и замѣняются новыми, въ которыхъ нѣтъ, какъ говорится, «ни складу, ни ладу»?

Заяцъ составляетъ одного изъ самыхъ распространенныхъ и быстро распространяющихся грызуновъ во всей Россіи; но въ сѣверо-восточной полосѣ ея и Сибири преобладаетъ бѣлякъ, а въ южной или въ юго-западной русакъ. Полагаю, почти каждому извѣстно, что первый отличается преимущественно цвѣтомъ шерсти—лѣтомъ сѣро-желтой, испещренной мелкими, болѣе темными крапинками, а зимой снѣжно-бѣлой—съ черными кончиками на ушахъ. Можетъ быть эта охранительная, бѣлая окраска (собственно говоря не окраска, а ея отсутствіе, т. е. отсутствіе всякаго пигмента) и послужила къ сохраненію нашего бѣляка въ сѣверо-восточной полосѣ Россіи. Для него самая трудная, тяжелая пора въ году, это—начало зимы, когда поля покроются первымъ снѣгомъ, порошей, на которомъ ясно и рѣзко вырисовывается его желтовато-сѣрое, темное тѣло. Въ это время приволье для псоваго или ружейнаго охотника. Косому буквально нѣтъ мѣста, куда спрятаться, ни въ поляхъ, ни въ долахъ. Но не одни охотники, а всѣ враги зайца, лѣсные и полевые, усердно преслѣдуютъ его въ это время, и самые несносные и неотвязные—это вороны. Вотъ пара ихъ выгнала зайца изъ лѣса. Онъ спѣшитъ, летитъ по рыхлому снѣгу, а вороны каркаютъ и бьютъ его своими крѣпкими, острыми носами. Онъ бѣжитъ изъ послѣднихъ силъ, задыхается, а неотвязныя вороны—не отстаютъ и бьютъ, колотятъ его, до тѣхъ поръ пока несчастный косой не свалится, и онѣ выклюютъ ему глаза и покончатъ съ его жизнью. Онъ испуститъ жалобный, громкій, отчаянный, предсмертный крикъ и сложитъ свою голову.

Эту общую вражду лѣсныхъ и полевыхъ хищниковъ нѣмцы пытались изложить въ стихахъ, которые приводитъ Брэмъ и которые можно перевести такъ:

Люди и собаки, волки и лисицы,
Кошки, совы, рыси, ласки и куницы,
Коршуны, орлы, вороны, вороны
Всѣ на зайцевъ, всѣ, нѣтъ имъ обороны...

Всѣ они стремятся воспользоваться мясомъ зайца, такъ какъ это самый крупный, самый видный и замѣтный изъ нашихъ грызуновъ. Наиболѣе мелкій изъ его преслѣдователей—это горностай. Горностай незамѣтно притаивается гдѣ-нибудь въ норкѣ, и только что зазѣвавшійся, неосторожный косой появится около—онъ тотчасъ же, какъ молнія, кидается на него и впивается ему въ шею. Заяцъ опрокидывается навзничь, старается стряхнуть своего врага, бросается съ нимъ бѣжать, но зубы горностая остры, какъ иглы, короткія челюсти его сильны и крѣпки. Онъ виситъ на зайцѣ, какъ мертвый, и пьетъ его кровь...

Другой маленькій, незамѣтный кровопійца сторожитъ зайца на кустахъ и деревьяхъ. Это лѣсной, плоскій клещъ. Въ серединѣ лѣта, въ половинѣ іюня, въ кустахъ на Волгѣ почти нѣтъ ни одного зайца, на которомъ бы клещи въ видѣ сѣрыхъ бобовъ не висѣли десятками на шеѣ, преимущественно въ видѣ двойного, тройного ожерелья изъ какихъ-то странныхъ бусъ. Попадаются зайцы мертвые, очевидно заѣденные этими ничтожными по величинѣ кровопійцами.

Но самый злой врагъ зайца, губящій его сотнями, это безспорно—человѣкъ, или правильнѣе,—охотникъ, такъ какъ въ охотникѣ замираетъ или отсутствуетъ человѣческое чувство состраданія къ животнымъ.

Въ молодости я самъ былъ охотникомъ и долженъ признаться, что охота на зайцевъ доставляла мнѣ много истиннаго наслажденія. Я помню небольшое село Борисково, въ 30 верстахъ отъ Казани, куда мы наѣзжали 8, 10 человѣкъ, цѣлой облавой, и били несчастныхъ зайцевъ, били безъ всякаго состраданія. Помню эти осеннія темныя утра. Дождь и холодный вѣтеръ... стоишь бывало на мѣстѣ, которое отвелъ тебѣ случай или жребій... Стоишь съ ружьемъ съ взведенными курками и ждешь, жадно прислушиваясь. Вотъ вдали чуть слышно гудятъ голоса загонщиковъ и трескотня ихъ трещотокъ. Они идутъ, надвигаются, ближе, ближе, слышнѣе. Сердце усиленно бьется. Пристально вглядываешься въ сырой туманъ. Вотъ! Вотъ! что-то мелькаетъ въ немъ. Не косой ли? Вотъ слѣва гдѣ-то вдали хлопнулъ выстрѣлъ, вотъ другой, ближе. Вотъ подлѣ тебя выстрѣлилъ сосѣдъ... А вотъ и онъ желанный, сѣрый заинька!.. Съ остановившимся сердцемъ наводишь прицѣлъ и спускаешь курокъ. Выстрѣлъ грянулъ—но мимо. Заяцъ несется прямо на тебя. Раздосадованный цѣлишь пристальнѣе, вѣрнѣе... спускаешь курокъ, и заяцъ на всемъ скаку вдругъ спотыкается и сваливается. Продуваешь и быстро, торопливо заряжаешь снова ружье, а загонъ уже кончается. Вотъ выходятъ загонщики, одинъ за другимъ. Сердце бьется радостнымъ, торжественнымъ чувствомъ. Впереди лежитъ мой сѣрый косой, моя добыча. Я съ полемъ!.. Но увы! когда подходишь къ своей добычѣ, то вмѣстѣ съ тобой подходитъ и сосѣдъ слѣва, мой университетскій товарищъ К. Я протягиваю руку и беру зайца, и К. тоже протягиваетъ руку. «Что ты? говорю—вѣдь заяцъ мой.»

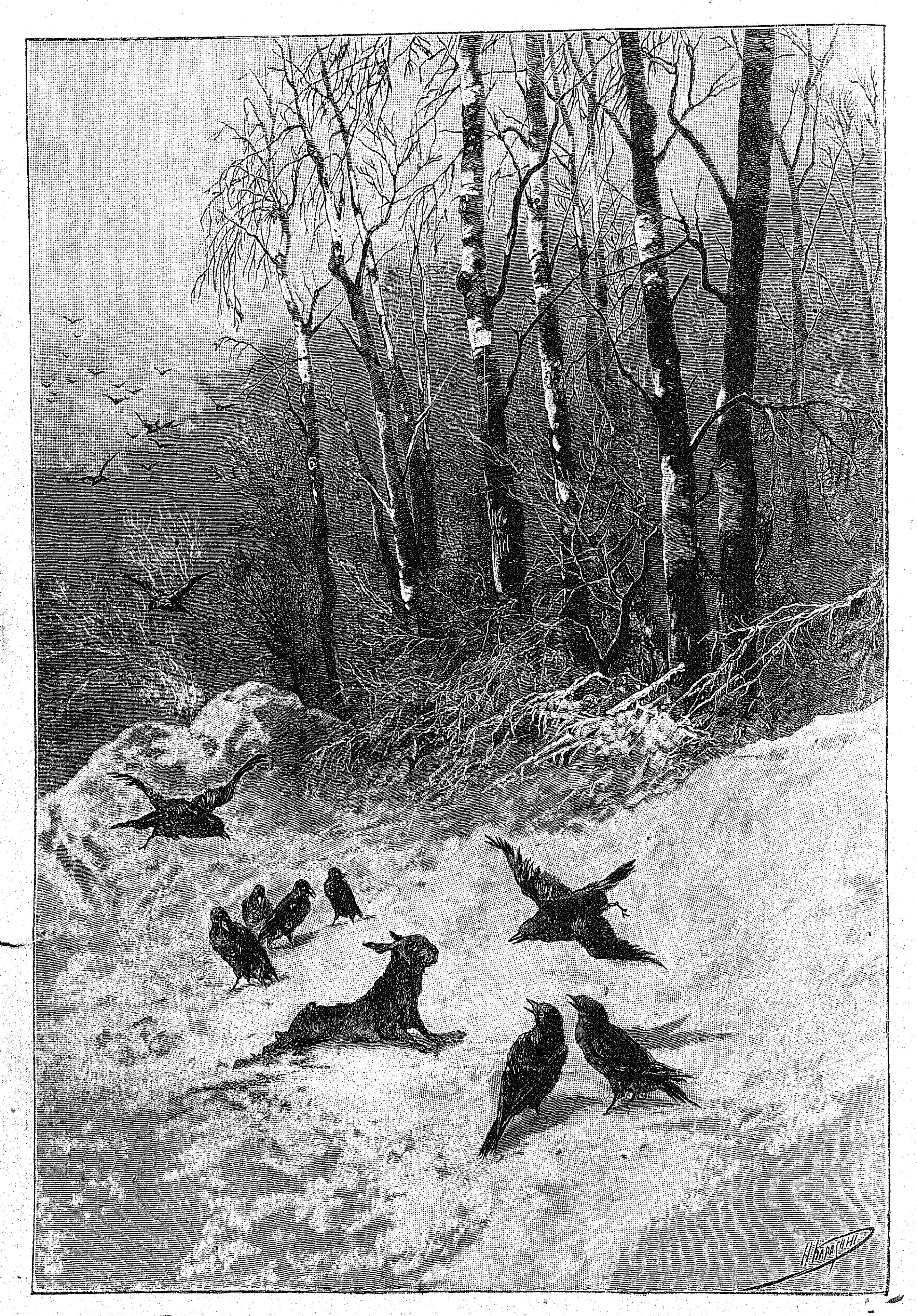
— Нѣтъ, это я убилъ его. — И онъ показываетъ кучно прострѣленный лѣвый бокъ зайца, изъ котораго сочится кровь... этимъ бокомъ заяцъ былъ повернутъ къ нему въ моментъ выстрѣла. Досадно, а долженъ уступить.

Но вотъ настаетъ вечеръ. Солнце сѣло. Темнѣетъ. Всѣ мы собираемся домой въ избу и считаемъ нашу добычу, 160 — 170 или 180 зайцевъ. Они лежатъ цѣлой грудой окровавленные, мертвые съ мутными, посинѣвшими глазами. Это гетакомба заячьей охоты! — безжалостной забавы, и невольно вспоминаешь слова одного французскаго экономиста: «L'homme c'est un animal, qui tue pour se nourrir, qui tue pour se vêtir, qui tue pour se parer, qui tue pour son plaisir, qui tue pour tuer *).

Менѣе губительна, и болѣе заманчива охота или порсканье съ борзыми. Въ нашей литературѣ найдутся прекрасныя описанія такой охоты, которую можно назвать азартной опасной игрой, нерѣдко кончающейся смертью самого охотника, слишкомъ увлекшагося гоньбой и слетѣвшаго въ глубокій оврагъ.

Въ западной Европѣ очень рѣдко случается встрѣтить

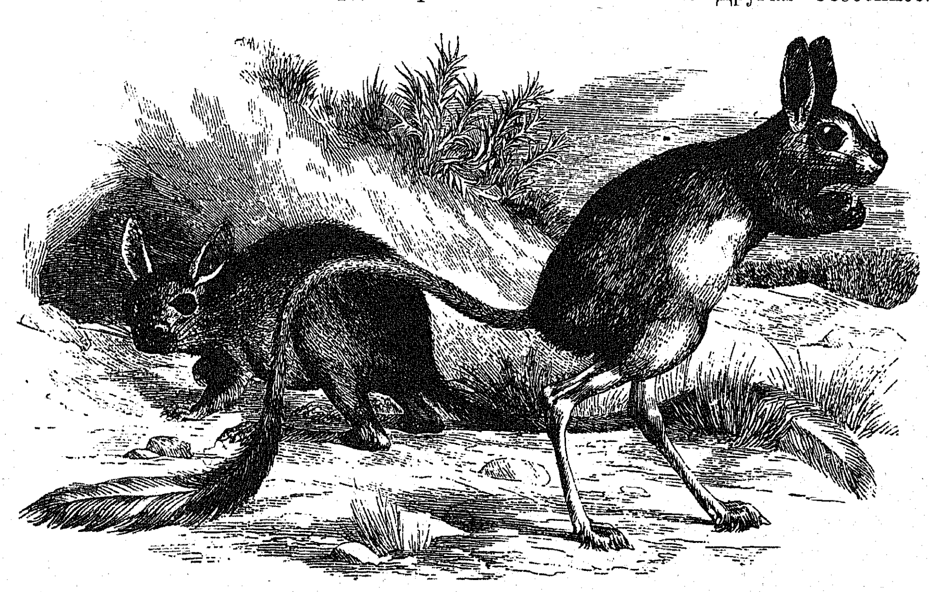
*) «Человѣкъ — это животное, которое убиваетъ, чтобы питаться, убиваетъ, чтобы одѣваться, убиваетъ, чтобы наряжаться, убиваетъ для своего удовольствія, убиваетъ, чтобы убивать».

Лѣсная драма.

Въ лѣтнія бѣлыя ночи слѣдить за жизнью зайца весьма заманчиво. Онъ просыпается, выскакиваетъ изъ своего логова и начинаетъ оглядывать и обнюхивать воздухъ. Но плохо развитое обоняніе не можетъ дѣйствовать на большое разстояніе. Онъ подымаетъ кверху морду, морщитъ носъ, шевелитъ длинными усами и поводитъ ушами во всѣ стороны. Слухъ его тонокъ и вѣренъ—не даромъ онъ такой длинноухій. Каждое ухо его представляетъ родъ трубочки, гладкой и голой внутри, которая проводитъ всякій малѣйшій звукъ, прямо во внутреннее ухо.

Взгляните на морду зайца — эту характерную морду съ разсѣченной *заячьей губой*. Усы и ноздри почти постоянно шевелятся. Маленькій лобикъ—плоскій, даже немного вдавленный и сильно сжатый въ вискахъ, къ корню ушей. Движенія этихъ длинныхъ ушей передаютъ весь смыслъ и жизнь физіономіи зайца. Опуститъ онъ ихъ, трусливо прижметъ къ спинѣ, и какое-то выраженіе покорности и смиренія явится во всей его мордѣ. Приподниметъ онъ ихъ, и тотчасъ же вся физіономія мѣняется. Глаза, эти большіе выпуклые глаза, какъ будто приподнимутся и такъ храбро посмотрятъ на васъ. Но стоитъ явиться какому-нибудь незнакомому шуму или стуку, и уши опять тотчасъ же прилягутъ, и глаза какъ бы станутъ меньше.

Тушканчики.

Заяцъ очевидно нисходящій типъ, у котораго многое пропало или не развилось въ умственномъ и вообще въ психическомъ строѣ. И это сразу бросается въ глаза, если мы посмотримъ на маленькихъ *земляныхъ зайчиковъ* или *тушканчиковъ*, которые составляютъ одну группу съ зайцами. Представьте себѣ маленькаго звѣрька съ довольно большими ушами и съ мышиной или крысьей мордой—звѣрька на длинныхъ, тонкихъ заднихъ ножкахъ, съ передними очень короткими лапками. Такой зайчикъ почти всю жизнь принужденъ стоять или скакать на заднихъ лапкахъ. Эти лапки сильно развиты въ длину и густо покрыты на концѣ длинными, жесткими волосами. Благодаря этому тушканчикъ легко прыгаетъ по сыпучимъ пескамъ азіатскихъ степей, и ноги его никогда не вязнутъ и не проваливаются въ песокъ. Такой зайчикъ можетъ дѣлать прыжки въ нѣсколько саженъ, и, можетъ быть, одинъ изъ такихъ тушканчиковъ, развившись изъ какой-нибудь мыши или крысы, далъ начало цѣлой группѣ нашихъ зайцевъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что такіе зайчики не способны ни къ какимъ архитектурнымъ работамъ и ни къ какому дальнѣйшему прогрессу, по крайней мѣрѣ въ области умственнаго развитія. Тушканчикъ, окруженный всю жизнь однообразной песчаной равниной, имѣя всегда подъ ногами обильный кормъ въ степныхъ травахъ и зернахъ, не можетъ имѣть никакихъ стимуловъ для дальнѣйшаго развитія. Онъ обладаетъ тонкимъ слухомъ и длинными задними ногами, дающими ему возможность дѣлать большіе скачки и такимъ образомъ уходить отъ преслѣдованій его враговъ.

Но есть одинъ небольшой грызунъ, котораго кругъ жизненныхъ возбужденій еще болѣе ограниченъ, чѣмъ у тушканчика, — это такъ называемый *слѣпышъ*, который изрѣдка попадается въ тѣхъ же степныхъ мѣстностяхъ или въ юго-западной Европѣ. Природа сдѣлала изъ этого грызуна какое-то пародоксальное животное. Представьте себѣ небольшого звѣрька, который самъ себя обрекъ на вѣчную тьму, а свою голову опредѣлилъ быть лопатой, для постояннаго вырыванія безконечныхъ норъ въ землѣ. При первомъ взглядѣ на него, насъ прежде всего поражаетъ эта большая, уродливая голова съ плоскимъ, широкимъ лбомъ, который невольно напоминаетъ стихъ изъ Руслана:

Слыхалъ я истину не мало,
Что лобъ широкъ, да мозгу мало.

Вотъ этотъ плоскій и широкій лобъ служитъ слѣпышу вмѣсто лопаты. Его голова крѣпко сидитъ на туловищѣ. Ее поддерживаютъ особенные остистые отростки шейныхъ позвонковъ. Другая особенность—это постоянно раскрытый ротъ, изъ котораго торчатъ большіе, сильные рѣзцы. Этими рѣзцами слѣпышъ загребаетъ землю, накладываетъ ее на плоскій лобъ и затѣмъ быстро отбрасываетъ своими сильно развитыми, длинными задними лапами вонъ изъ норы. Губы его большого рта имѣютъ особенное приспособленіе для этой исключительной цѣли. Все это—и зубы, и ротъ, и самая голова сильно развиты, а глаза исчезли. На мѣсто ихъ идутъ двѣ возвышенныя полосы, покрытыя жесткими щетинами. Эти полосы какъ разъ приходятся на тѣхъ мѣстахъ, которыми слѣпышъ трется о землю, вырывая въ ней свою безконечно длинную извилистую нору. Исчезли также и уши, или по крайней мѣрѣ наружныя ушныя раковины, а съ ними вмѣстѣ исчезла и возможность слышать въ различныхъ направленіяхъ. Слѣпышъ—слѣпъ, слѣпышъ—глухъ, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, но прежде всего и главнѣе всего—онъ глупъ, и нетолько его умъ, но и всѣ инстинкты его крайне ограничены. Это просто орудіе для вырыванія норъ, осужденное на вѣчные потемки.

Если заяцъ удивляетъ насъ своей трусливостью и постояннымъ дрожаніемъ передъ опасностью, то слѣпышъ, стараясь обезопасить себя, навсегда лишилъ себя свѣта, этого самаго энергичнаго возбудителя, и осудилъ себя на жизнь въ постоянныхъ потемкахъ. Кто изъ двухъ поступилъ лучше и избралъ благую часть—пусть рѣшаютъ присяжные моралисты...

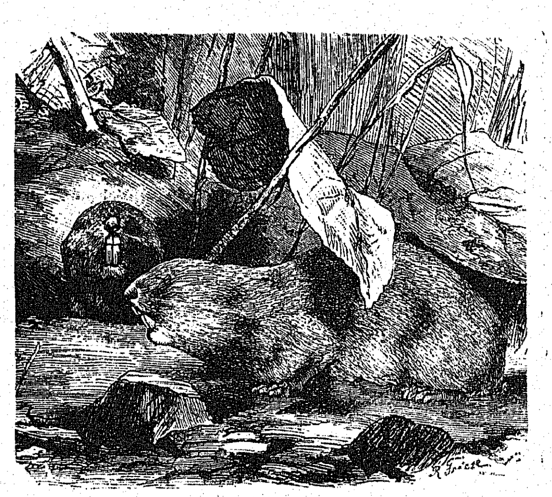
Постоянное истребленіе грызуновъ голодною толпою хищниковъ не въ состояніи разстроить рядовъ ихъ. На смѣну сотенъ погибшихъ товарищей являются тысячи другихъ, и нерѣдко тѣ же хищники должны отступать передъ ними; они упиваются кровью своихъ жертвъ, самая дикая кровожадность ихъ, наконецъ, пресыщается, а семья грызуновъ все растетъ да растетъ, и норы ихъ покрываютъ все большія и большія пространства земли. И вотъ отступаютъ передъ ними и человѣкъ, и звѣри,

какъ передъ мифической гидрою, у которой вмѣсто каждой срубленной головы выростало двѣ новыхъ.

Народъ часто считаетъ такое массовое появленіе животныхъ, съ жизнью которыхъ онъ мало знакомъ, наказаніемъ свыше. — Мысль, такъ живо переданная въ старой легендѣ объ епископѣ Гаттонѣ и такъ картинно, образно выраженная въ извѣстной балладѣ:

Палъ на колѣни епископъ и крикомъ
Бога зоветъ въ изступленіи дикомъ.
Воетъ преступникъ... а мыши плывутъ...
Ближе и ближе... доплыли... ползутъ...
Вотъ ужъ ему въ разстояніи близкомъ
Слышно, какъ лѣзутъ съ роптаньемъ и пискомъ,—
Слышно, какъ стѣну ихъ лапки скребутъ,—
Слышно, какъ камень ихъ зубы грызутъ.
Вдругъ ворвались неизбѣжные звѣри.
Сыплятся градомъ сквозь окна, сквозь двери,
Спереди, сзади, съ боковъ, съ высоты...
— Что тутъ, епископъ, почувствовалъ ты?!...

По отношенію къ грызунамъ природа распорядилась иначе, чѣмъ по отношенію къ другимъ, болѣе крупнымъ травоядникамъ, и надо сознаться, что средство, выбранное ею, спасающее цѣлый рядъ мелкихъ формъ ихъ отъ полнаго истребленія, имѣетъ громадное значеніе въ ея экономіи. Представьте себѣ, дѣйствительно, что этотъ легіонъ получитъ какое нибудь спеціальное средство защиты. Какой переворотъ произойдетъ тогда въ существующихъ отношеніяхъ между организмами, населяющими землю? Прежде всего должно было бы начаться вымираніе множества мелкихъ хищниковъ, какъ звѣрей, такъ и птицъ, живущихъ теперь почти исключительно на счетъ грызуновъ. Безпрепятственно размножаясь, грызуны оказались бы вскорѣ затѣмъ хозяевами и той части растеній, которая оставлена теперь природой копытникамъ. Копытники должны были бы отступать передъ своей меньшей братіей, уступая ей свое мѣсто. Крупные хищные звѣри дополнили бы ихъ истребленіе. Такимъ образомъ, съ лица земли почти исчезли бы двѣ большихъ группы животныхъ: мелкіе хищники и крупные травоядники. Если бы быстрота размноженія грызуновъ осталась та же, то къ вымиранію копытниковъ присоединилось бы въ скоромъ времени и вымираніе многихъ растеній. Но между самими грызунами, размноженіе которыхъ не могло бы быть сдержано небольшимъ числомъ крупныхъ хищниковъ, возникла бы ожесточенная борьба за существованіе, подъ вліяніемъ ея быстрѣй бы двинулось впередъ ихъ развитіе, и изъ животныхъ, заполняющихъ теперь пробѣлы, остающіеся между крупными травоядниками, они стали бы въ концѣ концовъ хозяевами на землѣ, какъ насѣкомыя между наземными безпозвоночными.

Слѣпышъ.

Въ случаяхъ слишкомъ быстраго, ничѣмъ не сдерживаемаго размноженія грызуновъ, природа снова вступается за права другихъ животныхъ, и нарушенное въ ней равновѣсіе быстро возстановляется вновь. Подобное размноженіе того или другого изъ грызуновъ въ какой-нибудь мѣстности не можетъ продолжаться долгое время. Въ концѣ концовъ голодъ, а вслѣдъ за нимъ рядъ инфекціонныхъ болѣзней губитъ милліоны особей, и чѣмъ быстрѣе ихъ размноженіе, тѣмъ раньше наступаетъ этотъ предѣлъ, за которымъ начинается такое же быстрое, повальное вымираніе ихъ. Вотъ что разсказываетъ натуралистъ Блазіусъ въ своихъ запискахъ о вымираніи обыкновенной полевки: «Въ 20-хъ годахъ по нижнему теченію Рейна этотъ бичъ страны повторялся неоднократно. Мѣстами на поляхъ почва была до того изрыта, что было трудно поставить на землю ногу, не задѣвая мышиныхъ норъ, между отверстіями которыхъ были глубоко протоптаны безчисленныя дорожки. Даже днемъ все кипѣло мышами, свободно и безопасно сновавшими всюду. При чьемъ-нибудь приближеніи восемь — десять мышей сразу подбѣгало къ одному и тому же отверстію, чтобы прошмыгнуть въ него, и невольно загораживало другъ другу проходъ. При этой давкѣ у входа не трудно было убить съ полдюжины ихъ однимъ ударомъ палки... Три недѣли спустя,—разсказываетъ Блазіусъ дальше,—я посѣтилъ тѣ же мѣста; число мышей увеличилось больше прежняго, но звѣрьки очевидно были въ болѣзненномъ состояніи: многіе были мѣстами покрыты струпьями или нарывами по всему тѣлу, у непострадавшихъ же кожа была такъ рыхла и такъ легко разрывалась, что безъ поврежденія ея нельзя было сколько нибудь крѣпко схватить мышь. Когда я въ третій разъ посѣтилъ эту мѣстность, четыре недѣли спустя, мыши въ ней совершенно исчезли, но пустыя норы производили на меня впечатлѣніе еще болѣе тяжелое, чѣмъ прежде, когда эти норы были такъ оживленны».

Количество особей того или другого грызуна въ какой-нибудь мѣстности то убываетъ, то увеличивается вновь. Здѣсь существуетъ такая же періодичность, какъ въ размноженіи вредныхъ насѣкомыхъ, только періоды гораздо больше и потому менѣе опредѣленны. Мы знаемъ, напримѣръ, что быстрое размноженіе монашенки — этой бабочки, надѣлавшей столько бѣдъ за послѣдніе годы въ лѣсахъ средней Россіи, продолжается всего около трехъ лѣтъ; на второй годъ оно достигаетъ своего максимума, а на третій милліоны гусеницъ заболѣваютъ и погибаютъ отъ различныхъ болѣзней и паразитовъ.

Часто самъ человѣкъ, нарушая естественныя отношенія, существующія въ природѣ, заботится о долговѣчности своихъ враговъ, какъ то было, напримѣръ, съ полевыми мышами въ 60-хъ годахъ въ Германіи: тогда для истребленія этихъ мышей по полямъ разсыпали ядъ. Этотъ ядъ, правда, истреблялъ массами вредныхъ звѣрьковъ, но вмѣстѣ съ ними и ихъ враговъ — хорьковъ, лисицъ, ласокъ, совъ и саранчу — и такимъ образомъ только содѣйствовалъ еще большему размноженію грызуновъ. Почти то же самое происходитъ теперь на нашихъ глазахъ въ южныхъ мѣстностяхъ Тобольской и Томской губерній, гдѣ постоянное истребленіе хищниковъ, начиная съ хорьковъ и горностаевъ и кончая лисицею, постоянно подготовляетъ почву для быстраго размноженія полевокъ и сусликовъ. Уже теперь не трудно предвидѣть то время, когда эти грызуны своими опустошеніями дадутъ знать о своемъ числѣ. Я помню, какъ ранней весною десятки полевокъ то тамъ, то сямъ разбѣгались въ различныя стороны съ покрытой «наземомъ» трактовой дороги, по которой быстро катился нашъ тарантасъ, какъ голодныя животныя, очевидно только что вышедшія изъ зимнихъ норъ, поспѣшно перебѣгали по снѣгу, еще покрывавшему бѣлыми пятнами окрестныя поля, и всюду, куда только хваталъ глазъ, были видны эти двигающіяся черныя точки...

Быстрота размноженія заставляетъ нѣкоторыхъ грызуновъ время отъ времени перекочевывать изъ одной мѣстности въ другую. Обыкновенно лѣтомъ начинается это бѣгство ихъ изъ родныхъ полей и лѣсовъ, гдѣ не хватаетъ уже пищи и мѣста для всѣхъ. По пути пристаютъ къ нимъ все новые и новые переселенцы, дви-

жущаяся масса быстро растетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и безсознательное, инстинктивное стремленіе куда-то впередъ, все по одному и тому же направленію, съ котораго не въ состояніи свернуть ихъ никакое препятствіе. Что-то стихійное сказывается въ этомъ неудержимомъ потокѣ, состоящемъ изъ безчисленнаго количества мелкихъ животныхъ. Широкія рѣки переплываются ими, и на этихъ переправахъ они погибаютъ десятками тысячъ. Отряды переселенцевъ бѣгутъ черезъ деревни и села, какъ-будто не замѣчая людей. Большія канавы наполняются до верху болѣе слабыми, выбившимися изъ силъ, но слѣдущія партіи пробѣгаютъ по ихъ трупамъ какъ по мосту. Какъ будто какой-то страшный призракъ, отъ котораго они бѣгутъ, гонится за ними и заставляетъ забывать всѣ другія опасности. «Впередъ! впередъ!» — это желаніе сковало на время ихъ мысли, вся жизнь сконцентрировалась въ немъ.

Таково было бѣгство полевыхъ мышей нѣсколько лѣтъ тому назадъ черезъ окраины Красноярска. Три дня двигались ихъ полчища мимо города — все въ одномъ направленіи, къ Енисею, съ юго-востока на сѣверо-западъ. Всѣ канавы и небольшія углубленія почвы за городомъ были завалены ихъ трупами. Степь на многія версты была покрыта черными полосами, на которыхъ не осталось ни малѣйшаго слѣда растительности, затоптанной и съѣденной грызунами во время переселенія. Откуда взялась эта масса животныхъ, гдѣ она росла и куда стремилась?... Того не знаетъ еще никто. Говорятъ, что въ томъ же году въ окрестностяхъ Красноярска появилось множество змѣй, невольно обращавшихъ на себя вниманіе, тогда какъ въ прежніе годы, какъ и послѣ того, ихъ почти совсѣмъ не было видно. У насъ на сѣверѣ очень обыкновенны подобныя же переселенія бѣлокъ, пеструшекъ, экономокъ и нѣкоторыхъ другихъ мелкихъ грызуновъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что переселенія грызуновъ вызывались сначала недостаткомъ въ пищѣ и, можетъ быть, даже голодомъ. Грызуны вообще держатся небольшихъ районовъ: для семьи сурковъ цѣлый міръ составляетъ ихъ родная поляна, для сусликовъ—ближайшія окрестности ихъ норы, для бѣлки—небольшой участокъ лѣса, для бобра — его прудъ и узкая береговая полоса. — Немногіе изъ грызуновъ рѣшаются далеко отбѣгать отъ родного гнѣзда. Поэтому почти всѣ грызуны живутъ обществами, и, чѣмъ менѣе способны они защитить себя отъ враговъ или уйти отъ опасности, тѣмъ больше и скученнѣе ихъ поселенія. Исключеніемъ изъ общаго правила являются зайцы. Они никогда не живутъ обществами; у нихъ нѣтъ наклонности къ стадной жизни, и только случаи, какое-нибудь бѣдствіе заставляетъ ихъ скучиваться вмѣстѣ. Картины такого бѣдствія можно видѣть каждую весну, въ половодье на волжскихъ островахъ. Вода медленно затопляетъ землю, а у зайцевъ нѣтъ инстинкта убѣжать изъ того мѣста, которое будетъ черезъ нѣсколько дней затоплено. Каждый изъ нихъ надѣется на быстроту своего бѣга и силу прыжковъ. Они перепрыгиваютъ съ мѣста на мѣсто, выше и выше. Вода гонится вслѣдъ за ними. Они вспрыгиваютъ на песчаныя отмели, покрытыя тальникомъ. Но каждая отмель очень скоро превращается въ островъ, и зайцы въ ужасѣ взбираются на самую возвышенную часть его. Здѣсь самцы и самки сталкиваются съ своими собратьями, которыхъ можетъ быть они никогда, во всю жизнь свою не встрѣчали. Всякая ревность и вражда исчезаетъ передъ страхомъ неминуемой смерти. Здѣсь заяцъ становится общественнымъ животнымъ. Посмотрите теперь на его морду, на всю его худую, голодную фигуру — подъ впечатлѣніемъ страха неизбѣжной медленно идущей смерти. Болѣе смѣлые въ отчаяніи прыгаютъ въ воду. Но заяцъ, какъ кошка, боится воды и плаваетъ очень плохо. Попавъ въ воду, онъ неминуемо гибнетъ. Подъ впечатлѣніемъ этой общей гибели, заяцъ перестаетъ бояться человѣка и съ радостью прыгаетъ въ лодку «дяди Мазая»—видя въ ней спасеніе. Вообще же приручить зайца почти невозможно. Даже воспитанный съ ранняго дѣтства, онъ во всю жизнь сохраняетъ трусливую дикость и не привязывается ни къ человѣку, ни къ другимъ животнымъ...

Проф. Н. П. Вагнеръ. Картины изъ жизни животныхъ.

Этотъ—такъ сказать—индиферентизмъ относительно своихъ привязанностей, замѣчателенъ въ зайцахъ. Въ этой чертѣ характера виденъ какой-то психическій недостатокъ, какой то порокъ, вслѣдствіе котораго зайцы остаются всегда холодны другъ къ другу и никогда не въ состояніи жить общей, соціальной жизнью. Ихъ можетъ сблизить только нужда и бѣда, подобная наводненію или, лучше сказать, затопленію ихъ жилищъ *). Не то у другихъ грызуновъ. Два-три года, особенно благопріятныхъ для размноженія ихъ, разъ они живутъ скученнымъ поселкомъ, или неурожай тѣхъ растеній, которыя составляютъ главную пищу поселка,—и вотъ начинается переселеніе ихъ,—сначала въ одиночку, затѣмъ все большими и большими партіями. Примѣръ однихъ заразительно дѣйствуетъ на другихъ: просыпается стадное чувство, и переселеніе, начатое, быть можетъ, сознательно немногими особями, быстро переходитъ у другихъ въ безсознательное стремленіе слѣдовать за первыми, уйти, бѣжать куда-то прочь изъ родныхъ полей и лѣсовъ, — и бѣгутъ, торопятся звѣрьки—перегоняютъ другъ друга, все впередъ и впередъ... Но на пути застигаетъ ихъ голодъ: передовыя партіи бѣглецовъ поѣдаютъ все, что возможно, и заднимъ ничего не остается. Между звѣрьками начинается конкуренція не на жизнь, а на смерть. Одни стараются обогнать другихъ, чтобы утолить свой голодъ. Болѣе сильные и выносливые опережаютъ. Болѣе слабые отстаютъ, выбиваются изъ силъ, падаютъ и погибаютъ массами. При такихъ условіяхъ болѣе сильные всегда добѣгаютъ до болѣе лучшихъ мѣстъ, имѣютъ всѣ шансы для лучшаго и быстрѣйшаго размноженія, а это для вида представляетъ несомнѣнную выгоду.

Всматриваешься въ движущуюся массу голодныхъ животныхъ, съ криками провожаемыхъ стаями хищныхъ птицъ, и такъ и кажется, что за каждымъ изъ нихъ гонится по пятамъ неумолимый приговоръ: «нѣтъ спасенія слабымъ». Какъ вездѣ, такъ и здѣсь личное благо приносится въ жертву общему. «Чѣмъ больше погибнетъ слабыхъ, тѣмъ больше останется на долю другихъ болѣе выносливыхъ, болѣе приспособленныхъ». Такъ разсуждаетъ природа. Не мудрено поэтому, что такія переселенія, какъ выгодныя для вида, мало-по-малу въ силу естественнаго подбора, у нѣкоторыхъ грызуновъ, какъ у пеструшки, изъ случайныхъ сдѣлались періодическими. Во время них животныя подвергаются массѣ опасностей, попадаютъ въ различныя положенія, которыя остались бы имъ незнакомыми, если бы они мирно продолжали бѣгать вокругъ своихъ норъ. Здѣсь создаются условія для интенсивной борьбы за существованіе, но борьбы не прямой, а въ формѣ невольной конкуренціи.

Есть еще и другая выгодная сторона такихъ переселеній. Животныя благодаря имъ попадаютъ изъ однихъ условій жизни въ другія, хотя и подходящія къ прежнимъ, но все же въ иныя, новыя для нихъ, и это безъ сомнѣнія было не послѣднею причиной существующаго разнообразія формъ грызуновъ. Дѣйствительно, при всемъ сходствѣ во внутреннемъ строеніи,—грызуны представляютъ чрезвычайно пеструю группу. Зайцы, бѣлки, сурки,

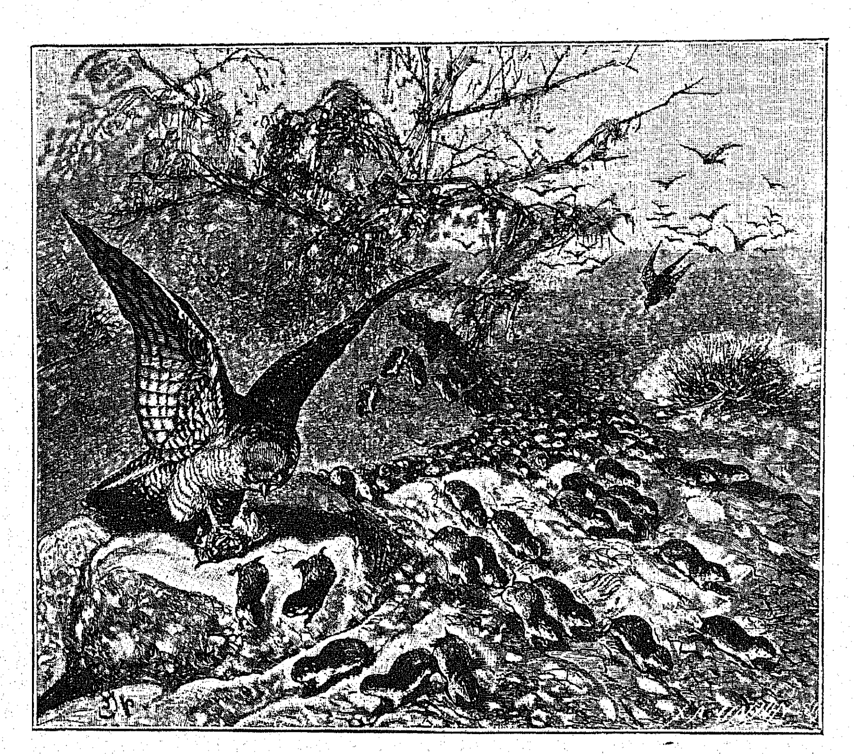
*) Ту же черту, хотя не столь рѣзко выраженную, мы встрѣчаемъ у кроликовъ, которые въ дикомъ или одичавшемъ состояніи нигдѣ въ Россіи не водятся. Но я вспоминаю случай удивительной дружбы между домашнимъ кроликомъ, который жилъ у насъ на дачѣ въ Павловскѣ (на фермѣ), и между простымъ обыкновеннымъ пѣтухомъ. Они никогда не разлучались, и, куда скакалъ кроликъ, туда же съ очень важнымъ, серьезнымъ видомъ медленно отправлялся и пѣтухъ. Онъ храбро защищалъ кролика отъ собакъ и бросался на всякаго человѣка, который подходилъ къ нему.

дикообразы, бобры, водосвинки, мыши, полевки, тушканчики—какою нестройною кажется эта пестрая толпа!

Разнообразіе въ условіяхъ жизни, такъ рѣзко сказывающееся во внѣшности грызуновъ, вызываетъ разнообразіе и въ ихъ привычкахъ. Трудно даже представить себѣ какое-нибудь сходство между привычками зайца и бѣлки, привычками сурка и бобра, водосвинки и обыкновенной крысы. Условія жизни ихъ такъ различны, что общимъ между ними остается только то, что обще для всѣхъ грызуновъ: родъ пищи, стремленіе дѣлать запасы изъ нея и архитектурный инстинктъ. Этотъ инстинктъ, очевидно, былъ свойственъ общему ихъ предку и, постепенно развиваясь и совершенствуясь, дожилъ до нашихъ дней, выражаясь то въ той, то въ другой формѣ, смотря по особенностямъ и условіямъ организаціи и жизни грызуна.

Любопытное разнообразіе въ данномъ отношеніи представляетъ группа мышей, къ которымъ всего ближе, вѣроятно, стояли и по своей внѣшности, и по привычкамъ предки грызуновъ. Мы встрѣчаемся здѣсь со всѣми переходами отъ простой неглубокой норы до сложныхъ подземныхъ галлерей, подземныхъ залъ съ отдѣльными входами и выходами, съ длинными развѣтвляющимися коридорами, ведущими въ особыя кладовыя, встрѣчаемся со всѣми переходами отъ примитивнаго гнѣзда въ формѣ простой кучи нагрызенной соломы или сѣна, до гнѣзда, которое своею сложностью и прочностью можетъ поспорить съ лучшими гнѣздами. Вотъ передъ нами гнѣздо мыши-малютки. Нѣсколько соломинокъ достаточны для того, чтобы выдержать тяжесть воздушнаго домика вмѣстѣ съ крошечными его обитателями. Гнѣздо сложено изъ стебельковъ или соломинъ, перевитыхъ длинными растительными нитями, которыя мышка сама искусно приготовляетъ изъ листьевъ, разгрызая ихъ на узкія длинныя полоски. Внутри оно выстлано мягкимъ пухомъ болотныхъ растеній или опавшими пушистыми сережками ивы. Все гнѣздо напоминаетъ плотно свитый шаръ, внутрь котораго ведетъ только одно маленькое боковое отверстіе. Но и это отверстіе мышка старательно заплетаетъ растеніями въ холодную и дождливую погоду, или когда уходитъ изъ гнѣзда и оставляетъ тамъ свою дѣтвору. Такими же самыми эластичными растительными нитями, которыми перевиты стѣнки гнѣзда, плотно прикрѣплено и все строеніе къ окружающимъ растеніямъ, такъ что вѣтеръ, волнующій гибкую траву,—не можетъ сорвать его. Для маленькаго звѣрька поле съ высокою травою то же, что лѣсъ для бѣлки, и планомъ своей постройки ея гнѣздо болѣе напоминаетъ гнѣздо бѣлки, чѣмъ гнѣзда другихъ мышей. Матеріалъ, правда, другой—сообразно съ условіями жизни и величиною строителя, но планъ тотъ же. У бѣлки вмѣсто травинокъ—тонкія гибкія вѣточки ели, вмѣсто подстилки изъ пуха болотныхъ растеній—подстилка изъ нѣжныхъ лишаевъ и изъ мягкаго мха, домикъ мышки мирно покачивается между стебельками травы, домикъ бѣлки—на вѣтвяхъ высокихъ деревьевъ. Такой же сводъ надъ гнѣздомъ, такое же боковое отверстіе, которое такимъ же образомъ закрывается матерью, когда она на нѣкоторое время оставляетъ свое гнѣздо. Наконецъ, то же стремленіе, какъ у бѣлки, такъ и у мышки-малютки—брать матеріалъ для наружныхъ частей гнѣзда съ того именно растенія, на которомъ гнѣздо расположено, то же стремленіе располагать его такъ, чтобы общій видъ его возможно больше гармонировалъ съ окружающимъ. Мышка собираетъ для этого растущіе возлѣ листья, бѣлка вплетаетъ въ стѣнки гнѣзда лишаи, покрывающіе ея родное дерево. Не желаніе украсить гнѣздо, не эстетическое чувство руководитъ здѣсь животными, нѣтъ — это инстинктъ подражанія. Одна изъ формъ общаго очень многимъ животнымъ инстинкта—держаться въ такихъ мѣстахъ, которыя наиболѣе подходятъ по виду и цвѣту къ окраскѣ самого животнаго.

Этотъ инстинктъ представляетъ несомнѣнныя выгоды для животнаго, такъ какъ гнѣздо въ такомъ случаѣ, не смотря на свою величину, совсѣмъ не бросается въ глаза. Мнѣ случалось открывать бѣличьи гнѣзда на такихъ деревьяхъ, которыя я осматривалъ много разъ до того и не замѣчалъ ихъ. Въ силу того же инстинкта мышь-малютка очень рѣдко остается въ гнѣздѣ послѣ того, какъ листья, травинки и стебельки, обвивающія его снаружи, побурѣютъ. Она бросаетъ его, такъ какъ оно становится теперь слишкомъ замѣтнымъ, и строитъ себѣ другое гнѣздо. Поэтому для каждаго новаго выводка мышка вьетъ и новое гнѣздышко, а въ старомъ остаются хозяйничать прежнія дѣти ея, поддерживая его, пока они сами не разобьются на пары и пока своя собственная семья не заставитъ ихъ строить новые домики. Интересно, что только теперь пробуждается въ нихъ этотъ инстинктъ устройства новаго, свѣжаго, зеленаго гнѣзда, и старый домъ, въ которомъ протекли ихъ дѣтство и юность, покидается навсегда. Очевидно, и здѣсь инстинктивныя привычки животнаго имѣютъ значеніе не столько для него самого, сколько для его потомства.

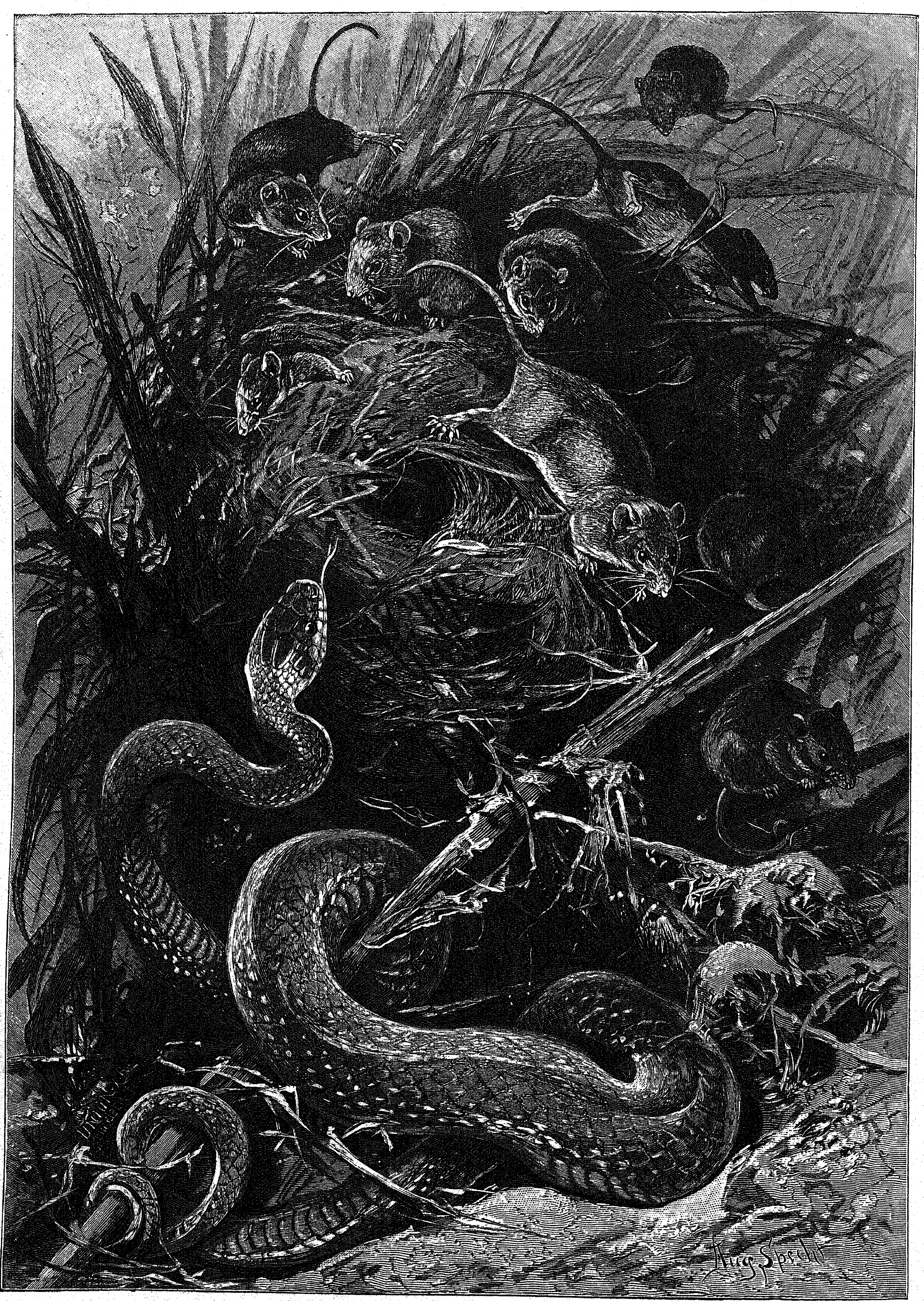

Переселеніе пеструшекъ.

Гнѣздо мыши-малютки, расположенное нерѣдко довольно высоко надъ землею, имѣетъ для нея громадное значеніе и въ другомъ отношеніи. Эта мышь — самый мелкій, самый слабый и беззащитный членъ изъ всей группы мышей, а между мышами, какъ между всякими грызунами, живущими вмѣстѣ, на счетъ однихъ и тѣхъ же растеній, всегда идетъ конкуренція. Пасюкъ вытѣснилъ черную крысу такъ же, какъ кроликъ вытѣснилъ мѣстами зайца, а суслики—полевокъ. Когда мало мышей, эта борьба затихаетъ, различные виды уживаются вмѣстѣ, но какъ только количество ихъ вновь возрастетъ, наступаетъ и новый періодъ борьбы—и притомъ самой жестокой, въ полномъ смыслѣ этого слова. Одна мышь за-

Мышь-малютка.

Ужъ у гнѣзда мыши-малютки.

лѣзаетъ въ нору другой, гонитъ ее, мыши дерутся загрызаютъ и поѣдаютъ другъ друга. Болѣе слабыя должны всегда уступать. Чѣмъ сильнѣе разница между видами, тѣмъ ожесточеннѣе эта борьба, а если разница слишкомъ рѣзка, то вражда изъ случайной, изъ-за «куска хлѣба», переходитъ во вражду постоянную и «племенную». Такъ полевыя и лѣсныя мыши не трогаютъ другъ друга, пока много пищи вокругъ, но крыса ни при какихъ условіяхъ не уживается съ мышью. Можно было бы думать, что здѣсь виноватъ просто неуживчивый, нетерпимый характеръ крысы, которая въ отличіе отъ большинства грызуновъ не даетъ спуску не только мышамъ, а вообще всѣмъ болѣе мелкимъ и болѣе слабымъ животнымъ, но вотъ какой случай припоминаю я изъ своихъ наблюденій. Разъ въ мышеловку попался крысенокъ и былъ посаженъ вмѣстѣ съ одною изъ взрослыхъ, но прирученныхъ домашнихъ мышей. Наша мышка тотчасъ же узнала непрошеннаго гостя, котораго встрѣтила недружелюбнымъ, но осторожнымъ обнюхиваніемъ. Хотя крысенокъ былъ вдвое больше мыши, но не выказывалъ никакого желанія напасть на нее, а только уморительно сердился, пищалъ и отворачивался, когда она лѣзла къ самой его мордочкѣ. Мы знали, что крысы загрызаютъ мышей, но, видя такое равнодушіе молодой крысы, оставили ихъ вмѣстѣ. Вечеромъ мышь съ своей новой сожительницей подняли страшную возню, а наслѣдующее утро, когда я заглянулъ въ клѣтку, моимъ глазамъ представилась слѣдующая картина: мышь спокойно сидѣла возлѣ кусочка хлѣба, которымъ, очевидно, она недавно позавтракала, и сосредоточенно умывалась лапками, а въ углу клѣтки лежалъ уже закоченѣвшій трупъ крысы съ перегрызенной шеей. Не крыса, а мышь затѣяла ссору, погубившую одного изъ звѣрьковъ.

Переселеніе мышей.

Мнѣ кажется, что вражда между крысою и мышью—обоюдная, только крыса, какъ болѣе сильная, конечно, всегда нападаетъ первою и всегда остается побѣдительницею. Я не пробовалъ держать лѣсную или полевую мышь вмѣстѣ съ мышью-малюткой и не знаю, пробовалъ ли это вообще кто-нибудь, но не думаю, чтобы онѣ ужились. Разница въ силахъ слишкомъ велика, чтобы не соблазнить большую сестру поживиться при случаѣ на счетъ меньшой. Къ тому же всякій знаетъ, что мыши, не смотря на то, что принадлежатъ къ типическимъ грызунамъ, очень любятъ животную пищу и никогда не упустятъ случая полакомиться мясомъ и падалью.

Да не только болѣе крупныя мыши, а и всякое другое животное, роющееся въ землѣ на нашихъ поляхъ, на правахъ болѣе сильнаго тѣснило бы мышь-малютку. А множество мелкихъ враговъ, отъ которыхъ ни самимъ малюткамъ, ни ихъ крошечному потомству не было бы житья на землѣ? Ежъ — этотъ страшный звѣрь, безпощадный врагъ всѣхъ мышей?! Гадюки, ужи, полозы и другія чудовища?! Бѣдная малютка! Только здѣсь, въ своемъ воздушномъ домикѣ она можетъ быть покойна за своихъ крошечныхъ мышенятокъ. Здѣсь они въ сравнительной безопасности. Но едва они выползутъ изъ гнѣзда, какъ какое-нибудь изъ чудовищъ уже смотритъ на нихъ изъ травы своими злыми, неподвижными глазами. Неслышно развертывается длинное тѣло ужа. Дрожащій тонкій языкъ быстро облизываетъ сухія, холодныя губы, какъ будто хищникъ уже смакуетъ лакомую пищу. Теперь малютка не можетъ, какъ бывало прежде, спокойно юркнуть въ свое гнѣздышко. Одинъ изъ мышатъ уже намѣченъ ужомъ. Зловѣще поворачивается къ нему страшная голова хищника. Одну, двѣ секунды онъ пристально цѣлится, круто согнувъ свою шею, и вдругъ выпрямляется въ мгновеніе ока и схватываетъ широко раскрытою пастью оцѣпенѣвшую отъ ужаса мышку.

Если архитектурный инстинктъ у мышей-малютокъ дошелъ въ своемъ развитіи до такой сложности подъ вліяніемъ условій жизни, подъ вліяніемъ борьбы изъ-за существованія, то у крупнѣйшихъ представителей мышинаго рода—домашнихъ крысъ тотъ же инстинктъ мало-по-малу почти совершенно исчезъ, атрофировался. Только самки ихъ для дѣтей устраиваютъ временное логовище, едва ли чѣмъ отличающееся отъ логовища всякаго другого животнаго съ самымъ низкимъ развитіемъ строительныхъ наклонностей. Живя постоянно подъ опекою человѣка, крыса находится въ безопасности. Здѣсь отсутствуютъ тѣ причины, подъ вліяніемъ которыхъ, благодаря естественному подбору, постепенно усложняются постройки ея родичей. Правда, крысы, живущія не въ домахъ, а въ амбарахъ и складахъ съ землянымъ поломъ, все-таки роютъ себѣ небольшія норы, но ихъ норы не могутъ сравниться ни съ одной мышиной норой. Это—атавизмъ, послѣдній проблескъ архитектурнаго инстинкта грызуна. Тѣмъ интереснѣе другое вліяніе, которое оказала на крысу совмѣстная жизнь съ человѣкомъ. Человѣкъ, быстро прогрессируя самъ, измѣняя постоянно постройку своихъ жилищъ и свои привычки, заставлялъ и крысу постоянно приспособляться къ условіямъ совмѣстной съ нимъ жизни, при томъ— приспособляться сознательно, такъ какъ эти условія измѣнялись раньше, чѣмъ могло бы приспособленіе къ нимъ произойти въ силу естественнаго подбора, человѣкъ дѣйствовалъ на наблюдательность крысы, дѣйствовалъ, однимъ словомъ, развивающе на ея понятія. Вотъ почему крыса является самымъ умнымъ изъ всѣхъ своихъ сородичей, какъ многіе изъ «мірскихъ захребетниковъ», которые волей-неволею должны были слѣдить за своимъ кормильцемъ-человѣкомъ.

Подъ вліяніемъ такого развитія и исчезли, вѣроятно, у крысы ея родовые инстинкты, выработанные трудовою жизнью ея предковъ среди негостепріимныхъ азіатскихъ степей. Разумъ и инстинктъ не уживаются вмѣстѣ. Культурный человѣкъ не сохранилъ ни одной наклонности дикаря, которая не была бы измѣнена разумною дѣятельностью. Вѣчно ищущій, постоянно недовольный и собою, и всѣмъ окружающимъ, онъ постоянно стремится къ чему-то новому, неиспытанному, неизвѣданному, и вслѣдъ за нимъ идутъ волей-неволей его захребетники. Борьба за существованіе не можетъ такъ дѣйствовать на него, какъ на неразумныхъ животныхъ. Чѣмъ болѣе развитъ человѣкъ, тѣмъ менѣе могутъ дѣйствовать на него прямо, чисто рефлекторнымъ путемъ внѣшнія вліянія, не вызывая реакціи въ центрахъ сознанія. Сознаніе человѣка—это призма, въ которой преломляются всѣ внѣшнія воздѣйствія на него. Такъ вы-

разился одинъ изъ нашихъ біологовъ. Человѣкъ, какъ и грызуны, разселился по всей землѣ, но не благодаря «органическому» приспособленію къ различнымъ условіямъ жизни, а благодаря сознательному, искусственному измѣненію этихъ условій. Не въ одиночку, а сплоченнымъ обществомъ борется съ ними человѣкъ, и каждый разъ, какъ измѣненіе ихъ оказывается ему не подъ силу, онъ долженъ бѣжать отъ тѣхъ самыхъ условій, къ борьбѣ съ которыми онъ почти привыкъ. И вотъ бѣгутъ савояры изъ родныхъ альпійскихъ долинъ, бѣгутъ внизъ въ равнины, къ большимъ городамъ и вмѣстѣ съ собой тащатъ сурка, тоже альпійскаго жителя, которому такъ привольно жилось на высотахъ его родныхъ горъ зеленыхъ луговъ. Пробирается савоярка изъ города въ городъ, протягивая каждому руку за милостыней и напѣвая свою неизмѣнную пѣсенку:

Ah! regardez la marmotte,
La marmotte en vie,
Donnez quelque chose à javotte,
Pour sa marmotte en vie!..

а бѣдная «la marmotte» печально сидитъ у нея на рукахъ, какъ живой укоръ человѣчеству. Да! оно—это разумное человѣчество, со всѣмъ своимъ разумомъ, не можетъ до сихъ поръ устроить прочно ассоціированной жизни, тогда какъ до этой жизни давно уже дошелъ глупый, живущій инстинктомъ, альпійскій сурокъ!

Нѣтъ!.. Разумъ природы всегда будетъ шире и глубже разума человѣка!..

IX.

ГРУППА СЛОНОВЪ.

Группа слоновъ.

Слоны.

Ночь. Не наша сѣверная, блѣдная, прозрачная ночь—нѣтъ, это ночь съ темно-фіолетовымъ, колоритнымъ небомъ, ночь—съ ярко блещущими, какъ далекіе бенгальскіе огни, звѣздами и созвѣздіями, ночь—съ таинственнымъ зодіакальнымъ свѣтомъ, ночь—полная неразгаданныхъ тайнъ и таинственныхъ ужасовъ. Она такъ же свѣтла, какъ и наша сѣверная ночь. Высоко въ небѣ ослѣпительно ярко горитъ желтоватымъ свѣтомъ полная луна, а миріады отблесковъ отъ всего, что можетъ блестѣть, освѣщаютъ воздухъ.

По берегу тянутся горы и скалы, по берегу большой африканской рѣки, обросшей кустами и деревьями. На самомъ берегу высятся, какъ гигантскія сахарныя головы, исполинскіе муравейники, или, правильнѣе говоря, термитники, такъ какъ эти сооруженія строятъ не муравьи, а термиты. На одинъ изъ термитниковъ взобрался человѣкъ. Это извѣстный путешественникъ Карлъ Андерсонъ. Онъ стоитъ, закрытый однимъ изъ этихъ термитниковъ, стоитъ съ двустволкой въ рукѣ и ждетъ, а по берегу тихо, медленно подходитъ цѣлое стадо слоновъ. Они идутъ, не торопясь, осмотрительно, осторожно, косясь по сторонамъ, расправляя громадныя лопасти ушей, вытягивая и повертывая во всѣ стороны длинными хоботами.

Они двигаются, какъ исполинскія тѣни, какъ черныя скалы, и въ ихъ гигантскихъ тѣлахъ, въ ихъ осторожной, медленной и тяжелой поступи чудится что-то зловѣщее и таинственное... Ни звука, ни шороха не издаютъ они. Тихо подходятъ къ самому берегу и осторожно, неслышно входятъ въ спокойныя воды рѣки, ярко сіяющія въ отраженіи полнаго мѣсяца.

Болѣе часа уже тянется ихъ торжественное шествіе, а конца ему еще не предвидится. Нѣсколько десятковъ слоновъ столпилось у самаго берега и вошло въ воду, а по скату холмовъ одинъ за другимъ важнымъ, торжественнымъ шагомъ идутъ все тѣ же гиганты, идутъ мѣрной, осмотрительной поступью, и тихо, безъ шума входятъ въ спокойную воду рѣки.

Андерсонъ осторожно приподнялъ ружье. Онъ нацѣлился въ ближайшаго изъ гигантовъ. Нацѣлился вѣрнымъ глазомъ въ правую лопатку и спустилъ курокъ. Выстрѣлъ громко ударилъ въ тишинѣ ночи, и все стадо зашевелилось и стремглавъ бросилось наутекъ. Андерсонъ послалъ ему въ догонку еще одинъ мѣткій выстрѣлъ. Пыль поднялась отъ убѣгающихъ массивныхъ животныхъ. Гдѣ-то въ ближайшихъ кустахъ раздались рѣзкіе крики павіановъ, испуганныхъ выстрѣломъ, а на самомъ берегу, въ грязи, въ пескѣ барахталось гигантское чудовище въ нѣсколько сотъ пудовъ вѣсомъ. Ни звука, ни стона не проронилъ исполинъ и, только корчась въ предсмертныхъ мукахъ, вздрагивая всей своей толстой, грязной кожей и судорожно крутя громаднымъ хоботомъ, скончался. Масса его крови окрасила мирныя воды рѣки.

Картина этой случайной охоты на слоновъ ясно говоритъ намъ, что слонъ животное общественное, что онъ живетъ и привыкъ жить стадами, и не только наши современные слоны, азіатскій и африканскій, но даже первородичи этихъ слоновъ или предполагаемые ихъ предки вели общественную жизнь.

Спустимся въ «сѣдую древность», за нѣсколько десятковъ вѣковъ до нашего времени, и мы встрѣтимъ повсюду въ сѣверномъ полушаріи—сильный холодъ, льды и цѣлыя стада громадныхъ животныхъ, извѣстныхъ въ наукѣ подъ именемъ *мамонтовъ*. Это были тѣ же слоны, но слоны, передъ которыми нашъ современный слонъ кажется чѣмъ-то въ родѣ небольшого теленка передъ большой коровой. Они были также *толстокожіе*, какъ и нынѣшній слонъ, но ихъ кожа грязно-сѣраго цвѣта была покрыта длинными, прямыми волосами. И прежде всего бросались въ глаза страшные исполинскіе бивни этихъ животныхъ. Если клыки нынѣшнихъ слоновъ удивляютъ своей массивностью, то громадные, длинные, завернутые кверху клыки этихъ первичныхъ слоновъ или мамонтовъ были изумительны. Они придавали этимъ животнымъ страшный, свирѣпый видъ. Но люди, современники этихъ слоновъ, не пугались ихъ страшныхъ бивней. Они сами, по ихъ росту, по ихъ физической силѣ были сродни этимъ гигантамъ, этимъ геркулесамъ-мамонтамъ.

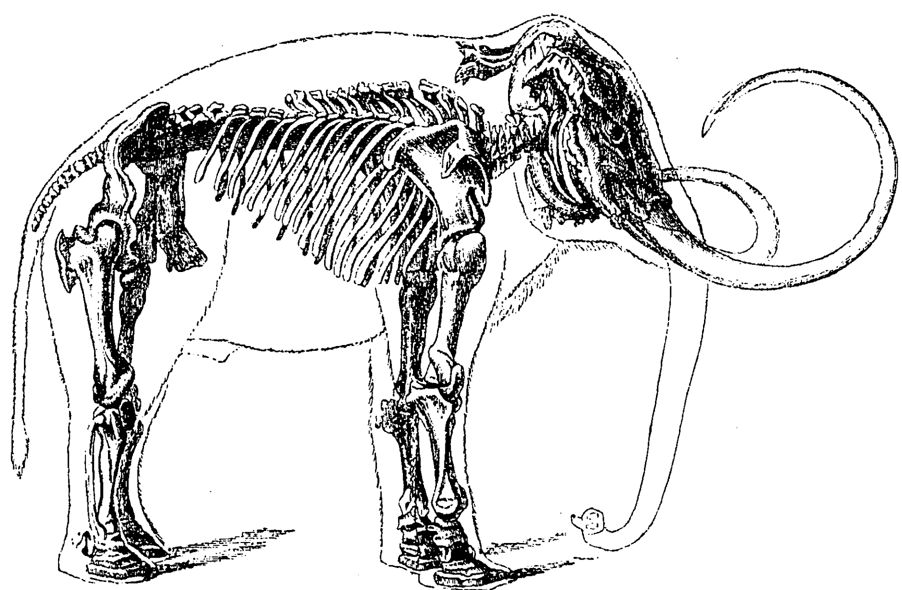
Понятно, что первобытные люди никогда не нападали на цѣлое стадо. Но они терпѣливо выжидали случая, и если этотъ случай представлялся, если какой-нибудь зазѣвавшійся или слишкомъ понадѣявшійся на свои силы мамонтъ засѣдалъ въ какой-нибудь чащѣ или проваливался въ оврагъ, то на него тотчасъ же нападала цѣлая громадная толпа первобытныхъ дикарей. Они метали въ него копья и стрѣлы съ каменными, кремневыми наконечниками. Цѣлыя тучи этихъ стрѣлъ летѣли въ громадное чудовище; цѣлый градъ камней сыпался на него, и, наконецъ, изнуренный, обезсиленный этимъ ожесточеннымъ нападеніемъ, мамонтъ падалъ и умиралъ при неистовыхъ крикахъ толпы, разгоряченной борьбой и шумно радовавшейся своей побѣдѣ и добычѣ. Тотчасъ же нападавшіе бросались на его еще трепетавшее жизнью тѣло, и каменными топорами и пилами разрѣзывали, распиливали и распластывали это жесткое, мускулистое тѣло.

Бывали такіе случаи, такія катастрофы, гдѣ цѣлыя стада этихъ гигантовъ погибали. Они погибали отъ неизвѣстныхъ причинъ, отъ какихъ-нибудь геологическихъ переворотовъ, погибали въ томъ стоячемъ положеніи, въ которомъ ихъ застала катастрофа. И теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ С. Америки, Сибири и Европейской Россіи случайно открываютъ цѣлые костяки этихъ уже вымершихъ и исчезнувшихъ животныхъ.

Въ холодномъ сибирскомъ климатѣ отъ такихъ погибшихъ мамонтовъ иногда сохраняется не только костякъ, но кожа и часть тѣла или мускуловъ. Разумѣется, такія находки попадаются очень рѣдко. Такъ, еще въ прошломъ столѣтіи, по разсказу извѣстнаго путешественника Адамса, на берегу, въ устьяхъ Лены, на полуостровѣ, былъ найденъ цѣлый костякъ мамонта. Его нашелъ одинъ тунгузъ въ 1799 г., но не смѣлъ воспользоваться своей находкой, такъ какъ его товарищи тунгузы наговорили ему, что ихъ отцы нашли разъ такое же чудовище на томъ же мѣстѣ, но что оно принесло несчастье всей семьѣ, которая затѣмъ вся вымерла. Тунгусъ задумался, но громадные бивни мамонта сильно соблазняли его.

Премію около пяти лѣтъ, и онъ собрался съ духомъ и рѣшился отпилить эти бивни и продалъ ихъ за весьма ничтожную сумму, а когда спустя два года Адамсъ посѣтилъ это мѣсто, то онъ нашелъ мамонта уже совершенно изуродованнымъ. Почти все мясо было ободрано якутами на кормъ собакамъ. Дикіе звѣри—бѣлые медвѣди, волки и песцы—обгрызли кости, но скелетъ, за исключеніемъ правой передней ноги, остался нетронутымъ. На ногахъ сохранились подошвы, а на ушахъ длинные, темные волосы. На шеѣ животнаго была густая и длинная, въ 26 дюймовъ, грива, гораздо толще волосъ изъ конскаго хвоста. У основанія такихъ волосъ былъ довольно густой, свѣтло-бурый подшерстокъ. Наконецъ, большая часть засохшей кожи еще покрывала тѣло. На черепѣ была также уже высохшая кожа, и если вѣрить извѣстному путешественнику, то внутри этого черепа еще сохранился мозгъ, а въ орбитахъ глаза животнаго. Этому извѣстію придаетъ вѣроятіе то обстоятельство, что въ холодномъ климатѣ, въ замерзшей землѣ, легко сохраняются разныя части животныхъ. Но съ другой стороны, трудно допустить, чтобы остался цѣлъ и не разложился такой нѣжный органъ, какъ мозгъ.

Наконецъ, на тѣлѣ остался еще большой кусокъ кожи. Всѣ эти остатки Адамсъ тщательно собралъ и переслалъ въ Петербургъ, въ Академію Наукъ. Вокругъ мамонта была масса волосъ, которыхъ набралось до 35 ф. Десяти человѣкамъ съ большимъ трудомъ удалось сдвинуть чудовище съ мѣста.

Скелетъ мамонта, найденный въ устьяхъ р. Лены.

Если мы теперь сопоставимъ всѣ эти черты, оставшіяся отъ нѣкогда жившаго, такъ-называемаго *допотопнаго* чудовища, сопоставимъ ихъ съ нынѣ живущими слонами, то насъ прежде всего поразитъ громадная величина мамонта. Затѣмъ эти длинные конскіе волоса, покрывавшіе его толстую, морщинистую кожу. Насъ поразитъ этотъ косматый гигантъ съ его огромными, прямо торчащими бивнями, закрученными на концахъ и свернутыми почти въ кольцо. Мы невольно спрашиваемъ себя: для чего эти странныя вооруженія, которыми животное не можетъ защищаться? Для чего на всемъ его тѣлѣ росли длинные, толстые, конскіе волосы и преимущественно на загривкѣ? Можетъ-быть природа придала ему этотъ страшный, безобразный видъ, чтобы пугать его враговъ?

Но если было время, когда сѣверъ Европы былъ покрытъ почти никогда не тающими снѣгами, когда громадныя льдины скатывались съ горъ и всюду была дикая, суровая природа, то мамонтъ—это косматое чудовище вполнѣ гармонично и необходимо существовалъ среди этой природы, среди высокихъ, покрытыхъ снѣгомъ горъ и вымывныхъ, глубокихъ долинъ. Мнѣ живо представляется его жизнь среди этой холодной, дикой природы; представляются цѣлыя стада этихъ чудовищъ, мѣрно, угрюмо передвигающихся среди хаоса скалъ, камней, лѣсинъ, поваленныхъ стволовъ—стада, вязнущія въ илу первобытныхъ рѣкъ и въ тонкомъ пескѣ ихъ прибрежій.

Какъ ни страненъ, ни безобразенъ видъ мамонта, но мы не можемъ не видѣть въ немъ тотъ же складъ организаціи и тѣ же черты, которыя мы видимъ въ нынѣ живущихъ слонахъ. Мамонтъ—это слонъ, въ которомъ нѣкоторыя черты доведены до чудовищныхъ, уродливыхъ размѣровъ. Почти въ каждомъ организмѣ мы можемъ встрѣтить въ ростѣ органовъ недорость или перерость, безобразящій ихъ и дѣлающій ихъ негодными къ употребленію. Правильный, соразмѣрный, гармоническій ростъ органовъ—это дѣло развитія, дѣло, очень трудно выполнимое. И вотъ почему, мы встрѣчаемъ такъ много уродливыхъ, странныхъ животныхъ между уже исчезнувшими такъ-называемыми «допотопными» формами и даже между нынѣ живущими, и такъ мало стройныхъ, гармоничныхъ организмовъ.

Мамонтъ, также какъ и наши слоны, имѣлъ неуклюжее, массивное тѣло, имѣлъ громадные, хотя и не такіе большіе уши, какъ наши африканскіе слоны; имѣлъ торчащіе изо рта бивни, небольшіе глаза, толстую кожу и большой длинный хоботъ. Вотъ этотъ-то длинный и сильно подвижной хоботъ и составляетъ главный, отличительный признакъ и слоновъ, и мамонтовъ. Это — длинная, трубчатая рука слона съ однимъ только пальцемъ на концѣ ея.

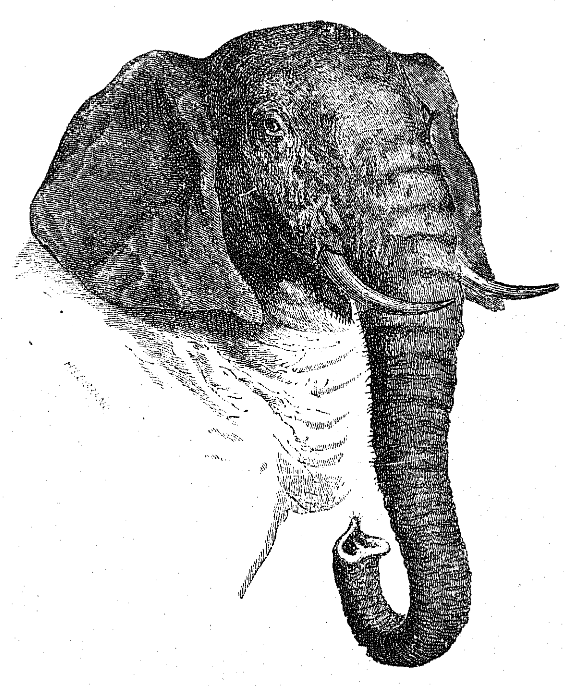
Такой хоботъ совершенно необходимъ организму слона. Голова животнаго не можетъ наклоняться къ землѣ. Этому препятствуютъ сильные, длинные отростки шейныхъ позвонковъ, отростки совершенно необходимые для удержанія массивной головы въ ея естественномъ положеніи. Съ помощью пальцевиднаго придатка на концѣ хобота, слонъ захватываетъ разныя мелкія вещи. Онъ щиплетъ траву, отламываетъ вѣтви отъ молодыхъ и старыхъ деревъ, и такія вѣтки служатъ ему пищей. Отламывая ихъ отъ дерева, онъ прямо отправляетъ ихъ въ ротъ, гдѣ ихъ тотчасъ же принимаютъ громадные коренные зубы, сидящіе въ углахъ рта. Эти зубы отличные жернова. Они перетираютъ и перемалываютъ всякую пищу, перетираютъ ее выдающимися костяными пластинками, задѣланными въ зубную эмаль. Вершины громадныхъ, плоскихъ вѣнчиковъ такихъ зубовъ напоминаютъ наши мельничные жернова. Костяныя пластинки представляютъ насѣчки такихъ жерновковъ, и понятно, что слонъ—это массивное чудище, въ нѣсколько десятковъ пудовъ вѣсомъ, легко перетираетъ такими жерновами не только траву, зерна, плоды, но и довольно толстыя древесныя вѣтви.

Ѣстъ онъ много, ѣстъ, что попало, разумѣется, изъ растеній. Но у него есть свой особенный вкусъ, и онъ предпочитаетъ такъ называемое «слоновое дерево» всѣмъ другимъ родамъ пищи.

Въ настоящее время на всей землѣ живутъ только двѣ формы, два вида слоновъ. Одинъ разселился на африканскомъ материкѣ; это, какъ кажется, старшій братъ.

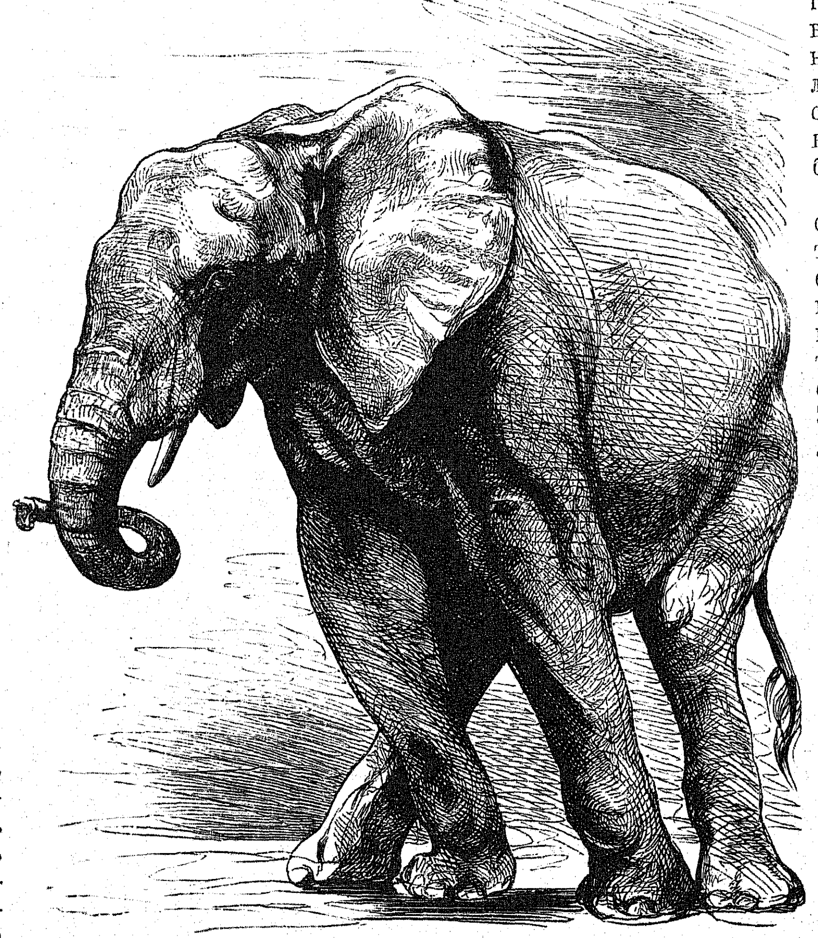
Другой перешелъ въ южную Азію и тамъ въ тропическихъ лѣсахъ живетъ и благоденствуетъ громадными стадами. Это — меньшой братъ африканскаго слона. Онъ умнѣе старшаго брата. Онъ дальше пошелъ въ развитіи своего мозга. У него все въ мѣру. Его уши не висятъ, какъ громадныя лопасти, по бокамъ головы. Его лобъ не плоскій, какъ у африканскаго брата, а выдается выпуклымъ сводомъ. Его бивни не представляются такими длинными и громадными; у него, наконецъ, только два, а не три коренныхъ зуба въ глубинѣ, въ углахъ рта. Очевидно, что одинъ изъ зубовъ, какъ совершенно лишній, исчезъ, какъ исчезаетъ въ природѣ мало-помалу все лишнее, ненужное, чему нѣтъ сбыту и примѣненія (работы).

На прилагаемомъ рисункѣ (стр. 489—490) вы видите частицу африканской природы и среди ея въ естественной обстановкѣ семью африканскихъ слоновъ. Пейзажъ этой природы представляетъ верхъ красоты и изящества, которое можетъ быть принадлежитъ скорѣе таланту художника и его изобрѣтательности, чѣмъ дѣйствительной африканской жизни. Передъ нами часть прибрежья «бѣлаго Нила», окруженная невысокими холмами. Вдали въ голубомъ туманѣ высятся одинокія пальмы. Адансонія раскинула свою шатрообразную вершину, на которой гнѣздятся лорантовые паразиты, въ видѣ зеленыхъ шапокъ. Кусты опура и тамарисковыхъ разбросаны повсюду на прибрежныхъ пескахъ. Наконецъ, все это оплетено ліанами и эпифитами, изъ которыхъ наиболѣе выдаются яркими крупными цвѣтами мѣстныя павилики. Среди этой роскошной природы въ углу маленькаго грязнаго заливчика, наполненнаго мутной водой, лежитъ пара громадныхъ чурбановъ. Это—нильскія лошади или бегемоты, можетъ быть отдаленные родственники слона. Какъ бы въ pendant къ нимъ, на самомъ берегу стоятъ два слона самецъ и самка съ маленькимъ сосункомъ — слоненкомъ. Они уже, очевидно, утолили жажду, напились и стоятъ какъ бы въ раздумьи: куда теперь направить свои массивныя тѣла? Ихъ широкія, громадныя уши, точно огромныя пелеринки, лежатъ на ихъ плечахъ. Въ особенности онѣ кажутся большими у самца, который оттопырилъ, насторожилъ ихъ и зорко смотритъ и косится своими маленькими, злобными глазами, высматривая, нѣтъ ли чего опаснаго для жизни его дорогой семьи, а маленькій слоненокъ-сосунчикъ невинно ластится своимъ хоботомъ къ своей матери. Нѣсколько маленькихъ цапель, — бѣлыхъ, египетскихъ цапель, старается найти тѣнь или что-нибудь съѣдобное въ высохшемъ и выброшенномъ на берегъ корнѣ.

Голова африканскаго слона.

При видѣ гигантской фигуры слона, невольно приходитъ въ голову мысль, которую высказалъ слишкомъ 40 лѣтъ тому назадъ извѣстный московскій профессоръ зоологіи Рулье. Названіе *слонъ*, по его мнѣнію, происходитъ отъ глагола *заслонять*. Своимъ громаднымъ тѣломъ это чудовище заслоняетъ всѣ предметы и теперь; смотря на его гигантскую фигуру и въ особенности на его огромныя уши, которыя, какъ широкія занавѣски или заслонки, прикрываютъ его плечи, невольно вспоминаешь эту мысль. Замѣчу кстати, что у насъ есть народная поговорка: «слоны продавать» или слово «слоняться». Существуетъ ли здѣсь какая-нибудь связь между этими словами и слонами, я не берусь рѣшить.

Африканскій слонъ.

Таковъ слонъ въ его семейной жизни. Посмотрите теперь на него въ его общественной, стадной жизни. Передъ нами (стр. 491 — 492) тотъ же Нилъ, но въ его среднемъ теченіи. Здѣсь онъ уже выглядитъ большой широкой рѣкой, протекающей мимо гигантскихъ деревьевъ тропическаго лѣса, деревьевъ, опутанныхъ гирляндами ліанъ и всякихъ паразитныхъ растеній. Цѣлое стадо слоновъ погружается въ волны широкой рѣки. Въ жаркій, знойный тропическій полдень оно съ жадностью ищетъ освѣженія въ волнахъ рѣки. Слоны рады водѣ. Вода, это — ихъ стихія. Они въ особенности рады ей теперь среди жаркаго африканскаго полдня. Почти вертикально стоящее солнце немилосердно накаливаетъ ихъ широкія спины. Они погружаются въ воду съ головой, играютъ, фыркаютъ, выбрасываютъ

своими хоботами цѣлые фонтаны воды, а впереди ихъ, испуганные ихъ шумнымъ появленіемъ, плывутъ и ревутъ, удираютъ три громадныхъ бегемота. Съ вышины деревьевъ на эту шумную сцену смотрятъ двѣ большеухихъ обезьяны; а въ углу направо, въ чащѣ папируса, пріютилась стайка неизмѣнныхъ бѣлыхъ цапель.

Эти птички—благодѣтели слоновъ и крокодиловъ. Никакое животное, никакой хищникъ не можетъ обидѣть и надоѣсть такъ слону, какъ донимаетъ его среди жаркаго лѣта множество насѣкомыхъ. Сюжетъ извѣстной Лафонтеновской басни о мыши и львѣ могъ бы лучше быть выраженъ маленькой мушкой и слономъ. Такія мушки (родъ москитовъ) вьются роями около слоновъ. Въ извѣстное время года онѣ забираются во всѣ трещинки кожи слона. Онѣ обсыпаютъ его большіе уши, сосутъ изъ нихъ кровь, и бѣдный гигантъ совершенно не въ силахъ освободиться отъ этихъ мелкихъ надоѣдниковъ. Онъ машетъ своимъ длиннымъ хоботомъ и не можетъ достать имъ до всѣхъ трещинъ и складочекъ своей толстой кожи. Онъ съ жадностью бросается въ воду, надѣясь тѣмъ избавиться отъ своихъ мелкихъ враговъ. Но тутъ, въ замѣнъ ихъ, встрѣчаютъ его другіе враги. Тутъ водится множество мелкихъ піявокъ, и онѣ съ голоду набрасываются на несчастное животное и впиваются въ складки кожи. И вотъ отъ всѣхъ этихъ враговъ и мучителей избавляетъ слона небольшая бѣлая птичка, составляющая его неизмѣннаго спутника и спасителя. Какъ-то странно, необычно видѣть этихъ маленькихъ птичекъ, спокойно бѣгающихъ по широкой спинѣ слона и бойко поѣдающихъ мушекъ, піявокъ и всякихъ маленькихъ паразитовъ.

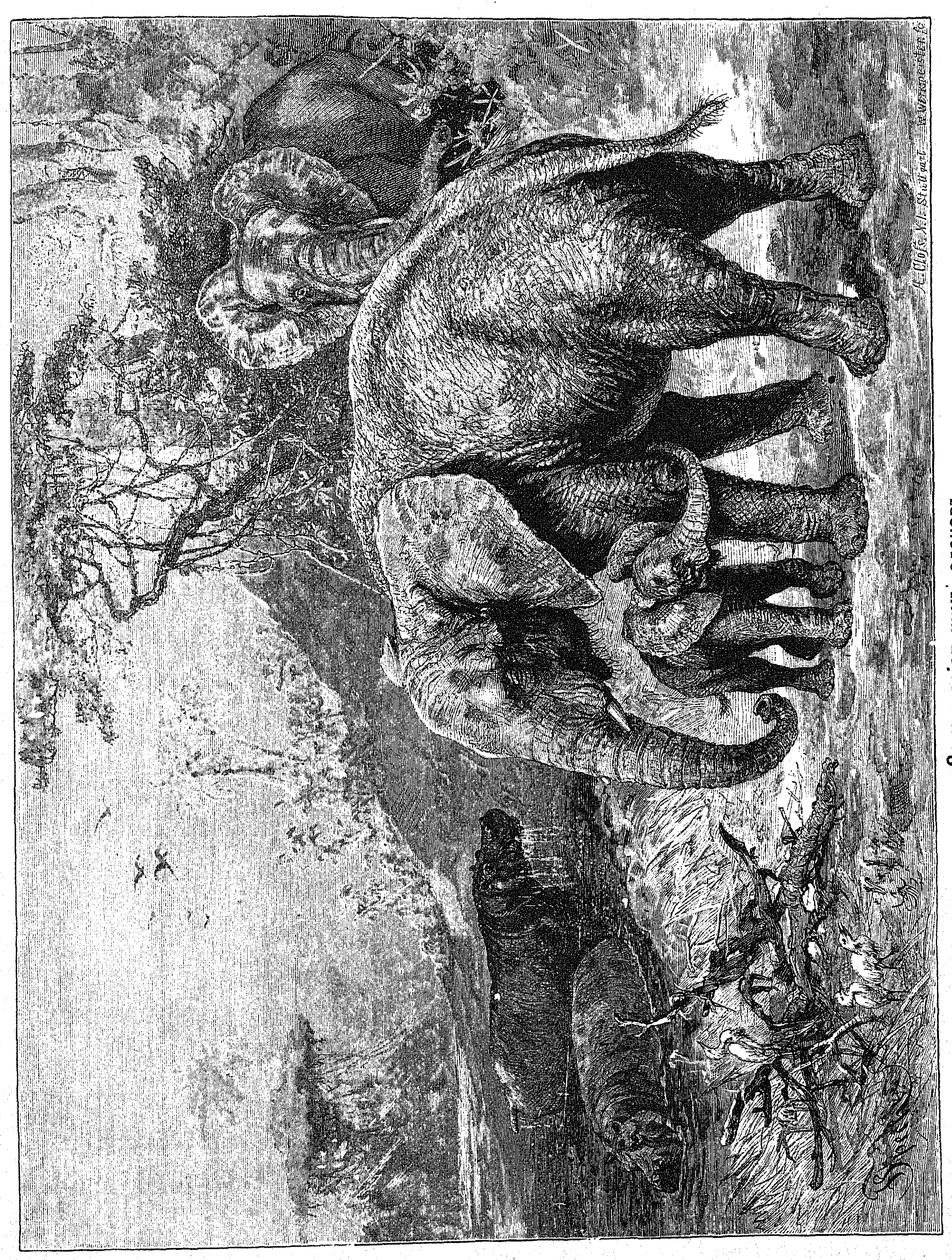
Индійскій или азіатскій слонъ—меньшой братъ африканскаго—во многомъ отличается отъ него, но, съ другой стороны, имѣетъ много сходныхъ признаковъ, общихъ обоимъ братьямъ. При взглядѣ на головы азіатскаго и африканскаго слоновъ можно сразу замѣтить сильную разницу. Голова индійскаго слона, это, голова умнаго, думающаго животнаго. Лобъ его высоко поднимается надъ маленькими глазами и вверху выдается двумя сильными буграми. Уши его гораздо меньше, чѣмъ у африканскаго слона, у котораго эти уши, когда онъ отодвинетъ ихъ назадъ, сходятся на вершинѣ головы и на шеѣ своими боковыми краями.

Умъ слона скорѣе можно назвать разумностью и разсудительностью. Первый и главный признакъ разумности какого-нибудь животнаго—это скорый переходъ его изъ дикаго состоянія въ ручное домашнее, это очевидное и сильное вліяніе на его психику ума и воли человѣка. Какъ наглядное доказательство разсудительности, осмотрительности и осторожности слона можно привести слѣдующій разсказъ Скиппера объ индійскомъ слонѣ:

«Въ жаркое время года,—говоритъ онъ,—высыхаютъ, какъ извѣстно, всѣ рѣки, пруды и болота. Жажда томитъ слоновъ, и они собираются около всякой ложбинки, наполненной водой. Около одного изъ такихъ пересыхающихъ прудовъ я одинъ разъ имѣлъ случай наблюдать осторожность слоновъ. Съ одной стороны берегъ пруда былъ окаймленъ тѣнистымъ дѣвственнымъ лѣсомъ. Была ночь, и яркій свѣтъ луны освѣщалъ всю мѣстность. Было свѣтло, какъ днемъ. Я выбралъ укромное мѣстечко и сталъ наблюдать. Я долго ждалъ появленія слоновъ. Я зналъ, что они недалеко, что ихъ стадо не болѣе, какъ въ 500 шагахъ отъ меня. Но прошло два часа въ этомъ томительномъ ожиданіи, и, наконецъ, изъ чащи лѣса выступилъ одинъ громадный слонъ. Выйдя изъ лѣса, онъ остановился, какъ вкопанный, и стоялъ такъ, не двигаясь, весь освѣщенный сильнымъ луннымъ свѣтомъ, какъ громадный сѣрый монолитъ, или неподвижная гигантская скала. Затѣмъ онъ медленно двинулся впередъ, остановился, простоялъ нѣсколько минутъ и опять двинулся. Такое медленное съ остановками шествіе повторялось раза три или четыре. Онъ вытягивалъ впередъ свои громадныя уши, какъ бы силясь уловить малѣйшій шорохъ, и, простоявъ такимъ образомъ нѣсколько минутъ, снова двигался. Онъ дошелъ такимъ образомъ до самой воды и здѣсь опять остановился и насторожилъ уши. Соблазнительная вода притягивала его, но не смотря на это, онъ тихо повернулся назадъ и снова остановился на прежнемъ мѣстѣ. Затѣмъ вошелъ въ лѣсъ и черезъ нѣсколько минутъ опять вернулся, но уже не одинъ, а съ пятью товарищами. Этихъ пятерыхъ слоновъ онъ размѣстилъ вдоль берега, какъ часовыхъ (сторожей), а

Слоны на водопоѣ.

самъ снова ушелъ въ лѣсъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже шелъ предводителемъ цѣлаго громаднаго стада, въ которомъ было не менѣе сотни слоновъ. Они шли медленно, тихо, осторожно, какъ тѣни, такъ что я не могъ разслыхать никакого шума и шороха. По срединѣ поляны стадо остановилось, и предводитель его снова тихо пошелъ вдоль берега. Убѣдившись, что всѣ часовые на своихъ мѣстахъ, онъ быстро двинулся къ водѣ, и за нимъ ринулось все стадо. Сцена рѣзко измѣнилась. Вмѣсто прежней тишины, наступила шумная торопливость. Слоны двигались свободно, поднимали хоботы, обливались водой, ложились въ нее, пили и съ шумнымъ движеніемъ наслаждались купаньемъ. Я долго смотрѣлъ на эту невиданную сцену. Мнѣ казалось, что слоны наполнили собою весь маленькій прудъ, и что они выпьютъ изъ него всю воду. Наконецъ, мнѣ пришла въ голову мысль спугнуть ихъ, и я отломилъ вѣтку съ ближайшаго ко мнѣ дерева. И только что я успѣлъ это сдѣлать, какъ, точно по волшебству, исчезло это видѣніе. Слоны шарахнулись и въ одно мгновенье всѣ исчезли въ лѣсу».

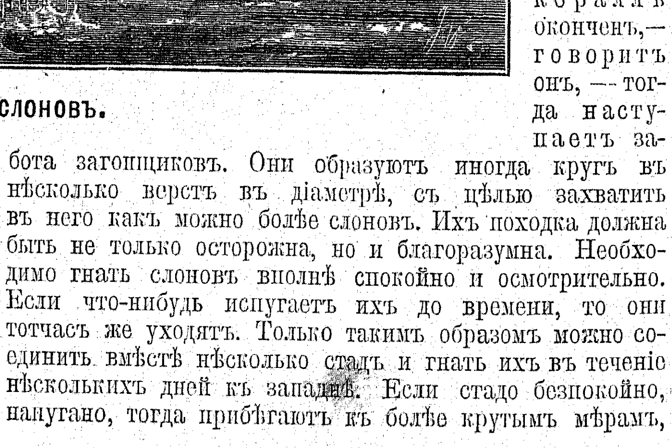

Семья азіатскихъ слоновъ.

Если въ этомъ разсказѣ нѣтъ преувеличенія и фантазіи, то онъ убѣдительно говоритъ о стадной организаціи слоновъ, объ ихъ умѣ, разсудительности и осторожности. Они, очевидно, способны къ общественному устройству. Они выполняютъ задуманный планъ съ осмо-

трительностью, твердой вѣрой и повиновеніемъ своему предводителю. На этотъ разъ ихъ предводителемъ была громадная, вѣроятно, старая, опытная самка. Но на этомъ мѣстѣ можетъ быть и опытный самецъ. Это безразлично, не въ этомъ сущность дѣла. Удивительно то, что эти нѣмыя, безсловесныя животныя могутъ приводить въ исполненіе довольно сложный стратегическій планъ и выдерживать извѣстную дисциплину. Совершаютъ ли они эти поступки сознательно, или безсознательно? На этотъ вопросъ мы находимъ, хотя неполный, отвѣтъ въ поимкѣ и прирученіи дикихъ слоновъ.

Въ Индіи устраиваютъ длинныя загороди, такъ называемые «кораллы», куда загоняютъ цѣлыя небольшія стада слоновъ. Загороди, разумѣется, дѣлаются изъ крѣпкихъ, толстыхъ столбовъ вышиною въ ростъ слона, расположенныхъ на разстояніи одного метра другъ отъ друга. Начинаясь широкимъ устьемъ или раструбомъ, ряды этихъ столбовъ постепенно сближаются, и, наконецъ, выходъ изъ коралла задѣлывается на-глухо бревнами и камнями. Первая и главная задача, это—загнать или заманить слоновъ въ такія загороди и при этомъ обмануть ихъ сообразительность. Входъ въ кораллъ настолько широкъ, что слоны не догадываются о зломъ умыслѣ этихъ, повидимому, невинныхъ загородокъ. Они безъ опасенія входятъ въ него и, только пройдя нѣкоторое разстояніе, останавливаются, догадываются о разставленой ловушкѣ, думаютъ, соображаютъ и затѣмъ повертываютъ назадъ и опрометью бросаются къ выходу. Но выхода нѣтъ, ловцы слоновъ заняли его. Множество народа, всегда жаднаго до всякихъ зрѣлищъ, съ шумомъ и гикомъ бросается на слоновъ. Они потрясаютъ зажженными факелами, угрожаютъ попавшимся въ ловушку слонамъ вилами и копьями, стрѣляютъ изъ ружей и пистолетовъ, такъ что несчастные слоны, въ испугѣ, снова бросаются въ роковой коридоръ и бѣгутъ, преслѣдуемые толпой. На бѣгу, они стараются сломать и разрушить загородку, но толстые, крѣпкіе столбы, врытые глубоко въ землю, не уступаютъ даже слоновьей силѣ. Они пытаются проскользнуть между ними, но вездѣ встрѣчаютъ крѣпкіе переплеты изъ ліанъ, также не поддающихся ихъ силѣ. Тогда въ отчаяньи они сами идутъ, идутъ, бѣгутъ впередъ и наконецъ останавливаются передъ крѣпкимъ заваломъ, который они не могутъ ни разобрать, ни разрушить. Но, я думаю, будетъ лучше привести объ этомъ слова очевидца.

Купанье слоновъ.

«Когда кораллъ оконченъ,— говоритъ онъ, — тогда наступаетъ работа загонщиковъ. Они образуютъ иногда кругъ въ нѣсколько верстъ въ діаметрѣ, съ цѣлью захватить въ него какъ можно болѣе слоновъ. Ихъ походка должна быть не только осторожна, но и благоразумна. Необходимо гнать слоновъ вполнѣ спокойно и осмотрительно. Если что-нибудь испугаетъ ихъ до времени, то они тотчасъ же уходятъ. Только такимъ образомъ можно соединить вмѣстѣ нѣсколько стадъ и гнать ихъ въ теченіе нѣсколькихъ дней къ западнѣ. Если стадо безпокойно, напугано, тогда прибѣгаютъ къ болѣе крутымъ мѣрамъ,

тогда вокругъ всѣхъ слоновъ раскладываютъ и зажигаютъ костры на разстояніи десяти шаговъ одинъ отъ другого. Загонщики, которыхъ число бываетъ отъ двухъ до пяти тысячъ, строго сохраняютъ свои посты. Малѣйшая ошибка въ этомъ случаѣ можетъ испортить все дѣло и уничтожить старанія и труды нѣсколькихъ недѣль.

«Около насъ немного въ сторонѣ, въ тѣни стояло небольшое стадо домашнихъ слоновъ, принадлежащихъ разнымъ храмамъ и раджамъ. Эти слоны должны были помогать ловлѣ дикихъ слоновъ. Три стада въ 40 или 50 слоновъ стояли спрятанными въ джонгляхъ (камышахъ). Все совершалось въ глубокой тишинѣ, всякій шумъ былъ запрещенъ, говорили шопотомъ. Но вотъ поданъ былъ сигналъ, и безмолвіе было разомъ нарушено. Раздались неистовые крики, громъ барабановъ, оглушительные выстрѣлы и слоны побѣжали. Послышался шумъ и топотъ бѣгущихъ животныхъ... и вотъ они!.. Цѣлое огромное стадо! Вожакъ впереди. Онъ вдругъ остановился, задумался на минуту и затѣмъ, наклонивъ голову, опрометью бросился въ загородку. Все стадо побѣжало за нимъ.

«Они подбѣгаютъ къ выходу, и цѣлая стѣна бревенъ и камней встаетъ передъ ними. Они круто поворачиваются назадъ, бѣгутъ къ входу, но входъ также закрытъ. Болѣе часу слоны бѣгаютъ, какъ безумные, внутри загородей. Они стараются сломать загородки, разрушить завалы. При каждой неудачной попыткѣ они поднимаютъ хоботы и громко, долго мычать. Наконецъ ихъ попытки становятся слабѣе и рѣже. Они устали. Силы ихъ истощены. Нѣкоторые, болѣе безпокойные продолжаютъ еще бѣгать и метаться. Наконецъ и они успокаиваются. Ночь подходитъ къ концу. Множество дѣтей, вооруженныхъ длинными палками, загонщики и народъ, измученный безсонною ночью, толпятся около угасающихъ и курящихся костровъ.

«Изъ цѣлаго стада только девять слоновъ зашли внутрь коралла.

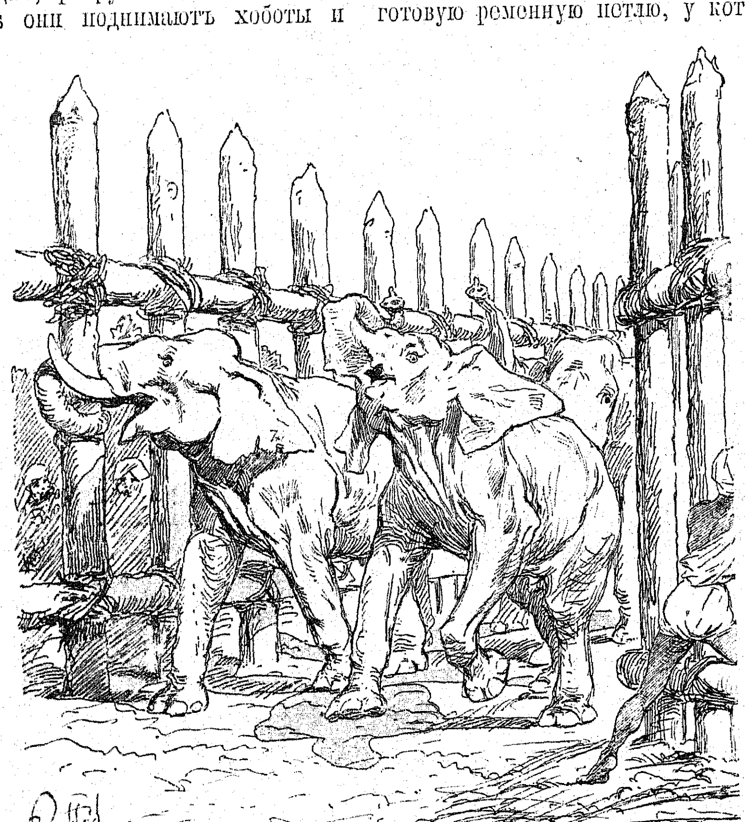
«Тогда впускаютъ въ коралль домашнихъ слоновъ. Заваленный входъ осторожно разбираютъ, и два громадныхъ слона спокойно и торжественно вступаютъ въ коралль. На каждомъ сидятъ его «корнакъ» и его помощникъ, и на каждомъ слонѣ надѣтъ толстый хомутъ, къ которому привязаны вырѣзанныя изъ крѣпкой кожи антилоны — глухія петли. Сзади этихъ слоновъ прячется и входитъ вмѣстѣ съ ними въ коралль начальникъ всѣхъ ловцовъ слоновъ. Это маленькій сѣдой старичекъ, которому уже 70 лѣтъ, но онъ бодръ, боекъ и ловокъ, какъ юноша. За нимъ скрывается и слѣдуетъ его сынъ, также извѣстный слоновій ловецъ.

Голова азіатскаго слона.

«Изъ двухъ домашнихъ старыхъ слоновъ, которые были впущены въ коралль, одинъ былъ очень старъ, а другому (котораго звали Сирибедди), было около 50 лѣтъ. Онъ былъ замѣчательно уменъ и кротокъ. Слоны идутъ тихо, безъ шума и совершено равнодушно. По дорогѣ они щиплютъ траву или подбираютъ упавшіе листья и наконецъ подходятъ къ плѣннымъ слонамъ. Эти слоны идутъ къ нимъ на встрѣчу, и ихъ вожакъ, погладивъ хоботомъ подошедшаго слона, обращается къ своимъ товарищамъ. Сирибедди слѣдуетъ за нимъ, а старый ловецъ слоновъ проскальзываетъ около ногъ Сирибедди и неслышно опутываетъ ногу дикаго слона. Почувствовавъ что-то недоброе, этотъ слонъ пускаетъ въ ходъ свой хоботъ, но Сирибедди не даетъ ему схватить старика. Слонъ только слегка ранилъ его, и онъ оставилъ коралль и предоставилъ заботу объ окончательномъ привязываньѣ слона своему сыну Рангани.

«Затѣмъ всѣ попавшіеся слоны встали въ кружокъ, головами къ центру. Два домашнихъ слона смѣло вошли въ середину этого круга и встали по сторонамъ самаго большого слона (самца). Онъ не сопротивлялся имъ и только стоялъ, безпокойно поднимая то ту, то другую ногу кверху. Въ это время подошелъ Рангани, держа готовую ременную петлю, у которой одинъ конецъ былъ привязанъ къ хомуту Сирибедди. Улучивъ удобную минуту, Рангани надѣлъ петлю на одну изъ заднихъ ногъ слона, затянулъ ее и убѣжалъ. Тогда Сирибедди вытянулъ ремень во всю его длину. Такимъ образомъ удалось отдѣлить плѣнника отъ другихъ загнанныхъ слоновъ, и тогда его товарищъ всталъ между ними и другими плѣнниками съ цѣлью защитить его отъ всякихъ нападеній.

«Теперь задача состояла въ томъ, чтобы привязать слона къ дереву. Но для этого необходимо было протащить его сажень десять, чего, разумѣется, нельзя было сдѣлать безъ сопротивленія съ его стороны. Онъ рычалъ, топталъ ногами маленькія деревья и кусты и ломалъ ихъ, какъ тростинки. Но все-таки Рангани удалось обернуть канатъ вокругъ дерева. Необходимо было обернуть нѣсколько разъ и постоянно держать его въ натянутомъ положеніи. Это, казалось, было совершенно невозможно. Но

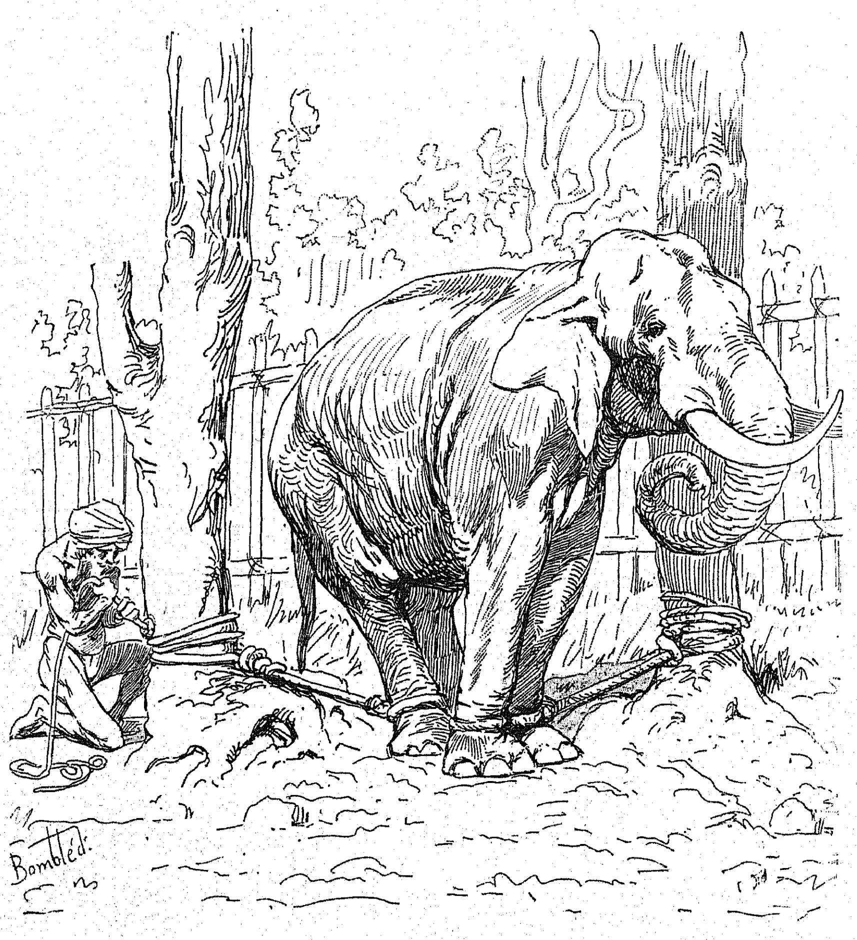
Загонъ слоновъ въ коралль.

тогда на помощь Рангани явился одинъ изъ ручныхъ слоновъ. Онъ оттолкнулъ слона назадъ, отчего канатъ ослабѣлъ, такъ что Рангани могъ обернуть его нѣсколько разъ вокругъ дерева. И этого мало. Другая нога слона была также обернута канатомъ и привязана къ дереву. Наконецъ, тѣ же два помощника — домашніе слоны помогли Рангани опутать двѣ переднихъ ноги пойманнаго слона, которыя и были привязаны къ другому дереву. Слонъ былъ окончательно пойманъ. Все время, пока около него стояли домашніе слоны, онъ оставался покоенъ. Но какъ только они отошли отъ него и онъ почувствовалъ и понялъ, что онъ привязанъ, тогда ярости его не было предѣловъ. Сперва онъ пытался посредствомъ хобота развязать веревки. Затѣмъ старался порвать свои путы. Онъ дергалъ такъ сильно передними и задними ногами, что дрожали всѣ листья деревьевъ, къ которымъ онъ былъ привязанъ. Онъ ревѣлъ, поднявъ хоботъ кверху, ложился на землю, давилъ и приминалъ ее подъ собой, какъ будто желалъ провалиться сквозь нее. Затѣмъ снова поднимался и начиналъ рваться и метаться. Но, наконецъ, усталость взяла свое. Слонъ потерялъ всякую надежду освободиться. Онъ понурилъ голову и стоялъ покорный, неподвижный, печальный, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, всей кожей.

«Когда всѣ загнанные слоны были такимъ образомъ привязаны къ деревьямъ, тогда раздались нѣжные звуки флейты, произошло нѣчто необычайное. Всѣ старые слоны насторожили уши и начали слушать эту музыку. Она производила на нихъ, очевидно, умиротворяющее и укрощающее дѣйствіе. Только молодые слоны продолжали биться и мычать. Они поднимали вокругъ себя облака пыли и хватали все, до чего могли достать своими длинными хоботами.»

Дикій слонъ между двумя ручными.

Побѣда надъ слономъ.

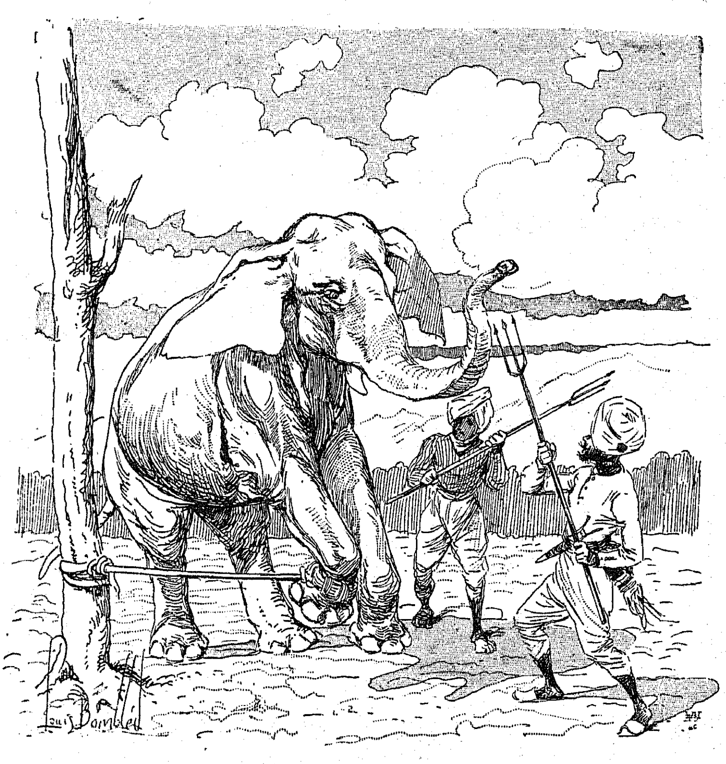
Благоразуміе, спокойствіе и понятливость, съ которыми слоны переносятъ свое рабство, необыкновенны и удивительны. Въ особенности удивительно то достоинство, съ которымъ они подчиняются человѣку. Когда они попадаютъ въ кораллъ, то ихъ равнодушіе и покорность бываютъ изумительны. Сначала они, разумѣется, употребляютъ всю силу и всѣ уловки, чтобы бороться; когда же увидятъ, наконецъ, что всѣ ихъ усилія напрасны, тогда съ печалью покоряются судьбѣ. Ихъ видъ внушаетъ невольную жалость. Кажется, каждый слонъ, смотря на васъ, говоритъ своими умными и добрыми маленькими глазами: «Я не трогалъ васъ, зачѣмъ же вы лишили меня лучшаго блага каждаго существа, зачѣмъ вы лишили меня свободы, лишили возможности свободно гулять по лугамъ и лѣсамъ, купаться во всякой водѣ, наслаждаться вполнѣ благами природы и моей воли».

Черезъ три дня пойманный слонъ начинаетъ ѣсть. Здѣсь пользуются его пристрастіемъ къ сладкимъ лакомствамъ и угощаютъ его сахарнымъ тростникомъ или другой сладкой пищей. Слонъ ѣстъ съ жадностью все сладкое. Съ нимъ обращаются кротко, съ ласкою, и мало-по-малу онъ привыкаетъ къ людямъ. Теперь начинается его дрессировка съ такими же жестокими, варварскими пріемами, какъ и дрессировка всякаго дикаго звѣря, какъ дрессировка медвѣдя на раскаленной плитѣ или собаки съ помощью парфорса. Тогда дрессировщики вооружаются острыми вилами со стрѣлообразными концами и подступаютъ къ слону, еще привязанному къ дереву за одну переднюю ногу. Слонъ рвется и старается ударить своимъ сильнымъ хоботомъ враговъ своихъ, но каждый ударъ его попадаетъ на острый зубецъ вилъ и ранитъ его хоботъ—этотъ нѣжный и чувствительный органъ. Кровь течетъ изъ его ранъ, и онъ

изнуренный болью уступаетъ своимъ противникамъ. Уколы вилы остаются ему памятны на всю жизнь, и достаточно поднять передъ его глазами пику, копье или даже простую палку, чтобы онъ тотчасъ же смирился и опустилъ свой хоботъ. Такой результатъ достигается однако не скоро: только къ концу трехъ мѣсяцевъ можно считать дикаго слона достаточно укрощеннымъ животнымъ. Во все это время домашніе слоны, при помощи которыхъ онъ былъ пойманъ, продолжаютъ жить вмѣстѣ съ нимъ и укрощать его дикіе порывы. Въ прочности такой дрессировки, впрочемъ, нельзя вполнѣ быть увѣреннымъ. Нерѣдко, среди горячаго тропическаго лѣта на прирученнаго слона нападаютъ припадки неукротимаго бѣшенства и злобы.

Никогда не должно слишкомъ рано заставлять работать прирученнаго слона. Случается иногда, что такой слонъ, нагруженный какой-нибудь тяжестью, не можетъ подняться на ноги и скоропостижно умираетъ тутъ же на мѣстѣ, «отъ разрыва сердца», какъ увѣряютъ туземцы.

Это сердце очень чувствительно. Слонъ не переноситъ грубаго обращенія съ нимъ. Онъ вполнѣ понимаетъ и угрозу, и ласку. Воспитатель и вожакъ его (корнакъ или махудъ) живетъ вмѣстѣ съ нимъ. Онъ ставитъ свою палатку подлѣ слона, и вся семья его ухаживаетъ за нимъ, какъ арабъ за своимъ конемъ. Когда эта семья жаритъ лепешку на огнѣ, то слонъ терпѣливо стоитъ и ждетъ своей доли въ этомъ семейномъ кушаньѣ. Женщины и дѣти ласкаютъ его, и онъ отвѣчаетъ на эту ласку глухимъ, довольнымъ урчаніемъ. Онъ нѣжно беретъ ребенка своимъ хоботомъ и осторожно сажаетъ его себѣ на спину или на шею.

Дрессировка.

При чтеніи этихъ разсказовъ путешественниковъ или туземцевъ о нравахъ и поступкахъ слоновъ, въ представленіи моемъ невольно встаетъ образъ этого гиганта тропическихъ лѣсовъ — умнаго, добраго и кроткаго, избѣгающаго и уклоняющагося отъ всякихъ нападеній, ссоръ и дракъ, мирно живущаго своей стадной, общественной жизнью и мирно доживающаго до глубокой старости (до 150 или 200 лѣтъ). На меня въ особенности производитъ грустное впечатлѣніе сцена поимки слоновъ въ кораллѣ:—именно та минута, когда они, измученные попытками вырваться на свободу, въ отчаяньи теряютъ всякую надежду, собираются въ серединѣ коралла и грустно стоятъ, опустивъ головы. Какая мучительная дума сжимаетъ въ это время эти головы, и не чувствуютъ ли они тогда, что накинута уже крѣпкая петля на ихъ свободу!? Тутъ же вмѣстѣ съ ними стоятъ и ихъ предатели, домашніе слоны. И не чувствуютъ они, всѣ эти жертвы ихъ предательства, никакой злобы и ненависти къ своимъ вѣроломнымъ сотоварищамъ, а эти сотоварищи можетъ быть втайнѣ радуются, что имъ удалось присоединить къ ихъ стаду еще нѣсколько слоновъ. Очевидно, здѣсь инстинктъ общественности, стадности, преобладаетъ надъ всякимъ другимъ чувствомъ, даже надъ привязанностью къ свободѣ и независимости.

Человѣкъ стоитъ въ разрѣзъ съ этой общественностью. Общественность людей далека отъ общественности слоновъ или какихъ бы то ни было животныхъ. У людей нѣтъ того стаднаго инстинктивнаго чувства, которое собираетъ въ табуны лошадей или въ огромные стада въ 100-200 головъ—слоновъ. Общество людей всегда держится на какомъ-нибудь внѣшнемъ соединяющемъ его принципѣ, оттого и связь между его членами не прочна, оттого каждый членъ такого общества живетъ по принужденію и считаетъ свою семью ближе семьи общественной. Никогда, никто въ такомъ обществѣ не любилъ еще брата своего, какъ самого себя... У слоновъ эта привязанность совершенно безсознательная, инстинктивная, и вотъ почему узы ея прочны и крѣпки.

Каждое движеніе, малѣйшій крикъ слона, тотчасъ же возбуждаетъ вниманіе всего стада. Всѣ слоны поднимаютъ хоботы и отвѣчаютъ громкимъ, сочувственнымъ крикомъ. Если крикъ вызванъ нападеніемъ какого-нибудь звѣря, то все стадо бросается спасать своего собрата отъ непріятеля. Иногда слонъ проваливается въ какую-нибудь рытвину или яму. И тотчасъ же старый, опытный слонъ принимается вытаскивать его, какъ маленькаго. Оба они зацѣпляются закрученными хоботами, и старый слонъ съ большимъ усиліемъ вытягиваетъ своего собрата изъ ямы.

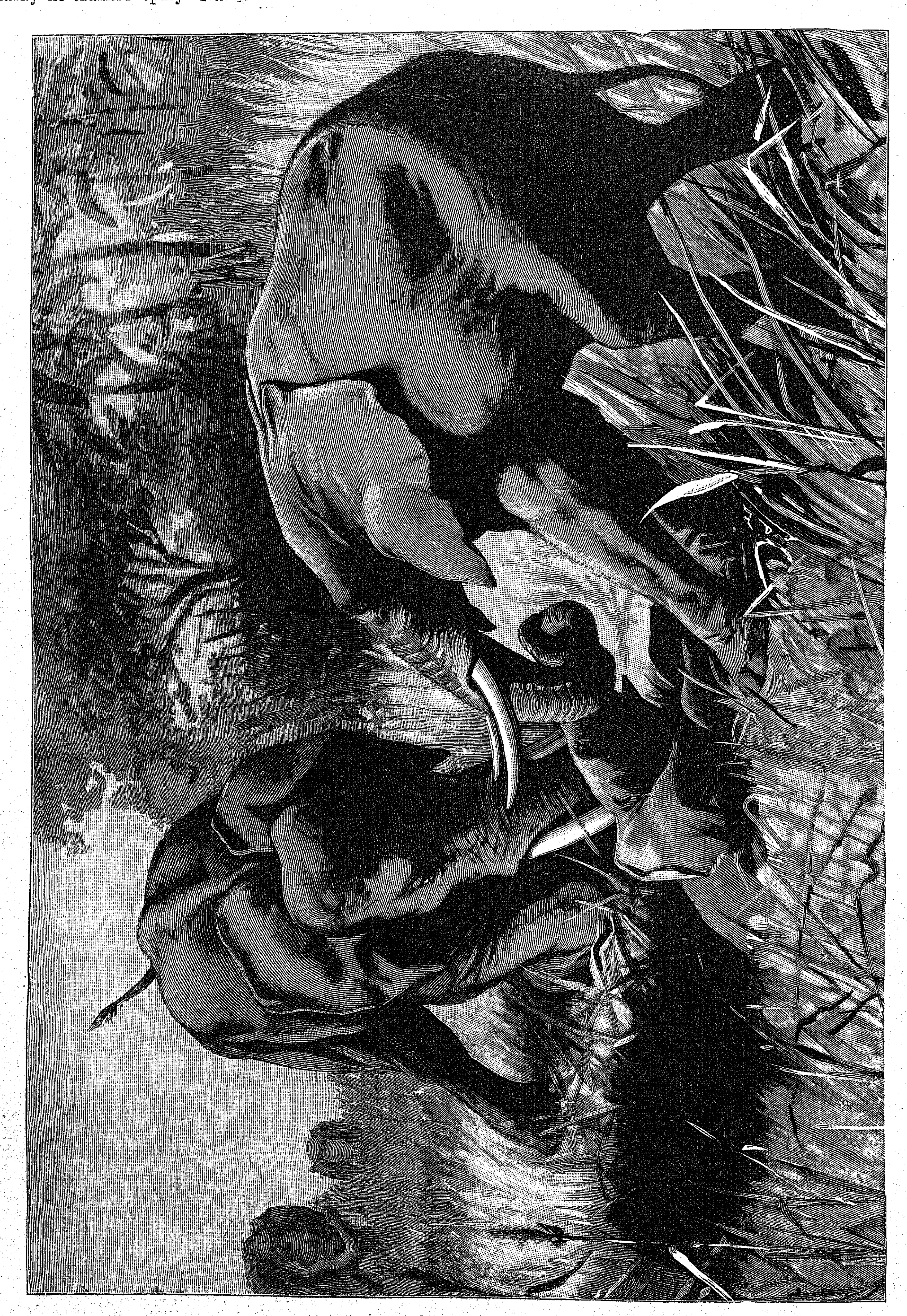
Проф. Н. П. Вагнеръ. Картины изъ жизни животныхъ.

Какъ-то странно сопоставить эти разсказы съ поступками человѣка относительно слоновъ, притомъ человѣка интеллигентнаго изъ образованной, передовой націи. Вотъ что разсказываетъ извѣстный англійскій натуралистъ Гордонъ Кёмнингъ:

«31 августа, — говоритъ онъ, — я увидѣлъ самаго большого и красиваго слона, подобнаго которому я никогда, во всю жизнь мою, не встрѣчалъ. Онъ былъ приблизительно въ полутораста шагахъ отъ меня и стоялъ ко мнѣ бокомъ. Я нацѣлилъ ему въ плечо и выстрѣлилъ. Съ этого удара онъ тотчасъ же упалъ. Пуля ударила ему въ лопатку, и всѣ движенія его были парализованы. Я нѣсколько времени смотрѣлъ и любовался на это красивое животное, лежавшее передо мной на землѣ, затѣмъ я рѣшился сдѣлать нѣсколько наблюденій надъ болѣе чувствительными мѣстами его организма. Я подошелъ къ нему на нѣсколько шаговъ и сталъ стрѣлять въ него. При каждомъ выстрѣлѣ животное нагибало голову и тихонько ощупывало хоботомъ раненое мѣсто. Я былъ пораженъ. Изъ жалости я хотѣлъ скорѣе докончить животное. Я всадилъ въ него шесть пуль позади плеча. Каждый ударъ долженъ быть смертельнымъ, но онъ производилъ очень слабый эффектъ. Тогда я послалъ въ одно и то же мѣсто полный зарядъ изъ небольшой шести-фунтовой голландской пушки. Обильныя слезы потекли изъ глазъ слона. Онъ нѣсколько разъ открылъ и закрылъ вѣки, слабыя конвульсіи пробѣжали по всему его тѣлу. Онъ тихо наклонился на одну сторону и умеръ»...

Этотъ разсказъ если и справедливъ, то по всѣмъ вѣроятіямъ сильно преувеличенъ, но онъ хорошо обрисо-

ываетъ чувство охотника къ такому великодушному и доброму животному, каковъ слонъ. Никакой ударъ въ лопатку не свалитъ сразу этого гиганта и никакой слонъ

Слоны вытаскиваютъ слоненка изъ ямы.

не отдастъ себя на жертву съ такой покорностью и индиферентизмомъ.

Охота на слоновъ, хотя и представляется въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ опасною, но вообще она скорѣе напоминаетъ безжалостную бойню, какъ и всѣ охоты за стадными животными. Принцы и владѣтельныя особы въ Индіи очень часто угощаютъ своихъ сосѣдей или знакомыхъ такой охотой, или, правильнѣе говоря, бой-

ней, которая въ сущности не представляетъ ни выгоды, ни опасности. Возсѣдая высоко на эстрадахъ, стрѣлки въ такихъ охотахъ мѣтятъ и стрѣляютъ навѣрняка въ цѣлый рядъ слоновъ, которыхъ гонятъ мимо нихъ загонщики. Нерѣдко ихъ прогоняютъ въ изгородяхъ, напоминающихъ коралы.

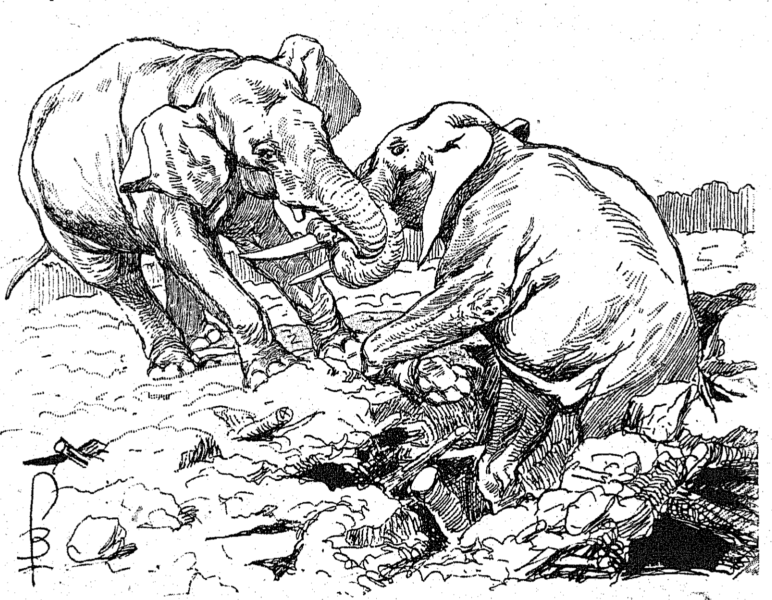
«Охота на слоновъ,—говоритъ Брэмъ,—менѣе опасна для одиночнаго охотника, чѣмъ обыкновенно это себѣ воображаютъ. Правда, одинокій слонъ можетъ броситься на своего непріятеля и раздавить его подъ ногами, но три четверти охотниковъ, которые подвергались этой опасности, спаслись благополучнѣйшимъ образомъ. Врожденная робость и кротость слона часто берутъ верхъ надъ его гнѣвомъ. Разсказываютъ, что одинъ слонъ *), преслѣдуя индѣйца, взбѣжалъ за нимъ въ городъ, и, догнавъ его на базарной площади, растопталъ его ногами въ виду всѣхъ людей. Но такой разсказъ представляетъ исключительный случай и, по всѣмъ вѣроятіямъ, относится къ одному изъ тѣхъ злыхъ, ненормальныхъ слоновъ, которыхъ въ Индіи зовутъ *рогами*».

Этихъ злыхъ слоновъ по справедливости боятся индѣйцы. Я приведу здѣсь разсказъ объ этихъ слонахъ, помѣщенный капитаномъ Ругседжемъ въ отчетѣ объ его экспедиціи, напечатанный въ *Бомбейской* газетѣ:

«24 сентября, въ полночь, я получилъ извѣщеніе, что два слона необыкновенной величины опустошаютъ окрестныя деревни. Не теряя времени, я тотчасъ же послалъ всѣхъ моихъ людей и всѣхъ домашнихъ слоновъ на мѣсто происшествія. Утромъ 25-го я узналъ, что необычайная величина этихъ двухъ слоновъ и ихъ дикость не дозволяли овладѣть ими, несмотря на всѣ усилія. Они ушли въ большія плантаціи сахарнаго тростника. Я тотчасъ же отправился туда съ моей артиллеріей. Но прежде чѣмъ употребить ее въ дѣло, я желалъ испытать всѣ средства, чтобы овладѣть слонами живыми. Для этого я собралъ людей изъ окрестныхъ деревень и приказалъ имъ вырыть двѣ глубокія ямы. Когда онѣ были вырыты, тогда мы всѣ общимъ соборомъ погнали къ нимъ слоновъ. Къ сожалѣнію одна изъ этихъ ямъ была не достаточно глубока, такъ что слонъ, упавшій въ нее, почти тотчасъ же вылѣзъ и помогъ выбраться изъ нея и своему товарищу. Въ четыре часа утра оба слона бросились на моихъ людей и обратили ихъ въ бѣгство. Они преслѣдовали ихъ около трехъ миль и наконецъ ворвались въ одну деревню. Тамъ они разорвали на куски одного изъ жителей, ранили двухъ женщинъ и раздавили одного ребенка. Тогда я двинулъ къ этой деревушкѣ баттарею изъ четырехъ пушекъ и сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ ядрами и картечью. Одинъ изъ слоновъ упалъ, пораженный ядромъ. Но почти тотчасъ же поднялся, и оба напали на нашу баттарею и только храбрость нашихъ артиллеристовъ могла спасти отъ гибели наши пушки. Хотя кровь ручьями лилась изъ полученныхъ ими ранъ, тѣмъ не менѣе слоны побѣжали съ страшной быстротой къ одному мѣстечку, преслѣдуемые нашими артиллеристами и слонами. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ нападеній съ ихъ стороны на наши пушки, они были убиты».

Къ этому описанію я прибавлю еще одинъ разсказъ изъ путешествія майора Фёбса на Цейлонъ.

«Слоны,—разсказываетъ онъ,—шли прямо на насъ своей тяжелой походкой и страшнымъ шумомъ. Я былъ въ сильномъ возбужденіи. Сердце нестерпимо билось, и удары пульса сливались съ тиканьемъ моихъ карманныхъ часовъ. Въ это время подбѣжали къ намъ наши развѣдчики. Крики людей и бой барабановъ (тамъ-тамъ) раздавались въ воздухѣ. Джонгли, бывшіе прямо противъ насъ, вдругъ какъ будто поднялись, и не прошло двухъ секундъ, какъ изъ нихъ выскочили два вожака слоновыхъ стадъ. Они бѣжали прямо на насъ. Я выстрѣлилъ въ того, который былъ ближе ко мнѣ, не болѣе какъ въ десяти шагахъ. Онъ остановился и, казалось, хотѣлъ идти на насъ, но повернулся и быстро побѣжалъ въ горы. За этими двумя вожаками побѣжали и оба стада... Въ это время одинъ изъ туземцевъ прибѣжалъ впопыхахъ и кричалъ намъ ломанымъ англійскимъ языкомъ: «Съ однимъ джентльмэномъ сдѣлалось дурно». Я думалъ, что съ однимъ изъ нашихъ охотниковъ случился солнечный ударъ, и продолжалъ охоту. Въ это время при наступившей тишинѣ я ясно разслышалъ голосъ полковника Э., который кричалъ, что М. Н. былъ придавленъ слономъ. При этомъ извѣстіи, мы всѣ побѣжали на мѣсто происшествія, и хотя нашли М. Н. успокоившимся, но съ явственными слѣдами схватки съ слономъ. Съ его руки и шеи была содрана кожа, и, что всего хуже, онъ, вѣроятно, имѣлъ какое-нибудь внутреннее поврежденіе, такъ какъ слонъ придавилъ его къ землѣ всею тяжестью своей головы. Несчастнаго положили на носилки и понесли въ ближайшую деревушку».

Слонъ помогаетъ своему товарищу вылѣзть изъ ямы.

По всѣмъ вѣроятіямъ, умъ слона и его понятливость доставили ему почетное мѣсто въ религіозныхъ вѣрованіяхъ индусовъ. Они вѣрятъ въ существованіе *Ганесу* или *Ганапати—бога науки* и представляютъ этого бога въ видѣ тучнаго, сидящаго по восточному, человѣка съ головой слона. Богъ этотъ былъ сынъ Сивы и Парвати, или одного только Паравати. Онъ имѣетъ власть устранять препятствія изъ области умственной. Онъ всегда изображается только съ однимъ клыкомъ. По сказаніямъ сѣвернаго Индостана, онъ потерялъ этотъ зубъ въ борьбѣ съ Парану-Рама въ то время, когда этотъ богъ пытался войти во дворецъ, гдѣ спала Сива. По южной легендѣ Ганесу самъ вырвалъ одинъ изъ своихъ зубовъ, чтобы имъ, какъ стилетомъ, написать Магабарату подъ диктовку Брамы. Слоновая голова этого бога также имѣетъ нѣсколько различныхъ толкованій. По одной версіи Паравати слишкомъ возгордился тѣмъ, что онъ произвелъ Ганеса, чѣмъ навлекъ на себя гнѣвъ бога Сани, который обратилъ его въ пепелъ. Брама воскресилъ его, но для полноты воскресшаго бога недоставало головы. Тогда Брама приставилъ ему первую попавшуюся голову, и это

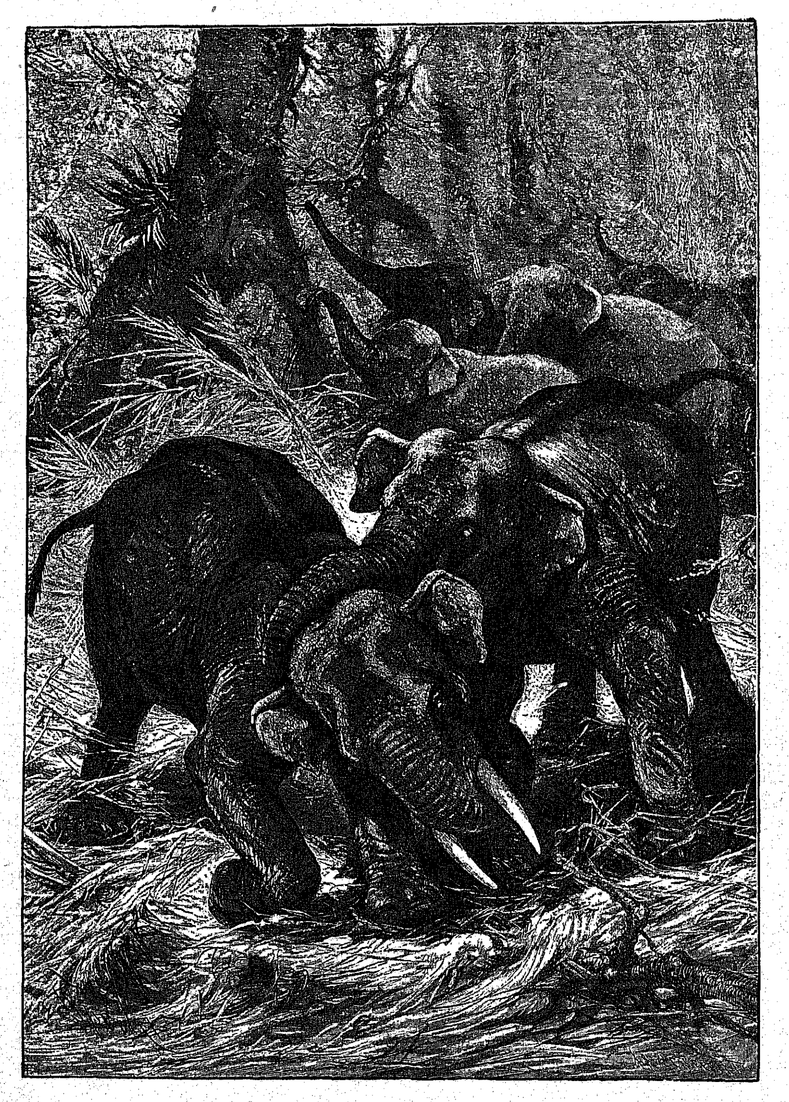
*(Такіе слоны по большей части самцы, которыхъ мучитъ лѣтній жаръ крови.

была голова слона. Другая легенда разсказываетъ, что самъ Сива отрубилъ голову своему сыну Ганесу, такъ какъ этотъ сынъ не допустилъ его войти въ ту залу, гдѣ Паравати купалась въ бассейнѣ. Тронутый слезными мольбами своей жены, Сива, раскаявшись, захотѣлъ возвратить жизнь своему обезглавленному сыну, но случай подсунулъ ему, вмѣсто головы человѣка, голову слона, которую онъ и приставилъ къ Ганесу.

Злые слоны. Бой.

Слонъ вообще играетъ мистическую роль въ вѣрованіяхъ индусовъ, и въ особенности они считаютъ священнымъ бѣлаго слона и воздаютъ ему почти божескія почести. Собственно говоря, этотъ слонъ никакъ не можетъ быть названъ бѣлымъ, а свѣтло-сѣрымъ. Въ высшихъ классахъ Индіи это вѣрованіе и почитаніе бѣлыхъ слоновъ нѣсколько поколеблено, но народъ относится къ этимъ слонамъ съ такимъ же глубокимъ суевѣріемъ, какъ и прежде.

Во всякомъ случаѣ это не есть особенная раса, а только альбинизмъ, который свойственъ многимъ животнымъ. Какъ скоро какой-нибудь индѣецъ откроетъ такого бѣлаго слона, то онъ тотчасъ же оповѣщаетъ и собираетъ весь трибутъ, всѣ окрестныя селенія, и цѣлымъ племенемъ всѣ нападаютъ на этого альбиноса и стараются имъ овладѣть, причемъ многіе теряютъ руки, ноги и даже самую жизнь. Когда овладѣютъ слономъ, то его ставятъ на особенную барку, роскошно украшенную, и цѣлая толпа рабовъ и почитателей кланяется ему въ ноги и прислуживаетъ ему. Мандарины Бангкока въ царскихъ лодкахъ выѣзжаютъ ему навстрѣчу и предлагаютъ ему царскіе подарки. Религія ихъ учитъ, что душа Будды переселяется въ тѣла бѣлыхъ птицъ, бѣлыхъ

Злые слоны. Схватка.

обезьянъ и бѣлыхъ слоновъ. Этимъ послѣднимъ воздаются особенныя почести сообразно величинѣ ихъ массивнаго тѣла.

Извѣстный кругосвѣтный путешественникъ Бовуаръ, сопровождавшій герцога Пентіеврскаго, удостоился видѣть такого бѣлаго слона. Вотъ какъ онъ разсказываетъ объ этомъ свиданіи:

«На порогѣ храма - конюшни, пятнадцать сопровождавшихъ насъ мандариновъ совершили земной поклонъ, и мы вошли въ храмъ, снявъ шляпы, и также отвѣсили ему низкій поклонъ. Но каково же было наше удивленіе! Бѣлый слонъ оказался не бѣлымъ, а сѣрымъ. Зато онъ былъ украшенъ золотыми браслетами, золотымъ ожерельемъ, амулетами и разными драгоцѣнностями. Ему подаютъ кушанья на громадныхъ серебряныхъ блюдахъ, украшенныхъ рѣзной работой, а вода, назначенная для его питья, хранится въ великолѣпныхъ серебряныхъ амфорахъ. Подойдя къ слону, мы разсмотрѣли, что кожа его отличается отъ кожи обыкновенныхъ сѣрыхъ слоновъ, что у нея бѣлесоватый оттѣнокъ, и глаза его совершенно бѣлы.

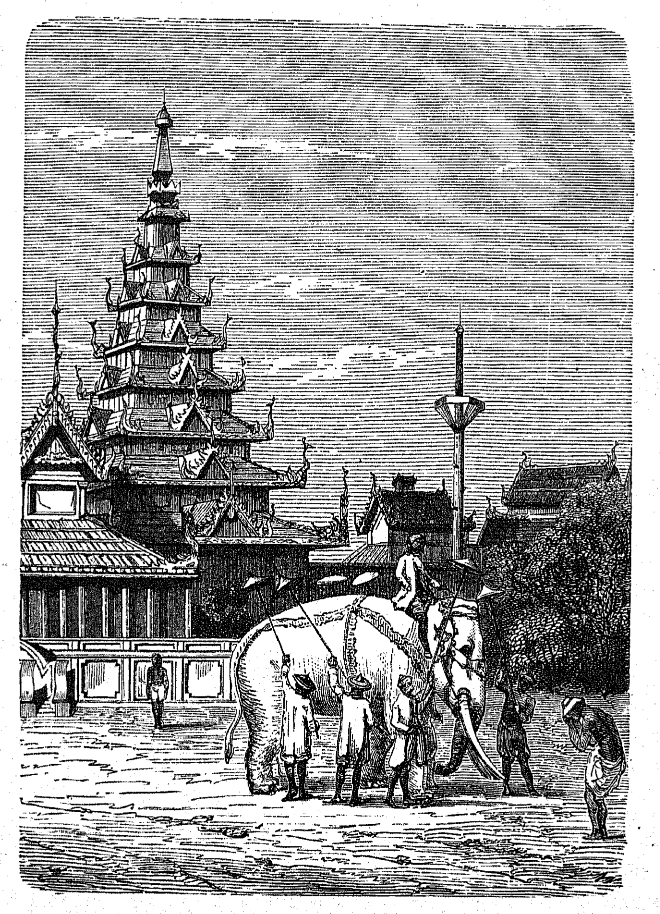
«Между тѣмъ священный слонъ, въ восторгѣ отъ цѣлой охапки свѣжей травы, которую мы поднесли ему на золотомъ блюдѣ, топоталъ и переминался на трехъ ногахъ, которыя были свободны, тогда какъ четвертая была на цѣпи. Мнѣ казалось, что если бы онъ не былъ на цѣпи, то онъ съ большимъ бы удовольствіемъ убѣжалъ въ свои родные джонгли, на свободу лѣсовъ, къ своимъ дикимъ товарищамъ, убѣжалъ бы отъ всѣхъ окружавшихъ его почестей и лакомствъ.

«Мы пробыли болѣе получаса въ этомъ храмѣ, осматривая разныя священныя, церемоніальныя украшенія, ко-

торыя висѣли, какъ сбруя, на мраморныхъ стѣнахъ храма. Тамъ была маленькая скамеечка въ видѣ золоченой колоколенки, серьги и кольца, которыя представляли бы удивительный эффектъ, если бы были надѣты на слона въ дополненіе къ тому, что уже висѣло на немъ. Должно сказать, что святой слонъ былъ еще въ утреннемъ дезабилье... Каковъ же былъ его полный туалетъ?

«Мы не хотѣли уходить, не получивъ на память трехъ волосковъ отъ бѣлаго слона. Главный его прислужникъ очень ловко выдернулъ эти волоски изъ нижней губы слона, и мы, получивъ ихъ, отправились»...

Въ Сіамѣ украшенія царскихъ слоновъ достигаютъ неслыханной роскоши. Индѣйскіе раджи, находящіеся подъ владычествомъ англійской королевы, употребляютъ всѣ средства, чтобы достичь до этой роскоши, и не могутъ. Сіамскій король остается въ понятіяхъ индусовъ по прежнему «владыкой міра». Толстѣйшія шеи его громадныхъ слоновъ несутъ золотыя ожерелья, украшенныя драгоцѣнными камнями. Въ ушахъ его громадныя кольца, также убранныя драгоцѣнными камнями или пучками изъ жемчуга. Чепраки такихъ слоновъ покрываютъ ихъ спины и спускаются чуть не до земли,—чепраки изъ дорогихъ индѣйскихъ тканей, вышитыхъ серебромъ и золотомъ. Гудахъ (бесѣдка) сдѣланъ изъ драгоцѣннаго дерева и отдѣланъ инкрустаціями изъ перламутра, рубиновъ, изумрудовъ и брильянтовъ.

Бѣлый слонъ въ Индіи.

Въ 1881 году король сіамскій казнилъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, казнилъ весь штатъ бѣлаго слона, который къ счастью или къ несчастью умеръ.

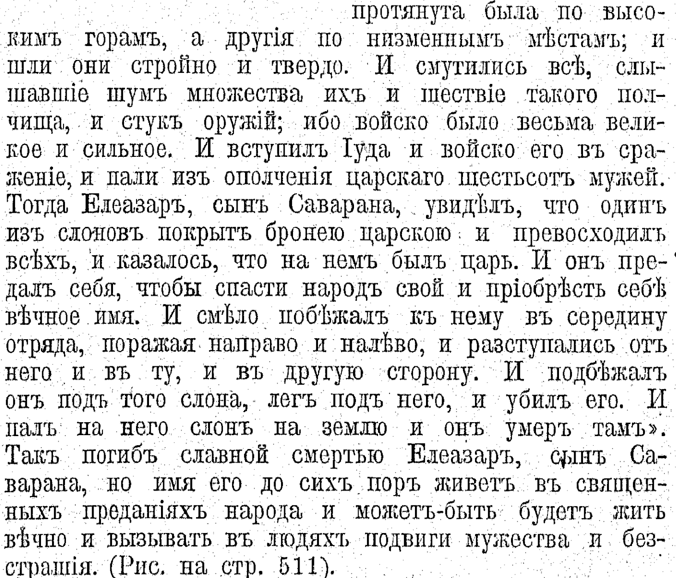
Каждый индусъ, имѣющій слона, наканунѣ праздничныхъ дней разрисовываетъ его хоботъ разными символическими фигурами бѣлой, синей и красной краской. Богатые классы Индіи, ея принцы и раджи украшаютъ своихъ слоновъ роскошными драгоцѣнностями. Кромѣ дорогихъ матерій, которыми украшена «бесѣдка» (гудахъ) на слонѣ, на его шею надѣваютъ дорогое ожерелье изъ сапфировъ, рубиновъ и брильянтовъ. Такія украшенія иногда стоятъ болѣе милліона рублей.

Слоны имѣютъ свою исторію. Мы видѣли начало ея, скрытое въ глубокихъ тайникахъ доисторическихъ временъ, въ грубыхъ, но величавыхъ переворотахъ ледниковой эпохи; дальнѣйшее теченіе этой исторіи выплываетъ на югѣ азіатскаго и на сѣверѣ африканскаго материковъ. Слоны были всегда стадными животными, и человѣкъ пользовался ими, какъ стадной силой. Изъ нихъ составлялись цѣлые полки. На ихъ спинахъ и шеяхъ располагались солдаты, и такія войска дѣйствовали, какъ наша, такъ называемая, тяжелая кавалерія. Тамъ, гдѣ необходимо было сломить стройные и стойкіе ряды непріятеля, туда посылали слоновое войско, которое съ шумомъ и громомъ неслось на непріятеля, и онъ, испуганный этими колоссальными гигантами, бросалъ оружіе и бѣжалъ безъ оглядки.

Припомнимъ, что то время, когда играли въ жизни народовъ эти войска гигантовъ, было вообще время необычайныхъ, колоссальныхъ дѣлъ, время необыкновеннаго подъема духа. Тогда все дѣлалось въ иномъ, громадномъ масштабѣ, и слоны были на своемъ мѣстѣ. Величіе тогда было въ размѣрахъ, въ необыкновенной величинѣ дѣлъ, людей и животныхъ. Въ нашемъ современномъ вѣкѣ это величіе выражается въ мелкихъ предметахъ и существахъ, но сила ихъ далеко превосходитъ силу древнихъ слоновъ и средствъ. Наши взрывчатыя вещества и микробы сильнѣе всего того, что мы видимъ въ древнемъ, античномъ мірѣ.

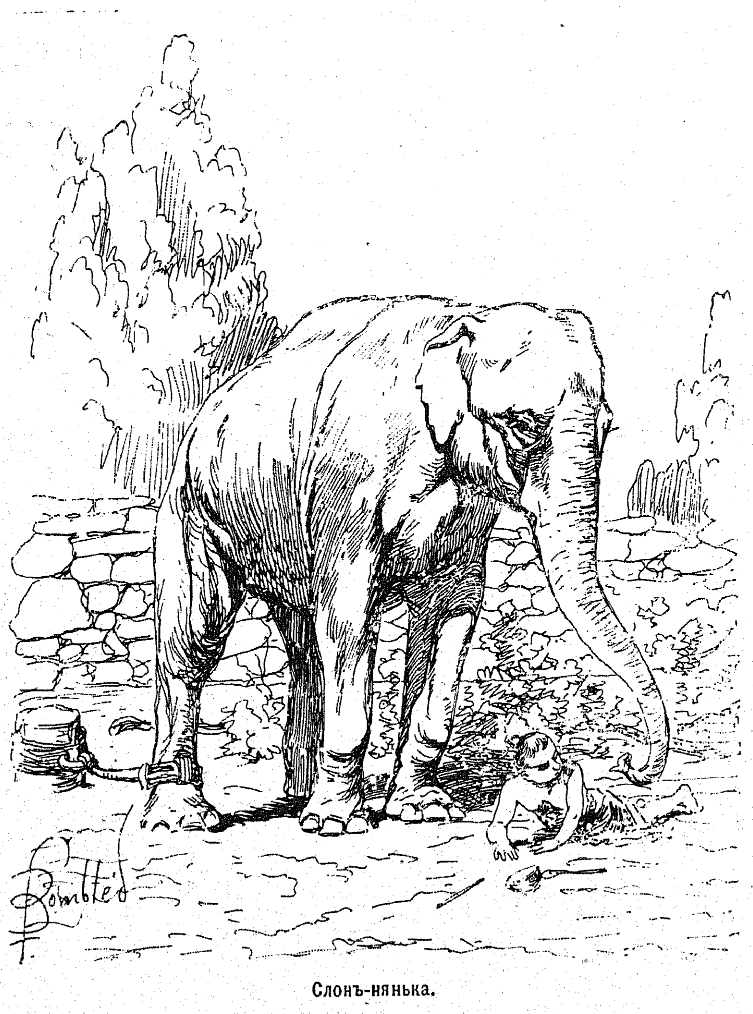
Исторія сохранила намъ преданія о необыкновенной силѣ, храбрости и мужествѣ людей, жившихъ во времена слоновыхъ войнъ. Мнѣ припоминается теперь разсказъ изъ исторіи Макавеевъ. Раскрываю Библію и читаю:

«Царь же, вставши рано утромъ, поспѣшно отправился съ войскомъ своимъ по дорогѣ къ Веѳсахарѣ, и приготовились войска къ сраженію, и затрубили трубами. Слонамъ показывали кровь винограда и тутовыхъ ягодъ, чтобы возбудить ихъ къ битвѣ. И раздѣлили этихъ животныхъ на отряды, и приставили къ каждому слону по тысячѣ мужей въ желѣзныхъ кольчугахъ и съ мѣдными шлемами на головахъ». Сверхъ того, къ каждому слону было назначено по 500 отборныхъ всадниковъ... На каждомъ слонѣ были крѣпкія деревянныя башни, покрывавшія ихъ спины и укрѣпленныя на нихъ помочами. И въ каждой башнѣ находилось по тридцать два сильныхъ мужа, которые сражались, и при каждомъ слонѣ его вожакъ-индѣецъ. «Когда солнце блеснуло на золотыхъ и мѣдныхъ щитахъ, то заблистали отъ нихъ горы, и свѣтились, какъ огненные свѣтильники. Одна часть царскаго войска протянута была по высо-

кимъ горамъ, а другія по низменнымъ мѣстамъ; и шли они стройно и твердо. И смутились всѣ, слышавшіе шумъ множества ихъ и шествіе такого полчища, и стукъ оружій; ибо войско было весьма великое и сильное. И вступилъ Іуда и войско его въ сраженіе, и пали изъ ополченія царскаго шестьсотъ мужей. Тогда Елеазаръ, сынъ Саварана, увидѣлъ, что одинъ изъ слоновъ покрытъ бронею царскою и превосходилъ всѣхъ, и казалось, что на немъ былъ царь. И онъ предалъ себя, чтобы спасти народъ свой и пріобрѣсть себѣ вѣчное имя. И смѣло побѣжалъ къ нему въ середину отряда, поражая направо и налѣво, и разступались отъ него и въ ту, и въ другую сторону. И подбѣжалъ онъ подъ того слона, легъ подъ него, и убилъ его. И палъ на него слонъ на землю и онъ умеръ тамъ». Такъ погибъ славной смертью Елеазаръ, сынъ Саварана, но имя его до сихъ поръ живетъ въ священныхъ преданіяхъ народа и можетъ-быть будетъ жить вѣчно и вызывать въ людяхъ подвиги мужества и безстрашія. (Рис. на стр. 511).

У индусовъ существуютъ слоны-няньки, которые стерегутъ маленькихъ дѣтей и водятся съ ними. У доктора Іонаѳана Франклина мы находимъ разсказъ о женѣ однаго мамуда, которая оставляла своего маленькаго сына на попеченіе такой няньки. Какъ-то необычно и странно было видѣть этого гиганта, заботящагося о маленькомъ ребенкѣ. Мальчикъ ползалъ, но слонъ не выпускалъ его изъ круга, въ которомъ онъ могъ достать его своимъ хоботомъ. Если мальчикъ уползалъ изъ этого круга, то онъ медленно, осторожно бралъ его хоботомъ и клалъ на прежнее мѣсто. Случалось, что ребенокъ ползалъ около ногъ слона, и слонъ терпѣливо ждалъ, когда онъ отползетъ дальше отъ этихъ ногъ. Случалось, что мальчикъ забирался и завязалъ въ охапкѣ сучковъ и вѣтвей, которые клали слону въ пищу, передъ его хоботомъ. Тогда эта колоссальная нянька тщательно и осторожно отбирала вѣтви и освобождала ребенка. Если мальчикъ, которому надоѣдало сидѣнье на одномъ и томъ же небольшомъ мѣстѣ, порывался уползти изъ него и бойко работалъ ножонками, то слонъ осторожно и бережно бралъ его хоботомъ и, не смотря на отчаянные крики и протесты ребенка, снова клалъ его на прежнее мѣсто. Нерѣдко при этомъ начиналась игра или борьба самолюбія и упрямства ребенка съ твердостью и благоразуміемъ слона. Ребенокъ съ плачемъ и ревомъ вырывался изъ «завѣтнаго круга», слонъ хладнокровно и терпѣливо переносилъ его на прежнее мѣсто, и такая борьба продолжалась иногда болѣе часа.

Слонъ-нянька.

Человѣкъ пользуется свойствами всякаго животнаго, чтобы утилизировать эти свойства, какъ полезное орудіе для своихъ нуждъ и потребностей, или сдѣлать изъ нихъ предметъ увеселительныхъ зрѣлищъ для удовлетворенія своихъ страстей. Такъ случилось и съ слонами. Римляне и индусы употребляли ихъ, какъ силу для переноски и перевозки тяжестей. Въ Индіи и Африкѣ и до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ употребляютъ слоновъ для той же цѣли. Нѣтъ сомнѣнія, что способности слона приноровили бы и къ мелкимъ хозяйственнымъ работамъ, если бы онъ былъ удобенъ къ тому, но бѣда въ томъ, что онъ громаденъ, неуклюжъ и неповоротливъ. Притомъ онъ всегда медленъ и остороженъ въ своихъ работахъ, хотя и работаетъ охотно. Онъ всегда будетъ невольникомъ массивности своего тѣла. Онъ похожъ на какой-нибудь старинный механизмъ — громадный и плохо достигающій своей цѣли.

Теннанъ разсказываетъ слѣдующее происшествіе съ однимъ полуручнымъ слономъ, оставленнымъ на свободѣ:

«Одинъ разъ, вечеромъ, я проѣзжалъ въ экипажѣ черезъ небольшой лѣсокъ. Лошади насторожили уши и остановились. Впереди дороги, по которой мы ѣхали, мы услыхали глухіе, ворчливые звуки: «урмфъ! урмфъ!» Это былъ молодой слонъ, который добровольно, но безплодно трудился. Онъ держалъ на своихъ клыкахъ довольно большое бревно, которое хотѣлъ пронести по дорогѣ, но это ему никакъ не удавалось. Дорога была узка, а онъ хотѣлъ пронести бревно, держа его поперекъ дороги. Увидавъ насъ, онъ на минуту остановился, задумался, затѣмъ бросилъ бревно и посторонился, чтобы дать намъ дорогу, но моя лошадь, испуганная неожиданной встрѣчей съ такимъ чудовищемъ, приложила уши и не хотѣла идти впередъ. Тогда слонъ началъ уходить въ лѣсъ и перемѣнилъ тонъ своего ворчливаго: «урмфъ! урмфъ!» на болѣе мягкій и ободряющій. И когда лошадь все-таки не рѣшалась идти, тогда онъ совсѣмъ ушелъ въ лѣсъ и, подождавъ, пока мы проѣдемъ, вернулся къ своей добровольной и безполезной работѣ».

Слонъ на работѣ.

Вотъ что разсказываетъ Вирей о совмѣстной работѣ двухъ слоновъ: «Во время моего пребыванія въ Калькуттѣ,—говоритъ онъ,—нагружали одну барку рисомъ. Для этого на ея бортъ съ берега были положены толстыя дубовыя доски. По этимъ доскамъ всходили на барку два слона, таскавшіе въ своихъ хоботахъ большіе кули съ рисомъ. Нужно было удивляться, съ какой осторожностью, ловкостью и сообразительностью эти гиганты исполняли свое дѣло. Но вотъ одна доска оказалась не благонадежною и слегка зловѣще затрещала подъ тяжестью тѣла гигантовъ. Слонъ, тащившій куль, бросилъ его, поднялъ хоботъ и громкимъ ворчаньемъ изъявлялъ свое неудовольствіе. Другой послѣдовалъ его примѣру, и оба упорно отказывались рабо-

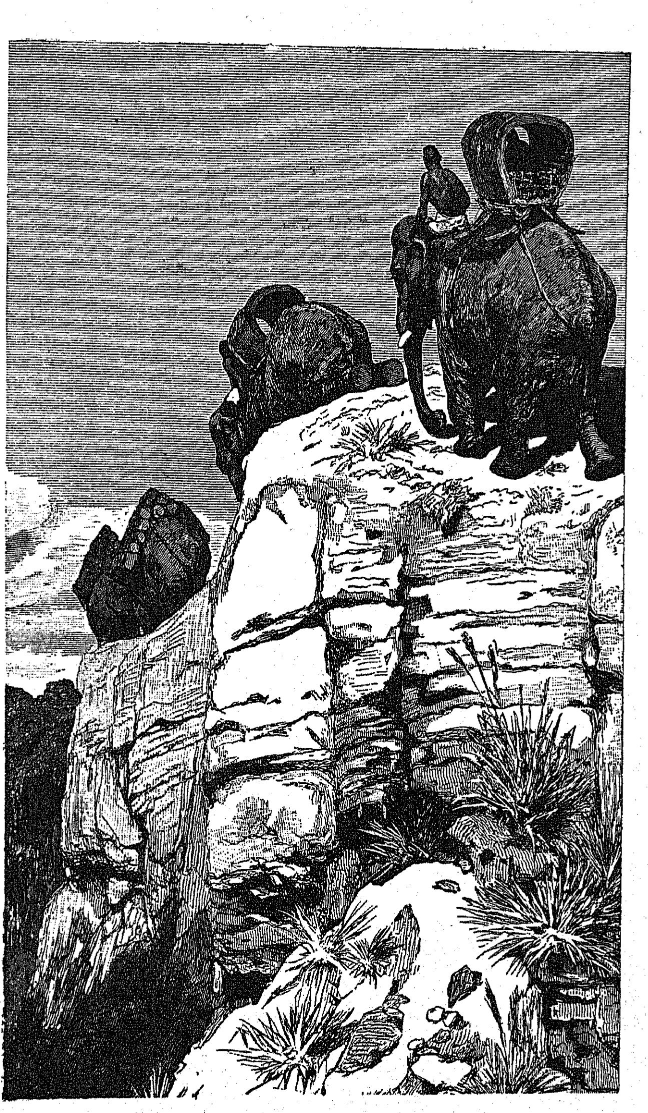
тать до тѣхъ поръ пока неблагонадежную доску не замѣнили крѣпкой»...

Во время слоновыхъ войнъ обыкновенно пользовались внушительной наружностью слона, его массивностью и силой. Цѣлыя войска въ нѣсколько тысячъ слоновъ шли на непріятеля и давили его, какъ каменныя глыбы. Но если эти глыбы обращались въ бѣгство, то онѣ производили страшный безпорядокъ и гибель въ собственныхъ войскахъ. Въ персидскихъ войнахъ непріятель вскорѣ замѣтилъ, что достаточно убить карнака слона, чтобы этотъ слонъ уже не пошелъ впередъ. Слоны во время войны были еще полезны тѣми способностями, помощью которыхъ они могли отыскивать тропинки и находить путь въ самыхъ непроходимыхъ и неприступныхъ мѣстахъ. Въ наше время англійскіе инженеры въ Индіи удивляются этой замѣчательной способности слоновъ проходить по узкимъ, труднымъ, горнымъ путямъ. Этой способностью Ганнибалъ воспользовался при прохожденіи своего войска черезъ снѣжныя вершины альпійскихъ горъ. Какой живописный и величественный видъ представляли эти полчища слоновъ и римскихъ воиновъ среди дикой природы альпійскихъ горъ и ущелій!..

Римскій народъ былъ всегда и до настоящаго дня остался пристрастенъ ко всякимъ «зрѣлищамъ». «Хлѣба и зрѣлищъ!» требовалъ онъ постоянно во всѣ времена отъ своихъ вождей и повелителей. Бой со слонами на аренѣ цирка составляли одну изъ его любимыхъ потѣхъ и наслажденій. Громадное количество слоновъ погибало на этихъ аренахъ для его забавы. Вотъ что разсказываетъ Плиній Старшій объ одномъ изъ такихъ спектаклей во время Помпея:

«Около 20 слоновъ были выведены на арену противъ гетулловъ, которые нападали на нихъ, вооруженные дротиками. Одинъ изъ этихъ слоновъ возбудилъ общее вниманіе и сожалѣніе. Съ ногами, въ которыя вонзилось множество дротиковъ, не въ состояніи уже владѣть ими, онъ ползалъ на колѣняхъ, бросался на своихъ противниковъ, вырывалъ у нихъ щиты и взбрасывалъ ихъ кверху. Зрители были въ восторгѣ и страстно аплодировали ему. Наконецъ всѣ эти двадцать слоновъ столпились и бросились на рѣшетки, которыя отдѣляли ихъ отъ зрителей. Но рѣшетки были крѣпки, и несчастные слоны, потерявъ всякую надежду вырваться изъ рукъ ихъ убійцъ, начали стонать и мычать такъ жалобно, что всѣ зрители были растроганы и неистовыми криками требовали ихъ освобожденія и проклинали жестокость Помпея».

Этотъ случай не помѣшалъ Юлію Цезарю два раза ставить на аренѣ такіе кровавые спектакли. Одинъ разъ было выведено 20 слоновъ, а 500 пѣшихъ воиновъ и 500 всадниковъ дрались съ ними.

Горная переправа на слонахъ.

Во время Клавдія и Нерона гладіаторы, желавшіе получить свободу, дрались одинъ на одинъ съ слонами.

Въ наше мирное время, далекое отъ этихъ сильныхъ, жгучихъ, звѣрскихъ волненій, слоны также участвуютъ въ представленіяхъ цирка, но зрителей привлекаетъ на эти зрѣлища не кровь, а смышленность и ловкость животныхъ. Въ высшей степени интересно видѣть, какъ слонъ— это чудище въ нѣсколько десятковъ пудовъ вѣсомъ, ухитряется стоять на громадномъ, металлическомъ шарѣ и не падать съ него, а всходить вмѣстѣ съ нимъ по наклонной плоскости кверху; или какъ слоны ухитряются встать на небольшія подставки и стоять на нихъ на трехъ ногахъ, поднявъ четвертую на воздухъ, или какъ одинъ слонъ стоитъ на двухъ подставкахъ въ родѣ опрокинутыхъ корзинъ двумя ногами, передней и задней, поднявъ третью ногу на воздухъ, а четвертую, вытянувъ назадъ, въ горизонтальномъ положеніи.

Семейство слоновъ разыгрываетъ цѣлыя сцены, или одинъ слонъ изображаетъ цѣлый оркестръ. Онъ становится передъ большимъ турецкимъ барабаномъ и держитъ одну ногу на педали, которую по временамъ въ тактъ нажимаетъ. Палка, придѣланная къ педали, ударяетъ въ барабанъ и въ то же время приводитъ въ колебанье прикрѣпленныя на немъ металлическія тарелки, а самъ слонъ въ это время вертитъ хоботомъ ручку органа.

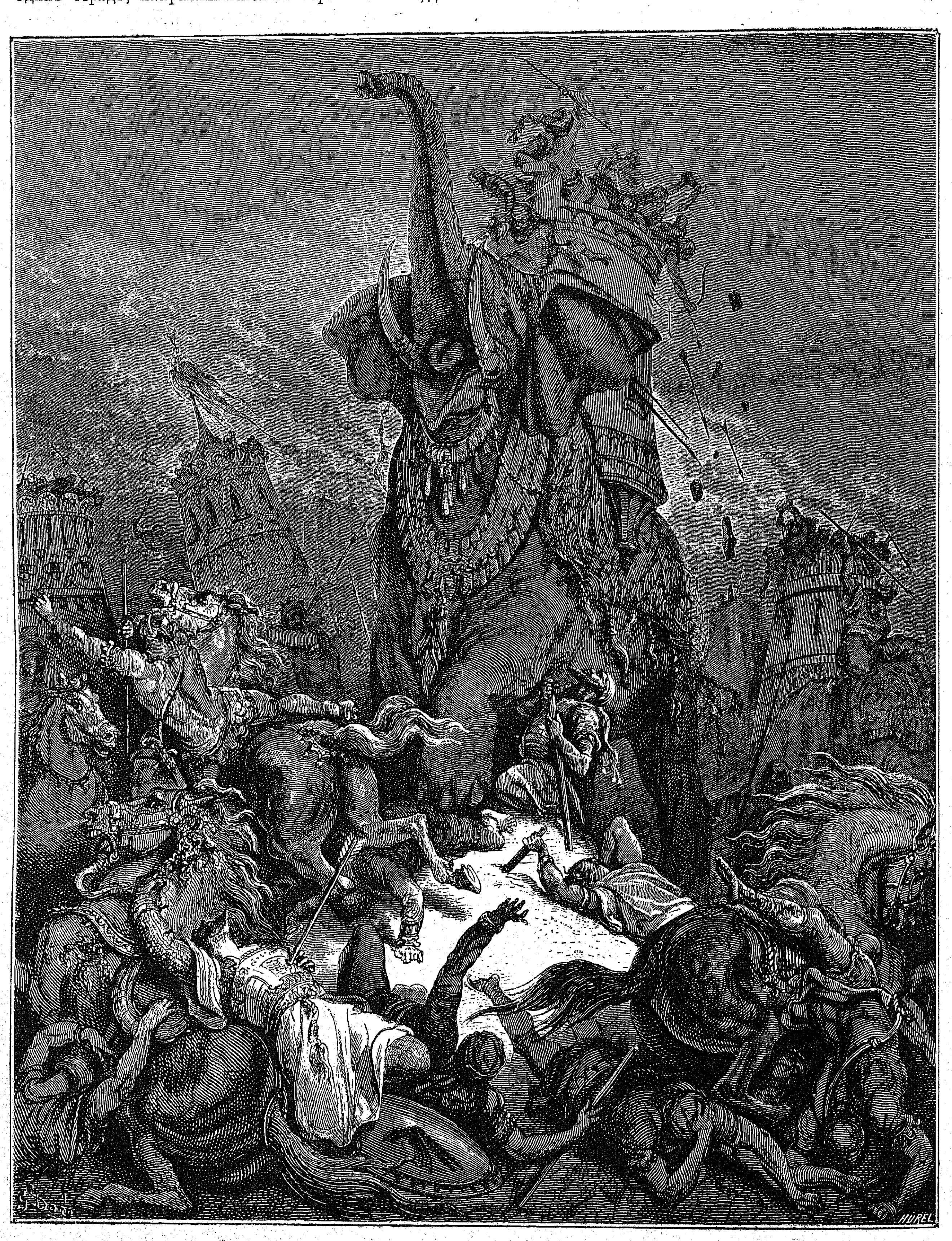
Одна странствующая труппа пріѣхала со слономъ въ Ліежъ. Онъ жилъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ въ углу, отведенномъ ему на сценѣ въ глубинѣ ея. Когда представленія труппы были кончены и она укладывалась для отъѣзда, то слона думали свести со сцены по той же лѣстницѣ, по которой взвели его, но, несмотря на всѣ старанія, слонъ упрямо отказывался сойти внизъ со сцены. Тогда пытались свести его силой. Опять-таки несмотря на старанія всей труппы, которая тянула его за канатъ, крѣпко привязанный къ хомуту, онъ не двигался съ мѣста.—Всѣ участвующіе въ труппѣ: актеры, хористы, машинисты—запряглись и стали тянуть, но всѣ усилія остались тщетны. Слонъ мотнулъ нѣсколько разъ головой, и всѣ тащившіе его посыпались, какъ горохъ другъ на друга.

Тогда устроили прочную наклонную плоскость, которая вела на середину двора. Когда эта плоскость была построена, то къ ней подвели слона. Онъ нѣсколько разъ ставилъ ногу на устроенный помостъ, какъ-будто пробовалъ его прочность, затѣмъ быстро отвернулся, какъ бы въ негодованіи, подошелъ къ прежней лѣстницѣ, по которой ввели его на сцену, и спустился по ней къ великому изумленію и удовольствію всѣхъ присутствующихъ.

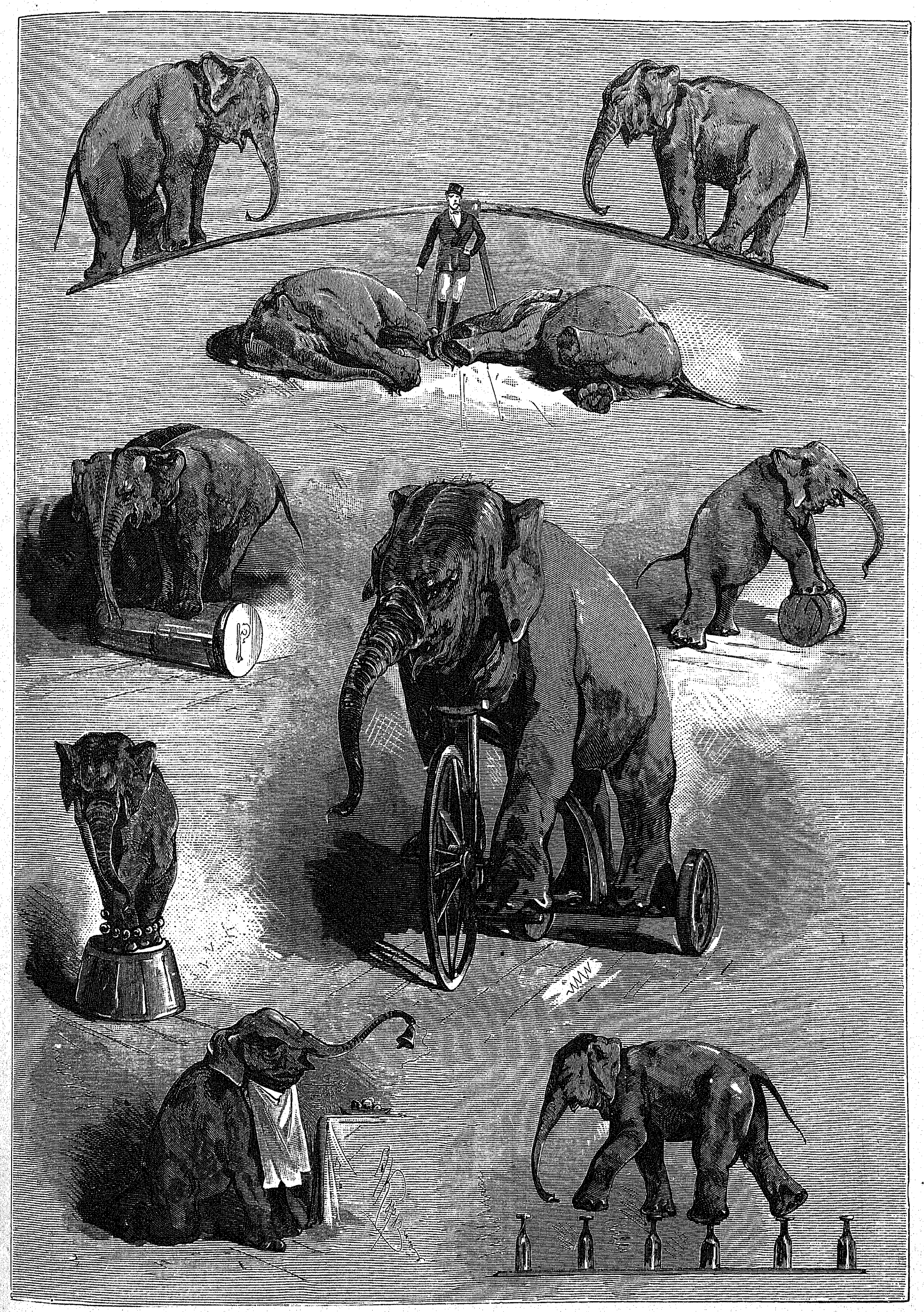
Въ нѣкоторыхъ случаяхъ разсудительность или благоразуміе слоновъ невольно поражаютъ. Такъ напримѣръ,

вотъ какой случай передаетъ одинъ англійскій артиллерійскій офицеръ, служившій въ остъ-индской компаніи.

Одинъ отрядъ, направлявшійся въ Серингапатамъ, долженъ былъ переходить рѣчку, похожую на всѣ рѣки полуострова. Всѣ онѣ многоводны и бурливы осенью, а въ сезонъ засухъ доводятся до едва замѣтнаго ручейка. Зимніе дожди прорываютъ для нихъ широкія русла, по срединѣ которыхъ тянутся песчаныя отмели. Переходить такія русла крайне тяжело и опасно. Одинъ изъ солдатъ отряда, ѣхавшій сидя на зарядномъ ящикѣ, свалился съ него. Положеніе его было критическое, заднія колеса ящика непремѣнно должны были переѣхать его тѣло, но слонъ, шедшій сзади, тотчасъ замѣтилъ бѣду, схватилъ хоботомъ колесо и приподнялъ кверху весь ящикъ. Солдатъ былъ спасенъ».

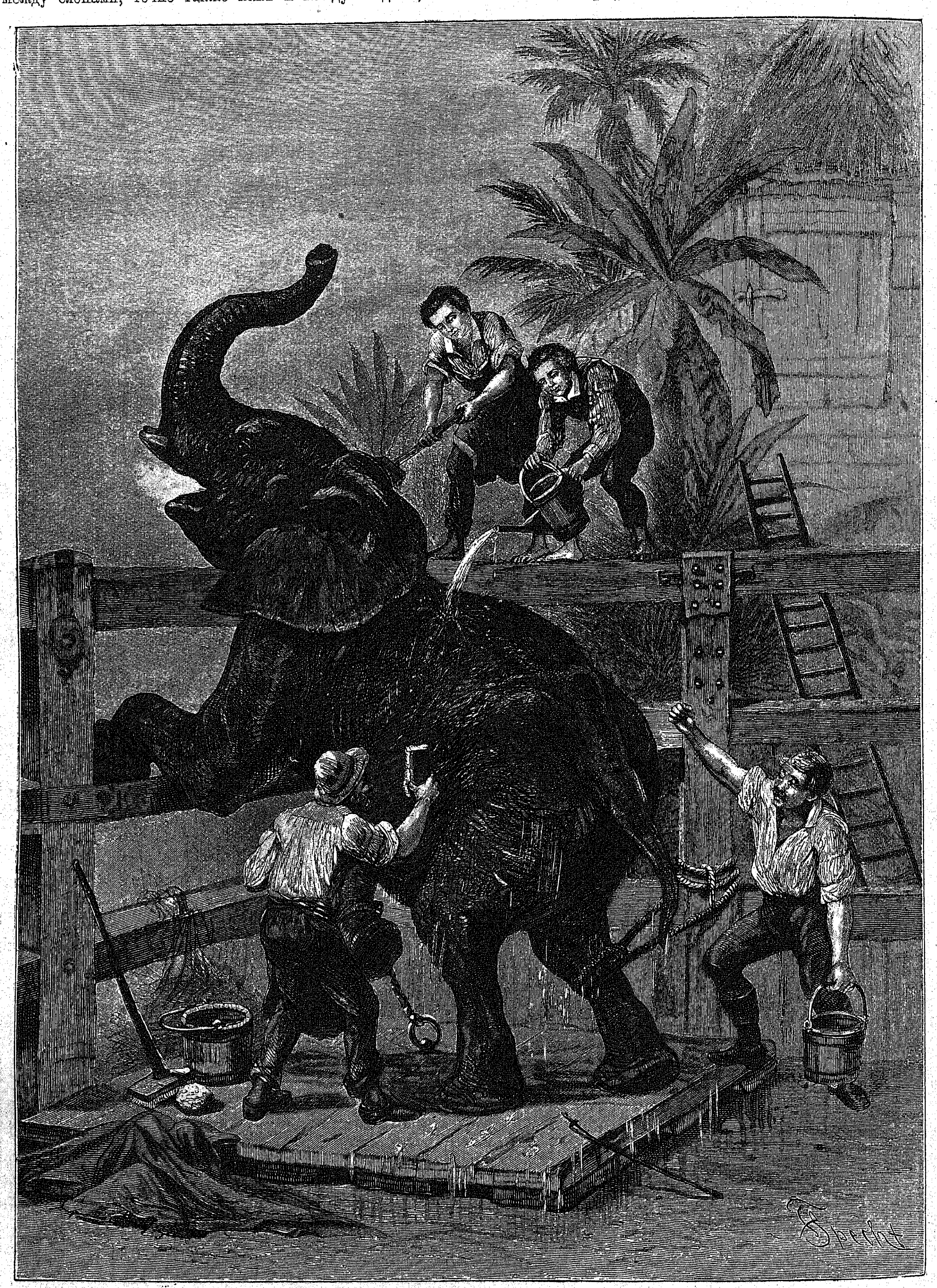

Смерть Елеазара.

Слоны въ циркѣ.

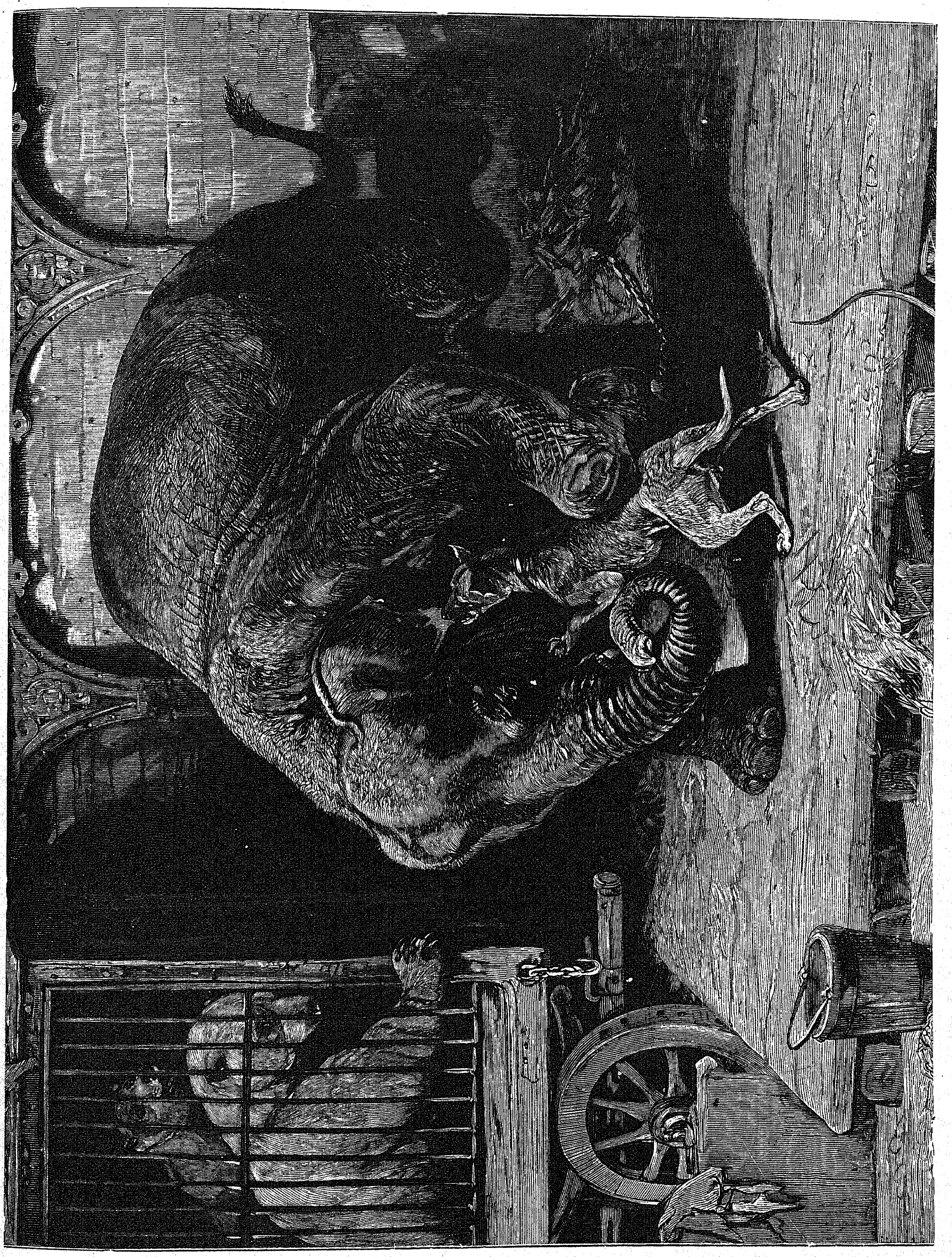
Такіе одиночные случаи доказываютъ только, что между слонами, точно также какъ и между людьми, мо-

Туалетъ слона въ неволѣ.

гутъ попадаться умные, находчивые, сострадательные субъекты, но едва ли такіе индивиды могутъ служить данными для заключенія объ умѣ людей или слоновъ. Шервиль въ своей монографіи приводитъ слѣдующее мнѣніе Гео Локгарта, извѣстнаго воспитателя слоновъ, объ умѣ ихъ: «Слонъ въ дикомъ состояніи умнѣе лошади, но не такъ умснъ,

какъ собака. Слонъ воспитанный (выдрессированный) болѣе уменъ и понятливъ, чѣмъ собака, хотя бы она и

Друзья-пріятели.

была дрессирована. Онъ понимаетъ сразу такія вещи, которыя никогда не будутъ доступны понятливости собаки.»

Маленькіе слоны, какъ и всякое маленькое, молодое животное, очень милы, шаловливы и понятливы. Слоненокъ, котораго воспиталъ Локгардъ, бѣгалъ за нимъ всюду, какъ собака. Его звали Банни. Онъ провожалъ Локгарда до его кареты и непремѣнно желалъ сѣсть съ нимъ вмѣстѣ въ карету. Локгардъ посадилъ его, и ѣзда

въ ней такъ ему понравилась, что онъ съ этихъ поръ слѣдилъ за всѣми проѣзжающими каретами, и какъ только замѣчалъ, что въ карету садились, то подбѣгалъ и заявлялъ претензію, чтобы и его посадили покататься. Воспитаніе очевидно вліяетъ на нравъ и характеръ слоновъ. Они становятся болѣе понятливы, благоразумны, тихи и болѣе привязаны къ человѣку.

Другого воспитаннаго слона звали «Хуни». Такъ же, какъ и Бани, онъ былъ вскормленъ рожкомъ. Къ маленькому былъ приставленъ негритенокъ, который постоянно спалъ съ нимъ въ одной комнатѣ. Если негритенокъ отлучался куда-нибудь, то Хуни безпокоился, тосковалъ и наконецъ поднималъ хоботъ и начиналъ такой ревъ, что скорѣе бѣжали и приводили къ нему его няньку. Наконецъ, негритенокъ долженъ былъ спать въ гамакѣ, подвѣшенномъ въ конюшнѣ, гдѣ содержался Хуни, и только тогда онъ былъ веселъ и доволенъ и самъ ложился спать, растянувшись подлѣ гамака, въ которомъ спалъ негритенокъ.

Если вечеромъ негритенокъ уходилъ, то Хуни не могъ спать безъ него и поднималъ бунтъ. Онъ всю ночь напролетъ оставался на ногахъ и не ложился. И только тогда, когда приходилъ къ нему негритенокъ, онъ успокоивался.

Но такъ же, какъ Хуни, привязаны къ Локгарду всѣ три его слона-воспитанника. Они путешествуютъ всѣ вмѣстѣ въ одномъ вагонѣ. Они спятъ спокойно ночью, но для этого необходимо, чтобы самъ Локгардъ спалъ вмѣстѣ съ ними. Только обвивъ его руки и ноги своимъ хоботомъ, они всѣ трое проводятъ ночь спокойно.

Докторъ Франклинъ разсказываетъ слѣдующій фактъ, указывающій на разсудительность слона. «Одинъ слонъ былъ раненъ пулей во время индійскихъ войнъ. Когда его сводили раза два или три въ госпиталь, то потомъ онъ уже привыкъ являться въ этотъ госпиталь, каждый разъ, какъ его рана начинала его безпокоить. Хирургъ, лѣчившій его, принужденъ былъ употребить при его лѣченьи раскаленное желѣзо. Боль при этой операціи нерѣдко вырывала у паціента глухое и жалобное ворчанье, но все-таки онъ переносилъ ее въ надеждѣ, что эта временная боль избавитъ его отъ постоянныхъ страданій. Къ лѣчившему его хирургу онъ не выказывалъ никакихъ враждебныхъ чувствъ, а, напротивъ, относился всегда ласково, привѣтливо и какъ будто благодарилъ его за оказанную ему помощь».

Изъ трехъ слоновъ, воспитанныхъ Локгардомъ, Хуни въ особенности отличался понятливостью и способностью къ дрессировкѣ. Въ очень короткое время онъ разучилъ нѣсколько ролей и между прочимъ одну очень длинную въ пятиактной драмѣ. Странно и интересно было видѣть, какъ этотъ гигантъ держалъ себя на сценѣ. Онъ никогда не забывалъ своихъ выходовъ и уходовъ и обращался очень осторожно съ цѣлымъ кордебалетомъ, зналъ, къ какому актеру ему слѣдовало подойти и что сдѣлать. Это былъ настоящій артистъ. Обращаясь съ людьми, онъ сдѣлался тихимъ, кроткимъ и общительнымъ, но злая его судьба приготовила ему печальный, трагическій конецъ. Лишенный сообщества своихъ товарищей, онъ взбѣсился, и его принуждены были убить. Докторъ Франклинъ разсказываетъ, какъ тяжело было видѣть его казнь. «Даже въ роковую минуту, осужденный на смерть, онъ покорно и послушно исполнялъ приказанія своего хозяина и палъ среди выстрѣловъ, направленныхъ въ него. Его смерть тяжело подѣйствовала на многочисленныхъ его поклонниковъ и поклонницъ, въ особенности на тѣхъ, которые такъ же, какъ я, думаютъ, что подобная бойня, мясничество есть слѣдствіе нашего невѣжества и противуестественнаго обращенія съ животными, которыхъ мы приближаемъ къ себѣ».

Да, это совершенно вѣрно. Воспитывая животныхъ, мы отнимаемъ ихъ изъ рукъ матери природы, и не можемъ ни нашимъ уходомъ, ни нашимъ скуднымъ знаніемъ ея законовъ замѣнить ее.

Въ каждое животное природа вкладываетъ инстинктъ самосохраненія, привязанности къ жизни, т. е. сохраненія въ его индивидуальности цѣлаго вида, точно такъ же, какъ въ каждый индивидъ она вкладываетъ добрыя или злыя стремленія. Первыя вообще преобладаютъ въ общественныхъ животныхъ. Ихъ общественная жизнь, наклонность помогать другъ другу, защищать каждаго собрата общими соединенными силами, невольно вызываютъ симпатіи. Это прямо доказываетъ, что въ насъ самихъ, внутри сердецъ и душъ нашихъ, заложены самой природой симпатіи къ доброму, свѣтлому, гармоничному. Міръ идетъ и стремится къ совершенству, но на этомъ пути встаютъ разныя препятствія и помѣхи, отъ которыхъ могутъ не сломиться, выдержать и преодолѣть свой путь только избранные, сильные духомъ.

Жизнь слоновъ, предоставленная самой себѣ, или, что одно и то же — самой природѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, текла бы правильно и достигла до назначенныхъ ей свыше результатовъ. Но человѣкъ вмѣшался въ эту жизнь, и вся исторія, вся жизнь слоновъ, совершенно исказилась. Теперь, я думаю, для насъ совершенно ясно, что мышечная сила слона для насъ вовсе не пригодна, точно такъ же, какъ непригодны размѣры его массивнаго тѣла. Человѣчество въ своихъ механическихъ стремленіяхъ обратилось къ прямымъ механическимъ силамъ и бросаетъ даже такой сподручный, механическій трудъ, какъ трудъ лошади. Оно идетъ къ общимъ физическимъ дѣятелямъ и устраняетъ все то, что имѣетъ собственную живую силу и собственную волю. Слоны для человѣка вовсе не нужны, но онъ ухитрился здѣсь, какъ и вездѣ, повернуть дѣло въ пользу собственнаго наслажденія. Слоны дѣйствительно ему не нужны, но его привлекаетъ слоновая кость — мертвые, но красивые остатки отъ зубовъ добраго гиганта. За ними онъ проникаетъ съ большимъ трудомъ въ дикія, жаркія страны Африки. Для нихъ онъ проливаетъ кровь подневольныхъ наемниковъ и устраиваетъ кровавыя бойни. Онъ можетъ вполнѣ замѣнить слоновую кость искусственнымъ составомъ, который по виду ничѣмъ не отличается отъ этой слоновой кости, но этого ему мало. Онъ, какъ любитель старинныхъ вещей, аматеръ и собиратель разныхъ курьезовъ, рѣдкостей и антиковъ, предпочитаетъ естественное искуственному и стремится въ первобытные, дѣвственные лѣса Африки, за слоновою костью. На эти стремленія тратится энергія самыхъ сильныхъ, рѣшительныхъ характеровъ, на это тратится кровь людей и милліоны англійскихъ фунтовъ стерлинговъ. Долго ли будетъ продолжаться эта убійственная борьба, эта охота за мирнымъ, добрымъ, колоссальнымъ животнымъ, но въ этой неравной борьбѣ кто же рѣшится не предпочесть разсудительность и разумность слоновъ страстнымъ и глупымъ стремленіямъ человѣка?!..

X.

ГРУППА ЛОШАДЕЙ.

Группа лошадей.

1. Дикая и прирученная лошадь.

«Конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ очей, изъ ушей пламя валитъ». Такъ описываетъ бѣгъ коня наша старинная сказка, и въ этомъ описаніи мы находимъ все, что могло возбудить восторженное настроеніе нашихъ предковъ. Топотъ копытъ, отъ котораго земля содрагается. Блескъ глазъ, въ которыхъ горитъ самое сильное возбужденіе. Горячій паръ отъ усиленнаго дыханія, которое вызвано быстрымъ движеніемъ.

Миѳологія древнихъ грековъ создала «Пегаса»—этого крылатаго коня съ быстрымъ воздушнымъ движеніемъ. Очевидно, съ конемъ связывалось въ понятіяхъ всѣхъ народовъ быстрое, летучее, поступательное движеніе, а этого движенія жаждала и жаждетъ свободная воля человѣка.

Поступательное движеніе есть душа міра. Она лежитъ въ основѣ жизни. На немъ зиждется все зданіе прогресса людей и природы.

Оглянитесь кругомъ: все движется вокругъ васъ—движется съ незамѣтной, невидимой медленностью или съ неуловимой быстротой. Движутся звѣзды—эти блестящіе, сіяющіе міры, движутся воды и земли, движется все живое и самъ человѣкъ. Самъ человѣкъ не болѣе, какъ маленькая, микроскопическая частица этого громаднаго, безконечнаго движенія.

Въ своемъ развитіи онъ имѣлъ два этапа, двѣ станціи: «собака вывела его въ люди», лошадь дала ему быстроту перемѣщенія и возможность массовыхъ переселеній.

Съ собакой человѣкъ сдѣлался охотникомъ и скотоводомъ.

Съ лошадью онъ вступилъ на стезю цивилизованной жизни.

Степь и лошадь могутъ считаться синонимами. Въ степи развилась, сложилась и выросла лошадь. Для ея развитія прежде и больше всего нужна была громадная равнина, гдѣ она могла бы дать полный просторъ движенію для ея быстрыхъ ногъ и полную волю ея свободолюбивому, горячему нраву.

Движимая неодолимымъ стремленіемъ къ свободѣ, къ простору, она бросается въ бѣшеную скачку и мчится, забывая себя, мчится безсознательно, не справляясь съ собственными силами, мчится до тѣхъ поръ, пока не падетъ, задохнувшись отъ быстроты движенія, сердцебіенія и паралича легкихъ.

Если бы когда-нибудь мнѣ пришлось изобразить аллегорію свободы, я представилъ бы ее въ видѣ бѣшено мчащейся лошади. Паръ летитъ изъ ея ноздрей, расширенные глаза ничего не видятъ кромѣ пространства и какъ бы пожираютъ это пространство. Расширенныя ноздри выпускаютъ изъ усиленно работающихъ легкихъ цѣлые клубы горячаго пара. Грива и хвостъ распущены по вѣтру, и этотъ вѣтеръ со свистомъ летитъ назадъ мимо, мимо этого быстро убѣгающаго, бѣшенаго движенія.

Летящая птица не такъ ясно, образно изобразитъ свободу, какъ несущаяся на всемъ скаку бѣшеная лошадь, можетъ быть потому, что въ движеніи птицы на лету скрыта, замаскирована трудность этого передвиженія.

Человѣкъ также любитъ быстроту передвиженія. Это инстинктъ прогресса. Онъ стремится довести бѣгъ лошади до возможнаго совершенства. И этого мало. Онъ старается найти средства для болѣе быстраго передвиженія, чѣмъ бѣгъ лошади. Паръ, электричество вытѣсняютъ помощь лошади, и она, рано или поздно, останется за штатомъ или получитъ иное назначеніе. Видя, какъ быстро и жадно человѣкъ принимается за перемѣщенія посредствомъ пара или электричества, кто не подумаетъ, что дни лошади уже сочтены, и что вопросъ объ ея исчезновеніи изъ круга нашихъ домашнихъ животныхъ есть только вопросъ времени.

Велосипедъ еще долго не исчезнетъ, а будетъ приспособленъ къ разнымъ потребностямъ болѣе или менѣе быстраго передвиженія. Между нимъ и общественными экипажами, движущимися электричествомъ, будетъ еще долгая конкуренція. Здѣсь будетъ борьба единичнаго, себялюбиваго передвиженія и передвиженія общественнаго, которое неминуемо должно стѣснять индивидуальную свободу.

Въ концѣ прогрессивнаго развитія лошади за ней останется одно служеніе индивидуальной конкуренціи человѣка. Исчезнетъ лошадь, какъ средство для передвиженія человѣка и его тяжестей, и останутся только однѣ скаковыя лошади, какъ орудія страстной конкуренціи, борьбы, какъ орудіе безумнаго спорта.

Лошадь является одной изъ множества ступеней человѣческой цивилизаціи. Въ исторіи человѣчества ей отведено широкое мѣсто, и мы видимъ, какъ потребности этой исторіи отражались на общемъ складѣ тѣла и на качествахъ лошади. Прежде чѣмъ человѣкъ дошелъ до легкихъ скаковыхъ лошадей, онъ пользовался крупной, сильной, массивной породой лошадей, напоминавшей нынѣшнихъ першероновъ или клайдсдальскихъ лошадей. Такова была лошадь во времена Римской имперіи, такова она была во время крестовыхъ походовъ. Римлянинъ, носившій тяжелый, мѣдный панцырь, щитъ и шлемъ, сильный, рослый атлетъ, требовалъ для своего передвиженія также рослую, сильную лошадь, которая могла бы скакать вмѣстѣ съ нимъ и съ его тяжелымъ вооруженіемъ.

Рыцари среднихъ вѣковъ пошли дальше римлянъ. Они заковывали все тѣло въ тяжелые, желѣзные латы, въ нагрудники, оплечья, набедренники, наколѣнники и проч. Они закрывали лицо тяжелымъ, рѣшетчатымъ забраломъ, такъ что стрѣлы, пускаемыя изъ луковъ, или пули, выстрѣливаемыя изъ аркебузовъ, не могли ихъ ранить. Лошадь также одѣвалась въ желѣзныя латы. Понятно, что для такихъ тяжелыхъ, въ нѣсколько пудовъ, вооруженій, необходимо было и тяжелое оружіе. Мечи въ полтора пуда вѣсомъ, громадные топоры, сѣкиры, булавы, палицы. Все это основывалось, поддерживалось и приводилось въ движеніе громадной лошадью или, лучше сказать, массивнымъ, какъ слонъ, рыцарскимъ конемъ.

Такіе кони исчезли не вдругъ изъ наличнаго обихода. Убѣжденіе въ необходимости *тяжелой кавалеріи* дожило

почти до нашего времени. Эта кавалерія употреблялась, какъ древніе тараны, чтобы пробить или сломить непріятельскую пѣхоту, сломить силой и тяжестью тяжелыхъ, массивныхъ лошадей и громадныхъ рыцарскихъ копій и палашей. Все это исчезло съ тѣхъ поръ, какъ усовершенствовалось огнестрѣльное оружіе. Въ прежнее время лошадь въ военныхъ операціяхъ занимала передовое мѣсто. Конницу посылали въ аттаку при началѣ дѣла. Теперь съ 1870—71 годовъ это совершенно измѣнилось. Конница уже не служитъ для передовыхъ аттакъ. Она служитъ для развѣдокъ, она разбилась на небольшіе летучіе отряды для рекогносцировокъ. Она, какъ туманъ, окутываетъ и скрываетъ силы непріятеля. Для такихъ развѣдокъ не нужны тяжелыя, массивныя лошади. Напротивъ, чѣмъ легче и быстрѣе будутъ лошади такого отряда, тѣмъ быстрѣе и лучше онѣ исполнятъ свое дѣло.

Разсматривая наружный складъ лошади, формы ея тѣла, мы убѣждаемся въ ихъ стройности, пропорціональности и гармоничности. Въ особенности ясно выступаетъ эта пропорціональность, если мы сравнимъ англійскую скаковую, или, еще лучше, арабскую лошадь съ нашей крестьянской, рабочей лошадью, или съ осломъ, который принадлежитъ къ одному роду съ лошадью. Взгляните на этихъ благородныхъ, чистокровныхъ, породистыхъ скакуновъ. Какъ красивы, изящны всѣ ихъ движенія! Какъ красиво изогнута ихъ шея, несущая небольшую, стройную голову, большіе выпуклые глаза которой придаютъ столько ума, понятливости, столько выраженія всей этой головѣ; а эти раздувающіяся! широкія ноздри, постоянно вздрагивающія! Или эта густая, длинная грива, въ которой, кажется, каждый волосокъ движется и дышитъ.

Въ грубомъ, мертвенномъ видѣ всѣ эти красивыя, кривыя линіи тѣла лошади исчезаютъ. Лошадь безъ движенія, это—цилиндръ, горизонтально поставленный на четыре подпорки, на четыре ея ноги съ придаткомъ на одномъ концѣ въ видѣ горлышка или шейки чайника. Но какъ только движеніе коснулось этого остова, то тотчасъ же оживетъ все мертвое, жизнь и красота явятся на мѣсто грубаго, простого и неподвижно мертваго; всѣ прямыя линіи превратятся въ волнообразныя, плавно изогнутыя, кривыя линіи. Тогда вы невольно вспомните злую каррикатуру Гогарта надъ прямыми и кривыми линіями и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть вспомните теорію Спенсера, «что всякое движеніе тогда только становится изящнымъ, граціознымъ, когда оно совершается по кривой линіи и въ особенности по линіи спиральной. Тогда это движеніе проявляетъ наибольшее развитіе силы и сохраненіе энергіи».

Какъ только тронулась, зашевелилась лошадь—этотъ стройный арабскій конь—тотчасъ же заволнуются, побѣгутъ всѣ линіи ея тѣла, примутъ изящную форму разнообразныхъ кривыхъ, и вы признаете лошадь за самое красивое, изящное и граціозное животное. Эту самую лошадь, которая представлялась чѣмъ-то неуклюжимъ, грубымъ съ ея тяжелыми копытами, съ ея постояннымъ запахомъ конюшни, навоза и лошадинаго пота, эту самую лошадь вы признаете за самое изящнѣйшее, красивое животное въ цѣломъ мірѣ. Такова сила кривыхъ линій!

Но такова же сила цѣлесообразности.

Въ лошади все строго приспособлено къ ея жизни, подъ какими бы условіями эта жизнь ни совершалась. Природныя условія этой жизни—это просторъ, воздухъ, движеніе. Но вы навѣрно согласитесь, что этимъ условіямъ вполнѣ противорѣчитъ та жизнь, которую проводитъ наша крестьянская, рабочая лошадь, запертая въ темномъ, холодномъ (въ зимнее время) хлѣву, осужденная на постоянную безкормицу, на голоданье по цѣлымъ днямъ. Взгляните на это бѣдное животное, которое осудила судьба на всѣ невзгоды постояннаго упорнаго труда и на безжалостную, безпощадную голодовку, и вы поймете, что и здѣсь при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ жизни натура лошади силится приспособиться къ этимъ условіямъ, только бы сохранить свое неотъемлемое право на жизнь и свободу.

У нашей крестьянской лошади,—этой живой пародіи на арабскаго или англійскаго скакуна, все тѣло принимаетъ какое-то странное, уродливое сложеніе. Понуренная голова ея становится уродливо большою. Она напоминаетъ головы ословъ и жеребятъ; она постоянно клонится къ землѣ, какъ бы отыскивая не дастъ ли ей эта всеобщая кормилица, земля, чѣмъ-нибудь подкрѣпить ея истощенныя, исхудалыя мышцы и силы. Ея потухшіе, полузакрытые вѣками глаза какъ-то вяло и сонно смотрятъ на все окружающее. Шерсть не лоснится, а торчитъ во всѣ стороны безобразными вихрами. Ея кожа становится грубою, толстою и жесткою. Она славится за границею, въ особенности у нѣмцевъ подъ именемъ *русской кожи*—echtes russisches Leder. Но въ этомъ названіи скрыта горькая насмѣшка надъ тѣми условіями, въ которыхъ воспитывается, къ которымъ должна пріучиться наша русская, рабочая лошадь.

У такой лошади кожа грубѣетъ, дѣлается толще, и вотъ эту толстую, грубую кожу называютъ нѣмцы «russisches Leder». Она гораздо прочнѣе кожи лошадей другихъ странъ. Изъ нея дѣлаются очень прочные сапоги или подошвы, саки, чемоданы и пр.

Грудь такой лошади узка и слаба, отвислое брюхо давитъ на эту грудь и не даетъ ей развиваться. Она давитъ отъ массы воды, которой лошадь хочетъ наполнить свой пустой желудокъ, чтобы чѣмъ-нибудь утолить нестерпимый голодъ. Всѣ кости этой непремѣнной работницы становятся толстыми, такъ какъ въ нихъ откладывается больше извести, чѣмъ при другихъ, благопріятныхъ для жизни условіяхъ. Всѣ эти кости болѣе и болѣе обнаруживаются по мѣрѣ того, какъ голодъ съѣдаетъ мясо, съѣдаетъ всѣ мышцы одну за другой.

Такова картина жизни и строенія нашей крестьянской многострадальной клячи. Типъ лошади въ ней униженъ, забитъ и изуродованъ тяжелыми условіями бѣдной, крестьянской жизни. Это не прогрессивное, а регрессивное стремленіе, а между тѣмъ лошадь—это непремѣнный членъ нашего земледѣльческаго хозяйства. До тѣхъ поръ, пока она не будетъ замѣнена машинами, до тѣхъ поръ, пока паръ не встанетъ на мѣсто живой лошадиной силы, до тѣхъ поръ на этой убогой русской клячѣ будетъ держаться земледѣліе цѣлой обширной страны, которую мы, русскіе, называемъ Россіей. Еще такъ недавно, во время послѣдней голодовки, русскій крестьянинъ горькимъ опытомъ узналъ, что значитъ *«обезлошадить»*, т. е. остаться безъ трудовой, рабочей силы, которую исполняетъ въ нашемъ земледѣліи—лошадь.

Два типа: арабскій конь и нормандка или першеронка представляютъ два прогрессивныхъ пути, по которымъ двигалось развитіе лошади. Двѣ различныхъ цѣли вызвали и два разнородныхъ типа. Въ громадномъ, исполинскомъ тѣлѣ нормандки мы видимъ усиленное, богатое развитіе всѣхъ мышцъ. Почти на всемъ тѣлѣ, при ея движеніи, то тамъ, то здѣсь, выступаютъ громадные желваки или бугры, двигающіе ея ногами. Массивныя, слоновыя ноги ея составляютъ главный предметъ, цѣль ея развитія. Если эти ноги могутъ стойко, крѣпко не только поддерживать ея громадное тѣло, передвигать его, но, главное, передвигать тѣ тяжести, которыя она должна везти, то цѣль ея воспитанія и развитія достигнута.

У насъ, въ Россіи, вмѣсто этой породы существуетъ порода «ломовыхъ лошадей» или «битюговъ», которая представляется менѣе массивною, менѣе тяжелою, чѣмъ першеронка.

Существуетъ довольно много разсказовъ, о необычайной силѣ нашихъ русскихъ сильныхъ лошадей. Къ сожалѣнію, разведеніе и воспитаніе ихъ не пользуется особеннымъ покровительствомъ. Тогда какъ спортъ скаковыхъ лошадей, такъ сильно развитый и распространенный, постоянно и страстно поддерживается во всей Россіи, спортъ сильной ломовой лошади вовсе отсутствуетъ.

Другой типъ представляютъ намъ легкія, скаковыя лошади. Здѣсь стройность, гармонія и красота достигаютъ высшей степени, такъ что ни одинъ типъ животныхъ не можетъ сравниться въ этомъ отношеніи съ красивой, скаковой лошадью. Если между всѣми хищниками левъ и тигръ представляютъ самыхъ красивыхъ животныхъ, то между травоядниками такое мѣсто безспорно принадлежитъ скаковой лошади.

Взгляните на небольшую, сухую головку арабскаго коня. Въ ней, кажется, всякое возвышеніе и углубленіе имѣютъ свое значеніе, и все вмѣстѣ служитъ для общей, гармонической цѣли. Съ перваго взгляда эта головка кажется длинной, но она вполнѣ гармонируетъ съ длиннымъ вытянутымъ туловищемъ и съ длинными ногами. Она была бы дѣйствительно длинной, если бы не былъ такъ сильно развитъ внутренній уголъ нижней челюсти, а это утолщеніе и расширеніе челюсти необходимо для прикрѣпленія толщи мышцъ, двигающихъ этой нижней челюстью.

Лошадь вообще по своему росту требуетъ много пищи, корму, и понятно, что, чѣмъ сильнѣе ея энергія, работа всѣхъ ея мускуловъ, чѣмъ болѣе она дѣлаетъ движенія, тѣмъ болѣе она должна принимать пищи. Для пережевыванія этой пищи: травы или зерна, необходимо сильное, соотвѣтствующее орудіе, и вотъ гдѣ скрыта причина удлиненія челюстей, а вмѣстѣ съ ними и всей головы.

Края глазницъ слегка выдаются, что дѣлаетъ ихъ больше и выразительнѣе. Тонкія развѣтвленія венъ бѣгутъ по щекамъ и разнообразятъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, скрадываютъ длину головы.

Взгляните на скелетъ лошади. Какое большое мѣсто отведено мягкимъ частямъ ея морды! Эти части, покрытыя нѣжной, атласистой кожей, самые чувствительные изъ всѣхъ частей ея тѣла. По всей этой кожѣ разбросаны короткіе, нѣжные, чувствительные волоски. Широко раскрытыя ноздри съ выдающимися (какъ и глазницы) краями находятся почти въ постоянномъ движеніи.

Вершина головы какъ бы увѣнчана ушами, сильно сближенными и раздѣленными только челкой. Эти уши по ихъ умѣренной длинѣ съ перваго взгляда отличаютъ лошадь отъ осла и мула. Если мы по длинѣ этихъ ушей или, правильнѣе говоря, по длинѣ ушныхъ раковинъ, будемъ выводить заключеніе о тонкости и остротѣ лошадинаго слуха, то мы впадемъ въ довольно грубыя ошибки. Лошадь арабской крови слышитъ не хуже осла. Тонкость, чуткость слуха зависитъ не отъ одного строенія наружныхъ ушныхъ раковинъ. Она зависитъ также и еще болѣе отъ строенія внутренняго уха, отъ строенія и распредѣленія нервовъ внутри улитки—этого главнаго чувствилища уха. Она также зависитъ и отъ подвижности уха, отъ большаго развитія и числа мышцъ, прикрѣпляющихся къ ея корню. Лошадь при движеніи ея ушей можетъ описывать каждымъ ухомъ болѣе полукруга. Слѣдовательно, всѣ звуковыя волны, которыя лежатъ на пути радіусовъ этого полукруга, могутъ быть уловлены ея ухомъ.

Въ страхѣ или предчувствуя какую-нибудь опасность, она *настораживаетъ* уши, т. е. обращаетъ впередъ и ставитъ неподвижно, торчмя, оба уха. Или она чутко поводитъ ушами, какъ бы изслѣдуя воздухъ вокругъ нея. Разсерженная, она, подобно многимъ другимъ животнымъ, отгибаетъ уши назадъ и прижимаетъ ихъ къ головѣ. Вообще по движенію ушей лошади и, въ особенности у лошади скаковой или арабской породы, можно судить объ ея свойствахъ и характерѣ. Робкая трусливая лошадь обыкновенно очень часто прижимаетъ уши къ головѣ, какъ бы воображая, что она спряталась отъ какой-нибудь опасности. Чуткая, нервная лошадь постоянно «прядаетъ», какъ бы вздрагиваетъ ушами, повертывая ихъ во всѣ стороны. Апатичная, лѣнивая лошадь обыкновенно держитъ уши опущенными внизъ.

Въ породистой скаковой лошади должна быть сильно развита грудь. Длинная грудная клѣтка, понятно, даетъ больше простора для помѣщенія легкихъ, а большой объемъ ихъ необходимъ при продолжительномъ, быстромъ бѣгѣ. Паръ, съ силой вылетающій въ воздухъ при этомъ бѣгѣ, выбрасывается вмѣстѣ съ газами изъ этой сильной грудной клѣтки, въ которой съ каждой стороны мы можемъ насчитать до 15 реберъ.

Понятно, что, чѣмъ болѣе будетъ расширена грудь лошади, тѣмъ больше будетъ простора для прикрѣпленія мышцъ, двигающихъ основаніями переднихъ ногъ, и тѣмъ шире, полнѣе будетъ передняя часть грудной клѣтки.

Сильные, крѣпкіе шейные позвонки указываютъ также на сильное развитіе шейныхъ мышцъ. Вся широкая шея состоитъ преимущественно изъ этихъ мышцъ, которыя легко, свободно несутъ голову и двигаютъ ею и также свободно совершаютъ движенія самой шеи.

Само собою разумѣется, что грудная клѣтка лошади, сильно развитая въ длину, должна быть крѣпко соединена съ ребрами и представлять надежную опору для движенія передними ногами. И дѣйствительно, мы видимъ рядъ высокихъ и крѣпкихъ остистыхъ отростковъ, въ особенности на переднихъ спинныхъ позвонкахъ, и много связокъ и мышцъ прикрѣпляется къ этимъ сильнымъ, надежнымъ основаніямъ.

Теперь, если мы обратимъ вниманіе на заднія ноги лошади, то и здѣсь мы встрѣтимъ тѣ же сильныя приспособленія къ движенію. Мы встрѣтимъ сильно развитой, крѣпкій тазъ (въ особенности у кобылъ), толстыя, громадныя берцевыя кости, сильныя, крѣпкія колѣнныя чашки и сочлененія. Заднія ноги лошади—это сильные, длинные рычаги, подобныхъ которымъ мы не встрѣчаемъ ни у одного скачущаго животнаго. Если мы сравнимъ скелетъ заднихъ ногъ зайца или кенгуру, то ноги лошади далеко превзойдутъ въ ихъ относительномъ, пропорціональномъ развитіи. Разумѣется, мы должны принять во вниманіе тяжесть тѣла у лошади, зайца и кенгуру.

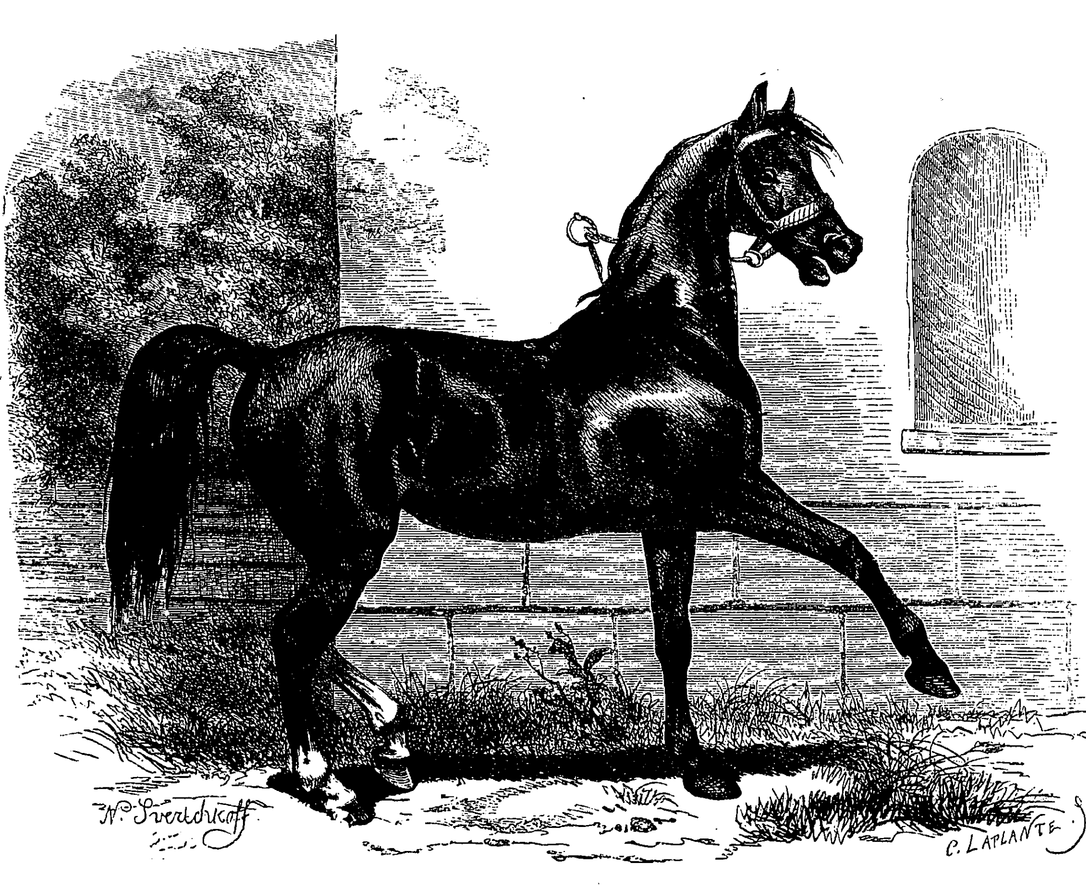
Такого развитія мышцъ, какое мы видимъ на заднемъ концѣ тѣла лошади,—мышцъ, управляющихъ движеніями ея заднихъ ногъ, мы не встрѣчаемъ ни у одного животнаго. Эта часть, извѣстная подъ именемъ «*крупа*», заканчиваетъ контуръ лошади красивыми округленными линіями.

Ноги лошади удлинены на счетъ ея пальца. Этотъ палецъ—единственный, оставшійся отъ всѣхъ другихъ пальцевъ и приспособленный къ ея бѣговой и скаковой жизни. Онъ одѣтъ снаружи на концѣ копытомъ, одѣтъ, какъ наперсткомъ, который не дозволяетъ животному повредить ногу при сильныхъ ударахъ о твердые предметы. Всѣ пальцы лошади, такъ сказать, соединились, слились въ этомъ единственномъ крѣпкомъ, богатырскомъ пальцѣ.

Все, слѣдовательно, въ лошади приспособлено къ движенію, движенію болѣе или менѣе быстрому, сильному, къ движенію поступательному, и съ этой точки мы должны прежде всего и преимущественно разсматривать лошадь.

Взгляните на скаковую лошадь, когда она несется, какъ птица, стараясь обогнать своихъ соперницъ. Все тѣло ея вытянуто почти въ прямую линію. Она какъ будто едва касается земли, но на самомъ дѣлѣ каждый ударъ ея копытъ о землю—это тяжеловѣсный ударъ всей тяжести ея тѣла и силы всѣхъ мышцъ ея ногъ. Эти ноги, какъ стальныя пружины, отбрасываютъ ея тѣло въ

воздухъ, и съ каждымъ новымъ прыжкомъ она прибавляетъ и новый запасъ силы, пожирающей пространство. У нея одна мысль, одно желаніе: скакать, скакать какъ можно быстрѣе, какъ можно скорѣе. Ее не такъ гонитъ хлыстъ сѣдока, какъ сильное желаніе опередить тѣхъ лошадей, которыя бѣгутъ, скачутъ вмѣстѣ съ ней. Одна секунда, одно мгновенье, и она будетъ у завѣтной цѣли, у пограничнаго столба, и, наконецъ, она достигла этого. Она фыркаетъ, громко ржетъ. Она вся волненіе. Дрожатъ ея грудь, ея ноги, каждый мускулъ ея тѣла. Она не чувствуетъ усталости. Она готова сейчасъ же опять пуститься въ новую, бѣшеную скачку. Громъ рукоплесканій, крики толпы, сливающіеся въ одинъ удивительно громкій торжественный крикъ, все электризуетъ ее, удваиваетъ, удесятеряетъ ея силы, ея порывы, ея стремленія, вложенныя въ нее самой природой. Гордая побѣдой, озираясь по сторонамъ, фыркая и волнуясь, она идетъ, или, правильнѣе, ее ведутъ — красивую побѣдительницу — перегнавшую на одну линію всѣхъ своихъ соперницъ.

Орловскій рысакъ.

Всѣ породы лошадей съ болѣе или менѣе легкими статьями могутъ быть названы *«восточными»* породами. Онѣ всѣ произошли съ востока, и въ нихъ во всѣхъ замѣшивается часть восточной крови арабскихъ скакуновъ.

Всѣ породы, въ которыхъ болѣе или менѣе выраженъ тяжелый складъ першеронской породы, произошли съ запада и могутъ быть названы *«западными»* породами.

Какъ смѣшанная порода изъ этихъ двухъ типовъ, является наша порода рысаковъ хрѣновскаго завода, графа Орлова. Первый родоначальникъ этой породы былъ жеребецъ *«Барсъ»*, родившійся въ 1784 году. По происхожденію его можно бы было назвать арабско-датско-голландскимъ жеребцомъ, такъ какъ въ выводѣ его участвовали производители и арабской, и датской, и голландской породы. Выводъ этой лошади дѣлаетъ высокую честь догадливости и умѣнью нашего знаменитаго коннозаводчика, графа Орлова. Вотъ что пишетъ объ этомъ одинъ изъ знатоковъ, гиппологъ Францъ Унтербергеръ, профессоръ ветеринарной школы въ Дерптѣ:

«То обстоятельство, что графъ соединилъ сперва жеребца *«Сметану»* съ датской породой, а затѣмъ Полкана съ голландской, обнаруживаетъ въ немъ геніальнаго коннозаводчика, который сумѣлъ оцѣнить вліяніе материнскаго организма на приплодъ. Сперва надо было провести арабскую кровь въ массивное тѣло, чтобъ она затѣмъ могла проникнуть въ голландскій матеріалъ, не нарушая гармоніи частей тѣла. Арабскій жеребецъ представлялъ какъ бы огонь, сила котораго должна была привести въ движеніе локомотивъ—тяжелую голландскую лошадь».

Раздѣленіе породъ лошадей на восточныя и западныя имѣетъ болѣе глубокое значеніе, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Восточныя лошади съ ихъ прототипомъ—арабскимъ конемъ—представляютъ поэтическое стремленіе человѣка къ свободѣ и ко всему возвышенному и прекрасному. Западныя породы, напротивъ, олицетворяютъ наклонность къ утилитаризму, къ насущнымъ матеріальнымъ выгодамъ и потребностямъ.

Арабскій конь могъ родиться только среди широкихъ полей и луговъ Аравіи, подъ ея сіяющимъ темносинимъ небомъ, подъ ночнымъ звѣзднымъ покровомъ безпредѣльныхъ степей, гдѣ было достаточно воздуха для его широкой, свободолюбивой груди. Онъ родился подъ благословеннымъ небомъ той страны, откуда съ незапамятныхъ библейскихъ временъ вывозились эти стройные, красивые, изящные скакуны, давшіе начало и англійскимъ кровнымъ скакунамъ, и сирійской породѣ, и нашимъ орловскимъ рысакамъ. Сохранилось преданіе, что арабская лошадь произошла отъ жеребца *«Цедъ-эль-ракеба»*, подареннаго людямъ царемъ Соломономъ, и отъ кобылицы *«Шердатъ-Шекбанъ»*.

Можно представить себѣ гармоничную жизнь араба, бедуина и арабскаго коня. Они оба любятъ одно и тоже: широкій просторъ пространства, свободу воздуха и людскихъ отношеній. Оба храбры и безстрашны. Оба живутъ возвышенными порывами опасностей и подвиговъ.

Библія, въ книгѣ Іова, такимъ образомъ описываетъ арабскаго коня. Богъ спрашиваетъ Іова:

19. «Можешь ли ты придать коню силы или одарить его ржаніемъ?»

20. «Можешь ли ты испугать его, какъ саранчу? Ужасное—составляетъ для него наслажденіе».

21. «Онъ роетъ ногой землю, топаетъ копытами и мчится на закованнаго въ броню. Онъ идетъ навстрѣчу оружію».

22. «Онъ смѣется надъ опасностью и не робѣетъ и не убѣгаетъ отъ меча».

23. «Колчанъ звучитъ надъ нимъ, сверкаютъ копье и дротикъ».

24. «Онъ дрожитъ и бушуетъ, роетъ копытомъ землю».

25. «При звукѣ трубы онъ бросается на врага въ одно мгновенье и еще издали слышитъ битву, кличъ полководцевъ и ликованье».

Но еще яснѣе и картиннѣе встаетъ образъ арабскаго коня въ стихахъ араба, въ стихахъ Абделькадера:

«И можетъ ли что-либо сравниться со славою нашихъ коней?
Они всегда осѣдланы для боя.
Для того, кто призываетъ насъ на помощь, они всегда обѣщаютъ вѣрную побѣду.
Враги наши не спасаются отъ удара нашихъ сабель,
Ибо кони наши бросаются на нихъ подобно коршунамъ».

Какъ жизнь лапландца сливается съ жизнью сѣвернаго оленя, такъ жизнь араба сливается съ жизнью арабской лошади. Жизнь его непонятна и немыслима безъ жизни его лошади. Съ малыхъ лѣтъ онъ привыкаетъ къ коню и выростаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Какъ-то странно, непривычно видѣть маленькихъ дѣтей, играющихъ, какъ съ собакой, съ большой взрослой лошадью. Она свободно входитъ въ шатеръ араба, ложится въ немъ, и дѣти гладятъ ее, цѣлуютъ ея атласистую морду, расправляютъ ея гриву. Мать смотритъ и любуется на эту игру своихъ дѣтей съ ихъ «Лули» (жемчужина). Лошадь никогда не сдѣлаетъ больно и непричинитъ что-нибудь злое или дурное дѣтямъ. Мать сама выкормила, выняньчила ихъ Лули—эту жемчужину ихъ стада. Она ухаживала за ней съ не меньшей любовью, какъ за своими родными дѣтьми. И умный арабскій конь чувствуетъ и понимаетъ это. Онъ ни за что не сдѣлаетъ больно дѣтямъ. Онъ очень остороженъ.

Когда минетъ ему полтора года, его начинаютъ пріучать къ сѣдлу и къ ѣздѣ. Арабъ знаетъ, что пріученье и привычка дѣлаютъ все съ молодымъ жеребенкомъ. «Гни молодое дерево, когда оно гнется,—говорятъ арабы,—старое дерево не погнется».

Конь и арабъ соединены всецѣло своими стремленіями къ воздуху и свѣту. Они оба слились нераздѣльно въ своемъ пристрастіи къ быстрому бѣгу. У обоихъ горячая, бѣшеная кровь требуетъ головокружительной быстроты, необузданныхъ порывовъ, любви къ пустынѣ, къ обширнымъ равнинамъ и къ вольному широкому простору. У обоихъ сверкаютъ глаза и раздуваются тонкія ноздри, когда они почуютъ свободный просторъ, воздухъ и бѣшеный бѣгъ, съѣдающій пространство. Они чувствуютъ одинаково, они сочувствуютъ и понимаютъ другъ друга.

Все, что волнуетъ кровь и возвышаетъ духъ—все это одинаково дорого и коню, и всаднику. Обаяніе великодушнаго подвига и презрѣніе всего низкаго, продажнаго, пятнающаго душу, составляетъ отличительное свойство араба и можетъ-быть незримо передается коню его. Удаль, храбрость, пылъ битвы — равно милы и дороги коню и всаднику.

Арабская лошадь.

Здѣсь является невольное, естественное, безсознательное сліяніе внутреннихъ психическихъ свойствъ того и другого, и вотъ почему они оба дороги другъ другу. Ни другу, ни брату, ни гостю арабъ не продастъ своего любимаго, завѣтнаго коня. Онъ знаетъ всѣ его повадки, привычки, достоинства и недостатки. Они всѣ дороги ему.

Пылкая, подвижная, поэтическая натура араба, склонная къ преувеличеніямъ, къ гиперболамъ, къ возвышеннымъ фантазіямъ, какъ бы связывается съ его быстрымъ, летучимъ, какъ фантазія, конемъ. И все это увеличивается и закрѣпляется религіознымъ вѣрованіемъ. Арабы вѣрятъ, что ихъ кони чистокровной, арабской породы произошли отъ тѣхъ кобылъ, на которыхъ ѣздилъ ихъ святой пророкъ Магометъ. Они вѣрятъ, что кобыла, любимица пророка, будетъ вмѣстѣ съ нимъ въ раю, вмѣстѣ съ гуріями, тогда какъ всѣ женщины лишены этого мѣста въ небесномъ саду, а вмѣстѣ съ нимъ и вѣчной жизни. — «Ewige Weibliche»—не можетъ переступить порогъ Магометова рая.

Настоящая арабская порода лошадей, по всѣмъ вѣроятіямъ, произошла изъ тѣхъ лучшихъ лошадей, которыя были подарены Святому пророку въ религіозномъ почтеніи правовѣрными мусульманами, а эти лошади, вѣроятно, вышли изъ возвышенныхъ нагорныхъ равнинъ Аравіи. Болѣе всего цѣнятся арабами лошади, происшедшія въ Неджѣ и воспитанныя племенемъ каадамъ.

Въ Геджасѣ лошадь является непремѣннымъ членомъ семьи, равно любимымъ, какъ и всѣ другіе члены семьи. Она даже ставится выше, чѣмъ самъ глава семьи. Если этотъ глава вернется въ родное племя одинъ, потерявъ лошадь, въ столкновеніи съ врагами, то онъ будетъ покрытъ въ глазахъ своей собственной семьи вѣчнымъ позоромъ. Если же лошадь возвратится одна, безъ своего хозяина, который палъ въ битвѣ, то сынъ его немедленно заступаетъ его мѣсто, какъ глава семьи, и принимаетъ на себя обѣтъ отомстить за убитаго. И все опять вступаетъ въ обычную колею. Лошадь сохранилась — главное сокровище семьи цѣло. О чемъ же горевать и сокрушаться?! Развѣ цѣнность человѣческой жизни можетъ считаться равною жизни боевого коня?!. Онъ истинное сокровище семьи, а все остальное ничтожно!..

Брэмъ приводитъ изъ арабскихъ источниковъ цитаты объ отношеніяхъ араба къ его коню. «Не называй это животное моимъ конемъ, а называй его моимъ сыномъ! Онъ бѣжитъ быстрѣе вихря, быстрѣе взора. Онъ чистъ, какъ золото. Его глаза даже въ темнотѣ увидятъ тонкій

волосъ. На бѣгу онъ догонитъ газель и орлу можетъ сказать»: «я несусь не тише тебя». При смѣхѣ дѣвушки онъ ржетъ отъ радости. Его сердце бьется сильнѣе при свистѣ пуль. Изъ рукъ женщины онъ приметъ даже милостыню, врага же топчетъ въ лицо. Когда онъ можетъ мчаться, какъ вихрь, то отъ радости плачетъ. Это благородный конь, которому ничтожно бѣшенство бури. Онъ презираетъ его и мчится въ пасмурный день точно такъ же, какъ и въ ясный. На землѣ нѣтъ существа ему равнаго. Онъ носится, какъ ласточка. Онъ понимаетъ все, и ему недостаетъ только одного—дара слова».

Древніе арабскіе писатели и ученые разсказываютъ, что при сотвореніи міра, когда Творецъ задумалъ создать коня, то Онъ обратился къ вѣтру и сказалъ: «Ты долженъ родить существо, которое будетъ пользоваться моимъ почетомъ. Рабы мои будутъ любить и уважать его. Его будутъ бояться не почитающіе моихъ заповѣдей». И когда Онъ создалъ коня, то сказалъ ему:

«Съ тобой не можетъ сравниться ни одно животное. Всѣ сокровища земли лежатъ между твоими глазами. Ты будешь топтать моихъ враговъ и носить моихъ друзей. Съ твоего хребта будутъ произноситься обращенія ко мнѣ. Ты будешь счастливъ на землѣ, и тебя будутъ цѣнить дороже всѣхъ существъ, такъ какъ тебѣ будетъ принадлежать любовь высшаго существа — любовь человѣка, властителя земли. Ты будешь летать безъ крыльевъ и побѣждать безъ меча».

Понятно, что, при такомъ фанатическомъ взглядѣ на лошадь, арабъ цѣнитъ и дорожитъ ею и ставитъ жизнь ея выше человѣческой жизни. Ни за какія деньги и сокровища арабъ не продастъ своего либимаго коня, который въ то же время есть любимецъ семьи. Но украсть лошадь арабъ не считаетъ грѣхомъ.

Сохранился разсказъ объ одной арабской лошади, которая была отличнымъ скакуномъ. Одинъ бедуинъ укралъ эту лошадь у ея хозяина и спасался на ней отъ погони. Лошадь эту нельзя было нагнать ни на какой другой лошади, но для этого необходимо было знать средство, которое заставляло ее бросаться, какъ бѣшеную, въ неистовую скачку. Для этого нужно было укусить правое ухо лошади. Когда арабъ, владѣлецъ лошади, увидѣлъ, что онъ почти догоняетъ вора, то пришелъ въ отчаяніе. Онъ не могъ представить себѣ, какъ можно было догнать его лошадь, и, не помня себя, закричалъ похитителю:

— Да укуси, подлецъ, ей правое ухо! Укуси!

Воръ исполнилъ этотъ совѣтъ и лошадь ускакала вмѣстѣ съ нимъ.

Между легкими (восточными) скаковыми лошадьми вслѣдъ за арабской лошадью должно поставить англійскую скаковую лошадь. Она произошла отъ скрещиванія арабской лошади съ англійскими, рослыми лошадьми, а также съ варварійскими, турецкими, персидскими и даже испанскими. Начался такой выводъ еще при Карлѣ I-мъ. Но дѣйствительное воспитаніе англійскихъ скакуновъ должно быть отнесено къ царствованію Карла II-го. Въ теченіе почти ста лѣтъ съ 1660 по 1750 годъ было привезено въ Англію множество кобылицъ и жеребцовъ, которые улучшили и закрѣпили породу англійскихъ скаковыхъ лошадей.

Выводъ этихъ лошадей стоилъ громадныхъ суммъ. Огромныя деньги проигрывались на скачкахъ Дерби, и если мы сравнимъ эту бѣшеную, сумасбродную забаву съ тѣмъ, что приноситъ арабу его кровный арабскій скакунъ, то навѣрное придемъ къ заключенію, что выводъ этихъ лошадей, точно также какъ и всякая забава, не можетъ дать ничего разумнаго и полезнаго ни усовершенствованію человѣчества, ни усовершенствованію лошадей.

Здѣсь природныя качества этаго благороднаго, прекраснаго животнаго приносятся въ жертву пустой, противоестественной забавѣ. Скаковую лошадь приготовляютъ къ скачкѣ. Ее *тренируютъ*, т. е. кормятъ ее впроголодь, чтобы убавить въ ней, на сколько возможно, вѣсъ. Тоже самое продѣлываютъ и съ жокеемъ, который долженъ скакать на ней.

У насъ, въ Россіи, нѣтъ породы, спеціально выведенной для скачекъ. И слава Богу!—скажемъ мы, наблюдая азартную игру, которая ведется у насъ на скачкахъ, съ единственной цѣлью выиграть извѣстную, часто весьма ничтожную сумму, при посредствѣ тотализатора.

Мѣсторожденіе всѣхъ видовъ и породъ лошадей находится въ Россіи или въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя прилегаютъ къ Россіи. Слѣдовательно въ нашихъ странахъ и должно было возникнуть множество породъ лошадей. И дѣйствительно ни одна страна въ свѣтѣ не имѣетъ столько породъ лошадей, и дикихъ, и полудикихъ, и одичавшихъ, сколько имѣетъ ихъ Россія.

На сѣверѣ ея мы встрѣчаемъ небольшихъ *клепперовъ*, съ широкой мускулистой грудью, съ широкой, округлой шеей, съ тонкими мускулистыми ногами, съ длинными цилиндрическими копытами, въ видѣ удлиненныхъ стаканчиковъ. Лифляндскія и курляндскія клепперы отличаются большой головой и тонкимъ хвостомъ. Изъ нихъ, вѣроятно, произошли наши сѣверныя *мезенскія* и *онежскія* лошади. Изъ лошадей этой породы въ особенности славятся вятскія лошади или *обвинки*. Царь Алексѣй Михайловичъ и за тѣмъ Петръ Великій посылали въ Вятку лифляндскихъ и курляндскихъ клепперовъ для усовершенствованія туземной породы.

Къ нимъ же, вѣроятно, должно отнести теперь уже исчезающую породу крѣпкихъ и сильныхъ небольшихъ *казанскихъ* лошадей или *казанокъ*, но очень можетъ быть, что эта порода возникла совершенно независимо изъ степныхъ *башкирокъ*.

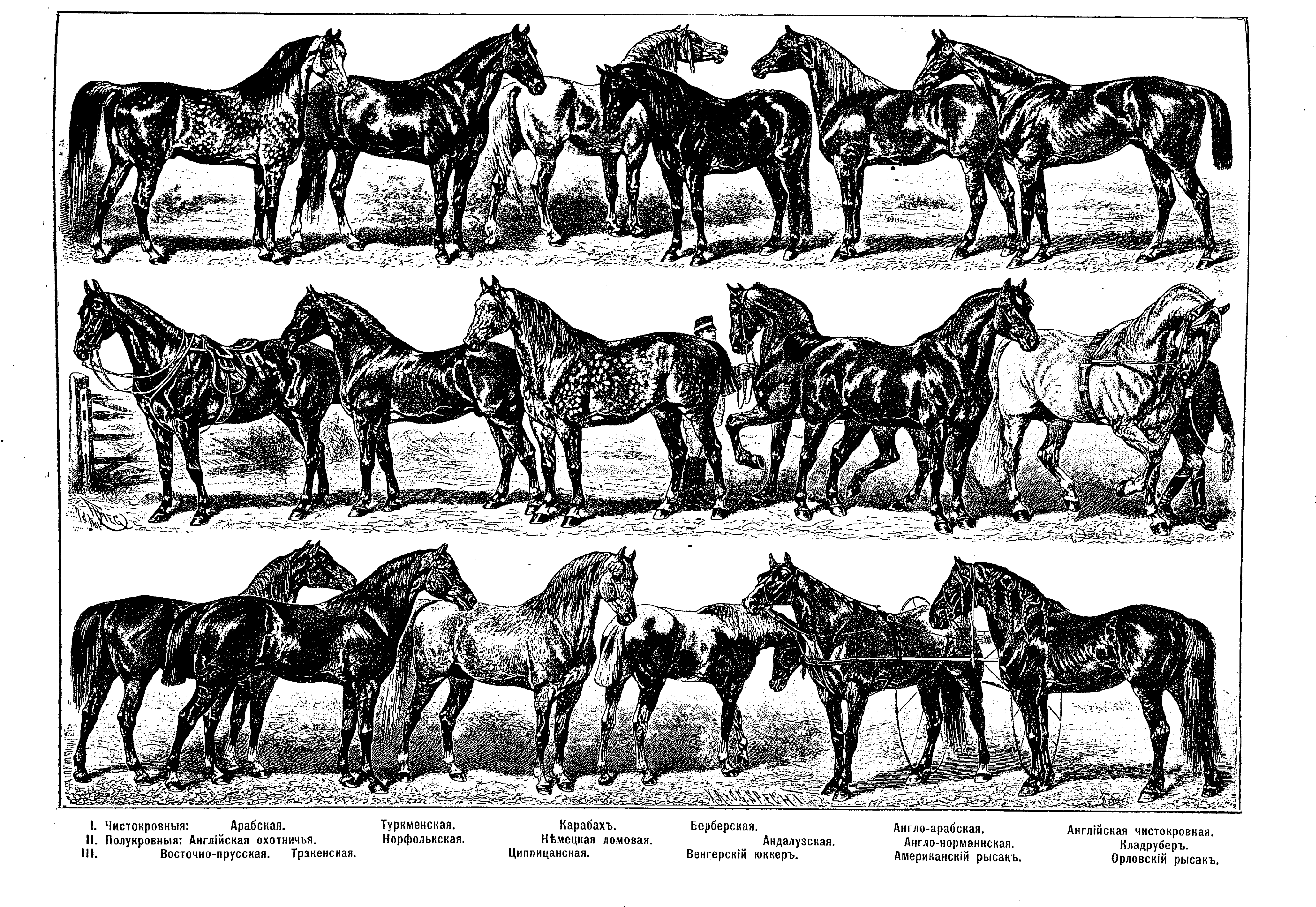
Сибирь славится своими лошадьми, крѣпкими и выносливыми, которыхъ родина, вѣроятно, скрывается въ горахъ средней Азіи. Между этими лошадьми знатоки отличаютъ нѣсколько породъ: *барабинскую* лошадь, *бурятскую, ачинскую, кузнецкую* (живущую у кузнецкихъ татаръ, около рѣкъ Томи и Оби), *саянскую* и *тунгузскую* лошадь—маленькую, но красивую и сильную лошадку, разводимую по Енисею и Ленѣ до Амура.

Восточныя лошади точно также дробятся на множество породъ: «Лошади аравійскаго племени,—говоритъ профессоръ Эверсманъ (неутомимый изслѣдователь волго-уральской фауны), — приводимыя изъ Бухары и Хивы, извѣстны подъ именемъ *аргамаковъ*. Ихъ приводятъ цѣлыми караванами, но всегда однихъ жеребцовъ, и никакъ нельзя уговорить купцовъ, чтобъ они приводили и кобылъ. Вѣроятно, это тамъ строго запрещено. Въ населенныхъ мѣстахъ Бухары и Хивы разводятся только аргамаки, степныхъ же лошадей нѣтъ вовсе... Аргамаки чрезвычайно злы, храбры, живы и легки, скачутъ очень быстро, но нѣжны и требуютъ рачительнаго ухода».

Кромѣ аргамаковъ между восточными породами различаютъ: лошадей *татарскихъ, киргизскихъ, калмыцкихъ* и *ногайскихъ*.

Къ этимъ породамъ примыкаютъ *донскія* и *запорожскія* лошади. По мнѣнію извѣстнаго гипполога Рутенберга, донская порода произошла отъ смѣси татарской и арабской. Онѣ средняго роста, съ головой небольшой, слегка горбатой, и съ тонкою шеею. *Запорожская* лошадь считается выше донской. Но та и другая представляютъ легкихъ, поджарыхъ коней — быстрыхъ скакуновъ, способныхъ увлечь чувство и вдохновеніе поэта, какъ свидѣтельствуетъ слѣдующее стихотвореніе:

«Мы пили донское и чаша донского
Ходила за здравье донского коня.
Онъ ратный сочленъ мой, я мыслилъ порою,
Я праведной чести съ него не сниму...
Полбремени пусть онъ раздѣлитъ со мною,
А славу добуду—полславы ему!..»

I. Чистокровныя: Арабская. Туркменская. Карабахъ. Берберская. Англо-арабская. Английская чистокровная.
II. Полукровныя: Английская охотничья. Норфолькская. Нѣмецкая ломовая. Андалузская. Англо-норманнская. Кладруберъ.
III. Восточно-прусская. Тракенская. Циппицанская. Венгерскій юккеръ. Американскій рысакъ. Орловскій рысакъ.

Наконецъ, наши кавказскіе кони принадлежатъ также къ нѣсколькимъ породамъ. Рутенбергъ различаетъ ихъ четыре: *карабахская*, *кабардинская*, *лезгинская* и *трухменская*.

Изъ всѣхъ изъ нихъ самая красивая — это карабахская порода:—небольшого роста, золотисто рыжей масти, тонкихъ, сухихъ статей, съ маленькой головой. Съ тонкими, мускулистыми ногами, съ маленькими, узкими копытами, эти лошади легко, быстро взбираются на крутыя, горныя тропинки и вообще составляютъ гордость и утѣху кавказцевъ. Онѣ такъ же свыклись и сжились съ горами, съ чистымъ горнымъ воздухомъ, какъ всѣ породы лошадей съ просторомъ степей.

Всѣ перечисленныя породы принадлежатъ къ верховымъ или рысистымъ лошадямъ, но у насъ есть своя русская порода, выведенная исключительно для перевозки тяжестей, это—*битюги*, большія массивныя лошади, отчасти напоминающія клайдесдальскую породу или першероновъ. Она развилась первоначально въ Тамбовской и Воронежской губерніяхъ. Хорошій битюгъ тащитъ пудовъ полтораста даже на гору. Онъ можетъ пройти крупной рысью около 80 верстъ, почти не отдыхая. Сила его и самая наружность (экстеріоръ) изумительны. Шея широкая. Въ особенности длинны остистые отростки шейныхъ позвонковъ. Грудь широкая, мускулистая. Ноги необыкновенно толстыя, также мускулистыя, спина красиво выгнута, и громадный округленный крупъ указываетъ на необычайную силу заднихъ ногъ.

Датская.
Норвежская фіордная.
Шотландскій пони.
Осленокъ.

Битюгъ.
Финляндскій клепперъ.
Мулъ.

При взглядѣ на черепъ лошади даже самой стройной пропорціональной арабской породы, насъ поражаетъ несоразмѣрность частей его. Сильное развитіе передней, удлиненной части и малая величина черепной чашки, т. е. той части, въ которой помѣщается мозгъ лошади— этотъ центръ всей чувствительной и двигательной нервной системы. Судя по величинѣ этого мозга, мы не можемъ составить себѣ понятія о блестящихъ или выдающихся умственныхъ способностяхъ лошади, но здѣсь есть извѣстная поправка, регулирующая эту непропорціональность.

Прежде всего должно сказать, что передняя часть головы развилась вполнѣ необходимо и законно. Она развилась потому же самому, почему удлинилась передняя носовая часть головы у борзой или гончей собаки. Кромѣ сильнаго развитія обонятельной полости, эта часть удлинилась потому же, почему вытягивается передняя часть у очень многихъ быстро бѣгающихъ животныхъ. Сильное поступательное движеніе должно было отразиться на удлиненіи передней части головы. Удлинились челюсти—и верхнія, и нижнія, удлинились носовыя кости, а вся задняя часть головы, вся черепная чашка отодвинулась назадъ и сократилась. Вотъ отчего эта чашка слабо развита и также слабо развитъ мозгъ лошади.

Но онъ также слабо развитъ у всѣхъ быстро бѣгающихъ или летающихъ животныхъ. Зато у нихъ мы видимъ энергическое, сильное дыханіе и кровообращеніе, т. е. встрѣчаемъ сильное развитіе тѣхъ системъ органовъ, отъ которыхъ зависитъ энергія функцій всѣхъ органовъ, а въ томъ числѣ и нервной системы. Всѣ лошади сильнѣе, энергичнѣе дышатъ и сильнѣе, быстрѣе обращается кровь въ ихъ сосудахъ. При быстрыхъ движеніяхъ ускоряется или, правильнѣе говоря, учащается кровообращеніе и дыханіе. Вотъ почему многія животныя съ слабымъ развитіемъ мозга, кажутся намъ на столько же, если не болѣе, умными, какъ и животныя съ большимъ мозгомъ. При томъ, при оцѣнкѣ мозговой умственной дѣятельности, мы всегда должны держать въ памяти одно условіе. Выдающіеся умные поступки животныхъ сильнѣе бросаются въ глаза, и мы ихъ невольно переносимъ на цѣлую породу и даже на видъ животнаго. Мы не подсчитываемъ, сколько индивидовъ, экземпля-

ровъ въ этомъ видѣ животныхъ отличаются выдающимися умственными способностями и какъ велико число тѣхъ экземпляровъ, которые такихъ способностей не имѣютъ. Если мы видимъ одиночные примѣры проявленія большого ума, сообразительности, понятливости и проч., то эти примѣры мы распространяемъ и на весь видъ и говоримъ, что лошадь или собака умна или понятлива, сообразительна и т. п.

Обоняніе лошади развито очень сильно. Она прекрасно отличаетъ запахъ своего хозяина отъ запаха чужихъ людей или запахъ той посуды, изъ которой ее ежедневно кормятъ. У арабовъ даже считается признакомъ чистокровности лошади, если она отличаетъ собственную посуду и не ѣстъ изъ другой посуды. Чуткость слуха точно также сильно развита у лошади. Ея сильно подвижное ухо можетъ улавливать легкій шумъ и шорохъ на значительныхъ разстояніяхъ. Точно также сильно развито и ея зрѣніе. Въ ночной темнотѣ съ помощью чутья она отыскиваетъ знакомую ей дорогу. Много разъ, въ зимнюю ночь, въ мятель и непогоду лошади сами находили дорогу, и это очень хорошо извѣстно тѣмъ крестьянамъ-извозчикамъ, которымъ приходится часто ѣздить въ зимнее время.

Ширская. Першеронъ. Пинцгауэрская.

Клайдесдальская. Суффольская. Арденнская.

Такимъ образомъ, всѣ чувства лошади, чуткія и воспріимчивыя, какъ бы дополняютъ то, что недостаетъ ея мозгу. Они даютъ обильный матеріалъ для ея сужденій и дополняютъ количествомъ то, что недостаетъ качеству ея умственныхъ способностей.

Понятливость лошадей достаточно доказывается тѣмъ приспособленіемъ къ разнымъ штукамъ и фокусамъ, которыхъ выучиваютъ лошадей въ циркахъ.

Можно привести довольно много примѣровъ догадливости и сообразительности лошади. Сансонъ разсказываетъ, въ своемъ лексиконѣ медицинскихъ и ветеринарныхъ наукъ, объ одной лошади, которая удивительно ловко умѣла развязывать недоуздокъ и освобождаться почти каждую ночь. Она была вообще очень хитра и кусалась именно въ то время, когда на нее не обращали никакого вниманія. Она оставалась покойной во все время, пока на нее смотрѣли, но какъ только отъ нея отвертывались, она тотчасъ же хватала зубами и кусала того, кто стоялъ ближе къ ней. Освободившись отъ недоуздка, она шла къ ларю съ овсомъ, поднимала мордой его крышку и наѣдалась вволю. Ларь заперли висячимъ замкомъ. Она зубами сломала его. На крышку положили камень въ пудъ вѣсомъ. На другой день этотъ камень былъ сброшенъ на землю. Тогда ларь повернули замкомъ къ стѣнѣ, и снова навалили на него тяжелый камень. Лошадь сбросила его и отодвинула одинъ уголъ ларя отъ стѣны какъ разъ настолько, чтобы ей можно было приподнять его крышку. Около шарнира вся стѣнка была изгрызена. Очевидно это были первыя попытки проникнуть внутрь ларя.

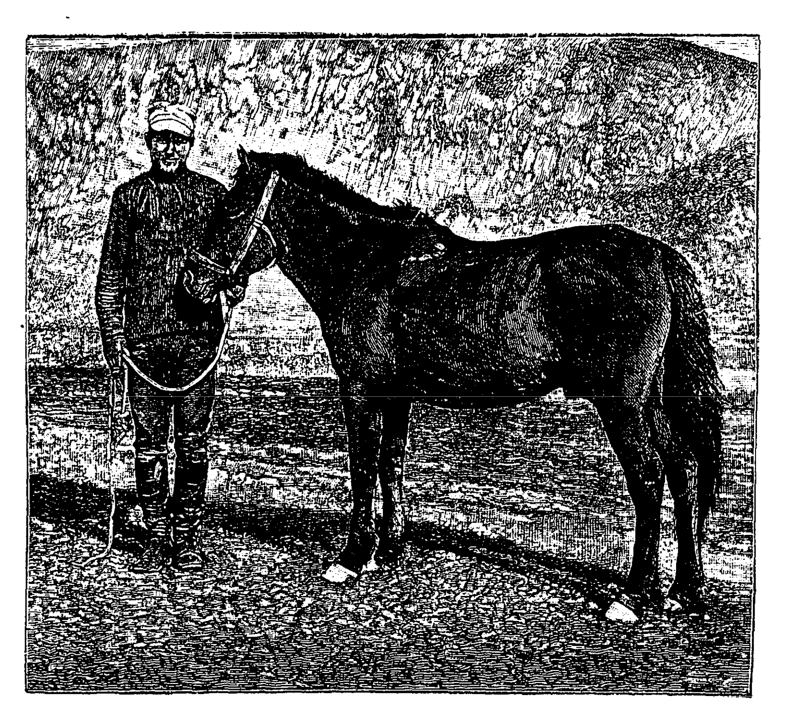
Аликсъ приводитъ разсказъ объ одной лошади, которая научилась очень ловко отодвигать задвижку у двери конюшни. Дверь раздѣлялась на двѣ половины: верхнюю и нижнюю. Обѣ онѣ отворялись внутрь конюшни, нижняя запиралась на задвижку, и эту задвижку лошадь умудрялась отодвигать, а затѣмъ отворять половинку двери, оттягивая ее мордой внутрь конюшни. Она это дѣлала въ то время, когда никто не наблюдалъ за ней, дѣлала осторожно, очевидно скрывая свою попытку вырваться изъ конюшни на свободу. Новая задвижка, которую нельзя было отодвинуть такъ просто, положила конецъ этимъ попыткамъ. Но лошадь все-таки нашла средство освободиться, она ухитрилась отворять всю дверь, которая затворялась и припиралась поперекъ желѣзной полосой. Лошадь ухитрилась приподнимать эту полосу и отпирать обѣ половинки двери правую и лѣвую.

Рядомъ съ конюшней, въ которой содержалась эта лошадь, были другія, девять отдѣленій, въ которыхъ были помѣщены девять лошадей. Изъ нихъ только двѣ по-

слѣдовали примѣру этой догадливой лошади и выходили изъ стойлъ, отодвигая задвижку.

Другой случай понятливости и подражательности лошади мы встрѣчаемъ у Романэя. «У меня была,—говоритъ онъ,—лошадь, которая освобождалась отъ своего недоуздка, какъ только замѣчала, что кучеръ уходитъ спать. Освободившись, она отодвигала оба деревянные засова, которыми задвигались трубы, идущія отъ закромъ, полныхъ овсомъ, и овесъ сыпался на землю. Очевидно, она подражала кучеру, который при ней высыпалъ изъ закромъ овесъ такимъ же образомъ. Она отвертывала также кранъ отъ воды, а въ душныя лѣтнія ночи отворяла окна, оттягивая за веревку запиравшія ихъ задвижки».

У того же автора мы находимъ разсказъ о замѣчательномъ случаѣ, подлинность котораго засвидѣтельствована людьми компетентными. У одного воспитателя лошадей, Г. Уильяма Синклера, былъ пони, котораго онъ подковалъ въ кузницѣ нѣкоего мистера Пратта, подковалъ для того, чтобы на этомъ пони можно было ѣздить изъ его дома въ школу. Спустя годъ или два этотъ самый пони является въ кузницу М-ра Пратта безъ узды. Кузнецъ думалъ, что маленькая лошадка вырвалась изъ конюшни и прибѣжала къ нему. Онъ прогналъ его, бросая въ него мелкіе гальки, и только что принялся за работу, какъ пони опять явился и просунулъ голову въ окошечко двери. Кузнецъ хотѣлъ прогнать его вторично, какъ нечаянно взглянулъ на его ноги и увидѣлъ, что онъ потерялъ одну подкову. Онъ впустилъ его въ кузницу, подковалъ ему ногу, и когда кончилъ операцію, то лошадка нѣсколько разъ попробовала, удобна ли подкова, хорошо ли пригнана, и затѣмъ съ самодовольнымъ ржаніемъ, поднявъ голову, отправилась галопомъ къ себѣ домой. Велико было удивленіе ея хозяина, когда онъ увидѣлъ свою лошадку, подкованную на всѣ четыре ноги. Но еще болѣе изумился онъ, когда нѣсколько дней спустя, онъ зашелъ въ кузницу и услыхалъ отъ кузнеца разсказъ объ удивительной сообразительности его пони.

Лошадь алтайской расы.

Существуетъ много анекдотовъ о феноменальной памяти лошадей. Вотъ одинъ изъ нихъ, который разсказываетъ Алексисъ, ссылаясь на Брэма, хотя у Брэма такого разсказа не находится.

Онъ разсказываетъ, что извѣстный польскій генералъ Костюшко довольно долго жилъ въ Швейцаріи. Одинъ разъ онъ хотѣлъ сдѣлать подарокъ бѣдному, старому священнику и, чтобы избѣжать его благодарности, онъ поручилъ отвезти вино одному молодому человѣку и, такъ какъ путь былъ длиненъ, то онъ далъ ему свою лошадь, на которой онъ обыкновенно ѣздилъ. Молодой человѣкъ, возвратившись, обратился къ Костюшкѣ съ такой просьбой:

— Въ другой разъ, генералъ, если вы довѣрите мнѣ вашу лошадь, то я прошу васъ одолжить мнѣ и вашъ кошелекъ.

— Зачѣмъ?—спросилъ, удивившись Костюшко.

— А затѣмъ, что ваша лошадь, какъ только увидитъ бѣднаго, то тотчасъ же, хотя бы скакала галопомъ, остановится и до тѣхъ поръ не поѣдетъ дальше, пока не подашь милостыню этому бѣдному. Можете судить о моемъ затруднительномъ положеніи, такъ какъ у меня въ карманѣ не было ни гроша, и я поневолѣ долженъ былъ дѣлать видъ, что я подаю милостыню. Но эта милостыня была фальшивая...

Если разсказъ справедливъ, то онъ ясно обрисовываетъ наклонность лошади къ запоминанію привычекъ или поступковъ ея хозяина.

Память лошадей необыкновенно развита. Достаточно, чтобы впечатлѣніе отъ какого-нибудь предмета или происшествія разъ промелькнуло въ ея представленіи, и память о немъ уже осталась въ ея мозгу, если не на всегда, то на долгое время. Въ особенности эта память развита у полудикихъ, парагвайскихъ лошадей. Дорога изъ Вилла-Реале въ Миссіонерское поселеніе занимаетъ не менѣе 50 миль, и достаточно, чтобы лошадь одинъ разъ прошла по этой дорогѣ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она одна вернется по ней и придетъ обратно въ Вилла-Реале. Въ дождливое осеннее время, когда дорога скрывается подъ водою, лошадь все-таки отыщетъ ее и выведетъ хозяина, куда слѣдуетъ. Въ этомъ случаѣ, вѣроятно, ею руководитъ чутье и въ особенности «чувство мѣстности».

Но не одна память сильно развита въ лошади. Нѣтъ, она выказываетъ при случаѣ удивительную сообразительность и осторожность, въ особенности во время сильнаго возбужденія всѣхъ ея психическихъ способностей. Въ сборникѣ «*Нивы*» (1891 г.) помѣщенъ разсказъ, повидимому, одного очевидца о поведеніи лошади въ виду смертельной опасности. Этотъ разсказъ такъ доказателенъ и такъ ярко обрисовываетъ свойства и способности лошади, что я считаю необходимымъ привести его здѣсь.

Одинъ путешественникъ, фотографъ-любитель А—въ, остановился съ своими знакомыми на привалѣ, въ горахъ Кавказа. Буря, прошумѣвшая наканунѣ, размыла и испортила дороги. Фотографу А—ву необходимо было опередить офицеровъ компаніи, съ которой онъ ѣхалъ, на нѣсколько дней, и онъ рѣшается ѣхать одной очень трудной и опасной тропинкой, извѣстной подъ именемъ «мышиной тропы». Тропинка настолько узка, что во многихъ мѣстахъ по ней можетъ проѣхать только одна лошадь. Повернуться на ней невозможно, и путникъ поневолѣ долженъ ѣхать все впередъ. Въ началѣ пути г. А—ва провожалъ Ахметъ, одинъ изъ черкесовъ, но онъ могъ проводить его только до того мѣста, гдѣ начиналась «мышиная тропа». Прощаясь съ нимъ, онъ сказалъ:

— Дорога одна... поворотовъ не будетъ... Надо ѣхать шагомъ тихо... осторожно... шагомъ... хорошо будетъ!

«Я привязалъ,—разсказываетъ А—въ,—поводъ моей вьючной лошади къ сѣдлу той лошади, на которой ѣхалъ, и вступилъ на тропу. Лошади шли безъ всякаго управленія. Онѣ шли тихо, ровнымъ шагомъ. «Мышиная

тропа» пролегала карнизомъ по крутому скату горы, которая уходила въ глубокую пропасть.

«Дорога становилась уже...

«Лѣвая нога моя, вдѣтая въ стремя, висѣла надъ пропастью, правая была на вершокъ отъ стѣны.

«Лошадь моя насторожила уши и убавила ходъ... Моя правая нога коснулась стѣны... Она мѣшаетъ ходу лошади... Тропа становится уже... Я переношу ногу на лѣвую сторону и сижусь бокомъ. Обѣ ноги мои висятъ надъ пропастью.

«Впереди за поворотомъ видна довольно широкая площадка. До нея остается 4 или 5 шаговъ не болѣе. Еще нѣсколько шаговъ, и трудный, головокружительный путь конченъ.

«Осталось 4, 3, 2 шага. Глаза мои устремляются за поворотъ, и за нимъ ничего нѣтъ...

«Мышиная тропа» оборвана. Впереди глубокая, зіяющая пропасть.

«Въ этотъ самый моментъ вьюкъ сильно черкнулъ о стѣну и какъ будто врѣзался въ нее... Я слышу необычайный крикъ, крикъ, котораго я ни прежде, ни потомъ никогда не слыхивалъ. Это закричала вьючная лошадь. Вмигъ и я, и лошади замерли на мѣстѣ... Я повернулъ голову налѣво, и мнѣ представилась ужасная картина. Два черныхъ глаза, широко открытые и выступившіе изъ орбитъ, были неподвижно устремлены на меня. Шея и голова съ торчащими ушами, раздутыми ноздрями и полуоткрытымъ ртомъ были вытянуты впередъ... Корпусъ лошади съ лѣвымъ вьюкомъ висѣли надъ пропастью... Лошадь упиралась только двумя лѣвыми ногами... Правыя были подняты для шага, который она не успѣла сдѣлать... Казалось бы достаточно было одного легкаго движенія впередъ или даже одного дуновенія вѣтра, чтобы я и обѣ лошади исчезли въ пропасти.

«Извѣстное выраженіе *висѣть на волоскѣ* было вполнѣ приложимо къ нашему положенію...

«Я обсуждалъ всѣми силами моего разума то, что нужно было сдѣлать въ данномъ случаѣ. Необходимо было прежде всего освободить себя отъ всѣхъ вещей, чтобы можно было дѣйствовать совершенно свободно. Балансируя, какъ акробатъ на канатѣ, я снялъ съ себя винтовку и патронташъ и спустилъ ихъ на землю. Затѣмъ надо было освободить поводъ, привязанный къ моему сѣдлу и тянувшій вьючную лошадь впередъ... Удерживая лѣвой рукой поводъ въ натянутомъ положеніи, я отрѣзалъ узелъ и тихо опустилъ ремни... Лошадь не измѣнила положенія головы. Она осталась, какъ была, съ вытянутой шеей, съ прямо торчащими ушами и съ полуоткрытымъ ртомъ. Перенеся обѣ мои ноги на крупъ моей лошади, я сползъ между лошадьми на землю, снялъ съ себя шляпу и верхнее платье и, опустившись на колѣна, поползъ подъ вьючную лошадь. Здѣсь рукояткой нагайки, снизу, уперся въ дно прилегавшаго къ стѣнѣ вьюка и сдѣлалъ усиліе приподнять его... Разъ! Вьюкъ немного приподнялся... Вмѣстѣ съ тѣмъ опустились и приподнятыя для шага ноги лошади... Затѣмъ еще и еще усиліе, и вьюкъ былъ перемѣщенъ на спину лошади. Далѣе двигать было опасно, такъ какъ вьюкъ могъ перетянуть и увлечь лошадь въ пропасть. Я проползъ далѣе, поднялся и осмотрѣлъ лошадь сзади. Она стояла настолько прямо, что я могъ взобраться на нее и снять вьюки съ крючьевъ. Я спустилъ ихъ на тропу сзади, и обѣ лошади теперь стояли прямо. Къ вьюкамъ я привязалъ бичевку и, держа конецъ ея въ рукѣ, проползъ снова впередъ. Моя верховая лошадь стояла на два шага отъ края обрыва. Тропа прерывалась на разстояніи около двухъ аршинъ. Затѣмъ лежала площадка... Если бы была возможность хотя нѣсколько разбѣжаться, то такое разстояніе можно было бы перепрыгнуть. Но я не могъ этого сдѣлать... Мнѣ оставалось предоставить этотъ опасный и можетъ быть послѣдній въ жизни шагъ, предоставить смыслу и ловкости животнаго. Моя работа закончилась тѣмъ, что я свободный конецъ бичевки отъ вьюковъ перебросилъ на площадку, затѣмъ проползъ къ моему платью и оружію, надѣлъ все на себя и снова влѣзъ на сѣдло...

«Теперь наступила очередь работы для моей лошади. Умное животное! Она видимо вполнѣ сознавала всю важность предстоящаго ей рѣшительнаго шага. Повернувъ ко мнѣ голову, она взглядомъ какъ будто спрашивала: «Пора ли?» — Вмѣсто отвѣта я слегка погладилъ ее по шеѣ. Взмахнувъ головой, какъ бы пробуя, не мѣшаетъ ли ей поводъ, она вытянула шею, сдѣлала оставшіеся два шага и поставила обѣ переднія ноги рядомъ на краю обрыва. Наступила страшная, послѣдняя минута!.. Я прошепталъ молитву и послѣднее «прости» всему свѣту... Лошадь тихо, осторожно подвигала заднія ноги впередъ и стала всѣми четырьмя ногами вмѣстѣ... Но такую позу она занимала одно мгновеніе. Крѣпко упершись въ край обрыва задними ногами, она вдругъ, но безъ порыва, вытянулась, какъ струна, мелькнула надъ бездной и мягко опустилась на площадку...

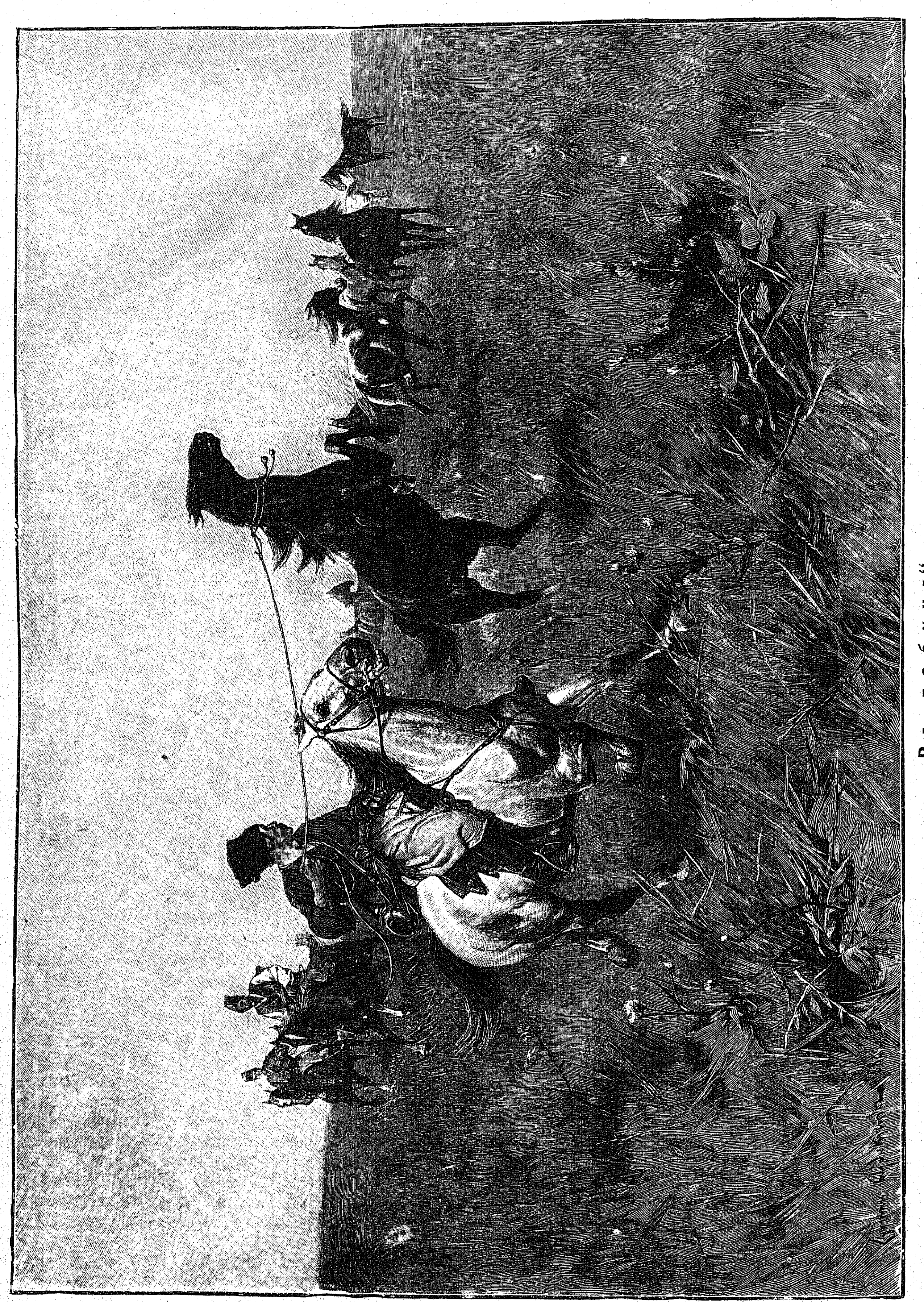
«Я мигомъ соскочилъ на землю и отвелъ лошадь къ стѣнѣ, такъ какъ другая стояла уже наготовѣ сдѣлать такой же скачокъ и для нея нужно было дать мѣсто. Еще минута, и мы всѣ были на площадкѣ; на роковомъ мѣстѣ оставались только вьюки, которые я могъ перетащить за протянутую къ нимъ бечевку. Но сдѣлать этого я былъ не въ силахъ: я такъ много пережилъ за эти послѣдніе полчаса, что силы мои истощились окончательно, и я едва успѣлъ опуститься на землю, какъ уже заснулъ глубокимъ сномъ...

«Меня разбудили товарищи, которые, прибывъ къ развалинамъ, не нашли меня на мѣстѣ и немедленно отправились разыскивать мои слѣды»...

Лошадь, какъ и всякое животное, поддается скорѣе ласковому и разумному обращенію человѣка, чѣмъ насилію и запугиваніямъ. Но люди, воспитывающіе, выѣзжающіе и объѣзжающіе лошадей, обыкновенно не знаютъ или не понимаютъ этого правила. Въ степныхъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ Парагваѣ, съ молодыми лошадьми, которыя въ первый разъ подчиняются волѣ человѣка, обращаются крайне сурово и жестоко. Ее ловятъ, привязываютъ къ столбу, несмотря на ея отчаянное сопротивленіе, и надѣваютъ на нее узду. Нѣсколько человѣкъ, чуть не цѣлая толпа, набрасываются на лошадь и совершаютъ эту операцію. Затѣмъ ее тихонько, незамѣтно для нея, отвязываютъ отъ столба, но въ это самое время на ней уже сидитъ всадникъ, вооруженный крѣпкимъ хлыстомъ и длинными острыми шпорами. Какъ только отпустятъ такую лошадь отъ столба, она начинаетъ брыкаться, прыгать, бить передними и задними ногами. Она дѣлаетъ отчаянные курбеты, стараясь сбросить сидящаго на ней, но онъ держится крѣпко, колетъ ея бока, такъ что кровь бѣжитъ изъ подъ его острыхъ шпоръ, и бьетъ ее, хлещетъ изо всей силы хлыстомъ. Лошадь, ошеломленная болью, испуганная этимъ обращеніемъ, пробуетъ сопротивляться и побѣдить нападающаго. Она дѣлаетъ отчаянные прыжки, жалобно ржетъ, бьетъ и лягается, и, наконецъ, вскакиваетъ на дыбы и бросается куда глаза глядятъ, бросается въ бѣшеную, неистовую скачку. Она бѣжитъ отчаяннымъ нервнымъ галопомъ, скачетъ нѣсколько верстъ. Она вся въ мылѣ. Силы ее покидаютъ. Она чувствуетъ, что не можетъ ничего сдѣлать со своимъ сильнымъ, страшнымъ всадникомъ и поневолѣ покоряется ему. Она останавливается, дышитъ тяжело, косится, прядаетъ глазами и начинаетъ идти шагомъ. Она сломлена, побѣждена, но еще не укрощена и не порабощена. Грубую и мучительную операцію повторяютъ нѣсколько разъ, и для нѣкоторыхъ лошадей, для ихъ полнаго порабощенія необходимо прибѣгать къ хлысту, острымъ шпорамъ и

къ силѣ объѣздчика, почти каждый разъ, когда ихъ осѣдлаютъ.

Здѣсь очевидно укротитель имѣетъ дѣло съ психическимъ явленіемъ, съ нравомъ и характеромъ лошади. Стараясь переломить, пересилить нравъ лошади, онъ прибѣгаетъ къ такой насильственной мѣрѣ, которая не можетъ не оставить слѣдовъ на всѣхъ дальнѣйшихъ поступкахъ и поведеніи лошади. Извѣстно каждому, что упрямство и настойчивость, такъ называемый «норовъ»,

„Въ табунъ“.

есть одно изъ психическихъ свойствъ лошади. Много было предложено средствъ для излѣченія отъ норова упрямыхъ и строптивыхъ лошадей, но всѣ эти средства

должно отнести къ неправильнымъ и нераціональнымъ. Такъ, одинъ англичанинъ, О. Рарей, предлагалъ лѣтъ 40 тому назадъ, стреноживать упрямыхъ лошадей, страдающихъ норовомъ. Нѣкоторое время это средство казалось весьма дѣйствительнымъ и быстро распространилось по Европѣ. У насъ въ Россіи оно, какъ кажется, не употреблялось.

Самое вѣрное средство для прирученія каждаго животнаго—это терпѣніе и ласковое обращеніе. На этихъ двухъ средствахъ, какъ на базисѣ, могутъ быть основаны и другія физіологическія или біологическія средства. Такъ, безсонница, искуственное лишеніе сна, можетъ побороть самую упрямую лошадь. Затѣмъ лишеніе пищи и питья. Наконецъ гипнозъ и сила внушенія, въ особенности внушенія, сдѣланнаго человѣкомъ съ силой и настойчивостью, можетъ побороть всякое упрямство и отучить лошадь отъ всякаго норова.

Въ степяхъ киргизскихъ и туркменскихъ лошади пасутся въ полудикомъ состояніи и остаются почти безъ всякаго призора цѣлое лѣто. Онѣ бродятъ по степи, разбившись на отдѣльные табуны или косяки, или лучше сказать, на отдѣльныя семьи, состоящія изъ нѣсколькихъ десятковъ кобылъ или самокъ и одного самца или жеребца, защищающаго всю семью и управляющаго и руководящаго ея жизнью. Вотъ изъ этакой-то семьи киргизы берутъ лошадей для упряжки. Около полувѣка тому назадъ такой насильственный захватъ дѣлался очень просто. Если предстояло запречь лошадей шесть, семь въ тарантасъ, то нѣсколько человѣкъ киргизъ набрасывали арканъ на намѣченную лошадь и тянули ее къ упряжи. Какъ ни сопротивлялась она этому насилію, ее притягивали къ упряжи и съ крикомъ, гикомъ и неумолкаемымъ говоромъ, запрягали, или лучше сказать, привязывали ремнями и веревками къ сосѣдней лошади въ упряжкѣ. Затѣмъ, когда всѣ кони были запряжены, нѣсколько киргизъ, державшіе подъ уздцы самыхъ строптивыхъ и ретивыхъ лошадей, отпускали ихъ, и всѣ лошади бросались, сломя голову, вскачь по ровной песчаной степи. По сторонамъ випряженныхъ лошадей скакали киргизы верхомъ, вооруженные нагайками. Облако пыли и песку взвивалось и стояло надъ тарантасомъ, раздавались постоянные, оглушительные крики: Джюр! Джюръ! Джюр-ма!.. и постоянное хлопанье и щелканье нагаекъ по спинамъ и крупамъ несчастныхъ степныхъ бѣгуновъ.

Лошади летѣли вскачь, тарантасъ прыгалъ по мало наѣзженной дорогѣ. Такая бѣшеная скачка продолжалась три четверти часа или часъ. Затѣмъ лошади всѣ въ мылѣ, тяжело храпя, задыхаясь, съ налившимися кровью глазами останавливались, и киргизы отправлялись ловить въ ближайшемъ табунѣ новыхъ лошадей, а старыхъ выпрягали и пускали на всѣ четыре стороны. Такова была примитивная ѣзда въ степи полвѣка тому назадъ, и я не знаю, измѣнилась она или нѣтъ съ тѣхъ поръ.

Головокружительная быстрота лошадинаго бѣга вдохновляла поэтовъ всѣхъ націй. Я привожу здѣсь одно стихотвореніе весьма извѣстнаго въ свое время поэта—Бенедиктова, стихотвореніе, въ которомъ чрезвычайно образно описанъ бѣгъ коня и степь, по которой онъ скачетъ:

«Конь мой, конь дорогой,
Жизни вялой мы сбросили цѣпи;
Ты отъ дѣвъ городскихъ друга къ дѣвѣ степной
Выноси чрезъ родимыя степи.

Конь бѣжитъ, конь летитъ, бѣгъ и ровенъ, и скоръ!
Быстрота сѣдоку не примѣтна,
Тщетно хочетъ его упереться тамъ взоръ,
Даль нагая кругомъ безпредметна!

Тамъ надъ шапкой его только солнце горитъ,
Небо душной лежитъ пеленою.
А вокругъ—полный кругъ горизонта открытъ,
И цѣлуется небо съ землею.

И изъ круга туда, поцѣлуи любя,
Онъ торопитъ летучаго друга.
Другъ летитъ, онъ летитъ, а все видитъ себя
По срединѣ завѣтнаго круга.

Длинный мигъ—ему часъ, краткій часъ—ему мигъ!
Но чѣмъ всаднику время замѣтить,
Изъ груди у него дикій вырвался крикъ,
Но и эхо не можетъ отвѣтить!

«Я несусь или нѣтъ?» У коня онъ спросилъ.
Конь молчитъ и летитъ въ безконечность!
Безотвѣтная даль, безграничная тишь
Отражаютъ, какъ въ зеркалѣ, вѣчность!..»

Степь, конь и женщина, вотъ что вдохновляло молодого Лермонтова. Простора, пространства, свѣта и любви—вотъ чего жаждало молодое сердце поэта.

«Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня!
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня!

Я красавицу младую
Прежде сладко поцѣлую,
На коня потомъ вскочу,
Въ степь, какъ вихрь, улечу!..»

Нѣсколько позднѣе (въ 1831 г.) онъ въ «Черкесской пѣснѣ» уже иначе относится къ коню и женщинѣ и предпочитаетъ свободу—любви.

«Много дѣвъ у насъ въ горахъ,
Ночь и звѣзды въ ихъ очахъ.
Съ ними жить—завидна доля,
Но еще милѣе воля!

Не измѣнитъ добрый конь,
Съ нимъ и въ воду, и въ огонь,
Онъ какъ вихрь въ степи широкой,
Съ нимъ все близко, что далеко...

Не женися, молодецъ,
Слушайся меня,
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня!..»

Молодецкая удаль и свобода, вотъ что притягиваетъ къ коню молодыя силы, жаждущія какого-нибудь подвига. Это стремленіе заставило вывести графа Орлова своеобразную, чисто русскую породу рысаковъ, этихъ легкихъ, летучихъ бѣгуновъ, которымъ могутъ позавидовать породы другихъ странъ. Тѣ же мотивы вызвали тройку, чисто русскую упряжь, тройку, въ которой какъ бы сливается жаркая, огненная жажда летѣть, скакать и у лошади, и у человѣка. Припомните поэтическое, вдохновенное увлеченіе нашего безсмертнаго поэта—Гоголя.

«Эхъ, тройка, птица-тройка!.. кто тебя выдумалъ?. Знать, у бойкаго народа ты могла только родиться,—въ той землѣ, что не любитъ шутить, а ровнемъ-гладнемъ разметнулась на полсвѣта!.. Кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ, и вонъ она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вонъ уже видно вдали, какъ что-то пылитъ и сверлитъ воздухъ... Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается позади... Не молнія ли это, сброшенная съ неба?.. Что значитъ это наводящее ужасъ движеніе? и что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ?!.. Эхъ, кони, кони, что за кони!?. Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? Чуткое ли ухо горитъ во всякой вашей жилкѣ?... Заслышали съ вышины знакомую пѣсню—дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летящія по воздуху»...

Откуда явилась наша лошадь? Гдѣ впервые развились и воспитались ея родичи? На эти вопросы мы можемъ отвѣтить только приблизительно.

Она вышла изъ центральныхъ степей Азіи. Тамъ и раздолье пространства степей, и привольный кормъ, тамъ могла изъ небольшого, но большеголоваго, упрямаго и несимпатичнаго осла выработаться красивая, стройная лошадь.

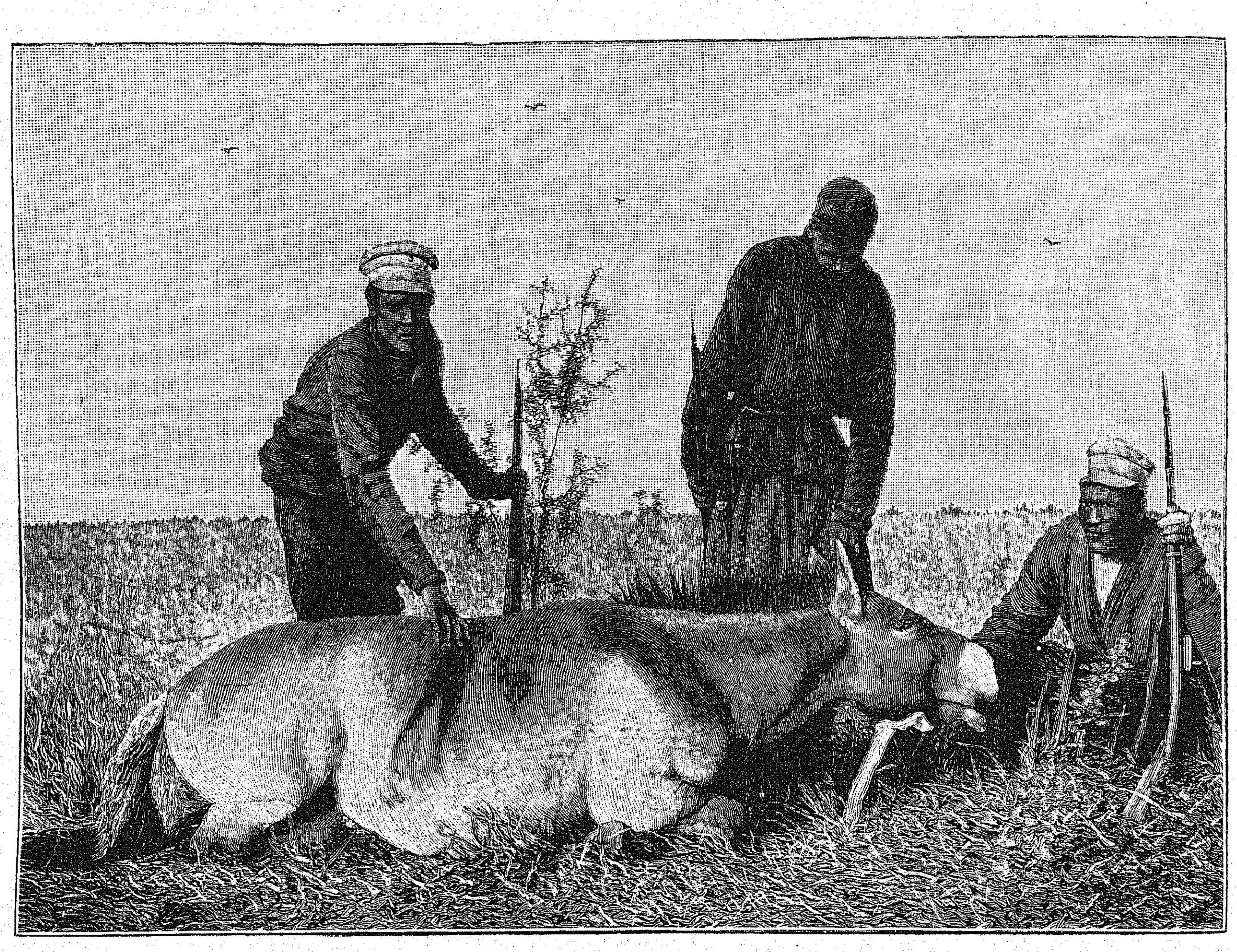
Ближайшимъ видомъ къ нашей лошади, переходомъ къ ней отъ осла можетъ считаться небольшая лошадь, въ настоящее время почти исчезнувшая съ лица земли и очень рѣдко попадающаяся теперь, но, вѣроятно, существовавшая еще недавно и бродившая цѣлыми стадами въ степяхъ и долинахъ Азіи. Это лошадь, названная въ честь нашего знаменитаго изслѣдователя пустынныхъ мѣстъ и степей средней Азіи—лошадью Пржевальскаго.

Почти въ самомъ центрѣ Азіи есть страна, извѣстная подъ именемъ Джунгаріи. Страна съ очень странной, необычной природой, страна, состоящая изъ степей преимущественно, но степей, перерѣзанныхъ горами и незамѣтно плоскими уклонами и подъемами, поднимающимися на высоту 15.000 фут. Тамъ невдалекѣ отъ озера Лобъ-Нора, по всѣмъ вѣроятіямъ, сохранились до сего времени слѣды древняго коренного вида, изъ котораго вышла наша лошадь. Эта небольшая лошадка, соловаго или мышинаго цвѣта, съ большой головой и маленькими глазами, съ довольно сильно развитыми ушами, лошадка безъ чёлки и съ очень короткой прямо стоящей гривой. Лошадка съ бѣлой мордой и черными ногами. У этой лошадки на переднихъ и заднихъ ногахъ мозолистыя мѣста, точно также какъ и у нашей лошади. Точно также у нея цилиндрическія, крѣпкія копыта, и вся она покрыта шерстью съ явной наклонностью курчавиться. Лѣтомъ эта шерсть короткая, а зимой довольно длинная и густая, что вполнѣ защищаетъ лошадку отъ сильныхъ зимнихъ и осеннихъ холодовъ. Но всего курьезнѣе у этой лошади хвостъ—наполовину лошадиный и наполовину напоминающій коровій или хвостъ осла. Длинные волосы не растутъ въ этомъ хвостѣ, начиная съ самаго его основанія съ рѣпицы, а начинаютъ расти только съ задней его половины.

Одинъ экземпляръ этой лошади былъ убитъ и привезенъ въ Петербургъ нашимъ знаменитымъ путешественникомъ Н. А. Пржевальскимъ, и зоологи зовутъ эту лошадку его именемъ «лошадью Пржевальскаго (Equus Przewalskii), но лучше называть ее мѣстнымъ именемъ: *кэртàгъ* (по-киргизски, по-монгольски *Такé*).

По всѣмъ вѣроятіямъ, кэртàгъ жилъ громадными табунами не только въ той мѣстности, гдѣ онъ сохранился теперь, но и по всему верхнему Тибету. Теперь кэртаги держатся небольшими табунами въ 10—15 головъ, пасущимися въ пустыняхъ Джунгаріи подъ наблюденіемъ и охраной стараго, опытнаго жеребца, въ мѣстахъ дикихъ, гористыхъ, въ которыя почти не проникаетъ человѣкъ. Въ этихъ пустыняхъ кэртàги очень игривы, какъ разсказываютъ киргизы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и крайне сторожки. Всѣ ихъ органы чувствъ сильно развиты: слухъ, зрѣніе, обоняніе постоянно стоятъ на сторожѣ всякой малѣйшей опасности. При самомъ слабомъ, едва слышномъ, подозрительномъ шумѣ они бросаются тотчасъ же скакать и несутся вихремъ на значительное пространство, благо подъ ногами ровная степь, разстилающаяся на многія, многія версты.

Степь эта имѣетъ нѣкоторыя отличительныя свойства отъ степей другихъ странъ, отъ луговыхъ степей Америки, Африки, отъ нашихъ ковыльныхъ степей Малороссіи. Это полынная, солончаковая степь—вся состоящая изъ небольшихъ песчаныхъ холмовъ, легко переносимыхъ

Дикая лошадь Пржевальскаго.

вѣтромъ съ мѣста на мѣсто. Такіе холмы по-киргизски называются *барханами*. Степь—сѣровато-красная или блѣдно-коричневая. Большой, красивый, кустистый злакъ—дырисунъ (Losiogrostes splendens) придаетъ ей серебристый видъ. Мѣстами она сплошь покрыта растеніями (большею частью солончаковыми и полынью). Мѣстами она ярко розовѣетъ отъ цвѣтовъ тамарисковъ—этого кустарника, обсыпаннаго розовыми или бѣлыми цвѣтами. Мѣстами по ней растутъ цѣлые большіе лѣса, но лѣса прозрачные изъ страннаго растенія, которое киргизы зовутъ *саксауломъ*. Это кустарникъ или дерево, достигающее въ вышину до 10—15 саженъ, совершенно безлистное съ сѣро-зелеными вѣтвями, которыя всѣ растутъ прямо вверхъ, и съ мелкими невзрачными желтоватыми цвѣтами. Дерево это такъ твердо, что его не беретъ никакой топоръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ хрупко, что легко ломается въ осколки даже отъ слабаго удара.

На такой степи малѣйшій вѣтеръ образуетъ вихри, крутящіе песокъ, то тамъ, то здѣсь и этотъ песокъ, поднимаясь на два аршина или на сажень въ вышину, образуетъ разныя фигуры. Онъ поднимается то въ видѣ легкаго облачка, то свертывается жгутомъ или винтомъ, то разсыпается вдругъ въ видѣ деревца. Но вотъ вѣтеръ растетъ, крѣпнетъ, и чаще вздымаются вихри. Откуда-то издалека несутся все новыя и новыя тучи песку. Наконецъ, настаетъ настоящая «песчаная буря».

Пожаръ въ преріяхъ.

Песокъ вмѣстѣ съ пылью и мелкой солью съ страшной силой бьетъ и валитъ все, что попадается ему на пути. Тучи его застилаютъ небо, настаетъ полная мгла, и все живое, что можетъ бѣжать, въ ужасѣ и паникѣ убѣгаетъ. Убѣгаютъ и маленькія лошадки—кэртаги. Но рѣдко имъ приходится бѣжать отъ бури. Обыкновенно за нѣсколько дней до ея появленія, они уже прячутся въ ущелья горъ. Они предчувствуютъ эту бурю и заранѣе, загодя избѣгаютъ ее.

Во всѣхъ странахъ, на всѣхъ материкахъ земного шара, тамъ, гдѣ есть пустынныя безлюдныя степи, можно встрѣтить въ нихъ одичавшихъ лошадей. Онѣ сами пасутся на приволья обширныхъ природныхъ луговъ и становятся легко дикими, или правильнѣе, одичавшими животными.

Въ южной Америкѣ одичавшихъ лошадей зовутъ *цимарронами*. По свидѣтельству Азара эти лошади расплодились отъ нѣсколькихъ лошадей въ окрестностяхъ Буэносъ-Айреса. Онѣ были покинуты туземцами въ 1580 г. и, теперь сильно расплодившись, бродятъ огромными табунами въ 10—12,000 головъ. Такія лошади, какъ только завидятъ домашнихъ лошадей, быстро бѣгутъ къ нимъ навстрѣчу, весело ржутъ, и, если никто не караулитъ этихъ послѣднихъ, уводятъ ихъ за собой. Онѣ почти всегда ходятъ гусемъ одна за другой, подражая, можетъ быть, въ этомъ случаѣ индѣйцамъ.

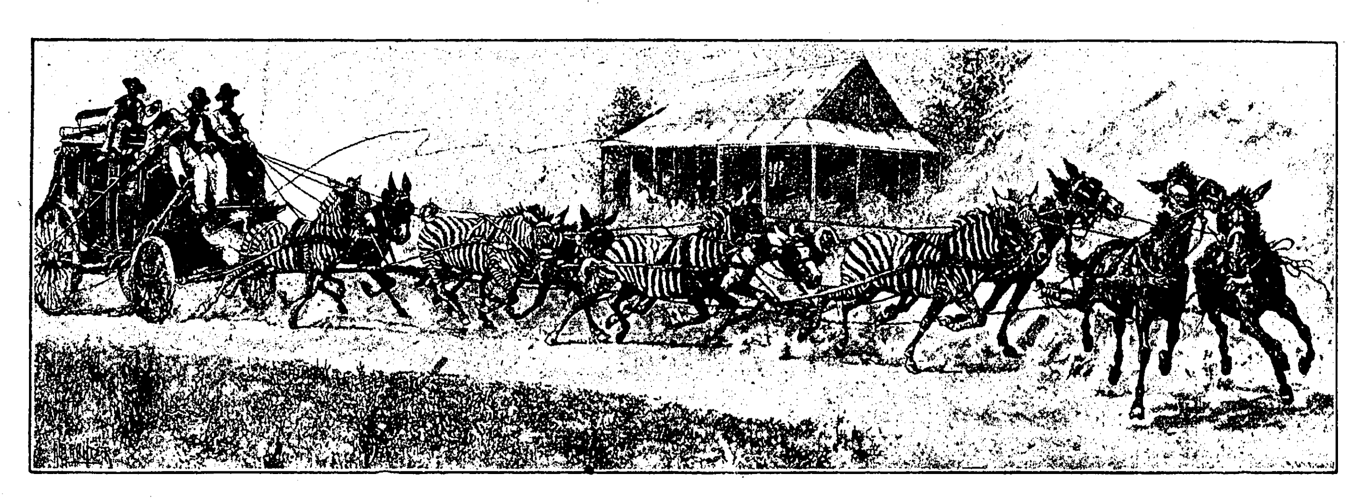
Въ Парагваѣ одичавшія лошади носятъ названіе мустанговъ.

Взгляните на приложенный рисунокъ—это степи сѣверной Америки, такъ называемыя *преріи*, въ которыхъ пасутся на волѣ цѣлые табуны лошадей, извѣстныхъ у туземцевъ подъ общимъ названіемъ *мустанговъ*.

Здѣсь вы видите отношеніе ихъ къ другимъ обитателямъ тѣхъ же степей, покрытыхъ обыкновенно густой и высокой, почти въ ростъ лошади, цвѣтущей травой. По нимъ мчатся теперь цѣлыя стада животныхъ, робко жмущихся въ испугѣ другъ къ другу. Ихъ всполошилъ степной пожаръ. Въ массѣ этой живой, быстро текущей рѣки вы можете видѣть преимущественно бизоновъ—этихъ курчавыхъ, угрюмыхъ американскихъ быковъ, разсѣянныхъ почти повсюду въ американскихъ степяхъ. Мелкія сравнительно животныя, быстроногіе, степные волки несутся впереди всего этого испуганнаго, пестраго стада. Пара робкихъ оленей—самецъ и самка летятъ нѣсколько въ сторонѣ отъ общаго фарватера этой странной фантастической рѣки; середину ея занимаютъ лошади. Эти степные мустанги, обезумѣвшіе отъ страха, несутся съ громкимъ ржаніемъ. Погоняемые ужасомъ огненной мучительной смерти, они стараются ускакать, перескочить черезъ окружающихъ ихъ животныхъ. Вѣтеръ и страхъ разметалъ ихъ хвосты и гривы. Они мчатся, летятъ, летятъ, гонимые огнемъ. Это Steeple Shase, скачка на жизнь и на смерть за право жизни. Здѣсь забыты индивидуальные интересы, забыта всякая личная вражда и злоба. Впередъ! Впередъ! Скорѣе дальше отъ этой ужасной тучи дыма, внизу которой прыгаютъ страшные, огненные языки. Страшный гулъ отъ топота копытъ, смѣшиваясь съ отчаяннымъ ржаніемъ и ревомъ, далеко несется по горящей степи и спугиваетъ новыя и новыя стада, которыя мчатся въ неодолимой паникѣ...

2. Гипотигры или полосатые ослы.

Очень своеобразный видъ представляетъ упряжка почтовыхъ дилижансовъ въ Трансваалѣ. Громадный дормёзъ, въ который запряжено шесть муловъ и четыре полосатыхъ зебры. На козлахъ и на крышѣ дилижанса сидятъ четыре бронзовыхъ или почти черныхъ трансваальца, въ широкополыхъ шляпахъ и съ длинными бичами. Всѣ животныя запряжены парами, цугомъ. Впереди пара муловъ, а за ними четыре пары: налѣво мулы, а направо зебры.

Трансваальскій почтовый омнибусъ, запряженный зебрами и мулами.

Вотъ эти послѣднія и придаютъ всей запряжкѣ удивительно своеобразный пестрый видъ. Но иначе ихъ и нельзя запречь; иначе онѣ не пойдутъ въ упряжкѣ и будутъ рваться и брыкаться до тѣхъ поръ, пока ихъ не выпрягутъ и не оставятъ въ покоѣ. Примѣръ тихаго, покойнаго мула дѣйствуетъ на нихъ вразумляющимъ образомъ.

Можетъ быть тутъ дѣйствуетъ «законъ подражанія» Тарда. Можетъ быть, зебры подвергаются внушенію муловъ, если только животное можетъ внушать что-либо. Но во всякомъ случаѣ этой пестрой запряжки не существовало лѣтъ 20—30 тому назадъ. Въ эти два или три десятка лѣтъ терпѣніе, настойчивость и искусство человѣка сдѣлали это пріобрѣтеніе, этотъ шагъ впередъ на пути прогресса. Онъ поработилъ трудно-укротимыхъ и крайне свободолюбивыхъ, независимыхъ, полосатыхъ гипотигровъ. Они взяты въ неволю тамъ же, на ихъ родинѣ, въ южной Африкѣ, гдѣ находится и эта свободолюбивая Трансваальская республика, прошумѣвшая послѣдніе годы столкновеніемъ своихъ боэровъ или буровъ съ англичанами.

Почему же трансваальцы употребляютъ такую странную упряжку и берутъ для нея зебръ? Во-первыхъ, потому, что они подъ бокомъ. Зебры водятся въ южной Африкѣ вмѣстѣ съ другими породами полосатыхъ ословъ. Во-вторыхъ, потому что эти животныя крѣпче, сильнѣе и выносливѣе лошадей и муловъ. Дурное устройство дорогъ въ Трансваалѣ, въ этой гористой странѣ, крутые подъемы горъ и пески поневолѣ заставляютъ прибѣгать къ помощи зебръ. Эти животныя, подобно настоящимъ

осламъ, довольствуются весьма скудной пищей и могутъ переносить сильные жары и полный недостатокъ воды.

Полосатыхъ ословъ въ Африкѣ три вида, и изъ нихъ на первое мѣсто непремѣнно просится самая полосатая изъ всѣхъ трехъ видовъ, такъ называемая зебра. По бѣлому, слегка желтоватому полю ея шкуры идутъ рѣзкія, поперечныя, широкія полосы темнокоричневаго или чернаго цвѣта. Эти полосы опоясываютъ тѣло, онѣ идутъ непрерывно, начиная отъ самой морды до заднихъ ногъ, гдѣ онѣ замѣняются болѣе широкими и рѣдкими полосами, идущими вдоль крупа и поперекъ заднихъ ногъ. Въ этой пестринѣ принимаетъ участіе и густая, прямо торчащая щеткой грива. На ней продолжаются концы полосъ, идущихъ поперекъ шеи.

Взгляните на прилагаемую картинку. Цѣлое большое

Африканскія зебры, квагги и страусы, перекочевывающіе по степи.

стадо этихъ полосатыхъ скакуновъ несется во весь опоръ прямо на васъ. Впереди, точно предводитель, спасается юркая, быстрая «Лиса Патрикѣевна». Позади бѣжитъ цѣлое стадо страусовъ. Что спугнуло этихъ животныхъ, что возбудило въ нихъ неодолимую панику? И они несутся, несутся, какъ бѣшеныя, убѣгая отъ чего-то неизвѣстнаго. Цѣлыя тучи пыли и песку, взрытыя ихъ копытами, несутся надъ ними и по ихъ слѣдамъ.

Изъ трехъ видовъ тигровыхъ ословъ по складу и росту болѣе подходитъ къ домашней лошади — оселъ Буртелліевъ. Онъ немного менѣе нашей лошади свѣтлобураго или кофейнаго цвѣта и также испещренъ поперечными полосами. Онѣ не такъ темны и черны, какъ у зебры, но между широкими полосами пролегаютъ болѣе узкія и слабо замѣтныя. Ноги вовсе лишены полосъ.

Еще меньше полосатости мы встрѣчаемъ у квагги, которая занимаетъ середину между зеброй и домашней лошадью. У нея задняя часть тѣла вовсе лишена полосъ и самыя полосы не рѣзко отдѣляются отъ общаго тона.

Изъ всѣхъ этихъ трехъ видовъ зебры отличаются крѣпостью, горячностью и вмѣстѣ съ тѣмъ храбростью. Не знаю, на сколько справедливъ разсказъ Брэма, что зебра одолѣваетъ леопарда. Если онъ вскакиваетъ на нее, то она бросается на землю, опрокидывается на спину, катается по землѣ, ржетъ, кусается, бьетъ ногами, лягается съ такою храбростью и остервенѣніемъ, что страшный хищникъ принужденъ бываетъ ретироваться.

Зебра имѣетъ еще то преимущество передъ другими видами гипотигровъ, что она снабжена цилиндрическими и спереди на концахъ слегка заостренными копытами. Это обстоятельство даетъ ей возможность карабкаться и быстро взбѣгать на крутые горные подъемы.

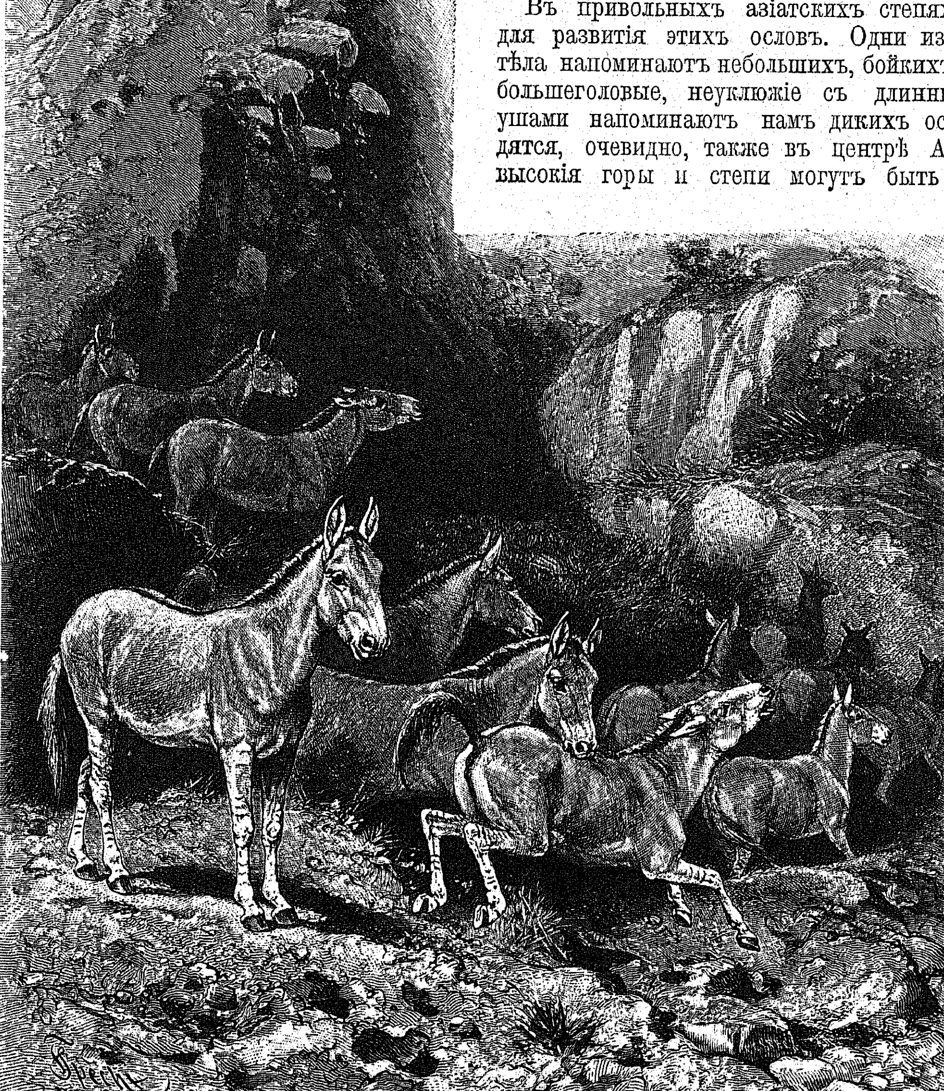
Зебра скорѣе ручнѣетъ или, правильнѣе говоря, приручается, чѣмъ квагга или оселъ Буртелліевъ, но эта прирученность точно также скоро пропадаетъ. Фитцингеръ разсказываетъ объ одной зебрѣ, за которой тщательно ухаживали во время ея молодости. Затѣмъ ее бросили безъ призора, и она быстро одичала. Ея прежняя понятливость и кротость превратились въ сильное лукавство. Одинъ смѣлый наѣздникъ вздумалъ ее снова приручить. Онъ храбро вскочилъ ей на спину, но она стала страшно лягаться и легла на землю. Затѣмъ вдругъ вскочила и прыгнула съ крутого берега прямо въ рѣку и при этомъ сбросила въ воду ея укротителя, но онъ не потерялся, не выпустилъ повода изъ рукъ. Зебра поплыла прямо къ берегу и вытащила его изъ рѣки. Неугомонный наѣздникъ рѣшилъ докончить свое намѣреніе и снова вскочилъ ей на спину, но тотчасъ же получилъ урокъ, который, вѣроятно, позабылъ не скоро. Зебра быстро обернула голову и откусила своему настойчивому укротителю правое ухо.

Съ полвѣка тому назадъ знаменитый англійскій укротитель лошадей, м-ръ Рарей, пытался укрощать также и зебръ. Метода его состояла въ слѣдующемъ. Онъ притягивалъ и привязывалъ одну ногу лошади къ ея брюху. Стреноженное такимъ образомъ животное, потерявъ одно изъ своихъ сильныхъ орудій защиты, а главное—свою увѣренность въ томъ, что оно можетъ убѣжать отъ своихъ мучителей, вдругъ теряло свою бодрость и присутствіе духа, дѣлалось робкимъ, кроткимъ и исполняло то, что отъ него требовали. Но зебры не поддавались та-

кимъ ухищреніямъ. Онѣ защищались изо всѣхъ силъ, со всею яростью, и, стреноженныя съ большимъ трудомъ, приходили въ неистовое бѣшенство; съ пѣной у рта кусали ловко всѣхъ, кто осмѣливался къ нимъ приблизиться. Всякіе побои и ухищренія оказывались здѣсь безсильными, и только терпѣніе, прилежаніе и бдительный ласковый уходъ могли переломить то, что оказывалось недоступнымъ для крутыхъ и жесткихъ мѣръ.

Мнѣ кажется, что этими мѣрами можетъ-быть и можно сломить, пересилить упрямый и злой нравъ животнаго, но онѣ не могутъ проникнуть въ глубину его характера, туда, гдѣ подъ его злостью и эгоизмомъ таятся добрые источники, которые одни могутъ растворить дикіе порывы и побѣдить добромъ зло.

Въ ослахъ вообще очень рѣдко можно встрѣтить чувство глубокой привязанности, въ особенности къ другимъ животнымъ и къ человѣку. Но и здѣсь выдаются исключенія. Не говоря о проявленіяхъ глубокой симпатіи ослицъ-матерей къ ихъ жеребятамъ, попадаются случаи, гдѣ ослы привязываются къ тѣмъ людямъ, которые за ними ходятъ. Они бѣгаютъ за ними, какъ послушныя собаки, лижутъ имъ руки и любятъ, когда ихъ ласкаютъ.

Стадо кулановъ.

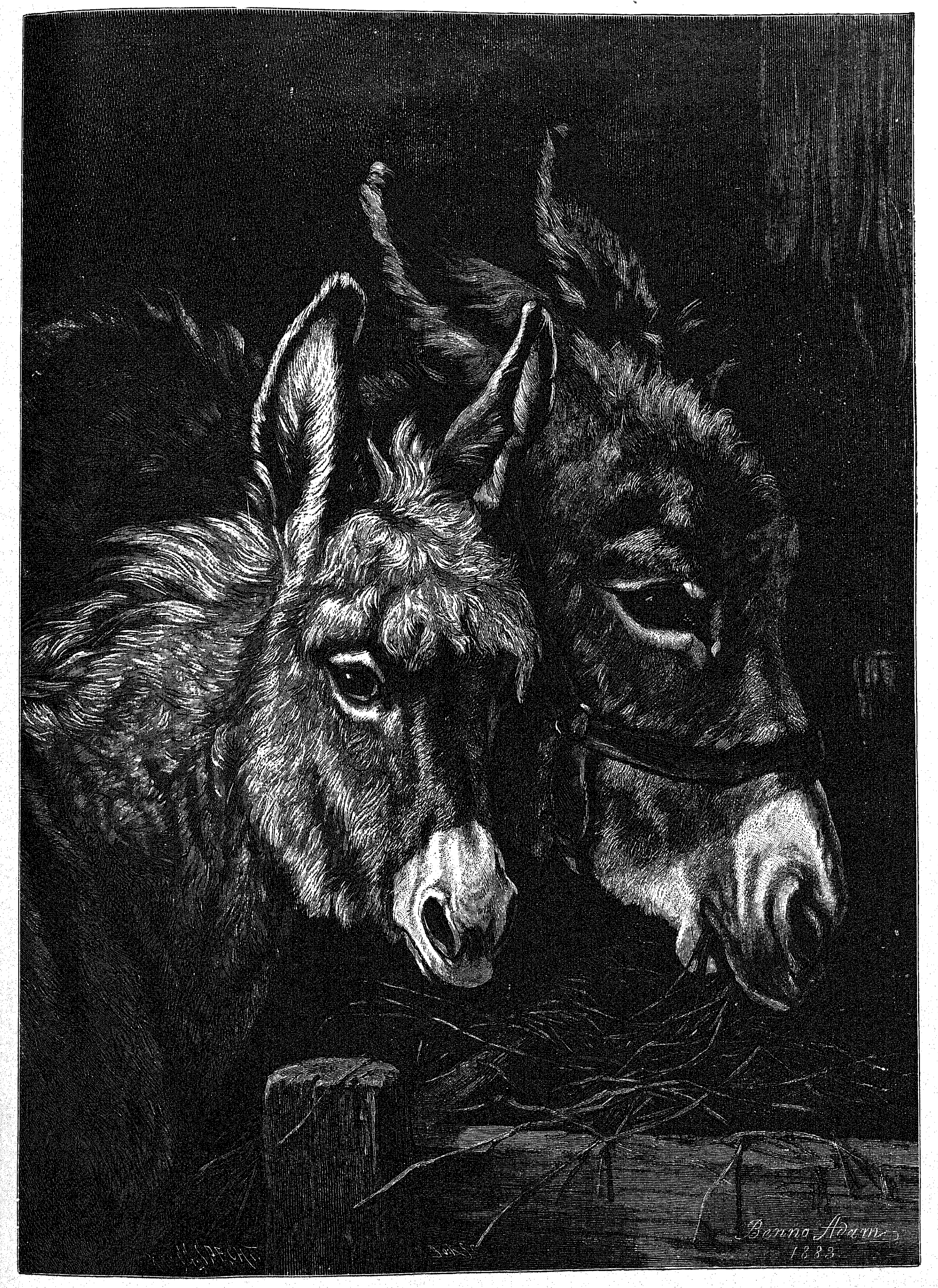
3. Родъ ословъ.

Оселъ связывается исторіей восточныхъ народовъ съ исторіей арійцевъ. На востокѣ хорошій, породистый оселъ цѣнится почти такъ же высоко, какъ и лошадь. Лошадь доставляетъ человѣку удовлетвореніе въ его стремленіяхъ къ прогрессивному, поступательному движенію. Оселъ помогаетъ его насущнымъ нуждамъ. Онъ непремѣнный членъ его домашняго хозяйства и обихода.

Дурная слава объ ослахъ распространилась по всему свѣту, и самое названіе «оселъ» сдѣлалось ругательнымъ эпитетомъ. Дѣйствительно, оселъ много проигрываетъ, если сопоставить его съ лошадью. Но чѣмъ дальше мы будемъ отходить отъ запада Европы и подвигаться на востокъ, тѣмъ болѣе будетъ возрастать уваженіе къ ослу. Разбирая всѣ свойства, которыя доставили ослу презрѣнное положеніе на Западѣ, мы встрѣчаемъ слѣдующія. Прежде всего необыкновенное упрямство и дикость. Оселъ можетъ быть прирученъ и сдѣлаться очень кроткимъ, послушнымъ животнымъ, но всегда въ немъ останется извѣстная черта своеволія и упрямства, которую мы не встрѣчаемъ или почти не встрѣчаемъ въ лошади. Оселъ, очевидно, стоитъ ближе къ тѣмъ дикимъ, свободолюбивымъ азіатскимъ осламъ, изъ которыхъ вышла и наша домашняя лошадь.

Въ привольныхъ азіатскихъ степяхъ много простора для развитія этихъ ословъ. Одни изъ нихъ по складу тѣла напоминаютъ небольшихъ, бойкихъ лошадокъ. Другіе большеголовые, неуклюжіе съ длинными, подвижными ушами напоминаютъ намъ дикихъ ословъ, которые водятся, очевидно, также въ центрѣ Азіи; такъ что ея высокія горы и степи могутъ быть названы настоящей родиной ословъ.

Тамъ въ настоящее время можно насчитывать три или четыре вида дикихъ ословъ, которые водятся въ Джунгаріи, въ Цайдамѣ и разныхъ мѣстахъ средняго и верхняго Тибета. Болѣе распространенный между ними это—*куланъ* или *джигетай* (Asinus hemionus). Онъ болѣе походитъ на небольшую лошадь, съ довольно тонкой и длинной шеей, на лошадь соловаго цвѣта съ бѣлизной на мордѣ, на брюхѣ, съ большой головой и съ ушами далеко не такими длинными, какъ у обыкновеннаго осла. Громадные табуны этихъ ословъ пасутся на равнинахъ и горахъ верхняго Тибета. Вотъ что говоритъ нашъ извѣстный путешественникъ Пржевальскій объ этихъ полуослахъ. «Хорошія пастбища по долинамъ средняго теченія рѣки Шуга привлекаютъ сюда массу травоядныхъ звѣрей. По нашему пути вдоль рѣки безпрестанно встрѣчались *куланы*, яки и антилопы. Съ удивленіемъ и любопытствомъ смотрѣли довѣрчивыя животныя на караванъ, почти не пугаясь его. Табуны кулановъ отходили только немного въ сторону и, поверну-

Старый и молодой.

вшись всею кучею, пропускали насъ мимо себя, а иногда даже нѣкоторое время слѣдовали сзади верблюдовъ. Антилопы, оранго и ада спокойно паслись и рѣзвились по сторонамъ или перебѣгали дорогу передъ нашими верховыми лошадьми; лежавшіе же послѣ покормки дикіе яки даже не трудились вставать, если караванъ проходилъ мимо нихъ на разстояніи четверти версты. Казалось, что мы попали въ первобытный рай, гдѣ человѣкъ и животныя еще не знали зла и грѣха».

Такова картина жизни этихъ животныхъ и ихъ взаимныхъ отношеній вдали отъ человѣка, тамъ, гдѣ они не напуганы. Но по натурѣ своей куланы крайне чутки и сторожки.

Сильно развитой слухъ, зрѣніе и обоняніе даютъ имъ возможность узнавать издалека объ опасности, и, заслышавъ или учуявъ ее за нѣсколько верстъ, они бѣгутъ, летятъ стремглавъ, и только топотъ отъ сотни ихъ копытъ раздается далеко въ степи, и пыль летитъ вслѣдъ за ними.

Поздней осенью молодыхъ самцовъ и самокъ изгоняютъ изъ косяковъ старые, болѣе сильные и ловкіе самцы. Въ это время нерѣдко можно видѣть, какъ такой ужъ взрослый, но еще молодой куланъ стоитъ гдѣ-нибудь на вершинѣ, на крутомъ обрывѣ горы, повернувъ грудь и голову противъ вѣтра. Онъ весь на сторожѣ. Зорко озирается кругомъ, чутко слушаетъ и жадно нюхаетъ воздухъ. Вотъ внизу, въ долинѣ, показался табунъ, который ведетъ опытный старый самецъ, и молодой куланъ заржалъ и быстро поскакалъ къ нему съ крутизны. Старый боецъ останавливается. Онъ выжидаетъ удобный мигъ для нападенія и вдругъ, вихремъ бросается на молодого, и начинается отчаянный бой. Они кусаются, грызутъ другъ друга, бьютъ копытами, брыкаются, и нерѣдко одинъ отрываетъ у другого большой кусокъ кожи или оставляетъ ему на память рубцы и укусы. Между старыми самцами нельзя найти ни одного, который не носилъ бы на себѣ этихъ слѣдовъ жаркихъ поединковъ, подобно рубцамъ, которые украшаютъ лицо стараго, опытнаго нѣмецкаго студента.

Несмотря на чуткость и осторожность этихъ полуословъ, полулошадокъ, мѣстные жители: монголы, тунгузы, ёграи и киргизы охотятся на нихъ изъ-за ихъ мяса, которое они считаютъ самымъ вкуснымъ, лакомымъ кушаньемъ — разумѣется, мясо молодыхъ кулановъ. Для этой цѣли они выѣзжаютъ рано утромъ на свѣтло-соловой лошади съ длинной винтовкой и разсошками. Степь далеко серебрится въ утреннемъ туманѣ. Отъ нея поднимается тонкій ароматъ полыни. Киргизъ зорко оглядывается кругомъ, пристально всматривается въ даль. Вправо, шагахъ въ 300, пасется табунъ кулановъ. Самецъ уже насторожилъ уши и зорко оглядывается. Еще одинъ мигъ, и онъ бросится, закинувъ голову назадъ, на спину, чтобы видѣть, что дѣлается назади съ его погоней, а за нимъ побѣжитъ и весь табунъ. Киргизъ хорошо знаетъ, что къ цѣлому табуну трудно подкрасться. Онъ высматриваетъ одинокихъ, молодыхъ жеребцовъ, которые стоятъ, насторожив уши и глаза, и жадно нюхаютъ встрѣчный вѣтеръ, не принесетъ ли онъ вмѣстѣ съ запахомъ степныхъ цвѣтовъ знакомый, желанный запахъ красавицы-самки. Въ это время къ кулану легко подкрасться шаговъ на сотню, и киргизъ тихо, неслышно слѣзаетъ съ своего коня и, прикрываемый имъ, прячется отъ глазъ намѣченной добычи, а подползши къ ней шаговъ на 100, ставитъ разсошки, кладетъ на нихъ свое длинное, неуклюжее ружье и, прицѣлившись, стрѣляетъ.

Африканскій дикій оселъ.

Особенность, свойственная почти всѣмъ видамъ дикихъ ословъ, это крестовина, которая темно-бурой, иногда черной полосой пролегаетъ по спинѣ, начиная отъ гривы и кончая корнемъ хвоста, а поперечная полоса лежитъ на плечахъ. Такія крестовины у нѣкоторыхъ формъ очень рѣзко выражены, какъ, напримѣръ, у дикаго африканскаго осла или онагра. Такія отмѣтины мѣняются индивидуально. Попадаются джигитаи, у которыхъ онѣ блѣднѣютъ и нерѣдко совершенно исчезаютъ.

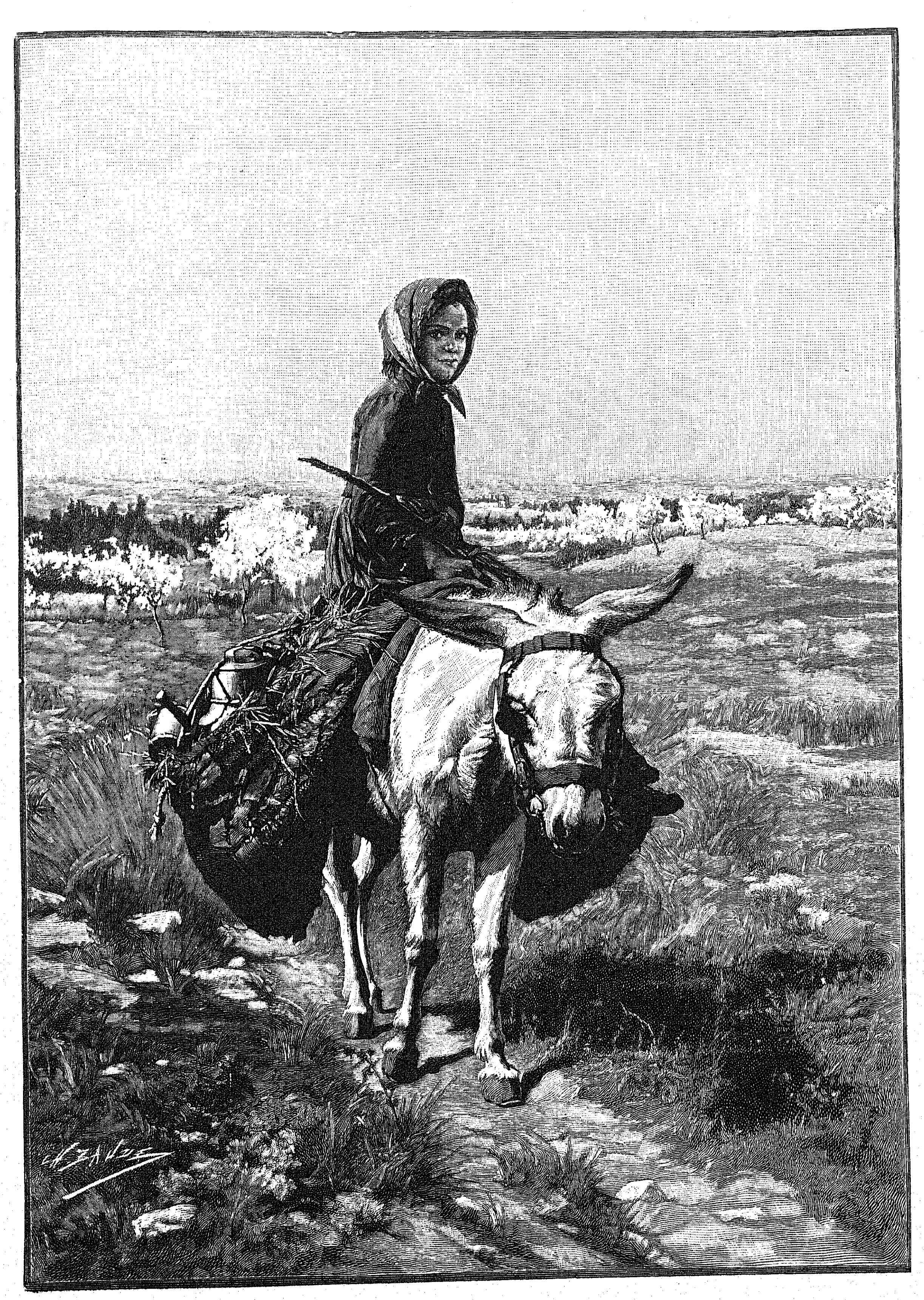
Темная полоса посреди спины передалась нѣкоторымъ степнымъ породамъ домашней лошади. Такъ, мы ее встрѣчаемъ у маленькихъ башкирскихъ лошадей и вятокъ.

Какъ особенность, свойственную дикимъ восточнымъ осламъ, преимущественно водящимся въ горныхъ мѣстностяхъ, должно указать на разницу ихъ шерсти зимой и лѣтомъ. Тогда какъ лѣтомъ эта шерсть бываетъ короткая, гладкая, блестящая; зимой — послѣ линьки она вырастаетъ, курчавится и у нѣкоторыхъ видовъ, какъ у джигитая, становится очень густой и волнистой.

Грива у всѣхъ дикихъ ословъ короткая, щеткой торчащая кверху, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда животное возбуждено и разсержено. Куланъ въ ярости поднимаетъ гриву, ощетинивается, ржетъ и стремительно

бросается на противника, пуская въ ходъ всю свою силу и ловкость, свои крѣпкія копыта и острые зубы.

Центральная Азія была безспорно родиной и нашей домашней лошади, и нашего домашняго осла, но отъ какого именно вида дикихъ ословъ произошелъ нашъ домашній оселъ, этого вопроса не разрѣшитъ ни одинъ ученый зоологъ. Большинство ученыхъ считаетъ родичемъ его—кулана, котораго поэтому и называютъ *дикимъ осломъ*, но при первомъ сравнительномъ взглядѣ на осла и кулана трудно согласиться, чтобы послѣдній былъ его родоначальникомъ.

Чуча (итальянскій оселъ).

Къ воспитанію домашняго осла можно примѣнить общеизвѣстную нѣмецкую поговорку:

Wie du zu mir, (Какъ ты ко мнѣ,)
So ich zu dir! (Такъ я къ тебѣ!)

Если съ осломъ обращаются съ его дѣтства ласково и разумно, если кормятъ его сытно, чисто содержатъ, не изнуряютъ чрезъ мѣру непосильной работой, то получается хорошее, рослое животное съ гладкой, красивой шкурой, животное бодрое и умное, которое хотя и не можетъ потерять свое прирожденное упрямство, но дѣлается несравненно болѣе обходительнымъ.

Я вспоминаю теперь ословъ, которыхъ держатъ въ Карлсбадѣ для ежедневныхъ прогулокъ по горамъ разныхъ наѣзжихъ фешенебельныхъ больныхъ (кургастовъ). Это—красивыя животныя темно-кофейныя или коричневыя, съ бѣлоснѣжной шерстью подъ горломъ и на брюхѣ, съ шерстью мягкой и гладко-лежащей. Рядомъ съ этими фешенебельными ослами, я вспоминаю несчастныхъ итальянскихъ «чучей», маленькихъ, мизерныхъ осликовъ, на которыхъ крестьяне привозятъ изъ окрестныхъ деревень въ плетеныхъ перекидныхъ мѣшкахъ разныя овощи, плоды и зелень. Эти несчастные чучи всѣ сѣрыя или сѣро-желтыя, поджарые и худые. Шерсть на нихъ торчитъ клочками во всѣ стороны. И жалкій видъ ихъ вполнѣ гармонируетъ съ ихъ жалобнымъ, невыносимымъ крикомъ. Если слышишь этотъ крикъ въ первый разъ въ жизни, то непремѣнно сравнишь его съ громкими, какими-то задыхающимися стонами, и подумаешь, что несчастное животное жестоко бьютъ.

Всего несноснѣе этотъ крикъ ословъ, когда ихъ собирается нѣсколько въ одномъ мѣстѣ, когда, напримѣръ, крестьяне привозятъ свои продукты на базаръ. Тогда обыкновенно одинъ какой-нибудь оселъ начинаетъ концертъ, за нимъ или въ одно время съ нимъ начинаетъ кричать другой, за нимъ третій, четвертый, и является такое оглушительное неистовое шаривари, отъ котораго невольно пожелаешь провалиться сквозь землю.

Если физическое воспитаніе осла отражается въ хорошую или дурную сторону, смотря по тому, было ли оно хорошее или дурное, то результатъ вліянія на его психическую сторону отражается еще рѣзче. Мнѣніе о слабомъ развитіи умственныхъ способностей осла, какъ кажется, произошло оттого, что мало обращали вниманія, при воспитаніи осла, на эти способности. Вотъ что говоритъ извѣстный Шейтлинъ объ умѣ и разсудительности осла.

По его словамъ, осла можно выучить всему тому, чему обыкновенно выучиваютъ лошадей. Умственныя способности осла требуютъ большого прилежанія, но то, что ими усвоено, остается надолго. Можно устраивать ослиные бѣги, можно научить его прыгать черезъ обручъ, стрѣлять изъ пушки. Онъ далеко не такъ пугливъ, какъ лошадь, и прыгаетъ очень рѣшительно и вѣрно. Онъ слѣдитъ внимательно за взглядомъ и словами хозяина и понимаетъ то и другое. Его можно выучить танцовать, маршировать подъ музыку, отворять мордой двери, сходить и всходить по лѣстницѣ, указывать ударомъ ноги на самую красивую или самую милую даму изъ присутствующихъ, указывать, который часъ или сколько очковъ на картѣ, можно выучить отвѣчать на вопросы, мотая или кивая головой, и проч.

Отходя отъ западныхъ цивилизованныхъ странъ и подходя ближе къ Сиріи, Египту и вообще къ Востоку, мы встрѣчаемъ совершенно иную оцѣнку осла.

На Востокѣ за хорошими породами осла точно такъ же ухаживаютъ и ведутъ имъ опись (счетъ), какъ ухаживаетъ арабъ за своими арабскими лошадьми. За чистотой этихъ породъ наблюдаютъ съ такой же строгостью, и чтобы облагородить ихъ, къ ихъ крови примѣшиваютъ кровь кулановъ. На востокѣ за хорошаго, стройнаго, цѣннаго осла даютъ 300 и болѣе рублей. Въ особенности высоко цѣнятся чистые бѣлые ослы. Преданіе говоритъ, что на такомъ бѣломъ ослѣ торжественно въѣхалъ въ Іерусалимъ Сынъ Божій. По Евангелію Онъ послалъ учениковъ съ приказаніемъ привести ему жеребенка отъ ослицы, на которомъ до тѣхъ поръ еще никто не ѣздилъ. Онъ указалъ имъ мѣсто, гдѣ они непремѣнно найдутъ такого жеребенка вмѣстѣ съ его матерью. Они должны были идти въ селеніе, которое лежало прямо противъ Іерусалима. Они пошли и дѣйствительно нашли, какъ имъ было указано. И когда они отвязывали осленка, то присутствующіе люди удивились и спросили ихъ: что они дѣлаютъ? Но вопросъ этотъ былъ предвидѣнъ Тѣмъ, Кто послалъ ихъ отвязать осленка. И они отвѣтили, какъ имъ было указано: «Осленокъ этотъ необходимъ Господу». И люди спрашивающіе нисколько не удивились ихъ отвѣту. Они вполнѣ удовлетворились имъ и дозволили увести цѣнное животное.

Этотъ евангельскій разсказъ не такъ удивителенъ, какъ удивительно то, что все это происшествіе и самый въѣздъ Христа въ Іерусалимъ совершился, какъ предсказали за нѣсколько сотъ лѣтъ пророки Исаія и Захарія.

Въ моемъ представленіи живо рисуется эта сцена торжественнаго въѣзда. Несмѣтная толпа іерусалимскихъ жителей, всегда подвижная, волнующаяся. Множество пальмовыхъ вѣтвей, цѣлый пальмовый лѣсъ колеблется надъ множествомъ головъ. Общій энтузіазмъ! Идутъ дѣти, женщины. Народъ бросаетъ подъ ноги осла дорогія, яркія ткани. И всѣ настроены такъ радостно, торжественно, вдохновенно. Одни видятъ въ Христѣ Пророка, другіе Царя Іерусалимскаго, третьи Мессію, Сына Божія, грядущаго на царство. И всѣ поютъ громко, стройно: «Осанна! Осанна! Сыну Давыдову! Осанна въ вышнихъ!»

XI.

ДВУКОПЫТНЫЯ.

Двукопытныя.

При мысли объ этихъ животныхъ въ нашемъ представленіи является длинный рядъ двурогихъ или безрогихъ млекопитающихъ животныхъ, которые съ самыхъ первыхъ шаговъ человѣчества доставляли необходимое подспорье и помощь въ его домашнемъ обиходѣ и хозяйствѣ.

На первый взглядъ три особенности бросаются здѣсь въ глаза. Во-первыхъ, эти животныя кормили и до сихъ поръ кормятъ насъ своимъ молокомъ и мясомъ. Во-вторыхъ, они—стадныя, общественныя, животныя, которыя требуютъ для своей жизни широкихъ степей, гдѣ они могли бы удовлетворить имъ присущую потребность—къ постоянному передвиженію и къ постоянному поѣданію на ходу подножной зелени, травы и разныхъ растеній, составляющихъ ихъ неизмѣнную пищу. Въ неволѣ, въ прирученномъ состояніи, воспитываясь подъ надзоромъ человѣка, онѣ платятъ ему, за попеченіе о нихъ своимъ мясомъ, молокомъ и молочными продуктами. Затѣмъ, онѣ отдаютъ ему на шубу шерсть или свою кожу, покрытую различнаго рода волосами, нерѣдко длинными, волнистыми, какъ у кашемірскихъ или ангорскихъ козъ.

Кромѣ того, въ рѣдкихъ случаяхъ, онѣ исполняютъ должность лошади и перевозятъ съ мѣста на мѣсто тяжести, снопы хлѣба и разныя вещи. Этимъ животнымъ, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ титулъ: полезнѣйшихъ между всѣми другими животными.

Чѣмъ глубже мы уходимъ въ сѣдую древность, тѣмъ тѣснѣе встрѣчаемъ отношенія этихъ животныхъ къ человѣку, тѣмъ необходимѣе они становятся для жизни народовъ.

Точно также, какъ между другими животными, на которыхъ человѣкъ отразилъ свое прирученіе и приспособленіе — здѣсь между двукопытными мы встрѣчаемъ различныя степени приспособленія къ разнообразнымъ цѣлямъ. При воспоминаніи объ этихъ полезнѣйшихъ животныхъ, передъ нашими глазами проходитъ длинный рядъ всевозможныхъ породъ быковъ и коровъ, козъ и овецъ.

Безспорно, всѣ эти животныя заслуживаютъ нашего вниманія и даже благодарности за ихъ услуги человѣчеству, но мы, не выходя изъ рамокъ нашей программы, не можемъ удѣлить много времени на тѣ типы, которые входятъ, какъ матеріалы, въ науку о скотоводствѣ.

Наша цѣль другая. Мы, въ общихъ чертахъ, въ бѣглыхъ очеркахъ и картинахъ представляемъ читателю особенности, отличающія каждое животное преимущественно со стороны художественной, съ той стороны, которая дѣйствуетъ на чувства читателя и увлекаетъ его красотою формъ или возвышенностью, глубиной мысли.

Козлы и овцы.

«Козлы» и «овцы»—два полюса, двѣ стороны той морали, о которой намъ проповѣдуетъ христіанство. Это символы, которые оставила намъ глубокая древность, символы, въ которыхъ выразились, между прочимъ, догматы христіанской жизни.

Козелъ — длиннорогій, бородатый, вонючій, въ этихъ символахъ представляетъ отрицательную, безнравственную сторону.

Овца—тихая, кроткая по своей натурѣ, олицетворяетъ другую положительную сторону.

Изъ всѣхъ разнообразнѣйшихъ формъ животныхъ трудно, почти невозможно выбрать два типа, которые подходили бы лучше къ олицетворенію двухъ противуположныхъ психологическихъ типовъ.

Типъ козла во всѣ вѣка, у всѣхъ народовъ, олицетворяетъ безнравственный, отрицательный (въ психологическомъ смыслѣ) типъ, стремящійся къ сладострастію, къ самоуслажденію.

Неотъемлемыя принадлежности этого типа—рога и копыта; тѣло, покрытое шерстью, козлиныя ноги—характеризуютъ демоническія образы фавновъ, силеновъ, сатировъ. Всѣ эти формы земныхъ человѣческихъ страстей сопровождали вѣрованія древняго человѣка въ отрицательную силу разнузданныхъ бурныхъ страстей.

Фигура упившагося, толстаго жирнаго обрюзглаго Силена представляла центръ всего этого отрицательнаго козлинаго сонмища.

Всѣ эти атрибуты средневѣковой человѣкъ перенесъ изъ міра языческаго въ міръ христіанскій. Теперь эти типы служатъ какъ бы украшеніемъ поэтическихъ мотивовъ и языческихъ картинъ. При представленіи о всѣхъ этихъ козлиныхъ атрибутахъ предъ нами встаютъ картины оргій, разнузданныхъ страстей. Словомъ, поднимается все безобразіе отрицательнаго, демоническаго.

Совсѣмъ другое представленіе соединяется съ образомъ овцы.

Пастораль, идиллія—все тихое, спокойное, кроткое, съ самыхъ древнихъ временъ, связывается неразрывно съ этими послушными, покорными, и тихими животными.

Со стадами овецъ соединяется представленіе о мирной, тихой пастушеской жизни. Здѣсь нѣтъ мѣста буйнымъ разнузданнымъ страстямъ. Здѣсь тихій миръ, кротость и покорность.

Въ прирученномъ состояніи овца — жительница мирныхъ, тучныхъ пажитей, зеленыхъ долинъ и равнинъ. Она принадлежитъ стаду. Она повинуется пастуху или вожаку стада. Она всюду покорно идетъ туда, куда ведетъ ее этотъ вожакъ. Она стремится къ тихой, покойной жизни. Козелъ — напротивъ, ищетъ битвъ и простора. Онъ покоенъ только на горахъ, гдѣ его кругозору открытъ широкій просторъ горизонта. Онъ какъ бы чувствуетъ и сознаетъ силу и крѣпость своихъ сильныхъ роговъ. Съ заоблачной, высокой кручи онъ иногда безтрепетно бросается въ бездну, въ пропасть, прямо на рога — и они выдерживаютъ силу этого страшнаго удара.

По выраженію Брэма, коза создана для горъ. Дѣйствительно, если сѣверный олень созданъ для сѣверныхъ снѣжныхъ равнинъ, если верблюдъ приспособленъ къ песчанымъ степямъ, то козлы и козы по своей натурѣ ищутъ горъ, обрывистыхъ, крутыхъ подъемовъ.

«Коза,—говоритъ Брэмъ:—веселое, своенравное, любопытное, задорное существо». «Уже двухнедѣльный козленокъ,—говоритъ другой натуралистъ (Ленцъ):—высказываетъ сильную охоту пуститься на какое-нибудь опасное предпріятіе. Врожденная наклонность постоянно тянетъ его вверхъ, лазить по сложеннымъ полѣнницамъ, по кучамъ камней и дровъ, взбираться по лѣстницамъ—вотъ первое удовольствіе козленка. Иногда онъ забирается въ такое мѣсто, откуда возвратъ ему не возможенъ.

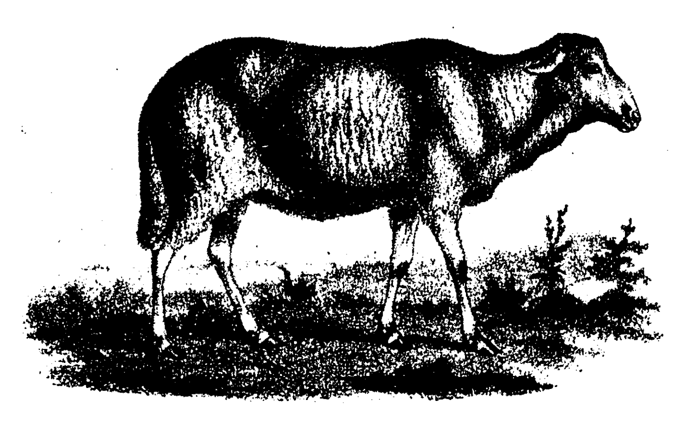
Каждому, вѣроятно, приводилось видѣть козлятъ, вскарабкавшихся на крышу и жалобнымъ блеяніемъ призывающихъ на помощь.

Козлы и козы не знаютъ головокруженья. Они проходятъ надъ страшными, бездонными пропастями по узенькому карнизу или едва замѣтной тропинкѣ.

Но такой же инстинктъ — стремленіе взбираться на высокіе предметы, существуетъ также у молодыхъ овецъ или барашковъ; только у козлятъ это стремленіе болѣе ясно выражено. Въ дикомъ состояніи козлы, овцы и бараны, избѣгая преслѣдованій человѣка, взбираются выше и выше — на высокія горы. Съ этой точки зрѣнія можно сказать, что человѣкъ косвеннымъ образомъ участвовалъ въ образованіи козловъ.

Испанскій баранъ.

Чистый, холодный, нагорный воздухъ и нагорныя травы привлекали, по всѣмъ вѣроятіемъ, тѣхъ и другихъ. Въ отдаленныя времена, нагорныя ровныя луговинки доставляли имъ роскошный подножный кормъ. Тамъ, на просторѣ чистаго, озонированнаго воздуха, напитаннаго ароматомъ нагорныхъ травъ и цвѣтовъ, они паслись на свободѣ, не зная докучнаго и корыстнаго ухода человѣка. Оттуда привлекли ихъ въ долины хитрость и умъ его и подчинили ихъ жизнь, поработивъ ее своей волѣ.

Испанская овца.

Самыми лучшими лазунами по горамъ можно считать каменныхъ козловъ и барановъ. Между всѣми видами этихъ двукопытныхъ наиболѣе приспособленный къ нагорной жизни—это большой, сильный, статный козелъ — Ovis tragelaphus. Тѣло его спереди покрыто длинными волосами; въ особенности длинны волосы на колѣнныхъ суставахъ переднихъ ногъ. Они свѣшиваются внизъ пучками и придаютъ животному какой-то полуфантастическій, внушительный, воинственный видъ.

Въ весеннюю пору козлы бродятъ по головокружительнымъ тропинкамъ и скатамъ горъ. Они чуютъ соперниковъ въ другихъ козлахъ и, встрѣтившись съ ними, начинаютъ смертельный бой.

Они нападаютъ другъ на друга съ яростью и стремительностью молніи. Громадные рога ихъ встрѣчаются, сталкиваются, и сильные удары раздаются далеко по окрестнымъ горамъ и ущельямъ. Цѣлый часъ тянется ожесточенный поединокъ. Наконецъ, болѣе молодой, болѣе сильный и энергичный козелъ побѣдилъ соперника; онъ сбросилъ его въ глубокую пропасть, на днѣ которой старый козелъ переломалъ себѣ ноги и нашелъ смерть. Коза, изъ-за которой совершился этотъ жестокій бой, спокойно стоитъ тутъ же, немного въ сторонѣ и дожидается счастливаго побѣдителя.

Козы вообще отличаются болѣе спокойнымъ, тихимъ нравомъ. Въ стадѣ онѣ занимаютъ болѣе центральное мѣсто. У нихъ нѣтъ тѣхъ сильныхъ вооруженій, тѣхъ страшныхъ роговъ, которые составляютъ неотъемлемую принадлежность козловъ. Козелъ при стадѣ исполняетъ роль его руководителя, охранителя и производителя.

Рога, копыта и вообще всѣ роговыя части тѣла находятся въ соотвѣтствіи другъ съ другомъ. Они какъ бы дополняютъ другъ друга. Шерсть волосъ у всѣхъ животныхъ, точно также какъ у козъ, развивается сильнѣе при низкой температурѣ... Вотъ почему нагорные виды козъ имѣютъ длинную и тонкую шерсть. Это не шерсть, а длинный, мягкій, шелковистый волосъ, какъ напр. у кашемирскихъ козъ.

Кашемирская или ангорская коза — это та порода козъ, изъ волосъ которой, мягкихъ и пушистыхъ, ткутся дорогія кашемировыя шали—небольшого роста съ довольно длинными и закрученными винтообразно рогами. При первомъ взглядѣ на эту красивую козу, поражаешься ея волнистой, длинной, свѣшивающейся внизъ шерстью, ослѣпительно бѣлаго снѣжнаго цвѣта. Этотъ цвѣтъ не составляетъ впрочемъ исключительной принадлежности ангорской козы. Онъ является желтоватымъ, или даже желтымъ. Онъ можетъ переходить въ блѣдно-сѣрый (очень рѣдко), въ дымчатый, бурый и даже, что бываетъ очень рѣдко, въ черный цвѣтъ. Тонизна волосъ этого мѣха и, главное, длина ихъ, слегка вьющихся, падающихъ со всѣхъ сторонъ въ видѣ бѣлыхъ, серебристыхъ локоновъ, придаютъ этой козѣ необыкновенную красоту и изящество.

Отъ мытья эта шерсть становится еще нѣжнѣе, мягче и блестящѣе. Она составляетъ всю красоту и блескъ козы. Горы Анатоліи представляютъ единственный центръ, гдѣ водятся ангорскія козы. Почти каждый высокій хребетъ горъ имѣетъ свою породу козловъ.

На Кавказѣ водится одинъ видъ, такъ-называемаго, каменнаго козла. Это — сильное животное на высокихъ мускулистыхъ ногахъ, съ громадными узловатыми рогами. Вѣроятно, тотъ же козелъ встрѣчается и на Альпахъ Швейцарскихъ и на горахъ Пиринейскихъ. Необыкновенно дикій и буйный нравъ этого козла представляетъ одно изъ главныхъ препятствій къ его прирученію.

«Auf den Bergen ist Freiheit! (на горахъ свобода),—сказалъ Шиллеръ,—и той свободой вмѣстѣ съ чистымъ нагорнымъ воздухомъ дышатъ альпійскіе козлы. Онъ, этотъ свободный чистый воздухъ—внушаетъ имъ неодо-

лимое влеченіе къ свободѣ. Каждый шагъ поднимаетъ ихъ надъ землей, и они восходятъ выше и выше, до тѣхъ поръ, пока бездонная пропасть не остановитъ ихъ стремленія въ высь и въ ширь. Понятно, какъ непріятна этимъ животнымъ жизнь въ долинахъ, какъ имъ душно дышать въ этихъ низменныхъ равнинахъ.

При каждомъ шагѣ на гору— раскрывается кругозоръ животнаго. Онъ чувствуетъ свою мощь и свободу. Ему тяжело вернуться внизъ, сойти съ этого широкаго круга.

Это вліяніе горъ, возвышенныхъ мѣстностей замѣчается не только у животныхъ — оно свойственно и человѣку. На высокихъ горахъ человѣкъ чувствуетъ свое отчужденіе отъ низменной земной жизни. Его влечетъ на свободу пространства, и вѣроятно тоже самое чувство пробуждается у всѣхъ нагорныхъ животныхъ: у серны, у каменнаго козла, у козла альпійскаго и пиринейскаго.

Домашняя коза.

И чѣмъ сильнѣе развито это чувство, тѣмъ тяжелѣе этимъ животнымъ переносить неволю и господство человѣка.

Въ Бернѣ, въ 1820 году содержался одинъ изъ такихъ козловъ, въ надеждѣ вывести отъ него прирученное животное. Онъ свободно гулялъ по городской стѣнѣ и въ это время продѣлывалъ разныя проказы: разбивалъ черепицы на кровляхъ домовъ, спрыгивалъ со стѣны въ городской садъ, гдѣ гуляла расфранченная публика, и опрокидывалъ часовыхъ. Наконецъ, его шалости вывели всѣхъ изъ терпѣнія, и козла перевели въ окрестности Интерлакена. Нѣсколько разъ въ день, онъ приходилъ къ одной альпійской хижинѣ, такъ что, наконецъ, надоѣлъ всѣмъ. Онъ сшибалъ съ ногъ пастуха и одинъ разъ чуть не убилъ его. Къ счастью жена пастуха какимъ-то инстинктомъ схватила козла за бороду и такимъ образомъ усмирила его.

Обыкновенный козелъ.

Городское начальство рѣшило, наконецъ, перевести буяна-козла выше, въ горы Саксенталя. При этомъ четверо сильныхъ людей съ трудомъ тащили его, и онъ нѣсколько разъ сваливалъ съ ногъ этотъ сильный конвой. Одинъ охотникъ за сернами взялся охранять это буйное животное и едва не поплатился жизнью за свой уходъ. Одинъ разъ козелъ загналъ его на край пропасти, и охотникъ только чудомъ спасся отъ этой смертельной опасности.

Когда привели козла въ Саксенталь, то онъ убѣжалъ, вернулся снова, ушелъ изъ этой мѣстности и навелъ ужасъ на всѣхъ пастуховъ Саксентальской долины. Онъ бросался на людей, въ особенности на женщинъ. Онъ выламывалъ двери въ тѣсныхъ хижинахъ и держалъ въ осадѣ все населеніе.

Замѣчательна черта въ характерѣ вообще всѣхъ козловъ. Это — упрямство съ которымъ они преслѣдуютъ какую-нибудь задуманную ими цѣль.

По цѣлымъ часамъ козелъ будетъ стоять передъ запертой дверью и стучать лбомъ или ударять въ нее рогами — до тѣхъ поръ, пока эта дверь не отворится, или пока не отгонятъ его отъ нея.

Пастухи-мальчики нерѣдко подвергаются смертельной опасности, когда они пасутъ въ горахъ этихъ настойчивыхъ козловъ. Такой козелъ заводитъ ихъ на крутыя тропинки между отвѣсными скалами, въ мѣста, откуда одинъ выходъ — въ страшную пропасть.

Извѣстный натуралистъ Платеръ, въ юности былъ козьимъ пастухомъ и сохранилъ горькое воспоминанье объ этой порѣ его жизни: «Когда мнѣ исполнилось шесть лѣтъ, — разсказывалъ онъ, — меня отправили къ моему родственнику, въ пастухи къ небольшому стаду козъ. Я былъ еще очень малъ, и если въ то время, когда я открывалъ двери хлѣва, не успѣвалъ отскочить во-время, то все стадо сбивало меня съ ногъ и пробѣгало буквально по мнѣ. Козы бѣжали по моей спинѣ и головѣ, нисколько не заботясь о моей личности и моемъ отчаянномъ крикѣ и плачѣ. Когда я гналъ этихъ козъ на пастбище, то передовыя обыкновенно не слушались моего крика и моей палки, онѣ убѣгали въ хлѣба, и тогда я при-

нимался кричать изо всѣхъ силъ моихъ легкихъ и звалъ отчаянно на помощь, ибо зналъ, что вечеромъ мнѣ больно достанется за стоптанный хлѣбъ. Одинъ разъ мои козы взобрались на скалу. Она была шириной не больше сажени и почти отвѣсна, а внизу была глубокая пропасть не менѣе тысячи саженъ глубины. Козы съ этой возвышенности перескочили на другую, выше. Кое-какъ я взобрался вслѣдъ за ними, цѣпляясь за кусты и обдирая въ кровь руки и ноги. Но вскарабкавшись на одну сажень, я увидѣлъ, что дальше идти некуда, что впереди опять пропасть. Слѣдуя за козлами, я взобрался на такое мѣсто, откуда нельзя было сдѣлать ни одного шага ни впередъ, ни назадъ. Я буквально повисъ на этихъ скалахъ, а надо мной въ воздухѣ проносились громадные орлы, которымъ не стоило большого труда схватить и унести меня.

«Такія опасности наполняли мою дѣтскую жизнь. Я ходилъ постоянно въ синякахъ отъ паденій и ушибовъ. Руки и колѣнки были ободраны; въ царапинахъ и коростахъ. Рѣдко и не надолго были цѣлы мои пальцы. Обуви у меня не было, всѣ руки были въ мозоляхъ и волдыряхъ. Утромъ мнѣ давали размазню изъ ржаной муки, вечеромъ — сыворотку. Каждый день въ страхѣ за свою жизнь, лѣтомъ я спалъ на сѣнѣ, зимой на соломѣ, въ которой прятались ящерицы, мокрицы и разныя гадины».

Каменный козелъ.

Другой альпійскій натуралистъ разсказываетъ объ альпійскихъ нагорныхъ козахъ слѣдующее: «дикій козелъ имѣетъ только въ дѣтствѣ веселый, игривый характеръ, но съ возрастомъ онъ теряетъ эту веселость и становится угрюмымъ, злымъ и раздражительнымъ. Одинъ разъ какой-то англичанинъ усѣлся на пень на Гримзелѣ недалеко отъ отеля, въ которомъ онъ жилъ, и нагнулся надъ книгой. Козелъ бродилъ взадъ и впередъ около него. Наклонъ англичанина надъ книгой онъ принялъ, вѣроятно, за вызовъ къ битвѣ, нагнулъ голову и съ разбѣга изо всей силы ударилъ его въ спину. Англичанинъ разумѣется полетѣлъ вверхъ ногами, посылая проклятія, а козелъ, изумленный этой неустойчивостью противника, уперся передними ногами въ пень и съ любопытствомъ разсматривалъ барахтавшагося джентльмена.

Кашемирская коза.

Побужденіе драться, бодаться лежитъ въ крови козловъ, козъ и барановъ. Оно встрѣчается почти у каждой формы двукопытныхъ животныхъ, оно является у молодыхъ барашковъ и сопутствуетъ имъ въ жизни до глубокой старости.

«Я съ удовольствіемъ, — говоритъ Брэмъ: — вспоминаю о большомъ сильномъ козлѣ, который обыкновенно лежалъ на улицѣ нашего села, мирно пережевывая свою жвачку. Мы, дѣти, никакъ не могли оставить въ покоѣ этого стараго козла. Одинъ изъ насъ, шалуновъ, сильно толкнулъ его и вызвалъ на бой. Козелъ поднялся,

потянулся, долго думалъ и, наконецъ, рѣшился принять вызовъ. Но онъ принялъ это дѣло серьезнѣе, чѣмъ мы думали, и началъ гоняться за нами, а мы убѣгали отъ него. Онъ вѣроятно полагалъ, что каждый изъ насъ долженъ (по законамъ козлиной чести) нагнуть голову, встрѣтить врага, подставляя ему лобъ—и, вѣроятно, сильно удивлялся тому, что мы этого не дѣлаемъ, а постыдно повертываемъ спину и удираемъ во всю прыть своихъ молодыхъ ногъ.

«Козы,—говоритъ Брэмъ:—имѣютъ врожденную привязанность къ человѣку. Ласковымъ, кроткимъ обращеніемъ козу можно приручить къ себѣ, и она будетъ бѣгать за человѣкомъ, какъ собака. Этого мало. Во многихъ случаяхъ она какъ-будто понимаетъ человѣческій языкъ и слушается его приказаній».

До сихъ поръ никто не дѣлалъ опытовъ для доказательства существованія у козъ нравственнаго чувства. Но нѣкоторые случаи даютъ намекъ на его присутствіе. Вотъ что разсказываетъ, напримѣръ, Брэмъ о козахъ его матери. «Моя мать,—говоритъ онъ,—держитъ козъ и очень любитъ ихъ. Иногда случается, что имъ забудутъ дать достаточно корма, и если мать моя подойдетъ къ окну и спроситъ ихъ, давали ли имъ корму, то всѣ козы начинаютъ кричать. Если же онѣ сыты, то всѣ молчатъ и лежатъ покойно. Точно такъ же держатъ онѣ себя въ случаѣ несправедливаго наказанія. Если они тайкомъ заберутся въ садъ и ихъ прогонятъ, то онѣ не протестуютъ. Если же прислуга ударитъ хоть одну козу еще въ хлѣву, то всѣ онѣ тотчасъ же начнутъ блеять самымъ жалобнымъ голосомъ».

На свободѣ, въ горахъ козы не рѣдко идутъ за прохожими, и если кто-нибудь при этомъ дастъ имъ что-нибудь съѣстное, то они это будутъ твердо помнить и, встрѣтясь опять съ этимъ человѣкомъ, подходить къ нему и просить опять подачки.

Въ горахъ Испаніи овецъ употребляютъ, какъ вожаковъ для цѣлаго стада. Лучшія овцы тамъ загоняются на вершины горъ, на высоту 8 — 10 тысячъ футовъ, гдѣ и проводятъ все лѣто. Пастухи, пасущіе этихъ овецъ, берутъ въ помощники себѣ—козловъ.

Козлы отлично исполняютъ эту роль вожаковъ. Овцы слушаютъ ихъ. Для нихъ понятны всѣ интонаціи ихъ голоса. Одинъ изъ такихъ пастуховъ, подростокъ 12—14 лѣтъ, жаловался Брэму на упрямство козъ изъ его стада: «вотъ,—говорилъ онъ,—я сегодня никакъ не хотѣлъ пасти на этомъ мѣстѣ, но что хотите подѣлать съ этими упорными упрямцами. Они пошли впередъ, и я поневолѣ долженъ былъ идти за ними. А попробуйте-ка ихъ пристращать, они погубятъ все стадо. Вонъ! Посмотрите!..»

И онъ указалъ на верхушки горъ. — Тамъ его овцы вскарабкались на опасной утесъ и ласковымъ блеяніемъ звали къ себѣ другихъ членовъ стада. Пастухъ взобрался наконецъ на горку. Козы встрѣтили его чиханьемъ, собака громко лаяла, и въ ту минуту, когда онъ съ неимовѣрнымъ трудомъ взобрался на ту скалу, на которой стояли его козы, вдругъ всѣ онѣ однимъ прыжкомъ перемахнули пространство и очутились на сосѣдней скалѣ.

Пастухъ послалъ за ними собаку, и она послѣ долгаго странствованія вывела ихъ наконецъ изъ лабиринта извилистыхъ коридоровъ. Въ этихъ коридорахъ скрываются узенькія тропинки среди ужасныхъ пропастей. Козы бѣгутъ по этимъ тропинкамъ самоувѣренно. Онѣ идутъ твердыми шагами, и выводятъ все стадо на просторъ широкихъ тропинокъ. Такимъ образомъ козы оказываются лучше человѣка.

Изъ этого очевидно, какую трудную работу исполняютъ козьи пастухи на Альпахъ Швейцаріи. Еще тяжелѣе жизнь этихъ пастуховъ на испанскихъ Альпахъ, въ Андалузіи. Они должны полдня бродить въ снѣжныхъ заносахъ. Одежда ихъ представляетъ рваныя лохмотья, едва покрывающія ихъ тѣло, почернѣлое отъ альпійскаго солнца. Ѣдятъ они простой хлѣбъ; черствый и заплесневѣлый. Спятъ на голой землѣ.

Сопоставляя эти живыя дѣйствительно существующія картины пастушеской жизни съ тѣми пасторалями, которымъ стремились поражать французы 17-го столѣтія — невольно думается: тамъ жизнь—какъ она есть, неприбранная, не искаженная стремленіями цивилизованнаго человѣка, а здѣсь, въ этихъ чопорныхъ пастушкахъ и щегольски одѣтыхъ пастухахъ, слышится та фальшь жизни, которая заставляетъ человѣка жить красиво, но безчеловѣчно и несправедливо.

Перенесемтесь не надолго на югъ Россіи, въ степи Новороссіи и Малороссіи, въ тѣ степи, на которыхъ пасутся тысячи овецъ, съ курдюками или безъ курдюковъ. Тамъ пастушеская жизнь такъ же или почти такъ же непріютна и тяжела, какъ и на Альпахъ. Тамъ пастухи или чабаны такъ же бродятъ въ лохмотьяхъ, загорѣлые отъ солнца, тамъ такъ же собаки составляютъ неизмѣнную охрану стадъ.

Жаркимъ лѣтомъ, когда съ сѣвера или съ сѣверозапада подуваетъ освѣжающій, прохладный вѣтерокъ, — въ эти не жаркіе пасмурные дни въ степи хорошо, привольно. Но наступаетъ скучная осень съ ея холодными туманами, и жизнь пастуха становится невыносимой. Дождь мочитъ его и его стадо, и негдѣ укрыться отъ него и отъ холоднаго вѣтра. Но этотъ вѣтеръ мало-по-малу превращается—переходитъ въ бурю, отъ которой нѣтъ спасенья.

Стадо овецъ превращается въ стадо какихъ-то дикихъ бѣшенныхъ звѣрей, которые не слушаются и не слышатъ голоса пастуха. Они мчатся по вѣтру. Напрасно несчастный чабанъ старается остановить ихъ. Они опрокидываютъ всякое препятствіе и мчатся, какъ безумныя, все дальше и дальше, къ краю высокаго обрыва, съ котораго онѣ прямо бросаются въ море и гибнутъ сотнями и тысячами въ его бурныхъ волнахъ.

Эта картина гибели овецъ въ нашихъ степяхъ напоминаетъ намъ болѣе грандіозную по размѣрамъ картину стадныхъ передвиженій не овецъ и козловъ, но громадныхъ, страшныхъ быковъ въ предѣлахъ американскихъ луговыхъ степей или пампасовъ.

Бизоны.

При первомъ взглядѣ на бизона насъ поражаетъ его чудовищно-развитая грива. Голова его никогда не можетъ подняться кверху. Такъ уже устроены шея и позвоночный столбъ бизона. Въ особенности характерна для этого устройства косматая, курчавая грива, которая подымается горбомъ надъ затылкомъ бизона. Эта грива прикрываетъ только его шею и сливается съ волосами бороды, на головѣ она переходитъ въ шапку косматыхъ волосъ. Въ уборѣ этой гривы бизонъ напоминаетъ отчасти льва.

Первое впечатлѣніе, которое производитъ бизонъ — это впечатлѣніе страшнаго косматаго чудовища. Голова его опущена внизъ, онъ какъ-будто готовъ броситься на человѣка. Но маленькія глаза и небольшіе коровьи рога, смягчаютъ это впечатлѣніе.

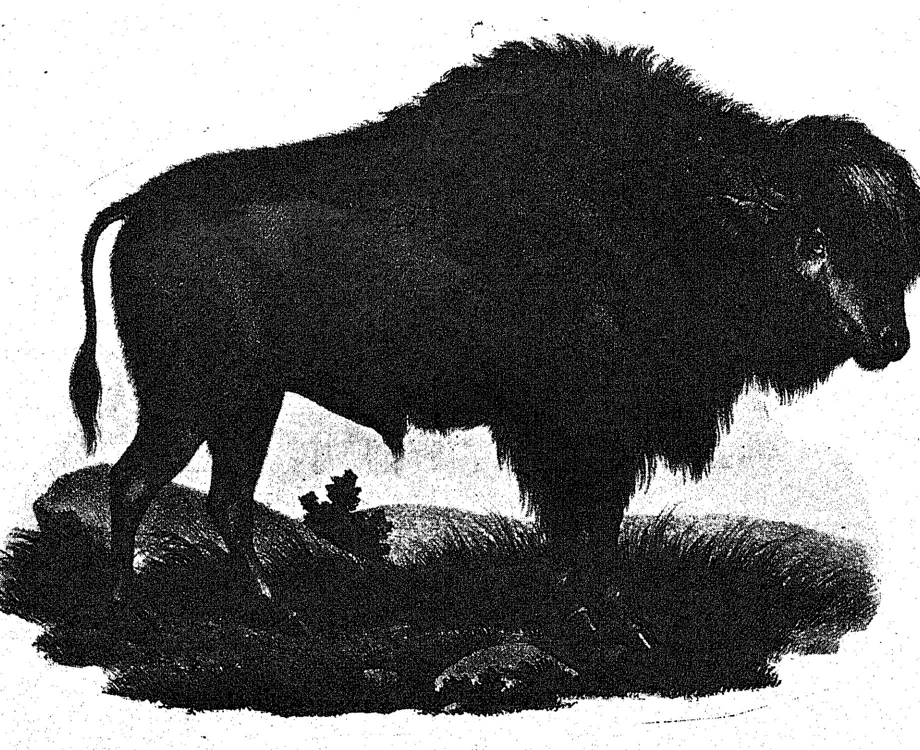
Цѣлыя громадныя стада этихъ страшныхъ быковъ встрѣчаются въ сѣверной Америкѣ, къ западу отъ Миссури. Лѣтомъ эти чудовища ходятъ вмѣстѣ и пасутся на лугахъ по берегамъ американской широкой рѣки. Но осенью и зимой они разбиваются въ небольшія стайки или ходятъ въ разбродъ по-одиночкѣ.

Красивую картину представляютъ эти группы громадныхъ быковъ среди живописныхъ мѣстностей сѣверной Америки, на широкомъ пространствѣ необозримыхъ пампасовъ. Но съ каждымъ годомъ эта картина становится

блѣднѣе. Съ каждымъ годомъ уменьшается число головъ этого дикаго и независимаго животнаго въ необозримыхъ лугахъ сѣверной Америки.

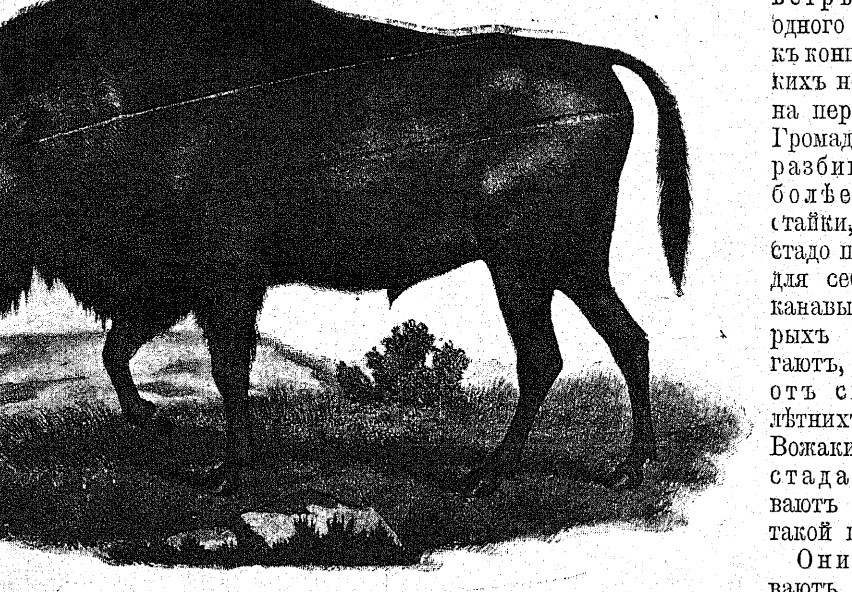
Участь бизона тѣсно связана съ участью краснокожихъ индѣйцевъ. Онъ точно также гибнетъ массами подъ наплывомъ бѣлаго европейскаго племени, таетъ и исчезаетъ подъ выстрѣлами бѣлыхъ людей — съ ихъ бездымнымъ порохомъ и пулями «думъ-думъ».

Охота на бизоновъ представляетъ нѣчто въ родѣ бойни или избіенія этихъ величественныхъ, красивыхъ быковъ. Этой охотой занимаются обыкновенно краснокожіе дикари. Для этой цѣли собирается толпа или группа людей всадниковъ, на сильныхъ коняхъ, и они идутъ прямо на стадо. Вскорѣ это наступленіе превращается въ дикую бойню, въ оргію истребленія и кровопійства. Всадники наскакиваютъ на быковъ, колютъ ихъ пиками. Въ общей свалкѣ въ облакахъ пыли трудно разобрать всѣ подробности ожесточеннаго боя, но въ концѣ концовъ, — въ разныхъ точкахъ этого боя то тамъ, то здѣсь валяются тѣла убитыхъ бизоновъ, и охотники доканчиваютъ ихъ саблями или пиками.

Американскій бизонъ.

Вотъ что разсказываетъ о такой охотѣ извѣстный путешественникъ Мильгаузенъ: «Несмотря на указаніе одного изъ проводниковъ, индѣйца «Чернаго бобра», мы хотѣли оцѣпить стадо бизоновъ. Для этого необходимо было подкрасться къ этому стаду на ружейный выстрѣлъ, скрываясь за холмистой мѣстностью. Изъ шестнадцати или семнадцати охотниковъ каждый желалъ подкрасться первымъ, не обращая никакого вниманія на другихъ товарищей и на тонкое обоняніе бизона. Вслѣдствіе этого, въ то время, когда мы подползали къ стаду, мы всегда видѣли его бѣгущимъ отъ насъ во всѣ лопатки—на разстояніи двухъ километровъ.

Зубръ.

«Огромныя стада этихъ животныхъ оживляютъ обширные луга, къ западу отъ Миссури—начиная отъ Канады до береговъ Мексиканскаго залива. Предполагаютъ, что каждый годъ, весной, эти животныя переселяются на сѣверъ за тѣмъ, чтобы достичь осенью болѣе теплыхъ широтъ. Немногія, отставшія или больныя и отощалыя, бродятъ по обширнымъ лугамъ. Эти животныя ищутъ корма по берегамъ Іелловъ-Стона. Все это безсильные старики, отяжелѣвшіе отъ лѣтъ и не имѣющіе силъ слѣдовать за болѣе сильными и молодыми.

«Въ маѣ и сентябрѣ бизоны сбираются въ большія стада. Громадныя равнины покрыты ихъ чернѣющими тѣлами. Они представляются наблюдателю какимъ-то войскомъ фантастическихъ, странныхъ животныхъ. Пыль летитъ облаками изъ подъ ихъ копытъ. Въ воздухѣ гудятъ раскаты отдаленнаго грома. Въ это время путешественникъ, проходя по пампасамъ цѣлые дни, недѣли, даже мѣсяцы, не встрѣтитъ ни одного бизона. Но къ концу нѣсколькихъ недѣль сцена перемѣняется. Громадное стадо разбивается на болѣе мелкія стайки, и каждое стадо прорываетъ для себя рвы и канавы, въ которыхъ они залегаютъ, спасаясь отъ сильныхъ лѣтнихъ жаровъ. Вожаки каждаго стада отыскиваютъ мѣсто для такой канавы.

Они прорываютъ эти канавы, наклонивъ голову внизъ и вытаскивая на рогахъ и затылкѣ землю и грязь. Бизонъ, проработавъ надъ такой канавой нѣсколько часовъ и, наконецъ, вынырнувшій изъ глубины ея, представляетъ безобразный видъ, это—чудовище, борода и грива котораго вся выпачкана въ грязи. Грязь засохла на его бородѣ и гривѣ и виситъ безобразными комками.

Въ это время пустынныя луговины снова оживаютъ. Стада темныхъ бизоновъ бродятъ по этимъ зеленымъ лу-

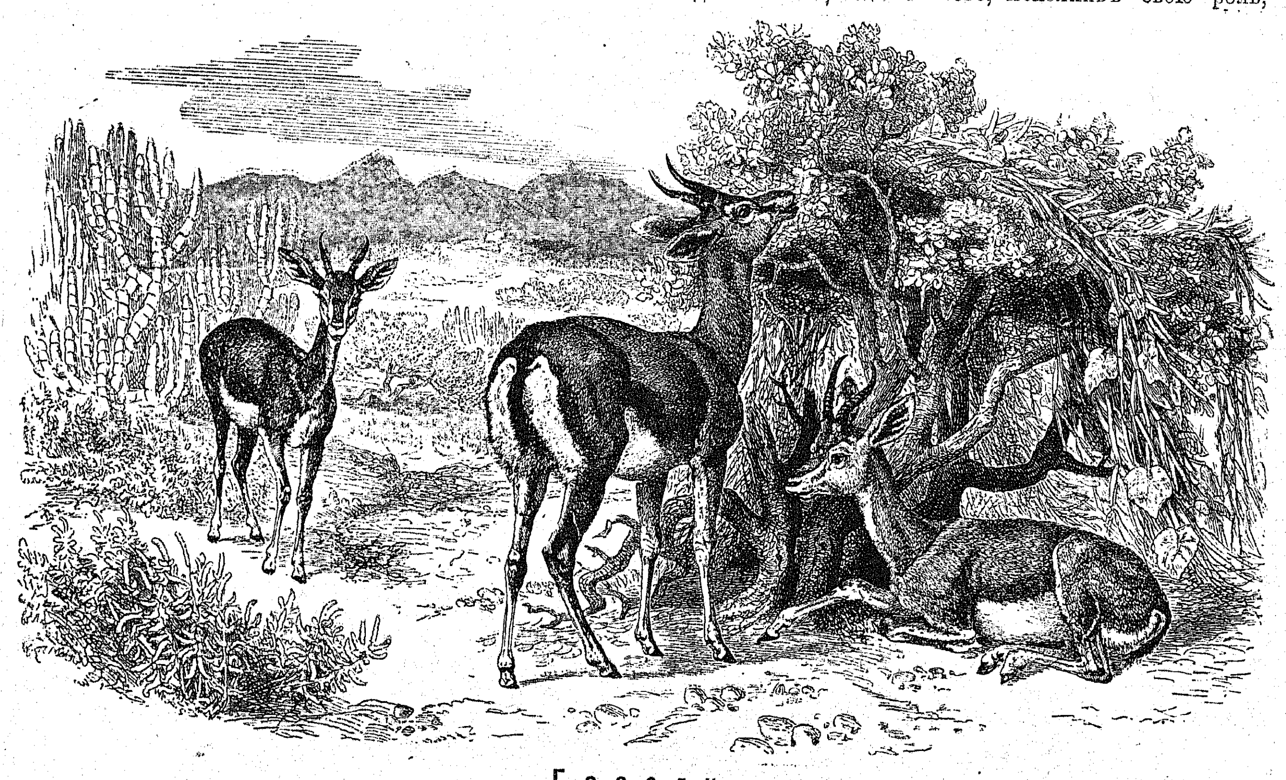
гамъ. Молодые телята весело прыгаютъ и играютъ на пригрѣвѣ весенняго солнца.

Охота на бизона составляетъ необходимость для краснокожаго индѣйца. Онъ пользуется его шкурой, его кожей, его мясомъ. Верхомъ на своей быстрой и выносливой лошади, пойманной жеребенкомъ въ этихъ необозримыхъ лугахъ, онъ бросается въ самую середину стада, разсѣвая въ немъ смерть направо и налѣво. Какъ только онъ завидитъ стадо бизоновъ, онъ сбрасываетъ съ себя и съ лошади все, что можетъ стѣснять его бѣгъ. Онъ оставляетъ при себѣ только ремень около 30 метровъ длины, который помогаетъ ему овладѣть раненымъ животнымъ. Въ лѣвой рукѣ онъ держитъ лукъ, въ правой хлыстъ, которымъ онъ бьетъ лошадь безъ милосердія.

Лошадь, выдресированная и пріученная къ этой охотѣ, изворачивается, чтобы поставить всадника удобнѣе для удара,—и какъ только ремень просвиститъ надъ ея головой и копье воткнется въ шею быка, она инстинктивно дѣлаетъ прыжокъ, чтобы избѣжать удара роговъ бизона.

Такимъ образомъ происходитъ эта охота до тѣхъ поръ, пока всадникъ не замѣтитъ утомленіе его лошади. Раненые или убитые бизоны умираютъ въ сторонѣ. Жены охотниковъ слѣдуютъ за ними. Онѣ вырѣзываютъ и уносятъ въ свои «вигвамы» куски и тѣла бизоновъ. Тамъ мясо разрѣзываютъ на тонкіе ломтики и сушатъ ихъ на солнцѣ. Остатки оставляютъ въ пустынѣ—на жертву волкамъ и другимъ хищникамъ.

«Перенесемся теперь,—говоритъ одинъ изъ современныхъ нашихъ русскихъ писателей, К. Бальмонтъ: — отъ этой кровавой сцены американскихъ краснокожихъ дикарей въ одинъ изъ центровъ Европейской цивилизаціи,— на арену испанскаго цирка. Представимъ себѣ бой быковъ. Вплоть у деревянныхъ стѣнъ, огораживающихъ обширную усыпанную пескомъ арену, стоятъ пикадоры съ длинными пиками, на лошадяхъ, у которыхъ завязаны глаза. Нарядные торреадоры легкой, веселой толпой пробѣгаютъ то здѣсь, то тамъ. Всѣ они въ шелковыхъ бальныхъ костюмахъ, золотистыхъ, зеленоватыхъ: желтыхъ, — точно весенніе мотыльки. Тысяча зрителей смотрятъ на арену. Гремитъ военная музыка. А въ высотѣ синѣетъ глубокое южное небо и жгучее солнце проливаетъ потоки своихъ жгучихъ лучей. Открываются ворота: выбѣгаетъ быкъ—красивый, свирѣпый и быстрый, какъ арабская лошадь. Его рога остры, какъ кинжалы, его загривокъ такъ могучъ, что однимъ рогомъ онъ поднимаетъ на воздухъ лошадь съ сѣдокомъ. Выбѣжавъ изъ темноты, быкъ, опьяненный блескомъ и видомъ многолюдной толпы, бросается на перваго же пикадора; но пикадоръ отражаетъ нападеніе звѣря, ловко направивъ въ лопатку быка свое короткое, почти безвредное остріе копья. Если онъ промахнулся, то въ одно мгновенье онъ будетъ на землѣ, и тяжелые ботфорты помѣшаютъ ему встать. Тогда только дерзость торреадоровъ, не имѣющихъ въ рукахъ ничего, кромѣ плаща, можетъ спасти пикадора отъ неминуемой смерти. Они отвлекаютъ вниманіе быка и разсыпаются въ разныя стороны, а быкъ уже бѣжитъ къ новому пикадору, и веселье и призракъ смерти вьются надъ ареной. Каждый пикадоръ долженъ отразить нападеніе быка, послѣ чего, исполнивъ свою роль, онъ исчезаетъ со сцены. Тогда выходятъ нарядныя бандерильи. У нихъ нѣтъ въ рукахъ ничего, кромѣ короткихъ, украшенныхъ лентами, дротиковъ, которые они должны воткнуть въ загривокъ быка, ловкимъ жестомъ, избѣгнувъ его страшнаго рога. Горе тому, кто ошибется. Его судьба будетъ кончена въ одно мгновенье. И, наконецъ, выходитъ эспада — главный герой. Онъ долженъ вонзить свою шпагу въ опредѣленное мѣсто, въ такъ-называемый, жизненный узелъ — noede vitale. Нанося ударъ, онъ долженъ непремѣнно смотрѣть быку прямо въ глаза, какъ бы гипнотизировать его. Все здѣсь разсчитано на быстроту и ловкость движеній, на мѣткость удара и на непобѣдимую твердость духа и руки. Малѣйшая неточность влечетъ за собой смертельную опасность, и поскользнуться здѣсь нельзя. Отъ такого маленькаго недочета неловкій очутится въ воздухѣ, и черезъ нѣсколько мгновеній его тѣло унесутъ съ арены, а зрѣлище будетъ продолжаться обычнымъ порядкомъ. Только окровавленное мѣсто смерти засыплютъ свѣжимъ пескомъ».

Газели.

Въ этой мастерски набросанной картинѣ читатель можетъ видѣть всѣ данныя, изъ которыхъ складывается бой быковъ, его перипитіи и то, что влечетъ зрителя къ кровавому зрѣлищу. Ловкость и сила, мѣткость глаза и руки — вотъ что возбуждаетъ сначала интересъ зрѣлища. Затѣмъ является кровавая, болѣе сильная приманка. Кровь опьяняетъ человѣка, и не только чело-

вѣка но, вѣроятно, всѣхъ высшихъ теплокровныхъ животныхъ.

Одинъ разъ, лѣтомъ, я былъ пораженъ картиной, которую представляло стадо коровъ, возвращающееся съ пастбища. Всѣ коровы были въ какомъ-то возбужденномъ состояніи. Онѣ останавливались, обнюхивали какой-то бѣлый предметъ на землѣ, махали головами, хвостами, мычали и вообще выказывали странное возбужденіе. Бумага была запачкана кровью одной изъ коровъ, и запахъ этой крови приводилъ въ ярость всѣхъ обнюхивавшихъ его животныхъ.

Антилопы.

Что такое антилопа?.. Это не коза, не олень. Но въ ея строеніи, въ ея стройномъ тѣлѣ видится и то и другое.

Ихъ цѣлое стадо... Онѣ бѣгутъ стремглавъ. Онѣ пугливы, какъ серны, эти степныя козы. Что-то ихъ испугало, и онѣ вскочили и понеслись, быстрыя, какъ вѣтеръ, легкія, какъ перья—стройныя, тонкія, красивыя...

Это одинъ видъ антилопы. Степи Азіи и Африки дали просторъ образованію всякихъ стакуновъ однокопытныхъ и двукопытныхъ. Здѣсь образовались и развились джайраны, сайги, газели, кваги, зебры,—всѣ эти прыгуны и скакуны, быстрые, какъ вѣтеръ—всѣ, которымъ привольно въ широкихъ пустынныхъ степяхъ Азіи и Африки.

Стройное, красивое тѣло этихъ животныхъ первое бросается въ глаза, но еще болѣе привлекаютъ наше вниманіе и заставляютъ насъ любоваться глаза ихъ. Всмотритесь въ эти глаза, въ этотъ взглядъ. Всмотритесь пристально, сколько чувства и ума, свѣтится въ этихъ черныхъ, прелестныхъ глазахъ. Съ какимъ одушевленіемъ и ясной простотой эти глаза смотрятъ на васъ — черные, большіе, блестящіе. Одинъ мигъ—и, все летучее стадо антилопъ скроется изъ вашихъ глазъ. Только туманъ и пыль останутся отъ этихъ животныхъ, быстрыхъ, какъ молнія.

Изъ всего стада рѣзко выдѣляются головы вожаковъ-самцовъ. Они выпрыгиваютъ, выдѣляются изъ уровня всего стада. Они зорко выглядываютъ, они кричатъ. И все стадо также шумно, съ крикомъ проносится мимо.

Вы сразу можете издалека отличить самца отъ самки. Всѣ самцы вооружены рогами. Эти рога длинные и острые изогнуты винтообразно и всѣ покрыты кольцевыми утолщеніями.

Антилопы, вмѣстѣ съ другими близкими двукопытниками, составляютъ громадную группу, живущую въ Азіи, Африкѣ, въ песчаныхъ степяхъ этихъ странъ.

Цвѣтомъ ихъ шерсти—грязноватымъ, сѣровато-песчанымъ—они достаточно защищены отъ нападенія хищниковъ. Когда антилопа или газель лежитъ въ песчаной африканской пустынѣ, то ее нельзя отличить отъ окружающихъ камней (сѣровато-желтыхъ). Другое спасительное средство—въ ея быстромъ бѣгѣ, въ ея стройныхъ, тонкихъ и длинныхъ ногахъ.

Рога антилопъ и газелей представляютъ скорѣе головное украшеніе, чѣмъ орудіе защиты. Они такъ же стройны, какъ и все въ тѣлѣ газели. Животное никогда не прибѣгаетъ къ ихъ помощи, и при всякомъ тревожномъ шумѣ, который поражаетъ его слухъ, оно вскакиваетъ, быстро поднимается съ мѣста и летитъ, летитъ, какъ вѣтеръ, обгоняя песокъ, который поднимается и несется вѣтромъ.

Чуткія и большія уши загодя, издалека, доносятъ ей о дѣйствительной или мнимой опасности, и она за двѣ, за три версты отъ шума, который ее испугалъ, срывается съ мѣста, какъ раненая, и несется, летитъ, летитъ—нюхая воздухъ и плотно приложивъ къ головѣ свои чуткія уши.

Антилопа.

Антилопы и газели, какъ всѣ степныя общественныя животныя, совершаютъ переселенія, причина которыхъ до сихъ поръ еще не выяснена достаточно наукой. Громадными стадами онѣ бѣгутъ по избранному ими направленію, и при этихъ переселеніяхъ огромное число ихъ гибнетъ на пути.

Эти переселенія представляютъ намъ что-то величественное и стихійное. Сотни тысячъ этихъ животныхъ бѣгутъ стремглавъ и увлекаютъ на пути все, что попало въ этотъ стихійный потокъ.

Громадные хищники, даже львы не имѣютъ силы бороться противъ этихъ колоссальныхъ гигантскихъ теченій и бѣгутъ, несутся съ главнымъ потокомъ. Онъ влечетъ ихъ неудержимо. Проходятъ цѣлые часы, и изумленный путешественникъ поражается этимъ количествомъ и величіемъ одного изъ явленій природъ, совершающихся по ея повелѣнію и ея масштабу. Гулъ, какъ подземный громъ, далеко несется по пути этихъ движущихся массъ, облако песку и пыли, поднятой сотнями тысячъ копытъ, летитъ вмѣстѣ съ этими стремящимися впередъ животными и цѣлыя стада, тучи хищныхъ птицъ, такъ же быстро, какъ и эти двукопытныя, летятъ за ними.

Верблюдъ и лама.

Двѣ противоположности. Одно животное степей, песчаныхъ равнинъ, другое горное.—Животное болѣе или менѣе возвышенныхъ, иногда—заоблачныхъ горъ и вершинъ. Оба удивительно приспособлены къ условіямъ ихъ жизни.

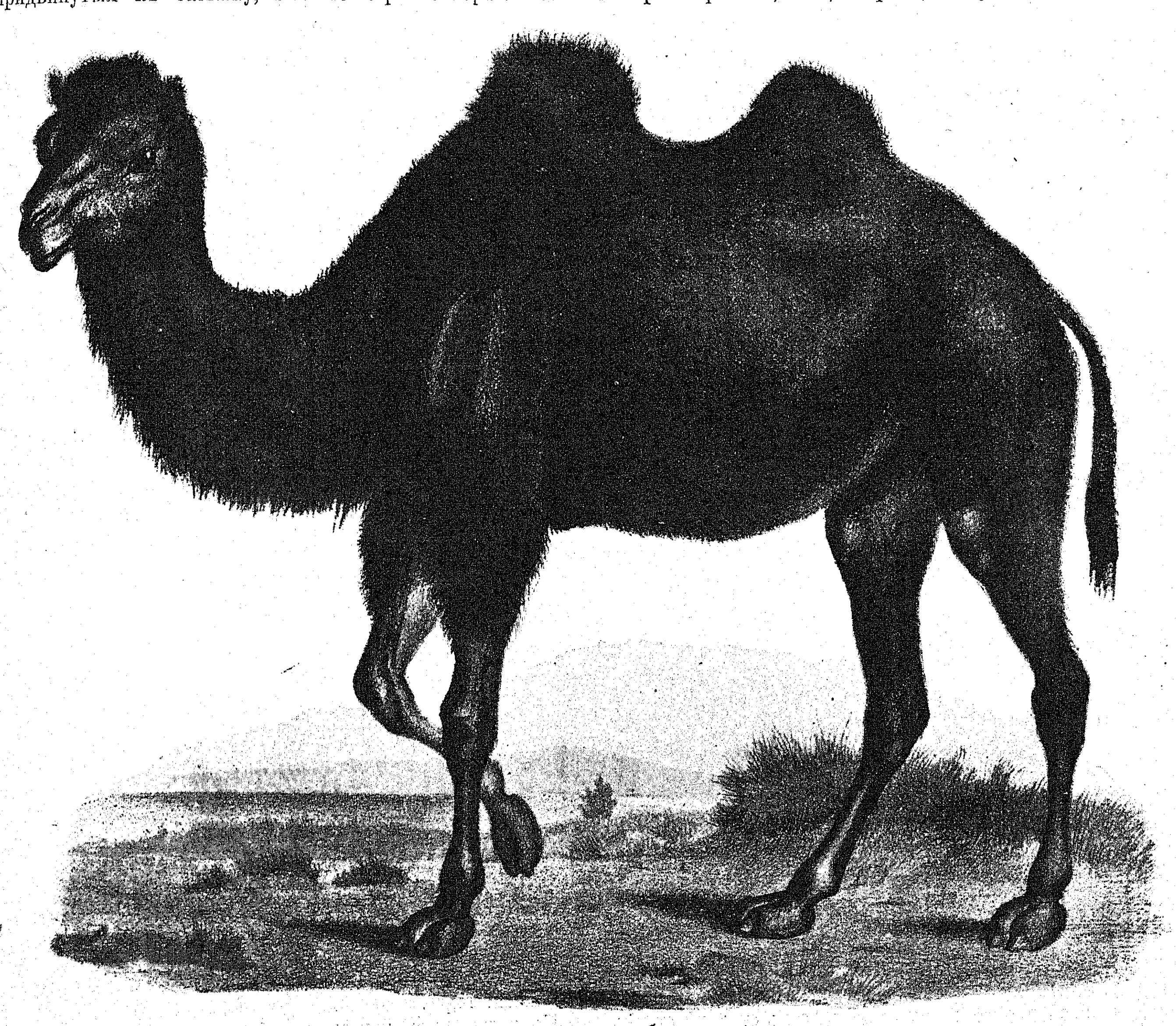
Съ представленіемъ о верблюдѣ въ нашемъ воображе-

нiи является Востокъ, арабы, бедуины, безконечно длинные караваны изъ странныхъ, неуклюжихъ животныхъ на длинныхъ ногахъ, длинношеихъ, горбатыхъ; животныхъ необыкновенно выносливыхъ, приспособленныхъ къ жизни въ безводныхъ сыпучихъ пескахъ азiатскихъ и африканскихъ пустынныхъ равнинъ.

Взгляните на голову верблюда. Это голова какого-то дряхлаго, почти мертваго животнаго. Маленькiй, короткiй невыдающiйся лобъ прикрытъ сверху, какъ бы парикомъ, шапкой короткихъ курчавыхъ волосъ... Маленькiя уши, придвинутыя къ затылку, какъ-то странно торчатъ со-

Арабъ вѣритъ, что эти горбы созданы Аллахомъ нарочно для того, чтобы на нихъ навьючивать всѣ тяжести, которыя верблюдъ переноситъ по сыпучему песку степей съ мѣста на мѣсто.

И въ особенности странны, уродливы ноги у этого вьючнаго животнаго. Онѣ созданы какъ бы нарочно для песчаныхъ степей. Довольно тонкiя, онѣ поражаютъ своими сильными расширенiями въ колѣнныхъ суставахъ. Онѣ также безобразно расширены въ ступняхъ. Эти ступни представляютъ родъ мѣшковъ, наполненныхъ пескомъ. Онѣ расширяются, когда верблюдъ ступаетъ ими по сы-

Двугорбый верблюдъ.

всѣмъ назади головы. Расплющенный носъ, объемистая верхняя губа, и ко всему этому — небольшiе тусклые глаза, вдвинутые глубоко въ глазныя впадины. Всмотритесь въ эти старческiе глаза. Припомните, что животное должно ими вглядываться вдаль, въ бѣлый, ярко освѣщенный южнымъ солнцемъ, песокъ пустынь... и вы поймете, почему эти глаза такъ малы, полузакрыты нависшими вѣками и всѣ какъ бы спрятаны въ многочисленныхъ складкахъ кожи.

Это какое-то странное, почти чудовищное животное... Но сколько кротости, покорности и смиренiя разлито во всей его неуклюжей уродливой фигурѣ, которую совершенно уродуетъ довольно большой горбъ у дромадера и два горба у бактрiанскаго верблюда!

Откуда и зачѣмъ явились эти горбы? Этого не можетъ разъяснить, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время ни одинъ натуралистъ.

пучему песку, и не даютъ вязнуть въ этомъ сыпучемъ пескѣ его ногамъ.

Что-то смѣшное, каррикатурное проглядываетъ во всѣхъ статяхъ и въ физiономiи верблюда. Его походка напоминаетъ походку птицы, аиста. Эта походка легко переходитъ въ бѣгъ—такой же уродливый и неуклюжiй, какъ и всѣ другiя движенiя животнаго. Онъ бѣжитъ большими шагами—рысью самой неспокойной. Къ этой побѣжкѣ необходимо привыкнуть, но люди, страдающiе морской болѣзнью, никогда не могутъ къ ней привыкнуть. Къ самому взлѣзанью на верблюда необходимо также привыкнуть. Сѣдокъ долженъ держаться крѣпко на сѣдлѣ въ то время, когда верблюдъ поднимается на переднiя ноги. И если онъ не остережется, то въ слѣдующiй моментъ очутится на шеѣ верблюда или на землѣ, перелетѣвъ черезъ его голову.

Другое неудобство въ ѣздѣ на верблюдѣ заключается

въ томъ тяжеломъ отвратительномъ запахѣ, который почти постоянно выдѣляетъ его вонючее тѣло. При постоянной качкѣ этотъ запахъ возбуждаетъ тошноту, которая кончается непремѣнно морской болѣзнью.

Арабскіе поэты называютъ верблюда «кораблемъ пустыни»—но плыть на этомъ кораблѣ черезъ знойную песчаную пустыню—это тяжелый подвигъ.

Верблюдъ представляется для цивилизованнаго человѣка однимъ изъ многихъ средствъ цивилизаціи, но нельзя никакъ сказать, чтобы это средство было удобно и незамѣнимо.

На одной изъ нашихъ академическихъ выставокъ была выставлена картина нашего высокодаровитаго художника Н. Н. Каразина. Она представляла песчаную пустынную степь, черезъ которую проложена желѣзная дорога. По этой дорогѣ идетъ поѣздъ, а въ сторонѣ стоитъ верблюдъ и испуганно смотритъ на этотъ быстрый новый путь, который дѣлаетъ ненужными услуги этого медленнаго животнаго и устранитъ его отъ конкуренціи съ паровозомъ.

Организація верблюда приспособлена къ жизни въ песчаныхъ степяхъ, но и въ этомъ приспособленіи есть предѣлы, извѣстныя границы. Онъ можетъ переносить удушливый жаръ африканскихъ степей, но если къ этому жару присоединится тотъ страшный всегубящій вѣтеръ, или песчаная буря, который называютъ *самумомъ*, то верблюдъ погибаетъ подъ дѣйствіемъ этого вѣтра, какъ и все живое.

Страшна эта песчаная буря среди моря песковъ. Горячій знойный воздухъ охватываетъ все живое. Небо меркнетъ. Солнце смотритъ какимъ-то красно-желтымъ пятномъ. Вѣтеръ летитъ, летитъ среди этой удушающей мятели и мглы, онъ бьетъ горячимъ пескомъ, онъ валитъ съ ногъ, и ничто живое не можетъ вырваться изъ этой страшной песчаной бури.

Первое движеніе верблюда — убѣжать отъ нея, вырваться изъ ея смертельныхъ объятій. Но куда же бѣжать? Кругомъ его горячая метель изъ раскаленнаго песку. Въ отчаяніи онъ ложится на землю, повертывается спиной къ вѣтру, закрываетъ глаза и терпѣливо, среди сильныхъ мученій, ожидаетъ смерти. Она не заставитъ себя долго ждать. Самумъ засыплетъ, занесетъ пескомъ несчастное животное.

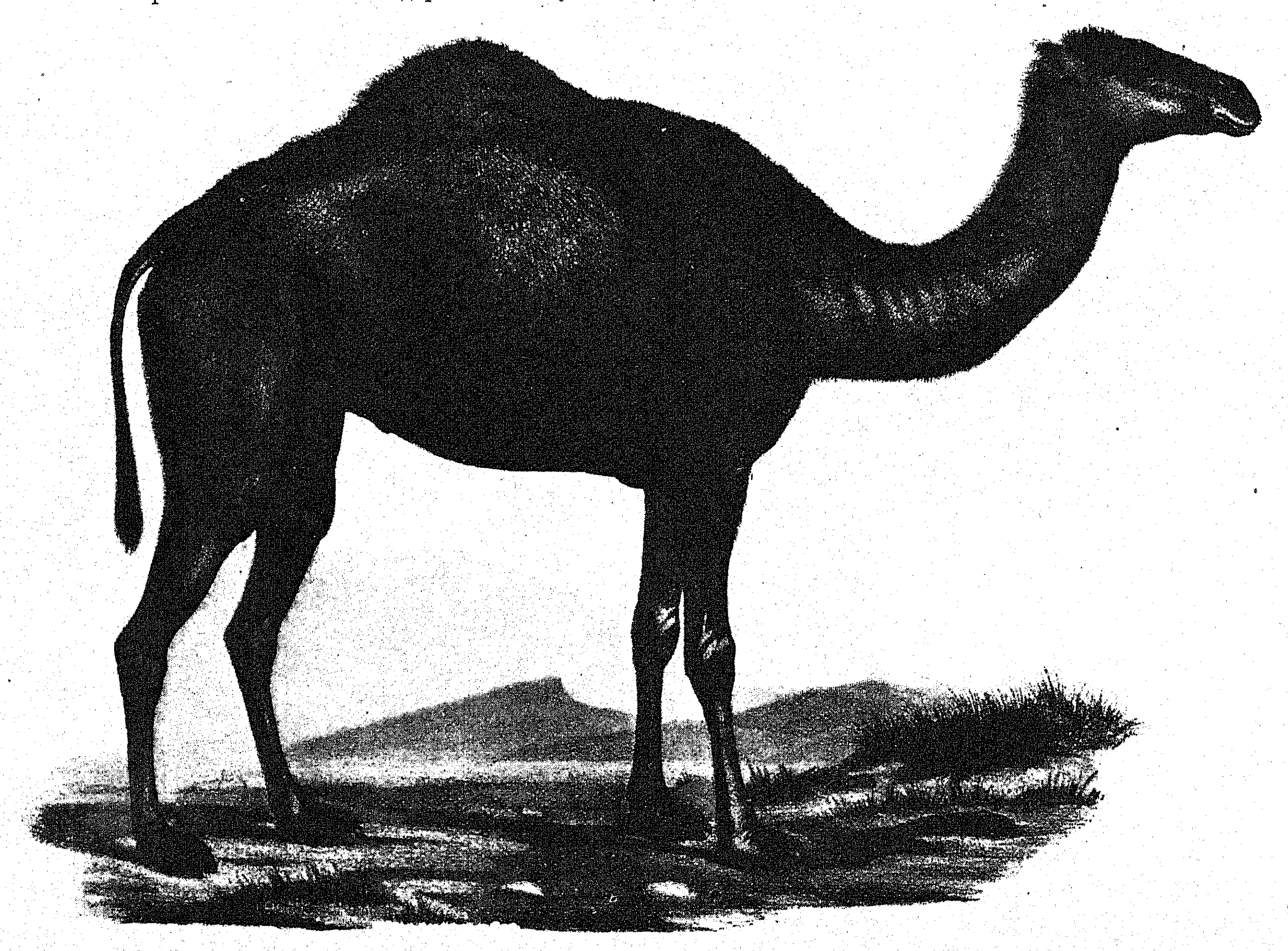
Пробущевавъ нѣсколько часовъ, убійственный вѣтеръ стихаетъ, падаетъ, и только длинный валъ означаетъ то мѣсто, подъ которымъ погребенъ цѣлый караванъ изъ нѣсколькихъ десятковъ верблюдовъ.

Надъ этой длинной, песчаной могилой вьются хищныя птицы. Онѣ спускаются, садятся на трупы, и начинается страшный пиръ.

Проходитъ два, три часа небольше, и отъ цѣлаго каравана остаются только кости, которыя выбѣливаетъ быстро африканское жгучее солнце.

Страшная слабость нападаетъ на человѣка и всѣхъ животныхъ послѣ такого вѣтра. Жажда ихъ превращается въ страшное мученье, котораго не можетъ уже выносить животное. Верблюдъ тогда ложится, падаетъ на землю, и никакія средства не снова помогутъ ему подняться. Земной путь его конченъ. Съ озлобленіемъ и тяжелымъ чувствомъ разъвьючиваетъ его хозяинъ, снимаетъ съ него тяжесть—и навьючиваетъ ее на другого верблюда. Затѣмъ бросаетъ на жертву хищнымъ птицамъ, волкамъ и шакаламъ животное, такъ долго и покорно служившее ему.

Отъ низменныхъ песчаныхъ равнинъ перенесемтесь теперь на крутыя, скалистыя горы Кордильеровъ. Тамъ встрѣтитъ насъ мѣстный верблюдъ. Но какой же это красивый верблюдъ подлѣ настоящаго степнаго верблюда! Передъ нимъ лама кажется положительно красавицей.

Одногорбый верблюдъ.

Лама.

Въ организацiи ламы почти полный контрастъ съ неуклюжимъ уродливымъ верблюдомъ. Небольшая стройная голова сидитъ на умѣренно длинной шеѣ. Довольно большiя и сильно подвижныя уши сидятъ почти на самой вершинѣ головы. Онѣ то поднимутся, насторожатся, торчмя встанутъ на сторожѣ всѣхъ звуковыхъ волнъ, то отогнутся совсѣмъ назадъ. Глаза черные, довольно большiе и выпуклые, зорко смотрятъ кругомъ. Они привыкли осматривать мѣстность съ высокихъ горныхъ хребтовъ.

И въ особенности хороша, красива лама бѣлая съ розоватыми ушами. Она смотритъ съ высоты какой-нибудь скалы или большого камня такъ гордо и небрежно на всю даль.

Красивъ караванъ изъ этихъ красивыхъ животныхъ. Онъ медленно поднимается въ гору. Ламы навьючены. Онѣ идутъ тихимъ мѣрнымъ шагомъ. Онѣ гордо осмысленно смотрятъ съ высоты горной тропинки. Всѣ ихъ движенiя красивы, среди ихъ родныхъ горъ. Звонко раздается въ тишинѣ нагорнаго чистаго воздуха звонъ колокольчиковъ и бубенчиковъ, навѣшанныхъ на шеи ламъ, и подъ этотъ звонъ мѣрно, длиннымъ караваномъ, идутъ ламы. Онѣ растягиваются, извиваются по горной тропинкѣ, а рядомъ съ ними идутъ ихъ погонщики въ красныхъ курткахъ или въ мѣховыхъ жилетахъ изъ шкурокъ тѣхъ же ламъ.

Высоко поднялся караванъ, и ему предстоитъ подниматься еще выше въ заоблачную высь. Медленно идутъ, карабкаются ламы, тихо, молча слѣдуютъ за ними ихъ погонщики. Чистый холодный воздухъ окружаетъ ихъ. Какъ змѣя, извивается караванъ среди горъ, ползетъ выше и выше; вотъ—переднiя ламы уже чуть-чуть виднѣются. Вотъ онѣ входятъ въ большое облако, и это облако закрываетъ весь караванъ.

Лама.

Сѣрыя, почти отвѣсныя, скалы встаютъ кругомъ,—встаютъ въ тихомъ утреннемъ чистомъ, рѣдкомъ нагорномъ воздухѣ.

Выше, выше поднимаются ламы, а вмѣстѣ съ ними и весь караванъ, кругомъ прозрачная красивая синева неба. И въ этой синевѣ плаваютъ серебристыя, кучевыя, кудрявыя облака. И такъ тихо, непривычно въ этихъ высокихъ, высокихъ горахъ. Земля опустилась ниже, а небо охватило, окружило васъ — просторное, глубокое небо. Нашли тучи, массивныя сплошныя облака. Холодно въ этихъ высокихъ нагорныхъ высотахъ. Какое-то особое чувство жуткости, безпомощности тѣснитъ вамъ грудь. Глубокiя бездонныя пропасти и бездны являются изъ окутывающаго васъ тумана, а надъ вами темно-синее, почти черное небо. И невольно овладѣваетъ вами страхъ... а ламы идутъ, идутъ, и звенятъ и гремятъ ихъ ширкунцы и колокольчики... все выше и выше...

Но какой дивный грандiозный видъ открывается съ этихъ высотъ на вершины Кордильеровъ! Онѣ всѣ въ снѣгу, и выше всѣхъ поднимается снѣжный Чимборозо. Онъ рѣзко, вмѣстѣ съ окружающими его горами, вырѣзывается на темно-синемъ, почти черномъ небѣ.

Чѣмъ холоднѣе воздухъ надъ какой-нибудь мѣстностью, тѣмъ теплѣе одѣваетъ заботливая природа живущее въ этой мѣстности животное. При этомъ собственно не природа заботится о животномъ, а его организмъ при воздѣйствiи на него среды заботится о приспособленiи его къ окружающей его средѣ. Вотъ почему мы видимъ у всѣхъ нагорныхъ животныхъ длинные густые волоса, теплый мѣхъ, одѣвающiй ихъ тѣло и защищающiй его отъ дѣйствiя низкой нагорной температуры.

Якъ.

Если мы съ вершинъ Кордильеровъ перенесемся на высочайшiя горныя вершины Тибета, то и здѣсь увидимъ то же самое, и здѣсь встрѣтимъ быка, котораго тѣло покрыто длинными, плотно сидящими волосами.

Это *якъ*, очень красивое животное съ длиннымъ и густымъ конскимъ хвостомъ. Яки Гималайскихъ горъ давно уже приручены и исполняютъ роль вьючныхъ животныхъ.

Вотъ что разсказываетъ Свенъ Геддинъ объ этихъ мѣстностяхъ и о путешествiи вообще по горамъ Тибета:

«Я,—разсказываетъ онъ,—съ пятью киргизами и семью якутами отправился рано утромъ. Первоначально мы должны были пройти ледникъ Ямъ-Булахъ-баши при свѣтѣ восходящаго солнца. Затѣмъ дальше, по крутизнамъ въ тѣни скалъ, пока солнце не поднялось настолько, что стало свѣтить намъ прямо въ глаза. Мы подвигались довольно быстро и въ началѣ восьмого часа достигли высоты 14,700 фут. Двое изъ нашихъ яковъ уже устали, и мы принуждены были оставить ихъ. Киргизы (сопровождавшiе путешественника) вели по очереди большого красиваго яка, который, повидимому, безъ всякихъ усилiй пробирался между каменьями».

Черезъ нѣсколько дней рѣшено было снова отправиться на гору.

«Когда мы, — разсказываетъ Геддинъ, — встали рано утромъ, чтобы еще разъ попытаться взять приступомъ великана, ночной туманъ еще окутывалъ гору, а термометръ показывалъ 4° мороза. Погода была необыкновенно благопрiятна для восхожденiя. Ни одного облачка не виднѣлось на небѣ, и легкiй вѣтерокъ вскорѣ совсѣмъ улегся. Мы предполагали добраться до 20,000 фут. высоты, переночевать тамъ и продолжать путь на слѣдующiй день. Поэтому мы взяли съ собою маленькую палатку, четыре большихъ связки терескена, палки съ желѣзными наконечниками, веревки, топоры, мѣховыя одежды и продовольствiе. Все это было нагружено на девять сильныхъ яковъ.

«Бисмиллахъ (съ Богомъ)!—раздались возгласы шести киргизовъ, когда все было готово, и мы начали медленно подниматься на гору. Я рѣшилъ утомлять себя какъ можно меньше, чтобы сберечь свои силы къ слѣдующему дню, когда начнется настоящее восхожденiе. Поэтому мой якъ долженъ былъ съ самаго начала изображать изъ себя вьючное животное. Одинъ киргизъ верхомъ или пѣшкомъ тащилъ его все время за веревку, а дру-

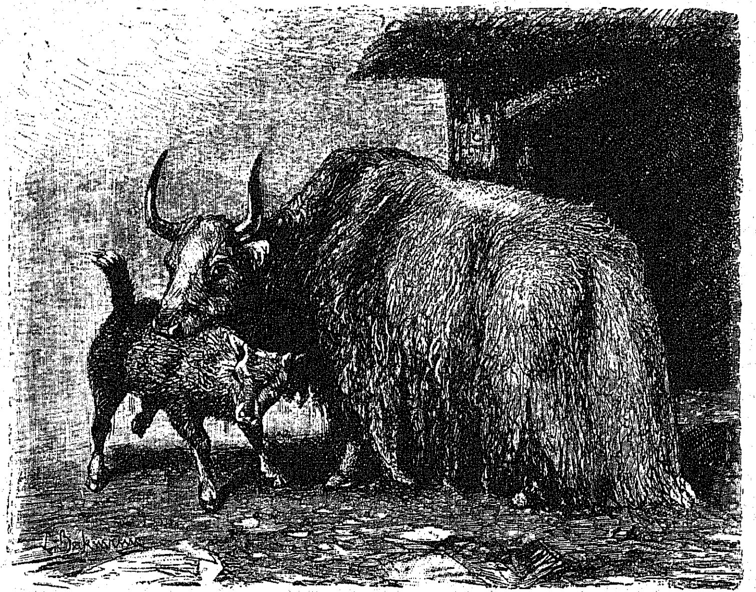
гой подгонялъ сзади палкой. Это было необходимо, такъ какъ якъ часто находилъ мои замыслы слишкомъ высокими и часто останавливался поразмыслить: къ чему можетъ привести это постоянное карабканье вверхъ? Такимъ образомъ я не тратилъ силъ даже на понуканье яка—что само по себѣ очень утомительно—и могъ спокойно сидѣть, засунувъ руки въ карманы. Нашъ маленькій караванъ медленно поднимался зигзагами по склону горы къ длинному плоскому кряжу съ лѣвой стороны ледника Чалъ-Тумика, яки пыхтѣли и сопѣли, высунувъ свои синіе языки.

Въ часъ мы достигли высоты 17,000 ф. надъ уровнемъ моря. Здѣсь снѣгъ лежалъ тонкими полосами въ разсѣлинахъ камней, а въ широкихъ впадинахъ и углубленіяхъ скоплялся большими массами. Голый кряжъ становился все уже и наконецъ исчезъ подъ ледянымъ покровомъ. Онъ не обрывался круто, а исчезалъ постепенно, такъ что мы легко перешли на ледъ, покрытый тонкимъ слоемъ снѣга. Сначала яки немного скользили, но когда снѣжный покровъ сталъ толще, они пошли совершенно твердымъ шагомъ.

Вдругъ раздался оглушительный трескъ и грохотъ справа, съ другой стороны ледника. Это была лавина, катившаяся внизъ. Громадныя глыбы голубоватаго льда сорвались съ вершины и летѣли внизъ, сталкиваясь, разбиваясь о скалы и засыпая мелкой снѣжной пылью поверхность ледника. Въ воздухѣ долго стоялъ гулъ, точно отъ удара близкаго грома; эхо много разъ повторяло его между отвѣсными скалами, пока онъ не замеръ окончательно и не настала тишина, обычная въ этихъ областяхъ. Передъ нами разстилалась ослѣпительно бѣлая ледяная поверхность. Мы понимали, что ледяная кора выдержитъ насъ, но всетаки намъ было жутко идти по этому пути, на который до сихъ поръ не вступала человѣческая нога, и гдѣ, быть можетъ, подстерегали насъ непредвидѣнныя опасности. Вскорѣ мы очутились въ области, изрѣзанной цѣлымъ лабиринтомъ трещинъ, которыя въ сущности были не широки. Когда яки не могли перешагнуть черезъ нихъ, намъ приходилось или сворачивать съ прямого пути или переправляться черезъ нихъ по снѣжнымъ мостамъ. Киргизы говорили, что ради безопасности, всего лучше идти по слѣдамъ дикихъ козъ; мы такъ и дѣлали, но часто случалось, что ледяной мостъ, сдержавшій легкую козу, проваливался подъ ступнями тяжеловѣснаго яка. Дальше трещины стали шире, и наши животныя нѣсколько разъ чуть-чуть не провалились въ нихъ. Но яки умѣли очень хорошо выпутываться изъ бѣды. Когда якъ, вступивъ передними ногами на снѣгъ, прикрывавшій трещину, чувствовалъ, что ноги его провалились, онъ старался положить морду на противоположный край трещины, и такимъ образомъ выкарабкивался изъ ямы.

Мало-по-малу снѣжный покровъ становился все толще и толще, и якамъ приходилось пробираться по настоящимъ сугробамъ. Мы нѣсколько времени шли по такой волнистой поверхности, какъ вдругъ якъ, шедшій впереди каравана, провалился. Изъ-подъ снѣга виднѣлись только его заднія ноги, рога и связки терескена. Бѣдное животное провалилось въ трещину, которая была совершенно скрыта подъ снѣгомъ, и висѣло надъ зіяющей пропастью. Якъ сопѣлъ и жалобно мычалъ, но лежалъ, не шевелясь, и этимъ доказывалъ, что вполнѣ понимаетъ опасность своего положенія. При малѣйшемъ движеніи, онъ неизбѣжно провалился бы въ трещину. Пришлось сдѣлать долгую остановку. Киргизы обвязали веревками туловище и рога яка и впрягли въ эти веревки двухъ другихъ яковъ. Затѣмъ и животныя, и люди принялись изо всѣхъ силъ тянуть веревки, пока не вытащили несчастнаго яка. Мы отправились дальше, но скоро чуть не повторилась таже исторія. Къ счастью якъ догадался во-время остановится и тѣмъ спасъ себя. Затѣмъ провалился одинъ изъ киргизовъ и повисъ на рукахъ. Послѣ этого мы рѣшились остановиться и поискать дорогу, такъ какъ все ледяное пространство передъ нами было усѣяно предательскими трещинами.

Спустя нѣсколько дней, Геддинъ и его спутники сдѣлали новую попытку взойти на вершину горы Мусъ-Тагъ-Аты. Онъ взялъ съ собой 10 яковъ, шестерыхъ киргизъ и пошелъ той самой дорогой, по которой всходилъ прежде (6 авг.). Достигнувъ снѣговой линіи, караванъ пошелъ по своимъ старымъ слѣдамъ, по окраинѣ правой стороны ледника». На ночлегъ остановились на томъ самомъ мѣстѣ, до котораго дошли въ предыдущую экскурсію. Яковъ привязали къ большимъ камнямъ, глыбамъ сланца. Расчистили мѣсто для юрты, и полы ея привязали также къ каменнымъ глыбамъ. Вѣтеръ обдавалъ насъ снѣжной пылью, для защиты отъ нея мы обнесли юрту невысокой стѣнкой изъ снѣгу.

Якъ.

Съ началомъ ночи явились припадки, которые обыкновенно мучатъ путешественниковъ на высокихъ горахъ. Наши киргизы начали жаловаться на головную боль. У насъ въ ушахъ появился звонъ, глухота, ускоренный пульсъ. Головная боль къ утру сдѣлалась невыносимой. Всѣ мы страдали припадками удушья. Тулупы казались намъ невыносимо тяжелыми, лежачее положеніе усиливало трудность дыханія. И все-таки я скажу, что болѣе красиваго мѣста не встрѣчали мы во все наше путешествіе.

Я вышелъ изъ юрты.

Она стояла на высотѣ 20,000 фут., на склонѣ высочайшей въ свѣтѣ горы, у подножія которой лежали ледниковыя поляны, потоки и озера, закутанные покрываломъ ночи. Стоило сдѣлать только нѣсколько шаговъ на югъ, и мы слетѣли бы съ высоты 1,200 фут. на синюю ледяную поверхность, сверкавшую внизу.

Солнце сѣло въ тучи, озаренныя ярко-желтымъ сіяніемъ, горѣвшимъ еще долго послѣ заката. Въ это время вершина горы казалась огненнымъ кратеромъ вулкана.

Ночью я снова вышелъ изъ юрты, чтобы полюбоваться яркимъ свѣтомъ полной луны. Она сіяла такимъ ослѣпительнымъ блескомъ, что на нее съ трудомъ можно было смотрѣть. Самый ледникъ казался лежащимъ въ глубокой ложбинѣ. По временамъ слышался глухой трескъ; это образовалась новая трещина или грохотъ лавины, оторвавшейся отъ ледника и скатившейся въ глубокую пропасть.

При свѣтѣ луны все кругомъ принимало фантастическій, сказочный видъ—черные силуэты яковъ рѣзкими тѣнями рисовались на фонѣ ярко-бѣлаго снѣга. Они стояли съ опущенными головами, неподвижные, безмолвные, какъ тѣ камни, къ которымъ они были привязаны. Трое киргизовъ, которымъ не хватило мѣста въ юртѣ, развели костеръ между двумя камнями, а когда онъ потухъ, завернулись въ тулупы, сѣли на корточкахъ и уткнулись въ землю. Громадные, черные — они напоминали какихъ-то гигантскихъ летучихъ мышей, завернутыхъ въ ихъ крылья. Наша юрта представлялась въ видѣ какого-то сидящаго исполина или чудовища. Отъ юрты и нашихъ яковъ шли длинныя, узкія необыкновенно темныя тѣни, поднимались по сѣверозападному склону горы, составляя рѣзкій контрастъ съ блестящими снѣжными полянами, на которыхъ миріады мелкихъ ледяныхъ кристалликовъ сверкали, точно огненныя мухи. Въ той сторонѣ, откуда свѣтила луна, картина была положительно хороша. Я стоялъ, какъ очарованный, и не могъ налюбоваться на нее. Никакое перо, никакая кисть,—думалъ я,— не въ состояніи передать этотъ блескъ, эту фантастичность образовъ и предметовъ. Тутъ голубоватый ледникъ тянулся между высокими, черными утесами, тамъ поднималась высоко надъ землей пятиглавая гора - великанъ. Прямо передо мною скалистая стѣна была окутана мракомъ, а налѣво, нѣсколько выше, верхняя часть ледника была залита яркимъ луннымъ свѣтомъ. По темному юго-восточному хребту, носились бѣлыя фигуры, пробѣгая въ граціозной пляскѣ надъ пропастями по ледянымъ полямъ самой сѣверной вершины «отца снѣжныхъ горъ». Эти легкія облачка, гонимыя южнымъ вѣтромъ, группировались въ кольца, въ сіяющіе вѣнцы и блестѣли всѣми цвѣтами радуги. Кругомъ мертвая тишина; ни одинъ звукъ не пробуждаетъ эха въ скалахъ. Рѣдкій воздухъ не шелохнется; нуженъ обвалъ лавины, чтобы привести его въ движеніе».

Жирафа или камелеопардъ.

Странное животное! Представьте себѣ двукопытное животное съ длиннымъ тѣломъ, на длинныхъ ногахъ, съ длинной шеей. Животное пестрое, какъ леопардъ.

«На выдумки природа
таровата».

Сказалъ бы каждый, увидя въ первый разъ камелеопарда. Да, трудно выдумать и представить себѣ животное болѣе странное. Высокое, на ногахъ длинныхъ, какъ ходули, съ маленькой стройной головой, съ длинными стройными ногами — животное, которое какъ бы стремится всѣми силами достать до неба или по крайней мѣрѣ до верхушекъ самыхъ высокихъ деревьевъ.

Деревья эти—мимозы, которыхъ такъ много въ жаркихъ оазисахъ южной Африки. Верхушками этихъ деревьевъ камелеопардъ или жирафа существуетъ, ими она живетъ—верхушками высокихъ мимозъ, несущихъ сочную молодую листву. Мимоза создала камелеопарда, безъ нея не было бы этого стройнаго, красиваго, но въ сущности уродливаго двукопытника. Такъ, по крайней мѣрѣ, объяснялъ образованіе камелеопарда или жирафы одинъ изъ талантливыхъ французскихъ зоологовъ въ концѣ XVIII вѣка, Ламаркъ. «Жирафа, — говоритъ онъ, — постоянно тянулась къ верху, туда къ молодымъ побѣгамъ мимозъ, и вотъ почему тѣло ея вытянулось и спина сдѣлалась такой покатой, что

Жирафа.

на ней не можетъ удержаться никакой, самый искусный всадникъ; то, что началось по волѣ животнаго, продолжалось и закрѣплялось въ теченіе вѣковъ и послѣдовательныхъ многихъ поколѣній. И вотъ въ результатѣ явилась странная фигура жирафы.

Если эта гипотеза вѣрна и согласна съ истиной, то можно сказать, что побѣги и верхушки, каковыми были молодыя вѣтви и отпрыски мимозъ, вызвали на свѣтъ образованіе такого страннаго длинношеяго животнаго, какъ жирафа.

Но не однѣ мимозы участвовали въ его строеніи. Цвѣтомъ и цвѣторосписаніемъ своей длинной шеи жирафа обязана тѣмъ же мимозамъ. Жирафа, такъ сказать, поддѣлывалась или подражала древеснымъ стволамъ этихъ мимозъ. Они пестрятъ глаза разными ягелями, которые располагаются на нихъ, точно такъ же какъ пятна на шеѣ жирафа. Если нѣсколько жирафъ стоятъ неподвижно, то издали вы всегда примите ихъ шеи за деревья, за стволы мимозъ, испещренные темными ягелями. Какъ большая часть животныхъ, живущихъ въ песчаныхъ пустыняхъ, подражаетъ цвѣту песка или камней этихъ пустынь, такъ и камелеопардъ принимаетъ эту охранительную окраску.

Уши его такъ же длинны, велики, какъ и у многихъ степныхъ жовотныхъ, и та же причина вызываетъ и обусловливаетъ ихъ развитіе. Чуткость слуха, позволяющая животному издалека слышать всякій подозрительный шумъ.

Когда издали вы увидите небольшую группу жирафъ, стоящихъ неподвижно въ африканскомъ раскаленномъ воздухѣ, то вы не вдругъ повѣрите своимъ глазамъ. Вы, вѣроятно, подумаете, что это не жирафы, а стволы пестрыхъ мимозъ.

Но приспособляя въ строеніи жирафы все къ удобствамъ жизни среди высокихъ мимозъ, природа забыла, что не однѣ мимозы составляютъ пищу этого страннаго животнаго, что эта пища вообще состоитъ изъ растеній, связанныхъ съ землей. Вслѣдствіе этого жирафа должна прибѣгать къ помощи наземныхъ травъ, чтобы ея желудокъ не былъ пустъ отъ голода. Но какъ же достанетъ она растеніе съ земли? Нагибаться она не можетъ, и поневолѣ должна принимать странное, комическое положеніе, чтобы нагнуться къ землѣ за какой-нибудь травой или зеленью. Для этой цѣли она широко раздвигаетъ переднія ноги, раздвигаетъ до тѣхъ поръ, пока голова ея на длинной шеѣ не коснется земли, на которой растетъ трава.

Вообще всѣ движенія жирафы угловаты, но скакать галопомъ она можетъ очень быстро.

XII.

ГРУППА ОЛЕНЕЙ.

Группа оленей.

1. Олень настоящій или благородный *).

При словѣ олень предъ нами тотчасъ же встаетъ хорошо знакомый намъ образъ красиваго, статнаго, величественно-граціознаго животнаго, водящагося въ лѣсахъ и преимущественно въ лѣсистыхъ горахъ Европы и Азіи. Но этотъ образъ принадлежитъ одному только виду оленей—такъ-называемому *благородному настоящему* оленю или *маралу*.

Съ этимъ образомъ неразлучно встаютъ картины горъ, покрытыхъ лѣсомъ и туманомъ, погруженныхъ въ ночной сумракъ, или ярко освѣщенныхъ луной, встаетъ видѣніе св. Губера, картина шумныхъ охотъ, гдѣ цѣлыя стаи собакъ несутся, гонятся за несчастнымъ красивымъ оленемъ, и люди на легкихъ, быстроногихъ коняхъ въ охотничьемъ увлеченіи скачутъ, летятъ вослѣдъ красивому, быстроногому животному, далеко опережающему ихъ своимъ быстрымъ, летучимъ бѣгомъ.

Но есть олени вовсе некрасивые — какъ нашъ горбатый, некрасивый лось или приземистый большерогій сѣверный олень. Вездѣ, въ каждомъ видѣ оленей, точно также какъ въ каждомъ животномъ, выразилось то или другое приспособленіе къ жизни, и въ цѣлой группѣ оленей прежде всего и больше всего проявилось приспособленіе къ лѣсной жизни.

Гдѣ нѣтъ лѣсу, тамъ нѣтъ и оленей, и понятно, что оленей всѣхъ видовъ было гораздо больше въ то далекое время, когда лѣса были еще не тронуты человѣкомъ. Теперь отъ тѣхъ дремучихъ, лиственныхъ и хвойныхъ лѣсовъ, которые покрывали нѣсколько столѣтій назадъ всю среднюю Европу, сохранились только жалкіе остатки. Тамъ и здѣсь по Европейской Россіи, да мѣстами въ горахъ западной Европы разбросаны небольшіе «заповѣданные» уголки, въ которыхъ еще до сихъ поръ держится рысь, росомаха, дикая кошка и немногіе другіе теперь уже рѣдкіе хищники. Вмѣстѣ съ этими хищниками живутъ въ тѣхъ же лѣсахъ и олени. Въ хищникахъ человѣкъ всегда видѣлъ своихъ враговъ, на оленей онъ смотрѣлъ, какъ на средства къ жизни. Онъ преслѣдовалъ и тѣхъ, и другихъ, и самъ становился такимъ образомъ хищникомъ изъ всѣхъ хищниковъ.

Нѣкоторые крупные виды млекопитающихъ были имъ совершенно истреблены, другіе еще сохранились въ наиболѣе неприступныхъ мѣстахъ. Здѣсь-то укрылись немногія породы оленей, составлявшихъ нѣкогда лучшее украшеніе нашихъ лѣсовъ. Лишь дикая коза до сихъ поръ еще довольно широко распространена по Европѣ. Благодаря своей способности приспособляться къ разнообразнымъ условіямъ жизни, она одинаково живетъ какъ въ хвойныхъ, такъ и въ лиственныхъ лѣсахъ, какъ на высокихъ горахъ, такъ и на низменныхъ равнинахъ.

Настоящій олень, вслѣдствіе постояннаго преслѣдованія, настолько боится человѣка, что нужны особенныя условія, чтобы видѣть и любоваться имъ въ дикомъ лѣсу. Робкій и пугливый, чуть слышно ступаетъ онъ по мягкому лѣсному грунту, останавливается почти на каждомъ шагу и чутко прислушивается. Малѣйшій шумъ, малѣйшій признакъ опасности, и онъ мгновенно исчезаетъ изъ глазъ... Но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на него уже много лѣтъ не охотятся, онъ становится почти такимъ же довѣрчивымъ, какими были его предки.

Впрочемъ, говоря о характерѣ оленя, необходимо отличать самку отъ самца. Первая всегда пуглива, робка, но зато кротка и скорѣе ручнѣетъ. Самецъ если и становится ручнымъ, то все-таки сохраняетъ свои дикіе порывы. Онъ бросается на дѣтей, на сторожей, и были случаи, когда онъ убивалъ ихъ.

Стройность оленя заключается въ гармоніи всѣхъ частей его тѣла. Въ немъ нѣтъ ничего уродливаго, непропорціональнаго. Все находится въ стройномъ сочетаніи. Голова небольшая, съ умными, блестящими глазами. Шея не короткая, какъ у лося, или сѣвернаго оленя, ноги пропорціональной длины съ туловищемъ. Однимъ словомъ, въ немъ все стройно, согласовано, и вотъ почему при этой стройности онъ сохраняетъ полную граціозность въ движеніяхъ, т. е. при всякомъ движеніи затрачиваетъ наименьшее количество силы. Таковъ законъ всѣхъ граціозныхъ движеній у каждаго животнаго и человѣка.

Рога его, несмотря на ихъ сильное развитіе, точно также пропорціональны и потому составляютъ прекрасное украшеніе головы его. На этихъ рогахъ какъ бы отпечаталась форма вѣтвей и сучьевъ дерева. Они представляютъ сильное орудіе для нападенія и защиты. Концы ихъ острыхъ вѣтвей могутъ сильно ранить и глубоко входить въ тѣло противника. Въ особенности страшенъ первый, нижній, такъ-называемый «глазной» отростокъ.

Каждый годъ эти рога спадаютъ и на мѣсто ихъ выростаютъ новые. Это своего рода линька, которая, какъ и вѣтвистая форма роговъ, развивалась постепенно. Каковы были рога у предковъ оленей, можно судить по рогамъ ихъ родственника, жирафы, которая въ средней Африкѣ замѣняетъ собою настоящихъ оленей. Это небольшіе, тупые, костяные стержни, несбрасывающіеся и безъ отростковъ, покрытые кожей и служащіе скорѣе для украшенія, чѣмъ для нападенія или защиты. Самые древніе изъ до сихъ поръ извѣстныхъ ископаемыхъ оленей имѣли тоже простые, неразвѣтвленные рога, несмѣнявшіеся и, вѣроятно, всегда покрытые кожей, какъ у жирафы.

Вмѣстѣ съ развитіемъ роговъ шло и увеличеніе ихъ. Какъ совершалось это вѣковое развитіе въ теченіе многихъ тысячъ и, можетъ быть, милліоновъ поколѣній, можно приблизительно судить по развитію роговъ у современныхъ оленей въ теченіе жизни каждаго отдѣльнаго самца.

Рога лишь мало-по-малу, въ теченіе цѣлаго ряда годовъ, послѣ многихъ сбрасываній старыхъ роговъ и замѣнъ ихъ новыми достигаютъ своей окончательной формы, характерной для каждаго вида оленей. Рога, вновь выростающіе послѣ каждаго сбрасыванія, отличаются отъ старыхъ своею величиною, формою и часто числомъ своихъ вѣтвей или, какъ говорятъ охотники, числомъ «концовъ». По числу концовъ, но еще лучше по формѣ главнаго ствола, можно судить о возрастѣ оленя: у неста-

*) Эта статья написана нарочно для этого изданія Ю. Н. Вагнеромъ.

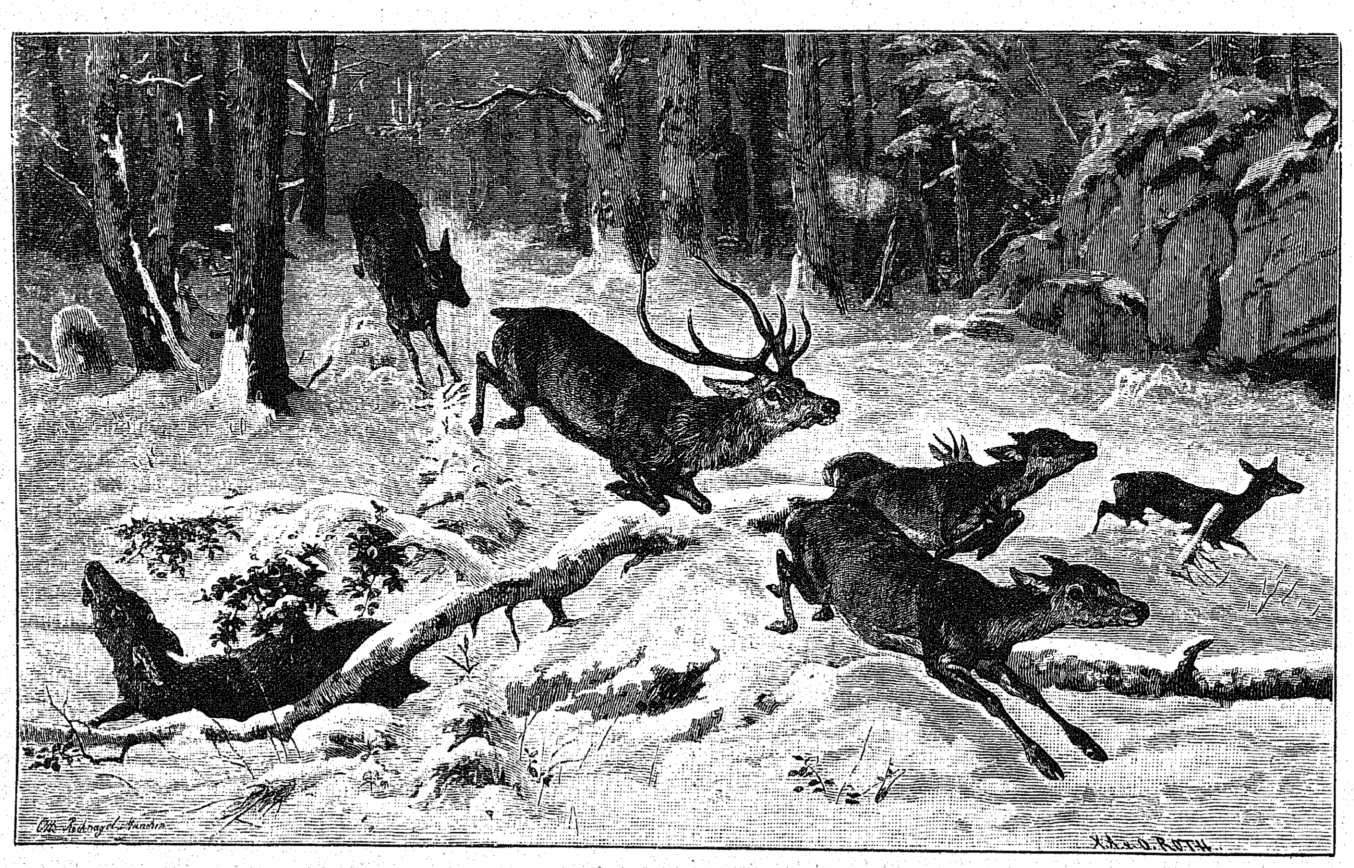
рыхъ оленей можно опредѣлить этотъ возрастъ почти съ такой же точностью, какъ возрастъ дерева по числу колецъ древесины. Человѣкъ давно подмѣтилъ эту особенность и, охотясь постоянно на оленей, прослѣдилъ ходъ этого развитія шагъ за шагомъ.

Только что появившійся на свѣтъ олень не имѣетъ никакого намека на будущіе рога. Но очень скоро у самцовъ,—а у сѣвернаго оленя и у самокъ,—появляется на лобныхъ костяхъ пара вздутій. Это будущія основанія, такъ-называемые пеньки роговъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ они появляются, подъ кожей быстро развиваются толстые кровеносные сосуды. Они приносятъ сюда кровь, а вмѣстѣ съ ней и питательный матеріалъ къ быстро растущему хрящу будущихъ роговъ *).

Въ теченіе первой зимы у молодого оленя вырастаютъ его первые простые, неразвѣтвленные рога.

эта кожа, густо покрытая мелкими бархатистыми волосками, такъ нѣжна, что легкаго удара достаточно, чтобы порвать ее и вызвать кровотеченіе. Теперь же она сохнетъ и начинаетъ шелушиться и спадать большими кусками. Каждое пораненіе кожи, пока рога растутъ, нарушаетъ правильное развитіе ихъ. Но когда они выростутъ, то олень самъ о стволы и вѣтви деревьевъ расчесываетъ и сдираетъ отмирающую кожу.

Каждая неправильность въ развитіи роговъ болѣе или менѣе передается и на рога слѣдующихъ лѣтъ; поэтому-то такъ часто встрѣчаются неправильно развитые рога, и притомъ тѣмъ чаще, чѣмъ старѣе олень. Двѣ пары вполнѣ одинаково развитыхъ старыхъ роговъ труднѣе найти, чѣмъ собрать цѣлую коллекцію всевозможныхъ неправильностей. Нѣкоторыя древнія охотничьи замки въ южной Германіи, какъ Цвингенбергскій замокъ въ Баденъ-

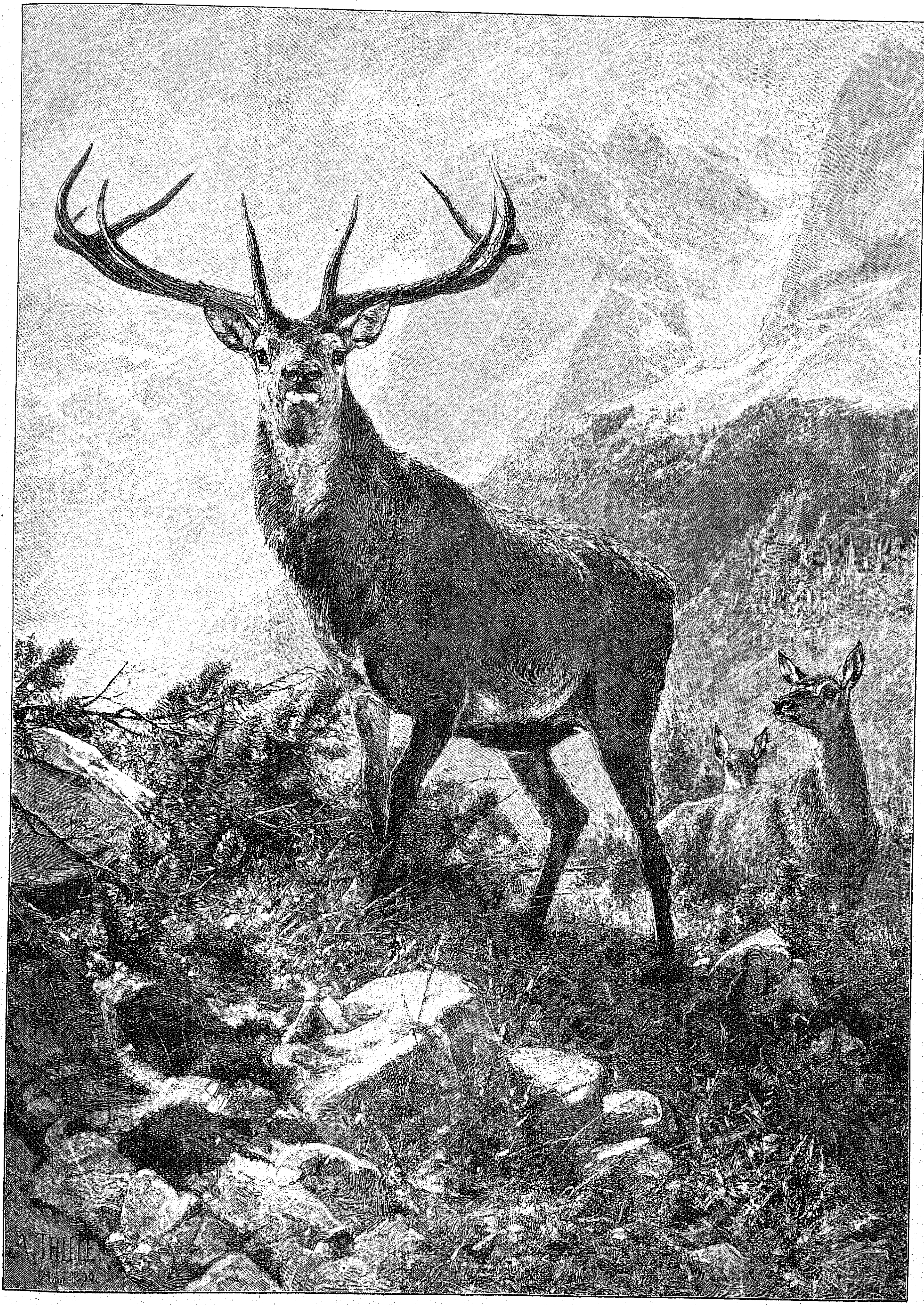
„Всполошились“.

Къ концу зимы кожа еще покрываетъ ихъ сплошнымъ слоемъ, кровеносные сосуды еще густою сѣтью развѣтвляются подъ ней, оставляя на поверхности роговъ слѣды въ видѣ красивой сѣти желобковъ и вдавленій. Но самые рога уже перестали расти, такъ какъ несмотря на обиліе сосудовъ, крови къ нимъ приходитъ все меньше и меньше. Основаніе роговъ еще въ началѣ зимы начинаетъ утолщаться. Вокругъ него образуется раздутіе—*розетка*. Своимъ надавливаніемъ изнутри на кожу она суживаетъ просвѣтъ кровеносныхъ сосудовъ. Скоро притокъ крови настолько уменьшается, что ея не хватаетъ не только для роста роговъ, но и для питанія самой кожи, подъ которой вѣтвятся сосуды. И вотъ начинается процессъ отмиранія кожи. Во время образованія и роста роговъ

*) Надъ ростомъ этого хряща работаютъ сотни тысячъ клѣтокъ, а вмѣстѣ съ нимъ разрастается и кожа. На концахъ пеньковъ являются расширенія — подушки, и по мѣрѣ того, какъ эти подушки, постепенно разрастаясь, принимаютъ форму высокихъ отростковъ, внутри ихъ хрящей начинается окостенѣніе. Въ нихъ начинаютъ откладываться тѣ известковыя соли, которыя составляютъ главную часть всякихъ костей. Клѣтки, выработавшія хрящи и какъ бы исполнившія свое назначеніе, теперь постепенно умираютъ.

Баденѣ, украшены тысячами щитовъ съ рогами убитыхъ въ окрестностяхъ замка оленей, но между ними не найдется и нѣсколькихъ паръ одинаковыхъ.

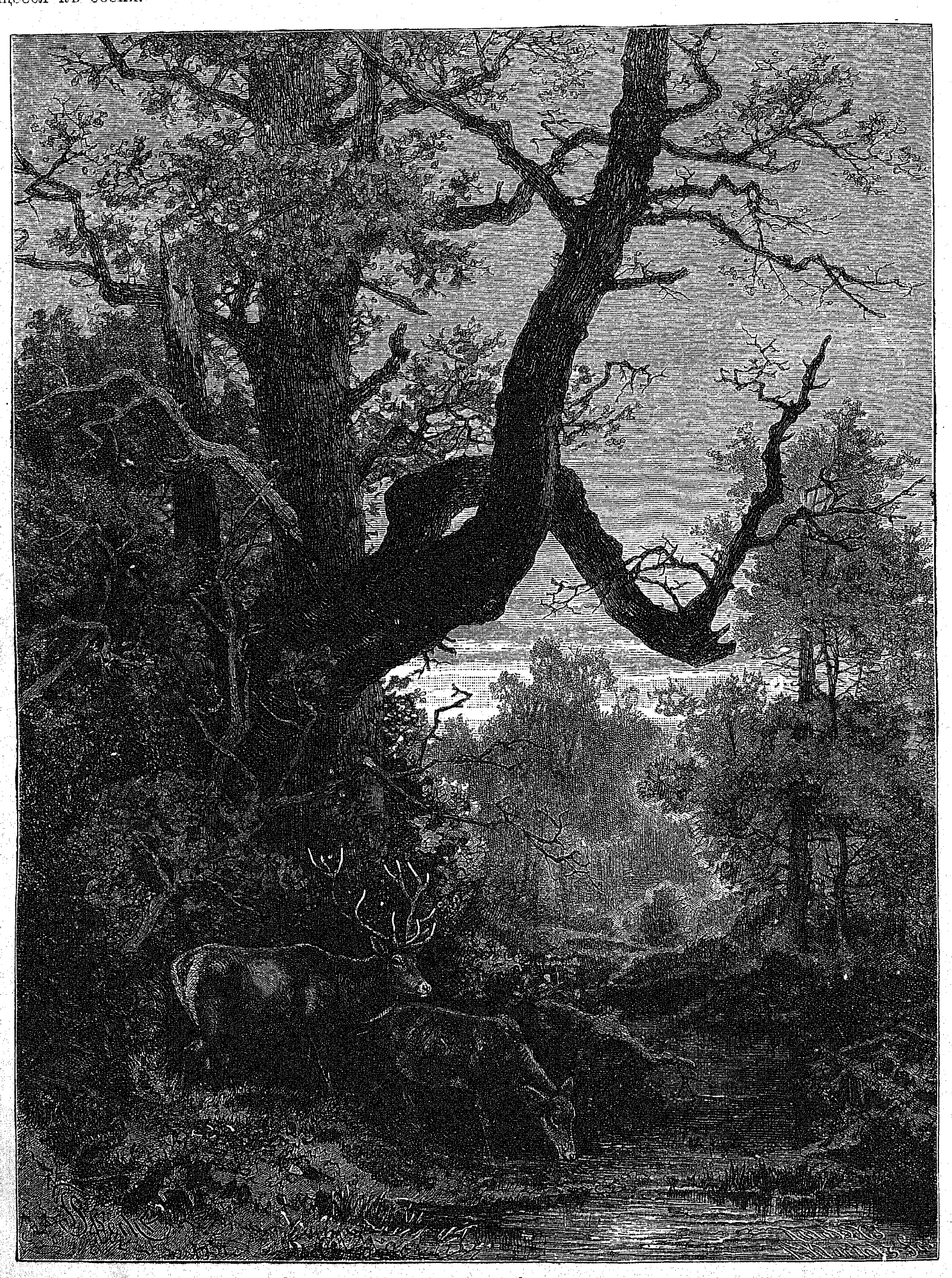
Кожа сходитъ съ роговъ въ концѣ лѣта, а позднею осенью или въ началѣ зимы отпадаютъ и сами рога, отдѣляясь въ своемъ основаніи отъ пеньковъ. Взрослые олени часто сами нарочно сбиваютъ ихъ ударомъ о деревья и землю подобно тому, какъ мы иногда вырываемъ мѣшающій намъ, расшатавшійся зубъ. Но, едва отпадутъ старые рога, едва заживетъ, затянется кожей небольшая рана, оставшаяся на мѣстѣ ихъ, на верхушкахъ пеньковъ, какъ прежній процессъ образованія хряща начинается снова, и къ веснѣ опять выростутъ рога, но въ отличіе отъ старыхъ эти рога вырастаютъ до большей величины, и каждый рогъ имѣетъ теперь одинъ лишній отростокъ, торчащій впередъ. Такъ изъ году въ годъ идетъ смѣна роговъ, изъ году въ годъ они становятся больше, тяжелѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и число ихъ отростковъ. Чѣмъ проще рога у взрослаго оленя, тѣмъ скорѣе они достигаютъ своей окончательной формы; но и послѣ того при каждой смѣнѣ до глубокой старости они не перестаютъ хоть немного измѣняться.

Олени въ горахъ.

Рога оленей развились подъ вліяніемъ полового подбора, и смѣна ихъ стоитъ въ связи съ половою жизнью животнаго. До тѣхъ поръ пока олень еще сходится ежегодно съ самками, не прекращается и ежегодное развитіе новыхъ роговъ, происходящее зимою и весною и заканчивающееся къ осени.

Крыму, гдѣ благородный олень еще держится въ большихъ казенныхъ лѣсахъ Чатыръ-Дага и смежныхъ горъ. Мы шли съ товарищемъ за старымъ охотникомъ — лѣсничимъ, который зналъ, какъ свои пять пальцевъ, всѣ балки и тропинки громаднаго лѣса. Дорога была трудна, то и дѣло попадались овраги, заросшіе настоящей чащей

Олени въ сумеркахъ лѣтняго вечера.

Осень — пора «оленьяго рева», та пора, когда нравъ его рѣзко мѣняется. Тихій, кроткій, робкій олень становится смѣлымъ, злымъ, раздражительнымъ и видитъ въ каждомъ другомъ оленѣ своего соперника и врага.

Чтобы слышать его ревъ, надо выбрать тихую, лунную сентябрьскую ночь... Я помню такія ночи на югѣ въ

изъ низкихъ деревьевъ дикой груши и мушмулы, между которою живою стѣной переплетались колючія, цѣпкія, длинныя вѣтви ежевики, густые кустарники граба, держидерева и кизиля. Въ этихъ оврагахъ лѣтомъ держатся дикія козы. За густыми стѣнами этихъ деревьевъ и кустовъ онѣ чувствуютъ себя почти въ безопасности. Ноги

здѣсь тонутъ въ грудахъ опавшей дубовой листвы, намытой въ балки со склоновъ. Колючки кустарниковъ и острые кончики вѣтвей граба рвутъ платье и бьютъ по лицу. Балка за балкой тянутся безъ конца...

Но вотъ и послѣдній глубокій оврагъ съ журчащимъ ключемъ на днѣ. Мы на верху. Колючіе кустарники кончились; дубъ тоже остался внизу. Букъ и осина, кленъ и орѣшникъ, да мѣстами итальянская сосна и кизиль покрываютъ склоны и дно оврага. Теперь путь не такъ утомителенъ. Лѣсъ порѣдѣлъ. Впереди виднѣется поляна, покрытая рѣдкою травою. Здѣсь наканунѣ были найдены слѣды оленя.

Мы остановились здѣсь, въ полверстѣ отъ этой поляны, чтобы ждать восхода луны.

Южныя сумерки коротки: въ лѣсу быстро темнѣетъ. Пройдетъ четверь часа не болѣе, и южная черная ночь покроетъ все кругомъ. Миріады яркихъ звѣздъ засверкаютъ на черно-синемъ небѣ. Въ лѣсу абсолютно темно, въ воздухѣ полная тишина. Мы сидимъ молча среди этой темной тишины. Часъ, два томительнаго ожиданія, и, мало-по-малу, звѣзды начнутъ блѣднѣть, какъ будто начнетъ свѣтать. Это чувствуется восходъ луны. Еще пройдетъ полчаса, и картина рѣзко измѣнится. Луна показалась надъ горами. Тихо, медленно выплываетъ она, и какъ будто останавливается на одномъ мѣстѣ. Потоки холоднаго свѣта льются на землю. Со всѣхъ сторонъ выдвинулись изъ мрака силуэты горныхъ вершинъ и черныхъ деревьевъ. Всѣ предметы кажутся застывшими, мертвыми; вездѣ глазъ поражается рѣзкими контрастами голубовато-бѣлаго свѣта съ черными тѣнями и пятнами. Все, на что падаютъ лучи, какъ бы подернуто блестящею дымкою. Прямо освѣщенные листья деревьевъ и сѣрые камни блестятъ, какъ серебряные. Все, что не освѣщено, кажется чернымъ. Полутоновъ нѣтъ. Горный воздухъ слишкомъ чистъ, слишкомъ прозраченъ, южная ночь слишкомъ темна, а лунный свѣтъ ослѣпительно ярокъ. Этотъ свѣтъ сообщаетъ всему фантастическую окраску, и подъ вліяніемъ окружающаго ждешь чего-то необыкновеннаго, сказочнаго... И вотъ, среди этого томительнаго ожиданія, долетаетъ до напряженнаго слуха какой-то пронесшійся изъ далека, глухой, протяжный, неопредѣленный звукъ... Это первая долетѣвшая до насъ нота «оленьяго рёва»...

Яснѣе и яснѣе раздается этотъ звукъ, становится громче, вылетаетъ, какъ тяжелый вздохъ или стонъ страдающаго человѣка, затихаетъ, и вдругъ, какъ-будто рядомъ, возлѣ раздается сильный, оглушительный, хриплый ревъ. Невольно вздрогнешь отъ этого неожиданнаго крика. Это олень пришелъ на поляну.

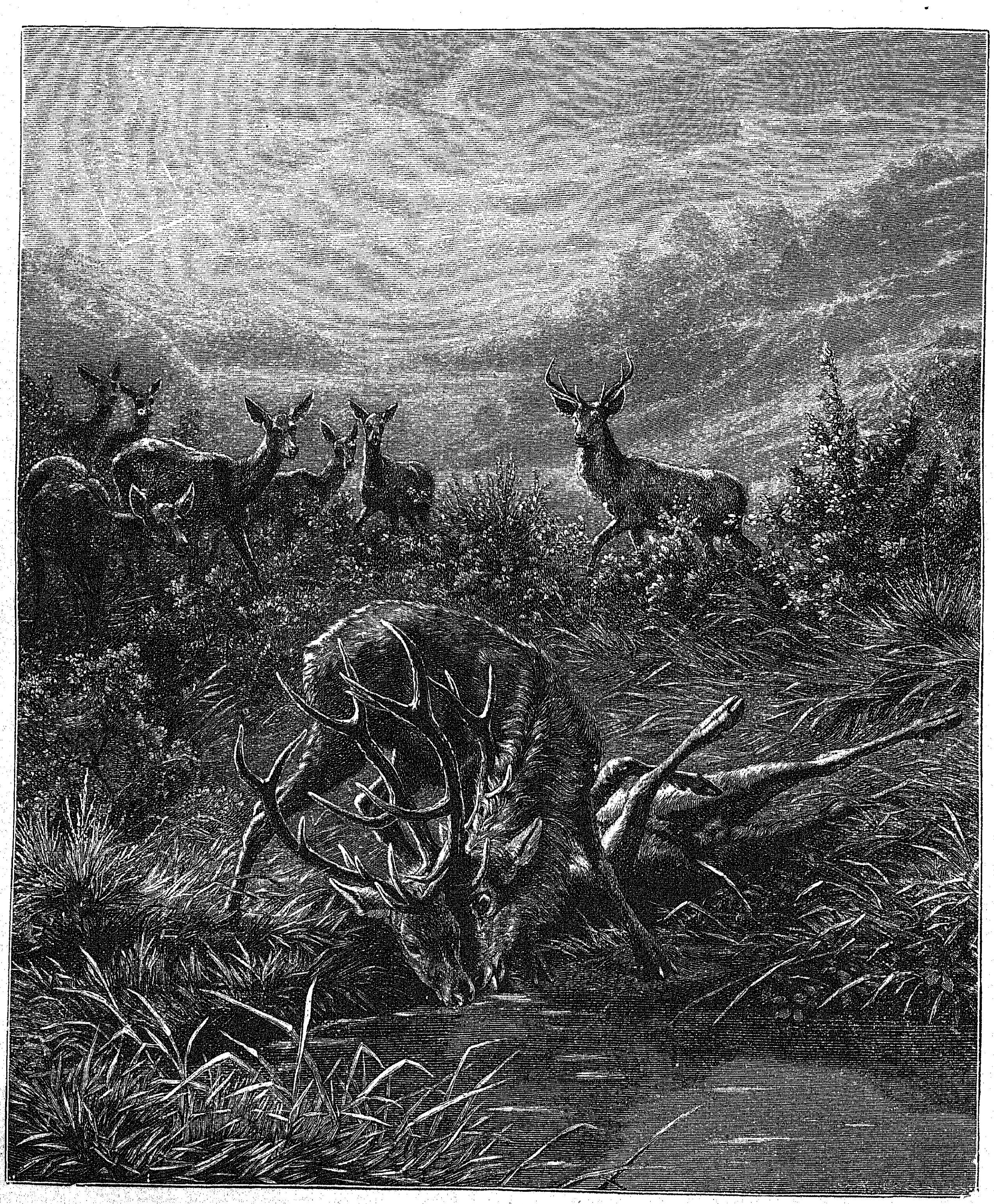
Олень и его самка.

Эхо нѣсколько разъ повторяетъ этотъ грозный ревъ, и, среди его отголосковъ, можно отличить болѣе ясный, чѣмъ всѣ эти отголоски, отвѣтъ другого оленя.

Пришедшій олень не стоитъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, его протяжные стоны доносятся то глуше, то яснѣе. Онъ то уходитъ съ поляны, то снова возвращается. Иногда звуки такъ отчетливы, такъ громки, что, кажется, вотъ-вотъ сейчасъ мелькнетъ между деревьями стройная фигура съ опущенной головой и большими вѣтвистыми рогами, фигура, жадно втягивающая ночной воздухъ, чтобы выпустить его затѣмъ изъ стѣсненной груди, съ глухимъ ворчаньемъ и стономъ. Блестящіе, блуждающіе глаза оленя безпокойно бѣгаютъ. Онъ мечется кругомъ, и въ ревѣ его дѣйствительно слышенъ стонъ, какъ будто ревность къ другому самцу тоскою сжимаетъ его грудь... Далеко несется его ревъ по горамъ и нарушаетъ безмолвіе ночи, будитъ все живое по окрестнымъ холмамъ, толпой обступившимъ лѣсную поляну.

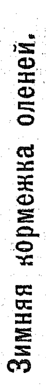
Какъ только два оленя сойдутся, тотчасъ же между ними завязывается бой. Но, какъ ни быстры ихъ повороты, какъ ни сильны ихъ удары, можно сразу замѣтить, что рога ихъ приспособлены скорѣе къ защитѣ, чѣмъ къ нападенію. Отростки роговъ одного оленя, задѣвая за отростки роговъ другого, парализуютъ силу тому изъ противниковъ, который не выдержитъ удара, не успѣетъ сцѣпиться рогами и грохнется на землю. Сила удара громадна, концы роговъ остры, и глубоко проникаютъ подъ кожу острые рога побѣдителя.

Случается, что оба противника такъ переплетаются рогами, что сами не въ силахъ расцѣпиться, и тогда

Два соперника.

ударовъ. Сплетаясь рогами и стремительно двигая головою то въ ту, то въ другую сторону, оба противника топчутся и крутятся на одномъ мѣстѣ. По временамъ имъ удается расцѣпиться, но вслѣдъ затѣмъ они съ новою силою бросаются другъ на друга, наклонивъ голову, и снова рога одного наскакиваютъ на рога другого. Только рѣзкій стукъ отъ ударовъ кости о кость и мелкій щебень разлетаются изъ-подъ копытъ бойцовъ. Горе обоихъ ждетъ тяжелая смерть отъ утомленія и голода. Въ такомъ положеніи были найдены два оленя въ окрестностяхъ Цвингенберга, и теперь ихъ головы, которыя нельзя разнять безъ того, чтобы не поломать рога,—находятся въ коллекціи Цвингенбергскаго замка. На черномъ щитѣ, поддерживающемъ эту нѣмую группу, лаконическая бѣлая надпись: «найдено, тамъ-то... тогда-то...» Но при видѣ этой группы, передъ моими глазами—

Зимняя кормежка оленей.

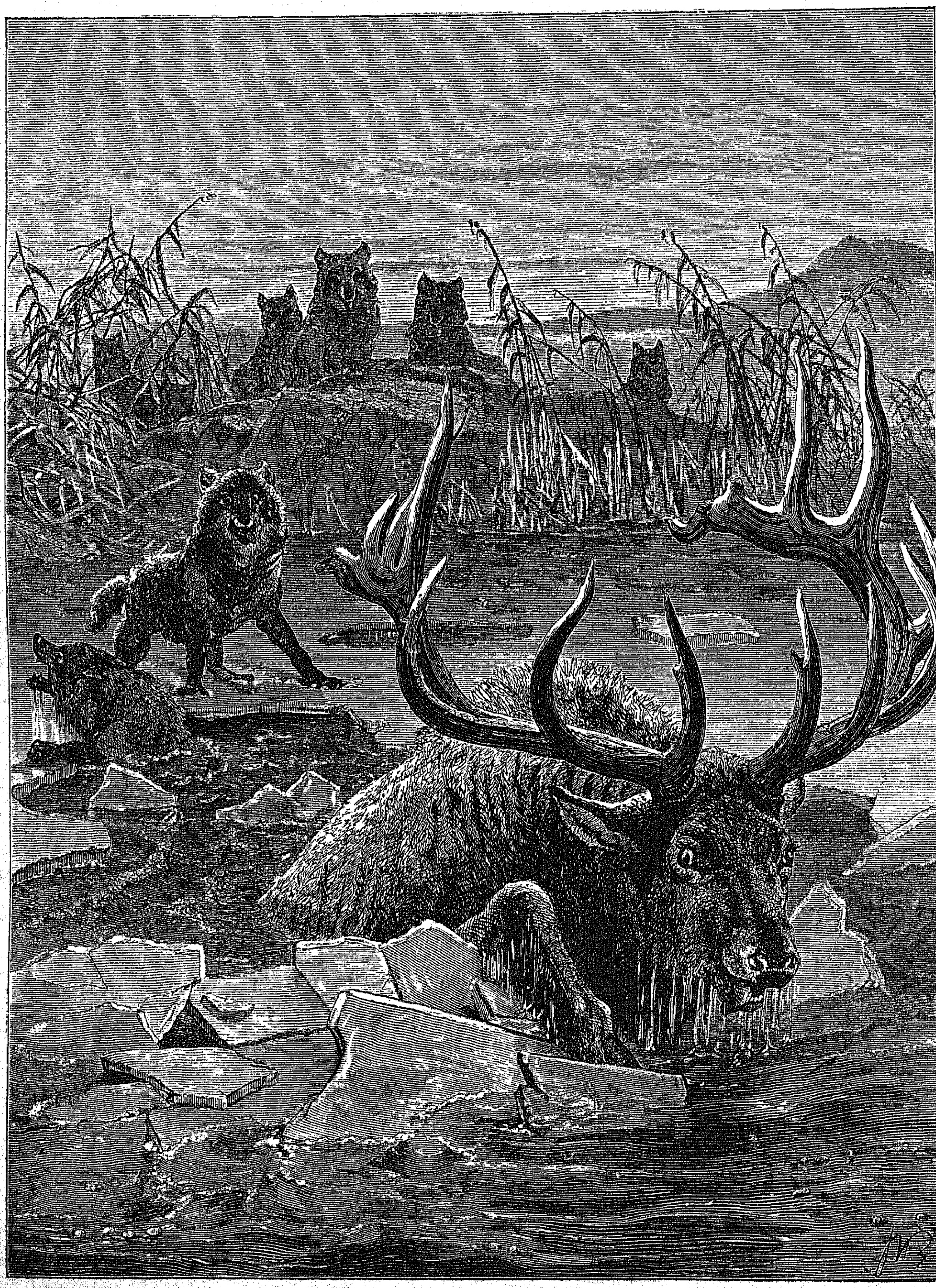
глазами натуралиста, ярко вырисовалась вся картина ужаснаго поединка, и ярость противниковъ, ослѣпленныхъ страстью, и отчаянныя, тщетныя усилія ихъ расцѣпиться, и, наконецъ, тяжелая агонія голодной смерти.

При равныхъ условіяхъ, лишь утомленіе и голодъ заставляютъ израненныхъ противниковъ бросить поединокъ и разойтись. Послѣ этого поединка олень снова возвращается къ оставленнымъ на время самкамъ. Въ это время, позднею осенью, даже старые самцы, которые въ другое время держатся отдѣльно отъ самокъ, образуютъ съ ними общія небольшія стада. У всѣхъ нашихъ оленей забота о дѣтяхъ падаетъ исключительно на мать. Впрочемъ, молодой олень уже спустя недѣлю послѣ рожденія начинаетъ почти такъ же быстро бѣгать, какъ сама мать, и, въ случаѣ опасности, ей уже не приходится, отвлекая вниманіе врага отъ своего дѣтища, рисковать собственной жизнью.

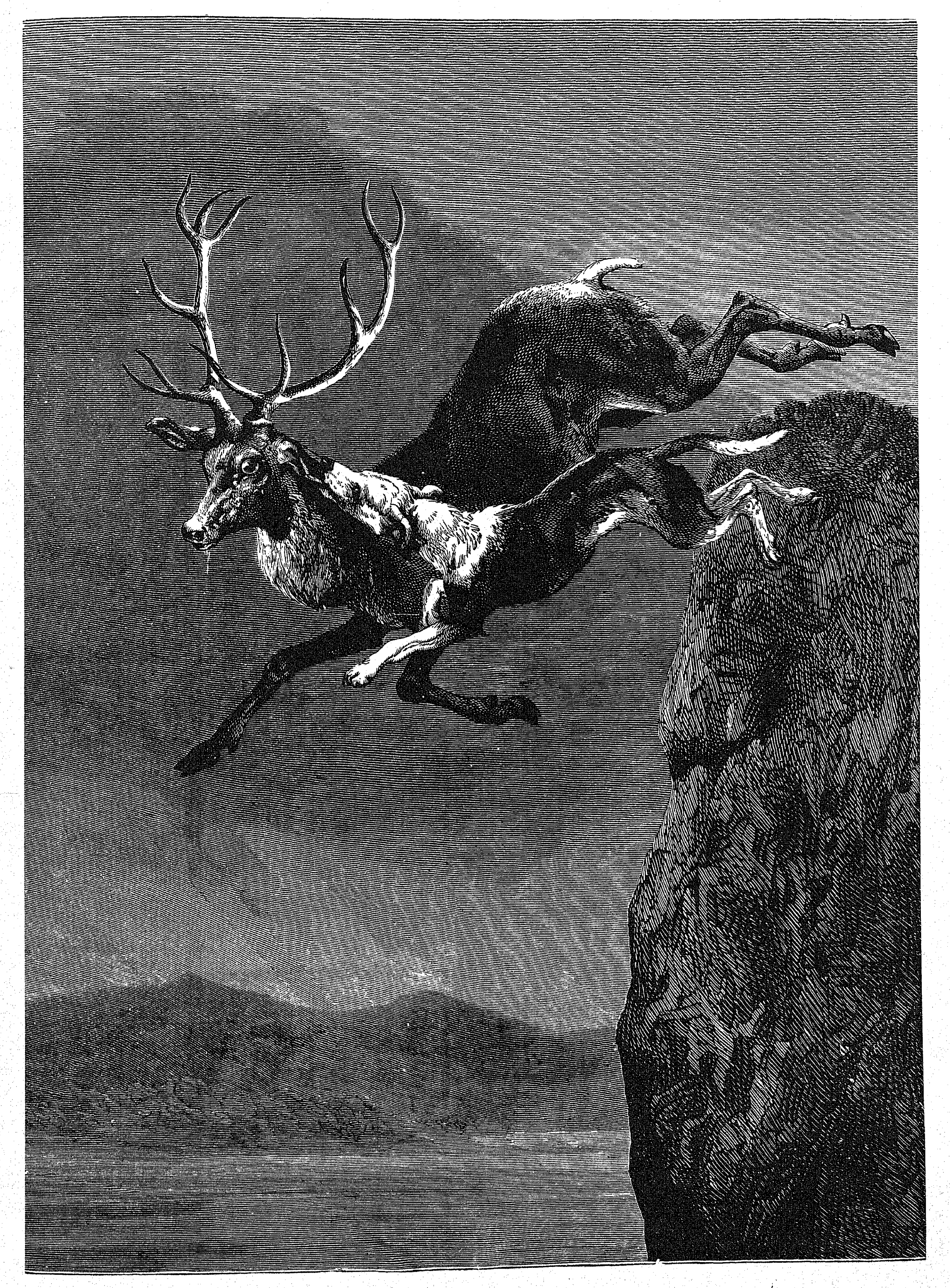
Молодой олень, пока ноги его еще не окрѣпли, въ первые дни своей жизни подвергается наибольшей опасности. Было бы странно, если бы природа не озаботилась хоть бы чѣмъ-нибудь уменьшить послѣднюю. Дѣйствительно, у козлятъ, ланей, дикихъ козъ, благороднаго оленя и многихъ другихъ южныхъ оленей, есть одно средство, котораго нѣтъ у взрослыхъ—это «скрывающая окраска». Они свѣтлѣе взрослыхъ, и сходство ихъ окраски съ цвѣтомъ окружающаго лѣса еще увеличивается свѣтлыми, круглыми, небольшими пятнами, покрывающими всю верхнюю часть тѣла.

Мать забирается передъ рожденіемъ теленка въ самое дикое мѣсто въ лѣсу; въ этой чащѣ маленькій олень проводитъ первые дни своей жизни. Здѣсь солнечные лучи едва пробиваются сквозь густую листву, и при слабомъ свѣтѣ ихъ бѣлесоватыя пятна на бокахъ и спинѣ лежащаго на землѣ маленькаго оленя вполнѣ походятъ на солнечныя пятна, играющія зайчиками на опавшей листвѣ. Не есть ли этотъ пестрый нарядъ, такъ хорошо скрывающій молодыхъ оленей, послѣдній остатокъ отъ окраски ихъ предковъ, или онъ выработался спеціально у молодыхъ, какъ «покровительственная окраска?»

Взрослые олени не стараются и не могутъ спрятаться отъ врага, и вся ихъ надежда на быстрыя ноги. За то въ случаѣ опасности, бѣгъ оленя дѣйствительно невѣроятно стремителенъ. Закинувъ назадъ свою голову и выставивъ впередъ сильную, широкую грудь, онъ съ неудержимымъ порывомъ пролагаетъ себѣ путь сквозь самый частый кустарникъ. Рога самца, закинутые на спину, съ непонятною легкостью проскальзываютъ черезъ самое густое сплетеніе древесныхъ вѣтвей. Ни упавшее на пути его громадное дерево, ни страшная кручь, ни глубокій оврагъ, ни даже большая рѣка или озеро — не остановятъ оленя. Съ одного маху перепрыгиваетъ онъ черезъ препятствія въ сажень высоты. Какъ молнія, промелькнетъ онъ между деревьевъ, мимо охотника, и глазъ отказывается рѣшить, дѣйствительно ли пробѣжало животное или то былъ обманъ напряженнаго вниманія. Только легкій трескъ сухого хвороста, или порывистое

Въ борьбѣ за жизнь.

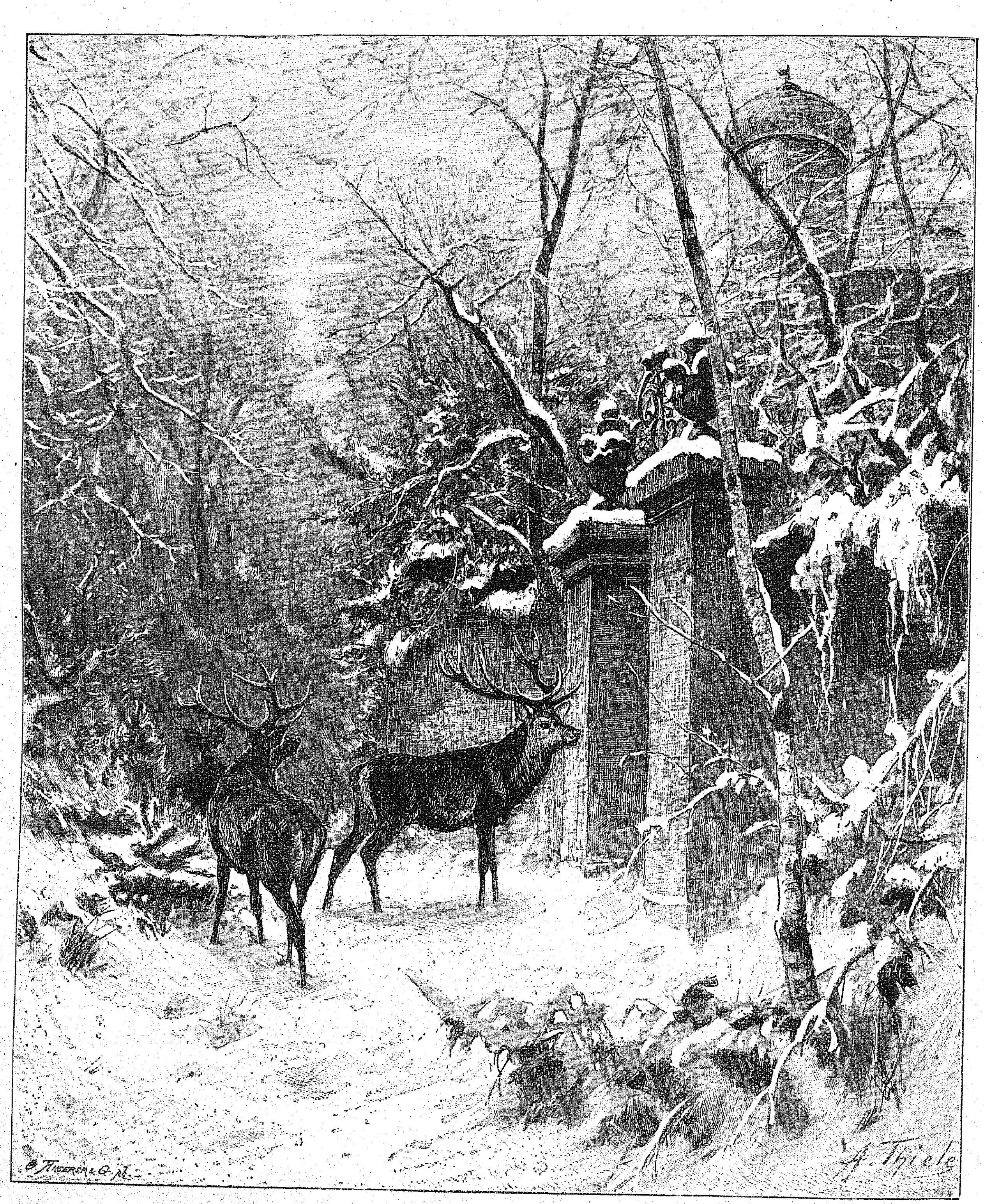
Отчаянный прыжокъ.

шуршаніе опавшей листвы да качаніе предательской вѣтки, о которую онъ задѣлъ головою, говорятъ о происшедшемъ.

Въ случаѣ нужды онъ, не задумываясь, бросается въ воду и переплываетъ широкія рѣки: вода держитъ его, какъ птицу, на своей поверхности. По легкости, по стью своего тѣла; въ особенности если его преслѣдуетъ какая-нибудь опасность, напр. стая волковъ.

2. Лось.

Лось представляетъ почти прямую противоположность

Олени передъ воротами замка.

быстротѣ движеній олень, дѣйствительно—птица между другими млекопитающими. Быстрота ногъ не спасаетъ его лишь въ гоньбѣ по глубокому снѣгу или при гололедицѣ зимой. Тонкій слой наста, покрывающаго снѣгъ, не выдерживаетъ оленя; ноги проваливаются, копыта скользятъ по обледенѣвшимъ склонамъ и по замерзшей поверхности осеннихъ луговъ и болотъ. Нерѣдко, вскочивъ на тонкій слой льда, олень пробиваетъ его тяже-

настоящему оленю. Это неуклюжій, тяжелый, громадный лѣсной бирюкъ. Не смотря на свою величину и силу, это робкій, пугливый звѣрь, ищущій глухихъ мѣстъ, въ лѣсной, непроходимой чащѣ. Онъ больше всѣхъ другихъ видовъ оленей.

При его величинѣ и силѣ, его крѣпкіе, громадные рога съ лопатообразными расширеніями на концахъ, усаженными нѣсколькими острыми отростками, предста-

вляютъ страшное оружіе даже для крупныхъ хищниковъ. Взрослый самецъ рѣдко ищетъ спасенія въ бѣгствѣ и, въ случаѣ нужды, пускаетъ въ дѣло не только рога, но и переднія ноги, которыми топчетъ хищника, опрокинутаго страшнымъ ударомъ роговъ. Въ случаѣ встрѣчи съ болѣе сильнымъ врагомъ онъ обращается въ бѣгство. Его бѣгъ такъ быстръ, что не только взрослые самцы, но даже самки и молодые далеко оставляютъ за собою самыхъ быстрыхъ изъ своихъ враговъ.

Широкая грудь лося развита непропорціонално съ остальнымъ туловищемъ. Передняя часть корпуса замѣтно выше крестца. Въ этой части и въ короткой, сильной шеѣ, поддерживающей неуклюжую, громадную голову, какъ бы сосредоточены всѣ мышцы тѣла, вся сила этого гиганта. При взглядѣ на него, на его пудовые рога, на его массивную голову, онъ кажется неуклюжимъ и неповоротливымъ, но въ дѣйствительности въ бойкости и быстротѣ движеній онъ немногимъ уступаетъ оленю. Правда, сравнительно съ другими оленями онъ мало подвиженъ, если его ничто не тревожитъ. Какъ настоящій лѣсной бродяга, онъ не любитъ подолгу оставаться въ одной мѣстности, а постоянно изо-дня въ день мѣняетъ ее. Онъ не возвращается въ одну и ту же мѣстность, подобно оленю и лани. Сегодня онъ здѣсь, завтра за десять верстъ, а если его потревожили, то и еще дальше. Причина этой кочевой жизни лежитъ въ прожорливости лося и въ его безцеремонномъ обращеніи съ деревьями, — своими кормильцами. Онъ живетъ исключительно на счетъ деревьевъ. Почти всѣ породы деревьевъ, растущія въ дикомъ состояніи въ нашихъ лѣсахъ, идутъ у него въ пищу. Онъ общипываетъ ихъ вѣтви, обрываетъ кору, объѣдаетъ молодую поросль.

Провалились въ снѣгъ.

Глубоко разсѣченныя копыта лося соединены растяжимою перепонкою, которая позволяетъ имъ широко раздаваться при ходьбѣ по мягкой почвѣ. Когда онъ поднимаетъ ногу, то разошедшіеся пальцы снова сходятся, и во время бѣга слышенъ ясный звукъ отъ удара пальца о палецъ. Расхожденіе копытъ при ходьбѣ свойственно многимъ жвачнымъ, у которыхъ въ силу этой особенности между верхними суставами обоихъ пальцевъ сильно развились сальныя железы кожи *).

Тамъ, гдѣ много лосей и гдѣ они не напуганы охотой (какъ у насъ въ Финляндіи), легко застать на разсвѣтѣ стараго самца, кончающаго свой обычный ночной обѣдъ. Стоитъ лишь углубиться въ это время на нѣсколько верстъ въ чащу лѣса. Какъ красивъ лось въ началѣ лѣта, на волѣ, среди березъ и елей! Бархатная темнокоричневая, почти черная спина, такія же бархатные сѣрые, громадные рога, съ которыхъ кожа еще не начала слѣзать, и свѣтлыя ноги— все такъ изящно гармонируетъ съ мягкими тонами окру-

*) Скопленіе такихъ железъ, открывающихся въ общее углубленіе кожи и своими выдѣленіями уменьшающихъ треніе пальца о палецъ, образуетъ такъ-называемую «копытную железу». Сами копыта лося, однако, почти такъ же узки, какъ и копыта другихъ оленей. Здѣсь узость копытъ замѣняется подвижностью пальцевъ, а эта особенность даетъ устойчивость его ногамъ во время бѣга по болотистому лѣсу.

жающаго лѣса, а кругомъ переплетаются сухія вѣтви деревьевъ, то сѣдые отъ обросшихъ ихъ бахромою лишаевъ, то почернѣвшіе отъ времени и сырости, сѣрые стволы березъ, бурая опавшая листва и бархатная зелень молодыхъ елей и моха.

Лошадь, запряженная въ небольшую финскую телѣжку, не пугаетъ лося. Не торопясь, общипываетъ онъ молодыя вѣтви, не спѣша, надгрызаетъ рѣзцами кору березъ и осинъ и, старательно отрывая ее длинною лентою, глотаетъ большими кусками, почти не пережевывая.

Толстая, мускулистая, очень подвижная верхняя губа его, такъ безобразящая его морду, выдающаяся впередъ, какъ у верблюда, служитъ прекраснымъ орудіемъ при отрываніи коры. Поднявъ голову кверху, онъ задѣваетъ своею губою за только-что сдѣланный рѣзцами свѣжій шрамъ на стволѣ и отдираетъ кору, какъ руками. При обрываніи листьевъ съ деревьевъ и молодыхъ вѣтвей верхняя губа замѣняетъ ему языкъ. Какъ пасущаяся корова захватываетъ траву языкомъ, такъ лось захватываетъ верхнею губою листья деревьевъ. Зато та же губа, отвисающая при опусканіи головы, почти не позволяетъ ему щипать траву.

Въ длинномъ рядѣ поколѣній выработалась эта особенность, и зависимость лося отъ лѣса сдѣлалась еще тѣснѣе. Кора деревьевъ — главная пища лося, и дубильныя вещества, имѣющіяся въ корѣ всѣхъ нашихъ деревьевъ, составляютъ постоянную и необходимую примѣсь къ его пищѣ.

Лань, дикая коза, благородный олень тоже живутъ насчетъ деревьевъ, поѣдая листья, почки и молодыя вѣтки ихъ, но верхняя губа ихъ не достигаетъ такого развитія, и въ случаѣ нужды они могутъ щипать траву.

Но вотъ лось замѣтилъ слишкомъ близко отъ себя тарантасъ съ людьми. Онъ вдругъ бросаетъ ѣду и крупною рысью отбѣгаетъ въ сторону. Его рога, которые только что казались такими массивными, теперь какъ будто потеряли свою величину. На ходу онъ совершенно спокойно, едва замѣтно поворачиваетъ голову, и рога его принимаютъ всевозможныя положенія. Онъ совершенно свободно и съ удивительною легкостью проноситъ ихъ между сплотившимися деревьями.

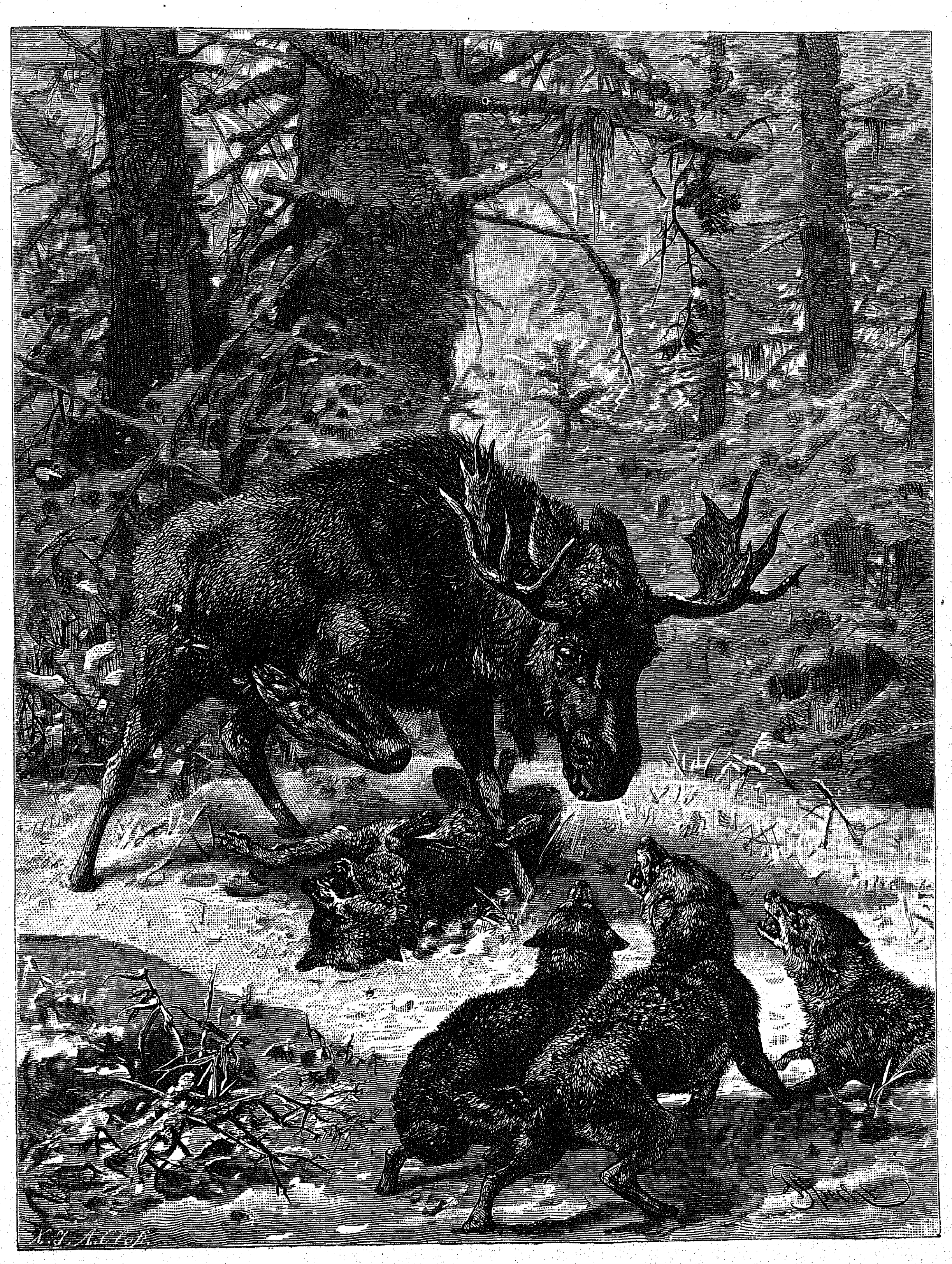
Лось и самка (на покоѣ) въ чащѣ лѣса.

Глядя на лося, понимаешь, что рога другихъ оленей уже совершенно не мѣшаютъ имъ при ихъ бѣгѣ по лѣсу, и невольно вспоминаешь когда-то жившаго вмѣстѣ съ лосемъ въ лѣсахъ средней Европы—исполинскаго ископаемаго оленя Megaceros (Большерога), съ громадными саженными рогами. Да и не только рога, но и вся крупная, мощная фигура лося носитъ на себѣ отпечатокъ чего-то тяжелаго, допотопнаго, что какъ-то не вяжется съ сравнительно небольшою величиною, пропорціональнымъ сложеніемъ и граціею его родичей. Какъ будто между всѣми оленями это — послѣдній остатокъ тѣхъ нынѣ уже вымершихъ крупныхъ видовъ млекопитающихъ, съ которыми боролся человѣкъ на зарѣ своей культуры. Этотъ первобытный человѣкъ засталъ еще и Megaceros, но этотъ олень не дожилъ до нашихъ дней и уже давно исчезъ съ лица земли. Можетъ быть наши дикіе предки были отчасти повинны въ его истребленіи, какъ мы сами повинны въ истребленіи тѣхъ дикихъ быковъ, которые были прародителями европейскаго рогатаго скота.

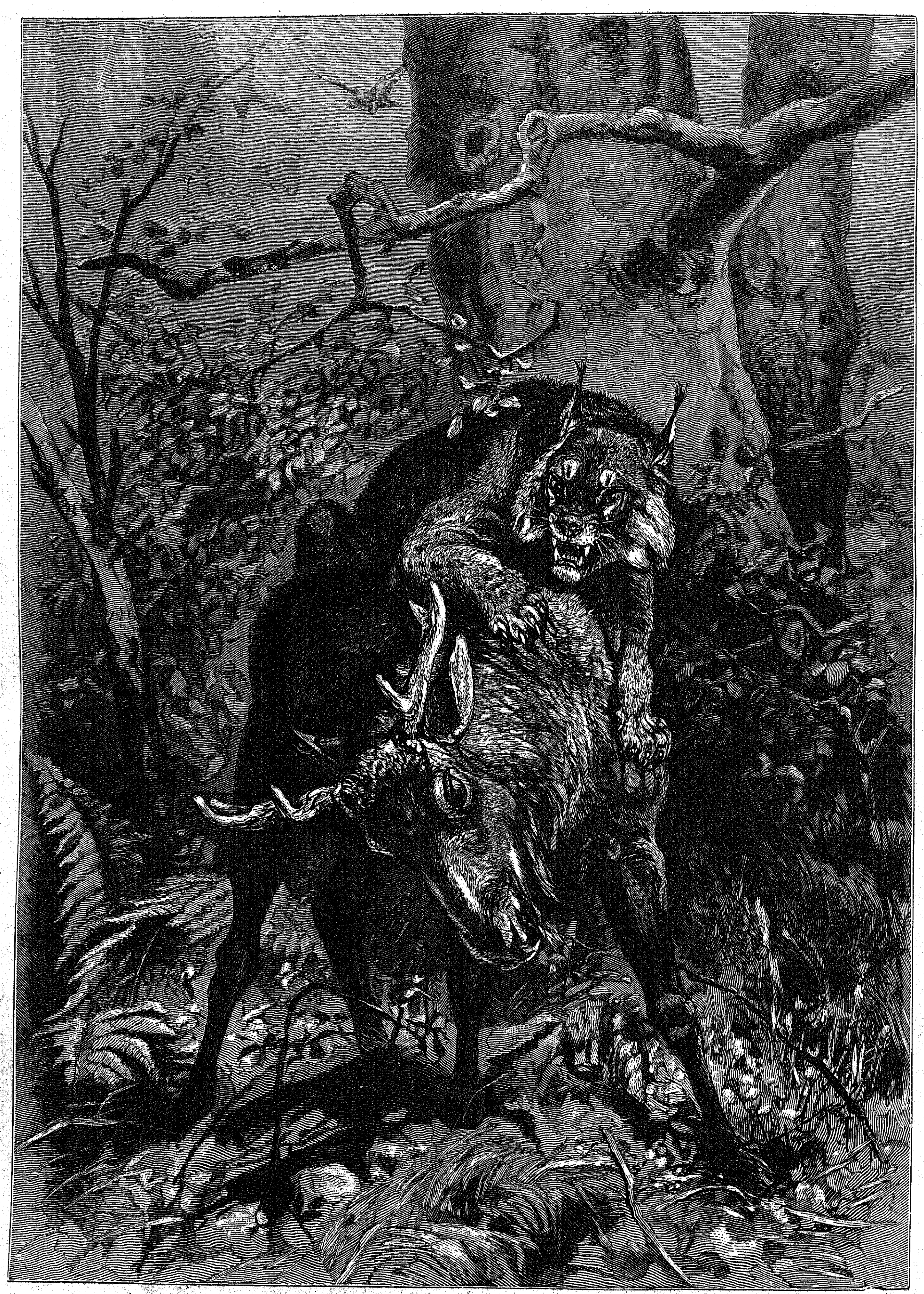
Лось гораздо выносливѣе оленя, но и онъ устаетъ, когда ему приходится бѣжать по рыхлому глубокому снѣгу нѣсколько верстъ, когда онъ на каждомъ шагу то одной, то другой ногой проваливается по брюхо въ этотъ мягкій снѣгъ, а остановиться и передохнуть нѣтъ времени: волки или охотникъ на лыжахъ гонятся за нимъ по свѣжимъ слѣдамъ, и скрыть эти слѣды нѣтъ возможности.

Иногда старый самецъ понимаетъ, что уйти отъ врага не удастся, и съ свирѣпой рѣшимостью останавливается, повернувшись задомъ къ толстому дереву. Онъ тяжело и порывисто дышитъ, и только что успѣетъ перевести духъ и собрать всѣ оставшіяся еще силы для встрѣчи врага, какъ одинъ за другимъ начинаютъ выскакивать изъ-за деревьевъ гнавшіеся по пятамъ его волки. Первый болѣе

сильный волкъ, разгоряченный преслѣдованіемъ, очертя голову, бросается на загнанное животное, но вмѣсто шеи, въ которую онъ разсчитывалъ вцѣпиться своими крѣпкими зубами, онъ самъ натыкается на одинъ изъ острыхъ отростковъ громадныхъ роговъ. Небольшое, быстрое движеніе головы лося — и врагъ, смертельно раненый, съ визгомъ и воемъ катается у него въ ногахъ, покрывая снѣгъ кровавыми пятнами. Эта первая неудача и видъ барахтающагося въ снѣгу товарища сразу осаживаетъ остальныхъ хищниковъ... Небольшіе глаза лося налиты кровью, уши прижаты, дыханіе порывисто, голова полунаклонена, и снова онъ готовъ принять на рога всякаго, кто слишкомъ близко приблизится къ нему... Волки, однако, не считаютъ свое дѣло проиграннымъ и не думаютъ уходить. Одинъ за другимъ присоединяются къ нимъ отставшіе, и снова собирается разбившаяся было во время преслѣдованія стая. Голодная свора окружаетъ лося, какъ вороны замерзающаго зайца, не спуская съ своей жертвы злыхъ глазъ и готовая каждый моментъ снова броситься на нее. Однако, лось еще не побѣжденъ: онъ только усталъ... Пройдетъ нѣсколько времени, и онъ снова будетъ спосо-

Лось, защищающійся отъ волковъ.

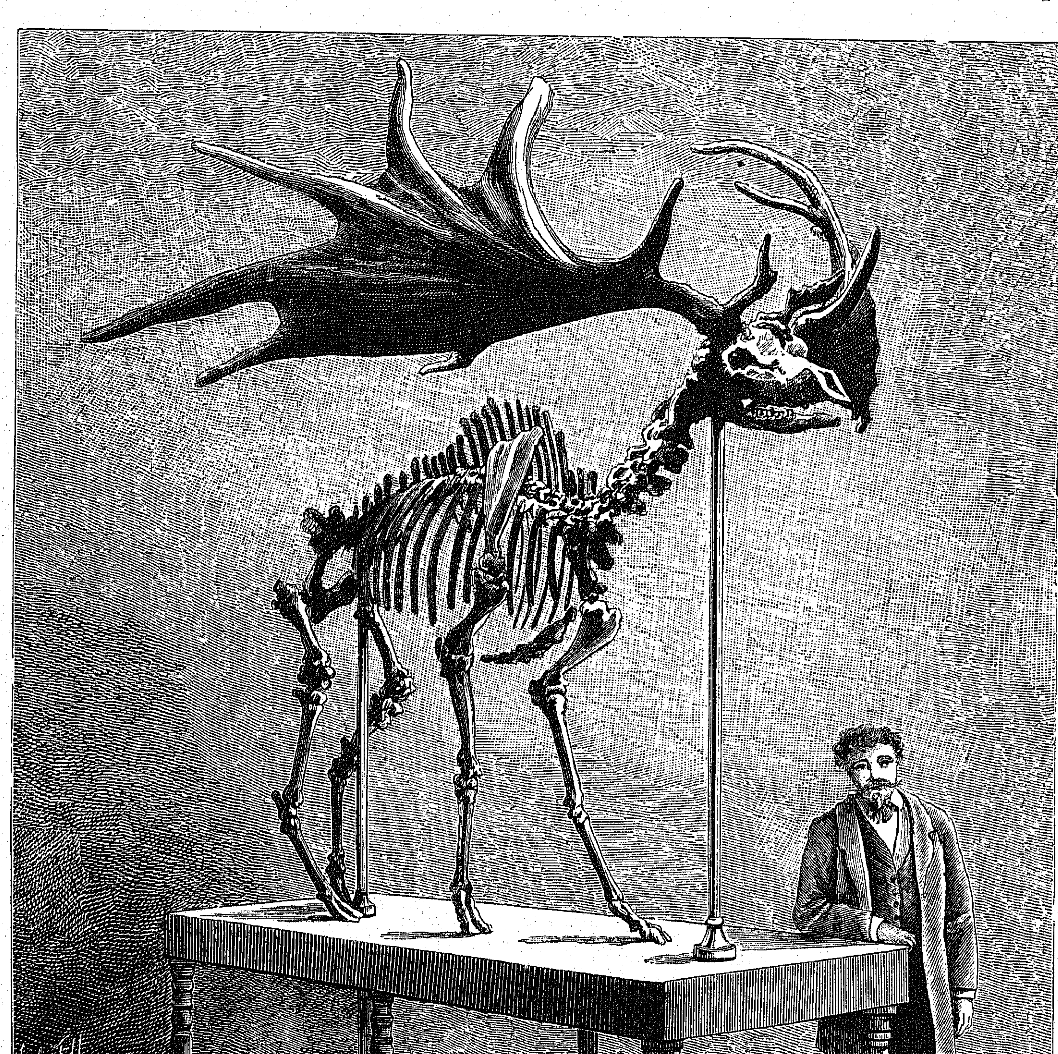

Рысь, захватившая лося.

бенъ, несмотря на глубокій снѣгъ, далеко оставить за собою своихъ враговъ. Онъ чувствуетъ, какъ мало-по-малу возвращаются къ нему силы. Еще нѣсколько минутъ, и онъ снова готовъ къ бѣгству. Неожиданный, громадный прыжокъ выноситъ его изъ круга хищниковъ; они не смѣютъ его задержать. Но за то дружнѣе, чѣмъ прежде, бросаются за нимъ въ погоню: второй разъ лось утомится скорѣе и сильнѣе. Одно только можетъ спасти его — это если глубокій рыхлый снѣгъ лежитъ полосою на пути его и если до ночи и до полнаго изнеможенія онъ успѣетъ пробѣжать эту полосу. Тогда, несмотря на усталость, никакіе волки ему не страшны: какъ вѣтеръ, понесется онъ впередъ, и ни одинъ изъ нихъ не попытается его преслѣдовать.

Случается порой, что молодой лось, еще не вооруженный вполнѣ развитыми рогами, забредетъ въ лѣсную чащу далеко отъ матери. Тамъ, гдѣ много хищниковъ, тамъ гибель этого безразсуднаго животнаго становится неизбѣжною. Легкій трескъ раздается съ дерева, подъ вѣтвями котораго беззаботно проходитъ этотъ неосторожный, и съ быстротою молніи слетаетъ къ нему на спину сильная хищная рысь. Лось ошеломленъ, испуганъ. Напрасно онъ трясетъ, мотаетъ головой, напрасно пускается въ бѣгъ— чаща густа, непролазна, а съ каждымъ движеніемъ его страшный всадникъ глубже и глубже впускаетъ въ него когти, разрываетъ его кожу и мясо. И наконецъ, несчастный усталый, измученный, истекшій кровью, падаетъ, задыхается, и рысь перегрызаетъ ему горло (рис. на стр. 631—632).

Еще въ средніе вѣка лось встрѣчался въ Европѣ почти повсемѣстно, а теперь онъ сохранился лишь тамъ, гдѣ населеніе очень рѣдко, или гдѣ охота на него уже давно запрещена. Гористыя страны Скандинавскаго полуострова, Финляндія, мѣстами прибрежная полоса Балтійскаго моря, сѣверная окраина Европейской Россіи— вотъ тѣ немногія мѣстности, гдѣ онъ еще держится и пользуется свободой.

Скелетъ допотопнаго оленя „Megaceros".

3. Сѣверный олень.

Ни одинъ видъ оленей не приноситъ такую существенную пользу, не составляетъ такой насущной необходимости для жизни, какъ сѣверный олень для сѣверянина — гиперборейца. Всѣ сѣверные инородцы живутъ преимущественно на счетъ сѣвернаго оленя.

Съ представленіемъ объ этомъ неуклюжемъ, приземистомъ животномъ, тотчасъ же встаютъ передъ нами необозримыя снѣжныя равнины, или невысокія горы прибрежья полярныхъ морей—равнины Сибири, Лапландіи, Сѣверной Америки, Гренландіи и пр. Передъ ними являются цѣлыя стада этихъ животныхъ, стада, прирученныя или полудикія, окружающія поселки лопарей, самоѣдовъ, якутовъ, тунгусовъ.

Въ сѣверномъ оленѣ все скотоводство сѣверныхъ народовъ. Въ немъ и пища, и одежда, безъ него не было бы общенія между поселками, отдаленными один ъ отъ другого на громадныя пустынныя пространства. Спросите вогула, куда онъ собирается и запрягаетъ въ легкія, узенькія саночки тройку быстроногихъ, длинноногихъ оленей. (Рис. на стр. 635—636).

— Къ сосѣдъ, бачка, идемъ.

А гдѣ же этотъ сосѣдъ? Ни много, ни мало за 300—400 верстъ. И эти сотни верстъ сѣверный олень перелетаетъ въ нѣсколько часовъ. Закинувъ рога на спину, приподнявъ свою неуклюжую морду, онъ летитъ, какъ вѣтеръ, и только снѣгъ брызжетъ во всѣ стороны изъ-подъ его копытъ, и густой бѣлый паръ, какъ легкое облачко, вылетаетъ изъ его ноздрей и окружаетъ его тупую морду.

Онъ не можетъ провалиться въ глубокій снѣгъ. Его тонкія ноги оканчиваются особенными приспособленіями къ ѣздѣ и бѣгу по снѣжнымъ равнинамъ. Эти ноги, какъ у верблюда, почти не тонутъ въ снѣгу. Два пальца, концы которыхъ образуютъ копыто, могутъ широко раздвигаться и увеличивать такимъ образомъ площадь, на

которую опирается животное при его быстромъ бѣгѣ. Вотъ почему ноги сѣвернаго оленя кажутся непомѣрно широкими.

Фигура сѣвернаго оленя не имѣетъ ничего гордаго, величаваго, какъ фигура настоящаго оленя. Приземистый, съ вытянутымъ тѣломъ, съ головой, почти постоянно опущенной внизъ, онъ какъ будто несетъ на себѣ отпечатокъ окружающей приземистой природы—и совершенно гармонируетъ съ низкорослымъ, неуклюжимъ сѣверяниномъ. Тогда какъ рога благороднаго оленя придаютъ ему красу, несоразмѣрно большіе рога сѣвернаго оленя только увеличиваютъ неуклюжесть его фигуры. Растянутые въ длину, точно также какъ и тѣло его, расширенные на концахъ и сплюснутые съ боковъ, они придаютъ всей фигурѣ сѣвернаго оленя что-то странное, почти уродливое и фантастическое. Они покрыты короткими, бархатистыми, сѣрыми волосами. Эти волоса есть прямое слѣдствіе сѣвернаго климата. Подъ вліяніемъ зимняго холода развивается густая, довольно длинная шерсть и густой подшерстокъ на кожѣ оленя, и подъ тѣмъ же вліяніемъ происходитъ усиленный ростъ роговъ и покрывающихъ ихъ волосъ. Эти волосы какъ бы защищаютъ рога отъ сильныхъ морозовъ. Только у одного сѣвернаго оленя—рога выростаютъ не только у самцовъ, но и у самокъ.

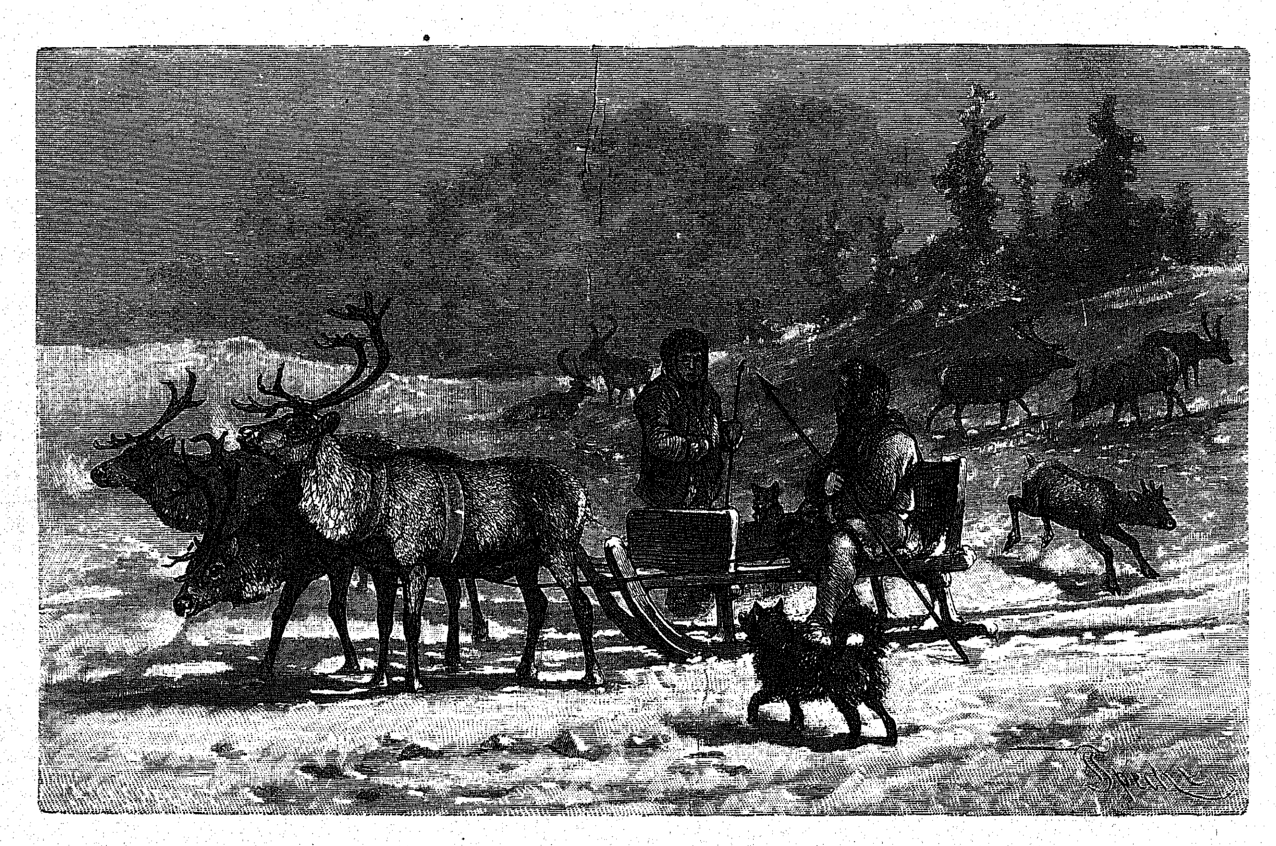
Но не въ одномъ складѣ тѣла и ростѣ роговъ выразилось вліяніе холоднаго сѣвернаго климата на оленя. Вся его жизнь и организація приспособились къ этому суровому, холодному климату, къ снѣжнымъ равнинамъ и къ полярнымъ мхамъ и ягелямъ. Оленій ягель, исландскій мохъ, наконецъ чихрица или лаппа, отъ названія которой, вѣроятно, получилъ свое имя лопарь, лапландецъ и Лапландія — вотъ низшія, едва замѣтныя, сѣверныя тайнобрачныя растенія, на счетъ которыхъ совершается вся жизнь сѣвернаго оленя.

Оленій ягель покрываетъ почти сплошнымъ слоемъ сѣверныя тундры и скалы. Своимъ тонкимъ чутьемъ олень чуетъ ягель подъ глубокимъ снѣгомъ, разрываетъ его копытами и добываетъ ягель. Онъ всю зиму и осень существуетъ на счетъ ягеля. Если же не находитъ онъ его подъ ногами, то ищетъ на деревьяхъ другіе лишайники, ищетъ длинныхъ космъ уснеи (usnea), свѣсившихся съ вѣтвей деревьевъ.

Въ своихъ зимнихъ кочевкахъ лопарь ввѣряется руководству оленя. Олень идетъ за ягелемъ, лопарь идетъ за оленемъ. Онъ взбирается и на предгорья, и на вершины невысокихъ сопокъ, и лопарь всюду слѣдуетъ за нимъ.

Олень замѣняетъ ему и лошадь, и корову. Онъ даетъ ему одежду и жилище, потому что его шкурами лопарь покрываетъ тотъ чумъ, ту палатку, въ которой живетъ.

Какъ птица, переносится онъ на громадныя разстоянія на оленѣ. Онъ чувствуетъ силу его бѣга, и эта сила вдохновляетъ его. Въ пѣсняхъ лопаря любовь и олень играютъ почти одинаковую роль.

Сборы къ сосѣду.

Въ снѣжный, морозный день низкое солнце, не грѣя, свѣтитъ на стадо оленей—стадо въ тысячу головъ. Его сгоняютъ съ горъ для доенія. Молодые олени—пыжики—скачутъ, прыгаютъ, играютъ вокругъ матокъ, которыя идутъ, не спѣша, покачиваясь на ходу, слегка поднявъ голову и заложивъ рога на спину, тихо мыча и похрюкивая. Самцы идутъ за ними.

Матокъ загоняютъ въ большія загороди, сложенныя изъ березовыхъ жердей. И здѣсь доятъ привязанную матку (самку) оленя. Обыкновенно она не даетъ молока, и ее необходимо выдоить насильно.

Подобно всѣмъ оленямъ матка сѣвернаго оленя необыкновенно привязана къ своимъ дѣтямъ. Если случится, что пыжикъ потеряется или его зарѣжутъ волки, то матка бѣгаетъ и жалобно зоветъ его.

Сѣверный олень каждогодно совершаетъ переселенія. Лѣтомъ, когда комары, слѣпни и оводы одолѣваютъ его, онъ отправляется въ лѣса и горы. И никакой мухи онъ такъ сильно не боится, какъ оленьяго овода. И какъ же ему не бояться этихъ страшныхъ для него мухъ? Онѣ кладутъ яйца на кожу оленя. Гусеницы, выходящія изъ этихъ яицъ, продыравливаютъ кожу животнаго, ѣдятъ его

мясо, а достигши зрѣлости, падаютъ на землю и въ ней превращаются въ куколки. Попадаются несчастные, исхудалые, полумертвые олени, которыхъ вся кожа продырявлена этими гусеницами.

Но независимо отъ лѣтнихъ переселеній, дикіе сѣверные олени весной собираются въ большія стада и отправляются на сѣверо-западъ. Причина этихъ переселеній до сихъ поръ еще остается неизвѣстной. Все стадо подъ главенствомъ опытныхъ старыхъ вожаковъ-самцовъ идетъ многія версты. Встрѣчая на пути разлившіяся широкія рѣки, эти вожаки первые сходятъ осторожно въ воду, а за нимъ, фыркая и озираясь по сторонамъ, сходитъ длинной лентой и все стадо. Приподнявъ голову и приложивъ рога къ спинѣ, олени медленно идутъ или плывутъ, тамъ гдѣ ноги не достаютъ дна. Точно фантастическій сѣрый лѣсъ идетъ, движется по водѣ, и только тихій плескъ этой воды сопровождаетъ это странное шествіе.

Но вотъ легкій шумъ и трескъ въ сторонѣ достигъ до ушей вожака. Онъ насторожилъ уши, оглянулся, и въ то же мгновенье мѣткая пулька поражаетъ одного изъ нихъ въ голову, и тотчасъ же, вслѣдъ за выстрѣломъ, съ страшнымъ крикомъ изъ лѣсу выскакиваетъ цѣлая толпа туземцевъ—алеутовъ или тунгусовъ... Они съ неистовымъ крикомъ бросаются на перерѣзъ идущему стаду, и начинается неравный бой или, правильнѣе говоря, безжалостное избіеніе оленей...

При этой отвратительно безобразной картинѣ невольно вспоминается охота на благороднаго оленя въ аристократическихъ паркахъ Германіи и Англіи. Здѣсь, въ дикихъ мѣстностяхъ Сибири, дикій непросвѣщенный туземецъ избиваетъ ради насущной нужды бѣдное животное,—тамъ на вершинѣ цивилизаціи совершаютъ это избіеніе беззащитнаго оленя — люди ради собственнаго жестокаго удовольствія... Не лучше ли дикій азіатскій туземецъ этихъ цивилизованныхъ людей!?.

4. Лань.

Лань—это, какъ называютъ ее нѣмцы, «дамскій олень». Это небольшой южный олень—прямая противоположность съ сѣвернымъ оленемъ. Съ представленіемъ о лани мы прямо переносимся въ южные тѣнистые лѣса и парки. Она далеко не достигла той силы, того развитія, какъ благородный, настоящій олень. Тогда какъ въ оленѣ все выработано, опредѣлено, закончено—въ лани многое носитъ характеръ недоразвитія и недозрѣлости. Она меньше оленя, и цвѣтъ ея напоминаетъ охранительную окраску молодыхъ оленей. На рыжеватомъ общемъ фонѣ тѣла правильно разбросаны круглыя, свѣтлыя или даже бѣлыя пятна. Наконецъ, форма роговъ, лопатообразно расширенныхъ на концахъ ихъ вѣтвей, напоминаетъ сравнительно низшую форму роговъ лося.

Пестрая охранительная окраска обыкновенно исчезаетъ въ неволѣ, у прирученныхъ или одомашненныхъ ланей; она становится ненужна животному, пользующемуся охраной человѣка. Точно также пропадаетъ и яркій красноватый цвѣтъ тѣла и переходитъ въ грязно-желтый, бурый и даже черный. Рѣдко являются лани совершенно бѣлыя, но не альбиносы.

Самцы ланей еще болѣе страстны и драчливы, чѣмъ самцы настоящаго оленя. Между ними также происходятъ ожесточенныя драки и поединки. Зато самки ихъ представляютъ удивительно кроткихъ и ласковыхъ животныхъ, которыя быстро ручнѣютъ и привыкаютъ къ человѣку.

Въ большихъ паркахъ въ Европѣ, особенно въ Англіи, часто живутъ лани, которыхъ оберегаютъ и о которыхъ заботятся владѣльцы парковъ. Лани все болѣе и болѣе дѣлаются достояніемъ частныхъ владѣній, и можно предвидѣть, что въ недалекомъ будущемъ разсказы о дикой лани отойдутъ въ область преданія.

Обширныя англійскія помѣстья, съ своими тѣнистыми, просторными рощами, прорѣзанными ручьями и лужайками съ низкой травой, холмистая мѣстность — какъ нельзя лучше подходятъ къ тѣмъ условіямъ, въ которыхъ покойно и привольно живетъ лань. На этихъ лужайкахъ въ знойный лѣтній день стада ланей любятъ собираться въ тѣнь подъ густой навѣсъ изъ громадныхъ вѣтвей столѣтнихъ дубовъ и буковъ. Онѣ ложатся здѣсь на мягкій зеленый коверъ, образуя красивыя группы.

Если углубиться въ одинъ изъ такихъ парковъ, то нерѣдко можно встрѣтить очень милую идиллическую сцену. На берегу небольшой рѣчки, подъ двумя очень старыми елями, расположилась свѣтлая, почти бѣлая лань и съ ней два ея маленькихъ: самецъ и самка. Самка мирно лежитъ, не шевелясь. Ей, очевидно, пріятно, что мать ласкаетъ ее, лижетъ ея лобъ, а самецъ весь насторожѣ. Онъ съ любопытствомъ, почти испуганно, вглядывается въ даль. Его что-то уже поразило. Онъ чутко прислушивается и готовъ хоть сейчасъ же броситься къ поразившему его глаза и слухъ предмету или бѣжать отъ него безъ оглядки.

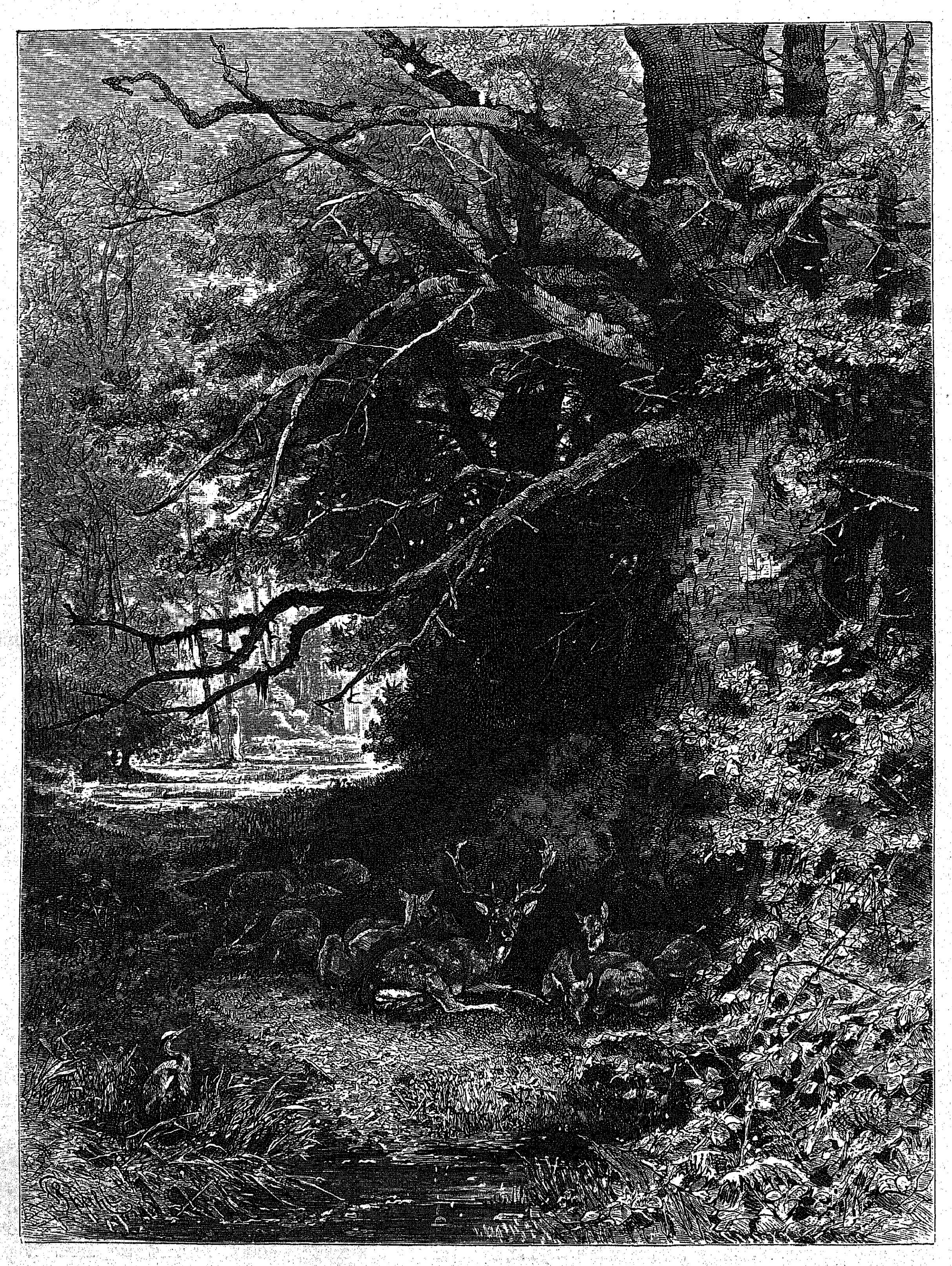
Каждое стадо ланей составляетъ одну большую семью: нѣсколько самокъ съ молодыми и одинъ старый самецъ. Сонъ понемногу овладѣваетъ стадомъ, но старый самецъ, какъ въ дикомъ лѣсу, остается на-сторожѣ. Онъ, инстинктивно прислушиваясь къ каждому звуку, время отъ времени поднимаетъ голову и осматривается. Такъ дѣлали его предки, не пользовавшіеся на свободѣ такою безопасностью. По стародавней привычкѣ онъ и теперь остается всегда сторожемъ семьи, всегда готовъ первый вскочить на ноги и подать знакъ объ опасности.

Но не каждый звукъ пугаетъ ланей. Не знакомый имъ шумъ поражаетъ ихъ, а гармоничные звуки удивляютъ и манятъ ихъ къ себѣ. Ихъ слухъ настолько развитъ, что онѣ различаютъ тоны. Звукъ флейты и звукъ лѣсного рога дѣйствуютъ на нихъ, какъ на нѣкоторыхъ другихъ животныхъ, страннымъ образомъ. Лань идетъ на такой звукъ, останавливаясь, прислушиваясь и снова нерѣшительно, медленно подвигаясь впередъ. Она какъ будто колеблется и не можетъ рѣшить: угрожаютъ ли ей эти пріятные для нея звуки опасностью или нѣтъ. Временами любопытство—развитое у ланей въ большей степени, чѣмъ у благороднаго оленя — беретъ верхъ надъ другими чувствами, и животное начинаетъ приближаться, но затѣмъ инстинктъ самосохраненія снова преодолѣваетъ, и лань опять останавливается, прислушивается и вдругъ дѣлаетъ быстрый прыжокъ въ сторону и убѣгаетъ.

Въ столицѣ Швейцаріи, въ Бернѣ, на одной изъ окраинъ города, на живописномъ берегу красивой Аары устроенъ небольшой паркъ, въ которомъ живетъ десятка два совершенно ручныхъ ланей. Все это сдѣлано весьма неуклюже, какъ многое въ Бернѣ. Подлѣ деревянныхъ загородокъ, ограждающихъ паркъ, на косогорѣ пролегаетъ дорога. Подойти близко къ парку мѣшаетъ канавка, и, несмотря на это неудобство, я часто встрѣчалъ здѣсь любопытныхъ, въ особенности дѣтей, любующихся на этихъ ручныхъ «дамскихъ оленей». Какъ только вы подходите къ рѣшеткѣ изъ крестообразно расположенныхъ драницъ, тотчасъ же лани подходятъ къ вамъ одна за другой. Онѣ протягиваютъ къ вамъ свои приплюснутыя сверху мордочки съ широкими раздувающими ноздрями, онѣ смотрятъ вопросительно на васъ своими большими, черными, добрыми глазами, и если бы не было раздѣляющей перегородки, то онѣ точно такъ же, съ такой же довѣрчивой лаской толпились бы около васъ и лизали бы ваши руки.

Если сравнить теперь способность прирученія у всѣхъ

оленей, то меньше всѣхъ найдешь ее у настоящаго оленя. За нимъ, больше, чѣмъ за другими оленями, охотился человѣкъ. Притомъ этотъ олень привыкъ удаляться въ лѣса, на вершины горъ. Онъ привыкъ разсчитывать на силу своихъ роговъ или на быстроту своихъ ногъ. Онъ независимъ и гордъ своей свободой. Лось — этотъ лѣсной анахоретъ—точно также привыкъ прятаться отъ человѣка и жить въ глуши. Сѣверный олень сравнительно меньше напуганъ человѣкомъ, но необозримыя снѣжныя равнины сѣвера постоянно тянутъ его на свободу и ширь пространства. И вотъ, можетъ быть, почему въ неволѣ даже одомашненный сѣверный олень сохраняетъ свою дикость и самки его только насильно даютъ молоко, когда ихъ доятъ. Лань является въ этомъ отношеніи счастливымъ исключеніемъ. Менѣе защищенная, чѣмъ другіе олени, не сознавая ни силы своихъ роговъ, ни быстроты своихъ ногъ, менѣе развитая физически, наконецъ болѣе чуткая и отзывчивая даже на музыкальные тоны, она какъ бы ближе подходитъ къ человѣку и скоро свыкается съ нимъ и ручнѣетъ. Но самымъ ручнымъ изъ всѣхъ оленей безспорно является—*косуля*.

Полуденный отдыхъ семьи ланей въ лѣсу.

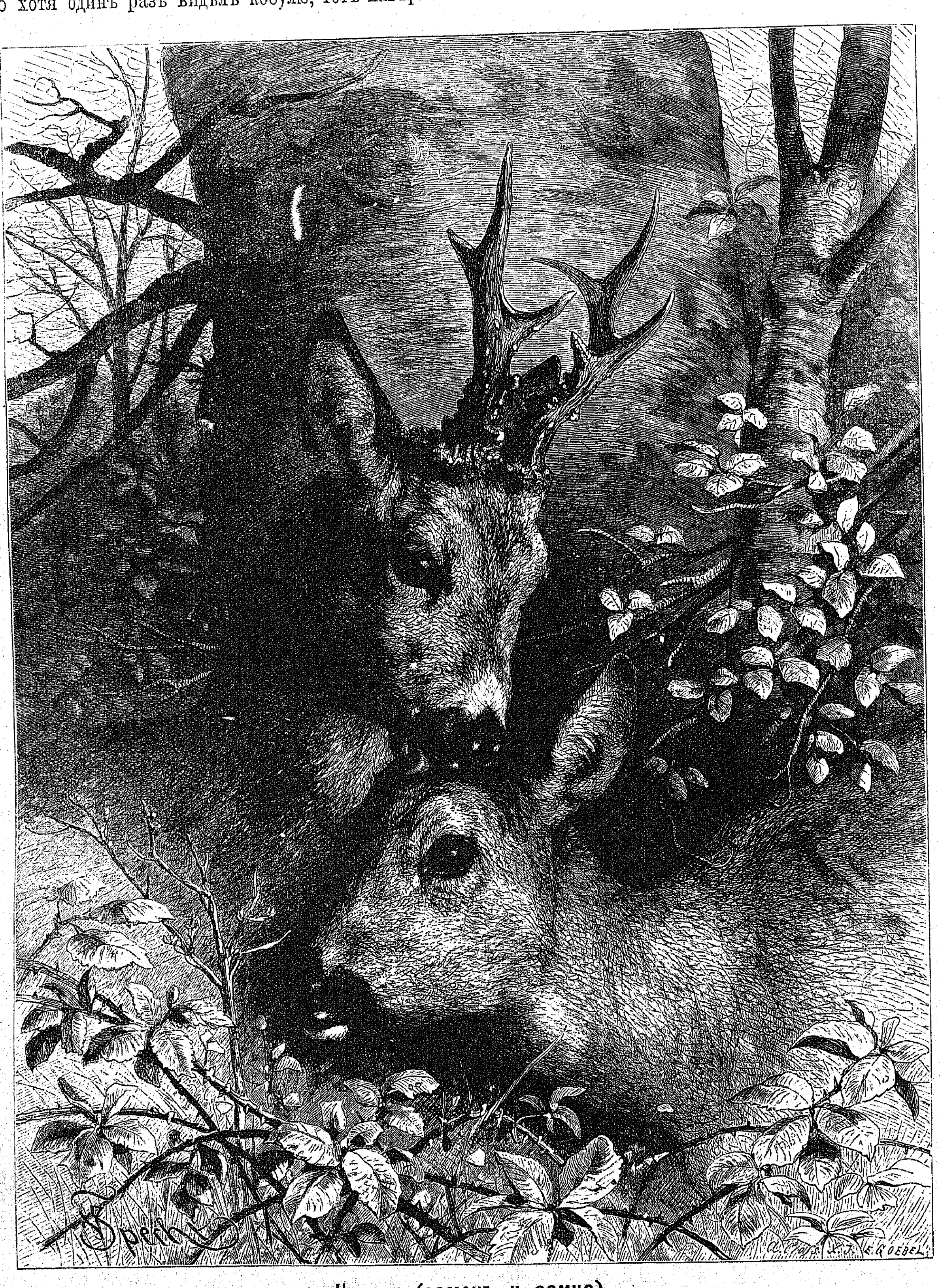

Осторожныя.

5. Косуля или дикая коза.

Это самый маленькій и вмѣстѣ съ тѣмъ самый безобидный и граціозный олень изъ всѣхъ нашихъ оленей. Тотъ, кто хотя одинъ разъ видѣлъ косулю, тотъ навѣрно никогда не забудетъ этого ласковаго и рѣзваго животнаго.

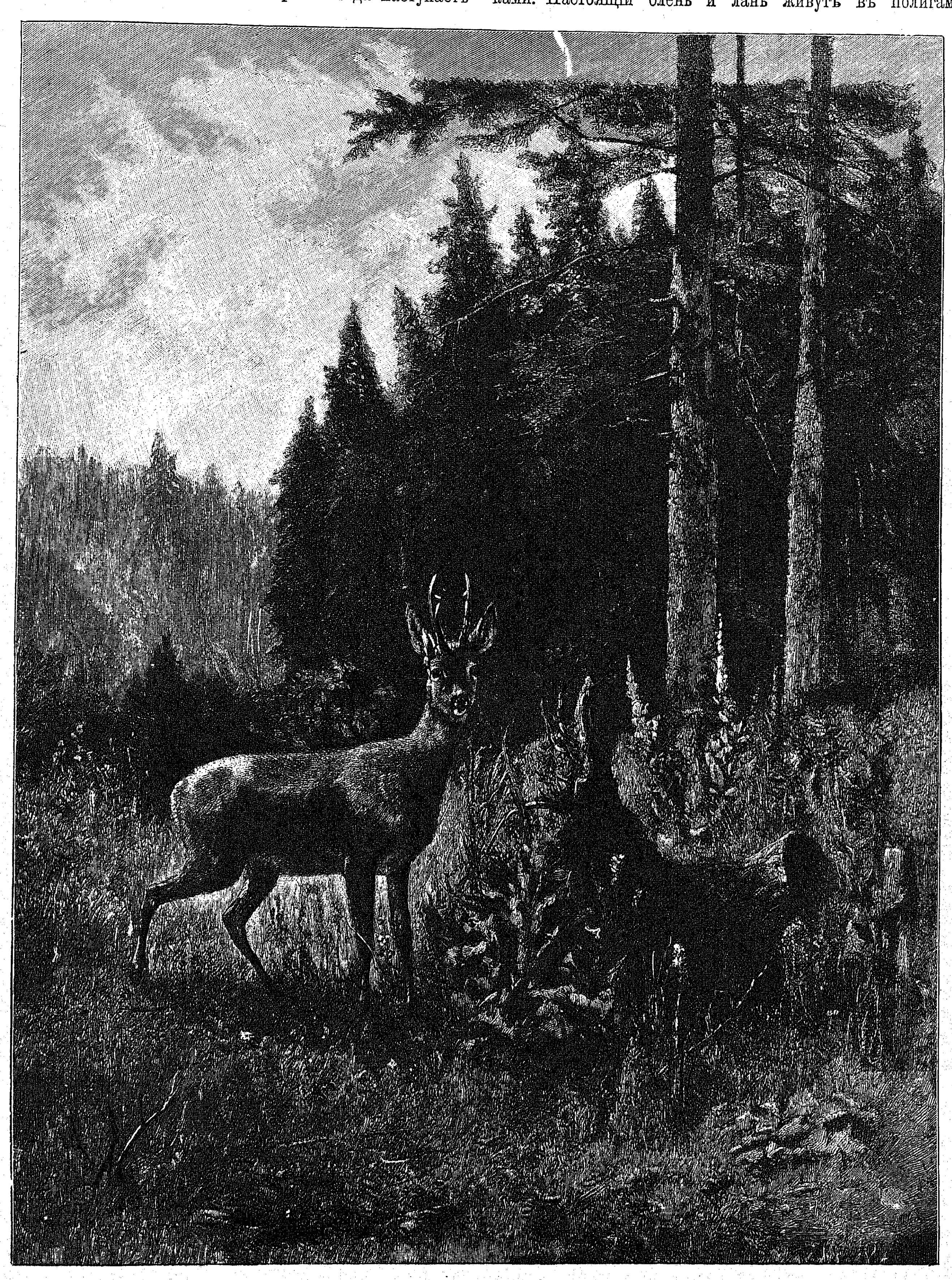
Простой народъ, почти во всѣхъ странахъ, гдѣ живетъ косуля, зоветъ ее «дикой козой», но съ козами она не имѣетъ ничего общаго. Ея фигура представляетъ въ миніатюрѣ фигуру настоящаго оленя, только тѣло косули немного короче, головка меньше, ноги тоньше, а главное рога, которые бываютъ только у самцовъ, никогда не достигаютъ такого роскошнаго развитія, какъ у другихъ оленей. Эти рога не только малы, но и меньше развѣтвлены, чѣмъ у всѣхъ оленей. На второмъ году главный стержень развѣтвляется вилообразно, и одна, задняя, изъ главныхъ вѣтвей отгибается назадъ и снова развѣтвляется. Такимъ образомъ получается шесть концовъ, и только въ рѣдкихъ, очень рѣдкихъ случаяхъ число ихъ доходитъ до 8 и даже до 10.

Косули (самецъ и самка).

Этими рогами косули-самцы такъ же жестоко дерутся, какъ и настоящіе олени. Но отношеніе ихъ къ самкамъ совершенно другое. Самецъ никогда не бросаетъ самки.

Онъ съ нѣжностью и очевидной любовью ходитъ за ней и никогда не покидаетъ ея. Напротивъ, она уходитъ отъ него въ лѣсную чащу, въ то время когда наступаетъ своей прежней самкѣ, не бросая впрочемъ и новую, и такимъ образомъ продолжаетъ жить съ двумя самками. Настоящій олень и лань живутъ въ полигаміи

Косуля.

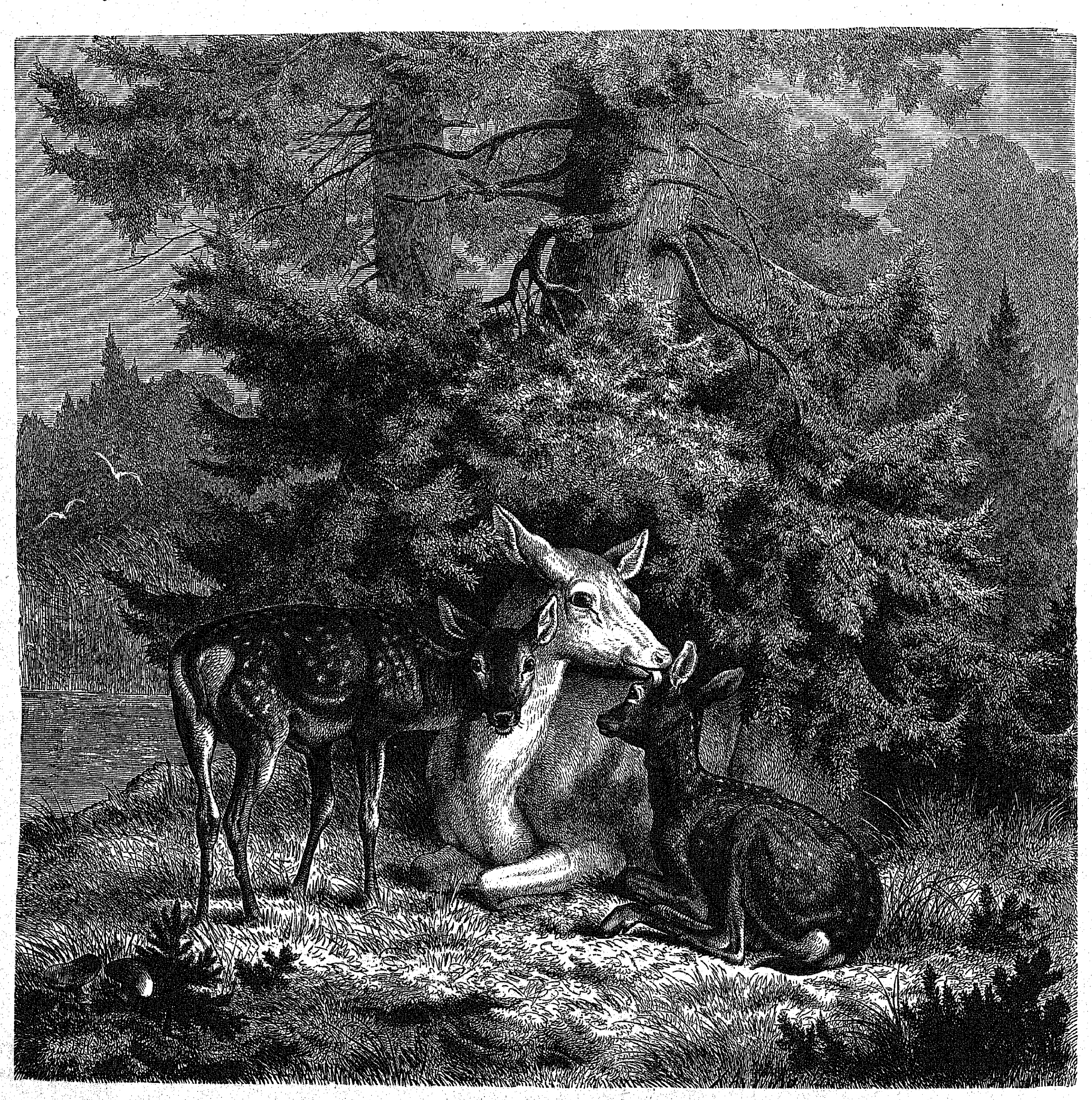
пора явиться на свѣтъ ея маленькому. Въ это время нерѣдко къ брошенному, одинокому самцу пристаютъ другія молодыя самки. Но онъ всегда возвращается къ со многими самками, и только одни самцы косуль сохраняютъ на всю жизнь вѣрность одной или двумъ самкамъ.

Въ дикомъ состояніи косули робки и пугливы, но онѣ

скоро ручнѣютъ, и молодыя такъ сильно привыкаютъ и привязываются къ человѣку, что слѣдуютъ за нимъ всюду, какъ комнатныя собачки. Одинъ нѣмецкій зоологъ разсказываетъ о ручной косулѣ-самкѣ, которая жила въ комнатахъ, забиралась для спанья на диванъ и постоянно ходила гулять съ хозяевами. Порой случалось, что дикій самецъ, во время этихъ прогулокъ, увлекалъ ее, но достаточно было хозяину крикнуть ее, какъ она бросала самца и прибѣгала на зовъ. Какой-то господинъ въ одну изъ такихъ прогулокъ нечаянно или нарочно застрѣлилъ ее. Такъ печально почти всегда кончается жизнь тѣхъ животныхъ, которыя привязываются къ человѣку и становятся его домашними друзьямя. Невольно вспоминаешь при этомъ стихъ нашего поэта:

«Люди губятъ всё, что любятъ,
«Такъ ведется у людей»...

Я видѣлъ косуль около Карлсбада. Одна или двѣ самки выходили постоянно на поляну, около которой пролегала дорога въ Санъ-Лоренцъ. Лѣтомъ, каждый тихій вечеръ, когда солнце уже сѣло, но не погасла еще вечерняя заря, онѣ выходили изъ ближайшаго лѣса и, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, тихо разгуливали по лугу, щипали траву и смотрѣли на меня такими открытыми, добрыми глазами, какъ будто спрашивая: а можно къ тебѣ подойти ближе или нѣтъ?

Семья ланей.

Почти во всѣхъ животныхъ, а въ особенности въ травоядныхъ, лежитъ врожденная привязанность къ человѣку, какъ давнее наслѣдіе какихъ-то первобытныхъ, миѳическихъ временъ, когда всѣ звѣри были «добро-зело». Если человѣкъ теперь долженъ избѣгать хищниковъ и защищаться отъ нихъ, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ вина здѣсь лежитъ на немъ самомъ, лежитъ въ его хищническихъ склонностяхъ и воспитаніи имъ въ длинномъ ряду поколѣній вражды къ животному.

XIII.

КАБАНЫ И СВИНЬИ.

Кабаны и свиньи.

1. Кабаны и свиньи.

Передъ нами глухой уголокъ вѣкового лѣса, и среди него совершается кровавая драма.

Изъ подъ корней столѣтняго дуба приподнялся и ощетинился громадный, старый кабанъ—*сѣкачъ* или *одинецъ*. На него нападаютъ нѣсколько волковъ. Они разбудили, подняли его. Одинъ уже успѣлъ хватить его острыми, волчьими зубами, но тотчасъ же отлетѣлъ на нѣсколько шаговъ съ прорваннымъ брюхомъ. А вдали, заслышавъ вой и шумъ драки, учуявъ добычу, бѣгутъ, летятъ еще волки на подмогу своимъ собратьямъ (рис. на стр. 655—656).

Это картина изъ лѣсовъ Западной Европы. Здѣсь вѣковые, искривленные дубы составляютъ главную часть зимняго пейзажа. Но подобныя же картины встрѣчаются и у насъ, на Кавказѣ. Вотъ какъ описываетъ кавказскую природу нашъ покойный профессоръ М. Н. Богдановъ: «Лиственные лѣса Кавказа по богатству и силѣ растительности, особенно на Черноморскомъ берегу, напоминаютъ тропическій лѣсъ, но вмѣсто ліанъ здѣсь растутъ плющи, знаменитое «*держи - дерево*», вьющееся по деревьямъ, перекидывающееся съ одного на другое и такъ же густо заплетающее промежутки, что образуются буквально непроходимыя чащи. Въ довершеніе всего держидерево снабжено по вѣтвямъ длинными, острыми колючками. Дикая лоза винограда, иногда въ ногу толщиной, душитъ тысячелѣтніе дубы. Каштановыя рощи перемежаются съ букомъ и чинарами, масса дикихъ яблонь, грушъ, дикихъ сливъ (лыча) и другихъ фруктовыхъ деревьевъ разсѣяна по этимъ лѣсамъ. Вотъ гдѣ рай кабана и его недруга медвѣдя, если бы не снѣга, выпадающіе въ горахъ и заставляющіе его нерѣдко переселяться внизъ, въ низменныя, прирѣчныя долины».

Въ лѣсной чащѣ кабанъ живетъ такъ же свободно, какъ и въ низменныхъ, камышевыхъ, топкихъ и грязныхъ прибрежьяхъ рѣкъ. Его тѣло устроено такъ, что онъ можетъ свободно двигаться въ лѣсной чащѣ и въ низахъ, заросшихъ тростникомъ. Оно сжато, сплюснуто съ боковъ и выдается почти горбомъ на спинѣ. Оно напоминаетъ формой рыбу — какого-нибудь карася или леща. Спереди оно оканчивается довольно большой, почти неподвижной головой безъ всякихъ признаковъ шеи, а голова оканчивается, какъ у свиньи, тупымъ, крѣпкимъ рыломъ, конецъ котораго, такъ называемый «пятачокъ», снабженъ хрящеватымъ кружкомъ. Съ помощью этого рыла и кабанъ, и свинья легко разрываютъ землю, вырываютъ растенія, кусты и небольшія деревья.

Припомните стихъ изъ басни дѣдушки-Крылова:

«А, кажется, ужъ не жалѣя рыла,
Я тамъ изрыла
Весь задній дворъ»...

Съ помощью этого крѣпкаго рыла кабанъ легко раздвигаетъ сучья и вѣтки лѣсной чащи. Онъ стремглавъ бросается въ нее, и кусты и деревья, точно по волшебству, послушно разступаются передъ нимъ. Онъ пролѣзаетъ, проскальзываетъ между двумя довольно толстыми деревьями; онъ преспокойно своимъ крѣпкимъ тѣломъ быстро раздвинетъ ихъ и побѣжитъ дальше.

Неуклюжій и неповоротливый во всѣхъ своихъ движеніяхъ, онъ тѣмъ не менѣе бѣжитъ очень быстро и точно также быстро плаваетъ въ водѣ. Обильное отложеніе подкожнаго жира, вѣроятно, придаетъ извѣстную легкость его массивному, топорному тѣлу.

Кабанъ — животное охотничье по преимуществу. Его голова всегда украшаетъ разныя охотничьи принадлежности и почти сдѣлалась эмблемой охоты.

Давнымъ-давно, чуть ли не съ первыхъ вѣковъ жизни Европы, жители ея охотились на кабана. Тогда животному жилось привольно въ сплошныхъ, дремучихъ лѣсахъ. Огнестрѣльнаго оружія еще не существовало. Охотники вооружались пиками, бердышами, мечами и кинжалами. Но главное вооруженіе, или, правильнѣе, пособіе охоты, состояло изъ собакъ. Своры громадныхъ договъ, очень сильныхъ и кровожадныхъ, выпускались на кабана. Картины такихъ охотъ, талантливо написанныхъ, оставили намъ Рубенсъ и Снейдерсъ. Впрочемъ, первый изображалъ на этихъ картинахъ людей, а второй писалъ однихъ животныхъ.

Прошли вѣка; явились аркебузы и ружья, явились коническія пули и штуцера. Кабановъ стало меньше. Ихъ почти истребили въ Европѣ, и только въ Азіи и прилегающихъ къ ней частяхъ остались эти дикія свиньи. Понятно, онѣ стали осторожнѣе и пугливѣе. Всякій шумъ, малѣйшій шорохъ, и онѣ бѣгутъ безъ оглядки. На прилагаемомъ рисункѣ (стр. 661—662) косуля испугала цѣлое маленькое стадо кабановъ. Она выглянула изъ лѣсу и остановилась, а двѣ свиньи, закричавъ благимъ матомъ, бросились а утекъ! Кабанъ многозначительно хрюкаетъ и какъ-будто останавливаетъ бѣглецовъ.

Все населеніе земли распадается на двѣ неравныхъ половины относительно своихъ взглядовъ на кабановъ и свинью. Одна часть безъ всякаго опасенія воспитываетъ свиней и лакомится ихъ вкуснымъ, жирнымъ мясомъ. Другая отворачивается отъ этого мяса, считая его запрещеннымъ высшимъ религіознымъ закономъ. Моисей весьма благоразумно запретилъ употребленіе свиного мяса, и благодаря этому древніе израильтяне и современные евреи избѣжали можетъ-быть нѣкоторыхъ болѣзней и сильныхъ вспышекъ страстей въ тепломъ, раздражающемъ климатѣ.

Тоже самое случилось и съ мусульманами. Магометъ въ этомъ случаѣ можетъ-быть невольно подражалъ Моисею и запретилъ употребленіе свиного мяса въ пищу на томъ же гигіеническомъ, или лучше профилактическомъ основаніи. Но, вдумываясь въ причины, заставившія Моисея и Магомета наложить запретъ на мясо свиньи, невольно приходишь къ заключенію, что эти причины не были просто опасеніемъ за благоденствіе израильтянъ и мусульманъ. Здѣсь скрывалось нѣчто болѣе таинственное, мистическое.

Свинья у восточныхъ народовъ считается «нечистымъ» животнымъ въ буквальномъ и переносномъ значеніи этого слова. Свинья, въ особенности черная, есть непре-

мѣнный членъ всѣхъ дьявольскихъ собраній, всѣхъ шабашей, она вѣрная прислужница дьявола, колдуновъ и колдуній. Къ ней евреи и мусульмане чувствуютъ непреодолимое, издавна воспитанное, отвращеніе.

Она считается нечистымъ животнымъ и у малороссовъ, хотя нигдѣ не потребляется такъ много свиного сала и кабаньяго жира, какъ у хохловъ. Тамъ она другъ дома и всегдашній членъ демоническихъ легендъ и преданій. Припомните «Сорочинскую ярмарку» Гоголя и въ особенности эфектную заключительную сцену седьмой главы: «окно брякнуло съ шумомъ, стекла, звеня, вылетѣли вонъ, и страшная свиная рожа выставилась, поводя очами, какъ будто спрашивая: а что вы тутъ дѣлаете, добрые люди?!»

Въ буквальномъ смыслѣ свинья дѣйствительно нечистое, неопрятное животное. Это каждому извѣстно. Свинья и грязь — почти синонимы. Любимое мѣсто свиньи — это грязная, топкая лужа. Въ ней свинья блаженствуетъ, лежа на солнечномъ припекѣ и подставляя солнцу то спину, то тотъ, то другой бокъ.

Натуралисты до сихъ поръ не могутъ разрѣшить, почему свинья чувствуетъ непреодолимую склонность къ грязи; почему она счастлива и довольна только тогда, когда эта грязь налипнетъ къ ея щетинистому тѣлу со всѣхъ сторонъ, и она тихо идетъ, самодовольно похрюкивая и покачиваясь съ боку на бокъ. Эта грязная черта нечистоплотнаго животнаго проходитъ, какъ мы увидимъ ниже, красной нитью по всей большой группѣ разнообразныхъ животныхъ, къ которымъ принадлежатъ и свиньи, къ группѣ такъ называемыхъ «толстокожихъ» или «твердокожихъ животныхъ». За неимѣніемъ истиннаго, вѣрнаго объясненія, можно предложить здѣсь нѣсколько догадокъ. Грязь можетъ служить защищающимъ покровомъ, она дѣлаетъ тѣло свиньи не такъ замѣтнымъ для глаза, окрашивая его одинаковымъ цвѣтомъ съ окружающей его землей; или эта грязь служитъ отталкивающимъ средствомъ для тигровъ и пантеръ, очень брезгливыхъ кошекъ, которыя охотно нападутъ на всякое другое животное и оставятъ въ покоѣ свинью; или грязь, какъ сырая, влажная земля, способствуетъ всасыванію тѣла свиньи и поддерживаетъ на ея кожѣ пріятное ощущеніе сырой, прохладной влажности во время жаркаго лѣтняго дня. Или грязь эта склеиваетъ паразитныхъ насѣкомыхъ, которыя живутъ и размножаются на ней въ несмѣтномъ количествѣ. Или эта грязь задерживаетъ испаренія кожи и способствуетъ отложенію подкожнаго жира, или... но здѣсь широкое поле для всякихъ предположеній.

Волки, поднявшіе кабана.

Ясно только одно, что эта грязь находится въ какой-то очевидной связи съ щетиной. Можетъ быть она способствуетъ ея росту.

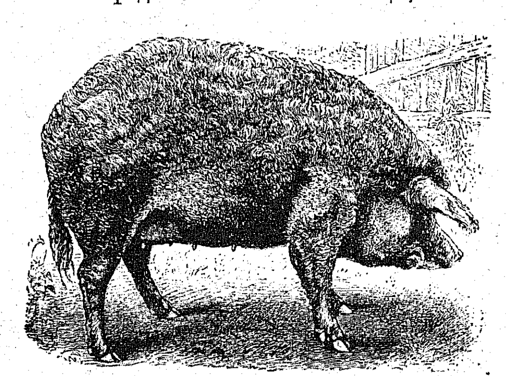
Щетина въ свою очередь находится въ сильной зависимости отъ отложеній жира. Чѣмъ болѣе откладывается подкожнаго жира, тѣмъ меньше вырабатывается

Травля кабана собаками.

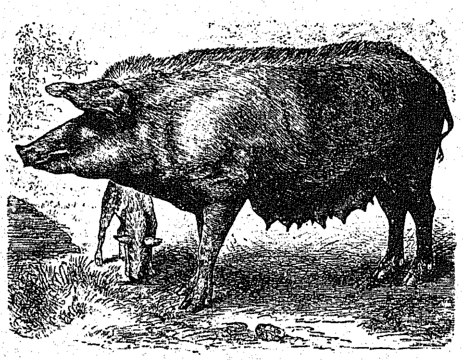
на кожѣ щетины и волоса. Англійскія породы свиней становятся совершенно голыми. Ново-іоркширскія свиньи представляютъ изъ себя кули, набитые жиромъ. Какъ извѣстно, англичане признаются самыми искусными выводителями породъ разныхъ животныхъ. Окорока ново-іоркширскихъ свиней представляютъ всѣ мышцы, обложенныя толстымъ слоемъ жира. Внутри эти мышцы также проникаются жиромъ и даже мышцы сердца превращаются въ жиръ.

Это отложеніе зависитъ отъ многихъ причинъ и прежде всего отъ количества и свойства пищи. Откармливать свинью на убой — значитъ давать ей обильную растительную пищу; нашъ крестьянинъ нерѣдко, за неимѣніемъ другихъ средствъ, откармливаетъ свинью конопляными жмыхами, отъ которыхъ мясо ея получаетъ непріятный вкусъ коноплянаго масла. Второе условіе для ожирѣнія свиньи — это темный хлѣвъ, темное помѣщеніе, въ которомъ она была бы защищена отъ дѣйствія солнечныхъ лучей. Третье условіе — полная неподвижность. Тогда мышцы ея, лишенныя употребленія, при тучной пищѣ необходимо будутъ превращаться въ жиръ.

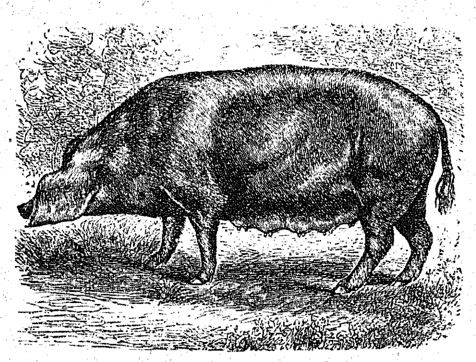

Шалонтайская (курчавая).

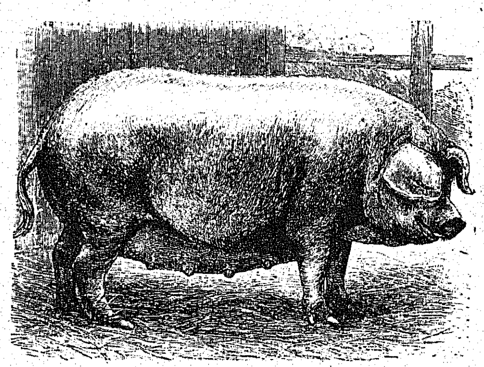
Темвортская.

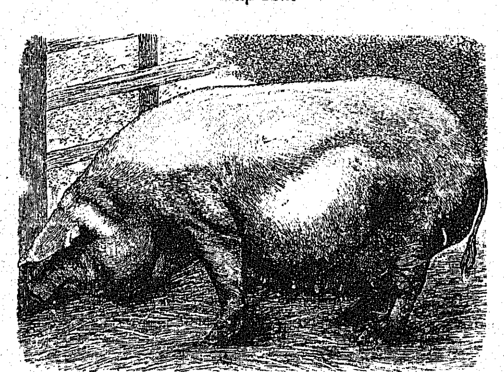
Баварская.

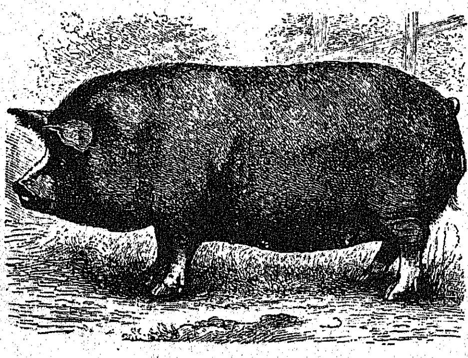
Маршей.

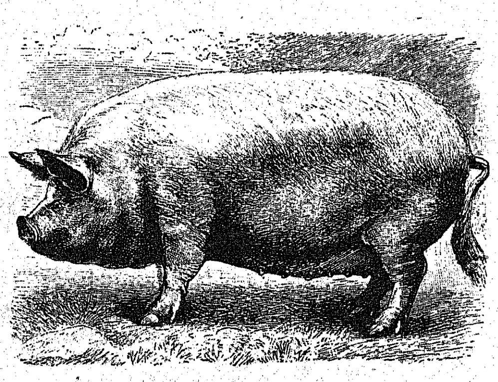
Вестфальская.

Мейсенская.

Беркширская.

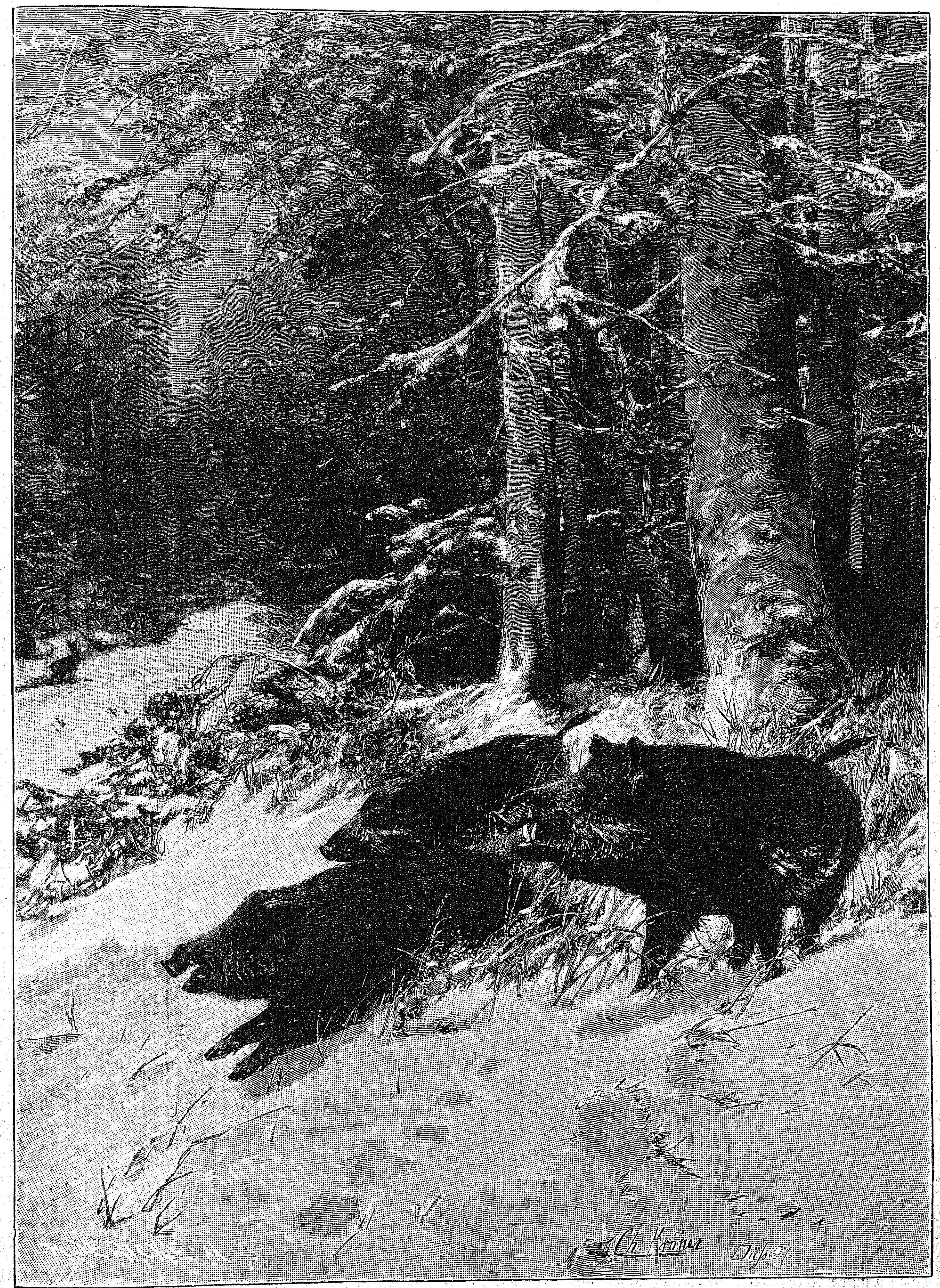
Крупная Іоркширская.

Различныя породы свиней.

Замѣчено, что свиньи, разводимыя въ нагорныхъ мѣстностяхъ, отличаются по своему складу отъ свиней, проводящихъ жизнь въ низменныхъ, болотистыхъ равнинахъ. У первыхъ мы видимъ тѣло на длинныхъ ногахъ. Онѣ мало способны къ ожирѣнію, но зато въ изобиліи обростаютъ щетиной. Наши русскія свиньи также развиваютъ больше щетины, чѣмъ жиру. Впрочемъ, это зависитъ отъ недостатка корму. Русская щетина хорошо идетъ за границу, но это только показываетъ, что у насъ недостатокъ корму для откармливанья нашихъ свиней.

Нѣтъ ничего страннѣе и комичнѣе откормленныхъ свиней англійскихъ породъ. Представьте себѣ толстый валъ или цилиндръ на четырехъ, маленькихъ, коротенькихъ ножкахъ. Впереди къ этому валу приставлено маленькое, немного вздернутое кверху рыльце и маленькія, остренькія ушки, а сзади это цилиндрическое тѣло оканчивается небольшимъ, тоненькимъ хвостикомъ, свернутымъ въ колечко. Такія свиньи не могутъ ни бѣгать, ни ходить. Онѣ большею частью лежатъ и тихо, жалобно хрюкаютъ. Въ особенности безобразнаго ожирѣнія достигаютъ маленькія свинки изъ породы такъ называемыхъ «карликовъ».

Свинья съѣдаетъ все, что ей попадается на зубы. Она постоянно рыщетъ, опустивъ голову къ землѣ, обнюхиваетъ и ищетъ своимъ пятачкомъ чего-нибудь съѣстного. Всякіе отбросы, не исключая кусковъ кожи, старыхъ разбухшихъ башмаковъ, подошвъ, все служитъ ей въ пищу, все поступаетъ въ ея объемистый, крѣпкій желудокъ. Если попадется ей мышь или крыса, она и ее съѣдаетъ. Были не разъ

Кабаны, испуганные косулей.

случаи, что свиньи объѣдали ножки у грудныхъ дѣтей, которыя были оставлены безъ присмотра.

Можно поэтому назвать свинью животнымъ всеяднымъ, но по свойству своей организаціи, по своей прожорливости, она должна питаться преимущественно веществами растительными, такъ какъ растенія гораздо болѣе распространены, чѣмъ животныя. Ихъ можно почти вездѣ встрѣтить, только свинья не ѣстъ ихъ безъ разбора. Она не ѣстъ травы, злаковъ, и только зерна нашихъ хлѣбныхъ растеній соблазняютъ ее. Зато она съ жадностью нападаетъ на корнеплодныя растенія, брюкву, рѣпу, свеклу и морковь. Это настоящая опустошительница нашихъ огородовъ. И заботливый, осмотрительный хозяинъ надѣваетъ ей на шею рогульку, чтобы она не могла портить изгороди или перелѣзть въ огородъ и изрыть его гряды. Но для нѣкоторыхъ свиней такая рогулька не служитъ препятствіемъ. Онѣ-все таки разламываютъ изгороди и залѣзаютъ въ огороды. Такимъ свиньямъ протыкаютъ перегородку ноздрей и втыкаютъ въ нее небольшое лезвее, которое при всякомъ съ ихъ стороны покушеніи напоминаетъ имъ о границахъ чужой собственности.

Кожа отощавшей свиньи имѣетъ свойство морщиться и складываться въ крупныя складки, но эти складки обыкновенно незамѣтны, такъ какъ быстро наполняются жиромъ и выглаживаются.

Свинья представляетъ животное грубое, нечистоплотное, дикое въ своихъ привычкахъ и поступкахъ. Ея смыслъ весьма ограниченъ, и понятливость не велика, хотя эту понятливость можно развить воспитаніемъ. Но такое развитіе идетъ весьма недалеко.

Достаточно взглянуть на морду свиньи, чтобы рѣшить, что въ ея организаціи отведено мало мѣста для мозгу, и преобладающая часть принадлежитъ челюстямъ. Да иначе оно и не можетъ быть у животнаго, которое цѣлый день ищетъ и думаетъ только объ одной ѣдѣ. Всѣ удовольствія, всѣ наслажденія ея жизни заключены въ ѣдѣ. Для этой жизни дикая свинья избираетъ такія мѣста, въ которыхъ для нея всегда готовый кормъ. Въ болотистыхъ, низменныхъ мѣстахъ корни болотныхъ растеній, чилимъ (болотный орѣхъ), молодые корни и побѣги разныхъ болотныхъ растеній. Въ горахъ, на возвышенныхъ мѣстахъ къ ея услугамъ дикія яблони, груши, сливы и прочія плодовыя деревья и кустарники. Наконецъ, свинья можетъ поѣдать и насѣкомыхъ. Мѣстами на Кавказѣ можно встрѣтить на поляхъ небольшія кучки взрытой земли. Это свиньи взрывали землю, чтобы добыть личинокъ и куколокъ жуковъ.

Ѣсть и спать, спать и ѣсть — вотъ идеалъ свиной жизни. Во время юности дикой свиньи, когда она была молодымъ поросенкомъ, сосункомъ, ее занималъ окружающій ее міръ. Юная кровь играла. Она прыгала, скакала, гонялась за своими сверстниками, братьями и сестрами. Но съ возрастомъ всѣ ея желанія и стремленія сводились къ одному вожделѣнію: ѣсть и спать. Она успокаивалась мало-по-малу, дѣлалась болѣе степенною, и ея голова болѣе и болѣе наклонялась къ землѣ, а все тѣло ея становилось болѣе и болѣе неподвижнымъ, приготовлялось къ ожирѣнію, для котораго первое и главное условіе—отсутствіе подвижности и мышечной работы.

Понятливость и смышленость свиньи можетъ быть подвинута впередъ, если надъ этимъ трудиться долго и усердно.

Какъ всякое дикое животное, свинья имѣетъ очень слабо развитые центры, задерживающіе рефлексы. Всякое патетическое движеніе вызываетъ въ ней тотъ или другой рефлексъ.

Притомъ къ этому развитію способны только молодыя животныя. Брэмъ передаетъ разсказъ одного нѣмецкаго лѣсника, у котораго жила воспитанная имъ маленькая свинка, изъ породы китайскихъ свиней. Она бѣгала за нимъ, какъ собачонка, всходила за нимъ по лѣстницѣ и отзывалась на его зовъ. Ее пріучили искать сморчки и она искала ихъ съ полнымъ усердіемъ. Когда говорили ей: «ложись!», она ложилась, или «вставай!»—и она вставала на заднія ноги, но держалась на нихъ недолго и весьма плохо.

Когда Людовикъ XI былъ отчаянно боленъ, то его забавляли пляской поросятъ. Какой-то фокусникъ одѣлъ нѣсколькихъ поросятъ въ придворные кафтаны и пріучилъ ихъ вставать, прыгать и плясать на заднихъ ногахъ подъ звуки волынки, что очень забавляло больного короля.

Столичная и провинціальная публика, посѣщавшая циркъ, вѣроятно помнитъ тѣ штуки, которыя заставлялъ продѣлывать свиней и поросятъ клоунъ г. Дуровъ.

Въ Лондонѣ одинъ фокусникъ показывалъ выдрессированную свинью, которая умѣла отличать буквы двухъ алфавитовъ. Эти буквы раскладывались передъ ней на полу. Кто-нибудь изъ публики задавалъ какое-нибудь слово. Хозяинъ передавалъ (особеннымъ образомъ) это слово ученой свиньѣ, и она складывала его, выбирая поочередно буквы изъ разложеннаго передъ ней алфавита. Эта свинья указывала также, который былъ часъ. Вѣроятно ее выучили по той же системѣ, по которой теперь выучиваютъ тѣмъ же фокусамъ и молодыхъ собакъ.

Все это доказываетъ, что умъ свиньи, по крайней мѣрѣ, въ молодомъ возрастѣ, способенъ къ развитію. Но это развитіе всегда крайне односторонне и непрочно. Свинья такъ же быстро забываетъ то, къ чему ее пріучаютъ, какъ и запоминаетъ дрессировку.

Въ Англіи одна свинья обладала столь сильно развитымъ чутьемъ, что ее можно было выдрессировать, какъ охотничью собаку. Ее звали *Слюдъ* (Slud). Она чуяла птицу за 20 метровъ, дѣлала стойку, и когда птица улетала, она начинала рыть то мѣсто, гдѣ птица сидѣла. Она страстно любила охоту, и, какъ только завидитъ, что кто-нибудь идетъ съ ружьемъ, она тотчасъ же отправлялась вмѣстѣ съ нимъ.

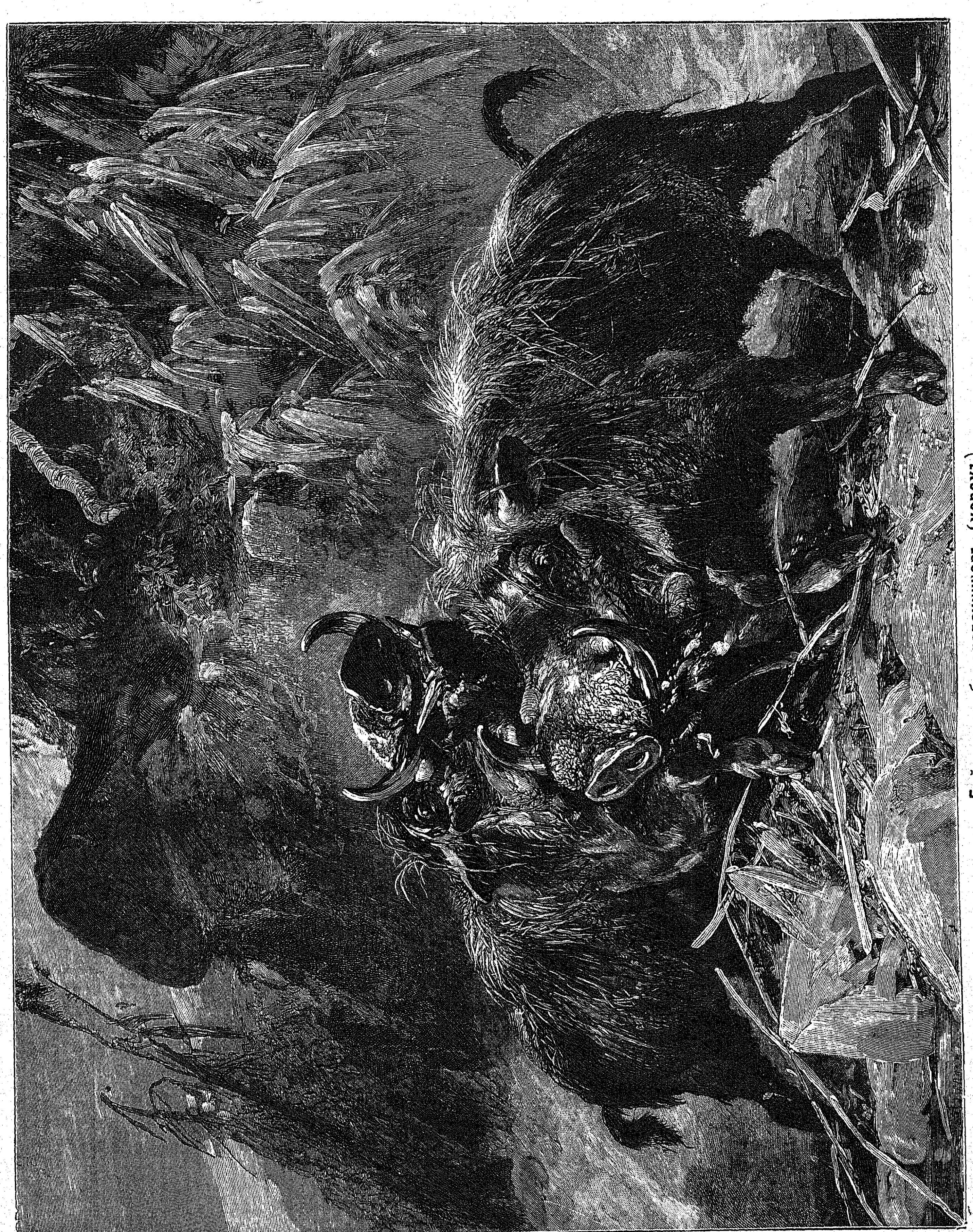
Въ природномъ состояніи свиньи рѣдко выказываютъ такую понятливость или догадливость.

Ромэнъ приводитъ слѣдующій случай, доказывающій сообразительность и догадливость свиньи. «15 ноября 1879 года нѣкто г. Гардингъ видѣлъ молодую свинью, приблизительно одиннадцати мѣсяцевъ, которая, забравшись въ садъ, толкала яблоню, усѣянную яблоками, и, насторожившись уши, прислушивалась, падаютъ ли яблоки или нѣтъ. Подобравъ упавшія яблоки, она еще нѣсколько разъ встряхнула дерево и, убѣдившись, что ни одно яблоко больше не спадетъ, тихо похрюкивая, ушла во свояси».

Я привожу еще разсказъ, который, если справедливъ, доказываетъ способность свиней соглашаться и дѣйствовать скопомъ при грабежѣ. Нѣкто М. В. разсказываетъ, что онъ посѣтилъ одно изъ мѣстечекъ въ нашемъ сѣверо-западномъ краѣ. На базарной площади всегда можно было видѣть днемъ торговокъ-евреекъ, которыя продавали здѣсь булки, бублики, яблоки, груши. Все это раскладывалось на доскахъ, которыя клались на маленькія подпорки, козлы или просто на опрокинутые боченки. Свиньи всегда бродили около, вблизи и караулили, и какъ только еврейки начинали спорить и бормотать, то какая-нибудь свинья подлѣзала подъ доску и быстро ее опрокидывала; булки, баранки, яблоки, все летѣло на землю. Поднимался шумъ, гвалтъ, а свиньи накидывались на разсыпанный товаръ, моментально подхватывали его и скорѣй улепетывали прочь. Когда же евреекъ спросили, часто ли свиньи продѣлываютъ такія штуки, то онѣ закричали: «ай, вей! Аюсь, хазеръ! Ой! чтобъ ихъ чортъ побралъ! Это такіе разумные воры, такіе разумные!» И тутъ же разсказали, что свиньи «сговариваются» заранѣе и наблюдаютъ очередь: какую доску или лотокъ и у какой торговки опрокинуть.

Таковы общественныя, или правильнѣе, стадныя отно-

шенія свиней къ человѣку. Въ одомашненномъ состояніи, когда свиньи принуждены пастись стадами, онѣ охотно держатся и собираются въ стада. Но дикія свиньи или кабаны очень рѣдко, въ исключительныхъ случаяхъ, собираются, и то въ небольшія стада. Такъ, дикія свиньи держатся небольшими обществами и строятъ одно общее гнѣздо, гдѣ воспитываютъ вмѣстѣ своихъ поросятъ. Бывали даже такіе случаи, въ которыхъ одна свинья заступала мѣсто матери и вскармливала поросятъ, оставшихся послѣ дѣйствительной ихъ матери.

Бой двухъ бородавочниковъ (хорохъ).

Но такіе случаи—не болѣе, какъ исключенія.

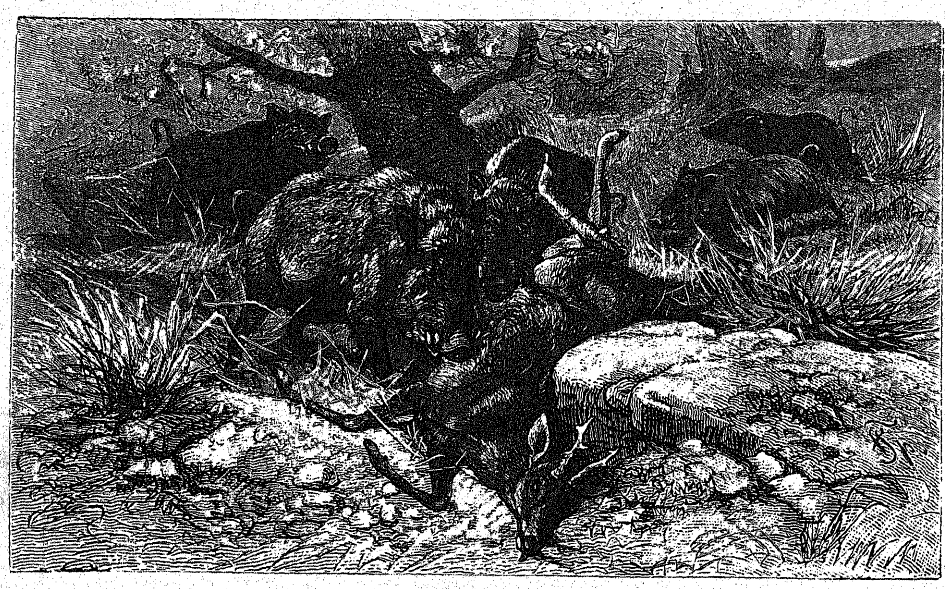
Вообще въ дикой свиньѣ и въ домашней рѣдко замѣчается привязанность къ собратьямъ, а у кабана въ извѣстномъ возрастѣ является даже ненависть или соперничество, и нерѣдко два кабана вступаютъ въ жестокій поединокъ и, молча, съ озлобленіемъ, дерутся до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не упадетъ мертвымъ.

Какъ бы въ противоположность этой ненависти является сильная привязанность свиньи къ ея поросятамъ, которыхъ она храбро и съ полнымъ самозабвеніемъ защищаетъ отъ нападеній разныхъ хищниковъ, въ томъ числѣ и человѣка.

Трудно согласовать эту привязанность съ тѣмъ фактомъ, что свиньи нерѣдко поѣдаютъ своихъ собственныхъ поросятъ. Конечно, это дѣлается инстинктивно и только въ тѣхъ случаяхъ, когда свинья видитъ или чувствуетъ, что она не можетъ выкормить всего выводка. Тогда она пожираетъ часть его, оставляя, какъ бы на племя, нѣкоторыхъ поросятъ. Къ сожалѣнію, не было сдѣлано никакихъ опытовъ для разъясненія этого страннаго явленія. Можетъ-быть оно принадлежитъ къ естественному подбору болѣе способныхъ и лучше организованныхъ индивидовъ, а можетъ-быть мать здѣсь чувствуетъ свое безсиліе доставить своимъ дѣтямъ лучшій уходъ и лучшую пищу.

Свиная маска.

Стадное чувство въ кабанахъ проявляется только во время опасности или нападенія на нихъ собакъ и человѣка. Тогда старые кабаны становятся задомъ къ стаду, а рыломъ къ врагу и выставляютъ свои страшные, острые клыки. Эти клыки крайне опасны для кабаньихъ враговъ. Они граненые и очень острые.

Цѣнная находка.

Такіе клыки въ особенности опасны у кабановъ въ извѣстномъ возрастѣ. Перейдя этотъ возрастъ, они становятся сильно загнутыми, и концы ихъ заворачиваются назадъ. Кабанъ бьетъ такими клыками, или, правильнѣе говоря, мотаетъ головой снизу вверхъ, и если клыкъ сильно загнутъ, то, понятно, онъ не можетъ наносить не только опасной, но никакой раны.

Разсвирѣпѣвшій, сильный, большой кабанъ «сѣкачъ» можетъ испугать даже не робкаго охотника. Представьте себѣ животное, въ $3/4$ аршина въ вышину, съ ощетинившейся гривой, съ сверкающими, налитыми кровью глазами, съ страшной пастью, вооруженной острыми, длинными клыками. Онъ пыхтитъ, точитъ клыкъ о клыкъ. Пѣна валитъ у него изо рта клубами. Еще одинъ мигъ, и онъ бросается впередъ на васъ, на осаждающихъ его собакъ. Уже нѣсколько изъ нихъ испытали остроту его страшныхъ клыковъ. Съ распоротыми животами онѣ валяются на землѣ. Неистовый лай, вой и визгъ составляютъ акомпаниментъ къ этой ужасающей картинѣ...

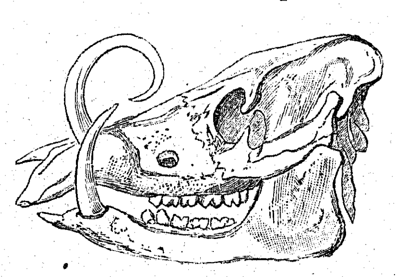
Къ собакамъ кабанъ всегда чувствуетъ какую-то особенную инстинктивную ненависть и отвращеніе. Это отвращеніе распространяется даже на мертвую собаку, на ея трупъ. Извѣстно, что кабаны и свиньи очень любятъ падаль и съ жадностью съѣдаютъ ее, но никогда они не дотронутся до трупа собаки «Въ паркѣ около Кобурга,—разсказываетъ Ленцъ,—нерѣдко выбрасываютъ трупы лошадей, которые съ жадностью быстро поѣдаются свиньями, но трупы выброшенныхъ собакъ всегда остаются нетронутыми». Въ Венгріи многія стада свиней пасутся безъ собакъ, и на каждую собаку свиньи накидываются съ ожесточеніемъ. Однажды одинъ изъ родственниковъ Ленца хотѣлъ избавиться отъ своей собаки, которая ему надоѣла, но убить ее онъ не рѣшался. Тамошній пастухъ предложилъ ему отдать ее на казнь свиньямъ. Пастухъ вывелъ собаку на веревкѣ. Свиньи моментально накинулись на нее и съ яростью начали рвать со всѣхъ сторонъ, громко и сердито хрюкая. Онѣ повалили ее на землю и начали топтать до тѣхъ поръ, пока не превратили ее въ безобразную, кровавую массу. Но при этомъ ни одна свинья не съѣла ни кусочка собачьяго мяса. Прошелъ часъ, и пастухъ снова вернулся со стадомъ къ тому же мѣсту. Свиньи опять накинулись на обезображенный трупъ собаки и начали его топтать, но опять не съѣли изъ него ни кусочка.

Существуетъ нѣсколько видовъ дикихъ свиней и множество породъ, изъ которыхъ въ особенности курьезна

японская свинья. Нѣмцы зовутъ эту породу *«свиная маска»*. Представьте себѣ свиную морду, сморщенную до невозможности, покрытую множествомъ складокъ, какъ-то странно выгнутую, съ ушами длинными и также складчатыми, висящими въ видѣ длинныхъ лоскутовъ.

Складчатость кожи, какъ кажется, общее свойство свиней. Природа здѣсь какъ-будто усиленно налегла на кожу, чтобы выработать у всѣхъ животныхъ этой группы (твердокожихъ) толстый, а у нѣкоторыхъ твердый, крѣпкій покровъ. Кабаны, вывалявъ оба бока въ грязи, трутъ ихъ о деревья, отчего кожа ихъ становится необыкновенно крѣпкой *) и твердой, какъ панцырь или какъ кожа носорога. Замѣчу кстати, что складки кожи у свиней служатъ какъ бы запасными магазинами для отложенія жира.

Въ этомъ случаѣ замѣчательна одна большая свинья, водящаяся въ сырыхъ, влажныхъ мѣстахъ, на островахъ Молукскихъ. Это такъ-называемая *Бабирусса* (Porcus Babyrussa). Представьте себѣ большую свинью на очень высокихъ ногахъ, почти голую, съ разбросанными кое-гдѣ рѣдкими волосами. Вся кожа ея, на всемъ тѣлѣ, представляетъ ровныя складки, вся она сморщена, и въ особенности эти складки или морщины замѣчательны на ея рылѣ. Здѣсь онѣ идутъ правильными кольцами или кольцевыми рядами. Но сильнѣе и прежде всего васъ поразитъ странное устройство клыковъ этого животнаго, въ особенности верхнихъ. Эти клыки простаютъ насквозь верхнюю губу, носовыя кости и выставляются въ видѣ роговъ, довольно длинныхъ, завернутыхъ назадъ. Нижніе клыки точно также загибаются назадъ, но они слабѣе развиты, чѣмъ клыки верхней челюсти. И тѣ и другіе, неизвѣстно, для чего служатъ.

Черепъ бабируссы.

Въ африканскихъ лугахъ водится свинья-чудовище, страшный видъ которой можетъ испугать всякаго даже неробкаго охотника. Представьте себѣ свинью съ громадной головой, сплюснутой сверху, съ маленькимъ лбомъ и громаднымъ раздутымъ рыломъ. Эта голова напоминаетъ какого-нибудь ящера, а не млекопитающее животное. Ея челюсти вооружены громадными, толстыми клыками, которые торчатъ изо рта, искривлены и отогнуты въ сторону и кверху. Для поддержанія такихъ клыковъ необходима сильная, надежная опора, и вотъ почему рыло такой свиньи на концѣ сильно раздуто. Къ довершенію безобразія это рыло несетъ нѣсколько бородавокъ, толстыхъ и длинныхъ, заостренныхъ на концахъ конусовъ, почему животному и дали названіе: *бородавочникъ* (Phacochoerus affricanus). Въ Абиссиніи, гдѣ бородавочникъ попадается довольно часто, его зовутъ «хороха» или лѣсной свиньей. Своими сильными клыками свинья вырываетъ корни болотныхъ и луговыхъ травъ. Еще болѣе увеличивается безобразіе и страшный видъ этой свиньи отъ длинной, жесткой и рѣдкой гривы, которая растетъ на затылкѣ и по длинѣ всей спины,— гривы, способной подниматься кверху, когда животное ощетинится.

Бородавочники живутъ небольшими стадами, вырывая подъ корнями кустовъ неглубокія норы. Гордонъ Кумингъ разсказываетъ, что одинъ разъ онъ отогналъ отъ стада большого, стараго самца и гнался за нимъ около десяти миль. Наконецъ онъ обогналъ его и загородилъ ему дорогу. Бородавочникъ съ минуту смотрѣлъ на него, ощетинившись и пыхтя. Вся его пасть была покрыта пѣной. Затѣмъ онъ рѣзко повернулся въ другую сторону и побѣжалъ, какъ собака, за лошадью Кумминга. Проѣхавъ нѣсколько шаговъ, Куммингъ остановился и началъ слѣзать съ лошади съ намѣреніемъ убить свинью, и вдругъ... она пропала, какъ бы провалилась сквозь землю. Оказалось, что въ этомъ мѣстѣ было много норъ бородавочника, и онъ улизнулъ въ одну изъ нихъ.

Въ южной Африкѣ есть много дикихъ мѣстностей, не посѣщаемыхъ людьми, гдѣ скрывается весьма удобно хороха. Самцы ея такъ же злы и свирѣпы, какъ и самцы кабановъ.

На прилагаемомъ рисункѣ (см. стр. 665—666) представленъ поединокъ двухъ такихъ свирѣпыхъ самцовъ. Скалистый берегъ болотистой рѣчки, на которомъ нагромождены въ хаотическомъ безпорядкѣ камни, обломки прибрежныхъ скалъ, поросшіе болотнымъ растеніемъ въ родѣ нашего камыша. Съ перваго взгляда бросаются прямо въ глаза двѣ страшныя громадныя головы разъяренныхъ борцовъ, и всего сильнѣе выдаются ихъ ужасные громадные искривленные клыки. Не трудно предсказать, что изъ двухъ субъектовъ побѣда останется не за болѣе старымъ, опытнымъ сѣкачемъ, несмотря на то, что его голова лежитъ на головѣ его противника. Торжество побѣды останется за его противникомъ, болѣе молодымъ и крѣпкимъ. Онъ вцѣпился въ горло своего врага и навѣрное прокололъ это горло своимъ острымъ, прямымъ клыкомъ нижней челюсти. Его хвостъ уже опустился, поникъ, его длинная грива на хребтѣ прилегла, опустилась. Очевидно, что рана, которую нанесъ ему его соперникъ-противникъ, если не смертельная, то очень тяжелая рана.

Все рыло бородавочника, очевидно, приспособлено къ рытью земли, къ вырыванію корней и глубокихъ норъ. То, что у нашей свиньи находится только въ зачаткѣ, у бородавочника достигаетъ полнаго развитія и, можетъ быть, даже излишка.

Каждый органъ, вслѣдствіе закона физіологической инерціи, продолжаетъ развиваться, если что-нибудь не задерживаетъ его въ этомъ развитіи. Если у зайца сломается одинъ изъ верхнихъ рѣзцовъ, то соотвѣтствующій ему рѣзецъ въ нижней челюсти растетъ безпрепятственно и далеко выдается изо рта. Подобное же явленіе повторяется въ клыкахъ свиней. Одинъ разъ имъ данъ толчокъ къ развитію, и они развиваются сильнѣе и сильнѣе, если ничто не сдерживаетъ этого развитія. У бабируссы нерѣдко клыки верхней челюсти, загнутые назадъ, дорастаютъ концами до кожи и даже врастаютъ въ нее. У кабановъ-сѣкачей клыки иногда закручиваются кольцами, и тогда, понятно, они становятся ни къ чему негодными, этими клыками звѣрь не можетъ ни защититься, ни наносить раны. Они безвредны, и онъ тогда вполнѣ безоруженъ.

Мнѣ кажется, что слово «рыло» произошло отъ глагола рыть, и всѣ свиньи представляютъ наглядное доказательство этого происхожденія. Ради рытья земли природа пожертвовала здѣсь подвижностью шеи. Ни одна свинья не можетъ поднять кверху рыла, разумѣется, въ буквальномъ смыслѣ. Это прекрасно выражено въ баснѣ Крылова. Когда свинья, рывшая корни дуба, на протестъ его возражаетъ, что ей нужны только жолуди, то дубъ ей резонно отвѣчаетъ:

Когда бы вверхъ могла поднять ты рыло,
Тебѣ бы видно было,
Что жолуди на мнѣ растутъ.

Но въ томъ-то и бѣда, что ни одна свинья не можетъ этого видѣть, такъ какъ голова ея постоянно опущена къ землѣ, и всѣ ея желанія проникнуты одними земными интересами.

---

*) Извѣстный нашъ (уже покойный) зоологъ Ю. И. Симашко предполагаетъ, что, вываливаясь въ грязи, свиньи предохраняютъ свое тѣло отъ массы паразитовъ.

Барсукъ.

Въ заключенiе мы представляемъ описанiе двухъ животныхъ, барсука и выдры, которыя могутъ указать намъ двѣ стороны, положительную и отрицательную, двѣ дороги, по которымъ идетъ психическое развитiе животныхъ.

Тихая, мирная ночь. Луна, полная луна, только что поднимается надъ горизонтомъ. Ни звука, ни шороха. Мирно спятъ поля, спятъ мирныя нивы, спятъ лѣса и горы, и даже шумливый ручеекъ притихъ и сонно, чуть слышно бормочетъ свою привычную пѣсню.

Тихая, мирная ночь.

Не тихiй ли ангелъ неслышно и невидимо летаетъ въ твоемъ дремлющемъ просторѣ, въ нѣжущей теплотѣ твоего чуднаго воздуха, тихая, мирная ночь?..

Но что за шумъ слышится тамъ, въ сторонѣ за дремлющимъ бугромъ? Чьи-то торопливые, легкiе шаги раздаются среди общей тишины, кто-то нарушаетъ этотъ величественный мирный сонъ ночи.

Осторожно, тихо, чтобы не спугнуть какого-нибудь недремлющаго лѣсного жителя, крадучись, ползкомъ подберемся къ мѣсту, гдѣ раздается шумъ. Вы руками раздвигаете высокую траву... и видите: вдали что-то мелькаетъ, то бѣжитъ мелкимъ дробнымъ шагомъ, то остановится и приподнимаетъ свою голову вверхъ.

«Собака»,—думаете вы.

Но что же она дѣлаетъ ночью въ лѣсу? Чего ищетъ и бродитъ, нарушая покой и величiе этой волшебной, царственной ночи.

Но вы вглядываетесь въ этого звѣря, который бѣгаетъ и суетится предъ вами, вы начинаете догадываться, что это не собака.

«Что дѣлать,—думаете вы,—собакѣ ночью, въ лѣсу?»

И вы еще тише, осторожнѣе подвигаетесь къ этому движущемуся предмету...

«Это свинья»,—думаете вы.

Но нѣтъ... Животное не похоже на свинью... Оно черезчуръ длинно для свиньи, и при томъ морда... морда совсѣмъ не свиная. Вдоль этой морды съ обоихъ боковъ черезъ глаза проходятъ двѣ темныя, точно черныя широкiя полосы.

Но вотъ эта полосатая морда—хрюкнула, точь-въ-точь какъ добрая, здоровая свинья, и исчезла, провалилась сквозь землю.

«А,—думаете вы.—Теперь я знаю, кто это... Это ночной отшельникъ—барсукъ. Онъ провалился въ нору—въ одинъ изъ многихъ входовъ въ его главную нору... Это барсукъ».

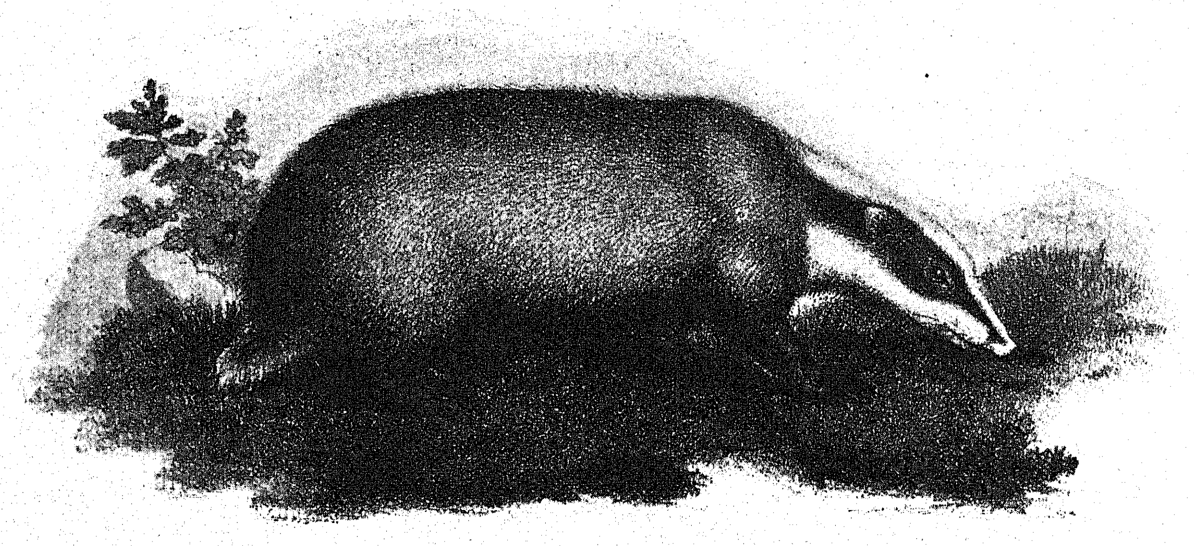
Вы вынимаете потайной электрическiй фонарь и осматриваете съ помощью его свѣта мѣстность.

Нора вырыта возлѣ камня, который загораживаетъ и отчасти закрываетъ широкiй входъ въ нее... Въ эту нору скрывается ночной скиталецъ, если что-нибудь незнакомое и странное испугаетъ его. И теперь, испуганный сильнымъ электрическимъ свѣтомъ вашего фонаря, онъ запрятался, залегъ, и, навѣрно, вы ничѣмъ не выгоните его на свѣтъ Божiй.

Онъ дѣйствительно похожъ на свинью и въ тоже время напоминаетъ собаку, въ особенности въ темнотѣ вечера, когда всѣ кошки становятся сѣрыми, какъ говорятъ французы.

Есть барсуки, которые ближе подходятъ къ свиньѣ, и есть между ними индивиды, напоминающiе свинью, потому несутъ названiе «свиныхъ барсуковъ». Другiе напоминаютъ собаку, и потому ихъ окрестили именемъ «собачьихъ барсуковъ»... Но ни одинъ натуралистъ не укажетъ вамъ такихъ между этими двумя барсуками, по которымъ можно бы было принять ихъ за два самостоятельныхъ вида.

Для натуралиста барсукъ подходитъ всего ближе къ медвѣдямъ, къ такъ называемымъ «стопоходящимъ»—по его наружной и внутренней организацiи: это несомнѣнный медвѣдь; но медвѣдь съ особымъ складомъ ума, характера и его индивидуальныхъ привычекъ.

Барсукъ.

Прежде всего, это ночное животное, избѣгающее дневного и всякаго свѣта. Днемъ онъ залѣзаетъ въ свою нору и спитъ, почти не просыпаясь весь день. Ночью онъ выходитъ на охоту или ловитву. Тихiй, молчаливый и трусливый, боящiйся всякаго свѣта и собственной тѣни, убѣгающiй всякаго шума и драки. Онъ прячется въ укромныхъ мѣстахъ, гдѣ на него не нападетъ никакое животное.

Когда онъ вылѣзаетъ изъ норы — онъ тщательно осматривается, обнюхиваетъ все кругомъ, всякую травку и дерево. Онъ брезгливъ, онъ чистоплотенъ. Съ истинно-джентльменской щепетильностью онъ бѣжитъ отъ всего нечистаго, грязнаго, что могло бы запачкать его шкурку, весьма неизящную.

Лиса, неизмѣнный врагъ его—очень хорошо знаетъ это свойство ночного джентльмена. Какъ бы ни былъ ничтоженъ запахъ его норы, она отыщетъ эту нору и начнетъ выживать его. Она производитъ операцiи очищенiя у входа въ его нору. Представьте себѣ изумленiе несчастнаго джентльмена, когда онъ возвращается домой, къ себѣ въ нору послѣ ночного обхода, и вдругъ его поражаетъ тяжелое, невыносимое зловонiе. Онъ съ ужасомъ обнюхиваетъ землю около норы... Онъ видитъ отбросы, оставленные лисой... и бѣжитъ отъ нихъ... Но ему жаль покинуть свою удобную теплую нору, жилище... Нѣсколько разъ онъ снова возвращается, обнюхиваетъ гадость, сдѣланную лисой, и, наконецъ, рѣшается

пожертвовать своей щепетильностью,—фыркаетъ, нюхаетъ, хрюкаетъ и съ отчаяніемъ свертывается клубкомъ, прячетъ свой чуткій носъ въ свою длинноволосую шкуру, засыпаетъ съ твердымъ намѣреніемъ—завтра же вычистить все, что оставила ему лиса, и возвратить своей норѣ ея собственный домашній запахъ, къ которому онъ такъ привыкъ. Но, о ужасъ! Завтра онъ видитъ повтореніе того же хитраго маневра и, теряя всякую надежду на житье въ своемъ спокойномъ, уютномъ гнѣздышкѣ, въ которомъ воздухъ былъ такъ чистъ и свѣжъ, онъ угрюмо идетъ прочь, бросаетъ нору и отыскиваетъ другое мѣсто для новой норы.

Онъ, какъ настоящій опортунистъ, заботится только о собственномъ благополучіи и довольствѣ. Никогда, нигдѣ не видано, чтобы барсуки строили общественныя норы. Всегда въ одиночку, крадучись, молчкомъ.

Только въ ранней молодости, когда свойственная всему живому радость жизни играетъ въ сердцѣ барсука, тогда онъ становится не на долго общительнымъ и игривымъ. Маленькіе барсучата—очень милыя, рѣзвыя, подвижныя животныя... Но съ возрастомъ пропадаетъ это дѣтское веселое настроеніе, и барсукъ становится угрюмымъ отшельникомъ и мизантропомъ.

Откуда является и куда пропадаетъ это веселое, дѣтское, беззаботное настроеніе? Оно исчезаетъ вмѣстѣ съ дѣтствомъ и молодостью. Взрослый барсукъ, испытавшій наслажденіе брачной жизни, навсегда становится угрюмымъ, себялюбивымъ бирюкомъ, отшельникомъ, анахоретомъ.

Онъ понимаетъ инстинктомъ, что гигіеническія условія необходимы для жизни, и тщательно оберегаетъ свое жилище отъ всякихъ антисанитарныхъ зараженій. Онъ любитъ, чтобы въ его норѣ былъ постоянно хорошій, чистый воздухъ...

Онъ любитъ также тепло... и эта привязанность нерѣдко заставляетъ его преобороть свое отвращеніе къ свѣту. Онъ ложится на солнцѣ... зажмуриваетъ глаза и нѣжится. Онъ засыпаетъ въ этомъ блаженномъ состояніи; но засыпаетъ чутко, и тотчасъ же вскакиваетъ, если разбудитъ его какой-нибудь непривычный шумъ, крикъ, стукъ, запахъ.

Въ норѣ, въ особенности въ солнечный ясный день, онъ ложится на брюхо и плотно прижимается въ такомъ положеніи къ землѣ. Можетъ-быть отъ этого шерсть, покрывающая его грудь и брюхо, является темною, почти черною, въ отличіе отъ окраски всѣхъ животныхъ. У всѣхъ животныхъ она свѣтлѣе на брюхѣ, чѣмъ на спинѣ, и только у барсука она является темною. Эта шерсть—довольно длинная и грубоватая. Она такъ же жестка, какъ у медвѣдя.

Вообще барсукъ — это маленькій медвѣдь. Угрюмый одиночникъ-опортунистъ, чуждый всѣмъ общественнымъ инстинктамъ и любящій только себя и собственное благополучіе.

И я представляю себѣ теперь этого себялюбца, марксиста, заботящагося и думающаго только о себѣ, о своемъ благополучіи и пренебрегающаго силой общественной,—невѣрующимъ, что сила въ суммированіи силъ,—таково простое механическое правило. Человѣкъ, ищущій благъ и одиночества въ индивидуализмѣ, тѣмъ самымъ отрекается отъ любви къ братьямъ своимъ, отъ любви къ общему, а это общее—сумма всѣхъ благъ и благополучій и въ здѣшней, и въ будущей жизни.

Проф. Н. П. Вагнеръ. Картины изъ жизни животныхъ.

Выдра.

Животное также ночное, какъ и барсукъ. Но развѣ можно сравнить ихъ другъ съ другомъ?

Выдра.

Взгляните на этого звѣря. Онъ только-что поймалъ довольно большую рыбу, и вы видите, что вся его широкая, круглая морда сіяетъ довольствомъ удачи.

Вамъ, вѣроятно, случалось ловить рыбѣ и радоваться при удачномъ ловѣ. Вы должны были чувствовать при этомъ нѣчто сходное съ ощущеніемъ этой выдры, вскочившей на берегъ съ большой рыбой въ зубахъ.

Кругомъ тишина ночи. Мертвая тишина. Только мѣсяцъ полный, ясный оживленно освѣщаетъ всю картину. Да гдѣ-то среди безмолвной тишины громко щелкаетъ сучокъ, отломившійся отъ дерева.

Вся организація выдры приспособлена къ жизни въ водѣ, какъ организмъ верблюда къ жизни въ степяхъ.

Въ этомъ случаѣ организмъ выдры и рыбы сходится до извѣстной границы: у обѣихъ тѣло вытянуто «червеобразно», какъ говорятъ нѣмцы. Эта форма даетъ выдрѣ возможность сгибать тѣло въ водѣ волнообразно и тѣмъ помогать плаванію. Легкія у выдры очень объемисты, сильныя, здоровыя; благодаря имъ выдра можетъ долго удерживать воздухъ и оставаться въ водѣ безъ дыханія. Наконецъ, шкура выдры составлена изъ такихъ гладкихъ волосъ, что вся вода тотчасъ же стекаетъ съ нея, какъ только она вылѣзетъ изъ воды на сушу.

Посмотрите на широкую, лобастую морду этого полуводяного звѣря. Выдра теперь торжествуетъ. Она гордо смотритъ сѣрыми глазами. Короткія, даже слишкомъ короткія ея уши придаютъ всей головѣ шарообразную форму. Ея небольшія, но сильныя лапки вооружены

острыми когтями, и между нхъ пальцами протягивается плавательная перепонка. Ея хвостъ короткій, цилиндрическій отлично служитъ ей рулемъ во время ея плаванія и поисковъ за рыбой.

Посмотрите на эту торжествующую широкую морду. Она довольна. Она радуется своей добычѣ. Она держитъ ее въ зубахъ. Еще вода течетъ съ нея, но ей только стоитъ встряхнуться, и вся вода, какъ съ гуся, слетитъ, и выдра останется мокрой, но теплый, густой подшерстокъ защищаетъ ея тѣло, такъ же, какъ тѣло тюленя.

Всмотритесь въ морду выдры, въ эту широкую лобастую морду. Не правда ли, что въ ней есть что-то комическое и добродушное? Вы желали бы поласкать ее, погладить, какъ добрую собаку?

Что же,—это можно сдѣлать, только, разумѣется, не съ дикой выдрой.

Дикая выдра, взятая прямо изъ природы, изъ рѣки или пруда, сохранитъ всѣ повадки дикаго животнаго. На вашу ласку она отвѣчаетъ глухимъ ворчаніемъ или пронзительнымъ крикомъ, напоминающимъ свистъ. И съ этимъ свистомъ она бросается на васъ и кусаетъ—кусаетъ такъ сильно, что сразу переламываетъ кости руки человѣка.

Въ гамбургскомъ зоологическомъ саду,—разсказываетъ Брэмъ,—живетъ выдра, пойманная совсѣмъ взрослой. Она очень быстро сдѣлалась ручной и послѣ нѣсколькихъ недѣль знала уже свое имя. Сначала съ ней трудно было справиться. Она бросалась на каждаго, кусала и царапалась, но затѣмъ мало-по-малу стихла и стала ручнѣе собаки. Она бѣгала за хозяиномъ и очень любила, когда ее гладили.

Очень интересный разсказъ о выдрѣ оставилъ намъ въ своихъ запискахъ полякъ маршалъ Пассекъ. «Когда я жилъ въ моей родовой деревнѣ,—разсказываетъ онъ,—у меня была выдра совершенно ручная. Король, узнавъ объ этомъ, послалъ кавалера Стращевскаго съ письмомъ ко мнѣ и просилъ прислать ему выдру. Это было давно, еще въ 1686 году. Настоятельная просьба короля заставила меня отвезти ее въ Варшаву на показъ. Послѣ завтрака,—описываетъ Пассекъ,—я отправился въ поле, такъ какъ выдра гуляла на свободѣ, около прудовъ, и ловила рыбу. Я подошелъ и закричалъ:

«— Вурмъ (такъ звали выдру).

«Она тотчасъ же прибѣжала, нырнула въ воду и вытащила уклейку порядочной величины. Я стоялъ на плоту и сказалъ ей:

«— Вурмъ! Мнѣ нужно еще рыбы для гостей.—Она тотчасъ же нырнула снова и вытащила почти взрослую щуку.

«Въ это время Стращевскій въ крайнемъ изумленіи ударилъ себя по лбу и закричалъ: — Праведный Боже! Что это такое?... Звѣрь ловитъ рыбу.»

Я спросилъ его:

«— Хочешь еще рыбы? Выдра будетъ ловить ее до тѣхъ поръ, пока я не прикажу ей остановиться.

«Эта выдра спала со мной на одной постели и была такъ чистоплотна, что никогда не пачкала ни постели, ни комнаты.

«Она была хорошій сторожъ. Ночью никто не могъ подойти къ моей кровати. Она тотчасъ же просыпалась и начинала кричать. Она не позволяла моему слугѣ-мальчику снимать съ меня сапоги,—и какъ только онъ подходилъ ко мнѣ, она поднимала такой страшный крикъ, что мальчикъ убѣгалъ въ испугѣ. Днемъ она забивалась въ какой-нибудь уголъ и засыпала такимъ крѣпкимъ сномъ, что ее можно было взять на руки и носить, какъ маленькаго ребенка. Если кто-нибудь трогалъ меня, то мнѣ стоило закричать:

«Вурмъ! Меня берутъ.»—Она опрометью съ пронзительнымъ крикомъ бросалась на этого человѣка и хватала, какъ собака, его за ноги.

«Она была сильно привязана къ большой косматой собакѣ, которую звали «Капралъ». Она переняла отъ него разныя штуки. Они никогда не разставались ни въ комнатѣ, ни въ дорогахъ. Съ другими собаками она не сходилась.

«Одинъ разъ, разсказываетъ тотъ же авторъ, — мой пріятель Станиславъ Озаревскій остановился у меня; при немъ была собака. Я былъ ему очень радъ, а выдра, не видавшая меня цѣлыхъ три дня, съ радостью кинулась ко мнѣ. Озаревскій, съ которымъ вмѣстѣ пришла отличная борзая, сказалъ своему сыну:

— Самуилъ. Подержи собаку, какъ бы она не бросилась на выдру.

— Я не боюсь, и ты не бойся, — сказалъ я. — Хотя мой звѣрекъ и не большого роста, но не дастъ себя въ обиду.

— Моя борзая беретъ волка, а лиса не успѣваетъ вздохнуть въ ея лапахъ.

Выдра подошла къ собакѣ, обнюхала ее, пристально посмотрѣла, обошла кругомъ и отошла отъ нея. Но только что я подумалъ, что она не тронетъ собаки, какъ выдра подкралась къ ней и нанесла ей лапой такой сильный ударъ по мордѣ, что собака отлетѣла къ двери и оттуда прыгнула на печку. Ее выгнали на улицу.

«Эта выдра,—продолжаетъ разсказчикъ,—была очень полезна мнѣ во время дороги; въ особенности если былъ постъ. Я останавливался подлѣ пруда или рѣки и говорилъ:

«— Вурмъ. Прыгай въ воду.»

«Тотчасъ же Вурмъ бросалась и налавливала столько рыбы, сколько было нужно. При этомъ ловѣ она, очевидно, ловила, хватала то, что двигалось, и если не было рыбы, то она приносила лягушекъ.

«Одинъ разъ я поѣхалъ къ моему дядѣ. За обѣдомъ священникъ Сребіенскій сидѣлъ рядомъ со мной, а за мной лежала и спала выдра, спала на спинѣ, въ своей любимой позѣ. Священникъ протянулъ къ ней руку, думая, что это лежитъ чья-нибудь муфта. Выдра закричала и укусила ему руку.»

Объ этой ручной выдрѣ разсказали королю, и онъ пожелалъ ее купить. Къ одному ксендзу обратились съ письмомъ: за какую цѣну можно купить эту ручную выдру?

Прежде, чѣмъ выдру привезли къ королю, они послали владѣльцу ея богатый подарокъ: пару очень дорогихъ турецкихъ лошадей—въ драгоцѣнной сбруѣ.

«И я отправилъ ее,—говоритъ разсказчикъ,—къ королю на службу. Она кричала и отбивалась всѣми силами. Ее посадили въ клѣтку и повезли. Во время дороги она билась въ клѣткѣ, кричала и вся исхудала отъ тоски.»

Король сильно обрадовался выдрѣ.

«— Бѣдное животное!» — сказалъ король. — Оно смотритъ такъ печально. Но погодите у меня оно скоро поправится.

Всѣ придворные протягивали руки, чтобы погладить выдру. Она на всѣхъ бросалась. Но когда король захотѣлъ ее поласкать, то она довѣрчиво потянулась къ нему. И это сильно понравилось ему. Онъ тотчасъ же велѣлъ принести разнаго кушанья, и самъ кормилъ животное. Выдра ѣла, но немного. Дня два она свободно гуляла по всѣмъ заламъ дворца. Ей принесли большую лохань съ водой, куда пустили маленькихъ рыбокъ и раковъ. Выдра бросилась, ловила ихъ и ѣла, повидимому, съ большимъ удовольствіемъ.

Король говорилъ королевѣ:

«— Милая Марія. Съ этихъ поръ я буду ѣсть только

ту рыбу, которую наловитъ мнѣ выдра. Мы завтра поѣдемъ въ Виляново и возьмемъ съ собою выдру и посмотримъ, какъ она ѣстъ на свободѣ.»

Но это желаніе не исполнилось.

Въ ту же ночь выдра ухитрилась уйти изъ дворца. Она начала бродить по саду и была застрѣлена однимъ драгуномъ. Драгунъ не зналъ, что выдра ручная и что она принадлежитъ самому королю. Когда утромъ проснулись во дворцѣ и не нашли выдры, то король пришелъ въ полное отчаяніе. Когда же узналъ, что выдру застрѣлилъ драгунъ, то поднялась страшная бѣготня и суматоха. Драгуна схватили и привели къ королю. Когда король увидѣлъ шкуру несчастной выдры, то совершенно вышелъ изъ себя. Одной рукой онъ закрылъ глаза, а другой схватился за волосы и началъ кричать: «Убейте его! Кто въ Бога вѣруетъ! Рубите его, кто честный человѣкъ». Драгуна приказали было разстрѣлять, но тутъ пришли ксендзы и прелаты и уговорили короля не лишать жизни драгуна, который не зналъ, что выдра ручная и принадлежитъ королю. Драгуна помиловали, оставили жить, но жестоко высѣкли.

Послѣ разсказа объ этомъ давно прошедшемъ трагическомъ случаѣ, я приведу разсказъ о другой ручной выдрѣ. Этотъ разсказъ также записанъ у Брэма. Онъ говоритъ объ этой выдрѣ слѣдующее:

«Ручная выдра очень милое, добродушное созданіе. Недавно мой отецъ получилъ подробное описаніе жизни ручной выдры отъ одной дѣвушки, которая вскормила ее молокомъ и хлѣбомъ. Она такъ была привязана къ своей воспитательницѣ, что не отходила ни на минуту и при первой возможности взбиралась къ ней на колѣни. Она любила играть со своей госпожей и даже сама съ собой играла очень забавно. Она отыскивала мѣхъ, который былъ положенъ нарочно для этой цѣли, каталась на немъ на всѣ лады. Потомъ ложилась на спину, ловила свой хвостъ или переднія лапы, кусала ихъ и вообще возилась до тѣхъ поръ, пока не засыпала тихимъ сномъ. Дѣвушка могла дѣлать съ ней, что хотѣла. «Сколько и какъ я ни мучила моего милаго звѣрька,—пишетъ она,—своими ласками, онъ все сносилъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Я то обвивала его вокругъ шеи и держала его за лапы въ этомъ положеніи цѣлыя минуты, то бросала его на спину, поднимала обѣими руками и прятала лицо въ его мягкую шубку, то вертѣла, какъ мутовку, держа подъ переднія лапки,—онъ ничему не противился. Не разъ я на него сердилась за то, что онъ кусалъ мое платье, и послѣ въ мѣстахъ этихъ укусовъ появлялись дырочки довольно непріятныхъ размѣровъ. Привычкой рвать и пачкать мое платье онъ также выводилъ меня изъ терпѣнія. Ни одного дня не могла я проходить въ чистомъ платьѣ, но прогонять милаго звѣрька у меня недоставало силы, и я оставляла его спать тамъ, гдѣ онъ хотѣлъ. Такимъ образомъ дружба наша становилась все тѣснѣе и искреннѣе по мѣрѣ того, какъ выдра росла и умнѣла».

Другой наблюдатель Винкель пишетъ о другой ручной выдрѣ слѣдующее: «эта выдра всего охотнѣе любила общество людей, даже еще въ своей молодости, когда была маленькимъ щенкомъ. Увидавъ насъ въ саду, она тотчасъ же бѣжала къ намъ, взбиралась къ кому-нибудь изъ насъ на колѣни, залѣзала въ пазуху и высовывала наружу одну только голову. Она вскорѣ выучилась подавать поноску, стоять на заднихъ лапкахъ и кувыркаться черезъ голову, разъ пять или шесть сряду. Всѣ эти штуки она продѣлывала очень охотно. Любимымъ товарищемъ ея игръ была большая довольно сильная такса. Стоило только ей показаться въ саду, какъ выдра являлась подлѣ, вскакивала на спину таксѣ и ѣздила на ней верхомъ. Не рѣдко они боролись вмѣстѣ: то выдра валила собаку на землю, то такса опрокидывала ее. Когда выдра была въ хорошемъ расположеніи, то во время игръ она всегда «хихикала»—издавала горловые звуки, весьма похожіе на хихиканье человѣка.»

Вудъ, извѣстный наблюдатель нравовъ и образа жизни животныхъ, разсказываетъ объ одной ручной выдрѣ слѣдующее:

«Ее звали «Нептуномъ», и она тотчасъ же откликалась на этотъ зовъ. Когда она была щенкомъ, она уже отзывалась охотно на данную ей кличку. Съ лѣтами она становилась ручнѣе, понятливѣе и добрѣе. Она пользовалась полной свободой и бѣгала всюду, шла на рыбную ловлю по приказанію хозяина, а иногда она одна налавливала рыбу къ столу, усердно занимаясь этимъ цѣлый день и даже часть ночи. Нельзя было не удивляться, видя ее свободно разгуливающую среди охотничьихъ собакъ, съ которыми она жила въ полномъ мирѣ и дружбѣ. Не рѣдко сосѣди обращались къ хозяину съ просьбой одолжить имъ Нептуна на два или на три дня, чтобы наловить рыбы къ обѣду.»

Сравнивая и обсуждая теперь всѣ эти выписки изъ разсказовъ разныхъ авторовъ, собранныя у Брэма, мы приходимъ къ такому заключенію: чѣмъ ручнѣе и добрѣе животное, тѣмъ болѣе мы ему симпатизируемъ. И въ особенности наши симпатіи раскрываются скорѣе тамъ, гдѣ при явной добротѣ животное отличается большой понятливостью и умомъ. Такое заключеніе мы невольно сдѣлаемъ, вспомнивъ разные разсказы о всѣхъ животныхъ, которыхъ мы описывали, скитаясь по полямъ, лугамъ, горамъ, лѣсамъ и подходя ближе къ тому или другому животному. Умъ и сердце отличаютъ добраго и умнаго человѣка отъ его собратій. Умъ и сердце отличаютъ и каждое животное изъ среды ему подобныхъ.

Чѣмъ животное добрѣе, понятливѣе и привязаннѣе къ человѣку, тѣмъ болѣе оно намъ нравится, и если къ этому присоединяется красивое строеніе, то оно становится намъ необыкновенно симпатичнымъ. Ради его симпатіи къ намъ, мы готовы забыть всѣ его недостатки. Ласковое, игривое, оно становится для насъ необыкновенно дорогимъ и близкимъ.

Умъ и любовь стоятъ въ вышинѣ и влекутъ къ себѣ все живое чувствующее. Почти каждое животное слышитъ внутри себя призывный голосъ свыше и повинуется ему.

Все инстиктивно стремится къ благу, и горе тому существу, которое отвернется отъ этого свѣтлаго пути и пойдетъ по злой, нелюдимой дорожкѣ, какъ это сдѣлалъ барсукъ.

Бегемотъ.

Жаръ тропическаго солнца умѣряется массой воды. Громадная рѣка разстилается передъ нами,—рѣка, протекающая по одному изъ меридіановъ Африки, рѣка съ берегами—то голыми, то густо покрытыми красивыми, темно-зелеными или голубоватыми лѣсами.

Въ этихъ лѣсахъ мы не встрѣтимъ ни одного дерева нашей сѣверной европейской флоры; здѣсь нѣтъ ни нашихъ дубовъ, ни нашихъ бѣлыхъ березъ, ни тѣнистыхъ липъ. Здѣсь все чужое, но болѣе красивое, чѣмъ деревья нашей сѣверной флоры.

Изъ всѣхъ деревьевъ здѣсь выдаются два, изъ которыхъ преимущественно, почти исключительно состоятъ лѣса прибрежій Бѣлаго Нила. Это думъ и делебъ (Hyphaene thebaica и Borassus aethiopum) — красивыя деревья, многовѣтвистыя съ темной листвой, съ толстыми, блестящими листьями.

Низы этихъ деревьевъ тонутъ въ кустахъ тамарисковъ, въ ихъ нѣжной, голубоватой зелени. Мѣстами, кое-гдѣ, выдвинется длиннолистый бананъ, или высокая, стройная пальма. Вода въ спокойныхъ заводяхъ, отражаетъ, какъ въ зеркалѣ, всю эту зелень и всю красоту

лѣсныхъ формъ, мѣстами она встрѣчаетъ завалы, камни, пни и вывороченные корни деревьевъ.

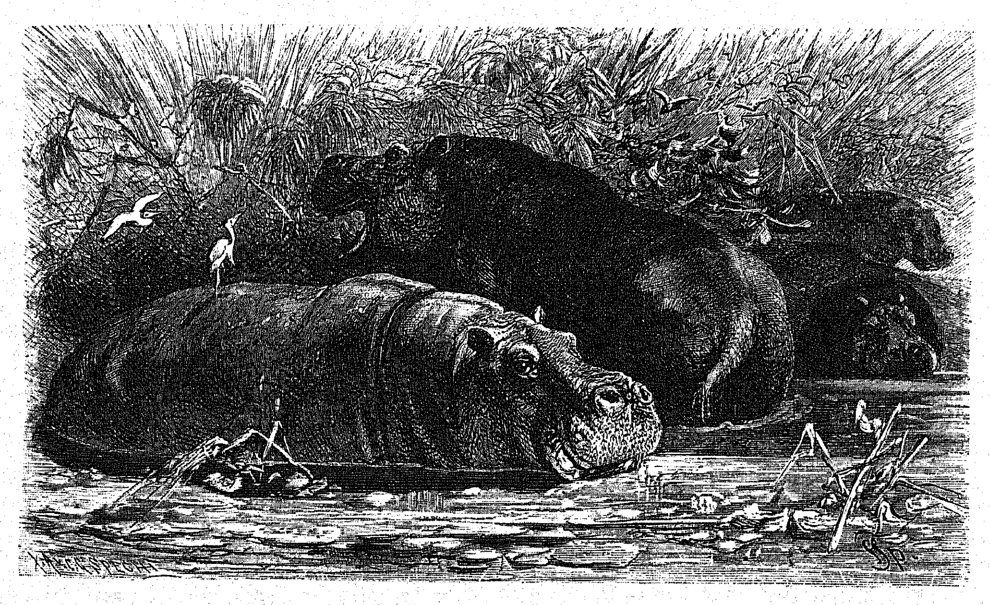
Здѣсь она бурлитъ, пѣнится и, преодолѣвъ препятствіе, снова катитъ свои свѣтлыя, спокойныя волны дальше.

Мѣстами на рѣкѣ появляются маленькіе островки, и одинъ изъ нихъ небольшой холмикъ встаетъ теперь передъ нами. Онъ весь живой; весь полонъ движенія и неистовыхъ криковъ, весь какъ бы состоитъ изъ толстыхъ, вѣтвящихся корней и по этимъ корнямъ ползаютъ, карабкаются, лазаютъ мѣстныя мартышки, или *морскія кошки*, какъ зовутъ ихъ нѣмцы. Крикъ, шумъ!.. Сколько уморительныхъ гримасъ и прыжковъ и движеній, которымъ позавидовалъ бы любой акробатъ.

Но что же взволновало ихъ? Отчего вся эта возня? Отчего весь холмикъ движется и волнуется?!

Къ нему подплываетъ семья нильскихъ чудовищъ. Подплываютъ двѣ громадныхъ, безобразныхъ туши — самецъ и самка нильскихъ лошадей или бегемотовъ, а маленькій бегемотенокъ мирно дремлетъ на спинѣ своей матери.

Изъ всѣхъ животныхъ большихъ и маленькихъ, во всемъ длинномъ ряду ихъ не встрѣчается такого безобразнаго, неуклюжаго животнаго, какъ бегемотъ. Представьте себѣ громадную, толстую свинью, въ 1½—2 сажени длины, грязнаго мяснаго цвѣта, мѣстами переходящаго въ бурый и сизый. Но въ свиньѣ вы видите хотя какой-либо обликъ звѣриный. Въ бегемотѣ и этотъ обликъ исчезаетъ. Передъ вами громадный куль, цилиндръ, къ переднему концу котораго приставлена безобразно большая голова съ раздутой верхней губой, съ маленькими свиными глазами, съ крохотными ушами, сидящими на ней въ видѣ трубочекъ или маленькихъ рожковъ. Лобъ въ этой головѣ весьма небольшой, крохотный лобикъ, или правильнѣе говоря, небольшая ямка, постоянно наполняющаяся водой, какъ только бегемотъ погружается въ воду. Нерѣдко при этомъ въ такую ямку, какъ въ ловушку, попадаютъ какія-нибудь недогадливыя или неосмотрительныя рыбки. При всемъ этомъ сама форма головы представляетъ довольно правильный параллелограмъ или четыреугольникъ. Въ общемъ такая голова болѣе похожа на голову какого-нибудь допотопнаго гада, чѣмъ на голову млекопитающаго животнаго. Въ ней невольно чувствуется что-то сходное съ головой ископаемаго плезіозавра или съ головой современнаго крокодила.

Въ родной стихіи.

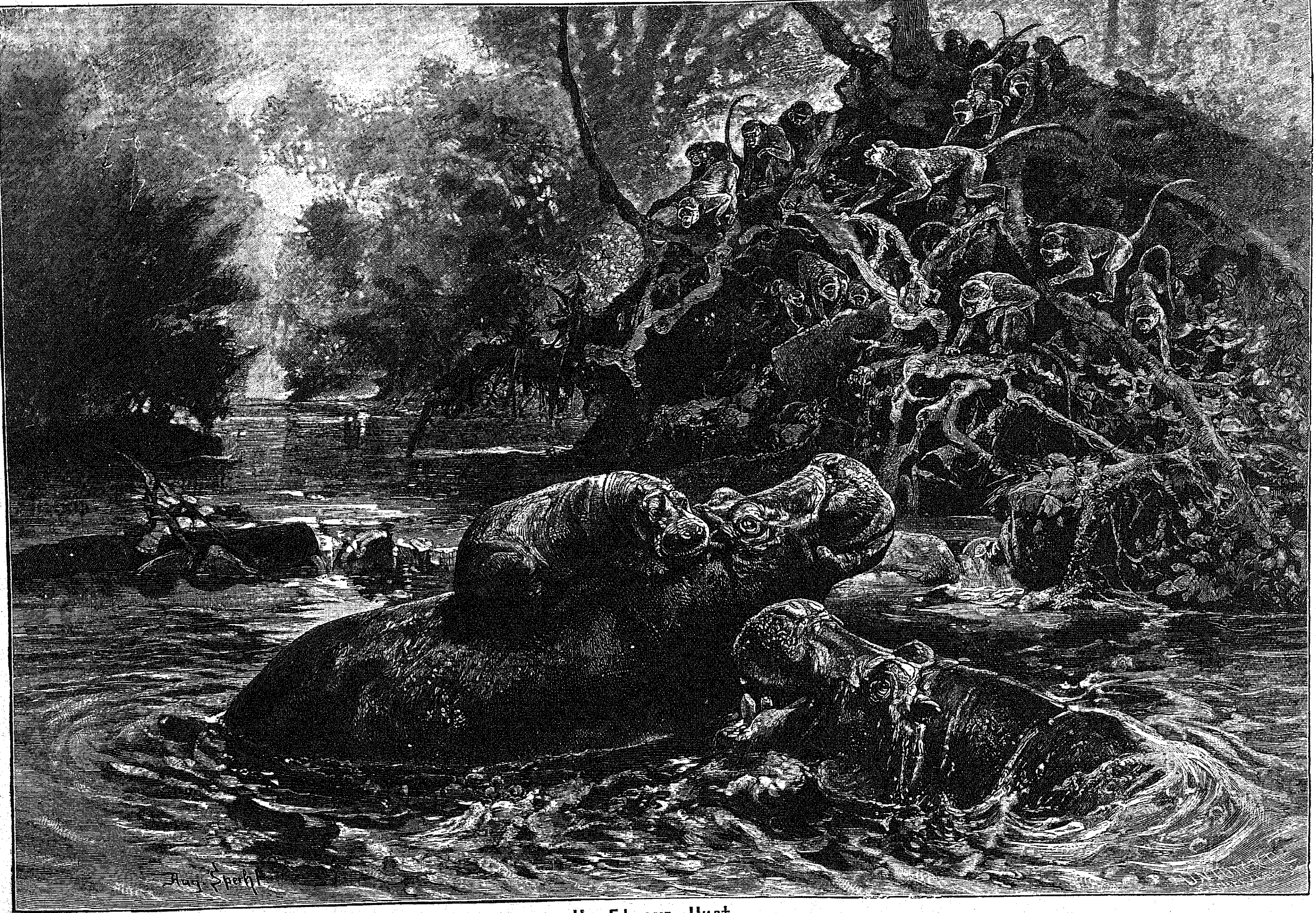
Когда бегемотъ раскрываетъ свою громадную пасть, то первое, что бросается въ глаза, это сильные, безобразные, далеко разставленные зубы. Это крѣпкіе, толстые цилиндры, торчащіе, какъ печныя трубы на пожарищѣ. Такіе зубы могутъ все сокрушить, раздавить, имъ, кажется, не могутъ противиться даже твердые камни. Это жернова, перетирающіе и перемалывающіе всякіе плоды, орѣхи, сучья, вѣтви и самыя деревья.

Если какой-нибудь несчастный суданецъ, на своемъ небольшомъ челнокѣ встрѣтится нечаянно съ бегемотомъ, то онъ тотчасъ же бросается въ воду изъ своей утлой ладьи, а она, попавъ въ зубы бегемота, хруститъ и ломается въ мелкіе щепы. Достаточно взглянуть на скелетъ бегемота въ профиль, чтобы понять, какъ велика, несокрушима сила его нижней челюсти.

Природная стихія бегемота—это вода. Въ ней онъ или быстро и легко плаваетъ, благодаря толстому слою подкожнаго жира, или бѣжитъ, хотя небольшими, но сильными скачками, бѣжитъ по дну, какъ по сухому мѣсту, готовый каждую минуту поплыть такъ же быстро, какъ и бѣжалъ. На сушѣ, ходя по травѣ, онъ оставляетъ обыкновенно три слѣда: широкую и глубокую борозду въ серединѣ, гдѣ волочилось его широкое, объемистое брюхо, и двѣ борозды по бокамъ отъ его короткихъ, но сильныхъ ногъ, вооруженныхъ 4—5 копытами на каждой ногѣ,—копытами тупыми, но крайне твердыми. Этими сильными, тяжелыми ступнями онъ продѣлываетъ глубокія ямы въ рѣчномъ илу или песку въ томъ мѣстѣ, по которому пробѣжитъ.

Трудно повѣрить, чтобы это неуклюжее животное было способно къ быстрымъ, изворотливымъ движеніямъ, а между тѣмъ толстый слой подкожнаго жира помогаетъ ему. Его тѣло становится легче, въ особенности въ водѣ, и туша въ 20—30 пудовъ прыгаетъ, какъ резиновый мячикъ, и съ яростью бросается на своихъ противниковъ. Въ особенности быстры и неожиданны бываютъ движенія самки въ то время, когда что-нибудь угрожаетъ или нападаетъ на ея потомство.

Память или, правильнѣе говоря, злопамятство бегемота поразительно. Вотъ что разсказываетъ Брэмъ объ его столкновеніи съ этимъ свирѣпымъ и крайне раздражительнымъ животнымъ: «Около лѣваго берега Азрека мы встрѣтили весной, въ февралѣ, большое озеро, но мелководное. Это, вѣроятно, была просто весенняя вода, которая исчезаетъ въ сухое время года. На этомъ озерѣ плавало множество птицъ, ангингъ и бѣлыхъ цапель. Вмѣстѣ съ ними было нѣсколько крокодиловъ и бегемотовъ—самокъ съ ихъ дѣтенышами. Мы, съ моимъ помощникомъ нубійцемъ Томбольдо, сначала не обращали никакого вниманія ни на крокодиловъ, ни на бегемотовъ. Мы всецѣло были поглощены длинношеими, красивыми ангингами и стрѣляли въ нихъ, хотя большею частью приводилось стрѣлять въ ихъ длинныя шеи, такъ какъ птицы быстро ныряли. Въ это время бывшій со мной суданецъ неистово закричалъ и замахалъ руками, какъ сумасшедшій. Томбольдо обернулся и увидѣлъ громаднаго бегемота, пыхтѣвшаго отъ ярости и плывшаго прямо на него. Животное доставало дно ногами и двигалось сильными скачками, но ему не удалось добраться до Томбольдо. Мой вѣрный слуга успѣлъ добѣжать до берега, гдѣ былъ въ полной безопасности; я подошелъ къ нему. Весь дрожа отъ страха, онъ бормоталъ несвязныя молитвы и умолялъ Аллаха, чтобы онъ спасъ его отъ дья-

На Бѣломъ Нилѣ.

вола и низринулъ бы его въ адъ. Внѣ себя, онъ прицѣлился въ бегемота и послалъ въ него пулю, которая пролетѣла мимо. Тогда онъ сталъ умолять меня: «О, эффенди!—говорилъ онъ,—пошли ты этому проклятому богохульнику пулю изъ твоего ружья». Я,—говоритъ Брэмъ,—хотя и зналъ, что пуля на разстояніи сорока шаговъ не могла причинить никакого вреда животному, но тѣмъ не менѣе послалъ нѣсколько пуль въ высовывающіяся изъ воды головы бегемотовъ.

«Прошло нѣсколько дней. Мы возвращались домой по той же дорогѣ и опять подъѣхали къ озеру. Солнце уже низко спустилось къ горизонту. Когда мы уже подходили къ дому, то намъ сказали, что на озеро спустилась цѣлая семья пеликановъ. Тогда нами вдругъ снова овладѣла охотничья жажда. Мы повернули обратно и увидѣли еще издали, что на озерѣ разбросаны то тамъ, то здѣсь, какъ бы бѣлые цвѣты. Мы принялись стрѣлять; въ нѣсколько минутъ я убилъ двухъ пеликановъ. Насъ было двое: я и нубіецъ. Прождавъ Томбольдо напрасно до поздняго вечера, мы, наконецъ, рѣшились вернуться къ нашей лодкѣ. Нубіецъ захватилъ застрѣленныхъ птицъ, и мы отправились по полю, которое все заросло колючими растеніями. Это было заброшенное поле хлопчатника. Мѣстами оно заросло уже деревьями, такъ что лѣсъ уже надвигался на него, и все оно было покрыто ползучими растеніями, покрытыми иглами. Вполнѣ довольные нашимъ охотничьимъ днемъ, мы весело приближались къ лодкѣ. Вдругъ нубіецъ остановился и, показывая на озеро, съ испугомъ спросилъ меня:

— Эффенди! Что это тамъ такое?

«А тамъ, на самомъ озерѣ, двигались темныя массы. Какіе-то холмы или острова, которые трудно было разсмотрѣть при слабомъ свѣтѣ только что взошедшей луны. Мы начали всматриваться, и вдругъ одинъ изъ холмовъ повернулся въ нашу сторону, неистово закричалъ и бросился на насъ со всѣхъ ногъ. Это былъ бегемотъ. Большими скачками онъ бѣжалъ прямо на насъ. Мой нубіецъ бросилъ убитыхъ пеликановъ и ружье и, только что успѣвъ прокричать мнѣ: «Эффенди! бѣги, ради Аллаха бѣги!» исчезъ въ потьмахъ. Я былъ въ бѣлой одеждѣ, слѣдовательно представлялъ весьма замѣтную цѣль для бегемота. Притомъ, я былъ безъ оружія, потому что нельзя же считать оружіемъ простое ружье, которое никакъ не могло защитить меня отъ этого гиганта въ кожаныхъ, толстыхъ латахъ. Эти латы не пробиваютъ даже коническія пули, пущенныя изъ штуцера. Быстро сообразивъ все это, я бросился, сломя голову, въ колючій кустарникъ. Передо мною, справа, слѣва, вездѣ была сплошная сѣть переплетенныхъ колючихъ растеній. Иглы нильской мимозы кололи и разрывали мнѣ кожу, кривыя колючки набака вырывали кусокъ за кускомъ изъ моего платья. Я бѣжалъ, бѣжалъ неистово, не помня себя, задыхаясь, бѣжалъ весь въ поту и въ крови, бѣжалъ безъ цѣли, безъ мысли, преслѣдуемый однимъ представленіемъ о смерти, которая гналась за мной въ образѣ страшнаго чудовища. Помню, тогда мнѣ казалось все равно, только бы бѣжать, бѣжать, бѣжать. Какъ ни кололи меня иглы, какъ ни болѣли мои раны и царапины, все равно... Я бѣжалъ, я задыхался и вдругъ... провалился, оборвался, полетѣвъ стремглавъ въ какую-то пропасть.

«Съ обрывистаго берега я упалъ прямо въ озеро на мягкій, илистый грунтъ и это спасло меня отъ ушиба. Выбравшись изъ воды, я осмотрѣлся и увидѣлъ бегемота. Онъ стоялъ на вершинѣ того обрыва, съ котораго я полетѣлъ внизъ, а напротивъ того обрыва стояла моя барка, на которой привѣтливо горѣлъ огонекъ».

Самка бегемота мечетъ одного или рѣдко двухъ дѣтенышей. Это общій законъ для всѣхъ крупныхъ гигантовъ животнаго царства. Онъ обязателенъ для китовъ, слоновъ, носороговъ, лошадей. Съ одной стороны здѣсь вліяетъ экономическій законъ природы. Крупный организмъ требуетъ много пищи, и никакая растительность не могла бы его прокормить, а съ другой замѣшивается физіологическій законъ. Для того, чтобы развиться какому-нибудь гиганту, необходимо извѣстное время. Если бы этотъ гигантъ рождался на свѣтъ очень маленькимъ, то самка была бы не въ состояніи прокормить его до полнаго возраста.

Производя на свѣтъ только одного дѣтеныша, бегемотъ-самка, понятно, чувствуетъ къ этому дѣтенышу гораздо большую привязанность, чѣмъ къ нѣсколькимъ дѣтямъ. И если мы припомнимъ при этомъ, что всѣ ея функціи почти сводятся къ простымъ рефлексамъ, то мы вполнѣ поймемъ, какая ярость вспыхиваетъ въ ея сердцѣ, въ то время, когда она видитъ, что какое-нибудь животное нападаетъ или угрожаетъ ея дорогому дѣтенышу.

На Бѣломъ Нилѣ изрѣдка попадаются большія формы пестрыхъ кошекъ-пантеръ и леопардовъ, и на прилагаемомъ рисункѣ мы можемъ видѣть, какъ одна изъ такихъ кошекъ весьма неудачно напала на маленькаго бегемота. Разсвирѣпѣвшая мать въ одно мгновеніе кинулась на хищника. Вы видите, какъ широко раздвинуты зрачки ея глазъ и какъ глубоко вонзились ея толстые зубы въ тѣло леопарда. Для него эта схватка смертельна, и напрасно онъ старается запустить свои когти въ кожу бегемота. Эта кожа для нихъ неуязвима. Несчастный, маленькій бегемотенокъ неистово, пронзительно кричитъ и карабкается, ползетъ по лежащему въ водѣ, скользкому стволу дерева.

Мѣстные кафры тѣхъ странъ, въ которыхъ живутъ бегемоты, умѣютъ справляться съ этими страшными гигантами, безъ помощи огнестрѣльнаго оружія и коническихъ пуль, просто самодѣльными пиками, стрѣлами и гарпунами. Вотъ что разсказываетъ о такой охотѣ Беккеръ, въ своемъ «Путешествіи по Африкѣ»:

«Наконецъ мы добрались до большого озера, на которомъ было много песчаныхъ отмелей и скалистыхъ островковъ. Между скалами была группа гипопотамовъ, изъ стараго самца и нѣсколькихъ самокъ. Одинъ маленькій бегемотъ стоялъ на выдающейся скалѣ и изображалъ весьма некрасивую статую. Другой бегемотенокъ сидѣлъ на спинѣ своей матери, и она беззаботно везла его. Мѣсто для охоты было великолѣпное. Кафры просили меня прилечь къ землѣ, и поползли въ джонгли, гдѣ и скрылись изъ глазъ. Спустя нѣсколько времени, я увидѣлъ, что они потихоньку спускаются на плоскій, песчаный берегъ, затѣмъ они подползли на 200 шаговъ къ скаламъ, на которыхъ гипопотамы грѣлись на солнцѣ. Сцена становилась болѣе интересною и захватывающей. Наши охотники вошли въ воду и, плывя по теченію, направились къ самцу, который не обращалъ на нихъ никакого вниманія.

«Когда они были около скалъ, они нырнули оба и вынырнули затѣмъ на углу, около одной скамьи, постоянно слѣдя за дѣтенышемъ. Бросился ли маленькій гипопотамъ самъ въ воду, прежде чѣмъ бросили въ него гарпунъ, или кафры сбили его со скалы, этого я не могу сказать, такъ какъ все это было дѣломъ одного мгновенья. Кафры бросились на утекъ, нырнули, и, вынырнувъ на извѣстное разстояніе, побѣжали по берегу, сломя голову, изъ боязни, что раненый звѣрь ихъ можетъ схватить. Одинъ изъ гарпуновъ вонзился въ голову стараго самца. Онъ былъ посланъ твердой рукой, другой—пролетѣлъ мимо.

«Это была хорошая охота. Разъяренное животное прыгнуло въ воду, пыхтя и фыркая въ своей безсильной ярости. Уколотое желѣзомъ, отъ котораго оно не могло освободиться, оно пыталось убѣжать отъ своихъ преслѣдователей, ныряло и снова выскакивало, чтобы увидѣть своихъ враговъ. Все это продолжалось не долго. Охотники, въ жару охоты, позвали своихъ товарищей, которые были недалеко и стояли вмѣстѣ съ моими двумя помощниками.

«Вся банда, снабженная канатами, составлявшими

часть оснастки нашей барки, располагалась на берегу. Люди взяли концы самаго длиннаго каната и бросились вплавь. Когда они добрались до противоположнаго берега, только одинъ конецъ, отчего образовался острый уголъ, котораго вершина была въ точкѣ соединенія двухъ канатовъ, а входъ передъ нами.

Самка бегемота, защищающая своего дѣтеныша отъ нападенія пантеры.

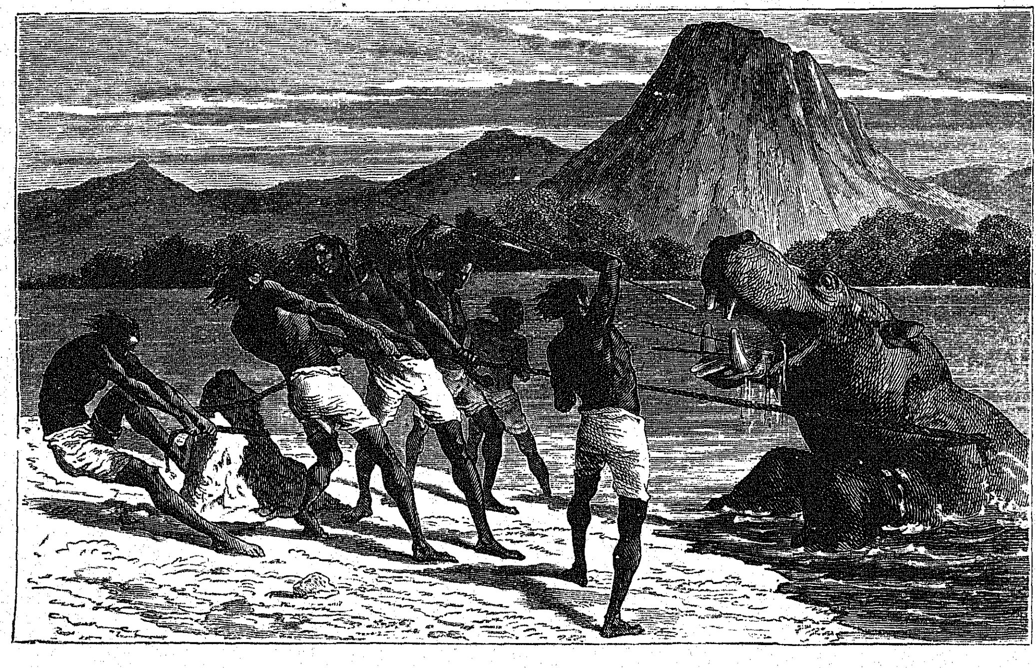
я увидѣлъ, что другой канатъ былъ крѣпко привязанъ къ серединѣ главнаго каната. Такимъ образомъ, на нашей сторонѣ было два конца, а съ другой стороны

«Планъ и цѣль этого расположенія для меня вскорѣ разъяснились. Главный канатъ тогда тащили съ двухъ сторонъ до тѣхъ поръ, пока они достигли конца сво-

бодно плавающей веревки, которая замѣняла поплавокъ. При этомъ, они постоянно слѣдили за движеніями животнаго на днѣ рѣки. Вслѣдствіе постояннаго вздрагиванія главнаго каната, поплавокъ очутился между двумя канатами и былъ непосредственно схваченъ, въ остромъ углу, два конца котораго сблизились. Тогда люди, которые были на другомъ берегу, пустили концы главнаго каната, а тѣ, которые были подлѣ меня, тащили за поплавокъ, крѣпко ущемленный между двумя канатами.

«Я былъ съ ними, и мнѣ никогда не приводилось видѣть такого сильнаго сопротивленія, какое оказалъ теперь этотъ пойманный звѣрь. По временамъ мы уступали его усиліямъ, чтобы потомъ крѣпче подтянуть его. Еще болѣе разъяренный, онъ выскочилъ изъ воды, скрежеталъ зубами, пыхтѣлъ, съ бѣшенствомъ разбрасывая цѣлые фонтаны воды и пѣны. Потомъ, нырнувъ, онъ направился прямо на насъ. Канатъ былъ быстро вытянутъ и завернутъ около скалы, стоявшей на берегу рѣки. Гипопотамъ появился тогда въ десяти шагахъ отъ насъ, снова прыгнулъ и, щелкая зубами, пробовалъ схватить веревку. Въ эту самую минуту, двѣ остроги вонзились ему въ бокъ.

«Вмѣсто того, чтобы бѣжать, разъяренное животное вскочило на болѣе мелкое мѣсто, подняло свое массивное тѣло, и съ открытой пастью взобралось на песчаную отмель, откуда оно храбро напало на охотниковъ, но оно плохо знало непріятеля. Люди, на него нападавшіе, были не изъ трусливаго десятка. Они не испугались открытой пасти чудовища, вооруженной страшными зубами. Оно тотчасъ же получило съ полдюжины дротиковъ, изъ которыхъ нѣкоторые, брошенные съ 5 или 6 шаговъ, попали ему прямо въ пасть. Въ то же время, другіе, нападавшіе, бросали ему въ глаза горсти песку, что ему было гораздо чувствительнѣе дротиковъ. Онъ ломалъ ихъ, какъ соломенки, но отъ песку отступилъ и попятился.

Послѣдняя борьба.

«Въ это время охотники схватились за три веревки, которыя были привязаны къ гарпунамъ, и держали добычу. Вдругъ, одна изъ веревокъ была перерѣзана зубами чудовища. Тотчасъ же животное выскочило и въ третій разъ бросилось на людей, раскрывъ такъ широко свою пасть, что могло схватить разомъ двухъ человѣкъ. Сулейманъ (одинъ изъ нападавшихъ) бросился съ пикой на животное, ударилъ его по ужасной головѣ, но никакого вреда не причинилъ. Абдалла (другой изъ нападавшихъ) въ то же время подскочилъ съ саблей, но его страшный ударъ только слегка оцарапалъ голову бегемота. Новыя пригоршни песку полетѣли ему въ морду и заставили нырнуть, чтобы промыть глаза. Шесть разъ онъ выпрыгивалъ изъ воды и храбро набрасывался на своихъ противниковъ. Онъ раздробилъ, изжевалъ всѣ дротики, которые были пущены въ его пасть. Другія пики, упавъ на скалу, притупились и не могли войти въ его толстую кожу. Борьба продолжалась три часа. Солнце уже заходило, и храбрый гипопотамъ, притянутый къ берегу, продолжалъ защищаться. Гуарты (мѣстное племя) изъ боязни, чтобы онъ не перегрызъ каната, просили меня доканать его пулей. Я выжидалъ благопріятной минуты. Онъ поднялъ голову гордо надъ водой, въ трехъ шагахъ отъ меня. Я выстрѣлилъ, и пуля ударила ему между глазъ... Такъ закончилась эта кровавая драма».

Изъ этого разсказа ясно видно, что бегемота не такъ-то легко убить. Обыкновенная пуля, пробивающая панцырь крокодила, не дѣйствительна для кожи бегемота. «Съ однимъ бегемотомъ, убитымъ нами,—говоритъ Рюппель,—мы бились цѣлыхъ четыре часа. Нѣсколько разъ мы ждали со страхомъ, что животное опрокинетъ нашу большую лодку, и мы всѣ очутимся въ водѣ. Изъ 25 пуль, пущенныхъ въ чудовище, только одна пробила носовыя кости его черепа. Всѣ остальныя засѣли въ его кожѣ. При каждомъ выдыханіи, животное выбрасывало въ барку цѣлые кровавые потоки. Наконецъ мы обратились къ штуцеру, и потребовалось еще пять коническихъ пуль, чтобы на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, этотъ великанъ, весь прострѣленный, упалъ мертвымъ.

«Съ начала охоты, это животное утащило подъ воду маленькую лодку и разгрызло ее въ щепы. Затѣмъ, принялось за большую и начало вертѣть насъ, таща ее за ремень копья, воткнутаго въ его кожу».

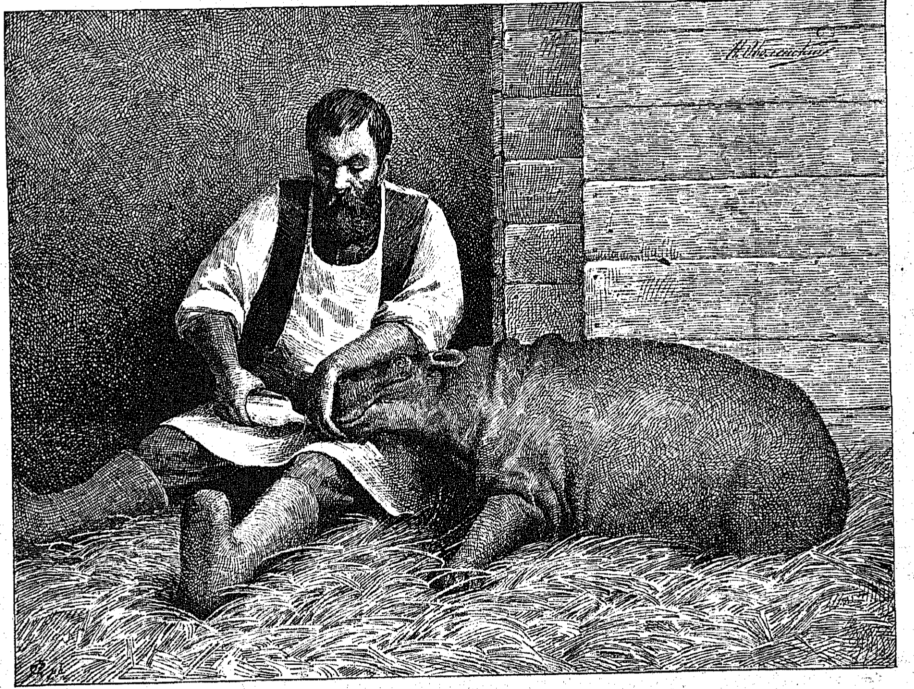
Брэмъ высказываетъ догадку, что этотъ бегемотъ былъ одинъ изъ большихъ, крупныхъ самцовъ, живущихъ отдѣльно отъ другихъ и изгнанныхъ изъ общества. Такіе одинокіе самцы бываютъ необыкновенно злы и сильны, и суданцы боятся на нихъ нападать. Подобно одинокимъ слонамъ, они бродятъ днемъ и ночью, причиняя вредъ и окрестной растительности, и даже жителямъ.

Понятно, что тѣло бегемота—эта громадная туша въ 30—40 пудовъ вѣсомъ—требуетъ и громаднаго количества пищи. Онъ ѣстъ все растительное, что попадаетъ ему на зубы. Самую любимую его пищу составляютъ рѣчныя водоросли. Добравшись до нихъ, бегемотъ поѣдаетъ ихъ съ жадностью, чавкаетъ, смакуетъ, зеленый сокъ вмѣстѣ со слюной течетъ по его толстымъ губамъ. Глаза его смотрятъ тупо и неподвижно, ничего не видя. Въ особенности нравятся ему водоросли, растущія на днѣ рѣки. Онъ, какъ утка, запускаетъ свою голову въ самую тину и съ жадностью жуетъ молодые корешки разныхъ водяныхъ растеній. Камышъ и тростникъ также идутъ ему въ пищу. Тѣ мѣста, гдѣ африканскія рѣки покрыты островками и гдѣ часто онѣ превращаются въ стоячія болота, тамъ царство различныхъ болотныхъ ра-

стеній, и туда преимущественно собираются бегемоты. Прожорливость ихъ изумительна. Несмотря на богатство тропической растительности, бегемотъ можетъ сдѣлаться настоящимъ опустошителемъ, бичемъ мѣстности, въ которой онъ живетъ. Во время его ѣды, онъ дѣлается отвратительнымъ. Вода становится мутной тамъ, гдѣ онъ набираетъ себѣ пищу въ свою громадную пасть. Онъ съ жадностью хватаетъ растенія, и, набравъ ихъ огромную охапку, выплываетъ съ ними на чистое мѣсто и начинаетъ медленно, съ наслажденіемъ пожирать ихъ. При этомъ постоянно выставляются изъ его чудовищной пасти длинные цилиндры—его рѣдкіе зубы.

Несмотря на громадное количество поѣдаемыхъ растеній, онъ еще больше ихъ перемнетъ и растопчетъ подъ ногами. Это настоящій опустошитель, бичъ мѣстной флоры. Красивый, священный, египетскій лотосъ онъ пожираетъ вмѣстѣ съ простой травой. Если ему мало водяныхъ растеній, онъ отправляется въ лѣса и тамъ все ломаетъ, топчетъ и поѣдаетъ.

Наѣвшись до-сыта, до-отвала, онъ медленно бредетъ въ воду, куда-нибудь на грязную отмель, и здѣсь ложится въ ея грязь и дремлетъ или спитъ на солнцѣ. Совершенно также поступаютъ кабаны или наши домашнія свиньи. Здѣсь сходство не поверхностное, а весьма глубокое. Свиньи, по всѣмъ вѣроятіямъ, вышли изъ формъ, весьма сходныхъ съ бегемотами, носорогами, тапирами и слонами. Изъ нихъ прежніе натуралисты даже дѣлали одну группу «толстокожихъ животныхъ».

Новорожденный бегемотъ (родился въ С.-петербургскомъ зоологическомъ саду).

Вѣроятно, возможно приручить бегемота и одомашнить его, но такое прирученіе не обѣщаетъ никакихъ выгодъ. Прежде всего нужно измѣнить, перевоспитать его дикій, злобный характеръ. Затѣмъ, если воспользоваться его мясомъ, то это мясо, хотя и считается кафрами лакомствомъ, едва ли понравится европейскому вкусу. Воспитывать же его, ради его толстой, крѣпкой кожи или его сала и жира, едва ли будетъ выгодно. Во всѣхъ отношеніяхъ онъ болѣе вредное, чѣмъ полезное животное, и его слѣдуетъ истреблять, а не приручать. Въ Египтѣ онъ уже истребленъ, и теперь его можно встрѣтить только на югѣ, на Нилѣ и его притокахъ въ центральной Африкѣ.

Бегемоты могутъ плодиться въ неволѣ. Каждый зоологическій садъ, болѣе или менѣе порядочный, старается завести у себя пару этихъ поразительныхъ чудовищъ и строитъ для нихъ громадные бассейны, гдѣ эти животныя живутъ также пассивно и безучастно къ окружающему, какъ наши свиньи въ ихъ свинарникахъ.

Какая громадная разница между этимъ глупымъ, дикимъ животнымъ и интеллигентнымъ слономъ, хотя оба они и произошли, повидимому, изъ одного корня!?

Проф. Н. П. Вагнеръ. Картины изъ жизни животныхъ.

Носорогъ.

Подъ нашими умѣренными широтами всѣ явленія совершаются въ маленькихъ жалкихъ размѣрахъ. Только тамъ, подъ тропическимъ солнцемъ, эти масштабы раздвигаются, становятся грандіозными, величественными. Наши рѣки и рѣчки, берега нашихъ тихихъ водъ нерѣдко окаймляются высокимъ камышомъ. Но этотъ камышъ растетъ только на небольшихъ пространствахъ. Эти пространства расширяются у береговъ Каспійскаго моря. Тамъ этотъ камышъ разростается вмѣстѣ съ Arundo Phragmites (тоже родъ камыша, но безъ толстыхъ колѣнчатыхъ стеблей) на многія версты.

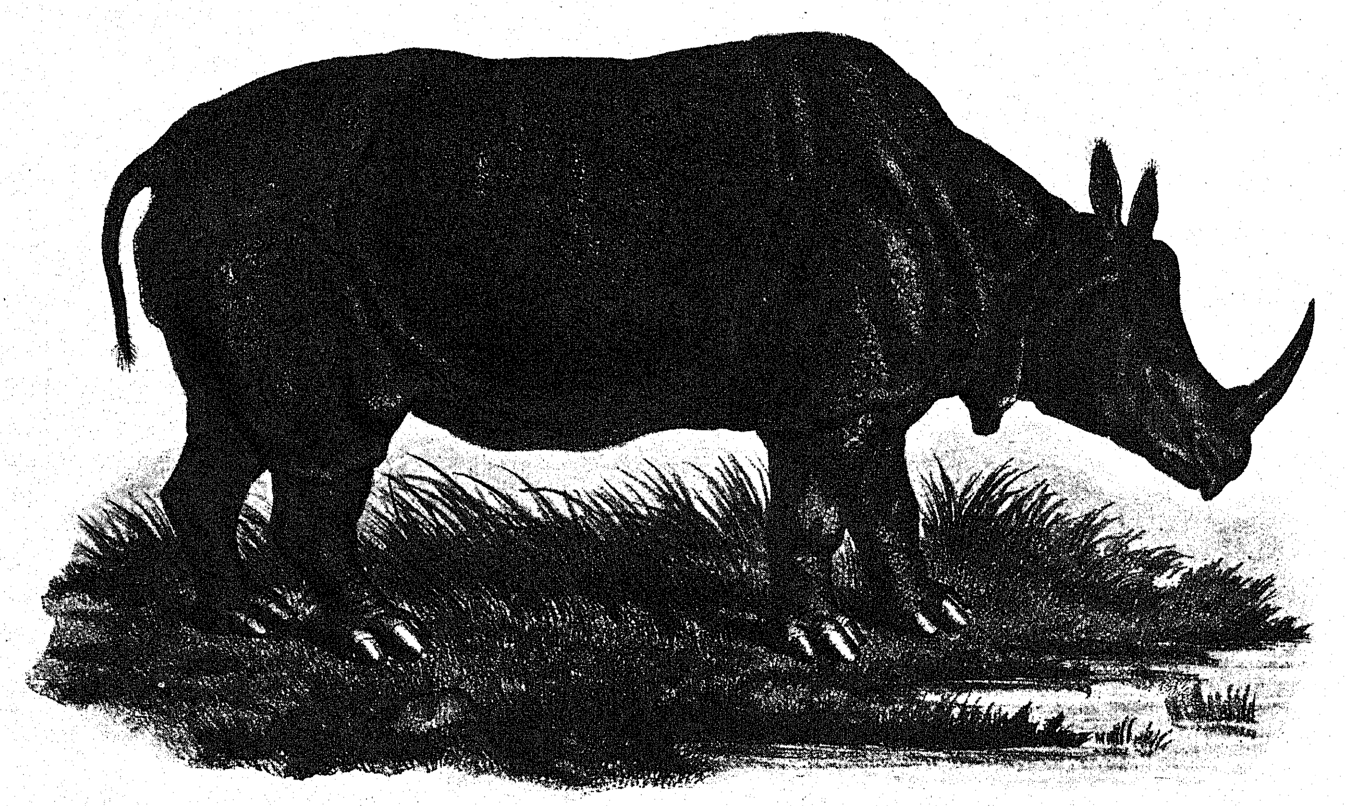
Подъ тропиками, въ Африкѣ и Индіи, эти камышевыя пространства превращаются въ джонгли—огромныя площади, поросшія бамбукомъ. Эти мѣста, бо́льшею частью сырыя, почти болота, грязныя, полныя ядовитыхъ испареній,—мѣста малярій и лихорадокъ. И вотъ въ этихъ-то сырыхъ, нездоровыхъ мѣстахъ живетъ въ одиночку странное животное, которое совершенно характерно назвали «носорогомъ».

Всякій знаетъ его съ дѣтскаго возраста. На всѣхъ дѣтей оно производитъ отталкивающее или пугающее впечатлѣніе. Вотъ какъ описываетъ свои дѣтскія впечатлѣнія, при видѣ носорога, одинъ изъ нашихъ, уже покойныхъ, талантливыхъ профессоровъ московскаго университета, С. А. Усовъ.

«Помню, — говоритъ онъ: — съ перваго взгляда я не разобралъ ничего; меня подавила масса — массу я и видѣлъ. Только черезъ нѣсколько времени у меня стали выдѣляться части: голова, ноги, складки, кожи и проч. Больше всего поразила меня несоразмѣрность этихъ частей и короткій, сплющенный съ боковъ, хвостикъ, входящій, какъ пазъ, между двумя щитками кожи, покрывающей заднюю часть тѣла носорога. Этотъ хвостикъ привлекъ мое вниманіе прежде головы, вооруженной рогомъ, сидящимъ на носу. Только когда показывавшая носорога барыня вынесла рогъ довольно значительной величины (фута въ два длиною) и разсказала, что носорогъ съ годъ тому назадъ сбросилъ этотъ рогъ, и что съ тѣхъ поръ отросшій рогъ сравнительно очень малъ, я всмотрѣлся въ голову носорога. Рогъ на его носу былъ дѣйствительно не великъ и весьма притупленъ. Рогъ, давшій названіе звѣрю, вовсе не поразилъ меня, но вся голова показалась мнѣ такою чудною, чѣмъ-то такимъ сказочнымъ, небывалымъ, что по крайней мѣрѣ съ годъ она мнѣ часто грезилась во снѣ: торчащія подвижныя уши, бугристая грубо-отесанная голова, маленькіе глазки со свинымъ выраженіемъ и, наконецъ, верхняя губа, заканчивающаяся подвижной закорючкой, чѣмъ-то въ родѣ пальца, — все это вмѣстѣ сидѣло на огромномъ туловищѣ, покоящемся на косолапыхъ, сравни-

тельно короткихъ ногахъ. Долго простоялъ я передъ диковиннымъ звѣремъ, разинувъ ротъ, не проронивъ слова. Мнѣ дали маленькій бѣлый хлѣбецъ и предложили дать его носорогу. Я не рѣшился, побоялся. Кто-то распорядился хлѣбцемъ; разинулась весьма неуклюжая пасть носорога—и хлѣбецъ исчезъ».

Таково было впечатлѣніе наружности носорога на 11-лѣтняго мальчика. Но таково же первое впечатлѣніе отъ вида этого животнаго и на взрослаго человѣка. Весь складъ его тѣла до того страненъ, необыченъ, можно сказать, фантастиченъ, что не вдругъ разберешься въ строеніи этого громаднаго чудовища. Что-то сѣрое, мертвенно-неподвижное стоитъ передъ вами. Тихо шевелится его голова и съ тупымъ выраженіемъ смотрятъ на васъ его маленькіе, тусклые глазки. Уши тихо движутся, но они какъ будто приставлены съ головы другого животнаго. Голова сплюснутая, даже вогнутая сверху

Носорогъ.

и сильно утолщенная въ томъ мѣстѣ, гдѣ сидитъ его странный, длинный рогъ, на концѣ загнутый немного назадъ. Толстая, раздутая верхняя губа, оканчивающаяся придаткомъ, въ родѣ пальца,—придаткомъ, который животное можетъ вытянуть на три или четыре вершка и снова утянуть назадъ; придаткомъ, которымъ оно можетъ щипать траву, листья съ низенькихъ кустарниковъ, подбирать крошки сахара—словомъ, распоряжаться такъ же, какъ слонъ распоряжается своимъ червеобразнымъ придаткомъ, которымъ оканчивается его хоботъ. Переднія ноги носорога какъ-то уродливо выгнуты, какъ ноги у ищейки, и все тѣло покрыто толстой сѣрой или сѣровато-бурой грязной кожей или, лучше, кожаными щитами, отороченными толстыми валиками.

Вы можете смотрѣть на него часъ и два, и оно также неподвижно будетъ стоять и смотрѣть на васъ, по временамъ мигая своими маленькими глазками или шевеля своими странными ушами.

Вы, вѣроятно, подумаете, что эта неподвижность—слѣдствіе неволи, что въ природныхъ условіяхъ носорогъ живъ и дѣятеленъ, и ошибетесь. Точно также по цѣлымъ часамъ онъ готовъ стоять на одномъ мѣстѣ неподвижно. Цѣлые часы и даже дни проводитъ онъ въ такомъ неизмѣнномъ положеніи, забившись куда-нибудь въ чащу или въ тѣнь тропическаго лѣса, гдѣ густая листва защищаетъ его тѣло отъ горячихъ лучей тропическаго солнца. Жары не любитъ носорогъ. Цѣлые дни онъ готовъ стоять гдѣ-нибудь въ тѣни или лежать въ грязи въ топкихъ, сырыхъ мѣстахъ джонглей. Вотъ почему онъ держится въ этихъ тростникахъ на грязныхъ болотахъ. Онъ, такъ же, какъ слонъ, любитъ спать въ этихъ сырыхъ, грязныхъ мѣстахъ. Спитъ онъ очень крѣпко и при этомъ громко храпитъ. Этотъ громкій храпъ выдаетъ его въ томъ укромномъ уголкѣ или тѣнистомъ мѣстѣ, въ которое онъ забился для спанья во время яркаго и жаркаго полдня. Одинъ разъ двое готтентотовъ по этому храпу добрались до чудовища. Подошли къ нему и, наставивъ свои ружья, заряженныя пулями, почти въ упоръ выстрѣлили въ его голову. Носорогъ началъ биться, барахтаться, а готтентоты снова зарядили ружья и, наставивъ ихъ также въ упоръ въ голову, убили его.

Грязь налипаетъ на кожу носорога и дѣлаетъ ее менѣе чувствительной къ укусамъ и уколамъ паразитовъ.

Съ закатомъ солнца носорогъ пробуждается къ дѣятельной жизни. Онъ вылѣзаетъ изъ укромнаго мѣста, обнюхиваетъ воздухъ, пыхтитъ, хрюкаетъ и пускается за пищей, которая всегда кругомъ готова къ его услугамъ. Для него вездѣ открытъ проходъ. Своимъ массивнымъ тѣломъ онъ безъ труда раздвигаетъ довольно толстыя деревья. Мнетъ камышъ и тростникъ, ломаетъ стволы молодыхъ деревьевъ и идетъ, переваливаясь и качаясь съ одной ноги на другую. Въ джонгляхъ Индіи можно видѣть прямыя, длинныя тропинки, протоптанныя носорогомъ. Въ этихъ же мѣстахъ попадаютъ тропинки, продѣланныя слонами, и туземцы очень легко отличаютъ эти тропинки. Носорогъ валитъ все, что попадаетъ ему на пути,—траву, тростникъ, кусты, деревья. Если все это лежитъ на землѣ смятое, поломанное и растоптанное, то это вѣрный признакъ пути носорога. Онъ идетъ, не думая, не обращая вниманія ни на что, не разбирая ничего, онъ ступаетъ и давитъ подъ своими массивными ступнями. Слонъ, осмотрительный и думающій, — не

ломаетъ, а вырываетъ деревья съ корнемъ, обгладываетъ ихъ кору и затѣмъ отбрасываетъ ихъ въ сторону. Пища носорога такъ же груба, какъ и его тѣло. Онъ питается разными, болѣе или менѣе колючими растеніями. Въ Африкѣ его любимую пищу составляютъ низкіе кусты одного вида мимозы, у которой сильныя колючки превращаются въ крѣпкіе крючки. Такими крючками растеніе постоянно цѣпляетъ за платье пѣшеходовъ, отчего нѣмецкіе натуралисты прозвали его: «Подожди! Не торопись!»

Ѣда и сонъ—вотъ что наполняетъ всю жизнь носорога. Тихій, медленный, лѣнивый — онъ проводитъ всю жизнь, какъ во снѣ. Онъ смотритъ на все окружающее безучастно, безразлично. Онъ быстро раздражается, приходитъ въ ярость, но точно также быстро снова возвращается къ своему апатичному состоянію.

Въ московскомъ зоологическомъ саду въ 1863 г. находился взрослый носорогъ - самка, подаренный саду Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ. Эта самка имѣла слишкомъ 8 футъ въ длину. Носорогъ былъ отданъ въ непосредственное завѣдываніе сторожа, отставного унтеръ-офицера, Конона Иванова. Звали носорога—Семирамида. Кто первый далъ ему или ей это странное имя — неизвѣстно. Но непосредственный попечитель его разжаловалъ ее изъ Семирамиды въ «Миремисы», а затѣмъ измѣнилъ и это имя въ «Моня», «Моничька» и, наконецъ, остановился на «Монькѣ». Это имя такъ понравилось носорогу, что онъ охотно отзывался на него. Звѣрь оказался ручнымъ. Онъ бралъ изъ рукъ хлѣбъ и очень любилъ его. Одинъ нѣмецкій натуралистъ назвалъ хлѣбъ «укротителемъ» носорога. И дѣйствительно, какъ бы ни былъ раздраженъ звѣрь, стоитъ показать ему кусокъ хлѣба, и онъ тотчасъ же становится кроткимъ и апатичнымъ. Вотъ что разсказываетъ профессоръ С. А. Усовъ о «Монькѣ»:

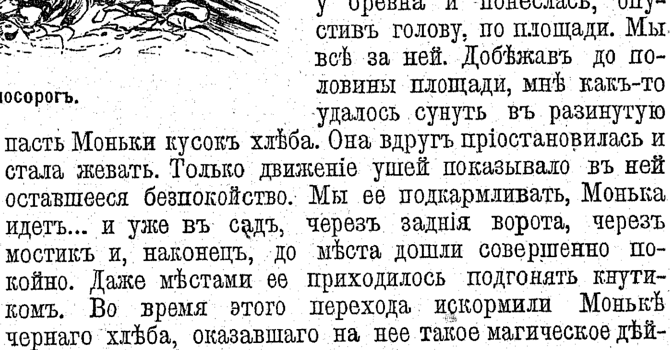
Индійскій носорогъ.

«Она казалась совершенно равнодушной ко всему окружающему, по цѣлымъ часамъ стояла, или лежала на мѣстѣ, или спала, или ѣла. Ѣда была ея единственнымъ занятіемъ, и ѣла она все, что попадается растительное— и прутья, и сѣно, и хлѣбъ, и морковь, и капустные листья. Монька не любила только, чтобы ее тревожили, когда она дремала; и только разъ разсердилась, когда ангорскому козлу вздумалось боднуть ее сзади; и хотя она разорвала толстую цѣпь и, опустивъ голову, бросилась за козломъ, но гнѣвъ ее скоро утихъ самъ собою, и она, остановившись сразу, стала щипать траву. Ивановъ вскорѣ сдружился съ своей воспитанницей, завелъ кнутикъ и недѣли черезъ двѣ сталъ ѣздить на ней верхомъ. Монька слушалась пассивно, не понимая, что отъ нея требовали. Ей было все равно.

«Гладить Моньку могъ всякій, и у всякаго она брала кормъ изъ рукъ. Но казалось, что она знала только одного Иванова. Здѣсь впервые можно было сдѣлать наблюденіе надъ внѣшними чувствами носорога. Днемъ, когда Монька дремала, она все-таки водила ушами. Эти движенія прекращались лишь во время глубокаго сна, когда она ложилась на бокъ. Чуть зашумитъ что-нибудь, она насторожитъ уши. Отсюда можно уже вывести объ остротѣ слуха. Второе мѣсто изъ внѣшнихъ чувствъ занимаетъ обоняніе: все обнюхивалось, и когда Монька переходила съ одного мѣста на другое, она обнюхивала и дорогу. Предлагаютъ Монькѣ хлѣба, она фыркнетъ раза два и потомъ разинетъ ротъ. Зрѣніе у Моньки, не будучи очень плохимъ, далеко не такъ остро, какъ у другихъ толстокожниковъ. Глаза носорога смотрятъ въ стороны и плохо видятъ то, что впереди ихъ. Нѣсколько разъ можно было убѣдиться, что носорогъ, во время бѣга, ничего не видитъ впереди себя и руководится зрѣніемъ лишь отчасти. Вкусъ, очевидно, грубъ и неразвитъ. Что до осязанія, то кожа носорога, несмотря на ея толщину, чувствительна. Самое легкое прикосновеніе къ его кожѣ, даже сзади, онъ чувствуетъ. Кнутика Иванова она положительно боялась, а этотъ кнутикъ не годится даже для большой собаки. Въ складкахъ между щитами кожи чувствительность была несравненно больше, и мухи, садясь на эти мѣста, сильно безпокоили носорога.

«Прошло нѣсколько времени, и Моньку перевели въ особое выстроенное для нея помѣщеніе, но передъ переводомъ задумались:

«Какъ приняться за переводку носорога на разстояніи отъ сада саженъ 200 съ небольшимъ?!. Думали, думали— и придумали: вызвали жандармовъ для охраненія кортежа отъ толпы и остановки экипажей, созвали толпу плотниковъ и другихъ рабочихъ, человѣкъ 20. Къ концу цѣпи, которая была надѣта на Моньку, прицѣпили бревно и тронулись въ путь. Ивановъ шелъ съ кнутикомъ и велъ носорога. Я впереди съ хлѣбомъ, рабочіе при цѣпи и съ боковъ. Лишь только вышли за ворота двора, какъ Монька пріостановилась, задумалась; затѣмъ, приложивъ уши, рванулась впередъ, оборвала цѣпь у бревна и понеслась, опустивъ голову, по площади. Мы всѣ за ней. Добѣжавъ до половины площади, мнѣ какъ-то удалось сунуть въ разинутую пасть Моньки кусокъ хлѣба. Она вдругъ пріостановилась и стала жевать. Только движеніе ушей показывало въ ней оставшееся безпокойство. Мы ее подкармливать, Монька идетъ... и уже въ садъ, черезъ заднія ворота, черезъ мостикъ и, наконецъ, до мѣста дошли совершенно покойно. Даже мѣстами ее приходилось подгонять кнутикомъ. Во время этого перехода искормили Монькѣ чернаго хлѣба, оказавшаго на нее такое магическое дѣйствіе, 27 фунтовъ».

«Пришла зима. Насталъ ноябрь, и Моньку необходимо было перевести въ теплое помѣщеніе. Въ это время отстроили такое помѣщеніе въ звѣринцѣ. 18 ноября звѣринецъ былъ готовъ, и оставалось перевести Моньку на новое мѣсто. По неопытности и тутъ распорядились, казалось, очень предупредительно, но не совсѣмъ ловко. Всю дорогу отъ овчарни, гдѣ содержалась Монька, до звѣринца устлали войлоками по снѣгу, Моньку укутали въ попону, созвали цѣлую артель рабочихъ, надѣясь, въ случаѣ нужды, остановить звѣря силой. Понятно, что хлѣбъ игралъ видную роль въ числѣ заготовленныхъ средствъ».

«Выпустили Моньку. У самаго выхода она остановилась. Яркій свѣтъ, послѣ довольно темнаго помѣщенія, очевидно, ослѣпилъ ее. Снѣгъ она увидѣла впервые. Толпа народа также озадачила и поразила ее. Осмотрѣвшись, она зафыркала, захрюкала (голосъ носорога напоминаетъ хрюканье свиньи, но не такъ рѣзокъ, а глуше) и бросилась не по войлокамъ, какъ мы ожидали, а въ сторону».

«Раза три она обѣжала кругомъ овчарни, потомъ по-

неслась къ пруду, потомъ назадъ, — о хлѣбѣ и думать было нечего. Но вотъ какъ-то удалось закрутить цѣпь около дерева, она къ счастью не порвалась. Призванный народъ не помогалъ, а только производилъ безпорядокъ. При каждомъ поворотѣ носорога онъ бросался въ разсыпную, а Монька бѣжала такъ быстро, что прислужники едва успѣвали гнаться за ней, держа конецъ цѣпи въ рукахъ. Какъ только Монька остановилась, ей тотчасъ дали хлѣба; отогнали народъ и потихоньку, не спѣша повели къ звѣринцу. Отъ этой передряги Монька страшно устала, не чувствовала холода, попона давно уже свалилась съ нея и паръ столбомъ валилъ отъ всего ея тѣла».

Профессоръ Усовъ объясняетъ внезапное измѣненіе настроенія Моньки ея трусостью или, правильнѣе говоря, пугливостью. Такъ, однимъ разъ животное внезапно испугалось крика и свиста крестьянина, который проѣзжалъ въ телѣгѣ мимо звѣринца. Монька вскочила, бросилась въ сторону, мгновенно разорвала цѣпь, разломала загородь и понеслась по дорожкѣ. Взрывъ ногами двѣ или три клумбы, она сама остановилась и начала спокойно щипать траву. Ее безъ труда загнали въ ея помѣщеніе. Въ другой разъ, лѣтомъ, она испугалась грозы, затѣмъ шума проливного дождя... Всякое необычное явленіе пугаетъ носорога. Но онъ также быстро приходитъ въ совершенно покойное состояніе.

Мнѣ кажется, все объясняется слабымъ развитіемъ нервныхъ центровъ, задерживающихъ рефлексы. Отъ всякой пустой причины, нарушающей его спокойное состояніе, носорогъ или приходитъ въ ярость, или пугается и бросается бѣжать безъ оглядки. Всякое пустое, незначительное явленіе уноситъ это быстрое раздраженіе и приводитъ снова животное въ обыденное апатичное состояніе.

Носорогъ лишенъ зубовъ, которыми онъ могъ бы защищаться. Онъ никогда не кусаетъ, и единственная защита его и вмѣстѣ съ тѣмъ орудіе нападенія—это его рогъ, сидящій на носу. У африканскихъ носороговъ такихъ два рога, изъ которыхъ одинъ, передній иногда достигаетъ 2 футъ въ длину. Но животное рѣдко прибѣгаетъ къ этому орудію нападенія; чаще онъ прибѣгаетъ къ помощи ногъ и обращается въ бѣгство отъ всякаго предмета, который его пугаетъ. Разсерженный, онъ всегда бросается на противника, опустивъ голову внизъ. Нерѣдко его ярость утихаетъ, если онъ проведетъ по землѣ двѣ или три глубокихъ борозды.

Благодаря быстрой перемѣнѣ его настроенія, охота на него не представляетъ большой опасности. Можно сказать, что его ярость страшна, какъ ярость «Моньки», но не опасна. Сіамцы распоряжаются съ нимъ безъ всякой церемоніи и очень просто. Вотъ что разсказываетъ Мухо, одинъ изъ путешественниковъ по сіамскому царству.

«Въ деревушкѣ На-ле́, куда я пріѣхалъ 3 сентября, мнѣ удалось убить тигрицу, которая вмѣстѣ съ ея самцомъ производила сильныя опустошенія въ окрестностяхъ. На другой день начальникъ охотниковъ организовалъ въ честь меня охоту на носороговъ. Способъ, которымъ туземцы совершаютъ эту охоту, очень интересенъ по простотѣ и по ловкости нападающихъ. Насъ было 8 человѣкъ, и я былъ въ томъ числѣ. Я и прислуга моя были вооружены ружьями. На мое ружье я насадилъ штыкъ—очень длинный, тонкій и острый; нѣчто среднее между штыкомъ и эспадономъ. Другіе охотники, кромѣ ружей, имѣли также пики, насаженныя на длинныя и крѣпкія бамбуковыя древки. Вооруженные такимъ образомъ, мы направились въ очень густой лѣсъ, весьма хорошо знакомый всѣмъ охотникамъ. Пройдя около двухъ миль, мы услыхали трескъ сучьевъ и шуршанье сухихъ листьевъ. Начальникъ шелъ впереди насъ и далъ знакъ рукой, чтобы мы пріостановились и держали оружіе на готовѣ. Вскорѣ мы услыхали рѣзкій крикъ. Это былъ знакъ нашего предводителя, означавшій, что звѣрь близко. Затѣмъ онъ принялся стучать, вся банда начала неистово кричать, чтобы поднять звѣря изъ его убѣжища. Нѣсколько минутъ спустя, звѣрь выскочилъ. Это былъ самецъ громадной величины. Въ ярости онъ бросился прямо на насъ; что его потревожило въ его логовѣ, осталось неизвѣстно. Предводитель пошелъ навстрѣчу чудовищу, держа свою пику прямо противъ него и какъ бы вызывая его на бой. Звѣрь бѣжалъ прямо на пику, постоянно мотая головой, то опуская ее къ землѣ, то снова поднимая; пасть его была открыта. И въ эту открытую пасть нашъ храбрый предводитель прямо погрузилъ свою пику, втиснувъ ее болѣе, чѣмъ на полтора метра, и также покойно, какъ будто онъ заряжалъ пушку. Сдѣлавъ это, онъ оставилъ пику въ тѣлѣ животнаго и подошелъ къ намъ. Мы держались на почтительномъ разстояніи и должны были присутствовать совершенно безопасно при агоніи чудовища-гиганта. Онъ испускалъ громкіе крики и катался по землѣ въ страшныхъ предсмертныхъ судорогахъ. Немного погодя, мы всѣ подошли къ издыхающему животному. Я протянулъ руку начальнику охоты и поблагодарилъ его, а онъ сказалъ мнѣ, что честь нанести чудовищу послѣдній ударъ принадлежитъ мнѣ. Тогда я подошелъ и пронзилъ его горло своимъ длиннымъ штыкомъ. Послѣ этого начальникъ охоты, выдернувъ свою пику изъ пасти чудовища, отдалъ ее мнѣ, какъ воспоминаніе объ удачной охотѣ. Съ своей стороны я подарилъ ему очень хорошій нашъ европейскій кинжалъ».

Въ описаніи этой охоты прекрасно выразились всѣ повадки носорога. Онъ, очевидно, спалъ, забившись въ тѣнистую глушь. Его разбудили, и съ испугу, не разбирая, въ чемъ дѣло, и весь проникнутый яростью, онъ бросился на подставленную пику, помахивая головой, съ цѣлью вонзить свой страшный рогъ въ нападающаго.

Въ противоположность этому разсказу объ охотѣ на индійскаго однорогаго носорога, я привожу здѣсь разсказъ другого африканскаго путешественника Андерсена. Здѣсь дѣло обошлось не такъ просто и благополучно. Одинъ разъ онъ, сидя въ засадѣ и карауля какого-то животнаго, увидѣлъ сквозь вѣтви кустарника огромнаго бѣлаго носорога. Онъ вскорѣ вышелъ изъ кустовъ и подошелъ на десятокъ шаговъ къ тому мѣсту, въ которомъ скрывался Андерсенъ. Звѣрь стоялъ прямо, открывъ голову и всю переднюю часть тѣла. Андерсенъ прицѣлился и выстрѣлилъ.

«Звѣрь не упалъ отъ этого выстрѣла, но я былъ увѣренъ, — говоритъ Андерсенъ, — что онъ не переживетъ долго своей раны.

«Только что я успѣлъ снова зарядить свое ружье, какъ къ тому мѣсту, около котораго я стоялъ, подошелъ напиться носорогъ изъ породы *кетлоа*. Съ того мѣста, гдѣ я сидѣлъ, мнѣ было невозможно его убить, и я рѣшился только поставить его въ невозможность защищаться или уйти далеко. Для этой цѣли, я подбилъ ему одну изъ заднихъ ногъ. Отъ этой раны онъ пришелъ въ неистовое бѣшенство и бросился на меня, прыгая на трехъ ногахъ, и изо-всѣхъ силъ стараясь добраться до меня. Я пустилъ въ него вторую пулю. Но не попалъ— или она не причинила ему никакого вреда. Мнѣ хотѣлось покончить его страданія, но зная, какъ опасны эти животныя въ своей ярости, я рѣшился дождаться дня и покончить его при помощи моихъ собакъ.

Пробродивъ напрасно нѣкоторое время въ поискахъ за крупными животными, я снова вернулся къ тому мѣсту, гдѣ я оставилъ моего бѣлаго носорога. Онъ не ушелъ далеко, и лежалъ мертвый... Я оставилъ его и пошелъ въ другую сторону, туда, гдѣ я выстрѣлилъ въ другого, чернаго носорога. Я нашелъ его почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ я ранилъ его. Онъ полулежалъ въ такомъ положеніи, въ которомъ мой выстрѣлъ могъ только ранить его, но не убить. Я бросилъ въ него большой

камень, чтобы заставить его перемѣнить положеніе, и вдругъ онъ бросился на меня съ страшной яростью и быстротой, нагнувъ голову къ землѣ. На одно мгновеніе онъ исчезъ въ облакѣ пыли. Я почти машинально выстрѣлилъ и отскочилъ въ сторону. Онъ толкнулъ меня всей тяжестью своего массивнаго тѣла и опрокинулъ на ногѣ, и въ то же время одна изъ его переднихъ ногъ придавила мнѣ плечо. Я потерялъ сознаніе. Помню я смутно какое-то ворчливое хрюканье и шумъ отъ массивнаго тѣла, раздвигавшаго лѣсную чащу. Опасность миновала... Жизнь была спасена, но я былъ измученъ, израненъ, разбитъ и кое-какъ потащился къ моему шалашику.

На водопоѣ.

землю. Толчокъ былъ такъ силенъ, что моя пороховница, мой мѣшокъ съ пулями и мое ружье отлетѣли на 10 шаговъ.

Съ разбѣгу носорогъ ударился въ песокъ и зарылся въ него. Но ярость его не успокоилась. Едва я поднялся на ноги, какъ онъ снова опрокинулъ меня и своимъ острымъ рогомъ провелъ глубокую борозду по моей

«Во все время происшествія я сохранялъ свой разсудокъ, но какъ только упало это возбужденное состояніе и смущеніе моихъ чувствъ прошло,—меня начала бить нервная дрожь. Съ этого времени я убилъ довольно много носороговъ, но прошло нѣсколько недѣль прежде, чѣмъ я могъ, съ своимъ обычнымъ хладнокровіемъ, нападать на этихъ ужасныхъ животныхъ.

«Съ восходомъ солнца, мой Мулатъ, который служилъ мнѣ, и котораго я оставилъ за полмили, принесъ мнѣ ружье, оставленное въ лагерѣ. Я разсказалъ ему въ нѣсколькихъ словахъ о моемъ несчастіи. Я далъ ему одно изъ моихъ ружей, и послалъ его отыскивать чернаго носорога, предупредивъ, чтобы онъ подходилъ къ звѣрю съ крайней осторожностью. Спустя нѣсколько минутъ до меня донесся отчаянный крикъ. Я схватилъ ружье и поползъ черезъ кустарникъ, насколько мнѣ позволяли мои раны. Когда я проползъ около 300 шаговъ, я увидѣлъ сцену, которая, я думаю, останется навсегда въ моей памяти.

«На небольшой площадкѣ, покрытой кустарникомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ другъ отъ друга лежали носорогъ и мой посланный-туземецъ. Первый едва держался на своихъ трехъ ногахъ, покрытый грязью и кровью,—въ ярости ворчалъ и хрюкалъ. Второй—окаменѣвшій отъ страха, впалъ въ какое-то оцѣпенѣлое состояніе. Я подползъ съ противоположной стороны, чтобы обратить на себя все вниманіе носорога, и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него нацѣлился и выстрѣлилъ. Носорогъ заметался направо и налѣво, ломая все, что было кругомъ его. Я началъ стрѣлять въ него, не переставая. Я посылалъ выстрѣлъ за выстрѣломъ. Наконецъ, онъ упалъ на песокъ и началъ биться, я былъ въ полной увѣренности, что онъ издыхаетъ. Безъ всякой уже осторожности я подползъ къ нему и вставилъ дуло ружья въ его ухо, чтобы его прикончить, и вдругъ онъ зашевелился и приподнялся. Я отскочилъ въ кусты. Но движеніе звѣря была послѣдняя вспышка жизни, и онъ вскорѣ упалъ къ моимъ ногамъ дѣйствительно мертвый.

«Убитое мною животное была самка, съ сосками, полными молока. Нѣтъ сомнѣнія, что ея дѣтенышъ, сосунокъ, былъ спрятанъ гдѣ-нибудь возлѣ, въ укромномъ мѣстѣ. Она боролась со смертью, защищая не только собственную жизнь, но и жизнь своего сосунка».

Вообще въ носорогѣ мы видимъ одинъ изъ типовъ недѣятельныхъ, «квіетическихъ» животныхъ,—типовъ, которые не прогрессирують, а идутъ назадъ отъ типовъ болѣе совершенныхъ. Большую часть жизни онъ проводитъ во снѣ, ходитъ медленно, сонно. Ничѣмъ не интересуется, ни къ чему не стремится, и вообще ведетъ себя крайне апатично. Голосъ его выражается хрюканьемъ. Его крикъ слышится только въ крайнихъ случаяхъ въ необычныя минуты напряженія. Какъ у всѣхъ квіетическихъ животныхъ, у него вовсе нѣтъ или очень мало аггрессивныхъ органовъ для нападенія, за исключеніемъ роговъ на носу, и все его тѣло покрыто толстымъ защищающимъ покровомъ, какъ тѣло какого-нибудь мягкотѣлаго животнаго «молюска», прикрытое толстой раковиной. Его верхняя губа, вытянутая въ небольшой придатокъ, представляетъ только неполное развитіе длиннаго хобота слона или короткаго хобота тапира. Но вытянутая, хоботообразная губа, толстая, твердая кожа и массивное, неуклюжее тѣло сближаютъ носорога со слономъ, и нѣтъ сомнѣнія, что оба эти типа произошли изъ одного общаго прародителя.

У разныхъ племенъ, съ незапамятной древности, сложилось преданіе о сильной непримиримой враждѣ слона и носорога. Но это преданіе—чистѣйшій вымыселъ... Носорогъ, встрѣтясь со слономъ, пугается его громадной величины и въ страхѣ убѣгаетъ, или если нападаетъ на него, то также въ испугѣ, не зная, куда броситься и что сдѣлать. Въ моментъ этого нападенія, ярость животнаго безраздѣльно сливается съ его пугливостью, и оно дѣйствуетъ почти безсознательно.

Но также безсознательно, или полусознательно, проходитъ вся его жизнь. Взгляните на рисунокъ (стр. 697—698). Это одна изъ сценъ африканской жизни. На привычный водопой къ маленькому озерку, или, правильнѣе сказать, весенней лужицѣ, прибѣжали зебры и жирафы. И сюда же, для той же цѣли, тихо приплелся лѣнивый, неуклюжій, двурогій носорогъ. Нѣкоторыя изъ зебръ уже напились и пугливо, настороживши уши и челки, смотрятъ на громадное животное. Чудовище задумалось. Съ одной стороны жажда тянетъ его къ водѣ, но на пути удовлетворенія ея встрѣтилось маленькое препятствіе: лежитъ упавшій стволъ громаднаго дерева, и носорогъ не можетъ сообразить, что легче для его лѣни: перескочить ли черезъ этотъ завалъ или обойти его. Въ этотъ самый моментъ на мѣсто происшествія является стадо жирафъ, звѣрей еще болѣе пугливыхъ, чѣмъ зебры и носорогъ. Они быстро прибѣжали сюда и также остановились. Ихъ пугаетъ чудовище—носорогъ. Они вытягиваютъ шеи, поводятъ ушами и настороживаютъ ихъ, но подойти ближе не рѣшаются.

Въ этой картинѣ рѣзко и ясно выраженъ характеръ двухъ типовъ животныхъ. Съ одной стороны быстрые, легкіе, «дѣятельные» бѣгуны—зебры и жирафы. Съ другой—тяжелый, неуклюжій, толстокожій типъ «квіетическаго» животнаго. Но всматриваясь въ форму тѣла, привычки и характеръ кабановъ, свиней, бегемота и носорога, мы видимъ въ нихъ нѣчто родственное. И бегемотъ, и носорогъ—это тѣ же свиньи. Они всѣ животныя неповоротливыя—любящія покой, отдыхъ, спячку и избѣгающія всякой мышечной дѣятельности. Они всѣ не могутъ жить безъ воды, всѣ любятъ купаться и пачкаться въ грязи. Они всѣ храпятъ, хрюкаютъ, всѣ раздражительны, бѣшены во время ярости; но эта ярость такъ же быстро проходитъ, какъ и вспыхиваетъ. Они всѣ не отличаются умственными способностями. Ихъ мозгъ любитъ такъ же спать, какъ и его хозяева. Несмотря на разницу въ строеніи тѣла и въ величинѣ его—они всѣ тѣсно связываются своимъ характеромъ, привычками и составляютъ одну естественную группу грязныхъ, жирныхъ, толстокожихъ животныхъ.

Тапиръ.

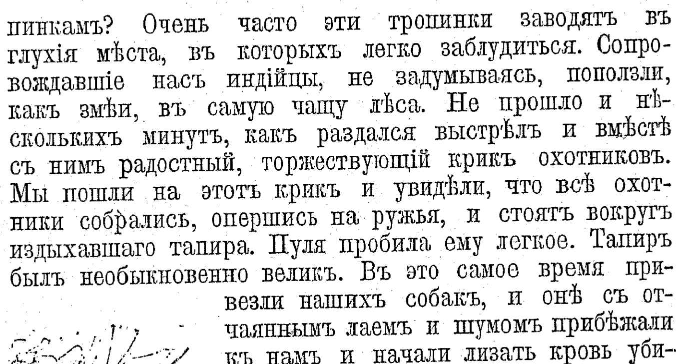
Представимъ себѣ тѣнь и глушь какого-нибудь индійскаго лѣса. Кругомъ насъ высокія-высокія деревья, густая листва которыхъ не пропускаетъ жгучихъ лучей тропическаго солнца. Весь воздухъ насыщенъ, какъ паровая баня, парами, поднимающимися изъ влажной, болотистой почвы. Вода выступаетъ изъ-подъ ногъ. Воду скрываютъ отъ глазъ широколистныя растенія. Мы въ нехорошемъ, нездоровомъ, лихорадочномъ мѣстѣ.

Полная, ненарушимая тишь царитъ въ этомъ тѣнистомъ нездоровомъ лѣсу. Спятъ птицы въ тишинѣ и тѣни безмолвныхъ деревьевъ. Попрятались звѣри въ скрытыя норки, трещинки камней, въ непримѣтныя убѣжища. Порой, легкій вѣтерокъ откуда-то издалека донесетъ тяжелый и острый ароматъ тропическихъ цвѣтовъ, и онъ смѣшается съ не менѣе тяжелымъ ароматическимъ запахомъ гніющей листвы. Иногда рѣзко раздастся среди общей тишины шальной крикъ какой-нибудь обезьяны, и снова наступитъ тишина; невозмутимая, гнетущая тишина.

Но вотъ, среди этой тягучей тишины вы слышите какіе-то звуки. Кто-то бѣжитъ тяжелой поступью по болотистой почвѣ. Чьи-то грузные шаги выдавливаютъ и разбрызгиваютъ воду изъ-подъ толстыхъ, крѣпкихъ ногъ. Смотрите, выбѣжало изъ чащи какое-то странное животное: это не лошадь, не слонъ, не свинья—но все это, смѣшанное вмѣстѣ. Тѣло стройное, на довольно высокихъ, толстыхъ, сильныхъ ногахъ. Явственная шея съ густой, очень короткой гривой. Голова какъ будто похожа на лошадиную голову, но передній конецъ ея или носъ, вытягивается, какъ у слона, только въ очень коротній хоботъ, и этимъ хоботомъ животное постоянно вертитъ во всѣ стороны и нюхаетъ воздухъ. Но прежде всего вамъ въ глаза, вѣроятно, бросилась и поразила

васъ странная окраска животнаго. Въ ней какая-то неестественная, рѣзкая смѣсь чернаго, бархатно-чернаго и чистаго, снѣжно-бѣлаго цвѣта. Голова, грудь, ноги, почти все тѣло его—черное, а середина его ярко-бѣлая. Точно на его спину надѣтъ какой-нибудь бѣлый чепракъ или бѣлая, широкая перевязь... Это животное *тапиръ* или *пинхачуэ*, какъ зовутъ его туземцы.

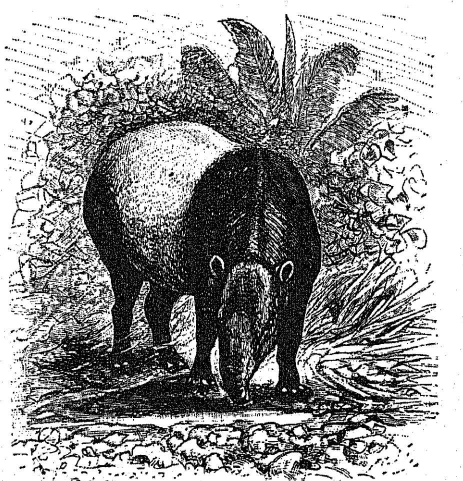
Животное очень странное и индиферентное, если можно такъ выразиться. Оно ничѣмъ не выдается изъ ряду другихъ животныхъ, ничѣмъ не замѣчательно. Оно среднее между длиннохоботнымъ громаднымъ слономъ; неуклюжимъ и тяжелымъ бегемотомъ, толстокожимъ и еще болѣе тяжелымъ носорогомъ, легкой стройной лошадью и наконецъ, грязной, неопрятной свиньей или кабаномъ. Онъ родня всѣмъ этимъ разнообразнымъ животнымъ. Онъ послѣдняя отрасль длиннаго ряда формъ, которыя когда-то жили, плодились, множились и дали отпрыски, а изъ этихъ отпрысковъ вышли и слоны, и носороги, и бегемоты, и лошади, и свиньи.

Американскій тапиръ.

Цѣлый строй уже вымершихъ, такъ называемыхъ аноплотеріевъ закончился тапиромъ. Всѣ они нѣсколько напоминаютъ тапира. Всѣ они бѣгали бойко на своихъ тонкихъ, стройныхъ ножкахъ. Тапиръ животное робкое, пугливое, скрывающееся въ темной лѣсной чащѣ и очень рѣдко выходящее на солнечный свѣтъ. Современный цивилизованный человѣкъ не заботится объ его прирученіи или одомашненіи, потому что оно совершенно лишній членъ на общемъ рынкѣ домашняго подспорья или приспособленія. Въ перевозкѣ тяжестей, въ утилизаціи мышечной силы его давно и съ лихвой замѣнила лошадь. Его кожа не годится для обуви: она трескается отъ жары и размокаетъ отъ воды. Изъ нея можно только выкраивать ремни. Его мясо и жиръ съ большой выгодой замѣненъ мясомъ свиньи, съ которымъ сродно и его собственное—довольно жесткое мясо. Однимъ словомъ, оно никуда не годится, и вотъ почему цивилизованный человѣкъ не обращаетъ на него никакого вниманія, а охотятся и истребляютъ его только одни туземцы. Въ особенности преслѣдуютъ тапира американскаго.

Въ южной Америкѣ живутъ два вида тапира — оба одноцвѣтные съ темно-бурой или черной окраской. Бѣлой перевязи у нихъ нѣтъ, и голова больше, чѣмъ у индійскаго тапира.

Индійскій тапиръ.

Для охоты за тапиромъ прежде всего необходимо имѣть порядочную свору охотничьихъ быстро-бѣгающихъ собакъ. Вотъ одинъ изъ разсказовъ очевидца объ этой охотѣ: «Только-что мы обогнули мысъ,—говоритъ охотникъ, — и вдругъ, на песчаной отмели, видимъ, валяется и барахтается матка тапира съ ея дѣтенышемъ. Какое-то малѣйшее движеніе одного изъ индійцевъ, сопровождавшихъ насъ, и матка, съ быстротою молніи, скрылась въ лѣсу, вмѣстѣ со своимъ маленькимъ. Мы бросились къ берегу, выскочили изъ лодки и побѣжали по песчаному прибрежью. Войдя въ густой, частый лѣсъ, мы примѣтили бѣглецовъ, которые прятались отъ насъ въ густой, высокой травѣ. Къ сожалѣнію, наши собаки остались на третьей лодкѣ. Мы, европейцы, вступивъ въ чащу, задумались: идти ли намъ по лѣснымъ тропинкамъ? Очень часто эти тропинки заводятъ въ глухія мѣста, въ которыхъ легко заблудиться. Сопровождавшіе насъ индійцы, не задумываясь, поползли, какъ змѣи, въ самую чащу лѣса. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ раздался выстрѣлъ и вмѣстѣ съ нимъ радостный, торжествующій крикъ охотниковъ. Мы пошли на этотъ крикъ и увидѣли, что всѣ охотники собрались, опершись на ружья, и стоятъ вокругъ издыхавшаго тапира. Пуля пробила ему легкое. Тапиръ былъ необыкновенно великъ. Въ это самое время привезли нашихъ собакъ, и онѣ съ отчаяннымъ лаемъ и шумомъ прибѣжали къ намъ и начали лизать кровь убитаго тапира. Теперь съ собаками можно было найти и другого — маленькаго тапира. Его нашли недалеко, и онъ сильно засвисталъ, увидѣвъ охотниковъ. Мы взобрались на небольшой холмъ, откуда можно было видѣть всю охоту. Внизу ее заслонялъ отъ насъ прибрежный густой тростникъ. Когда мы взобрались выше этого тростника, то все болотистое поле, поросшее имъ, открылось передъ нами, и мы увидѣли невиданное зрѣлище. Собаки гнались по стопамъ молодого тапиренка, который величиной былъ съ добрую свинью. Онъ летѣлъ стрѣлой и неистово кричалъ, или правильнѣе свистѣлъ; но этотъ отчаянный свистъ заглушался неистовымъ лаемъ большой своры и криками 30 индійцевъ-охотниковъ. Но наконецъ гоньба утомила тапиренка. Бѣжали собаки, бѣжали индійцы. Онъ бѣжалъ медленно, и, наконецъ, одна изъ собакъ схватила его. Индѣйцы тотчасъ подбѣжали и бросились на него. Ему скрутили ноги и живо перенесли въ лодку. За нимъ необходимо было перенести на берегъ и убитую мать его, и это потребовало большихъ усилій, возни. Мы привязали къ заднимъ ногамъ его длинныя веревки, и всѣ съ крикомъ торжества дружно тянули нашу добычу по мокрому песку. На другой день индійцы покончили съ ней. Они раздѣлили между собой все тѣло на куски. Часть мяса прокоптили, другую сварили. Мы отвѣдали этого мяса и нашли его довольно вкуснымъ, похожимъ на говяжье. Когда животное выпотрошили, то индійцы набили его кишки мясомъ и кровью и прокоптили эти колбасы. Но вкусъ ихъ былъ очень непріятенъ».

Кромѣ индійцевъ, тапира преслѣдуютъ и истребляютъ ягуары. Притаившись въ лѣсу на какомъ-нибудь деревѣ, ягуаръ караулитъ тапира и бросается на него, какъ только онъ подойдетъ подъ это дерево. Онъ запускаетъ свои острые когти въ толстую кожу и мясо тапира и мчится на немъ по лѣсу до тѣхъ поръ, пока не улучитъ минуты и не схватится свободной лапой за толстый стволъ какой-нибудь лѣсины.

Тапиръ стоитъ на пиру жизни внѣ общей конкуренціи. У него нѣтъ ни острыхъ когтей, ни зубовъ. Онъ никогда не нападаетъ ни на какое животное. Это тихій, робкій, пугливый звѣрь, который имѣетъ только одно спасительное средство — сильныя, быстрыя ноги. Онъ, какъ робкій заяцъ, постоянно насторожѣ. Его чуткія уши постоянно движутся, какъ у пугливой лошади. Онъ ловитъ самый легкій шумъ, шорохъ, готовъ при первомъ подозрѣніи бѣжать безъ оглядки, сломя голову.

Тапиръ, для думающаго зоолога, представляетъ загадку, разгадать которую довольно трудно. Онъ одинъ, между всѣми нынѣ живущими твердокожими, не представляетъ никакихъ безобразныхъ, уродливыхъ особенностей въ своей организаціи. У него нѣтъ, какъ у слона, громадныхъ ушей, этихъ висячихъ по бокамъ головы лопастей, заслонокъ; нѣтъ и этого длиннаго хобота, который при случаѣ замѣняетъ слону нашу руку. Нѣтъ такой толстой кожи и роговъ на носу, какъ у носорога, нѣтъ этой уродливой, массивной, чудовищной фигуры тѣла, какъ у гиппопотама. Нѣтъ этой безобразной, сгорбленной фигуры съ тѣломъ, покрытымъ жесткой щетиной, съ сильными клыками, какъ у нашей свиньи или кабана. Въ его тѣлѣ чувствуется какая-то стройность и гармонія, при которой ни одинъ органъ не выдается и не преобладаетъ надъ другимъ; а между тѣмъ это типъ, очевидно, не идущій впередъ, а исчезающій. Самка его послѣ десяти мѣсяцевъ беременности приноситъ только одного дѣтеныша. Онъ долженъ укрываться въ темныхъ, тѣнистыхъ лѣсахъ, которые болѣе и болѣе истребляются. Въ будущемъ онъ вѣроятно исчезнетъ; а между тѣмъ, по общему строенію тѣла, это самый передовой, прогрессивный типъ. Ему недостаетъ одного, — орудій нападенія и защиты. Онъ представляетъ анахронизмъ среди другихъ животныхъ, ему родныхъ. Его умъ не достигаетъ того развитія, которое мы видимъ у всѣхъ принадлежащихъ сюда типовъ. Это — мало способное, несообразительное, простое, доброе и крайне осторожное, пугливое животное. Такимъ животнымъ нѣтъ мѣста среди острозубыхъ хищниковъ, съ острыми, длинными, кривыми когтями. Его пѣсня уже спѣта, и въ недалекомъ будущемъ онъ долженъ сойти со сцены жизни настоящаго міра.

Но уменьшается ли въ этомъ мірѣ число хищниковъ съ острыми когтями и зубами, или число ихъ растетъ, увеличивается, и когти и зубы ихъ становятся тверже, длиннѣе и острѣе... Вотъ тяжелый, quasi—зоологическій вопросъ?!!..

XIV.

КИТЫ И ДЕЛЬФИНЫ.

Киты и дельфины.

Киты и дельфины.

Бушуетъ, бурлитъ, кипитъ океанъ. Шумъ, громъ, грохотъ! Волны бьются о камни, разбиваются въ пѣну и въ брызги.

Какая сила пространства! Какое могущество движенія! Какая ширь простора, свободы!

Предъ этимъ могуществомъ человѣкъ чувствуетъ свое собственное безсиліе.

Голосъ его слабъ, онъ не можетъ заглушить грома волнъ, грома бури. Все громадное пространство, насколько можно его окинуть взглядомъ, отдано во власть бушующихъ, кипящихъ волнъ. Пѣна ихъ хочетъ долетѣть до облаковъ, до низкихъ сѣрыхъ тучъ и не можетъ. Ея хлопья и брызги снова безсильно падаютъ въ горько-соленыя бездны.

Гулъ, грохотъ, громъ!..

И надъ всѣмъ этимъ громаднымъ пространствомъ плывутъ, несутся тяжелыя, свинцовыя тучи. Онѣ раскидываются сѣдыми хлопьями, таютъ, исчезаютъ и снова наплываютъ, собираются; чернѣютъ и разражаются дождемъ и снѣгомъ.

Страшно холодный, сѣверный вѣтеръ, не переставая, дуетъ въ одномъ направленіи и гонитъ облака и тучи, дождь и снѣгъ; гонитъ съ сѣвера на югъ, и ничто, кажется, не можетъ противустоять, бороться съ этимъ сильнымъ, могучимъ вѣтромъ, съ этой всесокрушающей бурей. Она подняла волны, передъ нею бѣгутъ, несутся тяжелыя облака и тучи, и снѣгъ, и дождь...

Но на встрѣчу имъ также прямо несутся бурныя птицы. Онѣ широко распластали свои сильныя, длинныя крылья. Онѣ рѣжутъ воздухъ этими крыльями и острыми клювами. Даже ихъ пронзительный крикъ не можетъ заглушить грома бури. Это буревѣстники, альбатросы и Поморники-разбойники. Для нихъ буря — праздникъ и пиръ. Она имъ выброситъ на берегъ или пригонитъ изъ недосягаемыхъ глубинъ все живое, что не можетъ противиться ея бѣшенымъ порывамъ.

Старые, опытные киты давно уже опустились въ тихія, покойныя глубины бурнаго океана. Они всѣ стоятъ неподвижно и ждутъ, когда затихнетъ, упадетъ бурный вѣтеръ, а вмѣстѣ съ нимъ исчезнетъ и опасность. Но молодые, рѣзвые, неосмотрительные киты нерѣдко выплываютъ изъ этихъ тихихъ, глубокихъ безднъ могучаго океана и погибаютъ. Вѣтеръ тотчасъ же подхватываетъ ихъ, бьетъ волнами и камнями и несетъ на береговые рифы. Напрасно стараются они выбиться изъ его могучихъ волнъ. Здѣсь всякая борьба напрасна. Онъ несетъ ихъ туда, гдѣ крутятся и вертятся буруны, онъ бьетъ ихъ о береговые рифы и камни, и измученные, обезсиленные тщетной борьбой, они, наконецъ, отдаются своей злополучной участи. Они лежатъ безъ движенія на берегу, до тѣхъ поръ пока не накроетъ ихъ смерть и разложеніе.

Китъ внѣ воды быстро умираетъ и еще быстрѣе разлагается. Разлагается это чудовище, громадина, гигантъ въ нѣсколько сотъ пудовъ вѣсомъ, и нестерпимо тяжелый запахъ, удушающая вонь далеко разносится вѣтромъ по всему широкому окружающему побережью. Онъ далеко даетъ знать всему живущему и питающемуся мертвечиной населенію, что здѣсь гдѣ-то близко океанъ устроилъ пиръ, и приглашаетъ всѣхъ желающихъ воспользоваться этимъ даровымъ угощеніемъ. И на этотъ могучій зовъ со всѣхъ сторонъ идутъ, бѣгутъ, спѣшатъ голодные гости.

Прежде всего, разумѣется, явятся тѣ изъ нихъ, которые легко перемѣщаются—тѣ, которые быстрѣе летаютъ или бѣгаютъ. Морскіе хищники: чайки, альбатросы, шакалы явятся первыми на званый пиръ. И будутъ они пировать на этомъ роскошномъ угощеніи дней пять, десять, до тѣхъ поръ, пока отъ несчастнаго, безвременно погибшаго кита, останется одинъ голый костякъ. Затѣмъ буря разломаетъ и унесетъ и этотъ костякъ, а волны смоютъ даже то мѣсто, гдѣ онъ лежалъ, такъ что отъ погибшаго чудовища не останется даже воспоминанія.

Для кита, для его громаднаго роста, необходимъ просторъ, необходимъ цѣлый океанъ, гдѣ бы онъ могъ совершать свои гигантскіе прыжки, бросаться свободно во всѣ стороны, гоняться за добычей, схватывать и пожирать ее.

Всѣ киты—хищники, но одни питаются болѣе крупными животными, а другіе кормятся очень маленькими, и замѣчательно то обстоятельство, что самый крупный, гренландскій китъ, китъ-полосатикъ (Balaena Mysticetus) питается самыми мелкими безпозвоночными. На своемъ пути во время своихъ экскурсій онъ встрѣчаетъ площади въ нѣсколько десятковъ саженъ, наполненныя мелкими, голыми (безраковинными) молюсками. Это, такъ называемый, кліонъ (Clio borealis)—молюскъ, по формѣ похожій на маленькую прозрачную рыбку, съ головой въ видѣ шарика, на которомъ торчатъ два короткихъ рожка. Еще болѣе напоминаетъ такой кліонъ тѣхъ маленькихъ стеклянныхъ чертенятъ, которыхъ продаютъ въ цилиндрикахъ, наполненныхъ водою и завязанныхъ резинкой. Надавливая пальцами на эту резинку можно заставить такого чертика опуститься внизъ или снова подняться кверху, прыгать, вертѣться и дѣлать разные пируэты. Вотъ на такого чертика, только совершенно прозрачнаго, очень походитъ сѣверный кліонъ. У него два крыла съ боковъ тѣла, позади головы, и этими крыльями или плавниками онъ постоянно, безостановочно машетъ и такимъ образомъ плаваетъ. Самый крупный, рослый кліонъ имѣетъ тѣло длиною въ 2 дюйма. Тѣло кита доходитъ до полуверсты (болѣе 1000 футъ). Разница громадная! Сколько же нужно маленькихъ кліоновъ, чтобы напитать и прокормить громаднаго гиганта. Сколько онъ долженъ истребить кліоновъ для того, чтобы сохранить собственную жизнь?..

Плавая по океану, онъ встрѣчаетъ цѣлыя поляны, наполненныя кліонами, которыя постоянно толкутся на одномъ мѣстѣ. Онъ, почти не раскрывая рта, прямо плыветъ на эти острова изъ кліоновъ, и всѣ они неизбѣжно попадаютъ въ его ротъ и задерживаются такъ называемыми китовыми усами.

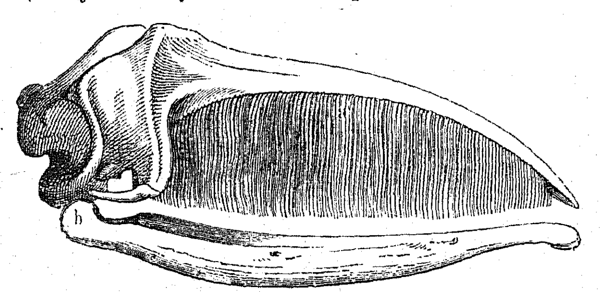
Эти усы—это зубы кита, только не костяные, а роговые и притомъ особенной формы. Тѣ самые, которые видѣли, вѣроятно, всѣ, такъ какъ они служатъ и простымъ женщинамъ, и дамамъ для ихъ корсетовъ.

Ротовая полость кита—это громадная полость. Это цѣлый сводъ, подъ которымъ устанавливаются эти китовые усы—эти роговыя пластинки. Верхняя челюсть живот-

наго выдается вверхъ сводомъ, съ котораго висятъ внизъ, внутрь рта, эти роговыя пластинки. Каждая такая длинная и тонкая пластинка съ внутренной стороны распадается на множество роговыхъ, нитеобразныхъ волоконъ, которыя составляютъ родъ цѣдилокъ въ ротовой полости кита. Цѣлый лѣсъ такихъ пластинокъ занимаетъ почти всю ротовую полость, невольно напоминая описаніе кита въ извѣстной сказкѣ «Конекъ-Горбунокъ»:

...«А въ дубравѣ, межъ усовъ,
«Ищутъ дѣвушки грибовъ»...

Вотъ эта дубрава и представляетъ перегородку, защищающую глотку кита отъ поврежденій какимъ-нибудь

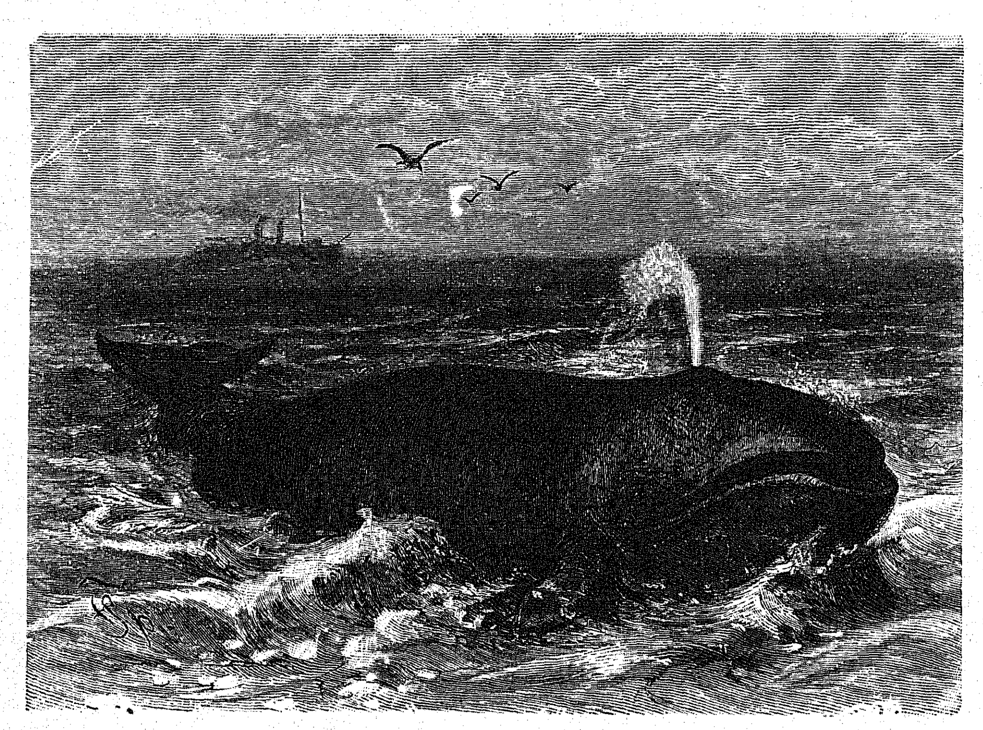

Черепъ кита съ китовыми усами.

большимъ, твердымъ предметомъ. Природа, доведя это животное до колоссальныхъ размѣровъ, присудила ему питаться маленькимъ сѣвернымъ кліопомъ.

Китъ уничтожаетъ каждый день цѣлые милліарды этихъ крохотныхъ (въ сравненіи съ нимъ) молюсковъ. Одинъ индивидъ такого кита стоитъ жизни цѣлымъ милліардамъ маленькихъ молюсокъ.

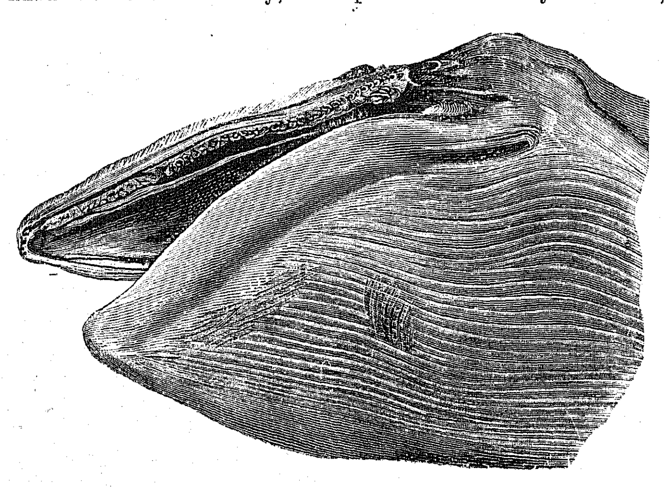
Но эти молюски, въ свою очередь, потребляютъ страшно много жизней другихъ, болѣе мелкихъ молюсковъ. Онѣ постоянно хватаютъ и грызутъ своими крючкообразными зубами молюсковъ одной съ ними группы, такъ называемыхъ «крылоногихъ» (Pteropoda). Слѣдовательно жизнь кита построена на взаимномъ уничтоженіи всѣхъ этихъ молюсокъ.

Гренландскій китъ.

Благодаря сводообразно выгнутымъ челюстямъ, верхняя часть головы кита выдается въ видѣ тупой пирамиды, и вся голова принимаетъ странную пирамидальную форму. Уродливость ея еще болѣе увеличиваетъ положеніе маленькихъ, но зоркихъ глазъ, которые сидятъ съ боку головы, около разрѣза рта. Положеніе весьма невыгодное для громаднаго животнаго. Если оно лишится одного глаза, то оно не будетъ въ состояніи пользоваться другимъ глазомъ и будетъ совершенно слѣпо на одну сторону тѣла. При этомъ голова его неподвижна, шеи нѣтъ. Оно должно, слѣдовательно, поворачивать все свое гигантское, неуклюжее тѣло справа налѣво для того, чтобы увидѣть, что творится съ лѣвой стороны его.

Громадное, колоссальное животное вовсе не приспособлено ни къ нападенію, ни къ защитѣ, если не считать за органъ защиты гигантскій плёсъ. Вся надежда кита на его величину, которая весьма внушительна,

Голова китоваго зародыша. Рядъ зубовъ верхней челюсти обнажена.

только не для враговъ его. Да и вообще китъ представляется парадоксальнымъ явленіемъ въ царствѣ животныхъ. Онъ имѣетъ громадную пасть, но эта пасть почти вовсе не можетъ раскрываться. Притомъ всякій доступъ въ пищепріемный каналъ загороженъ цѣлымъ лѣсомъ роговыхъ пластинокъ — китовыхъ усовъ. Наконецъ, само пищепріемное горло такъ узко, что въ него можетъ проходить только очень маленькій кусокъ.

Приспособившійся къ жизни въ океанѣ, китъ долженъ вѣчно скитаться въ этой громадной, но слишкомъ однообразной области. Онъ можетъ совершать гигантскіе прыжки, можетъ совершенно выскакивать изъ воды, но онъ лишенъ всякой гибкости и изворотливости. Онъ не можетъ, подъ страхомъ неминуемой смерти, приближаться къ берегу и переходить извѣстную черту, которую провела для него природа.

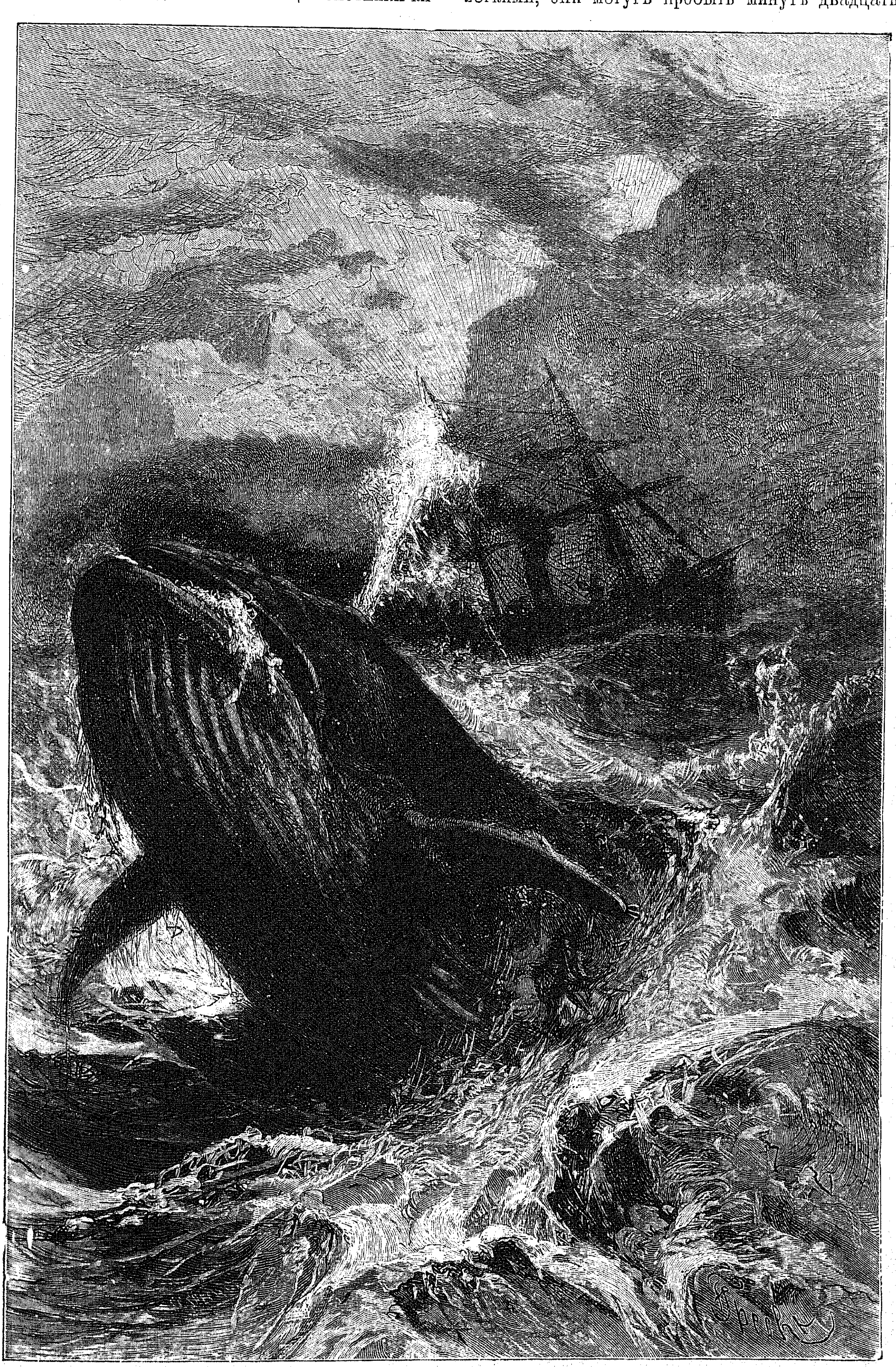
Если онъ во время скачковъ подпадетъ подъ власть вѣтра и волнъ, то онъ непремѣнно будетъ выброшенъ на берегъ и погибнетъ.

Осужденный жить постоянно въ открытомъ морѣ, китъ не можетъ встрѣтить столько впечатлѣній, сколькимъ постоянно подвергается какой-нибудь береговой житель. У него нѣтъ импульсовъ, которые бы толкали его органы на развитіе. Почти вся голова его представляетъ громадную клѣтку для помѣщенія китовыхъ усовъ. Въ ней,

какъ и во всемъ костякѣ, отведено большое мѣсто для отложенія жира. Ея пирамидальная верхушка вся отдана этому отложенію жира. Громадныя толщи его откладываются на всемъ тѣлѣ, и для этихъ толщъ охотники-китобои гоняются и убиваютъ исполинское животное. Все его тѣло, можно сказать, окутано слоемъ жира въ одинъ, два и даже—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—въ четыре фута.

Жиръ, какъ теплая шуба, защищаетъ отъ холода въ 40 и 50 градусовъ, который постоянно окружаетъ привычной средой тѣло этого сѣвернаго гиганта.

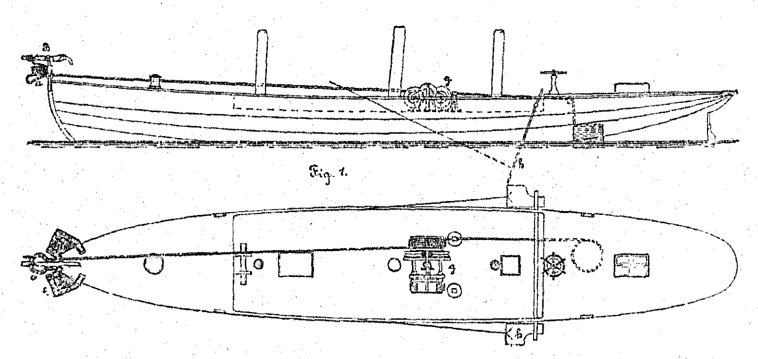
Киты, какъ и всѣ млекопитающія животныя, дышатъ легкими, они могутъ пробыть минуть двадцать, полчаса подъ водой, но дальнѣйшее пребываніе въ этой стихіи влечетъ за собою задушеніе и смерть. Ноздри ихъ помѣщены довольно высоко на головѣ и далеко отъ ея передняго края. Онѣ ведутъ прямо въ полость рта. Китъ

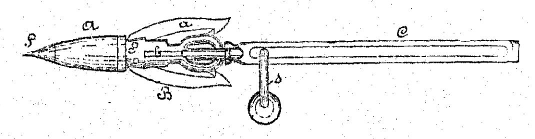
Китовая охота. Смертельно раненый.

невольно набираетъ черезъ эти ноздри довольно много воды и эту воду вмѣстѣ съ воздухомъ и углекислотой онъ выбрасываетъ вонъ, высоко въ воздухъ, въ видѣ фонтана изъ мелкихъ водяныхъ капель.

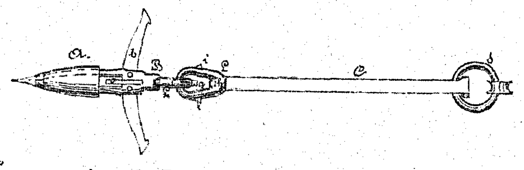
Сравнивая позвонки въ скелетѣ кита, мы видимъ, что наибольшаго развитія достигаютъ позвонки задней части тѣла. Это та часть, которая служитъ преимущественно для движенія. Снабженная громаднымъ плёсомъ, раздвоеннымъ на двѣ лопасти, заостренныя на концахъ, далеко отходящія въ стороны, этотъ плёсъ составляетъ единственное орудіе защиты. Ударъ по водѣ этого орудія производитъ впечатлѣніе выстрѣла изъ пушки, и горе той лодкѣ или даже цѣлому пароходу, который подвергнется подъ взмахъ этого удара. Лодка будетъ разбита буквально въ щепы.

Фиг. 1. Разрѣзъ китобойнаго парохода.

Фиг. 2. Гарпунъ передъ выстрѣломъ.

Фиг. 3. Положеніе гарпуна въ тѣлѣ кита.

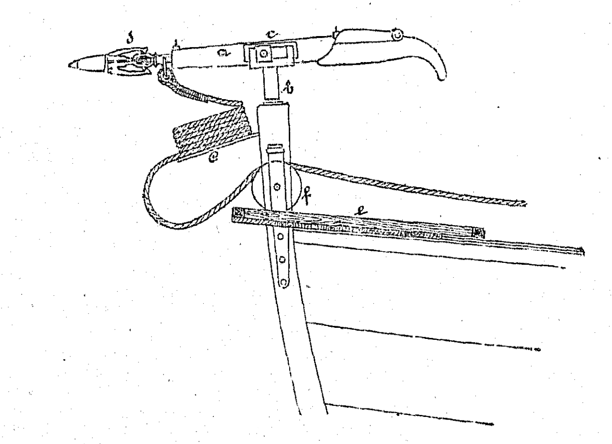
Въ прежнее время, когда еще не существовали нынѣшніе способы боя китовъ изъ дальнобойныхъ пушекъ, охотники-китобои иногда попадали подъ гигантскіе удары китоваго плеса. Лодка, преслѣдовавшая кита, разбивалась отъ этихъ ударовъ, а охотники погибали въ морѣ.

Въ это отдаленное отъ насъ время охота на кита представлялась и дѣйствительно была опаснымъ подвигомъ. Она обыкновенно совершалась такъ: нѣсколько лодокъ высматривали кита; въ этомъ имъ помогали люди на корабляхъ или пароходахъ, наблюдавшіе огромное пространство съ высокихъ гротъ-мачтъ. Всѣ слѣдили съ нетерпѣніемъ и выслѣживали беззащитное животное, которое плыло или отдыхало неподвижно, не подозрѣвая опасности и готовящагося на него нападенія.

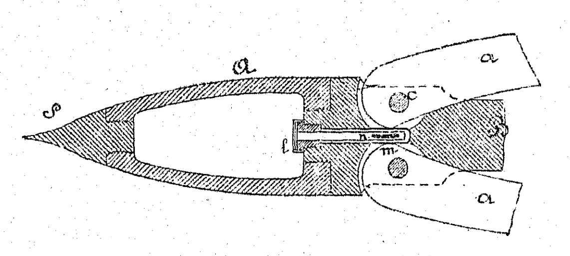
«Китъ!» кричитъ сторожевой матросъ съ гротъ-мачты, и вся флотилія встрепенется. «Гдѣ? гдѣ?»—кричатъ матросы, и каждый старается примѣтить едва чернѣющее въ волнахъ чудовище. Наконецъ всѣ, или почти всѣ, видятъ его, и тотчасъ же къ нему отправляется цѣлая флотилія лодокъ, между которыми нѣкоторыя впереди, везутъ китобоевъ, вооруженныхъ длиннымъ гарпуномъ, которымъ каждый китобой владѣетъ мастерски и кидаетъ его твердой, опытной рукой въ чернѣющую массу кита.

Теперь уже нѣтъ такихъ ловкихъ китобоевъ, они исчезли или почти исчезаютъ. Ихъ замѣнили механическія приспособленія и взрывчатыя вещества. Въ общихъ, главныхъ чертахъ, вотъ описаніе этихъ механическихъ приспособленій, примѣненнымъ Свендъ-Фойномъ.

Для китоловства Свендъ-Фойнъ употребляетъ пароходы съ быстрымъ ходомъ, длиною около 42½ аршинъ. На рисункѣ (фиг. 1) показанъ корабль; фиг. 4 изображаетъ переднюю его часть съ пушкою. Впереди на станкѣ *в* (фиг. 4) стоитъ вѣсящая 36 пудовъ изъ лучшей литой стали пушка *a*, 2¼-вершковаго калибра; соотвѣтствующимъ механизмомъ она съ легкостью можетъ быть повернута въ любомъ направленіи. По обѣимъ сторонамъ пушки придѣланы выдающіяся доски *e* для стрѣлковъ. Въ лафетъ, гдѣ покоится пушка, позади мѣдныхъ пластинокъ пушечныхъ цапфъ, укрѣплены куски каучука, принимающіе толчокъ пушки. Зарядъ состоитъ изъ обыкновеннаго пороха, но сильное дѣйствіе его на гарпунъ должно быть нѣсколько смягчено эластическимъ предварительнымъ зарядомъ. Послѣдній состоитъ изъ слоя пакли, затѣмъ каучука, и, наконецъ, между этимъ и гарпуномъ, слоя шерсти. Только такимъ образомъ можно выстрѣлить гарпуномъ, не повреждая его. Внизу пушки находится поперечная пластинка *c*, на которую наматывается передняя часть соединеннаго съ гарпуномъ каната, въ количествѣ, превосходящемъ разстояніе выстрѣла. Задняя, большая часть каната идетъ прежде по блоку *f*, находящемуся у

Фиг. 4. Носовая часть парохода съ орудіемъ.

Фиг. 5. Граната въ разрѣзѣ.

лафета, и затѣмъ по особенно устроенному вороту *g*, на шпульки котораго она наматывается, и потомъ въ трюмъ, гдѣ ея сложено нѣсколько морскихъ миль. Конецъ каната скрѣпленъ съ килемъ. Воротомъ управляетъ одинъ человѣкъ и можетъ однимъ движеніемъ соединить его съ пароходною машиною и такимъ образомъ приводить его въ дѣйствіе одною помощью всей силы машины, или же вмѣстѣ съ двигателемъ. Это даетъ возможность, смотря по быстротѣ движеній кита, отпускать канатъ и притягивать его.

Въ виду того, что раненый китъ движется съ необыкновенною быстротою, канатъ, при помощи ворота, долженъ быть такъ скоро распускаемъ, чтобы скорость влекомаго китомъ корабля не переходила извѣстныя границы, иначе сопротивленіе корабля будетъ больше, чѣмъ можетъ выдержать канатъ. Но какъ только китъ уменьшитъ скорость, или измѣнитъ направленіе, канатъ долженъ быть снова очень быстро притянутъ. Очень важно держать отпущенный конецъ каната короче, тогда можно удержать кита на поверхности воды; онъ наполняется воздухомъ и отъ усилій скорѣе ослабѣваетъ. Напротивъ, если животное погружается глубоко, воздухъ изъ него выдавливается, и оно сохраняетъ полную силу. Такимъ образомъ, помощью ворота, можно управлять движеніями кита. Послѣ нѣкотораго времени китъ настолько истощенъ, что предосторожность эта становится ненужной; тогда дозволяютъ ему тащить пароходъ, что однако происходитъ еще съ значительною скоростью. Теперь, для окончательнаго и быстраго обезсиленія кита, слѣдуетъ увеличивать сопротивленіе. Для этого постепенно вставляютъ въ воду, въ поперечномъ направленіи съ обѣихъ сторонъ корабля, весла (*b* въ фигурѣ 1). Нижніе концы веселъ прикрѣплены къ блокамъ, а верхніе къ поперечинамъ надъ кораблемъ.

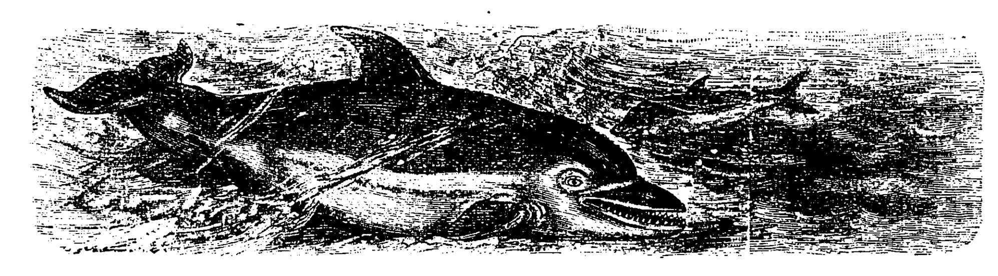
Чрезвычайно остроумно устройство гарпуна. На фиг. 2 онъ изображенъ готовымъ для вкладыванія въ пушку; на фиг. 3 въ такомъ видѣ, какъ онъ находится въ китѣ. Гарпунъ состоитъ изъ трехъ главныхъ частей: гранаты А, захвата для крюковъ В, и стержня или задней части. Послѣдняя вставляется въ пушку и снабжена длиннымъ разрѣзомъ, въ которомъ сквозитъ кольцо, за которое закрѣпленъ канатъ. Канатъ сучится изъ лучшей манильской

конопли, въ $3^1/_2$ вершка толщины, и можетъ выдержать тяжесть въ 1200 пудовъ. Для того чтобы гарпунъ не сломался при неистовыхъ движеніяхъ кита захватъ B соединенъ колѣнчатообразно со стержнемъ петлями. Однако при выстрѣлѣ всѣ части должны имѣть твердое соединеніе, для чего петли снабжены припаянными втулками, которыя входятъ въ соотвѣтствующія углубленія h. Для этой же цѣли на петляхъ имѣются шипы, за которые цѣпляются находящіяся на четырехъ крюкахъ возвышенія, и такимъ образомъ препятствуютъ петлямъ раздвигаться. Для большей вѣрности, вокругъ крюковъ намотаны тонкія веревки, которыя сползаютъ при проникновеніи гарпуна въ тѣло животнаго; крюки при натягиваніи каната могутъ легко раздвигаться и принимать такое положеніе, какъ показано на фиг. 3, точно также и петли дѣлаются подвижными, какъ звенья цѣпи, и дозволяютъ вертѣться киту безъ поврежденья гарпуна. Крюки вертятся вокругъ втулокъ c.

На фиг. 5 изображена граната въ разрѣзѣ. Она привинчивается къ ручкѣ и снабжена кованнымъ желѣзнымъ остріемъ s. Граната наполняется 7 фунтами пороха, который воспламеняется при раздвиганіи крюковъ. Въ то время какъ короткіе концы m крюковъ раздавливаютъ стеклянную трубочку съ концентрированною сѣрною кислотою, жидкость выливается въ каучуковую трубочку n, содержащую смѣсь хлорнстокислаго кали и сахару. Сѣрная кислота способствуетъ воспламененію смѣси; образовавшійся огонь проникаетъ въ порохъ чрезъ мѣдную трубочку, находящуюся въ каучуковой трубкѣ. Граната привинчена къ ручкѣ очень слабо и при воспламененіи немедленно отдѣляется, проникаетъ въ тѣло, гдѣ и разрывается.

По умерщвленіи кита, его поднимаютъ воротомъ на поверхность.

Нѣсколько громадныхъ крючковъ на крѣпкихъ цѣпяхъ вонзаются въ него и держатъ его на вѣсу. Весь экипажъ, вооруженный широкими ножами и топорами, облѣпляетъ трупъ со всѣхъ сторонъ. Точно черныя мухи, копошатся люди вокругъ умершаго гиганта. Тѣло его вертится, подвѣшенное на цѣпяхъ, и быстро разрѣзывается на толстыя и широкія ленты. Главный и болѣе цѣнный продуктъ—жиръ укладывается въ заранѣе приготовленныя бочки.

Дельфинъ.

Убійство кита производитъ тяжелое впечатлѣніе. Человѣкъ здѣсь какъ бы чувствуетъ свое ничтожество передъ исполиномъ океана, и въ то же время свое превосходство передъ его средствами защиты и собственными орудіями нападенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ни въ какой другой охотѣ онъ не проливаетъ столько крови, какъ въ охотѣ за китомъ. Это цѣлое море крови, среди океана холодной, ледяной воды. Вотъ разсказъ одного изъ очевидцевъ этой охоты, или лучше сказать, этого убійства, напоминающаго бойню съ ея кровавыми потоками.

«Воображеніе человѣка, — говоритъ онъ, — не можетъ представить ничего болѣе отвратительнаго, чѣмъ это зрѣлище. Раненый китъ мечется во всѣ стороны, бросается впередъ или назадъ. Онъ дѣлаетъ гигантскіе прыжки. Все море, вокругъ покрывается его кровью и пѣной. Погружаясь въ глубину, онъ производитъ громадныя воронки, въ которыхъ крутится морская вода и кровь. Выплывая на поверхность, онъ подвергается новымъ нападеніямъ. Въ него бросаютъ остроги и гарпуны. Отъ его бѣшеныхъ прыжковъ все море кругомъ кипитъ и пѣнится».

Трупъ убитаго кита очень скоро загниваетъ. Вотъ почему разрѣзываніе его тѣла и выборка жира производится съ возможно большей поспѣшностью. Матросы спѣшатъ, какъ на пожарѣ. Если они не успѣютъ убраться въ тотъ же день, когда китъ убитъ, то тѣло его разбухаетъ, вздувается, какъ губка, наполняется газами и наконецъ лопается, производя сильный взрывъ, въ родѣ пушечнаго выстрѣла.

Изъ головы кита вынимаютъ вещество еще болѣе цѣнное, чѣмъ жиръ его. Это спермацетъ, похожій на полупрозрачный воскъ и употребляемый преимущественно на лѣкарство. Жиръ обыкновенно топятъ, для чего разрѣзываютъ его особенной машиной на кружки и растапливаютъ ихъ.

Изъ кита получается также особенное вещество, извѣстное подъ названіемъ *амбры*. Это ароматическое выдѣленіе буроватаго цвѣта, маслянистое и съ сильнымъ, пріятнымъ запахомъ. Его находятъ или въ выдѣлительныхъ органахъ кита или плавающимъ на поверхности моря.

Киты-полосатики, водятся не только въ Сѣверномъ или Ледовитомъ океанѣ, но и въ Южномъ, который скорѣе, чѣмъ Сѣверный, заслуживаетъ названіе «Ледовитаго». Воды его холоднѣе, ледяныя горы выше и проходъ къ южному полюсу охраняется такой массой льдовъ и стамухъ, что почти никто изъ изслѣдователей не отважился пробраться къ нему. Только въ 1898 г. снаряжается въ Англіи антарктическая экспедиція—къ южному полюсу.

Кромѣ человѣка, истребляющаго громадное количество китовъ въ Сѣверномъ океанѣ, эти киты имѣютъ и другихъ враговъ, и самый сильный изъ нихъ, это—дельфины. Это тоже киты, но гораздо меньше кита-полосатика.

Дельфинамъ принадлежитъ будущее всей группы китовъ. Это молодые члены цѣлой группы,—живые, бойкіе, рѣзвые, быстро плавающіе и прыгающіе. Тогда какъ отечество китовъ ограничено океанами и открытымъ моремъ, дельфины—космополиты, живущіе почти во всѣхъ моряхъ обоихъ полушарій, водящіеся и въ открытомъ морѣ, но преимущественно у береговъ. Здѣсь эти—страшные хищники—нападаютъ на рыбу и поѣдаютъ ея огромное количество. Они страшно обжорливы, и, вѣроятно, потому ихъ зовутъ «морскими свиньями», хотя, по ихъ ухваткамъ и образу жизни, ихъ вѣрнѣе и справедливѣе можно бы было назвать «морскими собаками». Они зубасты, какъ собаки. Во рту ихъ въ обѣихъ челюстяхъ рядъ ровныхъ, небольшихъ, но острыхъ зубовъ, и, пользуясь ими, они смѣло нападаютъ на самое крупное изъ всѣхъ крупныхъ животныхъ, т. е. на кита-полосатика.

Они живутъ обществами, плаваютъ большими стаями и бросаются на все живое.

Я вспоминаю теперь мое первое знакомство съ этими животными. Я увидѣлъ ихъ въ первый разъ въ Крыму, въ Гурзуфскомъ заливѣ, на берегу котораго, въ Гурзуфѣ, я провелъ лѣто въ 1864 году. Это былъ чудный уголокъ Чернаго моря, маленькая бухточка, совершенно закрытая скалами, но и въ ней поднимались большія волны отъ сильныхъ вѣтровъ. Дельфины являлись цѣлыми стаями въ разное время дня, но преимущественно утромъ, когда солнце только что поднималось надъ горизонтомъ, въ тихое, ясное утро, когда еще не было волненія и ярко выдѣлялись ихъ черныя, лоснящіяся спины отъ аквамариноваго цвѣта морской воды. Они долго играли, кувыркались и выгибали спины, гоняясь за рыбой, дѣлали удивительные пируэты, выскакивая совершенно изъ воды и сгибая все свое тѣло такъ, чтобы спинной плавникъ былъ на верху. Не служитъ ли это движеніе,—думалъ я,—для притока крови, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ развивается спинной плавникъ, или этотъ плавникъ развился, какъ

и все въ дельфинѣ преобразилось, въ силу закона подражанія, вслѣдствіе того, что звѣрь, попавъ въ море и увидавъ тамъ рыбъ, самъ захотѣлъ сдѣлаться рыбой?! Вмѣстѣ съ ними являлись стаи корморановъ, которые также охотились за рыбой. Вѣроятно, между морскими собаками и этими большими птицами существуютъ какія-нибудь отношенія, но подмѣтить ихъ мнѣ не удалось. У дельфиновъ точно такъ же, какъ у многихъ другихъ китовъ, подражаніе рыбообразной формѣ доведено до мельчайшихъ подробностей.

Черепъ дельфина.

На прилагаемомъ рисункѣ представлено нападеніе дельфиновъ на кита. Несчастный, беззащитный, молодой китенокъ не знаетъ, чѣмъ и какъ отъ нихъ защититься и освободиться. Вся бѣда его въ томъ, что онъ слишкомъ близко подплылъ къ берегу, гдѣ скрывалась цѣлая стая «морскихъ собакъ». Онъ еще очень молодъ и можетъ быть даже не зналъ, что существуютъ такіе враги, какъ зубастыя морскія собаки. Онъ зашелъ за прибрежные камни и попался. Цѣлая стая окружила его со всѣхъ сторонъ. Напрасно онъ барахтается, плещется, бьетъ по водѣ своимъ сильнымъ плесомъ,—морскія собаки не отстаютъ, онѣ увертываются, ныряютъ и съ яростью дѣлаютъ свое дѣло... Онѣ добились того, что несчастный китъ раскрылъ свой ротъ, но вѣдь въ этомъ ртѣ нѣтъ острыхъ зубовъ. Въ немъ только лѣсъ невинныхъ китовыхъ усовъ, да мясистый, толстый языкъ, и вотъ на этотъ языкъ напали морскія собаки. Онѣ впустили въ него свои острые зубы. Онѣ съ жадностью лижутъ и сосутъ ручьями льющуюся кровь. Какова должна быть боль несчастнаго кита! Но вѣдь это все равно для «морскихъ собакъ». Онѣ не покинутъ его, не отстанутъ отъ этой добычи до тѣхъ поръ, пока китъ, измученный болью и потерей крови, не будетъ выброшенъ на прибрежные камни и не сдѣлается добычей чаекъ-рыбалокъ, шакаловъ и разныхъ приморскихъ хищниковъ.

Черепъ кашалота.

Какъ въ южныхъ, такъ и въ сѣверныхъ моряхъ, и преимущественно въ первыхъ, водится одна изъ формъ китовъ, которая составляетъ какъ бы переходъ отъ настоящихъ китовъ (Balenidae) къ дельфинамъ и дельфинообразнымъ китамъ. Это чудовище, не менѣе громадное, какъ и китъ-полосатикъ. Его зовутъ *кашалотомъ*. Представьте себѣ морского исполина съ огромной, какой-то призматической или кубической головой, совершенно прямо обрубленной впереди. Узкая нижняя челюсть вооружена однимъ рядомъ очень рѣдкихъ, но острыхъ и длинныхъ зубовъ.

Скелетъ дельфина.

Кашалотъ лучше защищенъ, чѣмъ китъ-полосатикъ. Онъ, несмотря на свою неуклюжую фигуру съ массивной головой, гораздо изворотливѣе и быстрѣе въ своихъ движеніяхъ, чѣмъ полосатикъ. Впрочемъ его массивная, неуклюжая голова очень легка, такъ какъ почти вся она наполнена легкимъ спермацетомъ. Для спермацета и преслѣдуютъ этого кита сѣверные и южные китобои.

Кашалотъ гораздо подвижнѣе, быстрѣе въ своихъ движеніяхъ, чѣмъ полосатикъ. Онъ быстро выпрыгиваетъ изъ воды. Защищаясь, онъ пускаетъ въ ходъ свои острые зубы. Одинъ разъ англійскій китобойный пароходъ «Эссексъ» ранилъ кашалота гарпуномъ, брошеннымъ съ лодки. Кашалотъ ударилъ хвостомъ, но къ счастью не попалъ въ лодку, которая тѣмъ не менѣе сильно пострадала отъ этого удара. Въ то время, когда матросы были заняты починкой этой лодки, громадный кашалотъ снова появился на поверхности, смотрѣлъ нѣсколько минутъ на корабль, ранившій его, и затѣмъ снова погрузился на дно, но черезъ нѣсколько минутъ онъ опять появился и съ бѣшенствомъ, какъ стрѣла, бросился на корабль, причемъ сдѣлалъ въ немъ пробоину. Своей громадной головой онъ, какъ тараномъ, ударился въ одинъ изъ бортовъ его. Затѣмъ, подплывъ подъ киль, перевернулся и толкнулъ его. Но эти два удара не удовлетворили чудовище. Онъ очевидно хотѣлъ уничтожить самый корабль. Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ онъ снова налетѣлъ и ударилъ въ его носовую часть. Получивъ эту новую рану, корабль пошелъ ко дну. Изъ его экипажа спаслись очень немногіе.

Другой американскій корабль «Александръ» также былъ аттакованъ кашалотомъ и погибъ. Четыре мѣсяца послѣ его гибели экипажъ другого судна «Ревекка» убилъ громаднаго кашалота. Два гарпуна были воткнуты въ его тѣло, и на каждомъ гарпунѣ была надпись «Александръ». Кашалотъ этотъ, очевидно, былъ въ ненормальномъ состояніи. Онъ несъ на себѣ, кромѣ двухъ гарпуновъ, и другіе слѣды столкновеній. Въ головѣ его торчали въ глубокой ранѣ доски съ парохода. Онъ очевидно съ страшной силой ударился и можетъ быть не одинъ разъ въ бортъ корабля. Сохранились разсказы о такихъ случаяхъ, когда кашалоты бросались на корабли безъ всякаго повода съ ихъ стороны. Такому нападенію напримѣръ подвергся англійскій корабль «Waterloo».

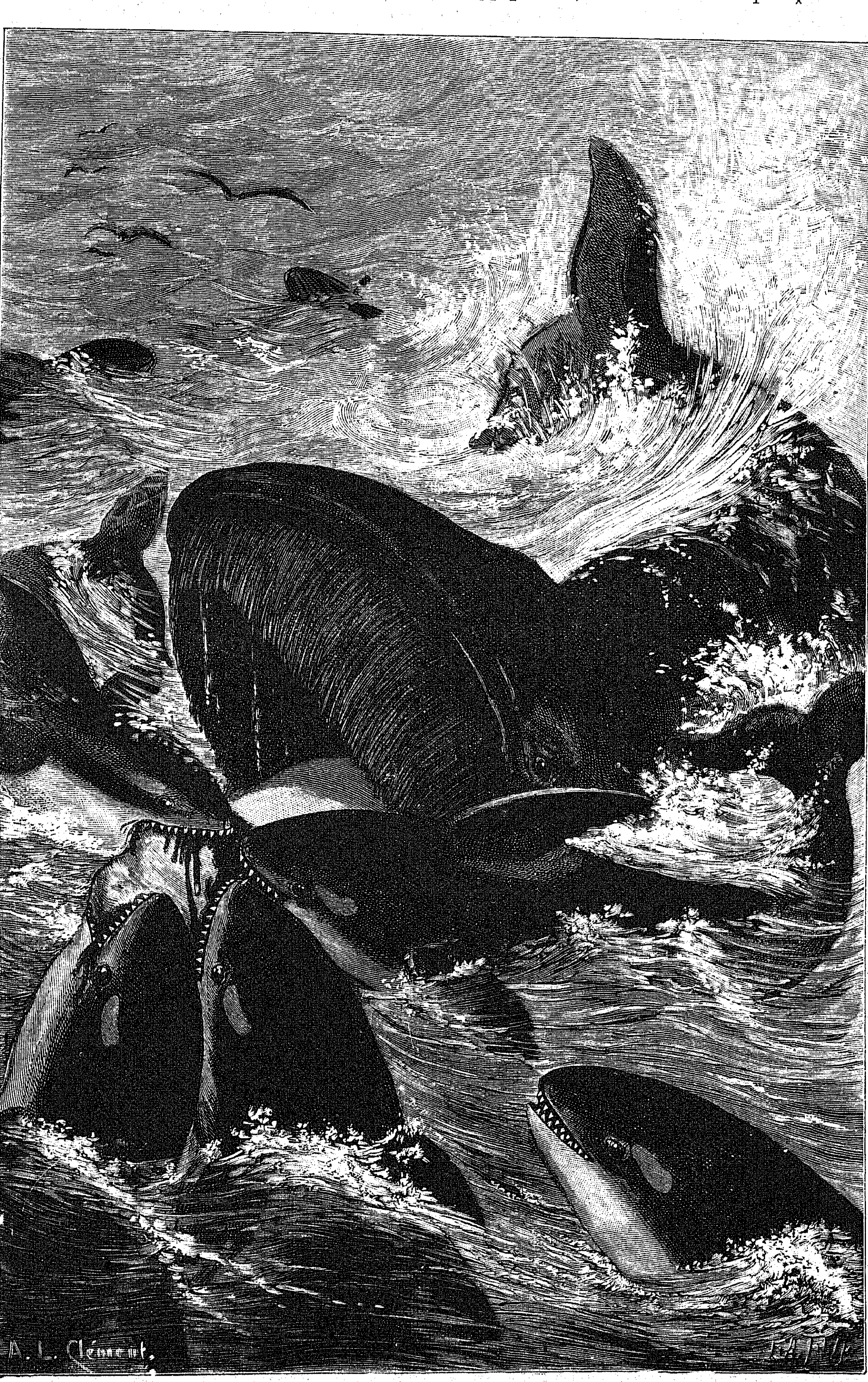
Къ этимъ разсказамъ можно присоединить еще очень характерный разсказъ Пехуэль-Лёше: «16 декабря 1867 г. напало судно «Osceola» на громаднаго кашалота, но онъ увернулся и, напавъ въ свою очередь на лодку, которая бросила въ него гарпунъ, буквально раздробилъ ее своими крѣпкими челюстями. Другой капитанъ бросился на помощь несчастному экипажу, и лодка его подверглась той же участи. Тогда для спасенія матросовъ были посланы два запасныхъ судна, но оба были встрѣчены чудовищемъ съ такой яростью, что должны были вернуться на корабль. Тогда кашалотъ двинулся на нихъ, толкнулъ ихъ своимъ громаднымъ тѣломъ и унесъ изъ ихъ лодокъ нѣсколько досокъ. Цѣлую ночь оба непріятеля провели другъ противъ друга. На утро китъ былъ очевидно утомленъ. Онъ получилъ нѣсколько выстрѣловъ, тащилъ за собою веревку и доски и вскорѣ былъ убитъ.

Голова кашалота очевидно служитъ ему орудіемъ нападенія, тараномъ для пробиванія бортовъ судовъ. Мозгъ его, весьма незначительный, защищенъ отъ поврежденій громадной толщей спермацета. У нѣкоторыхъ формъ дельфина мы видимъ переходъ къ такому устройству головы.

Эта голова, раздута въ видѣ шара, какъ у замѣча-

тельнаго во многихъ отношеніяхъ дельфина, такъ называемаго, *шароголовика* (Globicephalus globiceps). Этотъ дельфинъ встрѣчается громадными стаями около береговъ Сѣверной Америки и о-въ Фарерскихъ. Онъ рѣзко отличается своимъ чернымъ цвѣтомъ, почему и извѣстенъ болѣе подъ именемъ *чернаго кита.* Онъ водится и въ Ледовитомъ океанѣ, откуда заходитъ въ Атлантическій океанъ и очень рѣдко появляется даже въ Средиземномъ морѣ.

Туловище этого дельфина немного сжато съ боковъ, и это даетъ ему возможность плавать быстрѣе, чѣмъ другіе дельфины. Его передніе ласты или плавники острѣе и длиннѣе, чѣмъ у прочихъ дельфиновъ. Но главное отличіе его отъ всѣхъ прочихъ формъ дельфиновъ заключается въ интеллектуальныхъ способностяхъ и, прежде всего, въ его соціальной, общественной жизни. Благодаря этой жизни, благодаря тому, что этотъ дельфинъ является громадными стадами, онъ приноситъ точно также громадную пользу всѣмъ жителямъ маленькихъ острововъ Гренландіи. Жители встрѣчаютъ его появленіе около береговъ, какъ посланіе неба. Вотъ какъ описываетъ очень добросовѣстный наблюдатель, Граба, появленіе этихъ животныхъ около острововъ Фаррерскихъ, близъ селенія Торсгафенъ.

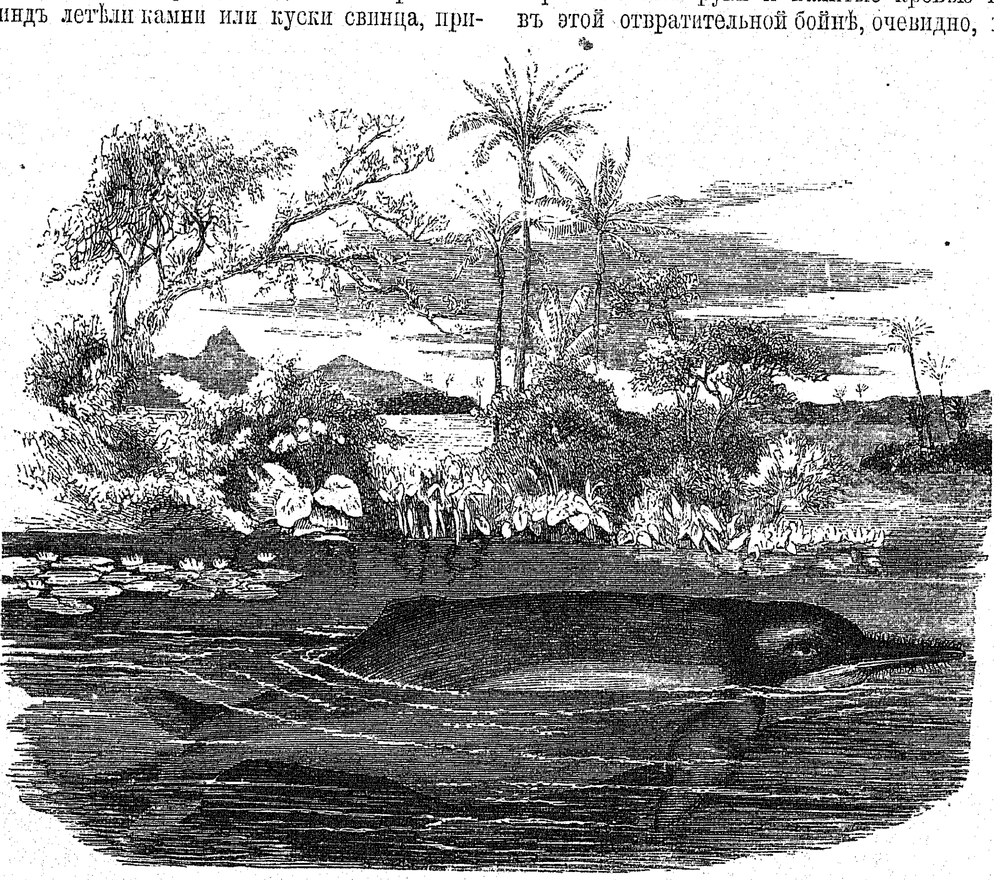
Дельфины-касатки, нападающіе на кита.

«Второго іюля со всѣхъ сторонъ вдругъ раздался громкій радостный крикъ: «Гринда!» Такъ зовутъ этого кита гренландцы, и этотъ крикъ означалъ, что какая-нибудь лодка, изъ наблюдавшихъ за китомъ, открыла стадо этихъ китовъ. Въ одинъ мигъ весь Торсгафенъ былъ на ногахъ. Всѣ радовались тому, что вскорѣ придется полакомиться мясомъ кита. Народъ бѣгалъ, суетился. Всѣ были радостно возбуждены и какъ бы испуганы, точно къ острову приближался непріятель. Одни бѣжали къ лодкамъ, другіе за китовыми ножами. Все ожило и радостно завозилось. И вотъ отъ берега отчаливаютъ одиннадцать восьми-весельныхъ лодокъ. Люди, сбросивъ куртки, гребли съ такимъ возбужденіемъ, что лодки неслись, какъ стрѣлы.

«Мы пошли на горы, чтобы увидѣть всю картину этой

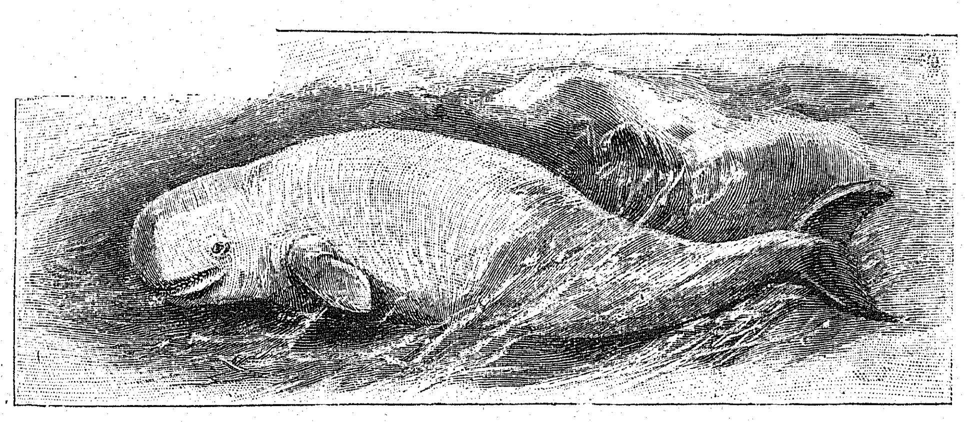
общей суматохи. Въ зрительную трубу мы увидѣли двѣ лодки, подавшія сигналъ о появленіи китовъ. Съ ближайшей деревни и съ сосѣдней горы поднялись два столба дыма. Это былъ знакъ, что киты приближаются. Вскорѣ мы увидѣли громадное стадо китовъ, вокругъ котораго всѣ лодки расположились широкимъ полукольцомъ. До двадцати лодокъ, на разстояніи 100 саженъ одна отъ другой, окружили стадо и тихо гнали его передъ собою къ Торсгафенской бухтѣ. Мы увидѣли приблизительно четвертую часть всѣхъ китовъ. Все огромное стадо было передъ нами, какъ на ладони. У одной гринды высовывалась голова, у другой спинной плавникъ, у третьей вся спина была наружу и двигалась въ видѣ чернаго бревна. Когда гринды пробовали проскользнуть въ промежутки между лодками, то гребцы поднимали страшный крикъ, и въ гриндъ летѣли камни или куски свинца, привязанные на длинныхъ веревкахъ. Если они бросались впередъ, то и гребцы бросались за ними съ такой силой, что весла ломались. За порядкомъ ловли наблюдали начальники и тотчасъ же возстановляли порядокъ. Все это совершалось такъ быстро, что, я думаю, едва ли лошадь на полномъ скаку могла бы догнать нашу яхту.

«Когда китовъ подогнали къ входу въ гавань, и имъ уже нельзя было вырваться, то мы, оставивъ ловлю, отправились быстро въ городъ. Весь берегъ былъ покрытъ народомъ. Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ кроваваго зрѣлища избіенія китовъ. Мы выбрали удобное мѣсто, съ котораго было все отлично видно. Весь берегъ былъ покрытъ народомъ. Чѣмъ ближе подплывали киты, тѣмъ больше и больше выказывали они безпокойства. Сбившись въ тѣсную кучу, они уже не обращали вниманія ни на крики, ни на удары каменьевъ и веселъ. Кольцо лодокъ между тѣмъ стягивалось все тѣснѣе и тѣснѣе вокругъ этихъ несчастныхъ жертвъ, и онѣ плыли все медленнѣе и медленнѣе, какъ бы предчувствуя ту бѣду, которая ожидала ихъ въ гавани. Когда же онѣ вошли въ Вестервакъ, тогда онѣ остановились, и многія изъ нихъ начали поворачиваться назадъ. Наступила критическая минута. Тревога и боязнь, что киты уйдутъ, были написаны на лицѣ каждаго ловца. Вдругъ раздались страшные дикіе крики, всѣ лодки бросились на гриндъ и начали колоть ихъ широкими гарпунами. Гринды бросились впередъ и начали выскакивать на берегъ. Все стадо слѣдовало ихъ примѣру. И тутъ развернулась передъ нами отвратительная картина ужасной бойни. Ловцы, вооруженные обоюдоострыми гарпунами, кололи ими направо и налѣво, люди, бывшіе на берегу, бросались въ воду, шли по горло въ водѣ къ раненымъ животнымъ, захватывали ихъ крючьями; на каждаго кита нападало три, четыре человѣка, и, вытащивъ его на берегъ, они перерѣзывали ему горло до спинныхъ позвонковъ. Все пространство, въ которомъ совершалось это страшное избіеніе беззащитныхъ животныхъ, кипѣло и пѣнилось, и вся вода въ заливѣ окрашивалась ихъ кровью. Цѣлые фонтаны крови поднимались изъ ихъ ноздрей. Человѣкъ превращался здѣсь въ кровожадное животное, онъ пьянѣлъ отъ избытка окружавшей его крови. Больше тридцати лодокъ, триста человѣкъ, восемьдесятъ убитыхъ и живыхъ китовъ, все это было скучено на нѣсколькихъ саженяхъ. Все это кричало и шумѣло. Вездѣ мелькали окровавленныя руки и налитые кровью глаза. Человѣкъ въ этой отвратительной бойнѣ, очевидно, не владѣлъ уже собой. Онъ забывался и жаждалъ только одного — крови и убійства. Онъ забывалъ всякое благоразуміе и осторожность, и только, когда ударъ одного кита убилъ одного изъ матросовъ, а другой китъ разбилъ лодку съ избивавшими ихъ матросами, тогда лишь они сдѣлались осторожнѣе. Вся вода окрасилась кровью, такъ что въ ней ужъ ничего нельзя было видѣть, и всѣ еще живыя гринды толпились безъ толку и, обезумѣвши, толклись на одномъ и томъ же мѣстѣ. По суевѣрнымъ признакамъ мѣстныхъ жителей, гринды боятся пасторовъ и беременныхъ женщинъ. Если пасторъ появится на берегу, то всѣ ловцы убѣдительно просятъ его спрятаться, хоть за лодку. По ихъ понятіямъ, гринды совсѣмъ не могутъ переносить вида беременныхъ женщинъ; если онѣ появятся, то всѣ просятъ ихъ скорѣе удалиться или обращаются съ этой просьбой къ полиціи, чтобы она удалила ихъ, что, разумѣется, она не въ силахъ исполнить. Несмотря на присутствіе этихъ женщинъ, все стадо изъ восьмидесяти дельфиновъ было перебито. Обыкновенно же рыбаки выпускаютъ одну гринду, въ полной увѣренности, что она на будущій годъ вернется и приведетъ за собой другихъ. Когда китовъ очень много, стадо велико, въ нѣсколько сотъ штукъ,—то они трудно поддаются улову. Они ускользаютъ изъ рукъ ловцовъ, ныряютъ подъ лодки и очень неохотно даютъ себя гнать. Иногда случается, что въ то время, когда ихъ загонятъ уже въ бухту, они, не обращая вниманія ни на шумъ, ни на крики, ни на удары веселъ, ни на бросаніе камней, прорываются сквозь цѣпь лодокъ и уходятъ въ море. Если первый угонъ былъ неудаченъ и

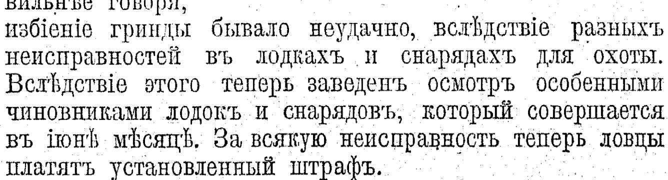

Инія.

гринды, выпрыгнувъ изъ моря, не попали на берегъ, а попали въ воду, то невозможно бываетъ вторично заставить ихъ совершить скачекъ на берегъ. И это бываетъ каждый разъ, какъ ихъ начинаютъ бить рано, не допустивъ на близкое разстояніе къ берегу. Точно также не слѣдуетъ начинать ихъ бить въ то время, когда они повернутся задомъ къ берегу. Тогда при первыхъ же ударахъ все стадо повертывается и плыветъ неудержимо къ морю. Если ночь наступитъ раньше, чѣмъ начнутъ бить животныхъ, то ихъ оставляютъ до утра, окруживъ все стадо кольцомъ изъ лодокъ и разведя на берегу огонь. Гринды, вѣроятно, думаютъ, что это свѣтитъ мѣсяцъ, и остаются спокойны до утра. Въ прежнее время охота, или, правильнѣе говоря,

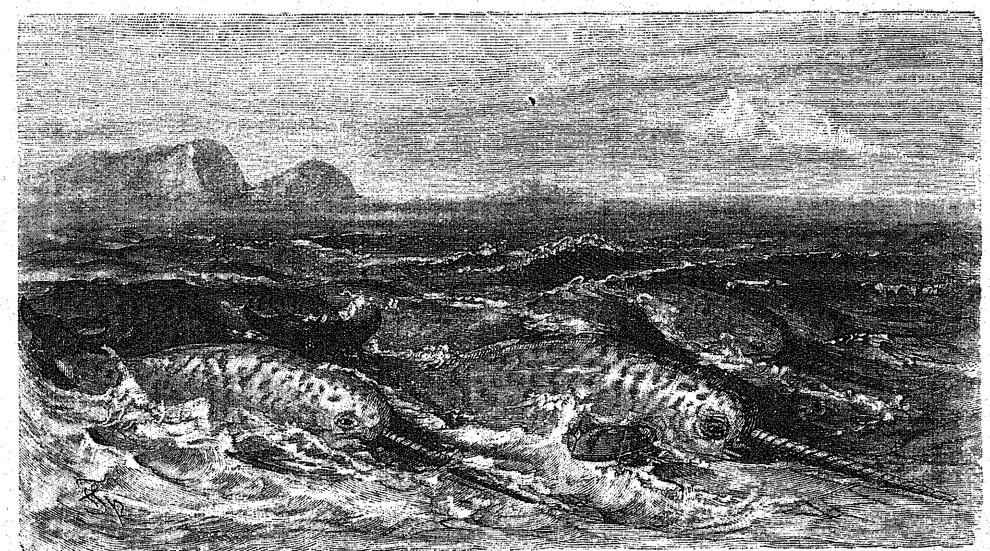
Бѣлуха.

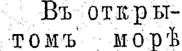
избіеніе гринды бывало неудачно, вслѣдствіе разныхъ неисправностей въ лодкахъ и снарядахъ для охоты. Вслѣдствіе этого теперь заведенъ осмотръ особенными чиновниками лодокъ и снарядовъ, который совершается въ іюнѣ мѣсяцѣ. За всякую неисправность теперь ловцы платятъ установленный штрафъ.

Когда кончился бой, всѣ убитыя гринды были сложены рядами на берегу, и чиновники отмѣчали на каждой римскими цифрами, сколько въ ней вѣсу и какова ея мѣра. Послѣ этого они дѣлили ихъ между ловцами сообразно количеству земли, которымъ они владѣли. Извѣстную часть отдаютъ церкви, бѣднымъ. Первый, увидѣвшій китовъ, получаетъ голову самаго большого кита. Одинъ китъ идетъ на уплату за поврежденіе лодокъ и снастей. Затѣмъ платится ночнымъ сторожамъ, которые караулили добычу; всѣ остальные киты дѣлятся на двѣ равныя части, изъ которыхъ одна идетъ жителямъ того прихода, въ которомъ совершалась ловля, а другая дѣлится между всѣмъ населеніемъ островов, сообразно числу лодокъ, участвовавшихъ въ охотѣ. Когда раздается первый крикъ, возвѣщающій о появленіи китовъ, гонцы поспѣшно ѣдутъ во всѣ деревни, и отовсюду отправляются сняряженныя лодки, для участія въ охотѣ и для дѣлежа будущей добычи. Если ловцы не собираются спустя 48 часовъ послѣ общаго дѣлежа, то ихъ часть продается съ аукціона, и вырученныя деньги поступаютъ въ кассу бѣдныхъ. Должно замѣтить, что мясо гриндъ очень быстро портится, такъ что черезъ двое сутокъ оно уже загниваетъ. Ловцы говорятъ, что печень этихъ китовъ «выгораетъ наружу». Послѣ того, какъ каждая лодка получила свою долю добычи, всѣ убитые дельфины вытаскиваются. Какъ скоро они вытащены на берегъ, имъ отрѣзаютъ передніе ласты и дѣлаютъ долевой разрѣзъ, потомъ разрѣзаютъ сало полосами, а мясо на куски. Печень, сердце и почки ловцы считаютъ самымъ лакомымъ кушаньемъ. Затѣмъ переворачиваютъ кита на другой бокъ и поступаютъ съ нимъ точно такъ же.

Польза этихъ животныхъ для страны очень велика. Считаютъ приблизительно на каждаго кита тонну ворвани. Мясо и сало ѣдятъ свѣжимъ или въ соленомъ и высушенномъ видѣ. Чѣмъ свѣжѣе мясо гринды, тѣмъ оно вкуснѣе. Я пробовалъ свѣжее мясо гринды съ удовольствіемъ. Оно походитъ на солонину, но немного тверже его. Сало не имѣетъ почти никакого вкуса, и мнѣ казалось противнымъ. Когда островитяне двѣ недѣли питаются мясомъ гринды, то лица ихъ и руки и даже волоса блестятъ отъ жиру. Черезъ двѣ недѣли мясо портится и дѣйствуетъ, какъ рвотное. Кожа ластовъ гриндъ употребляется на ремни для веселъ. Изъ реберъ дѣлаютъ заборы. Желудокъ надуваютъ и употребляютъ для храненія ворвани, и только кишки остаются безъ употребленія и свозятся на лодкахъ въ море, чтобы онѣ не гнили на берегу.

Единорогъ.

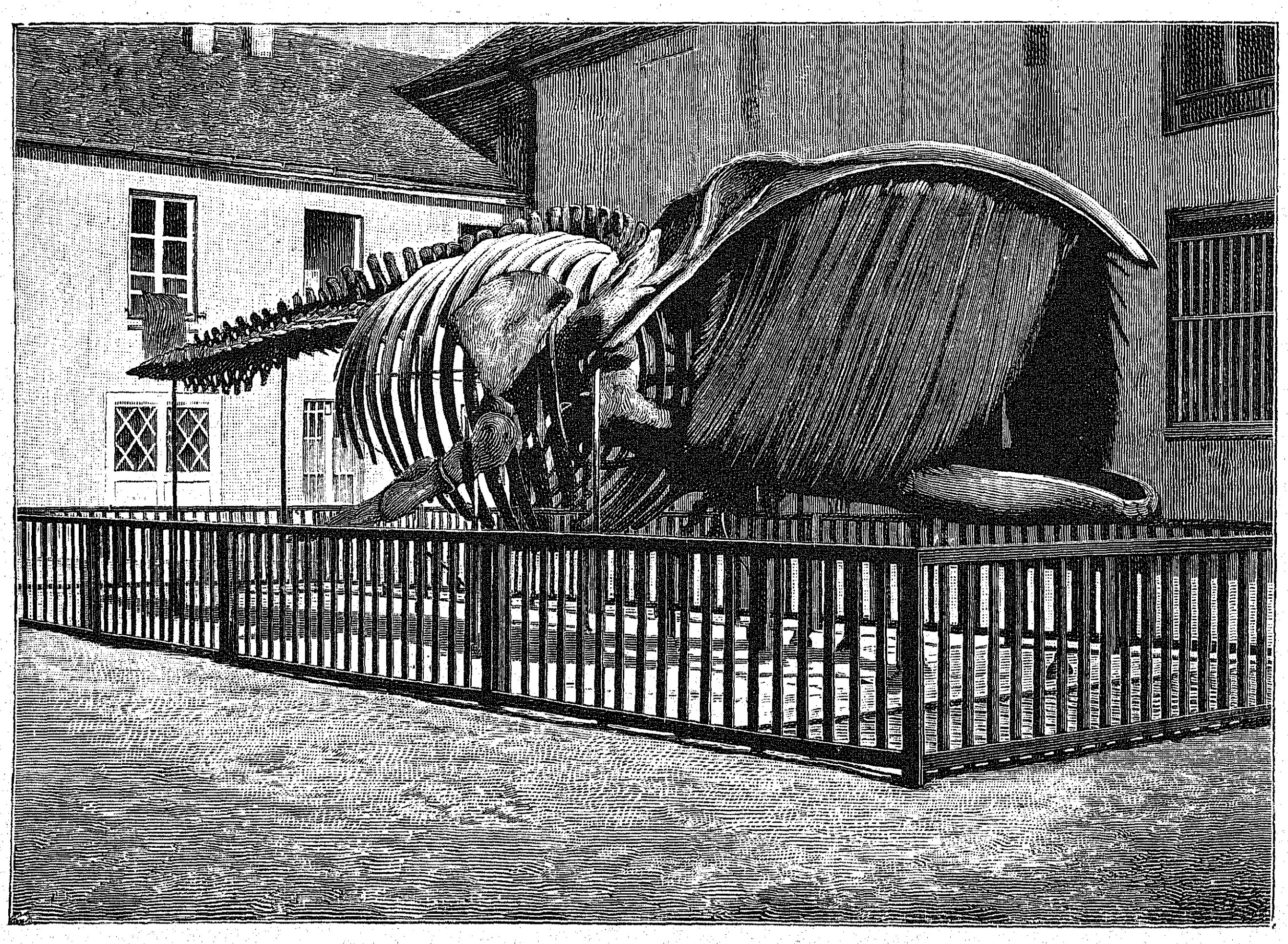
Въ открытомъ морѣ очень рѣдко, въ исключительныхъ случаяхъ, охотятся за гриндами и не снаряжаютъ лодокъ для этой охоты, а охотятся за ними случайно. Охота начинается такъ же, какъ на другихъ китовъ, съ той только разницею, что каждая лодка дѣйствуетъ отдѣльно. Вообще гринду, когда она завидитъ ловцовъ, обхватываетъ сильный ужасъ, она теряетъ голову и начинаетъ медленно плавать изъ стороны въ сторону и тѣмъ даетъ возможность ловцамъ хорошенько нацѣлить въ нее гарпуномъ.

Если мы поставимъ въ отдѣльную группу всѣхъ круглоголовыхъ китовъ, то мы должны будемъ включить въ эту группу еще двѣ формы;—включить *бѣлухъ* и *единороговъ*. У всѣхъ этихъ китовъ голова шарообразная, а бѣлухи и единороги отличаются еще кромѣ того нѣсколькими рѣзкими особенностями. У всѣхъ у нихъ является очевидная наклонность къ притоку матеріала, необходимаго для

развитія мозга, но этотъ матеріалъ не всегда идетъ для той цѣли, для которой онъ былъ предназначенъ.

Главная задача — выработать органъ защиты и отдѣлить его ото лба, т. е. отъ мозговой части головы. У нѣкоторыхъ круглоголовыхъ китовъ эти двѣ части отдѣлены рѣзко другъ отъ друга, какъ напр. у индійскаго или гангскаго дельфина, называемаго «сусукъ» (Platanista gangetica), вся голова напоминаетъ утиную морду. Челюсти его вытягиваются въ довольно длинный клювъ. Въ южной Америкѣ водится другой дельфинъ *иніа*, у котораго челюсти также вытягиваются въ видѣ клюва и покрыты сверху короткими рѣдкими щетинками. Этотъ дельфинъ плаваетъ цѣлыми стадами въ рѣкахъ Ю. Америки.

всѣхъ остальныхъ тѣмъ, что на верхней губѣ его выростаетъ длинный рогъ, или, правильнѣе говоря, два рога 6—10 футовъ длины. Эти рога представляютъ надежное и сильное орудіе для защиты кита. Это его верхнія челюсти, пробившія насквозь черепъ и выросшія такимъ образомъ въ видѣ длиннаго, остраго, защитнаго орудія. Это рогъ единорога,—того единорога, который теперь красуется въ гербѣ Англіи. Баснословный вымыселъ рисуетъ это животное въ образѣ лошади; на самомъ дѣлѣ эта лошадь является небольшимъ китомъ, который прыгаетъ и скачетъ въ волнахъ сѣверныхъ морей. Китъ этотъ пестрый, вся шкура его испещрена небольшими густо-разбросанными пятнами, сѣровато-жел-

Скелетъ кита въ парижскомъ „Jardin des plantes".

Вотъ что разсказываетъ о немъ знаменитый естествоиспытатель Александръ фонъ-Гумбольдтъ:

«Вѣтеръ,—говоритъ онъ,—утихъ, и вскорѣ на поверхности воды заиграли цѣлыя стаи китовъ, похожихъ на нашихъ дельфиновъ. Лѣнивые, неуклюжіе аллигаторы, повидимому, были испуганы появленіемъ этихъ быстро плавающихъ, рѣзвыхъ животныхъ. Они тотчасъ же ныряли и прятались, завидя ихъ. Встрѣча съ китами такъ далеко отъ берега меня крайне удивила, но затѣмъ я узналъ, что они попадаются здѣсь во всякое время года». Въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія Гумбольдтъ разсказываетъ слѣдующее: «Однажды плывя въ густой чащѣ лѣса, мы услыхали странный шумъ и тотчасъ же схватились за ружья. Передъ нами показалось стадо дельфиновъ. Они окружили нашу лодку. Каждый былъ приблизительно въ 4 ф. длины. Они скрывались отъ насъ вѣтвями деревьевъ. Увидя насъ, они быстро понеслись въ глубь лѣса, выбрасывая фонтаны воды. Странное явленіе: дельфины, чисто морскія животныя, въ глубинѣ материка, въ лѣсу!»...

Другой круглоголовый дельфинъ рѣзко отличается отъ

тыми по бѣлому фону. Рогъ единорога въ прежнее время цѣнился очень высоко и считался магическимъ средствомъ противъ разныхъ болѣзней. Вѣроятно, онъ былъ найденъ отдѣльно отъ самого животнаго, и народная фантазія создала и укрѣпила за нимъ образъ красиваго коня, который красуется въ англійскомъ гербѣ.

Единороги живутъ и плаваютъ небольшими группами. Они играютъ и нѣжатся въ волнахъ моря. Весьма красива картина, когда они въ бурное время несутся толпами по морю, выставивъ впередъ свои длинные, острые рога.

Еще болѣе красивый образъ создалъ вымыселъ на основаніи другой формы сѣвернаго кита,—формы, которая встрѣчается нерѣдко даже цѣлыми стаями въ Ледовитомъ океанѣ и въ сѣверныхъ моряхъ. Это *бѣлуха* (Delphinapterus Leucas). Представьте себѣ тихій, ясный лѣтній вечеръ, румяное заходящее солнце, зеленоватыя волны морского берега, и изъ этихъ волнъ то выскакиваютъ, то снова прячутся въ нихъ бѣлорозовыя тѣла какихъ-то существъ, которыхъ наблюдатель не можетъ ясно видѣть издали. Онъ всматривается въ эти зага-

дочные образы, и воображенiе рисуетъ ему цѣлую группу прелестныхъ женщинъ, купающихся въ прохладной морской водѣ. И чѣмъ болѣе всматривается онъ въ эту картину, тѣмъ яснѣе рисуетъ это воображенiе привлекающую его картину.

Такъ создались всѣ вымыслы. Какое-нибудь сильное, рѣзкое впечатлѣнiе вызвало красивый или грозный образъ, и фантазiя дополнила остальное. Такъ возникли миѳы — преданiя о красивыхъ сиренахъ, *афродитахъ*, русалкахъ и разныхъ созданiяхъ народной фантазiи и миѳологiи.

Въ дѣйствительности бѣлуха—просто дельфинъ отъ 4 до 5 саж. длины, съ тѣломъ, покрытымъ очень короткой и рѣдкой бѣлой шелковистой шерстью. Эта шерсть растетъ неравномѣрно, и сквозь нее мѣстами просвѣчиваетъ розовое тѣло. Дельфинъ съ округленной головой и лицомъ, напоминающимъ лицо человѣческаго зародыша, съ большимъ закругленнымъ лбомъ, широкимъ ртомъ, вооруженнымъ рѣдкими зубами, и съ совершенно гладкимъ мѣстомъ тамъ, гдѣ долженъ находиться носъ животнаго.

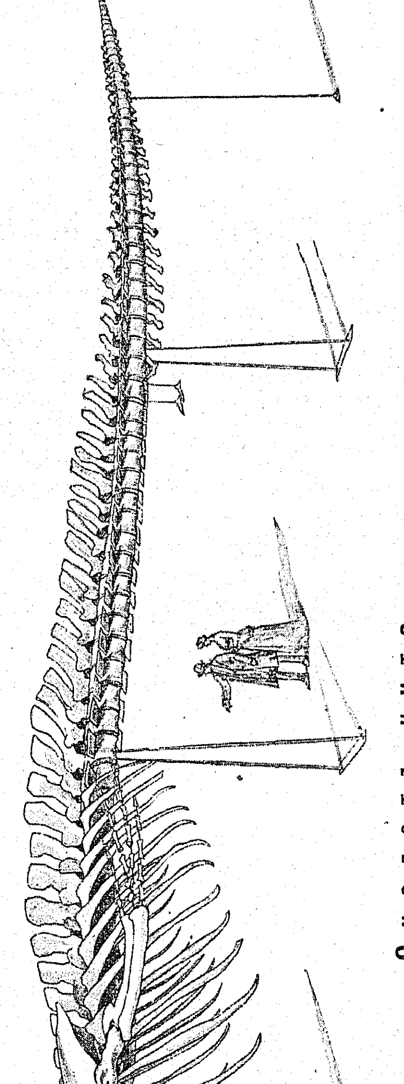
Къ дельфинамъ, а черезъ нихъ къ китамъ, путь лежитъ черезъ тюленей и вообще плавающихъ млекопитающихъ. Другого пути нѣтъ. Но дѣйствительно ли они вышли съ этого конца? Изъ этой группы? Вотъ вопросъ!

Въ общемъ сравнительно съ ластоногими они, безспорно, выиграли. Они сильнѣе приспособились къ жизни въ водѣ. Выигравъ въ общемъ приспособленiи, они выиграли въ ростѣ и вообще въ свободѣ всѣхъ движенiй. Но этотъ выигрышъ съ одной стороны повлекъ проигрышъ съ другой. Черепъ китовъ, или точнѣе его мозговой ящикъ, весьма проигралъ въ этой игрѣ, и къ огромной головѣ кашалота можно буквально приложить сужденiе Руслана:

«Молчи, пустая голова!
Слыхалъ я истину бывало:
Что лобъ широкъ да мозгу мало!..»

И дѣйствительно, въ головѣ кашалота, какъ и каждаго китообразнаго животнаго, головной мозгъ занимаетъ весьма плачевное мѣсто. И это есть, какъ кажется, прямое слѣдствiе однообразной, чисто морской жизни. Сухопутная жизнь для кита—невозможна, а въ морѣ нельзя ему найти тѣхъ разнообразныхъ условiй, которыя представляетъ жизнь на сушѣ.

Сравнивъ скелеты кита и дельфина, мы сразу поймемъ разницу организацiи этихъ животныхъ. У дельфина все тѣло представляетъ какъ бы лѣсъ изъ сильно развитыхъ позвоночныхъ выростковъ. Къ нимъ прикрѣпляются сильныя толщи мышцъ. Благодаря этому устройству, дельфинъ можетъ сгибать и разгибать свое сильное, мышечное тѣло. Грудная клѣтка дельфина представляетъ крѣпкiй, надежный костяной ящикъ, со всѣхъ сторонъ защищающiй его легкiя и сердце. У кита эта клѣтка представляется рыхлою, сложенною изъ сравнительно тонкихъ реберъ и вообще костей. Оконечности того и другого животнаго, ихъ ласты или плавники, представляются, такъ сказать, болѣе сжатыми, собранными и сильными у дельфина, чѣмъ у кита. Взгляните на лопатки у того и у другого, или на скелетъ ихъ плавниковъ. Все убѣждаетъ насъ, что, сравнительно съ громаднымъ китомъ, маленькiй дельфинъ гораздо крѣпче, выносливѣе и сильнѣе организованъ. Наконецъ, костяной ящикъ черепа, въ которомъ лежитъ мозгъ дельфина, гораздо объемистѣе и лучше устроенъ, чѣмъ этотъ мозговой ящикъ, небольшой и уродливый, у кита. И вотъ почему, какъ мнѣ кажется, дельфины представляютъ открытый, незамкнутый конецъ для развитiя цѣлой группы.

Скелетъ кита.

Киты и дельфины представляютъ намъ аналогiю въ томъ отношенiи, что тѣ и другiя животныя водятся въ почти безпредѣльномъ пространствѣ земли и моря. Тамъ и здѣсь это пространство невольно увлекаетъ ихъ въ бродячую жизнь, въ странствiя и переселенiя. У китовъ эти странствiя представляются болѣе правильными. Они путешествуютъ по одиночкѣ, отдѣльно. Правильныя переселенiя совершаютъ южные киты (Balaena australis)—тѣ, которые водятся около южнаго Ледовитаго океана. Они, какъ кажется, предпринимаютъ правильныя путешествiя, собираясь громадными стаями. Одинъ очевидецъ разсказываетъ, что видѣлъ стадо въ 800 китовъ.

Киты очень зорко и на далекое разстоянiе видятъ въ морской водѣ. Въ воздухѣ эта зоркость и эта острота пропадаютъ. Вообще очевидно, что ихъ организацiя приспособлена всецѣло къ жизни въ водѣ, также какъ и организацiя рыбы. Чувствительность глаза и слуха замѣняетъ у нихъ чувствительность кожи. Но это не мѣшаетъ гнѣздиться на этой кожѣ или внѣдряться даже внутрь ея множеству паразитовъ. Благодаря необыкновенно гладкой, скользкой кожѣ тѣло кита легко движется, скользитъ въ водѣ.

Въ китахъ мы видимъ вершину той вѣтви, которая спустилась до организацiи рыбъ и въ тоже время не утратила того драгоцѣннаго психическаго свойства, которое мы встрѣчаемъ во всѣхъ млекопитающихъ животныхъ. Я говорю о любви матери къ своимъ дѣтямъ. Всѣ киты рождаютъ одного или двухъ дѣтенышей. Это общiй законъ: чѣмъ больше животное, тѣмъ оно меньше плодовито. Это относится съ такой же силой и къ китамъ и къ слонамъ, т. е. къ гигантамъ животнаго царства—морскимъ и сухопутнымъ. Маленькiй китёнокъ растетъ очень быстро. Природа, очевидно, стремится здѣсь дополнить то, что она не додала прежде (при его рожденiи). Онъ слѣдуетъ всюду за матерью, и она никогда не покидаетъ его, ласкаетъ его, играетъ съ нимъ и очень часто прикрываетъ его своимъ тѣломъ и носитъ съ собой, прижимая его плавниками къ своему тѣлу. «Несмотря на слаборазвитыя умственныя способности кита,—говоритъ Скорсби,—

материнская любовь у нихъ сильно развита». Это ясно доказываетъ, что эта любовь не зависитъ отъ умственныхъ способностей. Напротивъ: чѣмъ меньше участвуютъ эти способности въ страстныхъ, безсознательныхъ функціяхъ, тѣмъ сильнѣе работаютъ эти функціи. Если маленькій китёнокъ раненъ, то мать тотчасъ же подплываетъ къ нему на помощь, прикрываетъ его своимъ тѣломъ, торопитъ его плыть скорѣе. Она не покидаетъ его даже тогда, когда въ него бросаютъ гарпуны, и бѣдная мать сознаетъ ту смертельную опасность, которой подвергается ея дорогой дѣтенышъ.

Брэмъ приводитъ одно наблюденіе, взятое имъ у Фитцингера: «Когда китенокъ былъ раненъ гарпуномъ,—разсказываетъ этотъ писатель,—то мать тотчасъ же явилась подлѣ него и, не обращая никакого вниманія на очевидную, смертельную опасность для ея жизни, схватила дѣтеныша подъ одинъ изъ грудныхъ плавниковъ и быстро уплыла съ нимъ. Но не прошло и получаса, какъ она выплыла снова на поверхность съ очевиднымъ намѣреніемъ привлечь на себя вниманіе китобоевъ. Она быстро плавала взадъ и впередъ передъ лодками и вообще обнаруживала сильнѣйшую тревогу. Она плавала такимъ образомъ передъ лодками, а гарпуны летѣли въ нее со всѣхъ сторонъ. Одинъ попалъ въ нее, но только пробилъ кожу и выпалъ. Бросили второй гарпунъ, также неудачно. Наконецъ, пустили третій гарпунъ, и онъ вонзился въ ея тѣло. Но и это ея не отогнало. Она какъ будто обрекла себя въ жертву, только бы былъ спасенъ ея дорогой китенокъ. Она допустила подойти къ себѣ китобойнымъ лодкамъ, получила еще три гарпуна и черезъ часъ умерла, окрасивъ своей кровью все пространство вокругъ своего тѣла.

Такіе факты невольно поражаютъ своимъ глубокимъ значеніемъ. Это одна изъ волнъ общаго мірового развитія, которая звучитъ согласно съ величіемъ природы, съ ея глубокимъ смысломъ, со всѣмъ гармоническимъ теченіемъ ея великихъ явленій. Передъ моими глазами теперь развертывается картина глубокаго сѣвера, въ темной мглѣ полярной ночи, съ ея страшными морозами, картина Ледовитаго океана съ его плавающими горами, съ ея суровой, холодной, желѣзной жизнью, и среди этой тяжелой, убійственной обстановки плыветъ колоссальная фигура матери, несущей подъ своими плавниками то, что ей всего дороже въ ея суровой жизни. А надъ ней, надъ этой матерью и надъ всей величественной картиной этой сѣверной природы играютъ въ небесахъ лучи таинственнаго, загадочнаго свѣта—лучи сѣвернаго сіянія. И невольно думается, что не въ этомъ ли таинственномъ свѣтѣ скрыта могучая сила всемірнаго притяженія, въ которомъ выражается и она, великая любовь, влекущая все живое впередъ... Къ тихому свѣту общей міровой любви.

XV.

ДВУУТРОБКИ
И
ПТИЦЕЗВѢРИ.

Двуутробки и птицезвѣри.

Двуутробки.

— Гдѣ я?! Куда меня привезли!?

Такъ спрашиваетъ каждый европеецъ, попавшій въ первый разъ жизни въ Австралію. И дѣйствительно,— здѣсь все необыкновенно, непривычно для его глаза. Здѣсь темно-бурая или мертвенно голубовато-сѣрая зелень; огромныя луговыя пространства — гроссъ - лянды (gross-land) и не менѣе широкія равнины, покрытыя кустарникомъ — скробъ-лянды (scrub-land). Лѣса съ высокими тропическими деревьями; лѣса, напоминающіе наши хвойные боры, но вблизи вовсе непохожіе на нихъ; лѣса изъ величественныхъ высокихъ араукарій. Здѣсь горы съ снѣжными вершинами на темносинемъ небѣ, а прибрежье моря, сырыя, болотистыя—поросли корнепусками, вѣтвящимися безъ конца и свѣшивающими свои корни-вѣтви прямо въ воду. Здѣсь листья растутъ на деревьяхъ совершенно своеобразно. Это даже не листья, а одни черешки ихъ, расширенные и превращенные въ листъ. Они покрыты устьицами (порами) на обѣихъ сторонахъ, и это придаетъ непріятный сѣроватый, мертвенный тонъ всему дереву. Притомъ всѣ они,—эти quasi-листья, повернуты ребромъ къ стволу или къ вѣтвямъ и какъ-то странно топорщатся и торчатъ кверху, точно сухіе вѣники. Здѣсь травы, наши злачныя травы, растутъ громадными пучками, кочками блѣдно-сѣровато-зеленаго цвѣта, и только одни вѣчно зеленыя луговины отличаются рѣзко отъ темныхъ красновато-бурыхъ деревьевъ. На общемъ буромъ фонѣ этихъ деревьевъ, то тамъ, то здѣсь рѣзко вырѣзываются ярко бѣлыя листья рагодій, и только двѣ формы растеній имѣютъ яркіе зеленые листья, это—Cassia и Santalum. Множество цвѣтовъ, то ярко-бѣлыхъ, серебристыхъ, то ярко-красныхъ или голубыхъ, покрываютъ деревья и наполняютъ лѣса сильнымъ ароматнымъ запахомъ. Здѣсь собраны многіе кустарники и деревья, которые въ послѣдніе 20, 25 лѣтъ перенесены въ наши европейскія оранжереи: разныя акаціи и мелалейки; ароматные, гигіеническіе эвкалиптусы, лептоспермы и пимеліи.

Но не менѣе своеобразна и фауна этого страннаго причудливаго материка; этого громаднаго острова, по размѣрамъ гораздо болѣе обширнаго, чѣмъ наша цивилизованная Европа. Вотъ на деревѣ, вы видите, скачетъ и бѣгаетъ наша летучая бѣлка, наша летяга. Вы ни мало не сомнѣваетесь, что это наша бѣлка, нашъ общераспространенный и всѣмъ извѣстный грызунъ; онъ только больше и краснѣе нашей летяги. Но убейте одну изъ этихъ летягъ и посмотрите ближе. Первое, что поразитъ васъ, это—зубы. Это вовсе не зубы нашихъ грызуновъ. Это очень своеобразная зубная система. Но вотъ вы повернули эту мнимую бѣлку-летягу на спинку, и на бѣлоснѣжномъ, слегка желтоватомъ брюшкѣ ея, съ мягкой, пушистой шерстью, вы видите рѣзко и отчетливо — отверстіе, ведущее въ обширный мѣшокъ.

— Ба!—говорите вы,—да это двуутробка!

Да это Petaurus sciureus, это летучая бѣлка, двуутробка, которыхъ много въ лѣсахъ Австраліи.

Вы выходите изъ лѣса на опушку; небольшая луговина разстилается передъ вами, и на этой луговинѣ прыгаетъ, скачетъ цѣлое стадо длинноногихъ скакуновъ. Вы съ перваго взгляда узнаете ихъ. Вы еще въ дѣтствѣ познакомились, по азбучнымъ картинкамъ, съ этимъ животнымъ. Да, это кенгуру — это опять двуутробка; громадная двуутробка, не похожая ни на одно европейское животное и принадлежащая исключительно одной Австраліи.

Эту необыкновенную, сказочную страну можно назвать царствомъ двуутробокъ. Здѣсь почти всѣ звѣри — двуутробки; всѣ они производятъ на свѣтъ недоразвитыхъ дѣтенышей—и они доразвиваются, плотно присосавшись къ сосцамъ, которые лежатъ въ особенномъ мѣшкѣ на брюшной поверхности тѣла матери. Мать постоянно носитъ съ собой этихъ дѣтенышей. Она бѣгаетъ, скачетъ съ ними, дѣлаетъ громадные прыжки, какъ кенгуру, или лазаетъ по деревьямъ, какъ опоссумъ, или перелетаетъ съ дерева на дерево, какъ двуутробка-летяга, или мышка-акробатка.

Но что всего страннѣе и причудливѣе,—это разнообразіе типовъ этихъ звѣрей-двуутробокъ. Эти типы повторяютъ почти всѣ типы нашихъ европейскихъ и американскихъ млекопитающихъ. Въ нихъ вы встрѣчаете типъ лемуровъ, этихъ пушистохвостыхъ обезьянъ Новаго Свѣта, типъ бѣлокъ, типъ медвѣдей, но медвѣдей миніатюрныхъ, не больше кролика, а такихъ же косолапыхъ и неуклюжихъ, какъ и нашъ Михаилъ Иванычъ Топтыгинъ; встрѣчаете лисицъ, встрѣчаете повтореніе нашихъ собакъ и волковъ, нашихъ выдръ, наконецъ, встрѣчаете нашихъ крысъ и мышей. И все это—двуутробки, все двуутробки съ мѣшкомъ на брюхѣ, въ которомъ онѣ носятъ всюду своихъ маленькихъ. Это какой-то особенный міръ млекопитающихъ звѣрей. И если на образованіе обыкновенныхъ млекопитающихъ, не двуутробокъ, пошли сотни тысячъ лѣтъ, то, вѣроятно, и на развитіе этого двуутробнаго міра пошло не менѣе времени.

Природа вообще любитъ приноравливаться и повторяться. Она какъ бы испытываетъ прочность, пригодность своихъ образованій. И въ данномъ случаѣ она развила цѣлый міръ двуутробокъ, прежде чѣмъ убѣдилась, что есть другой путь, болѣе краткій, если не болѣе надежный, для развитія маленькихъ дѣтенышей всѣхъ млекопитающихъ. Но до этого пути нельзя было дойти прямо, и вотъ почему явились австралійскія и американскія двуутробки.

Въ развитіи, какъ и вездѣ, природа выбираетъ ближайшій путь; и когда пройдетъ по нему во всемъ разнообразіи явленій, тогда переходитъ на другой путь, поднимается на другую ступень. Между ея такъ называемыми законами развитія есть законъ «интернированія органовъ». Исполненіе этого закона мы находимъ во всѣхъ млекопитающихъ недвуутробныхъ. Органъ, болѣе или менѣе существенно важный для жизни животнаго, появляется сначала снаружи; какъ напр., жабры у головастиковъ-лягушекъ. Затѣмъ, при дальнѣйшемъ развитіи, эти жабры исчезаютъ, а на мѣсто ихъ являются внутренніе органы дыханія—легкія.

Такое же явленіе мы встрѣчаемъ у млекопитающихъ. У всѣхъ двуутробныхъ мы видимъ—каждый дѣтенышъ

является на свѣтъ дважды; сперва онъ выходитъ изъ тѣла матери. Затѣмъ эта мать переноситъ его въ мѣшокъ, и тамъ онъ окончательно развивается и уже самъ выходитъ изъ этого мѣшка наружу. Понятно, что такое двойное рожденіе есть ненужная роскошь, аномалія, которая съ теченіемъ развитія должна была исчезнуть. И она исчезла, или, правильнѣе говоря, исчезаетъ. Въ пластахъ геологическихъ мы встрѣчаемъ много типовъ двуутробокъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, съ теченіемъ времени будетъ все меньше и въ нынѣ живущемъ мірѣ—этихъ странныхъ животныхъ, съ двойнымъ развитіемъ. Они уже исчезли изъ фауны азіатскаго, африканскаго и европейскаго материковъ, и очень немногіе ихъ типы остаются еще въ Америкѣ.

Самая распространенная изъ нихъ—это двуутробка виргинская, или, какъ ее зовутъ почти повсемѣстно—*опоссумъ*. Представьте себѣ громадную крысу, больше поларшина длины, крысу сѣраго или иногда красновато-бураго, грязнаго цвѣта, то болѣе темнаго, то болѣе свѣтлаго. Крысу съ нѣсколько вытянутой, заостренной мордой, съ взъерошенной шерстью, съ волосами неровной длины, съ длинными усами и бровями, крысу съ длиннымъ, почти голымъ, чисто крысинымъ хвостомъ. Этотъ хвостъ можетъ изгибаться, извиваться и закручиваться во всѣ стороны. Однимъ словомъ, этимъ цѣпкимъ хвостомъ опоссумъ можетъ крѣпко захватываться за древесные сучки и висѣть внизъ головой. Почти цѣлую ночь онъ лазаетъ, бѣгаетъ по деревьямъ, зацѣпляется то тамъ, то здѣсь своимъ цѣпкимъ хвостомъ.

Зимой, въ Бразиліи, когда снѣгъ густымъ пластомъ лежитъ въ глухихъ лѣсахъ, опоссумъ охотится за разными мелкими животными. Вы видите его постоянно ищущимъ, скачущимъ по деревьямъ, перепрыгивающимъ съ одной вѣтки на другую. Вотъ онъ остановился, приподнялся на заднихъ лапахъ и жадно нюхаетъ воздухъ. Затѣмъ быстро побѣжалъ, побѣжалъ, затопоталъ своими сильными лапками. Онъ учуялъ слѣдъ добычи, учуялъ американскую полосатую бѣлку или бурундука. Но и бѣлка точно также слышитъ запахъ своего врага. Она бросается бѣжать отъ него. Она дѣлаетъ громадныя прыжки, перескакиваетъ съ одной вѣтки на другую, дѣлаетъ петли, и наконецъ ей удастся обмануть опоссума и скрыться отъ него въ маленькой норкѣ. Тогда хищникъ начинаетъ еще сильнѣе суетиться—онъ ищетъ, нюхаетъ, вглядывается во всѣ норки, трещинки и темные мѣста и наконецъ примѣчаетъ свою добычу. Бѣдный бурундучекъ спрятался за толстый сукъ дерева. Онъ не слышитъ топота лапокъ опоссума и думаетъ, что онъ уже избѣжалъ опасности. Онъ нашелъ какой-то очень вкусный американскій орѣхъ и усердно занялся имъ, а его врагъ уже примѣтилъ его, тихо, тихо подкрался къ нему, ловкимъ прыжкомъ прыгнулъ и заполучилъ несчастную бѣлку. Въ одно мгновенье она была задушена его крѣпкими, острыми зубами. Затѣмъ опоссумъ возится съ своей добычей и ищетъ удобнаго мѣста, гдѣ бы онъ могъ съ комфортомъ съѣсть несчастнаго звѣрка. Онъ вспрыгиваетъ на толстый сукъ, прилегающій къ камню. Обертываетъ свой цѣпкій хвостъ около какого-то одиноко торчащаго сучка и начинаетъ ѣсть свою добычу.

Она уже почти совсѣмъ мертвая. Безсильно протянулись ея заднія, парализованныя лапки и пушистый хвостъ, закрылись ея свѣтлые, зоркіе глазки. А опоссумъ добирается до ея затылка, до ея спинного мозга. Прилегли ея чуткіе ушки... Черезъ часъ отъ несчастной бѣлки ничего не останется, кромѣ костей и клочковъ красивой полосатой шкурки...

Опоссумъ проворенъ, быстръ въ своихъ движеніяхъ тамъ, гдѣ этой быстроты требуетъ охота за его добычей. Но вообще онъ очень лѣнивъ и неповоротливъ. Онъ охотнѣе спитъ, свернувшись клубкомъ, чѣмъ бѣгаетъ и суетится. Къ быстротѣ движеній его вызываетъ голодъ. Когда этотъ голодъ удовлетворенъ, опоссумъ спитъ, залегши въ свою нору.

Онъ по преимуществу хищникъ, и хищникъ наиболѣе кровожадный, разумѣется, послѣ хорька, ласки или горностая. Забравшись въ курятникъ, онъ, подобно горностаю или хорьку, душитъ всѣхъ куръ, пьетъ ихъ кровь и вполнѣ наслаждается своей добычей. Мнѣ кажется, это одна изъ причинъ, почему американцы не любятъ и преслѣдуютъ опоссума. Для нихъ опоссумъ—отвратительное животное, которое слѣдуетъ уничтожать вездѣ и всюду. Онъ отвратителенъ по своему злобному, кровожадному нраву, отвратителенъ по своему внѣшнему виду. Дѣйствительно, кому можетъ понравиться наша сѣрая крыса, нашъ пацюкъ, только не съ гладколежащими, а взъерошенными волосами и притомъ громадныхъ размѣровъ. Къ этому еще должно прибавить, что эта огромная крыса издаетъ крайне непріятный, отвратительный запахъ. Это запахъ особеннаго выдѣленія, которое вырабатывается маленькими железками, на концѣ кишечнаго канала. Отъ этихъ железокъ все мясо опоссума пропитывается тяжелымъ, характернымъ запахомъ, напоминающимъ немного запахъ чесноку.

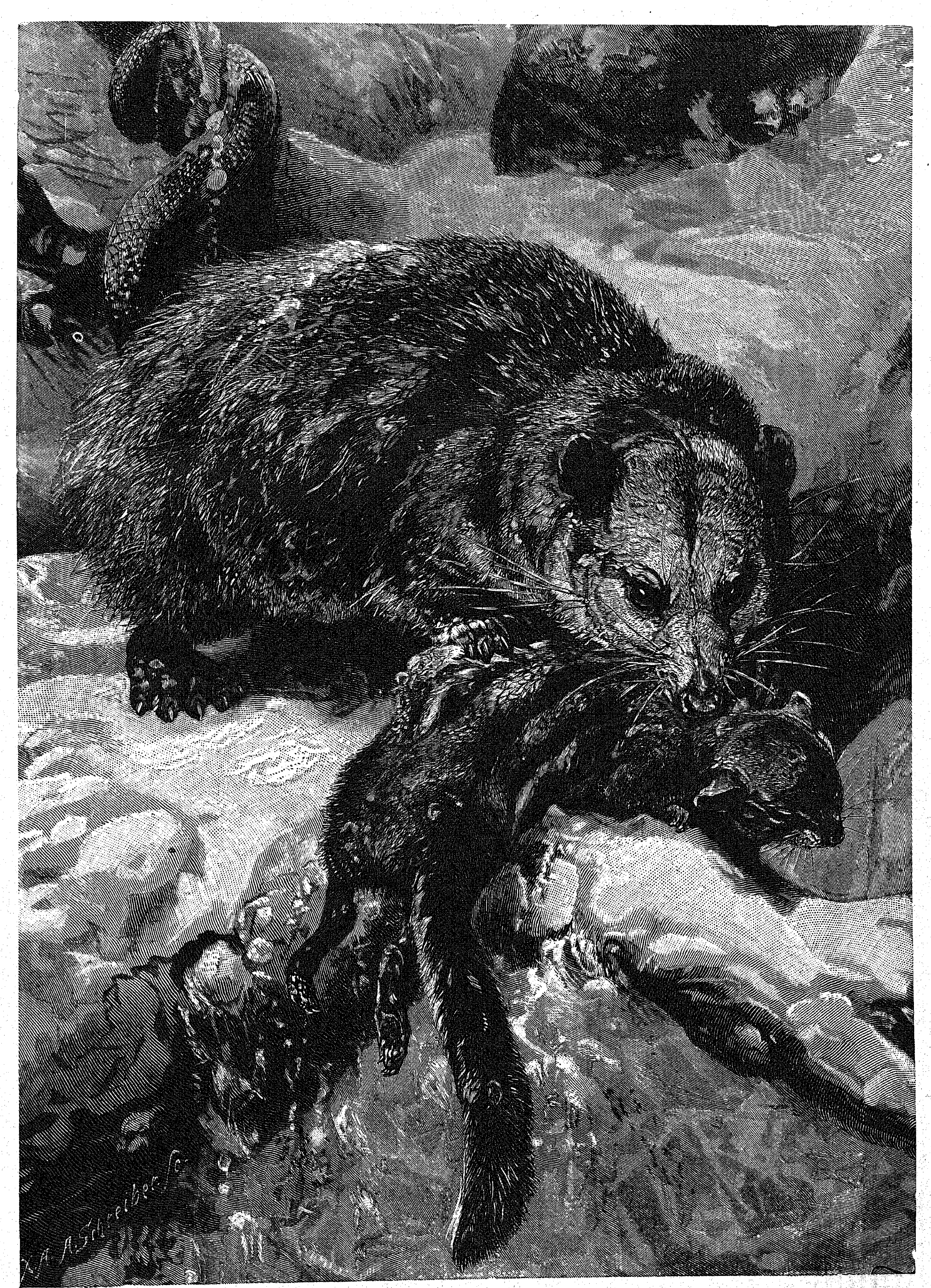
Но о вкусахъ не спорятъ, — какъ говоритъ старая латинская пословица (de gustibus non est disputandum), еще болѣе приложимая къ запахамъ, чѣмъ къ вкусамъ. Что отвратительно для американскаго янки, то особенно пріятно негру. Негры съ ожесточеніемъ преслѣдуютъ опоссума, ради его мяса, которое составляетъ для нихъ родъ лакомства. Они ѣдятъ опоссума, изжареннаго цѣликомъ, въ его шкуркѣ.

Если ко всему этому прибавить тѣ ожесточенныя преслѣдованія опоссума, которыя ведутъ американскіе фермеры и въ особенности куроводы, то мы можемъ составить очень твердое убѣжденіе въ томъ, что жизнь этой несчастной виргинской крысы находится, на ея родинѣ, въ крайне опасномъ положеніи. Вотъ почему неудивительно, что въ лѣсахъ Бразиліи опоссумъ попадается преимущественно тамъ, гдѣ эти лѣса гуще и непроходимѣе. Положимъ, очень вкусны куры, откормленныя американскими птицеводами. Но опоссумы, вѣроятно, разсуждаютъ такъ: «своя рубашка ближе къ тѣлу», и забиваются въ непролазную глушь и чащу бразильскихъ лѣсовъ...

Одюбонъ—этотъ художникъ-наблюдатель нравовъ американскихъ звѣрей и птицъ — вотъ какъ описываетъ опоссума:

«Я ясно представляю себѣ, какъ этотъ звѣрь пробирается по тающему снѣгу или осторожно обнюхиваетъ толстые стволы американскихъ деревьевъ; какъ онъ, постоянно обнюхивая, обходитъ толстые пни этихъ деревьевъ, какъ онъ ищетъ, не попадется ли ему что-нибудь живое, съѣдобное. На минуту онъ останавливается, оглядывается, обнюхиваетъ землю и стрѣлой пускается впередъ къ корнямъ большого дерева. Онъ чутьемъ услыхалъ норку бѣлки около этихъ корней и быстро скрылся въ эту норку. Черезъ нѣсколько мгновеній онъ уже вылѣзаетъ изъ этой норы съ мертвой добычей, которую онъ придушилъ въ ея логовѣ. Онъ тихо, осторожно поднимается по этому дереву, крѣпко держа мертвую бѣлку въ зубахъ. Онъ останавливается на нѣсколько мгновеній, оглядывается и затѣмъ идетъ выше. Мѣсто ему не нравится. Оно слишкомъ на виду, открыто. Онъ поднимается выше, туда, гдѣ густо переплелись вѣтви деревьевъ, въ самую чащу могучаго толстаго американскаго дуба и здѣсь усаживается удобно, захватываетъ крѣпко хвостомъ за близлежащій сучокъ и жадно набрасывается на несчастную бѣлку. Онъ раздираетъ ее своими острыми зубами и крѣпко держитъ въ своихъ сильныхъ переднихъ лапахъ.

«Въ весеннее время, когда наступятъ теплые ясные дни, когда все готовится къ ликующему весеннему пиру, опоссуму приходится плохо. Онъ пережилъ тяжелую голодную зиму. Онъ бродитъ по берегамъ озеръ и мелкихъ

Опоссумъ и земляная бѣлка.

бухтъ и бываетъ очень радъ, когда попадется ему голодная лягушка. Онъ съѣстъ ее съ жадностью. Крикъ пѣтуха въ сторонѣ напоминаетъ ему роскошный пиръ, которымъ онъ угостилъ себя въ большомъ курятникѣ у сосѣдняго фермера. Болѣе 10-ти куръ было имъ задавлено. Но виноватъ въ этомъ не столько опоссумъ, сколько безразсудный фермеръ, который цѣлое лѣто потѣшался надъ курятники. Онъ удовольствовался бы мясомъ бѣлки или зайца, яйцами тетерева или виноградомъ, котораго лозы въ изобиліи оплетаютъ всѣ деревья.

«Вотъ кричитъ прекрасная, породистая курица, за которую фермеръ заплатилъ дорого. Она сидѣла на яйцахъ, и, несмотря на ея отчаянную защиту и крикъ, опоссумъ съѣлъ всѣ эти яйца. Когда опоссумъ опустошилъ ку-

Семья кенгуру.

воронами и воронами, и стрѣлялъ ихъ, сколько хотѣлъ. Теперь пришлось расплачиваться за эту жестокую и вредную забаву. Вороны и въ особенности вороны—злѣйшіе враги опоссума. Еще болѣе страшные враги ему лисицы и совы. Если бы недогадливый фермеръ не истреблялъ этихъ враговъ, то опоссумъ остался бы въ лѣсу, а не шелъ бы грабить и опустошать по деревнямъ рятникъ, фермеръ—слишкомъ уже поздно—является на помощь бѣднымъ курамъ. Онъ съ яростью бросается на опоссума и начинаетъ жестоко бить его крѣпкой, сучковатой палкой и топчетъ ногами. Опоссумъ фыркаетъ, прыгаетъ и, наконецъ, свертывается клубкомъ и притворяется мертвымъ, или «*опоссумствуетъ*», какъ говорятъ американцы. Чѣмъ сильнѣе бьютъ его, тѣмъ менѣе онъ вы-

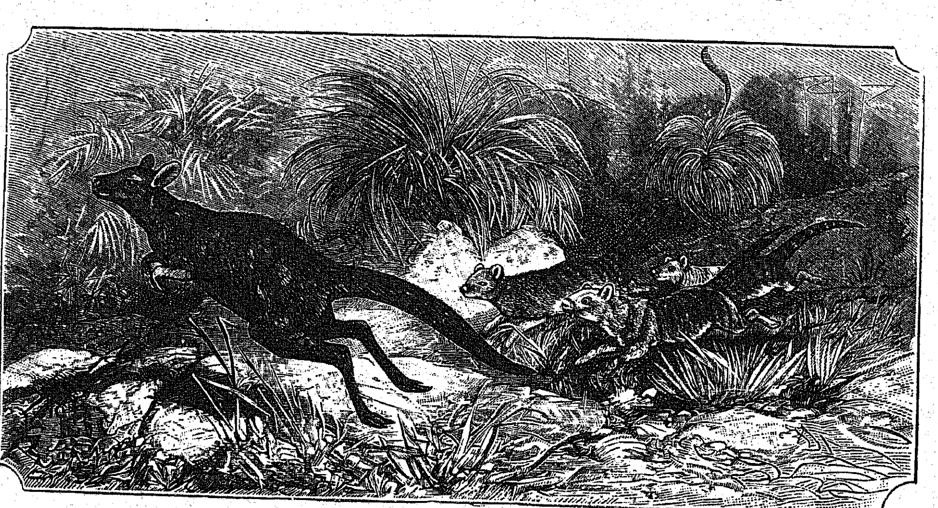

Кенгуру, преслѣдуемый собаками.

казываетъ признаковъ жизни. Наконецъ, онъ лежитъ совсѣмъ мертвый. Глаза закрыты, ротъ раскрытъ. Онъ не шевелится, не дышитъ. Совсѣмъ мертвый!.. Но стоитъ только повѣрить этой мнимой смерти и удалиться отъ него, какъ онъ тихонько, медленно открываетъ одинъ глазъ, за нимъ другой, развертывается, и ползкомъ, маршъ-маршъ, на утёкъ въ близлежащій лѣсъ.»

Янки и опоссумъ—это двѣ противуположности, которыя обоюдно ненавидятъ другъ друга. Зато негры весьма уважаютъ опоссума, за его вкусное для нихъ мясо, и преслѣдуютъ его съ ожесточеніемъ. Наконецъ, янки убиваютъ опоссума ради его шкуры, которая идетъ въ Европу въ большомъ количествѣ и продается по 50 к.—1 р. за штуку. Изъ этихъ шкурокъ сшиваютъ теплый, пушистый и легкій мѣхъ. Понятно, что, при охотѣ на опоссума ради всѣхъ этихъ цѣлей, животное было бы быстро истреблено. Но его спасаютъ отъ поголовной гибели непроходимыя чащи американскихъ лѣсовъ.

Въ лѣсахъ Бразиліи, въ низменныхъ равнинахъ водится другая двуутробка, очень близкая къ опоссуму. Она такъ же сильно походитъ на крысу, такъ же пахнетъ чеснокомъ, но голова ея больше и рыльце не такъ сильно вытянуто и заострено. Она меньше опоссума, но хвостъ ея значительно длиннѣе. На этомъ хвостѣ двуутробка носитъ своихъ маленькихъ, когда они вылѣзутъ изъ мѣшка и закрутятъ свои цѣпкіе хвостики около хвоста ихъ матери. Необычно и странно видѣть этого звѣрка съ его семействомъ, лазающаго по деревьямъ. Что-то уродливое видится въ этихъ крысиныхъ хвостикахъ, переплетенныхъ или завитыхъ вокругъ хвостика ихъ матери. Хотя эта крыса-двуутробка лазаетъ, даже вмѣстѣ съ своей висячей семьей, по большимъ деревьямъ, но средства къ этому лазанью не велики, и лапки, менѣе сильныя, чѣмъ у опоссума, плохо ея слушаются и помогаютъ.

Кенгуру, преслѣдуемый сумчатыми волками.

Между двуутробками Австраліи мы встрѣчаемъ преимущественно формы прыгающихъ, т. е. съ длинными задними и съ короткими передними ногами. Вслѣдствіе такого устройства ногъ онѣ не могутъ ни ходить, ни бѣгать по землѣ. Онѣ должны поневолѣ передвигаться скачками; и такіе скачки могутъ быть въ 2, 3 и даже пять саженъ, смотря по длинѣ ногъ и по крѣпости двухъ или трехъ пальцевъ, вооруженныхъ большими, толстыми, крѣпкими когтями. Когда кенгуру устанетъ, то для отдыха она всегда носитъ съ собой трехногій стулъ, т. е. двѣ собственныхъ заднихъ ноги и хвостъ. На этомъ прочномъ трехножникѣ она садится и отдыхаетъ. При малѣйшей опасности она мгновенно вспрыгнетъ и ускачетъ.

Кенгуру получила свое названіе отъ мѣстныхъ жителей. Пришлые колонисты назвали ее «бумеръ». Изъ европейскихъ путешественниковъ, первый, увидѣвшій кенгуру, былъ Джемъ Кукъ, открывшій это животное въ 1770 году, въ Южномъ Валлисѣ. Можно представить себѣ удивленіе европейцевъ, въ первый разъ увидѣвшихъ этого невиданнаго, скачущаго звѣря.

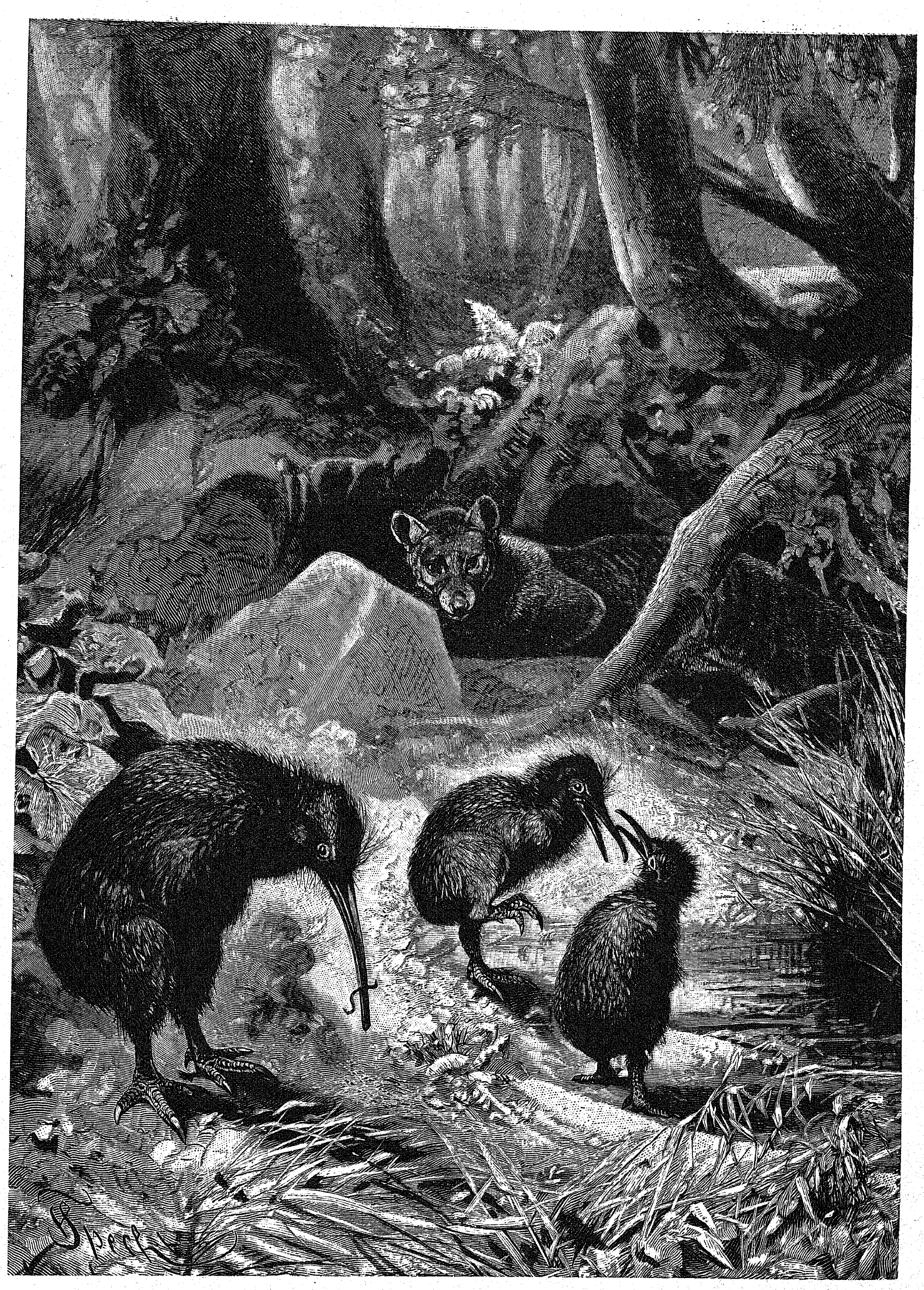
Гульдъ, издавшій прекрасную иконографію этихъ новоголландскихъ двуутробокъ, разсказываетъ о кенгуру слѣдующее: «Я всегда вспоминаю объ одномъ большомъ и красивомъ бумерѣ, неожиданно выскочившемъ передъ нашими собаками и бросившемся бѣжать громадными скачками; но прежде чѣмъ пуститься на утёкъ, онъ быстро оглянулся, какъ бы ища убѣжища отъ невиданныхъ враговъ, и затѣмъ уже пустился въ бѣшеную скачку. Мы, верхами, бросились за нимъ. Мѣстность была открытая. Несмотря на отличныхъ скакуновъ, на которыхъ мы преслѣдовали его, онъ, вѣроятно, убѣжалъ бы отъ насъ; по крайней мѣрѣ онъ уже скрылся изъ глазъ нашихъ. Не переводя духу, онъ проскакалъ около 14 англійскихъ миль. Но тутъ на бѣду его встрѣтилось препятствіе, для него непреодолимое. Онъ добѣжалъ, или, правильнѣе, доскакалъ до морского берега и бросился на одну изъ косъ, которая вдавалась въ море болѣе, чѣмъ на двѣ мили. Добѣжавъ до конца этой косы, онъ остановился на одно мгновенье. Впереди его былъ рукавъ моря, позади гнались за нимъ мы, съ нашими собаками. И онъ кинулся въ море.

«Довольно свѣжій вѣтеръ гналъ волны, на перерѣзъ его пути, прямо ему въ морду, и, несмотря на это, онъ плылъ. Волна нерѣдко покрывала его съ головой, перекатывалась черезъ него. Все равно онъ плылъ. Собаки были страшнѣе моря. Но силы его видимо истощались, онъ уже не такъ быстро плылъ, захлебывался, наконецъ, собравъ послѣднія силы, вы прыгнулъ на берегъ, но это было его послѣднее усиліе, и онъ палъ, окруженный врагами.

«Если сосчитать всѣ повороты, которые проскакало это сильное животное, то, вѣроятно, наберется не менѣе 16 миль. Навѣрно не могу сказать, во сколько времени онъ сдѣлалъ этотъ конецъ; но никакъ не менѣе двухъ часовъ прошло съ того момента, когда началась эта отчаянная скачка. Замѣчу, что онъ бѣжалъ все время ровными скачками, оставляя далеко за собой гнавшихся за нимъ собакъ и не останавливаясь ни на одну минуту».

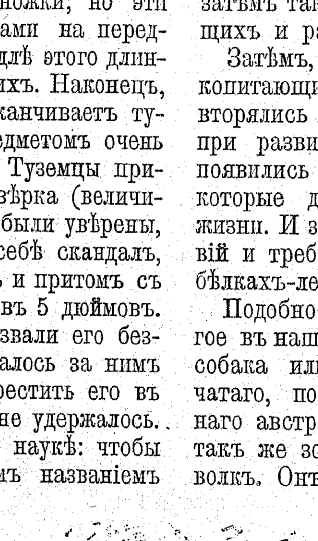
Кенгуру—самая крупная двуутробка изъ всѣхъ водящихся въ Австраліи. Большой, рослый самецъ, когда сидитъ на заднихъ лапахъ, достигаетъ въ вышину почти человѣческаго роста. Его ноги служатъ не только для прыганія, но и для защиты. Онѣ представляютъ очень надежное и опасное орудіе. Кенгуру, преслѣдуемый охотниками и собаками, прислоняется къ дереву и быстро бьетъ сильными, задними ногами. Необходимо, чтобы на него разомъ дружно кинулась цѣлая стая собакъ; но въ розницу онъ ихъ уничтожитъ одну за другой. Часто одного ловкаго удара въ морду достаточно, чтобы убить собаку или распороть ей брюхо. Существуютъ разсказы, что всѣ усилія собакъ не могутъ одолѣть кенгуру, когда онъ войдетъ въ воду. Онъ топитъ ихъ по-одиночкѣ, одну за другой. Онъ держитъ ихъ постоянно въ водѣ и не даетъ имъ вынырнуть, на воздухъ, такъ что каждая собака, въ концѣ концовъ, должна непремѣнно захлебнуться. Систематическое его названіе (Macropus) также указываетъ на его большія сильныя ноги.

Кенгуру—самый крупный звѣрь между прыгающими двуутробками, но его соединяетъ съ маленькими, мыше-

Мѣшкопесъ, подстерегающій киви.

образными двуутробками цѣлый рядъ промежуточныхъ формъ. Между ними есть странные звѣрки, напоминающіе намъ нашихъ европейскихъ землероекъ. Это такъ-называемые *язвицы* (Paramelidae)—очень хорошенькіе, веселые звѣрки, на короткихъ и тоненькихъ ножкахъ, съ довольно длинными тремя пальцами на каждой. Прежде всего въ этомъ звѣркѣ поражаетъ вытянутая, заостренная мордочка и большія уши. Эта мордочка служитъ язвицѣ такъ же, какъ нашей землеройкѣ, для раскапыванія земли, а большія ушныя раковины доказываютъ, что слухъ у этихъ звѣрковъ очень сильно развитъ. Большую часть жизни язвица проводитъ, какъ кротъ, подъ землею. Подобно кроту, она прорываетъ въ землѣ длинные ходы, поѣдая корни травъ и тѣхъ червей и вообще насѣкомыхъ, которые встрѣчаются ей на ея длинномъ подземномъ пути.

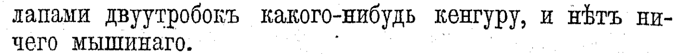

Двуутробка-летяга.

Всѣ особенности строенія, которыя мы встрѣчаемъ, выражены рельефно у *херdroповъ*. Это очень странная двуутробка, съ перваго взгляда напоминающая намъ язвицу. У нея также вытянутое и заостренное рыльце, но гораздо сильнѣе, чѣмъ у язвицъ, такія же большія уши, но гораздо сильнѣе вытянутыя въ длину и заостренныя на концахъ. У нихъ также тоненькія ножки; но эти ножки оканчиваются только двумя пальцами на переднихъ и однимъ длиннымъ на заднихъ. Подлѣ этого длиннаго пальца сидятъ два или три маленькихъ. Наконецъ, довольно короткій, маленькій хвостикъ заканчиваетъ туловище херопа. Хвостъ этотъ былъ предметомъ очень страннаго затрудненія господъ зоологовъ. Туземцы приносили, обыкновенно, европейцамъ этого звѣрка (величиною съ кролика) безъ хвоста, и всѣ зоологи были увѣрены, что херопы лишены хвоста. Представьте себѣ скандалъ, когда звѣрекъ этотъ оказался съ хвостомъ и притомъ съ довольно длиннымъ, крысинымъ хвостомъ въ 5 дюймовъ. Первые зоологи, описывавшіе херопа, назвали его безхвостымъ—ecaudatus—и это названіе осталось за нимъ до сего дня, хотя и были попытки перекрестить его въ *каштанку* (Castanotos). Но это названіе не удержалось. И дѣйствительно, примѣръ небывалый въ наукѣ: чтобы какое-нибудь животное называлось роднымъ названіемъ по цвѣту шерсти. Вопреки народной пословицѣ: «по шерсти кличка»—наука не можетъ допустить такой профанаціи.

Кускусъ-лиса.

Въ херопѣ для зоолога важно не названіе, но устройство пальцевъ его длинныхъ и тонкихъ ножекъ. Эти пальцы представляютъ намъ что-то неразвитое, примитивное. Вся ножка херопа напоминаетъ намъ какую-то закругленную палочку—вѣточку какого-нибудь кустарника. Въ ней невольно чудится что-то простое, элементарное, примитивное. Эти два маленькихъ пальчика и когтика на переднихъ ногахъ и затѣмъ эти зачаточные пальцы на заднихъ ногахъ, подлѣ длиннаго, вооруженнаго длиннымъ когтемъ пальца,—все это крайне элементарно, не выработано, точно пальцы какого-нибудь недоразвитаго зародыша.

Настоящія мышеобразныя двуутробки принадлежатъ къ роду *потору* (Hypsiprimnus). Къ такимъ двуутробкамъ необходимо приглядѣться, чтобы отличить ихъ отъ нашихъ мышей или крысъ. Представьте себѣ такую же головку, какъ у нашей крысы, съ такими же ушами и усиками, такую же мордочку, ушки, такой же крысиный хвостикъ, словомъ, все какъ будто скопировано съ нашихъ «мірскихъ захребетниковъ». Только вглядѣвшись въ лапки, въ заднія лапки такихъ миніатюрныхъ двуутробокъ, вы видите, что въ нихъ полное сходство съ

лапами двуутробокъ какого-нибудь кенгуру, и нѣтъ ничего мышинаго.

Такую же трудность отличить двуутробку отъ грызуна представляютъ намъ двуутробки-бѣлки или летяги. Это полная, вѣрная копія нашихъ сѣверныхъ европейскихъ летягъ. При видѣ этихъ летягъ невольно хочется повторить стихотвореніе Гейне, обращенное къ творческому духу природы, который отвѣчаетъ величаво и спокойно:

«Ich, der Herr, kopier' mich selber!
Nach der Sonne mach' ich Sterne,
Nach den Ochsen mach' ich Kälber,
Nach den Löwen mit den Tatzen
Mach' ich kleine liebe Katzen,
Nach den Menschen mach' ich Affen;
Aber du kannst gar Nichts schaffen!» *)

Но для натуралиста, разумѣется, это не отвѣтъ. Онъ допытывается неуклонно: да почему же, къ чему эти повторенія формъ? И здѣсь отвѣтъ, кажется, довольно простъ. Потому что все созданіе всѣхъ формъ животнаго царства совершалось не вдругъ, а постепенно. Природа сперва произвела формы съ двойнымъ рожденіемъ, т. е. двуутробокъ. Это было легче, удобнѣе сдѣлать. Въ этихъ формахъ она должна была невольно произвести такія формы, которыя затѣмъ также невольно повторились въ нынѣ существующихъ и развивающихся типахъ...

Затѣмъ, когда выработались корни для развитія млекопитающихъ не двуутробокъ, то при этомъ развитіи повторялись точно такія же условія и требованія, какъ и при развитіи двуутробныхъ, и вотъ, вслѣдствіе этого, появились двуутробные грызуны въ видѣ бѣлокъ, летягъ, которые должны были приспособляться къ древесной жизни. И затѣмъ эта жизнь, вслѣдствіе одинаковости условій и требованій, повторилась въ нашихъ обыкновенныхъ бѣлкахъ-летягахъ.

Подобно этимъ грызунамъ-летягамъ, повторилось многое въ нашихъ млекопитающихъ. Такимъ образомъ, наша собака или волкъ есть довольно вѣрная копія съ сумчатаго, поперечно-полосатаго *мѣшкопёса* или двуутробнаго австралійскаго волка. Этотъ ново-голландскій волкъ такъ же золъ, такой же бирюкъ, какъ и нашъ сѣрый волкъ. Онъ только трусливѣе нашего волка, и его морда, его глаза сразу выдаютъ его тупость и ограниченность. Это, очевидно, низшая ступень нашего бирюка.

Наша лиса есть копія съ двуутробной лисы—съ *фалангисты* (Phalangista Vulpina) или съ *кускусъ-лисы*. Но лиса австралійская имѣетъ длинный, пушистый и цѣпкій хвостъ. Она—животное ночное, тихое, смирное; потому что эта кускусъ-лиса не хищный звѣрь, а травоядный, или, правильнѣе говоря, всеядный. Въ благопріятномъ случаѣ или, въ случаѣ голода, она не побрезгуетъ несчастной птицей, которая ей попадется,—и это будетъ дѣйствительно самая несчастная птица, потому что лиса-кускусъ убьетъ ее не вдругъ, она неумѣло будетъ возиться съ нею цѣлый часъ — выломаетъ у нея крылья, выщиплетъ перья, всю ее истиранитъ, изомнетъ и затѣмъ уже примется за ея голову, прокуситъ ей затылокъ и выѣстъ мозжечекъ и мозгъ — самое вкусное для нея. Все это, всѣ эти мученья она продѣлываетъ не потому, чтобы они нравились ей, а просто потому, что

*) Я, господинъ, копирую самого себя! По солнцу сотворилъ я звѣзды, по быкамъ сотворилъ я телятъ, по львамъ съ когтями сотворилъ я маленькихъ, хорошенькихъ кошекъ. По людямъ сотворилъ я обезьянъ!.. А ты ничего не можешь сотворить!..

всѣ ея движенія удивительно медленны и неуклюжи. Къ быстрымъ ловкимъ движеніямъ она вовсе не способна. Человѣкъ, хорошо лазящій по деревьямъ, можетъ легко поймать ее. Она не любопытна; но, какъ истинно глупое животное, будетъ сидѣть и смотрѣть на человѣка, который лѣзетъ къ ней, и когда онъ уже взлѣзетъ высоко и близко къ ней, тогда только она догадается и бросится на-утёкъ.

Слѣдовательно, разница между нашей лисой и кускусъ-лисой главнымъ образомъ заключается въ ея медлительномъ, лѣнивомъ характерѣ. Но что же значитъ эта разница? Почему два хищника, сходныхъ по наружной организаціи, разнятся такъ сильно по внутреннимъ, психическимъ свойствамъ? Почему одинъ способенъ къ быстрымъ, немедленнымъ рефлексамъ, а другой—нѣтъ?

Порхающая мышь.

Я вспоминаю теперь невольно нѣкоторыхъ бѣлыхъ кошекъ, которыхъ мнѣ приводилось встрѣчать въ моей жизни. Это кошки совершенно апатичныя, глухія, неуклюжія, постоянно сонныя или засыпающія. Всѣ ихъ движенія медленны и неловки. Онѣ удивительно глупы, хотя голова у нихъ довольно большая, на короткой шеѣ, и съ далеко разставленными другъ отъ друга короткими ушами. Я думалъ: почему эта разница? Отъ чего она зависитъ? Разница чисто психическая и выраженная снаружи въ цвѣтѣ волосъ, въ отсутствіи пигмента? Если цвѣтъ,—думалъ я,—можетъ такъ сильно вліять у кошекъ на психику, то тѣмъ болѣе, тѣ отличія, которыя мы встрѣчаемъ въ кускусъ-лисѣ, могутъ вызывать сильныя отличія въ повадкахъ и нравахъ, которые мы встрѣчаемъ здѣсь, сравнительно съ нашей быстрой, бойкой, ловкой, хитрой, увертливой и умной сѣверной лисой.

Къ маленькимъ мышеобразнымъ австралійскимъ двуутробкамъ принадлежитъ также, такъ-называемая, *порхающая мышь* или *мышь акробатка* (Acrobates pygmaeus). Это крохотный звѣрекъ, ростомъ съ нашу домашнюю мышь, и весьма напоминаетъ ее по формѣ усатой мордочки, маленькимъ ушкамъ и крохотнымъ мышинымъ лапкамъ. Но достаточно взглянуть на хвостъ, довольно длинный у этой мышки, чтобы сразу замѣтить разницу между ней и нашей мышью. Этотъ хвостъ довольно густо покрытъ пушистыми волосками и слегка расширяется къ концу. Затѣмъ, вглядываясь въ бока этой мышки, на которыхъ расположены съ обѣихъ сторонъ какія-то кожаныя или перепончатыя складки, можно догадаться, что эти складки — свернутыя крылья или парашюты этой мышки. Она быстра, вертлява, она скачетъ, прыгаетъ, бѣгаетъ по вѣточкамъ кустарниковъ и въ одно неуловимое мгновенье развертываетъ свои летательныя перепонки и, какъ бѣлка-летяга, перерепархиваетъ на другое дерево или съ куста на кустъ. Пища этой крохотной мышки преимущественно растительная: листья, почки, плоды. Но она также любитъ насѣкомыхъ и очень ловко охотится за ними.

Вомбатъ.

Къ очень крупнымъ австралійскимъ хищнымъ двуутробкамъ принадлежитъ злой и хитрый австралійскій сумчатый волкъ или *мѣшкопесъ* (Thylacinus cynocephalus). Представьте себѣ довольно большую собаку съ длинной шерстью, сѣровато-коричневой, и съ темными, поперечными полосами на задней половинѣ тѣла. Физіономія мѣшкопеса довольно рѣзко отличаетъ его отъ нашего волка и нисколько не похожа на собачью. У него большіе глаза, и днемъ онъ почти постоянно мигаетъ, закрывая глаза не только вѣками, но и особенной, такъ-называемой, *мигательной перепонкой.* Эта перепонка — вѣрный признакъ ночного животнаго. Днемъ мѣшкопесъ скрывается въ норахъ и обыкновенно спитъ; днемъ онъ неповоротливъ, лѣнивъ и только съ наступленіемъ вечера и ночи онъ становится бойкимъ, изворотливымъ и проворнымъ животнымъ. Онъ гоняется за всѣми живыми звѣрями; преслѣдуетъ нагорнаго кенгуру, а въ случаѣ нужды поѣдаетъ крабовъ и даже колючихъ морскихъ ежей.

Въ прежнее время, лѣтъ 20—30 тому назадъ, мѣшкопесъ нападалъ на стадо овецъ. Но огнестрѣльное оружіе заставило его подниматься на горы и забиваться въ непроходимыя ущелья *).

Когда маленькая двуутробка выраститъ и разовьется въ мѣшкѣ матери, она покидаетъ этотъ мѣшокъ и ведетъ самостоятельную жизнь или зацѣпляется своимъ хвостикомъ за хвостъ матери, какъ это дѣлаетъ виргинская двуутробка. Но у нѣкоторыхъ двуутробокъ былъ замѣченъ очень странный фактъ. Одинъ изъ натуралистовъ, Вейландъ, воспиталъ молодую кенгуру, и сильно удивился, когда увидѣлъ, что эта молодая мать, съ дѣтенышемъ въ сумкѣ, ласкалась къ своей матери, прося у нея молока. Но еще удивительнѣе былъ другой случай. Старая матка кенгуру ударилась объ рѣшетку и убилась. Въ ея сумкѣ нашли голаго дѣтеныша, который былъ 3 дюймовъ длины, слѣдовательно родился по крайней мѣрѣ, за два мѣсяца до ея смерти. Изъ этого факта очевидно, что старая матка можетъ кормить двухъ дѣтей, двухъ разныхъ поколѣній: маленькаго голаго дѣтеныша въ своей сумкѣ и взрослую дочь, которая сама уже кормитъ собственнаго дѣтеныша.

Маленькіе кенгуру такъ же игривы и граціозны, какъ маленькіе зайчики. Они также прыгаютъ, скачутъ и гоняются другъ за другомъ. Такая двуутробка не вдругъ оставляетъ мѣшокъ-колыбель, которая ее вскормила, и

Проф. Н. П. Вагнеръ. Картины изъ жизни животныхъ.

*) У сумчатаго волка организація двуутробокъ сдѣлала шагъ впередъ. Тогда какъ у всѣхъ двуутробокъ существуютъ въ скелетѣ особенныя кости, поддерживающія мѣшокъ, въ которомъ онѣ носятъ и доращиваютъ своихъ маленькихъ—здѣсь у мѣшкопеса вмѣсто этихъ *двуутробковыхъ* костей (ossa marsupialia)—роль ихъ исполняютъ просто перепончатыя стегна. Посредствомъ ихъ поддерживается и защищается мѣшокъ.

какъ-то странно непривычно видѣть кенгуру-мать, изъ которой торчитъ головка ея дѣтеныша, головка очень граціозная, съ усатой мордочкой, съ прямо кверху торчащими ушками,—головка,—которая весело, съ любопытствомъ, смотритъ на Божій міръ, своими блестящими глазками. Если что-нибудь незнакомое спугнетъ ее, то она быстро, мгновенно юркнетъ въ свой родной мѣшочекъ. Но иногда любопытство, которое вообще сильно развито у всѣхъ двуутробокъ, преодолѣетъ страхъ, и маленькая двуутробка упорно продолжаетъ смотрѣть на то, что ее поразило. Въ случаѣ опасности, мать напоминаетъ своей дѣткѣ объ осторожности. Она слегка передней лапой хлопаетъ ее по мордочкѣ, или по мѣшку, и дѣтка прячетъ головку, разумѣется, съ сожалѣніемъ.

Мать-кенгуру точно такъ же, какъ и всѣ двуутробки, сильно привязана къ свимъ дѣтямъ. Разсказываютъ, въ Австраліи, что иногда попадаются такіе случаи, при которыхъ она жертвуетъ своей жизнью для того, чтобы спасти свою дѣтку. Это бываетъ въ то время, когда ее преслѣдуетъ охотникъ; тогда она оставляетъ свою маленькую дѣтку, быстро садитъ ее на траву, а сама бѣжитъ, скачетъ дальше, бѣжитъ, преслѣдуемая разгоряченнымъ охотникомъ и, разумѣется, погибаетъ.

Чортъ.

Какъ-то странно поставить подлѣ стройныхъ, граціозныхъ кенгуру—неуклюжую фигуру медвѣдя... но я не подбираю типы въ ихъ генеологическомъ порядкѣ, а только стараюсь рѣзче очертить ихъ передъ читателемъ.

Медвѣдь-двуутробка очень похожъ на нашего Михаила Иваныча, но только, какъ я уже выше замѣтилъ,—въ миніатюрѣ. Въ Австраліи его зовутъ коали. Въ длину его тѣло немногимъ больше аршина. Сверху оно обросло довольно длинной, косматой шерстью, тонкой и мягкой, сѣровато-рыжаго цвѣта и бѣловато-желтаго съ брюшной стороны. Морда его сильно напоминаетъ медвѣжью. Такое же тупое рыло, съ немного приподнятымъ кверху носомъ. Такія же, какъ у медвѣдя, уши, короткія, закругленныя, мохнатыя; такія же лапы широкія, толстыя, неуклюжія, съ довольно большими, острыми когтями. Лапы, упирающіяся въ землю всей подошвой, но слѣды ихъ не похожи на медвѣжьи. Ихъ пальцы, по пяти на каждой, раздѣлены на двѣ партіи, такъ что три пальца могутъ противуполагаться двумъ остальнымъ. Благодаря этому устройству коали можетъ довольно легко лазить по деревьямъ. Наконецъ, у этого звѣря вовсе нѣтъ хвоста, какъ и у нашего медвѣдя.

Мурашеѣдъ.

Забавно видѣть это животное, лазящее по деревьямъ, съ своимъ медвѣжонкомъ на спинѣ или, правильнѣе, на шеѣ. У медвѣжонка рыло еще тупѣе. Уши едва замѣтны, и такъ уморительно выглядываетъ его тупорылая мордочка изъ-за головы его матери, когда она несетъ его на свой шеѣ.

Вообще это звѣрь неповоротливый, крайне медленный и неуклюжій, но онъ довольно искусно лазаетъ по тонкимъ и гибкимъ вѣтвямъ.

Еще уморительнѣе и страннѣе выглядитъ другой звѣрь, другая двуутробка. Это австралійскій барсукъ, или *вомбатъ* (Phascolomys). Это совершенно оригинальное животное, которое отчасти напоминаетъ намъ барсука, отчасти медвѣдя. Ростомъ оно подходитъ къ первому. Толстое, неуклюжее, какое-то цилиндрическое туловище на короткихъ ногахъ, которые своимъ устройствомъ и ступнями напоминаютъ намъ скорѣе медвѣжьи лапы, чѣмъ лапы коали. Шеи почти нѣтъ. Голова постоянно опущена къ землѣ. Тупая, глупая, угрюмая, подслѣповатая морда съ очень короткимъ носомъ и также короткими заостренными и прямо торчащими кверху ушами. Звѣрь этотъ водится въ глухихъ лѣсахъ южной Австраліи, гдѣ питается растительной пищею: листьями, корнями. Онъ отличается удивительнымъ меланхолическимъ индеферентизмомъ и упрямствомъ. Говорятъ, что его можно просто брать руками и переносить съ мѣста на мѣсто. Его почти никогда нельзя вывести изъ того блаженнаго, благодушнаго настроенія, въ которомъ онъ пребываетъ почти неизмѣнно. Но, разумѣется, если дразнить его, то онъ, наконецъ, выходитъ изъ своего невозмутимаго состоянія, сердится, шипитъ и кусается очень сильно. Разъ выбравъ какое-нибудь направленіе, онъ идетъ по нему упрямо и упорно, и если преградитъ ему путь какая-нибудь рытвина или канава, то онъ падаетъ въ нее, какъ пустой мѣшокъ, и продолжаетъ путь свой дальше, по тому же направленію.

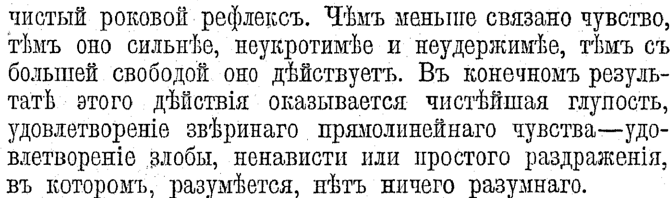
Съ этимъ описаніемъ апатичнаго, меланхолическаго, индиферентнаго австралійскаго барсука мнѣ хочется сопоставить описаніе другого звѣря, другой двуутробки—совершенно ему противоположной—двуутробки дѣятельной, быстрой, изворотливой и несущей странное и страшное названіе «*чорта*» или діавола (Diabolus ursinus). Взглянувши на это животное, можно съ увѣренностью сказать, что «кличка пришлась по шерсти». Но еще болѣе вы согласитесь съ этимъ, когда узнаете о злобномъ характерѣ и дикихъ нравахъ этой небольшой (слава Богу!)

австралійской двуутробки. Длина ея—не больше двухъ футовъ. На невысокихъ, но толстыхъ ногахъ, посадка ея тѣла напоминаетъ медвѣдя съ черной, лоснящейся шерстью, и довольно длиннымъ хвостомъ. Самое безобразное, отвратительное въ этомъ звѣрѣ, это—его громадная голова, съ небольшими, заостренными, торчащими кверху ушами, и злобными, небольшими, широко разставленными блестящими глазками. Особенную выразительность придаетъ этой головѣ широкая бѣлая полоса, идущая подъ горломъ. Отъ этой полосы голова кажется еще громаднѣе и ужаснѣе. Всѣ наблюдатели этого звѣря сходятся въ своихъ о немъ отзывахъ. Они говорятъ, что трудно представить себѣ существо болѣе злое, сердитое, бѣшеное въ ярости и сумасбродное. Онъ бросается на каждое животное, на все живое и поѣдаетъ или кусаетъ всякаго, кто подходитъ къ нему. Кажется, безумная злоба всѣхъ звѣрей сосредоточилась и выразилась въ этомъ австралійскомъ чортѣ. Онъ боится свѣту и забивается обыкновенно въ самый темный уголъ, въ которомъ сидитъ до тѣхъ поръ, пока всякая самомалѣйшая причина или поводъ не приведутъ его мгновенно въ неописуемую, слѣпую ярость. Онъ—животное вполнѣ ночное, и цѣлый день спитъ, свернувшись клубкомъ или забившись въ какой-нибудь темный уголъ. Выгнанный на свѣтъ, онъ начинаетъ мигать и закрывать глаза мигательной перепонкой. Очевидно, что свѣтъ болѣзненно раздражаетъ его.

Брэмъ говоритъ о немъ, что его никакъ нельзя приручить: «по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ,—говоритъ онъ,—«чортъ» остается чортомъ, т. е. такимъ же злымъ и бѣшенымъ, какъ и въ первый день неволи. Безъ малѣйшаго повода, онъ вдругъ бросается на переплетъ своей клѣтки и бьетъ лапами во всѣ стороны, какъ бы желая растерзать каждаго, кто подойдетъ къ нему. Взрывы его ярости часто совершенно непонятны. Они являются при самомъ тщательномъ, лучшемъ уходѣ, противъ самыхъ кроткихъ, безобидныхъ животныхъ. При всѣхъ этихъ неудобныхъ свойствахъ, звѣрь этотъ обнаруживаетъ безграничную глупость и тупость.

Вотъ это послѣднее свойство:—глупость и тупость чорта—и объясняетъ намъ отчасти всѣ другія отталкивающія, несимпатичныя черты его характера. Умъ, разсудительность задерживаютъ слѣпые, роковые рефлексы, задерживаютъ и перерабатываютъ всѣ безразсудные поступки, которые животное совершаетъ подъ первымъ впечатлѣніемъ страстнаго, патетическаго импульса. Австралійская двуутробка — безобразный чортъ—слѣпо, не разсуждая, повинуется этому импульсу. Если онъ дѣйствуетъ мгновенно, то и раздраженіе, вспыхнувшее подъ его вліяніемъ, такъ же мгновенно утихаетъ. Если же оно доросло до извѣстной силы, и животное уже всецѣло отдалось его ярости, то оно и творитъ одну глупость за другою, повинуясь своему злобному инстинкту.

Но вотъ что стоитъ замѣтить: злобный австралійскій чортъ составляетъ только одну форму, одинъ видъ въ цѣломъ, хотя не длинномъ ряду австралійскихъ животныхъ этой группы. Всю ее можно приравнять къ куницамъ и назвать куницеобразными двуутробками. Но настоящія европейскія куницы не отличаются такимъ злобнымъ характеромъ и такими сердитыми выходками, которыя свойственны ново-голландскому чорту. Его какъ бы основная черта характера—это непримиримая и ненасытимая злоба. Онъ постоянно сердится и бросается на все движущееся, живое, на все, что только вскользь задѣнетъ его вниманіе. Изъ этого ясно, что здѣсь дѣйствуетъ

чистый роковой рефлексъ. Чѣмъ меньше связано чувство, тѣмъ оно сильнѣе, неукротимѣе и неудержимѣе, тѣмъ съ большей свободой оно дѣйствуетъ. Въ конечномъ результатѣ этого дѣйствія оказывается чистѣйшая глупость, удовлетвореніе звѣринаго прямолинейнаго чувства—удовлетвореніе злобы, ненависти или простого раздраженія, въ которомъ, разумѣется, нѣтъ ничего разумнаго.

Но въ Австраліи водятся двуутробки, которыхъ наружность не имѣетъ ничего отталкивающаго, и между тѣмъ онѣ гораздо злѣе, кровожаднѣе австралійскаго чорта. Это, такъ называемыя, *мышевидки* (Phascologale) — маленькія мышеобразныя или крысообразныя двуутробки. Въ ихъ наружности нѣтъ ничего непріятнаго *). Онѣ—подобно нашимъ мышамъ — маленькіе, бойкіе, зоркіе, красивые звѣрки, съ заостренной мордочкой и свѣтлыми глазками; съ небольшими ушками и маленькими проворными лапками. Хвостъ ихъ сразу отличаетъ отъ нашихъ мышей. Хвостъ довольно длинный, при основаніи покрытый короткими волосами, но, чѣмъ ближе къ концу его, тѣмъ длиннѣе становятся эти черные волоса.

Вотъ эти красивыя мыши—настоящій бичъ для куроводовъ и вообще птичниковъ. Онѣ пролѣзаютъ во всѣ щелки и поѣдаютъ все живое и съѣдобное. Онѣ набрасываются на домашнихъ птицъ, и съ ненасытной кровожадностью душатъ и поѣдаютъ ихъ. Въ особенности отличается между ними въ этомъ отношеніи, такъ называемая туземцами, *тапоа-тафа* (Pascologale penicillata). Она ростомъ съ нашу бѣлку, но ни одна кошка или собака не бросится на нее, и не вступитъ въ неравный бой, который, можетъ быть, кончится ея смертью. Подобно австралійскому «чорту», эти мыши необыкновенно злы, сердиты и отважны. Онѣ смѣло, или, лучше сказать, дерзко бросаются на большихъ собакъ, и нерѣдко обращаютъ ихъ въ бѣгство.

Тапоа (Тафа).

Эти мыши или крысы-двуутробки бродятъ и нападаютъ и днемъ, и ночью. Онѣ не только бросаются на собакъ, но и на человѣка. Проворныя, ловкія и безконечно злыя, онѣ жестоко кусаютъ людей. Одинъ видъ такой мыши вызываетъ въ туземцахъ страхъ и отвращеніе. Испытавшій силу ихъ жестокихъ укусовъ, человѣкъ бѣжитъ отъ этихъ небольшихъ, но злобныхъ созданій, передъ которыми злой австралійскій «чортъ» кажется кроткой овцой.

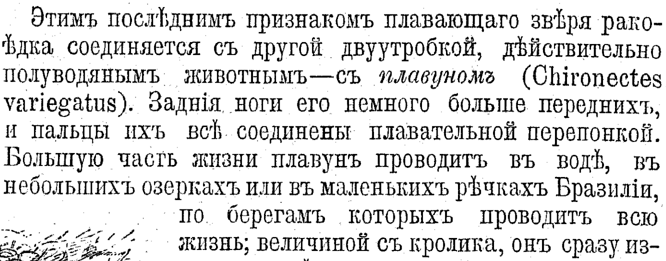
Если бы мы задались мыслью представить очеркъ всѣхъ двуутробныхъ формъ, то мы долго не кончили бы этого очерка. Мы остановимся теперь еще на нѣсколькихъ, почему либо болѣе замѣчательныхъ двуутробкахъ, и прежде всего на очень странномъ животномъ, напоминающемъ намъ отчасти ново-голландскаго волка, но оно гораздо меньше его съ удлиненнымъ, вытянутымъ тѣломъ и также вытянутой заостренной мордой, съ небольшими, прямо торчащими ушами, и довольно длиннымъ, волосистымъ хвостомъ. Звѣрь этотъ напоминаетъ отчасти лисицу. У него, какъ у сумчатаго волка, по спинѣ идутъ довольно широкія поперечныя полосы; только не черныя, а бѣлыя. Онѣ рѣзко выдѣляются на общемъ черномъ фонѣ спины. Первое впечатлѣніе цвѣта его, это—пестрота, смѣсь чернаго, бѣлаго и довольно яркаго желтаго. Вотъ этотъ-то звѣрь, питающійся преимущественно и почти исключительно муравьями, несетъ названіе *муравьѣда*, (Myrmecobius fasciatus). Онъ очень своеобразенъ, и трудно

---

*) Я говорю это не для тѣхъ чувствительныхъ дамъ, которыя готовы, при видѣ мыши или крысы, упасть въ обморокъ.

опредѣлить: отъ какой формы онъ произошелъ. Онъ представляетъ исключеніе изъ всѣхъ двуутробокъ, такъ какъ у него нѣтъ сумки для развитія дѣтенышей—и маленькіе его прямо присасываются къ открытымъ сосцамъ матери. Слѣдовательно, это животное дѣлаетъ переходъ къ обыкновеннымъ млекопитающимъ, безсумочнымъ. Онъ живетъ въ темныхъ глухихъ лѣсахъ и прячется очень искусно отъ человѣка въ дуплахъ старыхъ деревъ. Съ жадностью мурашеѣдъ разрываетъ найденный имъ муравейникъ, и погружаетъ въ него свой длинный языкъ, къ которому приклеиваются мураши.

Отсутствіе сумки у мурашеѣда не есть единственный фактъ переходовъ отъ двуутробокъ къ безсумчатымъ млекопитающимъ. Есть двуутробка «полуводяная», если можно такъ выразиться, это *ракоѣдка* (Philander canerivorus). Она, вѣроятно, развилась въ томъ же ряду формъ, къ которому принадлежитъ и американскій опоссумъ—и водится она тамъ же, въ лѣсахъ Южной Америки, преимущественно въ лѣсахъ Бразиліи. Вмѣсто сумки — у нея просто двѣ складки кожи, которыя могутъ прикрывать и скрывать ея дѣтей. Она ростомъ съ опоссума, и также издаетъ противный чесночный запахъ и точно также негры любятъ ея мясо. Шерсть на ней такая же длинная и такая же жесткая и грубая, какъ у выдры. Въ этомъ высказалось, можетъ быть, вліяніе воды.

Плавунъ.

Ракоѣдка—очень красивый, довольно бойкій звѣрекъ, который ведетъ чисто древесную жизнь. Лазитъ онъ не по верхушкамъ деревьевъ, а преимущественно внизу, около озеръ и болотъ, и въ особенности онъ любитъ гнѣздиться въ перепутанныхъ вѣтвяхъ корнепусковъ. Ракоѣдка очень привязана къ своимъ дѣтямъ, которыхъ у нея бываетъ отъ 4 до 5—и весело видѣть эту мать, окруженную ея красивыми, живыми и граціозными дѣтками. Они ни на минуту не остаются покойными, бѣгаютъ, прыгаютъ; вскакиваютъ на спину матери или обертываютъ свои длинные, цѣпкіе хвостики около ея хвоста, загнутаго на спину. Хвостъ играетъ очень видную роль въ ея древесной, лазающей жизни. Она постоянно обертываетъ имъ сучья и вѣтви, и каждый шагъ дѣлаетъ смѣло и бойко, твердо увѣрившись, что хвостъ держитъ ее крѣпко. Даже когда она садится, то прежде обернетъ раза два, три свой хвостъ около надежной вѣтки. Днемъ она спитъ, забившись въ какую-нибудь чащу, а вечеромъ и ночью выходитъ на добычу и ловитъ все, что попадется ей: птицъ, маленькихъ звѣрьковъ, не брезгуетъ и плодами, въ особенности сочными и вкусными. Но главную и любимую пищу этой двуутробки составляютъ раки: краббы и палинуры. Для нихъ она и селится около воды. Для нихъ она сдѣлалась полуводянымъ животнымъ, и даже большой палецъ ея, на заднихъ лапахъ, соединенъ съ сосѣднимъ плавательной перепонкой.

Ракоѣдка.

Этимъ послѣднимъ признакомъ плавающаго звѣря ракоѣдка соединяется съ другой двуутробкой, дѣйствительно полуводянымъ животнымъ—съ *плавуномъ* (Chironectes variegatus). Заднія ноги его немного больше переднихъ, и пальцы ихъ всѣ соединены плавательной перепонкой. Большую часть жизни плавунъ проводитъ въ водѣ, въ небольшихъ озеркахъ или въ маленькихъ рѣчкахъ Бразиліи, по берегамъ которыхъ проводитъ всю жизнь; величиной съ кролика, онъ сразу издалека замѣтенъ по своей пестрой, весьма оригинальной окраскѣ. Большая часть тѣла—вся спина сѣровато-мышинаго цвѣта, и на этомъ фонѣ протягиваются шесть черныхъ широкихъ поперечныхъ полосъ, или пятенъ. Одно черезъ глаза, другое на макушкѣ головы, третье на плечахъ, четвертое на спинѣ, пятое на заднихъ ногахъ и шестое на крестцѣ. Всѣ они связаны черной полосой, идущей вдоль спины. Исподъ тѣла — чистаго бѣлаго цвѣта. Хвостъ плавуна, почти голый — настоящій крысиный хвостъ, не цѣпкій, покрытый параллельно идущими чешуйками. Плавунъ ловитъ и ѣстъ рыбу, раковъ, но, въ случаѣ нужды, питается и растительной пищей.

Таковъ этотъ единственный представитель плавающихъ хищныхъ въ рядахъ двуутробокъ. Онъ напоминаетъ нѣсколько выдру, но далѣе этого типа развитіе не пошло. Ни между нынѣ живущими, ни между уже исчезнувшими формами двуутробокъ, мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго тюленямъ, а тѣмъ болѣе моржамъ. Организація двуутробныхъ звѣрей, вѣроятно, остановилась на плавунѣ, и не создала другихъ плавающихъ, рыбовидныхъ типовъ.

Неизвѣстно, случилось ли это вслѣдствіе условій, опредѣлившихъ развитіе самаго типа двуутробокъ, или вслѣдствіе мѣстныхъ географическихъ условій, напримѣръ отсутствія обширныхъ морей.

Въ типахъ двуутробокъ мы встрѣчаемъ почти всѣ типы млекопитающихъ одноутробныхъ. Но мы никакъ не можемъ утверждать, чтобы эти разнородные типы были родоначальниками всѣхъ типовъ млекопитающихъ, нынѣ живущихъ. Мы видимъ въ двуутробкахъ не болѣе, какъ ступень, на которую развитіе млекопитающихъ должно было подняться. И оно поднялось и повторило прежнее, старое, ему хорошо знакомое, потому что были условія для этого повторенія. Доказательство справедливости этой мысли мы находимъ въ развитіи мозга и умственныхъ психическихъ способностей всѣхъ двуутробокъ. Въ этомъ отношеніи онѣ представляютъ что-то недоразвитое, низменное. Имъ недостаетъ ни быстроты соображенія, ни его изворотливости, ни изобрѣтательности. Онѣ могутъ нравиться вслѣдствіе красоты своей наружности, но не вслѣдствіе своихъ психическихъ свойствъ. Мозгъ, большой или головной мозгъ двуутробокъ наглядно показываетъ

намъ ихъ недоразвитіе. Этотъ мозгъ не имѣетъ, такъ называемыхъ, извилинъ (Gyricerebri), т. е. тѣхъ извилистыхъ возвышеній, которыя покрываютъ его поверхность у млекопитающихъ одноутробныхъ, и которыя признаются за высшіе интеллектуальные органы. До этихъ извилинъ еще не доросли, недоразвились двуутробки. Онѣ—*гладкомозговыя* (Sysencephala), какъ называютъ ихъ нѣкоторые натуралисты.

Природа всегда и прежде всего обезпечиваетъ существованіе того, что лежитъ въ ея прямыхъ цѣляхъ. Прежде всего ей необходимо было обезопасить жизнь маленькихъ дѣтенышей двуутробокъ, и она создала здѣсь двойное рожденіе, и особенную сумку для жизни этихъ дѣтенышей. Израсходовавъ на это устройство свои пластическія силы, она уже не могла довести до возможнаго совершенства мозгъ, а вмѣстѣ съ нимъ и интеллектуальные способности двуутробокъ. Всѣ авторы, описывающіе жизнь этихъ животныхъ, не исключая и Брема—единогласно говорятъ о тупости, несообразительности или просто глупости этихъ животныхъ. Они говорятъ, что всѣ эти животныя скучны, незанимательны, если ихъ воспитывать въ неволѣ. Дѣйствительно, они представляютъ мало интереса для воспитателя. Они не выказываютъ никакой привязанности къ нему. И вообще ни къ чему и ни къ кому они не обнаруживаютъ склонности. Исключеніе дѣлаетъ только любовь матери къ ея дѣтямъ. И это есть единственная, симпатичная черта въ ихъ жизни. Самки—интеллигентныя изъ нихъ—не превышаютъ смысломъ нашихъ обыкновенныхъ бѣлокъ.

Если мы подумаемъ теперь о томъ громадномъ числѣ лѣтъ, которое было потрачено на развитіе этихъ животныхъ, то мы вполнѣ поймемъ, какъ трудно и медленно вырабатывается нервная система въ ея высшихъ психическихъ проявленіяхъ. Организація прошла различные типы двуутробокъ отъ хищнаго волка и чорта, отъ крылатой, летучей бѣлки и порхающей мыши и до неповоротливаго, глупаго вомбата. Она создавала дневныхъ и ночныхъ двуутробокъ, скачущихъ, бѣгающихъ, летающихъ и плавающихъ, и не могла осилить ихъ мозга. Не ясно ли это доказываетъ, что на выработку этого высшаго органа тратится очень много времени и творящей, пластической силы?!

Птицезвѣри.

1. Утконосъ или орниторинхъ.

Въ Новой Голландіи есть много уголковъ для привольной, легкой жизни. Представьте себѣ—маленькую ложбинку, небольшое озерко съ извилистыми, вдающимися въ него берегами. Позади этой ложбинки раскинулся небольшой лѣсокъ или борокъ изъ темныхъ араукарій. Смотрите, вода въ озеркѣ, въ одномъ мѣстѣ, задвигалась, заструилась, и на поверхность ея выплылъ широкій, утиный клювъ. За нимъ показался небольшой звѣрекъ съ плавательными лапами, къ которому приставленъ такой громадный птичій клювъ.

— А!—говорите вы—это утконосъ, орниторинхъ.

Да! Это совершенно вѣрно. Но почему же явилась такая странная амальгама? Почему птичій клювъ очутился на рылѣ млекопитающаго звѣря? Вотъ въ чемъ вопросъ!

Какъ то трудно представить себѣ легкую, воздушную птицу, соединенную съ организаціей водяного неуклюжаго, тяжелаго млекопитающаго животнаго. Положимъ, оно быстро движется, изворотливо въ водѣ, благодаря громадной плавательной перепонкѣ на его лапахъ, но оно никоимъ образомъ не можетъ летать; а въ своихъ плавательныхъ изворотахъ онъ никакъ не можетъ сравниться съ рыбою. Природа, наградивъ его утинымъ клювомъ, не дала ему крыльевъ и воздухоносныхъ полостей.

А съ боку вся голова его удивительно напоминаетъ утиную голову. Такіе же маленькіе, узенькіе утиные глазки, такой же клювъ. Только голова эта покрыта не перьями, а короткими волосами, а клювъ обтянутъ роговой кожей—черной сверху, желтой снизу; а наверху у основанія онъ имѣетъ очень короткій козырекъ, защищающій глаза отъ поврежденій, въ то время когда утконосъ роется въ илу или въ тинѣ. Открывъ этотъ клювъ, мы увидѣли съ каждой стороны и въ каждой челюсти по два зуба. Эти зубы костяные, плоскіе. Но у маленькихъ орниторинховъ они роговые и также плоскіе. Ими ничего нельзя разжевать, но они отлично перетираютъ илъ, тину и все мягкое, что имъ попадется. На нёбѣ въ этомъ клювѣ мы встрѣчаемъ довольно большую, круглую шишку. Она замѣняетъ утконосу ряды тѣхъ пластинокъ, цѣдилокъ, которыя мы встрѣчаемъ у утокъ и у многихъ другихъ водяныхъ птицъ. Слѣдовательно, не только по своему строенію, но и по отправленію клювъ утконоса есть настоящій утиный клювъ.

Лапы утконоса, по ихъ строенію и въ особенности по широкой плавательной перепонкѣ, также напоминаютъ утиныя лапы — съ пятью пальцами, вооруженными твердыми толстыми, но тупыми когтями. На заднихъ ногахъ когти острѣе, и плавательная перепонка не такъ сильно развита, какъ на переднихъ.

Утконосъ (Ornitorynx).

Сверху утконосъ немного походитъ на крота, только не съ черной, бархатной шкуркой, а съ блестящими, шелковистыми, сѣровато-бурыми волосами. Снизу эти волосы серебристо-бѣлаго цвѣта. Наконецъ, короткій, но плоскій, широкій хвостъ довершаетъ фигуру этого страннаго австралійскаго животнаго, строенію котораго долго удивлялись натуралисты. Хвостъ на концѣ какъ бы прямо обрѣзанъ, и у старыхъ экземпляровъ, съ нижней, плоской стороны, весь вытертъ, совершенно голый. Не употребляетъ ли орниторинхъ этотъ хвостъ для выглаживанія и выметанія норы?

У самцовъ на заднихъ лапахъ можно замѣтить небольшую шпору или иглу, полую внутри; въ эту иглу открываются особенныя железки, лежащія въ ногѣ. Объ этой иглѣ было довольно споровъ, и вопросъ до сихъ поръ остается не рѣшеннымъ. Ядовитъ утконосъ или нѣтъ? Одни авторы утверждаютъ, что своими шпорами онъ наноситъ раны и впускаетъ въ нихъ ядъ. Другіе говорятъ, что утконосъ нѣсколько разъ царапалъ ихъ этой шпорой безъ всякихъ серьезныхъ послѣдствій. Притомъ почему же это ядовитое орудіе находится только у однихъ самцовъ? Не имѣетъ ли оно какой-нибудь особенной, половой функціи?

Въ сущности утконосъ остается совершенно беззащитенъ. Онъ можетъ клеваться, подобно уткамъ; можетъ искусно прятаться, быстро плавать и нырять—и только. Никакихъ агрессивныхъ, нападающихъ орудій ему не дано.

Въ водѣ—онъ быстръ, легокъ, изворотливъ. На сушѣ онъ съ трудомъ ходитъ, или, правильнѣе говоря, ползаетъ и волочитъ свой плоскій животъ по землѣ.

Его можно встрѣтить во всякое время года въ озерахъ и рѣчкахъ преимущественно южной Австраліи. Въ берегахъ онъ выкапываетъ довольно длинныя и сложныя норы. Въ одной изъ этихъ норъ онъ устраиваетъ гнѣздо, выстилая его нѣжными водяными растеніями. Въ нѣкоторыхъ гнѣздахъ эта выстилка состоитъ изъ почернѣвшихъ листьевъ араукарій, что ясно указываетъ, что эти

листья долго лежали подъ водою и сдѣлались, разумѣется, мягче свѣжихъ. Норы имѣютъ отнорки безъ выхода, которыя, вѣроятно, служатъ продушинами для циркуляціи воды и воздуха. Гнѣздо состоитъ не изъ одной норы, но изъ многихъ, лабиринтообразно запутанныхъ ходовъ. Сплетеніе изъ кореньевъ разныхъ водяныхъ растеній играетъ существенную роль въ устройствѣ гнѣздъ. Самое гнѣздо помѣщается на верху, выше уровня воды. Это круглая камера въ 30—50 центим. ширины, выстланная мягкими листьями водяныхъ растеній. Въ это гнѣздо самка сноситъ свои яйца, покрытыя мягкой, гибкой скорлупой.

Да! Утконосъ несетъ яйца, какъ настоящая утка, чего не дѣлаетъ ни одно млекопитающее. Но во всякомъ случаѣ онъ принадлежитъ къ классу млекопитающихъ, ибо кормитъ своихъ дѣтенышей собственнымъ молокомъ. Оно выдѣляется особенными железами, лежащими съ боковъ его брюшка. Но эти железы не собраны въ особые органы, и маленькій дѣтенышъ утконоса долженъ обходиться безъ соски. Онъ просто захватываетъ пористую кожу и сосетъ сквозь нее выдѣляющееся молоко.

Если орниторинху не даны никакія, защищающія его жизнь, орудія, то зато онъ одаренъ въ высшей степени чувствительными, зоркими глазами и чуткими ушами, а также вѣроятно одаренъ тонкимъ чутьемъ, и всѣ эти органы постоянно стоятъ на стражѣ безопасности его жизни. Малѣйшій незнакомый ему звукъ или шумъ тотчасъ же пугаетъ его и обращаетъ въ бѣгство. Это тихій, скромный звѣрекъ, не вступающій въ драку ни съ однимъ живымъ существомъ. Цѣлый день, если нѣтъ у него особенной заботы, онъ лежитъ въ своей норѣ или осматриваетъ всѣ ея ходы и отнорки. Почти вся пища его заключается въ илу или въ тинѣ. Въ этой тинѣ живетъ множество маленькихъ рачковъ, и это его главная пища. Онъ, какъ утка, впускаетъ въ ротъ, какъ можно больше этой тины. Шишка на нёбѣ задерживаетъ эту тину во рту его, и онъ постоянно чавкаетъ, перетираетъ ее на своихъ очень немногихъ плоскихъ зубахъ, и все перетертое съ наслажденіемъ отправляетъ въ свой пищеводъ.

«Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ,—разсказываетъ Беннетъ, одинъ изъ натуралистовъ-наблюдателей надъ живыми орниторинхами, — я подходилъ къ маленькой рѣчкѣ, въ Австраліи, и былъ увѣренъ, что я встрѣчу орниторинха. Надвигавшіяся сумерки—это любимое ихъ время. Съ ружьемъ въ рукѣ, я остановился на берегу рѣчки и ждалъ. Прошло немного времени, и я увидѣлъ въ довольно близкомъ разстояніи темное тѣло животнаго, голова котораго чуть-чуть была поднята надъ воднымъ зеркаломъ. Я стоялъ не шевелясь, потому что малѣйшаго движенія достаточно, чтобы спугнуть животное. Когда желаешь убить его, необходимо уловить то самое мгновенье, когда оно всплыветъ на поверхность, и послать зарядъ прямо въ голову. Въ спину попавшая дробь не пробиваетъ шкуры. Она запутается въ густыхъ и мягкихъ волосахъ. Я видѣлъ одинъ экземпляръ орниторинха, у котораго весь черепъ былъ разбитъ, но въ густую шкуру дробь едва-едва успѣла проникнуть... Два дня спустя мы встрѣтили другой экземпляръ, въ который я выстрѣлилъ, и сильно ранилъ его. Онъ тотчасъ же погрузился въ воду, но спустя нѣкоторое время снова всплылъ, затѣмъ опять началъ плавать и выказывалъ явное намѣреніе уйти на другой, противоположный берегъ. Необходимо было пустить въ него еще два заряда для того, чтобы онъ остался неподвижнымъ въ водѣ. Когда собака принесла его къ намъ, то онъ былъ еще живъ, но съ трудомъ шевелился. Это былъ крупный, прекрасный самецъ.

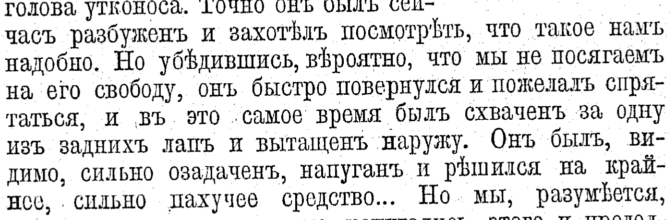
«Въ тотъ же день вечеромъ я убилъ самку. Выстрѣлъ

Утконосъ (орниторинхъ).

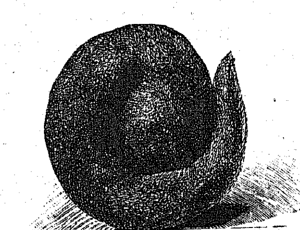
попалъ ей въ клювъ, и она была убита почти мгновенно. Она только тихо шевелилась и судорожно двигала задними ногами. Меня увѣряли, что всѣ утконосы, если они сразу, мгновенно не убиты, то они ныряютъ и уже больше не показываются. Мои наблюденія не подтверждаютъ этого. Въ случаѣ если утконосъ раненъ, то, разумѣется, онъ нырнетъ, но вскорѣ снова появится на поверхности, невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ нырнулъ, съ тѣмъ, чтобы можно было дышать воздухомъ. Иногда онъ, раненный, ускользаетъ отъ собаки, забиваясь въ ситовникъ или камыши, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ приходится выстрѣлить въ него два и три раза, прежде чѣмъ убьешь его.

«Беннетъ разрылъ много норъ утконосовъ. Одну изъ нихъ онъ разрылъ при помощи сильнаго туземца, который никакъ не могъ понять, на что ему орниторинхи, когда у него много овецъ и коровъ. Входъ въ эту нору, или въ первую камеру, — говоритъ Беннетъ, — былъ великъ, сравнительно съ послѣдующими за нимъ. Остальные ходы были уже и уже, и, наконецъ, въ ширину были не шире самого утконоса. Мы прослѣдили нору до 3 метровъ въ глубину. Вдругъ, совершенно неожиданно для насъ, изъ норы выставилась голова утконоса. Точно онъ былъ сейчасъ разбуженъ и захотѣлъ посмотрѣть, что такое намъ надобно. Но убѣдившись, вѣроятно, что мы не посягаемъ на его свободу, онъ быстро повернулся и пожелалъ спрятаться, и въ это самое время былъ схваченъ за одну изъ заднихъ лапъ и вытащенъ наружу. Онъ былъ, видимо, сильно озадаченъ, напуганъ и рѣшился на крайнее, сильно пахучее средство... Но мы, разумѣется, не испугались этого и продолжали держать его. Звѣрекъ

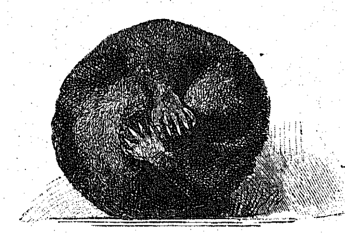

Утконосъ.

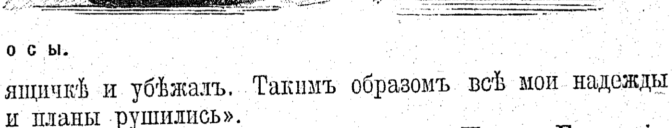

Утконосы.

не издавалъ никакого звука. Его маленькіе глазки сильно блестѣли. Отверстія его ушей постоянно то открывались, то закрывались. Сердце его усиленно отъ страха колотилось. Стараясь вырваться, онъ слегка оцарапалъ мою руку, своими задними лапами. Спустя нѣкоторое время онъ успокоился, хотя не терялъ надежды вырваться и уйти. Мы посадили его въ большую кадку, наполнивъ ее водой, иломъ и водяными растеніями. Онъ всюду пытался найти выходъ, скребся и царапался. Наконецъ, убѣдившись, что выхода ему нѣтъ, онъ успокоился, и вскорѣ, казалось, заснулъ. Ночью онъ проснулся и началъ прежнюю возню, скребъ отчаянно стѣнки кадки, отыскивая всюду мѣстечка, гдѣ бы можно было прорыться и выйти. Утромъ я нашелъ его снова спящимъ. Онъ опять свернулся въ клубокъ. Клювъ подогнулъ подъ грудь и хвостъ завернулъ внутрь клубка. Когда будили его, то онъ слегка ворчалъ,—немного громче маленькаго щенка. Днемъ онъ большей частью оставался покоенъ, но ночью онъ снова старался вырваться и постоянно ворчалъ.

«Передъ моимъ отъѣздомъ я сдѣлалъ маленькій ящичекъ, положилъ туда травы и посадилъ въ него моего утконоса. Чтобы дать ему больше свободы и воздуха, я по временамъ выпускалъ его на берегъ, предварительно привязавъ его за заднюю ногу на длинную веревку. Онъ скоро нашелъ дорогу въ воду и съ радостью бросился въ нее, останавливаясь не надолго на мѣстахъ, покрытыхъ зеленью. Когда онъ наплавался вволю, то вскарабкался на берегъ, развалился на травѣ и принялся за свой туалетъ. Онъ добросовѣстно, съ усердіемъ разглаживалъ и расчесывалъ свои густые волосы острыми когтями заднихъ ногъ. Гибкое тѣло помогало ему въ этой операціи. Онъ чесался обѣими ногами попеременно, но вскорѣ оставилъ привязанную ногу въ покоѣ. Этотъ туалетъ продолжался болѣе часу, и послѣ него утконосъ казался глаже и блестящѣе. Я одинъ разъ положилъ мою руку на ту часть тѣла, которую предстояло расчесывать, и его лапа мягко проскользнула по моей рукѣ. Но когда я пытался нѣжно почесать его, то онъ тотчасъ же отползъ на короткое разстояніе, но вскорѣ опять принялся за свой туалетъ. Наконецъ, онъ позволилъ мнѣ слегка почесать его спину, но тотчасъ же отбѣжалъ, вѣроятно изъ боязни, чтобы я его не схватилъ.

«Спустя нѣсколько дней я снова дозволилъ ему взять ванну. На этотъ разъ я пустилъ его въ свѣтлую рѣчку, въ которой всѣ его движенія были ясно видны. Онъ быстро погрузился до самаго дна, пробылъ тамъ нѣсколько мгновеній и поднялся опять наверхъ. Онъ нѣсколько разъ запускалъ свой клювъ въ илъ, и по движенію обѣихъ половинъ этого клюва можно было заключить, что онъ наслаждался выжатыми изъ него рачками. На тѣхъ же изъ нихъ, которые плавали вокругъ него, онъ не обращалъ никакого вниманія. Послѣ обѣда онъ нѣсколько разъ всползалъ на траву берега, чистился, чесался. Въ свою темницу онъ возвращался неохотно. Ночью я услышалъ скребленіе въ его ящичкѣ, который стоялъ въ моей спальнѣ, а утромъ нашелъ этотъ ящичекъ пустымъ. Утконосъ выломалъ одну драночку въ ящичкѣ и убѣжалъ. Такимъ образомъ всѣ мои надежды и планы рушились».

Въ слѣдующую свою поѣздку въ Новую Голландію Беннетъ нашелъ гнѣздо съ тремя утконосами, надъ которыми онъ долго наблюдалъ. Онъ положилъ гнѣздо на полъ, и маленькіе утконосы долго бѣгали около него, но не выказывали такого сильнаго стремленія убѣжать, какъ взрослыя животныя. У туземцевъ, при видѣ ихъ, разыгрывался аппетитъ и текли слюнки. Они разсказывали, что маленькимъ утконосамъ было около 6 мѣсяцевъ, что этихъ маленькихъ мать ихъ кормила сперва молокомъ, а затѣмъ иломъ, мелкими рачками и моллюсками. Спали эти маленькіе въ различныхъ позахъ. Они или свертывались клубкомъ, какъ маленькіе собачата или ежи, и прикрывали свой клювъ хвостикомъ, или разваливались на спину и вытягивали ноги; въ другихъ случаяхъ они спали на боку. Иногда они скрещивали переднія ноги и прикрывали ими свой клювъ. Хотя собственная ихъ шкурка была очень тепла, но они все-таки искали теплаго мѣста. До ихъ шкурки я дотрагивался, но не до ихъ клюва, что ясно указываетъ на его необыкновенную чувствительность. Маленькіе утконосики были тихи въ комнатѣ, но большіе поднимали такую возню, что ихъ необходимо было куда-нибудь запирать. Они неутомимо и безустанно скреблись въ стѣны ком-

наты. Цѣлый день они покойно лежали, каждую ночь поднимали возню. Если Беннетъ мѣшалъ имъ спать, то они по обыкновенію начинали сердиться и ворчать или мурлыкать.

«Иногда мои утконосы, — разсказываетъ Беннетъ: — желали плавать, и это желаніе ясно было выражено въ движеніи ихъ переднихъ ногъ. Если я днемъ спускалъ ихъ на землю, то они искали укромнаго мѣстечка и, найдя его, свертывались клубкомъ и засыпали. Но во всякомъ случаѣ они предпочитали свое старое привычное мѣсто всякому другому; только иногда, по странному капризу, они оставляли то мѣсто, на которомъ они спали цѣлый день, и залѣзали ко мнѣ подъ подушку. Спали они очень крѣпко, такъ что я могъ свободно ихъ ощупывать».

«Одинъ разъ, вечеромъ, оба мои воспитанника, наѣвшись своей обыкновенной пищи, начали играть другъ съ другомъ, какъ маленькіе щенки. Они схватывали одинъ другого своими клювами или вставали на заднія лапы и щипались. Если одинъ при этомъ падалъ, то другой спокойно смотрѣлъ и дожидался, когда онъ снова поднимется и опять начнетъ игру. Они бѣгали необыкновенно быстро, гоняясь другъ за другомъ. При этомъ ихъ глазки блестѣли, а ушныя отверстія открывались и закрывались необыкновенно быстро. Они могли повертывать глаза совершенно кверху, и тогда, понятно, не могли видѣть, что было прямо передъ ними. Они натыкались на предметы и роняли, опрокидывали легкія вещи. Иногда я щекоталъ или чесалъ ихъ шкурки, и въ отвѣтъ на эту любезность они слегка щипали мой палецъ и играли съ нимъ, какъ маленькіе щенки. Когда на ихъ шкурки попадала вода и смачивала ихъ, то они не только расчесывали волоса, но тщательно чистили ихъ, какъ утка свои перья.

«Они повторяли въ водѣ ту же самую игру, что и на полу, и когда уставали возиться, то вылѣзали вонъ изъ воды на дернъ и начинали расчесываться. Рѣдко оставались они въ водѣ долѣе 15 минутъ. Ночью нѣсколько разъ я слышалъ, какъ они возились и ворчали или мурлыкали; но къ утру оба спали крѣпкимъ сномъ въ своемъ гнѣздѣ. Сперва я думалъ, что утконосъ—животное ночное, но вскорѣ убѣдился, что онъ ведетъ самую неправильную жизнь и просыпается во всякое время дня и ночи. Онъ становится только живѣе и дѣятельнѣе. Онъ предпочитаетъ прохладные темные вечера яркому свѣту полуденному. И это я наблюдалъ не только у маленькихъ, но и у взрослыхъ утконосовъ. Много разъ спали они по цѣлымъ днямъ, а ночью были живы и дѣятельны. Много разъ это было наоборотъ. Часто спалъ одинъ изъ нихъ, тогда какъ другой бѣгалъ и суетился. Много разъ самецъ первый оставлялъ гнѣздо, а самка спала. Когда онъ наѣдался и уставалъ бѣгать, то онъ свертывался клубкомъ и засыпалъ, и тогда наставала очередь самки. Разъ или два они выходили вмѣстѣ. Одинъ разъ вечеромъ самка пискнула, и самецъ тотчасъ же отозвался на этотъ пискъ въ томъ же тонѣ, и самка тотчасъ же побѣжала въ то мѣсто, откуда послышался этотъ зовъ.

«Уморительно и странно было видѣть, какъ эти животныя зѣваютъ или тянутся. Представьте себѣ утку, которая зѣваетъ во всю глотку. Когда же утконосъ тянется, то онъ вытягиваетъ во всю длину свои переднія лапы и расправляетъ на нихъ всю плавательную перепонку.

«Удивляло меня также его стараніе влѣзть на шкапъ или на что-нибудь, прямо стоящее. Затѣмъ я увидѣлъ, что онъ, протиснувшись между стѣной и шкапомъ и согнувъ спину, т. е. напрягши спинные мускулы, крѣпкими когтями быстро карабкался и взлѣзалъ кверху.

«Кормилъ я его хлѣбомъ, намоченнымъ въ водѣ, крутыми яйцами и очень мелко растеребленнымъ мясомъ. Молоко онъ не предпочиталъ водѣ.

«Вскорѣ, по моемъ пріѣздѣ въ Сидней, къ великому моему сожалѣнію, звѣрьки мои начали худѣть, и ихъ шкурки потеряли красивый, блестящій видъ. Они ѣли меньше, но бѣгали такъ же бодро по комнатѣ. Когда же шкурки ихъ смачивались водой, то онѣ не могли такъ же скоро высыхать, какъ прежде, и шерсть на нихъ сваливалась. Вообще ихъ видъ возбуждалъ жалость. 29 января умерла самка, а 2 февраля за ней послѣдовалъ самецъ».

Такимъ образомъ желаніе Беннета—привезти въ Европу живыхъ утконосовъ—осталось неисполненнымъ, и до сихъ поръ никто изъ постоянныхъ жителей Европы не видалъ еще живого орниторинха.

Изъ приведеннаго, прекраснаго описанія нравовъ этого животнаго, оставленнаго намъ этимъ натуралистомъ, мы можемъ вывести заключеніе, что это звѣрь весьма добродушный, несмотря на его неуклюжую «валькообразную» (какъ говорятъ нѣмцы) фигуру. Онъ очень изворотливъ, гибокъ. Онъ можетъ свертываться въ клубокъ и бѣгаетъ довольно бойко по полу. Его нельзя причислить ни къ ночнымъ, ни къ дневнымъ животнымъ, ибо онъ такъ же живъ и суетливъ, какъ днемъ, такъ и ночью, и только въ сумеркахъ онъ становится немного болѣе оживленнымъ. Маленькіе его такъ же бойки, игривы, какъ и дѣтеныши всѣхъ животныхъ. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ полуводяномъ ново-голландскомъ птицѣ-звѣрѣ гораздо больше сторонъ симпатичныхъ, чѣмъ непріятныхъ или отталкивающихъ. Онъ безобиденъ, какъ утка. Его желанія и стремленія весьма ограничены. Его ума и сообразительности вполнѣ хватаетъ для постройки довольно сложнаго гнѣзда и на его робкую, полуводяную жизнь въ тихихъ, спокойныхъ уголкахъ Новой Голландіи.

2. Ехидна.

Орниторинхъ водится въ низменныхъ мѣстностяхъ Новой Голландіи. Ехидна — другой птицезвѣрь, напротивъ, гнѣздится въ возвышенныхъ, сухихъ мѣстахъ. Въ ущельяхъ горъ и въ лѣсахъ. Онъ устраиваетъ свое жилище подъ корнями большихъ деревьевъ, въ такой трущобѣ, что къ нему, пожалуй, нельзя и добраться, а если и доберешься, то вытащить его изъ того мѣста, куда онъ залѣзъ, весьма не легко.

Представьте себѣ звѣрька, немного больше нашего лѣсного ежа, но такого же неуклюжаго звѣрька, сплошь покрытаго толстыми иглами, плотно прилегшими къ его тѣлу, иглами острыми, которыя легко вонзаются въ каждый предметъ, а если этотъ звѣрекъ залѣзетъ въ какую-нибудь нору или трущобу, то вытащить его изъ этой трущобы крайне трудно.

При первомъ взглядѣ на него, онъ удивительно напоминаетъ нашего ежа: Такая же фигура, на короткихъ, неуклюжихъ лапахъ. Такъ же обросъ весь иглами, такъ же свертывается въ колючій клубокъ. Только цвѣтъ иголъ и всего тѣла другой; да на лбу нѣтъ характернаго для нашего ежа колючаго хохла, придающаго угрюмую физіономію всей его фигурѣ. Шерсть нашего ежа сѣрая, у ехидны же она красноватая или коричневая, а иглы черныя или желтовато-бѣлыя и изжелта бѣлыя, а концы ихъ черные, смотря по породѣ.

Голова ехидны покрыта жесткими волосами, почти щетинами, маленькіе, бѣлесоватые глазки смотрятъ бойко и зло; а рыльце вытянуто въ короткій и не широкій (какъ у утконоса) клювъ. Впрочемъ, этотъ клювъ обтянутъ мягкою кожею. Взглянувши на переднія лапы этого звѣрька, вы сразу понимаете, что онѣ устроены для рытья норъ. Короткіе пальцы ихъ вооружены пятью толстыми, здоровенными, тупыми когтями. Для той же цѣли устроены и заднія лапы съ кривыми и криво поставленными когтями, такъ что ехидну можно съ полной справедливостью назвать косолапой. Но этими косо-поставленными лапами она отлично выбрасываетъ землю, когда вырываетъ нору.

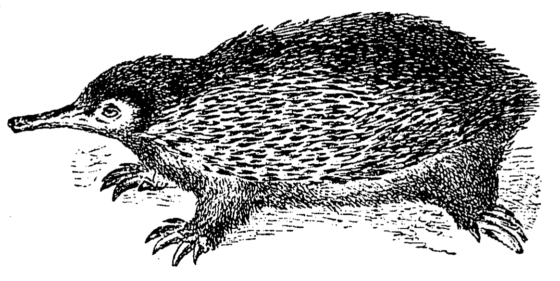
Достаточно поставить рядомъ обоихъ птицезвѣрей и

сравнить ихъ, чтобы отдать полное преимущество утконосу. Въ его фигурѣ есть что-то живое, открытое, въ его взглядѣ есть что-то наивное и доброе. Переведите вашъ взглядъ на ехидну, и вы сразу почувствуете непріятное впечатлѣніе. Въ ехиднѣ чувствуешь что-то недоброе, хотя, въ сущности, это совершенно невинный звѣрекъ, немного болѣе глупый и угрюмый, чѣмъ утконосъ. Но какъ-то непривѣтливо и тупо смотрятъ его бѣлесоватые глазки и вытянутый клювъ.

Въ этомъ клювѣ, съ маленькимъ ртомъ на концѣ, скрывается длинный, мясистый языкъ. Ехидна своими лапами быстро разрываетъ муравейники и погружаетъ въ нихъ свой липкій языкъ, къ которому тотчасъ же пристаютъ муравьи, и она немедля втягиваетъ ихъ въ ротъ. Муравьи—это главная, почти исключительная ея пища.

Понятно теперь, почему ехидна не водится въ низменныхъ мѣстахъ и не ищетъ озеръ и рѣчекъ. Они ей совершенно не нужны. Она сухой звѣрь, и вода, вѣроятно, производитъ непріятное ощущеніе на ея иглистой кожѣ...

Ехидна—это сухой звѣрь, не любящій воды. Въ Тасманіи, гдѣ водится одинъ изъ ея видовъ,—этотъ звѣрекъ поднимается на 1000 метровъ надъ уровнемъ моря и гнѣздится въ сухихъ лѣсахъ, съ песчаной почвой, гдѣ вырываетъ норы подъ переплетающимися корнями деревъ. Въ этой норѣ она проводитъ почти весь день. Съ наступленіемъ сумерекъ, выходитъ и отправляется на поиски за пищей. Она обнюхиваетъ, фыркая, каждый комокъ земли. Издалека слышится острый муравьиный запахъ, и почти прямо, переваливаясь, какъ ёжъ, направляется она къ нему Въ одну минуту разрываетъ муравейникъ и объѣдается муравьями, которые совершенно беззащитны. Изъ норы вытащить ехидну положительно невозможно. Всѣ ея толстыя, острыя иглы впиваются въ землю, такъ что она составляетъ какъ бы нѣчто цѣлое съ этимъ звѣрькомъ. Походка ея медленна и неуклюжа. Но роетъ она землю изумительно быстро. На глазахъ у человѣка она можетъ исчезнуть, какъ бы провалиться сквозь песчаную землю. Муравьи составляютъ ея главную, но не исключительную пищу. Она поѣдаетъ крабовъ, червей и разныхъ насѣкомыхъ. Подобно всѣмъ муравьѣднымъ животнымъ, она вмѣстѣ съ муравьями проглатываетъ всегда много песку, мелкихъ камешковъ и деревянныхъ кусочковъ, которые поступаютъ вмѣстѣ съ муравьями въ ея желудокъ и, вѣроятно, служатъ для механическаго перетиранія пищи.

Ехидна.

Когда на ехидну нападаетъ какое-нибудь животное или человѣкъ, то она быстро свертывается клубкомъ, и тогда ее нельзя схватить, потому что со всѣхъ сторонъ торчатъ ея острыя иглы и съ рѣзкой болью вонзаются въ руку. Еще труднѣе ее вытащить, когда она забьется въ какую-нибудь тѣсную нору и упрется въ ея стѣнки всѣми своими толстыми крѣпкими иглами.

Въ ехиднѣ и въ утконосѣ мы видимъ два типа, очень рѣзко отличныхъ другъ отъ друга. Ехидна—животное сухопутное. Съ перваго взгляда она поражаетъ своей непригладной наружностью. Безсмысленно, тупо смотрятъ ея бѣлесоватые глаза, и не внушаетъ ни малѣйшей симпатіи ея угрюмая морда. Въ ней все жестко, колюче, грубо. Ежъ—этотъ угрюмый бирюкъ нашихъ лѣсовъ—смотритъ гораздо живѣе и веселѣе. Тонкія иглы его легко ломаются. Его можно довольно легко вытащить изъ всякой трущобы. Притомъ совершенно необычное, вытянутое рыло ехидны смотритъ какъ-то странно и зловѣще. Не даромъ ея пугались, да и до сихъ поръ боятся всѣ туземцы, а натуралисты до сихъ поръ не рѣшили: для какой цѣли служатъ ей такіе же полые трубкообразные шипы, какъ у орниторинха, сидящіе на ея заднихъ ногахъ?

Еще труднѣе рѣшить вопросъ: откуда могъ выйти такой странный типъ, какъ ехидна? При томъ въ ней мы встрѣчаемъ не одинъ типъ. Она распространена шире, чѣмъ утконосъ. Она встрѣчается и въ Новой Голландіи, и въ Новой Гвинеѣ, и на другихъ островахъ австралійскаго архипелага. Она попадается въ различныхъ варіантахъ, которые одними натуралистами считаются за разновидности, другими же—за различные виды. Разумѣется, любители новыхъ видовъ, будутъ твердо отстаивать эти виды, такъ какъ продажа ихъ соединена съ выгодой ихъ кармановъ, но безстрастный, объективный натуралистъ легко понимаетъ, что поставить рядомъ какой-нибудь варіантъ ехидны и такой типъ, какъ утконосъ—невозможно.

Многіе натуралисты видятъ во всѣхъ двуутробкахъ, а за нимъ и въ птицезвѣряхъ не основные, первоначальные типы, а типы ретроградные, потерявшіе многое изъ ихъ первоначальной сложной организаціи. Но такой взглядъ требуетъ для своего подтвержденія еще очень много недостающихъ фактовъ. Въ природѣ такъ же силенъ элементъ ретроградный, какъ и прогрессивный. Она легко создаетъ и уничтожаетъ созданное. Она вѣчно стремится, волнуется, творитъ, созидаетъ и разрушаетъ. Она вѣчно дѣятельна, и эта дѣятельность непрестанная какъ бы удовлетворяетъ ее. Но, вглядѣвшись въ конечный результатъ этой дѣятельности, мы увидимъ, что на вершинѣ ея всегда стоитъ что-нибудь доброе — доброе по его намѣреніямъ, доброе по тому пути, на которомъ оно стоитъ, и по тѣмъ средствамъ, которыя даны ему для послѣдовательнаго прогрессивнаго движенія. Рядомъ съ шагами, отклоняющимися на ложный злой путь — идутъ тропинки, ведущія къ доброй и сложной вершинѣ.

Въ ехиднѣ мы видимъ типъ, выработанный для борьбы съ окружающей обстановкой. Она ищетъ не мягкихъ удобствъ жизни,—но жизни суровой, въ тяжелыхъ жизненныхъ условіяхъ. Она вооружена для этой цѣли толстыми и острыми иглами. Она прячется въ непроходимыхъ трущобахъ, въ сухой песчанистой почвѣ. Она избѣгаетъ воды, въ которой такъ пріятно, прохладно сидѣть въ жаркій, жгучій полдень. Тѣло ея—сравнительно съ тѣломъ орниторинха—все жесткое, твердое. Когда вы берете орниторинха въ руки, то вы чувствуете, что все его тѣло *flasque*,—какъ говорятъ французы. Оно какъ бы выскользываетъ изъ своей шкурки, какъ бы запрятано въ нее, точно въ какой-нибудь мѣшокъ. Притомъ эта самая шкурка, мягкая, пушистая,—такъ пріятно щекочетъ вамъ руки, какъ будто проситъ погладить ее. Можетъ-быть эти нѣжныя и нѣжащія условія отразились не только на наружности, но и на психическомъ складѣ орниторинха. Это добродушный, игривый звѣрекъ, дѣтки котораго борятся, какъ маленькіе щенки, играютъ и тѣшатся ихъ милыми, наивными играми.

Въ птицезвѣряхъ природа какъ бы показала намъ двѣ стороны жизни: одну блаженную, радостную, проходящую въ играхъ и весельѣ; другую—суровую, тяжелую, полную строгаго серьезнаго труда и граничащую съ аскетизмомъ. Тѣ и другія условія къ вашимъ услугамъ. Выбирайте любую дорогу. Но человѣкъ ищетъ третью — смѣшанную дорогу, на которой тяжелый упорный трудъ не ложился бы горькой жизнью на сердце, гдѣ бы сердце всегда билось легко и радостно въ жизнерадостномъ настроеніи, и гдѣ прежде всего и больше всего было бы свободы; гдѣ не стѣсняла бы его та тѣснота жизни, которую приходится преодолѣвать ехиднѣ, вырывая норы

въ непроходимыхъ ущельяхъ, да не развращала бы та ласка и нѣга жизни, которой окруженъ утконосъ подъ теплыми лучами ласковаго солнца Новой Голландіи.

Мы кончили нашъ художественный этическій обзоръ всѣхъ, такъ называемыхъ, млекопитающихъ животныхъ. Намъ остается только резюмировать и вывести общіе итоги.

Во-первыхъ, мы должны признать за непреложную истину, что мы сами составляемъ только часть, и притомъ небольшую, всего этого великаго круга, который мы называемъ «царствомъ животныхъ». Тѣ же явленія, тѣ же законы, которые проявляются внутри насъ, тѣ же самые дѣйствуютъ и внѣ насъ.

Во-вторыхъ, мы должны признать, что ничто не создавалось вдругъ. На все созданіе пошла опредѣленная часть времени.

Въ-третьихъ, мы должны принять, что все мірозданіе, съ небольшимъ включеннымъ въ него отдѣломъ царства животныхъ, не явилось вдругъ, а развивалось постепенно, послѣдовательно. Развивалось и развивается до сихъ поръ по законамъ, которые управляютъ этимъ великимъ «Всѣмъ», которое мы зовемъ мірозданіемъ или природой. Всѣ явленія физическія и этическія подчиняются этимъ законамъ, управляются ими.

Мы должны знать и помнить, что каждый законъ есть только часть законовъ всего міра, что весь міръ подчиняется имъ, руководится ими, а всѣ эти законы подчинены великой волѣ, премудрости и совершенствованію единаго недремлющаго закона, котораго мы не знаемъ,— но, по обѣщанію той же великой воли — мы убѣждены, что мы найдемъ эту великую разгадку всего существующаго и дѣйствующаго во всемъ громадномъ, безпредѣльномъ мірозданіи.

Мы только теперь узнали, что существуютъ извѣстныя отношенія между явленіями въ атмосферѣ и жизнью луны, что существуютъ въ міровой интерференціи такія же узловыя явленія или законы, какіе мы видимъ въ явленіяхъ свѣтовой интерференціи.

Мы теперь знаемъ и видимъ, что эти явленія идутъ волнами, и что предыдущая волна можетъ совпадать или не совпадать съ послѣдующей. То же, что мы видимъ въ этихъ законахъ интерференціи,—то же совершается и во всѣхъ другихъ, повинующихся одной силѣ могучей, руководящей и охраняющей все живое, временное или вѣчное.

Знаменитый французскій зоологъ Кювье представлялъ себѣ всю удивительную цѣльность мірозданія, какъ что-то великое, связанное въ *единое гармоническое цѣлое*. Современному человѣку предстоитъ теперь разобрать это великое по частямъ и отъ извѣстнаго идти постепенно и послѣдовательно къ неизвѣстному.

Этимъ путемъ все неизвѣстное, тайное сдѣлается явнымъ рано или поздно и вскроется передъ нами.

Мы теперь какъ будто стоимъ на рубежѣ неизвѣстнаго, тайнаго и великаго, мы стремимся войти въ этотъ кругъ и узнать то, что было скрыто отъ насъ во тьмѣ вѣковъ и въ безграничности пространства.

